

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
КОНГРЕСС ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

при поддержке Министерства иностранных дел Российской Федерации

ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР

СИСТЕМНЫЕ СДВИГИ, ВЫЗОВЫ И КОНТУРЫ БУДУЩЕГО

XVII Международные Лихачевские научные чтения
18–20 мая 2017 года

Данные Чтения (первоначальное наименование — «Дни науки в СПбГУП») — двадцать пятые по счету и семнадцатые — в статусе Международных Лихачевских научных чтений

Чтения проводятся в соответствии с Указом Президента РФ В. В. ПУТИНА «Об увековечении памяти Дмитрия Сергеевича ЛИХАЧЕВА» № 587 от 23 мая 2001 г.

В 2017 году при реализации социально значимого проекта «XVII Международные Лихачевские научные чтения» используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента РФ от 5 апреля 2016 г. № 68-рп и на основании конкурса, проведенного Общероссийской общественной организацией «Российский союз ректоров»

Санкт-Петербург
2017

Научный редактор материалов пленарного заседания, панельных дискуссий и 1-й секции

А. С. Запесоцкий, председатель Оргкомитета Чтений, ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции

Научные редакторы материалов секций:

2-я секция — **А. П. Марков**, профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ

3-я секция — **Л. А. Пасешикова**, первый проректор СПбГУП, куратор юридического факультета, профессор кафедры отраслей права, кандидат юридических наук

Рекомендовано к публикации
редакционно-издательским советом СПбГУП

Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего : XVII Международные Лихачевские научные чтения, 18–20 мая 2017 г. — СПб. : СПбГУП, 2017. — 592 с., ил.

ISBN 978-5-7621-0925-3

В сборнике опубликованы материалы пленарного заседания, панельных дискуссий и секций XVII Международных Лихачевских научных чтений, состоявшихся 18–20 мая 2017 года в СПбГУП в соответствии с Указом Президента РФ В. В. Путина «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева». В XVII Чтениях приняли участие представители свыше 20 стран.

Среди 189 авторов сборника — выдающиеся отечественные ученые, члены Российской академии наук: Ал. А. Громыко, А. А. Гусейнов, А. С. Запесоцкий, В. Л. Квинт, Г. Б. Клейнер, В. А. Лекторский, А. Г. Лисицын-Светланов, В. Л. Макаров, В. В. Миронов, А. Д. Некипелов, Р. И. Нигматулин, В. С. Степин, Ж. Т. Тошенко, В. А. Черешнев и др.; руководители академических институтов и научно-исследовательских центров, представители высших учебных заведений, руководители СМИ, известные государственные и общественные деятели: председатель ФНИРП М. В. Шамаков, председатель Комитета Совета Федерации РФ по международным делам К. И. Косачев, судья Конституционного Суда РФ Г. А. Гаджиев, зам. министра иностранных дел РФ Г. М. Гатилов, директор Департамента международных организаций МИД РФ А. А. Панкин, заместитель полномочного представителя Президента РФ в Северо-Западном федеральном округе В. А. Севриков, Посол РФ в Великобритании А. В. Яковенко, первый заместитель генерального директора Информационного агентства России «ТАСС» М. С. Гусман, вице-президент Федеральной палаты адвокатов Г. М. Резник, генеральный директор Института экономических стратегий РАН А. И. Агеев, председатель Комитета по науке и высшей школе Администрации Санкт-Петербурга А. С. Максимов, декан Высшей школы телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова В. Т. Третьяков и др.

Среди иностранных авторов сборника — Президент Киргизии (1990–2005) академик А. А. Акаев, министр Турции по связям с Евросоюзом (2001–2013) Э. Багис, министр образования Польши (1996–1997) Е. Й. Вятр, министр иностранных дел Сенегала (2000–2009) Ш. Т. Гадио, вице-премьер, министр финансов Польши (1994–1997, 2002–2003) академик Г. В. Колодко, министр иностранных дел Испании (2004–2010) М. А. Моратинос, Посол Испании в РФ (2008–2011) Х. А. Марк; члены зарубежных академий наук: Э. Агацци (Италия), А. Н. Данилов (Беларусь), В. Проданов (Болгария), П. П. Толочко (Украина); профессора: С. Б. Байзаков (Казахстан), А. Беблер (Словения), Л. К. Брессер-Перейра (Бразилия), Ч. Варга (Венгрия), П. Дуткевич (Канада), В. Ингимундарсон (Исландия), Г. Кёхлер (Австрия), Р. Мэтьюз (Великобритания), В. В. Попов (Канада), В. И. Россман и Б. Дж. Силвер (США), Т. Тюркер (Турция), Я. А. Шолте (Швеция) и др.

Роль Лихачевских чтений высоко оценивает Президент Российской Федерации В. В. Путин, отмечая в своем приветствии, что «организаторы и участники Чтений сохраняют сложившиеся традиции, уделяют самое серьезное внимание важным, стержневым проблемам развития цивилизации и диалога культур».

ББК 72

**УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
«ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ ПАМЯТИ
Д. С. ЛИХАЧЕВА»**

Отмечая выдающийся вклад Дмитрия Сергеевича Лихачева в развитие отечественной науки и культуры, постановляю:

1. Правительству Российской Федерации:

учредить начиная с 2001 года две персональные стипендии имени Д. С. Лихачева в размере 400 рублей каждая для студентов высших учебных заведений Российской Федерации и определить порядок их назначения;

совместно с Правительством Санкт-Петербурга осуществить разработку на конкурсной основе проекта надгробия на могиле Д. С. Лихачева;

совместно с Российской академией наук рассмотреть вопрос о создании фильма, посвященного жизни и деятельности Д. С. Лихачева.

2. Рекомендовать Правительству Санкт-Петербурга:

присвоить имя Дмитрия Сергеевича Лихачева одной из улиц Санкт-Петербурга;

рассмотреть вопрос об установке на здании Института русской литературы Российской академии наук (Пушкинского Дома) памятной доски;

обеспечить в установленном порядке проведение работ по установке надгробия на могиле Д. С. Лихачева.

3. Принять предложения Российской академии наук об учреждении премии Российской академии наук имени Д. С. Лихачева для российских и зарубежных ученых за выдающийся вклад в исследование литературы и культуры Древней Руси, а также об издании собрания научных трудов Д. С. Лихачева.

4. **Одобрить инициативу Конгресса петербургской интеллигенции о проведении ежегодно Международных Лихачевских научных чтений, приуроченных к Дню славянской письменности и культуры.**

**Президент Российской Федерации
ВЛАДИМИР ПУТИН**

Москва, Кремль, 23 мая 2001 года

ПРИВЕТСТВИЯ В. В. ПУТИНА УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ

Уважаемые друзья!

Приветствую вас по случаю открытия XVII Международных Лихачевских научных чтений. Ваши встречи давно уже стали значимым, ожидаемым событием в общественной жизни Санкт-Петербурга и всей страны. Отраднo, что все эти годы организаторы и участники Чтений сохраняют сложившиеся традиции, уделяют самое серьезное внимание важным, стержневым проблемам развития цивилизации и диалога культур. Следуют заветам великого гуманиста и просветителя Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Уверен, что и нынешний форум пройдет в творческом, созидательном ключе, запомнится интересными, продуктивными дискуссиями, неформальной и по-настоящему дружеской атмосферой.

Желаю вам успехов.

Президент Российской Федерации
В. ПУТИН
18 мая 2017 года

Уважаемые друзья!

Приветствую вас по случаю открытия Международных Лихачевских научных чтений, которые на протяжении многих лет проходят в нашей Северной столице.

Ваш авторитетный форум, собирающий элиту российской и мировой интеллигенции, видных ученых и деятелей культуры, стал по-настоящему большим событием и замечательной традицией в общественной, духовной жизни страны. Важно, что в повестке встреч — всегда наиболее актуальные гуманитарные, цивилизационные проблемы, имеющие исключительное значение для настоящего и будущего России.

Сегодня вам предстоит обсудить такую фундаментальную тему, как «Современные глобальные вызовы и национальные интересы», обменяться опытом, подвести итоги совместных проектов. Уверен, предложения и рекомендации, выработанные в ходе Чтений, послужат бережному сохранению отечественного культурного наследия, делу развития гуманистических идей Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Желаю вам плодотворных, взаимопользных дискуссий, успехов и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации
В. ПУТИН
16 мая 2016 года

Уважаемые друзья!

Рад приветствовать вас в Санкт-Петербурге и поздравить с открытием XII Лихачевских чтений.

Ваш форум — это значимое событие в общественной жизни России и целого ряда зарубежных стран. Он традиционно собирает представителей научной и творческой интеллигенции, авторитетных экспертов.

В эпоху глобализации вопросы расширения диалога культур, предотвращения конфликтов на этноконфессиональной почве приобретают особое значение, убедительно свидетельствуют, что гуманистические идеи академика Д. С. Лихачева, выдающегося российского просветителя и общественного деятеля, актуальны и в наши дни.

Уверен, что предложения и рекомендации, выработанные в ходе вашей встречи, будут востребованы на практике.

Желаю вам новых успехов и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации
В. ПУТИН
17 мая 2012 года

Уважаемые друзья!

Приветствую участников, организаторов и гостей XI Международных Лихачевских чтений! Ваш форум, по традиции собирающий в Санкт-Петербурге цвет российской интеллигенции, видных ученых и общественных деятелей из других стран, — неординарное, заметное событие в международной научной и культурной жизни. Важно, что тематика Чтений неизменно отражает актуальные и наиболее острые гуманитарные проблемы, главные из которых — развитие диалога культур и цивилизаций в современном мире, укрепление духовно-нравственных основ общества. И, конечно, в числе ваших приоритетных задач — сохранение бесценного наследия Дмитрия Сергеевича Лихачева, которое с годами не утратило своей значимости и актуальности.

Желаю вам плодотворных и конструктивных дискуссий, интересных и полезных встреч.

Председатель Правительства Российской Федерации

В. ПУТИН

5 мая 2011 года

Уважаемые друзья!

Рад приветствовать вас в Санкт-Петербурге на юбилейных X Международных Лихачевских научных чтениях.

Ваш авторитетный форум неизменно отличается солидным составом участников, содержательной и насыщенной работой, широкой палитрой обсуждаемых вопросов.

Уверен, что и сегодняшняя встреча, посвященная диалогу культур и партнерству цивилизаций, станет еще одним важным шагом в развитии межконфессионального и международного общения, послужит сближению народов. И, конечно, вновь соберет целую плеяду известных людей — ученых, общественных деятелей, представителей творческой интеллигенции — всех, кому близки взгляды и идеи Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Желаю вам успехов и всего самого доброго.

Председатель Правительства Российской Федерации

В. ПУТИН

11 мая 2010 года

Приветствую организаторов, участников и гостей VIII Международных Лихачевских научных чтений.

Проведение вашего научного форума стало важной и доброй традицией и помогает не только лучше осознать значимость гуманистических идей Дмитрия Сергеевича Лихачева, его творческого наследия, но и понять актуальные вопросы современности.

Поэтому сегодня в повестке дня конференции такие важные для всех темы, как «Личность и общество в поликультурном мире», «Экономика и право в контексте партнерства цивилизаций», «Средства массовой информации в системе формирования картины мира», «Высшее образование: проблемы развития в контексте глобализации» и другие.

Уверен, что заинтересованное обсуждение, содержательные и конструктивные дискуссии в рамках Чтений послужат развитию гуманитарных наук, укреплению духовно-нравственных основ общества.

Желаю организаторам, участникам и гостям форума плодотворной работы и всего самого доброго.

Председатель Правительства Российской Федерации

В. ПУТИН

22 мая 2008 года

Приветствую организаторов, участников и гостей VI Международных Лихачевских научных чтений.

На протяжении ряда лет ваш форум выполняет ответственную, благородную миссию сохранения, изучения и популяризации трудов Дмитрия Сергеевича Лихачева. Чтения стали признанной, авторитетной площадкой для содержательных и конструктивных дискуссий, для серьезного разговора по важнейшим вопросам современности. Творческое и идейное наследие Дмитрия Сергеевича Лихачева — неотъемлемая часть отечественной научной мысли, мирового научного наследия в целом. И потому 100-летний юбилей этого выдающегося ученого, гуманиста, патриота и гражданина так широко отмечается не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Желаю организаторам, участникам и гостям Чтений плодотворной работы, успехов и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации
В. ПУТИН
25 мая 2006 года

Приветствую организаторов, гостей и участников Международных Лихачевских научных чтений.

По традиции они объединили авторитетных представителей интеллигенции, видных ученых и деятелей культуры. Отрадно, что конференция приобретает все более широкий международный резонанс, а ее повестка наполняется значимыми и актуальными вопросами современности. В этом году вам предстоит обсудить такую фундаментальную проблему, как влияние образования на гуманизацию общества.

Проведение форума — это и дань памяти Дмитрию Сергеевичу Лихачеву, выдающемуся ученому, патриоту и гражданину. Его идейное наследие, труды, посвященные духовному развитию личности и нравственному воспитанию молодых поколений, имеют непреходящее значение. Желаю вам плодотворной работы и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации
В. ПУТИН
20 мая 2004 года

Приветствую участников Международной научно-практической конференции «Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева».

Ваша конференция собрала элиту отечественной и мировой науки и культуры, видных общественных деятелей на ответственный разговор о научном и духовно-нравственном наследии выдающегося российского ученого, академика Дмитрия Сергеевича Лихачева. Верю, у него есть и будут достойные преемники, которые смогут развить его гуманные идеи и воплотить их в жизнь при созидании общечеловеческого дома в XXI веке.

Надеюсь, Лихачевские чтения в Санкт-Петербурге станут со временем важной традицией интеллектуальной жизни России.

Желаю вам, духовным наследникам Д. С. Лихачева, успешной плодотворной работы и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации
В. ПУТИН
21 мая 2001 года

ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ XVII МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ

Участникам и гостям XVII Международных Лихачевских научных чтений

Уважаемые друзья!

Приветствую всех, кто собрался сегодня в Санкт-Петербурге на Международных Лихачевских научных чтениях.

Среди вас — известные философы и литераторы, политики и общественные деятели, священнослужители и педагоги, которых объединяют идеи Дмитрия Сергеевича Лихачева. Выдающийся мыслитель, он оставил богатейшее творческое наследие. Его фундаментальные труды никогда не потеряют своей актуальности, ведь в них — размышления не столько известного академика, сколько искреннего, неравнодушного человека. Размышления о будущем человечества, о дальнейшем развитии нашей цивилизации.

Д. С. Лихачев на первое место всегда ставил культуру, которая, по его словам, «представляет главный смысл и главную ценность существования как отдельных народов и малых этносов, так и государств. Вне культуры самостоятельное существование их лишается смысла». Поэтому сегодня, в условиях глобальной нестабильности, важно заботиться о сохранении и развитии диалога культур. Нужно укреплять гуманитарное сотрудничество, научные и общественные связи, ярким примером которых служат Международные Лихачевские чтения. Полагаю, что они вновь предоставят вам хорошую возможность обменяться мнениями, поделиться опытом и наметить совместные проекты.

Желаю вам интересных и плодотворных дискуссий, а иностранным участникам — еще и ярких, незабываемых впечатлений от пребывания в Северной столице России.

Председатель Правительства Российской Федерации

Д. А. МЕДВЕДЕВ

Москва, 18 мая 2017 года

Организаторам, участникам и гостям XVII Международных Лихачевских научных чтений

Уважаемые друзья!

Приветствую вас в связи с открытием XVII Международных Лихачевских научных чтений.

Чтения являются важной научно-общественной площадкой, на которой многие годы проходят полезные дискуссии по актуальным гуманитарным проблемам. Предложения и рекомендации, выработанные в ходе Чтений, имеют практическое значение, в том числе для законотворческой деятельности.

Уверен, что обсуждение темы «Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего» пройдет в духе научного творчества и гуманистических идей выдающегося российского ученого Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Важно, что в рамках Чтений на протяжении десяти лет организуется форум старшекласников — победителей ежегодного конкурса, направленного на популяризацию наследия Д. С. Лихачева среди молодого поколения.

Желаю вам успешной и плодотворной работы.

Председатель Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации

В. В. ВОЛОДИН

17 мая 2017 года

Организаторам и участникам XVII Международных Лихачевских научных чтений

Дорогие друзья!

Рад приветствовать в Санкт-Петербурге участников и организаторов Международных Лихачевских научных чтений!

За годы проведения этот представительный форум занял важное место в общественной и культурной жизни нашего города. Его участники обсуждают актуальные проблемы современности, опираясь на богатейшее творческое и научное наследие великого просветителя XX века — академика Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Сегодня весь мир переживает непростые времена. Человечество столкнулось с новыми вызовами, масштабы которых не ограничиваются одной страной или континентом. И в этой ситуации чрезвычайно важно строить планы на будущее, действуя на благо всех национальных культурных систем и соблюдая баланс интересов как отдельных государств, так и всего мирового сообщества.

Уверен, что уроки академика Лихачева станут путеводной звездой для всех, кто стремится к миру, добру и взаимопониманию.

Желаю участникам XVII Международных Лихачевских научных чтений творческого горения, плодотворных дискуссий и новых свершений!

Губернатор Санкт-Петербурга
Г. С. ПОЛТАВЧЕНКО

Организаторам, участникам и гостям XVII Международных Лихачевских научных чтений

Сердечно приветствую организаторов, участников и гостей XVII Международных Лихачевских научных чтений.

Ваши регулярные встречи в Санкт-Петербурге свидетельствуют о настрое научных и экспертных кругов, широкой общественности различных государств активно способствовать поиску оптимальных решений многочисленных проблем современности в интересах поддержания доверия и взаимопонимания между народами. Их неизменно отличают представительный состав участников, насыщенная, разнообразная повестка дня.

Тема нынешнего форума весьма актуальна. В условиях сохранения старых и появления новых кризисов и конфликтов востребовано сопряжение усилий по их преодолению политико-дипломатическим путем на прочной основе международного права. Любые односторонние шаги, попытки навязывать другим свою волю, ценности, модели развития, наоборот, усугубляют и без того турбулентную ситуацию в мире.

Последовательно исходим из того, что обеспечение поступательного развития и процветания всего человечества невозможно без подлинной демократизации международной жизни, налаживания взаимоуважительного межкультурного и межцивилизационного партнерства. Россия продолжит работать над упрочением здоровых начал в мировых делах, в целом над формированием устойчивой полицентричной системы мироустройства, отвечающей требованиям времени.

Желаю вам интересных обсуждений и всего самого доброго.

Министр иностранных дел Российской Федерации
С. В. ЛАВРОВ
Москва, 18 мая 2017 года

Организаторам и участникам XVII Международных Лихачевских научных чтений

Уважаемые друзья!

Искренне рад возможности обратиться со словами приветствия к организаторам и участникам XVII Международных Лихачевских чтений!

Дмитрий Сергеевич Лихачев — один из лучших умов XX века, яркий символ не только отечественной, но и мировой культуры, подлинный нравственный ориентир для нынеш-

него и будущих поколений. Он обладал непререкаемым научным авторитетом и глубочайшей интеллигентностью, которые оставили незабываемый след в памяти тех, кому выпало лично общаться с Дмитрием Сергеевичем.

Отмечу, что Лихачевские научные чтения, неизменно проходящие в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов, год из года объединяют выдающихся представителей российской и мировой научной мысли. Этот видный форум достойно служит делу сохранения нашего культурного наследия, на протяжении вот уже многих лет предлагая новые пути продвижения и развития российской культуры.

От всего сердца желаю вам дальнейших творческих достижений в благородном деле служения российской культуре!

Министр культуры Российской Федерации
В. Р. МЕДИНСКИЙ

Ректору СПбГУП, организаторам и участникам XVII Международных Лихачевских научных чтений

Уважаемый Александр Сергеевич! Уважаемые коллеги!

От Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации и от себя лично сердечно приветствую членов Оргкомитета и участников XVII Международных Лихачевских научных чтений.

Год за годом на площадке Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов выдающиеся ученые, государственные и общественные деятели подтверждают неоспоримую ценность научной мысли — форум собирается уже в семнадцатый раз.

Уникальность открывающихся Чтений в том, что они являются своеобразным инкубатором мыслей, идей и решений, способствующих глубокому и полному пониманию процессов, происходящих в современном мире. Ваша работа помогает успешно двигаться и развиваться, даже несмотря на непростые экономические условия.

Желаю организаторам и участникам научных Чтений успешной и продуктивной работы!

Министр труда и социальной защиты Российской Федерации
М. А. ТОПИЛИН

Организаторам, участникам и гостям XVII Международных Лихачевских научных чтений

От имени Российской академии наук приветствую участников и гостей XVII Международных Лихачевских научных чтений!

За прошедшие годы Лихачевские чтения стали признанной и важной площадкой для научных дискуссий по ключевым проблемам современности. Сегодня в центре внимания вашего научного форума такие важные для всех темы, как «Контурь мирового порядка в XXI веке», «Кризис цивилизации: будущее человека и человечества», «Экономика и право: системные сдвиги, вызовы и контурь будущего». Осмысление стержневых тенденций глобального развития на основе творческого наследия Д. С. Лихачева и его гуманистических идей будет способствовать поиску эффективных ответов на общие для всех вызовы. Лихачевские чтения неизменно вызывают интерес отечественных и зарубежных ученых, государственных и общественных деятелей, объединенных пониманием системных сдвигов, которые произошли в глобальном мире, стремящихся определить контурь будущего.

Желаю всем участникам научного форума плодотворных научных дискуссий, личных и профессиональных достижений.

И. о. Президента Российской академии наук, академик
В. В. КОЗЛОВ

Организаторам и участникам XVII Международных Лихачевских научных чтений

От имени Федерации независимых профсоюзов России приветствую организаторов и участников XVII Международных Лихачевских научных чтений.

В семнадцатый раз в стенах Университета собирается элита отечественной и мировой гуманитарной науки и культуры, демонстрируя важность конструктивного диалога, способствующего осмыслению происходящих в мире кардинальных перемен, формирующего уникальную духовную среду общения. Перед деятелями культуры и науки стоят задачи — развивать диалог культур и цивилизаций в глобальном мире, определить место России в контексте геополитических вызовов эпохи. Творческая атмосфера, царящая на Международных Лихачевских научных чтениях, способствует поиску ответов на актуальные вопросы, волнующие международное сообщество.

Трудно переоценить значение вашего форума, который посвящен столь актуальной проблеме, близкой российским профсоюзам. Выступая за развитие и поддержку прав трудящихся, достойных социальных стандартов жизни, российские профсоюзы неизменно следуют принципам международной солидарности, укрепляют взаимное сотрудничество и сплоченность.

Желаю организаторам и участникам Чтений плодотворной работы, хорошего настроения и творческих успехов!

Председатель Федерации независимых профсоюзов России
М. В. ШМАКОВ

Организаторам, участникам и гостям XVII Международных Лихачевских научных чтений

Уже 22 года в Санкт-Петербурге успешно проводятся ежегодные Международные Лихачевские научные чтения, служащие укреплению глобального сотрудничества в научной сфере. Форум организован в знак признательности великому российскому ученому, академику Дмитрию Сергеевичу Лихачеву за его неоценимое многогранное наследие.

В своей научной деятельности академик Лихачев отличался новаторскими взглядами и независимостью суждений. Он рассматривал науку как средство достижения гармонии между культурой и природой. Сегодня его идеи и ценности стали еще актуальнее. Наука, культура и инновации лежат в основе Программы развития ООН–2030, в частности Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года и Парижского соглашения по климату. Мы должны поддерживать и развивать любой источник инноваций и творчества, чтобы проложить более надежный и справедливый путь к будущему по многим направлениям. Это видение перекликается с задачей ЮНЕСКО по укреплению сотрудничества в научной сфере и оптимальному использованию важнейшего достижения человечества — возобновляемых источников энергии.

XVII Международные Лихачевские научные чтения, проходящие в этом году, являются идеальной платформой для обмена мнениями и обсуждения принимаемых решений, вдохновляют молодежь на то, чтобы посвятить свою профессиональную жизнь науке. Особенно это важно для женщин, чьи способности и творческий труд могут значительно повысить научный потенциал человечества. Я хочу выразить благодарность Санкт-Петербургскому Гуманитарному университету профсоюзов за эту деятельность и призываю всех партнеров и правительства прикладывать максимально возможные усилия для поддержки, развития и реализации всей силы и влияния науки в целях построения гармоничного и безопасно-го будущего на всей планете.

Генеральный директор ЮНЕСКО
И. БОКОВА
18 мая 2017 года

О МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЯХ

Справка

Международные научные чтения в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов впервые состоялись в мае 1993 года и были приурочены к Дням славянской письменности и культуры. В числе их инициаторов был академик Дмитрий Сергеевич Лихачев. С тех пор Чтения проводятся каждый год. После ухода из жизни академика Лихачева данный научный форум получил государственный статус Международных Лихачевских научных чтений (Указ Президента РФ В. В. Путина «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева» № 587 от 23 мая 2001 г.).

Соучредителями Чтений являются Российская академия наук, СПбГУП, Конгресс петербургской интеллигенции (учредители Ж. И. Алферов, Д. А. Гранин, А. С. Запесоцкий, К. Ю. Лавров, Д. С. Лихачев, А. П. Петров, М. Б. Пиотровский). С 2007 года Чтения проходят при поддержке Министерства иностранных дел России, в 2013-м — и при поддержке Европейской академии наук и искусств (Зальцбург).

В повестку дня Чтений по традиции включаются наиболее универсальные дискуссионные проблемы современности: «Образование в условиях формирования нового типа культуры», «Культура и глобальные вызовы мирового развития», «Гуманитарные проблемы современной цивилизации», «Диалог культур в условиях глобализации», «Современные глобальные вызовы и национальные интересы», «Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего» и др.

Ежегодно на Чтения съезжаются крупнейшие деятели российской и зарубежной науки, культуры и искусства, общественные и политические лидеры. В разные годы в Чтениях участвовали академики и члены-корреспонденты РАН: Л. И. Абалкин, Г. А. Арбатов, Н. П. Бехтерева, О. Т. Богомолов, В. Н. Большаков, Ю. С. Васильев, С. Ю. Глазьев, М. К. Горшков, Р. С. Гринберг, Ан. А. Громько, А. А. Гусейнов, А. В. Дмитриев, Т. И. Заславская, М. П. Кирпичников, М. И. Клеандров, Г. Б. Клейнер, А. А. Кокошин, А. Б. Куделин, В. А. Лекторский, А. Г. Лисицын-Светланов, И. И. Лукинов, Д. С. Львов, В. Л. Макаров, В. А. Мартынов, В. В. Миронов, Н. Н. Моисеев, В. В. Наумкин, А. Д. Некипелов, Р. И. Нигматулин, Ю. С. Осипов, А. М. Панченко, Н. Я. Петраков, В. Ф. Петренко, Е. И. Пивовар, М. Б. Пиотровский, Н. А. Платэ, В. М. Полтерович, Е. М. Примаков, Б. В. Раушенбах, Ю. А. Рыжов, Н. Н. Скатов, А. В. Смирнов, В. С. Степин, М. Л. Титаренко, В. А. Тишков, Ж. Т. Тощенко, В. А. Черешнев, А. О. Чубарьян, Н. П. Шмелев, Б. Г. Юдин, В. Л. Янин и др.; академики и члены-корреспонденты РАО: Ш. А. Амонашвили, В. И. Андреев, Г. М. Андреева, А. Г. Асмолов, А. П. Беляева, М. Н. Берулава, И. В. Бестужев-Лада, А. А. Бодалев, Е. В. Бондаревская, Г. А. Бордовский, В. П. Борисенков, Г. Н. Волков, Ю. С. Давыдов, А. В. Даринский, Э. Д. Днепров, С. Ф. Егоров, В. И. Загвязинский, И. А. Зимняя, Ю. П. Зинченко, В. Г. Кинелев, И. С. Кон, А. С. Кондратьев, В. Г. Костомаров, В. В. Краевский, А. А. Лиханов, Г. В. Мухаметзянова, В. С. Мухина, В. А. Мясников, Н. Д. Никандров, А. М. Новиков, О. А. Омаров, А. А. Орлов, Ю. В. Сенько, А. В. Усова, Ю. У. Фохт-Бабушкин, Г. А. Ягодин, В. Миттер (Германия) и др.; общественные и государственные деятели: А. А. Акаев, Ф. А. Асадуллин, Н. С. Бондарь, А. Е. Бусыгин, Г. А. Гаджиев, Г. М. Гатиллов, Ал. А. Громько, М. С. Гусман, А. К. Исаев, С. Л. Катанандов, К. И. Косачев, С. В. Лавров, Е. И. Макаров, Т. А. Мансуров, В. И. Матвиенко, В. В. Миклушевский, А. А. Панкин, В. Н. Плигин, Г. М. Резник, К. О. Ромодановский, А. Л. Сафонов, А. А. Собчак, Е. С. Строев, В. Е. Чуров, М. В. Шамаков, А. В. Яковенко, В. А. Яковлев; деятели культуры и искусства: М. К. Аникушин, Н. В. Буров, А. А. Вознесенский, И. О. Горбачев, Д. А. Гранин, Н. М. Дудинская, З. Я. Корогодский, К. Ю. Лавров, А. П. Петров, М. М. Плисецкая, М. Л. Ростропович, Э. А. Рязанов, Г. В. Свиридов и др.

С 2007 года в рамках Чтений проводится Лихачевский форум старшекласников России, на который собираются победители Всероссийского конкурса творческих работ «Идеи Д. С. Лихачева и современность» со всей России и из-за рубежа.

С 2008 года совместно с МИД России началось осуществление Дипломатической программы Чтений «Международный диалог культур», в которой выступают послы иностранных государств с изложением своих взглядов на важнейшие проблемы нашего времени.

С 2010 года комплекс лихачевских мероприятий дополнен Всероссийской культурно-образовательной программой для старшекласников «Лихачевские уроки в Петербурге».

В 2001, 2004, 2006, 2009–2012, 2016, 2017 годах организаторов и участников Чтений приветствовали Президенты Российской Федерации В. В. Путин и Д. А. Медведев, в 2008, 2010–2017 годах — Председатель Правительства РФ.

Ежегодно по итогам Чтений публикуются сборники докладов и выступлений их участников, тексты секционных дискуссий и круглых столов. Эти материалы хранятся во всех крупных библиотеках России, стран СНГ, научных и образовательных центрах многих государств мира. Материалы Чтений представлены на специальном научном интернет-сайте «Площадь Лихачева» (www.lihachev.ru).

СОДЕРЖАНИЕ

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ «ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ ПАМЯТИ Д. С. ЛИХАЧЕВА»	3
ПРИВЕТСТВИЯ В. В. ПУТИНА УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ	4
ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ XVII МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ	7
О МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЯХ (Справка)	11

Пленарное заседание ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР: СИСТЕМНЫЕ СДВИГИ, ВЫЗОВЫ И КОНТУРЫ БУДУЩЕГО

ДОКЛАДЫ:

Э. АГАШИ , профессор Университета Генуи (Италия), иностранный член РАН, доктор философии СИСТЕМНЫЙ ОБРАЗ МЫСЛИ ДЛЯ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.	24
А. И. АГЕЕВ , генеральный директор Института экономических стратегий РАН, заведующий кафедрой Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ», доктор экономических наук, профессор «РЫСКАНИЕ ПО АТТРАКТОРУ», ИЛИ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ РОССИИ В ЭПОХУ СМЕНЫ ГЕГЕМОНА	26
А. А. АКАЕВ , Президент Киргизской Республики (1990–2005), иностранный член РАН, доктор технических наук, профессор О ПЕРСПЕКТИВАХ СТАНОВЛЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО МНОГОПОЛЯРНОГО МИРОУСТРОЙСТВА НА БАЗЕ ПАРТНЕРСТВА ЦИВИЛИЗАЦИЙ	30
А. БЕБЛЕР , профессор факультета общественных наук Университета Любляны (Словения), доктор политических наук БАЛКАНЫ И ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ	35
Л. К. БРЕССЕР-ПЕРЕЙРА , почетный профессор Фонда Жетулиу Варгаса (Бразилия), экономист, социолог КАК СПРАВИТЬСЯ С «ГОЛЛАНДСКОЙ БОЛЕЗНЬЮ» ВОПРОЕКИ «РЕСУРСНОМУ ПРОКЛЯТИЮ»	41
Ч. ВАРГА , почетный профессор Института правовых исследований Венгерской академии наук, Католического университета им. Петера Пазманя (Будапешт), доктор ГЛОБАЛЬНОЕ БУДУЩЕЕ, СИСТЕМНЫЕ ВЫЗОВЫ (Изменения в профилях права?)	47
Е. Й. ВЯТР , министр образования Польши (1996–1997), депутат Сейма Республики Польша (1991–1997, 2001), доктор социологии, профессор К НОВОМУ МИРОВОМУ ПОРЯДКУ XXI ВЕКА	51
Г. А. ГАДЖИЕВ , судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП О БЕЛЫХ ПЯТНАХ И МИННЫХ ПОЛЯХ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ.	53
Г. М. ГАТИЛОВ , заместитель министра иностранных дел РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол О НЕКОТОРЫХ НОВЫХ ВЫЗОВАХ И УГРОЗАХ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	54
Ал. А. ГРОМЫКО , директор Института Европы РАН, член-корреспондент РАН, председатель Совета профессоров РАН, доктор политических наук, профессор ГЛОБАЛЬНАЯ (НЕ)БЕЗОПАСНОСТЬ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ	59
А. А. ГУСЕЙНОВ , научный руководитель Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП БУДУЩЕЕ БЕЗ БУДУЩЕГО.	63
М. С. ГУСМАН , первый заместитель генерального директора Информационного агентства России «ТАСС», профессор, заслуженный работник культуры РФ ИНФОРМАЦИОННЫЕ АГЕНТСТВА И СОВРЕМЕННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ.	67
А. Н. ДАНИЛОВ , заведующий кафедрой социологии Белорусского государственного университета, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, доктор социологических наук, профессор ГЛОБАЛЬНЫЙ ХАОС В БЕСПОЛЮСНОМ МИРЕ: НА ПУТИ К НОВОМУ МИРОПОРЯДКУ	68
Б. ДЕГАРДЕН , генеральный директор банка “Eric Sturdza SA” (Женева, Швейцария) МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ	71
П. ДУТКЕВИЧ , директор Центра изучения государственного управления и общественной политики Карлтонского университета (Канада), доктор философии, профессор; Д. Б. КАЗАРИНОВА , доцент кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, кандидат политических наук КОНЕЦ ЭПОХИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ	79

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ , ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ;	
Е. Ф. ЧЕБЕРКО , профессор кафедры экономики предприятия и предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета, профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук	
ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО КРИЗИСА	83
Ю. П. ЗИНЧЕНКО , декан факультета психологии МГУ им М. В. Ломоносова, доктор психологических наук, профессор	
ПСИХОЛОГИЯ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ РЕСУРС СОВЛАДАНИЯ С НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬЮ БУДУЩЕГО	87
В. ИНГИМУНДАРСОН , профессор современной истории Университета Исландии, доктор философии	
ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ США И РОССИЕЙ. РЕКОНФИГУРАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО В НАСТОЯЩЕМ	89
В. А. КВИНТ , заведующий кафедрой финансовой стратегии МГУ им. М. В. Ломоносова, иностранный член РАН (США), доктор экономических наук, профессор	
СТАНОВЛЕНИЕ, РАЗВИТИЕ И КАТЕГОРИЗАЦИЯ ГЛОБАЛЬНОГО ФОРМИРУЮЩЕГОСЯ РЫНКА	92
Г. КЁХЛЕР , президент Международной организации прогресса (Вена, Австрия), профессор Университета Инсбрука, доктор философии	
МИРОВОЙ ПОРЯДОК В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД	98
Г. Б. КЛЕЙНЕР , заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор	
СИСТЕМНЫЕ СДВИГИ И ОПОРНЫЕ ТОЧКИ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ	102
Г. В. КОЛОДКО , вице-премьер, министр финансов Польши (1994–1997, 2002–2003), директор Исследовательского института Университета Леона Козьминского (Варшава), иностранный член РАН, доктор экономических наук, профессор	
ЭРА АЗИИ НА ФОНЕ ЕВРО-АТЛАНТИЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ?	106
В. А. ЛЕКТОРСКИЙ , главный научный сотрудник Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор	
ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОГО ГЛОБАЛЬНОГО МИРА: ЧЕГО ЖДАТЬ, НА ЧТО НАДЕЯТЬСЯ, ЧТО ДЕЛАТЬ	110
А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ , главный научный сотрудник Института государства и права РАН, академик РАН, доктор юридических наук, профессор	
ЭКОНОМИКА И ПРАВО: СИСТЕМНЫЕ СДВИГИ, ВЫЗОВЫ И КОНТУРЫ БУДУЩЕГО	115
Г. ЛИТТЛДЖОН , экономист, социолог (Великобритания)	
НОВАЯ СТРАТЕГИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СТРАНАМ БРИКС	117
В. А. МАКАРОВ , директор Центрального экономико-математического института РАН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор	
ГЛОБАЛЬНОЕ ЦИФРОВОЕ ОБЩЕСТВО И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ	121
Е. И. МАКАРОВ , заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России, научный руководитель Центра мониторинга и анализа социально-трудовых конфликтов СПбГУП	
РОССИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН	123
В. К. МАМОНТОВ , генеральный директор радиостанции «Говорит Москва»	
БОТАНЫ И ХУЛИГАНЫ, ИЛИ НАДВИГАЕТСЯ ЛИ НА НАС КОНСЕРВАТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ?	127
Х. А. МАРК , Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Испания в РФ (2008–2011)	
ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР: СИСТЕМНЫЕ СДВИГИ, ВЫЗОВЫ И КОНТУРЫ БУДУЩЕГО. НА ПЕРЕКРЕСТКЕ МЕЖДУ ГЛАВЕНСТВОМ ЧЕЛОВЕКА И НОВОЙ ВОЛНОЙ НАЦИОНАЛИЗМА	131
А. П. МАРКОВ , профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ	
«ОСЕВОЕ ВРЕМЯ» ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: СМЕНА ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ МАТРИЦ	134
А. М. МЕЛИХОВ , писатель, заместитель главного редактора журнала «Нева», кандидат физико-математических наук	
МИР, ГДЕ НАС НЕТ	138
Г. МЕТТАН , президент Объединенной торгово-промышленной палаты «Швейцария — Россия и страны СНГ», исполнительный директор Швейцарского клуба прессы (Женева)	
ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР И НОВАЯ ЗАПАДНАЯ ИМПЕРИЯ	140
В. В. МИРОНОВ , декан философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор	
ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ДЕФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ	143
М. Ф. МОНТЕС , старший советник по вопросам финансов и развития Южного центра (Женева, Швейцария), доктор экономики	
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК В СООТНОШЕНИИ С ПРАВАМИ ЧЕЛОВЕКА	146
М. А. МОРАТИНОС КУЙЯУБЕ , министр иностранных дел Королевства Испания (2004–2010), доктор, Почетный доктор СПбГУП	
ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР: ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ, ЗАДАЧИ И КОНТУРЫ БУДУЩЕГО	150

Д. В. МОСЯКОВ , руководитель Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН, доктор исторических наук, профессор КОНТУРЫ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА: СТРАНЫ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ МЕЖДУ ПЕКИНОМ И ВАШИНГТОНОМ	156
Р. МЭТЬЮЗ , президент Международной лиги стратегического управления, оценки и учета, профессор Кингстонского университета (Великобритания) ЕДИНСТВО, ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ И РЕЛЯТИВИЗМ КАК ВЫЗОВЫ БУДУЩЕГО	158
А. Д. НЕКИПЕЛОВ , директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, доктор экономических наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП ПРОТЕКЦИОНИЗМ ИЛИ СВОБОДНАЯ ТОРГОВЛЯ: ЛОЖНАЯ ДИЛЕММА	163
Р. И. НИГМАТУЛИН , научный руководитель Института океанологии им. П. П. Шириова РАН, член Президиума РАН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор О НОВОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПОРЯДКЕ	167
В. В. ПОПОВ , главный научный сотрудник Центрального экономико-математического института РАН, профессор-исследователь Института исследований Европы, России и Евразии Карлтонского университета (Канада), доктор экономических наук ПОЧЕМУ РАЗЛИЧАЮТСЯ ТЕМПЫ РОСТА	169
В. ПРОДАНОВ , профессор кафедры политической экономики Университета национального и мирового хозяйства (София), член-корреспондент Болгарской академии наук, доктор философских наук ОТ ГЛОБАЛИЗАЦИИ К ДЕГЛОБАЛИЗАЦИИ	173
Г. М. РЕЗНИК , вице-президент Федеральной палаты адвокатов, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП КОРРУПЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И ЕЕ ЭВОЛЮЦИЯ	176
В. И. РОССМАН , профессор Северо-Американского университета (Хьюстон, штат Техас, США), доктор философии и политических наук СТОЛИЦЫ КОМПРОМИССА И ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА	179
Б. Дж. СИЛВЕР , директор Arrighi Центра глобальных наук Университета Джонса Хопкинса (Балтимор, США), доктор социологии, профессор ПЕРЕСТРОЙКА МИРОВОГО РАБОЧЕГО КЛАССА: УСИЛЕНИЕ ПРОТЕСТОВ НА ОСНОВЕ КЛАССОВЫХ ИНТЕРЕСОВ ПОСЛЕ 2011 ГОДА ВО ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ	182
В. С. СТЕПИН , руководитель секции философии, политологии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП XXI ВЕК — РАДИКАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ТИПА ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ	185
П. П. ТОЛОЧКО , член Президиума Национальной академии наук Украины, почетный директор Института археологии НАН Украины, иностранный член РАН, доктор исторических наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП НАС ЖДЕТ ТО, ЧТО МЫ СДЕЛАЕМ САМИ	189
Ж. Т. ТОШЕНКО , заведующий кафедрой теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета, главный научный сотрудник Института социологии РАН, член-корреспондент РАН, главный редактор журнала «Социологические исследования», доктор философских наук, профессор ДИАЛЕКТИКА ГЛОБАЛЬНОГО МИРА И МИКРОМИРА В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ РОССИЯН	192
В. Т. ТРЕТЬЯКОВ , декан Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова ЕВРО-АТЛАНТИЧЕСКИЙ СОЮЗ: НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК И НАША (ЕВРО-АТЛАНТИЧЕСКАЯ) ЦИВИЛИЗАЦИЯ	196
В. Е. ТРИОДИН , профессор СПбГУП, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник культуры РФ БЕЗЛИЧНОЕ — ВОЧЕЛОВЕЧИТЬ	198
Т. ТЮРКЕР , директор Исследовательского центра по изучению Евразии, России и Восточной Европы, профессор, доктор факультета политологии в Университете Анкары (Турция) ДЕЛО О МОДЕРНИЗАЦИИ, ПОСТ-, ПОСТ-ПОСТМОДЕРНИЗАЦИИ И НОВОМ МОДЕРНИЗМЕ	199
В. А. ЧЕРЕШНЕВ , директор Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, член Президиума РАН, академик РАН, доктор медицинских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП; В. Н. РАСТОРГУЕВ , профессор кафедры философии политики и права МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук СОВРЕМЕННОСТЬ И ВЫБОР БУДУЩЕГО С ПОЗИЦИЙ ПОЛИТИКИ И ПРОГНОСТИКИ	202
Я. А. ШОЛТЕ , профессор кафедры исследования проблем мира и развития Гётеборгского университета (Швеция) В НАПРАВЛЕНИИ ГЛОБАЛЬНОГО ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЯ	204
А. В. ЯКОВЕНКО , Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии, доктор юридических наук (международное право), профессор ПРАГМАТИЗМ И МЕССИАНСТВО В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ: БОРЬБА ПАРАДИГМ	210

ДИСКУССИЯ**Часть I** 211

Выступающие: Э. Агаши, Э. Багис, Е. Й. Вятр, Г. А. Гаджиев, А. А. Гусейнов, П. Дуткевич, А. С. Запесоцкий, В. Л. Квинт, Г. Кёхлер, К. И. Косачев, В. Л. Макаров, А. С. Максимов, Х. А. Марк, М. А. Моратинос Куйяубе, А. А. Панкин, В. А. Севриков, В. С. Степин, В. Т. Третьяков, В. А. Черешнев, М. В. Шмаков, Я. А. Шолте

Часть II 228

Выступающие: Л. К. Брессер-Перейра, Ч. Варга, А. С. Запесоцкий, Г. Б. Клейнер, В. А. Лекторский, А. Г. Лисицын-Светланов, В. К. Мамонтов, Г. Меттан, М. Ф. Монте, А. Д. Некипелов, А. А. Панкин, Г. М. Резник, Б. Дж. Силвер, Ж. Т. Тошенко, Т. Тюркер

Панельная дискуссия**«МИРОВАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ ПОД УГРОЗОЙ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И АКТУАЛЬНЫЕ ОТВЕТЫ»** 239**ВЫСТУПАЮЩИЕ:**

Хуан Антонио МАРК, *Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Испания в РФ (2008–2011) (модератор)*

Аскар АКАЕВ, *Президент Киргизской Республики (1990–2005), иностранный член РАН*

Эгемен БАГИС, *министр Турции по связям с Евросоюзом (2001–2013)*

Брюно ДЕГАРДЕН, *генеральный директор банка “Eric Sturdza SA” (Швейцария)*

Александр ЗАПЕСОЦКИЙ, *ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН*

Мигель Анхель МОРАТИНОС КУЙЯУБЕ, *министр иностранных дел Королевства Испания (2004–2010), Почетный доктор СПбГУП*

Александр ПАНКИН, *директор Департамента международных организаций МИД РФ*

Михаил ШМАКОВ, *председатель Федерации независимых профсоюзов России, вице-президент Международной конфедерации профсоюзов, вице-президент Европейского совета профсоюзов*

Панельная дискуссия**«ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР: СИСТЕМНЫЕ СДВИГИ, ВЫЗОВЫ И КОНТУРЫ БУДУЩЕГО»** 248**ВЫСТУПАЮЩИЕ:**

Александр ЗАПЕСОЦКИЙ, *ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН (модератор)*

Петр ДУТКЕВИЧ, *директор Центра изучения государственного управления и общественной политики Карлтонского университета (Канада)*

Гжегож КОЛОДКО, *вице-премьер, министр финансов Польши (1994–1997, 2002–2003), директор Исследовательского института Университета Леона Козьминского (Варшава), иностранный член РАН*

Александр НЕКИПЕЛОВ, *директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, Почетный доктор СПбГУП*

Владимир ПЛИГИН, *член Высшего совета Всероссийской политической партии «Единая Россия», ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН*

Ташансу ТЮРКЕР, *директор Исследовательского центра по изучению Евразии, России и Восточной Европы, профессор, доктор факультета политологии в Университете Анкары (Турция)*

Ян ШОЛТЕ, *профессор кафедры исследования проблем мира и развития Гёттеборгского университета (Швеция)*

Панельная дискуссия**«К КАКОМУ ТИПУ ЦИВИЛИЗАЦИИ МЫ ИДЕМ?»** 256**ВЫСТУПАЮЩИЕ:**

Александр ЗАПЕСОЦКИЙ, *ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН (модератор)*

Эвандро АГАЩИ, *профессор Университета Генуи (Италия), иностранный член РАН*

Абдусалам ГУСЕЙНОВ, *научный руководитель Института философии РАН, академик РАН, Почетный доктор СПбГУП*

Владислав ЛЕКТОРСКИЙ, *главный научный сотрудник Института философии РАН, академик РАН*

Александр МАРКОВ, *профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП*

Ги МЕТТАН, *президент Объединенной торгово-промышленной палаты «Швейцария — Россия и страны СНГ», журналист, писатель (Швейцария)*

Вячеслав СТЕПИН, *руководитель секции философии, политологии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, академик РАН, Почетный доктор СПбГУП*

Секция 1 КОНТУРЫ МИРОВОГО ПОРЯДКА В XXI ВЕКЕ

Выступающие: А. И. Агеев, А. Беблер, Л. К. Брессер-Перейра, И. И. Бузовский, Ч. Варга, Е. Й. Вятр, Ш. Т. Гадио, Б. Дегарден, П. Дуткевич, В. Ингимундарсон, В. Л. Квинт, Г. Кёхлер, Г. В. Колодко, Г. Литгладжон, М. Ф. Монте, М. А. Моратинос Куйяубе, Р. Мэтьюз, А. А. Панкин, В. Проданов, Г. М. Резник, В. И. Россман, Б. Дж. Силвер, П. П. Толочко, Ж. Т. Тошенко, В. Т. Третьяков, В. А. Черешнев, Я. Г. Шемякин, Я. А. Шолте. 268

Секция 2 КРИЗИС ЦИВИЛИЗАЦИИ: БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕКА И ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

ДОКЛАДЫ:

- А. В. АГОШКОВ**, главный редактор издательства «Наука и культура», кандидат философских наук
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА
КАК ФАКТОР ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЩЕСТВА:
ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ РЕАЛИИ И ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ 294
- А. Л. АНДРЕЕВ**, заведующий кафедрой истории и философии Всероссийского государственного института кинематографии им. С. А. Герасимова, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшей школы РФ;
Т. В. КУЗНЕЦОВА, профессор кафедры эстетики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук
ОБРАЗЫ БУДУЩЕГО И ОБРАЗЫ ПРОШЛОГО 297
- В. Н. БАДМАЕВ**, заведующий кафедрой философии и культурологии
Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова (Элиста),
доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ
ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР И КУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ: КОНТУРЫ БУДУЩЕГО 299
- Э. Н. БЕРДИКОВА**, заведующая кафедрой рекламы и связей с общественностью СПбГУП,
кандидат культурологии, доцент
ИЗМЕНЕНИЯ КУЛЬТУРЫ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА
ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ВИРТУАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ 301
- Г. М. БИРЖЕНЮК**, заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП,
доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ
КРИЗИС ЦИВИЛИЗАЦИИ КАК НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ И ВЕЧНОЕ 302
- М. Г. БОРОЗНА**, ректор Белорусской государственной академии искусств, кандидат искусствоведения
РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ БЕЛАРУСИ
В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ 304
- И. И. БУЗОВСКИЙ**, глава администрации Центрального района г. Минска (Республика Беларусь)
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМ СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН 307
- Н. В. БУРОВ**, директор Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор», профессор СПбГУП,
доктор бизнес-администрирования, народный артист России
ПРОБЛЕМЫ МУЗЕИФИКАЦИИ КУЛЬТОВЫХ СООРУЖЕНИЙ.
СОХРАНЕНИЕ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ДУХОВНОГО МИРА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА. 309
- М. Н. ВЕТЧИНОВА**, профессор кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации
Курского государственного университета, доктор педагогических наук
СПАСЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В «ЭКОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ» Д. С. ЛИХАЧЕВА 312
- Ю. К. ВОЛКОВ**, профессор кафедры права, философии и социальных дисциплин Арзамасского филиала
Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор философских наук,
почетный работник высшего профессионального образования РФ
КУДА ИДЁМ? (Образ кризисного социума в современной картине мира) 315
- В. С. ГЛАГОЛЕВ**, профессор кафедры философии МГИМО (Университет) МИД России, доктор философских наук
«ЭКОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ» — БАЗОВОЕ УСЛОВИЕ СВОЕВРЕМЕННЫХ ПРОГНОЗОВ
И ПРЕОДОЛЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ РИСКОВ 316
- В. В. ГОРШКОВА**, декан факультета культуры, заведующая кафедрой социальной психологии СПбГУП,
доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ;
А. А. МЕЛЬНИКОВА, профессор кафедры социальной психологии СПбГУП, доктор культурологии
КРИЗИС ЦИВИЛИЗАЦИИ: ФОРМИРОВАНИЕ ГУМАНИТАРНОЙ ЭЛИТЫ
КАК ВЫХОД ИЗ ТУПИКА 319
- Ю. Д. ГРАНИН**, ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, профессор
РОССИЯ В НОВОМ МИРОВОМ ПОРЯДКЕ. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ 320
- П. С. ГУРЕВИЧ**, главный научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук,
доктор филологических наук, профессор
МЕТАМОРФОЗЫ ЦИВИЛИЗАЦИЙ 323

В. Ю. ДУНАЕВ , главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения (Алматы, Казахстан), доктор философских наук, профессор	
КОНФЛИКТОЛОГИЯ СТАНОВЛЕНИЯ НОВОГО ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО МИРОПОРЯДКА	326
Т. И. ЕРОХИНА , проректор Ярославского государственного театрального института, заведующая кафедрой культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, доктор культурологии, профессор	
ПОГРАНИЧНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: КРИЗИС И/ИЛИ ДИСКУРС	329
О. П. ЗУБЕЦ , старший научный сотрудник Института философии РАН, кандидат философских наук	
«ПОСЛЕ» ЦИВИЛИЗАЦИИ	331
С. Ю. ИВАНОВА , главный научный сотрудник Южного научного центра РАН (Ростов-на-Дону), доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ	
КУЛЬТУРНЫЙ КРИЗИС ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА	333
Е. А. КАЙСАРОВ , заместитель заведующего кафедрой философии и культурологии СПбГУП, кандидат исторических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования РФ	
«ВОСТОКО-ЗАПАД» В ИСТОРИЧЕСКОЙ СУДЬБЕ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	336
П. Н. КИРИЧЁК , профессор кафедры журналистики Московского гуманитарного университета, доктор социологических наук	
РУССКИЙ СУПЕРЭТНОС В ПРОТИВОСТОЯНИИ ДУХОВНЫМ РИСКАМ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	338
М. И. КОЗЬЯКОВА , профессор кафедры философии и культурологии Высшего театрального училища (институт) им. М. С. Щепкина, доктор философских наук, кандидат экономических наук	
КРИЗИС ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ И БУДУЩЕЕ «РУССКОГО МИРА»	340
Г. Г. КОЛОМИЕЦ , профессор кафедры философии и культурологии Оренбургского государственного университета, доктор философских наук	
О ДОСТОИНСТВЕ ЧЕЛОВЕКА В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ	342
С. С. КОМИССАРЕНКО , профессор кафедры социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, почетный работник высшего профессионального образования РФ	
ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: СМЕНА КУЛЬТУРНЫХ ПАРАДИГМ	345
Т. В. КУЗНЕЦОВА , профессор кафедры эстетики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук	
НА ПОРОГЕ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: PRO ET CONTRA	346
Е. А. КУЛЬКОВ , главный редактор ЗАО «Комсомольская правда в Санкт-Петербурге», профессор-консультант кафедры журналистики СПбГУП	
СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК СРЕДА И РЕСУРС ГЛОБАЛЬНЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН	348
В. Д. КУРГАНСКАЯ , главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения (Алматы, Казахстан), доктор философских наук, профессор	
ПОСТФИЛОСОФИЯ КАК ДИСКУРС СТАНОВЛЕНИЯ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА	350
М. С. КУРМАНОВА , профессор кафедры общеобразовательных дисциплин Алматинского филиала СПбГУП, кандидат исторических наук	
СОВРЕМЕННАЯ ЭТНОПОЛИТИКА КАЗАХСТАНА: ПРАКТИКА И ДИСКУССИИ	353
В. А. КУТЫРЕВ , профессор кафедры философии Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор философских наук	
ОТДАДИМ ВСЕ МАШИНАМ!.. И СЕБЯ ТОЖЕ?	355
В. Е. ЛЕПСКИЙ , главный научный сотрудник Института философии РАН, доктор психологических наук	
СЕДЬМОЙ СОЦИОГУМАНИТАРНЫЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УКЛАД — КОНТУРЫ БУДУЩЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА	357
С. В. ЛУРЬЕ , ведущий научный сотрудник Социологического института РАН, доктор культурологии, кандидат исторических наук	
КРИЗИСУ ВОПРЕКИ: ВОЗРОЖДЕНИЕ СЦЕНАРИЯ «ДРУЖБЫ НАРОДОВ»	361
С. И. МАГДЕЕВ , магистрант факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, бакалавр политических наук	
КРИЗИС ЦИВИЛИЗАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЧЕЛОВЕКА (Ортега-и-Гассет об антропологических основаниях кризиса цивилизации)	363
И. В. МАЛЫГИНА , проректор по научной деятельности Московского государственного института культуры, доктор философских наук, профессор	
ПОСЛЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	365
В. Э. МАНАПОВА , доцент кафедры гуманитарных дисциплин Дагестанского государственного университета народного хозяйства, доктор философских наук	
ПРОБЛЕМА СТОЛКНОВЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ И МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	367
М. А. МАНУИЛЬСКИЙ , заместитель главного редактора журнала «Человек» Президиума РАН, кандидат философских наук	
ЛАТЕНТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ	370

И. А. МАРЗАЛЮК , председатель Постоянной комиссии по образованию, культуре и науке Национального собрания Республики Беларусь, доктор исторических наук, профессор	
САМОБЫТНОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЛИЦО БЕЛАРУСИ: О СМЫСЛАХ И КОДАХ БЕЛОРУССКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ	373
Л. В. МАТВЕЕВА , профессор кафедры методологии психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор психологических наук	
ЧЕЛОВЕК ПЕРЕД ВЫЗОВОМ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЛОВУШЕК СЕТЕВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	376
А. Н. МОСЕЙКО , ведущий научный сотрудник Центра цивилизационных исследований Института Африки РАН, кандидат философских наук, доцент	
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО КРИЗИСА В СВЕТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА «РУССКОГО МИРА»	378
С. Г. МУСИЕНКО , руководитель Аналитического центра «ЕсооМ», член Правления Союза писателей Беларуси	
МИРОВАЯ ВОЙНА ЗА НАШИ УМЫ УЖЕ ИДЕТ!	381
С. Б. НИКОНОВА , профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор философских наук	
ПРОБЛЕМА КРИЗИСА ЦИВИЛИЗАЦИИ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОМ МЫШЛЕНИИ	384
А. А. ОГАНОВ , заведующий кафедрой философии и культурологии Высшего театрального училища (институт) им. М. С. Щепкина, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук	
В ПОИСКЕ АДЕКВАТНОГО ДИСКУРСА О ГЛОБАЛИЗМЕ	386
К. С. ПИГРОВ , профессор кафедры социальной философии и философии истории Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук	
КРИЗИС И КАТАСТРОФА	388
Э. Э. ПОЛЕТАЕВ , президент общественного фонда «Мир Евразии» (Алматы, Казахстан), политолог	
ИНИЦИАТИВЫ КАЗАХСТАНА И ЭФФЕКТ «ЯДЕРНОЙ ВЕСНЫ»: ОТВЕТСТВЕННОСТЬ, ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ, ПУТЬ К УСТОЙЧИВОСТИ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ	390
М. Е. ПОПОВ , профессор кафедры социальной философии и этнологии Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь), доктор философских наук	
ПОСТТРАДИЦИОННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ КАК ФАКТОР СОВРЕМЕННЫХ КОНФЛИКТОВ	393
Г. А. ПРАЗДНИКОВ , заведующий кафедрой философии и истории Российского государственного института сценических искусств, кандидат философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ	
СОХРАНЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ КАК ВЫБОР БУДУЩЕГО	395
Л. В. ПУТЬКИНА , заведующая кафедрой информатики и математики СПбГУП, кандидат технических наук, доцент	
БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕКА И ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В ИНФОРМАЦИОННО-ТЕХНИЧЕСКОМ МИРЕ	397
В. Ш. САБИРОВ , заведующий кафедрой философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ	
БУДУЩЕЕ РОССИИ В РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОМ ИЗМЕРЕНИИ	398
М. Я. САРАФ , профессор Московского государственного института культуры, доктор философских наук, заслуженный работник высшей школы РФ	
СООТНОШЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ И КУЛЬТУРНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ СОВРЕМЕННОСТИ: ОПАСНОСТЬ ИНВОЛЮЦИИ ИЛИ ДВИЖЕНИЕ К НОВОМУ СИСТЕМНОМУ ЕДИНСТВУ?	400
Т. Б. СИДНЕВА , проректор по научной работе Нижегородской государственной консерватории (академия) им. М. И. Глинки, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ	
МЕЖПАРАДИГМАЛЬНОСТЬ КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО КРИЗИСА ЦИВИЛИЗАЦИИ И УСЛОВИЕ ОБНОВЛЕНИЯ КУЛЬТУРЫ	402
М. В. СИЛАНТЬЕВА , профессор кафедры философии МГИМО (Университет) МИД России, доктор философских наук	
КРИЗИС ЦИВИЛИЗАЦИИ В АКСИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ	405
О. С. СОИНА , профессор кафедры философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики, доктор философских наук	
МОРАЛЬ И ЭТИКА БУДУЩЕГО: СОТЕРИОЛОГИЧЕСКИЙ АКЦЕНТ	407
Л. В. СОКОЛЬСКАЯ , доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Государственного гуманитарно-технологического университета (Орехово-Зуево, Московская обл.), кандидат юридических наук	
КОНФЛИКТ ЦИВИЛИЗАЦИЙ: ПЕРВОПРИЧИНЫ И КОНТУРЫ БУДУЩЕГО	409
О. И. СТАВЦЕВА , заместитель декана факультета культуры, доцент кафедры философии и культурологии СПбГУП, кандидат философских наук	
КРИЗИС ЦИВИЛИЗАЦИИ КАК ГОСПОДСТВО ТЕХНИЧЕСКОГО	411
Б. А. ТИТОВ , профессор кафедры конфликтологии СПбГУП, доктор педагогических наук	
КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ГЛОБАЛЬНОГО ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА	412
В. Н. ТОМАЛИНЦЕВ , старший научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук	
МОЛОДЕЖЬ КАК ВЫРАЗИТЕЛЬ БУДУЩЕГО В НАСТОЯЩЕМ И ПРЕДСТАВИТЕЛЬ НАСТОЯЩЕГО В БУДУЩЕМ	416

А. В. УСПЕНСКАЯ , профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор филологических наук ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ СЦЕНАРИИ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ АНТИУТОПИИ.	418
А. Н. ФАТЕНКОВ , профессор кафедры философии Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор философских наук ВОЗВЫШЕННОЕ ПАДЕНИЕ В ИННОВАЦИОННЫЙ ДЕКАДАНС	420
Г. Г. ФИЛИППОВ , профессор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор философских наук СОСТОЯНИЕ КУЛЬТУРЫ И ПАРАДИГМЫ ЕЕ ПОНИМАНИЯ В ЭПОХУ ИНВОЛЮЦИИ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА	422
Е. В. ХАРИТОНОВА , старший научный сотрудник Института Африки РАН, кандидат психологических наук, доцент ВОПРОСЫ ВЫЖИВАНИЯ НАШЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ СИСТЕМНЫХ ВЫЗОВОВ. ЧТО ДЕЛАТЬ?	424
Н. А. ХРЕНОВ , главный научный сотрудник Государственного института искусствознания Министерства культуры РФ, доктор философских наук, профессор КРИЗИС КУЛЬТУРЫ КАК ИТОГ ЕВРОПЕЙСКОГО ПРОЕКТА МОДЕРНА	427
А. Н. ЧУМАКОВ , ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, профессор СОВРЕМЕННЫЙ МИР: НЕОБХОДИМОСТЬ СТРУКТУРНЫХ ПЕРЕМЕН	428
Я. Г. ШЕМЯКИН , главный научный сотрудник Центра культурологических исследований Института Латинской Америки РАН, доктор исторических наук КУЛЬТУРА КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ПРЕДЕЛ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	432
ДИСКУССИЯ	434
Выступающие: А. В. Агошков, М. Н. Ветчинова, Ю. К. Волков, В. С. Глаголев, А. А. Гусейнов, Т. И. Ерохина, М. И. Козьякова, Г. Г. Коломиец, Т. В. Кузнецова, В. А. Лекторский, В. Е. Лепский, С. В. Лурье, И. В. Малыгина, В. Э. Манапова, М. А. Мануильский, А. П. Марков, Л. В. Матвеева, А. Н. Мосейко, М. Я. Сараф, Т. Б. Сиднева, М. В. Силантьева, Л. В. Сокольская, В. С. Степин, В. Е. Триодин, А. Н. Фатенков, Е. В. Харитонова, Н. А. Хренов, А. Н. Чумаков	

Секция 3

ЭКОНОМИКА И ПРАВО: СИСТЕМНЫЕ СДВИГИ, ВЫЗОВЫ И КОНТУРЫ БУДУЩЕГО

ДОКЛАДЫ:

Е. Е. АМПЛЕЕВА , заведующая кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ, кандидат юридических наук, доцент КРИЗИС МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В ПОСТСОВРЕМЕННОМ ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ	458
С. А. АНТИПИН , профессор Самарского государственного университета путей сообщения, доктор экономических наук ГЛОБАЛЬНЫЕ СДВИГИ И КОНТУРЫ БУДУЩЕГО В СВЕТЕ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ США	460
С. Б. БАЙЗАКОВ , научный руководитель Института экономических исследований (Астана, Казахстан), доктор экономических наук, профессор О ПРИМЕНЕНИИ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ПОСТРОЕНИИ КАЧЕСТВЕННОЙ ТЕОРИИ ДЕНЕГ	461
Т. Л. БАТАЛОВА , директор Алматинского филиала СПбГУП, доцент ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ТРУДОВЫХ И ИНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН СТРАН ЕврАзЭС В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	463
А. А. ВАСЕЦКИЙ , профессор кафедры конфликтологии СПбГУП, доктор политических наук ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КАК ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫМИ КОНФЛИКТАМИ	465
О. В. ВЕРБОВАЯ , профессор кафедры юриспруденции Алматинского филиала СПбГУП, доктор юридических наук ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ И ЭКОНОМИКИ	466
Ф. Б. ВЛАСОВ , профессор кафедры теоретической экономики и управления персоналом Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева, доктор экономических наук ОБЩЕСТВО СОЦИАЛЬНОЙ ГАРМОНИИ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ	468
В. Г. ГРАФСКИЙ , главный научный сотрудник, заведующий сектором истории государства, права и политических учений Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор ЭКОНОМИКА, ПРАВО И ДОСТОЙНОЕ ЧЕЛОВЕКА СУЩЕСТВОВАНИЕ: СИСТЕМНЫЕ СДВИГИ	470
Г. С. ГУЛЬТЯЕВА , заведующая кафедрой искусствovedения СПбГУП, кандидат искусствovedения, доцент ВЕЛИКИЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ — ПУТЬ ВЗАИМОВЫГОДЫ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.	472

А. А. ДЖАГАРЯН , советник судьи Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук ПРАВОСУДИЕ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: АРХЕТИПЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	473
А. А. ДОРСКАЯ , заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор юридических наук, профессор ПРАВО МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ: ВЫЗОВЫ И КОНТУРЫ БУДУЩЕГО	476
Г. П. ЕРМОЛОВИЧ , профессор кафедры отраслей права СПбГУП, доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ИСТОКИ, ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ	478
В. В. ЗЯБРИКОВ , доцент кафедры экономики предприятия и предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат экономических наук ГЛОБАЛЬНЫЕ И ЛОКАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РОСТА ФИРМЫ И РАЗВИТИЯ СТРАНЫ	480
З. Н. КАЛАНДАРИШВИЛИ , заведующий кафедрой теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат юридических наук, кандидат педагогических наук, профессор РОЛЬ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	482
С. Н. КАСАТКИН , профессор кафедры теории и истории государства и права Самарского юридического института, кандидат юридических наук ГОСУДАРСТВО, ПРАВО И ПРАВОВАЯ ТЕОРИЯ: ЭФФЕКТЫ И ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	484
В. А. КОВАЛЕВ , доцент кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат исторических наук ЭССЕНЦИАЛИЗМ И ЭПОХАЛИЗМ В ИСЛАМСКОМ ПРАВЕ КАК РЕАКЦИЯ НА ВЫЗОВ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ	486
А. В. КОСТИНА , декан факультета культуры и искусства Московского гуманитарного университета, доктор философских наук, доктор культурологии, профессор ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР СЕГОДНЯ: ТРЕНДЫ, ОТ КОТОРЫХ ЗАВИСИТ БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА	488
А. И. КОТОВ , специальный представитель губернатора Санкт-Петербурга по вопросам экономического развития, кандидат экономических наук;	
В. Ф. БОГАЧЕВ , профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ	490
С. В. КУЗНЕЦОВ , директор Института проблем региональной экономики РАН (Санкт-Петербург), доктор экономических наук, профессор;	
Н. М. МЕЖЕВИЧ , профессор кафедры европейских исследований Санкт-Петербургского государственного университета, доктор экономических наук ГЛОБАЛЬНАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ В ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ КАК СРЕДНЕСРОЧНАЯ ПЕРСПЕКТИВА	492
А. В. КУЗЬМИН , заведующий кафедрой гражданского права и процесса Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, кандидат юридических наук, доцент ФОРМ-ФАКТОРЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА КАК ОСНОВАНИЕ СЛЕДОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫМ ИНТЕРЕСАМ	494
Е. А. КУКЛИНА , профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор экономических наук К ПРОБЛЕМЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В УСЛОВИЯХ СИСТЕМНЫХ СДВИГОВ И ВЫЗОВОВ	496
В. В. ЛАПАЕВА , советник Конституционного Суда РФ, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И СИСТЕМНЫЕ СДВИГИ В СОЦИОНОРМАТИВНОЙ РЕГУЛЯЦИИ	498
Л. Ф. ЛЕБЕДЕВА , руководитель Центра социально-экономических исследований и проектов Института США и Канады РАН, доктор экономических наук, профессор США И НОВЫЕ КОНТУРЫ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ	500
А. А. ЛИВЕРОВСКИЙ , заведующий кафедрой конституционного права Санкт-Петербургского государственного экономического университета, профессор СПбГУП, доктор юридических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ ДЕФОРМАЦИЯ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ ВЫЗОВ В НОВЫХ ДЕМОКРАТИЯХ	503
А. И. ЛУЧЕНОК , заведующий отделом Института экономики Национальной академии наук Беларуси, доктор экономических наук, профессор ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ОСНОВЕ СОГЛАСОВАНИЯ ИНТЕРЕСОВ СОЦИАЛЬНЫХ МАКРОГРУПП	505
Т. Б. МАЛИНИНА , доцент Санкт-Петербургского государственного университета, доктор социологических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ (Информационный подход)	506

В. А. МАЛИНОВСКИЙ , член Конституционного совета Республики Казахстан (Астана), доктор юридических наук, профессор ОБЩЕСТВЕННАЯ СОЛИДАРНОСТЬ И МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ СОГЛАСИЕ — ОСНОВА КОНТУРА БУДУЩЕГО: ОПЫТ КАЗАХСТАНА	508
О. В. МАРТЫШИН , профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук КОНСЕРВАТИЗМ КАК СИСТЕМНЫЙ СДВИГ И ВЫЗОВ (О некоторых эксцессах современного отечественного консерватизма в сфере юриспруденции)	511
А. С. МИШЕНКО , старший научный сотрудник НИИ проблем непрерывного образования при Ленинградском государственном университете им. А. С. Пушкина, кандидат экономических наук ПРИНЦИПЫ РАЗВИТИЯ ЭДУКАЦИОННЫХ ИНСТИТУТОВ КАК ОСНОВА ИНТЕГРАЦИИ ЭКОНОМИКИ СТРАН, ВХОДЯЩИХ В ЕВРАЗИЙСКИЙ ТАМОЖЕННЫЙ СОЮЗ	513
М. С. МОТЫШИНА , профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ: КОНТУРЫ БУДУЩЕГО	515
Т. П. НИКОЛАЕВА , заведующая кафедрой менеджмента и экономики Санкт-Петербургского государственного института культуры, доктор экономических наук, профессор НИЗКАЯ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ ИННОВАЦИЙ КАК ФАКТОР, ЗАКРЕПЛЯЮЩИЙ ИМПОРТОЗАВИСИМОСТЬ	517
Н. Н. НИКУЛИН , профессор Института экономики и управления промышленными предприятиями Национального исследовательского технологического университета «МИСиС», доктор экономических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ УРОВЕНЬ НАКОПЛЕНИЯ КАПИТАЛА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	518
Е. А. ПЕТРОВА , доцент кафедры теории и истории государства и права Ивановского государственного университета, кандидат юридических наук ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ПРАВА НАЦИИ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	520
Н. Н. ПОКРОВСКАЯ , заместитель директора по научной работе Международного института экономики и политики Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор социологических наук, доцент РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭНЕРГЕТИКИ И ЭКОЛОГИЗАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА, ПЕРЕДАЧИ И ПОТРЕБЛЕНИЯ ЗНАНИЙ	522
Р. А. РОМАШОВ , профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РФ ОТ «ГОСУДАРСТВЕННОГО ХОЗЯЙСТВА» К «ПРАВОВОЙ ЭКОНОМИКЕ»: ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО МИРОВОГО КОММУНИКАЦИОННОГО ПРОЦЕССА	523
Е. С. САДОВАЯ , заведующая отделом Института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, кандидат экономических наук, доцент СИСТЕМНЫЕ СДВИГИ В СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ: ГОТОВЫ ЛИ МЫ ВОСПРИНЯТЬ НОВУЮ СОЦИАЛЬНУЮ РЕАЛЬНОСТЬ	525
Э. А. САДЫКОВА , профессор кафедры международных отношений, мировой политики и зарубежного регионоведения Казанского федерального государственного университета, доктор политических наук, кандидат юридических наук ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА	527
К. Е. СИГАЛОВ , заместитель директора Института проблем эффективного государства и гражданского общества Финансового университета при Правительстве РФ, доктор юридических наук, доцент ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ КАК ИНТЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ	529
М. Г. СМЕРНОВА , профессор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор юридических наук МЕХАНИЗМ ВЫЯВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРИТЯЗАНИЙ: НАЦИОНАЛЬНЫЙ И УНИВЕРСАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	531
А. В. СТРЕМОУХОВ , профессор кафедры отраслей права СПбГУП, доктор юридических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА КАК ЯВЛЕНИЕ ПРАВОВОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	533
В. А. ТОКАРЕВ , заведующий кафедрой истории государства и права Самарской государственной областной академии (Наянковой), кандидат юридических наук, доцент ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРАВА: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА	535
В. В. ТРОФИМОВ , профессор кафедры гражданского права Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, доктор юридических наук НАДНАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО СОТРУДНИЧЕСТВА КАК ОТРАЖЕНИЕ ПОЗИТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: К ТЕОРИИ ВОПРОСА	536

С. Ф. УДАРЦЕВ , директор НИИ правовой политики и конституционного законодательства Казахского гуманитарно-юридического университета (Астана), доктор юридических наук, профессор, почетный юрист Казахстана ЗОНА ПРИМЕНЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО ПРАВА И СУДА В КАЗАХСТАНЕ (Вариант ответа на вызовы глобальной экономики)	539
Г. Ф. ФЕЙГИН , профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук МИРОВОЕ ХОЗЯЙСТВО НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ТЕНДЕНЦИИ, ПРОТИВОРЕЧИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИИ	541
М. М. ХАЙКИН , заведующий кафедрой экономической теории Санкт-Петербургского горного университета, доктор экономических наук, профессор СЕРВИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД	543
И. Г. ХАНГЕЛЬДИЕВА , профессор кафедры истории и философии образования МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук СИСТЕМНЫЕ СДВИГИ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ И СОВРЕМЕННЫЙ КИТАЙСКИЙ АРТ-РЫНОК	545
Е. Г. ХОЛЬНОВА , заведующая кафедрой экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук, профессор СИСТЕМНЫЕ БАНКОВСКИЕ КРИЗИСЫ КАК НЕИЗБЕЖНОЕ СЛЕДСТВИЕ КРИЗИСА ГЛОБАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ	547
И. А. ЧЕСТНОВ , профессор кафедры теории и истории государства и права Академии Генеральной прокуратуры РФ, доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ КУЛЬТУРАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ КАК ОТВЕТ НА ГЛОБАЛЬНЫЙ КРИЗИС ПРАВА	549
В. А. ЭНТИН , директор Центра правовой защиты интеллектуальной собственности, доцент МГИМО (Университет) МИД России, кандидат юридических наук ДЕЛОВАЯ РЕПУТАЦИЯ ГОСУДАРСТВ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО: НОВЫЙ ИНФОРМАЦИОННЫЙ БЕСПОРЯДОК И КОНТУРЫ БУДУЩЕГО	552
ДИСКУССИЯ	554
Выступающие: Е. Е. Амплеева, О. В. Вербовая, Ф. Б. Власов, В. Г. Графский, В. В. Зябриков, С. Н. Касаткин, Г. Б. Клейнер, В. А. Ковалев, Г. В. Колодко, А. В. Кузьмин, В. В. Лапаева, А. А. Ливеровский, А. Г. Лисицын-Светланов, В. А. Малиновский, О. В. Мартышин, А. Д. Некипелов, Н. Н. Никулин, Л. А. Пасешникова, Е. А. Петрова, Р. А. Ромашов, Е. С. Садовая, Э. Л. Садыкова, К. Е. Сигалов, М. Г. Смирнова, В. А. Токарев, С. Ф. Ударцев, Г. Ф. Фейгин, М. М. Хайкин, И. Г. Хангельдиева, И. А. Честнов, В. А. Энтин	
Секция 4	
ИДЕИ ДМИТРИЯ ЛИХАЧЕВА И СОВРЕМЕННОСТЬ (Международный форум старшеклассников России)	
Выступающие: Н. В. Буров, старшеклассники — победители конкурса школьных сочинений: И. Бельский, С. Бредихина, К. Захарова, А. Иванова, П. Кудряшева, О. Петров, Д. Сайгушинская, О. Стародумов, П. Тарковский, А. Тышенко, С. Халикова	576
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	588

Пленарное заседание ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР: СИСТЕМНЫЕ СДВИГИ, ВЫЗОВЫ И КОНТУРЫ БУДУЩЕГО

18 мая 2017 г. Театрально-концертный зал им. А. П. Петрова СПбГУП

Сопредседатели заседания:

Часть I

- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ ректор СПбГУП, член-корреспондент Российской академии наук, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции
- К. И. КОСАЧЕВ председатель Комитета Совета Федерации Федерального собрания РФ по международным делам
- М. А. МОРАТИНОС
КУЙЯУБЕ министр иностранных дел Королевства Испания (2004–2010), доктор, Почетный доктор СПбГУП
- В. С. СТЕПИН руководитель секции философии, политологии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
- М. В. ШМАКОВ председатель Федерации независимых профсоюзов России, вице-президент Международной конфедерации профсоюзов, вице-президент Европейского совета профсоюзов

Часть II

- А. А. АКАЕВ Президент Киргизской Республики (1990–2005), иностранный член РАН, доктор технических наук, профессор
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции
- А. Г. ЛИЩИЦЫН-
СВЕТЛАНОВ главный научный сотрудник Института государства и права РАН, академик РАН, доктор юридических наук, профессор
- А. Д. НЕКИПЕЛОВ директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, доктор экономических наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП

ДОКЛАДЫ

Эвандро Агаши¹

СИСТЕМНЫЙ ОБРАЗ МЫСЛИ ДЛЯ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Впервые понятие глобализации было введено в употребление в экономическом или, точнее, финансовом контексте. Оно использовалось, чтобы подчеркнуть тот факт, что происходящее, к примеру, на фондовых биржах Гонконга или Токио практически моментально отражается на котировках на Уолл-стрит, в Лондоне, Москве или Париже — или аналогичную взаимосвязь между колебаниями курсов валют (доллара, фунта, рубля, евро и т. д.). Это явление вполне обоснованно называли следствием прорыва в развитии коммуникационных технологий, благодаря которому стал возможен обмен информацией между любыми точками мира в реальном времени. В этом значении термин отражал лишь один аспект «сужения» географического пространства за счет активного использования средств коммуникации, который Маршалл Маклюэн еще в начале 1960-х годов охарактеризовал как сжатие мира до «глобальной деревни».

В последние десятилетия к информационному потоку добавился беспрецедентный поток различных товаров, благодаря которому, например, любой фрукт можно купить в любом регионе в любое время года, одежда и обувь из Китая или Италии продаются практически в каждой стране, пусть и по разным ценам, и т. д. Основной характеристикой этого второго этапа, который можно назвать периодом развития и ускорения коммуникаций и перевозок, является движение материальных благ и услуг. Происходящие изменения указывают на превращение глобальной деревни в глобальный рынок.

Совершенствование информационной и транспортной инфраструктуры повлияло и на мобильность населения: она выросла во много раз, и речь не только и не столько о поездках бизнесменов, ученых и работников, связанных с профессиональной деятельностью, сколько о впечатляющих масштабах массового туризма: тысячи туристов едут за границу и за короткое время успевают поверхностно ознакомиться с достопримечательностями и составить первое впечатление о людях, принадлежащих к другой культуре. Обычно ими движет простое любопытство, но, помимо его

удовлетворения, путешествие помогает принять идею, что между людьми много общего, несмотря на те или иные различия.

В последние годы у феномена мобильности появилась новая, более радикальная сторона — миграция: происходит переселение не отдельных людей, семей или небольших групп, а целых сообществ. Они стремятся осесть в других странах, найти там свое место, обрести новый безопасный дом. Истории известны примеры таких явлений: кочевые народы времени нападали на ослабленные государства, неспособные защитить свои границы, и вторгались на их территорию; целые группы населения вынужденно покидали родину из-за религиозных или этнических разногласий, и другие страны их принимали. Сегодня миграция — довольно распространенное явление: большие группы людей, целые сообщества уезжают из родных стран, чтобы поселиться в другом, более спокойном и предсказуемом месте. Часто к этому их вынуждают такие тяжелые испытания, как война или политическое преследование, но еще чаще причиной миграции становится состояние крайней нищеты, которое заставляет людей искать новый дом в надежде на лучшие условия жизни. Особенно их привлекают страны, где они могли бы выполнять неквалифицированную и рутинную работу, на которую неохотно соглашаются местные жители, но которая тем не менее социально значима. Важное отличие сегодняшней миграции от миграции прошлого — ее «мирный» характер. Переселенцы не пробивают себе путь в новую, незнакомую страну с оружием в руках; они лишь рассчитывают на свое моральное право, в силу крайней уязвимости, просить о помощи и получить ее.

Если бы приведенные выше характеристики полностью описывали миграционные процессы, проблем бы не возникало: любая страна была бы готова открыть двери для мигрантов. Но, к сожалению, как мы знаем, в действительности все иначе, и было бы легкомысленно утверждать, что рост недовольства прибытием мигрантов, наблюдающийся в разных странах, объясняется эгоистическим сознанием или необоснованной ксенофобией.

Лучше понять сложившуюся ситуацию поможет ее анализ с системной точки зрения. Отдельную страну можно рассматривать как систему, в которой существуют и взаимодействуют связанные друг с другом подсистемы. За счет этого на макроуровне в ней поддерживается гомеостатическое равновесие. Если что-то «вторгается» в систему извне, гомеостатическое равновесие на время нарушается, но внутренние «механизмы» обычно справляются с его восстановлением: происходит так называемая «ассимиляция» «внешних элементов». Примерами таких вторжений

¹ Профессор Университета Генуи (Италия), иностранный член РАН и Мексиканской академии наук, доктор философии. Директор Междисциплинарного центра биоэтики Панамериканского университета Мехико (Мексика). Автор более 80 книг и около 1000 научных статей, в т. ч.: «Научная объективность и ее контексты», «Методологический поворот в философии», «Идея общества, основанного на знаниях» и др. Главный редактор журналов «Epistemologia» (Италия) и «Bioethics Update» (международное издание), член Международного редакционного совета журнала «Вопросы философии», член редакционных коллегий нескольких международных научных журналов и энциклопедий. Почетный профессор университета Фрибура (Швейцария). Почетный президент Международной академии философии науки (Брюссель), Международной федерации философских обществ (FISP), Международного института философии (Париж) и др. Почетный доктор девяти университетов и академических институтов.

могут служить: внедрение новых технологий, отрицательно влияющих на привычные способы выполнения некоторых видов работ, появление нового рынка, стимулирующего производство определенных товаров на экспорт; прибытие иностранцев с их потребностями, возможностями, обычаями и культурными особенностями. Внутренние социальные механизмы обычно «ассимилируют» иммигрантов, если их количество и периодичность прибытия ограничены. В противном случае ситуация может выйти из-под контроля и между переселенцами и коренными жителями развернется жесткая конкуренция.

Чаще всего предложения и попытки решения этой проблемы сводятся к закрытию границ для мигрантов (например, возведение стен) или депортации (репатриации или перенаправлению в другие страны, входящие в то же политическое сообщество). Обе стратегии обречены на провал, поскольку представляют собой попытку решить *глобальную* проблему *локальными* методами и, кроме того, построены на логике «ассимиляции», которая работает в случаях с отдельными людьми и малыми группами, но не с большими группами и целыми сообществами.

Поиск верного решения должен начинаться с осознания того, что в обычной ситуации никто по своей воле не захочет эмигрировать. Покидать родину людей вынуждают внешние факторы, которые сегодня можно по существу свести к трем группам: войны, политические преследования и нищета. Таким образом, чтобы пресечь миграцию или уменьшить ее масштабы (само по себе это явление — до определенных пределов — не является отрицательным), надо устранить ее причины.

Для этого необходимо рассматривать проблему с системной точки зрения: воспринимать весь мир как единую систему, стремящуюся достичь гомеостатического равновесия. Основным условием достижения равновесия является отсутствие внутренних войн, что в масштабах всей планеты означает проведение серьезной *миротворческой* политики. Человечество уже добилось определенных результатов в этом направлении, поскольку идея «глобального конфликта», сравнимого с двумя мировыми войнами XX века, кажется чуждой современным политическим воззрениям. Тем не менее в разных частях планеты ведутся войны местного значения, вспыхивающие по различным «местным» причинам. При этом хорошо известно, что такие войны могут затягиваться надолго из-за того, что «внешние» политические силы пытаются с их помощью достичь собственных геополитических целей, то есть избавить мир от этого явления может только искреннее решение избегать любых войн, принятое на международном уровне. Утопия ли это? Да, во многом идея утопична; не столько потому, что большим и сильным государствам будет невероятно сложно навсегда отказаться от «империалистических» идей, сколько потому, что во всем мире за военными действиями стоят *интересы* слишком многих влиятельных кругов: промышленных, экономических, политических. И это еще одна серьезная проблема, решаемая только на международном уровне с помощью целого комплекса систем-

ных мер, в основе которых лежат диалог, просвещение, воздействие убеждением и неуклонное следование принципам.

Ненамного проще будет устранить и вторую причину массовой миграции — политические преследования. Очевидно, что для этого необходимо добиваться исчезновения жестоких диктаторских режимов во всем мире и перехода к более демократичным формам организации политической жизни. Этот процесс протекает медленно, но, судя по всему, необратимо: количество демократических государств растет, и (что очень важно) даже наиболее суровые деспотические режимы начинают приобретать признаки правового государства — результат системного воздействия общих политически верных решений на отдельные страны.

Подходы к устранению третьей из списка основных причин массовой миграции — нищеты — до сих пор нельзя назвать конструктивными. Нищета рассматривается как «местное» явление — неблагоприятные условия для жизни в отдельно взятых странах, но на самом деле эта проблема носит глобальный характер и может быть решена только путем титанических совместных усилий, направленных на достижение гомеостатического равновесия в системе с точки зрения стандартов уровня жизни населения. Это требование, безусловно, исходит из этического принципа справедливости, но есть у него и системная сторона, которая должна побудить богатые страны к взятию на себя экономических обязательств. Итогом стало бы перераспределение богатства ради всеобщего блага (в том числе и их собственного).

Завершить свой набросок системного анализа мы хотели бы обзором проблемы «ассимиляции» мигрантов, которая ранее была рассмотрена в положительном ключе. Как уже было отмечено, говорить о такой ассимиляции как о позитивном явлении можно, только если речь идет об отдельных людях или небольших группах. Причина заключается в том, что каждому человеку нужна социальная среда для удовлетворения психологических и экзистенциальных потребностей, а также потребности во взаимоотношениях, и тот, кто покидает свою родную социальную среду, получает существенное преимущество, если ему удастся адаптироваться к новому окружению. С большими группами дело обстоит иначе: если группа однородна по признаку принадлежности к одной культуре, ее члены руководствуются множеством общих обычаев, моральных принципов, ценностей, традиций, религиозных верований и представлений о семье, не говоря уже о практических навыках, исторической памяти и мировоззрении в целом. Все это формирует основу для «идентичности» сообщества и входящих в него отдельных личностей, и утрата такого «богатства» в процессе «растворения» в культурной среде другой страны стала бы большой потерей. Неизбежность последствий объясняется просто: первоначальная социальная общность является *системой*, а система не может «раствориться», распасться, не утратив своей сущности.

Из предыдущих рассуждений мы делаем вывод: идею превращения будущего мирового сообщества в «плавильный котел», где исчезнут все этнические

и культурные различия, ни в коем случае не следует принимать за идеал. Такое общество будет состоять из потерянных людей без культурно-исторических корней и ценностей. Образ будущего мира, формированию которого стоит содействовать, — это, скорее, огромная система, внутри которой, как органы в живом организме, гармонично сосуществуют и взаимодействуют различные подсистемы, представленные крупными географическими и культурными зонами (у каждо-

го «органа» свои особенности, структура и функции, но все они взаимосвязаны и вместе поддерживают здоровье организма). основополагающими условиями для воплощения этой идеи являются толерантность, выстраивание позитивного диалога и искренняя готовность признать, что плюрализм не тождествен скептицизму или релятивизму; он лишь свидетельствует о понимании, что мы можем многому научиться у тех, кто от нас отличается.

А. И. Агеев¹

«РЫСКАНИЕ ПО АТТРАКТОРУ», ИЛИ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ РОССИИ В ЭПОХУ СМЕНЫ ГЕГЕМОНА

Глобальные риски и стратегия управления

Ужесточение глобальной конкуренции, отражающееся в резко возросшей турбулентности международных отношений, происходит в условиях быстро разворачивающейся технологической революции, описываемой как цифровизация и индустриализация 4.0. Сочетание этих процессов на фоне известного «демографического перехода», миграции и трансформаций массовых стереотипов мировосприятия и поведения провоцирует сдвиг ключевых глобальных рисков в «оранжевую» и «красную» зоны.

Положение усугубляется невероятным темпом перемен, резким сокращением времени между формулированием идей и их воплощением. Мировая экономика расслаивается на три сектора, имеющих трансграничный характер: производство традиционных товаров, финансовый сектор и сверхрентабельная «информационная экономика», вплотную подошедшая к массовому производству форм виртуального сознания и соответствующих ему инструментов и платформ. Фокус глобальной конкуренции сдвигается в сферу моделей управления и стоящих за ними систем цивилизационных ценностей и культур. Изменения непосредственно влияют на базовые характеристики мировой экономической системы, восходящие к валютно-финансовой гегемонии.

В настоящее время речь идет об антропологическом вызове, смысл которого в том, что быстро складываются мощные технологические возможности для форматирования желаемого целевого состояния массового сознания, типа общества и его технологической базы. Соответственно быстро разворачивается конкуренция акторов за разработку этого желаемого состояния общества и упреждающее создание преимуществ в будущем.

¹ Генеральный директор Института экономических стратегий РАН, заведующий кафедрой Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ», доктор экономических наук, профессор. Автор более 700 научных, публицистических и литературных публикаций, в т. ч. «Смена гегемона», «Предпринимательство», «Преображение», «Россия в новой экономической реальности» (в соавт.), «Особенности применения методологии стратегической матрицы при прогнозировании развития государства (на примере России и Китая)», «Нефть Евразии», «Интегрированная отчетность: вызов менеджменту» и др.

После некоторого периода неприятия подобного, по сути социального, проектирования в явном виде выдвигается цель создания нового типа человека и человекоподобных систем с расчетом на контроль их полного жизненного цикла. Технологии проектирования новых типов сознания связаны с доминирующей ролью нематериальных активов в успехе ведущих мировых корпораций, а также с появлением в ближайшем будущем искусственных систем, включающих самосознание и имитацию чувственной сферы. Речь идет о возможности реализации подобных проектов в глобальном и субглобальном масштабах.

Оценки, которые ежегодно делает Всемирный экономический форум², показывают растущую озабоченность элит непредсказуемостью последствий, к которым приводит вал технологических инноваций, особенно в киберпространстве. Мобильный Интернет, Интернет вещей, облачные вычисления, прогресс в генетике и биотехнологиях, радикальное изменение содержания труда и рабочих мест, интеграция с нервной системой человека, использование новых видов энергии, формирование целевых идентичностей через игры и разного рода субкультуры — все это составляет ядро происходящего прорыва, не только открывающего огромные возможности, но и таящего серьезные риски. Технологические риски переплетаются с социальными и геополитическими. Угроза обрушения мировой финансовой системы, дефицит воды и продовольствия, ожидаемые природные катаклизмы — и все это на фоне мировой нестабильности, локальных конфликтов и острой конкуренции интеграционных мегапроектов. Драматизма ситуации добавляют множественный подрыв международной правовой системы и интенсивное применение методов гиперконкуренции, колеблющих основы рынка и дающих новые монопольные привилегии отдельным игрокам в ущерб большинству других заинтересованных сторон.

Все это задает новые требования к качеству управления социально-экономическим и научно-технологическим развитием и долгосрочными стратегическими

² The Global Risks Report 2017. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-global-risks-report-2017>; The Inclusive Growth and Development Report 2017. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-inclusive-growth-and-development-report-2017>

рисками. Решение этого класса задач стоит на повестке дня ведущих государств, интеграционных объединений и системообразующих корпораций. Актуальны эти проблемы и для России. Многие подходы и институты, ранее представлявшие работоспособными, уже не соответствуют ни рискам, ни возможностям (в том числе информационно-технологическим), ни социальным настроениям и ожиданиям. Однако принципиальное значение сегодня имеет понимание глубинных свойств современной мировой системы, генеалогия которых восходит к ключевым событиям и процессам XX века.

Проблема валютной гегемонии

Наибольшее влияние в мировой экономике имеет та валюта, которая эмитируется самой экономически мощной державой и вокруг которой формируется вся подчиненная ей структура мировой монетарной системы. В XIX веке таковой стала система, основанная на «золотом стандарте», «жестком курсе валют», а главное — на британском технологическом и экономическом превосходстве и, соответственно, фунте стерлингов. В период с 1913 по 1945 год, ознаменовавшийся переделом сфер влияния в ходе мировых войн, на роль мирового валютного гегемона выдвинулись США [1].

Как подчеркнул Р. Манделл, нобелевский лауреат по экономике, «большинство политических изменений, имевших место в XX веке, были порождены мало осмысленными пока что пертурбациями международной валютной системы, которые, в свою очередь, явились следствием подъема США и просчетов их финансового рычага — Федеральной резервной системы» [2]. Стоит, однако, заметить, что не все «просчеты ФРС» были ошибкой.

Резкий рост экономической мощи США в начале XX века, по справедливому мнению Ван дер Вее, позволял им установить контроль над Западной Европой уже к 1919 году: США «должны были занять место Великобритании как “главы мира”» [2, с. 16], согласующую мировую торговлю, инвестиции и расчеты. По сути, от США требовалось «стабилизирующее лидерство». Реализации этой миссии США помешали не только установка влиятельной части элит на изоляционизм, но и сопротивление и взаимное противоборство других, все еще могущественных в тот момент держав — прежде всего Англии и Франции, принцип «самоопределения» малых народов, породивший множество последствий, и так называемая проблема России. Но главный узел противоречий в тот решающий момент, который мог обеспечить уход от перспективы новой войны, затягивали два конкретных вопроса: сохранение колониальной системы и репарации с Германии, включая перераспределение ее колоний [3]. Версальский мир, принудивший Германию к множеству обязательств, стал одновременно и миной замедленного действия [4].

Для стабилизации национальных экономик, нормализации и возобновления роста мировой торговли требовалось кардинально решить несколько вопросов. Прежде всего необходимо было, согласовав противоречивые экономические интересы, создать признанные международным сообществом инструменты и институты, которые бы обеспечили регулирование тарифов и торгов-

ли и позволили кредитовать платежные балансы стран во избежание повторения экспорта инфляции. И, что самое важное, требовалось найти решение для обеспечения международной торговли платежным и мировым резервным средством, разработать такую систему обменных курсов, которая была бы эффективна достаточно долгий период времени, по крайней мере 25–30 лет.

Как продемонстрировали многочисленные международные конференции и переговоры в период между двумя мировыми войнами, включая опыт Лиги Наций, способность ведущих держав найти взаимовыгодные решения явно оставляла желать лучшего.

Должны были сложиться условия для принуждения правительств ведущих стран не только к плодотворной и конструктивной дискуссии по ключевым вопросам международных отношений, торговли, расчетов и инвестиций, но и к созданию реально дееспособных международных институтов, которые бы отразили доминирующую экономическую роль США.

Важнейший экономический результат Второй мировой войны — создание коалицией победителей системы наднациональных институтов. Главным из них стала Организация Объединенных Наций (ООН). Бреттон-Вудское соглашение (1944) предусматривало также создание МВФ и МБРР (1945–1946), ГАТТ (1947) и систему международных расчетов, основанную на долларе США как мировом платежном и резервном средстве. Были установлены фиксированные в определенном коридоре валютные курсы, восстановлена связь ключевых валют с золотом и установлена его фиксированная цена. К 1945 году США аккумулировали, по разным оценкам, от 70 до 85 % мировых золотых запасов. ФРС США становилась эмитентом мировой платежной валюты, а по сути — центральным банком мировой экономики. Доходы ФРС складывались из эмиссии наличных денег для всей мировой платежной системы (в виде разницы стоимости выпуска одной банкноты и ее номинала, так называемый сеньораж), и из процентов по предоставляемым займам в мировом масштабе.

По приблизительным оценкам, перед США стояла задача освоения около 40–50 % мирового экономического пространства в придачу к тому объему, который они контролировали в довоенный период. Этот революционный сдвиг ясно выразил Франклин Рузвельт: «Главные американские послевоенные интересы ныне заключаются не только в обеспечении преобладания в Западном полушарии, но и в предотвращении попадания Восточного полушария в зону контроля одной потенциально враждебной державы» [5].

Данную задачу обосновывала идеологема либерализации мирового рынка, подразумевающая главным образом снятие преград доступа как на рынки бывших противников и их сателлитов, так и на рынки, находившиеся в зоне колониального влияния союзников США — Великобритании и Франции. Задачами обеспечения доступа на абсолютно все рынки можно было пренебречь. В этой обстановке и возникла возможность развития «второго мира» — социалистического, с относительно обособленными контурами хозяйственной деятельности. Своего рода лимит расширения этого фрагмента мирового рынка эмпирически тоже был

очевиден — 20–25 %. Вот когда глобальный капитал полностью «освоит» свои 75–80 % емкости рынка, объективно возникнет потребность в абсолютной глобализации. Случится это в конце 1980-х годов. «Драйв глобализации» продлится до начала XXI столетия.

Реальный мировой статус России и задачи системы управления

Россия относительно глубоко встроена в мирохозяйственные связи, глобальное информационное пространство и геополитические конфигурации. Это исключает сугубо автаркические решения, но ставит вопрос о характере обеспечения и уровне экономической самодостаточности, культурной идентичности, особенно в условиях санкций и информационно-политического давления. Множественность угроз и возможностей для России налагается на высокую социальную неоднородность и как ее предпосылку и следствие — неоднородность целевых и ценностных ориентаций, поведенческих стереотипов и интересов ключевых групп российского общества [6–9]. В результате в выборе стратегической линии развития наблюдается затянувшийся эффект «рысканий по аттрактору». Нарастание и осознание издержек зависимого положения в мировой конфигурации экономики и политики началось еще в конце 1990-х годов. Этот процесс еще не завершился, что и определяет сохраняющуюся сложность социального выбора.

Характеризуя развитость системы управления социально-экономическим и научно-технологическим развитием по топологической шкале (по критериям «уровень решаемых задач» и «ресурсная база»), можно выделить четыре типа управления:

- соответствующее масштабу задач и ресурсному потенциалу;
- претендующее на достижение масштабных целей, но не использующее надлежащим образом имеющийся потенциал;
- не ставящее масштабных задач, но ориентированное на полную эксплуатацию потенциала;
- не ставящее задач высокого уровня и не ориентированное на полное использование ресурсов.

Следует сделать два разъясняющих замечания — о масштабе решаемых задач и характере управления использования ресурсного потенциала.

Во-первых, о масштабе задач, решаемых системой управления. Вопрос имеет вовсе не отвлеченный характер, будучи с 2014 года одним из самых злободневных вопросов международной риторики, напрямую связанным с введением санкций против России и оценкой ее международного статуса. Речь идет о том, державой какого ранга является Россия. Классификатор по критерию интегральной мощи государств выделяет страны в категории «сверхдержава», «великая держава», «региональная держава», «малое государство» [10]. За каждым понятием стоит эмпирический эквивалент. Сегодня статус сверхдержавы имеют лишь США, приближаются к нему Европейский Союз и Китай. Россия имеет интегральную мощь в середине диапазона великой державы, при этом уровень фактора управления находится на нижней грани диапазона, уступая относительным значениям ряда других параметров [11, 12].

Введение санкций против России декларативно аргументировалось ссылкой на ее статус как якобы региональной державы. Исторически и в современной дипломатии отнесение сильным участником системы международных отношений другой страны к той или иной категории означает попытку односторонней и принудительной фиксации лиги значений ее допустимого (отводимого ей) поведения. В данном случае отрицание объективного статуса России как великой державы с вытекающими отсюда правами и ответственностью в международных отношениях исключает проецирование ею силы вовне и значимую роль в определении глобальной повестки дня. Из этого зазора между самооценкой России и ее оценкой США и их союзниками неизбежно следует не только международное противоречие, но и один из главных вызовов системе управления.

Суть этого вызова в том, какого масштаба задачи Россия может позволить себе решать и могут ли они выходить за рамки отведенного ей статуса. Вокруг этого вопроса развернулась острая внутрисистемная и международная полемика. Официальный курс РФ был сформулирован как «наращивание экономического суверенитета»¹. В прогнозе развития до 2030 года, разработанном Евразийской экономической комиссией, были сформулированы сценарии «Собственный центр силы», «Транзитно-сырьевой мост» и «Продленный статус-кво» [13]. Хотя в реальном пространстве события пока разворачиваются скорее в пространстве второго и третьего сценариев, превращение ЕАЭС в один из самых влиятельных мировых центров силы представляется не только желаемым, но и достижимым. Этот же вариант поддерживается установками на «сопряжение евразийской интеграции с экономическим поясом Великого шелкового пути» и выдвиганием идеи «Большой Евразии». Необходимым условием его реализации является выстраивание соответствующих этой цели институтов управления. Следует обратить внимание на близость стратегических вызовов современности тем обстоятельствам, которые предвещали образование СССР и Великую Отечественную войну.

В конечном счете стратегический выбор для актора с объективно высоким мировым статусом сводится к способности и готовности: 1) быть лидером в целевом секторе деятельности; 2) играть роль провинции; 3) довольствоваться статусом мировой периферии или 4) захолустья — технологического, экономического, социального, культурного. Этот выбор касается и страны, и ее регионов, корпораций и в итоге каждого гражданина. Ставка на лидерство в целевых сегментах мировой экономики и успешные действия по достижению целей являются признаком решения масштабных управленческих задач.

Во-вторых, отношение управляющей системы к ресурсному потенциалу градуируется на его развитие, использование или эксплуатацию (вплоть до уничтожения). Система же управления, которая ставит задачи, соответствующие объективному масштабу страны и ожиданий общества, нацелена на уве-

¹ Протокол совещания у Председателя Правительства РФ от 1 дек. 2015 г. URL: <http://government.ru/orders/20957/>

личение, а не снижение долгосрочной ресурсной мощи страны, в том числе демографической и научно-технологической.

В предложенной топологической шкале сегодняшняя российская система управления обобщенно сочетает свойства второго и третьего типов. Лишь немногие субъекты (корпорации и регионы) действуют в логике первого типа управления и имеют сильные конкурентные позиции. В результате страна представляет собой неоднородное экономическое пространство, где сосуществуют технологические уклады и институты разных поколений [14]. Это делает малоэффективными попытки унифицированного решения всех проблем и тем более сброс их решения в поле рыночной самоорганизации. Решение требует высокой культуры и адекватности управления.

Заключение

Ныне и государство, и российское общество переживают интенсивный период самоосознания. Но стратегический выбор еще не сделан, хотя он во многом и предопределен. В элитах и обществе сохраняются заблуждения относительно возможности следования прежней экономической модели и геополитической парадигме, сводящейся к всемерной интеграции в структуры Запада, делегирования ему части своей ответственности за собственное цивилизационное развитие, предпочтения примитивной модели государственно-монополистического устройства экономики.

Проект стабилизации текущего статуса России без углубленной интеграции постсоветского пространства все еще имеет высокую привлекательность для части российской элиты. Россия, как и другие страны постсоветского ареала, до сих пор не определилась с вектором и моделью своей эволюции. Усилившиеся моменты нарочитой независимости, кое-где за пределами РФ тенденциозно трактуемой как «империализм», отнюдь не сняли этого противоречия российской политики, которая фундаментально в установках современной элиты остается прозападной.

Такая постановка вопроса представляется устаревшей и стратегически ошибочной.

В условиях XXI века статус «великой державы» может быть транзитным состоянием либо в продвижении к сверхдержавному статусу за счет построения собственного или на кооперативных началах торгово-экономического и военно-политического блоков, либо в сползании к положению региональной державы, что рано или поздно будет означать для России отказ от ядерного статуса, территориальные потери и слом цивилизационной идентичности.

Множественность акторов и их интересов в современном мире предполагает ряд сценариев развития между двумя крайностями: большой войной и сохранением напряженности. Это состояние сегодня лишь с натяжкой можно называть «новой холодной войной». Пока нет критической массы условий и факторов новой войны мирового масштаба. Происходит, правда, их накопление, аналогично «нагреванию котла», как это было перед двумя мировыми войнами XX столетия.

Международная обстановка требует от России безупречно выполнять роль и гаранта (одного из гарантов,

но критически важного), и оператора (одного из них, но критически ценного) системы поддержания мировых и региональных экономических балансов, прежде всего в военно-политической, топливно-энергетической, транспортной, космической и ряде других областей. Реальный потенциал, имеющийся у России как у великой державы, по большинству параметров интегральной мощи позволяет успешно противостоять разжиганию войны.

Однако особенностью долгосрочной динамики России является повышенная склонность ее управляющей элиты к неоправданным внешнеполитическим уступкам, чреватым принесением себя в жертву чужим геополитическим и геоэкономическим замыслам. Обычно это самопожертвование заканчивается катастрофой, преодоление которой требует перенапряжения сил. И то и другое оборачивается конкурентными преимуществами и выгодами для других заинтересованных сторон (оппонентов). Так и сегодня одним из лейтмотивов внешних и внутренних дебатов является указание на «малость» или «слабость», «зависимость», «региональность», «провинциальность», «отсталость» и прочие характеристики России, призванные в зародыше исключить нежелательный для ряда глобальных игроков сдвиг в пользу обретения Россией стратегической субъектности.

При всей непоследовательности действий высшего политического руководства РФ его стратегические императивы и понимание современного момента неоднократно были выражены вполне отчетливо. Между качеством понимания, принимаемыми решениями и эффективностью их реализации существует, однако, дистанция, в некоторых случаях непреодолимая.

Группа стран БРИКС, поначалу казавшаяся многим удобной умозрительно-статистической конструкцией, довольно быстро обнаружила существенный онтологический смысл. Он не сводится только к происходящему фундаментальному сдвигу в мировой экономике в пользу развивающихся стран, авангардом которых являются БРИКС и ряд других стран (Мексика, Индонезия, Нигерия, Турция — группа МИНТ, а также некоторые другие). В международных отношениях также возрастает роль БРИКС как субъекта суверенной политики, альтернативной развязыванию новой мировой войны. В этих условиях инициированная Россией активизация экономического и военного сотрудничества стран в рамках БРИКС, а также ЕАЭС может предотвратить втягивание их в новую большую войну.

Литература

1. Агеев А. И. Смена гегемона: война и экономика / А. И. Агеев. — М. : Институт экономических стратегий, РУБИН, 2016.
2. Ван дер Вее Г. История мировой экономики. 1945–1990 / Г. Ван дер Вее. — М. : Наука, 1994.
3. Уткин А. И. Вудро Вильсон / А. И. Уткин. — М. : Культурная революция, 2010. — С. 448.
4. Keynes J. M. A Revision of the Treaty / J. M. Keynes. — N. Y. : Harcourt, Brace and company, 1922.
5. Уткин А. И. Рузвельт / А. И. Уткин. — М. : Логос, 2000. — С. 275.
6. Макаров В. Л. Социальный кластеризм: российский вызов / В. Л. Макаров. — М. : Бизнес Атлас, 2010.
7. Аганбегян А. Г. Стратегическая задача России — ускорение социально-экономического развития / А. Г. Аганбегян // Экономические стратегии. — 2013. — № 7, 8.

8. *Маевский В. И.* О рациональном поведении реального потребителя / В. И. Маевский, Д. С. Чернавский // Вопросы экономики. — 2007. — № 3.

9. *Полтерович В. М.* Элементы теории реформ / В. М. Полтерович. — М.: Экономика, 2007.

10. *Агеев А. И.* Методология стратегической матрицы / А. И. Агеев, Б. В. Куроедов, Р. Мэтьюз, О. С. Сандаров. — М.: Институт экономических стратегий, 2004.

11. *Агеев А. И.* Особенности применения методологии стратегической матрицы при прогнозировании развития государств (на

примере России и Китая) / А. И. Агеев, Б. В. Куроедов. — М.: Институт экономических стратегий, 2008.

12. Глобальный рейтинг интегральной мощи 100 стран мира / А. И. Агеев, Г. Менш, Р. Мэтьюз. — М.: Институт экономических стратегий, 2012.

13. Долгосрочный прогноз экономического развития Евразийского экономического союза до 2030 года. — М.: ЕЭК, 2015.

14. *Глазьев С. Ю.* Стратегия опережающего развития российской экономики в условиях глобального кризиса / С. Ю. Глазьев. — М.: Экономика, 2010.

А. А. Акаев¹

О ПЕРСПЕКТИВАХ СТАНОВЛЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО МНОГОПОЛЯРНОГО МИРОУСТРОЙСТВА НА БАЗЕ ПАРТНЕРСТВА ЦИВИЛИЗАЦИЙ

В послевоенные десятилетия на основе договоренностей трех великих держав антигитлеровской коалиции (СССР, США и Великобритания), достигнутых в Ялте в феврале 1945 года, удалось обеспечить сравнительно устойчивое геополитическое развитие и избежать перерастания ряда локальных конфликтов (Корея, Вьетнам, Карибский кризис, Афганистан) в новую мировую войну, столкновение цивилизаций. Прекращение холодной войны способствовало усилению этой тенденции².

Однако допущенные Горбачевым—Шеварднадзе односторонние уступки Западу и НАТО, роспуск Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) и Организации Варшавского договора, а затем распад СССР подорвали основы Ялтинского мира и породили у США и НАТО иллюзию возможности становления однополярного мироустройства при превращении России во второразрядную региональную державу. Проводимый Ельциным—Козыревым внешнеполитический курс на следование в фарватере политики США и пренебрежение национальными интересами привели к резкому ослаблению внешней политики России, ее позиций в геополитическом мироустройстве.

Однако с приходом Е. М. Примакова к руководству МИД, а затем и правительством России этот глубоко

ошибочный курс начал исправляться. При Путине—Лаврове внешнеполитический курс был подчинен задачам возрождения России как мощной мировой державы, проведению независимой внешней политики, отвечающей национальным интересам России и возрождению евразийской цивилизации. Но эта независимая политика вступила в острое противоречие со стремлением США и их союзников по НАТО к сохранению своей гегемонии и формированию однополярного мироустройства при игнорировании ООН. Особенно остро эти противоречия проявились в середине 2010-х годов в результате украинского кризиса, воссоединения Крыма с Россией и применения Западом санкций к России. Нарушены основы геополитической устойчивости, возрождается призрак холодной войны, американские милитаристские круги поддержали новый виток гонки вооружений и совершили ряд военных авантур (в Ираке, Ливии, Афганистане, Сирии).

В то же время с конца XX века мир вступил в эпоху исторического разлома, длительного и глубокого глобального кризиса, обусловленного сменой сверхдолгосрочных цивилизационных циклов — закатом двухсотлетней индустриальной цивилизации и становлением гуманистически ноосферной интегральной мировой цивилизации, переходом от пятисотлетнего четвертого поколения локальных цивилизаций при доминировании Запада к пятому поколению при лидерстве Востока. Одним из проявлений глобального кризиса является резкое обострение геополитических противоречий между восходящими цивилизациями и ведущими державами во главе с Китаем и Россией, закладывающими основы интегральной цивилизации и многополярного мироустройства, и нисходящими цивилизациями и мировыми державами во главе с США и Евросоюзом, стремящимися сохранить обреченную на уход с исторической арены индустриальную цивилизацию и установить однополярное мироустройство при гегемонии Запада.

В этих условиях возникает безотлагательная необходимость в формировании нового мироустройства, учитывающего изменившееся соотношение сил, сдвиг центра цивилизационной активности на Восток в результате укрепления позиций Китая и Индии, формирования БРИКС (сокращение от Brazil, Russia, India, China, South Africa) и ШОС (Шанхайская организация

¹ Президент Киргизской Республики (1990–2005), президент Академии наук Киргизской Республики (1988–1990). Главный научный сотрудник Института математических исследований сложных систем МГУ им. М. В. Ломоносова (с 2005 г.), иностранный член Российской академии наук, академик Академии наук Киргизской Республики, доктор технических наук, профессор. Научный руководитель Научно-учебной лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Автор более 300 научных работ, изобретений и учебных изданий по прикладной математике, математической экономике, оптическим компьютерам и информационным технологиям. Политические, экономические и философские взгляды изложены в работах «Трудная дорога к демократии: памятное десятилетие», «Переходная экономика глазами физика», «Новая стратегия В. В. Путина по достижению высоких устойчивых темпов роста российской экономики», «Комплексное моделирование и прогнозирование развития стран БРИКС в контексте мировой динамики» (в соавт.), «Думая о будущем с оптимизмом: размышления о внешней политике и мироустройстве» и др. Действительный член Нью-Йоркской академии наук. Награжден орденом «Знак Почета», медалью Пушкина. Лауреат золотой медали Н. Кондратьева, золотой медали В. Леонтьева, золотой медали и ордена В. Вернадского.

² *Акаев А. А.* Думая о будущем с оптимизмом. Размышления о внешней политике и мироустройстве. М., 2004.

сотрудничества). Меры по становлению нового миропорядка определены в стратегических документах БРИКС и ШОС. Россия также выступила с инициативами интеграции «интеграций» и партнерства в рамках Большой Евразии в целях укрепления основ многополярного мироустройства. Достижению этих целей способствует провозглашенная Китаем программа экономического пояса Шелкового пути. Новая модель мироустройства должна быть ориентирована на диалог и партнерство цивилизаций и государств в ответ на глобальные вызовы XXI века. Именно такую политику последовательно проводят президент РФ В. В. Путин и министр иностранных дел С. В. Лавров.

На состоявшейся в октябре 2016 VII Международной конференции в Ялте, организованной журналом «Международная жизнь» при участии МИД РФ, мы совместно с профессором Ю. В. Яковцом выдвинули предложение о разработке новой модели устойчивого многополярного мироустройства на базе диалога и партнерства цивилизаций (Ялтинский мир–2), создании «Ялтинского клуба» ученых и дипломатов и последующем вынесении этой модели на обсуждение на Саммите цивилизаций в 2020 году (Ялта–2) и в ООН. «Ялтинский клуб» создан 22 декабря 2016 года на учредительном собрании, состоявшемся в Институте экономических стратегий (ИНЭС), в соответствии с предложением Международного института Питирима Сорочкина — Николая Кондратьева (МИСК), одобренным на VII Международной конференции в Ялте 19 октября 2016 года. На первом заседании «Ялтинского клуба» обсуждался научный доклад «Перспективы становления устойчивого многополярного мироустройства на базе партнерства цивилизаций», подготовленный Ю. В. Яковцом и А. А. Акаевым, в котором были обрисованы контуры новой модели многополярного мироустройства¹. Ниже кратко излагается суть нашего предложения.

1. Формирование и основное содержание Ялтинского мира

Вторая мировая война обусловила формирование партнерства трех великих держав — США, СССР и Великобритании — против угрозы стремительного распространения противоположного партнерства — Берлина, Рима и Токио, распространявшегося в Европе и значительной части Азии.

В центре внимания Ялтинской конференции 4–11 февраля 1945 года были вопросы послевоенного мироустройства. Основные предложения по послевоенному мироустройству и созданию ООН были рассмотрены на совещании министров иностранных дел трех держав. От Советского Союза участвовали нарком иностранных дел В. М. Молотов, его заместитель И. Э. Майский и посол СССР в США А. А. Громыко. Предложения этого совещания были рассмотрены на встречах Сталина, Рузвельта и Черчилля, в результате которых и состоялось подписание итоговых документов. Там же было решено созвать 25 апреля 1945 года в Сан-Франциско Международную кон-

ференцию в целях разработки Устава ООН, который был подписан 26 июня 1945 года и вступил в действие 24 октября 1945 года.

Таким образом, Ялта стала местом, где были выработаны основы послевоенного многополярного мироустройства и создания ООН, определившие сравнительно устойчивый миропорядок почти на пять десятилетий. В основу Ялтинского мира была положена необходимость поддержания баланса послевоенного мироустройства с учетом интересов основных геополитических сил и государств-победителей, чтобы не допустить возникновения новой мировой войны и обеспечить устойчивый миропорядок.

Хотя широко распространено мнение о двухполярном мироустройстве послевоенных десятилетий, однако фактически это было многополярное мироустройство. Наряду с двумя сверхдержавами, возглавлявшими экономические и военно-политические объединения, независимую самостоятельную политику проводили Китай, Индия и другие державы, объединившиеся в рамках ООН в «Группу 77».

При формировании ООН за основу были взяты принципы единогласия и права вето пяти постоянных членов Совета Безопасности: США, СССР, Великобритании, Франции и Китая, что не давало возможности навязывать свою волю всему миру ни одному из союзов западных государств. С началом холодной войны и возникновением ряда локальных конфликтов (Корейская война, война во Вьетнаме, Карибский кризис, война в Афганистане) ООН продолжала использовать методы диалога и сохраняла поиск компромисса между ведущими державами, что позволило избежать третьей мировой войны.

По инициативе ООН решались многие вопросы послевоенного мироустройства, конфликты, крупные мировые проблемы. Разрабатывались десятилетние программы развития, была обоснована стратегия устойчивого развития и экологической безопасности, многочисленные организации ООН оказывали существенное влияние на мировое развитие.

Плодотворная роль ООН в поддержании миропорядка отмечалась лидерами ведущих держав на 70-й (юбилейной) сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2015 года.

2. Разрушение Ялтинского мира

Однако с конца XX века роль ООН в регулировании мирового порядка значительно ослабла, были подорваны и разрушены основы ялтинского мироустройства. Этому способствовало несколько факторов.

Во-первых, развитие глобализации по неолиберальной модели при диктате транснациональных корпораций и банков, поддержанных международными финансово-экономическими организациями (Международный валютный фонд, Всемирный банк), привело к ослаблению международного контроля за их деятельностью.

Во-вторых, распад СССР и мировой системы социализма обусловил ослабление держав, противостоявших американскому диктату, и породил у правящих кругов США иллюзию об установлении однополярного

¹ Яковец Ю. В., Акаев А. А. Перспективы становления устойчивого многополярного мироустройства на базе партнерства цивилизаций. М.: МИСК, 2016.

мироустройства, их исключительном праве на определение нового мирового порядка. Это нашло наиболее полное отражение в книге Збигнева Бжезинского «Великая шахматная доска»¹.

В-третьих, США и НАТО, не имея возможности преодолеть самостоятельную политику и право вето России и Китая в Совете Безопасности, стали осуществлять агрессивные действия в обход ООН. Это проявилось в бомбардировке Югославии, агрессии в Ираке, разрушении Ливии, разжигании гражданской войны в Сирии.

Все это подорвало геополитическое равновесие в мире, лишило его возможности решения крупных проблем с учетом интересов разных стран и цивилизаций и породило новый геополитический кризис, который усилился после инициированного США и их союзниками государственного переворота на Украине и применения санкций к России.

Таким образом, на протяжении четверти века (после отказа от принципов Ялтинского мира) усиливается политическая напряженность, нарастают геополитические конфликты и угрозы столкновения цивилизаций. Это требует выработки новой модели глобального многополярного мироустройства, адекватного условиям и соотношению сил в XXI веке и позволяющего ослабить угрозу возобновления холодной войны и начала третьей мировой войны — самоубийственного столкновения цивилизаций².

Президентские выборы в США в ноябре 2016 года стали отправной точкой для усиления предпосылок формирования новой модели мироустройства, ориентированной на учет интересов различных государств и цивилизаций и использование механизмов диалога и партнерства для ответа на вызовы XXI века. Эта тенденция будет проявляться постепенно, демонстрируя отрыв правящих кругов западных держав от реальных интересов народов этих стран. Тем самым создаются предпосылки для становления в перспективе новой модели устойчивого многополярного мироустройства, отвечающего реалиям XXI века.

3. Объективные основы перехода к перспективной модели многополярного мироустройства

При определении перспектив формирования новой модели устойчивого многополярного мироустройства на базе диалога и партнерства цивилизаций (Ялтинский мир–2) следует учитывать глубокие трансформации, которые происходят и будут происходить в мире цивилизаций в XXI веке. Эти трансформации были исследованы в работах лидеров современной российской цивилизационной научной школы за последнюю четверть века³.

В чем же состоят глубокие трансформации?

Во-первых, в конце XX века завершается жизненный цикл двухсотлетней индустриально-капиталисти-

ческой мировой цивилизации, которая берет свое начало с промышленной революции конца XVIII — начала XIX века, а также пятисотлетнего четвертого поколения локальных цивилизаций при доминировании Запада. Это является главным содержанием глобального цивилизационного кризиса конца XX — первой четверти XXI века.

Во-вторых, с начала XXI века в авангардных странах (прежде всего в Китае) закладываются основы интегральной мировой цивилизации; практически сформировалось более дифференцированное и активное пятое поколение локальных цивилизаций при лидерстве Востока. Эти процессы получают более полное развитие во второй четверти XXI века. Начинается сдвиг исторического маятника с Запада на Восток, который станет более очевидным во второй четверти века и неоспоримым — в третьей четверти. Вместе с тем будет происходить дальнейшая дифференциация мира локальных цивилизаций, которые становятся основными игроками на геополитической арене.

В долгосрочной перспективе возможно увеличение их числа в результате дифференциации мусульманской цивилизации на несколько локальных цивилизаций.

В-третьих, меняется соотношение факторов прогресса цивилизаций. Если в прежнюю эпоху решающими факторами были увеличение численности населения и занятых в экономике, а также вовлечение в воспроизводство новых, более дешевых естественных ресурсов, то в XXI веке в связи с развитием депопуляции, истощением ряда природных ресурсов и увеличением экологических расходов демографические и природно-экологические факторы становятся ограничителями экономического роста, на первое место выходят инновационно-технологические и социокультурные факторы.

В-четвертых, ускоренный процесс интеграции и глобализации приводит к тому, что центр тяжести в определении судеб цивилизаций переносится на надгосударственный уровень — на уровень локальных цивилизаций и их объединений и глобальный уровень. Именно здесь находятся узлы противоречия, которые определяют исторические тенденции будущего развития.

В-пятых, геополитические и геочивилизационные отношения во второй четверти XXI века будут определять лидеры поколения 2020-х годов, а в третьей четверти — лидеры поколения 2050-х годов. Наблюдается растущий разрыв между поколениями и угроза потери значительной части накопленного научного, культурного и социально-политического наследия при смене поколений. Это выдвигает на первый план проблему методов передачи цивилизационного наследия новым поколениям.

В-шестых, накопленный уровень ядерных и других средств массового уничтожения и быстрое совершенствование вооружений делает невозможным применение использовавшихся в прежние исторические эпохи методов разрешения межцивилизационных и геополитических противоречий с помощью войн. Жизненно необходимыми становятся разработка глобальным сообществом способов демилитаризации экономики

¹ Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). М., 1998.

² Акаев А. А. Указ. соч.

³ Яковец Ю. В. Научные основы преодоления цивилизационного кризиса и выхода на траекторию глобального устойчивого развития. М.: МИСК, 2013.

и общества, исключение войн и терроризма из геополитической практики и переход к другим методам разрешения противоречий в интересах мира цивилизаций и государств. Это делает особенно актуальными проблемы использования накопленного военно-технического потенциала для преодоления последствий природных и технологических катастроф и формирования глобальной системы регулирования этих процессов при ведущей роли ООН и ослаблении роли или роспуске агрессивных военных союзов типа НАТО.

Все эти факторы обуславливают необходимость построения новой модели многополярного мироустройства (Ялтинский мир–2) на иных принципах, с учетом опыта построения Ялтинского мира и новых объективных условий и тенденций цивилизационного развития.

4. Принципы формирования Ялтинского мира–2

Можно выделить следующие основные принципы построения и функционирования новой модели многополярного мироустройства на базе диалога и партнерства цивилизаций.

Во-первых, эта модель носит *цивилизационный характер*. Она исходит из того, что XXI столетие — это век локальных цивилизаций, которые становятся основными действующими лицами на геополитической арене, оттеснив национальные государства и крупные державы, которые были основными игроками в XX веке. Число суверенных государств (признанных и непризнанных) в настоящее время приближается к 220. Они включают как государства — гиганты по численности населения, превышающей 1 млрд человек (Китай, Индия), так и небольшие государства с численностью населения несколько десятков или сотен тысяч человек, не имеющие возможности самостоятельно обеспечивать условия воспроизводства для своего населения.

В настоящее время мы имеем дело с 12 локальными цивилизациями пятого поколения: три цивилизации Европы (западноевропейская, восточноевропейская, евразийская), шесть цивилизаций Азии и Африки (китайская, индийская, японская, буддистская, мусульманская, африканская) и три недавно отпочковавшиеся от Запада цивилизации Америки и Океании (североамериканская, латиноамериканская и океаническая).

В перспективе к середине XXI века в результате дифференциации мусульманской цивилизации может произойти ее разделение на пять или шесть локальных цивилизаций: арабскую, персидскую (Иран), индо-мусульманскую, тихоокеанско-мусульманскую, евро-мусульманскую и, возможно, афро-мусульманскую южнее Сахары. Шести цивилизациям христианского мира будут противостоять пять или шесть цивилизаций мусульманского мира¹. Можно также выделить две цивилизации индуистско-буддистского мира (индийскую и буддистскую) и две цивилизации конфуцианско-даосистского мира (китайскую и японскую).

Каждый из этих миров будет включать как государства, входящие в состав локальных цивилизаций,

так и их анклавы в других цивилизациях и диаспоры по всему миру. В дальнейшем будет происходить процесс смешения цивилизаций и усиления цивилизационных противоречий не только на межцивилизационной основе, но и внутри отдельных цивилизаций, что сейчас наблюдается в Западной Европе².

Поэтому главной перспективной проблемой мироустройства, которую нужно решать, является нахождение оптимальных условий рациональных отношений между локальными цивилизациями с исключением возможности их столкновения, которое при использовании современных средств массового уничтожения может стать гибельным для всего человечества³.

Во-вторых, при определении взаимоотношений между цивилизациями в долгосрочной перспективе необходимо исходить из *принципа многополярности*, равноправия и учета разнообразия интересов и разрешения возникающих противоречий на основе компромисса и консенсуса. Попытки построить однополярный или двухполярный мир при гегемонии ведущих цивилизаций (сверхдержав) весьма опасны и обречены на провал. Будущее — за принципом равенства и учета особенностей и интересов каждой цивилизации при сохранении их разнообразия. Нужно учитывать, что локальные цивилизации значительно различаются как по территории, так и по численности населения, составу и объему природных ресурсов, экономическому и социально-политическому строю, уровню развития науки и культуры, религиозным и цивилизационным ценностям. Жизнестойкость глобальной цивилизации зависит от сохранения, обогащения и передачи следующим поколениям цивилизационного разнообразия, учета противоречивых интересов при решении вопросов взаимодействия между ними и разрешения неизбежно возникающих противоречий и локальных конфликтов на основе их особенностей и консенсуса.

В-третьих, *возросшие риски развития цивилизации*, прежде всего экологические и технологические, требуют радикального решения на глобальном уровне и оптимального распределения компетенции между тремя уровнями — глобальным (ООН и другие международные организации), региональным (интеграционные и цивилизационные объединения) и национально-государственным. При повышении роли и ответственности регионального и глобального уровней и сохранении суверенитета национальных государств, число которых в перспективе будет увеличиваться, нужно избежать ошибок, допущенных при развитии Европейского Союза, где была осуществлена жесткая интеграция и чрезмерно усилена компетенция руководства ЕС. В то же время повышение взаимозависимости и увеличение рисков глобального развития требуют повышения роли и усиления ответственности глобальных органов, прежде всего ООН как центрального звена, представляющего интересы всего человечества, всех цивилизаций и государств. Это потребует дальнейшей реорганизации ООН и повышения ее роли в новой модели многополярного мироустройства⁴.

² Яковец Ю. В. Мусульманские цивилизации в мире цивилизаций. М.: МИСК, 2015.

³ Моисеев Н. Н. Быть или не быть... человечеству? М., 2003.

⁴ Акаев А. А. Думая о будущем с оптимизмом.

¹ Акаев А. А. Мусульманский мир в XXI веке: возвращение в Средневековье или прорыв в будущее? // Стратегические приоритеты. 2015. № 3 (7).

В-четвертых, необходимо повысить управляемость противоречивыми процессами динамики на всех трех уровнях цивилизационно-государственной динамики. Необходимы разработка и последовательная реализация долгосрочных научно обоснованных прогнозов и стратегий глобального цивилизационного развития и тесная связь между различными уровнями принятия решений: глобальным, региональным и национально-государственным. Потребуется повысить компетентность и ответственность лиц, принимающих решения на всех уровнях.

В-пятых, нужно усилить контроль гражданского общества за деятельностью региональных и глобальных органов управления, транснациональных корпораций и банков, а также за развитием процессов преодоления постоянно возникающих рисков. В этих условиях в перспективе теряет свой смысл существование НАТО и других локальных военно-политических объединений, провоцирующих гонку вооружений и обострение междоцивилизационных противоречий. В то же время понадобится выработка глобальной системы обеспечения безопасности и поэтапного снижения угрозы возникновения военных конфликтов при определяющей роли Совета Безопасности ООН.

В-шестых, учитывая сложность долгосрочных противоречивых процессов цивилизационного развития, необходимо *повысить наукоемкость* регулирования глобальных цивилизационных процессов. Отрыв органов власти от науки, наблюдающийся в настоящее время на разных уровнях, чреват потерей стратегического видения эффективности управления. Первый шаг в повышении наукоемкости — создание научно-консультативного совета при Генеральном секретаре ООН. Необходимо создание системы активного участия ученых в разработке долгосрочных и сверхдолгосрочных прогнозов и обоснование стратегических приоритетов на всех уровнях: глобальном, региональном и национально-государственном. Этому будет способствовать выработка учеными новой парадигмы общественных наук, отвечающей реалиям XXI века. Такая парадигма активно разрабатывается российскими научными школами с участием ученых других цивилизаций. Одним из примеров дальнейшего научного видения является обоснование российскими учеными перспективной модели устойчивого многополярного мироустройства на базе диалога и партнерства цивилизаций.

В-седьмых, важнейшим условием обеспечения устойчивого многополярного мироустройства является преодоление пропасти в уровне экономического, социального и энерго-экологического развития между различными цивилизациями, странами, социальными слоями и поколениями, что является глубинной причиной геополитических противоречий и нарастания миграционных потоков. Это должно стать центральной задачей ООН, интеграционных объединений и национальных государств, обеспечивая равные условия жизни и развития на всей территории нашей планеты.

5. Этапы формирования и развития многополярного мироустройства

Очевидно, что процессы радикальной трансформации сложившейся системы геополитических отношений, имеющих многовековые традиции, не могут быть осуществлены за короткое историческое время. Это потребует нескольких десятилетий и поэтапного подхода к реализации вышеизложенных принципов формирования устойчивого многополярного мироустройства на базе диалога и партнерства цивилизаций, разрешения накопившихся «узлов» противоречий. Данному процессу будет способствовать смена поколений национальных и международных лидеров.

Можно выделить следующие этапы формирования и развития предложенной модели многополярного мироустройства¹. Эта модель может быть применена во второй и третьей четверти XXI века, в период становления и распространения на планете интегральной, гуманистически ноосферной цивилизации пятого поколения локальных цивилизаций.

На первом этапе, в 2016–2020 годах, представляется необходимым осуществить в рамках Ялтинского клуба разработку разделов доклада «Становление устойчивого многополярного мироустройства на базе диалога и партнерства цивилизаций». Этот доклад может быть подготовлен в 2017 году группой ученых, дипломатов и политических деятелей, представляющих все цивилизации, обсужден в рабочих группах и на заседании клуба в Ялте в октябре 2017 года, доработан и представлен на обсуждение попечительского совета Ялтинского клуба в феврале-марте 2018 года и на заседаниях круглого стола в рамках 72-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в мае-июне 2018 года вместе с проектом резолюции Генеральной Ассамблеи ООН о провозглашении 2020–2030-х годов Десятилетием партнерства цивилизаций и проведении Саммита цивилизаций в 2020 году (в год 75-летия Ялтинской конференции) для рассмотрения стратегии становления многополярного мироустройства на базе партнерства цивилизаций и дорожной карты по реализации стратегии.

Предполагается, что эти документы будут переведены на основные языки, размещены в Интернете и направлены руководству России, Китая, Казахстана, Ирана и другим заинтересованным странам для включения в повестку дня Генеральной Ассамблеи ООН.

Потребуется еще порядка десяти лет, чтобы основные принципы и механизмы предложенной модели были детально разработаны, обсуждены на саммитах по отдельным стратегическим приоритетам, реализованным в виде реорганизации ООН и системы международных организаций, и введены в действие.

Это создаст необходимые условия для достижения целей устойчивого развития на период до 2030 года, определенных Саммитом ООН в сентябре 2015 года. Одновременно потребуются разработка новой системы целей и стратегий их достижения, отвечающей изменившимся условиям цивилизационного развития до 2050 года.

Третья четверть XXI века, вероятно, будет отмечена разработкой и реализацией полномасштабной модели

¹ Яковец Ю. В., Акаев А. А. Указ. соч.

устойчивого многополярного мироустройства на базе диалога и партнерства цивилизаций, которая будет периодически корректироваться с учетом существенных изменений условий развития, а также перемен в мире цивилизаций.

Таким образом, при реализации этого оптимистического сценария усилиями лидеров поколений 2020-х и 2050-х годов, поддержанных большинством человечества, мир цивилизаций с последней четверти XXI века будет развиваться в условиях устойчивого многополярного мироустройства на базе диалога и партнерства цивилизаций. Это позволит давать адекватные ответы на новые вызовы, которые неизбежно будут возникать в последующие десятилетия и требовать объединения усилий всех цивилизаций, государств, социальных слоев и поколений.

Инициатива разработки новой модели устойчивого многополярного мироустройства на базе партнерства цивилизаций станет ярким проявлением авангардной роли России в преодолении современного

геополитического кризиса и формирования устойчивого геополитического климата, способствующего реализации намеченных Саммитом ООН в сентябре 2015 года целей устойчивого развития на период до 2030 года.

В заключение мы призываем всех заинтересованных ученых и дипломатов, общественных и государственных деятелей, представителей локальных цивилизаций принять активное участие в работе Ялтинского клуба по подготовке и пропаганде научно обоснованного полноценного доклада «Становление устойчивого многополярного мироустройства на базе диалога и партнерства цивилизаций» и представлению его руководителям ведущих держав мира и цивилизаций, а также в ООН, а затем всемерно содействовать его рассмотрению на Саммите цивилизаций и сессии Генеральной Ассамблеи ООН и практической реализации Стратегии становления устойчивого многополярного миропорядка на базе диалога и партнерства цивилизаций со стороны ООН.

Антон Беблер¹

БАЛКАНЫ И ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Разделяя некоторые вызовы и проблемы безопасности со всей остальной Европой, Балканский регион долгое время отличался рядом особенностей. Само название, введенное немецкими географами в XVIII веке и происходящее от турецкого слова *Balkan* (гора), свидетельствует о длительном воздействии (в течение почти пяти столетий) османского владычества. Это название, первоначально применяемое к европейским владениям Османской империи, сохранилось после того, как большая часть территории освободилась от османского ига, и с тех пор относится ко всему полуострову. Поскольку термины «Балканы» и «балканизация» приобрели в XX веке негативные коннотации, в международном дискурсе на смену им пришло название «Юго-Восточная Европа» — по сути географическое и неангажированное².

Исторический фон

Долгое время существовала ощутимая взаимосвязь между геополитическими событиями в евроатлантическом регионе и региональной безопасностью в Юго-Восточной Европе (ЮВЕ). С одной стороны, сдвиги

во властных отношениях между крупными внерегиональными державами повлияли на (дис)баланс между конфликтом и сотрудничеством в регионе. Некоторые реальные или потенциальные угрозы безопасности в ЮВЕ представляют опасность и для других частей Европы. Кроме того, в течение последних двух десятилетий сама по себе ЮВЕ стала заметным источником неуверенности, которая распространилась на другие части континента. Выделяются две особенности ЮВЕ как региона — чрезвычайно многогранная гетерогенность и высокая чувствительность элит к внешним воздействиям. Это основные причины того, почему ЮВЕ никогда не становилась сбалансированным регионом в культурном, политическом и экономическом смысле, явно не имея собственного центра тяжести. В этом отношении ЮВЕ заметно отличается от других европейских регионов. Не случайно геополитическая линия разлома, простирающаяся от ЮВЕ на восток вплоть до Тихого океана, была определена Збигневом Бжезинским как «Евроазиатские Балканы»³.

Геополитическая нестабильность в ЮВЕ имеет глубокие исторические корни. ЮВЕ частично совпадает с регионами Восточного Средиземноморья, Центральной и Восточной Европы и Черного моря. На протяжении двух тысячелетий ЮВЕ находилась на перекрестке путей миграции между Востоком и Западом и между Севером и Югом, а также вторжений и завоеваний со стороны внерегиональных держав. Область, населенная предками современных греков, албанцев, румын, далматинцев и других народов, была завоевана римлянами и к 395 году н. э. была разделена императорами Диоклетианом и Феодосием на Западную и Восточную Римские империи. Граница между ними, про-

¹ Профессор факультета общественных наук Университета Любляны (Словения), доктор политических наук. Посол, постоянный представитель Республики Словения в Организации Объединенных Наций (1992–1997). Автор ряда научных работ, в т. ч.: «Южная Европа и европейская безопасность», «Европейский Союз, НАТО и “арабская весна”», «Опыт федерализма в Юго-Восточной Европе и постдейтонской Боснии и Герцеговине», «Словения и политика безопасности Европейского Союза», «НАТО и транснациональный терроризм», «О политическом и культурном аспектах российско-украинского конфликта» и др. Президент Атлантического совета Словении.

² В данном докладе подразумевается, что Юго-Восточная Европа включает Балканы (которые простираются от Молдавии до Греции и Кипра), Хорватию и Словению. В этот регион не входят Украина и южная часть европейской России.

³ Brzezinski Z. The Grand Chessboard. Baril Books, 1997. P. 7–25.

шедшая по реке Дрина, сегодня по-прежнему актуальна в социальной, этнической, религиозной и политической сферах. Более поздние миграции в эту область и через нее славян, аварцев, гуннов, вестготов, турков, евреев, армян, черкесов и других придали ей неповторимые и очень колоритные черты. Центральная часть ЮВЕ — Балканы — предстала как уникальная в Европе разнородная в культурном, языковом и религиозном отношении смесь народов. Этническая и религиозная гетерогенность населения на Балканах возросла под властью Османской империи и оставалась высокой, несмотря на несколько волн этнических чисток и геноцида.

Эта многогранная гетерогенность и преднамеренно разделяющая политика пост-османских властей дала плодородную почву для многолетнего межобщинного напряжения и конфликтов. Деграция, ослабление и, наконец, спад османского господства, что совпадало с ростом национализма на всех балканских землях в XIX веке, освободили этот веками подавляемый конфликтный потенциал. Региональные потрясения, местные мятежи, революции, государственные перевороты и войны сделали Балканы наиболее нестабильной частью европейского континента. Со времени убийства в 1831 году первого избранного главы освобожденной Греции графа Иоанниса Каподистрия Балканы стали и больше века остаются также одним из самых опасных очагов политически мотивированного терроризма. Его жертвами стали представители практически всех балканских государств, среди которых были короли, принцы, премьер-министры, министры внутренних дел, губернаторы, генералы, депутаты и другие политики и должностные лица. К концу османского господства Балканы стали объектом конкуренции между крупными континентальными державами и «пороховой бочкой» Европы. В 1908 году Османская империя окончательно уступила Боснию Австро-Венгрии и к 1913 году потеряла большую часть своих европейских владений. И лишь примерно через год, в июне 1914 года, австро-венгерский наследный принц Франц Фердинанд фон Габсбург был убит в Сараево. Оттоманский след все еще отчетливо просматривается в обострении регионального кризиса, спровоцировавшего начало Первой мировой войны. Балканы стали тогда одним из самых кровавых театров военных действий.

Напряженность и конфликты между этническими и религиозными общинами, зачастую отмеченные наследием Османской империи, характеризовали политическую историю Балкан и в дальнейшем, на протяжении всего XX века. Самые кровавые вспышки насилия приняли форму межгосударственных и гражданских войн, частично совпадающих с двумя континентальными войнами и отражающих геополитические сдвиги в отношениях между великими державами и их союзами. Последнюю волну массового насилия на Балканах стимулировали сами по себе позитивные события в евроатлантическом регионе: конец холодной войны, крах восточноевропейских и советских коммунистических режимов, роспуск Организации Варшавского договора (ОВД)

и последующий переход к либеральным политическим системам и рыночной экономике.

Эти события содействовали распаду коммунистической Югославии. Социальная напряженность, экономические трудности и политические беспорядки в значительной мере способствовали вспышке межэтнических конфликтов. Их серьезность еще больше усиливалась современными средствами массовой информации и часто использовалась безжалостными политиками. Наибольшее число жертв в ходе войн на территории Югославии в 1990–1995 годах было вызвано вооруженными конфликтами вдоль разделительной линии между мусульманами и христианами и связано с административным делением и межгосударственными границами, унаследованными от Османской империи. Наиболее заметными среди них были боснийские западные и северные границы — одни из старейших в Европе. Они были установлены в 1699 году мирным договором, подписанным в городе Сремски Карловцы в качестве границ между Османской и Габсбургской империями. Задолго до провозглашения независимости Боснии и Герцеговины в феврале 1992 года эти границы были оспорены и сразу агрессивно нарушены сербскими и черногорскими сепаратистами, за которыми последовали хорватские сепаратисты, причем все они поддерживались либо Союзной Республикой Югославия, либо Республикой Хорватия. Еще одна бывшая османская граница, на этот раз с Королевством Сербия, стала в конце 1990-х годов местом вооруженных конфликтов между Союзной Республикой Югославия, албанскими косовскими сепаратистами и НАТО. После 2008 года видоизмененная граница стала центральной в политическом конфликте между Сербской Республикой и самопровозглашенной Республикой Косова/Косово.

Политическая нестабильность, сопровождаемая насилием, уже привела в 1970-х годах к длительной или временной фрагментации на Кипре, в Молдове, в двух Югославиях (СФРЮ, ФРЮ) и впоследствии в трех бывших югославских республиках (Хорватия, Босния и Герцеговина, Сербия). Процесс «балканизации» удвоил общее число де-факто существующих государств в Юго-Восточной Европе с восьми до шестнадцати. Балканские войны 1990-х годов привели к смерти как минимум 130 тыс. человек, причем самые трагические результаты выпали на долю Боснии и Герцеговины, Хорватии и Косово. Кроме того, они породили волну от двух до трех миллионов беженцев и перемещенных лиц.

Балканы также получили известность как единственный регион в Европе, который стал территорией нескольких миротворческих миссий ООН и первой военной интервенции НАТО за пределами своих границ. В 1995 году после безуспешных попыток ООН, СБСЕ/ОБСЕ и ЕЭС/ЕС и серьезных колебаний коалиция западных держав решила силой навязать мир Западным Балканам. К 2003 году вооруженное насилие наконец закончилось и спокойствие, зачастую неустойчивое, все же было достигнуто в Хорватии, Боснии и Герцеговине, Косово и Македонии. Однако на безопасности в этом регионе негативно отрази-

лись непрекращающаяся политическая нестабильность и конфликты на Ближнем Востоке и в Восточном Средиземноморье.

Современные проблемы безопасности, связанные с Балканами

Некоторые события в других регионах нашего континента или вблизи него сказываются на безопасности региона, и наоборот. Тектонические геополитические сдвиги в начале 1990-х годов и кризис нейтралитета и неприсоединения привели к радикальной политической и военной перестройке, поскольку практически весь регион стал политически и экономически ориентированным на Запад. Окончание конфронтации между НАТО и Организацией Варшавского договора, политическая раздробленность и нехватка минеральных, энергетических и других ресурсов привели к значительному снижению геополитического значения региона. Балканы перестали быть объектом открытого соперничества сверхдержав за политическое и военное господство. Вместо этого регион приобрел печальную славу в мире как источник проблем. Несмотря на гораздо меньшую интенсивность, чем во времена холодной войны, политическое соперничество между США и Российской Федерацией за влияние в Юго-Восточной Европе частично возобновилось. Одним из проявлений этого соперничества стали субсидированные или безвозмездные поставки американских тяжелых вооружений в Хорватию и российских — в Сербию (боевые самолеты, вертолеты, несколько ракетных установок, гаубицы, БТР, зенитные ракеты и т. д.). Бригадный военный форпост в Молдове, российский ВМФ в Черном море и ротационная эскадрилья в Восточном Средиземноморье свидетельствуют о значительно сокращенном военном присутствии России в Юго-Восточной Европе и ее ближайших окрестностях по сравнению с советским уровнем (до 1991 г.). Российская Федерация послала две группы миротворцев — в Боснию и Герцеговину и в Косово, но к 2003 году оба контингента были выведены. Возвращение Крыма и Севастополя в 2014 году позволило Российской Федерации значительно усилить свою оборону, а также дало дополнительные возможности при необходимости развернуть свои части вблизи Юго-Восточной Европы и Восточного Средиземноморья.

На Балканах и вокруг них по-прежнему присутствуют некоторые тактические ядерные вооружения США и России. Военное присутствие США умеренно возросло, в основном из-за нестабильности на Ближнем Востоке. Помимо Шестого флота ВМС США в Средиземном море и присутствия ВВС США в Италии, Греции и Турции, американцы создали наземную базу «Кэмп-Бондстил» в Косово, получили право на использование военно-тренировочных баз и транзитных центров в Румынии и Болгарии. Соединенные Штаты также поставили в Девеселу в Румынии систему Aegis в рамках программы противоракетной обороны театра военных действий НАТО, предположительно против потенциальных угроз со стороны Ирана. Однако Российская Федерация рассматривает такое развитие событий совершенно по-другому — как стратегическую

угрозу для себя. Другие иностранные военные подразделения присутствуют на Балканах в рамках двух международных миссий по стабилизации: Миссия KFOR под руководством НАТО в Косово включает подразделения из 30 стран, а в EUFOR в Боснии и Герцеговине, возглавляемую Европейским Союзом, входят подразделения из 20 стран. Их общая численность (6 тыс. военнослужащих) в 10 раз меньше, чем в 1996 году, когда в Боснии и Герцеговине находились силы IFOR, руководимые НАТО.

Одним из важных аспектов безопасности в Юго-Восточной Европе после окончания холодной войны стали весьма значительные изменения в уровнях расходов на оборону, личный состав, запасы обычных вооружений, производство и экспорт вооружений. Войны за правопреемство Югославии в 1991–1995 годах временно вызвали резкий рост общей численности мобилизованных сил противоборствующих сторон — примерно до 530 тыс. военнослужащих, — в 2,6 раза больше, чем до 1990 года на территории Югославии. В процессе либерального демократического перехода все коммунистические государства снизили расходы на оборону как по политическим, так и по экономическим причинам. В Боснии и Герцеговине сокращения были также санкционированы соответствующими положениями Дейтонских мирных соглашений 1995 года и впоследствии поставлены под международный контроль. Переход от всеобщей воинской повинности к профессиональным вооруженным силам также способствовал сокращению численности военнослужащих в регионе. Это касается не только двух бывших членов Организации Варшавского договора (Румынии и Болгарии), но и государств, не входивших в ОВД и не включенных в соглашение об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ), — Албании и семи бывших югославских государств. В последнем случае сокращение привело также к тому, что запасы обычных тяжелых вооружений стали значительно меньше по сравнению с теми, что были в 1980-х годах в прекратившей существование СФРЮ. Сокращение численности действующих вооруженных сил в регионе составило примерно половину, а резервов и тяжелых обычных вооружений — до двух третей и более. С другой стороны, два давних члена НАТО (Турция и Греция) значительно наращивали расходы на оборону, среди прочего из-за нерешенных споров по Кипру и воздушному пространству над Эгейским морем. Неудачный военный переворот в Турции в июле 2016 года, разумеется, не внес позитивного вклада в региональную безопасность.

В регионе есть два самопровозглашенных и де-факто существующих парагосударства, юридический статус которых оспаривается — это Турецкая Республика Северного Кипра и Республика Приднестровье в Молдове. Конфликты, связанные с Украиной, и на ее территории, гражданские войны в Сирии и Ираке, а также внутренние события в Турции еще больше затруднили решение этих проблем. После провозглашения независимости в 2008 году Республика Косово была признана большинством государств — членом ООН, тремя постоянными членами Совета Безопасности ООН и 23 членами ЕС и НАТО. Однако ей все

еще не хватает всеобщего международного признания и полного контроля над своими границами, всей территорией, воздушным пространством и населением. Эти неурегулированные ситуации подрывают региональную стабильность.

Влияние национализма, нетерпимости и межобщинной ненависти, к сожалению, все еще сохраняется на Балканах. Более того, в некоторых Балканских странах сообщества стали еще больше разделенными по национальному и религиозному признакам, чем четверть века назад. Это особенно касается Боснии и Герцеговины, Косово и Македонии. Кроме того, в Сербской Республике и в Боснии и Герцеговине, а также в Санджаке и Воеводине в Сербии звучат публичные угрозы и обвинения в сепаратистских намерениях, адресованные некоторым видным политикам и общественным деятелям. В сентябре 2016 года власти Сербской Республики провели референдум по празднованию той даты в 1992 году, когда было объявлено об отделении ее от Боснии и Герцеговины. Несмотря на вердикт Конституционного суда Боснии и Герцеговины, объявившего референдум неконституционным, это предложение в подавляющем большинстве было одобрено избирателями. Так что потенциал межэтнических конфликтов и дальнейшей фрагментации на пространстве бывшей Югославии, возможно, еще не исчерпан. Более того, среди шести международных признанных бывших югославских государств остается ряд нерешенных и очень чувствительных проблем преемства, включая оспариваемые сегменты межгосударственных границ на суше, на Дунае и в Адриатическом море. Среди них особо выделяются сегменты границ Хорватии с Сербией, Черногорией, Боснией и Герцеговиной и Словенией¹.

Безопасность на Балканах подверглась и ряду других, невоенных вызовов. Некоторые из них возникли в самом регионе, в то время как другие были импортированы или связаны с аналогичными явлениями в странах за его пределами. Со времени окончания войн югославского раздела и отделения Косово от Сербии большая часть Балкан перестала быть очагом политического терроризма. Были два исключения — Босния и Герцеговина с несколькими индивидуальными нападениями и, что важнее, европейская часть Турции. Террористические нападения с многочисленными жертвами в Стамбуле говорят о неспособности Турции мирно решить проблему курдов (самого крупного национального меньшинства) и противоречивых отношений с «Исламским государством» (ИГИЛ). Эти два источника терроризма оказали лишь ограниченное влияние на безопасность остальной Европы.

Среди других невоенных вызовов выделяются организованная преступность и коррупция, которые могут стать серьезной угрозой региональной безопасности. После распада Югославии и войн за югославскую преемственность в регионе остались большие незаконные запасы легкого оружия и взрывчатых веществ. Они служат важным источником поставок на европейском черном рынке. Оружие и боеприпасы югослав-

ского происхождения использовались исламистскими террористами, в частности в 2015 году при нападениях в Париже. Преступные группировки на Балканах и с Балкан, часто в сотрудничестве с другими внерегиональными преступными организациями, активно занимались грабежами банков и почтовых отделений, различными формами контрабанды и незаконной торговли, в том числе женщинами и детьми, человеческими органами, наркотиками, оружием, контрафактной продукцией, табачными изделиями и др. По оценкам, около трех четвертей поставок в Западную Европу героина (в основном из Афганистана) и значительная часть кокаина (из Латинской Америки) осуществляются через Балканы. Регион произвел около 900 иностранных боевиков в ряды «Исламского государства» на Ближнем Востоке и около 150 иностранных бойцов в Восточную Украину.

В 2014–2015 годах был нарушен суверенитет пяти государств Юго-Восточной Европы, Венгрии и Австрии, а их безопасность поставлена под угрозу, когда к ним хлынул огромный поток нелегальных мигрантов и беженцев с Ближнего Востока. Неожиданная волна создала чрезвычайные ситуации на всех границах вдоль «балканского маршрута» между Турцией и Германией. Поток численностью около 1,3 млн человек управлялся примерно сотней преступных групп, торговавших людьми. Многие из них занимались контрабандой наркотиков и оружия. Эта операция была начата на территории Турции при полной осведомленности ее государственных органов. Проблема нескольких миллионов перемещенных лиц и беженцев в этой стране в значительной степени была вызвана вторжением в Ирак в 2003 году Соединенных Штатов и Великобритании и последующей политикой оккупационных властей США. Беженцев и мигрантов воодушевило приглашение, с которым публично обратилась федеральный канцлер Германии Ангела Меркель. Однако за этим похвальным гуманитарным жестом не последовали процедуры отбора просителей убежища в Турции и обеспечение им воздушной или морской транспортировки непосредственно в Германию. Не были направлены запросы правительствам транзитных государств по суше, они не дали своего согласия на массовое незаконное пересечение их границ и не были предупреждены заранее. Учитывая размер волны, другие участники шенгенской зоны должны были, по крайней мере, проконсультироваться, но этого не случилось. Массовая нелегальная миграция с турецкого побережья не могла бы принять такой масштаб, если бы Греция в течение многих лет не игнорировала свои обязательства по охране внешней границы ЕС и шенгенской зоны.

Еще один источник угрозы безопасности в регионе представляют по меньшей мере миллион противотанковых и противопехотных мин, оставшихся после войн в процессе распада Югославии. Хотя деятельность по разминированию была весьма успешной, в нескольких районах Боснии и Герцеговины, Хорватии, Сербии, Косово и Албании, по-прежнему насчитывается, по оценкам, несколько сотен тысяч установленных и неразорвавшихся мин. Также остаются тысячи опасных остатков радиоактивных кассетных авиабомб

¹ *Dimitrijević D. Državne granice nakon sukcesije SFR Jugoslavije. Beograd : Institut za međunarodnu politiku i privredu, 2012.*

в сельских районах Сербии — результат натовских бомбардировок в 1999 году. Еще один аспект региональной безопасности связан с существующими исследовательскими ядерными реакторами. Сегодня в регионе действуют пять атомных электростанций и несколько ядерных исследовательских реакторов. Хотя все государства Юго-Восточной Европы придерживаются Договора о нераспространении ядерного оружия, проблема ядерной безопасности (включая утилизацию ядерных отходов) все еще актуальна.

Среди реальных или потенциальных невоенных угроз безопасности, затрагивающих Балканы, следует упомянуть также природные и экологические катастрофы и изменение климата. Некоторые части региона пострадали от разрушительных наводнений и лесных пожаров. Другая проблема — нестабильность энергетической безопасности региона. Доля импортируемой нефти все еще преобладает, и без того высокая зависимость Балкан от импорта углеродного топлива, вероятно, будет продолжаться расти.

Среди острых политических проблем на Балканах следует упомянуть некоторые малообеспеченные этнические меньшинства, в частности цыган, численность которых быстро растет, тогда как регион в целом переживает сильный демографический спад. Эта общая тенденция была порождена значительным экономическим регрессом и деиндустриализацией, вызванной провалом экономической модели автаркической индустриализации в бывших балканских государствах с коммунистическим режимом, переходом к открытой рыночной экономике, а также распадом Югославии. Закрытие многочисленных промышленных предприятий и фабрик и связанное с этим сокращение ВВП сказались на резком росте безработицы и стимулировали эмиграцию в Западную и Северную Европу, также в Северную Америку и Австралию. Официальные данные по уровню безработицы свидетельствуют о весьма сложных социально-политических условиях в регионе: от 45 % в Косово до 30 % в Македонии, Боснии и Герцеговине и Сербии. Особую тревогу по-прежнему вызывает намного более высокий уровень безработицы среди молодежи: около 50 % в Сербии и Македонии, 60 % в Боснии и Герцеговине и свыше 60 % в Косово¹. Неудивительно, что в этом регионе в 2014–2016 годах вспыхивали массовые беспорядки, насилие и вандализм, вызванные экономическими проблемами и политической неудовлетворенностью. Подобные события имели место в Албании, Сербии, Хорватии, Боснии и Герцеговине и Греции. Кроме того, в регионе проживает около миллиона беженцев и перемещенных лиц.

Юго-Восточная Европа и международное сообщество

Международный опыт борьбы с причинами нестабильности и угрозы безопасности в Юго-Восточной Европе показал сложность этих проблем, бросающих вызов быстрым одномерным решениям. Также

недооценивается связь между безопасностью в регионе и других частях Европы. Затянувшиеся политические конфликты на Кипре, в Молдавии, Боснии и Герцеговине, Македонии, а также между Македонией и Грецией, Сербией и Косово и в других местах свидетельствуют о неспособности элит находить практические решения, включающие компромисс и взаимное урегулирование ради обеспечения стабильности. С 1990-х годов международные организации, исключительно или преимущественно западные, предпринимали усилия, направленные на развитие внутреннего и внешнего сотрудничества государств региона. Эта сеть включала Пакт стабильности для Юго-Восточной Европы, СЕФТА, SECI, Партнерство НАТО для мира, Инициативу Юго-Восточной Европы, Совет регионального сотрудничества и др. С 2008 года сеть соглашений ЕС по вопросам стабилизации и ассоциации распространилась на весь регион, за исключением Косово.

Эти соглашения стали мерами по сближению и в конечном итоге включению всех оставшихся балканских государств в ряды членов ЕС. Хорватия и Албания вступили в НАТО в 2009 году. В декабре 2015 года и Черногория получила приглашение от НАТО, что вызвало острую политическую напряженность в стране. В 2013 году в ЕС вступила Хорватия, а Турция после долгого периода ожидания стала официальным кандидатом и начала переговоры о вступлении в ЕС, которые на некоторое время застопорились в основном из-за кипрской проблемы. В 2012 году в группу кандидатов вошли Сербия и Черногория, в то время как кандидатура Македонии (как в ЕС, так и в НАТО) остается в подвешенном состоянии из-за вето Греции. Албания, Босния и Герцеговина, а также Косово (резолюция Совета Безопасности ООН № 1244/99) остаются потенциальными кандидатами на будущее.

Воплощение протокола ЕС в Салониках с намерением принять в свои ряды все Балканские страны было тем не менее отложено из-за внутренних проблем и кризиса в Европейском Союзе и некоторой усталости давних членов Союза по поводу его расширения. Процесс расширения ЕС и НАТО широко рассматривался как лучшая надежда на прогресс региональной безопасности на Балканах. Однако следует соблюдать осторожность. Обещанное включение всего региона в Европейский Союз не за горами. Даже если это когда-либо произойдет, для безопасности этого будет недостаточно. Опыт свидетельствует, что одновременное участие в Европейском Союзе Великобритании и Ирландии потребовало более трех десятилетий, чтобы наконец было достигнуто символическое примирение и заключено компромиссное соглашение Великой пятницы в Ольстере. Однако в Ольстере по-прежнему сохраняется межобщинная напряженность, в то время как брексит делает полное разрешение конфликта еще более проблематичным. После столь же длительного одновременного членства в ЕС и НАТО Великобритании и Испании конфликт между ними в отношении Гибралтара остается неразрешенным. Шестидесять лет членства двух стран в НАТО не устранили напряженность между двумя другими странами, Грецией и Турцией, и не приблизили решение кипрской проблемы.

¹ Teokarević J. Spoljnopolitičke sveske: Zapadni Balkan između geografije i geopolitike. Beograd : FUNDACIJA FRIDRIH EBERT, 2016. P. 10.

Прием Республики Кипр в ЕС также не способствовал ее решению, а возможно, усложнил его. Сегодня, когда прошло более 60 лет с момента вступления страны в НАТО и Европейские сообщества, отношения между двумя основными национальными сообществами в Бельгии хуже, чем когда-либо. И так далее и тому подобное.

Нынешняя ситуация с безопасностью в регионе, безусловно, лучше той, что была на рубеже этого века, не говоря уже о 1914, 1941, 1971, 1981 или 1991 годах. Это улучшение связано с рядом событий. Стало меньше внерегиональных источников конфликтов на Балканах или вокруг них. Похоже, что эпоха войн вокруг религии, идеологии и перекройки государственных границ на Балканах закончилась. Большинство стран региона подверглись радикальной трансформации своих политических порядков. Вместо авторитарных и тоталитарных режимов конца 1980-х регион в той или иной степени состоит из демократических политических систем, а демократии, как правило, не воюют между собой. Более того, значительная демилитаризация в большинстве балканских государств заметно уменьшила их боевые возможности. Чтобы порвать с негативной моделью последних 150 лет, балканские элиты должны практиковать гораздо более мудрый и ответственный подход, чем их предшественники. Будем надеяться, что балканские элиты извлекут уроки из негативного опыта последних двух десятилетий и его пагубных последствий. В отличие от 1990–1991 годов, наиболее горячие потенциальные очаги напряженности на Западных Балканах сегодня находятся под международным наблюдением в формате иностранных войск, гражданского контроля и двух фактических протекторатов в Боснии и Герцеговине и Косово. Кроме того, страны региона получают ощутимую финансовую помощь и займы в целях развития. Работают также вышеупомянутые схемы регионального сотрудничества, в том числе в области безопасности и обороны. По сравнению с началом 1990-х отношения между бывшими югославскими государствами в целом улучшились. Балканские и другие государства Юго-Восточной Европы сегодня сами направляют своих миротворцев в ряд международных миссий по стабилизации и наблюдению в Европе, Средиземноморье, Закавказье, на Ближнем Востоке и в Африке к югу от Сахары.

Балканы и некоторые реальные или потенциальные угрозы европейской безопасности

Как отмечалось ранее, Балканы долгое время отличались от остальной Европы, а также от Ближнего Востока в одном важном отношении. Только на Балканах и в Закавказье сегодня существуют (четыре) европейские государства, где верующие являются в основном мусульманами. В Албании мусульмане составляют около 80 %, в Косово — около 90 % от общей численности населения. В еще одной балканской стране мусульмане составляют 60 %, еще больше — в крупном образовании, именуемом Федерация Боснии и Герцеговины. Не случайно наиболее острые межобщинные столкновения на Балканах в XX веке произошли в зоне

мусульманско-христианского соприкосновения в этнически смешанных районах. Самые кровавые конфликты во время войн за югославскую преемственность в 1990-х годах произошли в районах, где имело место наибольшее перемешивание этнических, религиозных и культурных сообществ под правлением Османской империи. В остальной Европе обе стороны, противостоящие друг другу практически во всех религиозных, межобщинных и межгосударственных конфликтах на протяжении веков, принадлежали к христианским конфессиям (католической, протестантской и православной). Ближний Восток пережил ряд острых конфликтов между мусульманами и христианами (Ливан, Сирия, Ирак, Египет). Однако в самых кровопролитных столкновениях с самым большим на настоящий момент числом жертв противниками были мусульмане-сунниты и мусульмане-шииты.

За последние пять десятилетий разница между Балканами и Западной Европой в религиозной окраске существующих или потенциальных межобщинных конфликтов значительно уменьшилась. Это было связано с массовым притоком в Западную Европу мусульманских мигрантов, главным образом из Северной Африки, с Ближнего и Среднего Востока и Балкан. С учетом новых мигрантов, пересекших Средиземное море, общее число мусульман в Западной Европе приближается к 20 млн, что почти втрое превышает число мусульман на Балканах. Среди населения Германии, Бельгии, Австрии, Швеции, Швейцарии и Нидерландов сегодня от 5 до 10 % процентов мусульман. Потенциал межобщинного конфликта вдоль мусульманско-христианского раскола был усилен концентрацией в городах мусульман, их маргинальным социальным и политическим статусом, низким уровнем образования и доходов и более высоким уровнем безработицы, особенно среди молодежи. Влияние исламского фундаментализма, рост одомашненного джихадизма в некоторых западноевропейских государствах среди второго или третьего поколения мусульманских мигрантов и их связь с международным исламским терроризмом увеличили этот конфликтный потенциал. По оценкам, из общего числа (27–31 тыс.) добровольцев в «Исламском государстве» в декабре 2015 года около 5 тыс. были выходцами из Западной Европы, в основном Франции, Великобритании, Германии и Бельгии. Этот контингент примерно в пять раз превышал количество добровольцев с Балкан. Такие же пропорции, вероятно, и в численности репатриантов. Эта угроза жестоко реализовалась в террористических актах в Мадриде, Лондоне, Париже, Брюсселе, Ницце, в нескольких немецких городах и иных местах. Поджоги и нападения на мусульманских мигрантов в Германии и рост антиисламского экстремизма в ряде западноевропейских стран подтвердили силу, сокрытую в этом вызове. Пока ни одно государство не пыталось выступать в качестве внешнего защитника мусульманских меньшинств в Европе, за исключением Турции на Кипре.

Среди мусульманских мигрантов в Западной Европе выделяется значительное количество, до сотен тысяч, шиитское меньшинство из Ирана, Ирака, Сирии и других мест. В районах их концентрации в городах

существует потенциал для межобщинных конфликтов между шиитами и суннитами. В 1960–1970-е годы в Западной Европе также происходили межобщинные расколы, привнесенные извне. Расколы между арабами-мусульманами и евреями, в основном привнесенные из Алжира и Палестины, выразились в многочисленных террористических нападениях на евреев, в том числе на израильских спортсменов на Олимпийских играх в Мюнхене, а также в осквернении еврейских кладбищ, нападениях на иудейские школы и еврейские магазины, особенно во Франции. Другие конфликты — между турками и курдами, численность которых превышает 5 млн человек. Это уже привело к насильственным актам в Германии, пока незначительным, но их количество может возрасти, если основной конфликт в самой Турции перерастет в гражданскую войну.

Хотя значительная часть Западной Европы стала, таким образом в некотором отношении «балканизированной», бывшая Восточная Европа была в значительной степени избавлена от этого явления. Это произошло из-за ограничительной демографической и иммиграционной политики, проводимой с 1945 года ее коммунистическими режимами, которую унаследовали пост-коммунистические правительства. Четыре государства Вышеградской группы открыто и активно сопротивлялись давлению миграции с Ближнего Востока и выступали против политики, принятой федеральным

правительством Германии, и дальнейших мер, предложенных Европейской комиссией.

Оставшееся наследие Османской империи, дополненное и частично измененное под влиянием пост-османского владычества, оставалось важной составляющей, определяющей межобщинную и межгосударственную напряженность и конфликты на Балканах в XX веке. Разногласия между мусульманами и христианами по-прежнему остаются камнем преткновения в Боснии и Герцеговине, Косово, Македонии и на Кипре. Этот скрытый конфликтный потенциал все еще существует, но его значение как угрозы европейской безопасности значительно снизилось. После окончания холодной войны Балканские страны перестали быть одной из «пороховых бочек» в Европе. После окончания войн за югославское наследие Балканы перестали быть очагом европейского терроризма. Сегодня одна из основных угроз безопасности Европы в форме исламистского терроризма исходит прежде всего от Западной Европы, а не от Балкан. Установление и поддержание двух международных протекторатов на Балканах обеспечивает региональный мир. Все это дает веские основания для умеренно оптимистического ожидания того, что Балканы в итоге превратятся в регион демократии, процветания и стабильности, укрепляя и не снижая безопасность на европейском континенте и вокруг него.

Луис Карлос Брессер-Перейра¹

КАК СПРАВИТЬСЯ С «ГОЛЛАНДСКОЙ БОЛЕЗНЬЮ» ВОПРЕКИ «РЕСУРСНОМУ ПРОКЛЯТИЮ»

В данной работе обсуждаются две взаимосвязанные концепции: «голландская болезнь» и «ресурсное проклятие». Первая является экономической проблемой, вторая — политической и институциональной. В докладе мы сосредоточим внимание на первой концепции.

«Голландская болезнь» является серьезным препятствием для индустриализации и роста. Впервые она была описана в работах Кордена и Нири (1982, 1984), однако предложенная ими модель оказалась недостаточно проработанной для включения долгосрочного завышения обменного курса в ядро экономики развития. Она включала экономику с тремя секторами: первый связан с внешней торговлей сырьевыми товарами, вто-

рой — с внешней торговлей нессырьевыми товарами, третий не связан с внешней торговлей. Из этой модели невозможно вывести политику, направленную на преодоление основного неблагоприятного конкурентного условия, с которым парадоксальным образом сталкиваются страны, богатые природными ресурсами. Вместо этого экономисты увлечены политической проблемой — рентоориентированностью, сопряженной с «ресурсным проклятием». В 2008 году была выдвинута вторая модель «голландской болезни» [1]. Вместо концентрации на неравенстве между тремя указанными секторами в ней внимание было уделено непосредственно вытекающему отсюда долгосрочному завышению обменного курса, из чего была выведена простая (но сложная в реализации с политической точки зрения) политика преодоления данной проблемы. В последующие годы данная модель была усовершенствована и в конце концов положена в основу макроэкономического развития, основная роль в котором отводится обменному курсу и отрицательному сальдо текущего платежного баланса.

Десять лет назад феномены «голландской болезни» и «ресурсного проклятия» рассматривались в двух книгах: «Как избежать ресурсного проклятия» М. Хамфриса, Дж. Д. Сакса и Дж. Стиглица [5] и «Природ-

¹ Экономист, почетный профессор Фонда Жетулиу Варгаса (Бразилия), социолог. Министр науки и технологий Бразилии (01.01.1999–19.07.1999), министр федерального государственного управления и реформирования государства (1995–1998), министр финансов Бразилии (29.04.1987–18.12.1987). Автор многих научных публикаций по экономике и социальным наукам, в т. ч.: «Голландская болезнь» и ее нейтрализация: подход Риккардо», «Глобализация и конкуренция», «Размышления о новом деволюционализме и классическом деволюционализме», «Макроэкономика развития» (в соавт.), «Почему экономика должна быть скромной и разумной наукой?», «Глобальный финансовый кризис — ведет ли он к новому капитализму?» и др. Главный редактор «Бразильского журнала политической экономики». Почетный профессор Университета Буэнос-Айреса.

ные ресурсы: не проклятие и не судьба» Д. Ледермана и У. Малони [8]. В последней была высказана радикальная точка зрения по данному вопросу. Во введении авторы четко обозначили, что «ресурсного проклятия» или так называемой «голландской болезни» не существует. По их мнению, «ряд убедительных показателей свидетельствует о том, что эффект, оказываемый экспортом природных ресурсов, как представляется, имеет скорее *положительное*, нежели отрицательное воздействие на последующий экономический рост. Называя вещи своими именами, *ресурсного проклятия не существует*» [8, р. 3]. Напротив, в первой из указанных книг признается, что «ресурсное проклятие» и «голландская болезнь» представляют собой серьезную проблему, но авторы в конечном счете делают упор на политико-институциональной проблеме, возможно, потому, что экономические решения, предлагаемые тремя уважаемыми экономистами, их не удовлетворяют. В этой книге Сакс [9, р. 191] предлагает ряд мер экономической политики, направленных на преодоление данной проблемы. Его основная рекомендация заключается в том, чтобы «инвестировать выручку, получаемую от продажи нефти, в способы повышения производительности и тем самым повышать, а не сокращать производство товаров, не связанных с торговлей нефтью». Он также рассматривает возможность привязки национальной валюты к доллару, но отмечает, что такая привязка требует значительных резервов в иностранной валюте. Он подходит к решению проблемы, рассматривая возможность субсидировать производство промышленных товаров, которые вносят значительный вклад в повышение технологического уровня экономики, однако не исследует эту возможность, поскольку субсидии не служат реальным инструментом решения долгосрочной структурной проблемы, коей является «голландская болезнь».

В своем докладе я обобщу теорию определения обменного курса, структурную модель «голландской болезни» и политику, направленную на ее преодоление, которую я называю новой моделью развития (НМР)¹. Я сошлюсь на уже указанную книгу Хамфриса, Сакса и Стиглица. В предисловии к ней Джордж Сорос [10, р. 11] отмечает, что данное «проклятие», или «болезнь», включает три проблемы: повышение курса валюты («болезнь»), значительное колебание цен на сырьевые товары и влияние на политическую обстановку («проклятие»). Он утверждает: «Первые два фактора, являющиеся чисто экономическими феноменами, стали предметом многочисленных исследований. Третий же фактор нуждается в лучшем понимании». Я не убежден в его правоте. Нам не следует недооценивать третий фактор, но открытая макроэкономика применительно к обменному курсу и отрицательному сальдо текущего платежного баланса дает сбой. С другой стороны, рентоориентированность — не говоря

уже об откровенной коррупции, свойственной многим странам-экспортерам сырьевых товаров, — в высшей степени разрушительна для роста. И я согласен с уважаемым политологом Терри Линн Карл, перу которой также принадлежит одна из глав в этой книге, в том, что коррупция, связанная с рентоориентированностью, является основным препятствием на пути к реализации политики, направленной на преодоление «голландской болезни». Но я глубоко убежден: если у нас будет более совершенная модель для объяснения этой «болезни», то нам удастся не только лучше понять ее ужасные последствия, но и сформулировать способы ее преодоления в виде экономически очевидных мер, что откроет новые перспективы для реализации политики роста.

Определение обменного курса

Начну с определения двух проблем. «Ресурсное проклятие» по своей сути является политико-институциональной проблемой; это обобщенная рентоориентированная деятельность страны, экспортирующей сырьевые товары, с получением рикарданской ренты; это превращение государства в потребителя или сырьевой придаток, когда правительство, экономические и политические элиты ориентированы не на производство, а на получение ренты, которую государство извлекает посредством обложения экспортируемых сырьевых товаров налогами. В отличие от «ресурсного проклятия», «голландская болезнь» — это экономическая проблема; она заключается в *долгосрочном* завышении курса национальной валюты, обусловленном экспортом сырьевых товаров, которые имеются в наличии благодаря обильным и дешевым природным ресурсам, а также являются источником рикарданской ренты. По этой причине данные товары могут экспортироваться по существенно более высокому обменному курсу, чем это требуется для поддержания конкурентоспособности компаний-производителей нессырьевых товаров, предназначенных для реализации на внешних рынках, несмотря на применение передовых по мировым стандартам технологий. Это неблагоприятное конкурентное условие препятствует индустриализации или — в случае прежде индустриально развитых стран — приводит к преждевременной деиндустриализации. «Голландская болезнь» связана с тем, что сырьевые товары пользуются преимуществом за счет рикарданской ренты и/или товарно-сырьевого бума, что позволяет компаниям-производителям и экспортерам извлекать прибыль благодаря завышенному обменному курсу валюты. А это, в свою очередь, делает неконкурентоспособными производителей промышленных товаров, которые *потенциально* могли бы производиться в конкретной стране.

Данное определение «голландской болезни» через призму НМР отличается от уже упоминавшейся модели, которую предложили Корден и Нири. В последнем случае внимание было сосредоточено на трех секторах экономики, при этом завышение курса национальной валюты связывалось с ростом международных цен на экспортируемые сырьевые товары, что вызывало повышение цен на внутреннем рынке в секторе, не связанном с внешней торговлей, и паде-

¹ По теме НМР уже имеется внушительная литература автора: «Голландская болезнь» и ее нейтрализация: подход Риккардо» (2008); «Глобализация и конкуренция (сборник эссе)» (2010); «Размышления о новом девелопментализме и классическом девелопментализме» (2016); «Macroeconomia Desenvolvimentista» (2016, в соавт. с Маркони и Орейро; это более полная версия работы «Макроэкономика развития», первоначально вышедшей на английском языке в издательстве Routledge в 2014 г.).

ние цен на внутреннем рынке в секторе, связанном с несырьевыми товарами, предназначенными для реализации на внешних рынках. Например, как отмечает Сакс [9, р. 183], «рост относительных цен на товары, не предназначенные для реализации на внешних рынках, по отношению к ценам на товары, предназначенные для реализации на внешних рынках (или соответственно падение относительных цен на товары, предназначенные для реализации на внешних рынках), определяется как повышение реального обменного курса». Это справедливо, однако в рамках данной модели «болезнь» имеет место лишь в случае товарно-сырьевого бума; к тому же из данной модели трудно сделать вывод о политике, которая позволила бы справиться с этой проблемой.

НМР акцентирует внимание на обменном курсе и включает соответствующую общую теорию. Экономическая литература, посвященная обменному курсу, предполагает, что он определяется спросом и предложением на иностранную валюту, и к этому добавляется модель паритета покупательной способности. Согласно НМР, обменный курс колеблется в соответствии со спросом и предложением на иностранную валюту около *равновесной стоимости*, называемой «текущим равновесным значением». Его можно определить как обменный курс, который покрывает расходы, и разумную норму рентабельности компаний, участвующих со стороны международного рынка, и обеспечивает интертемпоральную устойчивость текущего платежного баланса страны. Эта равновесная стоимость изменяется, во-первых, по мере изменения сравнительных затрат на рабочую силу в расчете на единицу продукции и, во-вторых, по мере изменения условий внешней торговли, осуществляемой страной, по отношению к корзине иностранных валют.

Если имеет место «голландская болезнь», существует вторая равновесная стоимость — промышленное равновесное значение, которое определяется как обменный курс, делающий конкурентными компании, специализирующиеся на несырьевых товарах и применяющие передовые по мировым стандартам технологии. Экономика предполагает, что промышленное равновесное значение должно соответствовать текущему равновесному значению (а это устраняло бы необходимость промышленного равновесного значения), когда фирмы используют самые передовые из имеющихся в мире технологий и управленческих практик. Компании, специализирующиеся на товарах, предназначенных для реализации на внешних рынках, с необходимостью были бы конкурентоспособны. Но когда страна сталкивается с «голландской болезнью», следует рассматривать два равновесных значения. «Голландская болезнь» — разница между двумя этими равновесными значениями, а степень ее серьезности определяется соотношением между этой разницей и промышленным равновесным значением.

В рамках данной модели величина обменного курса определяется исторической тенденцией — тенденцией циклического и систематического (долгосрочного) завышения обменного курса. Валютные кризисы знаменуют окончание и начало каждого цикла. Когда страна

испытывает финансовый кризис, национальная валюта резко обесценивается и становится более недооцененной, чем промышленное равновесное значение. Как только кризис ослабевает, валюта вновь начинает дорожать, пересекая промышленное равновесное значение и равновесную стоимость, начинает оказывать влияние на отрицательное сальдо текущего платежного баланса и в конце концов достигает минимального уровня, на котором сохраняется в течение нескольких лет. В условиях завышенного курса валюты растет внешний долг либо при опасном увеличении отрицательного сальдо текущего платежного баланса до уровня, при котором международные кредиторы резко теряют доверие, прекращается рефинансирование внешнего долга и происходит новый валютный кризис.

Два фактора обуславливают такое удорожание: «голландская болезнь» и три привычные политические меры, к которым обращается большинство развивающихся стран. «Голландская болезнь» опускает обменный курс до текущего равновесного значения, поскольку в стране-экспортере сырьевых товаров обменный курс в основном определяется международными ценами на них. Три привычные и взаимосвязанные политические меры, которые способствуют дальнейшему удорожанию национальной валюты и приводят страну к отрицательному сальдо текущего платежного баланса: политика роста с отрицательным сальдо текущего платежного баланса и внешней задолженностью; использование обменного курса в качестве якоря в противовес инфляции; установление центральным банком высокого уровня, около которого он осуществляет свою денежно-кредитную политику, с целью привлечения капитала или для контроля инфляции.

Помимо стоимости валюты, промышленного равновесного значения и обуславливающих их переменных (колебание сравнительных затрат на рабочую силу в расчете на единицу продукции), а также помимо трех привычных политических мер, оказывающих влияние на спрос и предложение на иностранную валюту, существуют и другие переменные, определяющие обменный курс. Главным образом они включают колебание торговой конъюнктуры, значительное увеличение или сокращение потоков капитала, введение мер по контролю за капиталом, денежно-кредитную политику центрального банка, а также резервы для осуществления покупок или продаж. Однако к главным и системным переменным, определяющим обменный курс, относятся текущая равновесная стоимость, обуславливающие ее переменные («голландская болезнь» и колебание сравнительных затрат на рабочую силу в расчете на единицу продукции), а также три привычные политические меры, влияющие на спрос и предложение на иностранную валюту. Все эти факторы предопределяют колебание обменного курса около равновесной стоимости¹.

¹ Когда я говорю, что у меня есть теория для определения обменного курса, мои оппоненты часто замечают, что обменный курс больше не поддается определению из-за объема и непредсказуемости потоков капитала. Я согласен с тем, что данная задача сложна, однако, во-первых, это недостаточная причина для отказа от данной теории обменного курса; во-вторых, в данной модели потоки капитала рассматриваются в рамках одной из трех привычных политических мер, а именно роста с отрицательным сальдо текущего платежного баланса при финансировании за счет потоков капитала.

Определение обменного курса затрудняется при его тесном соотношении с текущим платежным балансом. При условии, что все прочие переменные остаются неизменными, чем больше отрицательное сальдо текущего платежного баланса, тем дороже национальная валюта. Обменный курс, уравнивающий текущий платежный баланс, гораздо более конкурентоспособен, чем обменный курс, уравнивающий

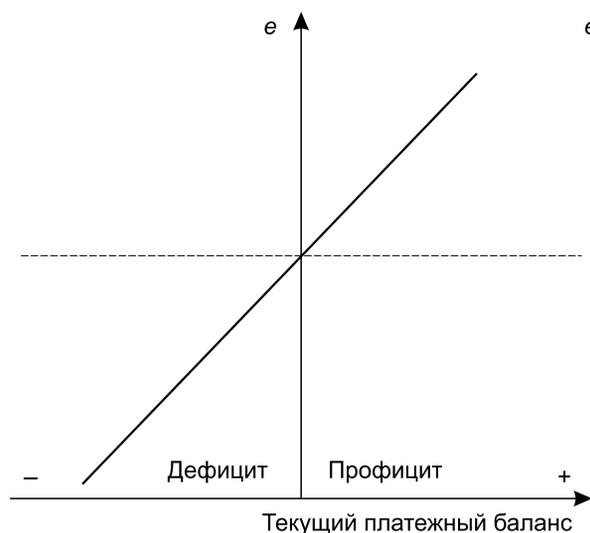

Рис. 1. Текущий платежный баланс и обменный курс

Два приведенных рисунка резюмируют новую модель развития, используемую для определения обменного курса. На рис. 1 показана только линейная связь между текущим платежным балансом и обменным курсом. Рисунок 2 — базовый рисунок, иллюстрирующий циклический характер изменения величины обменного курса, а также поведение текущего и промышленного равновесных значений. У нас имеются две равновесные стоимости и обменный курс. Промышленное равновесное значение и текущее равновесное значение варьируются во времени: первое — главным образом вследствие изменений сравнительных затрат на рабочую силу в расчете на единицу продукции; второе — главным образом по причине колебаний торговой конъюнктуры. Обменный курс подчиняется тенденции циклического и систематического завышения курса.

На примере недавнего опыта Бразилии длительность последнего цикла соответствовала периоду кризиса с 2002 по 2014 год. В реальном выражении в бразильских реалах при ценах на третий квартал 2016 года промышленное равновесное значение выросло с 3,80 до 4,00 бразильских реалов на доллар вследствие увеличения сравнительных затрат на рабочую силу в расчете на единицу продукции в Бразилии. Текущее равновесное значение составляло около 3,20 бразильского реала на доллар (что означает «голландскую болезнь» в размере 0,80 бразильского реала на доллар, или 20%), за исключением кризиса 2014 года, когда, по моим оценкам, оно достигло почти 4,00 бразильских реалов на доллар США, а «голландская болезнь»

3% отрицательного сальдо текущего платежного баланса в ВВП. В данном случае причинно-следственная связь может быть двунаправленной. Факторы, способствующие удорожанию или удешевлению валюты, будут влиять на текущий платежный баланс, однако имеет место обратное, когда правительство берет на вооружение политику роста со сбережениями иностранной валюты.

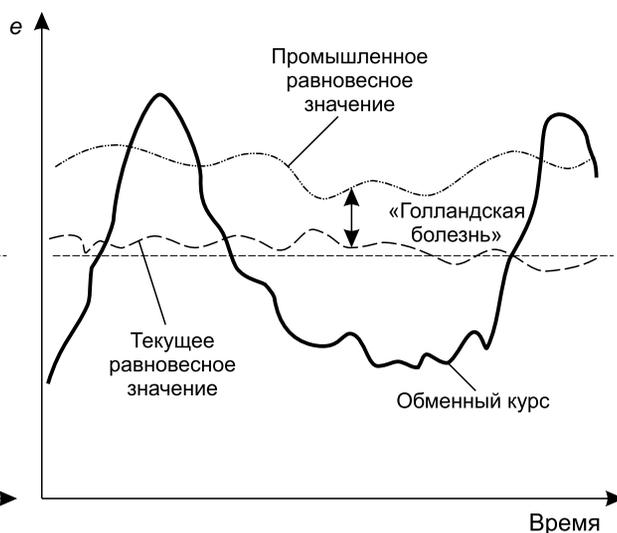

Рис. 2. Определение обменного курса

находилась на нуле ввиду значительного падения цен на экспортируемые сырьевые товары, главным образом черные металлы и соевые бобы.

Обменный курс и экономический рост

Я исхожу из того, что фундаментальным фактором, детерминирующим темп роста экономики, является темп роста инвестиций как в государственном, так и в частном секторе, но в большей степени во втором, чем в первом, потому что на долю инвестиций со стороны частного сектора, согласно оценкам, приходится от 75 до 80% совокупного объема инвестиций. Есть и другие переменные: со стороны предложения, например образование, технический прогресс и эффективно функционирующие институты, и со стороны спроса, но инвестиции в реальный капитал более важны. Технический прогресс главным образом воплощен в реальном и человеческом капитале. Образование и эффективно функционирующие институты — очень важные факторы, но они не оказывают влияния в краткосрочной перспективе. Указанные переменные обеспечивают рентабельность инвестиций, однако это трудно измерить; кроме того, их рентабельность всегда присутствует в долгосрочной перспективе. Из вышеперечисленных институтов — наиболее широко известная модель (особенно что касается гарантии прав собственности и договорных обязательств), но они являются внутрисистемными переменными, которые одновременно представляют и причину, и следствие роста. Напротив, темпы роста инвестиций: со стороны госу-

дарственного сектора главным образом в инфраструктуру и со стороны частного сектора во все сектора экономики — одновременно присутствуют и со стороны предложения, и со стороны спроса.

С учетом сказанного, а также обобщенной выше теории определения обменного курса обменный курс превращается в ключевую переменную в инвестиционной функции, а следовательно, и в теории роста. Причина проста: обменный курс характеризуется не только волатильностью; в противоположность тому, что утверждают другие теоретики, он не просто претерпевает быстрые изменения около равновесного значения. Напротив, он остается значительно завышенным в каждом цикле, длительность которого измеряется несколькими годами. Начиная с финансового кризиса — обычно валютного, — при котором обменный курс, достигший своего максимума, начинает падать или постепенно понижаться, он доходит до определенного минимального уровня и почти не меняется в течение нескольких лет. Такой минимальный уровень, вероятно, отражает минимальный обменный курс, приемлемый для более эффективных экспортеров сырьевых товаров.

Так, если компания рассматривает возможность осуществления новых инвестиций, она, вероятно, выполнит расчет рентабельности, учитывая при этом такой завышенный обменный курс, и скорее всего не будет делать инвестиции или осуществит их в том объеме, который необходим для поддержания предприятия на современном уровне, без расширения производственных мощностей. Когда обменный курс просто волатилен, это внушает неуверенность лицам, ответственным за принятие бизнес-решений; когда обменный курс завышен в долгосрочной перспективе, они просто отказываются от осуществления инвестиций. Обменный курс играет роль своеобразного светового индикатора, предоставляющего или отрезающего для компаний *доступ* к существующему спросу, будь то на международном или на внутреннем рынке.

Как справиться с «голландской болезнью»

«Голландская болезнь» — проблема, которая стара, как капитализм, международная торговля и существование относительного обменного курса. В моем понимании основной причиной, вызвавшей экономический упадок в Испании и Португалии, была «голландская болезнь», обусловленная получением этими странами золота, серебра и сахарного тростника из колоний. Их валюты оставались переоцененными в долгосрочной перспективе, что сделало индустриализацию и рост нецелесообразными. Борьба с «голландской болезнью» также является давней практикой, хотя она получила известность и определение только недавно, начиная с 1980-х годов. Тот факт, что до того, как Корден и Нири предложили свою модель, не существовало теории, которая объясняла бы данный феномен, не мешал прагматичным и компетентным политикам бороться с ним интуитивно, правда, только на внутреннем рынке. Реже велась борьба с ним на иностранных рынках.

«Голландская болезнь» по определению — неблагоприятное конкурентное условие, которое должно быть преодолено правительством, если оно заинтересовано в эффективном функционировании рынков. Задолго до того, как экономисты узнали о том, что такое «голландская болезнь», с ней боролись на внутреннем рынке с помощью простого обложения тарифами импортируемых товаров фабричного производства. Когда страна облагает все импортируемые товары фабричного производства тарифом в размере 20 %, это то же самое, что понижение курса на 20 % в отношении таких товаров. Тариф устанавливает двойной — если не множественный — режим обменного курса. Многие страны вместо использования тарифов прибегали непосредственно к двойным или множественным режимам обменного курса. Либеральные экономисты выступали против тарифов на импорт, характеризуя их как «протекционизм», а экономисты, ориентированные на развитие, оправдывали их со времен Александра Гамильтона и выдвигали аргумента о неокрепшей промышленности. В действительности, помимо аргумента о неокрепшей промышленности, борьба с «голландской болезнью» также оправдывает высокие тарифы на импорт, если страна ограничивается обеспечением для своих специализированных компаний доступа на внутренний рынок. Когда страна использует тарифы на импорт для борьбы с «голландской болезнью», она попросту выравнивает игровое поле. Это не является протекционизмом.

Когда страна начинает индустриализацию и выбирает стратегию импортозамещения, использование тарифов на импорт является законным способом устранения неблагоприятного конкурентного условия, имманентного для «голландской болезни», однако данная модель по своему характеру ограничена в качестве стратегии роста. В странах, взявших на вооружение стратегию импортозамещения, темпы роста падали во всех тех случаях, когда ее преимущества себя исчерпывали. Среди других стран Бразилия, достигнув точки, в которой данная модель роста себя исчерпала, начиная с 1967 года приняла широкомасштабную программу субсидирования экспорта промышленных товаров. Таким образом она справлялась с данной задачей, преодолевая «болезнь» и в отношении зарубежных рынков. Это принесло успех. В 1965 году на долю экспорта промышленных товаров приходилось лишь 6 % совокупного экспорта; в 1990-м данный показатель достиг своего максимума — 62 %. Однако в этом году ослабленная десятилетием кризиса внешнего долга страна согласилась осуществить либерализацию торговли, веря в то, что это означало лишь устранение протекционизма. Фактически это было ликвидацией механизма борьбы с «голландской болезнью». В дальнейшем страна столкнулась с масштабной деиндустриализацией и низкими темпами роста.

Множественные режимы обменного курса не являются лучшей альтернативой борьбе с «голландской болезнью». Существует простая политическая мера, позволяющая справиться с данной задачей, не прибегая к тарифам и субсидиям. Эта политическая мера проводится непосредственно из новой модели развития

и включает обложение различными налогами экспорта сырьевых товаров, откуда и проистекает данная «болезнь», серьезность которой зависит от степени завывшения обменного курса. А налог зависит главным образом от колебания международных цен на сырьевые товары. Когда цены повышаются, то увеличивается и налог, и наоборот. Имея в своем распоряжении таблицу цен и налогов, выраженных в процентном отношении, для каждого основного экспортируемого сырьевого товара, которые в принципе должны быть установлены по закону, экспортеры будут уверены в стабильности и удовлетворительном уровне нормы прибыли. Заметьте, что если «болезнь» не серьезна и цена падает очень сильно, то налог в процентном выражении может быть равен нулю.

Почему налог или удержание прибыли позволят справиться с «голландской болезнью»? Потому что это повысит расходы на производство сырьевого товара, а следовательно, текущее равновесное значение (равновесная стоимость, детерминируемая экспортом сырьевых товаров) сравняется с промышленным равновесным значением и рынок должным образом вызовет колебание обменного курса около — в данном случае — единого равновесного значения. Другой способ достижения того же результата заключается в учете микроэкономических последствий налога на экспорт. Налог сдвинет кривую предложения сырьевого товара влево — не по отношению к его цене, задаваемой международными рынками, а по отношению к обменному курсу, и равновесная стоимость будет выровнена в соответствии с промышленным равновесным значением. На рис. 3 показано, как справиться с «голландской болезнью» с учетом сдвига кривой предложения.

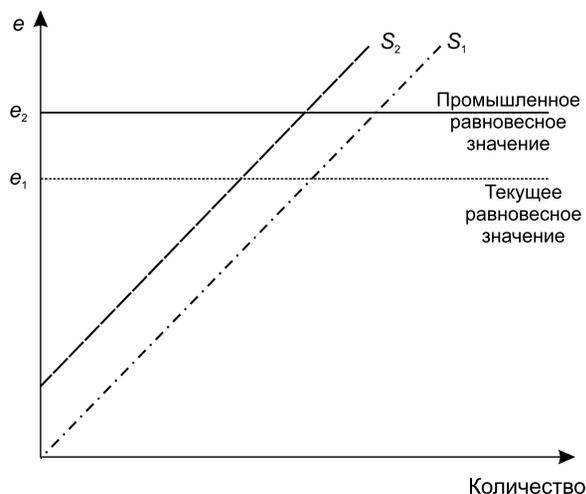

Рис. 3. Как справиться с «голландской болезнью»

В нашем примере с Бразилией взимание 0,80 бразильского реала с доллара экспорта основных сырьевых товаров позволит справиться с «голландской болезнью». В Аргентине в ходе крупного финансового кризиса 2001 года правительство стало удерживать часть прибыли, получаемой от экспорта сырьевых то-

варов. Оно делало это по налоговым соображениям, а не в качестве политической меры по борьбе с данной «болезнью»; и хотя это был фиксированный налог, он действительно позволял преодолеть «болезнь», при этом происходила реиндустриализация, были достигнуты высокие темпы роста, в то время как страна имела профицит платежного баланса. Однако, когда инфляция выросла, правительство решило использовать обменный курс как якорь, ей в противовес, курс песо повысился, текущий платежный баланс опустился до нуля, а темпы роста упали.

Победители и проигравшие

Кто выиграет и кто проиграет? Цена на сырьевой товар будет определяться прежде всего расходами и разумной прибылью менее эффективного производителя, допущенного на рынок. Устанавливая эту цену до уплаты налогов, страны, имеющие более низкие расходы на производство, выигрывают за счет соответствующей ренты (разницы между себестоимостью производства у них и себестоимостью производства у наименее эффективного производителя, допущенного на рынок), которая будет получена более эффективными производителями, чем производители с низкой рентабельностью. Как только будет взят налог, государство получит эту ренту, а производителям останется только экономическая прибыль. Но в конце концов они ничего не заплатят, потому что национальная валюта будет обесцениваться из-за увеличения себестоимости производства (или из-за сдвига кривой предложения влево), и то, что они заплатили в форме налогов, они получат обратно за счет более обесцененной национальной валюты¹. В случае Бразилии будет заплачено 0,80 бразильского реала на доллар экспорта и получено обратно 0,80 бразильского реала на доллар экспорта в виде обесценения валюты. Таким образом, в конечном счете налог платит население страны, потому что в момент обесценения валюты оно становится беднее: оно может покупать меньше продаваемых на внешних рынках товаров и услуг, относительная цена которых увеличивается.

Что делать с новой выручкой? Ее идеальное предназначение — это создание суверенного фонда по примеру Норвегии. Подобный фонд *не* поможет справиться с «болезнью» (эта задача решается с помощью налога), но он не допустит, чтобы приток твердой валюты увеличил предложение иностранной валюты и вновь повысил курс национальной валюты. Эта задача может быть решена с его помощью, но необходимо закупать резервы для нейтрализации притока капитала, что обеспечит защиту использования денежных средств.

Таким образом, есть решение, позволяющее преодолеть «голландскую болезнь». А что касается «ресурсного проклятия», есть ли тут такое же простое решение? К несчастью, нет. Это политическая и институциональная проблема с сильным культурным подтекстом. Она имеет тенденцию нивелироваться, когда страна осуществляет индустриализацию, берет курс

¹ Точнее, производитель-экспортер теряет что-то или не теряет ничего при взимании этого налога в зависимости от используемой нами отправной точки.

на капитализм, на демократию, но фундаментальный вызов, с которым сталкивается человеческое развитие, заключается в том, каким образом обеспечить прогресс в структурной и политической областях. Целью настоящей статьи не является обсуждение «ресурсного проклятия», как и обсуждение сопутствующей политической проблемы — монетарного популизма.

Еще одна причина, почему не удается справиться с «голландской болезнью», заключается в экономическом популизме. И это происходит отнюдь не от хорошо известного фискального популизма, когда государство или правительство погружается в хронический проциклический бюджетный дефицит, но от того, что я называю «популизмом обменного курса», то есть такой ситуации, когда расходы превышают доходы национального государства или страны. Популизм обменного курса очень привлекателен для политиков, которые хотят переизбраться. Он повышает доходы всех (не только заработную плату рабочих и среднего класса, но и доходы капиталистов-рантье в форме процентов, дивидендов и реальной ренты) и делает каждого богаче.

Тот факт, что для преодоления «голландской болезни» необходимо обесценение национальной валюты, делает данную политическую меру непривлекательной для политиков и народа. Именно такой популизм обменного курса является одной из двух причин, почему страны испытывают сложности с взиманием необходимых налогов; другой причиной является «ресурсное проклятие». Обе эти проблемы не имеют простого

решения, но нам не следует ставить преодоление «голландской болезни» в зависимость от этого решения.

Литература

1. *Bresser-Pereira L. C.* The Dutch disease and its neutralization: a Ricardian approach / L. C. Bresser-Pereira // *Brazilian Journal of Political Economy*. — 2008. — № 28 (1). — P. 47–71.
2. *Bresser-Pereira L. C.* Globalization and Competition / L. C. Bresser-Pereira. — N. Y. : Cambridge University Press, 2010.
3. *Bresser-Pereira L. C.* Reflecting on new developmentalism and classical developmentalism / L. C. Bresser-Pereira // *Review of Keynesian Economics*. — 2016. — № 4 (3). — P. 331–352. — Available at: <http://dx.doi.org/10.4337/roke.2016.03.07>.
4. *Bresser-Pereira L. C.* *Macroeconomia Desenvolvimentista* / L. C. Bresser-Pereira, J. L. Oreiro, N. Marconi. — Rio de Janeiro : Campus/Elsevier, 2016.
5. *Humphreys M.* Escaping the Resource Curse / M. Humphreys, J. D. Sachs, J. E. Stiglitz. — N. Y. : Columbia University Press, 2007.
6. *Karl T. L.* The Paradox of Plenty / T. L. Karl. — Berkeley : The University of California Press, 1997.
7. *Karl T. L.* Ensuring fairness: The case for transparent fiscal social contracts / T. L. Karl // Humphreys M. Escaping the Resource Curse / M. Humphreys, J. D. Sachs, J. E. Stiglitz. — N. Y. : Columbia University Press, 2007. — P. 256–285.
8. *Lederman D.* Natural Resource: Neither Curse nor Destiny / D. Lederman, W. F. Maloney. — Washington ; Stanford : World Bank : Stanford University Press, 2007.
9. *Sachs J. D.* How to handle the macroeconomics of oil wealth / J. D. Sachs // Humphreys M. Escaping the Resource Curse / M. Humphreys, J. D. Sachs, J. E. Stiglitz. — N. Y. : Columbia University Press, 2007. — P. 173–193.
10. *Soros G.* Foreword to Escaping the Resource Trap / G. Soros // Humphreys M. Escaping the Resource Curse / M. Humphreys, J. D. Sachs, J. E. Stiglitz. — N. Y. : Columbia University Press, 2007. — P. 11–15.

Чаба Варга¹

ГЛОБАЛЬНОЕ БУДУЩЕЕ, СИСТЕМНЫЕ ВЫЗОВЫ Изменения в профилях права?

Закон является объективным и точным в той мере, в какой он имеет ясный и определенный понятийный аппарат как неперемное условие. При этом закон в своем действии не может рассматриваться в отрыве от человеческого компонента и социальной сущности человека². Поэтому, будучи совокупностью абстрактных концептуальных категорий, закон отражает межсубъектные отношения и трактует их как универсальные социальные отношения, переходящие в правовые. Это служит внутренним оправданием безусловного исполнения/применения закона и его квази-логических последствий. Таким образом, общественный порядок опосредован пра-

вовым порядком, выступающим в роли решающего и высшего фактора социальной интеграции.

Вопрос, который необходимо здесь решить, в общем смысле — это совокупность интересов человека, а также возникающие между ними противоречия и конфликты. Карл Маркс и Карл Шмитт описывали, каким образом частные интересы человека исторически становились всеобщими; а также каким образом древние и более современные законы получили легитимность благодаря утверждению их божественного происхождения или ссылке на естественное право; в частности, в наше время, они возникли/были выведены из прав человека. Несмотря на действия других людей или идеологическое вмешательство извне, наш интеллектуальный мир принадлежит только нам: мы уютно устроились и акклиматизировались в нем. Он всегда воспринимается и познается через постулаты, опосредованные социализацией и образованием³. Система таких постулатов сформирована нашими представлениями о норме и законности и закреплена универсальными

¹ Почетный профессор Института правовых исследований Венгерской академии наук, Католического университета им. Петеера Пазмания (Будапешт), доктор. Приглашенный профессор многих зарубежных учебных заведений (США, Австралия, Италия, Германия, Япония, Россия и др.). Автор более 400 научных работ, опубликованных на английском, немецком, французском и других языках, в т. ч.: «Кодификация как социально-историческое явление», «Загадка права и правового мышления», «Порядок из хаоса? Философия создания и применения европейского права» и др. Советник премьер-министра Венгрии (1990–1994). Лауреат премии правительства Венгрии за научные достижения.

² *Varga Ч.* Загадка права и правового мышления: избр. произведения / ред. М. В. Антонова. СПб. : Алет-Пресс, 2015.

³ *Varga Cs.* The Paradigms of Legal Thinking [1996/1999]. 2nd ed. Budapest : Szent István Társulat, 2012. [Philosophiae Iuris] & <http://mek.oszk.hu/14600/14657/>

ми моральными принципами, воспринимаемыми как естественное условие человеческого существования.

Глобализация — политически обусловленный процесс, получивший новые возможности благодаря современной научно-технической революции. Не будем здесь рассуждать о возможных последствиях глобализации для будущего мировой экономики и мирового сообщества. Однако можно считать само собой разумеющимся, что концептуальная система современного права, сформированная общепризнанными принципами и представляющая собой идеально отлаженную систему, будет полностью или частично разрушена. Последствия предсказать невозможно.

Вызовы, требующие немедленного ответа

Технологическое развитие непрерывно ставит перед нами проблемы, требующие мгновенного решения. Целый ряд новых факторов: био- и нано-технологии, физические и химические открытия на макро- и микроуровне, в различных отраслях — от вооружения до фармакологии и, что не менее важно, социальный взрыв, который может произойти в результате новых достижений информационных технологий, могут стать источником новых угроз. Это неизбежно приводит к необходимости глобального регулирования. Например, что делать с космическим и атомным мусором или с технологиями, способствующими неконтролируемому распространению информации?

Соответственно возникает необходимость пересмотреть основополагающие ценности и принципы, их соотношение и определить возможность нового приемлемого баланса между ними, но нельзя ожидать, что новое прогнозирование будет более надежным. В самом деле, как реагировать, если в результате изобретения простых в использовании средств можно манипулировать, программировать и изменять личность? Если аборт можно проводить с помощью органической регрессии (или даже заменять ею)? Если будет разработано скрытое оружие с долговременным или очень отдаленным эффектом? Если один человек может развязать масштабную химическую, радиоактивную или кибер-войну, при этом не будет реальной возможности определить зачинщика?¹ Если генетически или иным образом заданное время жизни человеческих групп можно уменьшать или изменять по желанию без следов, не оставляя улик? Или если вообще невозможно регулировать авторское право, поскольку технологические инновации сами по себе исключают возможность контроля?

¹ Подробнее о казни британскими ВВС в Гибралтаре трех агентов Ирландской республиканской армии, состоящих на действующей службе, 6 марта 1988 г. см.: http://en.wikipedia.org/wiki/Operation_Flavius & http://en.wikipedia.org/wiki/Death_on_the_Rock

Текст жалобы, отклоненной Европейским судом по правам человека, по делу «McCann and Others v United Kingdom» Ser. A, № 324, Application № 18984/91(1995) см.: <http://www.leeds.ac.uk/law/hamlyn/gibraltar.htm>

О практически не выявляемом преступлении, в результате которого произойдет сбой основных рабочих систем, см.: <http://en.wikipedia.org/wiki/Cyberwarfare> and Johann-Christoph Woltgag Cyber Warfare Military Cross-border Computer Network Operations under International Law (Mortsel: Intersentia 2014) XVIII + 314 p. [International Law 14].

Как известно, раньше технологиям отводилась вспомогательная и, следовательно, совершенно нейтральная функция. Однако уроки, которые мы извлекли из жестоких событий XX века, проводят отчетливую параллель между такими технологическими достижениями, как, например, производство крупногабаритных землеройных бульдозеров, с одной стороны, и геноцидов, совершенных почти в мировом масштабе, — с другой. Стало очевидно, что глубоко укорененная склонность людей убивать своих собратьев по политическим мотивам могла быть реализована, только когда были изобретены бульдозерные машины. Ведь теперь стало возможно подцепить тела ковшом, перенести в другое место, по желанию, и тайно захоронить их, закопав в земле или сбросив в воду. Возможно, не случайно взгляды на философию истории, например Освальда Шпенглера, изложенные в «Закате Западного мира», давно связаны с идеей технологического саморазвития, когда технологическое развитие становится самоцелью и служит предпосылкой смерти последующих цивилизаций.

Кому же решать технологически актуальные вопросы? Поскольку в ходе своего развития правовой позитивизм превратился в правовой социопозитивизм (что повлекло за собой трансформацию судебного процесса в многоактный межкультурный и многокритериальный дискурс)², решение, безусловно, должно быть принято или, по крайней мере, подготовлено экспертными группами. Со стороны юристов помощь в решении проблемы должна заключаться в определении направления, формулировке и проверке внутренней логической упорядоченности. При условии, что за этим не последует по-американски преувеличенное выпячивание юридической стороны вопроса или привлечение многочисленных законников с целью получения монопольного контроля и заключения социального процесса в рамки юриспруденции американского типа.

Новые аспекты права

По причине продолжающейся технологической революции юриспруденция может получить новые направления развития только в том случае, если она будет присутствовать в различных областях жизни, получит качественно более высокий уровень упорядоченности («буква закона») и (или) больший акцент на результат («дух закона»). При этом необходима методика увеличения объема и глубины влияния закона, разработанная как основная цель или полученная в качестве побочного продукта.

Как в ранние времена утверждался закон и распространялись юридические знания?³ Кодекс Хаммурапи был высечен в камне. Законы двенадцати таблиц цитировались учениками, даже сам Цицерон в детстве заучивал их. Текст Великой хартии вольностей вывешивался на церковных воротах раз в год. Французские

² См.: Varga Cs. Comparative Legal Cultures On Traditions Classified, their Rapprochement & Transfer, and the Anarchy of Hyper-rationalism. Budapest : Szent István Társulat, 2012. [Philosophiae Iuris] & <http://mek.oszk.hu/15300/15386>. P. 124.

³ См.: Varga Cs. Codification as a Socio-historical Phenomenon [1979/1991]. 2nd ed. Budapest : Szent István Társulat, 2011. VIII + 431 p. & <http://mek.oszk.hu/14200/14231/>

наказы третьего сословия до революции продавались за гроши на рынках. Все имперские законы были занесены в картотеку Всесоюзным институтом советского законодательства с тем, чтобы авторитетно установить, какие законы и в какой формулировке действовали. Закончу перечисление австрийским электронным правительством, которое дает компьютеризированный и, следовательно, автоматический ответ. А как насчет согласованности законов в будущем? Каковы будут новые средства для внесения поправок в законы и внедрения правовых изменений во всем мире? В какой форме и какими средствами закон, как высшая нормативная сила, будет управлять обществом? Как это произойдет, если мы закроем канал, транслирующий мораль, традиции и здравый смысл?

Как известно, жестокости войны и пробуждающаяся реакция на нее — совесть — со временем породили так называемое международное гуманитарное право. В отличие от того, как человеческое поведение рассматривается, например, в уголовном праве, здесь юридический случай представляют собой не конкретные факты, а намерение и прогнозирование во время тактического планирования и командования военными операциями, которым впоследствии дается правовая оценка.

Какую роль вообще призван играть закон? Еще во времена коммунистической диктатуры социологи права Венгрии заявляли, что эффективная — оптимальная — работа закона есть всего лишь повторение действующих социальных процессов с помощью специальных средств и полномочий закона. То есть окончательное, символическое, абсолютное отражение. Хотя закон в основном или, во всяком случае, очень часто исполняет уродливую и отвратительную роль «мальчика на побегушках»: действует как демиург, заменяет все прочие способы социальных реформ, что, по сути, является политическим волюнтаризмом¹. Принятие законов вместо реальных социальных реформ — это фиктивные меры. Иначе говоря, они обречены на провал и, кроме того, подрывают престиж закона, по крайней мере в долгосрочной перспективе.

В какой нормативной среде призван работать закон и каковы будут его результаты? В течение тысячелетий в единой социальной среде закон скреплял общество и превращал его в: а) единый этос; б) основное средство накопления и постепенного узаконивания общественного опыта бытия и в) последний оплот нравственности. Осуществлению последней функции также способствовала г) профессиональная юридическая деонтология, классически именуемая правовым мировоззрением. Как известно, все это было опровергнуто западным миром впоследствии, после 1968 года, когда сама идея социального нормотворчества была отринута под эгидой либерального индивидуализма. Только закон оставался в роли примирителя противников в условиях социального распыления, когда преобладало нейтральное отношение к правонарушителям и правоохранителям, как если бы они были просто соперничающими командами в спортивном соревновании.

¹ См.: *Varga Cs. Law and Philosophy: Selected Papers in Legal Theory // Comparative Legal Cultures*. Budapest, 1994. XI + 530 p. [Philosophiae Iuris] & <http://mek.oszk.hu/15300/15333/#> P. 43–76.

Изменения в законодательстве

Очевидно, что принципиальные изменения в том, как люди становятся обществом, а также в технологии/культуре, влияющей на поведение людей, могут вызвать и фундаментальные изменения в законодательстве.

В будущем владение информационными технологиями, которые обрабатывают и систематизируют все многообразие мнений миллионов людей и могут напрямую призывать массы к тем или иным действиям, позволит гражданскому обществу заменить государственный аппарат и взять власть над политической организацией общества. В настоящее время, как показали, в частности, американские социологические исследования, случайно выбранное гражданское мнение имеет больший вес и считается более разумным, обоснованным, восприимчивым и ответственным по сравнению с так называемым экспертным мнением. И хотя данные, полученные случайным образом, неточны и, вообще говоря, расплывчаты и приблизительны, с точки зрения статистической вероятности их влияние, безусловно, предсказуемо.

Едва ли можно представить себе, какие технологии воздействия на поведение людей будут использованы в будущем. Но, пожалуй, достаточно будет вспомнить уровень влияния средств массовой информации, этого феномена XX века, на социальные изменения, вспомнить, насколько широко применялись манипуляции массами в диктаторских и демократических режимах XX и XXI веков. То же относится и к социальным нормам. Ведь даже современные люди шокированы такими явлениями, как трансплантация органов и биотехника. Потенциальная возможность возникновения общественной опасности в результате легкой доступности технологических средств сама по себе является вызовом классическим свободам, которые и так уже сильно ограничены антитеррористическими мерами.

Обладая таким свойством, как точность, право стремится сохранить свою системность и развивается главным образом за счет сокращения или усиления регламентации сфер его применения, которые также расширяются или сужаются (по аналогии). Все, что входит в понятие «право», может видоизмениться, если научно-техническая революция сделает возможными органические репродуктивные процессы, распространение информации в электронном пространстве или создание виртуальной реальности (здесь я имею в виду искусственно созданные обстоятельства, уже действующие в области финансов, экономической организации, юридической власти и т. д.) вплоть до уничтожения жизни на Земле — в пределах, определяемых общей структурой и абстрактной концептуальностью закона².

Изменение парадигмы понимания социального порядка

В современном мире произошла смена парадигм в самом понимании природы социальности, способа

² Юридический аппарат позволяет вывести произвольные ответы и взаимно противоречивые заключения из одной и той же формулировки, если найти достаточно мотивированные юридические аргументы, основанные на глубинном смысле закона. См.: *Варга Ч.* Право, юридический процесс и судейское сознание // *Российский юридический журнал*. 2011. № 4. С. 14–24.

действия и последующей реакции в социальном правовом пространстве. До середины XIX века физическое мировоззрение (некогда сформированное Николаем Коперником и Исааком Ньютоном) было адаптировано и к социальному миру: в сменяющихся друг друга процессах мы искали причины и следствия (и в целях анализа стремились максимально их изолировать). Однако на рубеже XIX–XX веков исследование отдельных факторов (причин/усилий/последствий) в этих цепочках (квази)причинности было изменено термодинамикой и науками об элементарных частицах. Новый взгляд основывался на изучении усредненных явлений, статистических величин и вероятностей. Это привело к представлению о полужамкнутых-полуоткрытых системах, примером которых являются так называемые автопоэзисные процессы, где закономерности (или законы) любой действующей операции определяются самим процессом, то есть индивидуально для каждого случая. Соответственно идея «порядка из хаоса», ранее немислимая по научным и богословским законам, приобрела новый смысл для микрофизики и, постепенно, для антропологии, социологии и правопедения¹. Более того, рассматривая право не как единственное «окончательное состояние» (*definitivum*), а как один из ряда факторов, эта идея стала определяющим рабочим принципом, проникшим даже в действия Евросоюза: союз и национальные государства, то есть общеевропейские и национальные законы оспаривают/противоречат друг другу. В конечном счете из кажущегося разнообразия (близкого к абсолютной анархии при анализе на микроуровне) следует беспрецедентный вывод — высокая степень правопорядка (на макроуровне)².

Соответственно классический юридический позитивизм, ориентированный на отдельные акты и присущую им телеологию, отвечает за классическое физическое мировоззрение, в то время как «порядок из хаоса» со своей концепцией порядка, охватывающей все вокруг — от микромира до вселенной, соответствует позиции современной антропологии, социологии и международной юридической науки. В неокантианстве методологическая чистота была непременным условием. Теперь в правовом режиме Европейского Союза государства-участники продолжают следовать старой парадигме, хотя их взаимодействие друг с другом и с законодательством Европейского Союза явно проявляет черты новой парадигмы³.

Не случайно на XX Международном симпозиуме по правовому информированию в Зальцбурге дей-

ствует постоянный раздел, посвященный научной фантастике и утопии. Ибо со времен романа «О дивный новый мир» Олдоса Хаксли (1931) мир, возможно, и изменился, но представления о прошлом в «Слепящей тьме» Артура Кестлера (1940), а также тоталитаризм, описанный в «Скотном дворе» Джорджа Оруэлла (1945), и в подметки не годятся скрытым действиям современной исторической реальности.

Закон, как правило, консервативен, но в пределах внутренней системы новые методы и противоречивые результаты допускают, требуют, а иногда прямо призывают к развороту на 180 градусов в судебном толковании и трактовке. В соответствии с этим возможные обновления закона в основном вытекают из нашего понимания предпосылки социального/общественного существования. Это означает, что наше нынешнее намерение сохранить свободу выбора как для государств, так и для отдельных лиц, обязательно будет уравновешено (а может, и подавлено) более важной ценностью — безопасностью существования общества в новых условиях. Возможно, теперь мы будем вспоминать о многовековой борьбе за свободу с ностальгией как о потерянном втором «золотом веке».

В современных выступлениях с трибун такие умные слова, как «естественное право», «конституционность», «права человека» и «верховенство права», широко пропагандируются и утверждаются как самые высокие цели, хотя ни одно из этих понятий не может быть исключено из основного онтологического правила. Ибо они имеют значение только в контексте правовых ценностей в сфере закона. Следовательно, их истинное значение зависит от того, какие фундаментальные ценности они опосредуют. А иначе в грядущую эпоху научно-технической революции они могут измениться кардинально, до неузнаваемости⁴.

Подводя итог, следует сказать, что несколько десятилетий назад будущее можно было предсказать посредством экстраполяции тогдашних тенденций. В то время будущее еще можно было вывести из действующих течений, из смещений в акцентах. Что касается нынешнего времени, то развитие будущих событий нельзя предсказать достоверно, несмотря на то что весь милитаристский XX век продолжался мировой кризис. Будущее зависит от действий, которые еще только предстоит осуществить. Единственное, что можно сделать в качестве предсказания будущего, — просто перечислить ряд альтернатив.

¹ См.: *Varga Cs. The Paradigms of Legal Thinking.*

² *Varga Cs. Порядок из хаоса? Философия создания и применения европейского права // Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции: к 60-летию Андрея Васильевича Полякова / ред. М. В. Антонов, И. Л. Честнов. СПб. : Алет Пресс, 2014. Т. 2. С. 54–77 ; Правоведение. 2014. № 6. С. 218–235.*

³ Или международное агентство выдает правовую информацию, на которую отвечает какое-либо национальное агентство, затем в спор вступает иное национальное или международное агентство государственного уровня, призывая к повторному рассмотрению на национальном/международном уровне, на что ответит второе информационное агентство. Это выглядит как бесконечная игра.

⁴ *Varga Cs. Theory of Law Norm, Logic, System, Doctrine & Technique in Legal Processes, with Appendix on European Law. Budapest : Szent István Társulat, 2012. [Philosophiae iuris] & http://mek.oszk.hu/15400/15409. P. 189–201.*

Ежи Й. Вятр¹

К НОВОМУ МИРОВОМУ ПОРЯДКУ XXI ВЕКА

Сто лет назад, на третьем году Первой мировой войны, произошли два не связанных между собой события, которые затронули миропорядок и изменили его на несколько последующих десятилетий. Русская революция 1917 года и захват власти большевиками привели к идеологическому противостоянию в международных отношениях. Молодое Советское государство воспринимало свои отношения с остальным миром с точки зрения идеологии (коммунизм против капитализма), а не с точки зрения конфликтующих национальных интересов. «Мы считаем, — заявил Ленин в мае 1918 года, — что интересы социализма, интересы мирового социализма выше национальных интересов, интересов государства» [6, с. 166]. Мир «ответил взаимностью», провозгласив Советскую Россию своим идеологическим врагом. Даже после нормализации дипломатических отношений и вступления Советского Союза в Лигу Наций идеология осталась доминирующим фактором в отношениях между СССР и остальным миром.

2 апреля 1917 года в выступлении перед Конгрессом, посвященном объявлению войны Германии, президент США Вудро Вильсон также определил цели США с позиции ценностей, а не интересов. Вильсон заявил, что Соединенные Штаты «будут воевать за то, что всегда было близко нашему сердцу, — за демократию, за право народа контролировать свое правительство, за права и свободы малых государств, за универсальные права всего сообщества свободных народов» [7, с. 250].

Почти три века спустя идеология вновь стала критическим фактором международных отношений. Это не означает, что после Первой мировой войны государства игнорировали свои интересы. Это значит, что наряду с национальными интересами — а иногда и важнее их — ведущим фактором в формировании мирового порядка стали идеологические конфликты. После заключения Вестфальского мирного договора 1648 года и Венского конгресса 1815 года сложившийся мировой порядок, исходивший из национальных интересов, сменялся идеологическими барьерами. Вторая мировая война стала вооруженной конфронтацией между тремя совершенно различными идеологическими лагерями: 1) странами «оси» — нацистской Германией,

фашистской Италией и националистической Японией; 2) коалицией либеральных демократий под руководством Великобритании и США; 3) коммунистическим Советским Союзом. У каждой из сторон имелись свои государственные интересы, но война велась далеко за пределами этих узко сформулированных национальных интересов. Страны-победители договорились о том, что в послевоенном мире будет обеспечиваться взаимное признание национальных интересов. Это отражено в решениях Ялтинской конференции, которая состоялась в феврале 1945 года, и в Уставе Организации Объединенных Наций. Однако вскоре стало ясно, что фундаментальные идеологические различия делали невозможным долгосрочное сотрудничество между двумя блоками государств. Президент США Джордж Буш-старший назвал холодную войну «битвой за душу человечества» [5, с. 3]. Только благодаря драматическому росту количества оружия массового поражения удалось предотвратить превращение идеологической конфронтации между двумя блоками в третью мировую войну.

К концу холодной войны лидер Советского Союза Михаил Сергеевич Горбачев предпринял амбициозную попытку освободить мировую политику от идеологической конфронтации. Он отказался от ленинской концепции доминирования классовых интересов в международной политике, приняв вместо этого политику «универсальных прав человека». В своем главном печатном труде он призвал к созданию «общего европейского дома» [3]. Он также принял демократические изменения и признал полный суверенитет социалистических государств Центральной Европы. Британский историк Арчи Браун подчеркнул важность подхода Горбачева к новому миропорядку. «Понятие единой цивилизации, частью которой должен стать Советский Союз, также включало и единую экономическую систему, — писал Браун. — Эта идея постоянно развивалась в трудах и выступлениях Горбачева в период второй половины его правления» [1, с. 315].

Утопическая концепция «единого дома» не реализовалась по ряду причин. Одной из них стал быстрый и неожиданный распад Советского Союза после неудачного путча в августе 1991 года и длительный кризис в бывших республиках СССР, включая Российскую Федерацию, в последнее десятилетие XX века. Еще одной причиной, гораздо более длительной, стало возникновение новых идеологических барьеров после окончания холодной войны.

Эти барьеры приняли две основные формы.

Первая состояла в идеологической ориентации крупнейших западных государств, в частности США, на продвижение политики ценностей и институтов либеральной демократии во всем мире. Самым драматическим воплощением этой политики стало вторжение в Ирак в марте 2003 года. Коалиция государств во главе с США на многие годы ухудшила международную ситуацию и привела к усилению того, что С. Хантинг-

¹ Министр образования Польши (1996–1997), депутат Сейма Республики Польша (1991–1997, 2001), доктор социологии. Автор научных работ по социологии политики, в т. ч. монографии «Социология политических отношений», статей «Восточная Европа: судьбы демократии», «Польша и Россия: национальные интересы или историческая память?», «Вторая мировая война и новый мировой порядок», «Политический кризис на Украине и его перспективы», «Национальное самоопределение — политические и правовые дилеммы», «Теория национальных интересов в науке и в политике» и др. Почетный ректор Европейской высшей школы права и управления в Варшаве, почетный президент Центральной европейской ассоциации политических наук, почетный профессор Варшавского университета, почетный сенатор Университета Люблина, почетный доктор Днепропетровского национального университета им. Олеся Гончара. Награжден орденом Возрождения Польши II степени.

тон назвал «столкновением цивилизаций» [4]. Бывший помощник по национальной безопасности президента Картера, всемирно признанный политолог Збигнев Бжезинский назвал эту политику «катастрофической» и предупредил, что «демократия подвергает дестабилизации сложившийся статус-кво, а вооруженная интервенция задним числом оправдывается тем, что демократический эксперимент провалился, а выросший на этой почве экстремизм легитимизирует одностороннее применение грубой силы» [2, с. 155–156]. Подчинение американской внешней политики идеологическим критериям либеральной демократии приобрело особенный размах при президенте Джордже Буше-младшем (2001–2009) и продолжилось, пусть и в менее выраженной форме, во время правления Барака Обамы. Одним из последствий доминирования идеологии стал тот факт, что в отношениях с другими государствами Соединенные Штаты исходили из своей оценки их внутренней политики, в частности в вопросе о соблюдении прав человека. Во время своей предвыборной кампании Дональд Трамп обещал переориентировать американскую внешнюю политику с идеологических вопросов на прагматически ориентированные национальные интересы. Теперь остается понять, окажет ли этот подход влияние на мироустройство, и если да, то какое.

Вторая угроза исходит от набирающего силу исламского фундаментализма. Рост влияния ислама и его быстрая радикализация изменяют саму природу мирового порядка. Радикальный исламский фундаментализм игнорирует национальные интересы и готов принести их в жертву ради веры. Его задачи носят тотальный и бескомпромиссный характер. После второй иракской войны, особенно после «арабской весны», конфронтация между радикальным исламом и остальным миром усилилась. Гражданские войны в Ливии, Сирии и Йемене, политическая напряженность в Египте и некоторых других арабских странах оказали долгосрочное дестабилизирующее влияние на мировой порядок.

Критически важным вопросом ближайшего будущего является готовность ведущих держав мира отойти от идеологического подхода к международным отношениям и вернуться к старой парадигме национальных интересов. В нескольких своих работах, включая ряд публикаций на русском языке [8; 9, с. 15–27], я постулировал, что такой подход позволит с большей легкостью достичь взаимоприемлемых компромиссов, когда отношения между государствами базируются на взаимно признаваемых национальных интересах, а не на противоречащих друг другу идеологических целях. Национальные интересы не исключают возможности конфликтов, но природа таких конфликтов отличается от природы идеологических конфликтов. Когда конфликты порождаются различием интересов, всегда существует возможность достижения компромисса. Конфликтующие стороны соглашаются на решения, которые частично устраивают их (или соответственно

в какой-то степени не устраивают). Дипломатия стала искусством достижения компромиссов. Иногда дипломатические договоренности не выполняются, но при мудром подходе взаимоприемлемые решения всегда возможны. Если же конфликты базируются на ценностях и идеологии, настоящий компромисс весьма проблематичен, а зачастую и вовсе невозможен.

В современном мире существует лишь один идеологический конфликт, который не может быть разрешен путем компромисса. Это конфликт между радикальным исламом и остальным человечеством. При нарастании этой проблемы крупным государствам мира не останется иного выхода, кроме как выступить единым фронтом против исламистской угрозы. С. Хантингтон был прав, когда говорил о союзе двух великих цивилизаций, западного и восточного христианства, в их противодействии агрессивному исламу. В течение ряда лет (возможно, десятилетий) этот конфликт будет крупнейшим международным конфликтом, который потребует общих усилий всех мировых держав независимо от различий в устройстве их политических систем. Либеральные демократии должны защитить — и будут защищать, надеюсь, успешно — свои институты и дух свободы, на которых построена их цивилизация. В этой борьбе они должны тем не менее сотрудничать с другими государствами, чья внутренняя политика отличается от так называемых западных ценностей. Демократия всегда начинается с местных обычаев и традиций и не может быть эффективно экспортирована из-за границы. При новом мировом порядке мы должны выявлять общие интересы и мирно решать конфликты интересов при их возникновении. В этом нам могут помочь уроки прошлого. Века, которые прошли до возникновения доминирующей идеологии, — это не «потерянный рай», но те времена были все же гораздо менее опасны, чем времена великих идеологических конфронтаций.

Литература

1. Браун А. Фактор Горбачева / А. Браун. — Оксфорд : Изд-во Оксфорд. ун-та, 1996.
2. Бжезинский З. Второй шанс: три президента и кризис американской супердержавы / З. Бжезинский. — Нью-Йорк : Бейсик Букс, 2007.
3. Горбачев М. С. Перестройка: новое мышление для нашей страны и всего мира / М. С. Горбачев. — Лондон : Коллинс, 1987.
4. Хантингтон С. П. Столкновение цивилизаций и изменение мирового порядка / С. П. Хантингтон. — Нью-Йорк : Саймон энд Шустер, 1996.
5. Леффлер М. П. За душу человека: Соединенные Штаты, Советский Союз и холодная война / М. П. Леффлер. — Нью-Йорк : Хилл энд Уонг, 2007.
6. Пайпс Р. Россия при большевистском режиме / Р. Пайпс. — Нью-Йорк : Альфред А. Кнопф, 1993.
7. Уитни Д. К. Американские президенты / Д. К. Уитни. — Гарден-Сити ; Нью-Йорк : Даблдей энд Кампани, 1978.
8. Вятр Е. Польша и Россия в свете истории и современности / Е. Вятр. — СПб. : СПбГУП, 2013.
9. Вятр Е. Теория национальных интересов в науке и политике / Е. Вятр // Социология. — Минск : БГУ, 2015. — № 2.

Г. А. Гаджиев¹**О БЕЛЫХ ПЯТНАХ И МИННЫХ ПОЛЯХ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ**

Процесс глобализации усиливает противоречия в мире, поскольку государства вынуждены отстаивать свои законные национальные интересы, национальный эгоизм, расчет — вполне естественен. Но в основе международных отношений и международного права не может не находиться особая область морали. Как отношения между людьми регулируются и юридическими и этническими нормами, так и ткань международных отношений нельзя соткать только с помощью юридического ткацкого станка.

Таким образом, метод, который необходимо освоить на современном этапе развития международного права, может основываться на скрещивании совести с расчетом, моральности и эффективности.

Так ли уж все трагично, действительно ли происходит процесс полураспада международного права?

Думаю, что у всех нас должно быть, как говорил один очень известный политик, «больше бычьего упорства и оптимизма».

Уверен, что ничего трагичного с международным правом не произойдет. Мы переживаем вполне естественный и даже нормальный процесс осознания того, что необходимо усложнить научные представления о международном праве. Научная картина юридического мира на глазах превращается в гораздо более сложную. Я придерживаюсь мнения, что созданный человечеством мир научных идей, несмотря на специализацию знаний, во многом использует какие-то универсальные законы. Закон инерции в его наиболее простом виде выявлен в физике. Но аналогичные, параллельные научные идеи можно обнаружить и в сфере социальных наук.

Исходя из предположения о некоей параллельности идей, сформулированных человечеством в разных областях знаний, можно предположить, что даже музыкальные идеи или идеи изобразительного творчества находятся не так уж далеко от мира философских или юридических идей.

Общие познавательные структуры можно обнаружить даже в, казалось бы, диаметрально разных науках, к примеру в математике и юриспруденции (идея баланса прежде всего). Выдающийся профессор Йельской школы права неслучайно писал о близости таких сфер знаний, как право, экономика, этика, политология, объясняя это тем, что все они «всего лишь разные названия одной и той же области — области челове-

ского опыта («Прощальное письмо А. Корбина преподавателям Йельской школы права»).

Впору вспомнить картину гениального художника (и философа) Казимира Малевича «Черный супрематический квадрат», который сто лет назад предсказал то, что будет происходить в социальных науках. Черный квадрат можно рассматривать как символ важной философской проблемы. Внешняя простота, незатейливость рефлексии квадрата скрывает глубину идеи. На самом деле изображен не квадрат, а прямоугольник! В оптике описываются законы иллюзии человеческого зрения. Но точно так же в «научном зрении» постоянно возникают иллюзии простоты. Оказывается, квадрат вовсе не черный — художник смог отразить тридцать оттенков серого цвета! Выходит, картина Малевича описывает то, что ученые определяют как когнитивный диссонанс, то есть расхождение между восприятием и осмыслением актуальной ситуации с учетом имеющихся знаний. Обыватель, стоя у картины Малевича, лишь смеется и, как правило, утверждает, что и он тоже может так нарисовать. И это означает, что он не выдерживает своего рода тест на воображение.

Способность увидеть вместо радикального черного цвета спектр оттенков — это уже свидетельство способности отказаться от упрощенных научных представлений. Везде можно увидеть спектр, диапазон, и это важная философская аксиома. Человеку, знакомому с философией Эрнста Кассирера, — а Казимир Малевич читал его работы по философии символических форм, — становится понятно философское послание Малевича. Изображение приобретает четкий философский подтекст, не зря художник написал философские размышления на тему искусства и бытия.

Итак, «Черный квадрат» на самом деле — яркая метафора, которую я использую в своем выступлении — скетче (то есть схеме, наброске идеи) того, в каком направлении должны меняться представления о международном праве.

Россия, как сказано в преамбуле нашей Конституции, «сознает себя частью мирового сообщества». И это осознание является залогом того, что и впредь Россия, как и во времена Федора Федоровича Мартенса, будет вносить свой вклад в развитие международного права. Думаю, что он может состоять из новых представлений о правах человека в различных культурах при несомненной ценности самой идеи о верховенстве прав человека, которая является несомненным достижением человечества.

Усиление экономических противоречий между странами является, как мне кажется, основным, но не единственным риском для системы международного права. На его просторах есть опасные минные поля, и это абсолютизация прав человека и идеи справедливости в устройстве международных отношений.

История и опыт подсказывают, что абсолютно справедливых моделей этих отношений не было никогда, и вряд ли они появятся в дальнейшем. Справедливость

¹ Судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ. Автор свыше 270 научных работ, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Защита основных экономических прав и свобод предпринимателей за рубежом и в Российской Федерации: опыт сравнительного анализа», «Предприниматель–налогоплательщик–государство: правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации», «Конституционные принципы рыночной экономики», «Конституционная экономика», «Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности)», «Российская судебная власть: современность и перспективы» (в соавт.), «Право и экономика (методология)» и др. Член редколлегии 12 научных журналов. Член Совета при Президенте РФ по совершенствованию гражданского законодательства. Награжден Почетной грамотой Президента РФ. Почетный доктор СПбГУП.

в международном порядке может носить только относительный характер. Коммунистические режимы искали абсолютную справедливость, для этого они даже пытались искоренить частную собственность, но ничего не вышло.

Современные либеральные ученые и политики пытаются добиться идеала абсолютной свободы для всех людей, абсолютного устранения всех предрассудков и дискриминации, но и эта новая абсолютная идея разбивается о скалу объективно существующих ограничений у разных народов.

Правовая ценность — это принципы права, универсальные права человека не абсолютны, они всегда представляют собой итог оптимизации или взвешивания, то есть балансировки интересов, которые часто бывают противоположными, то есть бинарными, противоречивость принципов и прав является отражением объективно противоречивых устремлений людей, то есть их интересов. Их уравнивание означает, что принятые в обществе ценности должны сосуществовать. Способом их существования является такая их интерпретация, когда в ситуации коллизии бинарных интересов приходится отдавать определенное предпочтение одной ценности. Но более рациональным (оптимальным) способом сосуществования правовых ценностей является такое истолкование одной правовой ценности, в результате которого появляются новые представления (по сути — новый опыт!), не позволяющие ослабить чрезмерно регулятивный потенциал другой ценности в бинарном отношении.

Идея взвешивания равноценных, но вместе с тем антиномичных правовых принципов — это прием своего рода подведения черты под противоположными точками зрения, служащий целям гармонизации отношений между людьми (и народами).

Только с помощью взвешивания не абсолютных, а рассматриваемых в качестве относительных правовых ценностей можно разработать базовые консенсусы в том или ином обществе. Это и есть исторически окрашенная справедливость.

Оливер В. Холмс, выдающийся судья Верховного суда США писал, что взвешивание правовых ценностей не является простой логической операцией, основанной на идее иерархии принципов. Суть его состоит в том, что между правовыми ценностями проводится как будто черта, разграничивающая их. И эта юридическая черта является метафорой вновь созданной юридической нормы, которая обеспечивает компромисс между двумя правами. При этом Холмс сравнивал права с дискретными единицами в математике и писал о том, что суды, по сути, взвешивают соображения социальной пользы. Дискретные единицы, о которых писал Холмс, можно сопоставить с дискретной математикой, являющейся разделом прикладной математики и состоящей из теории множеств, комбинаторики, теории графов, теории кодирования, теории алгоритмов, теории нечетких множеств.

Метафора о расколе Западе появилась не сегодня. В 2008 году в России вышла книга Ю. Хабермаса «Расколотый Запад», в которой он писал, что Запад расколола не угроза терроризма, а политика США, игнорирующая международное право. Американский философ Джон Ролз создал предпосылки для этой политики.

Задействован был и кантовский проект преодоления «естественного состояния (вражды) между государствами». Ролз в книге «Право народов» признал необязательными строгие принципы справедливости, которым должны следовать демократические государства в отношениях с государствами с авторитарными режимами.

Оценивая тот радикальный обвал в международных отношениях, который вызвало правительство Буша-младшего, Ю. Хабермас писал о том, что в их основе лежали такие представления о правовых ценностях, которые рассматривали право человека как абсолютную ценность. И он же заметил, что спорным является не вопрос, возможна ли справедливость в отношениях между народами, а вопрос о том, каким путем она устанавливается.

Г. М. Гатилов¹

О НЕКОТОРЫХ НОВЫХ ВЫЗОВАХ И УГРОЗАХ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Современный мир и процессы, свидетелями которых мы являемся, приобретают все более турбулентный характер. Терпят крах или подвергаются сомнению казавшиеся еще недавно незыблемыми устои и порядки. Испытывая на себе давление глобализации, трансформируется и система международных отноше-

ний. Все более отчетливо вырисовываются контуры полицентричного, многополюсного миропорядка.

Охватившая торговые, производственные, финансовые, информационные и другие потоки глобализация способствовала укреплению новых центров экономической силы и влияния, которые сегодня становятся активными участниками формирования международной повестки дня. При этом сама глобализация, как процесс экспансии либерального капитализма, по видимому, достигла естественных пределов. Неслучайно сегодня применительно к странам Запада больше говорят о ее обратной стороне, издержках. Все больше признаков ослабления и дискредитации либеральной,

¹ Заместитель министра иностранных дел Российской Федерации, Чрезвычайный и Полномочный Посол. Специалист в области многосторонней дипломатии. Автор ряда публикаций, в т. ч.: «Голубые каски» ООН на службе мира», «Итоги “большого слета” на Генассамблее ООН», «Итоги форума ООН в Дохе», «О некоторых международных аспектах диалога культур в условиях глобализации», «Формула урегулирования в Сирии» и др. Награжден орденами Дружбы, Почета и Александра Невского.

претендовавшей на универсальность социально-экономической модели, причем глобализация часто встречает особое неприятие в среде именно тех сообществ, которые в свое время выступали ее «мотором».

В ведущих западных странах все более очевидными становятся кризис доверия широких слоев населения к космополитичным элитам, рост общественного скептицизма в отношении заидеологизированных внешнеполитических установок, запрос на возврат к национально-ориентированной политической и экономической повестке дня. В этом видится и суть феномена постепенного ослабления, а возможно, и упадка «исторического Запада», позиционировавшего себя в качестве «ядра» системы международных отношений, сложившейся после распада двуполярности.

Более того, в самом западном блоке все более очевидно проявляются идейные «зазоры». Все большую обеспокоенность в последнее время вызывает нарастание факторов, негативно влияющих на глобальную стратегическую стабильность. Вызвано это в первую очередь стремлением отдельных государств и военно-политических союзов добиться определяющего военного и военно-технического превосходства, что позволило бы им беспрепятственно использовать силовые методы при продвижении своих интересов на мировой арене. Неконтролируемое наращивание военных потенциалов, включая развитие средств «глобального удара» и «глобального проецирования силы», все более отчетливо противоречит идеалам всеобщего и полного разоружения под эффективным международным контролем.

Современные глобальные и региональные вызовы и угрозы, прежде всего терроризм, продолжают стремительно и опасно эволюционировать, ставя перед отдельными государствами и всем мировым сообществом беспрецедентные задачи, порой несопоставимые по новизне, сложности и остроте с любыми аналогами десятилетней и даже пятилетней давности.

«Генезис» такого развития событий для нас совершенно очевиден: несмотря на предупреждения со стороны России, ряд западных стран и региональных игроков в свое время принялись за осуществление «геополитической инженерии» на пространстве Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА), предусматривавшей целенаправленное и системное вмешательство во внутренние дела независимых стран, дестабилизацию и свержение «неудобных» режимов. Это привело к разрушению традиционных механизмов государственного управления и обеспечения безопасности в регионе, к заградительной и неконтролируемой радикализации «мусульманской улицы» и в итоге — к разгулу военной активности террористических и экстремистских структур.

Регион БВСА продолжает переживать системный многоуровневый кризис. Непрекращающиеся кровопролитные теракты, в числе которых убийство российского посла в Турции А. Г. Карлова, взрывы, в результате которых гибнут десятки и сотни людей в Ираке и Сирии, аналогичные атаки в Турции и Египте, Пакистане, нападения террористов-смертников в европейских городах являются также наглядным свидетель-

ством остроты террористической угрозы и в мировом масштабе.

В рамках урегулирования сирийского кризиса мы прилагаем усилия по прекращению кровопролития при параллельном продолжении борьбы с террористическими группировками, оказании гуманитарной помощи населению, активизации политического процесса, как это предусмотрено резолюцией № 2254 СБ ООН, имплементация которой подразумевает готовность работать сообща, на равноправной и широкоохватной основе, отбросив притязания на лидерство. Рассматриваем международные встречи по Сирии в Астане в январе–марте 2017 года как важный, качественно новый этап в процессе разрешения конфликта в Сирии, поскольку впервые в подобных мероприятиях приняли участие представители отрядов вооруженной оппозиции, контролирующей ситуацию «на земле», был закреплен императив о безальтернативности политико-дипломатического урегулирования под эгидой ООН и выражена приверженность поддержанию режима прекращения боевых действий. Создан и начал действовать координационный механизм для контроля его соблюдения. Благодаря астанинским встречам удалось вернуть к жизни «Женевский процесс», дирижируемый спецпосланником Генерального секретаря по Сирии С. де Мистурой.

Призываем всех членов международного сообщества объединить усилия в борьбе с международным терроризмом в лице ИГИЛ и «Джабхат ан-Нусры», представляющих прямую угрозу миру и безопасности не только в Сирии и регионе Ближнего Востока, но и в других частях планеты. Сегодня надо оставить в стороне политизированные подходы и геополитические расчеты и всемерно способствовать возвращению стабильности и безопасности в Сирию и в регион в целом. Впереди решение трудных задач по социальному возрождению и политическому развитию Сирии, восстановлению ее инфраструктуры, разрушенной в результате конфликта и односторонних экономических санкций, введенных против Сирии рядом стран.

В последнее время все отчетливее заявляют о себе также вызовы и угрозы «химического терроризма». Стремление международных террористических организаций к приобретению технологий и компонентов, необходимых для создания химического оружия, носит устойчивый, а зачастую уже и системный характер. Во многом это связано с тем, что теракты с использованием отравляющих веществ и токсичных химикатов, обладающих большой поражающей способностью, сопряжены с повышенным психологическим и деморализующим эффектом и вызывают широкий общественно-политический резонанс. С сожалением приходится констатировать, что боевики ИГИЛ и других террористических группировок уже используют на Ближнем Востоке не только токсичные химикаты, но и полноценные боевые отравляющие вещества. Многократные случаи их применения зафиксированы в Сирии и Ираке.

Есть опасность, что подобные инциденты будут повторяться. К сожалению, повод для этого дают США, которые, реагируя на провокацию боевиков, а может

быть, и в координации с ними, нанесли 7 апреля удар по сирийским правительственным войскам, используя в качестве предлога ситуацию с химинцидентом в провинции Идлиб 4 апреля. Вашингтон пошел на демонстрацию силы, на неприкрытую агрессию против страны, которая борется с международным терроризмом, полностью извратив то, что произошло в Идлибе и обвинив в инциденте сирийские власти. Американская сторона не может не понимать, что сирийские правительственные войска не применяли там химическое оружие. У Дамаска его попросту нет, что неоднократно подтверждалось специалистами Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО). США не первый раз демонстрируют подобный бездумный подход, который лишь усугубляет имеющиеся в мире проблемы и создает угрозу международной безопасности.

Ситуация в Ираке, наряду с сирийской, остается напряженной и характеризуется продолжающейся ожесточенной борьбой с ИГИЛ. Военные действия, в частности по освобождению важных центров Рамади и Эль-Фаллуджа, а сейчас и Мосула, спровоцировали серьезное обострение гуманитарной обстановки. Число временно перемещенных лиц уже превысило 300 тыс., а, по прогнозам ООН, может достичь миллиона, причем 700 тыс. человек будут остро нуждаться в гуманитарной помощи.

Мы поддерживаем усилия международного сообщества по урегулированию внутривосточных кризисов в Ливии и Йемене, исходя из необходимости широкого национального диалога, учитывающего интересы всех ведущих политических сил, в целях стабилизации положения в этих странах и предотвращения разрастания очагов терроризма.

Все происходящее подтверждает необходимость консолидации усилий международного сообщества для формирования широкого антитеррористического фронта, к чему президент России В. В. Путин призвал еще во время открытия 70-й сессии Генассамблеи ООН в сентябре 2015 года.

В русле этой инициативы идет и наше предложение о принятии резолюции СБ ООН по борьбе с идеологией терроризма. Ее проект мы внесли на рассмотрение Совета Безопасности в октябре 2016 года. Документ призван мобилизовать мировое сообщество на борьбу с распространением террористической идеологии, в частности через придание обязательного характера положениям резолюции СБ ООН № 1624 (2005), призывающей криминализовать любые формы подстрекательства к терроризму, в том числе путем вербовки и пропаганды с активным использованием информационно-коммуникационных технологий.

Помимо собственно борьбы с терроризмом, необходимо также принимать эффективные меры по политическому урегулированию многочисленных конфликтов, восстановлению стабильности и налаживанию мирной жизни во многих горячих точках. Высокий конфликтный потенциал по-прежнему наблюдается на рубежах соприкосновения ряда религиозных конфессий в определенных регионах мира. Приходится констатировать, что настойчивое стремление некоторых представителей международного сообщества использовать этно-

конфессиональный фактор в качестве инструмента геополитического влияния привело к тому, что конфликты на религиозной почве не только не исчезли, но, напротив, стали приобретать тенденцию к расширению.

Особенно отчетливо это проявилось в ситуации вокруг бедственного положения христиан на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Анализ этой проблемы была посвящена, в частности, конференция «Взаимное уважение и мирное сосуществование как условие межрелигиозного мира и стабильности: поддержка христиан и представителей других религий», состоявшаяся 7 марта 2017 года в Женеве в рамках 34-й сессии Совета ООН по правам человека. Внимание участников этого мероприятия было обращено и на Украину, где семена межрелигиозной розни также дают свои печальные всходы и где отмечены многочисленные случаи дискриминации и преследований в отношении Украинской православной церкви Московского патриархата.

Охваченным эпидемией агрессивной секуляризации оказался и вполне стабильный на первый взгляд Запад, где в защите уже стали нуждаться традиционные христианские ценности, такие как институт семьи и брака, право родителей на воспитание детей, да и в целом столетиями выработанные основными мировыми конфессиями принципы взаимоотношений людей в обществе.

Поэтому мы с большим оптимизмом восприняли состоявшуюся чуть более года назад встречу Святейшего патриарха Московского и всея Руси Кирилла и Папы Римского Франциска на Кубе. Рассчитываем, что практическая реализация положений их совместного заявления поможет сохранить наше общее историческое и культурное пространство христианства, пусть и в различных его теологических трактовках.

Преодолению появления новых разделительных линий по межцивилизационному и межконфессиональному признакам, несомненно, мог бы способствовать накопленный нашей страной уникальный многовековой опыт сохранения и развития межнационального и межконфессионального диалога.

Многочисленные конфликты на Ближнем и Среднем Востоке, в Африке спровоцировали масштабный миграционный кризис. Показатели 2016 года лишние раз подтверждают, что данная проблема все еще далека от разрешения. Так, в прошлом году число мигрантов из Азии и Африки в Европу составило более 363 тыс. человек. Кроме того, 2016 год стал рекордным по количеству погибших мигрантов — около 7,5 тыс. человек. Приток мигрантов в Европу уже привел к росту террористической угрозы, повышению уровня ксенофобии, а в некоторых европейских странах и к открытой межнациональной розни.

В силу своей остроты миграционные вопросы приобретают все большее значение в международной повестке дня. Прочное место данная проблематика занимает на площадках ООН. В рамках линии по наращиванию международных усилий в вопросах принятия комплексных мер в миграционной сфере в сентябре 2016 года состоялось пленарное заседание высокого уровня ГА ООН для решения проблемы перемещения больших групп беженцев и мигрантов. По его итогам

была принята Нью-Йоркская декларация, призванная через объединение усилий всего мирового сообщества улучшить ситуацию с приемом беженцев и мигрантов на границах и в принимающих их странах. Во имя достижения этой цели государства — члены ООН договорились в течение 2017 года провести работу по подготовке двух важных международно-правовых документов: Глобального соглашения по миграции, дискуссии по которому уже ведутся на ооновской площадке в Нью-Йорке, и Глобального соглашения по беженцам, ведущую роль в разработке которого играет Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев в Женеве. Эти соглашения будут способствовать выработке коллективного решения сложных и актуальных проблем беженцев и мигрантов во всем мире.

По мнению многих международных экспертов, такие меры весьма востребованы. Особенно это заметно по населению европейского континента, столкнувшегося с наплывом относительно небольшого (1 млн человек при почти 510-миллионном населении Евросоюза) количества вынужденных мигрантов, к которому страны — члены ЕС оказались не готовы ни логистически, ни морально-психологически, ни политически. Одним из последствий этого стало изменение отношения местного населения к прибывающим беженцам и мигрантам. Вместе с тем при правильном выстраивании миграционной политики значительные массы мигрантов могут быть интегрированы в общество с пользой для принимающей страны. Мы на своем опыте знаем это, поскольку трудящиеся-мигранты создают от 6 до 8 % ВВП Российской Федерации. Важно также вести соответствующую работу с гражданами государств, принимающих приезжих, не пренебрегая мерами, направленными на предотвращение дискриминации и проявлений нетерпимости по отношению к мигрантам.

Наши наработки в этой сфере могут служить ценным примером того, как эффективно выстраивать миграционную политику даже в «экстремальных» ситуациях наплыва людей в чрезвычайном и массовом порядке. Как известно, в Россию прибыло более 1 млн человек, проживавших на юго-востоке Украины. На учете в качестве лиц, получивших статус беженца или временное убежище, состоит более 400 тыс. украинцев. Особое внимание уделяется социально-бытовому обустройству вынужденных мигрантов, их интеграции в российское общество. Проведена большая работа по обеспечению правовой основы и ресурсной базы для их распределения в различных регионах Российской Федерации. Акцент был сделан на том, чтобы дать этим людям возможность жить не в пунктах временного пребывания, а в населенных пунктах среди российских граждан, найти и предложить им подходящую работу. Отдельное внимание уделялось детям, их вакцинации, устройству в детские сады.

Не снижаются риски развития кризисных явлений и в мировой экономике, а ее восстановление пока не приобрело устойчивого характера. Хозяйственная динамика отличается крайней нестабильностью (согласно январскому 2017 г. докладу ООН, рост мирового ВВП в 2016 г. составил всего 2,2%). Сохраняются

структурные дисбалансы и проблема накопления суверенной задолженности. Среди новых вызовов для глобальной экономики — нарастание геополитической напряженности, масштабный миграционный кризис, появление признаков кризисных явлений в банковском секторе еврозоны, а также волатильность мировых цен на энергетические и сырьевые ресурсы.

Значительную неопределенность глобальным экономическим перспективам придает и решение Великобритании о выходе из ЕС, а также победа Дональда Трампа на президентских выборах в США и анонсированные им подходы в сфере экономической политики новой администрации. Отдельного внимания требуют риски, связанные с переходом мирового хозяйства к новому технологическому укладу, а также с формированием в нем более строгих экологических стандартов в контексте вступления в силу 4 ноября 2016 года Парижского климатического соглашения.

Сегодня мы наблюдаем смену парадигмы международных экономических отношений. Глобальные механизмы регулирования не успевают балансировать интересы сторон. Политическая целесообразность зачастую берет верх над понятным экономическим расчетом. Финансовые, торговые и инвестиционные инструменты все чаще используются отдельными государствами в целях оказания политического давления, свидетельством чего являются и санкции Запада в отношении России. Убеждены, что односторонние санкции — тупиковый и контрпродуктивный путь, что, кстати, было наглядно подтверждено в ходе состоявшихся в 2016 году в Санкт-Петербурге и Владивостоке крупнейших международных экономических форумов.

Уверены, что одним из важнейших условий быстрого и устойчивого восстановления мировой экономики остается продолжение усилий по координации макроэкономической политики между всеми ведущими в экономическом отношении странами на основе открытости и взаимности. Подтверждаем нашу твердую решимость продолжать сотрудничество в целях всестороннего совершенствования системы глобального экономического управления, обеспечения экономической и финансовой стабильности, поддержки устойчивого, динамичного и инклюзивного роста, прежде всего с использованием таких многосторонних форматов, как ООН и «Группа двадцати».

Хорошим подспорьем в формировании взаимовыгодных и равноправных отношений между народами и странами может стать гуманитарное сотрудничество. В то же время одна из его частей, связанная с правозащитной проблематикой, все еще используется некоторыми странами не столько для налаживания партнерства и взаимопонимания, сколько для подчеркивания различий, своего превосходства над другими и навязывания им своих норм и правил.

Все чаще приходится сталкиваться с попытками отдельных государств или групп стран использовать данную тему в качестве идеологического инструмента своей внешней политики, предназначенного для сведения политических счетов или продвижения спорных концепций, которые вносят раскол в международное сообщество. Цель таких действий очевидна. В условиях

обостряющейся глобальной конкуренции и роста влияния крупных развивающихся стран западные государства активно ищут дополнительные инструменты для повышения собственной конкурентоспособности, распространения своих стандартов и подходов под видом универсальных и, как следствие, сохранения глобального доминирования.

Подобное положение дел не может не вызывать озабоченности. Мы всегда исходили из того, что на право-защитном направлении стержневым элементом должно быть равноправное и конструктивное сотрудничество на основе максимально широкого согласия и уважения принципа суверенного равенства государств. Важно уважать культурные, цивилизационные, религиозные и исторические особенности разных стран. Только так можно обеспечить объединение усилий мирового сообщества в деле защиты прав человека.

В глобальном мире весьма востребован вклад институтов гражданского общества в противодействие современным вызовам и угрозам, в том числе в плане поддержки предпринимаемых госструктурами усилий по профилактике и пресечению распространения террористической идеологии, экстремистских настроений, религиозного радикализма, борьбе с незаконным оборотом наркотиков, организованной преступностью, коррупцией.

Мы считаем, что необходимо повышение роли российских неправительственных организаций в работе соответствующих международных механизмов. Продвижение отечественными НПО на диалоговых площадках собственной повестки дня, отвечающей интересам России и ее гражданского общества, несомненно, будет способствовать формированию у людей в других странах адекватных представлений о нашей стране и ее линии в мировых делах, свободных от зашоренности, формируемой мировыми пропагандистскими медиаресурсами.

В ряде случаев некоторые проявления информационной политики, проводимой крупными мировыми, преимущественно западными массмедиа, заслуживают того, чтобы занять место одного из новейших вызовов и угроз современному миропорядку. Весьма отчетливо двойственные подходы западных СМИ проявляются в освещении наиболее острых мировых событий. Памятна их истерика по поводу непропорционального применения силы российскими и сирийскими силами

в Алеппо, и как она контрастирует с их же реакцией в связи с трагедией иракского народа в Мосуле, ставшей очевидной в марте 2017 года, когда те же средства массовой информации, по сути, закрыли глаза на куда более страшные беды, переживаемые жителями этого города. Полагаю, было бы правильно, чтобы неправительственные организации разных стран, гражданское общество в целом пристальнее всмотрелось в эту проблему, в том числе и через призму того, кто владеет современными западными СМИ, их интересов и заинтересованности не только в медиaprостранстве, но и в других отраслях экономики.

Объективной реальностью нынешнего этапа развития международных отношений является движение в сторону полицентричного миропорядка. Актуальным становится вопрос, как оно будет обустроено. Будет ли это, как писал еще Томас Гоббс в XVII веке, гипотетическая «война всех против всех», в которой сойдутся соперничающие за лидерство «новые» и «старые» центры силы. Или же верх возьмет конструктивное начало и будут согласованы нормы поведения, способствующие гармоничному сосуществованию и прогрессу. Мы, безусловно, за второй путь.

Полагаем, что интересам международного сообщества отвечал бы перевод естественной конкуренции государств, негосударственных акторов в сфере мировой политики в цивилизованное русло. В этих условиях особую значимость приобретают продвигаемые Россией справедливые принципы международного общения — равноправие и взаимный учет интересов, безусловное следование международному праву, коллективный поиск ответов на вызовы и угрозы современности, невмешательство во внутренние дела других, уважение культурно-цивилизационных особенностей и различий. Эти принципы привлекательны и понятны для подавляющего большинства стран мира, они несут в себе значительный объединяющий потенциал.

Мы заинтересованы, чтобы обновленная международная архитектура была справедливой и устойчивой, опиралась на широкое взаимодействие государств и интеграционных объединений и предоставляла возможности для дальнейшего глобального развития. Готовы выстраивать открытое, честное взаимодействие со всеми, кто настроен на равноправное сотрудничество. Только такой подход может обеспечить оздоровление обстановки в мире.

Ал. А. Громыко¹**ГЛОБАЛЬНАЯ (НЕ)БЕЗОПАСНОСТЬ:
НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ**

Конфликт между Россией и «коллективным Западом», перешедший в острую фазу в 2014 году, представляет собой часть «большой дестабилизации», которая охватила многие регионы мира в последние 20 лет. Сохраняются фрагменты Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений, ставшие универсальными, в первую очередь ООН, и элементы системы однополярного мира. С начала XX века над ними надстраиваются этажи полицентризма. Исторически переходы от одной модели международных отношений к другой всегда сопровождалась всплесками насилия и противоборства. Однако это не означает, что результатом такой дестабилизации должно стать закрепление стратегии враждебности и игры на подавление конкурента, рассчитанной на десятилетия вперед. Намного рациональнее стремление к скорейшему выходу на компромиссные решения и механизмы взаимодействия, которые, не отменяя конкуренцию, даже жесткую, не ставят бы под сомнение коренные национальные интересы сторон. Так было после Вестфальского мира 1648 года, после Венского конгресса 1815 года, после Кубинского кризиса 1962 года.

Деструктивные процессы в сфере обеспечения международной безопасности — одна из наиболее сложных проблем, чреватых дальнейшим нарастанием уязвимости мирового сообщества. Это тот случай, когда алармистские тона более чем к месту. Речь идет о таких тревожных явлениях, как деградация выработанных во второй половине XX века норм и механизмов поддержания международной безопасности, усиление противоречия между нормой территориальной целостности и правом наций на самоопределение, ослабление контроля над ядерным вооружением. Вопрос о том, сможет ли мировое сообщество выработать эффективные механизмы предотвращения конфликтов, остается без ответа. Пока задача состоит в том, чтобы удержать от демонтажа существующие договоренности, в первую очередь по ракетам средней и меньшей дальности.

Конечно, неправильно было бы утверждать, что в области международной безопасности в последние

десятилетия не произошло положительных сдвигов. Например, количество межгосударственных конфликтов, принимающих форму военного противостояния, снизилось. Однако на первый план вышли внутригосударственные конфликты, не менее опасные для мировой стабильности.

События на Украине только подтвердили злободневность этих нерешенных вопросов и необходимость их скорейшего урегулирования. Украинский и ряд других изначально внутригосударственных кризисов наглядно продемонстрировали, как конфликты такого рода могут приводить к резкому ухудшению отношений между крупными державами. Накопление этих и сопутствующих проблем с новой силой стимулирует дискуссии о необходимости реформы ООН и Совета Безопасности, об укреплении миротворческого потенциала ОБСЕ, об амбициях НАТО, о важности предотвращения демонтажа института нейтралитета в Европе.

Отдельного внимания заслуживает тема центр-периферийных связей. В структуре мирового ВВП доля США в 1980–2013 годах сократилась с 21,5 до 18,4 %, Евросоюза (27 стран без Хорватии) — с 28,1 до 18,9 %, в то время как доля Китая выросла с 1,9 до 15,5 %, Индии — с 2,3 до 6,1 %. Другой наглядный пример: доля 16 развитых стран в мировом ВВП в 1970 году составляла 76 %, а в 2013-м — 55 %². Можно привести и подтверждающие эти тенденции прогнозы, например из доклада американского Центра стратегических и международных исследований «Оборона 2045». Так, ожидается, что к 2030 году (по сравнению с 2011-м) США по реальному ВВП уступят первенство Китаю, Индия поднимется с 10-го на 3-е место, а Бразилия до 2050 года с 6-й позиции вслед за Дели займет 4-ю строчку. При этом за тот же период Япония опустится с 3-го на 5-е место, Германия — с 4-го на 9-е, Франция — с 5-го на 10-е, а Италия и Британия вовсе покинут первую десятку крупнейших экономик мира³. Надо сказать, что Россия в этих расчетах с 9-й позиции поднимется на 6-ю.

Эти изменения сопровождаются накоплением противоречий и диспаративов внутри действующей модели глобализации, соответственно усиливается необходимость ее капитального ремонта, в первую очередь системы международных финансовых институтов. Однако те, кто заинтересован в удержании в них своих доминирующих позиций, блокируют серьезные изменения. Но очевидно, что бесконечно это продолжаться не может ввиду нагромождающихся дефектов.

США, Россия и Китай составляют ведущую тройку государств с глобальными амбициями и стремлени-

¹ Директор Института Европы РАН, член-корреспондент РАН, председатель Совета профессоров РАН, доктор политических наук, профессор. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Политический реформизм в Великобритании», «Модернизация партийной системы Великобритании», «Образы России и Великобритании: реальность и предрассудки», «Выстраивая добрососедство. Россия на пространствах Европы» (в соавт.), «Лучше десять лет переговоров, чем один день войны. Воспоминания об Андрее Андреевиче Громыко» (авт. и сост.), «Воспоминания о Николае Шмелеве» (ред. и сост.) и др. Шеф-редактор журнала «Современная Европа». Председатель Совета экспертов Института лингвоцивилизационных и миграционных процессов фонда «Русский мир». Президент Ассоциации европейских исследований России, член Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН, член Научного совета Совета безопасности РФ и Научного совета при министре иностранных дел России. Почетный доктор Пловдивского университета им. Паисия Хилендарского (Болгария). Лауреат премии Фонда содействия отечественной науке (2004, 2006).

² Глобальное управление: возможности и риски / отв. ред. В. Г. Барановский, Н. И. Иванова. М.: ИМЭМО РАН, 2015. Гл. 2.2: Европейские страны и ЕС / В. В. Журкин [и др.]. С. 184; Глава 2.6: Латинская Америка / В. М. Давыдов [и др.]. С. 284. (Б-ка Ин-та мировой экономики и междунар. отношений).

³ Miller D. T. Defence 2045. A Report for the CSIS International Security Program // Rowman & Littlefield. 2015. Nov. P. 11.

ем их реализовывать. Необходимые для этого ресурсы, которыми они располагают, сильно различаются, но по своему потенциалу эти игроки находятся в сопоставимых категориях. Например, именно эти три страны — мировые лидеры в сфере кибернетических технологий, единственные полноценные космические державы, обладатели наиболее передовых ВПК (здесь Пекин пока уступает Москве и Вашингтону). Они располагают сильной фундаментальной наукой, имеют в своем распоряжении одни из самых опытных в мире дипломатические и разведывательные службы. Эти государства, несмотря на различия в их политических системах, способны быстро концентрировать ресурсы для решения поставленных задач.

Потенциал глобального игрока, которому еще предстоит раскрыться в следующие десятилетия, есть у Индии. По ряду параметров к этой категории принадлежит и Европейский Союз. Но если дальнейшее увеличение политического веса Дели в мировых делах — вопрос времени, то однозначно прогнозировать то же самое в отношении ЕС не приходится. Как принято говорить уже не одно десятилетие, этот политический гигант пока так и не превратился в политическое тяжеловеса. Неясно, сможет ли ему помочь обрести свою внешнеполитическую сущность новая Глобальная стратегия¹, обнародованная в июне 2016 года. Это амбициозный документ, предусматривающий превращение ЕС в полноценного глобального игрока в сфере политики и безопасности.

Ряд тезисов Стратегии представляет интерес. Вероятно, впервые в официальном документе ЕС заявлено, что система глобального управления требует не ремонта, а трансформации. Неожиданно от Брюсселя услышать и о том, что «европейская модель» обязательно пригодна для «экспорта» и что взаимодействие с другими проектами региональной интеграции может принести обоюдную пользу. Глобальная стратегия менее идеологизирована, чем другие установочные документы ЕС; введено понятие принципиального прагматизма. Один из ее рефренов — тезис о стратегической автономии, подразумевающий большую внешнеполитическую самостоятельность ЕС от Вашингтона. Поддержки заслуживает последовательный акцент на центральной роли ООН в системе глобального управления.

Вместе с тем Глобальная стратегия в ряде своих пунктов не может не вызывать озабоченности. Стремление к наращиванию ЕС собственной военной идентичности, за скобки которой выносятся геополитические интересы США, а теперь и Британии, должно принести ему в будущем дивиденды. Но появление дополнительного военного потенциала в Западной и Центральной Европе, помимо НАТО, безусловно, будет учитываться Российской Федерацией в своем военном планировании. Наиболее проблемная сторона Глобальной стратегии состоит в том, что Россия объявлена в ней «ключевым стратегическим вызовом», а «евро-

пейский порядок безопасности» приравнен к порядку безопасности исключительно Евросоюза.

Многое в Западной и Центральной Европе будет зависеть от политического лидерства, в первую очередь в Париже, Берлине и Риме, в столицах Вишеградской четверки. Если рано или поздно все же будет признано, что для ЕС идти по пути создания многонационального государства или расширения своей «неоимперии» бесперспективно, тогда может обрести второе дыхание идея Большой Европы². Именно она предстает альтернативой неразрешимым проблемам «ЕС-империи» или «ЕС-государства». В данном случае приращение геополитической мощи Евросоюза произошло бы за счет обоюдного стратегического партнерства с Россией. Определенное движение по этому пути в прошлом уже было. Один из необходимых компонентов этого проекта — формирование общеевропейской системы безопасности. Поскольку этого не происходит, политика ЕС продолжает оставаться фактором в потенциале раскручивания конфронтации с Россией вплоть до развертывания «новой холодной войны».

Пока же положение дел в сфере европейской безопасности представляет собой удручающую картину. Система мер доверия, контроля, предотвращения дальнейшей милитаризации региона находится в дисфункциональном состоянии. Механизмы Совета Россия–НАТО пока так и не возобновили работу. Растут военные расходы. В Европе размещаются дополнительные военные подразделения, оснащенные тяжелой боевой техникой. В первую очередь новой милитаризацией затронуты территории Прибалтики, Польши, Румынии. В воронку военной эскалации втягиваются все новые страны. Все настойчивее звучат голоса тех, кто призывает пересмотреть нейтральный статус Финляндии и Швеции³. Растет противостояние по линии противоракетной обороны, строится и вводится в эксплуатацию инфраструктура европейского компонента глобальной системы ПРО США.

Навязанное России противостояние на основе идеи «новой холодной войны» продолжает нагнетаться. Но происходит это не только в реальном, но и в воображаемом измерении. Политический истеблишмент Прибалтики упорно настаивает на своей версии о том, что Россия со дня на день вторгнется в расположенные здесь страны. В Литве распространена инструкция по диверсионной работе на случай новой «оккупации». На этом фоне продолжается дискриминация русскоязычного населения.

В рассуждениях об этих процессах уроки холодной войны как специфической формы международного конфликта крайне важны⁴. Какая бы модель новой структурной конкуренции (по жесткому или мягкому варианту) Россию и Запад ни ожидала, необходимо сохранить базовый принцип, пострадавший

² Шмелев Н. П., Громыко Ал. А. Большая Европа — грядущая реальность или утопия? // Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы / под ред. Ал. А. Громыко, В. П. Федорова. М.: Весь мир, 2014.

³ Громыко Ал. А., Плевако Н. С. О возможности вступления Швеции и Финляндии в НАТО // Современная Европа. 2016. № 2.

⁴ Кременюк В. А. Уроки холодной войны. М.: Аспект-Пресс, 2015. С. 22.

¹ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. 2016. URL: https://europa.eu/globalstrategy/sites/globalstrategy/files/about/eugs_review_web_4.pdf

в 1940–1980-е годы, — соперничество как переплетение конкуренции и сотрудничества. Этот баланс не должен исключать даже элементы союзничества, на которое сейчас, впервые после Второй мировой войны, обе стороны толкают грандиозные опасности, в первую очередь угроза международного терроризма.

Терроризму в широком смысле этого слова столько же лет, сколько и истории человеческой цивилизации. Раньше в основном говорили о различных проявлениях внутригосударственного терроризма, как, например, в Испании или Великобритании, на Корсике или в Южном Тироле, но не о международном терроризме. Это достаточно новое явление, которому не более 15–20 лет. Этот тип терроризма не связан ни с внутригосударственной борьбой, ни с национально-освободительной. У него иная природа, когда террор осуществляется не государством против отдельных личностей, их категорий или других государств, и не террористическими организациями против конкретных стран. Борьба идет против определенной системы ценностей, образа жизни, идентификации, наконец, против цивилизации.

Международный терроризм еще в большей степени, чем деятельность, например, баскской ЭТА или Ирландской республиканской армии, нельзя победить военным путем. Последний — не более чем средство подавления его наиболее разящих проявлений. Главная же опасность заключается в том, что идеология международного терроризма засела в умах нескольких десятков, даже сотен тысяч людей по всему миру. Это можно называть доктринерством или варварством, но многие верят в то, что делают, и уничтожают людей далеко не только за деньги, как не за деньги (по крайней мере для себя лично) превращаются в живые бомбы.

В чем корни такой разновидности терроризма? В данном явлении смешались причины внутренние и внешние. Международный терроризм так же неизбежен, как и сама глобализация, которая в своем нынешнем виде ведет к усилению диспаритетов. Там, где социальное неравенство превышает определенные пределы, всегда найдутся люди, готовые за некую идею вести борьбу, в том числе террористическими способами. Но в масштабе международного терроризма «виноваты» примерно в равной пропорции как внешние причины, так и внутренние.

Во многом то, что сейчас происходит в мире, — это рукотворное явление, а не объективный процесс. В западных странах распространен термин «отрицание очевидного». До сих пор там мало кто готов признать, что их внешняя политика послужила одной из причин того, почему международный терроризм достиг невиданных масштабов и форм.

Справиться с этой опасностью в одиночку ни одна страна мира не в состоянии. Проблема также усугубляется следующим. Во-первых, для многих государств мира международный терроризм пока не превратился в экзистенциальную угрозу. В их системе приоритетов и рисков он занимает довольно высокое место по шкале наиболее опасных вызовов, но не является главным. Во-вторых, очаги международного терроризма расположены далеко от стран «ядра» либеральной модели глобализации. Его костяк составляют 30–40 тыс. чело-

век, которые сконцентрированы в Афганистане, Ираке, Сирии, Ливии и Йемене. Для США в этом смысле международный терроризм — опасное явление, но все же сосредоточенное далеко от их границ. В этом смысле и в будущем одни страны будут больше, чем другие, проявлять заинтересованность в борьбе с ним.

Не меньшую опасность представляет выход за допустимые границы противостояния крупных центров силы, за пределы которых оно превращается в конфронтацию. Что касается структур конкуренции, то ошибочно их приравнивать к структурам конфронтации. Аргументом сторонников «новой холодной войны» является отсылка к так называемым извечным противоречиям между великими державами, в частности между Россией в различных ее исторических ипостасях и западными странами. В такой интерпретации сложная история межгосударственных отношений сводится к одному варианту — конфронтации, хотя это лишь одна из форм соперничества, которая не исключает возможности сотрудничества, совместного кризисного регулирования и даже по отдельным направлениям союзничества.

Прямолинейные рассуждения об извечных врагах и друзьях заводят в логический тупик и примитивизируют историю. Так, в недавнем прошлом в СССР и Китае считалось, что они — стратегические противники (бесспорно и окончательно, как тогда казалось, после боев из-за о. Даманский в 1969 г.). На предыдущем этапе отношений коммунистический характер двух политических систем рассматривался как залог вечной дружбы. Сегодня, говоря о стратегическом сотрудничестве Москвы и Пекина, необходимо помнить, каким маловероятным такой сценарий развития событий представлялся еще 30 лет назад. «Запрограммированными» врагами длительное время рассматривались Франция и Германия, Германия и Польша, Япония и (Южная) Корея и многие другие страны. Когда-то воевали США и Великобритания.

В рассуждениях о детерминантах истории, безусловно, есть доля истины. Действительно, могут складываться структуры противостояния, которые долгое время в том или ином виде сохраняются при переходе от одной модели международных отношений к другой. Так, соперничество довлело в отношениях между Россией и Британией и в XIX, и в XX, и теперь в XXI веке. Отношения между Москвой и Вашингтоном также не смогли уйти от глубоко укоренившейся неприязни, несмотря на, казалось бы, принципиальное изменение международной среды на рубеже 1980–1990-х годов. И такие случаи далеко не единичны. Их природа как минимум двояка.

Речь идет или о крупных субъектах мировой политики с собственными геополитическими проектами, глобальными подходами и сопоставимыми по ряду параметров ресурсами, или, напротив, об отношениях, для которых характерна большая асимметрия, когда малые страны опасаются доминирования крупных соседей. Государства первой категории, как правило, располагаются удаленно друг от друга, например Россия и США, Китай и США, второй категории — граничат друг с другом (Китай и Вьетнам, Россия и страны При-

балтики, США и Куба и т. д.). Фактор географической близости в большинстве случаев заставляет крупных игроков рано или поздно находить компромиссы и договариваться ради взаимной выгоды. По этому пути пошли Франция и Германия, Россия и Китай. Судя по всему, склоняются к этой формуле Индия и Пакистан, Индия и Китай, тогда как Иран и Саудовская Аравия все еще делают ставку на конфронтацию в борьбе за региональное лидерство.

Таким образом, история показывает, насколько большой вес продолжает иметь фактор географического расположения и в эпоху гиперглобализации. Находясь на удалении друг от друга, крупные и во многом равновеликие игроки могут позволить себе длительное время находиться в состоянии жесткого противостояния, даже конфронтации, особенно если их экономические взаимоотношения слабы. Но со второй половины XX века они больше не могут позволить себе следовать курсом полного подавления крупного противника, в первую очередь в военном смысле. По этой же причине у них нет достаточной мотивации для встраивания в кильватер своих соперников. Очевидно, что равновесие жесткой конкуренции будет не менее характерной чертой XXI столетия, чем предыдущих эпох.

Парадоксально, но аргументом в пользу «новой холодной войны» может быть то, что она представляет собой механизм управления противостоянием, без которого конфронтация может перерасти в третью мировую войну. Но не холодная война, включая ее регулируемую составляющую, в 1940–1980-е годы предотвратила новую мировую, а создание в 1945 году атомного оружия, то есть когда холодная война еще не началась. Именно это оружие в отношениях ядерных держав делает невозможным такой способ урегулирования конфликта, как война. Другими словами, не столько холодная война помогла предотвратить применение ядерного оружия, сколько оно, среди прочего, не позволило ей перерасти в горячую. Так как ничто в обозримом будущем не предвещает отказ от «большой бомбы», «новая холодная война» лишь усугубила бы проблематику контроля и режима нераспространения ОМУ.

Избрание в ноябре 2016 года нового президента США поставило перед государствами и организациями Старого Света и Евразии острые вопросы. Дональд Трамп с точки зрения Европы относится к категории евроскептиков и более того — критиков либеральной модели глобализации. В этом благодаря поддержке половины жителей своей страны он пошел против остатков межпартийного консенсуса демократов и республиканцев. Политическая поляризация в США достигла новых высот уже при Б. Обаме, однако была не столь ярко выраженной во внешнеполитической сфере. Шаблон последней, по откровенному заявлению Бена Родса, заместителя советника президента по национальной безопасности, сложился в 1990–2002 годах: «Мы могли провести через Совет Безопасности ООН все, что хотели, за небольшим исключением. Откровенно говоря, мы могли вмешиваться во внутренние дела других государств разными способами. Мы могли полагаться на то, что Россия не будет противить-

ся расширению НАТО. У нас было в запасе время, прежде чем Китай начнет оказывать влияние на ситуацию вдоль своих границ»¹.

Трамп не проявляет желания автоматически поддерживать сложившуюся идеологию и практику отношений ни с Евросоюзом, ни в рамках НАТО. Он отказался от абсолютизации идеи о свободной торговле и вывел свою страну из соглашения о Транстихоокеанском торговом партнерстве (ТТП). Практически нет шансов на возобновление в обозримом будущем и переговоров по заключению Трансатлантического инвестиционного и торгового партнерства (ТТИП). С надеждами на ратификацию ТТП расстался еще Б. Обама, а переговоры по ТТИП увязли в противоречиях задолго до прихода нового президента к власти. Во многом феномен Трампа лишь обнажил те разногласия, которые накапливались в евроатлантическом сообществе при его предшественниках.

У России и Запада есть все резоны, чтобы помочь миру покинуть зону «большой дестабилизации» на условиях конструктивного полицентризма, вместо того чтобы увеличивать ее площадь с помощью опасного фарса «новой холодной войны». Важнейшая задача ведущих мировых центров влияния — найти адекватный глобальным вызовам модус вивенди. Закрепление структурной конкуренции в виде конфронтации стало бы попыткой повторного использования моделей мышления предыдущей исторической эпохи.

Особые опасности миру несло бы такое закрепление на условиях враждебности, то есть наихудшего варианта холодной войны — направление на сдерживание угрозой, жесткую силу и фрагментарное сотрудничество. Другими словами — структурная конкуренция как вариация на тему холодной войны в период до Карибского кризиса и установления стратегического баланса в 1960–1970-е годы. Такой тип холодной войны, назовем его «жесткий», представляет собой не столько замороженный, сколько отложенный «горячий» конфликт. Его отложенность в противостоянии СССР и США зиждилась на плохо просчитываемых рисках обмена ядерными ударами даже при асимметричности стратегических арсеналов и в отсутствие военного паритета противников. Эта отложенность была почти «преодолена» в октябре 1962 года. Случись это, мы не присутствовали бы сегодня в этом зале.

Что касается «мягкого» типа холодной войны по аналогии с детантом 1970-х годов, то он был возможен в уникальных условиях «паритетного» биполярного мира, который ушел в прошлое с развалом Советского Союза и социалистического лагеря. Теоретически биполярность в первой половине XXI века имеет шансы вернуться, если, помимо США, второй стороной в ее двухъядерной сердцевине сможет стать Китай как лидер определенной группы стран-сателлитов. Сегодня мало что свидетельствует о том, что история пойдет по этому пути. В то же время появление в последние годы элементов деглобализации, в случае закрепления этой тенденции, может перерасти в раскол мира по тем или иным признакам.

¹ Rhodes B. A dust-up with the Iranians or the Chinese could get out of hand very fast // Politico. 2017. Jan. 19. P. 16.

Важно подчеркнуть, что суть проблемы «новой холодной войны» глубже, чем неприемлемость возрождения любого из ее известных типов. Ведь оправдываемая допустимостью перезапуска холодной войны в ее «жестком» или «мягком» варианте, можно просто сослаться на историю, указав, что прецедента перерастания ее в большую горячую войну не было. Сослаться на то, что и сегодня существует стратегический паритет и две ведущие ядерные державы продолжают придерживаться доктрины «гарантированного взаимного уничтожения».

Как представляется, уязвимость таких рассуждений состоит в том, что «большая бомба», в отличие от 1940–1980-х годов, в былой степени уже не гарантирует мир от большой и тем более от малых войн. Опасность сценариев неконтролируемой эскалации возрастает. В условиях ослабления режима нераспространения атомного оружия, его появления у плохо контролируемых государств, разработки новых высокоточных видов вооружений, разрушения согласованного

в 1970-е годы режима ПРО, усиления международного терроризма, в том числе на территории ядерных государств (в первую очередь Пакистана), быстрого развития кибернетических технологий и их милитаризации риски опасных конфликтов между великими державами — прямых или через втягивание в конфликты на периферии — приобретают новое качество.

В этой ситуации структурная конкуренция в виде «новой холодной войны» России с «коллективным Западом» только потворствовала бы деструктивным процессам в международных отношениях. Структурная конкуренция на условиях конструктивного полицентризма, напротив, дала бы России и Западу возможность сообща снижать риски региональных и глобальных конфликтов, развивать в рамках допустимых и общепринятых правил свои конкурентные преимущества с упором на взаимодействие там, где это возможно, рационально и желательно, и признавать стратегические интересы друг друга там, где это очевидно.

А. А. Гусейнов¹

БУДУЩЕЕ БЕЗ БУДУЩЕГО

Общая тема секции «Кризис цивилизации: будущее человека и человечества» сопрягает между собой понятия кризиса цивилизации и будущего. Именно этому сопряжению посвящены предлагаемые заметки.

1. Словосочетание «кризис цивилизации» прочно вошло в нашу общегуманитарную лексику. Оно, на мой взгляд, не имеет сколько-нибудь строгого понятийного содержания и скорее является концептом, обозначающим широкую совокупность разнообразных явлений, когда успехи, к которым стремятся и которых добиваются люди, оборачиваются угрозами и опасностями для них. Так произошло, например, с достижениями ядерной физики, обернувшимися созданием атомного оружия, или с бурным промышленным развитием, ставшим, как уверяют многие специалисты, причиной опасного потепления климата. Речь идет не просто о противоречивости и трудностях цивилизационного развития, а об особом — апокалиптическом — их восприятии.

Существует много свидетельств такого восприятия. Вот лишь некоторые из них. В философии истории получили популярность циклические теории, противостоящие идеям линейного прогресса, как,

например, учения Н. Я. Данилевского, А. Тойнби. В XX веке были три великих моралиста, получивших всемирную известность и признание, — Л. Н. Толстой, Махатма Ганди, Альберт Швейцер — и все трое были противниками современной цивилизации в ее важнейших аспектах. В художественной фантастике едва ли не превалирующими стали катастрофические сюжеты (война с инопланетянами, бунт роботов против людей и т. п.). Вызывают широкий интерес и привлекают общественное внимание пессимистические прогнозы социологов, как, например, статьи С. Хантингтона о столкновении цивилизаций, Ф. Фукуямы о конце истории.

Еще один факт. На обложке научного журнала Чикагского университета «Bulletin of Atomic Scientists» с 1947 года изображены часы, показывающие без нескольких минут полночь. Полночь в данном случае символизирует ядерную катастрофу, несущую гибель человечеству, а само изображение получило название «Часы Судного дня». Суждение о том, насколько мы близки к ядерному апокалипсису, выносит совет директоров журнала вместе с приглашенными экспертами, среди которых около двух десятков нобелевских лауреатов. В 1947 году часы показывали без 7 минут полночь. В 1991-м стрелка была отодвинута назад до 17 минут, и это был самый оптимистический прогноз за эти почти 60 лет, если вообще позволительно говорить об оптимизме, когда речь идет об отсчете времени до конца света. Последние два года часы показывали без 3 минут полночь. По итогам выборов президента в США стрелки были передвинуты на 30 секунд вперед, и до ядерной полуночи, таким образом, остается 2,5 минуты. Настроения, оценки, ожидания и страхи — это, конечно, не научные утверждения и прогнозы

¹ Научный руководитель Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. книг: «Философия — мысль и поступок», «Социальная природа нравственности», «Золотое правило нравственности», «Великие моралисты», «Язык и совесть», «Философия, мораль, политика», «Античная этика», «Негативная этика», «Великие пророки и мыслители. Нравственные учения от Моисея до наших дней» и др. Ответственный редактор ежегодника «Этическая мысль», журнала «Общественные науки» (на англ. яз.), член редколлегии журналов «Философские науки», «Вопросы философии». Вице-президент Российского философского общества. Лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники. Почетный доктор СПбГУП.

зы. Но тем не менее они являются важным симптомом. И надо понять, что за ним стоит.

2. Одна из причин широкой распространенности упаднического настроения конца света, можно предположить, заключается в том, что человечество осталось без будущего. Будущее, как категория человеческого существования, как минимум двузначно. Это вытекает из различия между физическим и социальным временем в том виде, в частности, как это различие описано А. А. Зиновьевым в книге «Фактор понимания».

Физическое время фиксирует последовательность событий в мире, при этом события являются лишь опорными точками для абстрагирования времени, а сами по себе в эмпирическом содержании в расчет не принимаются. Социальное время сфокусировано на самих событиях, содержании объектов, реальной жизни во времени. В аспекте физического времени будущее есть то, что будет происходить после того времени, от которого ведется отсчет и которое считается настоящим; соответственно прошлым является то, что происходило до этого времени. Здесь будущее отделено от прошлого границей настоящего, которое и есть не что иное, как эта граница (как заметил Ортега-и-Гассет, «настоящее — лишь наличие прошлого и будущего, то единственное место, где они реально существуют»¹). В аспекте социального времени будущее — не просто то, что происходит после, как и прошлое не то, что было до того времени, которое отделяет «до» от «после» и именуется настоящим. Здесь эти категории содержательны и варьируются в зависимости от реальной жизни социальных субъектов (отдельных людей или их сплоченно действующих объединений).

«Для социального субъекта физическое настоящее не есть лишь миг, не имеющий протяженности. Для него это — протяженный временной интервал, в котором он рассчитывает и совершает свои действия так, как будто время не уходит в прошлое и не приходит из будущего, — как будто время есть нечто застывшее»². В социальном будущем (как, впрочем, и в социальном прошлом) решающим является то, что оно благодаря сознанию субъекта включено в его реальную жизнь, становится его настоящим. Как категория исторического, социального бытия человека, будущее открыто, на него можно повлиять. Здесь на первый план выходит вопрос о том, каким будет то, что случится после, на какое будущее мы можем рассчитывать и надеяться и, самое главное, на какое будущее нам следует работать. Будущее в таком понимании выступает как желательное и более совершенное состояние человека и его деятельности по сравнению с тем, что есть, — то, что человек хочет, чтобы было, и к чему он стремится.

3. Понятие времени, его членение на прошлое, настоящее и будущее связаны с осмыслением человеком своей жизни как разворачивающейся во времени, говоря точнее, с осмыслением того, как он сам может влиять на свою жизнь, направлять, проектировать ее. Само отношение человека к своему существованию

как бытию во времени — важная веха в его историческом самосознании, момент преемственности культуры как специфичного для человека механизма наследования. При этом ориентированность в социальном времени может иметь разную (в том числе крайне низкую, почти отсутствующую в примитивных обществах) степень выраженности и разную направленность. Для нас важно отметить, что она не всегда и необязательно обращена в будущее (достаточно сослаться на древние представления о «золотом веке» в прошлом, на консервативный вектор общественных процессов, на религиозное перенесение будущего в потусторонний мир). Направленность общественного сознания и практики на устройство жизни в будущем — это особый случай, характерный для современной, в частности и в особенности, европейской цивилизации Нового времени, которая возникает и развивается под знаком прогресса. Для этой цивилизации и для нас, принадлежащих к ней, грядущее — это преимущественно лучшее будущее. В нашем случае «после» и «лучше» сливаются. Наш язык не исключает сопряжение с будущим пессимистических определений (например, печальное будущее), но более для него привычны оптимистические выражения: счастливое будущее, светлое будущее, блестящее будущее и т. п.

4. Представление о лучшем будущем также является двояким. В одном случае будущее понимается преимущественно как более совершенное настоящее, связывается с возрастанием интеллектуальных и технических возможностей общества. При таком подходе прогресс совпадает с контролем над будущим как физическим временем, будущее рассматривается как улучшенная пролонгация того, что есть: мы живем лучше (богаче, комфортнее и т. д.), чем наши родители, наши дети будут жить лучше, чем мы. Это, если можно так выразиться, чисто технический взгляд на будущее, которое кардинально не затрагивает социальных форм жизни, даже если они оцениваются негативно. К примеру, ставится вопрос о сокращении разрыва между бедными и богатыми, но не о его преодолении, об улучшении условий содержания в тюрьмах, но не об искоренении преступности и т. п. Предполагается, что человек в силу своей изначальной природы нацелен на собственную выгоду и доминирование. Благодаря разумному устройству жизни можно ограничить, упорядочить, смягчить деструкции поведения людей и их взаимных отношений, подобно тому как можно противостоять разрушительным проявлениям природных стихий, но нельзя устранить их. Классическим примером такого взгляда является, например, учение Гоббса, исходящее из базовой установки, что человек человеку — волк.

Второй взгляд на будущее является сугубо социальным и исходит из того, что оно есть не просто улучшенное настоящее, а нечто качественно иное. Опять цитируя Ортегу-и-Гассета, «одному Богу известно, что будет завтра, и это тайно радует нас, потому что лишь в открытой дали, где все неожиданно, все возможно, и есть настоящая жизнь, подлинная полнота жизни»³. Именно принципиальная открытость будущего позво-

¹ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСЕ, 2002. С. 207.

² Зиновьев А. Фактор понимания. М.: Алгоритм, 2006. С. 464.

³ Ортега-и-Гассет Х. Указ. соч. С. 35.

ляет сопрягать его с идеальным состоянием и мыслить как нечто само по себе совершенное. Его образ формируется не по аналогии с настоящим, а на основе фантазии и, как правило, по контрасту с устаревшим, несправедливым и ненавистным настоящим, как его отрицание, часто просто переворачивание. Следует заметить, что мысленное преодоление наличного положения вещей представляет собой основной механизм возникновения идеальных представлений о человеке и обществе.

Так, например, в середине I тыс. до н. э. было сформулировано золотое правило нравственности («не делай другому того, чего не желаешь себе»), которое обозначило гуманистическую основу нравственных усилий всего последующего развития вплоть до наших дней. Его появление может считаться чем-то совершенно невероятным для той еще полуварварской эпохи, между тем оно может быть осмыслено в качестве законного продукта своего времени, если принять во внимание, что оно является отрицанием господствовавшего тогда механизма социальной регуляции — талиона («око за око, зуб за зуб»). Идеально-романтический взгляд на будущее исходит из представления о самодостаточной мощи и неисчерпаемых возможностях человека. Он был заложен эпохой Возрождения с его культом человека, получил воплощение в различных родах коммунистических утопиях. В его основе лежит представление об изначальном стремлении человека к добру, его неограниченных возможностях в стремлении к совершенству. Такой взгляд на человека развивал, например, Жан-Жак Руссо.

5. Два взгляда на будущее, один из которых понимает его как улучшенное продление настоящего, а другой — как его кардинальное преобразование, были не просто и не только двумя философскими платформами. Они являлись также двумя доминантами исторического развития в Новое время, широко представленными в практике социально-политической борьбы и закреплёнными в формах общественного сознания. Их можно обозначить как эволюционно-охранительную и революционно-критическую тенденции восходящего, прогрессивного общественного развития: первая видела в будущем пространство для продолжения настоящего, не находя в нем самостоятельного источника для того, чтобы мир стал другим; вторая рассматривала будущее в идеальной перспективе, как возможность для исторического творчества, качественного обновления форм жизни. Они были не только фактически различны, но и осознавали свои различия и находились во взаимной борьбе, в которой одерживала верх то одна тенденция, то другая, в зависимости от чего и эпохи (периоды) в развитии общества именовались революционными и стабильными (мирными, эволюционными). Не только эпохи, но и различные социумы и народы также, видимо, отличаются мерой склонности к той или иной ориентации на будущее. Так, например, различаются приверженность англичан к общественному развитию в рамках традиций и потенциальная готовность французов к революционным решениям проблем; также стало общим местом противопоставление деловитости и прагматизма американцев, надеющихся

на себя, мечтательности и бытовой неорганизованности русских, надеющихся еще и на «авось».

6. Стабильно-охранительная и революционно-критическая линии общественного развития Нового времени, в решающей мере определявшие состав и характер сил, в сложной и разносторонней борьбе которых складывалась в этот период большая история, имели своим предметом отношение к капитализму как к универсальной экономической формации. Речь шла именно об этом, об отношении к капитализму как к высшей форме развития на базе частной собственности и вытекающих из нее форм господства и подчинения в обществе; о том, является ли он последним словом истории, неисчерпаемо способным к эволюции на собственной основе, или он неприемлем именно в своих основаниях, своим буржуазным духом и подлежит уничтожению (в той или иной форме), ибо подлинное, достойное человека царство свободы, равенства и братства лежит за ним. Предметом противостояния и борьбы было будущее капитализма. Вопрос в том, является ли этим будущим сам капитализм в его постоянно совершенствующемся виде, — иначе говоря, захвачено ли будущее капитализмом навсегда и тем самым вопрос о будущем в социальном, историческом смысле закрыт, — или будущее остается свободным резервуаром для исторического творчества и капитализм неизбежно обречен на гибель, а будущее не может не быть антикапитализмом. Историческая критика капитализма приняла форму всеобщего обоснованного проекта и обрела всемирные масштабы с возникновением марксистской идеологии и организованной под ее знаменем общественно-политической борьбы пролетариата как основного угнетенного при капитализме класса.

С победой в России в 1917 году антикапиталистической революции и образованием на одной шестой территории Земли социалистического государства эти две тенденции общественного развития, которые до этого противоречиво сплетались в рамках одних и тех же общественных организаций, оформились в противостоящие лагеря: на одной стороне Советский Союз, первоначально один, позже во главе социалистического лагеря, куда в середине 1980-х годов входили 15 стран, на другой стороне — развитые капиталистические страны, консолидировавшиеся после Второй мировой войны во главе с США. Это была не обычная борьба конкурирующих сил за овладение чем-то, что равно дорого и на что претендует каждая из борющихся сторон: за рынки, территории, богатства и т. д. Это было всемирно-историческое идейное противостояние за разное понимание общественного жизнеустройства, смысл которого состоял в самом этом идейном противостоянии, а не в каких-то достигаемых в результате данного противостояния конкретных целях. Ведь социалистическое общество в том виде, в каком оно сложилось в Советском Союзе и других странах социалистического лагеря, в максимальной (и как оказалось в чрезмерной) степени было ориентировано на будущее и заявляло себя как альтернативу капитализму, более счастливое и гуманное будущее для человечества, чем капитализм. На кону были разные пути развития общества. Вопрос стоял

так: быть или не быть истории как движению к идеальному будущему.

Это противостояние социализм проиграл, оставим в стороне вопрос почему (пусть закономерно), не будем говорить как (пусть бездарно), но проиграл. Выдержав военные нападения, выстояв в кровавых схватках, когда, по всем расчетам, он, казалось, не мог и не должен был выиграть, социализм проиграл в холодной войне, проиграл тогда, когда, опять-таки по всем расчетам, не должен был проиграть. Заметим кстати, сам характер поражения свидетельствует о том, что это была не обычная борьба за власть и территории; тогда, когда речь шла о власти и территории, в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, СССР выиграл невероятным образом. Он проиграл, когда борьба перешла в плоскость идейного противостояния и моральной выдержки. Поражение Советского Союза вместе с его союзниками имело многочисленные следствия: развал Советского государства, расширение западного военного блока, обнищание и духовная деградация населения, разрастание конфликтных очагов в мире и пр.

Однако одним из самых основных следствий явилось то, что прервалась идеально ориентированная линия общественного развития. Социализм вместе с Россией, связавшей свою судьбу с ним, вышибли из истории. Вот уже более 25 лет Россия пытается всячески отделить себя от социализма, убедить мир, что у нее есть «нормальное» тысячелетнее прошлое с царями, священникам, помещиками, капиталистами; что о ней нельзя судить по короткому периоду, когда она была соблазнена и узурпирована большевистскими «дьяволами», да и эти 73 года она сопротивлялась: у нее были свои мученики, своя белая эмиграция, был генерал Власов и много еще подобных ему; что она порвала с коммунистическим прошлым, отменила его праздники, прокляла вождей, торжественно перезахоронила царя и объявила его святым; что разграбила государственную собственность, создала созвездие олигархов и так далее — словом, привела себя в приличный цивилизованный вид, но ей не верят. Да и сама она, кажется, не очень верит себе. Вместе с социализмом человечество лишилось альтернативного социального будущего. Капитализм, по всему похоже, остался без внутренних или внешних сил, несущих в себе его отрицание. Победив в холодной войне, он захватил будущее, именно гарантированное будущее является его основным трофеем.

7. Ощущение кризисности современного состояния цивилизации связано с осознанием окончательности ее победы, с мыслью, что это уже навсегда. Цивилизация достигла герметичности и ее существованию в историческом, социальном смысле ничто не угрожает. Ей принадлежит не только настоящее, но и будущее. Будущее для нее лишено риска, оно есть пролонгация ее настоящего, постоянно улучшаемого, но неизменного в сво-

их базовых принципах: частная собственность, власть денег, культ силы, рыночное общество, фетишизм потребления. Это состояние можно обозначить как будущее без будущего: физическое будущее без исторического (социального) будущего. Будущее как «после», но не как «другое».

У нас в общественных дискуссиях, в средствах массовой информации часто задаются вопросом: что мы строим, какое общество, на какие цели ориентируемся? За ним стоит ощущение некой образовавшейся пустоты в смысле социального будущего. Постоянно возобновляющиеся попытки сформулировать некую общенациональную идею являются выражением того же ощущения. Вопрос стоит так: от социализма мы отказались, что вместо него? Это не специфически русский вопрос, хотя в России, возможно, он звучит более остро и насущно; он касается и более развитых и благополучных стран Запада, которые также куда пересканивать не собираются. Надо задуматься, насколько правомерен сам вопрос? Может, будущее в физическом смысле вполне достаточно для социума, и стремление заполнить его идеальным общественным устройством является иллюзией, историческим анахронизмом? Является ли жизнеспособным такое состояние цивилизации, которое исключает качественное обновление социальных форм жизни и будущее которого представляет собой количественные изменения того, что есть? Существует ряд оснований думать, что такое состояние нежизнеспособно по ряду причин. Прежде всего это противоречит природе человека, сущность которого не дана в качестве факта, а задана в качестве долга и реализуется через его вторую природу — создаваемую им искусственную среду социальной жизни. Каждое поколение социума, опираясь на достигнутое, в то же время начинает заново, привносит свое, другое, чем то, что было.

Далее, цивилизационный застой противоречит всему пафосу культуры, ее гуманистическим идеалам, которые питались мечтами об идеальном обществе. Наконец, если будущее окажется закрытым для идеальных устремлений людей, то они найдут другой выход, в самом очевидном варианте — устремятся в прошлое или в воображаемый мир. Так это и происходит, как показали последние десятилетия постсоциалистического развития. С одной стороны, религии, триумфально вернувшиеся в публичное пространство, с другой — международный терроризм фундаменталистской ориентации пытаются заполнить ту историческую пустоту, которая образовалась в связи с крушением социалистического мира и отказом, если можно так выразиться, от идеала и идеального общества.

Словом, можно сказать, кризис цивилизации имеет много причин и проявлений. Одна из важных, быть может, самых важных из них — это отказ от общественного идеала, потеря самого будущего.

М. С. Гусман¹

ИНФОРМАЦИОННЫЕ АГЕНТСТВА И СОВРЕМЕННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ

В настоящее время по всему миру функционирует более ста крупных информационных агентств. Мой многолетний опыт работы в информационном агентстве «ТАСС», регулярные встречи с руководителями мировых новостных медиа и участие в международных форумах позволяют мне говорить о том, что все информационные агентства сталкиваются в своей деятельности с одними и теми же вызовами. Одним из самых существенных вызовов является рост киберпреступлений, который остается несомненной угрозой коллективной безопасности. В 2016 году по всему миру было зафиксировано порядка 1,5 млн кибератак, иначе говоря — более 4 тыс. в день.

Нынешний уровень развития информационных сетей позволяет говорить о формировании единого информационного пространства, в котором поставщик и потребитель информации находятся в режиме взаимодействия в реальном времени. С одной стороны, возрастающая скорость передачи данных и структурное развитие информационных сетей непрерывно делают процесс передачи и обработки информации все более оперативным, однако с другой — рост влияния и увеличение охвата информационных сетей делают их все более привлекательными для преступников.

Интернет-пространство все чаще используется террористическими организациями как площадка для пропаганды экстремистских взглядов и даже вербовки в свои ряды. Нередко подобными площадками становятся социальные медиа, обладающие большой аудиторией и при этом не всегда способные обеспечить контроль размещаемого в них контента. Специфика социальных медиа, предоставляющая каждому желающему возможность высказаться вне зависимости от его компетентности в вопросе, подчас способствует, таким образом, росту напряженности в информационном пространстве.

Современные информационные агентства, будучи важной составной частью мировых информационных сетей, также подвержены опасности со стороны киберпреступников. Однако здесь это в первую очередь фейковые вбросы провокативных сообщений. Роль, которую играют информационные агентства в формировании новостной картины мира, чрезвычайно велика. Оперативно генерируя информацию и предоставляя ее СМИ, информационные агентства являются одним из ключевых звеньев в эффективном функционировании мирового сообщества.

¹ Первый заместитель генерального директора Информационного агентства России «ТАСС», профессор, заслуженный работник культуры РФ. Теле- и радиоведущий. Автор телевизионного цикла «Формула власти» (с 2000 г. более 350 эксклюзивных интервью с мировыми лидерами). Автор книг, многих сценариев к телевизионным фильмам и программам. Вице-президент Всемирного конгресса информационных агентств, представитель РФ в Межправительственном комитете ЮНЕСКО по вопросам информации и коммуникациям (IPDC). Лауреат Государственной премии РФ и премии Правительства Москвы в области журналистики. Награжден орденами «За заслуги перед Отечеством» IV степени, Дружбы, Почета и др.

И тем опаснее ситуации, в которых в результате хакерских атак агентства публикуют заведомо ложную информацию. В лучшем случае преступники ограничатся самым взломом, в худшем — размещенное сообщение может послужить катализатором международного конфликта. Еще в 2009 году генеральный секретарь Международного союза электросвязи ООН Хамдун Туре заявил, что в случае третьей мировой войны последняя будет проходить в киберпространстве.

Как известно, фейковые вбросы способны и навредить репутации информационного агентства, и даже дестабилизировать политическую обстановку. Возникает вопрос: «Как можно противостоять киберпреступникам?» Обеспечение безопасности мирового информационного пространства немисливо без проработки международных положений в этой сфере. На данный момент у мирового сообщества отсутствует единая программа по противодействию киберугрозам. Необходимость принятия подобной программы все острее ощущается с каждым годом. Примечательно, что Россия выступала с подобной инициативой в адрес ООН и США еще в 1998 году.

Тем не менее ряд программ функционирует на уровне международных организаций и отдельных стран. Так, в 2001 году в Будапеште была подписана Европейская конвенция по киберпреступлениям. В 2011 году в рамках ШОС Россией, Китаем, Таджикистаном и Казахстаном было ратифицировано соглашение о сотрудничестве в области информационной безопасности.

Россия выступает в качестве одного из центров по противодействию киберпреступности. 5 декабря 2016 года Указом Президента РФ была утверждена Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, в которой борьба с киберугрозами тесно связана с обеспечением национальной безопасности. Обсуждается проект Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, в которой особое место уделяется безопасности и достоверности информации. 22 января 2017 года вступило в силу соглашение между Россией и Индией о сотрудничестве в области обеспечения безопасности в сфере использования информационно-коммуникационных технологий.

Помимо реализации соответствующих программ на государственном уровне, необходима и разработка самими информационными агентствами средств защиты от хакерских взломов. Привлечение специалистов в сфере IT и формирование специализированных подразделений внутри агентств будут способствовать созданию актуальных систем защиты, блокирующих попытки проникновения преступников и обеспечивающих сохранность передачи данных. Параллельно с этим необходимо постоянное совершенствование систем контроля публикуемого контента. Скорость передачи информации обязывает информационные агент-

ства оперативно отслеживать все неточности и искажения в материале. С учетом угрозы фейковых вбросов агентствам необходимо сообщать подумав о механизме «срочной информационной кнопки», срочной проверки информации.

Также немаловажным является понимание кибербезопасности как неотъемлемой части корпоративной культуры, что подразумевает обучение персонала правилам безопасной работы с информацией. В ряде случаев преступники могут воспользоваться внутренними аккаунтами сотрудников агентства с целью доступа к корпоративной информации.

Современное информационное агентство немислимо без полноценного веб-сайта. Публикуемые на новостных сайтах материалы мгновенно расходятся по всему миру. Участившиеся случаи DDoS-атак, приводящих к затяжным сбоям в работе компьютерной

техники, обязывают нас поддерживать в актуальном виде защиту собственных новостных сайтов.

Наконец, как показывают многочисленные примеры, информационным агентствам необходимо уделять особое внимание вопросам безопасности при работе с социальными медиа, особенно уязвимыми к хакерским атакам. Это включает и элементарные меры по созданию сложных паролей в аккаунтах, и налаженные каналы связи с соответствующими подразделениями сервисов, с которыми мы взаимодействуем.

Уверен, что, используя вышеописанные методы и придерживаясь мировых стандартов информационного контроля и безопасности, информационные агентства смогут успешно противостоять всем вызовам, которые бросает им непростая и бурно меняющаяся ситуация в мире.

А. Н. Данилов¹

ГЛОБАЛЬНЫЙ ХАОС В БЕСПОЛЮСНОМ МИРЕ: НА ПУТИ К НОВОМУ МИРОПОРЯДКУ

В течение XX века мир претерпел заметные трансформации — от противоборства двух непримиримых систем к однополюсной гегемонии, породившей глобальный хаос, — и, наконец, вступил на зыбкий путь строительства нового мирового порядка. Бесполосный мир — феномен, известный своей неопределенностью, исторически и геополитически чрезвычайно опасный, когда ни на минуту не утихает борьба всех против всех, возникают и исчезают всевозможные союзы, блоки, интеграционные образования, когда сиюминутная выгода и жесткий прагматизм становятся главными мотивами любых преобразований. Этот период опасен еще и непредсказуемостью последствий: во что он трансформируется и какой образец миропорядка победит, вряд ли кто решится прогнозировать. Это — период смены основополагающих принципов жизнедеятельности людей на Земле, их ценностей, уклада жизни целых народов, когда борьба сил, формирующих новый порядок, принимает острые формы, чреватые трагическими последствиями для человеческой цивилизации. Чаще всего по-

добная ситуация складывается после мировых войн, глобальных потрясений, кризисов, когда измученные народы жаждут спасения и мира любой ценой.

Начало XXI века оказалось катастрофически нестабильным, жестоким и совершенно непредсказуемым. Мира нет, и его контуры даже не просматриваются в будущем. Иногда кажется, что на Земле нет сил, способных образовать *Homo sapiens*, прояснить его разум и заставить задуматься хотя бы о худом мире. Почему добро, которое всегда побеждает, сдает свои позиции злу? Есть желающие построить новый мировой порядок, но в этом словосочетании понятие «порядок» уходит на второй план, в результате получается глобальный хаос. Можно ли вообще что-то строить без зримых ориентиров, ублажая лишь свои всевозрастающие потребности, руководствуясь исключительно личными интересами и эгоистическими притязаниями? Насколько устойчива подобная конструкция и может ли она обеспечить и увеличить благополучие и счастье на Земле? Сомнительная перспектива...

Стратегическая нестабильность XXI века создает пугающий своей непредсказуемостью образ глобального хаоса. Чаще всего образ века складывается после его завершения, определяется ключевым событием, освещающим его дальнейший путь и выстраивающим в одну логическую цепочку неизбежность последующих действий, событий, формирующих некий малоощутимый тренд человеческих судеб, поколений нового века, включенных в мире живых во все, в нем происходящее. Мы здесь не просто современники, свидетели, но и создатели новых утопий и антиутопий, непосредственные участники событий, которым суждено определить облик нового мира в исторической хронике времен. Этим ключевым событием определяются и судьбы поколений, в нем живущих. Никому не дано избежать его духовного плена.

¹ Заведующий кафедрой социологии Белорусского государственного университета (Минск), член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, доктор социологических наук, профессор. Автор и соавтор более 300 научных работ по социологии, методологии и методике социологических исследований, теории и истории социологии, в т. ч. монографий: «Переходное общество: проблемы системной трансформации», «Власть и общество: поиск новой гармонии», «Гуманитаризация науки и образования в переходный период» (в соавт.), «Социология власти: теория и практика глобализма», «Ценностный мир современного человека: Беларусь в проекте «Исследование европейских ценностей»» (в соавт.), «Слово о современниках: эссе, интервью», «Ценностный мир современного человека: Беларусь и ее соседи в международных проектах по изучению ценностей» (в соавт.), «Знать, чтобы предвидеть... Социологические этюды», «Синтез философии, науки и культуры», «Современный социум в мире глобальных перемен» и др. Председатель Белорусского социологического общества. Главный редактор «Журнала Белорусского государственного университета. Социология». Лауреат премии Национальной академии наук Беларуси.

Таким ключевым событием, окрасившим своим цветом наступивший XXI век, с моей точки зрения, стал распад Советского Союза (1991), который нарушил существующее мировое равновесие и задал тренд дальнейшего противостояния. Распад Советского Союза не был карой Божьей. Ее породили человеческий эгоизм, авантюризм, непомерные амбиции политических лидеров. Платой за неразумие, попрание всякой морали, манию величия отдельных персонажей стали горе, страдания тысяч ни в чем не повинных людей, опустошение целых регионов, утрата веры в будущее. Крах «красного полюса» дал толчок проявлению худших политических и геополитических инстинктов оставшейся сверхдержавы. США до сих пор полагают, что для обеспечения своего благополучия они должны властвовать над миром или хотя бы осуществлять тотальный контроль над процессами, формирующими его облик. Восстановить былое равновесие, как воспроизводят положение на шахматной доске, конечно же, не удастся. Трансформация в целом — это определенный выход из созданного политиками тупика, который возник во второй половине XX века. Начался мучительный процесс геополитической перестройки, формирования новых полюсов силы. Теперь мы точно знаем, что этот процесс завел весь мир в тупик.

Мир находится в поиске своего нового лица, контуры которого все более отчетливо проступают сквозь новые военные столкновения, передел территорий, борьбу за влияние и ресурсы. Конечно, равновесие будет достигнуто и уже отчасти достигнуто за счет трансформационного процесса, «цветных» революций, глобальных кризисов и катастроф, к которым стремился западный политический мир — теперь он наметит контуры и самого Запада.

Россия уже выходит из затянувшегося, во многом трагического, но неизбежного в данном случае периода адаптации к новым условиям существования — обновленной, экономически окрепшей и политически сплоченной, уверенно обретает былое величие. Испытания оказались слишком тяжелыми и болезненными, но народы России, похоже, их преодолевают. Теперь Запад вступил в полосу политической турбулентности. Трансформация для постсоветского мира стала уже историей. На многое с высоты прожитых лет мы посмотрели другими глазами.

Генри Киссинджер в своей книге «Мировой порядок» отмечает: «Мы живем в исторический период, когда налицо упорная, временами почти отчаянная погоня за ускользающей от общего понимания концепцией мирового порядка. Хаос угрожает нам, а вместе с тем формируется беспрецедентная взаимозависимость: распространение оружия массового уничтожения, дезинтеграция былых государств, последствия хищнического отношения к окружающей среде, сохранение, к великому сожалению, практики геноцида и стремительное внедрение новых технологий угрожают усугубить привычные конфликты, обострить их до степени, превосходящей человеческие возможности и границы разума»¹.

¹ Киссинджер Г. Мировой порядок. М.: АСТ, 2016. С. 10–11.

И сегодня много желающих проектировать стратегическую нестабильность, создать очередную догматическую утопию будущего, а может, антиутопию, чтобы якобы излечить современников от иллюзий и социальной слепоты, предостеречь их от возможных катастрофических последствий. Нам, пережившим важнейшие перипетии XX века, выпала уникальная возможность передать свой исторический опыт, ценности, традиции, знания, веру новым поколениям, сформировать основные идеи начала нового века, попытаться изменить трагический ход событий. При этом задача, которая видится почти невыполнимой сегодня, — не дать потомкам стать продолжателями наших заблуждений, внутренней несвободы, трагической слепоты, нетерпения, зачастую исторической безответственности.

Сегодня в мировом общественном мнении существует ностальгия по прошедшей эпохе биполярного мира, в котором две сверхдержавы — СССР и США, — соперничая друг с другом за влияние по итогам Второй мировой войны, разделили мир на своих сторонников и противников. Каждая из противодействующих сторон стремилась ограничить влияние другой. Однако с учетом того, что обе стороны владели смертоносным оружием, которое могло бы положить конец жизни на Земле, военное столкновение между ними в последнее десятилетие XX века было немислимым. Это делало миропорядок устойчивым, исключая возможность военных катаклизмов мирового масштаба.

Создать однополюсный мир после развала СССР Соединенным Штатам не удалось. Однако эта страна и сегодня намерена сохранить миропорядок, максимально отвечающий ее интересам, который сложился после Второй мировой войны и закрепился после распада СССР. США вместе с группой ведущих западных стран рассматривает весь мир как сферу приложения своих интересов, говоря о новом мировом порядке в контексте своего доминирования. Однако за прошедшую четверть века мир заметно изменился, на политическую арену вышли новые силы, оспаривающие гегемонию Запада (Китай) и противостоящие его давлению (Россия и ее союзники). Это усложнение на мировой шахматной доске, к сожалению, чревато новыми конфликтами и геополитическими столкновениями. Мир пока не стал ни более безопасным, ни более благополучным. Человечество ищет пути развития, самореализации в условиях непрерывной борьбы. В этих целях создаются региональные и глобальные союзы, коалиции, военные структуры.

Заявляют о себе и новые независимые государства, в которых проходит интенсивный процесс формирования национальной идентичности и укрепляется суверенитет. На международной арене они все громче заявляют о своем праве занять законное место в новом миропорядке и привнести в него свое понимание жизни, свой исторический и социальный опыт. В настоящее время мы приближаемся к точке бифуркации, когда возникает потребность в новом миропорядке, который создал бы основы мирного развития на ближайшее время.

Республика Беларусь принадлежит к числу вышеописанных государств. Со времени обретения неза-

висимости она ставит себе задачу — внести в дело укрепления мирового сообщества свой вклад, выступая за взаимовыгодное экономическое сотрудничество народов и государств, сохранение суверенитета, развитие миропорядка под эгидой ООН. Исход глобальной нестабильности еще не предрешен. Очевидно лишь, что мир слишком большой для того, чтобы быть управляемым одной-единственной страной.

«Общество спектакля», созданное, по меткому выражению Сергея Кара-Мурзы, телевидением, и мозаичная культура, превращающая личность в человека массы, резко усилили воздействие на людей. Пропаганда формирует брезгливо-опасливое отношение к жертвенному, альтруистическому и аскетическому сознанию, старательно вытравливает национальное сознание, призывает к десакрализации таких понятий, как «Родина», «Отечество», «родная земля», «родная природа». Мир с реальными проблемами, чувствами, ценностями трансформируется в виртуальное пространство. Социальные институты и государственные структуры в нем — глобальная сеть, а главное действующее лицо — управляемый пользователь. Он включен в потребление программного продукта и, как наркоман, становится зависимым и без посторонней помощи уже не может выйти из этого искусственно созданного состояния.

Управляемый и безвольный человек — наиболее типичный субъект современного глобального хаоса. Человек ли это вообще? У него нет эмоций, сопереживания, парализованы его воля, вера, нравственность, мораль, милосердие. Такой серый тип, внешне похожий на человека, полностью погружен в мир игры. Ему кажется, что у него есть много жизней, поэтому зачем ими дорожить? Культурная среда, в которой формируются новые поколения граждан, наполняется некими артефактами, далекими от реальных смыслов человеческого сосуществования, искажающими, фальсифицирующими и виртуализирующими историческую правду. В ней все — традиции, ценности, смыслы — искажено до неузнаваемости. Здесь человеческие отношения основаны на выгоде, семья — на расчете, подвергаются очернению герои и высмеиваются высококонрастные поступки. Поэтому мы и в своей, славянской, семье не можем разобраться. Интеграция предполагает, что это выгодно всем сторонам. А если невыгодно, то, значит, народы неродные, небратские? На этом пути можно далеко зайти. И мы отходим друг от друга в разные стороны. Разве в единой семье возможны имитация интеграции и видимость родства? Кто так умело нас разводит?

И вообще, можно ли построить светлое, доброе будущее без реальных ориентиров, представлений о счастье, добре, нравственности, в условиях хаоса? Почему Россия, несмотря на зримые успехи, пока так и не стала образцом для подражания постсоветской молодежи? Почему большинство представителей нового поколения склонны связывать свое будущее с Западом и принимать их образ жизни, организацию и смыслы за образец для подражания. И это несмотря на проблемы, которые сегодня одолевают Запад. Глобализация уничтожила тайну человеческой души,

породила новую волну национализма и этнического неравенства. В защите нуждаются наши представления о совести, чести, достоинстве, нравственности. Без таинства внутреннего мира человека наступит эра невежества, ханжества и насилия. Мир технологий манипулирует самым святым, что есть в человеке, — его совестью. Почему же мы так пассивны в своей правоте?

Мы строим общество по чужим лекалам, с «грамотным потребителем» в основе нового мироздания. Насколько устойчива такая опора? Ведь первые шаги человека разумного в потребительском обществе становятся не опорой личной свободы, счастья и благоденствия, а, наоборот, источником формирования эгоизма, агрессии, человеческой нетерпимости друг к другу. Объяснения лежат в области современной морали, где отклонения от принятых правил человеческой жизнедеятельности и поведения признаются нормой и законодательно закрепляются как должная защита права меньшинства, а в искусстве и культуре наблюдается отход от прекрасного и высококонрастного. Семья, построенная на любви мужчины и женщины, трактуется как отживший анахронизм. Человеческая жертвенность, подвижничество, геройские проявления осмеиваются и подвергаются ostrакизму там, где так называемая свобода нравов превыше всего. Такая реальность современной жизни порождает хаос, народы и люди теряют способность договариваться, потребность в диалоге. У небольшой группы людей появляется реальная возможность диктовать свои условия и безраздельно править миром. Теории, ранее воспринимавшиеся как фантастические утопии, могут стать реальностью.

На чем же сегодня держится мир, чтобы не сгинуть на веки вечные? Убежден, на подвижничестве человека нравственного, с его верой в добро и справедливость, его жертвенном служении истинным ценностям, которые формируются в семье и передаются из поколения в поколение. Культурная среда укореняет в человеке многообразие смыслов понимания жизни и постижения его созидательной роли на Земле.

Великий русский композитор Георгий Свиридов писал: «Искусство нашего века несет большую ответственность за то, что оно настоятельно и талантливо проповедовало бездуховность, гедонизм, нравственный комфорт, кастовую, интеллигентскую избранность, интеллектуальное наслажденчество и, еще того хуже, упоенно воспевало и поэтизировало всякого рода зло, служа ему и получая от этого удовлетворение своему ненасытному честолюбию... Дело добра могло бы казаться совершенно безнадежным, ибо души, подвергшиеся столь сильной обработке и омерщвлению, воскресить, пожалуй, уже невозможно. Но мудрость жизни заключена в ней же самой: новые поколения приходят в мир вполне чистыми, значит, дело в том, чтобы их воспитать в служении высокому добру... Размежевание идет по самой главной, основной линии человеческого бытия — по линии духовно-нравственной. Здесь — начало всего — смысла жизни! Русская культура неотделима от чувства совести. Совесть — вот что Россия принесла в мировое сознание. А ныне — есть

опасность лишиться этой высокой нравственной категории...»¹.

Нельзя не согласиться с известным афоризмом: «Кто контролирует прошлое, тот программирует будущее». В мире правит прагматизм. Всполохи пламени костров современной инквизиции, как в период Средневековья, все сильнее обжигают гуманитарное и социальное знание, что выражается в сокращении преподавания этих предметов, финансирования исследовательских проектов, в умалчивании возможностей и явных достижений, подвергании публичной обструкции ученых-гуманитариев. Иногда трудно понять и объяснить то, что в настоящее время наши чиновники, принимая западные образцы за идеал для подражания, с завидным упорством разрушают существующую систему образования, легко соглашаются на резкое сокращение объема базовых гуманитарных дисциплин.

Нельзя забывать, что именно культура, искусство, литература, гуманитарное знание, наука в целом всегда были эффективным инструментом развития человека через расширение горизонта его ценностных смыслов и представлений, обогащение духовного мира. Это развитие шло по пути гуманизации самого человека и его отношений. Гуманитарная наука (философия, социология, филология, история, литература и др.) и есть необходимое условие жизни и развития человека.

Общественным запросом для современной гуманитарной науки становятся ее возможности предвидеть будущее, построить общество счастливых людей. Нельзя ничего получить в готовом виде извне, все должно формироваться внутри национального социума. Современная наука базируется на «гигантах» прошлого. Но, справедливо признавая этот факт, современная наука утратила бы свое значение, если бы, опираясь только на наследие прошлого, не связывала свою теорию, исследовательский потенциал с новыми научно-техническими, экономическими и соци-

альными реалиями, сложившимися на рубеже XX–XXI веков.

Готовы ли мы построить такой глобальный мир, чтобы он сделал всех людей счастливыми? Пожалуй, нет, а ведь время и ресурсы уже на исходе. Мешают человеческий фактор, амбиции вождей, превращающиеся в амбиции стран и разделяющие нас на имущих и неимущих, белых и черных, счастливых и несчастных. Сколько это будет продолжаться? Пока сбываются предсказания гениального русского композитора и мыслителя Георгия Васильевича Свиридова: «Будущее — пехтерь с сеном, привязанный перед мордой запряженной лошади. Она бежит, бежит, бедная, надрывется из последних сил, ей не пожрать (вкусить) своего корма: пехтерь с сеном бежит перед нею, и она *никогда* его не достанет»².

Как уже отмечалось выше, ключевым событием, определившим развитие в XXI веке, стал распад СССР. В связи с этим хотелось бы привести слова известного историка и политического аналитика В. М. Фалина: «В 1990 году подводилась черта именно под войной холодной. В ней были свои торжествующие и побежденные. Первым номером среди последних шел СССР, руководство которого предало забвению истину: мудрость есть распознавание пределов возможного, высшая мудрость — это распознавание пределов собственных возможностей. Будут ли свежие победители мудрее? Время покажет. Пока особых причин для оптимизма не заметно. Апеллировать к морали по современным понятиям смешно. За нее сегодня ломаного гроша в базарный день не допросишься. И остается взывать к прагматизму, позаимствовав у Вольтера его сарказм: низвергая памятники, пощадите пьедесталы — они еще могут сгодиться»³.

Мир замер в ожидании нового прочтения истории, утверждения нового мирового порядка в большой шахматной игре. Наступает время великих предчувствий...

Брюно Дегарден⁴

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ

Даже из камней, которые лежат на вашем пути, можно создать нечто прекрасное.

И. В. Гёте

Какой путь мы прошли? С 1960 по 1974 год рост мирового ВВП составлял 5,2 % в год, а после 2000 года мировой ВВП еще удвоился. Между 2008 и 2015 го-

¹ Свиридов Г. В. Музыка как судьба. 2-е изд., дораб. и доп. М.: Мол. гвардия, 2017. С. 795.

² Свиридов Г. В. Указ. соч. С. 516.

³ Фалин В. М. Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. М.: Центрполиграф, 2016. С. 573.

⁴ Генеральный директор банка «Eric Sturdza SA» (Женева, Швейцария). Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Новая международная экономическая окружающая среда», «Стратегии глобализации», «Феномен банковской системы Швейцарии: исторические факты и современные тенденции развития» и др.; статей по проблемам банковской деятельности.

дами, при том что ставки искусственно удерживались на низком уровне, чтобы стимулировать рост, а мировой долг увеличился на 60 трлн долларов, рост ВВП не превышал 2,8 % в год.

В каком мире мы сегодня живем? Никогда еще последствия волны инноваций не распространялись так быстро на все страны и отрасли, от промышленного производства до сферы услуг, от автомобилестроения до финансового сектора и даже транспорта и туризма. Никогда еще волна инноваций не оказывала такого воздействия и не затрагивала интересы такого количества работников, вначале наименее квалифицированных,

занятых на однообразной работе, а затем и все более и более квалифицированных специалистов, таких как юристы и врачи-хирурги. Вспомните, что Uber, Airbnb и подобные им платформы появились около десяти лет назад. Мы также начинаем видеть фантастический потенциал 3D печати, автомобилей-роботов, биотехнологий, робототехники и искусственного интеллекта.

Куда мы идем? Дискуссии на экономические темы лежат в основе выбора, который мы делаем для общества: снижение налогообложения корпораций или стоимости привлечения капитала идет на пользу акционерам и финансовым рынкам, но отрицательно скажется на занятости и среднем классе. Усилия по защите пенсий, которые составляют от 11 до 13 % ВВП в западных странах, будут и дальше лежать тяжким грузом на плечах работающих. Если на образование или инфраструктуру будет тратиться недостаточно средств, или мы позволим долгу резко возрасти и выйти из-под контроля, или допустим необратимые климатические изменения, то платить за это и разбираться с последствиями придется следующим поколениям.

К сожалению, проведение параллели с кризисом 1929 года нельзя назвать притягиванием за уши. Четыре проблемы (этнический фундаментализм, территориальные споры, классовая война и кризис капитализма), выделенные *Яном Кершоу* (Jan Kershaw) в недавно вышедшей книге как характеризующие период между Первой и Второй мировыми войнами, можно наблюдать и сейчас. Этнический фундаментализм принял другую форму, отличную от таковой в 1930-е годы; современная версия находит отражение в отношении к мигрантам или в выступлениях против ислама. Территориальные споры по большей части имеют место в Азии, где Китай выступает против своих соседей, но они не обошли стороной и Европу, где волнения происходят на Украине и в Крыму. Два других фактора — классовая война и неприятие элиты — отражаются в популистских движениях, а также в кризисе капитализма, который, как кажется, продолжается начиная с 2008 года.

Чтобы правильно понять эти проблемы, мы вначале можем проанализировать экономические вызовы, а затем социальные.

Экономические вызовы

Чтобы быть щедрым, надо быть богатым.

Аристотель. Никомахова этика

Утверждение Аристотеля является точным и недвусмысленным. Правительства пытаются преодолеть слабый рост, и поэтому мало что могут перераспределять. Они стремятся справиться с таким количеством потребностей, что используют для этого государственный долг, но это не может быть политикой. Правительства, стараясь разобраться с ожиданиями, которые не могут удовлетворить, оказываются дискредитированы, а глобализация в складывающейся ситуации — подходящий козел отпущения.

Если проанализировать проблемы замедления экономического развития, глобализации, торможения роста мировой торговли и риска протекционизма, то вста-

ет вопрос о том, есть ли основания бояться инфляции и сосредоточивать внимание на финансовых вопросах.

Проблема замедления мирового экономического развития

Бесспорно, рост производительности труда замедлился вследствие сокращения доли производства в ВВП и увеличения удельного веса услуг с использованием неквалифицированного труда. Замедление прироста инвестиций объясняется неуверенностью, излишками производственных мощностей во многих отраслях, кредитными ограничениями и тем, что многие хозяйствующие субъекты вынуждены уменьшать использование заемных средств. Не вызывает сомнений то, что сокращение мирового спроса произошло в результате старения населения во всем мире. Компании, работающие в цифровой экономике, создают немного рабочих мест, а количество безработных в мире достигает 200 млн человек. В настоящее время в трех американских компаниях, входящих в число лидеров по показателю рыночной капитализации (1800 млрд долларов), не занято даже 300 тыс. сотрудников, в то время как в середине 1990-х рыночная капитализация трех крупных автомобилестроительных компаний составляла менее 2 % от суммарной, но в них работало 1,2 млн человек.

Американский экономист *Роберт Гордон* (Robert Gordon) считает, что период роста, наблюдавшийся в течение 250 лет, был уникальным, что в последние несколько десятилетий в мире не наблюдалось никакого существенного прогресса, и отмечает замедление роста производительности труда со времени первого так называемого нефтяного ценового шока, вызванного резким повышением цен на нефть в 1972 году. Замедление роста вызвано старением населения, снижающимся влиянием образования и издержками от вреда, наносимого окружающей среде. Экономист *Лоуренс Саммерс* (Lawrence Summers), работавший в правительстве в годы президентства Билла Клинтона, ссылается на «длительный застой», который до 2008 года маскировался доступностью кредитов и «ценовыми пузырями» на рынке недвижимости, и эта стагнация также объясняется старением населения, накоплением сбережений и недостатком возможностей для инвестирования. *Пол Кругман* (Paul Krugman) критикует неэффективность монетарной политики и ловушку ликвидности, образованную денежными вливаниями. *Джеремии Рифкину* (Jeremy Rifkin) считает, что рынки начинают уступать сетям, и прогнозирует, что капитализм будет повержен в результате конкуренции с экономикой совместного пользования по мере расширения таких сервисов, как Airbnb, Blablacar, и других игроков на рынке краудсорсинга. Таким образом, эти четыре экономиста демонстрируют большой пессимизм, который может быть смягчен решениями о повышении пенсионного возраста, увеличении расходов на образование для преодоления все еще остающихся очагов безграмотности и осуществлении адекватной политики по охране окружающей среды для стимулирования роста.

Но было бы неправильно сосредоточивать внимание лишь на медленном росте промышленного произ-

водства в развитых странах, потому что они являются сервисными экономиками. Не стоит чрезмерно беспокоиться из-за замедления темпа прироста инвестиций, потому что для современного роста требуется меньше капитала. Давайте не будем излишне волноваться из-за производительности труда, потому что в цифровой экономике измерить ее нелегко. Не надо тревожиться из-за замедления экономического роста, потому что, хотя это неопровержимый факт, его трудно оценить определенно. Расчетные формулы, выведенные в разных странах для регистрации количественных показателей, одинаково непригодны как для вычисления вредного воздействия на окружающую среду и последствий от нанесенного ей урона, так и для измерения повышения качества продукции и производительности в результате использования цифровых технологий.

Проблема глобализации и более медленного роста мировой торговли

Глобализацию можно рассматривать с нескольких сторон. Во-первых, она привела к появлению крупных структур, и их становится все больше. Например, в США доходы ста ведущих компаний в 2013 году превысили 45 % ВВП, в то время как в 1994 году они не превышали размера трети ВВП. Во-вторых, по данным ЮНКТАД (Конференция ООН по торговле и развитию), объем грузов, перевозимых по морю, увеличился с 3,6 млрд тонн в 1981 году до 8,7 млрд тонн в 2013 году, но это не предотвратило излишка производственных мощностей в сфере контейнерных перевозок, достигшего 30 %, и существенных потерь в сфере морских перевозок. Третий пример происходящего при глобализации — рост количества иностранных туристов с 50 млн в 1950 году до 1,2 млрд в 2016-м. Наконец, четвертый феномен — транснациональные корпорации, на долю которых приходится 25 % мирового ВВП, и существенное увеличение прямых иностранных инвестиций: с 55 млрд долларов в 1980 году до 690 млрд долларов в 1998-м, 1400 млрд долларов в 2000-м и 1800 млрд долларов в 2007-м. Однако в 2016 году этот показатель составил 1525 млрд долларов из-за уменьшения доли, предназначенной для развивающихся стран и стран с переходной экономикой (на 600 млрд долларов, то есть –20 %). Последняя цифра указывает на тенденцию. Инвестиции в развивающиеся страны и страны с переходной экономикой (причем не только в Китай) долгие годы динамично росли из-за выгоды, обусловленной низкой стоимостью рабочей силы, но этот фактор, несомненно, остался в прошлом.

В развитых же странах, где крупные города адаптировались к глобализации, пригороды и сельские населенные пункты все больше критикуют глобализацию и жалуются на потерю работы и снижение покупательской способности. Пол Самуэльсон (Paul Samuelson) считает, что свободная торговля приводит к выравниванию зарплат и потере работы. В то время как элиты и молодые люди развивают глобальную культуру, которая ослабляет традиционные национальные системы, остальное население, похоже, по большей части выступает против глобализации. Лучшей иллю-

страцией этого является результат выборов в США: в 88 из 100 крупнейших городов большинство голосовало за Хиллари Клинтон, в остальной части страны большинство отдавало предпочтение Дональду Трампу. Это не столкновение цивилизаций в определении *Хантингтона* (Huntington), а скорее расхождение между сторонниками и противниками глобальной цивилизации. До недавнего времени культура была достоянием стран, сформированным их историей и географией. В идее глобальной культуры кто-то увидит «разжижение», кто-то — богатство, возможность или иллюзию, смешение идей или уход к идентичности культур. Слияние жизненных стилей или новая инкарнация доминирования Запада — каждый может использовать собственную структуру анализа.

Но нельзя забывать, что в экономике три четверти рабочих мест находятся в защищенных секторах, в основном в сфере услуг. В то время как офшоринг привел к потере рабочих мест на производстве, общее их сокращение все же было незначительным, потому что во многих отраслях (производство цемента, строительных материалов и др.) относительно слабая международная конкуренция, а также потому, что сокращение персонала на предприятиях объясняется в первую очередь повышением производительности труда и аутсорсингом определенных функций.

Проблема мировой торговли, которая больше не является двигателем роста, и угроза протекционизма

До 2000-х годов мировая торговля росла в два раза быстрее в объемных показателях, чем мировой ВВП. В 2016 году она росла примерно в половину медленнее. По данным МВФ, три четверти этого замедления можно объяснить ситуацией в экономике, остальное — уклоном в сторону сервисной экономики, изменениями в производственных линиях, роботизацией и протекционизмом.

Кто теряет от протекционизма?

Затруднения правительств в управлении кризисом порождают сомнения относительно экономической независимости и способствуют появлению склонности к протекционизму. Тем не менее если мировая торговля стимулирует рост и инновации, то протекционизм обедняет ее, потому что цены на импорт повышаются из-за тарифных барьеров, а экспорт страдает из-за ответных мер. В то время как экспорт создает рабочие места, импорт их уничтожает.

Среди тех, кто больше всего потеряет от любых протекционистских мер, будут маленькие страны типа Ирландии, где 55 % ВВП дает экспорт, а также развивающиеся страны и страны с переходной экономикой, зависящие от политики продвижения экспорта. Следующая очередь за Германией, которая экспортирует 36 % своего ВВП, в то время как Франция и Италия — только 20 %. Затем идут крупные страны, такие как США и Бразилия, еще меньше зависящие от экспорта, который дает только 11–13 % ВВП.

С точки зрения фондового рынка широкая приверженность протекционизму приведет к необходимости

сосредоточивать инвестиционную стратегию на крупных внутренних рынках: Европе, Китае и США.

Почему протекционизм не имеет смысла в США?

Протекционистская политика будет бесполезна в США, потому что эта страна остается ведущей экономической державой, а американские транснациональные корпорации доминируют в торговле. Мы не должны просто рассматривать размер дефицита торгового баланса США и Китая (347 млрд долларов в 2016 г.) или потери рабочих мест в промышленности, вызванные офшорингом американских компаний в Китай. Если налоги на сталь в США не предотвратили сокращение занятых в этом секторе, то это произошло из-за превалирования других факторов, не только инноваций, но и роста производительности труда. Если Дональд Трамп будет придерживаться этой политики, то можно будет провести параллель с положением в мире в середине 1930-х годов, после принятия закона Смута–Хоули о тарифе в США. Если Дональд Трамп отменит Транстихоокеанское партнерство, то это будет означать, что он не понял цели Барака Обамы, который считал это соглашение способом сдерживания китайского влияния и смог навязать своим партнерам гарантии, такие как регулирование использования детского труда, установление минимальной заработной платы в каждой из стран и обязательства по защите интеллектуальной собственности. В случае выхода из Транстихоокеанского партнерства, договор о котором был подписан год назад с двенадцатью странами, чтобы противостоять влиянию Китая в Азии, США предоставляют Китаю колоссальные возможности, которыми тот может воспользоваться, и именно поэтому премьер-министр Австралии открыл дверь для переговоров с Китаем. Устанавливая тарифные барьеры против Китая и Мексики, США окажут влияние на четверть своей внешней торговли, подвергнутся риску ответных мер и подорвут правящий режим в Мексике, которая может оказаться в руках популистов. Вопреки тому, что заявляет Дональд Трамп, протекционизм приведет не к процветанию, а только к росту цен на товары и снижению благосостояния американцев.

Почему обложение импорта налогами — ошибочный шаг?

Дональд Трамп хочет сочетать снижение налогов на корпорации с введением 15-процентного налога на импорт, «корректируемого при пересечении границы». Воздействие этих двух мер, вероятно, будет примерно таким же, как эффект от субсидий на экспорт в сочетании с увеличением НДС, но оно, скорее всего, будет компенсировано курсом доллара и поэтому нейтрализовано. Стоит ли винить глобализацию в сокращении занятости в производстве? Нет. Это лишь одна из причин такого спада, два главных фактора — повышение производительности и дрейф спроса в сферу услуг. В крупных странах-производителях, таких как Германия и Япония, производственные линии в высокой степени глобализованы. Промышленный национализм, за который выступает Дональд Трамп, противоречит этому подходу к специализации и не даст ожидаемо-

го эффекта. После Второй мировой войны обрабатывающая промышленность обеспечивала 30 % занятости, в конце 2016 года — не более 8 %. Дело не в уменьшении количества рабочих мест (оно относительно стабильно: в 1950 г. — около 13 млн, в настоящее время — 12 млн), а в том, что в сфере услуг было создано более 100 млн рабочих мест (рост с 30 до 133 млн) и, в частности, наблюдался очень существенный рост производительности труда, который позволил производству вырасти более чем в шесть раз. Конкуренция с Китаем повлияла едва ли на 2 % всех занятых.

История учит, что попытки защитить сокращающиеся секторы или находящиеся в упадке отрасли — потеря времени и сил, а также риск ответных мер против секторов, где наблюдается рост. Разве усилия по защите автомобильной промышленности имеют будущее в то время, когда городская молодежь отказывается от автомобилей, а каршеринг, вероятно, будет только расти? Лучше потратить эти деньги на улучшение обучения и подготовки в отраслях будущего.

Что нам думать про Brexit?

Позиция Терезы Мэй неясна и не является логически последовательной. Она утверждает, что, разумеется, выступает за свободную торговлю, но тогда зачем выходит из европейской зоны свободной торговли, которая является ведущей коммерческой силой в мире? Она хочет сделать Королевство ближе к США — почему бы и нет, но не иллюзорно ли это стремление в то время, когда политика США — это политика отказа, отзыва и выхода?

Стоит ли бояться инфляции?

Нет, потому что в дополнение к причинам, подробно описанным в наших предыдущих работах, есть мнение, что в накоплении капитала и создании материальных благ будет все больше расти доля цифровой экономики. Но барьеры для входа в цифровую экономику ниже, чем в традиционные отрасли обрабатывающей промышленности, конкуренция острее, а инновации проявляются постоянно. Таким образом, нет необходимости покупать облигации, зависящие от инфляции.

Проблема государственного долга

В конце 2016 года долг ОЭСР достиг 74 % ВВП, и этот уровень почти полностью стабилизировался, потому что выпуск долговых обязательств в 2017 году не превысит 800 млрд долларов. Эта стабилизация по большей мере объясняется отрицательными процентными ставками на 10 трлн долларов этого долга в Японии, Германии, Швейцарии и Франции.

Хотя можно поспорить с мнением Кармен Рейнхарт (Carmen Reinhart) о том, что государственный долг, превышающий 90 % ВВП, будет представлять проблему, если мы говорим про чистый долг, а не про валовую сумму долга, и если соглашаемся, что концепция устойчивости долга, то есть отношение реальной процентной ставки по долгу и темпов роста экономики, предпочтительнее концепции платежеспособности. Мы не можем игнорировать быстрый рост долгового бремени, особенно потому, что он тормозит рост ВВП.

Поэтому в случае государственного долга избегайте вложений с фиксированным доходом.

Есть ли основания для сосредоточивания внимания на финансах?

Да, если мы считаем, что финансы были причиной кризиса 2008 года. Если мы признаем, что большая часть увеличения государственного долга — это результат проблем в банковском секторе, который пытается справиться с чрезмерно высоким долгом частных лиц и корпораций. Да, если финансовые причины приводят к увеличению неравенства.

Но финансы — это также и решение, потому что рынки капитала реагируют на потребности. Если свободное движение капитала частично виновато в кризисе, то глобализация финансов также ускорила движение капитала и прямые иностранные инвестиции. Если свободное движение усложняет политику перераспределения финансов, то это происходит из-за увеличения мобильности населения.

Социальные вызовы

Мы последовательно проанализируем технологии, неравенство, сомнения в роли государства, образование, проблемы воды, старения населения и иммиграции.

Технологический вызов

История учит, что рост является не столько следствием инвестиций и объемов, сколько результатом инноваций. Новаторство, как объяснял *Шумпетер* (Schumpeter), всегда было движущей силой, но сейчас оно является неперемным условием, а *Шимон Перес* (Shimon Peres) даже утверждал, что революция, которую устроил Марк Цукерберг с Facebook, имеет более значительные последствия, чем коммунистическая революция. Новаторство останется ключевым фактором успеха, потому что везде, даже в развивающихся странах и странах с переходной экономикой, наблюдается резкое увеличение числа ученых, а в некоторых отраслях китайские или индийские исследования не уступают по уровню исследованиям в развитых странах.

Интернет и дальше будет менять взаимоотношения в областях транспорта, путешествий, торговли, жилья и знаний. Но если экономика таких платформ, как Uber, Airbnb и Netflix, угрожает традиционным такси, гостиницам и аудиовидеоиндустрии, то эту дестабилизацию надо контролировать. Роботизация также является вызовом в некоторых секторах, но в целом она меньше влияет на безработицу, чем косность и отсутствие гибкости на рынке труда и недостатки в подготовке специалистов. Необходимо наладить профессиональную переподготовку сотрудников, которые оказались не у дел, и обучение людей, потерявших работу в результате развития технологий. Роботизация позволит добиться большей гибкости производства и, следовательно, управления меньшими товарными запасами.

Проблема неравенства

Неравенство обусловлено низким ростом доходов менее квалифицированного персонала вследствие сни-

жения роли профсоюзов и расширения цифровой экономики. Является ли это препятствием для развития? Да, если растущее неравенство ведет к сокращению спроса, потому что предельная склонность к сбережениям выше у более обеспеченных слоев. В период экономической экспансии после Второй мировой войны, при действующей системе Форда, работникам хорошо платили, забывая об интересах акционеров. Начиная с 1980-х годов ситуация изменилась до противоположной. Вес производства и количество занятых в промышленности сократились, уступив место сфере услуг и неквалифицированному труду, так что специалисты стали говорить о превращении пролетариата в прекариат.

В США в 1978 году средняя заработная плата составляла 48 тыс. долларов, в 2013-м — только 34 тыс. долларов, так что для поддержания покупательской способности среднему классу ничего не оставалось, кроме как брать деньги в долг, женщинам пришлось работать все больше, некоторые пытались совмещать несколько мест работы, каждая из которых не требовала занятости полный рабочий день. Соответственно число бедных в США возросло до 48 млн, то есть седьмой части населения. В то же время, по словам *Роберта Райха* (Robert Reich), ежегодный доход самых богатых, составляющих 1 % населения, увеличился с немногим менее 400 тыс. долларов до 1,1 млн долларов. Нетрудно понять, почему при обедневшем среднем классе и богачах, получающих доход за счет высоких норм сбережений, замедляется рост экономики типа американской, где 70 % ВВП составляет потребление.

Неравенство также растет в развивающихся странах и в странах с переходной экономикой. В Китае официальная идеология проповедует равенство, но, хотя стране очевидно удалось избавиться от большого количества трущоб, в результате реформ было построено одно из самых неэгалитарных обществ.

В масштабах планеты в крайней бедности, то есть зарабатывая менее 1,9 доллара в день, живет менее 10 % населения, то есть 700 млн человек (в 2015 г.), но около 780 млн человек все еще испытывают трудности с покупкой продовольствия.

Сомнения в роли государства

«Нам следует больше требовать с налогов и меньше — с налогоплательщиков». Это высказывание *Альфонса Алле* (Alphonse Allais) кратко формулирует некомфортное положение государства, которое оказывается в тисках между аллергией налогоплательщиков на налогообложение и требованиями граждан к системе социального обеспечения.

Реформы

В последние годы правительства левого толка добились реформ, которые не могли провести правые правительства: либерализация трудового законодательства Герхардом Шредером, снижение налогов на инвестиционный доход Биллом Клинтонем и более гибкое регулирование трудового законодательства, обеспеченное Тони Блэром.

Но эта идеологическая конвергенция между левоцентристами и правоцентристами привела к резким выступлениям крайних. Ультраправые раскололись на два лагеря, выступая против иммиграции и заявляя о вредных последствиях свободной торговли. А леворадикалы захотели бороться с жесткой экономией и снизить неравенство.

Бедность — это опасность для избранных правительств, потому что неимущие, население, находящееся в бедственном положении, в конце концов будут голосовать против них. Из-за глобализации политика дестабилизируется ожиданиями, которые распространяются за область решений, и правительства теряют легитимность, при этом создается впечатление, что средний класс, привлеченный популизмом, отказывает политикам в доверии. В ответ на это Дэвид Осборн в США увеличил минимальную заработную плату, то же самое сделал и Барак Обама, но как могут развиваться капитализм и социальные контакты, если механизмы перераспределения больше не основываются на доступе к рабочим местам? «Успешная глобализация», если использовать старое выражение *Алена Минка* (Alain Minc), должна обеспечить компенсацию проигравшим (заработную плату, профессиональную подготовку и социальные пособия). Это относится и к Китаю, который остается бедной страной с растущим числом богатых людей, и к США, богатой стране с растущим числом бедных.

Ослабление системы социального обеспечения

Финансирование системы социального обеспечения представляет проблему. В то время как все соглашались с тем, что государство должно поддерживать социальное единство и сплоченность, а также обеспечивать общественное благосостояние, встает вопрос: какой ценой? Как переключиться с большей роли государства на лучшее государство? Какой должна быть роль системы социального обеспечения? Насколько эффективной может быть экономическая политика в странах с большим долгом?

Учитывая, что пенсия — это отложенное вознаграждение, которое вместе с заработной платой составляет два компонента трудового контракта, пенсии сократить нелегко.

Идея минимального дохода

Столкнувшись с проблемами создания рабочих мест, некоторые политики обращаются к идее минимального дохода. Например, либерал Милтон Фридман (Milton Friedman) рассматривал минимальную заработную плату как закон, который делает незаконным наем неквалифицированного работника, и поддерживал эту идею. Но ее стоимость получается чрезмерной. Например, в США 10 тыс. долларов, выплачиваемые ежегодно каждому взрослому старше 20 лет, в сумме составят 2400 млрд долларов, или около 15 % ВВП. Во Франции сегодня минимальные социальные пособия получают 4 млн человек, что обходится в 25 млрд евро. Безусловный доход составит от 330 млрд до 700 млрд евро в зависимости от того, будет выдаваться 500 или 1000 евро в месяц.

Налоговая конкуренция между странами за привлечение самых богатых компаний или лиц наносит вред бюджетам и угрожает социальному обеспечению. Налоговая конкуренция раздувает дефицит бюджета и делает необходимым урезание расходов, что подрывает социальное единство и сплоченность и способствует успеху популистских партий. По данным ОЭСР, оптимизация налогообложения в размере от 5 до 10 % урезает ежегодные доходы в мире от налогообложения корпораций на сумму 2400 млрд долларов.

Проблема образования

Когда в мире насчитывается 200 млн безработных, из которых 75 млн — в возрасте от 15 до 24 лет, требуется дополнительное образование, хотя количество детей, не посещающих школу, сократилось со 106 млн в 1999 году до 61 млн в 2010-м. Когда в США свыше 30 млн человек, или 10 % населения страны, неграмотны, а во Франции 150 тыс. молодых людей ежегодно бросают школу, умея плохо читать и писать, возникает вопрос об эффективности образовательной политики. Когда в Африке треть детей не оканчивают начальную школу, это повод беспокоиться о будущей занятости.

Цифровые технологии и развитие массовых открытых онлайн-курсов, которыми в 2014 году воспользовались примерно 35 млн человек, начинают радикально менять образование. В ОЭСР считают, что в конечном счете ожидается увеличение расходов на образование и превышение нынешнего уровня, составляющего 5,8 % ВВП. Скандинавские страны уже прилагают большие усилия в этом направлении: Дания выделяет 8,7 % ВВП на образование, Швеция — 7,3 %. Развивающиеся страны и страны с переходной экономикой понимают необходимость предпринимаемых усилий в этом направлении. Например, расходы на образование в Китае увеличились до 4 % ВВП с 2,5 % в 2000 году.

Экономия на образовании особенно возмутительна, если вспомнить о расходах на вооружение, особенно в ряде стран с переходной экономикой типа Саудовской Аравии, у которых щедрые оборонные бюджеты. Даже в США равновесие существенно нарушено. *Джеффри Сакс* (Jeffrey Sachs) сравнивает 1 млрд евро на образование с 900 млрд долларов на оборонные расходы в широком смысле, включая 600 млрд долларов для Пентагона, ЦРУ, внутренних служб безопасности и выплат ветеранам войн (160 млрд долларов).

Проблема воды

Нехватка

После опасений по поводу недостатка нефти, или «черного золота», в конце XX века сейчас высказываются опасения из-за нехватки воды, или «голубого золота». Серьезной проблемой является очистка воды, потому что, хотя 70 % планеты покрыто водой, только 1 % пригоден для питья, а в развивающихся странах, особенно в Китае и Индии, потребление быстро растет.

По данным Всемирного банка, примерно 1,6 млрд человек живут в странах, страдающих от нехватки воды,

и эта цифра может удвоиться в ближайшие двадцать лет. По оценкам, уже более 300 млн человек не имеют доступа к чистой воде.

Можно ожидать серьезного прогресса в методах ирригации, и это будет полезно, потому что 80 % воды каждый год используется для ирригации, а оставшиеся 20 % — промышленностью и домохозяйствами.

Политические риски

В некоторых регионах доступ к воде может представлять собой политическую проблему и даже приводить к конфликтам. Рассмотрим для примера Египет, где почти все поставки воды зависят от Судана. По договору 1929 года Египет получает две трети водных ресурсов Нила и имеет право вето при рассмотрении проектов строительства дамб. Начиная с 2005 года страна страдает от дефицита воды и ожидается, что проблема станет еще более острой, потому что в 2025 году численность населения Египта составит 95 млн человек. Учитывая, что Нил обеспечивает водой несколько стран, включая две крупные (Египет и Эфиопия), и то, что население там увеличилось в пять раз за последние 50 лет, а также тот факт, что страны, по территории которых протекает Нил, отказывают Египту в праве вето, решением было бы обратное водоснабжение, но кто будет финансировать проект по рециркуляции речной воды? С той же проблемой сталкивается Тибет, который сильно интересуется Китай, поскольку там берут начало Ганг, Меконг, Инд и Брахмапутра. Китай строит дамбы на Меконге, и это беспокоит Вьетнам, Камбоджу и Лаос, расположенные ниже по течению. Наконец, не будем забывать про Голанские высоты — спорную территорию между Израилем и Сирией, откуда берут начало многочисленные притоки реки Иордан.

Проблема старения населения

Замедление роста

Рост населения не стал проблемой, как опасались многие, потому что, хотя население земного шара быстро увеличилось с 1,6 млрд человек в 1900 году до 7,5 млрд в настоящее время, голод практически исчез. Однако слабый рост производительности труда и стабилизация численности работающего населения, происходящие одновременно, помогают объяснить замедление экономического роста.

Преобладание пожилых людей вызывает проблемы, потому что численность населения в мире стабилизируется при рождении у одной женщины 2 детей, а если на одну женщину приходится 1,5 ребенка, то численность населения сокращается на 25 % одного поколения.

Старение населения, варьирующееся от страны к стране, будет оказывать влияние на геополитический баланс сил, и в преимущественном положении окажется Индия, которая к 2030 году опередит Китай по численности населения. Оно окажет отрицательное влияние на такую страну, как Россия, которая через пятнадцать лет сравняется с Турцией по численности населения.

Рост затрат на здравоохранение

Средняя продолжительность жизни существенно увеличилась во всем мире — с 47 лет в 1965 году до более чем 71 года в 2015-м; радует, что сократился разрыв между развитыми и развивающимися странами (с 23 лет в 1950 г. до 10 лет в 2015-м). Здравоохранение обходится дорого, на него тратится 9 % ВВП в Швеции и Италии, 11,5 % во Франции, свыше 17 % в США. Расходы контролировать нелегко, потому что регулируемые тарифы часто губят конкуренцию при предоставлении льгот и выборе лекарств. Хотя США больше других тратят на здравоохранение, средняя продолжительность жизни там ниже, чем в других развитых странах, а для белого населения этот показатель не меняется с 1990 года.

Финансирование пенсионного обеспечения

Недостаточное обеспечение пенсий представляет проблему. Исследование, проведенное Citigroup в 20 странах ОЭСР, показало масштаб этого дефицита: около 78 трлн долларов. Эту цифру можно сравнить с их валовой суммой государственного долга — 44 трлн долларов. Поэтому возникает необходимость повышения пенсионного возраста.

Последствия

Старение населения происходит одновременно с расколом между молодыми и пожилыми. Это особенно заметно по разнице в количестве домовладельцев. Например, во Франции 56 % домовладельцев — старше 50 лет и только 14 % моложе 34 лет. Это также заметно по возрастанию доли населения в возрасте старше 60 лет — во Франции в 1950 году она составляла 16 % населения, в настоящее время 25 %, а в 2030 году достигнет 30 %.

Наконец, кроме неравенства в распределении богатств, старение населения приводит к переменам в потреблении. Больше средств требуется на здравоохранение и пенсии, пожилые люди предьявляют меньший сезонный спрос на виды досуга, популярные у остальной части населения, и новые услуги, особенно в ведении домашнего хозяйства. Один из способов, которым страна может компенсировать отрицательные последствия старения населения, — принятие иммигрантов, но это чревато другими проблемами.

Проблема миграции

Несколько комментариев к этой болезненной проблеме.

Виргилий рассказывает о том, как *Эней* сбежал из охваченной огнем Трои и отправился искать Рим. Таким образом философ *Слотердайк* (Sloterdijk) напоминает нам, что Европу основал беженец, но, похоже, европейцы об этом забыли.

Относительно низкий уровень миграции в западные страны

Мигранты составляют всего 3,5 % населения земного шара, в 1960-х годах доля мигрантов едва ли превышала 2,5 %, и даже в начале XX века она составляла значительно меньше 7 %. Напомню, что в период меж-

ду 1870-м и 1930-м годами 51 млн европейцев и 2 млн азиатов отправились в Америку. Одна из крупнейших диаспор в мире в настоящее время — это мексиканская диаспора, насчитывающая свыше 20 млн эмигрантов.

В последние годы наблюдается усиление миграции и, если не считать последний пример — население Сирии, то крупнейшими миграциями были переезд филиппинцев на Средний Восток и в Азию (1 млн в 2012 г.) и индусов (750 тыс. человек) за пределы ОЭСР. Следует отметить два момента. Более 80 % мигрантов переезжают из одной развивающейся страны в другую развивающуюся страну, так что Европа принимает только малую их часть. То же самое происходит и в США, где легальная и нелегальная иммиграция составляет только 1 млн человек в год, или 0,3 % населения, то есть почти весь ежегодный прирост населения, по оценкам, не превышает 0,4 % в год.

Соотношение между расходами и доходами

Иногда это трудно увидеть, но на самом деле миграция для принимающей страны — это не убытки, а богатство, потому что многие из приезжающих уже взрослые люди, получившие образование и работающие, так что они помогают финансировать пенсионные системы. И наоборот, отъезд квалифицированных граждан замедляет рост производительности труда в стране, а утечка капитала увеличивает в ней стоимость капитала.

В 1950 году население Европы составляло 25 % населения земного шара, в настоящее время — менее 7 %, и, по данным Евростата (статистической службы Европейского Союза), если не считать иммиграцию, то к 2080 году можно ожидать сокращения численности населения на 100 млн человек. Больше всего от эмиграции пострадают страны Центральной Европы: к 2050 году, по оценкам ООН, в Польше численность населения сократится на 5,5 млн, в Румынии — на 4,3 млн, в Болгарии — на 1,5 млн человек. Бесполезно надеяться, что запрета абортос будет достаточно для роста рождаемости, как считают руководители Польши. Поэтому можно надеяться, что отношение к иммиграции в конце концов изменится.

Последствия для занятости

Иммиграция не является причиной безработицы. Когда такая страна, как Франция, принимает по 200 тыс. человек каждый год, из которых работают только 10 %, это количество остается незначительным в сравнении с работающим населением. Что касается беженцев, то, например, Франция в 2016 году приняла 35 тыс. человек: в среднем по одному человеку на каждый местный орган управления. Миграция, несомненно, ведет к повышению цен на жилье и снижению платы за неквалифицированный труд, но исследование, проведенное в Великобритании, показало, что иммиграция создала рабочие места и дала больше доходов, чем потребовала расходов, и это без учета финансирования системы социального обеспечения. Исследование, недавно проведенное Национальной академией наук в США, показало положительный вклад иммигрантов, потому что ежегодный поток по большей

части состоит из работников в возрасте от 25 до 64 лет (65 против 52 % в среднем для США) и меньшей доли людей старше 65 лет (5 против 15 % в среднем по стране). Следует также оценить высокий потенциал рождаемости. Если между 1965 и 2015 годами численность рабочей силы росла ежегодно на 1,4 %, то в следующие два десятилетия, по данным исследовательского центра Pew Research Center, она будет расти только на 0,3 % в год.

Перспективы

Ожидается увеличение миграционных потоков, потому что население Африки, которое в настоящее время составляет 1 млрд человек, к 2050 году достигнет 2,5 млрд. К тому же рабочие места создаются в недостаточном количестве, не удовлетворяя ежегодную потребность в 25 млн рабочих мест, истощение почвы в странах Африки к югу от Сахары будет сдерживать развитие сельского хозяйства, а обрабатывающая промышленность, при нормальных условиях обеспечивающая занятость, дает менее 10 % ВВП.

Выводы

Кажется, старому миру приходит конец и появляется новый. Я вижу отблески зари, но восхода солнца я уже не увижу.

Штабриан. Замогильные записки (завершение)

Политика

При снижении ожиданий и растущих сомнениях демократические режимы, к сожалению, более уязвимы, чем казалось раньше, потому что их отличает недальновидность, а также потому, что, выбирая между свободой и безопасностью, граждане скорее пожертвуют некоторой частью свобод. Вспомним слова Бенджамина Франклина: «Те, кто готов пожертвовать насущной свободой ради малой толики временной безопасности, не достойны ни свободы, ни безопасности». Правительства, сталкиваясь с ростом конкуренции со стороны транснациональных корпораций, крупных городов и наднациональных органов, имеют все меньше финансовой власти и возможностей расходовать средства от имени государства. Без крепкой финансовой основы власть правителей подрывается.

Социальная сфера

Современная промышленная революция, как и предыдущие, нарушает общественный порядок. Как и в эпоху Возрождения, и в Прекрасную эпоху (период европейской истории с 1890 по 1914 г.), во время второй промышленной революции кто-то выиграл от перемен, а кто-то почувствовал себя проигравшим. В прошлом проигравшими были аристократы, мелкие бизнесмены и фермеры, а в выигрыше оказался средний класс. Сегодня проигравшим является средний класс, работающие по найму, а выиграла образованная городские потребители, адаптировавшиеся к глобализации. Первые поддаются пению популистских сирен, во время как последние остаются верными установившемуся порядку. Конкурентные преимущества также более уязвимы. Бизнес может быстрее стать при-

быльным, потому что у цифровой экономики низкая капиталоемкость, но ведущие позиции можно быстро утратить, потому что потребители не так постоянны в своих вкусах.

Экономика

Хотя прискорбными фактами являются эксцессы, сопровождающие мощный рост Китая, вред, наносимый окружающей среде, и другие виды урона, а 20 % пахотной земли загрязнено и из-за этого зафиксировано много смертей, отсутствие роста или отрицательный рост, что предлагают некоторые, не может быть решением, потому что такое положение дел усилит неудовлетворенность, но не решит проблему сокращения бедности.

Геополитика

Най (Nye) показал, что мощь не ограничивается использованием вооруженных сил, а рост больше нельзя анализировать с точки зрения демографии или ВВП. США и американский фондовый рынок продолжают доминировать, потому что совмещают лидерство в сфере технологий и экономическую мощь, военную силу и резервную валюту. Им труднее продемонстрировать «жесткую силу», но они все еще продолжают пользоваться «мягкой силой» с помощью СМИ, международных информационных каналов, университетов, которые привлекают иностранных студентов, культуры и распространения языка своей страны в мире.

Петр Дуткевич¹,
Д. Б. Казаринова²

КОНЕЦ ЭПОХИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Поезд, сошедший с рельсов

Почему заканчивается та форма глобализации, которая распространена сегодня, и каковы последствия этого? Следуя логике рассуждений Ивана Крастева (Ivan Krastev) [10] и Зигмунта Баумана (Zygmunt Bauman) [5], авторы приходят к выводу, что налицо окончание эпохи глобализации в том понимании, которое было принято в последние несколько десятилетий, и наступление дезинтеграции глобального порядка. Мы чувствуем наступление хаоса, принципиально другого мира. В этом мире нормы международного права перестают определять межгосударственные отношения, меняются отношения внутри и между государствами, создаются новые блоки. Возникают малоуправляемые или совсем неуправляемые ситуации с точки зрения национальных государств.

Все правительства национальных государств сталкиваются с проблемой управления (governability).

¹ Директор Центра изучения государственного управления и общественной политики Карлтонского университета (Канада), доктор философии, профессор политологии. Автор и редактор ряда научных публикаций, в т. ч.: «НАТО смотрит на восток», «Украина: социальная и экономическая трансформация», «Евразийская интеграция — взгляд изнутри» (серед.), «22 идеи как исправить мир: беседы с известными мировыми мыслителями» (серед.), «Новые технологии в общественном управлении в отражении канадского и российского опыта» (серед.), «Демократия против модернизации: дилемма для России и мира» (серед.), «Россия — проблемы преобразования» (серед.), «Новая Европа: влияние первого десятилетия. Варианты моделей» (серед.), «Ювенальное правосудие в России» (в соавт.). Соучредитель и член Валдайского клуба. Награжден орденом Дружбы (Россия). Удостоен премии Посольства Канады в РФ за выдающийся и продолжительный вклад в российско-канадские отношения, премии за передовой опыт исследований от Карлтонского факультета общественных наук. Почетный доктор РУДН (2006), почетный доктор РАНХиГС при Президенте РФ (2007).

² Доцент кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (Москва), кандидат политических наук. Автор более 50 научных работ, в т. ч.: «Европейская интеграция: политико-институциональное и социокультурное измерение», «Европейский Союз и Россия: политическое и социокультурное измерение», «Духовно-ценностные основания России и национальная безопасность» и др.

Функции государства реализуются все с большим трудом: сбор налогов, поддержание социального баланса, интеграция мигрантов, диалог с гражданским обществом и средним классом (опорой государства) — задачи остались те же, но прежние способы их достижения больше не работают. В поисках объяснения данного феномена можно выделить различные подходы.

Первый подход предложил известный европейский политолог Иван Крастев, второй — макросоциолог Зигмунт Бауман. По Крастеву, проблема возникла вследствие того, что после кризиса Великой депрессии все поверили в ведущую роль государства в регулировании экономики. Но в 1960-е годы государство перестало справляться с этой задачей, и кейнсианский подход использования государства в регулировании рынка отошел на второй план. На передний план тогда выдвинулись сторонники либерального подхода, для которых рынок был и целью, и средством, альфой и омегой. Потом либерализм переродился и стал карикатурой на самого себя. Милтон Фридман (Milton Freidman) [8, 9], который был удостоен Нобелевской премии по экономике «за достижения в области анализа потребления, истории денежного обращения и разработки монетарной теории, а также за практический показ сложности политики экономической стабилизации», задал парадигму, ставшую доминирующей в осмыслении экономики во всем мире. Но эта парадигма вызвала потрясающий эффект, способствовал превращению гражданина в потребителя.

Такое превращение индивидуума из политического гражданина в локальной повесткой и пониманием общественного блага в потребителя, который в своем поведении руководствуется идеей экономической целесообразности, минимизирует издержки и максимизирует социальную прибыль, стало законом, который работал до кризиса 2008 года. Результатом кризиса стало крушение данного порядка: рынок стал не способен удержать глобальную экономическую систему. Более того, это произошло не только на Западе, но и в Ки-

тае и Юго-Восточной Азии. В результате, по мнению И. Крастева, глобальный кризис стал не только экономическим, но и идейным: мы перестали верить в силу рынка, государства, во Фрийдмана и Кейнса.

Такой кризис тотального недоверия всем привычным основаниям социального бытия — удар по мировосприятию западного человека. Запад держится на доверии институтам. Человек доверял государству, но больше не может. Он доверял банкам — банки его обманули. Он перестает доверять стержню данной системы. Чудовищная избирательная кампания по выборам президента США, полемика между Х. Клинтон и Д. Трампом — не что иное, как последствия конца глобализации. По исследованиям 2012 года, около 11 % представителей американского среднего класса утратили свой статус за счет потери 40 % своего благосостояния. Россияне в 1990-е годы пережили слом основ общественного устройства и шок вследствие лишения социального и экономического положения, но для западного общества, привыкшего к большей стабильности и благополучию, этот шок грозит существенными переменами.

Начинается борьба за выживание не на национальном и региональном уровнях, а на уровне индивидуума. Западное общество перестает быть обществом гарантированного выживания, а значит, постмодерным. Это разрушает все социальные сети и политику как таковую. Человек политический интенционален вовне, он проявляет себя, демонстрирует политическое поведение, идет на выборы, верит в то, что его интересы будут услышаны и защищены. Сейчас эта система рушится.

Второй способ объяснить, почему поезд глобализации сошел с рельсов, — представления макросоциолога Зигмунда Баумана о современном состоянии общества как *Interregnum*, где парадигмы старого уже не работают, а парадигмы нового еще не сформулированы. Любое междуцарствие и отсутствие правил игры означает хаос. Здесь можно согласиться с Майклом Манном (Michael Mann), историческим макросоциологом, представителем неовеверианской школы социально-политических исследований, известным своими работами о государстве. Его теория основана на том, что большинство индустриальных национальных государств осуществляет управление с помощью инфраструктурной власти [11], которой граждане подчиняются не в силу принуждения, а добровольно — в силу осознания выгод и удобств, которые она несет. По Манну, «инфраструктурная власть — это институциональная возможность... коллективная власть, «власть сквозь» общество, координирующее общественную жизнь через государственную инфраструктуру. Государство определяется как совокупность центральных и радиальных институтов, проникающих через его территорию» [11]. Но сейчас инфраструктурной власти приходит конец.

Куда направлена сила?

На основе анализа двух подходов можно прийти к выводу, что центральной становится проблема новых оснований для управления и государством, регио-

ном, глобальным порядком. Этим основанием вновь становится сила. Но что такое сила в новых условиях, каковы ее источники, кто и каким образом может ее использовать? В отсутствие силы и государство, и рынок теряют свой смысл. Гарвардский ученый турецкого происхождения Дэни Родрик (Dani Rodrik) [14] предложил интересный взгляд, утверждая разрыв между силой и политикой, порождающий кризис управляемости системой на национальном и глобальном уровнях. Джонатан Нитцан (Jonathan Nitzan), автор книги «Capital As Power: A Study of Order and Creorder» [13], фокусирует внимание на природе капитала при капитализме и предлагает альтернативный марксистской и неоклассической экономике взгляд на этот вопрос. Капитал рассматривается им как количественная оценка силы. А сила понимается не классически — как способность не заставить следовать интересам субъекта влияния, а оказать влияние для добровольного подчинения.

Дэни Родрик утверждает, что в настоящее время мы наблюдаем передвижение силы в глобальном масштабе. В географическом измерении это сдвиг силы от глобального Севера к глобальному Югу, от развитых стран Европы и Америки в сторону Юго-Восточной Азии. Помимо географического измерения, существует и функциональное: силы вымываются из национального государства, происходит сдвиг локуса силы (shift of locus). Наличие центра без силы — сегодня ключевой момент управления системой на любом уровне.

Французский социолог Мойзес Наим (Moises Naim), автор книги «Конец власти» [12], предложил емкую формулировку: мы живем во время, когда власть/силу легко обрести, сложно применить и еще сложнее удержать. Причины этого, по М. Наиму, — это «революция множества», то есть поливариантность всего; «революция мобильности», то есть подвижность всего; «революция ментальности», когда коллективные ценности уступают место индивидуальным. В этих условиях даже маленькая неинституционализованная группа может мгновенно приобрести глобальное влияние или существенным образом изменить способ существования того или иного государства.

Превратности постглобального суверенитета

В условиях размывания силы политический центр, лишенный ее, старается отсутствующую силу манифестировать, что влечет за собой рост авторитарных тенденций. Сравнительный анализ десятка стран показал, что в последнее время независимо от географии расположения страны и политического режима ее власти начинают принимать сходные управленческие решения. Вне зависимости от уровня демократического развития начинается политическая конвергенция методов управления. Это принципиально меняет понимание суверенитета. Классическое понимание суверенитета неразрывно связано с наличием контроля: суверенитет — как независимое от каких-либо сил, обстоятельств и лиц верховенство. Это суверенитет в понимании XIX века, когда, обладая силой, политический субъект владеет всеми возможностями поступать по своему усмотрению. Однако «глобализация не только меняет социальноэкономическую и политическую картину мира,

но и трансформирует внутреннюю сущность суверенитета, изымая у государства функции организации и управления физическим пространством. Речь идет о формировании новых подходов и центров управления, возникновении новых средоточий экономической власти и могущества, легитимной глобальной интервенции» [4]. Но в условиях повсеместного распространения навязанных стандартов доминирующей рациональности (*external standards of rationality*) речь идет о постглобальном суверенитете, который принимает внешние стандарты рационализации своего поведения. Встает вопрос о потенциале политической субъектности, понимаемой как совокупность самоосознания, самодетерминации и самопроектирования политической общности в условиях глобального мира и способности ее продуцировать (в противовес стратегии заимствования субъектности) [3]. Если сила находится вне границ национальных государств, то возможны два варианта укрепления национального суверенитета: его сохранение с опорой на военную мощь (стратегия В. Путина) или глобальная гегемония посредством подписания глобальных международных торговых договоров (стратегия Б. Обамы). Какая из стратегий может быть реализована и окажется эффективной — вопрос открытый.

Страх как политическая категория

Перспектива применения военной мощи в ответ на внешнюю угрозу стала гораздо более осязаемой в последние несколько лет. В серии передач канала «Аль-Джазира» (“Al Jazeera”) “Contemporary Fear” было убедительно показано, что в условиях глобальной неопределенности, отсутствия власти, тотального недоверия институтам страх становится одной из ведущих эмоций современного человека. Страх не только как психологическая, но и как экономическая и политическая категория бытия — доминирующий фактор глобального масштаба в международных экономических и политических отношениях. Психологи определяют причины возникновения страха на индивидуальном уровне: чувство одиночества, отверженности, подавленности, угрозы самоуважению, ощущение собственной неадекватности. Быстроразвивающийся технически и материально и идейно стремительно обновляющийся современный мир создает условия для развития подобных чувств как у индивидуума, так и на уровне целых обществ. Если кратковременный страх может послужить импульсом к объединению и защитной реакции общества, то длительный диффузный страх перерастает в состояние тревоги, подавленности, что выливается в социальную стагнацию.

З. Бауман в качестве последствий этого рассматривает формирование текучего, плавающего общества (*liquid society*), которое отличает от премодернистского и постмодернистского общества отсутствие твердого стержня. В таком обществе идентичность является функцией рыночных отношений. В отличие от обществ с «твердым» культурным ядром, которые осознают свое место в наличной социальной структуре, плавающее общество порождает текучий страх (*liquid fear*) [6]. Источник и направленность этого страха неясны. В таких условиях общество начинает искать более или

менее определенного врага и предпринимает попытки вернуться в стабильное прошлое, отсюда — резкий рост правого популизма по всему миру. Эта социальная наивность оказывается оправданной, потому что истоки и рычаги страха идентифицировать невозможно. Индивидуумы ощущают хрупкость личного положения, общества, хрупкость обстановки в своей стране и во всем мире в целом.

Популизм проявляется, во-первых, в недоверии элитам, а во-вторых, в кризисе нормативной составляющей общественной системы. Людям кажется, что при трансформации способа мышления и нормативной системы они приобретут новое качество жизни. В-третьих, проявлением популизма является идея нового мира, которая привлекает в ИГИЛ (запрещена в России) множество сторонников. Идея нового мира как альтернативы существующему несправедливому порядку всегда была сильной идеологией, которой сложно противостоять. Все эти разные проявления популизма объединяет то, что они отрицают рациональные способы поведения и отвергают объективность наличной ситуации. Эта «мягкая» революция уже началась. Во многих странах мира популизм (левый и правый, религиозный и секулярный) проявляется в разных формах: ИГИЛ, брексит, победа Д. Трампа и социальный бунт против вашингтонских элит, во Франции — исламофобия, в Польше — возврат к крайне традиционалистскому обществу. Таким образом, популизм во всем его многообразии — единственная идеология, которая адекватно отвечает на вызов страха. Потому что в условиях страха популизм предлагает уничтожить все то, что страшит в современном мире, и вернуться к «золотому веку» в прошлом, корням, истокам, простым мыслям и рецептам.

Есть ли альтернатива?

Нет модели, есть процесс

Безусловно, глобальные процессы будут продолжаться, но уже в русле интернационализации. Общественные социальные сети, движение информации и капиталов вне национальных границ будет увеличиваться. В то же время глобализация пойдет по пути регионализации, а попытка удержать определенные рычаги силы будет действовать на региональном уровне. Примеры данной тенденции — региональные проекты «Один пояс и один путь», Евразийский экономический союз, НАТО, дискуссия между США и ЕС об общем рынке в формате трансатлантического партнерства. Регионализация приведет ко вторичному расслоению международных отношений.

Какова же модель будущего социально-экономического порядка? Такой модели нет, но есть процесс. Это видно на примере успешного развития Китая, где не существует определенной экономической модели, а есть процесс, сочетающий государственный контроль и неолиберальный рынок. Сочетание экономического либерализма и жесткого госуправления в политической сфере стало основой успеха Юго-Восточной Азии. Следует верить не только Кейнсу или Фридману, но и Кейнсу, и Фридману, и национальной основе, которая отражает политическую и историческую культуру

туру данного общества. Таким образом, в перспективе успешное развитие возможно только для тех обществ, которые сохраняют силу, политическую субъектность и государственную управляемость, остальные обречены на еще большие трудности. Границы раскола будут проходить не по привычной линии глобального Запада и глобального не-Запада, а по другим основаниям. Новые региональные группировки будут формулировать новые правила игры, и в данном смысле это означает конец глобализации. Глобализация, которая привела к унификации норм, достигла своего предела — грядет новое расслоение мира, в том числе и по нормативному основанию. Примером может стать различие подходов (в языке, целях, задачах, способах их реализации) Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, с одной стороны, и МФВ и Всемирного банка — с другой. В перспективе существует определенная надежда, что региональные блоки и их нормативные проекты обусловят возникновение конкуренции, которая даст глобализации новый толчок и бурное развитие через несколько десятилетий (если сослаться на И. Валлерстайна). До этого мир будет жить в условиях неопределенности и текучей современности.

Исходя из сказанного, можно утверждать важность институтов, которые обеспечивают сильное государство. Это означает потерю определенного уровня свободы. Данный процесс (не модель) развития закладывает ограничение демократических свобод, носит глобальный характер, так как во всем мире ценности свободы вступают в противоречие с широко понимаемыми ценностями безопасности.

Россия: двадцать лет в условиях анонии и глобальной неопределенности

Описываемые процессы осмыслиются социальными философами на Западе как новые, в то же время российское общество уже три десятилетия живет в условиях не до конца сформировавшейся идентичности, личной и общественной нестабильности, низкого уровня межличностного доверия и недоверия к институтам, а также ценностной анонии. В этом смысле россияне и жители постсоветского пространства имеют конкурентное преимущество, выработав определенные стратегии выживания. Если с экономической точки зрения локус силы в России сдвинулся, то военно-политиче-

ская мощь, амбиции регионального лидера и политическая субъектность, свобода от внешних стандартов рациональности позволяют России претендовать на место среди стран, которые окажутся в роли локомотивов региональных блоков и авторов альтернативной нормативной системы. России важно успеть преодолеть имеющую место текучесть, не впасть в радикализм и популизм, выступить с инициативами, которые могут быть применены во всем евразийском макрорегионе, и эффективно конкурировать в «гонке интеграций» с растущим Китаем и слабеющим Евросоюзом.

Литература

1. Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века / И. Валлерстайн. — М. : Логос, 2004.
2. Дуткевич П. Рынок, модернизация и демократия. Размышления о межцивилизационных отношениях / П. Дуткевич [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2012_Sbornik/2012_Dokladi/2012_plen/021_2012_plen.pdf
3. Казаринова Д. Ценностно-политические проекты и геополитическая субъектность в современном мире / Д. Казаринова // Поиск. Альтернативы. Выбор. — 2016. — № 2. — С. 182–189.
4. Пономарева Е. Суверенитет в условиях глобализации / Е. Пономарева // Свободная мысль. — 2007. — № 11. — С. 101.
5. Bauman Z. 44 Letters from the Liquid Modern World / Z. Bauman. — Cambridge : Polity, 2005.
6. Bauman Z. Liquid Fear / Z. Bauman. — Cambridge : Polity, 2006.
7. Bauman Z. Liquid Times: Living in an Age of Uncertainty / Z. Bauman. — Cambridge : Polity, 2006.
8. Friedman M. A Theory of the Consumption Function / M. Friedman. — N. Y., 1957.
9. Friedman M. Capitalism and Freedom / M. Friedman. — N. Y., 1962.
10. Krastev I. In Mistrust We Trust: Can Democracy Survive When We Don't Trust Our Leaders? / I. Krastev // TED. — 2013. — Jan. — 3 Books.
11. Mann M. The Sources of Social Power / M. Mann. — Cambridge : Cambridge University Press, 1993. — Vol. 2 : The Rise of Classes and Nation States, 1760–1914.
12. Naim M. The End of Power: From Boardrooms to Battlefields and Churches to States, Why Being In Charge Isn't What It Used to Be / M. Naim. — N. Y. : Basic Books, 2013.
13. Nitzan J. Capital as Power. A Study of Order and Creorder / J. Nitzan, S. Bichler. — L. : Routledge, 2009.
14. Rodrik D. The Globalization Paradox / D. Rodrik. — N. Y. : Norton & Company, Inc., 2011.

А. С. Запесоцкий¹,
Е. Ф. Чеберко²

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО КРИЗИСА

Капитализм, социализм, современная экономика

Как уже отмечалось на Лихачевских чтениях, преобразования в мировом общественно-экономическом устройстве являются назревшей необходимостью.

Академик О. Т. Богомолов писал в связи с этим: «К сожалению, развитие в мировом сообществе научной и политической мысли, как и общественного сознания, явно не поспевает в осмыслении сути и особенностей происходящих перемен. Господствующая в мире идеология, политическая практика и мораль дискредитируют себя. Тем острее ощущается потребность в нахождении новых моделей государственного и экономического устройства, а также глобального миропорядка, которые были бы адекватны вызовам происходящего «макросдвига». Не случайно Форум 2014 года в Давосе проходил под девизом «Переустройство мира: последствия для общества, политики и бизнеса». Проведенные обсуждения показали, насколько важно, чтобы в новых моделях находили надлежащее место не только принципиальные улучшения рыночных и управленческих механизмов, но и гуманитарные и демократи-

ческие ценности, стремление людей к миру, согласию и социальной справедливости»³.

Выступая на XV Международных Лихачевских научных чтениях, член-корреспондент РАН Р. Гринберг отметил: «Так или иначе мы знаем одно, что являемся свидетелями смерти двух великих утопий — утопии коллективного плана и утопии свободного рынка»⁴.

Жесткое политическое противостояние двух мировых систем до недавнего времени заставляло их апологетов пытаться доказать, что может быть жизнеспособна экономика, в которой господствует либо исключительно плановая, либо исключительно рыночная система. Сущностные характеристики этих моделей противопоставлялись как взаимоисключающие друг друга и невозможные в одной экономической системе.

Капиталистическая и социалистическая экономические системы рассматривались как полные противоположности друг друга по четырем ключевым позициям: форме собственности на средства производства, движущим силам экономики, мотивации производителя, роли государства в экономике.

Не оспаривая объективность экономических законов, следует не забывать, что они, в отличие от естественных законов природы, относятся к поведению людей, преломляются через их сознание и подвержены влиянию социально-культурных факторов.

Эффективность тех или иных форм и механизмов организации экономической деятельности в существенной, если не в решающей степени определяется социально-культурным контекстом их реализации.

Особый вопрос — понятие эффективности. То, что эффективно для одних социальных слоев, может быть неэффективно для других, а то и для всей национальной экономики, проигрывающей другим в глобальной конкуренции.

Как известно, сегодня апологетом либеральных идей является самая мощная страна — США. Считается, что эти идеи обеспечивают этой стране мировое доминирование. Американцы создали и поддерживают миф о приверженности рыночной экономике. В реальности же имеют в существенной степени плановую экономику. Уровень плановости в США, самой, как считается, «либеральной» рыночной экономике, сегодня выше уровня, который был в Советском Союзе. Крупнейшие американские корпорации, создающие большую часть валового национального продукта (ВВП), по масштабам своей деятельности превосходят существовавшие в СССР министерства. Все они

¹ Ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Заместитель председателя Совета ректоров Санкт-Петербурга. Председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции.

Автор свыше 2400 публикаций. Член редсоветов журналов «Философия и культура», «Вопросы культурологии», «Литературная учеба», «Философская мысль», «Партнерство цивилизаций», «Филология: научные исследования», «Педагогика и просвещение», «Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура», «LITERA», «Современное образование», «Simurg» (Азербайджан).

Награжден орденом Дружбы, медалями «За спасение утопающих», «В память 300-летия Санкт-Петербурга». Кавалер медали К. Д. Ушинского, Золотой медали Российской академии образования. Награжден Почетной грамотой Министерства культуры Республики Болгария, медалями «SIMURG» Ассоциации культуры Азербайджана и «Академик Сапаргалиев» (Казахстан).

Лауреат премий Правительства РФ (2007) и Правительства Санкт-Петербурга (2010, 2016) в области образования, Горьковской литературной премии (2007), премии им. Г. В. Плеханова РАН (2015). Почетный доктор университетов США, Ирландии, Украины и Польши. Академик Академии наук и искусств (Париж), Европейской академии наук и искусств (Зальцбург).

² Профессор кафедры экономики предприятия и предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета, профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук. Автор более 120 научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Теоретические основы предпринимательской деятельности (макроэкономический аспект)», «Новые тенденции в отношениях государства и предпринимательства и их роль в развитии общества» (в соавт.), «Основные направления и факторы перехода к инновационной экономике» (в соавт.), «Основы предпринимательской деятельности. История предпринимательства: учебник и практикум для академического бакалавриата»; статей «Социокультурные факторы инновационного развития» (в соавт.), «Взаимосвязь традиционных и новых институтов в процессе модернизации российской экономики» (в соавт.), «Мотивационный потенциал модернизации» (в соавт.) и др.

³ Богомолов О. Т. Мир в процессе радикальных перемен // Современные глобальные вызовы и национальные интересы : XV Междунар. Лихачевские науч. чтения, 14–15 мая 2015 г. СПб. : СПбГУП, 2015. С. 46.

⁴ Гринберг Р. С. [Дискуссия на секции «Национальные экономики в контексте глобальных вызовов»] // Современные глобальные вызовы и национальные интересы : XV Междунар. Лихачевские науч. чтения, 14–15 мая 2015 г. СПб. : СПбГУП, 2015. С. 484.

используют плановые директивные методы управления производственным процессом. Их планы воплощаются в заказах тысячам поставщиков и субподрядчиков по всему миру. На макроуровне формой директивного планирования в масштабах всей экономики США является государственный бюджет, через который проходит более 40 % создаваемого в стране валового внутреннего продукта (ВВП).

Стремление большинства советских экономистов жестко утверждать, что планомерность не просто предпочтительнее рыночной системы, а и вовсе не совместима с товарно-денежными отношениями, привело, как известно, к серьезным негативным последствиям.

Американцы, наоборот, не отказывались заимствовать у СССР любой значимый опыт. И хотя, возможно, из идеологических соображений отвергли внесенный в Конгресс США законопроект сенатора Хамфри и лауреата Нобелевской премии Василия Леонтьева о введении народно-хозяйственного планирования, эффективно используют на практике такой метод государственного регулирования, как целевые программы. В результате к концу XX века победу одержала та система, в которой прагматические соображения взяли верх над апологетическими, и соотношение планомерности и рыночной стихии оказалось ближе к оптимальным пропорциям.

Поражение в холодной войне и распад СССР привели на короткое время к затуханию дискуссии об экономическом устройстве мира. Между тем противоречия, присущие капиталистической системе, никуда не исчезли, а со временем обострились до степени очевидного кризиса. Настолько остро, что возникла дискуссия об историческом ресурсе этого способа производства.

Опровергая мнение о его исчерпанности, бывший президент Франции Н. Саркози, выступая на Всемирном экономическом форуме в Давосе, заявил: «Кризис, который мы переживаем, — не кризис капитализма. Это кризис неестественного капитализма — кризис, связанный с потерей ценностей, которые всегда были основой капитализма. Капитализм всегда был неразрывно связан с системой ценностей, понятием цивилизации, идеей человечества. Чисто финансовый капитализм — это искажение, и мы видели, какими рисками он оборачивается для мировой экономики. Но антикапитализм — это тупик, что еще хуже. Мы можем спасти капитализм путем его восстановления, путем восстановления нравственного аспекта»¹.

Однако многие считают, что существующая сегодня капиталистическая система свои внутренние резервы развития уже исчерпала и упомянутый Саркози «чисто финансовый капитализм» — совсем не искажение, а закономерная деградация этого способа производства. Восстанавливать же нравственные аспекты прошлого — идея не новая, но никому это до сих пор не удавалось сделать. И не удастся.

К примеру, о бесплодности попыток изменить природу капитализма «вставлением» в него каких-то эти-

ческих норм говорит В. Зомбарт: «Кто держится того мнения, что великан-капитализм разрушает природу и людей, будет надеяться, что его скуют и вновь вернуть его к разуму этическими убеждениями. Мне кажется, что подобные попытки потерпят жалкий крах. Он, разорвавший железные цепи древнейших религий, без сомнения, не даст себя связать шелковыми нитями веймарско-кенигсбергского учения о мудрости».

Вместе с тем ученый считает, что капитализм, стойкий к ударам извне, имеет в самой своей природе источник саморазрушения: «Но будет ли его безумство продолжаться вечно? Не устанет ли он в беге? Я думаю, что так будет. Я думаю, что в природе самого капиталистического духа заложена тенденция, стремящаяся разлагать и убивать его изнутри»².

Видимо, вопрос о природе кризиса современного капитализма и путях выхода из него в ближайшее время будет находиться в фокусе внимания теоретиков и практиков экономических отношений.

Развитие предпринимательства и декоммерциализация: встречные тенденции эволюции современной экономики

Сегодня речь идет не только об изменении роли рыночных и плановых механизмов функционирования экономики, но и об изменении их существенных характеристик и форм взаимодействия. В капиталистической экономике происходят изменения, которые называют процессом декоммерциализации³. В мировой экономике все более заметна тенденция ее расщепления на две части: некоммерческую деятельность, имеющую экономический характер, и бизнес как процесс извлечения прибыли. Граница между ними не всегда может быть однозначно демаркирована, однако она, как правило, отчетливо ощущается самими участниками этих процессов. Подобно тому, как в начале прошлого века в западных странах произошло отделение собственности от управления, в начале нынешнего века усиливается отделение бизнеса от остальной части экономики.

Разумеется, некоммерческий сектор экономики составляет бюджетные расходы государств на социальное обеспечение, науку, образование, здравоохранение, обеспечение правопорядка и т. д. И эта часть экономики в развивающихся странах быстро растет. Отметим и такой круг явлений, как благотворительность, волонтерство, краудсорсинг, защиту экологии флоры и фауны, борьбу за политкорректность и целый ряд других видов деятельности, не направленных на извлечение выгоды для ее участников. По некоторым оценкам, некоммерческая деятельность в развитых странах занимает около половины активного времени индивидов.

² Зомбарт В. Буржуа. Евреи и хозяйственная жизнь. М.: Айрис Пресс, 2004. С. 354–355.

³ Клейнер Г. Декоммерциализация экономики как культурный проект на пути к созданию культурологической теории экономики // Гуманитарий юга России. 2015. № 2; *Он же*. Парадигма декоммерциализации: глобальные императивы и национальные интересы // Современные глобальные вызовы и национальные интересы: XV Междунар. Лихачевские науч. чтения, 14–15 мая 2015 г. СПб.: СПбГУП, 2015.

¹ Глобальная конкурентоспособность 2009–2010 гг. // Материалы Всемирного экономического форума. Давос, 17–20 января 2010 г. М.: НИИ СП, 2010.

Расширяется и углубляется некоммерческая деятельность множества международных организаций политического, культурно-просветительского и здравоохранительного направления, включая ООН, ЮНЕСКО, ЮНИСЕФ и т. д.

В теоретическом плане укрепляется совокупность концепций, обосновывающих отказ от расширения и углубления рыночных принципов хозяйствования в пользу более полного учета принципов справедливости, нравственного долга перед обществом, заботы о человеке. Совокупность этих концепций уже называют парадигмой декоммерциализации¹.

Встречной по отношению к декоммерциализации является тенденция проникновения предпринимательства в культуру, образование, спорт, науку, политику. Здесь также происходят серьезные перемены.

Интересна в связи с этим ситуация, подмеченная канадским ученым П. Дуткевичем: «Чтобы рыночная система функционировала, все, что может быть превращено в товар, должно быть превращено в товар с учетом его стоимости, устанавливаемой рынком посредством сделок. Все продается и все покупается — свободный рынок полностью преобразил общество: теперь уже не экономика является «неотъемлемой частью» прочих общественных связей, а общественные связи становятся неотъемлемой частью экономической системы. Глобализация или, скорее, интернационализация (до мирового размаха) увеличила масштабы и глубину этого процесса; по своей сути глобализация — это превращение общественных отношений в товар в масштабах всего мира»².

Описана тенденция, обратная декоммерциализации. Но кому нужен мир, в котором все отношения приобретают товарную форму: дружба, любовь, свободное творчество, отношения между родителями и детьми?..

Коммерциализация демократических институтов общества сводит на нет конкуренцию как важнейший элемент, обеспечивающий эффективное функционирование рынка, и расширяет наши представления о коррумпции.

Крупные корпорации во всем мире все чаще получают прибыль как абсолютную ренту, реализуя свое положение политического и экономического господства. Сегодня появилось множество способов увеличения прибыли, не удовлетворяя потребности общества. Широкое распространение получили финансовые спекуляции. Деньги наряду с обеспечением нужд производства превратились в самостоятельное средство производства, минуя товарообмен. Такой капитализм не может быть эффективным.

Расширение сферы предпринимательства и декоммерциализация как встречные тенденции экономической жизни имеют глубокие исторические корни.

Здесь можно вспомнить, что еще Аристотель делил человеческую деятельность на естественную, связанную с созданием жизненных благ, и на деятельность, направленную на приобретение денежного богатства.

¹ Клейнер Г. Указ. соч.

² Дуткевич П. Рынок, модернизация и демократия. Размышления о межкультурных отношениях // Диалог культур в условиях глобализации : XII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 17–18 мая 2012 г. СПб. : СПбГУП, 2012. Т. 1 : Доклады. С. 84.

Науку о создании первого вида богатства он назвал экономикой, а второго — хрематистикой.

Й. Шумпетер отмечал «противоположность двух типов поведения, которую мы можем себе представить в виде антитезы двух типов хозяйственных субъектов: «просто хозяева» и «предприниматели»³. Об этом он пишет, не давая нравственных характеристик. Зато у Зомбарта мы находим оценку перемен в хозяйственной этике капитализма. В. Зомбарт различал «буржуа старого стиля» и «высококапиталистический дух» современного ему западного общества. Первый, по его мнению, еще не относится к богатству как к самоцели. Он уважает только то богатство, которое нажито честным путем. В деловых отношениях еще действуют моральные ограничения, вытекающие из существующего понимания порядочности. Высококапиталистический дух характеризуется принципиальной сменой ценностных предпочтений. Здесь предпринимателем руководят «две абстракции: нажива и дело»⁴. Все прочие ценности фактически оказываются отодвинутыми в сторону.

Можно констатировать, что дисбаланс между предпринимательством и декоммерциализацией экономической деятельности несет разрушительные последствия, о чем убедительно свидетельствует российский опыт. В советское время была предпринята попытка полностью отказаться от ведения хозяйственной деятельности в предпринимательской форме. Осознав бесперспективность этого пути, наша страна вошла в другой, не менее ошибочный эксперимент, когда в ходе либеральных реформ была предпринята попытка решить все проблемы развития экономики на основе исключительно предпринимательской модели.

Современная конвергенция

Обсуждая вопрос об эффективном соотношении рынка и планомерности, многие специалисты обращаются к теории конвергенции. Среди ее сторонников были такие выдающиеся ученые, как П. Сорокин, Дж. Гэлбрейт⁵.

Сегодня особое внимание привлекает в связи с этим Китай. Современная китайская модель демонстрирует высокую эффективность, и многие государства, перед которыми стоят проблемы трансформации экономической системы, склонны подражать Китаю. Характерно, что Стефан Халпер назвал свою работу «Пекинский консенсус: как китайская авторитарная модель может стать доминирующей в XXI веке»⁶. Халпер называет китайскую систему авторитарной, а российские ученые — конвергентной⁷.

Академик Богомолов в связи с этим отмечает: «Многие государства от Латинской Америки до Сред-

³ Шумпетер Й. Теория экономического развития. М. : Прогресс, 1982. С. 177–178.

⁴ Зомбарт В. Указ. соч. С. 131.

⁵ Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени : пер. с англ. М. : Наука, 1997 ; Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество : пер. с англ. М. : АСТ: Транзиткнига ; СПб. : Terra Fantastica, 2004.

⁶ Halper S. The Beijing Consensus: how China's Authoritarian Model Will Dominate the Twenty-First Century. N. Y. : Basic Book, 2010.

⁷ Цаголов Г. Великая китайская конвергенция. О новой книге Э. П. Пивоваровой «Социализм с китайской спецификой» // Вопросы экономики. 2011. № 11.

него Востока склонны подражать Китаю. Китай действительно ведет поиск модели постреформенного развития, называя ее социалистическим гармоничным обществом. И эта модель призвана сочетать цивилизованные рыночные отношения с социальной справедливостью и регулирующей ролью государства. Европейцы, особенно скандинавы, практикуют то, что называют моделью государства благосостояния, а в Германии — социально ориентированной рыночной экономикой. Эти новые модели в Европе уже прижились и во многом оправдали себя»¹.

Изменились взгляды на сущность конвергенции: «Это не сближение капитализма с подмоченной репутацией и якобы провалившегося социализма, потому что и капитализм не вечен и далеко не безгрешен, и социализма «в натуре» вовсе не существовало. Конвергенция в наше время видится в постоянном сближении и начинающемся взаимопроникновении частнопредпринимательской и плановой экономики, с взаимобогащением и отмиранием ненужных элементов»².

Новый подход заключается в том, что вместо противопоставления двух антагонистических систем рассматривается институциональное многообразие хозяйственных моделей. Творчески заимствуя друг у друга какие-то институты и трансформируя их, строится целостная модель хозяйствования.

Видимо, принцип альтернативности себя исчерпал. Не случайно академик В. С. Степин считает, что одной из главных причин провала российских реформ 1990-х годов было противопоставление рынка и государственного регулирования экономики³.

В ближайшее время с большой вероятностью следует ожидать конкуренции различных конфигураций построения конвергентной экономики, основанных на различном национально-культурном историческом опыте. Видимо, в такой конкуренции и будет преодолен современный кризис развития капитализма. Если, конечно, он вообще будет преодолен.

Литература

1. Богомолов О. Т. Диалог культур сближает и обогащает народы / О. Т. Богомолов // Диалог культур: ценности, смыслы, коммуникации : XIII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 16–17 мая 2013 г. — СПб. : СПбГУП, 2013. — С. 31–36.
2. Богомолов О. Т. Мир в процессе радикальных перемен / О. Т. Богомолов // Современные глобальные вызовы и национальные интересы : XV Междунар. Лихачевские науч. чтения, 14–15 мая 2015 г. — СПб. : СПбГУП, 2015. — С. 45–51.
3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер // Избранные произведения. — М. : Прогресс, 1990. — С. 600–624.
4. Глобальная конкурентоспособность 2009–2010 гг. // Материалы Всемирного экономического форума. Давос, 17–20 января 2010 г. — М. : НИИ СП, 2010.

¹ Богомолов О. Т. Диалог культур сближает и обогащает народы // Диалог культур: ценности, смыслы, коммуникации : XIII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 16–17 мая 2013 г. СПб. : СПбГУП, 2013. С. 32.

² Дейкин А. И. Обама спасает капитализм // США–Канада. Экономика, политика, культура. 2011. № 4.

³ Степин В. С. Российская ментальность и рыночные реформы // Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. Научные записки и очерки. М. : Ин-т эконом. стратегий, 2008. С. 147.

5. Гринберг Р. С. [Дискуссия на секции «Национальные экономики в контексте глобальных вызовов»] // Современные глобальные вызовы и национальные интересы : XV Междунар. Лихачевские науч. чтения, 14–15 мая 2015 г. — СПб. : СПбГУП, 2015.

6. Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество : пер. с англ. / Дж. К. Гэлбрейт. — М. : АСТ: Транзиткнига; СПб. : Terra Fantastica, 2004. — 602 с.

7. Дейкин А. И. Обама спасает капитализм / А. И. Дейкин // США–Канада. Экономика, политика, культура. — 2011. — № 4. — С. 93–109.

8. Дуткевич П. Рынок, модернизация и демократия. Размышления о междивизиональных отношениях / П. Дуткевич // Диалог культур в условиях глобализации : XII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 17–18 мая 2012 г. — СПб. : СПбГУП, 2012. — Т. 1 : Доклады. — С. 81–87.

9. Запесоцкий А. С. В чем заключается ущербность современного российского капитализма / А. С. Запесоцкий // Диалог культур в условиях глобализации : XII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 17–18 мая 2012 г. — СПб. : СПбГУП, 2012. — Т. 1 : Доклады. — С. 417–419.

10. Зомбарт В. Буржуа. Евреи и хозяйственная жизнь : этюды по истории духовного развития современного экономического человека / В. Зомбарт. — М. : Айрис Пресс, 2004.

11. Клейнер В. Корпоративное управление и эффективность деятельности компании (на примере ОАО «Газпром») / В. Клейнер // Вопросы экономики. — 2006. — № 3. — С. 86–103.

12. Клейнер Г. Б. Декоммерциализация экономики как культурный проект (на пути к созданию культурологической теории экономики) / Г. Б. Клейнер // Гуманитарий Юга России. — 2015. — № 2. — С. 140–146.

13. Клейнер Г. Б. Парадигма декоммерциализации: глобальные императивы и национальные интересы / Г. Б. Клейнер // Современные глобальные вызовы и национальные интересы : XV Междунар. Лихачевские науч. чтения, 14–15 мая 2015 г. — СПб. : СПбГУП, 2015. — С. 103–106.

14. Маркс К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. — М. : Л. : Гос. изд-во, 1936. — Т. 16, ч. 2 : Статьи и корреспонденции: 1890–1895.

15. Мацукато М. Инновационное государство / М. Мацукато [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://ni.globalaffairs.ru/innovatsionnoe-gosudarstvo/>

16. Новости ТЭК. — СПб., 2001. — № 1.

17. Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени : пер. с англ. / П. А. Сорокин. — Москва : Наука, 1997.

18. Степин В. С. Российская ментальность и рыночные реформы / В. С. Степин // Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. Научные записки и очерки. — М. : Ин-т эконом. стратегий, 2008. — С. 143–166.

19. Супян В. Б. Послекризисное развитие экономики США: новые вызовы / В. Б. Супян // США–Канада. Экономика, политика, культура. — 2011. — № 5. — С. 3–16.

20. Фитуни Л. Закономерности формирования и смены моделей мирового экономического развития / Л. Фитуни, И. Абрамова // Мировая экономика и международные отношения. — 2012. — № 7. — С. 3–15.

21. Цаголов Г. Великая китайская конвергенция (О новой книге Э. П. Пивоваровой «Социализм с китайской спецификой») / Г. Цаголов // Вопросы экономики. — 2011. — № 11.

22. Шумпетер Й. Теория экономического развития / Й. Шумпетер. — М. : Прогресс, 1982.

23. Halper S. The Beijing Consensus: how China's Authoritarian Model Will Dominate the Twenty-First Century / S. Halper. — N. Y. : Basic Book, 2010.

24. Mason P. The end of capitalism has begun / P. Mason [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://www.theguardian.com/books/2015/jul/17/postcapitalism-end-of-capitalism-begun>

25. Sen A. Totally radical: from transformative research to transformative innovation / A. Sen // Science and Public Policy. — Guildford, 2014. — Vol. 41, № 3. — P. 344–358.

Ю. П. Зинченко¹

ПСИХОЛОГИЯ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ РЕСУРС СОВАЛАДАНИЯ С НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬЮ БУДУЩЕГО

Начало нового века актуализировало проблемы, связанные с бурным развитием цифрового общества, глобализацией медиасферы, благодаря которой осуществляется всемирный обмен информацией. Возрастает влияние личности человека и его поступков на формирование актуального образа будущего, неопределенность которого становится все более очевидной. На пороге новой цивилизации человечество столкнулось со старым экзистенциальным выбором: «быть или не быть?» (В. Шекспир), «быть или иметь?» (Э. Фромм), и если все же быть, то по какому сценарию?

Один из сценариев предполагает принцип «жить сегодняшним днем», сиюминутными интересами и краткосрочными целями. В этом случае общество строится для получения максимального удовольствия и разнообразного неконтролируемого потребления, предполагающего борьбу за овладение максимальными ресурсами планеты.

Другой сценарий жизни — ради позитивного образа будущего — предполагает формы саморазвития социальных сообществ в гармонии с природой и другими людьми, в атмосфере уважения и согласованности интересов на основе нравственно-этических принципов.

Третий сценарий включает идею изоляционизма и сохранение древних традиций в дистанцировании от других социальных общностей на уровне частной жизни. При этом предполагается освоение современных типов коммуникаций.

Создание психического образа будущего в картине мира человека является механизмом ориентации человека в бытийном мире, и овладение неопределенностью бытия осуществляется через создание иерархии смыслов, информационный обмен и коммуникацию с себе подобными.

В. Франкл указывает на то, что духовность, свобода и ответственность являются основными ценностями человеческого существования. Он также пишет: «Человеческая свобода — это конечная свобода. Человек не свободен от условий. Но он свободен занять пози-

цию по отношению к ним. Условия не обуславливают его полностью. От него — в пределах его ограничений — зависит, сдастся ли он, уступит ли он условиям. Он может также подняться над ними и таким образом открыться и войти в человеческое измерение»².

И в этом смысле слова человек сам творит свое будущее, преодолевая неопределенность последнего через самоопределение и принятие решений по поводу как простых вещей, например как часто чистить зубы, так и судьбоносных, отраженных в метафоре «витязь на распутье». Ответственность за неопределенность будущего всегда тяготила человечество, и оно создало мощный инструмент игры как способ диалога с судьбой. Если ставки высоки, если нет рациональных оснований для выбора альтернатив, человечество прибегало к ритуалу игры — одной из древнейших практик преодоления неопределенности небытия и способа заглянуть в будущее. Так, Й. Хейзинга пишет: «Состязания и представления не происходят из культуры как развлечения, а предшествуют культуре»³. Известно, что еще римляне, принимая решение о войне и мире, обязательно проводили ауспиции (гадания по птицам), древние германцы использовали ритуал метания костей, а ветхозаветные иудеи владели способностью толковать сны. В Средние века проводились ритуальные состязания отгадывания загадок, и исход поединка мог реально повлиять на судьбу целого народа. Практиковалась символическая форма разрешения военных конфликтов через определение победителя в битве представителей враждующих армий.

В настоящее время в Интернете можно без труда найти примеры консультаций с астрологами и различные формы игровых способов разрешения противоречий и проблем как частного, так и международного уровня. Масштаб игровой деятельности в Интернете огромен.

Сценарий построения образа конструктивного будущего как способа совладания с его неопределенностью рассматривается в настоящее время в психологической науке на основе методологических принципов постнеклассической рациональности (В. С. Степин). Психика человека может быть рассмотрена как самоорганизующаяся и саморазвивающаяся система, активно взаимодействующая с природной и социальной реальностями, которые, согласно Г. Хакену⁴ и И. Пригожину⁵, представляют собой нелинейные открытые процессы перехода систем от хаоса к порядку через преодоление неопределенности «детерминированно-

² Франкл В. Сказать жизни «Да!»: психолог в концлагере: пер. с нем. М.: Смысл, 2004.

³ Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М.: Издат. группа «Прогресс»: «Прогресс-Академия», 1992. С. 62.

⁴ Хакен Г. Принципы работы головного мозга: Синергетический подход к активности мозга, поведению и когнитивной деятельности. М.: Per Se, 2001.

⁵ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М.: Едиториал УРСС, 2000.

¹ Декан факультета психологии, заведующий кафедрой методологии психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, вице-президент РАО, академик РАО, доктор психологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч.: «Основы безопасности личности и общества» (в соавт.), «Эволюция понятия «симптом»», «Психология виртуальной реальности», «Психология спорта», «Этнокультурная идентичность как фактор социальной стабильности в современной России» (ред.) и др. Главный редактор журналов «Вестник Московского университета. Серия «Психология»», «Российский психологический журнал», «Национальный психологический журнал». Президент Российского психологического общества, заместитель председателя Экспертного совета ВАК РФ по педагогике и психологии. Член Президиума Международного союза психологических наук (IUPsyS) при ЮНЕСКО, член Исполкома Европейской федерации психологических ассоциаций (EFPA). Член Российского философского общества. Награжден медалями «В честь 850-летия Москвы», «За дружество во имя спасения», Золотой медалью Российской академии образования. Лауреат премии Правительства РФ в области образования.

го хаоса». Неопределенность в развитии макросистем преодолевается через сдвиг равновесия в неустойчивой системе под воздействием слабого случайного фактора, который приводит к схлопыванию множественных вероятностей развития системы и детерминированному пути развития по одному из вариантов. Постнеклассическая рациональность позволяет нам рассмотреть психологию как системный ресурс овладения человеком и человечеством различными вариантами конструирования образа будущего. Развитие своих способностей и использование новых открывающихся цивилизационных перспектив как средства саморазвития дают человеку возможность приспособиться к новой реальности и предполагать психологическую рефлексию индивидуальных стилей адаптации людей к новым технологиям и условиям.

Постиндустриальный тип цивилизации предъявляет принципиально иные требования к способностям и резервам человека как на уровне физического здоровья, так и на уровне психологических качеств и способов коммуникации. Стратегии совладания с неопределенностью будущего различны. Они зависят как от валентности прогноза (оптимистичный или пессимистичный), так и от степени активности и конструктивности человека в овладении средствами преодоления вызовов новой реальности.

Если прогноз пессимистичный и человек не готов справиться с трудностями, то формируется стратегия регрессии. Это проявляется в агрессивности против любых нововведений, в зависимостях различного рода (от алкогольной до игровой), в избегании принятия решений в проблемных ситуациях, в отрицании всего непохожего и непривычного как неприемлемого, в защитных формах поведения (уход в болезнь, трудоголизм) и отказе от любых обязанностей и ответственности за будущее.

Если прогноз по отношению к будущему пессимистичный, но человек занимает активную позицию, то формируется установка на адаптивность, которая проявляется в готовности к совместной деятельности по анализу проблем, в конструктивности и критичности в оценке реальных ситуаций, в опоре на экспертное мнение и креативности в поиске адекватных способов совладания с негативным прогнозом развития общества.

В случае оптимистичного прогноза по отношению к будущему и пассивной позиции как у элит, так и у рядовых людей наблюдается установка на потребительское поведение, нежелание работать над собой и повышать компетентность в новых видах знаний и умений, бездумное использование ресурсов, расточительность, эйфория, инфантильность, стремление к комфорту и сиюминутным удовольствиям, имитация деятельности, фиктивные результаты и манипулятивная коммуникация.

При активной позиции в случае оптимистичного образа будущего у человека проявляется установка на саморазвитие и актуализацию собственных ресурсов, расширение возможностей через овладение новыми технологиями и навыками, ассимиляцию новшеств в привычную деятельность.

Трудность заключается в том, что современные информационные потоки не содержат явных маркеров истинности информации, поэтому человеку необходимо развивать специальные навыки по проверке надежности и достоверности информации. Создание обучающего интеллектуального пространства по психологии открывает технологическую возможность порождать множественность индивидуальных адаптивных стратегий по овладению ресурсами будущего. Особенность психологических знаний такова, что формирование психологической культуры у человека способно стимулировать личностный рост и актуализировать скрытые интеллектуальные ресурсы.

Современная психология обладает разнообразными методическими приемами, позволяющими эффективно формировать психологическую культуру: личностно ориентированные принципы обучения, приемы активизации рефлексии, моделирование коллективных способов совладания с кризисными трудными ситуациями; методическими приемами развития креативности, методами психодиагностики. Все это способствует личностному росту человека и актуализирует установку на саморазвитие.

Активное адаптивное отношение человека к неопределенности будущего предполагает наличие у него осознанного отношения к своим возможностям по работе с плотными информационными потоками современной цивилизации, открытости новому опыту, стрессоустойчивости, коммуникативной компетентности, умения работать в коллективе, способности к рефлексии, гуманистической направленности ценностно-смысловой сферы личности. Важнейшей функцией психологической культуры является формирование у человека способности освоить логику саморазвивающихся систем, которая предполагает «расширение смыслов категории причинности, в первую очередь связанных с представлениями о превращении возможности в действительность и о целевой причинности. Целевая причинность вводит новые смыслы в понимание вероятностных процессов и вероятностной причинности. В ходе развития меняется мера вероятности события. То, что представлялось маловероятным в начальном состоянии развития, может стать более вероятным при формировании новых уровней организации. В связи с изменением характера причинных связей приобретает новый смысл понятие циклической причинности»¹.

Категориальная матрица понимания и осмысления саморазвивающихся систем очерчивает пути синтеза достижений естественных, технических и социально-гуманитарных наук в рамках рассмотрения общенаучной картины мира с учетом возникновения в них новых направлений, подходов и течений. Создание системы дополнительного образования по формированию психологической культуры у различных слоев населения позволит существенно поднять уровень психологической защищенности человека от деструктивных форм влияния современных информационных технологий,

¹ Зинченко Ю. П. Методологические проблемы фундаментальных и прикладных психологических исследований // Национальный психологический журнал. 2011. № 1 (5). С. 47–48.

стимулировать развитие когнитивных способностей и социального интеллекта, адекватно строить ментальный образ кризисных ситуаций, проводить диагно-

стику собственных ресурсов разрешения конфликтов и умения выстраивать конструктивный диалог с представителями других культур.

Валур Ингимундарсон¹

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ США И РОССИЕЙ. РЕКОНФИГУРАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО В НАСТОЯЩЕМ

Смена парадигм и радикальные исторические сдвиги не обязательно подразумевают полное изменение содержания, чаще они представляют собой реорганизацию существующих элементов. При этом второстепенные характеристики предшествующего периода могут стать доминирующими, а преобладающие черты, напротив, отойти на второй план. Наглядным примером служат тенденции, проявленные в отношениях между США и СССР с 1970-х годов, периода разрядки международной напряженности, до первой половины 1980-х годов, для которой была характерна конфронтационная политика. Эти тенденции не отодвинули на задний план возобновление враждебных отношений между Востоком и Западом и не привели к окончанию холодной войны. И тем не менее даже в конфронтационном геополитическом климате влиятельные лица продолжали поддерживать политику ослабления напряженности. Более того, как подчеркивает историк Людмила Йорданова, наследуемые элементы предшествующих периодов (например, эпоха холодной войны) отягощены концептуальным, дискурсивным и эпистемологическим «багажом». Это наследие не только имеет историческую природу, но и характеризуется направленностью на настоящее, включает в себе не критические, естественные допущения и толкования в отношении обоих периодов². Таким образом, выход за устаревшие рамки толкования часто требует кардинальной переоценки событий прошлого.

Различные дискурсы периода холодной войны все еще оказывают влияние на современные геополитические реалии³. Несмотря на временной разрыв, в них

обнаруживаются следы прошлого, тесно связанные с настоящим. Отношения между США и Россией характеризуются временной неопределенностью, в условиях которой факторы изменяются и могут действовать в обоих направлениях. Когда начался политический кризис на Украине, в мире вновь актуализировались метафоры периода холодной войны, пронизанные, по терминологии Карла Шмитта, дихотомией «друг-враг»⁴. На уровне риторики исторические антизападные и антироссийские дискурсы начали перефразироваться и использоваться в различных вариациях. Очевидно, идеологический раскол не был обусловлен противоборством между коммунизмом и капитализмом. Скорее он напомнил о прошлых столкновениях систем ценностей, когда друг другу, помимо прочего, были противопоставлены, с одной стороны, характерные для России национализм и социальный консерватизм, а также евразийское видение идентичности, а с другой — демократический либерализм и мультикультурализм Запада. В это время на Западе в связи с ростом влияния популизма и ультранационалистической политики исключения были поставлены под сомнение существующие политические уклады.

Еще одной причиной подрыва доверия стали различия в восприятии расстановки сил, связанные с учетом последствий холодной войны. С одной стороны, Соединенные Штаты Америки не отказались от желания сохранить за собой роль мирового лидера. С другой стороны, Россия вновь поставила перед собой цель, которую преследовала во время холодной войны, — добиться стратегического равенства с США, даже используя несоизмеримые политические и военные сред-

¹ Профессор современной истории факультета истории и философии Университета Исландии (Рейкьявик), председатель правления Научно-инновационного центра EDDA, научный сотрудник Королевского Объединенного института оборонных исследований в Лондоне, доктор философии. Автор более 50 научных публикаций, в т. ч.: «Повстанческий союзник: Исландия, США и имперская политика. 1945–2006», «Геополитика арктических природных ресурсов», «Топография глобализации: политика, культура, язык», «Культуры холодной войны: перспективы западно- и восточноевропейских стран», «Арктическая безопасность в эпоху климатических изменений», «Холодная война и северные страны», «НАТО: первые пятьдесят лет», «Исландский финансовый кризис: политика обвинения, протеста и реконструкции» (в соавт.) и др. Редактор научных журналов «История холодной войны», «Журнал славянских военных исследований», «Журнал полярных исследований». Лауреат литературной премии фонда Й. Сигурдссона, премии правительства Исландии за историческое исследование блока НАТО.

² Jordanova L. *History in Practice*. L.: Hodder Arnold, 2006. P. 106.

³ Об окончании холодной войны см.: Gaddis J. L. *The United States and the End of the Cold War: Implications, Reconsiderations, Provocations*. N. Y.: Oxford University Press, 1992; Gendzier I. L. *Evidence and Interpretation: Against Historical Triumphalism* //

Global Dialogue. 2001. № 3 (4). P. 33–44; *Visions of the End of the Cold War in Europe, 1945–1990* / eds. F. Bozo, M.-P. Rey. N. Y.: Berghahn Books, 2012; *Gorbachev M. Memoirs*. N. Y.: Doubleday, 1996; *Zubok V. A Failed Empire: The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2007; *Kotkin S. Armageddon Averted: The Soviet Collapse 1970–2000*. N. Y.: Oxford University Press, 2001; *Matlock J. Reagan and Gorbachev: How the Cold War Ended*. N. Y.: Random House, 2004; *Reinterpreting the End of the Cold War: Issues, Reinterpretations, Periodizations* / eds. S. Pons, F. Romero. N. Y.; L.: Routledge, 2005; *Wilson J. G. The Triumph of Improvisation: Gorbachev's Adaptability, Reagan's Engagement, and the End of the Cold War*. Ithaca: Cornell University Press, 2014; *Garthoff R. The Great Transition: American-Soviet Relations and the End of the Cold War*. Washington D. C.: The Brookings Institution, 1994; *Beschloss M., Talbot S. At the Highest Levels: The Inside Story of the End of the Cold War*. Boston; Toronto; L.: Little, Brown and Company, 1993; *Lundestad G. Imperial Overstretch, Mikhail Gorbachev, and End of the Cold War* // *Cold War History*. 2000. № 1 (1). P. 1–20; *Kramer M. The Demise of the Soviet Bloc* // *The Journal of Modern History*. 2011. № 83 (4). P. 788–854.

⁴ Schmitt C. *The Concept of the Political*. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 2007 [1932].

ства. Иными словами, образы конфликтов прошлого воскресли, ознаменовав возвращение политического конфликта¹. То есть «делка», заключенная после холодной войны, действовала недолго². Помимо культурных и политических разногласий общего характера, увеличению разрыва способствовали такие события, как расширение НАТО на восток, военное вторжение на территорию бывшей Югославии, война в Ираке, конфликт в Грузии, войны в Ливии, на Украине и в Сирии. Происходящее в Сирии, несомненно, ознаменовало возврат к характерному явлению периода холодной войны — «войне марионеток», в которой США и Россия придерживаются противоположных позиций, сходясь тем не менее во мнении о необходимости борьбы с ИГИЛ.

На вооружение был принят еще один инструмент времен холодной войны — экономическая блокада в виде санкций и контрсанкций. Кроме того, кризис на Украине повлек за собой усиление конфронтации и наращивание военной мощи в Восточной Европе, что потенциально может привести к дестабилизации обстановки в регионе. При этом Совет Безопасности ООН в определенных вопросах оказывается бессилён, как и в период холодной войны, о чем свидетельствует его беспомощность в урегулировании сирийского конфликта.

Тем не менее, перефразируя М. Бахтина, геополитический конфликт не слился целиком с великим повествованием и не стал полностью подконтролен сильным личностям³. Несмотря на ухудшение отношений между США и Россией, не произошло структурного раскола, страны сохранили механизмы сотрудничества в зонах совместных интересов. Смена власти в США заставила некоторых поверить в возможность второй, более успешной «перезагрузки» отношений России и США, даже несмотря на то что многие соратники-республиканцы и противники-демократы не согласны с пророссийской политической риторикой Дональда Трампа. Успех усилий по нормализации отношений между державами будет зависеть от доброй воли обеих сторон, поскольку каждая из них, вне всяких сомнений, столкнется с сопротивлением. Но это не означает, что параллельно с господствующими конфронтационными установками или вопреки им не могут существовать различные формы сотрудничества, как было в период холодной войны. Очевидным полем взаимодействия между Россией и США является борьба с ИГИЛ и терроризмом в целом. Еще одним способом вернуть доверие в отношениях между странами может стать разоружение. Традиционное восприятие холодной войны как масштабного столкновения, выраженного в расколе мира на два полюса — СССР и США, неизбежно ведет к преуменьшению значимости имевших место совместных усилий и многостороннего подхода.

¹ Schmitt C. Op. cit. P. 26–27.

² Cox M. Learning from history? From Soviet collapse to the new Cold War // Cold War History. 2014. № 14 (4). P. 461–485; Mandelbaum M. Mission Failure: America and the World in the Post-Cold War Era. N. Y.: Oxford University Press, 2016.

³ Bakhtin M. Problems of Dostoevsky's Poetics. Minneapolis; L.: University of Minnesota Press, 1984. P. 6–7.

В связи с этим возникает вопрос, не может ли ретроспективный взгляд на события того времени стать ключом к пониманию некоторых возможностей, заключенных в текущей геополитической ситуации. Несмотря на то что встречи лидеров США и СССР в 1980-х годах относят к последнему этапу холодной войны, эти переговоры в значительной мере способствовали сближению супердержав после долгих лет опасной напряженности в отношениях. Встречи глав государств как форма дипломатического участия, безусловно, стали положительным явлением. Они изменили политический дискурс в то время, когда громко звучали демонизирующие фразы: «Советский Союз — империя зла» или «США готовятся развязать ядерную войну». Более того, эти встречи открыли для СССР и США новые каналы взаимодействия в различных сферах, в первую очередь в культурной и научной. Впервые советские и американские обозреватели стали регулярно появляться в телевизионных программах, выходящих в эфир в обеих странах. Это был огромный шаг вперед по сравнению с началом холодной войны, когда не существовало взаимодействия на высоком уровне между сильнейшими державами мира. Не следует забывать, что с 1947 по 1955 год между главами Соединенных Штатов Америки и Советского Союза не состоялась ни одной встречи⁴.

Хотя переговоры на высшем уровне могут пройти неудачно (например, парижский саммит после уничтожения самолета-разведчика U-2 в 1960 г.), однако они могут способствовать серьезному улучшению политической обстановки (например, визит американского президента Ричарда Никсона в Китай в 1971 г.), служить площадкой для обсуждения революционных идей (саммит в Рейкьявике 1986 г.) или подписания значимых соглашений (заключение Договора о ликвидации ракет средней и малой дальности (РСМД) в Вашингтоне в 1987 г.)⁵. Согласно общепринятому мнению, переговоры в Рейкьявике в 1986 году стали грандиозным провалом, но при этом дали возможность высказать революционные идеи, в том числе о ликвидации ядерного оружия. Был ли у участников малейший шанс воплотить эти идеи в жизнь — другой вопрос.

Всех волновали фактуальные и контрфактуальные вопросы. Как объяснить перемены в отношении Рональда Рейгана к ядерному оружию? Во время первого срока президентства он выступал за масштабное на-

⁴ По мнению А. Стефансона, причиной послужило то, что США не воспринимали СССР как серьезного оппонента на международной политической арене. Администрации Трумэна и первое время Эйзенхауэра действительно не изъявляли желания встречаться с руководителями СССР. Но действовали и ответные меры, в частности установление социалистического строя в Восточной Европе (Stephanson A. The Cold War considered as an American Project // Reinterpreting the End of the Cold War: Issues, Reinterpretations, Periodizations / eds. S. Pons, F. Romero. N. Y.; L.: Routledge, 2005. P. 52–67).

⁵ The Last Superpower Summits: Gorbachev, Reagan, and Bush. Conversations that Ended the Cold War / eds. S. Savranskaya, T. S. Blanton. Budapest; N. Y.: Central European University Press, 2016; Schultz G. P. Turmoil and Triumph: My Years as Secretary of State. N. Y.: Charles Scribner's Sons, 1993; Matlock J. F. Op. cit.; Adelman K. Reagan at Reykjavik: Forty-Eight Hours that Ended the Cold War. N. Y.: HarperCollins Publishers, 2014; Nitze P., Smith A. M., Rearden S. L. From Hiroshima to Glasnost: At the Center of Decision — A Memoir. N. Y.: Grove Weidenfeld, 1989.

ращивание военной силы в мирное время, а во время второго отдавал предпочтение политике контроля над вооружением. В какой степени планы Михаила Горбачева по ограничению вооружений были продиктованы необходимостью спасти пораженную кризисом систему с помощью внутренних средств? Что произошло бы, если бы ликвидация ядерного оружия состоялась? Каким мир был бы сегодня? Скептиков, разумеется, было достаточно и тогда. Их можно было встретить не только среди сторонников жесткой политики в правительствах США и СССР, но и среди союзников Соединенных Штатов, задетых тем, что их даже не спросили, благоразумно ли обсуждать столь радикальные идеи во время саммита. По крайней мере Франция в 1986 году не высказала желаний, как и сегодня, отказать от своих сил ядерного сдерживания — так называемых «ударных сил» (*force de frappe*). Премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер считала, что бессмысленно притворяться, что уже изобретенного (например, ядерного оружия) не существует. Она была удовлетворена провалом саммита и (оставаясь верной духу антиревизионизма или склонности к перекраиванию истории — в зависимости от точки зрения) сумела практически полностью обойти эту тему в своих мемуарах¹.

Кто-то, напротив, станет превозносить прогрессивный дух отношений между США и Советским Союзом и революционные идеи, обсуждавшиеся тридцать лет назад. Однако не следует, ностальгируя, приукрашивать конец 1980-х годов. Политическая история помогает пролить свет на современные реалии, но она не дает прямых ответов или гарантированных алгоритмов решения проблем. Встречи Рейгана и Горбачева положили начало новой эпохе. Соглашения о контроле над вооружением помогли восстановить доверие между двумя странами, но невмешательство Советского Союза после политических революций 1989 года в ситуацию в Восточной Европе сыграло, пожалуй, более важную роль в прекращении холодной войны.

Конечно, вопрос о распространении ядерного оружия по-прежнему остается непростым. Он практически исчез из политической повестки дня в период получения «мирных дивидендов» по окончании холодной войны, а затем термин «ядерное оружие» стал частью сомнительного — в свете фиаско в Ираке — собирательного понятия «оружие массового уничтожения». Однако позже это понятие вновь обрело самостоятельность, о чем свидетельствуют споры вокруг иранской и корейской ядерных программ. Несмотря на то что США и Россия не находятся в состоянии полномасштабной холодной войны, они все еще не отвыкли от политики ядерного устрашения. Эта стратегия основана на теориях, разработанных «волшебниками Армагеддона» (как назвал Каплан создателей стратегий в 1940–1950-х гг.), десятилетиями выстраивавших аргументацию в защиту сохранения ядерных арсеналов².

¹ Thatcher M. *The Downing Street Years*. L. : Harper Collins, 1993.

² Kaplan F. *Wizards of Armageddon*. Palo Alto : Stanford University Press, 1983.

Таким образом, возвращение к дипломатии, основанной на встречах глав государств, может открыть новые возможности, но не является панацеей. Нельзя использовать ориентированные на прошлое проекты для установления временных тождеств. Существующее сегодня недоверие между США и Россией нельзя преодолеть при помощи простого «пробуждения» образов прошлого. В связи с этим важно не формировать новые ложные представления: прежде всего следует отказаться от толкований, в которых может проследиваться цель оживления устаревших понятий, относящихся к «супербиполярности», в современном мире, где гораздо больше полюсов влияния, чем во времена холодной войны. Любые попытки представить ситуацию таким образом возмутили бы других (старых и новых) влиятельных участников общемировых отношений, в том числе Китай. В одиночку России или США не под силу справиться с войной в Сирии, ставшей одним из самых показательных явлений нашего времени, необходимо участие других заинтересованных сторон на национальном и региональном уровнях, а ООН, как международная организация, должна взять на себя центральную роль в урегулировании конфликта.

При этом увеличение числа прямых контактов между руководителями США и России могло бы помочь в восстановлении доверия и, вероятно, формированию менее искаженного и предвзятого общественного мнения. Такое взаимодействие не обязательно привело бы к заключению еще одной «сделки», но стало бы препятствием на пути распространения антиамериканских и антироссийских настроений в правительственных структурах и СМИ. Страны могли бы проводить политику «мягкой силы» в целях реализации программ культурного и научного обмена и установления непосредственных контактов между людьми в качестве одного из способов упрочения диалога и взаимопонимания, как это делалось во второй половине 1980-х годов³.

Одна из причин, по которой в последние годы во внешней политике Российской Федерации прослеживается антизападный вектор, — создается впечатление, что России как великой державе не оказывают должного уважения и что ее международная политическая роль намеренно принижается. В свою очередь, мнение о том, что Россия проводит политику реваншизма, руководствуясь скорее принципами стратегической конкуренции, чем сотрудничества, повлияло на реакцию Запада, его внешнюю политику и политику безопасности. В накаляющейся атмосфере противостояния стороны начали вспоминать избитые фразы времен холодной войны (например, необходимость «вести переговоры с позиции силы»), вновь переводя отношения в плоскость соперничества.

Хотя война в Сирии подвергла отношения между двумя державами серьезным испытаниям, обе страны доказали, что могут работать вместе, если их интересы совпадают. Несмотря на введение санкций про-

³ Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. N. Y. : Public Affairs, 2004 ; Gallarotti G. *The Power Curse: Influence and Illusion in World Politics*. Boulder : Lynne Rienner, 2010 ; Power in World Politics / eds. F. Berenkoetter, M. J. Williams. L. : Routledge, 2007.

тив России или призывы Запада бойкотировать такие мероприятия, как Олимпийские игры в Сочи, Москва не выражает намерений выйти из состава многосторонних структур, в рамках которых она регулярно взаимодействует с представителями западных стран¹. Выход России из межправительственного соглашения об утилизации плутония в прошлом году не обязательно свидетельствует о серьезном изменении политического курса. Кроме того, во время многосторонних встреч российские и американские политические лидеры обычно находят время для двусторонней беседы. Администрации Дональда Трампа будет не просто подготовить четкий проект национальной политики в отношении России из-за антироссийских настроений в правительстве США, Конгрессе и СМИ, а также из-за необходимости доказать свою лояльность союзам, заключенным Соединенными Штатами Америки десятилетия назад. Тем не менее у страны,

судя по всему, есть политическая воля и готовность к взаимодействию. Таким образом, имеются все основания для того, чтобы отказаться от узких бинарных противопоставлений при описании современных политических реалий, поскольку у государств существуют (пусть и неопределенные) перспективы для взаимодействия, пространство для маневра и потенциал для сотрудничества.

Довольно неожиданный феномен времен холодной войны, смягчивший отношения между двумя странами, — череда успешных встреч на высшем уровне в 1980-х годах — не может быть взят на вооружение как средство решения текущих проблем в российско-американских отношениях. Тем не менее подобные исторические инструменты предотвращения конфликтов сегодня так же актуальны, как и три десятилетия назад, поскольку способствуют движению вперед, а не застою или регрессу.

В. А. Квинт²

СТАНОВЛЕНИЕ, РАЗВИТИЕ И КАТЕГОРИЗАЦИЯ ГЛОБАЛЬНОГО ФОРМИРУЮЩЕГОСЯ РЫНКА

Ключевые дефиниции

Страна с формирующимся рынком (СФР) — общество, переходящее от командной экономики к экономике, стратегически ориентированной на рыночные отношения, с растущим уровнем экономической свободы, последовательной интеграцией в глобальное рыночное пространство (ГРП) и с другими участниками ГРП, с расширяющимся средним классом, улучшением качества жизни, укрепляющейся социальной стабильностью и толерантностью, а также с развивающимся сотрудничеством с многосторонними институтами.

Глобальный формирующийся рынок (ГФР) — это новый стратегический и экономико-политический феномен на глобальном рыночном пространстве, охватывающий страны с формирующимся рынком и их региональные блоки, которые, несмотря на различия в ряде геополитических характеристик, объединяются сопоставимыми уровнями риска, зрелости инфраструктуры свободного рынка, ориентацией векторов стратегиче-

ского развития стран с формирующимся рынком в направлении экономической свободы и глобальной интеграции. ГФР мотивирует дальнейшее международное экономическое и корпоративное сотрудничество и конкуренцию.

Возникновение глобального формирующегося рынка как нового экономического, стратегического и политического феномена

Рождение ГФР не имеет точной даты. Термин «формирующийся фондовый рынок» (emerging stock market) впервые появился в финансовой литературе в конце 1970-х годов. Его первоначально описывали как биржи, собственный капитал, долги и рынок ценных бумаг за пределами экономически развитых стран³. К тому времени таких стран было уже 43 и они обладали национальными фондовыми биржами. Термин «формирующиеся фондовые рынки» в большей части относится именно к рынкам ценных бумаг этих стран. Однако вплоть до начала 1990-х годов не существовало категории, способной описать и охарактеризовать в целом зрелость национальных экономик этих стран. Тогда и стала создаваться первоначальная терминология, отражавшая туманные представления о развитии стран с формирующимся рынком (СФР), но еще не о глобальном формирующемся рынке (ГФР). Категориям и определениям таких стран недоставало фундаментальной теоретической базы, обобщающей их систематические исследования, направленные на анализ природы и особенностей стран с новыми рыночными отношениями. Несмотря на то что ГФР существует около 40 лет, первое определение ГФР и СФР было опубликовано толь-

¹ Lukyanov F. Putin's Foreign Policy: The Quest to Restore Russia's Rightful Place // Foreign Affairs. 2016. May/June. № 95. P. 30–37.

² Иностраный член РАН (США), заведующий кафедрой финансовой стратегии МГУ им. М. В. Ломоносова, заведующий кафедрой стратегии, территориального развития и качества жизни Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор экономических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 500 научных работ, в т. ч. книг: «Strategy for the Global Market: Theory and Practical Applications», «Бизнес и стратегическое управление», «Глобальный формирующийся рынок: стратегическое управление», «Возникающий рынок России», «Капитализация новой России», «Стратегические приоритеты развития Дальнего Востока», «Терроризм и экстремизм: стратегическое негативное воздействие на экономику» и др. Член редколлегии журнала «Экономика и математические методы». Член Бреттон-Вудского комитета (Вашингтон), осуществляющего мониторинг Всемирного банка, Международного валютного фонда и ВТО. Награжден орденами Дружбы и Почета.

³ Park K., Agtmael A. van. (eds.) The World's Emerging Stock Market: Structure, Development, Regulations and Opportunities. Chicago and Cambridge: Probus Publishing Company, 1993.

ко в 2009 году в моей книге¹ (которая позднее была переведена на русский язык²), непосредственно посвященной данной тематике. Например, Международная финансовая корпорация (International Finance Corporation — IFC) и в 1970-годы, и в 2017 году считала и считает, что все страны с ВВП на человека ниже минимальных требований Всемирного банка для высокодоходных стран — это и есть страны с формирующимся рынком. Ниже дана текущая классификация стран Всемирного банка по годовому ВВП на душу населения.

Классификация стран по ВВП на душу населения за 2006 и 2013 годы

Уровень дохода	2006	2013
Низкий доход	<905 долларов	<1035 долларов
Ниже среднего дохода	905–3595 долларов	1036–4085 долларов
Выше среднего дохода	3595–11 115 долларов	4086–12 615 долларов
Высокий доход	>11 115 долларов	>12 616 долларов

Эти данные демонстрируют, что согласно одному из самых интегрированных индикаторов — ВВП на душу населения — мировая экономика в течение семи лет достигла огромного прогресса по качеству и уровню жизни. То, что раньше являлось доходом для нижней части среднего класса, стало доходом людей с более низким уровнем достатка. То, что в 2006 году было высоким доходом, в 2013-м стало доходом класса людей с уровнем выше среднего, прибыль класса с высокими доходами увеличилась на 1500 долларов. Этот прогресс был бы невозможен без нового уровня интеграции экономического сотрудничества на глобальном рынке. Эти данные также подтверждают продолжающееся уменьшение разрыва между доходами людей в развитых странах и в странах с формирующимся рынком. Стратеги должны оценивать эту динамику для стратегизируемого горизонта посредством ввода требуемых коэффициентов. Это определенно поможет им обеспечить лучшее видение объекта стратегирования в будущем.

Когда по инициативе Антуана ван Агтмаэля IFC переименовала «Базу данных третьего мира» в «Базу данных формирующегося рынка ценных бумаг» (Emerging Stock Market)³ (что впоследствии проявилось в виде двух параллельных индексов: приемлемый для инвестиций индекс формирующихся рынков S&P/IFC, покрывающий 22 рынка, и глобальный индекс S&P/IFC, покрывающий 33 рынка⁴), она некорректно уравнила два этих термина. Тем не менее даже это было шагом в верном направлении признания рождения нового экономического явления, которое было описано и детально проанализировано в моей книге 2009 года⁵, непосредственно посвященной глобально-

му формирующемуся рынку, где и была зафиксирована эта новая категория.

Оценки и рейтинги зрелости стран с формирующимся рынком

Едиственный индикатор, даже столь многогранный, как ВВП на душу населения, не может в достаточной степени категоризировать СФР. Прежде всего очень важно рассматривать вектор и в целом кинематику изменений этого индикатора. Именно направление изменений уровня и качества жизни населения оказало значительное влияние на зрелость экономик этих стран. Однако существуют примеры, когда отдельные государства были категоризированы как СФР, но вернулись в свою изначальную категорию развивающихся и/или слаборазвитых. К примеру, Зимбабве, где правительство сменило политический и экономический курсы и отношение к международному сотрудничеству. Однако даже описание страны исключительно в оценках вектора ВВП на душу населения не создает адекватного базиса для анализа экономической зрелости или определения правильной категоризации стратегии национального развития. Требуется гораздо более комплексный анализ, такой как стратегическая всесторонняя система классификаций стран, фундамент которой был заложен и описан также в моей ранее указанной книге.

Первые периодические печатные издания, специально посвященные изучению СФР, были представлены на Всемирном конгрессе по экономическому развитию и на Совместном ежегодном собрании Всемирного банка и Международного валютного фонда в октябре 1994 года в Мадриде. Международное сообщество впервые сосредоточило свое внимание на СФР в октябре 1995 года на Всемирном конгрессе по экономическому развитию и Совместном ежегодном собрании Всемирного банка и Международного валютного фонда в Вашингтоне. Также в 1995 году Министерство торговли США (US Department of Commerce) и Администрация международной торговли США (International Trade Administration) продемонстрировали понимание новой роли СФР и организовали семинар, названный «За пределами: крупные формирующиеся рынки» (“Beyond Borders: Big a Emerging a Markets”). В семинаре участвовали Аргентина, Бразилия, Китай, Гонконг, Мексика, Польша, Турция, Южная Корея, Южно-Африканская Республика и Тайвань. Еще до начала семинара эксперты спорили о том, какие именно страны классифицировать как СФР. К тому же тот факт, что СФР являлись частью глобального образования — ГФР, и тогда едва ли был понят. Однако спустя 20 лет вряд ли является спорным, что СФР могут быть сгруппированы вместе по признакам общей направленности и долгосрочной тенденции развития в сторону экономической свободы и интеграции в ГРП. В то время как некоторые СФР могут изредка отклоняться от такого курса (такие как Венесуэла, Боливия, Зимбабве, Узбекистан), а скорость продвижения других существенно различна, в конце концов все пути в ГФР ведут к экономической и даже политической свободе и повышению качества жизни.

¹ Kvint V. The Global Emerging Market: Strategic Management and Economics. N. Y. ; L. : Routledge, 2009.

² Квинт В. Стратегическое управление и экономика на глобальном формирующемся рынке. М. : Бизнес-Атлас, 2012.

³ Agtmael A. van. The Emerging Market Century: How a New Breed of World-Class Companies is Overtaking the World. N. Y. : Free Press, 2007. P. 5.

⁴ Russell Investments. S&P/IFC Emerging Market Indexes. 2007. Nov. 2.

⁵ Kvint V. Op. cit.

Для того чтобы определить уровень экономической зрелости страны, степень ее интеграции в ГРП и возможность ее отнесения к СФР, стратегам следует обращаться к нескольким источникам. Существует достаточно широкий спектр рейтинговых оценок, включая международные многосторонние организации, рейтинговые агентства и разнообразные исследовательские институты. Несколько организаций и агентств регулярно публикуют оценки и/или данные, пригодные для стратегического анализа при оценке зрелости страны. Среди них: World Bank Group, Moody's, Standard and Poor's (S&P), Fitch, Dun and Bradstreet, Heritage Foundation, Wall Street Journal, Economist Intelligence Unit, Morgan Stanley Capital International Barra (MSCI Barra) и др.

Стратеги должны сравнивать рейтинги различных агентств, отыскивать расхождения и понимать стоящие за этими различиями причины. Для того чтобы придерживаться такой практики, необходимо обладать значительными теоретическими знаниями и практическим опытом. Совершенно решительно стоит подчеркнуть тот факт, что всем агентствам и организациям, упомянутым выше, недостает четко очерченных систем стратегической классификации стран, на которых бы основывались их рейтинги, прогнозы или оценки. В результате стратеги должны быть очень аккуратными при использовании отчетов организаций и агентств, описывающих группы стран, такие как СФР, развивающиеся и развитые страны. Эти категории почти никогда не бывают хорошо изучены и/или их оценки основываются не на убедительных методологиях, что искажает результаты и заключения данных организаций и агентств в отношении специфических групп стран. Стратегическая всесторонняя система классификации стран должна помочь упорядочить и стратегически проанализировать данные, полученные из вышеупомянутых агентств, организаций и институтов. Важно анализировать не только абсолютные рейтинги стран, но также их динамику и рейтинги относительно других стран.

Стратеги должны сравнивать мнения отечественных и зарубежных экспертов и анализировать любые расхождения между ними. Ввиду того, что СФР извлекают выгоду из позитивных оценок крупных рейтинговых агентств, поскольку это способствует привлечению инвестиций, многие национальные правительства реагируют на требования крупных агентств. Это прямое и положительное влияние рейтинговых агентств на экономическую и финансовую ситуацию в стране и мире. Инвесторы также могут извлекать выгоду из этого, развивая стратегию, ориентированную на вхождение в страну, которая стремится быть лучше оцененной рейтинговыми агентствами. У стран же, впервые появившихся в рейтингах, активы немедленно увеличивают свою рыночную стоимость.

Определяющие характеристики страны с формирующимся рынком

Каким основным требованиям и характеристикам должна отвечать страна для того, чтобы считаться частью ГФР? Прежде всего приобретение этих характе-

ристик не является линейным процессом. Поскольку в СФР экономика развивается и продолжает совершенствоваться, некоторые характеристики приобретаются, а другие теряются. С начала практического применения финансистами, экономистами и коммерческими руководителями термина «формирующиеся рынки» (даже перед созданием термина СФР) всегда существовала потребность в понимании общих характеристик этого экономического явления. Особенно необходимо это было, потому что первоначально, когда термин не имел четкого определения, «формирующийся фондовый рынок» и «формирующийся рынок» использовались как синонимы.

Ниже представлен список главных, по моей оценке, характеристик, которыми обладают, обладали или будут обладать все СФР на определенных стадиях процесса экономического созревания и развития. Все эти характеристики (индикаторы зрелости) получены через эмпирический и сравнительный анализ особенностей развитых и развивающихся стран. И хотя необязательно наличие всех нижеперечисленных характеристик для того, чтобы национальная экономика являлась СФР, все СФР сталкиваются со следующими особенностями и процессами в определенные периоды своего развития.

45 главных стратегических, экономических и политических особенностей СФР:

1. Трудный поиск стратегического пути от диктатуры к демократии.
2. Быстрый переход от административно-командной экономики к свободной рыночной экономике.
3. Быстро увеличивающийся уровень экономической свободы.
4. Часто, но не всегда увеличивающийся уровень политической свободы.
5. Недолгий период анархии во время первоначального перехода от диктатуры к свободной рыночной экономике, который быстро заканчивается, как только закон и правопорядок последовательно обеспечены.
6. Замена однопартийной системы многопартийной (в случае если не было нескольких партий, находившихся под диктатурой).
7. Становление более открытого общества.
8. Начальное увеличение коррупции, но уменьшение семейственности и возможное сокращение обеих по мере роста открытости.
9. Замена правовых рамок диктатуры правовой системой, ориентированной на свободный рынок, защищающей частную собственность и личные интересы.
10. Слабая защита прав на интеллектуальную собственность.
11. Уменьшение различий в правовом режиме иностранных и отечественных предприятий.
12. Первоначальное повышение преступности, сопровождаемое постепенным совершенствованием законов и строгим правоприменением по мере укрепления власти.
13. Быстрая смена юридической, деловой и экономической среды, что делает инвестиции более рискованными, даже если эти изменения имеют положительное направление.

14. Постепенный переход от общества, в котором правители выше закона, к правительству, которое отвечает перед законом и обществом.

15. Поиск религиозной толерантности и рост различных политических и этнических объединений, основанных на возрастающем интересе к историческим корням и национальной памяти.

16. Передача многих экономических функций общенационального правительства региональным органам и местным властям.

17. Крупномасштабная приватизация.

18. Повышение производительности рабочей силы.

19. Экономика развивается обычно более быстрыми темпами, чем ГРП в целом.

20. Существенное дерегулирование создания и деятельности фирм и других юридических лиц.

21. Основание институтов свободного рынка, таких как коммерческие и инвестиционные банки, страховые компании; аудиторские, бухгалтерские и юридические фирмы и т. д.

22. Создание и развитие институтов и инструментов фондового рынка (акции, валюта, товарные и валютные биржи, трасты и попечительские организации, ценные бумаги, регулирующие рынок органы и т. д.).

23. Укрепление конвертируемости национальной валюты.

24. Постепенная интеграция с другими странами-членами ГФР и интеграция в ГРП.

25. Усиление глобального тренда регионализации через увеличение экономического сотрудничества в региональных блоках и на много- и двусторонней основе.

26. Медленная интеграция экономик внутренних регионов страны в сравнении с темпами их интеграции с экономиками зарубежных регионов, особенно с экономиками развитых стран.

27. Устранение большинства остающихся ограничений на иностранные инвестиции в страну.

28. Прямые иностранные инвестиции постепенно заменяют помощь иностранных государств.

29. Регулярный отток внутреннего и, периодически, иностранного капитала.

30. Диверсификация национальных экономик, ориентирующихся в основном на природные ресурсы и сырье, к более сложным и высокотехнологичным отраслям и услугам.

31. Уменьшение роли производства сырья в ВВП и экспорте.

32. Увеличивающееся государственное и корпоративное внимание к экологии и экологически ориентированным технологиям.

33. Общее движение к более эффективной экономической структуре, ориентированной на интересы потребителей.

34. Продвижение и диверсификация туризма и индустрии гостеприимства.

35. Увеличение числа и роли семейного бизнеса, малых и средних компаний.

36. Существование положительного торгового баланса первоначально как результат отсутствия или сокращения средств на импорт. По мере развития экономики возрастает потребность в более технологически

сложных и/или качественных товарах и услугах, которые не могут быть произведены внутри страны. Как правило, чем экономически слабее СФР первоначально, тем более положителен ее торговый баланс.

37. Развитие и расширение среднего класса.

38. В среднем 15–25 % населения живут ниже черты бедности.

39. Увеличение различий и неравенства в доходах во время первоначального этапа развития рыночной экономики.

40. Увеличение эмиграции «синих воротничков», а также специалистов и ученых (утечка мозгов), когда открываются национальные границы. Многие позже возвращаются, когда уровень развития экономики и экономической свободы повышается.

41. Усовершенствование инфраструктуры промышленности, телекоммуникаций, транспорта и энергетических распределительных сетей благодаря существенным государственным инвестициям.

42. Экспонентное ускорение развития телекоммуникаций и IT-отраслей в силу резко увеличивающегося спроса на доступ к информации.

43. Более высокий уровень общего образования, чем в развивающихся и слаборазвитых странах, и более низкий уровень неграмотности.

44. Значительный дефицит финансовых специалистов, при этом многократное усиление интереса студентов к экономическим, финансовым и стратегическим исследованиям при одновременном значительном усовершенствовании этих областей образования.

45. Рост интереса к английскому языку как языку международного бизнеса параллельно с местными языками.

Эти главные характеристики СФР могут использоваться стратегом в качестве контрольного теста, принадлежит ли интересующая страна к ГФР или нет. Однако, как было ранее подчеркнуто, страна необязательно должна обладать всеми этими характеристиками одновременно, чтобы считаться СФР.

Классификация стран с формирующимся рынком

В мировой экономике, в соответствии с методологией оценки, обоснованной в моей ранее упомянутой книге 2009 года¹, во втором десятилетии XXI века существует 83 СФР. Однако есть только один ГФР, который является подсистемой ГРП. ГФР находится в постоянном сотрудничестве с другими подсистемами ГРП, то есть с развитыми, развивающимися и слаборазвитыми странами. В большинстве случаев СФР сильно отличаются друг от друга по уровню своей зрелости, экономической или промышленной структуре, развитости среднего класса и наличию демократических институтов и т. д. Они могут быть классифицированы несколькими различными методами. Следующая классификация категорий СФР основывается на уровнях их зрелости в период трансформации из развивающихся в категорию СФР и затем в категорию развитых стран. Это не означает, что каждая СФР должна пройти все представленные стадии перехода. У каждой

¹ Kvant V. Op. cit.

СФР есть собственная «стартовая точка». Одна страна, с олигархическим формирующимся рынком, возможно, в стартовой точке была формирующимся рынком в условиях диктатуры, в то время как другая страна могла зарождалась как развивающийся рынок — категория еще до первой стадии группы СФР. В конце концов все СФР направлены к одной и той же цели: стать развитой страной.

Типичная ошибка заключается в объединении терминов СФР и ГФР для создания псевдотермина «глобальные формирующиеся рынки». Примеры употребления такого псевдотермина можно найти, например, в названии компании «Глобальные формирующиеся рынки» (Global Emerging Markets) или в академических базах данных, таких как «Глобальная база данных формирующегося рынка» (Global Emerging Market Database), которая на своей домашней странице использует оба термина — правильный «глобальный формирующийся рынок» и ошибочный «глобальные формирующиеся рынки» — попеременно как синонимы. Если рынок глобальный, то уже в силу этого он не может иметь множественного числа.

С увеличивающейся экономической мощью и политической зрелостью СФР и их региональных блоков и повышающихся уровней политической стабильности и демократии растет роль ГФР на ГРП. В то время как в каких-то отдельных СФР демократия, возможно, и не растет, она определенно усиливается на ГФР в целом. В подавляющем большинстве СФР идут процессы демократизации и либерализации общества. Большинство СФР также диверсифицируют свою национальную экономику, хотя в этом направлении развитие идет менее быстрыми темпами. В то время как не каждая СФР проходит через эти процессы, большинство СФР переходят от монопромышленной экономики, где доминируют одна или две отрасли, или от неэффективной отраслевой структуры к более эффективной диверсифицированной инновационной экономике. Этот процесс требует огромных инвестиций и политической воли.

В некоторых СФР, таких как Аргентина, Бразилия, Филиппины и Египет, существовало несколько основ-

ных институтов свободного рынка (коммерческие и инвестиционные банки, аудиторские и юридические фирмы, фондовые биржи) даже до интернационализации их экономических систем. Однако в основном СФР находятся на ранних стадиях создания и развития таких институтов рынка. Не все СФР постоянно испытывают такую высокую скорость экономического развития, как ГФР в целом. СФР могут обладать существенно отличающимся ВВП на душу населения и, как результат — разными уровнями и стандартами жизни. В некоторых случаях уровень жизни в СФР может быть ближе к уровню жизни в развитых странах, в то время как в других случаях уровень жизни сопоставим с уровнем жизни в развивающихся странах. Однако среднестатистический ВВП на человека и уровень жизни на ГФР уникальный, то есть ниже таковых в развитых странах и выше аналогичных среднестатистических в развивающихся странах. Важно понимать, что ГФР в целом обладает определенными специфическими характеристиками, которые могут отличаться от таковых в отдельных СФР — участницах ГФР.

Как ранее было обосновано, глобальный формирующийся рынок является новым феноменом. Среди профессионалов бизнеса, стратегов, экспертов и даже авторов специальных публикаций, посвященных данной тематике, часто возникают противоречивые мнения относительно того, какие страны можно рассматривать как часть ГФР. Аналитики, стратеги или руководители должны изучать мнения всех доступных рейтинговых агентств, профессионалов и публикаций в ведущих изданиях и делать собственные выводы относительно уровня развития страны. Даже если страна обладает, например, всеми характеристиками СФР, это не означает, что этот рынок в действительности открылся для всех или любой из иностранных компаний. Не все компании готовы к работе в условиях определенных СФР.

Растущий вклад глобального формирующегося рынка

Глобальный формирующийся рынок развивается гораздо более быстрыми темпами, чем мировая экономика в целом, и быстрее, чем развитые страны. Более того, СФР Восточной Европы, имеющие самое медленное развитие на ГФР, так же как большинство стран бывшего Советского Союза, тем не менее развиваются с более высокой скоростью, чем мировая экономика в целом. С 2003 года объем производства ГФР вырос на 35 %, а развитых стран — только на 10 %. Во втором десятилетии XXI века, как никогда ранее, формирующиеся экономические рынки рассматриваются как ведущий локомотив роста мировой экономики¹. Фактически в большей части экономической истории формирующиеся экономические системы развивались гораздо быстрее, чем более развитые экономики. Объяснить это легко: подняться с очень низкого экономического уровня намного проще, чем расти с более высокого уровня экономического развития. Каждая процентная точка во время начальных стадий развития состоит из намного меньших экономических инвестиций и объ-

¹ Dizzy in Boomtown (2007, Nov. 15) // The Economist. 2007. Dec. 1.

емов производства. Но, конечно, экономические кризисы и спады деловой активности происходят чаще в менее развитых экономиках, чем в более развитых экономических системах. В 2007 году «по итогам четырехлетнего обзора, все 32 формирующиеся экономические системы, отслеженные журналом *The Economist*, показали рост. Это выдающийся итог, поскольку в каждом предыдущем году начиная с 1970-х, по крайней мере, одна из них перенесла спад, если не серьезный финансовый кризис»¹.

Ясно, что даже рейтинговые агентства не имеют четкого согласованного представления о том, какие страны уже нужно классифицировать как формирующиеся рынки, а на какие важно обратить внимание как на перспективные для включения в эту категорию. Это наблюдение справедливо не только для быстроразвивающихся экономик Юго-Восточной Азии и России, но также для развивающейся Европы, старые экономики которых возрождаются после коммунистического периода. Это еще один показатель того, что, несмотря на разное географическое положение, все страны с формирующимся рынком имеют много схожих характеристик и близкую динамику развития.

Долго ждать этого результата не пришлось: уже в мае 2014 года вклад в мировой валовой продукт 83 стран с формирующимся рынком приблизился к 56,3 % и превысил общий ВВП всех развитых стран. Однако из-за отсутствия единой широко признанной классификации национальных экономик эти данные значительно разнятся.

Стратегические перспективы бизнеса

Стратегически лидеры в СФР должны стремиться к развитию условий, которые создают для их граждан возможности улучшения качества жизни как основы успешности экономической системы. Обычно это достигается продвижением экономической свободы, рыночно-ориентированными реформами, которые, в свою очередь, ведут к высокой степени свободы выбора для людей и организаций. В этом — источник высокого уровня жизни населения. Используя терминологию экзистенциализма, можно сказать, что производство любой компанией товаров и услуг разнообразного качества определено свободой выбора на основе индивидуальных потребностей и предпочтений. Но в то же время свобода выбора не может существовать без производства товаров и услуг различного качества, для того чтобы потребители действительно имели выбор. Различные стандарты жизни и/или разные предпочтения потребителей с одинаковой покупательной способностью приводят к возникновению различий в потреблении.

В командной экономике выбор всегда ограничен, если есть вообще, из-за нехватки товаров и услуг, особенно более высокого качества. В странах ГФР свобода выбора создается развитием экономики со свободными рыночными отношениями, которая ориентирована на потребности и интересы индивидуального потребителя. Конечно, основная цель компаний, входящих из развитых стран в ГФР, — это получение прибыли.

В этом случае идет увеличение производства товаров и услуг, отчего общество получает еще больше свободы выбора для индивидуумов.

На глобальном формирующемся рынке компания должна определять свою стратегию, публично заявлять о ней через анонсирование миссии и неконфиденциальной части видения, социальной ориентации компании, части приоритетов (открытых для общества) и ответственности перед обществом, региональными и местными сообществами, а также сообщать о предложениях и услугах обществу. Это поможет предприятию быть стратегически более эффективным и иметь поддержку населения.

Будущее глобального формирующегося рынка на глобальном рыночном пространстве

Стратегический анализ показывает, что роль ГФР на ГРП продолжит расширяться, по крайней мере до конца XXI века. В результате большинство наиболее зрелых СФР достигнут уровня процветания, присущего среднеразвитым странам, и более уже не будут относиться к ГФР. Это, безусловно, окажет огромное влияние на ГРП.

Не позже чем к 2025–2030 годам несколько СФР перейдут в самую высокую категорию по уровню развития в пределах ГФР — категорию «фазы экономического расцвета» или даже выйдут из ГФР в категорию «экономически развитая страна». В Европе Чешская Республика, Греция, Португалия, Словения и Словакия последуют за Испанией (которая уже сейчас относится к «экономике расцвета»), несмотря на кризис 2010–2015 гг.) и Ирландией, которые к тому времени уже перейдут в категорию развитых стран. В Азии Сингапур, Южная Корея, ОАЭ, Бахрейн и, возможно, Тайвань также будут относиться к категории развитых стран. Коста-Рика станет единственной развитой страной Латинской Америки.

В то же время страны с низкими стандартами жизни, которым сейчас не хватает экономических и политических свобод, в конце концов (в течение десяти лет) инициируют политические и экономические реформы и станут частью ГФР. Процессы, начавшиеся в странах Магриба и Арабского залива, лишь подтверждают стратегический анализ, сделанный за пять лет до этих событий. Конечно, было бы неразумным предполагать, что все СФР постоянно развиваются в направлении прогресса. Иногда прогресс может быть приостановлен и даже повернут вспять. Но, по всей видимости, народы и правительства этих стран в итоге осознают, что экономической свободе и интеграции в ГРП нет разумной альтернативы.

Распространение демократии и экономической свободы будет вести к переходу наиболее успешных СФР в категорию развитых экономик. Ряд стран, которые в конце первого десятилетия XXI века признавались приступающими к формированию рынка, развивающимися и даже слабо развитыми, станут частью ГФР. Тем не менее важно отметить, что ГФР не является кратковременным образованием, состоящим из стран переходной стадии развития. В следующие 100 лет эти страны будут не только обеспечивать дополнительные

¹ Dizzy in Boomtown (2007, Nov. 15).

возможности, но и создавать стратегические вызовы развитым странам. Что же бесспорно, так это то, что все основные проблемы человечества, такие как бедность, голод, безработица, массовые болезни, экологические катастрофы, терроризм и миграция, могут быть решены только посредством партнерства между национальными правительствами различных категорий стран совместно с международным бизнес-сообщением,

региональными и мировыми многонациональными институтами. Эти глобальные вызовы должны быть нивелированы и решены в соответствии с необходимыми для этого глобальными согласованными стратегиями. Под влиянием ГФР общечеловеческие проблемы будут одновременно усугубляться и решаться, а в ответ на это и глобальный миропорядок будет постоянно обновляться.

Ганс Кёхлер¹

МИРОВОЙ ПОРЯДОК В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

Нестабильность мирового порядка в условиях глобализации

Обеспечение стабильности мирового порядка является одним из главных требований при усложнении структуры международных отношений, вызванном глобализацией². Процесс находит выражение во взаимозависимости экономик, взаимодействии цивилизаций и возникновении информационного общества, которое часто описывается с помощью метафоры «глобальная деревня»³. Достижение цели — стабильной системы — при таких обстоятельствах становится главной проблемой, с которой мировое сообщество столкнулось в начале XXI века. Стабильность требует правил, которые дают возможность справедливо и сбалансированно взаимодействовать разным силам во всех сферах — политической, экономической, социальной. Транснациональное равновесие в широком смысле — это на самом деле *conditio sine qua non* (то, без чего нельзя обойтись — *лат.*) для поддержания мира во всем мире и безопасности, как это и предусматривается в Уставе Организации Объединенных Наций.

После краха биполярного порядка времен холодной войны, к концу прошлого столетия мировой порядок вошел в переходную фазу, которая характеризуется антагонизмом между унилатералистскими (господствующими) и мультилатеральными тенденциями. Нас не должно удивлять то, что в начале 1990-х годов единственная оставшаяся супердержава испытывала искушение эксплуатировать новую констелляцию — или заполнить вакуум силы и власти — себе во благо. Повторяющееся одностороннее использование силы — открыто (как в случаях интервенций в Югославию в 1999 г. и в Ирак в 2003 г.) или де-факто (как в случаях войны в Персидском заливе в 1991 г. и войны, которую силы НАТО вели в Ливии в 2011 г.)⁴ — сделало доминирующий проект более чем очевидным и серьезно подорвало легитимность Организации Объединенных Наций, поскольку она базируется на нормах международного права и многостороннем подходе к мировому порядку, особенно в области коллективной безопасности (как указано в гл. VII Устава ООН).

¹ Президент Международной организации прогресса (Вена, Австрия), профессор Университета Инсбрука, доктор философии. Автор более 30 научных публикаций, в т. ч.: «Феноменологический реализм: избранные эссе», «Демократия и международное правовое государство. Предложения по альтернативному мировому порядку», «Концепция гуманитарного вмешательства в контексте современной политической власти», «Глобальная справедливость или глобальная месть? Международное криминальное законодательство на распутье», «Мусульмано-христианские связи в Европе. Прошлое, настоящее, будущее», «Совет Безопасности как исполнитель справедливости?» и др. Награжден Почетной медалью Австрийского общества вузов, Почетной медалью Международного бюро мира (Женева, Швейцария), Большой медалью Давида Непобедимого Армянской академии философии и др. Почетный доктор Государственного университета Минданао (Филиппины) и Армянского государственного педагогического университета.

² О многоаспектной природе глобализации см.: Köchler H. (ed.). *Globality versus Democracy? The Changing Nature of International Relations in the Era of Globalization. (Studies in International Relations. Vol. XXV)*. Vienna: International Progress Organization, 2000.

³ Термин был придуман и впервые использован Маршалом Маклюэном в кн.: McLuhan M. *Understanding Media: The Extensions of Man* [1964]. L.; N. Y.: Routledge Classics, 2009. P. 5. Подробнее см. в аналитической статье автора: *The New Social Media and the Changing Nature of Communication: Anthropological and Political Implications // News and Views: The Journal of the International Academy for Philosophy (New Series)*. 2012. Vol. 4, № 2–3 (32–33). P. 42–64.

Параллельно с этим развитием событий в политической и военной (или геостратегической) областях внезапное окончание холодной войны и борьбы за власть по идеологическим направлениям дало начало новой динамике в процессе глобализации, поскольку поток товаров и информации освободился от ранее действовавших политических и идеологических сдерживающих факторов (которые были обусловлены конкуренцией и антагонизмом между двумя полюсами силы). Однако этот процесс характеризовался постоянно растущим дисбалансом с точки зрения сложностей экономической взаимозависимости, с одной стороны, и системы правил, все еще на начальной стадии, нужных для обеспечения стабильности и справедливости, — с другой. Финансовый кризис 2008 года, порожденная им экономическая нестабильность во всем мире, которая не преодолена и сегодня, свидетельствуют об этом затруднительном положении.

В период, непосредственно последовавший за концом биполярности, традиционные инструменты управ-

⁴ Об использовании силы против Ирака, в частности, см. документы Международной организации прогресса: *The Iraq Crisis and the United Nations: Power Politics vs the International Rule of Law. Memoranda and declarations of the International Progress Organization (1990–2003) // Studies in International Relations. Vol. XXVIII*. Vienna: International Progress Organization, 2004.

ления показали свою растущую неэффективность; их стало недостаточно для обеспечения стабильности мирового порядка. Нормы современного международного права в основном относятся к взаимодействию между национальными государствами на основе (суверенного) равенства и по сути зависят от консенсуса между членами международного сообщества, в то время как методы коллективной безопасности (от чего в большой степени будет зависеть сохранение порядка, пока не существует «единого законодательного пространства») все еще находятся в зачаточном состоянии и охватывают только определенные области и аспекты отношений между государствами.

При таких обстоятельствах усилия по обеспечению стабильности мирового порядка сталкиваются с двойными сложностями (или парадоксом): а) предполагается, что международный правопорядок обеспечивается без непреходящих законодательных механизмов — потому что Совет Безопасности ООН действует в рамках политики (силы), а не как третейский судья¹, а Международный суд в системе ООН не является конституционным судом Организации Объединенных Наций; б) мир и безопасность во всем мире должны поддерживаться при отсутствии эффективного транснационального органа. Совет Безопасности, несмотря на свои законные полномочия, не является глобальным органом управления. Его эффективность по сути зависит от согласия между конкурентами (постоянными членами Совета) на влияние в глобальных масштабах. Однако для решения этой проблемы единый орган «мировое государство» (которое потребует «заново изобрести» Организацию Объединенных Наций как наднациональную организацию) не является желаемой целью, если придерживаться принципов демократии и национального самоопределения. Наглядным примером проблемного опыта на региональном уровне может служить Европейский Союз².

Ненадежность международного права

Кроме нескольких исключительных ситуаций, нормы, регулирующие отношения между государствами, не соответствуют основному критерию, который отделяет норму закона от нормы морали (в том смысле, которое в это определение вкладывает Ганс Кельсен), а именно тому, что нарушение нормы связано с определенными санкциями³. В большинстве случаев соблюдение правил зависит от суверенной воли государств. Юрисдикция Международного суда, входящего в систему ООН, в основном ограничивается правовыми спорами и конфликтами, которые ему передают государства-участники, и зависит от добровольного при-

знания ими (которое может быть связано с теми или иными условиями или быть ограничено по времени)⁴. Таким образом, Суд не имеет обязательной юрисдикции и функционирует в большей степени как арбитражный и консультативный суд. Единая система принуждения и обеспечения правопорядка существует только в сфере коллективной безопасности и только в случаях, когда Совет Безопасности действует на основании гл. VII Устава ООН. Даже в области обеспечения международного правопорядка, что определенно выходит за рамки простых апелляций и призывов, «наказание» (то есть специфическая санкция, например в случае нарушения нормы о неприменении силы) регулируется не на основании исключительно юридических критериев, а в соответствии с логическим обоснованием политики силы. В соответствии со ст. 27 Устава решения по мерам принуждения зависят от согласия постоянных членов Совета⁵. Войны против Югославии (1999) и Ирака (2003) печально проиллюстрировали рудиментарную природу международного права в этом отношении, поскольку всемирная организация не смогла сдерживать государства-агрессоры.

Само собой разумеется, что еще одно базовое требование верховенства права, а именно действующего, а не просто формального разделения властей, не существует в рамках отношений между государствами. Таким образом «международные нормы права» должны рассматриваться как идеал, практическое и разумное требование, в направлении которого сообщество государств должно развивать нормы сотрудничества. Они должны безотказно служить на благо всего мира (что в эпоху глобальной взаимосвязанности и взаимозависимости в конечном счете означает выживание человечества, особенно в связи с угрозой ядерной войны и экологических рисков). Очевидно, что равновесие сил на глобальном уровне, биполярное или многополярное, будет в большей мере способствовать этому идеалу, чем монополярная констелляция.

Глобальная координация среди равных («управление»)

Точно так же механизмы координации (как на региональном, так и на глобальном уровне) в политической, социальной и экономической сферах, которые часто описываются как элементы «глобального управления», не являются выражениями полномочий на управление в строгом смысле, поскольку это потребовало бы обязательных действий на основании законов. Управление глобальными процессами, часто туманно описываемое как «управление» или «власть над» (governance), по сути зависит от правил, норм и предписаний, которые являются результатами договоренностей или соглашений между суверенными государствами или другими участниками — без вмешательства мирового правительства. Организация Объединенных Наций не относится

⁴ Статья 36 Устава Международного суда, учрежденного на основании Устава ООН.

⁵ Подробно см.: *Köchler H. The Voting Procedure in the United Nations Security Council: Examining a Normative Contradiction and its Consequences on International Relations // Studies in International Relations. Vol. XVII. Vienna: International Progress Organization, 1991.*

¹ О роли Совета Безопасности см., в частности: *Köchler H. The Security Council as Administrator of Justice? (Studies in International Relations. Vol. XXXII). Vienna: International Progress Organization, 2011.*

² О проблемах демократии в контексте неудавшегося конституционного проекта ЕС см. аналитическую статью автора: *The European Constitution and the Imperatives of Transnational Democracy // Singapore Yearbook of International Law. 2005. Vol. IX. P. 87–101.*

³ Чистая теория закона (Pure Theory of Law) / пер. М. Кнайта. Юнион-Сити (Нью-Джерси): Лобук Эксчейдж, 2000. ([*Reine Rechtslehre: Einleitung in die rechtswissenschaftliche Problematik, 1934*], Union, N. J.: Lawbook Exchange, 2000).

к этой категории, несмотря на большие полномочия Совета Безопасности, которые в любом случае уменьшаются из-за права вето. Как и в случае традиционной системы международного права, важная характеристика этого вида «управления» — горизонтальные отношения между равными участниками (в соответствии с чем равенство понимается в нормативном, а не фактическом смысле)¹, а не вертикальные отношения между главным (правлящим) и зависимым (подчиненным). Это по сути и есть природа международной управляющей организации. Таким образом, «управление» следует понимать в метафорическом смысле, а именно как форму управления общими мировыми проблемами, которое осуществляется государствами на основе партнерства и общих интересов, то есть в духе сотрудничества равных. Только в определенных региональных рамках, где существует та или иная степень социально-культурной и политической однородности (что позволило появиться специфическим межгосударственным и частично наднациональным структурам), «управление» может напоминать методы правительства и уполномоченного на управление органа (то есть органа исполнительной власти, действующего на основании законов) в строгом смысле (как в случае процедур принятия решений в Европейском Союзе, хотя они все чаще оспариваются с точки зрения демократии и национального суверенитета)².

Куда теперь двигаться?

Мировой порядок и многополярное равновесие сил

Из-за рудиментарных форм транснациональной кооперации, которые характеризуют нынешний мировой порядок, основной проблемой мирового сообщества (не идентичного «международному сообществу», в котором доминирует Запад и которое определяется идеологически) является дальнейшая эволюция или усовершенствование правовых и регулирующих механизмов, определяемых как «международное право», с одной стороны, и координация процедур, связанных с коллективной безопасностью, — с другой³ — со «стратегической» целью поддержки и содействия развитию в направлении настоящего многополярного равновесия сил. Крайне важной будет всеобъемлющая и последовательная сеть правил и постановлений, основанных на консенсусе, интегрирующая политическую и экономическую области транснациональных взаимодействий. Только такая система предотвратит анархию и обеспечит защиту против произвольного или своеговольного использования власти и привилегий, делаая сложным для отдельных участников — или одной державы, претендующей на статус мирового гегемона, — использование непостоянства транзитной констелляции, как, например, существующая в настоящее время в соответствии с древней максимой гегемонов *divide et impera* (разделяй и властвуй — *лат.*).

¹ В соответствии с понятием «суверенного равенства» всех государств-участников, включенным в ст. 2 (1) Устава ООН.

² Подробно см. в аналитической статье: *Köchler H. Decision-making Procedures of the European Institutions and Democratic Legitimacy: How Can Democratic Citizenship be Exercised at Transnational Level? // Concepts of democratic citizenship. Strasbourg : Council of Europe Publishing, 2000. P. 147–165.*

³ Как указано в гл. VII Устава ООН.

В том, что касается норм международного права и первоначальной роли Организации Объединенных Наций, механизмы принуждения в области мира и безопасности постепенно будут адаптированы к развивающейся многополярной структуре. Демократическая реформа всемирной организации станет важным шагом в этом направлении, поскольку такой процесс поможет преодолеть дисбалансы в Уставе, которые объясняются закреплением послевоенной констелляции держав в 1945 году⁴. Эти дисбалансы становятся еще более острыми, когда однополярная констелляция держав делает систему сдержек и противовесов среди постоянных членов Совета Безопасности менее эффективной, временами даже нефункциональной⁵. В этом плане особое внимание следует уделить более равному представительству регионов мира или соответствующим региональным организациям (возможно, в сочетании с положениями о взвешенной системе голосования, или пропорциональном голосовании)⁶.

Международное уголовное право как особый случай

Шаги в других областях, таких как международное уголовное право (с проблематичным понятием всеобщей юрисдикции), предстоит предпринимать с большой осторожностью, чтобы развитию в направлении к многополярному порядку (который должен основываться на настоящем мультилатерализме не только в юридическом плане, но и с точки зрения политического, экономического и социального взаимодействия) не создавалось препятствий и оно не пошло в обратном направлении. Если Международный уголовный суд когда-либо представит альтернативу часто политизированной и юридически спорной юрисдикции специальных судов *ad hoc* (как, например, создаваемые Советом Безопасности на основании гл. VII Устава ООН после окончания холодной войны)⁷, его состав, то есть группа стран-участниц, должен фактически представлять международное сообщество. Пока это не так, поскольку трое из пяти постоянных членов Совета Безопасности (Китай, Россия, США) не согласились с Римским статутом Международного уголовного суда. (США и Россия изначально подписали договор, но через некоторое время дали ясно понять, что они

⁴ Также см. предложения II Международной конференции по более демократичной Организации Объединенных Наций (CAMDUN-2): *The United Nations and the New World Order: Keynote addresses from the Second International Conference On A More Democratic United Nations // Studies in International Relations. Vol. XVIII. Vienna : International Progress Organization, 1992.*

⁵ Подробно об этом и путях к демократическим реформам см. в аналитической статье: *Köchler H. The Democratization of the United Nations Organization: Ideal versus Real // Human Rights, Human Security, and State Security / S. Takahashi (ed.). The Intersection. Ser. "Praeger Security International". Santa Barbara (CA) ; Denver (CO) ; Oxford (UK) : Praeger / ABC-CLIO, 2014. Vol. 3. Chap. 3. P. 63–90.*

⁶ См. более раннее предложение: *Newcombe H., Wert J., Newcombe A. Comparison of Weighted Voting Formulas for the United Nations : Preprint. Dundas (Ont.) : Peace Research Institute, 1970.*

⁷ Международный трибунал для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии после 1991 года (1993); Международный трибунал по Руанде (1994).

исключают возможность ратификации Статута в будущем.) Другие крупные военные державы, например Индия, Турция, Израиль, тоже не являются странами-участницами. Однако при уголовном преследовании за совершение международных преступлений (военные преступления, геноцид, преступления против человечества, агрессия) не должно быть выборочности (что в настоящее время неизбежно является результатом неполной ратификации). Двойные стандарты, даже являющиеся следствием положения дел с ратификацией, то есть структуры членства, ведут к делегитимации Суда как инструмента, обеспечивающего уважение к международному праву и, следовательно, вносящего вклад в мирный и стабильный мировой порядок. Фарисейского правосудия не может быть¹. В связи с этим и, в частности, из-за еще более очевидной судебной пристрастности (когда обвинитель часто действует, руководствуясь политическими соображениями) все большее число стран-участниц (особенно африканских) четко дали понять, что намерены покинуть Суд. Положение дел с ратификацией в плане Римского статута на самом деле лежит в корне «структурной дилеммы» Суда. Из-за ограниченного членства Международный уголовный суд не может принять никаких эффективных мер относительно применения двойных стандартов в случае обвинения в международных преступлениях, и это один из решающих факторов, подрывающих международное право. Таким образом, под распространяющимся повсюду влиянием традиционной политики силы Международный уголовный суд не может стать заслуживающим доверия представителем и конструктивным фактором справедливого мирового порядка.

Необходимость многоаспектного и интегрированного подхода

Что касается эволюции глобального «управления» (а не правительства) с главной целью горизонтальной координации политики между государствами, включая новые, появляющиеся в мире регионы (которые, например, представляют Европейский Союз, Евразийский союз, Африканский союз, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии), то первостепенное значение будет иметь развитие всеобъемлющего набора правил для международного экономического и финансового обмена, коммуникаций и обмена информацией. Возможно, пришло время заново рассмотреть более ранние предложения ООН и ЮНЕСКО, от которых поспешно отказались под давлением сильных лобби в эпоху идеологических конфликтов холодной войны, по установлению нового международного экономического порядка²

¹ О проблемах международной уголовной юстиции в контексте констелляции мировых держав см.: Köchler H. *Global Justice or Global Revenge? International Criminal Justice at the Crossroads: Philosophical Reflections on the Principles of the International Legal Order* Published on the Occasion of the Thirtieth Anniversary of the Foundation of the International Progress Organization. Vienna ; N. Y. : Springer, 2003.

² Подробно см. в материалах конференции экспертов Международной организации прогресса, 1979 г.: *The New International Economic Order: Philosophical and Socio-cultural Implications // Studies in International Relations*. Guildford (England) : Guildford Educational Press, 1980. Vol. III.

и Нового международного информационного порядка³ соответственно. В сфере экономики продолжающийся мировой кризис (который все еще потенциально может привести к системному краху) определенно продемонстрировал, что политика, которая основывается исключительно на парадигмах неоллиберализма, никак не может обеспечить стабильное и сбалансированное развитие.

Одной из главных задач современной теории международных отношений является демонстрация того, как примирить стабильность мирового порядка и понятие суверенного равенства. Подход, предлагаемый нами, реалистичен — в том смысле, что внимание обращается на необходимость исправления существующих дисбалансов вместо игнорирования или попытки избавиться от них с помощью стандартных деклараций или лицемерной гуманистической позиции. Многополярная констелляция на основе истинного партнерства, а не унитарного мирового государства была бы желательным результатом реформ системы международных отношений в эпоху глобализации. Традиционная политика силы — историческая «борьба за власть» среди конкурентов, которая только подчеркивает своекорыстие, — должна быть трансформирована в направлении новых методов «партнерства среди держав», где каждый из участников при адекватно понимаемых собственных интересах заботится также об общем мировом благе на основе взаимности и содействия друг другу. Этого можно достичь только через переосмысление и адаптацию парадигм «верховенства права» и «управления» к требованиям многополярности.

Над первым шагом в этом направлении также размышляет Збигнев Бжезинский, который отходит от своего более раннего восприятия имперской роли США⁴ и проповедует новую «глобальную перестройку»⁵ — вместо соперничества — трех крупнейших мировых держав (США, Россия, Китай), в частности предлагая США принять по крайней мере одно из двух других государств «в качестве партнера при поиске региональной и даже более широкой глобальной стабильности»⁶. При появляющемся многополярном порядке этот вид партнерства великих держав на самом деле становится «благоразумным требованием» — из-за катастрофической дезинтеграции на обширном Среднем Востоке, фактического краха государственной системы, сложившейся после Первой мировой войны и возникшей в результате мировой угрозы терроризма⁷.

³ Подробно см. в отчете о конференции Международной организации прогресса: *The New International Information and Communication Order: Basis for Cultural Dialogue and Peaceful Coexistence among Nations // Studies in International Relations*. Vienna : Braumüller, 1985. Vol. X.

⁴ *The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives*. N. Y. : Basic Books, 1997 ; *The Choice: Global Domination or Global Leadership*. N. Y. : Basic Books, 2004.

⁵ *Toward a Global Realignment // The American Interest*. 2016. T. 11, № 6. P. 1–3.

⁶ *Op. cit.* P. 3.

⁷ «...Растянувшийся этап непрерывных этнических, квазирелигиозных войн, идущих по всему Среднему Востоку с лицемерным фанатизмом, приведет к нарастающему кровопролитию в самом регионе и за его пределами и росту жестокости везде». См.: *Brzezinski Z. Toward a Global Realignment*. URL: <http://www.the-american-interest.com/2016/04/17/toward-a-global-realignment>

В период перехода от однополярности к многополярности все рассматриваемые здесь меры должны быть ориентированы на обеспечение устойчивого мира — это состояние ранее (в эпоху биполярности) характеризовалось как «мирное сосуществование». В то же время мы должны осознавать концептуальные противоречия обоих понятий — «международного правопорядка» и «глобального управления», особенно в том, что касается коллективной безопасности. В отсутствие мирового государства как наднациональной структуры (за которое мы не выступаем из-за вопро-

сов суверенного равенства и самоопределения, которые с этим связаны) ни одна из двух парадигм не может быть перемещена статично или одномерно из концептуальных рамок суверенного национального государства с его иерархической структурой правоприменительной деятельности в еще более сложную систему взаимозависимости многочисленных государств; но они могут служить ориентирами или направляющими — «регулятивными идеями» в том смысле, который имел в виду Кант: для построения более справедливого и спокойного мира.

Г. Б. Клейнер¹

СИСТЕМНЫЕ СДВИГИ И ОПОРНЫЕ ТОЧКИ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ²

Радикальные изменения в структуре и интенсивности влияния факторов и акторов мирового развития, происходившие в течение первого 20-летия XXI века, к концу периода обрели, кажется, более или менее определенные черты, позволяющие с учетом исторических феноменов и тенденций сделать некоторые заключения о закономерностях и результатах этих изменений. Выдвижение Китая в число мировых лидеров, резкое повышение активности России в международных взаимодействиях, переориентация внешней политики США, намечающееся изменение состава Евросоюза на фоне появления в качестве субъектов региональной и мировой политики ряда новых непризнанных, частично признанных или даже запрещаемых государств — все это говорит о реконфигурации пространства мировой политики и экономики. Вместе с тем процесс глобализации, игравший в течение предшествующего 20-летия роль основного драйвера социально-экономического развития, уступает место актам региональной локализации (а часто и национализации). Противоречивое сочетание глобализации и локализации как факторов оставляет впечатление не-

определенности будущего и промежуточности переживаемого периода.

Есть ли общая причина и тенденция упомянутых явлений? Какие закономерности можно усмотреть в динамике мирового развития? В данном докладе мы формулируем ответы на эти вопросы, опираясь на методологию и результаты новой теории социально-экономических систем³ как актуальной реализации системной парадигмы Я. Корнаи⁴. Мы уточняем понятие «системный сдвиг» применительно к мировой социально-экономической системе, показываем, что переход от глобализации к локализации на мегауровне является следствием более глубокого и масштабного мирохозяйственного процесса — циклической смены фундаментальных характеристик (типа) мирохозяйственной сферы как социально-экономической системы. В ходе этих изменений происходит перенос центра тяжести группировки драйверов роста от глобальных (общестрановых и межстрановых) факторов и условий к локальным по времени и пространству событиям международной значимости с последующим обратным переносом. Дрейф от средовых к процессным, от них к событийным (эвентуальным), далее к страновым и вновь к средовым факторам как детерминантам развития характерен для всех социально-экономических систем. На мегауровне он сопровождается реаллокацией социально-экономических ресурсов — труда, капитала, природных ресурсов и предпринимательских способностей, переходом от их независимого распределения в мировом пространстве к концентрации в каждой конкретной стране. Этот процесс может снизить глобальную эффективность использования ресурсов в мировом масштабе, но он приведет к увеличению предсказуемости развития отдельных стран и ро-

¹ Заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН, заведующий кафедрой системного анализа в экономике Финансового университета при Правительстве РФ, научный руководитель факультета экономики и управления Университета «Дубна», член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор. Автор более 700 научных публикаций, в том числе монографий: «Стратегия предприятия», «Микроэкономика знаний» (в соавт.), «Экономика. Математика. Моделирование», «Эволюция институциональных систем», «Эконометрические зависимости: принципы и методы построений» (в соавт.), «Системная координация в экономике: к становлению общей теории координации», «Эволюция ведущих парадигм современной экономической науки», «Государство–регион–отрасль–предприятие: каркас системной устойчивости экономики России», «Какая экономика нужна России: анализ на основе системного моделирования» и др. Главный редактор журнала «Экономическая наука современной России». Председатель Научного совета Отделения общественных наук РАН «Проблемы комплексного развития промышленных предприятий». Награжден медалями ордена «За заслуги перед Отечеством» I и II степени.

² Подготовлено за счет гранта РНФ, проект № 14-18-02294.

³ Клейнер Г. Б. Новая теория экономических систем и ее приложения // Вестник РАН. 2011. Т. 81, № 9. С. 794–808.

⁴ Kornai J. The System Paradigm // William Davidson Institute Working Papers. Ser. 278. William Davidson Institute at the University of Michigan, 1998; Корнаи Я. Системная парадигма // Вопросы экономики. 2002. № 4.

сту странового разнообразия. Все эффекты, связанные с данным системным циклом, должны учитываться при формировании среднесрочной и долгосрочной политики государства.

Мировое сообщество как социально-экономическая система

Системная парадигма, выдвинутая Я. Корнаи на рубеже XX–XXI веков как общая методология применения системного подхода в социально-экономических исследованиях¹ и развитая впоследствии в виде новой теории социально-экономических систем², позволяет трактовать мировое социально-экономическое пространство-время как совокупность (точнее, популяцию) социально-экономических систем различного уровня, масштаба и назначения. Среди таких систем: страны, устойчивые объединения и союзы стран, транснациональные корпорации, крупные международные организации, межгосударственные программы и мегапроекты и т. п. К числу социально-экономических систем имеет смысл относить также разнообразные формальные и неформальные международные нормы, протоколы, регламенты, традиции и иные институты, рассматривая их в совокупности с государственными и общественными структурами, обеспечивающими мониторинг и контроль за соблюдением этих норм. Подобным образом в число подсистем мировой социально-экономической системы включаются трансграничные процессы перетока ресурсов финансового и человеческого капитала, информации, знаний, организационно-технологических новшеств, также рассматриваемые совместно с обеспечивающими эти процессы институтами.

В данном ракурсе изучение факторов и результатов функционирования мирового сообщества сводится к исследованию общих и особенных черт в структуре и функционировании национальных государств, транснациональных и наднациональных социально-экономических систем, включая мировое сообщество в целом. В таком контексте понятие системного сдвига получает определенность и научную обоснованность.

В этих целях необходимо обратиться к классификации социально-экономических систем. Новая теория социально-экономических систем выделяет четыре базовых типа систем в зависимости от конфигурации и характера взаимодействия систем с окружающим пространственно-временным континуумом:

— системы объектного типа, имеющие более или менее определенные границы в пространстве (жизненный ареал), что затрудняет обмен товарами, людьми и другими факторами производства, и неопределенные границы во времени;

— системы процессного типа, имеющие, наоборот, более или менее определенные границы во времени (жизненный цикл) и не имеющие определенных пространственных границ;

— системы событийного (эвентуального) типа, обладающие определенными границами и в мировом пространстве, и в календарном времени;

— системы средового типа с неопределенным ареалом и жизненным циклом.

Примерами систем объектного типа являются страны, объединения и союзы государств. Примеры процессных систем — социальные сети, реализующие процессы распространения информации. Система международного права может рассматриваться как пример средовой системы мегауровня. Строительство адронного коллайдера или запуск МКС — примеры мегасистем событийного (проектного) типа. Каждая реальная социально-экономическая система сочетает в себе черты всех четырех базовых типов, однако, как правило, черты какого-то типа доминируют. Объединение базовых подсистем мегауровня, имеющих данный тип, является системой того же типа.

Таким образом, в структуре мирового сообщества выделяются четыре опорные мегаподсистемы: средовая, процессная, событийная (проектная) и объектная (страновая). Мировое социально-экономическое сообщество в разные периоды в разных пропорциях сочетает черты всех четырех типов систем. Иными словами, объектная, процессная, проектная и средовая мегасистемы выступают как неотъемлемые части, точнее, ипостаси мировой мегасистемы. Периоды доминирования той или иной подсистемы характеризуются вполне определенными особенностями протекания международных процессов.

Четыре мегаподсистемы, рассматриваемые в совокупности с механизмами и процессами обмена четырьмя видами системных продуктов (общественные долгосрочные, общественные краткосрочные, частные долгосрочные, частные краткосрочные), образуют базовую системную структуру глобального мира³. В зависимости от соотношений, отражающих роль каждой из четырех мегаподсистем в функционировании всей мировой системы, мы можем говорить о пропорциях системной структуры мира.

Необходимо понимать, что в стратегическом плане мир нуждается в каждой из четырех мегаподсистем, в совокупности обеспечивающих баланс между устойчивостью и изменчивостью, однородностью и разнообразием мира, однако в разные периоды мировой динамики значимость усилий по поддержке их развития неодинакова.

Исследуя мировую динамику в XX и XXI веках, можно заметить, что в каждый исторически значимый период в мировом сообществе доминирует какая-либо одна из мегасистем. В этот период драйверами развития глобального мира выступают факторы, обусловленные особенностями доминирующей мегасистемы и ее миссии среди четырех мегасистем. При этом эвентуальные (проектные) системы являются наиболее активными и вносят наибольшее разнообразие как в пространственную, так и во временную структуру окружающего мира. Напротив, функционирование средовых систем способствует повышению степени однородно-

³ О подобной структуре для страновых экономик см.: Клейнер Г. Устойчивость российской экономики в зеркале системной экономической теории (Часть 1) // Вопросы экономики. 2015. № 12. С. 107–123; Устойчивость российской экономики в зеркале системной экономической теории (Часть 2) // Вопросы экономики. 2016. № 1. С. 117–138.

¹ Kornai J. Op. cit.; Корнаи Я. Указ. соч.

² Клейнер Г. Б. Указ. соч.

сти пространства и устойчивости динамики. Объектные и проектные системы занимают промежуточное место между активными эвентуальными и пассивными средовыми системами. Объектные системы обеспечивают стабильность в ареале своей деятельности, а процессные способствуют повышению однородности пространства в пределах периода своего жизненного цикла.

Если в глобальном социально-экономическом пространстве доминирует событийная/проектная (эвентуальная) мегаподсистема, то неизбежны значимые для мира изменения как в распределении территорий по отдельным государствам, так и переломы в тенденциях развития многих стран. Наступает «эпоха происшествий», именуемая часто также эпохой перемен.

Если доминирует средовая мегасистема, страновая структура мира стабилизируется и можно говорить о периоде устойчивого развития — «эпохе стабильности» (в России такой период именуется «эпоха застоя»). Этот период часто сопровождается разрядкой напряженности в международных отношениях.

Для периода доминирования объектной мегасистемы характерна стабилизация территориального устройства глобального мира, концентрация усилий на внутристрановом развитии («эпоха домостроя»). При этом неравномерность развития отдельных стран может приводить к нарастанию напряженности в международных отношениях.

Доминирование процессной подсистемы проявляется в активизации межстрановых глобальных процессов и усилении влияния мирового сообщества в целом («эпоха глобализации»). Ввиду ограниченности жизненного цикла процессных систем длительность этого периода также ограничена.

Что такое системные сдвиги в мировой социально-экономической системе?

Используя кратко изложенный в предыдущем разделе концептуальный аппарат, мы можем сформулировать понятие системного сдвига применительно к глобальной социально-экономической системе. Поскольку наиболее важные системные свойства глобального

мира определяются типом доминирующей мегаподсистемы, под *системным сдвигом* в глобальном социально-экономическом пространстве следует понимать смену типа доминирующей в мире мегасистемы.

Исходное представление о канонической последовательности смены периодов доминирования глобальных мегасистем можно составить на основе концепции тетрады — комплекса из четырех устойчиво взаимодействующих систем четырех различных базовых типов. Согласно этой концепции, взаимодействие компонентов тетрады реализуется в виде цепочки (цикла) «объектная система — средовая система — процессная система — проектная/событийная система — объектная система». Такая последовательность возникает при функционировании тетрад любого уровня: микроэкономического, мезоэкономического (отраслевого и регионального), макро- и мегаэкономического. Поэтому последовательность смены эпох в динамике глобального мира выглядит следующим образом: «эпоха странового домостроительства — эпоха стабильности — эпоха глобализации — эпоха перемен», после чего цикл повторяется.

Следует отметить, что между стадиями системного цикла обычно нет резких границ и каждая новая стадия начинается раньше, чем заканчивается предыдущая, как бы прорастая в ее толще. Поэтому идентификация текущей стадии представляет определенные затруднения. Вместе с тем знание канонической последовательности позволяет дать если не количественный, то хотя бы качественный прогноз мировой динамики.

Применительно к нашему времени особенности стадий («эпох») мирового развития приведены в таблице (см. ниже).

В настоящее время эпоха глобализации как часть четырехчастного цикла мировой динамики завершается. Переход к стадии «странового домостроительства» сопровождается (или предворяется) перекойкой политической карты мира. Меняется состав Евросоюза. Изменились границы России и Украины, появился ряд непризнанных, частично признанных и даже запрещенных государств. Вспыхнули локальные вооруженные конфликты. Все это говорит о наступлении «эпохи перемен».

Классификация и характерные черты периодов мирового развития

Наименование периода	Доминирующая мегасистема	Характерные явления
Эпоха стабильности (эпоха разрядки международной напряженности)	Средовая (общестрановая) мегасистема	Возрастание роли международных организаций, общечеловеческих и общестрановых ценностей, борьба за права человека. Создание Интернета как платформы глобальной коммуникации
Эпоха глобализации (эпоха облегченного межстранового распространения ресурсов)	Процессная мегасистема	Глобализация, развитие средств коммуникации, социальные сети. Расширение межстрановой миграции
Эпоха происшествий (эпоха международно значимых событий/проектов)	Событийная (межстрановая) мегасистема	Изменение географических границ стран. Появление новых государств. Создание, ликвидация и изменение состава крупных международных союзов. Примат политических интересов над экономическими. Возрастание роли национальных лидеров
Эпоха приоритета национальных интересов (эпоха странового домостроительства)	Объектная (страновая) мегасистема	Национализация, приоритет национальных интересов

Одновременно начинают прорастать контуры следующего этапа — эпохи странового домостроительства. Каждая из стран (консолидированных групп стран), определяющих сегодня повестку мировой геополитики, — Россия, Китай, США, Евросоюз — все в большей степени, хотя и с разной скоростью, концентрируется на реализации национальных интересов в ущерб глобальным ценностям. Идеализм уступает место прагматизму.

В этих условиях следует ожидать возрастания роли руководителей государств, способных консолидировать население своих стран. Одновременно повышаются риски переноса личных отношений между лидерами на отношения между странами, а то и народами. На общемировом уровне «экономика физических лиц» трансформируется в «политику физических лиц». В последнее время число ситуаций, в которых личные отношения лидеров становятся ведущим фактором межгосударственных отношений, стремительно возрастает. При этом население и бизнес становятся своеобразными заложниками, говоря словами В. Пикуля, в «битве железных канцлеров». В немалой степени это относится и к отношениям России с другими государствами.

Общий вывод состоит в том, что системные сдвиги, происшедшие в конце XX — начале XXI века, привели мир к «эпохе перемен», в рамках которой заметны ростки «эпохи страновой автономизации, или национализации».

Опорные точки и системные сдвиги

Изложенная выше теория системных циклов мировой социально-экономической динамики позволяет сформулировать несколько опорных принципов, следование которым способствовало бы снижению уровня неопределенности глобального развития и повышению его эффективности.

1. *Принцип цикличности.* Согласно этому принципу, на каждой стадии геополитическая стратегия должна строиться с учетом неизбежного завершения в обозримом будущем данной стадии и возврата к ней в долгосрочной перспективе. В силу инерционного характера развития социально-экономической сферы это означает, что принятые на данной стадии в конкретных исторических условиях решения могут стать прецедентными и послужить образцами для решений в период циклического возврата к данной стадии. Это немало увеличивает ответственность лидеров и может (при надлежащем осознании) стать фактором повышения значимости стратегического компонента странового управления.

2. *Принцип системной смежности.* Согласно этому принципу, политика государства на каждой стадии должна учитывать «прорастание» смежной стадии в пределах текущей. Так, на событийной (эвентуальной) стадии следует затрачивать усилия не только на ослабление негативных для данной страны последствий структурных геополитических изменений, но и на активизацию процессов концентрации всех базовых видов ресурсов (труд, капитал, природные ресурсы, предпринимательский потенциал на территории данной страны).

3. *Принцип переключающегося странового лидерства.* В отличие от предложенного ранее¹ варианта пе-

реключающегося странового лидерства, где не учитывалось чередование системных стадий динамики мирового сообщества, в данном подходе было бы естественно опираться на четырехтактную схему развития с поочередным доминированием каждой из четырех мегасистем, если бы временным неформальным лидером становилась та страна, которая в наибольшей степени обладала бы качествами, присущими доминирующей мегасистеме. Например, Китай в наибольшей степени обладает чертами процессной системы; США — проектной (эвентуальной); Япония — объектной; Россия — средовой системы.

4. *Принцип опоры на системные механизмы функционирования мирового сообщества.* Знание общих закономерностей мировой динамики позволяет не только заблаговременно подготовиться к наступлению новых этапов развития, необходимости удовлетворения спроса на новые специфические системные качества данной страны, но и использовать в качестве опорных инструментов глобальной политики такие системные механизмы, как глобальный event-менеджмент (генерация и управление глобальными событиями); управление разнообразием; манипулирование средовыми информационными эффектами, в частности информационными фантомами (объективно возникающими ассоциативными информационными сгустками) и др.

5. *Принцип приоритетности стабильного развития экономических, социальных и культурных межгосударственных отношений.* Стадии системного цикла мирового развития равно необходимы, но не равноценны. Наиболее благоприятной для социально-экономического развития является «эпоха стабильности», позволяющая осуществлять не только генерацию, но и фильтрацию, селекцию и апробацию социально-экономических инноваций. В определенном смысле данный период может рассматриваться как опорный для всего системного цикла. Приближение и расширение этой стадии за счет разнообразных антикризисных мероприятий и механизмов должно стать одним из основных направлений системной геополитики. Условно говоря, правом на устойчивость обладают только те образования и явления, которые имеют признаки систем. Поэтому в основу этих механизмов должен быть положен принцип системности, заключающийся в данном случае в единстве социальных, экономических, экологических и культурных аспектов развития. В настоящее время эти четыре фактора и соответствующие каналы межстранового взаимодействия функционируют, как правило, автономно или в режиме парной корреляции. Здесь уместно напомнить предложение о создании *культурологии* — теории, методологии и методики ведения социально-экономической деятельности на базе культурологической идентификации и оценки социально-экономических феноменов.

В целом из всего изложенного можно сделать вывод о наличии значительных когнитивных, идеологических, научных, методологических и политических резервов повышения предсказуемости, устойчивости и управляемости мирового развития.

¹ Клейнер Г. Б. Концепция переключающегося лидерства в международном сообществе как ответ на глобальные вызовы

современности // XVI Междунар. Лихачевские науч. чтения, 19–21 мая 2016 г. СПб. : СПбГУП, 2016. С. 127–131.

Гжегож В. Колодко¹**ЭРА АЗИИ НА ФОНЕ ЕВРО-АТЛАНТИЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ?**

Времена сейчас мирные, но при этом идут войны. К счастью, между мировыми титанами войны бескровные. Тем не менее, к сожалению, холодная торговая война может превратиться в горячую войну, и на смену сдержанным и тихим спорам приходит открытая и громкая конфронтация. Это происходит главным образом потому, что Запад боится растущей конкуренции со стороны Востока, и если Запад будет играть по правилам, то справиться ему с Востоком не удастся². Поэтому повышается уровень лицемерия — для Соединенных Штатов Америки лучшей иллюстрацией является слоган: «Поступай так, как мы велим, а не так, как мы поступаем», то есть полная убежденность в своей правоте. Постоянно говорят о свободной торговле и либеральной экономике, о передаче технологий и прямых инвестициях, а сами прибегают к протекционистским маневрам, открытым или маскируемым под политическую риторику.

Существует серьезная угроза все более активного использования протекционистской практики. Это поддерживает торговлю. Наряду с давлением со стороны определенных политических кругов главную роль играет психоз относительно неукротимого наступления Востока, подхлестываемый средствами массовой информации. Лучшим примером такой угрозы является Китай, и эту страну чаще всего будут призывать к порядку. Это уже происходит, иногда вне разумных пределов.

Во времена глобализации и присущей ей борьбы за влияние и положение честной политики не существует³. Китай использует как политический, так и промышленный шпионаж. Сегодня ему это делать труднее, поскольку он находится в центре внимания. Американцы, русские, англичане, немцы, французы, японцы, а также представители некоторых других стран это тоже делают. Даже если мы не одобряем такой практики, приходится признать, что она существует.

Азия является быстро растущей силой. Объемы производства и численность населения континента быстро растут, на Азию приходится более 62 % населения всей планеты, 57,5% из которых находятся за пределами Ближнего Востока, который часто по геополитическим соображениям рассматривают отдельно. Эта человеческая масса генерирует немногим бо-

лее 46 % валового мирового продукта (ВМП), больше, чем США и ЕС, вместе взятые. Без Ближнего Востока это более 38 % ВМП. В будущем доля населения Азии, как и доля ее объема производства, будет увеличиваться из-за более высоких темпов роста населения и экономики. Следует помнить, что когда-то — фактически на протяжении всего последнего тысячелетия примерно до 1820 года, когда уровень производства на Западе резко подскочил в результате промышленной революции, — на долю Азии приходилось свыше 60 % мирового производства. В 1950 году эта цифра составляла менее 20 %, но понадобились усилия всего лишь двух поколений, чтобы этот показатель удвоился. Может быть, уже в 2030 году он опять перевалит за половину.

Азиатский континент чрезвычайно разнообразен с позиций культуры, политики и экономики, особенно если смотреть с географической точки зрения и идти по границам континента от Турции и Израиля на западе до Японии и российской Сибири с Камчаткой и Чукоткой на Дальнем Востоке. Если оставить в стороне азиатскую часть России, которая обычно не учитывается при экономических расчетах по Азии, то четыре основных ядра континента — это Китай и Япония, а также два блока региональной интеграции: АСЕАН в Юго-Восточной Азии, без доминирующей экономики, и Ассоциация регионального сотрудничества Южной Азии, где доминирует Индия, региональная сверхдержава с точки зрения численности населения, а также экономической и военной мощи. Из 12 стран мира с населением свыше 100 млн человек 7 — Китай, Индия, Индонезия, Пакистан, Бангладеш, Япония и Филиппины — расположены в Азии. Вскоре к ним присоединятся Вьетнам и Турция. Из 20 стран, на которые приходится более 1 % мирового объема производства, 8 — Китай, Индия, Япония, Южная Корея, Индонезия, Турция, Иран и Тайвань — находятся в Азии. Поэтому, размышляя о будущей роли Азии, ее демографическом потенциале и культуре, политическом значении и особенно ее экономическом влиянии, следует помнить, что это почти во всех отношениях крупнейший регион в мире.

Нет никаких сомнений, что истинная позиция Китая — не только экономическая, но и, следовательно, как это всегда бывает с большой страной, политическая и военная, — а также его влияние на мировые события усиливаются, и в обозримом будущем это будет продолжаться. С помощью мирных методов этот процесс невозможно остановить и уж тем более повернуть вспять. А другие методы исключаются. Это придется признать всем, независимо от собственных интересов и субъективных предпочтений. Нам нужно снова сделать шаг вперед и попытаться найти свое место в меняющемся мире завтрашнего дня.

На этот раз китайский вызов — это не бряцание атомным оружием и (к счастью) не безнадежная попытка экспорта революции, это главным образом

¹ Вице-премьер, министр финансов Польши (1994–1997, 2002–2003), директор Исследовательского института Университета Леона Козьминского (Варшава), иностранный член РАН, доктор экономических наук, профессор. Автор 50 книг и более 400 статей, изданных на 26 языках, в т. ч.: «25 лет трансформации: от нелиберальных провалов к прагматичному росту» (в соавт.), «Мир в движении: экономический бестселлер», «Глобализация, трансформация, кризис — что дальше?», «От шока к терапии. Политическая экономия постсоциалистических преобразований», «Куда идет мир: политическая экономия будущего» и др. Член Европейской академии искусств, наук и гуманитарных исследований. Почетный доктор десяти иностранных университетов.

² Spence M. The Next Convergence. The Future of Economic Growth in a Multispeed World. N. Y. : Farrar, Straus and Giroux, 2011.

³ Kolodko G. W. Whither the World: The Political Economy of the Future. N. Y. : Palgrave MacMillan, 2014.

успешный экспорт товаров и, что весьма важно, экспорт капитала. Все это происходит в ходе различных товарообменных сделок, которые увеличивают присутствие Китая по всему миру. Это заметно не только по данным статистики и участию в крупных международных выставках, но и видно невооруженным глазом при поездках в разные страны. То, что не так заметно сейчас, но имеет первостепенное значение для будущего, — это долгосрочные последствия крупных инфраструктурных проектов, финансируемых в обмен на многолетние контракты на поставку стратегического сырья. Это особенно заметно в Африке и Латинской Америке, а также, как ни странно, в российской Сибири, но пока в гораздо меньшем масштабе. В будущем именно в этом регионе будут происходить серьезные изменения, основанные главным образом на совместных российско-китайских инвестициях и проектах по добыче полезных ископаемых.

Китай тратит значительные средства за рубежом на финансирование инфраструктуры для совершенствования трудовых ресурсов: школ и университетов, поликлиник и больниц. Для этого используются кредиты на льготных условиях, которые в некоторых случаях частично отменяются и становятся субсидиями. К реализации проектов в области инфраструктуры привлекают крупные китайские строительные компании, поэтому не удивительно, что они становятся основными глобальными игроками. Если взглянуть на геополитическую карту мира с этой точки зрения, легко заметить, что Китай особенно активен там, где Запад потерпел поражение. Сначала, в колониальный период, Запад использовал местное население, вместо того чтобы помогать ему, затем, в неоколониальный — обманул эти народы, не предложив сотрудничества, а недавно, во время глобализации, игнорировал их, вместо того чтобы искать сферы позитивного синергизма. Если бы все это не закрепилось в памяти этих народов на их пути к независимости, они были бы менее склонны поворачиваться в другую сторону, где им могут предложить что-то более ценное.

Хотя все это, несомненно, способствует сокращению масштабов нищеты и социально-экономическому развитию, Китай, в том числе и по этой причине, подозревают или даже обвиняют в недобрых намерениях, идеологической обработке и политической коррупции, а то и в империализме XXI века. Даже если это отчасти и так, это не отменяет того факта, что такая стратегия помогает менее развитым странам. Если это создает угрозу для баланса влияния, тогда, вместо того чтобы тратить время на критику китайской экспансии, богатому Западу следует увеличить собственную помощь и переориентировать методы работы и стратегические направления деятельности международных организаций, на которые сильно влияет китайская экспансия.

Возникает вопрос: не почувствуем ли мы китайское давление на Миссисипи, Амазонке, Дунае, Ниле, Висле, Лимпопо и особенно на Ганге и Енисее? Конечно, почувствуем, еще как. Уже чувствуем. Это не только результат нынешних торговых, финансовых и инвестиционных отношений. В некоторых регионах, особенно в Юго-Восточной Азии, связи с Китаем складывались

на протяжении столетий. В частности, там существовала система императорской власти вместо колонизации западного и арабского стили. В течение 2 тыс. лет Китай использовал торговлю и уникальную дипломатию для оказания значительного влияния на многих из его ближних и дальних соседей, включая весь регион, который сегодня образует ассоциацию стран АСЕАН. Тогда Китай действительно находился «посередине» этого мира и не прибегал к военным завоеваниям или политическому порабощению, и система отношений отличалась от той, что использовали другие цивилизации того времени. Эта система была основана на глубоком убеждении, что Китай — это центр мира, а император — сын неба, и все остальные, естественно, должны быть его вассалами. Такой подход культивировала китайская дипломатия, которая имела мало общего с западной. Страны, которые желали торговать с Китаем, — а их было довольно много, потому что китайский рынок всегда был привлекательным, — посылали свои «дипломатические» миссии, которые покорно везли дань в Пекин, чтобы снискать благосклонность властей, без протекционизма которых невозможно было свободно проникнуть на емкий рынок¹. Когда европейцы прибыли в Китай в XVI веке, они также следовали этим правилам.

Зависимость от китайской экономической ситуации можно наблюдать на многих уровнях, и это касается не только прямого экспорта и импорта. В литературе по этому вопросу даже появился термин «*индекс зависимости от Китая*» (*sinodependency index*). Этот показатель отражает изменения в индексе ценных бумаг 500 компаний (S&P 500), который зависит от позиции 135 включенных в него компаний, получающих свои доходы от операций в Китае. Если китайская экономика находится на подъеме, то же самое происходит и с биржевыми котировками, и наоборот. За период с 2009 по 2012 год *индекс зависимости от Китая* вырос почти на 130 %, а индекс S&P 500 — лишь немногим больше, чем на 50 %. Другими словами, если бы не продолжающийся китайский бум, мировая экономика была бы в гораздо худшем состоянии, что негативно сказалось бы на фондовых биржах во многих других странах, включая наиболее развитые. Так что те, кто желает зла Китаю, желают того же самим себе.

Проблемы низкой эффективности некоторых китайских государственных компаний множатся; становится очевидным несоответствие между структурой снабжения и спросом; многие компании имеют огромные задолженности, теряют ликвидность или уже находятся на грани банкротства; процветает коррупция, особенно на пересечении частного бизнеса и государственного сектора. Это не то государственно-частное партнерство, о котором мы говорим. Наибольшие возможности для коррупции — в системе государственных закупок, следовательно, темпы строительства современных автомагистралей и скоростных железных дорог и темпы роста числа коррумпированных чиновников, иногда высокого уровня, похоже, стремятся обо-

¹ Vohra R. China's Path to Modernization: A Historical Review from 1800 to the Present. Upper Saddle River : Prentice Hall, 1999.

гнать друг друга. Несмотря на несомненные достижения в области охраны окружающей среды, например облесение, размещение предприятий по переработке отходов в городских агломерациях и использование солнечной энергии, общая ситуация в этой сфере ухудшается. Согласно оценкам, 16 из 20 самых загрязненных городов мира находятся в Китае.

Все это неудивительно, и экономическая политика пытается решать возникающие проблемы, к примеру, с помощью дальнейшей децентрализации управления, изменений в налоговой системе и дерегулирования рынка труда¹. Превратилось в клише высказывание, что нам нужно делать больше, в том числе когда речь идет об обеспечении более эффективного общественного контроля над экономической политикой. На Западе мы постоянно слышим, что делается слишком мало, слишком поздно, что снижаются темпы развития, но этого пока не наблюдается.

Китаю обеспечены по крайней мере два года, а скорее всего — более десяти лет быстрого роста (некоторые считают, что даже несколько десятилетий, но это ошибочное мнение), который более чем в два раза превысит средний общемировой рост и в три раза — рост богатых стран. Китай не вернется, за исключением отдельных лет, к двузначным показателям темпов роста, но по-прежнему сможет быстро наращивать свой национальный доход. Как долго? И насколько? Это более обширная проблема, поскольку Китай — не единственная быстро развивающаяся страна. На протяжении многих лет мир обсуждает «азиатское экономическое чудо», имея в виду впечатляющий рост как в «единственных в своем роде» Сингапуре, Гонконге и Тайване, так и в гораздо более крупных странах, таких как Индонезия, Южная Корея, Таиланд, Малайзия, а недавно к ним присоединился еще и Вьетнам. Высоки темпы роста в такой густонаселенной стране, как Индия.

Предположим, что эти страны не совершат стратегических ошибок, которые опустят их рост до низкого уровня. Тогда как долго будет продолжаться столь быстрый рост экономики азиатских стран, показатели которого значительно превышают показатели других стран и регионов? Не только в азиатском контексте, но и в целом с точки зрения теории и политики экономического роста правильнее спросить: не как долго, а до какого уровня этот рост возможен? Другими словами, при каком уровне дохода динамика роста производства начинает снижать обороты? Если мы получим ответ на этот вопрос, мы сможем спрогнозировать, в течение скольких лет развивающиеся страны могут надеяться на продолжение подъема по лестнице доходов.

Запад, то есть Евроатлантика без Японии и Америки, с его высокомерием и чувством предполагаемого превосходства может, следуя старому изречению *о двух собаках, дерущихся из-за кости, которую уносит третья собака*, считать, что некоторые внутренние азиатские конфликты, до тех пор пока они не слишком разгорелись, работают в его пользу. Как видим, на азиатском континенте нет недостатка в разделительных ли-

ниях. Шрамы, сохранившиеся с колониальных времен, а также не полностью залеченные раны периода Второй мировой войны и нескольких более поздних региональных конфликтов влияют на двусторонние и многосторонние политические отношения, что отражается на дипломатических отношениях и культурном обмене. Мы видим это и в секторе туризма, поскольку в наши дни легче найти группы китайских туристов в беспокойном Египте, чем в Южной Корее, и больше японцев путешествует вдали от дома, на Ближнем Востоке, чем в соседнем Китае.

Это отнюдь не еще одно столкновение цивилизаций, а проблема, которая выходит далеко за рамки ожесточенной рыночной конкуренции или даже экономической войны. Может показаться, что происходит торговый и валютный спор между США и Китаем или, в более широком смысле, спор между евро-атлантическим Западом и азиатским Востоком, но существуют и другие базовые источники разногласий. Речь идет о гораздо более важных явлениях, чем то, что Huawei угрожает Motorola, ZTE — Apple, а Samsung — Nokia, что все более ощущается конкурентоспособность Индии или что существуют опасения по поводу проникновения в некоторые сектора капитала из дружественной арабской страны, как было в случае с предполагаемыми инвестициями дубайской компании в американские порты. Дело в том, что либеральный капитализм, чье неолиберальное отклонение полностью компрометирует себя в результате экономического кризиса и растущего конфликтного потенциала всей системы, противостоит государственному капитализму. Речь идет о еще одном, на этот раз глобальном измерении конфронтации между рынком и государством.

Точно так же, как есть несколько видов либерального капитализма, существует несколько видов государственного капитализма. Европейский тип, цитаделью которого является Франция, где умеряемое фискальным перераспределением участие правительства в экономике достигает 57 %, ушел в прошлое. Он не представляет собой серьезной угрозы, но и не сулит больших надежд на светлое будущее. В отличие от него азиатский тип государственного капитализма может быть делом будущего в ряде освобождающихся стран, поскольку он лучше, чем другие системы, справляется с проблемами, связанными с экономическим ростом в эпоху глобализации. Постсоветский государственный капитализм, которому еще предстоит дать четкое определение, и его более мягкий латинский вариант ищут свое место где-то посередине. На долю государственных компаний приходится 80 % объема китайского рыночного капитала, 62 % — российского и 38 % — бразильского. То, какую сторону конфронтации между Азией и Евроатлантикой выберут освобождающиеся страны других регионов, будет иметь первостепенное значение для будущего всего мира, для формирования политической и экономической системы завтрашнего дня.

Для всего мира Китай становится все более привлекательным, а Запад теряет привлекательность для многих регионов. Оказывается, все больше стран ориентируют свою денежно-кредитную политику на юань,

¹ Lin J. Y. *Demystifying the Chinese Economy*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2012.

а не на доллар. Если обменный курс доллара к швейцарскому франку меняется на 1 %, валюты стран Западной Азии меняются в том же направлении на 0,38 %. Но когда то же самое происходит с юанем, они меняются на 0,53 %. По оценкам, по сравнению с последними докризисными годами, в 32 из 52 стран, классифицированных как «страны с формирующимся рынком», опорное положение доллара снизилось, причем в пользу юаня. В контексте таких тенденций, и особенно учитывая ожидаемое продолжение быстрого экономического роста и увеличения доли Китая в глобальной торговле, можно найти прогнозы, что уже в 2035 году китайская валюта станет доминирующей в мире¹. Это еще одна ошибка. Международное значение юаня, также называемого жэньминьби, будет расти, но он не станет доминирующей валютой. Также сомнительно, что юань когда-либо заменит доллар в качестве лидера, по крайней мере в 2035 году, конечно же, этого не произойдет. Если какая-то валюта и сбросит с престола доллар, в котором хранится свыше 62 % мировых валютных резервов, то это будет не юань, а евро, ведь именно в нем хранится около четверти таких резервов; при условии, конечно, что евро справится с кризисом.

Китай вошел в моду настолько, что не только в области экономики можно найти много мнений, основанных не на надежных научных исследованиях, а скорее следующих моде. То же самое происходит и в других областях — от искусства до политики. Несомненно, в отношении Китая встречалось много преувеличений, вызвавших образование рыночного пузыря. Три из десяти самых дорогих произведений искусства, проданных в 2011 году, были созданы китайскими художниками, в том числе картина «Орел на сонне» Ци Байши (1864–1957), на которую нашелся покупатель, отдавший 65 млн долларов. Картина действительно красивая, но сколько бы анонимный инвестор ни потерял этой сделке, это его проблема. Проблема для всех нас — это растущая мода на все китайское в экономической политике. В последние годы у всех на слуху еще один термин — «пекинский консенсус»². По очевидным причинам он противопоставляется вашигтонскому консенсусу, в настоящее время отпавшему на свалку экономической истории и отнесенному на периферию господствующей политической экономии. Так существует ли такая вещь, как пекинский консенсус? Может быть, это еще одно изобретение западных политических наук, ведь оба эти термина появились в США, а китайцы могут вполне обойтись и без него? Да, именно так.

Кстати, четверть века назад, когда появился термин «вашигтонский консенсус»³, ни в политических, ни в технократических кругах Вашингтона не было единодушия в отношении того, как обращаться с внешним

миром или, точнее, с капризными «формирующимися рынками» сначала в Латинской Америке, а вскоре после этого в Восточной Европе и на постсоветском пространстве. Тогда очень популярной стала концепция неолиберального дерегулирования рынка, приватизации имущества и ограниченной роли государства, которая была названа консенсусом по названию города, который, безусловно, является одним из самых влиятельных в мире, если не самым влиятельным. Дело завершили средства массовой информации и экономическая политика, которая, как попугай, любит повторять броские термины, даже если они неточные, неподходящие или весьма нелепые. Позднее предпринимались попытки изменить эту концепцию экономической политики путем добавления институционального уровня и соответствующего социального содержания под новым названием «пост-вашигтонский консенсус»⁴. Тогда не казалось, что Пекин может заменить Вашингтон и что Китай возьмет на себя роль Соединенных Штатов Америки.

Сейчас похожая ситуация, потому что в политических или технократических кругах Пекина нет окончательного согласия в отношении того, как обращаться с внешним миром, особенно с другими освободившимися экономиками. Однако, поскольку становятся очевидными некоторые направления экспансии Китая и проявляется китайская система ценностей, отличная от западной, мы говорим о пекинском консенсусе. Его общее толкование сводится к регулированию экономики, значительному государственному участию в ней и интервенционизму, когда экономические атрибуты идут рука об руку с политическим централизмом. И снова средства массовой информации и любитель раздавать клише — экономическая политика — пытаются сделать все остальное, но на этот раз термин так быстро не подхватили.

В реальности как в академических, так и в высших политических кругах Китая взгляды вовсе не единодушны, и сейчас до достижения консенсуса дальше, чем когда-либо. Разброс мнений намного шире, чем в отношении западных стереотипов, что является отражением разделения между «левым крылом», призывающим к укреплению государственного сектора и бюрократического надзора над экономикой, и «правым крылом», предлагающим дальнейшую денационализацию и дерегулирование. Примечательно, что ведущий китайский экономист и до недавнего времени главный экономист Всемирного банка Джастин Ифу Линь озглавил свою книгу по экономической политике «*Против консенсуса*»⁵.

Усилия по вестернизации мира, и особенно по его американизации, потерпели неудачу, это же случится и с попытками его китаизировать, если таковые будут предприняты, но этого не произойдет. Как преувеличены оценки китайской экономической реальности, кото-

¹ Subramanian A., Kessler M. The Renminbi Bloc Is Here: Asia Down, Rest of the World to Go? // Working Paper, 12–19. Peterson Institute for International Economics. Washington, 2012. Oct.

² Halper S. The Beijing Consensus: How China's Authoritarian Model Will Dominate the Twenty-First Century. N. Y. : Basic Books, 2010.

³ Williamson J. What Washington Means by Policy Reform // Latin American Adjustment: How Much has Happened? / ed. by J. Williamson. Washington : Institute for International Economics, 1990.

⁴ Stiglitz J. E. More Instruments and Broader Goals: Moving Toward the Post-Washington Consensus // Wider Annual Lecture, 2, Unu-Wider. Helsinki, 1998 (Mar.) ; Kolodko G. W. Transition to a market economy and sustained growth. Implications for the post-Washington consensus // Communist and Post-Communist Studies. 1999. Vol. 32, № 3.

⁵ Lin J. Y. Against the Consensus... // Lin J. Y. Op. cit.

рую иногда сводят к «авторитарному капитализму»¹, так же преувеличены и предположения относительно имперских амбиций Китая. Иллюзорный пекинский консенсус не отменяет вашингтонского, который покидает сцену по собственной вине. Требуется что-то другое, лучше и перспективнее.

Это трудно, потому что со времени беспрецедентного интеллектуального и морального позора неолиберального капитализма не появилось инновационной и привлекательной идеи, которая могла бы заполнить образовавшуюся пустоту². Ни Китай (с радостью опирающийся на великого Конфуция, чьи идеи, однако, не могут стать основой для будущего), ни кто-либо еще в Азии или за ее пределами не имеет готового ответа на основополагающий вопрос: «Что дальше?». Что нам точно следует делать — это приложить колоссальные усилия для защиты универсальных ценностей Запада. Политический неолиберализм делает посмешищем подлинную демократию, а экономический — превращает экономику в свою частную ферму, но это не значит, что нам не следует дорожить либеральными ценностями: свободой, наличием выбора, добросовестной конкуренцией, свободой предпринимательства, рынком и социальной экономикой. Азия тоже может на них опираться.

Из всего вышесказанного следует, что рождается мир с несколькими экономическими и политическими центрами, расцветает многообразие культур, и ни одна

из них, даже из основных, не будет полностью доминировать, в то время как другие отступят на задний план. В этом смысле в будущем найдется место для всех³. Ну, или почти для всех. Мир будущего — это многополярный, неоднородный и поэтому культурно более богатый мир. Если нам удастся должным образом ориентировать и контролировать постоянный, бесконечный диалог, то не будут происходить разрушительные столкновения цивилизаций, а возникнет их творческая гармония.

Облик мира в XXI веке главным образом будет определяться не столько результатом прямого экономического соперничества между Азией и Европой с Америкой, сколько тем, как будут взаимно проникать эти мегасистемы ценностей, институтов и политики, как они будут фильтровать и обогащать друг друга. Происходящая сегодня конфронтация является скорее возможностью для будущего, чем угрозой для него. Нам следует, однако, понимать, что появляются не только новые рынки, как бы это определял неолиберальный капитализм, но и альтернативные идеологии. Чем быстрее это признают интеллектуальные лидеры и руководители мировых политических и экономических центров, тем лучше. Таким образом, наибольшая угроза для богатого западного мира, а также для некоторых освободившихся экономик, которые пытаются слепо следовать за ним, исходит не от Китая, а от мифа о совершенном рынке⁴.

В. А. Лекторский⁵

ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОГО ГЛОБАЛЬНОГО МИРА: ЧЕГО ЖДАТЬ, НА ЧТО НАДЕЯТЬСЯ, ЧТО ДЕЛАТЬ

Вот уже на протяжении многих десятилетий западная цивилизация, а за ней и мир в целом живет в ситуации острейших вызовов и кризисов.

Не менее полувека существует экологический кризис. Развитие западного, а затем и остального мира по пути технологической цивилизации привело к невиданному вмешательству в природные процессы, идея поставить природу на службу человеку воплотилась в нарушение естественных взаимосвязей и поставила человечество перед лицом собственной гибели (наш известный ученый академик Н. Н. Моисеев связывал с решением экологической проблемы вопрос «быть или не быть человечеству»). Об этом кризисе пишут много. Существуют влиятельные экологические движения и даже политические партии. Принимаются решения по этой тематике на международном уровне.

¹ *McGregor J.* No Ancient Wisdom, No Followers: The Challenges of Chinese Authoritarian Capitalism. Westport: Prospect Press, 2012.

² *Pankaj M.* From the Ruins of Empire: The Revolt Against the West and the Remaking of Asia. N. Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2012.

³ *Kupchan Ch. A.* No One's World. The West, the Rising Rest, and the Coming Global Turn. N. Y.: Oxford Univ. Press, 2012.

⁴ *Kolodko G. W.* Truth, Errors, and Lies: Politics and Economics in a Volatile World. N. Y.: Columbia Univ. Press, 2011.

Но в целом проблема не исчезает, а становится все более острой.

⁵ Академик РАН, главный научный сотрудник сектора теории познания Института философии РАН, научный руководитель философского факультета, заведующий кафедрой эпистемологии и логики Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва), академик РАО, доктор философских наук, профессор. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Философия в современной культуре», «Субъект, объект, познание», «Эпистемология классическая и неклассическая», «Трансформации рациональности в современной культуре», «Философия в контексте культуры», «Философия, познание, культура», «Наука глазами гуманитария» (в соавт.), «Познание и сознание в междисциплинарной перспективе» в двух частях (ред.), «Проблема сознания в междисциплинарной перспективе» (ред.) и др. Главный редактор и один из авторов книжной серии «Философия России второй половины XX в.». Главный редактор журнала «Философия науки и техники», председатель международного редакционного совета журнала «Вопросы философии», член редколлегий журналов «Эпистемология и философия науки», «Личность. Культура. Общество». Член Международного института философии (Франция), иностранный член Центра философии науки Питтсбургского университета (США), член Международной академии философии науки (Бельгия). Почетный профессор Института философии Китайской академии социальных наук, почетный член Национальной академии наук Республики Казахстан. Награжден орденом «Знак Почета», орденом М. В. Ломоносова, медалями им. Г. И. Челпанова I степени, Института философии РАН «За вклад в философию», «В память 850-летия Москвы».

В недавнее время возникли и другие, не менее острые проблемы в иной сфере человеческой деятельности, которые тоже ставят под вопрос возможность сохранения человека в привычном нам виде. Эти проблемы — результат новейшего этапа развития науки и техники, появления новых информационных технологий (телевидение, компьютерные технологии, коммуникация с помощью Интернета) и в связи с этим вступления наиболее развитых стран в так называемое информационное общество.

Высокий темп обновления знания, характерный для информационного общества, влечет быструю сменяемость социальных структур и институтов, воплощающих это знание, типов и способов коммуникации. Многие социальные процессы становятся быстротечными и эфемерными. Интеграция прошлого и будущего в единую цепь событий, образующая индивидуальную биографию и лежащая в основе личности, «я», оказывается в некоторых случаях непростым делом. Все более усложняющаяся в современном обществе цепь социальных и технологических опосредований между действием и его результатом делает сложным рациональное планирование действий не только на коллективном, но и на индивидуальном уровне. Но дело не только в этом. Любое рациональное действие предполагает как учет его возможных последствий, так и соотнесение выбранных средств с существующими в обществе нормами поведения, с коллективными представлениями о дозволенном и недозволенном, с представлениями действующего субъекта о самом себе, о своей биографии, о принятых на себя в прошлом обязательствах, о принадлежности к той или иной коллективной общности, то есть с тем, что называется индивидуальной идентичностью.

Между тем современный западный мир переживает кризис индивидуальной идентичности. Недаром проблема кризиса идентичности сегодня одна из самых обсуждаемых на различных конференциях философов, психологов, социологов. Это связано с разрушением многих привычных норм, с упомянутой эфемерностью социальных процессов, с трудностью интеграции прошлого и будущего, разных коммуникационных потоков и разных систем социальных взаимодействий на индивидуальном уровне. Появляется все больше индивидов, которые характеризуются поли-идентичностью или «размытой идентичностью», их сознание оказывается фрагментированным и они не могут ответить на вопрос, кем они являются («кто я такой?»). Это уже не человек в привычном смысле слова, так как важнейшее условие нормальной человеческой жизнедеятельности (с точки зрения той нормы, которая до сих пор была неоспоримой) — существование единства сознания, как синхронного, так и диахронного. По Канту, единство индивидуального сознания — априорное условие его возможности. Но именно это единство сегодня находится под вопросом, если верить результатам ряда социологических и психологических исследований. Человек, включенный в современную систему массовых коммуникаций, оказывается очень восприимчивым к различным пропагандистским воздействиям. Это используется в современном пиаре и так называемых

политтехнологиях. Главная цель профессионалов пиара — не развитие рациональных способностей человека, а, напротив, притупление его критической рефлексии. Старый идеал европейской культуры — индивид, который свободно, без всякого внешнего давления принимает решения на основании собственных размышлений, — представляется сегодня менее осуществимым, чем сто лет тому назад. Современные информационные технологии предоставляют новые возможности для манипуляции сознанием, подавления человеческой свободы.

Эти технологии, в частности социальные, по сути взрывают жизненный мир человека. Речь идет о таких его инвариантах, которые, в отличие от культурно и исторически обусловленных его форм, лежат в основе человеческого существования.

Для иллюстрации этого тезиса начну с рассмотрения Интернета. Это колоссальное технологическое и социальное достижение, означающее выход на новые горизонты человеческой жизни и новое пространство свободы. Это снятие культурного изоляционизма, новые способы создания межличностных связей, возникновение сетевых сообществ. Если исторически существующие сообщества предполагают культурную традицию (особое отношение к времени) и органическое развитие, привязаны к определенному пространству, то сетевые сообщества возникают спонтанно и существуют в некотором смысле вне времени и пространства. Принадлежность к историческому сообществу не зависит от человека, в то время как отношение к сетевому сообществу определяется им самим.

В Интернете можно создать себе новую личность с новой биографией и именем и вступить в коммуникацию (в чатах) с другими подобными. Ряд ограничений реальной жизни в этом случае снимается. Возникает «расширенная реальность» и «виртуальная личность». Появляются новые возможности для творческого самовыражения: создание и размещение в Интернете самых разнообразных текстов, от претендующих на художественную литературу до попыток решения научных и философских проблем, политических размышлений и комментариев текущих событий социальной, политической и культурной жизни. Если при публикации текстов на бумажных носителях в большинстве случаев существуют ограничения (цензурные, а также стереотипы, существующие в каждой сфере профессиональной деятельности), то в Интернете все такие ограничения отсутствуют. Человек как бы получает возможность для безграничного свободного творческого парения. Стирается грань между автором и читателем. «Авторствовать» в Интернете может каждый.

Однако в связи с этим возникает ряд острейших проблем. Интернет в сегодняшнем виде — это не только новые огромные возможности, но и новые большие опасности.

Дело в том, что любой поступок в обычном, не-виртуальном мире предполагает не только свободу, но и ответственность. Это необходимое условие реальной социальной жизни (Кант сказал бы: «трансцендентальное условие возможности»). В Интернете же можно свободно высказываться обо всем, не неся за это от-

ветственности и нередко прикрываясь вымышленным именем. В реальной жизни любой вид деятельности, от строительства дома до научных исследований и создания произведений художественной литературы и искусства, предполагает определенные эталоны и нормы, без которых он невозможен. Эти эталоны являются фильтрами (если угодно, цензурой), не пропускающими в данную систему деятельности того, что ей не соответствует, что может ее разрушить, и одновременно позволяют оценить качество сделанного и выделить образцы (авторитеты). В Интернете все эти ограничения сняты. Авторитетов нет. Все равны, каждый может быть автором независимо от его таланта и профессионализма, может высказываться о чем угодно и говорить все, что придет в голову. Это означает полную депрофессионализацию. Недаром сегодня в Интернете засилье ущемленных, озлобленных, не признанных в своей профессиональной среде людей. Как сказал один из наших деятелей культуры, то, что раньше писалось на заборах, сегодня вывешивается в Интернете. Если каждый является автором, то это конец художественной литературы (такая теория сегодня выдвигается). Но это не только конец литературы. Это было бы и концом науки, если бы научное сообщество всерьез относилось к интернетовским публикациям. Это может быть и концом культуры в целом, так как последняя предполагает эталоны, образцы и иерархию — именно то, что отрицает современный Интернет.

Не так просто обстоят дела и с «электронной демократией», которую Интернет якобы делает возможной. В действительности с помощью Интернета и социальных сетей можно вывести людей на улицу. Но для того чтобы предложить осмысленную программу выхода из социального и политического кризиса, нужны усилия экспертов, специалистов. В интернет-чатах такие программы не вырабатываются. Вообще, как показывает жизнь, современное общество знания с его сложными технологиями, в том числе социальными, предполагает растущую роль экспертов, без работы которых сегодня невозможно никакое серьезное социальное, экономическое, политическое решение. Поэтому, как считает ряд теоретиков, современные социальные технологии предполагают не «электронную демократию», а скорее «экспертнократию». Но в таком случае возникают другие проблемы. Как показывает опыт, эксперты могут исходить из интересов не основной части народа, а довольно узкой группы людей, к тому же они имеют собственные интересы.

Иными словами, Интернет и связанные с ним информационно-коммуникационные социальные технологии — это вызов традиционным представлениям о культуре, о человеке и социальной жизни. Он порождает проблемы, которых раньше не было и которые требуют решений. Где их искать? Ответ на этот вопрос предполагает серьезное обсуждение. У меня нет готовых решений. Думаю, тем не менее, что будущее Интернета связано с тем, что наряду с сетевыми децентрализованными сообществами он будет поддерживать и сообщества профессиональные, с определенными эталонами и образцами деятельности. Последние не могут рассматриваться как неизменные, они долж-

ны быть динамичными и гибкими. Но они должны существовать и маркировать профессиональную деятельность. Думаю, что будут выработаны условия признания интернет-публикации в качестве научной или литературной.

Конечно, избавиться от мусора в Интернете невозможно (создание этого мусора может играть даже полезную психотерапевтическую роль). Что же касается человеконенавистнических, патологических и криминальных текстов, то нужно найти способ избавиться от них. Иными словами, Интернет нуждается в регулировании. Только тогда он сможет превратиться из угрозы культуре в средство ее творческого развития, в способ реализации человеческой свободы.

Другая проблема, порожденная современными технологиями, — возрастание количества и степени риска для жизни. Общество риска не есть нечто отдельное от общества знания, а лишь обратная сторона той медали, на лицевой стороне которой помещены слова об обществе знания. На основе современного научного знания вырабатываются такие технологии, которые глубоко трансформируют сложившийся природный и социальный порядок. Это всегда чревато непредвиденными последствиями. При разработке новых технологий ведется специальная работа по минимизации рисков. Но полностью предотвратить их невозможно. Если даже вероятность тех или иных опасных событий считается незначительной, в тех случаях, когда риски реализуются, их последствия оказываются катастрофическими, как это показали, например, события на атомной станции Фукусима в Японии.

Работа по минимизации рисков будет продолжаться, но их количество и степень опасности в обществе современных технологий вряд ли уменьшатся. Это предъявляет определенные требования к человеку. С одной стороны, появляется необходимость принятия быстрых решений в непредвиденных ситуациях, то есть увеличения пространства свободы. С другой — возникает необходимость большего контроля за индивидом со стороны общества, особенно в условиях техногенных и террористических угроз. Это можно будет реализовать в ближайшем будущем с помощью единых электронных карт, в которых фиксируются передвижения человека, посещение им магазинов, его покупки и т. д. Можно снабдить человека таким устройством, которое будет постоянно сигнализировать в некую службу о его местонахождении и о происходящих с ним событиях. Это позволит контролировать его перемещения и давать рекомендации относительно его передвижений, а в случае возникновения опасных ситуаций вмешиваться в его жизнь. Это, конечно, способ контроля за человеком и ограничение его свободы. Но можно предполагать, что большинство людей охотно примут такое ограничение в условиях повышенного риска. В интересах безопасности контроль над человеком может пойти еще дальше, поскольку современные технологии позволяют это. И это дело не отдаленного будущего, а то, к чему мы подходим уже сегодня.

Но где же в таком случае грань между необходимым ограничением свободы в сверхсложном технологическом обществе и возможностью манипуляции челове-

ком в интересах определенных социальных групп? Вообще в современном обществе граница между «моим» и «не-моим», между частным и публичным пространством, принципиально важна для европейской культуры в течение многих столетий, все больше размывается. Это порождает проблемы, связанные с пониманием человека, его свободы и возможностей.

Развитие биотехнологий рождает новые вызовы. В ближайшем будущем можно будет быстро и недорого создавать индивидуальную генетическую карту человека, на основе которой можно судить не только о его биологических особенностях и болезнях, но и о предрасположенности к тем или иным заболеваниям. Можно представить, как подобные карты могут быть использованы современными работодателями, какие возможности для контроля над человеком они открывают.

Еще дальше идут современные эксперименты, связанные с прямым вмешательством в тело человека, в его мозг и психику. Это не только воздействие на человеческий геном («редактирование» или переделка геномной карты). Это прямое вмешательство в мозг, в сенсорную систему. Последствия могут быть чудовищными.

Таким образом, если говорить о кризисах, переживаемых современной цивилизацией, то можно к экологическому кризису добавить антропологический.

Наконец, еще один кризис, который накрыл человечество сравнительно недавно. Его можно назвать кризисом той формы глобализации, которая практиковалась до недавнего времени. Интенсивно идущий процесс глобализации создает серьезные вызовы национально-государственным интересам.

Глобализация включает несколько компонентов. Это, во-первых, распространение на все регионы мира современной рыночной экономики, сопровождаемое появлением транснациональных корпораций, которые сегодня управляют многими экономическими процессами в мире, не считаясь при этом с существующими национально-государственными границами. Во-вторых, повсеместное проникновение во все страны мира современных коммуникационных технологий: телевидения, Интернета, мобильной связи. То и другое порождает всемирную массовую культуру, которая, как может показаться, успешно вытесняет традиционную культуру, развивающуюся как раз в рамках национальных государств.

Некоторые теоретики считают, что в процессе глобализации должна исчезнуть национально-государственная идентичность, будущее человечества связано с отмиранием наций и национальных государств, понятие государственного суверенитета скоро отойдет в прошлое, а индивидуальная идентичность в дальнейшем будет опираться либо на глобальную коллективность (космополитизм), либо на отдельные случайно создаваемые и быстро распадающиеся сетевые сообщества. Другие теоретики, постмодернисты, идут еще дальше: с их точки зрения, сегодня вообще теряет смысл понятие любой человеческой идентичности, как индивидуальной, так и коллективной.

Между тем вопрос этот исполнен глубокого смысла, особенно сегодня.

Конечно, в рамках рыночной экономики можно эффективно решать многие экономические проблемы. Безусловно, новые коммуникационные технологии и новейшие технологии НБИК (нано-, био-, информационные, когнитивные) создают новое пространство для развития, предоставляют принципиально иные возможности для выхода за рамки культурной изоляции. Но вместе с тем процесс глобализации в том виде, в котором он осуществляется сейчас, несет угрозу как существующим национальным государствам, так и самому человеку. Глобализация «вламывает» не только межгосударственные границы, но и жизненный мир человека, не только человека той или иной культуры, но человека вообще.

Растущая включенность человека в глобальную информационно-коммуникационную сеть — это не только возможность установления контактов с другими людьми и культурами, но и растущая сеть зависимостей. Расширяются возможности для манипуляции сознанием, для управления человеком, для дезинформации в больших масштабах. Сообщества, возникающие в рамках глобальных информационных сетей, во многом отличаются от тех, которые существуют на основе традиционных культур. Сетевое сообщество может мгновенно появиться и столь же быстро распаться. Оно не привязано ни к какой территории и не опирается на устойчивую традицию. Отношения между такими сообществами не имеют иерархического характера, а их совокупность не может быть представлена в качестве системного целого. Поэтому включенность в подобные сообщества и привязанность к одной из существующих культур, опирающихся на исторические традиции и предполагающих пространственную локализацию, вступают в серьезное противоречие.

Рыночная экономика продемонстрировала и продолжает демонстрировать свою эффективность в глобальном масштабе. Но поскольку развитие современных технологий и лежащей в их основе науки происходит сегодня в рамках такого рода экономики, то и наука, и технологии приобретают некоторые характеристики, которые не были им свойственны в традиционной культуре и которые в некотором смысле «расчеловечивают» и науку, и технологии. О возможном опасном для человека использовании современных технологий я уже сказал. Что же касается науки, то она в условиях современного потребительского общества (которое глобализация пытается распространить на всю планету) приобрела характер так называемой «технонауки»: лишь то знание ценится и поощряется, которое может породить технологии. А с помощью последних можно произвести товар на продажу. Само знание превращается в товар, а ученый — в поставщика услуг. Это сильно влияет на этос науки. Если наука работает на большие корпорации, то знание, добытое ученым, становится собственностью этих корпораций со всеми вытекающими отсюда последствиями — вплоть до засекречивания методов получения тех знаний, которые могут быть использованы в создании новых технологий. Возникает так называемый когнитивный капитализм, появляется новый тип ученых, например ученый-менеджер. К счастью, не вся наука пре-

вратилась в технауку и не все научное знание стало собственностью корпораций. Но сама тенденция превращения науки как одного из высших культурных достижений человечества в простой способ зарабатывания денег, конечно, связана с распространением рыночных отношений на все сферы жизни, что и происходит в современном процессе глобализации.

Что же может противодействовать этому процессу, точнее, той форме глобализации, которую мы видим сегодня (ибо глобализация может осуществляться и в других формах)?

Противостоять расчеловечиванию человека и культуры можно только в том случае, если мы сумеем сохранить традиционные человеческие ценности и вместе с тем адаптировать их к современным реалиям, в том числе к вызовам, которые созданы развитием науки и технологий. А традиционные ценности существуют и транслируются от поколения к поколению в рамках существующих национальных культур. Эти культуры отличаются друг от друга. Понимание мира и человека в них не одинаково. Но всем им свойственны некие общие представления, которые сегодня ставятся под вопрос глобальными вызовами. Разнообразие традиционных культур — не недостаток, а условие выживания и дальнейшего развития человечества. Вообще гомогенность (к которой ведет практикуемая сегодня глобализация) — путь в тупик, ибо, как хорошо известно, развитие, эволюция возможны только при условии разнообразия, поскольку разные формы могут обнаружить разные ресурсы на том или ином витке дальнейшего развития, и то, что сегодня кажется наиболее перспективным, может не оказаться таковым на новом этапе. Существующие культуры сегодня вынуждены реагировать на вызовы глобализации и адаптироваться к ним путем саморазвития. Может оказаться, что у разных культур ресурсы подобной адаптации будут различными. Так, например, некоторые традиционные способы организации работы в Китае и Японии оказались хорошо коррелирующими с современными формами работы сетевых предприятий, поэтому популярное до недавних пор отождествление глобализации с американизацией уже не работает. Думаю, что культивировавшиеся в русской культуре внепрагматические ценности могут сыграть положительную роль в поисках выхода из тупика когнитивного капитализма. Наиболее трагичным будет положение тех культур (и связанных с ними государств), которые не смогут найти в себе силы для

адаптации к современной ситуации и для саморазвития. Они могут утратить свою идентичность — как культурную, так и государственную.

Итак, защита человека сегодня означает защиту и развитие традиционной культуры, что предполагает защиту национальной идентичности, а значит, и национальных интересов. Сегодня о роли национальных интересов начали говорить многие политологи, особенно учитывая последние события в США и Западной Европе — выборы нового американского президента, брексит. Вместе с тем ведутся разговоры о том, что якобы на смену недавней международной политике, опиравшейся на ценности (имеется в виду провозглашавшийся прежде всего администрацией Обамы курс на «насаждение демократии» в мире) приходит новая политика — Realpolitik, исходящая из национальных интересов и даже склонная к изоляционизму. Но с подобным пониманием современного миропорядка трудно согласиться.

Конечно, национальные интересы включают защиту геополитических и экономических интересов страны, развитие экономики, здравоохранения, укрепление обороноспособности и многое другое. Но для того, чтобы сохранить свою национальную идентичность, страна должна развиваться, а значит, адаптироваться к существующим мировым и политическим реалиям (страна не может находиться в изоляции), и не просто адаптироваться, а давать свой ответ на глобальные вызовы, то есть меняться. Но это невозможно без сохранения и развития культуры, ибо именно культура и есть то, что лежит в самой основе национально-государственной идентичности. Без собственной культуры все остальное — политические и экономические связи, государственные и общественные институты — не обеспечит сохранение национальной идентичности. А это значит, что защита национальных интересов невозможна без развития образования, науки и искусства. Экономически развитая страна, потерявшая свою культуру, лишается национальной идентичности и национальных интересов.

Соревнование и даже борьба разных культурных смыслов на международной арене будут продолжаться, но миру не уйти от вопроса о глобальных ценностях. Национальные интересы не вытесняют высшие культурные ценности — напротив, глубочайшим образом с ними связаны. Значит, вопрос о диалоге культур (именно о диалоге, а не о навязывании одной культуры другим) не утратит своей актуальности.

А. Г. Лисицын-Светланов¹**ЭКОНОМИКА И ПРАВО: СИСТЕМНЫЕ СДВИГИ,
ВЫЗОВЫ И КОНТУРЫ БУДУЩЕГО**

XVII Международные Лихачевские научные чтения «Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего» определяют в качестве одного из предметов рассмотрения правовой срез проблемы. При изучении процессов глобального политического, экономического, социального или гуманитарного развития и даже при анализе изменений природного характера невольно возникают вопросы, связанные с оптимальным регулированием отношений людей, организационных структур и государств применительно к развитию данных процессов.

Зарождение глобализации в Новейшей истории можно установить по разным признакам, причем два фактора являются бесспорными. В исторической ретроспективе это, во-первых, начало и поступательное реформирование Китая и, во-вторых, крушение биполярного мира. За прошедшие годы выросло новое поколение людей, ставших свидетелями этих процессов, носителями определенных представлений, которые будут оказывать влияние в грядущие десятилетия. Сам по себе процесс глобализации, протекавший в прошедшие годы, был весьма противоречивым: от бескрайнего романтизма и веры во благо всеобщей либерализации и международной экономической, политической и гуманитарной интеграции до эгоистичного обождествления не только национальных интересов, но и запросов национальных элит.

Произошедшие изменения в субъектах международных отношений коснулись практически всех сторон жизни. Причем эти изменения продемонстрировали отсутствие у многих стран, вставших на путь реформ, желания как бездумно повторять трансатлантические модели развития, так и строить внутри трансатлантического альянса отношения, ориентируясь исключительно на англосаксонскую модель развития². В результате через экономические кризисы начала XXI века

мир пришел к полномасштабному противостоянию, демонстрирующему нарушение государствами не только норм добрососедства, но и основных принципов международного права, которые носят императивный характер, в частности обязанности государств сотрудничать друг с другом в соответствии с Уставом ООН. Отход от традиционных начал международного права, основанных на согласовании воли государств, восполняется ростом национальных интересов, которые могут достигаться, обеспечиваться или отстаиваться различными средствами. К ним относятся политические альянсы, внутренняя и внешняя экономическая политика, социальная политика государств. Цели национальной политики в ряде случаев могут достигаться и военными средствами. К сожалению, применение военной силы, как показывает практика, обычно объясняется благими намерениями — поддержкой и утверждением демократии. Совокупность этих обстоятельств заставляет корректировать построение международных отношений в правовой картине мира.

Выделяя из всей совокупности проблем экономические, следует отметить, что в России они имеют особое значение, поскольку сфера экономических интересов нашей страны неразрывно связана с международными экономическими отношениями. Это обстоятельство предопределяет объективную необходимость обеспечить правовое регулирование в сфере национальной экономики в контексте внешнеэкономических связей.

Правовая политика в целом должна строиться не на разделении на внутреннюю и внешнюю, а с учетом их неизбежного взаимодействия, где приоритет внешних факторов не доминирует. В связи с этим целесообразно обратиться к ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, предусматривающей, что «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила договора». Из ее содержания следует, что имеются в виду не любые источники международного права, а только общепризнанные принципы, то есть *jus cogens*, и договоры, участником которых является Российская Федерация. К числу первых относятся исключительно принципы, закрепленные в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества государств (в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций), принятой 24 октября 1970 года Генеральной Ассамблеей ООН (резолюция № 2625 (XXV)). К числу вторых — договоры, являющиеся частью правовой системы Российской Федерации и регуляторами только по отношению к государствам — участникам этих договоров, то есть приобретающие характер *lex specialis*.

Таким образом, важно проанализировать, какое международно-правовое регулирование, созданное

¹ Главный научный сотрудник Института государства и права РАН, академик РАН, доктор юридических наук, профессор. Декан юридического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук. Автор свыше 100 научных работ, в т. ч.: «Порядок рассмотрения споров в связи с охраной и передачей прав на изобретения, ноу-хау и товарные знаки», «Арбитраж при осуществлении промышленного и научно-технического сотрудничества», «Правовые вопросы научно-технической и производственной кооперации», «Международная передача технологий: правовое регулирование» (в соавт.), «Законодательство США», «Международное частное право: современные проблемы» (в соавт.), «Правовое регулирование иностранных инвестиций в России», «Международное частное право: современная практика» (в соавт.), «Международный гражданский процесс: современные тенденции», «Права человека и современное государственно-правовое развитие», «Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу РФ» (в соавт.), «Новые вызовы и международное право», «Роль права в модернизации экономики России (на примере нефтегазового сектора)». Председатель редакционного совета журнала «Государство и право» и редколлегии «Трудов Института государства и права РАН». Член бюро Отделения общественных наук РАН. Награжден орденами Дружбы, Леопольда II (Бельгия) и преподобного Сергия Радонежского.

² Цивилистические правовые традиции под вопросом: По поводу докладов Doing Business Всемирного банка: пер. с фр. М.: Волтерс Клувер, 2007. Т. 1. С. 171.

в свое время как инструмент глобализации, в настоящее время утрачивает свое значение, а какое может обеспечить определенный баланс национальных и экономических интересов с объективными потребностями мировой торговли. В противном случае международная торговля вернется ко временам политики канонерок, только в иных формах.

Последствия экономического кризиса, политического противостояния, реальных военных действий в Европе, Африке и Азии оказали негативное воздействие на основополагающие правила, принятые в рамках Всемирной торговой организации. Эти правила, призванные в первую очередь обеспечивать либерализацию международной торговли и режим наибольшего благоприятствования как универсального принципа построения международных экономических отношений, становятся пустым звуком на фоне широкого применения экономических санкций в качестве правового инструмента достижения политических и военных целей. Практически санкции, а также контрсанкции или угроза их применения на практике могут касаться неопределенного круга лиц. Они связаны не только с поставками товаров, передачей технологий и финансированием отдельных сделок, но и с долгосрочными инвестициями.

Если обратиться к усилиям построения новых моделей международных экономических правопорядков, то здесь также наблюдается больше проблем, чем позитивных результатов. Так, формирование Трансатлантического и Тихоокеанского экономических союзов вряд ли можно рассматривать как прелюдию к развитию международных экономических отношений на универсальной основе. Во-первых, они носят неуниверсальный глобальный характер. Во-вторых, демонстрируют наличие внутренних противоречий. Применительно к трансатлантическому проекту это противоречия внутренних элит, а к тихоокеанскому — противоречия двух мировых экономических лидеров — США и Китая. Построение правопорядка с заведомо противоположными целями его участников вряд ли можно отнести к числу проектов, обеспечивающих достижение общего блага.

На этом фоне претерпевает изменения и правовая политика России относительно внешнеэкономических связей. На постсоветском пространстве это создание и развитие Союзного государства России и Белоруссии, а также расширение международной организации региональной экономической интеграции — Евразийского экономического союза (ЕАЭС). К числу новых инициатив во внешнеэкономической правовой политике следует отнести участие в разноформатных международных организациях, которые не подпадают под традиционные характеристики универсальных или региональных. К их числу в первую очередь относятся ШОС (*Шанхайская организация сотрудничества*) и БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР).

Определенных изменений требуют принципы двусторонних международных договоров в экономической сфере. Первые шаги в этом направлении уже намечены — это переход от поисков идеологической общности партнеров к разумному прагматизму, осно-

ванному на экономическом и/или военно-политическом интересе.

Серьезные вопросы перед глобальной экономикой и соответственно правовой моделью международно-правового регулирования ставят процессы, происходящие в одном из системообразующих мировых рынков — Евросоюзе. Там развиваются две противоречивые тенденции: наделение ЕС полномочиями, ограничивающими права национальных рынков, с одной стороны, и реальная угроза изменения состава его членов — с другой, что способно привести к его распаду. Оба сценария требуют глубокого осмысления в России. Для нашей страны значение связей с Европой очевидно. Возможность тесного сотрудничества, равно как и острого противостояния, подтверждается более чем тысячелетней общей историей, поэтому и вера в радужные перспективы, и пессимизм, основанный на противоречиях, разделяющих нас, являются излишним максимализмом. Гораздо важнее трезво оценить сложившуюся ситуацию и возможные сценарии развития.

Этот вопрос требует глубокого всестороннего исследования. Что касается правового среза данной проблемы, то ситуацию можно представить следующим образом. Недавний период расцвета отношений Россия–ЕС, когда принимались долгосрочные дорожные карты сотрудничества, ожидавшие реального воплощения в правовом поле, сменился противостоянием с традиционными обвинениями в нарушении прав человека, экономическими санкциями и даже демонстрацией военной силы. На этом фоне возможности правовой интеграции маловероятны. Здесь возникает необходимость внимательно присмотреться к правопорядку, который сложился в Евросоюзе. Насколько он приемлем для всесторонней интеграции и, более того, как выстраивать сотрудничество с Евросоюзом в режиме правовой обособленности каждого из участников складывающихся отношений?

Со времени создания общего рынка до его трансформации в Евросоюз все правовые модели внутреннего устройства этого образования воспринимались мировым сообществом, включая СССР и РФ, как объективная данность. В конечном счете страны-члены создали объединение, которое не является (и не объявило себя) государством (федеративным или конфедеративным) или международной организацией. По сути, Евросоюз может быть определен как наднациональное образование. Фактически Евросоюз сам определяет свою правоспособность и правосубъектность.

В условиях мирной глобализации это можно воспринимать как объективное развитие международного права, способствующее появлению новых субъектов. Однако в период политических, экономических, военных кризисов обнаруживается, что внутреннее устройство Евросоюза в одностороннем порядке меняет традиционные подходы к правовому обеспечению складывающихся экономических отношений в целом и коммерческих контрактов в частности. Если 30 лет назад правовые модели экономически преуспевающих стран Европы в определенной мере служили эталоном, обеспечивающим правовую стабильность коммерческих

отношений, то в настоящее время это качество утрачено. Ярким примером являются события, происходящие вокруг газопроводов (действующих и планируемых) из России в Европу. При сохранении Евросоюза сценарий его развития во многом сохранится, поскольку безмолвно был воспринят другими государствами, включая Россию. Но вряд ли это приемлемо на постоянной основе, поскольку проблемы, связанные с газовыми проектами, неизбежно сопряжены с определенными экономическими потерями для России. Изменение ситуации в условиях противостояния наиболее вероятно через коррекцию собственного национального законодательства, регулирующего порядок и условия выхода на международный рынок, и защитных мер, не ограничивающихся контрсанкциями или иными мерами, носящих характер реторсий.

Таким образом, в условиях современных кризисов России необходимо выработать стратегию построения двусторонних и региональных договоров на основе избранного ею прагматичного подхода к определению как потенциальных партнеров, так и содержания договорных условий. Стратегия внешнеэкономических

связей должна строиться в первую очередь на их допустимости с точки зрения российского законодательства, а также защите национальных компаний и национальных интересов в целом.

Важно отметить, что действие в отношении России ограничительных экономических мер базируется не только на последних санкционных законах — эти меры не исчезнут, даже если они будут отменены. Правовая эшелонированность ограничительного законодательства зарубежных стран, в первую очередь США, значительно глубже и основана на законодательстве о контроле над экспортом, имеющем давний опыт применения и находящем поддержку у большинства союзников США.

Принимая во внимание, что для России системообразующими являются такие базисные сектора экономики, как энергетика, недропользование, высокие технологии военного и двойного назначения, их правовое регулирование, включая инвестиционное и приватизационное законодательство, целесообразно строить с учетом перманентного сохранения ограничительных мер в отношении России в обозримом будущем.

Гэри Литтлджон¹

НОВАЯ СТРАТЕГИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СТРАНАМ БРИКС

Введение

В этом докладе внимание сосредоточивается на проблемных аспектах кооперации стран БРИКС, в первую очередь Индии, Бразилии и ЮАР. Также я дам несколько комментариев по поводу Мозамбика, куда страны БРИКС направляют инвестиции. Несмотря на множество проблем в Китае и России, я отмечаю, что в каждой из этих стран дела идут лучше, чем можно было бы ожидать. Например, к настоящему времени Китаю в соответствии с поставленными целями удалось обеспечить большую часть своего роста благодаря потреблению в ущерб инвестициям. В России в 2016 году, всего через два года после наложения санкций, снова начался экономический рост, к тому же быстро осуществляется диверсификация экономики. Вероятно, рост еще ускорится, поскольку к середине марта 2017 года инфляция снизилась до 4,5 % (если это приведет к снижению Центробанком ключевой ставки). Сотрудничество России и Китая, включающее координацию политики Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и участие в проекте «Один пояс — один путь», позволяет предположить, что имеются хорошие перспективы для более быстрого роста.

По-моему, остается нерешенным вопрос, связанный с тем, что примерно 40 % валютных резервов

России и Китая хранятся в евро. С учетом растущих проблем, связанных с евро, это может стать поводом для беспокойства в будущем. Канцлер Германии Ангела Меркель публично заявила, что евро может обесцениться, и попыталась обвинить в этом Европейский центральный банк. После этих слов и, возможно, в ответ на них произошло перемещение капиталов из Испании и Италии в Германию на общую сумму примерно 80 млрд евро, которое может указывать на то, что финансисты в этих двух странах опасаются за будущее евро, но ожидают, что Германия и впредь будет платежеспособна, даже если произойдет крах евро. Но даже этот вариант можно считать оптимистичным, учитывая проблемы Дойче банка и некоторых других банков Германии. При такой неопределенности Россия и Китай дальновидно увеличивают свои золотые запасы, а экономическое сотрудничество на основе прямых договоров между этими двумя странами должно привести обеих к реальному росту. Тем не менее для России и Китая может быть целесообразно резко увеличить добычу золота на своих территориях и избавиться от евро настолько быстро, насколько это возможно с учетом недопущения потрясений на рынках. Это в любом случае будет полезно на фоне неожиданной серии небольших увеличений процентной ставки в США в 2017 году, что привлечет туда иностранный капитал.

Несмотря на плодотворное сотрудничество России и Китая, страны БРИКС в целом сталкиваются с рядом серьезных проблем. Некоторые из них возникли по причине плохо продуманной политики и структурных недостатков экономики, которые еще больше

¹ Экономист, социолог (Великобритания). Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Социология Советского Союза», «Крицман и аграрные марксисты» (в соавт.), «Эндре Шик и развитие советской африканистики» (в соавт.), «Кризис перестройки» и др. Член редакционных коллегий журналов «Economy and Society», «Review of African Political Economy», «Journal of Southern African Studies», «Não Vamos Esquecer». Участник международных научных конференций по проблемам экономики и социологии СССР, стран Восточной Европы и Африки.

обострились из-за вмешательства извне, что уже воспринимается как результат сознательной стратегии по дальнейшему ослаблению и подрыву БРИКС как эффективной группы, которая намерена использовать новый подход к развитию взаимовыгодных экономических связей.

Демонетизация в Индии и генетически модифицированные культуры

Среди проблем наибольшее беспокойство вызывает решение индийского правительства, принятое в октябре 2016 года, о запрете на оборот крупных купюр. Изначально индийское правительство заявляло, что эта мера принимается для борьбы с преступностью, поскольку купюры такого номинала могут быть использованы для хранения и отмывания доходов от преступной деятельности. Даже если бы это и было реальным мотивом, то слишком короткий период от официального сообщения до прекращения оборота этих купюр должен был создать серьезные проблемы в экономике, где 85 % сделок осуществляются за наличные, без использования банковской системы. Это в первую очередь ударило бы по беднейшим секторам экономики, где население все еще по большей части зависит от мелкомасштабного сельского хозяйства. Результатом стали голод и трудности, люди проводили по несколько суток в очередях, чтобы обменять крупные купюры на более мелкие, или (если могли себе это позволить) нанимали других стоять в очереди вместо себя. Этот запрет почти не затронул относительно богатых людей с кредитными картами. Они даже могли брать деньги с других за использование их банковских счетов.

Мгновенно возникшая из-за недостатка наличных денег проблема — паралич рынков, особенно в сельской местности. Это означало, что малый бизнес не может платить своим сотрудникам, поскольку огромный спрос на мелкие купюры означал быстро образовавшуюся острую нехватку наличных денег. Финансовый паралич сельских рынков не следует рассматривать изолированно, поскольку использование генетически модифицированных (ГМ) культур также создает спрос на наличные деньги, чтобы каждый год иметь возможность покупать семена у транснациональных корпораций. Этот вопрос будет обсуждаться далее.

Затем появилась информация, что этот запрет на хождение крупных купюр на самом деле был установлен не для борьбы с накоплением наличных денег, полученных преступным путем, и не для борьбы с отмыванием капиталов, а скорее для того, чтобы заставить бедных открыть банковские счета в рамках продвижения к «безналичному обществу». То есть запрет на оборот крупных купюр был частью стратегии по принудительному переводу индийской экономики на бесконтактные электронные платежные карты, что означало бы, что при проведении всех транзакций в будущем придется использовать банковскую систему. Эта попытка навязать подобные изменения огромному количеству бедных, часто неграмотных людей не может не создать проблем в течение длительного времени. Даже если бы деревенские жители успешно научились открывать банковские счета и получили доступ

к ним с помощью смартфонов, все еще остается вопрос их способности обращаться со своими финансами подобным образом. Они легко могли бы оказаться в долгах, набрав необеспеченных кредитов. Одно только количество вовлеченных людей означает, что сама по себе операция может привести к количеству долгов, достаточному для финансового кризиса. Между тем большинство граждан Индии этого не понимают, и результаты недавних выборов в парламент показали, что они продолжают поддерживать правящую партию «Бхаратия Джаната Парти» (БДП, или Индийскую народную партию). То есть большинство людей, по всей вероятности, верят, что «демонетизация» является мерой борьбы с преступностью.

Вследствие этого может сложиться ситуация, когда даже относительно богатые сегменты не смогут функционировать в этой экономике: если саму банковскую систему охватит кризис, банкоматы и платежные терминалы прекратят работать и в результате образуется дефицит и наличных денег, и заемных средств. Если говорить прямо, то «безналичное общество» не будет защищено от финансовой нестабильности, и в любом случае все население окажется под контролем банковской системы. Это будет форма финансовой зависимости или даже порабощения. В данном контексте не следует забывать, как в 2008 году западные правительства вынуждены были в панике спасать крупные банки с недопустимым уровнем задолженности, потому что была опасность, что банкоматы прекратят работать в течение нескольких часов. «Безналичное общество» будет еще более уязвимо в случае давления такого рода, стихийного или преднамеренного. Тем не менее такая политика продвигается на международном уровне на основании «удобства для потребителя». Швеция уже находится на пути к тотальному внедрению этого подхода и гордится тем, что является лидером в переходе к «безналичному обществу». А это большая ошибка.

Через несколько недель после первоначального шока от индийской «демонетизации» стало ясно, что новая политика тайно планировалась Министерством финансов, и изменение ее поддерживалось Агентством США по международному развитию, несколькими крупными американскими корпорациями и, по крайней мере, одним американским «филантропическим» фондом. В тот период министром финансов Индии был человек с опытом работы в крупнейших международных финансовых институтах, имеющий недвижимость в США. Вскоре после того, как начались политические протесты из-за нехватки наличных денег, он ушел в отставку и уехал в США.

Экономические потрясения, вызванные политикой «демонетизации» (от которой выиграют в основном американские компании и банки), следует анализировать в совокупности с влиянием распространения ГМ-культур в Индии. Этот подход сравнивается сторонниками ГМ-культур с сомнительной пользой от «зеленой революции», которая имела место несколько десятилетий назад. Тем не менее даже увеличение производительности в сельском хозяйстве в расчете на гектар имело серьезные негативные последствия для индийского сельского хозяйства. Необходимость иметь на-

личные деньги, которую создала зависимость от коммерческих удобрений во время «зеленой революции», привела к тому, что многие из беднейших мелких фермерских хозяйств были вынуждены прекратить свою деятельность. Результатом стало повышение производительности с гектара, но при этом много земли оставалось необработанной, а бедняки наводнили городские трущобы.

Сторонники использования ГМ-культур открыто сравнивают их предполагаемую пользу с пользой более ранней «зеленой революции», не обращая внимания на негативные последствия. На самом деле в период правления администрации Барака Обамы Госдепартамент США поддерживал «Альянс за «зеленую революцию» в Африке» (AGRA), который открыто пропагандировал использование ГМ-культур. Ему также оказывал поддержку по крайней мере один из тех «филантропических» фондов, которые поддерживали и «безналичное общество» в Индии. Это был Фонд Билла и Мелинды Гейтс, который, по данным осведомленных источников, включая американскую НКО «AGRA Watch», также владеет акциями транснациональной компании «Monsanto».

На протяжении многих лет и по всему миру биологи и экологи собирают доказательства влияния ГМ-культур, и эти свидетельства уже можно считать убедительными. Утверждение, что урожайность с гектара увеличивается с применением ГМ-культур, неверно. Даже если фермеры каждый год покупают посевной материал у компаний, продающих семена ГМ-культур, урожайность довольно быстро падает. Вдобавок химикаты, используемые для борьбы с сорняками, и сами ГМ-культуры могут отрицательно влиять на состояние здоровья людей. Семена ГМ-культур распространяются насекомыми при естественном опылении, переносятся на весьма большие расстояния и насекомыми, и ветром. В результате компании, занимающиеся ГМ-культурами, могут подать в суд на расположенные поблизости фермы за использование их семян без соответствующего контракта, даже если эти фермеры не подозревают, что их культуры заражены. Поэтому хочется надеяться, что в России приняты должные меры по обеспечению биологической безопасности на границе с Украиной, потому что на Украине также выращивают ГМ-культуры на крупных посевных площадях.

Использование покупных семян приводит к утрате преимуществ обмена семенами между фермерами, работающими в одинаковых экологических условиях, и мешает их улучшению. Таким образом, среднесрочные последствия — снижение производительности в сельском хозяйстве и одновременно ценовое давление, что вытесняет многих фермеров из бизнеса. Из-за этого даже в самих США фермеры часто отказываются от ГМ-культур.

С попытками привлечь внимание к негативным последствиям выращивания ГМ-культур идет постоянная борьба с использованием настоящей цензуры в западных средствах массовой информации при одновременном продолжающемся продвижении компаний, занимающихся ГМ-продукцией. Также в средствах массовой

информации рассказывается о сомнительной пользе «научного подхода» к сельскому хозяйству для решения проблемы нехватки продовольствия. Тем не менее признается, что мир в целом не сталкивается с проблемой недостаточного производства продуктов питания: дефицит — проблема рыночного распределения. Чтобы ее решить или хотя бы сделать менее острой, необходимо использовать государственные сельскохозяйственные сбытовые организации или управления по сбыту, которые могли бы складировать зерно и минимизировать колебания цен. В дополнение к этому можно поддерживать и улучшать качество семян с помощью добровольных пожертвований в банки семян, которые во многих развивающихся странах являются государственными.

Помощь в выравнивании рыночных цен особенно важна для экономик, на которые оказывают влияние климатические колебания, связанные с так называемым эффектом ENSO (течение Эль-Ниньо или Южная осцилляция) — явлением, имеющим место в Тихом и Индийском океанах. Влияние ENSO может привести к серьезным сельскохозяйственным проблемам, вплоть до голода в Китае, Индии и всей Восточной Африке. Известно, что влияние Эль-Ниньо наблюдается уже много тысяч лет. В 1880-х годах одна лишь фаза осцилляции привела к 11 млн смертей в Индии и 13 млн — в Китае. Тем не менее Всемирный банк и МВФ советуют правительствам закрывать управления по сбыту сельхозпродукции во всех случаях, когда стране с крупной задолженностью предстоит реализация программы структурной реформы. Это просто означает, что страна, столкнувшаяся с дефицитом продовольствия, должна его импортировать, а не брать его со своих складов, чем ранее занимались управления по сбыту. Одной из стран, которая смогла смягчить подобные проблемы, проводя политику на основе развития сельского хозяйства, стала Эфиопия. Страны, не сумевшие этого сделать, оказались в более уязвимом положении. Например, Зимбабве — страна, экспортировавшая продовольствие во время голода в Южной Африке в 1980-х — начале 1990-х годов, но в настоящее время Зимбабве зависит от импорта продуктов питания, несмотря на рост их производства в результате земельных реформ.

Основная причина уничтожения управлений по сбыту, которые поддерживали национальный продовольственный суверенитет, Всемирным банком и МВФ заключается в долгосрочной политике США по созданию рынка экспорта для американского сельского хозяйства. К тому же такая политика обеспечивает США политическое влияние на страны, получающие продовольственную помощь. Канада занимает второе место по объемам экспорта продовольствия после США и всегда поддерживала американскую политику в этой области. Россия недавно смогла бросить вызов доминированию США и Канады на мировом продовольственном рынке путем быстрого увеличения своего экспорта сельскохозяйственной продукции. В 2016 году Министерство сельского хозяйства США признало, что Россия обогнала США и Канаду, став крупнейшим в мире экспортером зерна. По сути это возвращает Россию

на ту доминирующую позицию в мире, которую она занимала в 1913 году, и представляет собой прямой вызов важному аспекту западной идеологии однополярного мира.

Россия смогла этого добиться после 70 лет терпеливой селекции растений традиционными методами и конкурирует на открытом рынке, не прибегая к политике, подрывающей посредством долгов внутренний рынок других стран, и политике диктата, предусматриваемой программами структурных реформ. В такой ситуации можно ожидать, что продвижение Западом ГМ-культур снова усилится, потому что ГМ-культуры — это технология, которая привязывает фермеров к сетевым каналам реализации компаний, занимающихся ГМ-продукцией, таким образом позволяя этим компаниям удерживать доли рынка за счет предоставления кредитов фермерам на покупку ГМ-семян и оплату производственных издержек.

Позиция компаний, занимающихся ГМ-продукцией, усилилась благодаря тому, что Всемирный банк и МВФ также поддерживали приватизацию банков семян. Затем агропромышленные комплексы захватывают эти банки и законно регистрируют их «генное содержимое» как частную интеллектуальную собственность. В результате получается, что внезапно приходит конец взаимовыгодному и неформальному обмену семенами для улучшения видов культур, продолжавшемуся десятилетиями и даже столетиями. Таким образом фермеры отчуждаются от результатов, достигнутых при помощи их знаний и практик ведения сельского хозяйства. Независимо от законности такого присвоения генетического богатства частными лицами и компаниями, эта практика уже получила метафорическое название «генетическое воровство». Многие из этих семян, несомненно, хранятся в знаменитом банке-хранилище семян на Шпицбергене (архипелаг Свальбад) в Арктике. К счастью, Россия обустроила собственный банк-хранилище семян в Арктике.

Практики присвоения общих генетических товаров в интересах частных лиц и компаний описаны профессором Кэрол Томпсон (Carol Thompson), которая делает анализ «филантропокапитализма». Томпсон обращает внимание на международную роль «филантропических» фондов, особенно в США, которые используют свой особый статус, позволяющий платить небольшие налоги или не платить их вовсе, для того, чтобы собирать и накапливать ресурсы, нужные для проведения исследований, и участвовать в лоббировании в правительствах с целью влияния на политику по определенным направлениям, которые соответствуют политическим программам этих фондов. На мой взгляд, подобные программы обычно поддерживают «исключительный» статус США или политически, или экономически.

Таким образом, сочетание «демонетизации» и ГМ-культур можно рассматривать как атаку на индийскую экономическую независимость одновременно по двум направлениям, а значит, стратегию косвенного противодействия странам БРИКС. О той и другой политике можно сказать, что их поддерживало американское правительство, крупные американские корпора-

ции и американские фонды. По-моему, эту координацию ресурсов и организаций можно рассматривать только как сознательную стратегию. Следует отметить, что Бразилия и ЮАР уже выращивают ГМ-культуры. В связи с ЮАР выражалась надежда, что это ускорит принятие Европейским Союзом ГМ-культур. Кроме того, использование ГМ-культур уже дает США рычаги давления на эти две страны — участницы БРИКС, и вполне может быть использовано для лоббирования «безналичного общества». Более того, парламентский «мягкий» государственный переворот в Бразилии в 2016 году и предстоящие президентские выборы в ЮАР могут обеспечить дополнительные возможности для ослабления БРИКС.

Бразилия и ЮАР: слабость Кооперации юг-юг

У Бразилии и ЮАР довольно развитая промышленность, и обе страны продемонстрировали способность разрабатывать передовые технологии. Тем не менее они все еще сильно зависят от полезных ископаемых и (особенно Бразилия) аграрного сектора. Соответственно это экономики, на которые оказывают воздействие колебания мирового спроса на их экспортную продукцию. Еще недавно это означало, что изменение базиса экономического роста в Китае влияет и на Бразилию, и на ЮАР. Китай меняется — переходит от роста за счет экспорта готовой продукции и инвестиций в инфраструктуру к росту, который обеспечивается потребительским спросом на внутреннем рынке. Вдобавок снижение цены на нефть сильно ударило по Бразилии, и, судя по недавнему возобновлению работ на сланцевых месторождениях в США, если нефтяные цены поднимутся выше определенного уровня, американцы снова выйдут на рынок и стабилизируют или снизят их. Таким образом, Бразилия не может в ближайшем будущем надеяться на значительный рост за счет шельфовых нефтяных месторождений. ЮАР уже много лет знала, что Китай планирует изменить профиль своего экономического роста, однако мало что сделала для того, чтобы изменить структуру своей экономики и смягчить последствия сокращения спроса в Китае на экспортируемые ею полезные ископаемые.

В принципе остроту этих структурных проблем можно было бы снизить, если сделать более сильный акцент на диверсификации экономик, но это оказалось затруднительно, поскольку не были своевременно приняты необходимые меры по продуктивному инвестированию поступающих доходов в новые секторы. В то же время из-за рубежа такие инвестиции поступали, в том числе средства вкладывались в развитие ГМ-культур, о которых говорилось выше. При этом обе страны направляли средства на проведение чемпионатов мира по футболу (а Бразилия еще и Олимпийских игр). Поскольку известно, что подобные турниры отрицательно влияют на экономический рост, эти решения в лучшем случае были победой надежды над опытом.

Что касается Кооперации юг-юг, то одним из ее примеров может служить Мозамбик. Рассмотрим его и попытаемся оценить, насколько хорошо работает такая кооперация. Сразу после падения режима апарте-

ида и до периода смены программы RDP (реконструкции и развития) на более неоллиберальную программу GEAR (рост, занятость и распределение) ЮАР следовала политике «коридоров развития» в отношениях с другими странами в южной части Африки, включая предложение по восстановлению Бенгальской железной дороги в Анголе. Этот подход имел ряд общих черт с китайской стратегией — проектом «Один пояс — один путь». Однако ко времени перехода от программы RDP к GEAR только «Коридор Мапуту» в южном Мозамбике был успешно доведен до стадии внедрения. Этот проект включал гарантии правительства ЮАР по займам у частного сектора для финансирования новой автомагистрали от границы ЮАР к столице Мозамбика Мапуту, инвестиции в бокситовые рудники в ЮАР рядом с границей Мозамбика и использование гидроэлектростанции для нового алюминиевого завода неподалеку от Мапуту. Этот завод называется MOZAL, он строился в два этапа, каждая очередь стоила свыше 1 млрд долларов США, алюминий экспортируется через порт Мапуту. В дальнейшем инвестиции из ЮАР были полностью частными и решения о них принимали отдельные компании, часто из розничного сектора.

Подход с использованием «коридора развития» был также очевиден и в схеме бразильских инвестиций в Мозамбик и не был реализован надлежащим образом. Это привело к значительному падению инвестиций и продаж как минимум части товаров зарубежным компаниям, в основном японским. В конечном счете история инвестирования в направлении юг-юг оказалась не очень успешной для этих двух стран — членов БРИКС.

Выводы

Одновременно проводимая в Индии политика «демонетизации» и использования ГМ-культур предполагает, что экономическая независимость страны была скомпрометирована. От этого в первую очередь выиграли американские корпорации и фонды, хотя в стране, возможно, в полной мере не осознают последствий данной политики, и есть большая вероятность, что эти корпорации и фонды будут иметь повышенное влияние при выработке будущего экономического курса Индии. По-моему, это выглядит как преднамеренно осуществляемая стратегия по ослаблению связности и последовательности будущих решений, принимаемых странами БРИКС, и, значит, подрыв перспектив для альтернативной формы международного развития и роста при взаимной поддержке.

Недавний опыт участия ЮАР и Бразилии в Кооперации юг-юг в Мозамбике показывает, что она может быть легко прекращена из-за экономического спада, но еще важнее то, что она осуществлялась без должного надзора, регулирования и налогообложения со стороны местного правительства. В результате потенциальная польза от таких зарубежных инвестиций в экономику Мозамбика по большей части испарилась, а государственные доходы Мозамбика оказались гораздо меньше, чем следовало бы.

Россия и Китай продолжают свое последовательное развитие, которое будет взаимовыгодным, но трудности в трех других странах БРИКС, частично вызванные внешними силами, привели к большим затруднениям в проведении четкой и последовательной международной экономической стратегии.

В. А. Макаров¹

ГЛОБАЛЬНОЕ ЦИФРОВОЕ ОБЩЕСТВО И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ

Термины «цифровой мир» и «цифровое общество» стали все чаще употребляться в научных и других публикациях. Следует сказать, что цифровая реальность

¹ Академик РАН, член Президиума РАН, директор Центрального экономико-математического института РАН, декан экономического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук, директор Высшей школы государственного администрирования МГУ им. М. В. Ломоносова, президент Российской экономической школы, доктор физико-математических наук, профессор. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч.: «Математическая теория экономической динамики и равновесия», «Оценка стоимости нематериальных активов и интеллектуальной собственности» (в соавт.), «Наука и высокие технологии России на рубеже третьего тысячелетия», «Россия в глобализирующемся мире. Модернизация российской экономики», «Социальный кластеризм. Российский вызов». Главный редактор журнала «Экономика и математические методы». Член редколлегии и редакционных советов журналов: «Economics of Planning», «Social Sciences», «Кибернетика и системный анализ», «Экономическая наука современной России», «Науковедение», «Оптимизация» и др. Награжден орденами Дружбы народов, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», «За заслуги перед Отечеством» III и IV степени. Лауреат премии Совета Министров СССР, премии им. Л. В. Канторовича РАН, Демидовской премии и др.

принципиально отличается от природной, в которой человечество жило большую часть своего существования. Поэтому поведение человека в цифровом обществе заметно изменяется, о чем и пойдет речь далее.

Если раньше человек получал информацию о мире через непосредственное соприкосновение с другими людьми и лишь частично через сообщения (устные, на бумажных носителях и пр.) опять же от известных ему лиц, то теперь ситуация кардинально изменилась. Представление об окружающем мире формируется на базе моря цифровой информации, которая непосредственно не ассоциируется, как раньше, с образом живого (материального) человека.

Проше всего это можно проиллюстрировать на примере таких явлений, как умный город или даже умный дом. Умный город (*англ.* — smart city) понимается как город, в котором большинство повседневных потребностей обеспечивается едва ли не автоматически. Через мобильное устройство можно быстро получить ответ (совет), как удовлетворить ту или иную потреб-

ность: заказать такси, услуги электрика, врача, банка, юриста, магазина, ресторана и т. д. и т. п.

Цифровой мир создает иллюзию, что человек имеет представление о событиях, происходящих во всем мире, в каждом его уголке. Раньше человек довольствовался информацией о событиях, происходящих непосредственно вокруг него, то есть ощущал очень узкий кусочек мира. Но это ощущение было реальным, а не виртуальным. Теперь в цифровом мире у нового поколения воспитывается (появляется) представление, что виртуальный мир и есть физическая реальность. Достаточно понаблюдать за детьми, которые, сидя в одной комнате и даже за одним столом, обмениваются посланиями в смартфоне. Поэтому опасность манипулирования информацией о происходящих в мире событиях возрастает многократно.

Доверие в цифровом мире выходит на первый план. Оно играло немалую роль во все времена, но в условиях многочисленных и изощренных инструментов обмена информацией вводить в заблуждение стало возможно большим числом способов. Однако появились и новые способы повышать доверие.

Традиционно доверие обеспечивается уровнем репутацией, рейтингом, маркой той организации, которая предоставляет информацию. Ложная, недостоверная информация рано или поздно обнаруживается, и репутация разрушается. Чисто рыночный механизм здесь дает сбой, как, например, при продаже химически чистых продуктов сельского хозяйства по более высокой цене.

В цифровом мире появляются технологии, обеспечивающие доверие новым способом, базирующимся на «проверке всеми». Слова «проверка всеми» взяты в кавычки, поскольку заниматься проверкой будут только те, кто пожелает это сделать, но такая возможность есть у всех. Исходная технология здесь банальна и проявляется сама собой при тотальном распространении Интернета. Например, ситуация из фильма «Хвост виляет собакой» становится невозможной, поскольку везде есть свидетели того, что происходит в реальности, и эта информация тотчас передается по Интернету.

Сейчас появилась более изощренная технология контроля всех над всеми под названием *блокчейн*. Поясню ее суть на примере криптовалюты *биткойн*, при реализации которой технология блокчейн и возникла. Обычные бумажные деньги есть не что иное, как расписка государства в том, что оно гарантирует соответствующую операцию ее обмена на товары и услуги. Стало быть, люди, получив такую бумажку, оказывают доверие государству (в лице, например, Центрального банка). А криптовалюту биткойн может выпускать кто угодно. Доверие к ней достигается тем, что любые операции с использованием биткойна фиксируются в базе данных, находящейся в общем доступе для просмотра. Подчеркиваю, только для просмотра. Внесение же данных о проводимых операциях осуществляется достаточно сложным алгоритмом с использованием системы паролей (ключей).

Откуда берется доверие к биткойну? Оно обеспечивается полной прозрачностью как эмиссии валюты, так и всех операций с ней. Если возникает что-то подозри-

тельное, то компьютерное сообщество сразу реагирует и валюта обесценивается.

В настоящее время в научных кругах и Интернете ведутся бурные дискуссии о возможности более широкого использования технологии блокчейн. Речь идет о заключении контрактов, охране интеллектуальной собственности, регистрации любой собственности, банковском деле в целом и др. Как обычно, не обходится и без экстремальных точек зрения: от сравнения важности технологии блокчейн с Интернетом в целом до полного отрицания ее полезности.

Как бы то ни было, мир наполняется базами данных, которые разрастаются и становятся огромными. Модным стал даже термин *Big data* — «большие данные». Ведущие компьютерные корпорации, такие как Google, Yandex, Mail.ru и им подобные, создали специальные подразделения для анализа огромных массивов информации.

Данная тенденция неизбежно приводит к корректировке системы человеческих ценностей, которые вынуждены выступать в новом облике.

Главная тенденция изменений в обществе, погруженном в цифровой мир, состоит в ускоренном увеличении прозрачности. Каждый все больше знает обо всех.

Для иллюстрации перечислю некоторые позитивные и негативные моменты всеобщей прозрачности. Правда, следует иметь в виду, что позитивность или негативность определяются их пониманием в сегодняшнем обществе. Кто знает, как будут меняться эти представления при дальнейшем развитии цифрового мира. Итак, позитивные:

- понятие «старшего брата», который следит за всеми, перестает пугать, потому что теперь каждый может играть эту роль;
- труднее скрывать, откуда появилось богатство, если оно незаконно, хотя престиж роскоши как статуса в обществе остается;
- проще стало организовывать и оказывать коллективную помощь;
- доверие в обществе возрастает при осуществлении самых разнообразных сделок;
- становится проще принимать рациональные (продуманные) решения, в частности пользоваться подсказчиками, базирующимися на технологиях искусственного интеллекта. К примеру, Google или Википедия готовы отвечать на любые вопросы;
- легче выявлять и обезвреживать жуликов.

Негативные:

- все сложнее охранять секреты личной жизни;
- ряд представлений религиозного характера противоречат полной открытости, например тайна исповеди;
- секретным службам становится труднее работать.

Я не случайно сделал оговорку относительно деления на положительное и отрицательное в зависимости от представлений современного общества. Взять, к примеру, обсуждаемое в Интернете предложение тотального вживления чипов. Скажем, ты становишься гражданином государства только тогда, когда у тебя под кожей находится соответствующий чип. Пока большинство против такого нововведения. Но может

оказаться, что преимущества превьсят недостатки, по крайней мере в представлении населения в некоторых («продвинутых») государствах, или этого потребует обеспечение безопасности.

Функционирование некоторых публичных баз данных трудно отнести к положительной или отрицательной области. Например, разрабатывается проект под названием «Интернет ДНК». Это база данных, в которой записывается ДНК каждого человека в полном объеме. Современные технологии, как известно, позволяют быстро и дешево расшифровать индивидуальный генетический код любого человека. Одни говорят, что наличие таких кодов в публичном пространстве существенно поможет в борьбе с различными заболеваниями, поскольку проще проводить анализ. Другие настаивают на сугубо личном свойстве информации об индивидуальном генетическом коде, что тоже по-человечески понятно.

Таким образом, новое поколение, родившееся в цифровом мире, заметно отличается от старшего своим отношением к окружающему миру, привычками, пониманием взаимоотношений между людьми. Нравственность, этика, понятия добра и зла, самые разные

социальные нормы подвергаются давлению информационных и прочих технологий. Примеров этого уже много, и будет еще больше. Вот только некоторые:

— некто ведет огромную базу данных, где собираются (порождаются роботом) различные идеи, большинство из которых абсолютно бессмысленны. Но если что-то окажется разумным, то «автор» будет претендовать на первенство;

— стали возможны суррогатные матери, смена пола, вмешательство в геном для получения преимуществ, например в спорте;

— получение удовлетворения, удовольствия и прочих положительных эмоций искусственным путем: вмешательство химического типа, роботы для бесед, секса, игр, борьбы и др.;

— компьютерные, в том числе онлайн-игры устроены таким образом, что с их помощью можно пропагандировать любые ценности, а поскольку это игры, ограничений или цензуры нет.

Таким образом, следует очень внимательно следить за хаотичной корректировкой социальных норм и всевозможных ценностей, чтобы понять, куда мы идем, и научиться управлять этим процессом.

Е. И. Макаров¹

РОССИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

Общим местом стала констатация эффекта «сжатия времени», характерного для начала XXI века, который описывают как нарастание скорости перемен, происходящих в современном мире. В данном контексте рассматривается необходимость ускоренного реагирования на перемены как со стороны отдельных людей, так и сообществ, включая государства в целом. Описываемый эффект, на мой взгляд, в значительной степени связан не столько с частотой и скоростью перемен, сколько со скоростью распространения и доступностью информации о них. Вместе с тем отрицать ускорение процессов в политике, экономике и социальной жизни непродуктивно. Приведем примеры: в экономике применяются алгоритмические торги и биржевые роботы, способные в тысячи раз ускорить покупку/продажу акций; в информатике распределенные системы позволяют мгновенно обрабатывать большие объемы информации; в производстве для потребительского рынка возможна переналадка всей производственной цепочки (включая сборочный конвейер современных

автомобилей) за несколько месяцев, что подтверждают очевидность упомянутого эффекта.

В силу глобального характера происходящих процессов, обусловленного комплексом средств и каналов коммуникации, данный эффект имеет значение для любого российского региона, муниципалитета и даже отдельного работника. Профсоюзы, как известно, — экономическая организация и, безусловно, в полной мере вовлечены в происходящее.

Рассмотрим обстоятельства, повлиявшие на уровень конфликтности в сфере социально-трудовых отношений в России в 2012 году и четырьмя годами позднее. Данные о причинах возникающих в производственных отношениях конфликтов накапливаются в Научно-мониторинговом центре «Социально-трудовые конфликты», созданном в 2012 году в СПбГУП по инициативе ФНПР. Ежегодный анализ причин конфликтов между работниками и работодателями позволяет увидеть не только внешнюю сторону происходящего, но и качественные и количественные взаимосвязи между конфликтностью в сфере труда и экономическими решениями, принимаемыми на разных уровнях управления. Сравнительный анализ причин конфликтов в 2012 и 2016 годах показал, что экономические санкции, которые были введены рядом зарубежных «партнеров», касающиеся банковского сектора и нацеленные на ограничение доступа на рынки финансового капитала, привели к заметному осложнению ситуации на предприятиях. Сначала крупные, а спустя год и средние предприятия стали испытывать недостаток

¹ Заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России (с 2012 г.), научный руководитель Центра мониторинга и анализа социально-трудовых конфликтов СПбГУП. Председатель Федерации профсоюзов Санкт-Петербурга и Ленинградской области (1991–2000). Заместитель (2000–2004), помощник (2004–2012) полномочного представителя Президента РФ в Северо-Западном федеральном округе. Автор ряда публикаций по профсоюзной проблематике, тематике социально-трудовых отношений и конфликтов, в т. ч.: «Трудовые отношения и профессиональные союзы», «Трудовые конфликты. История, теория, методы мониторинга» и др. Действительный государственный советник 2-го класса. Почетный профессор СПбГУП.

в оборотных средствах, в том числе на выплату заработной платы, что повлекло за собой рост протестов и конфликтов. Анализ комплекса причин и количественных данных о конфликтах и их участниках позволяет утверждать, что российская экономика тесно интегрирована в мировую. Причем зависимость распространяется не только на сектора экономики, которые относятся к сырьевым или металлургическим, непосредственно зависящим от колебаний мировых цен на их продукцию, но и на технологически более продвинутые отрасли, не исключая и бюджетную сферу, где мы также наблюдаем периодические проблемы в сфере социально-трудовых отношений.

Давая характеристику связям между причинами социально-трудовых конфликтов и экономическими решениями, я не случайно употребил термин «разные уровни управления». За годы экономических реформ в нашей стране произошли перемены, которые в текущей ситуации кажутся нежелательными. Вряд ли мы желали внешнего (пусть и условного, но вполне чувствительного) управления в целом ряде отраслей промышленности, определяемого наличием или отсутствием дешевых кредитов на обеспечение операционной деятельности наших предприятий. Говоря политическим языком, за годы перемен мы поступились частью своего экономического суверенитета в обмен на более дешевые денежные ресурсы и сегодня пожинаем плоды экономической интеграции с Западом.

Сложно в докладе описать социально-трудовые и связанные с ними экономические отношения, сложившиеся в нашей стране, в контексте глобальных вызовов, но некоторые важные элементы следует назвать, в частности попытаться оценить реализацию важнейших внутривнутриполитических и экономических проектов, которые были заявлены президентом нашей страны в 2012 году в известных «майских указах». Среди более десятка нормативных актов профсоюзы особо выделяют указы «О долгосрочной государственной экономической политике» и «О мерах по реализации государственной социальной политики». Задачи, поставленные в этих распорядительных документах, довольно амбициозны, в условиях 2012 года их было сложно реализовать, так же как и сейчас.

Необходимо пунктирно обозначить связь между темой XVII Лихачевских чтений «Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего» и приводимыми мной «цитатами реальности». Российские профсоюзы считают, что участие нашей страны в глобальных процессах не сводится к геополитическим абстракциям и отвлеченным футурологическим прогнозам. Будущее формируется здесь и сейчас. Для нашей страны оно создается, как и весь окружающий нас материальный мир, руками рабочих и служащих, с опорой на знания, умения и навыки 73 млн трудоспособных российских граждан, в первую очередь 21 млн членов профсоюзов, объединенных ФНПР. Именно через призму данных фактов мы рассматриваем ход выполнения задачи по созданию и модернизации 25 млн высокопроизводительных рабочих мест к 2020 году, по повышению производительности труда в 1,5 раза по сравнению с 2011 годом и достижению других це-

лей, сформулированных в условиях более спокойной и прогнозируемой ситуации, чем та, в которой мы живем сейчас.

Обозревая изменения, произошедшие за пять лет, необходимо оценить и внешние, и внутренние факторы, способные ускорить или затормозить развитие и скорректировать картину будущего, контуры которой намечены в этих указах. Внешняя ситуация изменилась радикально. Не вдаваясь в подробности, отмечу лишь, что прямо влияет на социально-экономическую ситуацию в нашей стране и отражается на социально-трудовых отношениях. Прежде всего политика неоглобализма, провозглашенная администрацией Рейгана, когда США посчитали весь мир зоной своих жизненных интересов, исчерпала себя. Однополярный мир уже невозможен, материальные, человеческие, интеллектуальные ресурсы медленно и болезненно перераспределяются. Дальнейшее экономическое развитие не будет определяться в одном или двух центрах, роль лидера мировой экономики готовы примерить на себя Китай и Индия. Устойчивость мировых валют не гарантируется их экономическим содержанием, а стала вопросом доверия. Несмотря на экономические и внутривнутриполитические трудности, с которыми сталкиваются некоторые страны БРИКС (составляющие одну треть мирового ВВП и 42 % населения земного шара), процесс формирования нового центра влияния продолжается. Все больше стран, в том числе в Европе, задумываются о проблемах, которые вызвала глобализация по либеральным лекалам. Переосмысливается роль национальных государств, анализируется оставшийся у национальных правительств суверенитет и выносятся решения, которые трудно назвать продолжением политики глобализации. Наконец, новая администрация США демонстрирует всему миру крутой вираж в сторону восстановления внутреннего рынка труда, стремится вернуть инвестиции на территорию своей страны, порвать глобальные цепочки поставок продукции, не отвечающие целям развития США как государства. Эти процессы пока не имеют однозначной оценки, но очевидно, что их вектор продиктован не теориями наподобие «конца истории» или «управляемого хаоса», а прагматичным стремлением вернуть суверенным правительствам рычаги управления собственными ресурсами, снизить влияние непредсказуемых внешних факторов, заменить абстрактные общечеловеческие ценности на ценности избирателей, прежде всего трудящихся, доверивших политикам свою судьбу.

В сложившихся условиях приходится с сожалением констатировать недостатки нашей системы управления. Система государственного и муниципального управления с начала 2000-х годов пребывает в состоянии анабиоза. До сих пор не проанализирована результативность реформы местного самоуправления 2003–2009 годов. Выявленные в ходе ее реализации трудности не косметические, а носят концептуальный характер. В частности, остаются нерешенными вопросы о децентрализации управления, вошедший в противоречие с тенденцией к централизации при принятии главных решений; вопрос самоуправления в крупных городах и городских агломерациях; проблема ресурс-

ного обеспечения муниципальных полномочий, соответственно баланс в распределении властных полномочий остается неясным. Список проблем недореформированного местного самоуправления, препятствующих реализации задач на близком к населению уровне, можно продолжить. Это крайне важная тема для профсоюзов (причем не только в бюджетном секторе). Местные рынки труда, поддержка малых и средних предприятий, вывод из тени нелегальной занятости, прекращение практики выплаты «серых зарплат» — все это и многое другое, включая своевременную профилактику трудовых конфликтов, немыслимо без полноценного местного самоуправления.

Не лучшим образом обстоят дела и в сфере федеративных отношений как по линии «центр–регионы», так и по горизонтальным направлениям. Невозможно смириться с тем, что стране из 85 регионов только 14 являются донорами, остальные 71 требуют дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности. Для профсоюзов вопрос об уровне финансовой состоятельности регионов включает гораздо больше пунктов, чем зарплата в бюджетных учреждениях местного и федерального уровней. Это еще и возможность устанавливать экономически обоснованные социальные нормативы, например уровень минимальной оплаты труда, и много других вопросов социального партнерства.

В связи с экономической политикой, особенно с той ее частью, которая относится к сфере труда, вернемся к указу президента, которым предусматривается создание и модернизация 25 млн рабочих мест к 2020 году. Важнейшим вопросом в решении этой задачи является определение источников ресурсов, прежде всего материальных. По подсчетам экспертов, представляющих организации работодателей, для модернизации одного рабочего места требуется около 100 тыс. долларов, для создания высокопроизводительного рабочего места — от 170 до 200 тыс. долларов. Итого — около 3,5 трлн долларов США (210 трлн рублей) за 8 лет, или 26,5 трлн рублей в год. Если учесть, что, по данным Минфина РФ, вся расходная часть консолидированного бюджета РФ в 2016 году составила 31 трлн рублей, из которых лишь 4 трлн направлены на реализацию п. 2.4 «Национальная экономика», то масштабы денежных средств, необходимых для решения этой задачи, в десятки (если не в сотни) раз превышают возможности. Надежды на кредитные средства иллюзорны, так как создаваемые рабочие места смогут окупиться (в зависимости от отрасли) в срок от одного года до пяти лет. При существующих банковских ставках такие заимствования для реального сектора экономики вряд ли возможны, а о собственных средствах предприятий на развитие говорить не приходится.

Решая поставленную задачу, нельзя говорить лишь о финансах. В указе речь идет о рабочих местах, обеспечивающих высокую производительность труда, что подразумевает наличие научно-технологического задела. Можно полагать, что подразумевается производительность труда не ниже среднеевропейской на период по крайней мере до 2020 года. В противном случае создаваемые рабочие места устареют в ходе реализации поставленной задачи. С этим пунктом связан

другой дискутируемый в последние годы вопрос, выделенный в отдельный пункт упомянутого указа, — повышение производительности труда в 1,5 раза к 2018 году. Необходимо пояснить, что производительность труда в странах *Организации экономического сотрудничества и развития* (ОЭСР), в состав которой входят 34 государства с развитыми демократическими институтами и рыночной экономикой, по итогам 2015 года (измерение производится в стоимостном выражении GDP/ВВП, производимого за один час работы) составляла 46,8 доллара в час, в то время как российский показатель равен 23,2 доллара в час. Если принять во внимание ретроспективу, то уровень производительности труда в сопоставимых величинах в Российской Федерации с 2011 по 2015 год практически не изменился, в то время как в странах ОЭСР он увеличился на 1,3 доллара ВВП в час. Если предположить, что за 2016–2017 годы производительность труда в РФ по каким-либо причинам возрастет, ее сопоставимая величина останется в два раза ниже уровня развитых стран.

Человеческие ресурсы — главное, что закладывается в понятие «производительность труда», так как работа, выполняемая машинами, измеряется на основе технического задания. Система массовой подготовки работников, отвечающая задаче повышения производительности труда, в России отсутствует более двадцати лет. Непрерывные эксперименты в сфере высшего образования и попытки возродить среднее профессиональное образование все еще продолжают и приносят какие-то результаты в отдельных регионах и отраслях. Однако в масштабах, необходимых для заполнения высокопроизводительных рабочих мест, эта система не в состоянии предоставить человеческие ресурсы.

Несколько слов о технологическом отставании. Можно лишь догадываться о сохранившихся со времен СССР научно-технологических заделах, реализация которых позволит изменить текущее положение дел, однако до настоящего времени их обнаружить не удалось.

Не вдаваясь в анализ факторов, влияющих на производительность труда, следует заметить, что главенствующими остаются материально-технические, связанные с техническим уровнем производства, совершенствованием технологий, техники, применяемыми материалами, и лишь во вторую очередь — организационные, характеризующие организацию труда, производства и управления. Наименее затратной, но по-прежнему весомой является третья группа — социально-экономические факторы, относящиеся к качеству работников, их мотивированности и удовлетворенности трудом. Наука о труде располагает эти группы факторов в вышеприведенной последовательности, опираясь на расчеты, показывающие удельный вес этих групп в повышении производительности труда. Таким образом, радикальное ее повышение, предусмотренное вышеупомянутым указом президента, возможно лишь при техническом и технологическом перевооружении, по существу, реиндустриализации на новой современной основе. Однако о такой государственной программе пока ничего не известно. Иными словами, задача

с тремя неизвестными: кто, за чей счет и какие рабочие места должен создать во исполнение указа президента, пока не решена.

В статье приводится лишь незначительная часть стоящих перед нами вызовов. В заключение отметим, что контуры будущего, если исходить из текущего положения, весьма неопределенны. Возникает много вопросов, на которые еще пять лет назад имелись ответы, а сегодня их нет. Перед нашим обществом, особенно перед работающей частью населения, все чаще встает вопрос экзистенциального характера — о цели деятельности и смысле существования. Кажется, что для дальнейшего продвижения нам не хватает более глубокой мотивации, основанной не на частных задачах и ответах, а на согласованном видении будущего. В «здании» идей, заложенных действующей политической элитой, кое-как достраиваемом в ходе текущего управления по принципу «решать задачи по мере их возникновения», не хватает несущих элементов, способных объединить интересы многонационального, социально неоднородного, территориально распределенного российского общества. Несмотря на неоднократные попытки включить внутренние ресурсы общества в результативное развитие, успех так и не был достигнут. Цели, которые ставятся даже наиболее авторитетными лидерами нашего общества, не достигаются из года в год. И дело здесь не в вине какого-либо министра или правительства в целом, а в идеях, которые до сих пор не могут консолидировать общество для достижения поставленных целей.

Недостающие стержневые конструкции должны восполнить безыдейность существования большинства населения страны на прочной основе исторического опыта предыдущих поколений. Этот опыт, к огорчению верующих, вряд ли тесно связан с религиозными чувствами. Он не лежит в плоскости свободы предпринимательства или личной экономики. Его корни — в особом чувстве справедливости, порожденном в годы войны и укоренившемся после ее окончания, в период строительства новой жизни; в состоянии победителей, сумевших одолеть врага, отстроить Отечество и покорить космос, создать ядерный щит и удержать страну от распада. Это неискоренимый патернализм, вера в силу и надежность государства, доверие к вождем и недоверие к политикам, судам и депутатам. Это одновременно и вера в собственные силы, способность рывком сделать то, что другим народам не дается го-

дами упорного труда, надежда на свои шесть соток (уж они-то спасут в лихую годину).

Желанные свободы в действительности оказались зависимы от количества денег. Многое из того, с чем хотели расстаться политики конца 1980-х, сохранилось и, видимо, не исчезнет еще как минимум на протяжении жизни двух поколений. Мы не сможем конкурировать с американцами, немцами или французами на равных, пока не признаемся сами себе, что имплантация западной модели меркантильного мещанства не удалась. Если в кампании по возвращению Крыма в состав России общественное согласие и поддержка были достигнуты за короткий промежуток времени, на патриотическом порыве, то в вопросе о справедливом распределении результатов труда или выгод от обладания неисчислимыми природными ресурсами в обществе такого согласия нет. Напротив, пропасть между теми, кто создает материальный мир своим трудом и талантом, и теми, кто пользуется результатами этого труда, все усугубляется. Сохранение олигархического устройства экономики, построенной на естественных и искусственных монополиях (пусть даже покрытых модным лаком инновационных проектов и сдобренных сладостью социальных программ), и в дальнейшем будет генерировать расширяющийся класс «работающих бедных» — это фундаментальное противоречие.

Выбор пути дальнейшего развития неизбежно обусловит необходимость строительства общества, построенного на справедливом отношении к рабочим и служащим, независимо от цвета их воротничков. Мы, все общество, должны заменить идеологию либеральных рыночных преобразований, сформированную явочным порядком, вне механизмов общественного согласия, на идеологию общества всеобщего достатка, на основе которого и возможно процветание. Инвестиции в человеческий капитал лишь тогда будут понятны населению страны, когда труд станет источником достойной жизни, когда будущее начнет определяться в ходе реальных демократических процедур, когда образование, здравоохранение и пенсионная система станут эффективными, будут служить сохранению и развитию населения и перестанут быть цирковой ареной для показа фокусов.

Идеологический разворот возможен и необходим, именно он наметит контуры будущего, которые придется определять уже в следующем году в ходе выборов президента России.

В. К. Мамонтов¹**БОТАНЫ И ХУЛИГАНЫ, ИЛИ НАДВИГАЕТСЯ ЛИ НА НАС
КОНСЕРВАТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ?**

С приходом Трампа публицистами и политологами все чаще стал употребляться термин «консервативная революция». Со смертью Рокфеллера укрепилась идея об исчерпанности нынешней глобальной модели экономики и общих ценностей. Высказывается мнение, что мир плавно разворачивается к суверенизации государств, объединению сильных и оставлению слабым своей участи (брексит и «разноскоростной» Евросоюз).

Попробуем проанализировать (в доступной автору журналистской, публицистической форме, не претендуя на строгую научность), действительно ли мир задет тектоническими сдвигами или это очередные медийные политехнологические преувеличения? Для начала посмотрим в суть мировых противоречий — разумеется, субъективно. По-моему, если пристально взглядеться, то станет ясно, кто с кем в мире воюет, тягается, соперничает. Ботаны с хулиганами. Ботаны на данном этапе очень сильно продвинулись.

Ботаны захватили господствующие высоты. Они спокойно могут выйти во двор в очках; в шлеме, наколенниках, налокотниках, наголенниках и перчатках с обрезанными пальцами, не говоря уже о «черепахе» на спине и пятой точке.

И долго, опасно учиться кататься на гироскутере. И хулиган гироскутер не отберет. Хулиган зазомбирован, зашуган, над ним ботаны повесили видеокамеру, а его это практически подавлено ботанскими правилами и этикой.

У ботанов есть целый парк Горького, где их вообще никто не трогает. Но они таким парком хотят сделать весь мир. Представляете? Мир, полный опасностей, рек, джунглей, пропастей, дыма, огня, соковок, подлинных чувств и жадных животных желаний, хотят обложить подушками, на которых они будут полулежать сутками со своими айпадами и бледными девицами.

Кстати, о девицах. Барышня хулигана хороша собой, залиvisto смеется, у нее нежный пушок на розовой щеке. Но для ботанов такие девушки недоступны. Она и не глянет на ботана. Тогда ботан (а он неглуп, этого не отнимешь) начинает понемногу убеждать общественность, что как раз его девушка, которая боится дневного света, и есть идеал. Для тех, конечно, кто понимает. Ботан снимает про таких сериалы, он смело показывает ее вытянутый в ижицу фейс и кривые ноги, как бы говоря: «Теперь это ничего. Это современно. Более того, это круто!».

Когда ботана берут служить в Военно-морской флот США, он, думая, что его ботанские правила уже везде победили, смело направляется на своем набитом ботанской аппаратурой кораблике к границам еще сохранившихся хулиганских стран — выведывать их секреты.

¹ Генеральный директор радиостанции «Говорит Москва», директор Фонда поддержки сетевых инициатив «Разумный Интернет». Автор книг: «Семь снов в сентябре: социально-фантастический сплав», «Как сделать газету такой, чтобы ее читали?».

И тут на него вылетает (с форсажным гулом, грохотом, пламенем) хулиганский самолет и делает над ботанами устрашающую «бочку», свирепый переворот Иммельмана и смертоносную «кобру». Ботан, видя «кобру», начинает кричать, что хулиган производит опасные действия. Тогда как ботан совершенно безопасно просвечивал, вынюхивал, улавливал радиоволны, прослушивал через гаджеты, никого не трогал, а тут такое.

На этом примере видно, что ботан — тот еще лицемер. Чтобы дать себе, любимому, возможность и дальше лежать на подушках (входить в «золотой миллиард», владеть 90 % финансовых ресурсов мира и т. д.), ботан легко может разбомбить кого-нибудь — издали, разумеется. Но при этом он будет, поправляя очки, твердить, что это только ради великой ботанской демократии и прогресса, а кто так не думает — варвар и ватник.

Касаясь идейно-духовных аспектов ботанской жизни, следует отметить, что ботаны довели до совершенного абсурда некоторые явления, которые были распространены во всем мире. К примеру, равенство. У ботанов все равны (надо ли говорить, что на словах и к их ботанской пользе): черный — белому, синий — серому.

У тебя нет руки — так вышло, но не волнуйся, ты изначально равен двурукому. Как изначально? Я потратил столько сил, чтобы добиться этого равенства, научился есть, пить, штаны застегивать одной рукой, я человеком заново стал — а ты мне свое дистиллированное, толерантное равенство как подачку тычешь?

Все это не отменяет разумного и гуманного отношения к тем, кому трудно, кто не такой, как все. Но мы же не ботаны, чтобы любовь заменить толерантностью, чтобы разучиться жалеть — и научиться грамотно скрывать равнодушие.

Вот ведь какое дело... Хулиган Алексей Маресьев научился танцевать на протезах, летать, и мне иногда кажется, что это он сейчас выдывает Иммельманы и «бочки» над ботанским эсминцем. На такое ботанам равняться страшно — это же настоящий человек. Они даже эту книгу из школьной программы изъять норвят: в ней ужас, варварство, «совок», тоталитаризм, культ мертвых... Зачем это новому поколению бледных созданий, исподволь прибирающих мир к рукам?

И все у ботанов шло хорошо, везде — глобализм, но фальшивые, лицемерные, скудоумные, сконструированные для собственного удобства «ценности» не прошли проверку кислотой. Не все то золото, что блестит: к примеру, нашествие мигрантов на Европу отрезвило многих горячих поклонников ботанского мультикультурализма.

Да что Европа?! В Америке, колыбели ботанизма, вызрел настоящий бунт: президентом стал Дональд Трамп, который по-хулигански крушит любовно обустроенные «парки Горького». Большинству нравится.

Произошло возвращение густопсового реализма в галерею, переполненную Ротко, Кунцем и Уорхолом.

Дух фронта, типа нашего суриковского «Покорения Сибири Ермаком». Трамп пыгаются уконтапуть традиционным набором приемов: «Вы недостойны быть президентом, потому что — о, ужас — брали на работу нелегальных мигрантов!» Что, по ботанской логике, должен делать обвиненный в столь страшном преступлении против демократии и устоев цивилизованности? Мямлить, оправдываться, трясти справками и отползать.

Трамп же, оглядев стройные ряды вышколенных обвинителей-чистоплюев, ответил: «И что? Я тут единственный, кто вообще кого-либо на работу брал!» Звучит примерно как «единственный, кто в руках держал хоть что-то тяжелее авторучки». Смех, аплодисменты, паника в рядах ботанов, #крымнаш.

Что до облета эсминца, то Дональд прямо заявил (уже хорошо), что позвонил бы Владимиру и сказал бы такие слова: «Владимир? Не Вован, не Лексус? How are you, конечно, но я тебе не ботан, не нынешний афромультикультуралит, прости господи, а воплощенный дух сильной Америки. Ты смотри там, Владимир! Можешь и ответить». Прямо свежим ветром подуло.

Вообще, устоит он в своих предвыборных обещаниях, победит тамошних ботанов — скучно миру не будет. Хулиганы получат серьезное подкрепление. А ботаны... пусть сидят, гаджеты выдумывают, мышек своих целуют, флешмобы устраивают. И в Сирию ни ногой. Но так ли будет, не выдумки ли это? Не «хотелки» ли, выдаваемые за истину?

В качестве ответа на вопрос приведем инаугурационную речь Дональда Трампа. Ничего более системного он пока не произнес. Обращает на себя внимание следующее (по пунктам).

1. Трамп не поблагодарил ботана Обаму (тот в свое время, сменяя Джорджа Буша, отметил его заслуги перед страной) за его работу на высоком посту. Даже формально, сквозь зубы. Все, что он сказал: «Мы благодарны президенту Обаме и первой леди Мишель Обаме за их гостеприимство, и великодушные, и любезную помощь на протяжении всего переходного периода». Затем добавил: «Они были великолепны», что звучит, честно говоря, издевательски. Дальше зашел только Франклин Рузвельт, вообще не упомянувший предшественника в инаугурационной речи.

2. Оценку, весьма жесткую, периоду правления Обамы Трамп дал чуть позже: «Слишком долго горстка людей в столице пожинала плоды усилий власти, тогда как народ нес тяготы. Истеблишмент защищал себя, но не граждан страны». Это выглядит как конспект речи Рузвельта, который следующим образом характеризует ответственных за Великую депрессию: «Происходит это главным образом потому, что те, кто отвечал за обмен плодами рук человеческих, потерпели провал из-за собственного упрямства и собственной некомпетентности... Им известны лишь правила поколения корыстолюбцев. Это недалёковидные люди, а недалёковидные люди обречены на гибель». Занятно, но и Обама соглашался с тем, что в Америке, кризис, за который отвечают «отдельные алчные и безответственные люди». Только в речи Джона Кеннеди понятие «кризис» отсутствует — зато там есть «ужасы нау-

ки», которые, думаю, по вине тех же «алчных и безответственных людей» «поколения корыстолюбцев» доведут Америку и весь мир до реального кризиса (для начала Карибского), а потом и самого Кеннеди сведут в могилу.

3. Дальше у Трампа начинается самое интересное: оказывается, «сегодня мы не просто передаем власть от одной администрации другой — мы забираем власть у Вашингтона, округ Колумбия, и возвращаем ее обратно вам, американскому народу». Пока все на вербальном уровне, но тезис абсолютно революционный. Тут за аналогиями хочется обратиться не к другим президентам США — они ничего подобного не говорили, напротив, наследовали политическое устройство страны, — а к Владимиру Ильичу и его статье «О двоевластии». В ней он прямо говорит: «Коренной вопрос всякой революции есть вопрос о власти в государстве». Далее приведем слова Трампа, но, по-моему, я сдавал это в университете по другим первоисточникам: «Слишком долго небольшая группа людей в столице нашей страны получала плоды правления, за которые платили обычные люди... Народу не перепали плоды этого процветания. Политики обогащались, но рабочие места сокращались, и заводы закрывались. Истеблишмент защищал себя, но не граждан страны. Их победы не были нашими победами... Было мало причин праздновать у бедствующих семей по всей стране. Все эти изменения начнутся прямо здесь и прямо сейчас».

4. Видимо, Трамп осознает, с кем ему придется выдержать борьбу. Он хочет заручиться поддержкой масс через голову вашингтонских элит, которые, мягко говоря, не в его команде. Вне зависимости от партийной принадлежности: «Что действительно важно — не то, какая партия управляет государством, а управляет ли народ нашим государством». Трамп подает сигнал своим избирателям — всем простым людям, белому и любому другому большинству Америки, «крепким хозяйственникам», рабочим, фермерам, военным, людям традиционного уклада и христианских ценностей, интересами которых так долго пренебрегали: «Я ваша власть — поддержите. И я прекращу истребление американского народа». Вот, оказывается, что у них происходило, пока Виктория Нуланд на Майдане печенье раздавала! Такие бескомпромиссные формулировки прежде не встречались ни в одной президентской речи. И становится понятно, почему Обама не дождался слов благодарности.

5. Дональд Трамп просто объясняет, чем под его руководством стоит заняться американцам. Впрочем, «стоит» — неправильное слово. Это не мягкие «хотелки» Обамы: «Состояние нашей экономики диктует необходимость действовать». Трамп жестче: «Мы должны защитить наши границы от разрушительного воздействия других стран, производящих продукцию, которую должны производить мы, обворовывающих наши компании и разрушающих наш трудовой капитал». Далее Трамп повторяет инаугурационную речь Обамы почти дословно, но с характерными поправками. «Мы построим дороги и мосты, линии электропередач и системы телекоммуникаций, питающие нашу эко-

номику и связывающие нас в единое целое», — говорил Барак. Дональд добавляет к перечню: дороги не простые, а железные, к ним тоннели и аэропорты, оставив на потом новомодные телекоммуникации. Обама намеревался заставить «землю, солнце и ветер служить нам, приводя в движение моторы наших автомобилей и станки наших заводов». О ветре Трамп упоминает, но говоря о равнинах Небраски, где наряду с Детройтом рождаются американцы. Обама считал, что «для нас не существует вопроса — добрую или злую силу представляет собой рыночная экономика. Могущество рынка, его способность создавать богатство и расширять границы свободы уникальны». Ответ Трампа насчет границ: «Мы вернем наши границы... Мы будем следовать двум простым правилам: покупай американское и нанимай американцев». И это все, что он сказал о невидимой руке рынка, на которую молятся в давосах и на гайдаровских форумах. Когда в ходе предвыборных дебатов либеральные фундаменталисты упрекали Трампа в том, что он «без стеснения звонит руководителям крупных компаний и требует от них сохранять производство в Америке — дескать, не президентское это дело, да и традиций подобных прежде не было», — он отвечал: «А по-моему, вполне президентское. А если и не президентское, тоже ничего страшного, потому что мне это на самом деле нравится».

6. Я обратил бы пристальное внимание на то, что Трамп — не совсем президент. Лучше сказать, не только президент. «Пусть все американцы, в каждом городе — близком и далеком, маленьком и большом, от горы до горы, от океана до океана, услышат эти слова: “Вас никогда больше не будут игнорировать”». Только Рузвельт решился на такое мессианство и прямое ассоциирование себя с волей народа. Он, кстати, возвышенное легко сочетал с прагматикой и считал, что краткость американской Конституции открывает возможности для трактовок сообразно моменту. Рузвельт широко понимал президентские полномочия: «Если страна по-прежнему останется в чрезвычайном критическом положении, я не уклонюсь от ясного, предначертанного долгом курса. Я буду просить у Конгресса единственный оставшийся инструмент решения кризиса — широких властных полномочий для борьбы с чрезвычайной ситуацией, столь же неограниченных, как полномочия, которые мне были бы даны в случае фактического вторжения иноземного врага». Пока в речи Трампа (а она, повторим, напоминает концепт рузвельтовской) таких пассажей нет. Но они есть в первоисточнике...

7. И наконец, о международном положении. Ни слова об особой ответственности, поддержке демократии по всему миру или хотя бы в одном его полушарии, как завещал в своей инаугурационной речи Джон Кеннеди: «Пусть все наши соседи знают, что мы присоединимся к ним для отпора агрессии и подрывной деятельности в любом месте обеих Америк. И пусть любая другая держава знает, что наше полушарие намерено оставаться хозяином в собственном доме». Полушарие — это интересно. Но даже Кеннеди в своей знаменитой формуле «Не спрашивай, что Америка должна сделать для тебя. Спроси, что ты должен

сделать...» закончил фразу вовсе не «...для Америки», а для «...свободы человека». У Трампа же «Америка прежде всего» — и не важно, кто еще и в каком контексте изрекал нечто похожее. «Мы... субсидировали армии других стран, позволив истощиться нашим войскам. Мы защищали границы других народов, отказываясь защищать собственные. Мы потратили триллионы долларов за границей, в то время как американская инфраструктура развалилась и пришла в негодность. Мы сделали сильными и богатыми другие страны, в то время как богатства, сила и уверенность нашей страны исчезли за горизонтом... Богатство, отобранное у нашего среднего класса, перераспределялось по всему миру».

Владимир Путин по этому поводу в ООН спросил у американцев и их сателлитов: «Вы хоть поняли, что натворили?». Обама молчал, страдал, мелко пакостил. Трамп с опозданием, но ответил: «Теперь это в прошлом... Мы собрались здесь сегодня, чтобы установить новый порядок (бесстрашный мужик, этот Дональд), о котором услышат в каждом городе, в каждой столице иностранного государства, в каждом правительственном здании». Первая организация, в которой это уже услышали, был ЦРУ: именно туда наведался Трамп, едва вступив в должность.

8. Неужели сбылись наши надежды? Бог — свидетель, мы не так уж много требовали от Америки. И вот было произнесено: «Мы установим дружеские и добродетельные отношения со странами мира, но мы сделаем это с пониманием того, что в первую очередь каждый народ вправе заботиться о своих интересах». Неужели? «Мы не будем стремиться никому навязывать свой жизненный уклад, скорее позволим ему во всей блистательности стать примером для других. Мы будем укреплять наши старые союзы и формировать новые». А вот что сказал Рузвельт: «Мне хотелось бы, чтобы наша страна проводила политику доброго соседа, который решительно уважает себя и поэтому уважает права других; соседа, который уважает свои обязательства и святость своих соглашений с соседями во всем мире». Нет, не случайно всю фантастическую историю с избранием Трампа президентом окрестили «Назад в будущее»!

9. Сейчас я просто зарыдаю: «Мы объединим силы цивилизованного мира, чтобы противостоять радикальному исламскому терроризму, который мы сотрем с лица земли».

В заключение приведем длинную цитату — не из Трампа (он произнес короткую речь, очевидно, так посоветовал ему Джаред Кушнер, его зять и большой знаток новейших интернет-технологий: «многобукав» нынешнее поколение не осилит), а из Кеннеди: «Наконец к тем странам, которые пожелают стать нашим противником, мы обращаемся не с обещанием, а с предложением: обеим сторонам следует заново начать поиски мира, прежде чем темные разрушительные силы, высвобожденные наукой, поглотят человечество в преднамеренном или случайном самоуничтожении. ... Две великие и могучие группы стран не могут быть также удовлетворены и нынешним курсом, когда обе стороны чрезмерно обременены расходами на современные во-

оружения, обе справедливо обеспокоены неуклонным распространением смертоносного атома, и тем не менее обе спешат изменить это страшное неустойчивое равновесие... Так начнем же заново, при этом обе стороны будут помнить, что вежливость не является признаком слабости, а искренность всегда подлежит проверке. Давайте не будем договариваться из чувства страха и не будем страшиться переговоров. Пусть обе стороны выяснят, какие проблемы нас объединяют, вместо того чтобы твердить о разведивающих нас проблемах. Пусть обе стороны впервые сформулируют конкретные предложения по инспектированию и контролю над вооружениями... Пусть обе стороны творят чудеса, а не ужасы науки. Будем вместе исследовать звезды, покорять пустыни, искоренять болезни, измерять океанские глубины, поощрять искусство и торговлю... Всего этого не завершить за первые сто дней. Не завершить этого ни за первую тысячу дней, ни за жизнь этой администрации, а может быть, даже ни за нашу жизнь на планете. Но давайте начнем».

Начать, как вы знаете, не дали, так же как и продолжить. Потому что ботаны умирают, но не сдаются. Пример — Дэвид Рокфеллер. Старик занимал 581-ю позицию в мировом списке миллиардеров. Ну да, довольно позорно, дед-то у него был первым и единственным. Но наследники сами виноваты: так «накачали» мир зелеными бумажками, что стали возможны даже миллиардеры-остолопы. Нувориш Полонский вообще заявлял, что тот, у кого нет миллиарда, должен идти... — и указывал неприглядный курс. Бог и Владислав Сурков так ему это не оставили.

Рокфеллером же высшие силы были вполне довольны: за жизнь он потратил миллиард на благотворительность. Его семья издавна вкладывала деньги в медицину, и однажды это дало результат. Если быть точнее, это дало результат семь раз — Дэвиду семь раз пересаживали сердце. Семь раз на земле умирал человек с абсолютно здоровым сердцем. Почему так происходило? Так или иначе — вследствие несовершенства мира, к которому приложили руку не только мы, грешные, но и Дэвид Рокфеллер. Семь раз миллиардер получал молодое, совершенно здоровое сердце без очереди. Информация для тех, кто не знает: в мире колоссальная очередь на такие операции, хотя они и стоят миллионы долларов. Семь раз благотворительность творила чудеса: миллиардер Рокфеллер обзаводился новым молодым сердцем раньше инфарктного миллионера, а до кого-то очередь так никогда и не дошла.

Будь я писатель-социалист вроде Теодора Драйзера или Джека Лондона, написал бы про это книгу и завернул бы сюжет так, что все семеро доноров опосредованно являлись бы жертвами деятельности Рокфеллера. Например, едет молодой честолюбивый парень Дик на собеседование в контору — одну из наследниц знаменитой «Standard Oil» — наниматься офисным «планктоном», счетоводом навряде рокфеллерова прадеда. Поскольку в его Оклахоме больше заняться нечем, нефть давно выкачана, а Купертино далеко, в Калифорнии. Он строит планы, опаздывает, торопится — и попадает в автокатастрофу. Кабриолетом, с которым он сталкивается, рулит странная художница Рут,

которая никогда не позволила бы себе такой дорогой спорткар, если бы ее мазня не покупалась обезумевшими от денег миллиардерами-коллекционерами и т. д.

Некоторые могут сказать, что это вульгарный, упрощенный подход. Но все гениальное — просто. К примеру, идея делать деньги из денег. Деды и прадеды Дэвида не сразу до нее додумались. Они отодвигали фронтир, нанимались учетчиками в конторы, объединяли раздробленные маленькие нефтяные компании в тресты. Им нужны были грязь, пот, слезы, жирная нефть и алая кровь, чтобы в конце цепочки возникли доллары. Им нужна была Гражданская война в США, чтобы продавать воюющим солонину, бобы, порох, ружья и ткань на мундиры, чтобы обогатиться. Южан достаточно было рабства: черные полулюди с утра до вечера работали на залитых щедрым солнцем плантациях, выращивая хлопок и кукурузу; белые полубоги курили сигары и ездили в Париж развеяться. Но алчущие с Севера, где ничего не росло, кроме курса акций, отказывались радоваться чужому счастью: они постановили, что такая патриархальщина — вчерашний день, а им на той делянке семь сердец не светят. И они додумались, как стать супербогатыми без хлопот, а если на что и придется потратиться, то на демократию. Неубиенная идея! Негры первые побегут записываться в Мартины Лютеры Кинги!

Сейчас начнется чистая конспирология, но как без нее в заметке о Рокфеллере? (Скоро и Ротшильды появятся.) Пропустим стальные союзы, торговавшие танками, линкорами и «большими Бертами». «Дайте мне право выпускать и контролировать деньги страны, и мне будет совершенно все равно, кто издает законы!» — сказал в позапрошлом веке другой патриарх капитализма, Майер Ротшильд. Чем хороши те далекие годы? Хоть кто-то говорил обдуманно, весомо и искренне!

Затем самые богатые люди приступили к реализации своих планов. Сейчас Дональд Трамп продвигает идею «Сделаем Америку снова великой!». А ему вставляют палки в колеса... Кто? Те, кому наплевать, велика ли Америка. Сильная Америка нужна им только как инструмент для устройства миропорядка — чтобы деньги, которые не имеют ни национальности, ни соответствующих интересов, делали новые абсолютно непатриотичные, глобалистские деньги. Если для этой цели понадобится превратить Америку в Албанию — они готовы. И тем более готовы превратить в развалины какой-нибудь Ирак, в пустыню — Ливию (которая, кстати, удобна для этого в географическом смысле). Они и Украину готовы превратить в пустыню, и, что характерно, многие украинцы им в этом помогают. Еще вчера был бандеровец, прятался в лесах, а ныне — вылитый Мартин Лютер Кинг, демократ и северянин.

К концу 1913 года коллективный «рокфеллер-ротшильд» добился своего: отнял у супердержавы США право печатать зеленые бумажки. Если правительству США нужны деньги, они заказывают их в частной компании под названием Федеральная резервная система. В момент принятия исторического решения было Рождество, половина конгрессменов разъехалась, вторую пропустили через «мясорубку» благотворительно-

сти — и по сей день Federal Reserve Act — краеугольный камень финансового мира. Проще говоря, если нужны деньги, их печатают. Но есть и обратная сторона — колоссальный госдолг, который рано или поздно лопнет... Трамп и те, кто его поддерживает, условные ротшильды, считают, что глобальная модель себя изжила. Спасайся, кто может, в своем суверенном Отечестве. Сделаем Америку (а может, еще Англию) великой, а остальные — кто не спрятался, я не виноват. Противники же, условные рокфеллеры, считают, что модель вполне жизнеспособна, если затеять еще парочку Афганистанов, унять Путина и застопорить Китай. А художница Рут (из моего ненаписанного романа) просто не хочет терять халявные гонорары и готова выцарапать Трампу глаза.

Так, может быть, Дэвид Рокфеллер умер от горя, узнав о приходе Дональда в Белый дом? Не думаю. Надо признать, что все в мире устроено не так просто, как описано выше, а гораздо проще.

На изначальный вопрос, зачем Дэвид Рокфеллер умер (жил бы и жил, дом — полная чаша, дети с внуками пристроены), есть наш, голытьбы, злорадный, тор-

жествующий ответ: все помрем, бессмертия не купишь, всех денег не заработаешь, с собой не унесешь. С судьбой не поспоришь. В качестве еще бесспорного доказательства можно привести историю Ричарда, родственника Дэвида Рокфеллера, — если кратко, Дика, который однажды очень спешил, но не наниматься учетчиком, а летел в кромешном тумане на своем самолете в собственный особняк. При посадке самолет задел верхушки деревьев, и Ричард погиб. Теоретически он мог стать очередным донором Дэвида, и его сердце прижилось бы, наверное, лучше — ведь семь операций потребовались потому, что организм миллиардера упрямо отторгал чужие ткани. Но Ричарду на тот момент было 64 года — какое уж тут молодое сердце.

Вот так старая модель мира «цепляется» за право рулить. Для напоминания об исполнении хотя бы десятой доли прекрасных намерений Кеннеди, Трампа или их последователей — Марин Ле Пен и других «хулиганов» — необходимы решимость, профессионализм, изощренная, долговременная политика, добрая воля, мужество и закрытые машины с пуленепробиваемыми стеклами.

Хуан Антонио Марк¹

ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР: СИСТЕМНЫЕ СДВИГИ, ВЫЗОВЫ И КОНТУРЫ БУДУЩЕГО. НА ПЕРЕКРЕСТКЕ МЕЖДУ ГЛАВЕНСТВОМ ЧЕЛОВЕКА И НОВОЙ ВОЛНОЙ НАЦИОНАЛИЗМА

Одной из важнейших характеристик XXI столетия является центральная роль человека. Технологии устранили многие барьеры, которые ограничивали связь и сотрудничество людей на планете, и предоставили нам новые возможности для инноваций и развития творческих способностей. Благодаря этому мир сегодня похож на новую планету, полную идей, инициатив и действий многих людей, которые остаются неизвестными, но все стремятся изменить нашу жизнь и весь мир. В то же время международное сообщество выработало набор правил и принципов в области прав человека, которые могут обеспечить всем людям безопасную среду для того, чтобы быть гражданами мира.

Однако ступенька, ведущая к созданию мирового правительства, которое обеспечило бы глобальную правовую среду, слишком высока для того, чтобы мы взобрались на нее в ближайшем будущем. И тут возни-

кает проблема. Поскольку известно, что вакуум всегда склонен чем-то заполняться, в отсутствие мирового правительства, которое могло бы гарантировать безопасное глобальное пространство для всего мирового сообщества, создаются предпосылки для того, чтобы смотреть на безопасность на локальном уровне сквозь призму национализма. Слишком много людей в мире обращают свои взоры внутрь страны, чтобы в гордости за нацию находить «референтное пространство» (space of reference). Сегодня мы находимся на распутье: или нам удастся пойти вперед, к глобальному правлению, которое могло бы гарантировать общемировую безопасность и высвободить человеческий потенциал для творчества и производства, или мы будем ощущать незащищенность, а необходимость установления понятной, сильной и близкой власти приведет многих к поддержке новой волны национализма.

Человеческая история является историей вида, который строит собственное пространство на планете... а может, и во Вселенной. Мы начинали с первобытного общества, когда боролись против более сильных животных и пытались обеспечить выживание, доминируя на минимальном участке территории, затем создавали все больше общественных пространств, с каждым разом крупнее: от деревень к регионам, от регионов к странам, от стран к международным организациям и квази-суверенным объединениям типа Европейского Союза, а от них — к желанию создать что-то настоящему мощное и глобальное. Но люди редко создают свою историю без неудач, препятствий и откатов

¹ Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Испания в Российской Федерации (2008–2011). В 1989–1993 гг. — постоянный представитель Европейской комиссии при Комитете по поддержке организации по сотрудничеству и экономическому развитию. Работал генеральным директором Института Иберо-американского сотрудничества Испанского агентства по международному сотрудничеству, советником посольства Испании в Великобритании (1996–2001) и Мексике (2001–2004). Посол — постоянный представитель Испании в Организации Объединенных Наций и международных организациях в Женеве (2004–2008). Автор книг «Жди меня в Гаване», «Ключевые стратегические вопросы в глобальном мире», ряда публикаций по проблемам современных международных отношений, в т. ч.: «Актуальные общемировые проблемы и национальные интересы. Мир между конфликтом и созидательностью», «Мир уже никогда не будет прежним: грянут большие перемены», «Проблема разных стадий конкуренции в процессе глобализации» и др.

назад. Слава богу, возвращение к старому всегда происходило на региональном уровне. Варвары разрушили Римскую империю и отбросили нас к архаичному обществу на более чем пять веков. Китай серьезно пострадал после Опиумных войн и последующего выбора коммунистической модели развития. Страна больше века входила в число отсталых, пытаясь найти новый способ позиционирования себя в мире. И так далее. Проблема в том, что все неудачи, будучи важными уроками для человечества, полны страданий и позора.

В наши дни дилемма заключается в том, как совместить динамизм эпохи высоких технологий с обновлением политического и социального мышления, чтобы обеспечить новые, адекватные системы социальной организации. Очевидно, что в последние десятилетия мы совершили прорыв в науке и технике, но, к сожалению, по-прежнему не можем достичь реального прогресса в развитии надлежащих структур общественного правительства. Обычно развитие человечества продвигалось от одной политической модели к другой, превосходящей первую в том, что касается расширения пространства, повышения эффективности контроля и управления. Человечество пережило периоды напряженных противостояний и конфликтов, проводя большую часть времени в войнах и разрушениях. Сегодня мы должны действовать умнее, но перед нами стоит титаническая задача. Население, как правило, все еще сильно привязано к своим локальным территориям, а поскольку плюсы и минусы новой глобальной игры не одинаковы для всех, среди потенциальных проигравших и тех, кто думает, что может получить больше при старых порядках, наблюдается тенденция к обращению назад, к национальным ценностям. Они пытаются противостоять глобализации, защищаясь тем, что представляют как «более подходящий щит». Проблема в том, что национализм, распространяясь, никогда не служил щитом, а, напротив, являлся источником конфронтации и разрушения.

Вторая мировая война, ставшая результатом усиления национализма, привела к катастрофическим последствиям, которые долгое время служили сдерживающим фактором националистических движений. Во второй половине XX века доминировал прагматизм, а в отношениях усиливалась кооперация. Но проблема в том, что подобные процессы всегда неустойчивы, потому что людям в большинстве случаев требуются сильные лидеры, а при такой динамике их нет. На самом деле большинству трудно осознать, что нынешняя модель политической глобализации преуспела благодаря слабой и раздробленной политической власти, и хотя она не идеальна, это лучшее из возможного. Она не всех устраивает, но безопасна и обеспечивает достаточное общественное спокойствие, чтобы подумать о том, как двигаться вперед. Но мы не должны терять время, откладывая реальный прогресс до времен глобального политического урегулирования, основанного на правах человека и социальном единстве. Сегодня необходимо бороться с искушениями национализма, и это имеет первостепенное значение.

В романе Марселя Пруста «В поисках утраченного времени», в частности, рассказывается, как моло-

дые парижане горели желанием поступить на военную службу и отправиться на фронт, поскольку к тому времени уже 40 лет, то есть на протяжении жизни целого поколения, не было войн и конфликтов, и участие в сражениях было «опытом», который каждый хотел приобрести. И только по прошествии какого-то времени, когда они провели много страшных дней и ночей в окопах, страдая от газовых атак, они стали молиться об окончании этого кошмара.

Мы все выигрываем от невероятного прогресса во многих областях. Сегодня человечество не переживает период упадка. Проблема в том, что в нашем случае всегда есть победители и проигравшие, и победители часто рассредоточены, их имена остаются неизвестными, в то время как проигравшие все громче заявляют о своих претензиях. Очевидно, право голоса должно принадлежать победителям, чтобы мы смогли избежать опасного отката назад к национализму. Мы продвинулись далеко вперед ко всеобщей свободе и уверовали в нашу способность не двигаться вспять, к прославлению «национального идеала». Нам следует отдать политической власти роль рефери в глобальной игре или, еще лучше, защитника всех, чтобы обеспечить определенный порядок и равновесие, но никогда не позволять политической власти руководить нашей жизнью или подталкивать на реализацию новых амбиций. Каждый раз, когда это удавалось, конец был ужасным.

Итак, какие основные проблемы и угрозы ожидают нас в предстоящем десятилетии?

Одна из очевидных проблем — вовлечение все еще неуспешных народов в новую позитивную динамику. В этом плане крупные регионы арабского мира по-прежнему сильно отстают. С «арабской весной» не наступала новая эпоха процветания, как надеялись многие, и во многих из этих стран все еще сохраняется нестабильность, подрывающая уверенность в завтрашнем дне. В этой части света отсутствие во многих случаях действующей политической модели не позволяет населению модернизировать жизнь и использовать новые возможности. Страны остаются раздробленными и слабыми, с ограниченными возможностями для конкуренции частного сектора в глобальных масштабах. Террористы стараются физически базироваться в этом регионе (угроза ИГИЛ), и предотвращение этого стало приоритетной задачей. Сегодня положение выглядит не так безнадежно, как несколько лет назад, но ничто определенно не решено. Две главные помехи блокируют развитие региона. С одной стороны, это глубокие международные конфликты, которые не удается разрешить уже на протяжении десятилетий, такие, например, как конфликт на Ближнем Востоке по поводу законных требований палестинцев и нестабильность карты региона в результате соглашения Сайкса–Пико по разграничению интересов на Ближнем Востоке, из-за которого весь регион находится в неустойчивом положении и в любой момент могут возникнуть внутренние конфронтации. С другой стороны, отсутствует действующая схема управления в политическом и экономическом плане, хорошо адаптированная к новому глобальному миру, которая устанавливала бы правила обще-

ственной жизни и побуждала бы людей становиться движущей силой постоянных преобразований общества. По той или другой причине мы видим, что принятие решений в этих обществах во многих случаях идет медленно и они слишком иерархичны для той же степени гибкости и скорости принятия решений, как в других частях света. Таким образом ухудшается их положение в глобальной конкуренции. Необходимо найти модель удобной политической организации вкупе с более эффективным динамизмом гражданского общества.

В наше время главное — не намерение, а результат. Когда что-то не срабатывает, надо иметь смелость это признать и начать действовать. Любой цели можно достичь относительно быстро, если определен правильный метод. Хорошим примером служит Китай. Эта крупная цивилизация (а Китай больше, чем страна, это целая цивилизация) показала миру, что быстрая и успешная интеграция в мировую экономику возможна, когда правильно определено направление. В период с 1880 по 1980 год Китай по разным причинам блуждал в лабиринте, но затем смог начать перемены и за 30 лет добился впечатляющих результатов. До 1980 года в Китае не было существенного роста ВВП, он сильно отставал в развитии науки, техники и инноваций. Когда Дэн Сяопин решил изменить курс и перестроить политику и экономику, открыв путь к гражданскому обществу, Китаю приходилось делать первые шаги по наращиванию экспорта, основываясь на своем единственном конкурентном преимуществе: низкой заработной плате. Но, используя четкую и правильную стратегию, страна всего за 30 лет прошла путь от дохода 380 долларов США на душу населения в 1982 году до 8 тыс. долларов в 2016-м. Китай сумел развить огромный внутренний рынок, и в абсолютных значениях сегодня это крупнейшая экономика на планете. Развивается вся страна, включая в процесс модернизации сельские районы, на скорости 70 млн долларов в год! Это впечатляет! Мы говорим о колоссальном изменении сообщества численностью в 1,5 млрд человек. Если это было достигнуто крупнейшей цивилизацией на планете, то же самое возможно в ограниченной реальности национальных государств. Девизом президента Обамы «Да, мы можем» должен руководствоваться каждый отстающий.

Еще одна важная проблема — старение населения в развитых странах. Страны, которые сегодня играют ведущую роль в мире, сталкиваются с «раковой опухолью» — фактором старения. Это очень важный вопрос, потому что их будущее выглядит не таким многообещающим, как настоящее, и после того как страх снижения доходов в будущем укрепит в этих странах, возникнет защитная реакция, которая будет распространяться, и в итоге мы получим мир, где гораздо меньше энтузиазма и динамизма в движении к неизвестному. Будет больше депрессивных мыслей и недоверия. В следующие десятилетия молодое население развивающихся стран и стран с переходными экономи-

ками определенно привлечет производственные мощности многих отраслей промышленности и будет захватывать все большие доли частного сектора. Сегодняшние центры силы многих высокоразвитых стран начнут постепенно ослабевать, и их население будет воспринимать это как серьезную угрозу своему благополучию и станет «проталкивать» протекционистские меры, отчаянно пытаясь защититься от неизбежного. Отсутствие мудрого отношения к миграции во многих этих странах приведет их к потере возможности выживания за счет использования модели мультикультурализма. Этот вопрос является ключевым для глобальной стабильности.

А что с контурами будущего?

С одной стороны, у нас есть обязанность на краткосрочную перспективу: сохранение основного баланса сил в мире, который удерживается по принципу «реальной политики» (“realpolitik”). Мы должны избежать прекращения свободного диалога между четырьмя центрами силы: Соединенными Штатами Америки, Россией, Китаем и Европейским Союзом.

С другой стороны, у нас есть большая цель на стратегическую перспективу, в направлении которой мы должны выстраивать свой курс, — своего рода Полярная звезда, на которую надо ориентироваться. Предполагаемые сроки могут варьироваться, но ни в коем случае нельзя отступать от центрального курса. Главная цель — создать такой мир, где права человека станут основой организации глобального общества и где мы будем размещать в нужных местах глобальные институты, работающие на укрепление социального единства и сплоченности в мировых масштабах и обеспечивающие мир вместо любого потенциального конфликта. Переход к этому миру может занять много времени, но уверенность в конечном пункте назначения необходима. Это поможет предотвратить неудачи и откаты назад, уберечь от любых искушений инволюции, которые потом потребуют огромных усилий для возвращения на путь прогресса. Мы должны создать мир, где возможности для развития талантов есть у каждого человека и где можно разрешить разногласия и компенсировать энергию разных людей таким образом, чтобы не блокировать и не тормозить никого, при этом не оставляя на обочине жизни тех, кто обладает меньшими способностями и возможностями.

Никогда прежде человечество не имело таких возможностей, какие есть сегодня у нашего поколения. Проблема успешного построения общественного пространства нам вполне по силам. В XX веке мы доказали, что человеку может быть доступна Вселенная. Перед тем как выйти в открытый космос на постоянной основе, мы должны организовать совместную жизнь в глобальных масштабах в нашем общем доме — на планете Земля. Мы знаем, куда идти, нам просто надо повысить эффективность, следовать выбранным курсом и не обращать внимания на сладкие песни сирен. Это Одиссея XXI столетия, и каждый человек является новым Улиссом.

А. П. Марков¹«ОСЕВОЕ ВРЕМЯ» ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:
СМЕНА ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ МАТРИЦ

Нервом публикаций и научных конференций последнего времени становится осознание тревожного факта: мир переживает «минуты роковые» — приближающийся пик глобального кризиса по своим масштабам и последствиям превосходит «осевое время» в истории человеческой цивилизации². Европейский кризис — авангардная часть общемирового кризиса, в котором вектор экспансии катастроф проявляется более остро.

В сложившемся социально-психологическом и духовном контексте утрачивают реалистичность «проекты спасения», выработанные в системе позитивистского знания, при этом все большие возможности для осмысления происходящего и понимания перспектив грядущего обнаруживает дискурс религиозного характера и эзотерической традиции, сочетающий рациональные аргументы и иррациональные способы проникновения в логику метаистории (вроде «Откровения святого Иоанна Богослова»). И это закономерно — если эпохам линейного исторического развития соответствовал рационалистический метод познания, то понимание времени катастроф требует иной методологии. Понять весь трагизм переживаемого момента мешает «исторический оптимизм» человека эпохи модерна — вера в прогресс, неизбежность существования привычного мира³. Глобальную катастрофу приближают не только объективные факторы, но и катастрофическое сознание — массовые апокалиптические настроения, которые провоцирует «комплекс катастрофофилии» (предшествующий, как правило, мировым потрясениям — А. Назаретян). «К перспективе гибели своей культурной системы человек во все времена адаптирован плохо. Здесь ужас не физический, а ме-

тафизический. <...> Слишком велика психологическая и экзистенциальная привязанность к своей культуре. Но чашу сию испить придется»⁴. Действительно, национальная (родная) культура для человека — как родительский дом, в котором происходит не только первое, но и второе, главное по своей сущности — метафизическое — рождение личности (Н. Бердяев). Этот дом обеспечивает первичную социализацию и межпоколенческую трансляцию социально-культурного опыта, дает уроки любви, добра и понимания, рождает чувство защищенности, которое помогает человеку пережить удары судьбы. «Культура на уровне глубинных психологических установок блокирует осознание своей смертности в историческом времени, отвечая на смутную метафизическую тревогу человека разнообразными формулами вроде “все будет хорошо”, “все наладится”, “все вернется на круги своя” и т. д. Внушения эти столь сильны, что даже мысль о собственной смерти для человека более переносима, чем мысль о смерти культуры, которую он гонит от себя всеми силами и, как правило, ценой потери адекватного восприятия действительности»⁵.

Особенно актуально проблематика кризиса европейской цивилизации звучит в гуманитарных текстах последнего времени, которые становятся своеобразными пророчествами о конце истории. Все большую популярность приобретают идеи и практики негативного антропологизма, набирает обороты постмодернистский дискурс, пронизанный энергиями негативизма и пессимизма. В современном гуманитарном дискурсе доминируют пафос тревоги, негативизм, растерянность или воинствующий нигилизм (типичными для философского дискурса стали метафорические конструкции, фиксирующие антропологический кризис, кризис самоидентичности, экзистенциальный вакуум, исчерпанность энергий, «ситуацию Освенцима»). Центральная мысль такого рода прогнозов — современная европейская цивилизация вступает в новый этап — эпоху *постмодерна*, которая по ключевым характеристикам отвергает предыдущую эпоху модерна.

На наш взгляд, этот прогноз не в полной мере отражает весь спектр и глубину надвигающихся перемен. Дело в том, что линейная методология анализа (и соответствующее мышление, которое каждый следующий этап рассматривает как отрицание или развитие предыдущего) в данном случае не объясняет сути всего происходящего. По совокупности глобальных тенденций и процессов общецивилизационного характера можно утверждать, что мир вступает (точнее, возвращается) в ту культурную эпоху, которую человечество трудно и мучительно преодолевало примерно 2–3 тысячи лет назад. Это был тот исторический период (К. Ясперс на-

¹ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 150 публикаций, в т. ч.: «Отечественная культура как предмет культурологии», «Духовный опыт России как ресурс национально-культурной идентичности (аксиологические и антропологические аспекты)», «Проектирование маркетинговых коммуникаций: Рекламные технологии. Связи с общественностью. Спонсорская деятельность», «Становление культурологической парадигмы», «Культуроцентристская модель высшего образования» (в соавт.), «Национальная идея как смысл и судьба “русской цивилизации”», «Эпоха информационных войн и проблемы обеспечения духовной безопасности общества» (в соавт.), «Русская цивилизация в глобальном мире: вызовы, угрозы, ресурсы преобразования» и др.

² О нарастании угрожающих существованию человечества тенденций свидетельствуют: экспансия терроризма и вооруженные конфликты на Ближнем Востоке; новый этап холодной войны Запада с Россией; «великое» переселение народов и провал политики мультикультурализма; кризис политической и экономической интеграции в рамках ЕС, усиливающий экономическое неравенство общеевропейского рынка и отодвигающий на периферию страны Юго-Восточной и Центральной Европы; ослабление национальных государств; кризис либеральной демократии.

³ С другой стороны, гуманитарное знание эпохи «духовных революций» становится не только средством познания мира, но и способом конструирования действительности — создаваемые в пространстве гуманитарной мысли образы мира и проекты его улучшения превращаются в «самосбывающиеся пророчества».

⁴ Пелипенко А. А. Русская матрица: последний путь // Острог : альманах. 2017. Февр. С. 5. URL: https://vk.com/doc354704131_441745887

⁵ Там же. С. 6.

звал его «осевым временем»), когда выдающиеся мыслители (древнегреческие философы, поэты, библейские пророки) смогли провести фундаментальную метафизическую революцию в сознании человека: они бросили вызов погрязшему в заблуждениях нечестивому и неразумному языческому миру; осуществили разрыв сущего и должного, показывая греховность и несовершенство человека и мира, который нуждается в преобразении. «Осевое время» в глобальном масштабе формирует культурную матрицу, которая по отношению к миру язычества выступает как антисистема — «осознавая порочность самой онтологии», она стремится ее взорвать, «революционно исправить»¹. Выдающиеся религиозные и этические доктрины того времени девальвировали архаическое сознание, утвердив культ Логоса (слова, книги), который становится главным орудием борьбы с языческим хаосом. Великим достижением «осевого времени» становится утверждение в структуре ментальности принципов рационализма, которые впоследствии были положены в основу мыслительных техник на базе формализуемых правил, развития рефлексии как способа самопроверки правильности мысли, обращенной не только на процесс мышления (логика), но и на его результаты в слове (поэтика, риторика).

Великие философы и пророки «осевого времени» своими текстами и проповедями сформировали духовные контуры человека — тот «неделимый атом», который более двух тысяч лет обеспечивал устойчивость мира и «вертикальную» устремленность человека к небу. Вышедший из древних цивилизаций мир — другой. Человек впервые начинает осознавать масштабы бытия, понимать себя и свои границы, трансцендентные миры и глубины самосознания, теперь он способен различать добро и зло, рассматривая эти энергии как проекцию в земное измерение универсальных антиподов мира — Бога и дьявола. Возникает феномен обращения в религиозную веру или философскую доктрину, с вытекающими отсюда жизненными смыслами и нормами поведения. Религиозная мораль обретает личностный характер — человеку впервые предоставлена великая свобода выбора смысла бытия в сфере духа, которая дает ему шанс выбраться из «оков рода».

Сегодня мы являемся свидетелями почти мистической неизбежности эволюционной «спирали», когда отвергнутое возвращает свои права, а победители терпят поражение. Иными словами, логоцентрическая «культура пророков», которая в далекие времена совершила метафизическую революцию и отвергла «культуру жрецов»², сегодня системно исчерпала свой потенциал (прежде всего в духовной сфере и предметном творчестве). Образовавшийся на ее месте метафизический вакуум притягивает «культуру жрецов», мощная жизне-

¹ «Отличие духа от реальности заключается в том, что «дух несет в себе мысль об ином». Иное — это то, что не переживается (в отличие от реальности), что дано в нулевом опыте. Таким образом, дух в своей сущности ориентируется на внереальность» (см.: Джемаль Г. Ориентация — Север. URL: http://www.metakultura.ru/vgora/nord/nord_1.htm).

² Концепцию дихотомии двух метафизик в истории человечества обосновал Гейдар Джемаль (см.: Жаринов С. Глашатай радикально иного. URL: <http://poistine.org/glshatay-radikalno-inogo>).

утверждающая стихия которой тысячелетиями ждала своего часа. Язычество — это своеобразный Космос, который упорядочивался гармонией отношений человека и природы, инстинктом сохранения заданной онтологии, с ее порядком и иерархией, естественной религией и традицией, мифом и ритуалом (Г. Джемаль), формами и способами интуитивного постижения законов макро- и микромира³.

Маятникообразная смена антропокультурных матриц в большом историческом времени обусловлена феноменом «культурно-полевой индукции», выступающей «незримым каналом» хранения и трансляции «квинтэссенции исторического опыта» человечества (А. А. Пелипенко). В ситуации «инволюционных откатов» доминирующие культурные программы начинают терять свой энергетический потенциал и становятся неактуальными, невостребованными. Но не исчезают полностью с драматической арены истории — под давлением возрождающихся матриц конкурирующей системы они оттесняются, уходят в «тень коллективного подсознания» и ждут там своего времени. В основе механизмов востребованности иных культурных парадигм ведущую роль играют ментальные матрицы субъекта культуры: испускаемые из «полевого пространства культуры» интенции (импульсы) здесь могут быть «считаны» структурами определенного онтологического порядка и уровня сложности принимающих устройств и настроек. В пространстве «здесь и теперь» опредмечиваются (эксплицируются) лишь те потенциальные характеристики феномена, которые релевантны онтологической природе «агента связи» — их оживление происходит в результате резонанса с интенционально-эмпатическим импульсом вызова⁴. Воистину: «Зови, зови ночную тьму, и тьма придет» (В. Шаламов) — мы способны вызвать из потенциального мира лишь то, что соответствует экзистенциальным пластам нашей ментальности и природе нашего доминирующего мировосприятия (добро зовет добро, любовь к миру и людям возвращается увеличенной энергией любви, а ненависть и зло способны вызвать лишь аналогичные энергии).

Сегодня, как и во времена Ветхого Завета, мир переживает *теогонический* период: смену цивилизационной парадигмы. Прежняя историко-культурная модель исчерпала себя, и эта исчерпанность переживается (и в гуманитарном знании, и в массовом сознании) как духовный кризис, «метафизическая пустота» (О. Шпенглер). Основным свидетельством кризиса полуторатысячелетнего европейского мира является острота проблем культурно-антропологического характера. Гуманитарное знание фиксирует как минимум пять проблемных зон: угроза национальным культурам как ценностно-нормативным системам, упорядочивающим жизнь человека и общества; деформация культурно-антропологических матриц, сформированных на базе христианских ценностей; глубинный

³ Не случайно многие художники и мыслители XX века проявляли очевидный интерес к эзотерическим учениям, пытались постичь мудрость Востока, смысл религиозных и мифологических образов, понять истоки и природу астрологии и алхимии.

⁴ Пелипенко А. А. Психосфера // Семь искусств. 2011. № 1. URL: <http://7iskusstv.com/2011/Nomer1/Pelipenko1.php>

кризис национально-культурной идентичности; экспансия языческих стихий, энергий и практик; деформация фундаментальных смысловых ключевых концептов, формирующих интеллектуальное европейское пространство. Базовые причины духовной агонии европейского мира связаны с утратой системообразующего статуса христианской антропологии, которая традиционно определяла ценностное и смысловое пространство европейской культуры, обеспечивая духовные приоритеты личностного развития и основания солидарности этносов. Серьезные вызовы настоящему и будущему европейской культуры исходят из глубинного кризиса национально-культурной идентичности. В антропологической плоскости сущность кризиса состоит в разрушении той неделимой субстанции, которая определяла историческую устойчивость культуры и вектор развития «антропоса» как существа, стремящегося к небу, в сферу духа.

О глубинном кризисе духовных оснований европейской культуры свидетельствует деформация фундаментальных смысловых концептов, ранее обеспечивающих целостность интеллектуального европейского пространства. Перед лицом серьезных вызовов оказался идеал гуманизма, претерпевающий значительные деформации в контексте европейской культуры, вытесняемый постмодернистскими проектами человека и активно утверждающими себя идеями трансгуманизма. В новых акцентах нуждается трактовка свободы как неотъемлемого компонента гуманистического идеала. Ученые говорят о необходимости осмысления и утверждения в рамках гуманитарного знания образа человека, соответствующего сегодняшним реалиям (В. А. Лекторский). Глобальной экзистенциальной проблемой последнего времени становится дефицит жизненных смыслов. Все это свидетельствует об истощенности проекта модерна и трансформации европейской культуры в новую фазу постмодерна.

Экспансия языческих цивилизационных матриц в границах европейского мира сопровождается коренной ломкой основополагающих атрибутов бытия человека и общества: меняются картина мира, этический идеал, смыслообразующие сценарии, критерии идентичности, представления о добре и зле, сущем и должном. На фоне «смены знака» ключевых ментальных характеристик и мировоззренческих доминант происходит расширение пространства аффективных энергий и зоны проявления архаического сознания. Расширяется социальная база любителей магических практик и мистических верований, которые в те далекие времена составляли репертуар жрецов. Усиливаются этнокультурные тенденции — как мрачный прообраз тотальной включенности древнего человека в структуру рода, исключая свободный выбор иных критериев идентичности.

Утверждение культурной модели неоязычества в ее окончательном варианте требует инверсии культурных оснований, в том числе предполагает реабилитацию (и соответствующую культурную легитимацию) божественного пантеона древнего человека. Этот процесс в недрах европейской культуры наблюдается уже несколько веков: история (особенно на-

чина с эпохи Нового времени) изобилует примерами культурной «реабилитации» демонических фигур язычества: Аполлона, Диониса, Гелиоса, Люцифера, Гермеса, Меркурия и т. д. Период утверждения христианской матрицы в Европе сопровождался всплеском антисистем — религиозных сект преимущественно сатанинского характера¹.

Новоязыческая антропология эпохи постмодерна, с ее романтикой аморализма и демонстративным поруганием нравственных табу, разрушая духовно-нравственную матрицу европейской культуры, делает неизбежным общецивилизационный крах. Не случайно глобальный проект формирования нового язычника символически обозначается *антропологической этаназией* европейской культуры. Опасность язычества состоит в способности его мировоззренческой и ритуальной составляющих растлевать человеческие души и развращать человеческие сердца. Репрессированные двумя тысячелетиями торжества «культуры пророков» и загнанные в «подвал» языческие энергии сегодня врываются в культуру вне своего мистического контекста, который придавал им высший смысл как способу общения с богами. В результате «духовной порчи» адаптированных языческих практик человек погружается в низшие круги бытия, лишаясь мотивации и энергии продвижения вверх по ступеням духовного восхождения. Духовная атмосфера язычества провоцирует худшие человеческие качества и энергии: алчность, зависть, агрессивность, мстительность². В публичном пространстве современной массовой культуры кумирами становятся личности, обеспечившие свое материальное благополучие и социальный статус откровенным аморализмом и распущенностью (в некотором смысле напоминающей образ жизни «избранных злодеев» в обществах Древнего мира). Разгул языческих стихий на пространстве европейской культуры становится условием для реставрации нацистской идеологии, которая становится естественным ответом западноевропейской цивилизации на агонию культуры эпохи постмодерна (и в значительной степени выполняет компенсаторную функцию, замещая утраченные основания национально-культурной солидарности). Трагический опыт XX века показывает, что природа, почва, факт рождения неустраимы и непреодолимы — они

¹ В частности, в пространстве европейской культуры действовали известные антисистемы офитов и гностиков (эти секты сформировались в Древнем мире еще во времена язычества — в зоне контакта Ветхого Завета и эллинистической мифологии). Офиты (змеепоклонники) утверждали культ знаний и Сатаны как их источника в противоположность библейскому Богу, который устами пророка провозгласил другую истину: «Во многом знании много печали», поэтому познание «приумножает скорбь». Культ тайных знаний был характерен и для гностиков (от *греч.* гносис — знание; гностик — знающий или стремящийся к знанию).

² Образом-метафорой сегодняшнего периода служит шекспировский Гамлет, переживающий глубинную расколотость сознания между зовом вырождающегося рода и требованием христианского духа, между духом прошлого и рождающейся новой правдой, неизбежностью языческого отмщения и христианского прощения. «Порвалась дней связующая нить. / Как мне обрывки их соединить!» (пер. Б. Пастернак). «Век вывихнут. О злобный жребий мой! / Век вправить должен я своей рукой» (пер. А. Радлова). Все эти формулы фиксируют обрыв традиции в области морали, катастрофическое переживание резкого перелома, катаклизма.

ждут своего часа, «взрываясь» в ситуации кризиса идентичности.

Западноевропейская цивилизация прошла длительный и драматичный путь возвышения по ступеням идентичности: от природы и рода — к духу, идее, всеобщему. Сегодняшняя тенденция возврата к идентичности по критериям «почвы и крови» свидетельствует об очевидной регрессии западного мира. При этом выпадение из «корневой системы» на уровне обыденного сознания не воспринимается как катастрофа или даже проблема: нарастающая экзистенциальная пустота современного человека нуждается в переменных, с которыми связываются надежды на обретение новых смыслов и иллюзий.

Утверждению язычества, которое происходит в борьбе с христианской традицией, предшествовала непродолжительная и длительная эпоха торжествующего хаоса — и внешнего, и внутреннего, который способствовал распаду человеческой души. Сегодняшний этап европейского постмодерна — последняя стадия распада традиции и социально-культурных институтов модерна — завершающей фазы «культуры пророков».

Российская цивилизация на поле «вселенской битвы» двух антропокультурных матриц пока на стороне традиций христианского Логоса, который, как отмечал Флоренский, является ключевым условием противостояния хаосу. Мыслитель рассматривал всемирную историю в эсхатологическом ракурсе — как поле битвы, на котором сражаются два противоположных космических начала: *Логос* и *хаос*. Культура в этой борьбе предстает как специфически человеческое выражение *Логоса*, противодействующего силам «мирового уравнивания» и смерти¹. Драматизм сегодняшней ситуации усиливает тотальная несовместимость (и даже непримиримость) метафизических ориентаций противостоящих антропологий Логоса и хаоса: лежащих в их основе мировоззрений, областей сакрального, духовных референтов, смыслообразующих сценариев и т. д. Европейская цивилизация на несколько столетий раньше погрузилась в стихию язычества (начиная с эпохи Возрождения), поэтому вражда и непримиримость западной элиты по отношению к «русскому миру» носят глубинный, метафизический (и в значительной

степени религиозный, мистический) характер. Длительная битва антропокультурных матриц исключает возможности компромисса. Модификация христианской антропологии стала результатом многовекового действия в пространстве западноевропейской культуры гуманитарных стихий, оппонирующих христианским энергиям справедливости, милосердия, добра, истины.

У России есть шанс выйти из катастрофического для европейской культуры исторического тренда — оставаться в границах исторически оправданного и выстраданного народом духовного пространства русской цивилизации (и по возможности не участвовать в тех инициативах и проектах западного мира, которые олицетворяют агонию христианского духа европейской культуры)². Культурно-антропологическое измерение современного кризиса, проявляющееся в глубинной трансформации цивилизационных матриц, позволяет охарактеризовать подлинные гуманитарные масштабы надвигающейся катастрофы и разработать методологию выработки мер предупреждающего характера. Трансграничные вызовы и угрозы духовной безопасности требуют не только консолидированных усилий государственных институтов, но и высокого уровня национальной идентичности граждан, они придают возрастающую значимость приоритету духовно-нравственной составляющей в разработке сценариев минимизации глобальных проблем.

Фундаментальные вызовы времени, продиктованные сменой цивилизационной парадигмы, требуют адекватного ответа, условием которого является системное понимание сущности русской цивилизации (ее души, ментального склада, национальной идеи) как субъекта мировой истории, в поток которой она включена. Отечественная гуманитарная мысль всегда пыталась «кликнуть» человека словом, помогая ему вернуться к себе и миру «своим главным, сущностным, своей просветленной стороной, лицом, озаренным сердечным светом», пробуждая в нем духовность, которая направляет человека за горизонты человеческого бытия. Лишь в таком движении ввысь человек может осуществить себя в главном и оправдать свое имя — как чело, обращенное к вечности.

¹ Культура как способ борьбы Логоса с хаосом «есть сознательная борьба с мировым уравниванием», ее миссия состоит в «задержке уравнительного процесса Вселенной, повышении разности потенциалов во всех областях, как условие жизни, в противоположность равенству — смерти» (см.: *Флоренский П.* Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1994. Т. 1. С. 39).

² В частности, губительным фактором, убивающим душу России последних десятилетий, стало нравственное падение народа в результате бездумных (а по сути, преступных) попыток войти в чужой для нас в ментальном и духовном смыслах «европейский дом».

А. М. Мелихов¹

МИР, ГДЕ НАС НЕТ

«Русская литература XXI века — факт или фантом?» Когда этот вопрос задается писателям, мне вспоминается один мой старый приятель, который при встрече всегда радостно хохочет: «Ты еще жив, старик?...» И я много лет разводил руками: «Извини, придется подождать». Но в последнее время почему-то начал отвечать: «Не дождешься». Скорее всего потому, что стал сомневаться в его доброжелательности.

И переставшая читать публика напоминает мне неверного супруга, которому мало просто бросить жену, оттого что нашел помолже или побогаче, — он должен еще и объявить ей, что она опустилась как личность. Скажем, в том же журнале «Нева», где я работаю, когда я начинал в нем печататься, прочитывались и передавались из уст в уста каждая крупинка «правды», каждое «смелое» мнение, хотя и правда, и мнение, как правило, бывали всем известными. Но мы видели в этих проблесках какие-то микропобеды над советской властью, что вздувало тираж за сотню тысяч, а то и выше. Сегодня же мы постоянно печатаем прозаические и публицистические вещи, каждая из которых в прежние времена вызывала бы разговоры и дискуссии на недели, если не на месяцы, но их замечает в лучшем случае лишь литературно-публицистическое сообщество.

И почему же? Да потому, что их невозможно использовать в борьбе с властью — похоже, по-прежнему единственной стихией, которую мы по-настоящему уважаем: ведь ненавидеть — это тоже уважать. А власть мудро отказалась создавать писателям авторитет своими преследованиями: резвитесь в своей песочнице сколько хотите, пишите про нас что вздумается, а мы еще и выделим вам грант за социальную значимость.

Но литература-то существует для борьбы не с таким мизерным противником, как прагматичная власть, а с врагами настоящими, смертельными — со смертью, старостью, беззащитностью человека перед мировым хаосом, и когда сделалась почти бессильной религия, ее место заняло искусство: оно изображает человека пускай сколь угодно несчастным, но значительным. И сейчас в одном лишь Петербурге я могу назвать несколько отличных прозаиков, каждый из которых ведет собственную борьбу с бессмысленностью бытия, если даже делает это средствами абсурда, заменяя унылый «естественный» абсурд абсурдом уморительным, как у Валерия Попова, страшным, но ярким, как у Сер-

гея Арно, или достоверным, но аллегорическим, как у Владимира Шпакова. Павел Крусанов — блестящий прозаик-интеллектуал, создающий новую мифологию высоким интеллектом и роскошной фантазией, Павел Мейлахс, творящий мрачную вселенную из душевной боли и духовного поиска, Сергей Носов, наполняющий мир милой иронией, ярчайшая Татьяна Москвина, что называется матерый реалист Михаил Кураев, Илья Бояшев, превратившийся из реалиста в мифотворца, Андрей Аствацатуров, Герман Садулаев...

Это одни только петербуржцы! Но их почти не видно ни в газетах, ни на телевидении, и даже в книжных магазинах их нужно специально разыскивать, а если не знаешь, то и не найдешь. И однажды я попытался вообразить себя немолодым интеллигентным человеком. Это было нелегко, но я постарался. И так, я родился при культе личности, расцвел при волюнтаризме, зрелость моя пришлась на застой, под его игом я сделал неплохую научно-техническую карьеру, но не забывал и о культуре. Когда интеллигенция делилась на большинство, выписывающее «Новый мир», и меньшинство, выписывающее «Иностранку», полупридушенную братскими прогрессивными авторами, я старался поглядывать во все стороны и вздыхал, что будь у нас свобода культуры, какими бы сокровищами духа мы упились!

Тем не менее я прочел и Ремарка, и Хемингуэя, и Кафку, и Сартра, и Камю, и Пруста, и Фолкнера, и Акутагаву, честно побарахтался в Джойсе, а кое-кого из перечисленных даже приобрел за десятку на черном рынке при «Водоканале». Но все-таки моя научно-техническая душа больше тянулась к Айтматову, Белову, Тендрякову, Гранину, Распутину, Шукшину, Трифонову, Грековой — сейчас уже и не припомнить, но все-таки было, что обсудить на работе. О, вспомнил: самая длинная очередь стояла за «Бессонницей» Крона: это же все было *про нас*.

Потом пришла свобода, как водится, нагая, и, до тошноты упившись ее наготой, я наконец снова обрел сравнительно тихую заводь, вернее, целых три: теперь я работаю в трех местах, зарабатываю, если измерять в бутылках водки, намного больше прежнего, лишившись, однако, важного советского преимущества — возможности в рабочее время жить духовной жизнью.

И все же я выловил из воздуха, что русская литература каким-то образом исчезла вместе с советской властью, что читать теперь нечего, и меня это устраивало: раз уж все равно нет для чтения ни свободного времени, ни свободной души, ни, пардон, свободных денег, так лучше уж верить, что я ничего от этого не потерял. Но теперь, когда у меня появились и кое-какое свободное время, и кое-какие свободные деньги (хоть та же пенсия), и даже кое-какая свободная душа, я отправился в пышный храм книжной торговли, заставленный такими баррикадами роскошных книг, какие при старом режиме и не снились. Ведь раньше в твер-

¹ Заместитель главного редактора журнала «Нева» (Санкт-Петербург), писатель, публицист, литературный критик, кандидат физико-математических наук. Автор литературно-публицистических произведений и книг прозы, в т. ч.: «Горбатые атланты, или Новый Дон Кишот», «Роман с простатитом», «Любовь-убийца», «Нам целый мир чужбина», «Чума», «В долине блаженных», «Любовь к отеческим гробам», «Интернационал дураков», «Дрейфующие кумиры», «Броня из облака», «Колочий треугольник», «Бессмертная Валька», «Каменное братство», «И нет им воздаяния», «Свидание с Квазимодо», «Былое и книги» и других, а также 60 научных работ по математике. Лауреат Набоковской премии, премии им. Н. В. Гоголя, премии Правительства Санкт-Петербурга и др.

дом переплете вообще расхватывалось все, лежали только сочинения из братских республик да брошюры типа «Как бороться с огнем», а тут кладки самых образованных иностранцев... И все бестселлеры, бестселлеры! Без посторонней помощи в культурных людях никак не удержаться. Раньше можно было ориентироваться хотя бы по советской печати: все стоящее она непременно обругивала, а сейчас писатели что-то вроде пишут, за что-то получают премии, но именно на премированные книги критика и накидывается особенно яростно (не просто книжка так себе, но именно дерьмо!), в противовес превознося каких-то других незнакомцев. Раньше-то какая-нибудь Ленинская премия для нас ровно ничего не значила, мы были сами с усами, если ее получал тот, кого мы не любим, мы лишь презрительно усмехались: это в экономике, в идеологии вы хозяева, а в культуре хозяев нет. Хочешь попасть на Олимп — очаровывай нас собственными силами, поддержка начальства лишь роняла писательский авторитет.

Однако первичный-то отбор делала все-таки критика: кого она ругала, в того следовало хотя бы заглянуть. Но что читать сейчас, когда нет никого, кто не был бы обруган последними словами? Незапачканными оставались только писатели западные, ибо российская критика была исключительно по своим. Но как выбрать двух-трех из сотен и тысяч безупречных? Эврика! Есть же высший знак качества — Нобелевская премия!..

Без бренда нет тренда, а бренд Нобелевки бренчит сегодня громче всех пустых бочек, даже и ее мотивировки — образцы напыщенного пустословия — прочтываются с почтением. Лев Толстой, многожды обойденный стокгольмскими владыками за его анархизм, антисексуальность и прочие непротивления, предлагал смотреть на книги глазами умного мужика. А я, стало быть, попытался взглянуть на современных нобелиатов глазами сегодняшнего «бюджетника» — инженера, врача, учителя, библиотекаря, которые много и нелегко работают и в редкие свободные часы берутся за книгу отнюдь не в поисках прикола или темы для изысканных разговоров, плавно перетекающих в модные диссертации.

И я щедро раскошелился на Дорис Лессинг, Варгаса Льюсу, Мо Яня, Герту Мюллер, но решительно ничего гениального не нашел. Что-то было остроумно, что-то скучно, что-то точно, что-то фальшиво, но в целом ничуть не лучше наших. Однако самое главное — во всех книгах последних нобелиатов, которые я неделя за неделей читал с нарастающим унынием, *меня просто нет!*

Как же так оказалось, что меня в моем собственном государстве вытеснили из идеального мира?.. На что

мне тогда и государство, чья главная миссия в этом и заключается — служить связи с вечностью, хранить наследственные образы и символы, остальное-то в своей жизни я и без него сумею устроить. Что нужно защищать природу, ему хотя бы теоретически известно, а о том, что нужно защищать литературу — то зеркало, в котором люди могут увидеть свой образ в вечности, — об этом оно, похоже, даже не догадывается. Но раз уж случилось это, возможно, непоправимое бедствие, раз уж литература превратилась в товар и теперь книги продавливаются в бессмертие деньгами, рекламой, *брендами*, то нужно с этим бороться хотя бы при помощи антимонопольного законодательства! Это что, честная конкуренция, когда одного писателя продавливает паровоз, а другого только разрозненные ценители, чудом расслышавшие голос своего любимца сквозь паровозных свистков?

Я не собираюсь настаивать, что мои коллеги пишут лучше, чем нобелевские «звезды», — кто останется в вечности, пусть решает время, ибо несправедливость его суда и становится окончательной: мало кому приходит охота фальшивыми средствами продвигать давно умершего и забытого писателя. Игрушка должна быть новой, сенсация всегда звучит примерно так: «Мы только что открыли!..» А сенсации типа «Мы только что извлекли из забвения!..» случаются исключительно редко. И три четверти нобелевских лауреатов уже вполне успешно перенесены временем из списка «вечно живых» в историю литературы, — я сейчас не о времени, а о себе.

Мне, стареющему бюджетнику, не до вечности, мне всего лишь хочется читать книги, которым до меня есть дело. И мне не до тех, которым не до меня. А если они еще и заглушают писателей, живущих одной жизнью со мной, способных мне что-то открыть, чем-то меня подбодрить, то я их ощущаю как не просто безразличную, но как прямо враждебную мне силу, занявшую начальственное место, которое должно оставаться пустым.

Но почему мы так легко сдались силе, лишавшей нас зеркала, в котором наша жизнь предстала бы значительной, в какую она никогда не сможет преобразиться, не отразившись в художественном слове? Ведь предметы и события не бывают прекрасными — прекрасными бывают лишь рассказы о событиях и предметах. Почему мы не позволяли навязывать себе кумиров цековской Москве и с такой готовностью легли под нобелевский Стокгольм?

Что это у нас за мазохистский стокгольмский синдром — тех, кто нас вытесняет из мира, приветствовать радостным гимном, заглушающим безнадежный зов наших собственных душ?

Ги Меттан¹**ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР И НОВАЯ ЗАПАДНАЯ ИМПЕРИЯ**

Речь пойдет об империи и сопротивлении. Вспомните американскую киносагу «Звездные войны» кинорежиссера и продюсера Джорджа Лукаса. Знаменитый Император, Темный владыка, и его правая рука на Темной стороне Дарт Вейдер сражаются за гегемонию во Вселенной против коалиции мятежников, объединение которых кажется невероятным и которых поддерживают мудрые рыцари ордена джедаев. Коррупцированная Галактическая Республика раздроблена из-за внутренней борьбы за власть и яростной конкуренции за рынки сбыта. Ранее амбициозный канцлер Республики Палпатин, используя жадность купцов из Торговой федерации, организовал заговор для легального захвата верховной власти и превращения загнивающей республики в империю.

Это метафорическая история о том, что сейчас происходит в сегодняшнем маленьком земном мире.

После окончания Второй мировой войны и в особенности после развала Советского Союза имперская республика установила контроль над тремя четвертями планеты, построила 600 военных баз по всему миру, заключила соглашения о военном сотрудничестве и торговые договоры практически со всеми странами, превратив своих союзников — европейские страны, Японию и частично Латинскую Америку — просто в вассалов, навязывая свою идеологию буквально всем, включая самых сильных противников. Идеология свободного рынка и свободной торговли, так называемый современный капитализм или неолиберализм, царит везде, с севера на юг и с востока на запад, без реального противовеса, поскольку коммунистический Китай также принял ее в качестве основы экономики. Если говорить о положительных моментах, то империя смогла способствовать продвижению и поддерживает такие позитивные ценности, как демократия, права человека, появление новых возможностей и прав у индивидумов и меньшинств, неоспоримые экономические возможности, успехи в развитии науки и техники. Также ей свойственна сила притяжения культуры, которую нельзя отрицать. Все это обеспечивает поддержку широких масс населения, несмотря на отчаянное и яростное сопротивление, по большей части сосредоточенное в арабских странах, исповедующих ислам, и усиление активности популистских ультраправых и ультралевых партий в западных странах.

Рассмотрим общую картину подробнее.

Чтобы лучше понимать нынешнее положение дел, необходимо вспомнить историю Римской республики и Римской империи. После победы в последней из Пунических войн над своим традиционным и давним противником Карфагеном Рим стал быстро расширяться

по всей акватории Средиземного моря, завоевал Африку, Испанию, Грецию, а также территории нынешней Турции, Франции и Египта. Все это произошло менее чем за столетие, что было невероятно быстро по тем временам, когда люди в основном передвигались на лошадях, а суда не отличались быстродходностью.

Римская республика использовав военные возможности, а также хитрую дипломатию, подкуп, торговые соглашения, сомнительные альянсы и все инструменты «мягкой силы», внезапно стала центром огромной территории, сосредоточив невероятное количество богатств и финансовых ресурсов, а ее старые, когда-то здравомыслящие элиты превратились в жадных плутократов. Завоевание Древней Греции является образцом политической мудрости. Греция была колыбелью Римской республики, она дала свои ценности, философию, лексику и даже богов и божества молодой Римской республике. Великий греко-римский историк Полибий рассказывает об этом завоевании, показывая, как раздробленность греческих городов, умело управляемых римлянами, в конце концов привела к победе Рима над разобщенной Грецией, которая оказалась покорена всего за несколько десятилетий и больше никогда не смогла подняться.

То же самое произошло и в XX веке между США, с одной стороны, и Европой и Советским Союзом — с другой. Из-за раздробленности Европы и войн 1914 и 1939 годов некоторые европейские государства, над которыми нависла угроза, обратились к Соединенным Штатам Америки с просьбой вмешаться в их дела и покорить их бывших врагов — вначале Германию, позднее Японию, и США превратили своих бывших союзников, таких как Великобритания и Франция, в вассалов. За двумя войнами в Европе, как и в случае исторического противостояния Рима и Карфагена, последовала третья, так называемая холодная война, на этот раз против СССР. Таким образом, в 1991 году США стали победителем в последней войне против последнего «пунического» советского противника. Американская имперская республика воспользовалась двумя «горячими» войнами и одной холодной и преуспела, став силой-гегемоном на планете менее чем за восемь десятилетий. Выдающееся достижение!

Но очевидно, что эти огромные успехи привели к разочарованию, недовольству и злости как внутри империи, так и вне ее.

За пределами империи насаждение всего нового и современного, западных ценностей и культурных новаций вызвало глубокий шок в арабском и мусульманском мире, социальные и политические волнения и выступления против часто коррумпированных политических режимов также способствовали возрождению исламского джихадизма, который финансово поддерживают консервативные старые монархии, пытающиеся найти рычаги в региональной борьбе за доминирование. Кровавые и хаотичные военные интервенции Запада в бывшую Югославию, Афганистан,

¹ Президент Объединенной торгово-промышленной палаты «Швейцария — Россия и страны СНГ», исполнительный директор Швейцарского клуба прессы (Женева). Депутат Большого Совета (парламента) кантона Женева от Христианско-демократической партии (ПДС). Автор ряда книг по общественно-политической тематике и международным отношениям, в т. ч.: «Запад—Россия: тысячелетняя война», «Взгляд с Запада: русофобия от Карла Великого до последних Олимпийских игр в Рио» и др.

Ирак, Ливию, Сирию, Кот-д'Ивуар и Мали создали очаги непрекращающихся беспорядков и подъема террористического полумесяца надо всем исламским поясом на периферии империи, от Мавритании до Центральной Азии, Европы (на Балканах) и даже России (на Кавказе).

Этот пояс насилия дает империи лучшее оправдание. Как сказал знаменитый мусульманский мыслитель Ибн Хальдун, мощь империи опирается на ее возможность обеспечить внутреннюю защиту (безопасность, оборону) и относительное процветание подданных. Для достижения этого империя должна эксплуатировать свою периферию и перенести внутреннее насилие на окраины основных территорий. Ее девизом и «набором для выживания» должны стать порядок в экономике и система безопасности. В этом свете отдельные, спорадические террористические атаки и «война против терроризма», подобная объявленной президентом Бушем, являются подходящими инструментами для оправдания бессрочного «*état d'urgence*» (чрезвычайного положения) и высокого уровня расходов на полицию и оборону для того, чтобы держать под контролем население внутри страны, то есть под тщательным наблюдением, осуществляемым многочисленным аппаратом сотрудников разведслужб.

Таким образом, получается, что народы внутри империи в большей или меньшей степени находятся под контролем. Тем не менее низшие слои общества, которых не подпускают к плодам экономического процветания на фоне усиления концентрации богатств и власти в руках высших слоев, испытывают глубокую неудовлетворенность. Они дают свой ответ и используют последний шанс, чтобы повлиять на правила игры, отдавая свои голоса так называемым «популистским» лидерам правого крыла — в США, Франции, Великобритании и Северной Европе, или левым — в Южной Европе, как, например, в Испании и Греции. В этом смысле победа Трампа означает, что «популизм» может победить даже в сердце империи. Но это ни в коей мере не означает перемен в имперской политике. Многие критики американской и европейской гегемонии надеются, что с Трампа начнется новая эра и он, будучи изоляционистом, изменит имперский способ мышления и ведения дел. Это большая ошибка. Трампизм означает только изменение правящих элит, новые будут менее ориентированы на свободную торговлю и больше выступать за возрождение и подъем внутри страны. Лозунг Трампа «Вернем Америке величие» можно понимать двояко: Обама и Клинтон ослабили Америку своим «социализмом», поэтому ее нужно восстанавливать для того, чтобы она вновь стала самой могущественной страной в мире. Это дивергенция приоритетов: элита демократов и неоконсерваторов считает, что главная цель западной политики — завоевание новых рынков и контроль над отдаленными территориями, и не принимает во внимание сердце страны и страдания своих позабытых сограждан, в то время как трамписты полагают, что гораздо важнее в первую очередь восстановить разрушенную инфраструктуру страны и увеличить государственные доходы при поддержке низших слоев общества, а также попросить союзников

взять на себя свою долю нагрузки (предложить членам НАТО, например получающей максимальные доходы от экспорта Германии нести оборонные расходы), прежде чем ввязываться в новые войны за рынки за пределами страны.

И не забывайте, что миллиардер никогда не станет делиться своим богатством с бедными и никогда не устроит революцию. Как и в старой Римской республике, олигархи всегда больше всего поддерживают зарождающуюся империю. И это так, даже если претенденты на имперский трон иногда опираются на низшие слои общества для победы над основными конкурентами, которые всегда относятся к тому же общественному слою.

Критики Запада и оппоненты американско-западной гегемонии надеются, что «Америка» приходит в упадок, Трамп меняет курс и откроет новую эру мультиполярного мира. Это большая ошибка, результат непонимания ситуации. Такое ощущение вызвано очевидным хаотическим состоянием нынешнего мира. Фактически мы находимся на самой середине огромного перехода: от имперской республики к имперскому государству. Хорошо известная имперская республика все еще на месте со своими ритуальными выборами, в роли театральных художников на которых выступают СМИ, демократическим фасадом, культом личных добродетелей и все еще провозглашаемым почитанием свободы. Однако слово «свобода» уже превратилось в большой, но неэффективный набор бесчисленных «свобод»: свободу торговли, свободу распространения информации, свободу перемещения капитала, товаров и услуг, свободу всех видов меньшинств. Наблюдается бум свобод, но свобода человека совсем не улучшается. Даже политическая свобода становится все более ограниченной. Посмотрим на выборы в США: конкурировать могут только миллиардеры с огромным личным состоянием, как Трамп, или заемными средствами, как Хиллари Клинтон. Это и есть настоящая демократия? Разве это не возврат селективного избирательного права, демократии на основе подушного налога и появление новой аристократии вместе с династиями, претендующими на власть: вначале Буш-старший и Буш-младший, а недавно еще и господин и госпожа Клинтон?

На самом деле то, что считается упадком США, — это только переходная фаза между двумя различными имперскими государствами: имперская республика с ее демократическими формами медленно, но верно переходит в империю с огромной концентрацией власти в руках имперской космополитической элиты, почти полностью отделенной от простых людей. Шаг за шагом демократические институты лишаются своего содержания, и все говорит о том, что они в конце концов станут формальностью: выборы создают впечатление, будто люди могут выбирать своих лидеров. На самом деле все проводят одну и ту же политику. От предполагаемого левого Тони Блэра до предполагаемых правых Саркози или Меркель — все проводят имперскую политику: одни и те же ценности, все то же неравенство, все та же идеология свободного рынка и свободы личности, уничтожение традиционной обороны, основан-

ной на всеобщей воинской повинности молодых граждан, в пользу профессиональной армии, которая гораздо лучше подчиняется власти. Эра республики закончилась, да здравствует постдемократия!

Все это означает, что невидимое продвижение по направлению к полностью имперскому государству, очевидно, не является спокойным и мирным. Процесс трансформации сопровождается социальной, политической и культурной напряженностью. Народы пытаются сопротивляться этому изменению. Но, как мы видели, так называемый популизм не является подходящим решением, потому что все популистские лидеры готовы составить единое целое с системой. Большинство из них разделяют идеологию свободного рынка и только попытаются смягчить его последствия, улучшив национальную или социальную защиту низших слоев общества, которые находятся в бедственном положении из-за сосредоточения богатства и влияния в руках небольшой группы или из-за жесткой конкуренции, которая в результате открытия границ привела к избытку дешевой рабочей силы из других стран, привлекаемой в империю ее относительным процветанием. Популизм в лучшем случае может замедлить движение в направлении империи, но ни в коем случае не предотвратит его. В результате империя, переживающая новый подъем на новом витке, окажется сильнее, чем когда-либо, и будет готова к новым авантюрам.

Еще одна характерная черта империи состоит в том, что она никогда не фиксировала и не контролировала свои границы. Ее границы не бывают четко определенными, поскольку территории на периферии борются или за присоединение, или за выход из состава, как страны Восточной Европы или Балканского полуострова, Турция, Южная Корея, Филиппины, Юго-Восточная Азия, Израиль или Латинская Америка. Некоторым, таким как, например, Израиль, повезло: они официально считаются союзниками и имеют полное право бомбить кого хотят и вторгаться куда хотят. Другие — чистые вассалы, например Панама. Большинство же одновременно союзники и вассалы, как Западная Европа, Япония, Южная Корея или Саудовская Аравия. Некоторые считаются полноценными врагами — те, кто входит в так называемую «ось зла», например Иран или Северная Корея, или имеют особый статус «друга-врага», как, например, Россия, Китай или Индия. Они слишком крупные, чтобы к ним относились так же, как к маленькой Северной Корее, но слишком сильные для того, чтобы считаться хорошими друзьями. Эта характерная черта вместе с обязательством подавлять насилие за пределами своей центральной части объясняет, почему империя применяет стратегию хаоса у себя на периферии. Им нужны враги, а также рынки и ресурсы, поэтому постоянно ведутся активные военные действия или холодная война.

До тех пор пока в один прекрасный день враги не объединятся и не сформируют коалицию.

Несколько слов в заключение. Какие основные проблемы стоят перед возникающей сейчас империей? Главную проблему обозначил президент Обама и подчеркнул новый президент Трамп: это больше не ближневосточный ислам и не исламский террор, не Европа и не Россия. Это Китай. Население Китая составляет 1,5 млрд человек, там продолжается экономический бум, к тому же страна расположена в самом центре евразийского континента, так что Китай определенно является следующей целью империи. То, что Обама переключил внимание с Европы на Тихоокеанский регион, является признаком новой обеспокоенности, как и последние предвыборные заявления Трампа, направленные против Китая. Но Китай реагирует мастерски, избегая фронтального столкновения, продвигая свой проект «Один пояс — один путь» по евразийскому континенту и защищая политику свободной торговли при поддержке Европейского Союза. Сейчас Китай слишком силен и поэтому не может потерпеть неудачу, а конкуренция между двумя империями потребует не только силы, но и интеллекта.

А как насчет России? В советские времена она рассматривалась как главный враг, Карфаген новой американской имперской республики. Многие американские мозговые центры и старые элиты Вашингтона все еще считают Россию главной угрозой американской гегемонии. Это был девиз демократов и Обамы–Клинтон. Но Трамп и новые республиканские силы подходят к российскому вопросу немного по-другому. Если Китай становится главной угрозой, то важно иметь Россию союзником, а не в стане врагов. Именно поэтому Трамп попытался открыть «окно» для России. Он предпочитает видеть Россию у себя за спиной, а не перед собой. Но эта позиция несколько преждевременна, старые элиты шумно оказывают ей сопротивление и неизвестно, кто победит.

С другой стороны, США только что совершили набег на Украину, о чем столетиями грезил англосаксонская геополитика. По мнению Бжезинского и других мыслителей-неоконсерваторов, Украина слишком важна, чтобы быстро от нее отказаться. Это условие контроля США над Европейским Союзом и странами Восточной Европы. Пока украинцы сами не устроят «контр-контрреволюцию», империя будет сопротивляться сколько возможно, прежде чем ослабить хватку на Украине. Это не идет на пользу дружбе США с Россией и не ускорит снятие экономических санкций.

На самом деле единственное условие примирения США с Россией зависит от конкуренции с Китаем: если она приведет к нарастанию напряженности, то начнется политика «щедрой руки», что усилит роль России как «расшатывающего» государства в американско-западной империи.

В. В. Миронов¹**ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ДЕФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ**

Процессы глобализации, происходящие в современном мире, пронизывают все уровни культуры, коренным образом изменяя нашу цивилизацию, что иногда позволяет говорить о начале новой эпохи в истории человечества.

К такому выводу, в частности, пришли исследователи, которые занимают так называемую гиперглобалистскую позицию. Для нее характерна абсолютизация позитивного характера прежде всего экономической интеграции, что постепенно должно способствовать отказу государств от национальных приоритетов для эффективного функционирования мировой экономики. Соответственно это распространяется и на понимание культуры, а точнее, национальной культуры и ее права на существование как локализованной системы. «Поскольку национальная экономика все в большей степени становится лишь ответвлением межнациональных и глобальных потоков, противостоящих национальной социально-экономической деятельности, полномочия и легитимность национального государства ставятся под вопрос: национальные правительства все менее способны контролировать то, что происходит внутри их собственных границ, или самостоятельно удовлетворять требованиям своих граждан»². Именно эта установка лежит в основе оправдания вмешательства в суверенные дела других стран лидеров глобализма для установления нового мирового порядка.

В то же время именно в связи с агрессивным характером навязывания идей глобализма мировому сообществу возникает противоположная волна, основанная на критике возможностей создания наднациональной экономики и управления этой экономикой неким ми-

ровым правительством. Реальная практика показывает, что даже относительно ограниченные системы, включающие необходимость межнационального управления, выработки единой системы права для ряда государств, оказываются весьма неэффективными и приводят к новым противоречиям, часто лишь усиливая неравенство стран, включенных в такую систему, и порождая дезинтегративные процессы, чреватые реальными, в том числе военными, столкновениями, фактически не сближая, а отдаляя государства друг от друга.

Представляется, что обе позиции исследуют прежде всего экономико-политическую структуру государств, не учитывая их культурную составляющую, которая во многих случаях оказывается определяющей и способной блокировать навязываемую извне глобализацию, если она угрожает самобытности существования конкретной культуры. Процессы глобализации, как и дезинтеграции, являются составными частями развития культуры, которые необязательно противостоят друг другу, а, напротив, могут выступать своеобразным сдерживающим фактором, сохраняя относительно стабильное состояние мировой системы. Поэтому и в политической сфере не может быть оправдана позиция доминирования того или иного государства, той или иной локальной культуры на основании ее большей приверженности к процессам глобализации.

Таким образом, анализ тенденций развития современной культуры необходим как философская рефлексия над возникающими проблемами, учитывающая новые реалии, новые условия существования человечества, изменение значения тех факторов, которые всегда оказывали влияние на культуру, и тех, что возникли вновь.

Не имея возможности в данной статье анализировать всю палитру изменений, которые происходят в культуре, мы затронем лишь один аспект, связанный с характером взаимодействия культур, которое, как неоднократно отмечал Д. С. Лихачев, реализуется в процессе «культурного диалога». В рамках такого диалога неизбежно возникает проблема понимания другого как индивидуального «я» и как представителя другой общности, то есть другой культуры.

Не вдаваясь в анализ бесчисленных дефиниций культуры, отметим, что она представляет собой совокупность результатов деятельности людей, создающих систему традиционных для человечества ценностей как материального, так и духовного характера. Создаваемые культурные ценности — это всегда совокупность артефактов как материального, так и духовного свойства, которые приобретают особый ценностный смысл и значение в результате их функционирования в конкретной культурной общности. И вот здесь мы должны сделать существенную оговорку. Система культурных ценностей содержит так называемую «музейную» часть. В случае материальных ценностей они в прямом смысле могут находиться в музеях или при-

¹ Декан философского факультета, заведующий кафедрой онтологии и теории познания МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Единство разнообразия. Разнообразие единства», «Философия. Введение в метафизику и онтологию» (в соавт.), «Философия: учебник для вузов» (в соавт.), «Размышления о реформе российского образования», «Современные трансформации в культуре», «Человек как субъект и объект медиапсихологии» (в соавт.), «Образцы науки в современной культуре и философии», «Философия и метаморфозы культуры», «Университетские лекции по метафизике» (в соавт.); статей: «Коммуникационное пространство как фактор трансформации современной культуры и философии», «Противоречивость реформ российского образования», «Трансформация экономики, политики и права в условиях глобализации», «Зачем нам философия сегодня?», «Об особенностях философской рефлексии и смысловом пространстве философии» и др. Председатель докторского Диссертационного совета по философским наукам в МГУ им. М. В. Ломоносова по специальностям «Онтология и теория познания», «Философия науки и техники». Вице-президент Российского философского общества. Главный редактор журнала «Вестник Московского университета. Серия 7. Философия», член редколлегии журналов «Вопросы философии», «Вестник Российского философского общества», «Философские науки». Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» I и II степени, лауреат премии им. М. В. Ломоносова.

² Глобальные трансформации. Политика, экономика и культура / Д. Хелд [и др.]. М.: Праксис, 2004. С. 5.

обретать соответствующий статус. Но часто не осознается тот факт, что к музейным ценностям относятся внешне более эфемерные образования, а именно духовные ценности. Это «совокупность “высших” человеческих ценностей, которые определяют и выражают конечные цели человеческого существования в истории (Добро, Истина, Красота, Справедливость и др.)...» Их нельзя потрогать руками, но они вполне реальны, хотя и созданы сознанием людей. В этом смысле понятия добра, истины, красоты и справедливости — это также артефакты, пусть и духовные, которые в определенном смысле сродни музейным экспонатам. Это культурные эталоны, определяющие специфику культуры, ибо реализуются в виде норм, принципов, традиций и даже стереотипов поведения, которые существенно влияют на реальную деятельность и существование индивида. Так что это лишь кажущаяся эфемерность.

Духовные ценности носят весьма устойчивый характер, в каком-то смысле даже более устойчивый, чем материальные экспонаты музеев, которые можно разрушить и уничтожить материальным же образом. Духовные ценности определяют особенности функционирования конкретной и всегда национальной культуры. Какой-то период изменения в этой сфере были столь медленны, что для индивида они казались экзистенциальной константой и фактором стабильности культуры. Человек был погружен в эту систему ценностей с момента рождения и до смерти, и ему казалось, что она вообще не изменяется.

Однако культура одновременно всегда была развивающейся системой во всех своих компонентах, что позволяло ей адаптироваться к новым условиям своего существования, придавая в том числе культурный смысл новым ценностям, претендующим на статус духовных. Эта своеобразная часть культуры реализуется в системе операциональных ценностей как «средств практической адаптации, характеризующих уже не культуру, а цивилизацию»¹. Таким образом, в культуре соединяются противоположные тенденции: стремление к фиксации ценностей и необходимость их цивилизационной адаптации к изменяющимся условиям бытия культуры.

Кроме перечисленных особенностей, культура выступает как система «устойчивых воспроизводимых субординационных и координационных связей между символическими программами поведения людей — объективированными в знаковых системах»². С этой позиции одним из важнейших признаков культуры является возможность хранить (накапливать) и распространять (ретранслировать) информацию. Это становится условием приращения ценностей культуры, увеличения массива и качества информации. Соответственно упоминаемый нами выше диалог культур реализуется прежде всего как диалог текстов культур, так как в самом широком понимании любая культура и есть Текст с большой буквы.

Таким образом, культура развивалась как локальные образования, в основе которых лежала система доминирующих ценностей, определяющих идентичность

¹ Момджен К. Х. Философия общества // Философия / В. Г. Кузнецов [и др.]. М., 2004. С. 377.

² Там же.

индивида. Культурный индивид, создающий систему культурных ценностей, в том числе и духовных, таким образом, не был пустой абстракцией, а являлся субъектом конкретно-исторического социума. Это определяло национальную сущность культуры. Все, что возникает в культуре, будь то наука, экономика или искусство, архитектура или формы общественного и политического устройства, в большей или меньшей степени окрашено в «национальные тона». Соответственно диалог между культурами представлял собой диалог локальных (национальных) культур и выступал как очень сложный процесс взаимопроникновения культур друг в друга, формируя общее смысловое пространство множества разнообразных культур. Здесь реализуется принцип единства разнообразного, а не тотального. Именно в этом смысле «культура не имеет границ и обогащается в развитии своих особенностей, обогащается от общения с другими культурами», — отмечал Д. С. Лихачев, в то же время подчеркивая, что «национальная замкнутость неизбежно ведет к обеднению и вырождению культуры, к гибели ее индивидуальности»³.

Коммуникация между культурами вплоть до середины прошлого века осуществлялась как диалог внутри семиосферы (Ю. М. Лотман) или культуросферы (Д. С. Лихачев) как особого коммуникационного пространства, в котором по аналогии с биосферой роль «живого» элемента выполняет язык или, точнее, языки с их различающимися смыслами и разнообразием социокультурных форм функционирования⁴. Язык — это не просто средство передачи информации, так как включает такую компоненту, как память, или, как блестяще выразил это Ю. М. Лотман, «Язык — это код плюс его история»⁵. Память отражает сущность и особенности конкретной культуры, выступая средством сохранения и ретрансляции ее смыслов и значений, определяя их своеобразие и обеспечивая преемственность исторических стадий развития культуры. Память — это некий закодированный смысл (не только языком, но и историей данной культуры), который в большей степени доступен представителю собственной культуры.

Этим объясняется значение национального языка, который выступает смысловым стержнем культуры. Отказ от национального языка в пользу доминирующего в глобальном мире приведет к неизбежности конвертации смыслов собственной культуры. Это может способствовать разрушению национальной культуры, так как не все ее смыслы переводимы на другой язык. «Заполняющие семиотическое пространство языки различны по своей природе и относятся друг к другу в спектре от полной взаимной переводимости до столь же полной взаимной неперебиваемости»⁶. Прагматически кажущееся удобным для общения сведение к одному языку может стать реализацией тенденции к глобальной тотальности с далеко идущими последствиями, вплоть до становления модели тоталь-

³ Лихачев Д. С. Избранное. Мысли о жизни, истории, культуре. М. : Рос. фонд культуры, 2006. С. 104.

⁴ Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. М. : Языки русской культуры, 1996. С. 194.

⁵ Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М. : Гнозис : Издат. группа «Прогресс», 1992. С. 13.

⁶ Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. С. 166.

ного единства, которое из сферы языка может переключаться в социум. Напротив, признавая плюрализм культур и их языков, подчеркивая различия, но и необходимость понимания, мы можем обеспечить смысловое взаимопроникновение культур, накапливая разнообразные «культурные слои»¹, то есть обогащать, а не упрощать культуру в целом.

Таким образом, важнейшим механизмом осуществления диалога между культурами выступает *дихотомия «своей–чужой»*², которая фиксирует описанное противоречие, возникающее при взаимодействии культур. «Свое» (внутрикультурное) рассматривается как более ценное, чем «чужое», отрицание моего, а значит, в определенной ситуации чужое или даже враждебное. В культуре вырабатывается некий «иммунитет» для восприятия некоторых смыслов иной культуры. Внешняя культура представляет для нас закодированную систему, которую мы должны всегда расшифровывать для понимания. Взаимная адаптация культур, таким образом, может осуществляться в условиях смыслового несовпадения, и область тождества является лишь предпосылкой для проникновения в область нетождественного. «Ценность диалога оказывается связанной не с той пересекающейся частью, а с передачей информации между непересекающимися частями... мы заинтересованы в общении именно с той ситуацией, которая затрудняет общение, а в пределе делает его невозможным»³. Поэтому именно признание равноправности всех культур является условием развития человеческой культуры в целом, и, напротив, абсолютизация ценностей одной культуры связана с процессом подавления и ослабления культурного разнообразия.

В результате глобализации происходит трансформация процесса диалога культур как важнейшего механизма их сосуществования. Культуры погружаются в глобальное коммуникационное пространство, которое функционирует по принципам доминирующей в научно-техническом отношении страны, а человек превращается в субъекта глобального суперобщества, в котором «культурная нить», связывающая его с собственной культурой, деформируется.

Это наглядно проявляется в своеобразной метаморфозе понимания толерантности, которое эволюционирует в сторону своеобразной абсолютизации тотальной терпимости, в том числе в ущерб индивиду и обществу, хотя на самом деле данный термин более многозначен.

Например, в медицине толерантность может проявляться как лекарственная толерантность, то есть приспособление организма к воздействию медикаментов за счет повышения внутренней устойчивости микроорганизмов и организма в целом. Иначе говоря, повы-

шается устойчивость организма как базовой системы, а не происходит ее разрушение. В случае невозможности такого приспособления организм может погибнуть. На биологическом уровне в целом толерантность организма реализуется в оптимальной зоне пределов устойчивости, которая имеет верхние и нижние границы. Поэтому, с одной стороны, чем выше диапазон толерантности, тем выше шансы организма выжить, а с другой — всегда сохраняются ограничения к воздействию извне.

Понимая условность аналогий, тем не менее отметим, что в обществе как сложной системе также присутствует некий диапазон толерантности, который задает ее верхние и нижние пределы. И как в биологическом мире, где условия окружающей среды или физиологических процессов внутри организма могут привести к сужению зоны толерантности, так и в обществе, где функционируют индивидуальные личности и социальные группы, имеющие различные целеполагающие установки, «всеобщая толерантность» невозможна. Культура также имеет пределы толерантности, за которыми терпение индивида (совокупности индивидов или общества в целом) может закончиться. Поэтому толерантность в обществе не должна сводиться только к терпимости как некой постоянной составляющей общественной системы. Терпимость весьма некомфортное психологическое состояние и для того, кто терпит, и для того, кого терпят. Как отмечал Гёте, «толерантность (Toleranz в нем.) должна быть всего лишь временным убеждением: за ней должно следовать признание. Терпеть — значит оскорблять»⁴. Терпят до тех пор, пока полностью не отвергают или полностью не признают. Толерантность как социальный принцип должна завершаться признанием другого в качестве равноправного себе, собственной культуре. А это возможно лишь в результате диалога. Абсолютизированная толерантность есть, по сути, безразличие, которое укрепляет сознание вседозволенности.

Истинная толерантность может и должна базироваться на ценностях собственной культуры, понимая в то же время их сопряженность с ценностями других культур и их различное качественное место в культурном сознании индивида. «...всеобщая терпимость будет достигнута лишь тогда, когда мы дадим возможность каждому отдельно человеку или целому народу сохранить свои особенности, с тем, однако, чтобы они помнили, что отличительной чертой истинных достоинств является их причастность всечеловеческому»⁵.

Мультикультурализм, предлагаемый ныне как своеобразная новейшая матрица для существования современного общества с доминирующим в нем принципом толерантности, как это ни парадоксально на первый взгляд, выступает как реализация антидемократических и антилиберальных тенденций, отступающих от европейских традиций признания и понимания другой культуры и другого как такового. В его основе ле-

¹ Кассен Б. Вступительное слово // Европейский словарь философии. Лексикон непереводамостей / под рук. Б. Кассен. Киев : Дух і літера, 2015. Т. 1. С. 13.

² Существуют и другие дихотомии, которые мы здесь не рассматриваем. Например, оппозиция «верха и низа» культуры (см.: Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М. : Худож. лит., 1990. С. 12–13), оппозиция «прикровенность–откровенность» (см.: Кнабе Г. С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М. : Индрик, 1994).

³ Лотман Ю. М. Культура и взрыв. С. 15.

⁴ Goethe J. W. Maximen und Reflexionen // Goethes Werke in zwölf Bänden. Berlin ; Weimar : Aufbau-Verlag, 1974. Bd. 7. S. 493.

⁵ Гёте И. В. Собрание сочинений : в 10 т. М. : Худож. лит., 1980. Т. 10 : Об искусстве и литературе. С. 411.

жит упрощенная модель признания равенства культур скорее как правовое пожелание, чем понимание необходимости диалога между ними. Диалог культур представляет собой более сложный тип сосуществования, чем просто декларация правового равенства. Необходимо именно признание ценностей другой культуры, а это очень длительный и сложный процесс. Кроме того, всегда должна сохраняться система базовых для данного общества ценностей. Г. С. Кнабе, анализируя римскую культуру, отмечал, что «коренное свойство римской цивилизации — органически усваивать инокультурный опыт, но никогда не растворяться в нем...»¹.

Дихотомия «свой–чужой» блокировала абсолютизацию принципа толерантности, противопоставляя ему принцип равноправного диалога. Сегодня она объявляется устаревшей и заменяется на мультикультурализм, основанный на распространении принципа всеобщей толерантности. Мир предлагается рассматривать как

глобальную целостность с едиными правовыми, моральными принципами, независимо от национальных особенностей каждой из отдельных культур. Однако утрата понимания «чужого» базируется на внешнем признании ценностей либерализма и гуманизма. Отрицание «чужого», по сути, означает и отрицание «своего», в результате чего мы утрачиваем индивидуальное и коллективное культурное свойство как умение и готовность признавать другого, тогда как «подлинная либеральность — это признание»². Это приводит к «утрате исходной основы всякой либеральности и любого гуманизма — автономной личности и стоящего за ней универсального, философского и бытийного принципа — принципа индивидуальности»³. Фактически мы из процесса диалога культур и признания другого выбираем и абсолютизируем понятие другого, понимаемого прежде всего как чуждого нам, которого мы не всегда способны понять, но тем не менее обязаны признавать.

Мануэль Ф. Монтес⁴

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК В СООТНОШЕНИИ С ПРАВАМИ ЧЕЛОВЕКА

Победа на последних выборах в США кандидата от Республиканской партии, а до этого — решение Великобритании о выходе из Европейского Союза вызвали панику среди западной элиты и разговоры о том, что международному либеральному порядку пришел конец.

Теперь, когда США отказались от роли лидера мирового либерального сообщества, на которую они сами себя и назначали, новое правительство заняло националистическую позицию по вопросам иммиграции и международной торговли (хотя многие из планов администрации по сей день остаются на стадии намерений). Западные журналисты даже начали примерять

должность нового лидера западного мира и защитника международного либерального порядка на канцлера Германии Ангелу Меркель, китайского лидера Си Цзиньпина и даже на канадского премьера Джастина Трюдо.

В данном докладе я рассматриваю, казалось бы, положительные черты международного либерального порядка, которые на деле оказываются иллюзорными. Несмотря на утверждения либеральных политиков, этот порядок отнюдь не способствует полной реализации прав человека для всех, а иногда и вовсе действует вопреки прогрессивному движению по достижению этих стандартов. Я проанализирую черты международного либерального экономического порядка (на защиту которого теперь призывают новых сторонников), подрывающие право народов на обеспечение средств к существованию, право на достойную жизнь в обществе, в котором они выполняют определяющие социальные функции. Я также коснусь вопросов гарантированной свободы принятия всеми странами экономических решений в собственных интересах. Во Всеобщей декларации прав человека (принятой Организацией Объединенных Наций в 1948 г.) провозглашается, что: все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах; они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства; каждый человек имеет гарантированную защиту всех прав, определенных в Декларации «без какого-либо различия, например, в том, что касается расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, собственности, рождения или иного статуса».

¹ Кнабе Г. С. Местонахождения постмодерна и обязанность понимать // Избранные труды. Теория и история культуры. М.: РОССПЭН, 2006. С. 921.

² Goethe J. W. Op. cit. S. 493.

³ Кнабе Г. С. Местонахождения постмодерна и обязанность понимать. С. 922.

⁴ Старший советник по вопросам финансов и развития Южного центра (Женева, Швейцария), доктор экономики. Ранее был руководителем направления стратегий развития Департамента ООН по экономическим и социальным вопросам. Координатор региональной программы ПРООН (региональный центр в Коломбо, Шри-Ланка). Участник программы международной экономической политики Фонда Форда в Нью-Йорке (1999–2005). Координатор по вопросам экономики исследований в Центре «Восток–Запад» в Гонолулу (1989–1999). Адъюнкт-профессор экономики Университета Филиппин (1981–1989). Автор публикаций по проблемам макроэкономической политики, стратегии развития, неравенства доходов, изменения потока финансирования и промышленной политики, в т. ч.: «Программа развития ООН–2030: глобальная ответственность и национальный суверенитет», «Совмещение глобальных и национальных интересов как вызов XXI века», «Демократия, разумное управление и главенство закона: относится ли это к международной экономической системе?» и др.

В противоречие вышесказанному, международный либеральный порядок узаконивает и поддерживает экономические различия между людьми и способствует проведению дискриминационной политики в отношении отдельных лиц, организаций, сообществ и государств. Если международный либеральный порядок нуждается в защите, то необходимо определить, что же именно нужно защищать.

Транстихоокеанское партнерство как золотой стандарт

Одним из первых шагов новой администрации США был выход Соединенных Штатов из Соглашения о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП), как и обещал победивший кандидат во время избирательной кампании. В 2012 году Госсекретарь США Хиллари Клинтон заявила, что ТТП «устанавливает золотой стандарт торговых соглашений на основе свободной прозрачной, справедливой торговли в обстановке законности и равных правил игры для всех» [4]. Это заявление Госсекретаря США является самым четким описанием принципов международного либерального экономического порядка. Во время предвыборной кампании кандидат Хиллари Клинтон отказалась от поддержки ТТП, потому что такую же позицию занял ее соперник Дональд Трамп. Таким образом она признала популярность идеи об отказе от ТТП.

Многие аспекты ТТП соответствуют требованиям золотого стандарта торгового соглашения. Здесь я исследую только два аспекта этой проблемы — предоставление субсидий и гарантии прав международным корпорациям, способствующим организации открытой, свободной, прозрачной и справедливой торговли в ущерб правам человека. Правила ТТП являются как минимум дискриминационными, потому что описывают права собственности и предлагают специальную защиту корпорациям, занимающимся активной международной деятельностью, в то время как такие же меры не распространяются на население и компании, работающие исключительно на внутреннем рынке.

ТТП и право на здоровье

Открытая, свободная, прозрачная и справедливая торговля в рамках ТТП защищает международные патенты международных фармацевтических компаний значительно более жестко, чем Всемирная торговая организация (ВТО). Интеллектуальная собственность создается в государстве и для государства, теоретически для социальной цели вознаграждения за инновации и изобретения. В случае с сектором здравоохранения социальная цель состоит в укреплении здоровья населения. Как говорится во Всеобщей декларации прав человека, все граждане имеют равные права на охрану здоровья.

Обычно общественная собственность защищается посредством гранта монополиста автору изобретения, который затем указывает цену доступа к изобретению. Существуют и другие способы достижения социальной цели продвижения инноваций в сфере здравоохранения, но международный либеральный экономический порядок, занятый поиском нового между-

народного лидера (Меркель или Трюдо), выбирает данный монополистический метод. Хор [2] повествует о влиянии ТТП на 11 стран-участниц, не включая США, и приходит к выводу, что ТТП представляет собой «огромную трагедию для общественного здравоохранения, потому что большинство стран-участниц не понимают отрицательного влияния главы об интеллектуальной собственности на их благосостояние. Они приняли ее в качестве сделки за большую доступность рынков, особенно американского». Эти страны уже изменили свои законы и требования в соответствии с условиями ТТП.

Хор далее спрашивает: «Что толку иметь отличные лекарства, если большинству населения Земли они недоступны? И разве это морально, что лекарства, которые могут спасти твою жизнь, стоят так дорого, что ты не можешь себе их позволить?» Организация Врачи без границ (Medecins Sans Frontières — MSF): «ТТП представляет собой наиболее далеко идущую попытку навязать агрессивные стандарты интеллектуальной собственности, которые еще больше сместят акцент от проблем общественного здравоохранения к коммерческим интересам компаний... В развивающихся странах высокие цены делают жизненно важные лекарства недоступными, при том что их наличие является вопросом жизни и смерти».

Определенные проблемы ТТП как золотого стандарта анализируются в статье Макниллы с соавторами [3], опубликованной в журнале “Lancet” в 2016 году.

ТТП требует от подписавшей стороны снизить стандартные требования о предоставлении патентной защиты международной компании.

Поскольку эти изобретения были сделаны раньше, некоторые заявки на получение патентов описывают ненастоящие изобретения. Их цель — продлить срок действия патента (сделать его «вечнозеленым»). ТТП (ст. 18.3) — требует от стран-членов выдавать патенты на любое из следующих действий: новое использование известного продукта, новую методику использования известного продукта или новый процесс использования известного продукта. Если, например, лекарственное средство, которое использовалось для лечения СПИДа/ВИЧ, покажет свою эффективность в борьбе против рака, то страна, подписавшая Соглашение, должна будет продлить срок действия патента. Задержка в выдаче патента по ТТП отодвигает окончание срока его действия. В соответствии с ТТП патенты на товары медицинского характера должны продлеваться и после истечения 20 лет, как этого требует ВТО.

ТТП запрещает странам-участницам использовать данные клинических испытаний, если лекарство изначально было признано безопасным и эффективным при выдаче патента на него. Поэтому страны-участницы могут запретить пациентам доступ к более дешевым лекарственным средствам, так называемым дженерикам.

С точки зрения статистических показателей эти ограничения повышают стоимость лекарства для населения и отрицательно сказываются на продолжительности жизни миллионов людей в странах — участниках данного Соглашения.

ТТП гарантирует прибыль иностранным инвесторам

Со времени принятия Североамериканского соглашения о свободной торговле (НАФТА) в каждый торговый договор с США обязательно включается глава «об инвестициях», в которой устанавливаются обязательства стран — участниц Соглашения по защите инвесторов из США. В данной главе страны дают обещание, что иностранные инвесторы будут защищены от произвола и несправедливого отношения со стороны их правительств — как с точки зрения процессов, так и с точки зрения действий в рамках политики. В большинстве подобных инвестиционных соглашений принимающая сторона должна оплачивать судебные издержки и штрафы, если ее политика или определенные действия будут расцениваться как нарушение обязательств по отношению к инвесторам. ТТП является золотым стандартом защиты инвесторов в 12 странах, изначально подписавших данное Соглашение.

Международный либеральный порядок защищает эти положения, утверждая, что коммерческая защита иностранных инвесторов увеличивает приток инвестиций в развивающиеся страны. Рамочная структура защиты иностранных инвесторов заимствуется из коммерческих соглашений и арбитражных разбирательств частных компаний. По положениям Соглашения о защите инвесторов все обязательства по договору ложатся на принимающую сторону, и ответственность несет не частное предприятие, а государство, которое и без того несет ответственность перед своими гражданами. Тайные положения, включенные почти во все договоры, запрещают представителям правительства открыто обсуждать обязательства страны перед иностранными инвесторами. Международная система «Урегулирование споров между инвесторами и государством» (УСИГ) является чрезвычайно мощным и уникальным инструментом в отношениях между государствами. В отличие от других международных договоров, УСИГ позволяет частным сторонам напрямую подавать иски против государства и получать соответствующие компенсации. Во Всемирной торговой организации (ВТО), например, только государства могут выдвигать иски против других государств.

Соглашаясь с инвестиционными положениями ТТП, страны-участницы принимают на себя многочисленные обязательства, ограничивающие пространство для маневра в регулировании частного сектора и выполнении обязательств по правам человека:

- справедливое и равноправное отношение (СРО);
- компенсация в случае прямой или косвенной экспроприации;
- национальный режим благоприятствования, не менее выгодный, чем для национальных инвесторов.
- режим наибольшего благоприятствования или не менее благоприятное отношение, чем отношение к инвесторам из третьих стран;
- свобода от так называемых «требований по входным критериям» как условие для вступления или участия. Такие требования предъявляются, например, к трансферу технологий, экспорту определенного

процента от ВВП, внутренним покупкам поступлений или научно-исследовательским разработкам;

- свободный оборот капитала. Инвесторам гарантируется свободное перемещение активов в государство и за его пределы;

- зонтичное положение, которое требует от принимающей стороны уважать все юридические и контрактные обязательства перед инвесторами;

- право подавать арбитражные иски против правительств принимающих стран.

Инвестор, который считает, что государство не выполняет свои обязательства по договору, может инициировать арбитражное разбирательство. По информации ЮНКТАД [7, с. 107], на конец 2015 года по этим спорам были приняты 444 решения. Из них в 36 % случаев решения принимались в пользу государств-ответчиков, то есть в этих случаях претензии были не приняты по юридическим или фактическим основаниям. В 2 % случаев принималось решение, что контрактные обязательства нарушены, но финансовая компенсация инвестору присуждена не была. В 9 % случаев разбирательства прекращались по иным основаниям, чем урегулирование спора. 26 % случаев были «урегулированы». Из-за конфиденциальности достигнутых соглашений невозможно сказать точно, но, скорее всего, в этих случаях инвестору присуждалась денежная премия. В 27 % случаев решение принималось в пользу инвестора. Если считать, что решение в пользу инвестора принималось во всех случаях, когда в соответствии с главой об инвестициях государство несло все расходы, то инвесторы одержали победу в 55 % судебных исков такого рода. За последние несколько лет результаты этих арбитражных решений стоили суверенным государствам значительных сумм:

- 2014 год: Россия — ЮКОС: 50 млрд долларов; Венесуэла — Эксон: 1,6 млрд долларов (включая проценты);

- 2012 год: Эквадор — Оксидентал Петролеум: 1,7 млрд долларов (включая проценты);

- 2010 год: Эквадор — Шеврон: 0,7 млрд долларов. (Общая сумма штрафов, выплаченных Эквадором, — 3,3 % ВВП.)

Золотой стандарт ТТП гарантирует иностранным инвесторам из других стран ТТП юридическую защиту в случае, если их стремление к получению прибыли ограничивается изменениями в законодательстве принимающей страны. Страны — участницы ТТП, в которых будут действовать иностранные инвестиции, несут расходы на функционирование арбитражной системы. В данной системе могут возникнуть два вида расходов:

- финансовые расходы на данный процесс;
- расходы, связанные с порочным влиянием на регуляторную политику и на бизнес-модель предприятий, работающих на международном рынке.

Первая статья расходов, или фискальные ресурсы, связана со стоимостью процесса и возможностью выплаты государствами компенсаций в размере, значительно превышающем фактические расходы инвесторов. Ко второй статье расходов относятся сдерживающее влияние на государственную регуляторную политику, поощрение международного бизнеса к при-

менению модели, по которой на проекты расходуются государственные средства развивающихся стран, и корпоративная составляющая арбитражных процессов.

По золотому стандарту США меры защиты, закрепленные в ТТП, привели к следующим затратам [5]:

1) правительству Южной Африки пришлось компенсировать итальянским инвесторам потерю прибыли в горнодобывающей отрасли в связи с необходимостью передать часть активов во владение лицам африканского происхождения. Это является требованием Конституции ЮАР о защите интересов негритянского населения;

2) правительству Египта пришлось нести ответственность перед французской компанией “Veolia” за снижение ожидаемой прибыльности, так как после падения режима Мубарака новое правительство повысило минимальную зарплату;

3) правительство Зимбабве было вынуждено выплатить компенсацию землевладельцам-инвесторам после проведения земельной реформы, как было обещано во время революции;

4) правительство Боливии проиграло в суде иностранным инвесторам проекта по распределению воды (хотя в связи с широкомасштабными протестами расходы по проекту были снижены, а иностранные инвесторы были вынуждены минимизировать репутационные потери);

5) в соответствии с уставом соглашения NAFTA (раздел «Инвестиции») правительству Мексики не удалось провести очистку местной свалки.

Это всего лишь несколько примеров, демонстрирующих отрицательное влияние этого соглашения на политику, когда правительству приходилось отказываться от соблюдения прав человека в области здравоохранения, экологии, общественной безопасности, оплаты труда и других политик в области социальной защиты.

Международный либеральный порядок является причиной разворота в процессе глобализации

За последние пять лет мировая экономика переключилась потенциально опасный рубеж. Известное соотношение 2:1 между ростом глобального объема продаж и глобального ВВП за последнее время изменилось. На это указывает тот факт, что торговля и производство в течение последних трех лет росли примерно одинаково. Таким образом, еще до недавних политических событий в США и Великобритании начался разворот в политике международной экономической интеграции. Можно сказать, что недавние политические события — лишь отражение неспособности международного либерального порядка поддерживать укрепление экономической интеграции между странами и народами мира.

Характер ТТП отражает определенный отход от «открытой, свободной, прозрачной, справедливой торговли в духе законности и соблюдения всех правил», как определила это соглашение Хиллари Клинтон, в тот момент Государственный секретарь США. Из соглашения исключен, в частности, Китай, хотя эта страна обладает высоким потенциалом междуна-

родной конкурентоспособности. Поэтому ТТП является лишь примером вредной переориентации торговых потоков. Экономические выгоды от заключения данного соглашения относительно малы. Наибольший профит от ТТП получают США (которые и так обладают преимуществом по сравнению с остальными странами-участницами). К 2030 году выгода от участия в ТТП для США должна составить 0,5 % ВВП страны. По оценке Капалдо и Изуриеты [1], проведенной с использованием методологии, позволяющей оценить изменения в занятости по сравнению с изменениями в торговле, ТТП приведет к снижению уровня дохода и росту безработицы в странах-участницах.

Если принять во внимание малую выгоду и даже отрицательные последствия ТТП, то важно установить, в чем же заключаются интересы стран — участников этого проекта. Развитые страны, где действуют конкурентоспособные частные компании, получают выгоду от участия в программах государственных поставок, инвестиций и защиты интеллектуальной собственности, с учетом возлагаемых на государственные компании ограничения. А как же насчет других, развивающихся стран, например Перу и Вьетнама, у которых нет крупных международных компаний?

В настоящее время мир переживает второй период обратного разворота глобализации. Первый период закончился в 1914 году и привел к двум мировым войнам, многочисленным разрушениям, гибели и лишениям миллионов людей. Первый период глобализации не привел к устойчивому развитию этой модели, которая затем самоуничтожилась. Правила и механизмы первой версии глобализации посеяли предпосылки для ее дальнейшего разрушения. Хотя мировая экономика того периода имела очень высокие показатели роста, она была основана исключительно на порабощении людей посредством колониализма, хищническом уничтожении природных богатств и политическом доминировании малочисленных элит, находившихся в остром противостоянии друг другу. По правилам первого проекта глобализации национальные государства конкурировали за контроль над территориями, торговлей и производством оружия.

После Второй мировой войны мировое сообщество торжественно пообещало извлечь из этих катастроф уроки и создало институты, задачей которых стало предотвращение подобных событий. К числу таких учреждений относилась и Организация Объединенных Наций. На национальные государства была возложена обязанность уважать, защищать и соблюдать на своей территории основные права человека. В связи с этой миссией государства получили полный суверенитет над своими ресурсами и контроль над своим частным сектором.

Для создания благоприятной международной обстановки необходимо, чтобы менее могущественные страны — а не только две-три доминирующие державы — могли развиваться и выполнять свои обязательства перед гражданами в области прав человека. Термин «системные вопросы» используется для описания дисбаланса в международной системе отношений. Термин признает существование серьезных проблем

в международной системе отношений, которые могут стать препятствием к развитию.

Существуют две важные сферы, на которые следует обратить внимание. Во-первых, следует убедиться в том, что международная система отношений не наносит вреда и не препятствует, а способствует проведению политики в интересах граждан. Во-вторых, в связи с неравенством возможностей власти и влияния встает вопрос эффективности управления на международном уровне.

В международной системе отношений есть много таких элементов, которые нуждаются в фундаментальном реформировании.

Частные капиталовложения осуществляются в больших объемах по всему миру. Однако деньги инвестируются не туда, куда нужно, в связи с чем возможности национальных правительств по реализации обязательств в сфере прав человека и обеспечению развития оказываются жестко ограничены. Не хватает денег на долгосрочные проекты социально-экономического развития. Частные средства вкладываются главным образом в портфельные активы, которые могут быть выкуплены сразу после хотя бы небольшого повышения процентных ставок.

Поэтому важным элементом международного сотрудничества является регулирование финансовых потоков на международном уровне посредством согласованных действий в области международного сотрудничества. Страны обязаны совместно регулировать потоки капиталов, потому что юрисдикция с недостаточно отрегулированными процессами может привлечь иностранные инвестиции и вызвать проблемы в других регионах, так как размеры и степень сложности финансо-

вых рынков значительно варьируются от региона к региону.

Среди системных проблем глобального управления наиболее значимой является диспропорция в принятии экономических решений между, например, МВФ и странами G20 в области финансового регулирования.

Эти диспропорции и недостатки должны быть изучены, если в XXI веке мы желаем избежать разворота глобализации, который произошел в XX веке и, к сожалению, привел к большим потерям в ущерб интересам людей.

Литература

1. *Capaldo J.* Trading Down: Unemployment, Inequality and Other Risks of the Trans-Pacific Partnership Agreement / J. Capaldo, A. Izurieta. Tufts University. With Jomo Sundaram. — Available at: <http://www.ase.tufts.edu/gdae/Pubs/wp/16-01Capaldo-IzurietaTPP.pdf> (Accessed: 2016, June 3).
2. *Khor M.* Avoid patent clauses in trade treaties that can kill millions / M. Khor // SUNS. — 2017. — Mar. 1. — № 8412.
3. *McNeill D.* The Political origins of health inequities: trade and investment agreements / D. McNeill, C. Deere Birkbeck, F.-P. Sakiko, G. Anand, T. Schrecker, D. Stuckler // Lancet. — 2016. — Vol. 389. — P. 760–762.
4. *Memoli M. A.* Hillary Clinton once called TPP the “gold standard.” Here’s why, and what she says about the trade deal now // LA Times. — 2016. — Sept. 12. — Available at: <http://www.latimes.com/politics/la-na-pol-trade-tpp-20160926-snap-story.html>
5. *Montes M. F.* The Impact of Foreign Investor Protections on Domestic Inequality : manuscript / M. F. Montes. — Geneva : South Centre, 2016. — Aug.
6. The Universal Declaration of Human Rights. United Nations. — 1948. — Dec. 10.
7. World Investment Report 2016: Investor Nationality: Policy Challenges / UNCTAD, Geneva.

Мигель Анхель Моратинос Куйяубе¹

ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР: ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ, ЗАДАЧИ И КОНТУРЫ БУДУЩЕГО

Когда 9 ноября 1989 года пала Берлинская стена, лишь некоторые из специалистов, изучающих международные отношения, могли предсказать события, которые привели к окончанию холодной войны и объединению Европы.

В то время как одни предсказывали конец истории (Фукуяма) в мире, лишенном идеологий и полном политических конфронтаций, другие подтверждали центральное значение «культурных войн», которые заставляют глобальную геополитику вращаться вокруг

переосмысления и современного толкования ценностей древних цивилизаций. Религии станут ядром будущих конфликтов или так называемого столкновения цивилизаций (Хантингтон). Несмотря на большой вклад в понимание современных международных отношений, ни одна из этих широко обсуждаемых точек зрения не способствовала лучшему пониманию мира 2017 года.

Спустя 28 лет непредсказуемость и неопределенность по-прежнему определяют глобальную ситуацию с ее противоречивыми тенденциями и сложными трансформациями. Резкое сокращение числа войн ознаменовало собой эпоху после окончания холодной войны (Центр по системному изучению проблем мира). Однако гражданские войны, массовые убийства и возобновляющиеся эпизоды насилия, подпитываемые религиозными экстремистскими течениями, несомненно, поставили под угрозу принципы и механизмы Системы коллективной безопасности, которая была создана более полувека назад, после Второй ми-

¹ Дипломат, юрист и политик, министр иностранных дел и международного сотрудничества Королевства Испания (2004–2010), доктор. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Кризис на Ближнем Востоке», «Мир в эпоху устойчивого развития», «Современные глобальные вызовы и национальные интересы». Награжден орденами Сербского флага I степени (Сербия), Креста Земли Марии I-го класса (Эстония), королевским орденом Карла III (Испания), гранд-офицер ордена Трех звезд (Латвия), кавалер королевского ордена Изабеллы Католической, рыцарь ордена «За гражданские заслуги» и др. Почетный доктор университетов Гранады, Мальты, Бен-Гурион и Аль-Кудс (Израиль). Почетный доктор СПбГУП.

ровой войны. Полезность международных организаций, занимающихся поддержанием мира и безопасности, часто ставится под сомнение, при этом односторонние военные интервенции сверхдержав и неудачные операции по поддержанию мира, в свою очередь, ослабили режим многосторонних отношений, который отчаянно пытается приспособиться к новым реалиям. К тому же многие направления международного сотрудничества страдают от отсутствия какого-либо многостороннего консенсуса.

Все аспекты международной жизни решительно вошли в *длительный период глобального кризиса*. Что касается дипломатической, экономической, социальной, экологической сфер, а также здравоохранения, то ни одно изменение в глобальной политике не позволило им избежать влияния кризиса глобального управления.

Кризис глобального управления ослабляет наш потенциал по выявлению ключевых игроков на международной арене и основных факторов риска в современной мировой системе. В эпоху *ускоренного развития и глобальных трансформаций* противоречивые тенденции приводят к установлению более сложного политического порядка, который, в свою очередь, требует новой аналитической основы. Выделение некоторых аспектов сложной структуры современной мировой политики — единственный способ лучше понять, какие структуры меняют расстановку сил, и разработать внешнеполитические цели с учетом новых и трансграничных проблем.

Управление международным пространством

Исторически системы всемирного управления были продуктом переговоров, направленных на обеспечение стабильности мирового порядка, характеризующегося общей нестабильностью и постоянной угрозой войны. В 1648 году Вестфальский мир стал первой попыткой европейских монархов принять общую политическую систему, основанную главным образом на двух принципах — неприкосновенности суверенитета наряду с зарождающейся системой равновесия сил. Положив конец Тридцатилетней войне, питаемой противостоянием католиков и протестантов, Договор, подписанный в немецких городах Мюнстер и Оснабрюк, по-прежнему является основой политического устройства Европы, зяждущегося на национальном государстве.

Примерно через 75 лет отнюдь не вопрос о религиозном разделении стал поводом для встречи глав государств в Вене в 1815 году, а необходимость защитить европейский континент от любой будущей войны гегемонов и схемы имперского политического господства. Другими словами, главы европейских государств, победившие наполеоновскую Францию, хотели устранить любой потенциальный риск глобального территориального завоевания. Венский конгресс стал настоящим международным событием, в котором приняли участие более 200 делегаций из больших и малых держав. Впервые в истории группа государств создала основные элементы международного порядка и попыталась реализовать принципы системы управления,

направленные на поддержание безопасности и стабильности. С помощью нового дипломатического инструмента, «Дипломатической конференции», и «Очередных совещаний» основные политические силы (Австрия, Пруссия, Россия и Соединенное Королевство) определили дипломатическую повестку дня для решения конкретных проблем, связанных с общими интересами. Основываясь на принципе многосторонности, эти дипломатические конференции позволили проводить регулярные встречи между представителями государств (Франция и другие европейские страны были включены на более позднем этапе), предоставляя возможность решать широкий круг дипломатических вопросов, даже после прекращения функционирования «Системы конгрессов» или «Европейского согласия» в 1822 году.

Из этого периода интенсивных преобразований нам следует позаимствовать некоторые ключевые основополагающие факты и глобальные преобразования, которые изменили принципы и практику дипломатии. Во-первых, самые могущественные государства того времени осознали, что это в их интересах — быть включенными в «систему наций» и принимать активное участие в переговорах. Они не всегда разделяли общие ценности или придерживались одних и тех же моральных принципов, однако понимали, что поддержание общей безопасности коллективными усилиями поможет сохранить их собственную безопасность. Идеи взаимности и общих интересов, общей безопасности и политического пространства стали новыми концепциями дипломатии и непосредственно способствовали формированию ее новой и центральной роли в «управлении» международными отношениями. Во-вторых, наряду с появлением системы безопасности, основанной на сотрудничестве, был создан новый тип организации для решения вопросов, связанных с новыми технологиями, современными средствами транспорта, навигации и связи: Международный общественный союз. В-третьих, уже в 1815 году в Вене лидеры гражданского общества стали играть более активную роль, настаивая на включении социальных и этических норм в формирующуюся систему глобального управления.

Международное сотрудничество и коллективная безопасность

Помимо ограниченных мер по обеспечению безопасности, в XIX веке появились новые организации *международного технического сотрудничества* — международные общественные объединения (МОО). Первой была Центральная комиссия по судоходству на Рейне, созданная еще в 1815 году с целью координации коммерческой навигации по всей реке Рейн. Постепенно, следуя прогрессу в современных технологиях, появились и другие: Международный телеграфный союз в 1865 году (переименованный в Международный союз электросвязи), Всемирный почтовый союз в 1874 году и т. д. Эти объединения иллюстрируют такое распространяющееся явление, как общие интересы в решении экономических, социальных, политических и международных трансграничных вопросов.

Помогая организовать современный мир, эти технические организации также подготовили почву для важных политических и дипломатических преобразований. Истинный «процесс институционального обучения» подразумевал растущее участие специализированных дипломатов, занимающихся вопросами международного технического сотрудничества. Кроме того, в уставы МОО начали систематически включать специальные юрисдикции и механизмы урегулирования внутренних конфликтов для устранения разногласий между их участниками. Эта тенденция ознаменовала появление будущих политических мобилизаций для создания международного свода правил, сосредоточенного на таких проблемах, как война и мир, которые громко заявили о себе на рубеже XX века.

Игра по правилам:

нормы, ценности и многосторонний подход

Транснациональная мобилизация гражданского общества проявила себя в так называемых движениях за права, которые стали оказывать давление на правительства, избранных политиков и существующие международные ассоциации, чтобы они выступали за отмену рабства, улучшение положения женщин или предоставление гражданства для национальных меньшинств. Международные петиции распространялись уже во время Венского конгресса 1815 года.

Постепенное включение в международные документы и договоры принципов, основанных на этических нормах, пропагандируемых движениями гражданского общества, наглядно иллюстрирует характер взаимодействия между правительственными (государственными) и частными (ассоциации и частные лица) организациями. Государства больше не могут игнорировать гражданское общество, а также мобилизацию элит, по причинам «морали и справедливости».

Работа Конгрессов мира, а позднее образование «межпарламентских союзов» стали предпосылками для мобилизации интеллектуальной и политической европейской транснациональной элиты в целях создания международного арбитражного суда и налаживания процесса мирного урегулирования государственных конфликтов.

Среди их основателей были французские и британские пацифисты Фредерик Пасси и Рэндал Кремер, избранные членами своих национальных парламентов. Они входили в число наиболее политически активных лиц, участвовавших в организации международных конференций в Гааге (1899 и 1907 гг.) и последующем принятии *Международной конвенции о мирном урегулировании споров*.

В 1901 году Фредерик Пасси получил первую в истории Нобелевскую премию мира. Стоит отметить, что он фактически получил половину премии, а вторую половину получил Анри Дюнан, основатель Международного комитета Красного Креста (1864). Эти инаугурационные нобелевские премии олицетворяли международное общественное признание двух центральных «моральных» принципов XIX века: разрешение споров мирными средствами и формирование международного гуманитарного права.

«Идея мира», от мер безопасности до пропаганды ненасилия, наряду с гуманитарными инициативами во время войны являются хорошей иллюстрацией нового набора норм, ценностей и общих этических принципов, составляющих основу западной системы глобального управления. Неожиданно прерванная Первой мировой войной «идея мира» через международное право и коллективную безопасность вновь возникла на Мирной конференции 1919 года. В период с 1815 по 1914 год сформировались и стали известны ключевые игроки в международных отношениях, развитие продолжилось в следующем веке, до сегодняшнего дня: государство как центральное и традиционное политическое устройство, гражданское общество в его организованном формате, а именно неправительственные организации (НПО), межправительственные организации в основе формирующегося режима глобального управления, тесно связанного с выработкой норм, ценностей и правил.

Государства и группы государств: сильные и слабые стороны

На Парижской мирной конференции 1919 года страны, победившие в Первой мировой войне, приняли решение избавиться от секретной дипломатической практики и стратегии альянса, которые ведут в политические тупики и стали фактором неизбежности войны. При помощи *Лиги Наций* они создали новую универсальную организацию, цель которой заключается в создании коллективной безопасности. В отличие от ограниченного сотрудничества (МОО) или согласованных правил урегулирования конфликтов на основе набора инструментов (примирение, посредничество, арбитраж), новая система безопасности основывалась на моральных ценностях, сформулированных с помощью ряда санкций, которые должны применяться к потенциально не подчиняющимся государствам. Коллективная безопасность должна была гарантировать мир и безопасность путем коллективной угрозы возмездия на основе солидарности и взаимности. К сожалению, из-за неучастия Соединенных Штатов в основных органах Лиги (Совете, Секретариате и Ассамблее) «коллективное» влияние организации было ослаблено с самого начала. Несмотря на неудачу Лиги, она остается первой многосторонней организацией, функционировавшей на постоянной основе и имевшей постоянный штат сотрудников. Она взяла на себя ту роль, которую могли играть международные организации в качестве ключевых игроков в управлении.

История Лиги Наций демонстрирует тип взаимодействия, который продолжает характеризовать отношения между международными организациями и государствами с точки зрения глобального управления. Очевидно, что время от времени сильные национальные государства продолжают рассматривать межправительственные организации как угрозу своим национальным интересам. Они, как правило, оспаривают их легитимность и, особенно в периоды кризисов, пытаются обойти международные многосторонние организации.

Сохранение права вето пяти постоянных членов Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, введенного согласно Уставу ООН, принятому в Сан-Франциско в 1945 году, а также создание параллельных оборонных союзов, подобных НАТО, является одним из главных противоречий в современных механизмах глобального управления. С одной стороны, государства осознали, что многие политические проблемы не могут решаться на национальном уровне; трансграничные проблемы требуют многосторонних решений и стратегий сотрудничества. Это относится и к вопросам безопасности, поскольку уровень взаимозависимости между государствами подразумевает коллективное управление международной безопасностью. С другой стороны, через «коалиции желающих» (Ирак, 2003) и другие эксклюзивные группы государств национальные государства продолжают высказывать точку зрения, что конкретные и важные вопросы должны решаться небольшими группами непосредственно заинтересованных и влиятельных стран. Контактные группы (Северная Корея), группы друзей (Сальвадор), «четверка по Ближнему Востоку», а также встречи «Большой восьмерки» по-прежнему передают эту идею эффективности управления посредством решения вопросов на встречах небольшого количества влиятельных государств. В определенной степени эти закрытые группы находятся в противоречии с тенденцией создания открытых и демократичных дипломатических арен и системы глобального управления в более широком международном сообществе, состоящем из частных субъектов и организаций гражданского общества.

Реорганизация мирового порядка: роль НПО

Многие неправительственные организации, признанные в качестве ценных субъектов многими международными организациями, все активнее участвуют в выработке международных документов, конвенций и норм, выдвигаемых многосторонними инстанциями. Представленные во всех сферах международной жизни, от образования до прав человека, от вопросов мира и безопасности до здравоохранения, НПО стали важным аспектом мирового порядка. Официально признанные Организацией Объединенных Наций (ст. 71 Устава ООН), они играют различные роли, от постановки задач, предоставления экспертных услуг администрациям штатов и международным организациям до политической пропаганды, гуманитарной деятельности и т. д. Будучи скорее партнерами, чем конкурентами, они предоставляют государствам и международным организациям знания и опыт, к которым они часто не имеют доступа. Многие министерства иностранных дел полагаются на отчеты Международной кризисной группы, широко признанной неправительственной организации, специализирующейся на анализе конфликтов и внешней политики.

НПО также были в центре движений протеста и мобилизации против так называемой нелиберальной глобализации. Движения против глобализации (АТГАС) или Глобальные социальные форумы олицетворяли протест граждан против транснациональных частных фирм и их неоднозначных отношений с государствами.

Играя роль посредника между государствами, международными организациями и гражданскими обществами, НПО имели большое значение в создании Международного уголовного суда (коалиция НПО для МТП), а также в переговорном процессе на конференциях по изменению климата — в 2009 году в Копенгагене, в 2012 году в Дохе и на особенно успешной 21-й конференции по изменению климата (COP) на Парижском саммите в декабре 2015 года. Внося значительный вклад в международные конференции и решения, становясь все более профессиональными и специализированными, официально или неофициально, они оказываются важными партнерами государств.

Международные организации: глобальные вопросы, глобальный кризис

Участвуя во всех вопросах жизни человеческого общества, международные организации стали ключевыми и незаменимыми игроками современного мирового порядка. В большинстве случаев в рамках системы ООН (Всемирный банк, Всемирная организация здравоохранения, ЮНЕСКО и т. д.), а также за пределами ООН (Всемирные торговые организации), международные организации регулируют многие аспекты международной социально-экономической жизни.

Через ООН и все больше через региональные организации (Африканский союз, Лига арабских государств, АСЕАН и т. д.) многосторонние организации должны принимать участие в работе по поддержанию мира и безопасности. В этом отношении возрастающая роль Европейского Союза (безопасность на море, международные посреднические инициативы) показывает, как международные организации создали новые механизмы для противодействия угрозам международной безопасности в эпоху после окончания холодной войны.

В последнее время снова стал актуальным вопрос о том, какой тип организации лучше всего подходит для поддержания мира и безопасности. Защита со стороны влиятельных субъектов, система сдержек и противовесов через коллективные многосторонние системы безопасности? Возвращение к альянсам безопасности? Сосуществование конкурирующих систем международной безопасности поднимает вопрос о характере глобального управления.

Многие межправительственные организации, созданные после 1945 года, подверглись процессу институционализации, тогда как, например, глобальные конференции ООН стали международными специализированными программами и организациями (Международная конференция 1968 г. по правам человека в Тегеране, Всемирная конференция 1972 г. по проблемам окружающей среды в Стокгольме, Международная конференция по населению и развитию (ХАБИТАТ) и всемирные конференции по народонаселению). Включая широкий круг участников, от государственных делегаций до неправительственных организаций, эти глобальные конференции ООН, как правило, воплощают демократизацию глобального управления, в частности позволяя национальным сообществам развиваться в рамках международных отношений.

После окончания холодной войны международные организации сталкиваются с проблемой самореформирования и адаптации к меняющемуся глобальному ландшафту. Такие альянсы, как НАТО, должны были резко расширить масштабы своей деятельности, чтобы оправдать продолжение своего существования.

ООН и особенно Совет Безопасности сталкиваются с непрекращающимися дебатами об их эффективности, представительности и экономической целесообразности. Расширение формата встреч «Большой восьмерки» до формата с участием стран «Большой двадцатки» (2008) было сделано, чтобы предложить определенный ответ на проблемы, возникшие из-за глобального экономического и финансового кризиса 2008 года. Однако такие изменения все же вводятся ограниченно и встречают сильное сопротивление со стороны западных государств, а также новых развивающихся рынков (Латинская Америка, Азия, Африка). Структурные изменения глобальной системы управления, введенной в действие в 1945 году, все больше блокируются.

По окончании холодной войны возобновился интерес к миссиям мира и безопасности со стороны международных организаций. В 1992 году Генеральный секретарь ООН Бутрос Бутрос-Гали создал новый Департамент операций по поддержанию мира (ДОПМ). После десятилетия, омраченного неудачами (Сомали 1992 г., Руанда 1994 г., Босния 1995 г., Косово 1999 г.), миротворческие миссии ООН были возобновлены и теперь действуют в большинстве конфликтных зон по всему миру. Благодаря 16 текущим операциям по поддержанию мира (Департамент операций по поддержанию мира ООН, сентябрь 2014 г.), в которых участвуют более 100 тыс. военнослужащих, Организация Объединенных Наций присутствует во многих конфликтных зонах, куда государства, как правило, неохотно отправляют войска для участия в длительных операциях. В военном плане ООН стала ключевым и незаменимым игроком.

От миссий наблюдения (Группа военных наблюдателей Организации Объединенных Наций в Индии и Пакистане) до вооруженных сил (Миссия Организации Объединенных Наций по стабилизации в Демократической Республике Конго) с мандатами на решение задач по поддержанию безопасности и упрочению мира в постконфликтных условиях (ЮНАМИД в Дарфуре, Многопрофильная комплексная миссия Организации Объединенных Наций по стабилизации в Мали) миссии ООН охватывают весь диапазон мирных вмешательств — от предотвращения до постконфликтного примирения. Для выполнения операций по поддержанию мира необходимо быстро решать возникающие задачи, связанные как с финансированием миссий, так и с обеспечением достаточного количества войск на местах. Традиционно более развитые страны платили за миссии, в то время как страны «юга» отправляли войска, которые обучались и оплачивались ООН. Это распределение ролей подходит к концу, что затрудняет для ООН поиск военного персонала для отправки в зоны конфликта.

В глобальном управлении существуют две ключевые проблемы, с которыми сталкиваются основные

международные игроки, особенно начиная с 11 сентября 2001 года. Во-первых, должно ли «международное сообщество» вмешиваться в случаях, когда государства — добровольно или нет — не могут защитить свое население? Во-вторых, какого рода коллективное реагирование следует противопоставить транснациональному террористическому насилию?

Первая инициатива привела к принятию Организацией Объединенных Наций (2005) принципа «Ответственности за защиту» (R2P) после доклада Международной комиссии по вмешательству и государственному суверенитету (ICISS) за 2001 год. В провокационной манере комиссия ICISS ввела понятие *суверенитета как «ответственности»*. Отныне силу государства следует оценивать не с точки зрения его способности контролировать территорию или различные ресурсы, но прежде всего исходя из его способности и решимости *защитить свое население*. Государство, не сделавшее этого, может потерять свое «право» на суверенитет, а в отдельных случаях, например при совершении массовых убийств, будет предпринята международная интервенция для защиты населения, находящегося под угрозой. Известно несколько случаев, когда при конфликтах, сопряженных с насилием, принцип R2P упоминался и использовался для законного вмешательства вооруженных сил под руководством ООН или третьей страны: Кот-д'Ивуар (2011 г., резолюция Совета Безопасности ООН № 1975), Ливия (2011 г., резолюции Совета Безопасности ООН № 1970 и 1973), Центральнаяафриканская Республика (2013 г., резолюция Совета Безопасности ООН № 2127). После принятия резолюции по Ливии были выдвинуты обвинения и высказаны сомнения в том, не использует ли Совет Безопасности ООН R2P лишь в качестве инструмента для смены режима, искажая концепцию и ставя под угрозу его легитимность.

Неуверенность многих стран и неспособность вмешаться в войну в Сирии, которая разразилась в 2011 году, является прекрасной иллюстрацией амбивалентности концепции R2P и естественных препятствий для создания функциональной системы коллективной безопасности. Если несколько стран в одностороннем порядке решат вмешаться в конфликт в Сирии, оказывая помощь в виде перевода денежных средств и поставки запасов оружия той или иной стороне и надеясь таким образом изменить ход войны, такое вмешательство не принесет долгосрочного мира. Только скоординированное международное вмешательство на основе сотрудничества между государствами, НПО и международными организациями может помочь гражданским обществам выжить в конфликте и обеспечить их восстановление и стабилизацию. Подстрекание к войне несет в себе множество рисков и не имеет международной легитимности. Современное глобальное управление нуждается в более надежной конструкции для урегулирования кризисов и международного вмешательства. В этом отношении стратегические интересы не всегда противоречат этическим ценностям; напротив, они, как правило, укрепляются и обеспечивают легитимность операций по поддержанию мира и безопасности (Слотер).

В конечном счете коалиция, созданная для борьбы с глобальным терроризмом и гипертерроризмом, особенно для борьбы против «Аль-Каиды» и ИГИЛ (Исламское государство в Ираке и Сирии, также известное как ДАИШ, ИГИЛ, ИГ), столкнется с теми же проблемами: как стабилизировать политические системы, восстанавливать общества и обеспечивать безопасность при приемлемых расходах. Помимо многостороннего сотрудничества, международные организации должны действовать на более ранних этапах в целях повышения эффективности и обеспечения легитимности на более поздних этапах.

После Wikileaks и Сноудена: медиадипломатия

Еще в XIX веке в Европе возникающие средства массовой информации были инструментами лоббистских групп, которые хотели оказывать давление на государственные учреждения, а затем влиять на многосторонние организации и их политическую повестку. В современном мире онлайн-новости, социальные сети, блоги и видеоканалы получили широкое распространение и являются неотъемлемой частью глобальной системы управления. Воздействие средств массовой информации поднимает вопрос об их моральной ответственности и ставит под сомнение нормы, ценности и принципы, которыми они руководствуются. Дискуссии о прозрачности демократических институтов и международных организаций, принимающих решения, еще предстоит перенести в медиасреду.

Средства массовой информации активно способствовали трансформации наших политических систем, подчеркивая взаимодействие и взаимозависимость государственных и частных субъектов международной политической жизни.

Скандалы с Wikileaks (2006) и Сноуденом (2013) привели к тому, что была раскрыта секретная информация многих правительств, частная переписка государственных служащих стала достоянием общественности, как и информация об осуществляемых миссиях по всему миру. Эти скандалы также вынудили субъектов международных отношений пересмотреть использование информационных и коммуникационных инструментов и стратегии выпуска новостей. Эти кризисы подтверждают необходимость прозрачности и заставляют по-новому видеть роль информации в беспрецедентно взаимосвязанном мире.

Парадоксально, что скандалы с Wikileaks и Сноуденом подтвердили необходимость эволюции информационных стратегий во внешней политике. В свете появления альтернативных СМИ, требующих большей прозрачности и оперативности в предоставлении информации от официальных и неофициальных лиц, использование средств массовой информации с единственной целью пропаганды государственной политики продемонстрировало свою ограниченность. В какой степени государственная дипломатия должна прибегать к подрывной тактике, когда она подвергается риску общественного разоблачения и осмеяния? В какой мере эти скандалы усилят или подорвут существующие союзы и доверие между союзниками?

Ни один из этих основных вопросов не найдет удовлетворительного ответа без некоторых глобальных инициатив и международного сотрудничества для разработки новых систем норм и процедур, адаптированных к вездесущности информационных и коммуникационных императивов.

Предотвращение и разрешение глобальных социальных кризисов

Лига Наций начала создание постоянно действующих многосторонних организаций, занимающихся экономическими и социальными вопросами. В рамках Организацией Объединенных Наций все общественные и частные субъекты все более открыто сотрудничают с данными организациями. В основе современной системы глобального управления лежат международные проблемы — от образования до продовольственной безопасности, от условий труда до гендерного равенства, от проблем здоровья до вопросов жизненного уровня и тому подобного, что отражает специфику нашего чрезвычайно взаимосвязанного мира. Экологический кризис в одной части планеты имеет прямые и косвенные последствия для всего мира. Что касается глобального управления, то необходимо осознать, что ни один из этих вопросов не может рассматриваться только на национальном уровне. Глобальные и экономические проблемы требуют всесторонних форм международного сотрудничества и долгосрочных процедур укрепления доверия между широким кругом заинтересованных сторон. Иными словами, глобальные вопросы требуют установления общих глобальных норм.

Многие международные организации, созданные в 1945 году для решения социальных и экономических проблем, все еще нуждаются в адаптации своей структуры, процедур и целей принятия решений к изменениям в современных международных отношениях. Быстрорастущее число государств, распространение неофициальных акторов, которые в настоящее время являются частью глобальных социальных конвенций, а также проблемы оказания помощи большей части населения мира, не имеющего доступа ко многим основным ресурсам, поставили перед международными организациями новые важные задачи. Поиск способов реагирования на экономические и социальные императивы является единственным способом сохранить и укрепить существование подлинно «международного сообщества». Если эта глобальная цель не будет достигнута, то мы рискуем увидеть, как мир будет перестраиваться вокруг определенной политической и ценностной сферы интересов. Помимо международных встреч, призванных помочь сделать мир более чувствительным к экономическим и социальным вопросам, политические лидеры и дипломаты должны работать над созданием и внедрением общих стандартов в области образования, здравоохранения, продовольственной безопасности, окружающей среды и т. д. Такая эволюция будет подразумевать проведение реформ существующих организаций, а в некоторых областях — создание новых всеобъемлющих форм международного сотрудничества.

Заключение

В современном мире быть подлинным глобальным игроком (государством, международной организацией, транснациональной корпорацией, НПО) — значит принимать на себя ответственность и вносить вклад во все вопросы, требующие международного сотрудничества. Кроме того, не остается места для стратегического нейтралитета. От коллективной безопасности до экологических кризисов — глобальное управление всегда подразумевало принятие позиции, защиту точки зрения на основе моральных принципов и этических стандартов, которые могут разделять более широкие общественные круги во всем мире.

Глобальное управление может быть как мощным разобщающим фактором, так и инструментом для объединения. Оно в состоянии интегрировать сообщества и содействовать мирному сосуществованию или же провоцировать межэтнические и культурные конфликты. Другими словами, в основе глобального управления лежит выбор между анархией и регулированием, неопределенностью и стабильностью на основе взаимности.

60 лет назад глобальное управление осуществлялось меньшим количеством государств, отдельными разобщенными игроками, зарождающимися международными организациями, возникающими транснациональными компаниями и т. д. Структура международной системы, которую мы знаем сегодня, была создана

после Второй мировой войны и должна была дать ответы на политические и социальные проблемы, знакомые политической элите 1930-х годов. Отсюда трудности, с которыми сталкиваются эти институты в процессе адаптации и реформирования. Однако они по-прежнему являются основой современных глобальных норм и ценностей, и это наследие следует защищать и укреплять. Нельзя критиковать существующие организации за их неэффективность, не предлагая каких-либо иных жизнеспособных вариантов на глобальной арене.

В соответствии со стратегиями «жесткой» и «мягкой силы» (Най), понятие глобального управления является в определенной степени неформальным, и до сих пор не сформирован консенсус относительно его точного значения. Однако для обеспечения безопасности, стабильности и ресурсов для гражданского общества глобальное управление нуждается в структуре, организациях и прежде всего согласованности, способности адаптироваться, а также в понимании общей долгосрочной политической перспективы. Наконец, следует отметить, что прогнозирование политической деятельности для решения насущных вопросов относительно будущего глобальных альянсов, проблем мира и безопасности, основных природных ресурсов, а также социальных потребностей, более чем когда-либо является основным стержнем серьезной внешнеполитической стратегии глобального управления.

Д. В. Мосяков¹

КОНТУРЫ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА: СТРАНЫ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ МЕЖДУ ПЕКИНОМ И ВАШИНГТОНОМ

Сегодня страны Юго-Восточной Азии, объединенные в блок АСЕАН, переживают очень сложный период своей истории, когда вызовы их единству, сплоченности и процветанию высоки как никогда раньше. От фундаментальной для этого блока идеи независимости региона, его освобождения от преобладающего влияния внешних сил к настоящему времени почти ничего не осталось. Речь сейчас идет не о вытеснении иностранного влияния и утверждении так любимого в этом блоке принципа «АСЕАН сентралити», а о выживании АСЕАН как целостной и сплоченной региональной организации в условиях, когда борьба двух ве-

ликих держав США и Китая за доминирование в Юго-Восточной, а шире — в Восточной Азии становится все более жесткой и принципиальной.

Отправная точка этой борьбы — начало 1990-х годов, когда усилившийся Китай под лозунгом возвращения территорий и влияния, которые он якобы потерял в так называемую эпоху исторической слабости, стал активно продвигаться в этот регион. Самим естественным ходом вещей такая политика на деле означала постепенное вытеснение США как традиционно доминирующей там после окончания Второй мировой войны военной, торгово-экономической и социокультурной силы.

США не сразу осознали масштабы намерений Китая, поэтому в 1974 году, когда китайские войска захватывали Парасельские острова, где оборонялись их ближайши́е на тот момент союзники — южновьетнамцы, ничего не сделали, чтобы помочь им удержать эти островные территории. В тот момент после подписания Шанхайского коммюнике и встречи Никсона и Киссинджера с Мао и Чжоу Эньлаем в Вашингтоне рассчитывали на расцвет так называемой *engage policy*, то есть политики втягивания Китая в сферу американских интересов. Для американского руководства

¹ Руководитель Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН, доктор исторических наук, профессор. Заведующий кафедрой регионоведения Московского гуманитарного университета. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Новая и новейшая история. Модернизация и глобализация восточных обществ», «Социально-политическое развитие Камбоджи в XX веке. Деревня и власть», «История Юго-Восточной Азии», «Юго-Восточная Азия: проблемы формирования цивилизационной общности», «История Камбоджи. XX век», «Политика Китая в Юго-Восточной Азии в прошлом и настоящем» и др. Организатор проекта «Мониторинг современной истории стран Юго-Восточной Азии», читает учебные курсы в Казанском государственном университете, Йельском университете (США), Университете Хосэй (Япония) и др. Член редколлегии журнала «Азия и Африка сегодня».

в той ситуации отношения с Китаем, который разрешил США установить свои станции слежения за запущенным советскими ракетами с Байконура на территории Синьцзяна, казались намного важнее защиты кучки полузаброшенных островов.

Только позже в Вашингтоне осознали, что захват Парасел имел для китайского флота огромное значение — дорога китайским ВМС дальше на юг, на острова Спрагли, оказалась открыта. Там они на рубеже 1980–1990-х годов стали захватывать один риф за другим, формируя плацдарм для своего военного присутствия в Юго-Восточной Азии. При этом процесс китайского продвижения носил, если так можно сказать, во многом дискретный характер: после каждого очередного прыжка на юг следовали переговоры со встревоженными китайским продвижением странами АСЕАН, подписание китайцами с ними правил поведения в ЮВА и даже декларации о безопасности в регионе.

Давление в акватории Южно-Китайского моря сочеталось с проведением активной экономической экспансии, когда Китай предлагал странам АСЕАН крайне выгодные экономические проекты. Суть китайского подхода можно назвать «политикой кнута и пряника». С одной стороны, непрерывное военное давление, связанное с появлением китайских рыбаков под прикрытием военных судов в районах рифа Мисчиф (Филиппины), островов Натуна (Индонезия) — зонах контроля со стороны Вьетнама. С другой стороны, активное продвижение в сфере экономики, ядром которого стала реализация идеи зоны свободной торговли КАФТА (Китай–АСЕАН). Успех здесь оказался очень значительным. В 2005 году взаимный товарооборот Китая и стран АСЕАН превысил 100 млрд долларов. В 2006 году он достиг 160,8 млрд долларов, а в 2010-м возрос до 292,8 млрд. В 2013 году объем товарооборота с АСЕАН достиг 443,6 млрд долларов, а к 2020-му стороны планируют довести его до 1 трлн долларов. Китай уверенно держится на первом месте среди основных торговых партнеров АСЕАН, которая для КНР — третий по величине торговый партнер, четвертый рынок экспорта и второй — импорта. Проблема в таком сотрудничестве состоит в том, чтобы найти ту точку, когда можно будет этот экономический потенциал и верховенство Китая как главного экономического партнера АСЕАН безболезненно конвертировать и перевести в сферу собственно политического доминирования. Китай уже не раз пытался это сделать, но особых успехов не добился. Страны АСЕАН стараются сохранить свободу маневрирования, и поэтому потолок перехода экономического влияния в политическое для Китая все время повышается. Максимум, на что готовы пойти наиболее сильные страны АСЕАН, так это на ритуальное подписание соглашения об особом взаимном партнерстве с КНР, которое ни к чему их не обязывает.

Попытки стран АСЕАН вести свою игру и противостоять китайской экспансии вызывают подчас неприкрытое раздражение в КНР. Особенно злит Пекин непрерывная апелляция части асеановских элит к США в поисках защиты и контрбаланса, а также призывы

к внутренней сплоченности и единству, о чем почти непрерывно говорят асеановские политики, особенно представители самой крупной и влиятельной страны региона — Индонезии. В сфере экономики асеановцы предпринимали попытки разбавить зону свободной торговли с Китаем другой более широкой зоной свободной торговли, причем так, чтобы Китай был зависим от других стран-партнеров АСЕАН в лице Японии, Южной Кореи и даже Австралии.

Некоторое время назад Китай безуспешно пытался использовать проект Меконга в качестве еще одного направления продвижения в регион. Однако и здесь китайские предложения об инвестициях и строительстве новых плотин встретили очень настороженно, тем более что это именно Китай, построивший шесть крупных плотин на Верхнем Меконге, серьезно сократил объемы зимнего стока и ухудшил условия судоходства на реке. Более успешен Китай оказался в двусторонних отношениях, особенно с такими наиболее бедными странами АСЕАН, как Камбоджа и Лаос. Более того, сегодня электоральная революция в странах АСЕАН явно играет за Китай, ограничивая роль старых и традиционных политических элит и кланов, открывая дорогу популистам и прагматикам вроде Таксина Чинавата в Таиланде или нынешнего филиппинского президента Дутерте. Основа китайского влияния здесь — выгодные кредиты, увеличение товарооборота и местного производства, плюс огромная роль местной китайской диаспоры.

Следует сказать, что американцы оказались явно не готовы к такой активности Китая. Они задержались со своим историческим поворотом в Азии, с идеей формирования так называемого тихоокеанского дома. Более того, под влиянием призывов филиппинских политиков и писем сингапурских бизнесменов, в которых капитаны сингапурского бизнеса буквально умоляли США вернуться, в Вашингтоне возникло ощущение, что возвращения Америки в регионе ждут, что при наличии политической воли и не очень больших финансовых затрат удастся создать из приграничных с Китаем стран АСЕАН так называемый санитарный кордон на пути китайской экспансии. В теории Филиппины, Вьетнам, Таиланд и Бирма должны были противостоять этой экспансии, опираясь на поддержку США. Тем самым США получали мощный рычаг давления на Китай.

Во всех этих странах американцы действуют чрезвычайно активно. Так, например, во время прошлогоднего визита президента Обамы на Филиппины было подписано соглашение о военном присутствии американских войск, чем была подчеркнута приверженность американцев заключенному еще в 1951 году договору безопасности, по которому они обязывались защищать филиппинский суверенитет. В Таиланде они оказывают непрерывное давление на власть, пытаются ускорить уход от власти таиландских военных и передать ее гражданскому правительству. В Бирме они, играя на страхах военной верхушки относительно экспансии КНР, активно продвигают свою креатуру Аун Сан Су Чжи — нобелевского лауреата и убежденного друга США — на роль неформального лидера бирман-

цев, а ее друга — на пост президента страны. Они же подталкивают бирманских военных к обострению конфликтов на границе с Китаем. Последние столкновения в районе Коканга, когда почти 40 тыс. китайских переселенцев вынуждены были уйти на китайскую территорию из-за обстрелов бирманской артиллерии, свидетельствуют о том, что и здесь американцам удастся настраивать правящие круги против КНР и постепенно продвигать свой курс.

Сегодня, однако, явно складывается ощущение, что страны АСЕАН использовали США для выстраивания собственной системы контрбалансов. Ни о каком санитарном кордоне и речи нет, более того, если раньше можно было достаточно четко определить американских союзников — Филиппины и Таиланд, а также Сингапур, то сегодня это сделать невозможно. Есть страны АСЕАН, настроенные на поиски баланса отношений с США и Китаем, и есть страны вроде Камбоджи, которая является, по сути, главным проводником китайских интересов внутри блока АСЕАН.

Сегодня даже Вьетнам, который, казалось бы, еще недавно был на грани превращения в регионального союзника США, вновь возвращается к многовекторному курсу внешней политики и ищет балансы в отношениях с США и Китаем. Особенно это заметно в сфере экономики. Сегодня взаимная торговля Вьетнама и США превысила 36 млрд долларов, причем

первый имеет в этой торговле значительный профицит (около 80 % — это вьетнамский экспорт), что позволяет несколько сбалансировать дефицит вьетнамской торговли с Китаем (общий товарооборот — 54 млрд долларов). Американские инвестиции во Вьетнам превышают 11 млрд долларов, но они существенно меньше китайских. Трудно сказать, как долго Вьетнам сможет усидеть на «двух стульях», но пока эта страна, как и другие страны АСЕАН, вполне успешно балансирует между интересами государств, которые, собственно, и формируют основные контуры современного мирового порядка.

В то же время нельзя не отметить, что, так сказать, контригра АСЕАН, которая сумела вернуть в регион США и выстроить довольно успешную систему сдержек и противовесов между двумя полюсами в лице Вашингтона и Пекина, представляется очень рискованной. Американское военное присутствие в регионе растет, и последние заявления президента Трампа показывают, что этот процесс будет и дальше продолжаться. Но растет и китайское влияние, причем у Китая ставка делается на современные подводные лодки, а у США — на авианосные соединения. Ставки в вооруженном противостоянии все время растут, и не факт, что страны АСЕАН смогут и дальше влиять на ситуацию в регионе в своих интересах, а тем более держать ее под контролем.

Робин Мэтьюз¹

ЕДИНСТВО, ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ И РЕЛЯТИВИЗМ КАК ВЫЗОВЫ БУДУЩЕГО

Введение

Тему конференции «Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего» я рассматриваю через принципы единства, взаимозависимости и релятивизма, связанные организационным и коммуникационным принципом, который является достаточно общим. Для его описания я использую грамматику.

Единство — это базовый принцип мистицизма, и я применяю этот термин, как его применял Бертран Рассел [24] в работе, написанной перед Первой мировой войной, где он проводит сравнение между интуицией и аналитическими способностями — и то и другое требуется творчески мыслящему ученому, и считается, что они также нужны творчески мыслящему художнику. Интуиция и аналитические способности, хотя, возможно, несколько иного рода, лежат в основе мистицизма. В определенных пределах полная

взаимозависимость подразумевает единство между всеми вещами, событиями и сферами бытия, независимо от того, думаете ли вы о сферах в более духовном смысле или более приземленно, противопоставляя сознательное и бессознательное, или возможный и реальный миры, или, как Борхес в придуманной им сфере «расходящихся тропок» [1], когда все будущие возможности, содержащиеся в настоящем событии, имеют место одновременно в воображаемом мире. Придуманной им воображаемый мир, возможно, имеет параллели с концепцией мультивселенной — множества параллельно существующих вселенных. В основе данного доклада лежит идея, что коммуникации и организация различных сфер или миров осуществляются благодаря различным грамматикам. Из этого следует идея, что существует много, очень много грамматик; отсюда и связь с релятивизмом.

В среднем мир стал богаче, безопаснее, комфортнее, здоровее, чем могли представить предыдущие поколения. Но средние значения могут вводить в заблуждение. Разрыв между богатыми и бедными по всем этим критериям огромен и продолжает расти. Похоже, что развитием в сфере бизнеса и национальной политики, несмотря на очевидное торжество интеллекта, управляет рептильный мозг, иногда также называемый ретикулярным отделом мозга. Его управляет грамма-

¹ Президент Международной лиги стратегического управления, оценки и учета, профессор Кингстонского университета (Великобритания). Автор большого числа научных публикаций, в т. ч.: «Методология стратегической матрицы» (в соавт.), «Еврозона как коан», «Новая матрица, или Логика стратегического превосходства», «Организационная грамматика», «Что должна знать Россия о великой рецессии», «Взаимозависимость: невозможно быть островом» и др. Член редакционного совета журнала «Экономические стратегии». Почетный доктор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва).

тика, которая во многом является пугающей, агрессивной, лишенной сочувствия и сопереживания, и у нее нет того оправдания, какое было у наших предков-рептилий — те не могли контролировать среду; мы же в отличие от них в большой степени сами обустроили свое окружение. Таким образом, тема моего доклада — утверждение о необходимости изменения грамматики. Изменение включает признание взаимозависимости и единства. Это достижимая стадия эволюции. Достижимая прежде всего в личном плане и затем всеми, поскольку личное и всеобщее являются частями одного и того же единства.

Глобализация служит иллюстрацией определенного вида единства. Она возникла из взаимодействия или взаимозависимости мирового финансового сектора, технологической революции, особенно в сфере информации, компьютеров и биотехнологий. Другим фактором стала необходимость поиска рынков в глобальных масштабах — как источника дешевой рабочей силы и для расширения спроса, что стало возможно благодаря впечатляющему росту доходов в конце прошлого столетия и начале нынешнего [21]. Отрицательной стороной глобализации является углубление неравенства и внутри некоторых стран, и между ними; в среднем доходы выросли, но увеличился и разрыв между самыми богатыми и самыми бедными. Это в некотором смысле привело к маргинализации широких слоев населения и, по крайней мере на Западе, росту популизма и протекционизма и отказу от международной кооперации, о чем, например, свидетельствует брексит в Великобритании и разочарование в единой европейской валюте. Мир, каким он стал после перестройки и окончания холодной войны, сильно отличается от нового мирового порядка, задуманного в 1990-е годы.

Таким образом, довольно оптимистичная грамматика, которая породила фазу глобализации, превратилась в более пессимистичную грамматику нынешней эры, этап беспорядка, смятения и замешательства, иллюстрирующий инь и ян. Беспорядок — это симптом грамматики неолиберализма, который распространился в бизнесе и национальной политике, приведя к благосостоянию и разрыву в благосостоянии, удовлетворению и неудовлетворенности, доминирующим и неизбежным взаимозависимости и единству, но дефициту эмпатии.

Настоящий доклад построен следующим образом. Ниже дается обзор грамматики как организующего принципа для многих сфер бытия. Бытие понимается во многом как у Хайдеггера [3; 9], рассматривавшего бытие как «дазайн», или бытие в мире, если не считать, что концепция мира расширяется, чтобы включить много миров. У каждого мира имеется свой набор грамматик, и ни одна грамматика не является полной и завершенной. Читатель, несомненно, увидит связь с теоремой Гёделя о неполноте [16; 22; 28].

Идея многочисленных грамматик [27] ведет к теме третьего раздела, релятивизму. Есть много грамматик, но они связаны, возможно, таким же образом, как Юнг видел синхроничность, а Нильс Бор [14] понимал как соответствия.

В последнем разделе содержится несколько иллюстраций идей, представленных в первых двух разделах. Иллюстрации относятся к глобальным организациям, к глобальному распределению доходов и богатств и к идее единства как состояния, в котором вообще нет грамматики; состояния, если его вообще можно понять, в котором не разделяются субъект познания и знание.

Грамматика как организационный принцип

Грамматика

Грамматика включает морфологию и синтаксис. Здесь морфология относится к свойствам вещей, событий и бытия, на которых мы сосредоточиваем внимание. Синтаксис включает правила, по которым они сочетаются. Или же мы можем думать о грамматике как о сети, в которой крайние точки (вершины) соответствуют морфологии, а соединения между ними — синтаксису. К морфологии и синтаксису можно добавить риторику, которая описывает то, как мы о них говорим в соответствии с общепринятым мнением или взглядами, преобладающим ходом рассуждений или, если использовать термин Куна, парадигмой.

В данный момент мы сосредоточиваем внимание на плоскости Бытия, которую люди называют реальным миром или реальностью, и на организациях, которые здесь существуют. Реальный мир, грубо говоря, — это мир, частью которого мы являемся в нашем ежедневном существовании, тот, который Хайдеггер называл «дазайн». Доминирующая грамматика обуславливает и регулирует то, как ведет себя реальный мир или плоскость Бытия (дазайн), а также то, как он воспринимается, и критерии, по которым он оценивается. Измерения грамматики проиллюстрированы на рис. 1.

На рис. 1 показан охват информационной структуры, которая формирует синтаксис грамматики. У грамматики много измерений: официальное/неофициальное, общественное/личное, внутреннее/внешнее, эксплицитное/имплицитное, сознательное/бессознательное. Морфология сходна с выбором названий — названий артефактов, которые выражают измерения грамматики.

Мы можем думать о *грамматике* как имеющей латеральное или горизонтальное измерения, которые показывают, что к каждой сфере Бытия относится много альтернативных грамматик. Процесс деконструкции может быть описан как открытие или обнаружение альтернативных грамматик в дазаине. Деконструкция касается «чужого», того, что исключается грамматикой или видением будущего.

Существует много сфер Бытия, у каждой есть своя отличительная грамматика. Сферы Бытия и связанные с ними грамматики имеют вертикальное измерение, которое метафорически описывается различными образами. Материальный мир, мир души, дух и так далее — это одно описание. Другое — это сознательное и бессознательное по Фрейду и коллективное бессознательное по Юнгу. Или же сферы Бытия можно различить, просто сказав, что в соответствии с современ-

ГРАММАТИКА

Названия вершин сети
(морфология)

и

связи между вершинами
(синтаксис)

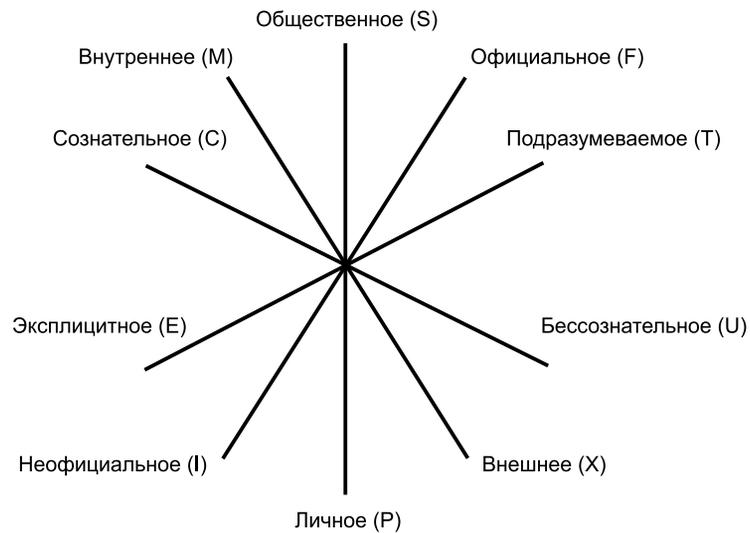

Рис. 1

ным мышлением этика и нормы относятся к разным, но, возможно, связанным сферам.

На рис. 2 горизонтальное и вертикальное измерения грамматики сжаты в два измерения: от, возможно, бесконечных альтернативных грамматик g_i . Набор всех грамматик обозначается G . Отдельные грамматики имеют общие элементы — это заходящие друг на друга и пересекающиеся области.

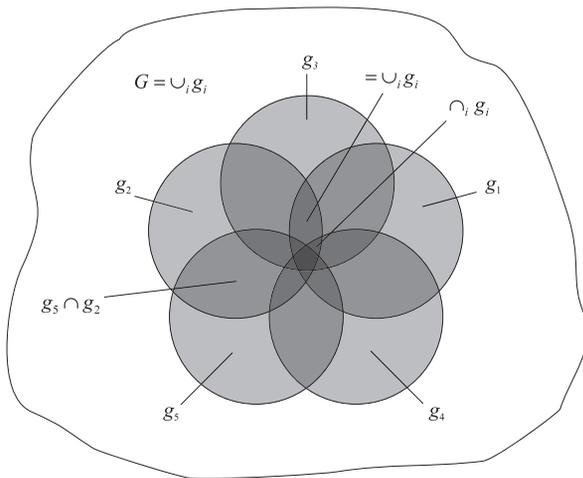

Рис. 2

Гёдель

Никакая грамматика не является полной и завершённой. Всегда есть *какое-то утверждение в грамматике*, про которое мы знаем, что оно является истинным, но было бы желательно его доказать, тем не менее его *нельзя доказать в рамках этой грамматики*. Релятивистский аспект грамматики может быть проиллюстрирован путем применения теоремы Гёделя, которая примерно может звучать как положение, требующее доказательств, о том, что «утверждение g нельзя доказать в рамках грамматики G ». Если по-

ложение, требующее доказательств, является истинным и утверждение g нельзя доказать в рамках аксиом грамматики G , то грамматика G содержит ложность или ошибочность, а если положение, требующее доказательств, ложное и утверждение g можно доказать в рамках G , то мы имеем противоречие. Каждая концептуальная система должна обращаться к другой концептуальной системе для своей полноты и завершенности; каждой грамматике требуется мета-грамматика для своей завершенности, и даже когда мы добавляем мета-грамматику G_m , мы все равно остаемся с изначальным положением, требующим доказательств: «утверждение g_m нельзя доказать в рамках грамматики G_m », и так далее до бесконечности. Или же мы можем описать каждую грамматику как неразрешимую в том смысле, что в рамках этой грамматики есть утверждения, которые являются и недоказуемыми, и не недоказуемыми. Таким образом, характеристики пространства и измерений грамматики становятся важными.

Деконструкция

Грамматика организует реальность, строит ее, разделяет ее и ведет к воображению или мечте о том, что то, что очевидно в определенной грамматике, является единственной реальностью. Деконструкция ищет «чужое», которое находится вне пределов определенной грамматики. Это подобно чистке репчатого лука с бесконечным количеством слоев или бесконечной русской матрешке: вы идете дальше и дальше, чтобы найти что-то за пределами или в рамках грамматики, и обнаруживаете что-то еще или ничего.

Или же грамматики подобны палимпсестам: новый слой пишется поверх старого, и надписи никогда полностью не стираются, всегда остается какой-то отгиск или след. Всегда имеется возможность деконструкции или открытия, потому что никакая грамматика не является полной, завершённой или последовательной. Это теорема Гёделя, и теорема Гёделя сама по себе яв-

ляется грамматикой. Всегда что-то остается снаружи, какая-то тень.

Релятивизм

Сутью релятивизма можно считать рассмотрение грамматики как средства для связи одного аспекта реальности с другим; кодирования послания в сигнал, передачи сигнала, затем его расшифровки, чтобы его можно было принять и интерпретировать. В свою очередь, интерпретация нуждается в грамматике. Ничто не наблюдается прямо; только через какого-то посредника или средство, а посредник определяет, что за послание наблюдается и воспринимается.

Что такое посредник или средство? Определенно, органы чувств являются частью набора средств в ряду от органов чувств к устройствам и технологиям, расширяющим возможности органов чувств: телескопам, микроскопам, ускорителям, программному обеспечению, аппаратному обеспечению. Опыт и наследственность включены в нейронные связи, память, ожидания, привязанности, привычки, мемы. Если же выйти за пределы органов чувств, то мы попадаем в область мечты, воображения, фантазии, интуиции, видения, просвещения. Все это реально в рамках своих грамматик; и это означает релятивизм.

Есть искушение процитировать критиков релятивизма, например: «Если все относительно, то утверждение, что все относительно, тоже относительно». И это так. Многие неправильно интерпретируют релятивизм как разновидность аморальности. Но сказать, что положение, требующее доказательств, только истинно, относительно грамматики не значит девальвировать это положение. Понимание физики основных сил природы, например, позволяет создавать различные машины, которые мы, в свою очередь, используем для выполнения различных видов работ. В то же время может быть много других действенных способов понимания вселенной (хотя они могут не позволить нам выполнять то, что мы обычно понимаем под работой) через метафоры типа «Гипотезы Гайя» Лавлока, или ангелов, или признание возможности существования мультивселенной, или невозможности открыть единую теорию в физике.

Соответствия [5] и синхроничность [11]

Каждая сфера бытия имеет соответствующие грамматики. Бор писал о соответствии отношений между классическими и квантовыми описаниями одних и тех же явлений; электромагнитная энергия имеет характеристики частицы и волны, тем не менее частицы и волны являются взаимоисключающими понятиями. Хотя это кажется парадоксальным, но подходят оба описания.

Мы можем выразить парадокс с точки зрения грамматики следующим образом. Термины описывают одно и то же явление, но одно и то же явление может быть выражено различными грамматиками — оно будет выражено не парадоксально в рамках одной грамматики, но при выражении несколькими грамматиками кажется парадоксальным, противоречивым и непоследовательным, и эти выражения дополняют друг друга.

Дополняющие друг друга объяснения грамматик, направление, собранное из макроскопических версий одной реальности, отличаются от микроструктурной или квантовой версии той же реальности. А квантовые версии могут быть выражены только в математике, которая не имеет практических аналогов. Бор и другие ученые распространили понятие комплементарности и соответствия в отношениях на отношение между наукой и религией. Мы можем сказать, что нынешнее состояние глобализации имеет соответствующее состояние в других, нематериальных сферах бытия.

Юнг сформулировал подобную мысль — о синхроничности, которую он назвал а-каузальным связующим принципом. С точки зрения грамматики его концепция синхроничности — это процесс, в котором один мир, первичный, находит свое выражение в мирах снов и фактических событий через какое-то время.

Иллюстрации

Организации

Первая иллюстрация — это сама мировая организация. Мы можем думать о глобальном как о составляющем всю систему, маленькую (маленькая компания, или мелкая промышленность, или семья) или большую (крупная корпорация, страна, группа национальных государств или глобальная экосистема, в которой даже транснациональная корпорация составляет только часть). Организации занимаются многими видами взаимосвязанной деятельности, что-то производят, продают, покупают, от чего-то избавляются, что-то хранят и т. д. Разнообразие и количество видов деятельности, даже в случае маленькой организации, вероятно, является непостижимо большим, и в них невозможно разобраться, если они не сгруппированы в меньшее количество коалиций.

Грамматика организаций следующая. Организации состоят из коалиций внутри коалиций внутри коалиций, как известные русские матрешки, которые состоят из матрешек внутри матрешек внутри матрешек и т. д. Формирование коалиций снижает размеры организационных проблем; многие виды деятельности сводятся к меньшему количеству латентных конструкций, команд, проектов, бизнесов, корпораций и тому подобного — того, что мы в целом будем называть коалициями.

Процесс сокращения данных, то есть сокращения многих переменных, видов деятельности или событий до меньшего количества латентных конструкций или коалиций означает, что есть много степеней свободы, в соответствии с которыми мы можем интерпретировать организации. Математика может показаться сложной, но принцип довольно прост. Использование грамматики для снижения размеров организации делает проблемы организации легко управляемыми и разрешимыми. При подобных действиях имеется много способов интерпретации проблемы.

Проблема заключается не столько в снижении количества данных, сколько в уверенности в том, что существует одна-единственная грамматика, в соответствии с которой можно интерпретировать организации. Такой грамматикой для компаний, занимающихся бизнесом,

национальных государств и международных организаций типа МВФ является неолиберализм, с которым они неразрывно связаны; это постоянная конкуренция, сосредоточение внимания на производительности, сокращении расходов, отношении к людям как к ресурсам, отношение к окружающей среде просто как к ресурсу для использования в целях, определенных неолиберализмом как будто это единственные цели, и в то же время негодование по поводу реакций, выражаемых популизмом, национализмом и протекционизмом. А окружающая среда временно молчит, в то время как глобальное потепление — результат такой грамматики — продолжается.

Бытие; глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего

Эта иллюстрация (рис. 3) показывает возврат прямо к теме конференции и отношениям между наукой и мистицизмом, на которые Бертран Рассел обращал внимание более ста лет назад. Рассел скептически относился к религии, но не к мистицизму. Иногда, если мы хотим что-то понять, это означает, что нужно отказаться от знакомых объяснительных грамматик. Креативность в науке и искусстве включает этот отказ.

В нижней левой части рисунка у нас имеется набор всех грамматик G и грамматика g_i , обозначенная темным кружком, которая сама содержит подгруппы грам-

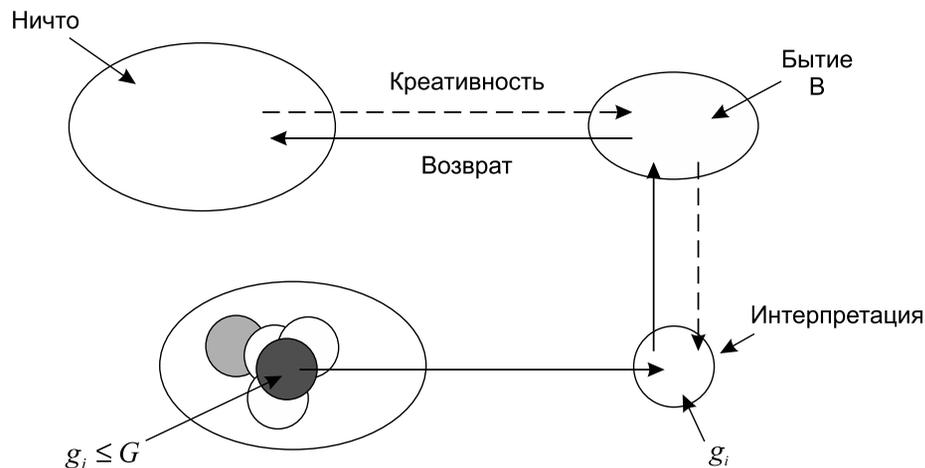

Рис. 3

матик. Снизу справа g_i изолирована как способ интерпретации бытия.

Мы можем рассматривать креативность как создание чего-то, что является бытием В, из ничего и интерпретацию его в соответствии с одной грамматикой g_i или другой из набора всех грамматик; отсюда релятивизм, существует много возможных грамматик. Или же мы можем подумать о возвращении к источнику, откуда все вышло, что включает отказ от вообще любой грамматики. Любое из путешествий, создание или возврат, невозможно представить иначе, кроме как с помощью метафоры о парадоксальности навязывания грамматики, поскольку мы не можем постичь ничего иначе, кроме как через грамматику.

Такой метафорой является «Бардо Тодол» (Тибетская книга мертвых) [4; 12]. В ней описывается понимание через грамматику того, что составитель увидел как привязанность к миру в трех стадиях. Первая стадия — это Чикхай Бардо, возвращение, теперь смерти, что может быть метафорически интерпретировано как момент отказа от грамматики вообще. Чикхай Бардо — это мгновенный охват реальности, который сразу уступает Чоньид Бардо, состоянию иллюзии, в котором бытие интерпретируется одной или другой грамматикой. Третья стадия, Сидпа Тодол, — это начало рожде-

ния, в котором постепенно забываются озарения Чикхай Бардо.

Сама диаграмма является аналитическим инструментом, который служит метафорой для тайны, описанной в «Бардо Тодол», что опять-таки является видом грамматики.

Или мы можем интерпретировать творческий процесс, в котором происходит отказ от предубеждений и выработанных заранее мнений. Творческий, художественный, научный или мистический процесс, по описанию Бертрана Рассела, — это возвращение к источнику на диаграмме. Отсюда интерпретация озарений в соответствии с грамматикой. Или, может, креативность принимает форму изобретения совершенно новой грамматики. Таковая описана экономистами как революция, начатая благодаря работе Джона Мейнарда Кейнса, а в физике революция была вызвана квантовой теорией.

Вывод

В первой части доклада было отмечено, что его темой является необходимость изменения в грамматике. Изменение включает признание взаимозависимости и единства в рамках сфер бытия и между ними. Это достижимый этап эволюции; достижимый в первую очередь в личном плане, а во вторую — всеми, поскольку

личное и всеобщее являются частями одного и того же единства и поскольку личная грамматика — это первый «порт назначения».

Последнее утверждение может быть описанием размышлений, раздумий или медитации — как человек любит описывать один и тот же процесс, который, как я думаю, является способностью видеть одну грамматику с точки зрения другой. Все в материальном мире временно, так устроен мир. Просвещенный человек несет большую и тяжелую ношу. Для истории неважно, откуда известно, что он просвещенный. *А что значит быть просвещенным?* Рюкзак на мгновение опускается на землю. *Вот так.* Затем рюкзак поднимают вновь.

Литература

1. *Borges J. L.* Collected Fictions / J. L. Borges, A. Hurley. — N. Y. : Penguin Books, 1999.
2. *Cardinal Ratzinger.* Dictatorship of Relativism Cardinal Ratzinger. Crossroads Initiative / Cardinal Ratzinger. — 2016. — June 30. — Available at: <https://www.crossroadsinitiative.com/media/articles/dictatorship-of-relativism-cardinal-ratzinger/> (accessed: 11.04.2017).
3. *Dreyfus H. L.* Being-in-the-world: A commentary on Heidegger's Being and Time Division I / H. L. Dreyfus. — L. : The MIT Press, 1999.
4. *Evans-Wentz W. Y.* The Tibetan Book of the Dead / W. Y. Evans-Wentz (ed.). — L., 1957.
5. *Folse H. J.* Niels Bohr, Complementarity, and Realism / H. J. Folse // PSA: Proceedings of the Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association. — 1986. — P. 96–104.
6. *Forster M. N.* Wittgenstein on the Arbitrariness of Grammar / M. N. Forster. — Princeton : Princeton University Press, 2004.
7. *Gleick J.* The Information / J. Gleick. — L. : Fourth Estate, 2011.
8. *Gödel K.* On Formally Undecidable Propositions of Principia Mathematica and related Systems / K. Gödel ; transl. B. Melzer. — Edinburgh : Oliver & Boyd, 1962.
9. *Heidegger M.* Being and Time / M. Heidegger ; transl. J. Stambaugh. — N. Y. : State University of New York Press, 1996.
10. *Izutsu T.* Sufism and Taoism / T. Izutsu. — Berkeley : University of California Press, 1983.
11. *Jung C. G.* Synchronicity: An Acausal Connecting Principle / C. G. Jung. — Routledge : Place of Publication Not Identified, 2015.
12. *Jung C. G.* Psychological Commentary on the Tibetan Book of "The Great Liberation" / C. G. Jung ; transl. R. F. C. Hull // Psychology and Religion: West and East. Collected Works. — 1981. — Vol. 11.
13. *Kafka F.* A Report to the Academy / F. Kafka ; transl. J. Crick // A Hunger Artist and Other Stories. — Oxford : Oxford World Classics, 2012.
14. *Kaiser C. B.* Christology and Complementarity / C. B. Kaiser // Religious Studies. — 1976. — № 12 (1). — P. 37–48.
15. *Kuhn T. S.* The Structure of Scientific Revolutions / T. S. Kuhn. — 1st ed. — Chicago : University of Chicago Press, 1962.
16. *Lucas J. R.* Minds Machines and Gödel / J. R. Lucas // Philosophy. — 1961. — № 36. — P. 112–127.
17. *Matthews R.* Legal Fictions: Critical Theory Criticality and the State of Economics and Management / R. Matthews ; ed. by D. Boje // A Critical Theory Approach to Organizational Ethics. — 2009.
18. *Matthews R.* Identity Synchronicity and Correspondences / R. Matthews // Kronos Capitalism, Tamara. — 2006. — Vol. 3 (5).
19. *Matthews R.* Endings; Postmodernism, Entropy and Organizational Stories / R. Matthews // Paper presented to the Standing Conference on management and Organizations (Sc'Moi), Philadelphia. — 2016. — Apr.
20. *Matthews R.* Global rating of the integral power of 100 countries / R. Matthews, A. I. Ageev, G. Mensch. — M. : INES, 2012.
21. *Matthews R.* The Financial Tower of Babel: Roots of Crisis / R. Matthews, I. Tlemsani // EconBiz. — 2010. — Jan. — Available at: <https://www.econbiz.de/Record/the-financial-tower-of-babel-roots-of-crisis-matthews-robin/10009245383> (accessed: 11.04.2017).
22. *Nagel E.* Godel's Proof / E. Nagel, J. R. Newman. — N. Y. : New York University Press, 1958.
23. *Perle J.* Literary Modernism (eight lectures), Smithsonian Institution Associates / J. Perle // Teaching Company "Best College Teachers in America" inaugural series (audio). — 1990.
24. *Russell B.* Mysticism and Logic / B. Russell // Mysticism and Logic and Other Essays. — L. : George Allen & Unwin Ltd., 1918.
25. *Shannon C.* The Mathematical Theory of Communication / C. Shannon, W. Weaver. — Urbana : Illinois University Press, 1949.
26. *Thomas D. W.* Gödel's Theorem and Postmodern Theory / D. W. Thomas // Modern Languages Association. — 1995. — P. 248–261.
27. *Wittgenstein L.* Philosophical Investigations / L. Wittgenstein ; transe. G. E. M. Anscombe. — Oxford : Basil Blackwell, 1963.
28. *Yourgrau P.* Review Essay: Reflections on Kurt Gödel / P. Yourgrau // Philosophy and Phenomenological Research. — 1989. — № 50 (2). — P. 391–408.

А. Д. Некипелов¹

ПРОТЕКЦИОНИЗМ ИЛИ СВОБОДНАЯ ТОРГОВЛЯ: ЛОЖНАЯ ДИЛЕММА

Вечный вопрос: «Протекционизм или свободная торговля?» — получил, казалось бы, однозначный ответ в последние три десятка лет. С одной стороны, технологический прогресс содействовал ускорению ин-

тернационализации производственной деятельности, размывая границы между внутринациональным и международным разделением труда. С другой — мощный импульс процессу глобализации мировой экономики придал тот факт, что рыночная экономика стала универсальной формой организации хозяйственной жизни на планете после ухода в небытие централизованно управляемых социалистических экономик. Предполагалось, что последнее обстоятельство создаст необходимые социально-экономические предпосылки для быстрого повышения степени однородности мирового экономического пространства. По большому счету основная задача виделась в неуклонном осуществлении мер так называемой «негативной интеграции», сопряженных с последовательным снятием ограничений, со-

¹ Директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, доктор экономических наук, профессор. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. книг: «Очерки по экономике посткоммунизма», «Становление и функционирование экономических институтов: от "робинзоны" до рыночной экономики, основанной на индивидуальном производстве», «Центральная и Восточная Европа во второй половине XX века» и др.; статей: «Макроэкономическая политика в условиях глобализации: опыт современной России», «О природе современных глобальных процессов: размышления экономиста» и др. Член Научного совета при Совете безопасности РФ. Награжден орденами Почета, «За заслуги перед Отечеством» IV степени. Почетный доктор СПбГУП.

храняющихся на пути транснационального перемещения факторов производства.

Конечно, специалисты обращали внимание и на преграды, способные замедлять процесс глобализации. Основные проблемы виделись в неравномерном распределении между странами выгод и издержек, возникающих при всесторонней либерализации хозяйственной жизни. Признавались вызовы, прежде всего для социальной сферы, проистекающие из опасности возникновения институционального вакуума в ходе дерегулирования хозяйственных процессов в национальных рамках. Многочисленные исследования были посвящены мировой валютно-финансовой системе, перспективам ее эволюции. Господствующая позиция, однако, заключалась в том, что все эти проблемы не могут стать непреодолимым препятствием на пути исторического процесса глобализации. Решения виделись и в укрупнении структуры мирового хозяйства за счет формирования и развития региональных интеграционных группировок, и в согласовании национальных экономических политик, и в формировании меж- и наднациональных структур управления.

До недавнего времени справедливость такого подхода не вызывала особых сомнений ни в экспертном сообществе, ни у государственных деятелей подавляющего большинства стран. И это неудивительно: столь убедительными казались свидетельства триумфального процесса глобализации. До мирового финансово-экономического кризиса 2007–2009 годов происходило быстрое наращивание транснациональных потоков товаров, услуг, капитала. Очевидным было усиление экономической взаимозависимости государств: достаточно сослаться на то, с каким напряженным вниманием во всем мире следят за экономическим развитием Китая, ставшего в последние десятилетия двигателем мировой экономики. Все возрастающую роль в функционировании мировой экономики приобретали транснациональные структуры, число которых составило в 2008 году 82 тыс.¹ По нарастающей шло развитие интеграционных процессов в разных частях мира. Только инициированные Соединенными Штатами Америки проекты Транстихоокеанского и Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства должны были прочно связать экономическими узами государства, на которые приходится основная часть мирового производства и торговли. Наконец, неуклонно формировались все новые элементы глобальной системы управления экономикой — межгосударственные соглашения, регулирующие различные стороны международных экономических отношений, разветвленная система международных экономических организаций, создание групп государств (G-2, G-7, G-20), в рамках которых происходит согласование как стратегических установок, так и экономических политик.

Однако в последние годы появились очевидные признаки «пробуксовки» процесса глобализации. Выяснилось, что даже в чисто количественном отношении прогресс в сфере трансграничного перемещения това-

ров, услуг и капитала не является устойчивым: в посткризисные годы мы стали свидетелями его существенного замедления. Далекое не столь эффективной, как ожидалось, оказалась линия на либерализацию международных хозяйственных связей: ее побочными эффектами стали серьезнейшие кризисы, с которыми столкнулась мировая экономика, в первую очередь в финансовой сфере. То одни, то другие государства оказываются не удовлетворены влиянием международных экономических процессов на их хозяйственное развитие и прибегают к защитным мерам. Ситуация усугубляется тем, что отдельные группы стран грубо нарушают универсальные международные договоренности, вводя в одностороннем режиме такие препятствующие глобализации меры, как экономические санкции. Под ударом оказался и ряд крупнейших интеграционных инициатив. Так называемый *Brexit* ознаменовал начало нового этапа ранее наметившегося кризиса в рамках Европейского Союза. Заявленные планы нового руководства США представляют недвусмысленную угрозу для интеграционных проектов на территории Северной Америки, трансокеанических партнерств и в определенной степени — для ЕС.

Неожиданно оказалось, что угроза глобализационным процессам исходит сегодня от стран, принадлежащих к развитому миру, в то время как Китай, Индия и Россия высказывают серьезные опасения по поводу быстрого распространения протекционистских настроений. А ведь совсем недавно именно развитые страны активно убеждали всех, что всемерная либерализация хозяйственной деятельности является единственным путем к процветанию.

В чем же причина столь парадоксального развития событий?

На поверхности лежит объяснение, увязывающее кризис глобализационного проекта с ролью сугубо политических факторов. Дескать, проблемы, с которыми сталкивается мировая экономика, обусловлены конкретными действиями отдельных государств, а последние являются политическими, а не экономическими субъектами. Казалось бы, этот вывод можно подкрепить и такой аргументацией. Если бы каким-то чудесным образом удалось отказаться от национальных государств, создать мировое правительство и ввести единую мировую валюту, то никаких препятствий на пути «рациональной хозяйственной деятельности» в глобальном масштабе просто не осталось бы.

Такое объяснение, однако, мало что проясняет: ведь за действиями правительств стоят те или иные содержательные соображения, в том числе сугубо экономического характера. Попробуем под этим углом зрения рассмотреть причины кардинальных изменений, которые администрация Д. Трампа намеревается внести в экономическую политику США.

Известно, что результатом курса на всемерную либерализацию хозяйственной деятельности, проводившегося в течение последних десятилетий, стало коренное изменение структуры американской экономики: доля реального сектора в валовом внутреннем продукте упала значительно ниже 20 %. До тех пор пока вымывание промышленности сопровождалось ростом

¹ См.: Дегарден Б. Над глобализацией сгущаются тучи // Современные глобальные вызовы и национальные интересы : XVI Международные Лихачевские научные чтения, 19–21 мая 2016 г. СПб. : СПбГУП, 2016. С. 89.

экономического могущества страны за счет доминирования в сферах высоких технологий и финансов, такие тенденции не только не вызвали опасений, но, напротив, воспринимались как чуть ли не неотъемлемое свойство высокоразвитой («сервисной») экономики. Но вот «естественный», в смысле — сугубо рыночный, ход вещей привел к серьезному финансовому кризису 2007–2009 годов, поставившему под вопрос адекватность сформировавшейся мировой финансовой системы требованиям современной экономики. Финансовая отрасль вступила в полосу серьезного и, судя по всему, продолжительного кризиса. Это оказалось мощным ударом для стран, специализирующихся на предоставлении финансовых услуг. Конечно, правительство может со стороны наблюдать за происходящим, не вмешиваясь в действие рыночных сил. Однако такая политика крайне рискованна: перспективы восстановления в прежнем объеме финансовой отрасли весьма туманны, а перелив капитала в другие секторы национальной экономики сдерживается условиями международной конкуренции. В такой ситуации весьма вероятной становится длительная стагнация, сопровождающаяся растущей безработицей и падающим уровнем жизни населения. Стоит ли удивляться, что власти могут сделать выбор в пользу активного протекционизма, дающего возможность относительно быстро добиться возвращения на территорию страны ранее «эмигрировавших» из нее производств? Тем более если речь идет о правительстве ведущей страны мира, которое фактически может не опасаться сколько-нибудь соразмерного ответа от других государств.

Непосредственные причины брексита имеют иной характер: Великобритании перестали устраивать действующие в Европейском Союзе правила игры — миграционная, промышленная, налоговая политика, степень недовольства которой оказалась столь велика, что на второй план отошли преимущества, которые дает принадлежность к единому экономическому пространству стран ЕС.

Однако глубинная основа кардинальной смены курса в упомянутых случаях имеет общую природу: в Соединенных Штатах и Великобритании произошли серьезные изменения в понимании социального блага лицами, принимающими решения. То, что еще вчера представлялось выгодным для страны, сегодня воспринимается ими (а они убеждены, что и народом) как противоречащее общественным интересам.

Но можно ли быть уверенным в том, что речь в таких случаях идет об истинных интересах общества, а не о субъективных представлениях политиков, выступающих от его имени? Ответить на этот вопрос невозможно, не коснувшись «проблемы социального выбора». В конечном счете ее содержание сводится к поиску ответа на вопрос: существуют ли объективные условия для рационального поведения группы и если да, то какими чертами должны характеризоваться ее решения, отвечающие общему благу?

Дискуссия по этому вопросу идет уже не один десяток лет. Здесь нет возможности вдаваться в ее детали¹.

¹ См.: Некипелов А. Д. Становление и функционирование экономических институтов. От «робинзонады» до рыночной эконо-

Отметим лишь, что часто вопрос о групповом выборе существенно упрощается и ставится применительно к той или иной институциональной среде. В этом случае исследователь концентрирует свое внимание не на поиске лучшего с точки зрения интересов группы решения. Предметом интереса становится сам результат социального выбора в условиях заданных институциональных ограничений.

Основными правилами социального выбора, способствующими гармонизации индивидуальных предпочтений в отношении общих дел, являются основанные на голосовании демократические процедуры, а также рыночный механизм согласования индивидуальных интересов². Известно, что различные алгоритмы голосования широко применяются при принятии групповых решений. Однако со времен Кондорсе известен органический порок этого правила социального выбора: в зависимости от порядка постановки на голосование имеющихся альтернатив результаты голосования, проводимого по одной и той же процедуре, могут быть совершенно разными (так называемый парадокс голосования). Такое положение дел связано с тем, что механизм голосования не в состоянии выявлять интенсивность индивидуальных предпочтений в отношении имеющихся возможностей. В этом смысле рыночный механизм отличается от демократических процедур в лучшую сторону: интенсивность индивидуальных потребностей проявляется в различиях величин спроса, который одни и те же экономические агенты предъявляют при разных уровнях цен. Под рассматриваемым углом зрения состояние общего рыночного равновесия представляет собой точку³ согласования индивидуальных интересов, то есть такое положение, которое не желает изменить ни один из участников.

В условиях демократических процедур социального выбора упомянутые институциональные ограничения заключаются в принятом группой алгоритме голосования (простое или квалифицированное большинство, причем последнее может принимать неограниченное количество форм). Для рыночного механизма — а именно он нас здесь интересует — базовыми институтами являются: уважение частной собственности, признание свободы членов общества в заключении рыночных сделок, обязывающий характер предусмотренных в этих сделках условий. В отношении данных правил также должно существовать согласие членов общества. От того, в какой мере такое согласие достигнуто, зависит отношение членов общества к результатам действия рыночного механизма. Если граждане единодушны в признании базовых институтов рыночной экономики, то они будут рассматривать

мики, основанной на индивидуальном производстве. М. : Экономика, 2006. С. 233–272.

² «В условиях капиталистической демократии, в сущности, имеются два метода, при помощи которых совершается социальный выбор: голосование, которое обычно используется для принятия “политических” решений, и рыночный механизм, который обычно используется для принятия “экономических” решений» (Arrow K. Social Choice and Individual Values. 2nd ed. New Haven : Cowles Foundation, 1963. P. 1).

³ Мы здесь отвлекаемся от того, что в действительности таких точек может быть много (знаменитая теорема Мантеля–Зоннenschайна–Дебре).

состояние общего рыночного равновесия как социальный оптимум. Неприятие базовых институтов (например, негативное отношение к сложившемуся в обществе распределению собственности), напротив, будет вызывать недовольство результатами действия рыночного механизма.

Здесь важно зафиксировать следующее соображение. Поиск оптимального группового решения в условиях заданных институциональных ограничений с чисто логической точки зрения является ущербным в том смысле, что он приводит к замкнутому кругу рассуждений. Оказывается, что для того, чтобы согласовать общий подход к решению того или иного вопроса, члены группы должны предварительно договориться о том, каким образом они будут согласовывать вопросы, представляющие общий интерес¹. Но — за неимением лучшего — именно так люди в действительности и поступают. Именно поэтому институциональные структуры сохраняют свою силу до тех пор, пока члены группы согласны с результатами, получаемыми на их основе. Как только согласие исчезает, в действующие институты вносятся изменения. Если же такую коррекцию, в ходе которой также сталкиваются интересы членов группы, осуществить не удается, то возможна дезинтеграция самой группы².

Что же касается рыночного механизма как инструмента социального выбора, то следует обратить внимание еще на следующие обстоятельства. В некоторых хорошо известных экономической науке случаях рынок дает сбой даже при абсолютном «пиетете» к его базовым институтам со стороны членов общества. Тогда рынок не может найти точку согласования интересов (читай: попасть в состояние общего равновесия), хотя таковая в принципе существует. Примерами являются провалы рынка в регулировании производства общественных благ, побочные эффекты от хозяйственной деятельности, а также сбой в согласовании интересов участников сделки в условиях асимметрии информации. Во всех этих случаях возникает — и это важно подчеркнуть — сугубо экономическая потребность во вмешательстве государства в аллокацию ресурсов.

Не менее важно следующее обстоятельство. Рынок является мощным инструментом выявления и согласования не всех, а только части индивидуальных предпочтений. Он слеп по отношению к интересам, выходящим за рамки сугубо эгоистических устремлений. Поэтому общее рыночное равновесие представляет собой точку согласования интересов так называемых «экономических людей» А. Смита; оно является их идеалом. Но для обычных людей, которых в большей или меньшей мере интересует не только собственное потребление, но и благосостояние других членов обще-

ства, общее равновесие совсем не обязательно является синонимом социального идеала. С учетом альтруистических настроений членов общества идеал будет в подавляющем большинстве случаев характеризоваться отличным от чисто рыночного размещением ресурсов. Это, в свою очередь, означает, что потребность во внесении коррективов в аллокацию факторов производства, складывающуюся на основе действия рыночного механизма, возникает (по крайней мере может возникнуть) не в результате «политических причуд», а по чисто экономическим мотивам.

Тезис об «экономической неотвратимости» все более полной глобализации хозяйственной деятельности был бы неоспорим только в том случае, если бы людей на планете не интересовало ничего, кроме личного потребления. Тогда следовало бы без всяких оговорок признать верной идею К. Маркса, что в буржуазном обществе частные интересы «разделяют каждую нацию на столько же наций, сколько в ней имеется взрослых людей»¹. Соответственно функции государства, выходящие за рамки обязанностей «ночного сторожа», должны были бы рассматриваться как явно избыточные, а потому и подлежащие устранению.

Но ситуация, как мы видим, существенно сложнее. В силу особенностей исторического процесса все страны характеризуются большим или меньшим культурным своеобразием, уходящим корнями в разделяемые его гражданами ценности. Большинство людей ощущают себя прежде всего гражданами своей страны и только потом — всего мира. Их представление о социальном идеале ассоциируется в первую очередь с состоянием Отечества и лишь затем — планеты.

Мировое хозяйство в этих условиях оказывается сложнейшей системой, в рамках которой взаимодействуют фирмы и потребители разных стран, транснациональные корпорации, национальные государства, международные экономические организации, международные интеграционные объединения. При этом национальные государства, международные интеграционные структуры являются не фантомными, а полноценными субъектами международных экономических отношений, претендующими на представление общих интересов своих граждан или стран. Тот факт, что эти интересы не поддаются однозначному определению, делает проблему еще более запутанной. Как было показано выше, формулирование национальных интересов (интересов интеграционных объединений) происходит не «вообще», а в определенных институциональных рамках, которые сами могут подвергаться изменениям под влиянием фактического хода событий.

В такой ситуации стремление опираться исключительно на призывы к свободной торговле и содействию «объективному» процессу глобализации хозяйственной жизни в лучшем случае оказывается неконструктивным, а в худшем — способно привести к серьезным конфликтам на международной арене. По большому счету, альтернативы тяжелой повседневной работе по согласованию интересов всех участников международного хозяйственного сотрудничества просто не существует. Разумно ожидать, что масштабы транснациональных потоков товаров, услуг и капитала будут и впредь иметь устой-

¹ «Выбор правила принятия решения сам является групповым выбором, и невозможно в позитивном духе обсуждать основы принятия решений социальной группой без тщательно сформулированных предположений в отношении правил. Здесь мы сталкиваемся с проблемой бесконечной регрессии» (*Buchanan J. M., Tullock G. The Calculus of Consent: Logical Foundations of Constitutional Democracy. URL: <http://www.econlib.org> (дата обращения: 03.01.2010).*)

² Показательные примеры такого рода есть в истории становления, жизни и распада многих государств.

чивую тенденцию к росту. Но при этом в одни периоды и в одних областях вполне могут преобладать тенденции к либерализации международных экономических отношений, в другие периоды и в других областях может брать верх тенденция к усилению их регулирования («протекционизму») на уровне отдельных госу-

дарств и их интеграционных объединений. Перспектива формирования однородного экономического пространства на территории всего земного шара явно неактуальна в обозримом будущем. В этом отношении вполне оправданным оказывается известный тезис: «Движение — все, конечная цель — ничто».

Р. И. Нигматулин²

О НОВОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПОРЯДКЕ

В европейских, североамериканских странах все более активно обсуждаются идеи нового экономического и политического порядка. Старые порядки привели передовые страны, служившие маяками для остальных развивающихся стран, к кризисам в экономике, социальной, политической и гуманитарной сферах. И один из самых тяжелых кризисов — миграционный, но он далеко не единственный.

Миллионы людей из бедных стран Африки, Азии и Латинской Америки бегут в богатые государства — Саудовскую Аравию, Катар, Бахрейн, страны Европы и Северной Америки. Фундаментальная причина этих гигантских перемещений людей, создающих большие экономические, социальные, политические и гуманитарные проблемы, — огромные перепады в уровне жизни, свободы и защищенности.

Теперь о новом экономическом порядке. Обычно об этом говорят избыточно обобщенно, неконкретно — усилить инвестиционную привлекательность, использовать новые технологии, поднять уровень жизни народа и т. д. Думаю, что актуально сейчас выработать значения основных макроэкономических параметров, к которым надо стремиться, чтобы перейти к более совершенному экономическому порядку.

Встает извечный русский вопрос: «Что делать?». Чтобы разобраться в экономической сфере, необходимо использовать балансовые соотношения. Это, во-первых, доля оплаты труда в ВВП; во-вторых, доля государственных расходов в ВВП; в-третьих, доля расходов на социальные расходы на развитие человека (здравоохранение, образование, наука и культура). Еще один важный показатель — доли доходов, приходящихся на 1 и 10 % богатейших людей. Также важен такой показатель, как доля ВВП, идущая на инвестиции в основной капитал. Без таких показателей экономическая теория не может быть наукой. А еще более детальный

анализ связан с межотраслевым балансом, который составляют во всех развитых странах мира.

Почему эти балансы так важны? Межотраслевой баланс предложил Василий Васильевич Леонтьев в конце 1920-х годов и за это был награжден Нобелевской премией по экономике. Этот математический инструмент позволяет показать структуру экономики и ее эффективность по отраслям. В то время рассчитывали 60 отраслей. Сейчас в связи с компьютерными технологиями — более 200. Статистические данные о производстве и межотраслевых связях математически перерабатываются и «вбиваются» в матрицу производственных затрат. Это выглядит как таблица, например 240 строк на 240 столбцов. Причем сегодня делают даже мировой баланс со страновыми подматрицами. Эта матрица позволяет понять структуру экономики для грамотного вложения средств в ту или иную отрасль в той или иной стране. Сравнивая матрицы производственных затрат в разных странах, можно судить об уровнях затрат на производство товаров. По ней сразу можно увидеть, что конкретные инвестиции принесут стране.

Во времена СССР межотраслевой баланс рассматривался как некий элемент планирования. Над этим работали целые институты. После развала Советского Союза у нас межотраслевой баланс не делали. Это сложно. Нынешние руководители, отвечающие за экономику, не имеют элементарного теоретического образования. О планировании у нас заговорили только сейчас. Сколько стране нужно металла, электроэнергии и так далее — это необходимо знать и планировать.

Межотраслевой баланс вскрывает и пороки, и достоинства. Правительство не только не поддерживает проведение межотраслевого баланса, оно даже не понимает, что это такое и какова его значимость. Помимо межотраслевых, есть более крупные балансы, с помощью которых можно определить, например, какая доля ВВП должна приходиться на зарплаты трудящихся. Потребление состоит из отечественной продукции и импорта. И то, что мы произвели, должно быть выкуплено. Значит, у народа должна быть соответствующая заработная плата, чтобы он мог себе это позволить. Опыт показывает, что минимальная зарплата должна составлять примерно стоимость тысячи литров бензина, а средняя — две минимальные. Поэтому минимальная зарплата в России должна быть около 35 тыс. рублей, а у нас 50 % населения получают зарплату ниже 20 тыс. Низкая покупательская спо-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 102.

² Научный руководитель Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН, академик РАН, член Президиума РАН, доктор физико-математических наук, профессор. Автор свыше 200 научных публикаций, в т. ч. 10 монографий: «Основы механики гетерогенных сред», «Динамика многофазных сред», «Как обустроить экономику и власть России: анализ инженера и математика», «Кризис и модернизация России — 13 теорем», «Механика сплошной среды. Кинематика. Динамика. Термодинамика. Статистическая динамика» и др. Имеет 21 авторское свидетельство на изобретения. Главный редактор журнала «Океанология». Лауреат премии Ленинского комсомола, Государственной премии СССР, премии Правительства РФ в области науки и техники. Награжден орденами Почета, «За заслуги перед Отечеством» IV степени.

способность давит на простые социальные товары. В результате те, кто производит бензин, перефинансированы, и руководители этих компаний покупают дома и квартиры в Лондоне, а те, кто производит простые продукты, — недофинансированы. А значит, российский крестьянин не может купить трактор и другую технику, провести работу по семеноводству, приобрести удобрения и т. д. Поэтому зарплату предлагается повышать не для того, чтобы человек больше ел, а для того, чтобы он оплачивал продукцию по сбалансированным с затратами ценам.

Еще один баланс — это фонд оплаты труда, который должен составлять примерно 60 % от ВВП. А у нас он — около 40 %. Во всех развитых государствах социальные расходы составляют 25 % от ВВП, а у нас — 10 %. А для этого государственный бюджет должен составлять не 30 %, как у нас сейчас, а 50 %, как во всех европейских странах. Тогда госбюджет и сможет выделять 25 % на социальные расходы. А у нас здравоохранение, образование, наука и культура недофинансированы. Вот за этими ключевыми цифрами надо следить, но объяснить это действующим экономистам невозможно! Единственный двигатель экономики — это покупательский спрос, который определяется фондом оплаты труда.

Это не значит, что надо сразу безоглядно поднять всем зарплаты. Сначала надо найти дисбалансы. В частности, посмотреть статьи расходов по топливу. Сверхбольшие доходы надо уменьшить. У нас 0,5 % семей имеют доход миллион долларов в год. Во всем мире с таких доходов платятся налоги размером около 50 %. Если с этих денег взять всего лишь треть, то у нас уже бюджет на социальные расходы увеличится в полтора раза. Прогрессивная налоговая шкала — это элемент баланса. Поэтому руководителям со сверхдоходами государство должно вменить требование — или он будет платить государству, или повысит зарплату своим работникам, или будет инвестировать.

В Советском Союзе производилось 1800 самолетов, многие были военными, конечно, но и гражданскими мы себя обеспечивали. Сейчас мы все гражданские самолеты покупаем, за исключением Sukhoi Superjet, который, впрочем, на 80 % состоит из иностранной начинки. А сколько у нас пассажиров? Всего 80 млн. А в Америке — 800 млн. Там на душу населения приходится 2,5 полета в год. А у нас — 0,6 полета в год, и то в основном это командировочные. Пока учитель, врач, простой трудящийся раз в год не сможет на свои деньги слетать в отпуск внутри России туда и обратно, самолетов много и не нужно! Поэтому будем продолжать закупать их. А если будем закупать, то не нужны авиаконструкторы, конструкторские бюро и т. д. В результате общество деградирует. Вот так работает оплата труда.

Даже в хлебе есть инвестиционная компонента, в которую включена стоимость комбайна, трактора, труда крестьянина. Главный инвестор — не банкир, а народ, получающий сбалансированную заработную плату. Об этом всегда говорил академик Дмитрий Семенович Львов, выдающийся экономист, у которого я многому научился. А академик Леонид Иванович

Абалкин, тоже экономист, говорил, что единственным двигателем рыночной экономики является покупательский спрос.

Проправительственные экономисты постоянно ошибаются в прогнозах. То они не видят стагнации, то ищут «дно», то собираются писать новые программы, хотя предыдущие провалены. Сейчас опять А. Л. Кудрин призвал разработать новую экономическую стратегию. Не в кризис надо ужиматься, не госбюджет урезать, а изъять долю у богатых цивилизованными налогами. Перевести это в средний и бедный классы, тогда товары будут раскупаться. Генри Форд в свое время понял: чтобы его автомобили покупали, нужно поднять зарплату рабочим. И он это сделал, и стал богатым за счет массового производства. Поэтому на самом деле это и в интересах богатого класса, если он хочет созидательно работать.

Я ни в коем случае не предлагаю раскулачивание. Во времена Эйзенхауэра (34-го президента США) налоги с финансовых операций супербогатых людей доходили до 92 %. А сейчас даже в Америке обходят эти законы и платят недостаточно, поэтому там кризис. Но если наступил кризис, то надо не экономить на народе, а вкладывать в него, чтобы он покупал. Кроме этого, надо сбалансировать цены, то есть принять экономические меры, чтобы какие-то цены снизились, а какие-то выросли. Это сложная работа. И работать по этой схеме намного сложнее, чем работают сейчас. Надо поддерживать своего производителя и стимулировать покупку товаров российского производства.

К сожалению, не думаю, что наше правительство на это способно. Ну как я могу ему доверять, если оно во главе с первым вице-премьером подписало документ об изъятии 100 гектаров земли у Тимирязевской академии. И даже ректор подписал! Сейчас такая же угроза нависла над зданиями наших академических институтов. Сталин, «тиран», открывал научные центры в Казани, Уфе, Дагестане, в союзных республиках, регионах! Открывал, чтобы создать науку, чтобы ее развивать. А сейчас доля ВВП, идущая на науку, у нас самая низкая среди европейских стран. Это очень характерный для действующего правительства уровень мышления. И это беда.

В последние годы снизился интеллектуальный уровень нашего народа. Поэтому надо вкладывать в образование. В нашей Конституции записано, что Российская Федерация — социальное государство. В таком государстве 25 % ВВП должно тратиться на социальные нужды — здравоохранение, образование, науку, культуру. У нас тратится всего 10 % ВВП. Вот вам и приоритеты!

Хотя ВВП на душу населения в России больше, чем в новых странах ЕС, но из-за дефицита социальных расходов для развития человека в части здравоохранения гражданин России обеспечен высокотехнологическими медицинскими операциями и лекарствами в 3–5 раз меньше. Смертность у нас выше в 1,5 и 1,2 раза, чем в старых и новых странах ЕС соответственно. А ведь в 1985 году смертность в РСФСР и Европе была примерно одинаковой. Смертность — это число смертей за год на тысячу жителей.

В 1985 году в РСФСР, в Западной и Восточной Европе она была равной 10,5–11. К 2015 году в Западной Европе она уменьшилась до 9,3, а в Восточной сохранилась. В Российской Федерации после 1991 года смертность стремительно выросла и к 2004 году достигла 16,3. Это сверхсмертность. По решению В. В. Путина финансирование здравоохранения к 2012 году увеличилось почти в три раза, и смертность упала до 13,1 и держится на том же уровне. Но для доведения показателя смертности только до уровня 1985 года расходы на здравоохранение надо увеличить с 3,5 до 5,5 % ВВП, а до современного европейского уровня — до 7 %. И эти прогнозы основаны на балансовых соотношениях.

Для повышения интеллектуального уровня народа надо заставлять его учиться начиная с младших классов. Отец Паганини заставлял и даже поколачивал своего талантливое сына, и тот стал великим скрипачом и композитором. За ребенком надо следить, его надо убеждать, как говорится, и кнутом, и пряником. Ему надо объяснять, что если он будет плохо учиться,

то не найдет пути в жизни. Я убежден, что у нас все должны изучать синусы, косинусы и тангенсы хотя бы для того, чтобы развивать свой мозг. А это главное. Во главе угла должно быть правило — нужно учиться! И должно быть стимулирование отличной учебы. А в Америке говорят, что если ты работаешь в такси, то тебе синусы и косинусы не нужны. Ни в коем случае нельзя это копировать! Там другая сильная сторона — если ты талантлив, то ты можешь добиться бесплатного образования в лучших университетах страны.

Совсем молодым нужно изучать математику и языки. Надо учиться, учиться и учиться. И ни в коем случае не идти на поводу у тех, кто говорит, что дети перегружены. Сегодня идет упрощение образования, и это беда. Учиться должно быть тяжело, потому что это преодоление трудностей, через которые нужно пройти.

Я не могу изменить экономический порядок в стране, но призвать учиться я могу. Также порекомендую учить не только языки, но и стихи, и прозу, ведь хорошая память — это наше все!

В. В. Попов¹

ПОЧЕМУ РАЗЛИЧАЮТСЯ ТЕМПЫ РОСТА

Вопрос о том, почему экономика в некоторых странах развивается быстрее, чем в других, является главным в экономической науке. На самом деле это давний вопрос о природе и причинах богатства народов [12]. Если смотреть на экономический рост в ретроспективе, то этот вопрос часто формулируется так: «Почему Запад разбогател раньше остальных?» и «Почему одни развивающиеся страны догоняют Запад, а другие нет?». К сожалению, между экономистами нет согласия по вопросу о том, какую именно политику нужно проводить для обеспечения высокого роста [7].

Многие соглашаются, что институты являются ключевым фактором экономического роста в долгосрочной перспективе [9; 10], но по поводу того, что

определяет силу институтов, согласия меньше. В этом докладе используются объективные показатели работоспособности институтов (теневая экономика и количество убийств) для того, чтобы проследить траектории институционального развития на глобальном Юге и рассмотреть гипотезы, объясняющие эти траектории.

Рост, политика и институты

Здесь мы рассматриваем только государственные институты, точнее — работоспособность государственных институтов, определяемую как способность государства обеспечивать соблюдение правил и предписаний. Субъективные параметры возможностей государства — показатели эффективности управления, соблюдения правовых норм, коррупции и тому подобные — имеют ряд недостатков [7], поэтому я предлагаю использовать объективные показатели, такие как уровень преступности, количество убийств², доля теневой экономики — способность государства установить монополию на применение силы и монополию на налогообложение.

По общим данным, в развитых странах Восточной и Южной Азии, странах Ближнего Востока и Северной Африки количество убийств составляет 1–10 на 100 тыс. жителей, а теневая экономика не превышает 30 % ВВП, в то время как в странах Африки к югу от Сахары, Латинской Америке и бывших республиках Советского Союза (страны Балтии, Белоруссия, Казахстан, Молдавия, Россия, Украина) количество убийств выше на порядок (10–100 на 100 тыс. жителей), а доля теневой эко-

¹ Главный научный сотрудник Центрального экономико-математического института РАН, профессор-исследователь Института исследований Европы, России и Евразии Карлтонского университета (Канада), почетный профессор Российской экономической школы, доктор экономических наук. В 2009–2015 гг. работал советником и старшим экспертом в Департаменте ООН по экономическим и социальным вопросам. В 1990–2009 гг. преподавал в Высшей школе международного бизнеса Академии народного хозяйства при Правительстве РФ, Академии внешней торговли (Москва), университетах Куинса, Торонто и Карлтона (Канада), в университете Кайзерслаутерна (Германия), Хельсинкской школе экономики (Финляндия). Автор 10 книг, в т. ч.: «На переломе: экономическая перестройка в СССР», ««Азиатский вирус» или «голландская болезнь». Теория валютных кризисов» (в соавт.), «Mixed Fortunes: An Economic History of China, Russia, and the West» и др.; более 200 научных и публицистических статей, в т. ч. в журналах «Вопросы экономики», «Мировая экономика и международные отношения», «США — экономика, политика, идеология», «Экономический журнал», «Журнал новой экономической ассоциации» и др. Книжки и статьи опубликованы на английском, испанском, итальянском, китайском, корейском, немецком, норвежском, португальском, русском, турецком, французском, японском языках. В 2010 г. журналом «Русский репортер» был включен в десятку самых влиятельных экономистов и социологов России в 2000–2010 гг.

² Преступления, особенно нетяжкие, лучше регистрируются в развитых странах, чем в развивающихся. Здесь я использую количество убийств, поскольку в большинстве стран тяжкие преступления регистрируют с наибольшей точностью.

номики составляет значительно больше 30 % ВВП. Экономический рост в крупных регионах глобального Юга тесно связан с количеством убийств и теневой экономикой (соотношение отрицательное — чем выше количество убийств и доля теневой экономики, тем меньше рост). Впереди всех по темпам роста Восточная Азия, за ней следуют Южная Азия и страны Ближнего Востока и Северной Африки, в то время как Латинская Америка, страны Африки к югу от Сахары и бывшие республики Советского Союза от них отстают.

Фактически количество убийств и доля теневой экономики — это объективные показатели работоспособности государственных институтов, и они оказываются лучшими институциональными предикторами долгосрочных темпов роста ВВП на душу населения. При регрессии на протяжении более 50 лет (1960–2013) в 80 странах, по которым имеются данные, до 40 % вариаций роста объясняются уровнем развития (ВВП на душу населения) и институциональными показателями (количество убийств и доля теневой экономики). Эти регрессии вполне устойчивы и продолжают на протяжении различных периодов (1960–1975, 1975–2000, 2000–2013 гг.). Среди переменных, напрямую связанных с ростом (например, темпы прироста капиталовложений, прироста населения и др.), работоспособность государственных институтов оказывается единственным важным предиктором роста.

Очевидна и обратная зависимость — между темпом роста и работоспособностью государственных институтов, измеряемой количеством убийств и долей теневой экономики.

Обычным возражением в случае таких регрессий является эндогенный характер этих переменных показателей работоспособности институтов, то есть не только они влияют на рост, но и рост влияет на них. Изучались данные по количеству убийств и доле теневой экономики за 2002 и 2005 годы, то есть на последнем этапе изучаемого периода экономического роста (1960–2013), что может представлять проблему, поскольку причина, конечно, должна предшествовать следствию. Однако данные по убийствам и теневой экономике за более ранний период по большей части отсутствуют¹, и достоверно проследить межстрановую регрессию возможно (40 наблюдений) только за недавний короткий период. Данные за 2000–2013 годы по сравнению с 1990-ми достаточно подробные, но это слишком короткий период для того, чтобы судить о долгосрочном росте.

Стандартный способ решения вопроса эндогенности — найти инструментальные переменные, но практически невозможно обнаружить такие переменные для институтов, не связанных с ростом. Однако можно поспорить, что количество убийств не изменилось за последние полвека, и в таком случае аргумент с эндогенностью не годится: на количество убийств экономический рост не влияет или влияет настолько мало, что изменения на протяжении полувеква бывают незначительными. В большинстве стран показатели количества убийств не сильно из-

менились в период с 1960 по 2013 год. Исключение составляют страны/территории, где наблюдались беспорядки, войны и/или переход от коммунизма к капитализму (Северная Ирландия в 1960-х гг., Кипр в 1970-х, Россия и бывшие республики Советского Союза в 1990-х — ни в одной из этих стран не наблюдалось быстрого роста).

В таком случае ключевым становится вопрос, что определяет работоспособность институтов государства, если не экономический рост. Почему в некоторых странах наблюдается высокая работоспособность институтов на протяжении многих десятилетий и быстрый рост, в то время как другие оказываются в ловушке с плохими институтами и медленным ростом?

Возникновение институтов

Есть две основные школы мысли, которые предлагают различные ответы на эти вопросы [8], одна из них признает ключевую роль институтов, другая не признает. Одна (эволюционная, или западная) выдвигает гипотезу, что страны, которые мы сегодня называем развитыми, приобрели в XVI веке и позднее ряд черт и институтов, отсутствовавших в более традиционных обществах [3; 4 и др.]. Список этих черт варьируется: от отмены крепостного права и протестантской этики до защиты прав собственности и свободных университетов.

Еще одна школа (восточная) ставит под вопрос логику эволюции, запущенную самими социальными силами [6; 13 и др.], и обращает особое внимание на исторические события, которые кажутся малозначительными. Эти события, позитивные и негативные, но по большей части случайные, предопределили развитие стран и континентов на ближайшие столетия. «С этой точки зрения, — объясняют редакторы книги, в которой исследуются важные несбывшиеся ожидания в человеческой истории и альтернативная история, — превосходство Запада было побочным продуктом природных сил, которые не являются заслугой западной цивилизации: географических случайностей, таких как местоположение горных массивов и береговых линий; геологических случайностей, таких как легкодоступность полезных ископаемых, или пахотная земля; климатических случайностей, таких как время ледниковых периодов или направление океанских течений; и биологических случайностей (не всегда таких уж случайных), которые влияют на восприимчивость различных групп населения к смертельным болезням» (Тетлук, Лебоу, Паркер).

В последние десятилетия благодаря подъему Азии заслужили большего доверия теории, отрицающие превосходство западной экономической модели и неизбежность успеха Запада. «По мере того как Япония, азиатские тигры и Китай превратились в крупные экономические державы, — пишет Иен Моррис, — все больше и больше ученых приходило к выводу, что теории, объясняющие успех Запада культурными, природными или расовыми причинами, которые действовали на протяжении длительного периода времени, просто не могут быть правильными. Они начали высказывать предположение, что главным в мировой истории был не долгосрочный неизбежный подъем Запада; это была сказка о многополярном мире, в котором Запад стал

¹ В случае 20–30 наблюдений эти регрессии относятся к периоду 1975–2013 годов, причем данные по теневой экономике и убийствам взяты за середину периода роста — 1990-е годы.

доминировать только недавно, временно, а возможно, и даже случайно» [5, с. 2].

Проблема этих объяснений состоит в том, что до XVI века было много стран с социальными структурами, которые обладали или способствовали развитию многих черт, объясняющих ускорение роста западной школы, и в них происходило много мелких случайных событий, которые, как считают сторонники восточной школы, обусловили рост. Но эти страны никогда не переживали роста производительности труда, сравнимого с тем, который начался в Великобритании и Нидерландах в XVI веке и позднее в остальной Европе (0,2–0,3 % в год в 1500–1800 гг. и 1 % и больше в дальнейшем).

Другое объяснение заключается в том, что ликвидация традиционных коллективистских институтов в западных странах связывалась с ростом неравенства доходов и даже снижением ожидаемой продолжительности жизни, но позволила перераспределить доход в пользу сбережений и капиталовложений в ущерб потреблению [8]. Уничтожение коллективистских (общественных) институтов было рискованным экспериментом, в результате которого доходы очень многих людей оказались ниже прожиточного минимума, что привело к снижению или замедлению прироста населения — основы военной мощи (количество людей — количество солдат) при мальтузианском режиме роста.

Ранние попытки обеспечить главенство прав отдельного человека над правами сообщества за счет отказа от коллективных интересов и поддержания неравенства на невысоком уровне (Греция, Рим, Византия) привели к массовой бедности, увеличению смертности и завоеванию чужестранцами. Только в северо-восточной Европе в XVI–XVIII веках эта политика каким-то образом оказалась успешной — впервые в истории.

Не высокая конкуренция, не предпринимательство, не идеи и новые технологии позволили Западу на порядок ускорить рост производительности труда. В первую очередь это был большой объем сбережений и инвестиций, что стало результатом растущего неравенства доходов и позволило снизить капиталовооруженность труда и превратить в металл идеи для новой продукции и технологий. Иначе говоря, Запад разбогател не благодаря изобретательности и духу предпринимательства, а благодаря жестокой и безжалостной ликвидации системы, которая ранее обеспечивала социальные гарантии для самых бедных слоев общества.

Когда та же схема была применена в развивающихся странах (через колонизацию — в Латинской Америке, странах Африки к югу от Сахары или добровольную вестернизацию в попытке догнать лидеров — в Российской империи), это привело к разрушению традиционных институтов, увеличению неравенства и ухудшению стартовых позиций для намерения упущенного. Эта группа стран повторила выход Запада из «мальтузианской ловушки»: они пережили быстрое возрастание разницы в доходах, рост сбережений, инвестиций и производительности труда, но заплатили за это усилением социального неравенства и ухудшением работоспособности институтов.

Другие развивающиеся страны (Восточная и Южная Азия, страны Ближнего Востока и Северной Африки) меньше пострадали от колониализма и смогли сохранить свои традиционные институты. Это отсрочило переход к современному экономическому росту [2] до середины XX века, но позволило сохранить хорошие стартовые позиции для роста — низкий уровень неравенства и сильные институты. В конце концов медленный технический прогресс позволил им найти другой, менее болезненный выход из «мальтузианской ловушки» — повышение дохода способствовало росту доли инвестиций в ВВП без резкого увеличения неравенства доходов, ухудшения работоспособности институтов и снижения ожидаемой продолжительности жизни.

Более вестернизированные страны на глобальном Юге (Латинская Америка и Российская империя) увеличили темп прироста сбережений и капиталовложений и выбрались из мальтузианской ловушки раньше других, в XVIII веке, но ценой подрыва необходимых условий для будущего роста — низкого уровня неравенства и сильных институтов. Поэтому Латинская Америка и Россия пережили некоторое ускорение в дальнейшем, но этого было недостаточно, чтобы догнать Запад. Колонизация африканских стран к югу от Сахары (за исключением ЮАР), в отличие от колонизации Латинской Америки и вестернизации России, не привела в результате к передаче технологий или человеческого капитала, но усилила неравенство и подорвала институты. Так что страны Африки к югу от Сахары оказались в невыгодном положении по всем статьям и имели худшие в мире показатели роста. В отличие от них, большинство менее вестернизированных стран Востока и Южной Азии, а также Ближнего Востока и Северной Африки смогли сохранить низкий уровень неравенства и эффективные коллективистские институты. Соотношение сбережений и инвестиций у них не превышало 10 % до середины XX века, что препятствовало росту, но после того как сбережения начали постепенно увеличиваться, оказалось, что у них у всех имеются предпосылки для быстрого роста. Некоторые из них продемонстрировали экономическое чудо, быстро догнав Запад (Восточная Азия), другие ускорили свое развитие в последние десятилетия (Южная Азия), третьи (страны Ближнего Востока и Северной Африки), вероятно, находятся в лучшем положении, чтобы ускорить свой экономический рост в будущем.

Общая модель мировой дивергенции представлена на рис. 1 [8]. Как и все схемы, эта схема упрощенная: она не позволяет охватить все разнообразие обстоятельств, но позволяет проследить основные факторы, отвечающие за перемены. Дело в том, что сегодня существуют две основные группы развивающихся стран: в одной (Восточная и Южная Азия, страны Ближнего Востока и Северной Африки) относительно низкий уровень неравенства, сильные государственные институты (низкие показатели количества убийств и небольшая доля теневой экономики) и высокие темпы роста сбережений и капиталовложений, в других (Латинская Америка, страны Африки к югу от Сахары, Россия

и некоторые бывшие республики Советского Союза) высокий уровень неравенства, слабые государственные институты (большое количество убийств и боль-

шая доля теневой экономики) и низкие темпы роста сбережений и капиталовложений. Вполне предсказуемо, что первая группа растет быстрее второй.

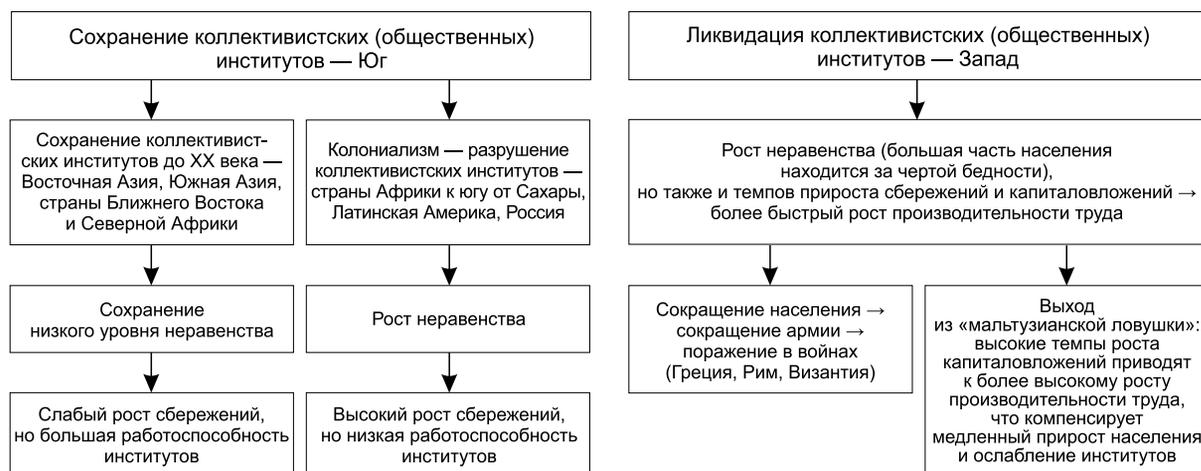

Рис. 1. Объяснение расхождений в росте в мире начиная с 1500-х годов. Три пути выхода из «мальтузианской ловушки»

Литература

1. Friedman E. Dodging the Grabbing Hand: The Determinants of Unofficial Activity in 69 Countries / E. Friedman, S. Johnson, D. Kaufmann, P. Zoido-Lobaton // Journal of Public Economics. — 2000. — June.
2. Kuznets S. Modern Economic Growth: Rate, Structure and Spread / S. Kuznets. — New Haven : Yale University Press, 1966.
3. Landes D. Wealth and Poverty of Nations. Why Are Some So Rich and Others So Poor? / D. Landes. — N. Y. : W. W. Norton, 1998.
4. Mokyr J. The Gifts of Athena: Historical Origins of the Knowledge Economy / J. Mokyr. — Princeton : Princeton University Press, 2002.
5. Morris I. The Measure of Civilization. How Social Development decides the fate of Nations / I. Morris. — Princeton : Princeton University Press, 2013.
6. Pomeranz K. The Great Divergence: Europe, China, and the Making of the Modern World Economy / K. Pomeranz. — Princeton : Princeton University Press, 2000.
7. Popov V. Developing New Measurements of State Institutional Capacity / V. Popov // PONARS Eurasia Policy Memo. — 2011. May. — № 158. MPRA Paper 32389. — Aug., 2011.
8. Popov V. Mixed Fortunes: An Economic History of China, Russia and the West / V. Popov. — N. Y. : Oxford University Press, 2014.
9. Rodrik D. Getting Institutions Right. CESifo / D. Rodrik // Journal for Institutional Comparisons. — 2004. Summer. — № 2 (4).
10. Rodrik D. Institutions Rule: The Primacy of Institutions over Geography and Integration in Economic Development / D. Rodrik, A. Subramanian, F. Trebbi. — 2002. Oct. — [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://ksghome.harvard.edu/~drodrik.academic.ksg/institutionsrule,%205.0.pdf>
11. Schneider F. Shadow Economies and Corruption All Over the World: New Estimates for 145 Countries / F. Schneider // Economics: Open Access, Open Assessment E-Journal. — 2007. — July 24. — № 9.
12. Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations / A. Smith. — 1st ed. — L. : W. Strahan, 1776.
13. Wong R. B. China Transformed: Historical change and the limits of the European experience / R. B. Wong. — Ithaca ; N. Y. : Cornell University Press, 1997.

Васил Проданов¹

ОТ ГЛОБАЛИЗАЦИИ К ДЕГЛОБАЛИЗАЦИИ

Большой цикл интернационализации или первой глобализации мир пережил в конце 1840-х годов. Затем, с началом Первой мировой войны и особенно с наступлением Великой депрессии в 1930-х годах стал набирать силу обратный процесс — деглобализация.

В настоящий момент мы являемся свидетелями аналогичной цикличности. После неоллиберальной глобализации, ставшей результатом кризиса капитализма в 1970-х годах, когда возможности роста в рамках социального государства были исчерпаны, капитал глобализовался, уничтожая в 1989 году отделившийся от него в самостоятельную зону государственной социализм в Восточной Европе. Сейчас мы находимся в начале процесса сокращения возможностей накопления прибыли в глобальном плане и роста противоречий, принуждающих капитализм вновь устанавливать границы и искать убежища внутри них.

Переход от монополярности к многополярности и деглобализации

Тенденция к деглобализации характеризуется периодическими кризисами монополярного мира с явным гегемоном, доминирующим в глобальном масштабе, и переходом к многополярному миру, разделенному между различными конкурирующими между собой великими силами. При первой глобализации в XIX веке мировым гегемоном была Великобритания. В конце XIX века США и Германия настигли ее и вышли вперед — началась война за передел мира и установление границ. После Второй мировой войны, до 1990-х годов в мире в качестве доминирующей силы, заинтересованной в глобализации и глобальном господстве, утвердились США.

Сейчас мы снова наблюдаем восход многополярного мира, в котором США теряют право на мировую гегемонию. При этом Китай является основным игроком, выигравшим от глобализации. Началась новая битва за сферы влияния, поиск долгосрочных и временных союзников, зарождаются процессы распада в отдельных регионах, локальные войны. Именно поэтому еще в 2008 году один из ярчайших идеологов глобализации Роберт Каган написал в своей книге «Возвращение истории и конец мечтаний», что так же, как и в канун Первой мировой войны, мы наблюдаем возвраще-

ние к «реалистическому» типу политики². США теряют лидерские позиции, а Китай, опережая их по ВВП, все еще не готов занять место США, несмотря на то что в январе 2017 года Си Цзиньпин заявил в Давосе, что его страна может стать лидером глобализации, если США захотят «закрыть свои границы».

Из этого следует, что нам предстоит пережить довольно длительный период существования реально-го конкурентного мира и капсуляции отдельных государств и блоков. Процессы государственного раздела и распада будут расширяться. В Европе уже наблюдаются такие тенденции: от Каталонии, Страны Басков, Шотландии и Фландрии до Македонии и Украины. Неоспорим тот факт, что в XX веке каждый значительный исторический переход сопровождался распадом государств и ростом числа политических субъектов. Пышным цветом расцветают этнические и религиозные конфликты с активным участием интернациональных бригад, что, например, происходит сейчас в Сирии и Ираке или ранее в Афганистане.

Национальные интересы, патриотизм, национализм уже вытесняют так называемые общеевропейские ценности и неоллиберальный глобализм, аналогично процессам, происходившим накануне Первой мировой войны, когда был отвергнут предшествующий интернационализм. Все это проявляется в нарастающем кризисе неоллиберальной интеграции, нашедшем свое отражение в брексите, заявлениях Трампа об антииммигрантской и протекционистской политике США, провале двух глобальных проектов свободной торговли — Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство (ТТИП) и Транстихоокеанское партнерство (ТТП).

Социально-экономические предпосылки деглобализации

Глобальный рынок создает благоприятные условия для одних социальных групп и регионов, ухудшая положение других и вызывая резкий скачок разнообразных неравенств и противоречий. Во-первых, это рост регионального неравенства как внутри государств, так и в рамках таких региональных объединений, как, например, ЕС, где налицо ярко выраженный процесс периферизации Восточной и Южной Европы. Во-вторых, увеличение социально-экономического неравенства, ведущее к упадку среднего класса в разных частях света и процветанию 1 % сверхбогатых. В глобальном плане на данный момент в руках восьми человек сосредоточено богатство, равное богатству половины человечества. Миллионы обедневших расценивают глобализацию как угрозу, поэтому набирающие силу популистские и националистические партии начинают бороться за их голоса.

Во многих странах идет сокращение объемов иностранных инвестиций и внешней торговли. Растет вол-

¹ Профессор кафедры политической экономии Университета национального и мирового хозяйства (София), член-корреспондент Болгарской академии наук, доктор философских наук. Главный секретарь Болгарского философского общества (1978–1989), директор Института философской науки (1988–1992) и Института философских исследований БАН (1995–2010). Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. 21 монографии: «Добро и дльжимо», «Познание и ценности», «Биосоциальные ценности», «Биоэтика», «Гражданское общество и глобальный капитализм», «Насилие в современную эпоху», «Будущее философии», «Социология философии», «Теория болгарского перехода»; статей: «Перспективы на левицата в идващия постнеоллиберален свят», «Службено правителство в света “пред бездна”», «Несуверенна демокрация и политическо еничарство», «В ЕС витеа призракт на еврокатастрофката» и др. Член редколлегий ряда научных журналов.

² Kagan R. The Return of History and the End of Dreams. Atlantic, 2008.

на недовольства важнейшим фактором, который стал причиной сегодняшних противоречий, — глобальным рынком, разделившим страны и социальные группы на выигравших и проигравших. Агентство «Блумберг» опубликовало аналитическое исследование «Мировая экономика закрывается», в котором говорится о появлении экономического национализма, желании и обещаниях ввести ограничения для торговли, потоков капитала, иммигрантов, высказываемых различными политиками, в частности Дональдом Трампом и Марин Ле Пен. Неолиберальная глобализация рынка была начата Маргарет Тэтчер в Великобритании и Рейганом в США. Сейчас там же зарождается противоположный процесс. Количество ограничений и дискриминационных мер в области торговли, введенных государствами с 2009 по 2015 год, в три раза превышает число действий по ее либерализации. Только за первые 10 месяцев 2015 года было зарегистрировано 539 инициатив правительств разных стран, которые создают препятствия международной торговле, инвесторам, обладателям интеллектуальной собственности, и это своеобразный рекорд. В США, Великобритании, Австралии проводятся акции «покупай товары местных производителей», в Китае запрещено приобретать за рубежом стратегические и военные технологии, вводятся новые экологические стандарты, чтобы заблокировать ввоз тех или иных товаров. Финансовая политика — это инструмент торговли в США, Европе, Японии, где используется комбинация искусственно заниженных процентных ставок, количественного смягчения и прямых валютных интервенций для получения конкурентного преимущества. С помощью девальвации сокращается покупательная способность иностранных инвесторов, которые становятся держателями обесцененного национального долга. Применяются различные способы ограничения оттока капиталов. Из анализа агентства «Блумберг» следует вывод, что «*в будущем экономики определенно будут менее открытыми, чем сегодня*»¹. Это подтверждается появлением в декабре 2016 года в ведущем американском журнале «Foreign Affairs» статьи «Конец глобализма»². «Положить конец экономической глобализации» призвал совсем недавно и Римский клуб.

В США борьба между Трампом и Клинтон стала столкновением между деглобализатором, выражающим интересы «проигравших» рабочих, мелких производителей и индустриального капитала, с одной стороны, и защитником интересов глобального финансового капитала — с другой.

Технологические предпосылки деглобализации

Интернет и спутниковая связь, коммуникационные системы третьей индустриальной революции стали технологической основой глобализации рынка. Они вывели на первый план вопросы так называемой кибербезопасности, а учитывая преимущество США,

на чьей территории расположены основные глобальные серверы Интернета, и усиление борьбы за многополярный мир, конкуренты США стремятся освободиться от этой зависимости. Мобильные и сетевые технологии дают возможность прослушивать всех и вся, включая лидеров сверхдержав. Становится ясно, что глобализация резко увеличивает внешнюю уязвимость и возможность воздействия путем экономических и информационных межгосударственных войн, в результате государства вынуждены принимать меры для снижения рисков. Создаются локальные и региональные интернет-сети, изолированные от глобальной Сети, для усиления защиты от кибератак и кибервойн. Например, в Китае не используют поисковую систему Google, так как с ее помощью США могут вести информационную войну, слежение, воздействовать на китайскую аудиторию. Интернет превращается в место, куда перемещается преступность — мошенничество, кражи, атаки, а степень безопасности там является отражением резко возросшей нестабильности в реальном капиталистическом пространстве вокруг нас. Цифровое пространство становится местом воровства и обмана, зомбирования людей с помощью опасной информации, которая разрушает моральные устои и делает из подростков террористов. Страх и неуверенность растут, создавая предпосылки для изоляции, подобно тому как при формировании современной государственности идея суверенитета была неразрывно связана с конкретной территорией, на которой государство было в состоянии защитить своих граждан. Сейчас возникает и развивается идея не только территориального, воздушного и акваториального суверенитета, но и цифровой независимости и ее защиты.

Неуверенность и кризисы увеличивают тягу к деглобализации, контролю за перемещением людей, финансов, ресурсов, капиталов, информации. Доминирующим чувством, которое испытывает большая часть граждан разных стран, становится страх — терроризма, нападений, ограблений, убийств, потери работы и социального статуса.

Растущие опасности привели к возникновению нового тренда — моде на стены: от стен, защищающих богатые кварталы, до стен между государствами. Движение идет от неолиберальной идеологии таких свобод, как «свобода передвижения между государствами», «падение Берлинской стены», к возведению стен между государствами и внутри них, причем преграды становятся все основательнее и совершеннее, чем когда бы то ни было в истории. В исследовании, названном «Осажденный мир», популярный сайт «Project Syndicate» отмечает, что «*от Аленго и Северной Кореи до Европейской комиссии и Федерального резерва места распада в глобальном мироустройстве продолжают увеличиваться... Если существует одно слово, которое лучше всего характеризует мировую экономику и геополитику, то это слово — “осажденная”*»³.

С другой стороны, налицо тенденция к усилению контроля на границах в связи с потоками беженцев, мигрантов, террористов. Используются как все более со-

¹ Das Satyajit. The Closing of the World Economy. URL: <https://www.bloomberg.com/view/articles/2016-09-14/governments-are-leading-the-attack-on-globalization> (accessed: 14.09.2016).

² Li Eric X. The End of Globalism // Foreign Affairs. 2016. December 9. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2016-12-09/end-globalism/>

³ A World Besieged. URL: <https://www.project-syndicate.org/onpoint/a-world-besieged-2016-09?barrier=true> (accessed: 30.09.2016).

вершенные комбинации биочипов и электронного контроля, так и строительство укрепленных стен между государствами и в опасных регионах. В конце Второй мировой войны в мире существовало пять стен между государствами. В период с 1945 по 1989 год было возведено 19 стен. По окончании холодной войны, к 1991 году, их число сократилось до 12. Затем стены снова растут, и в 2014 году их стало уже 64, то есть в несколько раз больше, чем при биполярном мире — в эпоху социализма и капитализма¹. После падения Берлинской стены 40 государств воздвигли стены на своих границах с 64 соседями для ограничения потока нелегальных иммигрантов. Строительство более 30 из них началось после 11 сентября 2001 года, а 15 — в 2015-м. Некоторые аналитики назвали 2015 год «годом пограничных стен»².

США к настоящему времени построили на границе с Мексикой заграждения длиной 1078 км, где установили 12 тыс. датчиков движения, огромное количество видеокамер, 1,5 тыс. вышек для наблюдения и контроля, используется еще столько же мобильных АТС, передвигающихся вдоль границы. По официальным данным, около 7 тыс. человек были убиты или погибли по другим причинам при попытке пересечения границ, но вполне вероятно, что их число гораздо больше³. Несмотря на это, Дональд Трамп выиграл президентские выборы в США, сказав, что уже построенных стен недостаточно. Он заявил о начале строительства новой «Великой американской стены» длиной 3145 км по всей протяженности границы между США и Мексикой. Предполагается, что это будет одна из самых укрепленных и оснащенных современной техникой границ в мировой истории. Для сравнения, длина Берлинской стены, дата разрушения которой ежегодно торжественно отмечается, составляла 155 км. Рональд Рейган, начавший неолибераль-

ную глобализацию, в своей речи в Берлине в 1987 году призвал Михаила Горбачева стереть с лица земли Берлинскую стену, чтобы воцарились мир, процветание и глобализация. Его наследник Трамп спустя 30 лет заявляет о строительстве стены, в 20 раз длиннее предыдущей, из чего можно сделать вывод, что уже нет ни мира, ни процветания, ни глобализации. И так поступает не только он. В Австралии, другой стране эмигрантов, говорят о «милитаризации национальных границ» и «создании крепости Австралия»⁴.

В Болгарии в 2015 году было предложено внести в законодательство изменение, согласно которому для получения в посольствах любых видов виз необходимо предоставить свои биометрические данные, а достоверность указанных целей посещения, документов, мест пребывания подвергается более тщательному контролю. Следует отметить, что подобные меры ранее были введены в США и ряде других стран, то есть современные электронные технологии имеют своеобразную «биологическую власть» над человеком, а это приводит к еще большему контролю границ, чем когда бы то ни было прежде. Политически это «новое Средневековье» с разделением мира на части и нарастающим количеством границ будет сопровождаться доминирующими консервативными, популистскими и националистическими формами управления и легитимации, различными модификациями авторитаризма и нелиберальной демократии в эпоху цифровых технологий. Неслучайно начиная с 1970-х годов и до настоящего момента в среде интеллигенции стал популярен постмодернизм, который говорит о крахе больших нарративов и представлений о том, что человечество движется к некой общей универсальной модели развития. В мире «за забором» каждый идет своим путем к будущему и следует своей модели развития.

¹ Borders, Fences and Walls. State of Insecurity? / ed. E. Vallet. Ashgate. 2014. P. 2.

² Jones R. Why Border Walls Fail // Project Syndicate. URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/why-border-walls-fail-by-reece-jones-2015-09> (accessed: 18.09.2015).

³ Palma M. B. Borderland Deaths of Migrants Quietly Reach Crisis Numbers. URL: <http://www.truth-out.org/news/item/25116-borderland-deaths-of-migrants-quietly-reach-crisis-numbers> (accessed: 27.07.2014).

⁴ Lees Josh. The construction of fortress Australia // Readflag. Newspaper of Socialist Alternative. 2015. 15 Sept.

Г. М. Резник¹

КОРРУПЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И ЕЕ ЭВОЛЮЦИЯ

Каждый, кто захочет составить объективное представление о коррупции и отношении к ней, столкнется с разного рода текстами: международных и отечественных деклараций и законодательных актов, исторических исследований и документов, научной, публицистической и художественной литературы. Первое, что обнаружится, — отсутствие единства в определении коррупции: и как социального явления, и как юридического понятия.

Для обсуждения вопроса, поставленного в данном докладе, достаточно оттолкнуться от узкого понимания коррупции как продажности, подкупности представителей государственной власти, правительственных чиновников и должностных лиц. Подкуп, продажность (от *лат.* *conruptio*) — использование властных полномочий ради личного обогащения. Этот термин изначально имел также и иные, резкие негативно-оценочные значения: порча, растление, разложение. Это неудивительно: задолго до Античности, с древнейших времен Вавилона и Месопотамии, официальная мораль и право уже однозначно признавали коррупцию опасностью, угрожающей основам государства, и она преследовалась в уголовном порядке. Аристотель считал, что коррупция способна изменить политический строй государства, превратить монархию в тиранию. Однако гневные моральные обличения и суровые уголовные репрессии оставались бессильны. Коррупция процветала как в Древнем мире, так и в Средние века, глубоко укоренившись в государственном управлении и житейском быте.

Новыми гранями заиграла коррупция с зарождением капитализма. Буржуазия расчищала себе путь через коррумпирование находящихся у власти аристократов. То, что интенсивный подкуп голосов высокопоставленных сановников и политиков не только не препятствовал, но и содействовал ускоренному экономическому росту, должно было навести на «греховную» мысль о позитивной роли коррупции для социального развития. Но высказана эта мысль в науке была значительно позже, в начале XX века, Максом Вебером. В рамках выдвинутой им концепции понимающей социологии Вебер пришел к выводу, что коррупция может быть функциональной и приемлемой, если содейству-

ет ускорению происходящих в обществе политических и экономических изменений.

В полной мере этому допущению, как и другим идеям, возникшим на Западе, предстояло пройти проверку на территории нашей страны.

Коммунистическая доктрина, объявившая самым страшным злом на земле частную собственность, породила в СССР экономику хронического дефицита. С другой стороны, отсутствие в розничной торговой сети многих товаров, необходимых людям, сочеталось с образованием на складах государственных предприятий больших запасов сырья. На последнем Пленуме ЦК КПСС (июль 1991 г.) была оглашена цифра: нормированные запасы сырья и продукции, не находящей сбыта, оцениваются в 640 млрд рублей. Для сравнения: на культуру, образование и науку, вместе взятые, из бюджета выделялось гораздо меньше.

Известно, что если массовая потребность не удовлетворяется законным путем, это происходит в обход закона. Добро, лежавшее мертвым грузом на складах, стало использоваться предприимчивыми людьми для производства товаров народного потребления. Модная одежда, обувь, аксессуары, запчасти к автомобилям — все это начали изготавливать в подпольных цехах государственных предприятий. Частнопредпринимательская деятельность сама по себе признавалась в СССР преступной, но «цеховик» неизбежно плодил вокруг себя и другие запрещенные советским уголовным законом деяния: коммерческое посредничество, спекуляцию, скупку имущества, добытого заведомо преступным путем, незаконное пользование товарными знаками. И, конечно, взяточничество. Цех с левым оборотом от начальства не скроешь, широкий сбыт от полиции и прокуратуры не утаишь. Занятие запрещенным бизнесом было неизбежно сопряжено с дачей взятки руководству заводов и фабрик, контролерам из проверяющих органов, оперативным работникам, прокурорам, функционерам городской, а то и партийной власти.

Вовлекались в подпольное производство и рядовые труженики. Они не роптали, не возмущались — напротив, с большой охотой за повышенную плату работали не на государство, а на нелегального предпринимателя. Вера в преимущества социализма подтачивалась подпольными бизнесменами вместе с коммерческими посредниками-спекулянтами и у широких масс потребителей. Согласно опросу, проведенному в середине 1970-х годов Всесоюзным институтом по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 30 % граждан одобрительно отзывались о деятельности спекулянтов и осудили тех, кто доносил на них правоохранительным органам.

Идеологические догмы затрещали под напором частного интереса. Коррупция в данном случае послужила здравому смыслу в экономическом поведении, содействуя, по удачному выражению Л. М. Тимофеева, «уничтожению неразумного, неудобного людям по-

¹ Вице-президент Федеральной палаты адвокатов, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ. Президент Адвокатской палаты г. Москвы (2002 — февраль 2015 г.). Автор более 300 публикаций по проблемам теории права, уголовного права и процесса, криминологии, в т. ч. монографий: «Внутреннее убеждение при оценке доказательств», «Когда наступает ответственность», «Конституционное право на защиту», «Честь. Достоинство. Деловая репутация: споры с участием СМИ», «Личность преступника: правовое и криминологическое содержание», «К вопросу об определении понятия преступности», «Адвокат: престиж профессии», «Противоречия урбанизации и преступность» и др. Вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов. Член Совета по вопросам совершенствования правосудия при Президенте РФ. Награжден Золотой медалью им. Ф. Н. Плевако; почетными знаками «Общественное признание» и «Символ Свободы»; высшей юридической премией «Фемида», Национальной премией в области адвокатуры «За честь и достоинство». Почетный доктор СПбГУП.

рядка и возникновению нового, рационального и продуктивного».

С начавшейся во второй половине 1980-х годов перестройкой и последующим запуском рыночных реформ частный бизнес вышел из подполья. Но взятка, ставшая необходимым условием существования теневой экономики, не исчезла. Более того, коррупция получила новый импульс.

К моменту ликвидации СССР казна была пуста, цены на нефть упали до минимального значения, а не имевшее альтернативы освобождение цен обесценило банковские вклады населения. Подавляющее большинство граждан России, включая армию службистов низшего и среднего звена, оказались у черты бедности. Между тем в период первоначального накопления капитала нужда в чиновниках с их полномочиями регистрировать, согласовывать, разрешать, контролировать резко возрастает. Посему мздоимство на этапе приватизации приобрело преимущественно характер платы чиновникам за оперативное и добросовестное выполнение их служебных обязанностей.

Значительно драматичнее выглядели коррупционные отношения бизнеса с правоохранительными органами. Неожиданное и быстрое обрушение режима коммуно-советской власти привело к атаке на бизнес профессиональной преступности. Теневая экономика не могла существовать без «теневой юстиции». Капиталы «цеховиков», торгашей и спекулянтов нуждались в охране от шантажа, вымогательства и ограблений. Защищаться от одних уголовников можно было только с помощью других. Криминальные авторитеты выполняли также функции третейских судей при улаживании конфликтов, вызванных нарушением «деловой морали».

После августа 1991 года профессиональная преступность, которую подпустил к себе теневой бизнес в советские времена, заявила о своих притязаниях на участие в разделе замаячивших высоких прибылей. Возглавлявшие вооруженные банды уголовники выдвигали новоявленным владельцам предприятий и банков требования уйти под их криминальное покровительство либо даже впустить в свой капитал партнерами.

Далеко не всем коммерсантам такие предложения пришлось по душе. Многие собирались легально вести бизнес в условиях рыночной экономики. Противостоять криминалу могли только правоохранительные органы. Но оперативникам и следователям вовсе не хотелось рисковать и подставляться под бандитские пули в интересах «новых русских» за грошовую зарплату, едва позволявшую сводить концы с концами. И тогда борьба с рэкетом стала дополнительно вознаграждаться.

В 1990-е годы целые милицейские команды находились на содержании предпринимателей. Нелегальное сотрудничество принесло свои плоды: за 5–6 лет удалось практически полностью избавиться от криминального силового давления на легальный бизнес. Но облегчения для предпринимательского класса не наступило. Напротив, 2000-е годы стали временем расцвета отечественной коррупции, вставания в бизнес

среднего и высшего слоев чиновничества, прежде всего правоохранительных органов.

Коррупционная составляющая при госзаказах, госуслугах, выделении земли в частную собственность превратилась в регулярно уплачиваемую ренту. Бандитскую «крышу» сменила «ментовская» (родовое понятие в отношении всех правоохранителей: полицейских, фээсбэшников, следователей, прокуроров).

Парадокс: увеличению масштабов коррупции сопутствовали рост материального благосостояния широких слоев населения, сокращение уровня бедности. При резко возросших ценах на нефть хватало на все.

Борьбы с деловой коррупцией в стране не велось. Постоянные призывы к ее преодолению носили ритуальный характер. Уголовная статистика была представлена главным образом бытовой коррупцией — среди осужденных за взяточничество преобладали врачи, педагоги, работники детских садов; «в нагрузку» к ним дозированно добавлялись сотрудники тотально коррумпированной ГИБДД — чтобы не было совсем уж курьезного расхождения между всем известной действительностью и ее отражением в государственной отчетности. Средний размер взятки в 2012 году, например, не достигал до 8 тыс. рублей, тогда как, согласно исследованиям латентной преступности в сфере бизнеса, он превышал 100 тыс. долларов США. Но высокопоставленные чиновники и правоохранители на сканью подсудимых, за редчайшим исключением, не попадали.

В 2000-е годы коррупция стала спутницей изменившихся политических и экономических приоритетов. Централизация власти, прекращение «парада суверенитетов», усмирение мятежной Чечни — решение этих задач объективно требовало укрепления государственного аппарата с опорой на силовые структуры.

Как известно, чтобы быть устойчивой, власть должна опираться на сплоченные и богатые группы. Силовики, пришедшие в органы государственного управления, могут изжить бедность только через коррупцию. Впрочем, получаемую от бизнеса ренту они вовсе таковой не считают. Психология нынешних функционеров сродни умонастроению чиновников Российской империи, «кормящихся от дел», — осознание себя «солью земли», опорой режима и, следовательно, мзды — как получаемой по праву.

Если главной целью государственной политики становится сохранение стабильности режима, то она неизбежно оплачивается ростом коррупции, обеспечивающей лояльность как различных групп элиты, так и всего раздутого бюрократического аппарата. За период с 2000 по 2012 год численность последнего возросла на 65 %, при этом постоянно усиливался приток выходцев из силовых структур в верхние слои чиновничества. Сейчас практически в каждом регионе если не губернатор, то как минимум вице-губернатор или глава ключевого департамента — бывший чекист.

Параллельно государство наращивало присутствие в экономике. Из доклада Федеральной антимонопольной службы (ФАС) следует, что за десять лет государство вдвое увеличило свое присутствие

в экономике — с 35 % в 2005 году до 70 % в 2015-м. Только за последние три года количество государственных и муниципальных унитарных предприятий утроилось. А с увеличением доли государства в экономике сумма коррупционной ренты возрастает. Закономерно, что почти половина компаний, опрошенных Российским союзом промышленников и предпринимателей (РСПП), ответила: «Власть относится к бизнесу как к кошельку» (48 против 42 % в 2014 г.). Социологические опросы показывают, что на протяжении последних 10 лет примерно половина населения признает, что коррупция пронизывает все общество насквозь.

Тем не менее примечательно, что коррумпированность вовсе не обязательно определяет негативное отношение россиян к сановникам. Например, согласно опросам 2009–2010 годов, половина москвичей верила слухам о коррумпированности Юрия Лужкова, но при этом 60 % оценивали его работу положительно и считали, что он должен остаться на посту мэра. Громкие коррупционные скандалы никак не отражаются на высоком рейтинге Владимира Путина, хотя, например, 38 % сочли, что арест министра Алексея Улюкаева бросает тень на президента.

Отсутствие активного возмущения коррупцией нередко объясняется традиционным терпением населения. История страны действительно говорит о том, что ресурсы терпения в нашем обществе огромны. Но все же не безграничны. Власти нужно поддерживать более или менее пристойный уровень жизни различных социальных слоев. Если лихорадит экономику, обостряются проблемы жилья, здравоохранения, пенсионного обеспечения, то именно коррупция легче всего будет воспринята массами как причина всех несчастий. Недавние события на Украине и в Румынии это ярко продемонстрировали.

Похоже, что в условиях затягивающегося экономического кризиса и все более громких обличений несистемной оппозицией правящей бюрократии в коррупции верховная власть начинает с такой опасностью считаться. Подвижки произошли в единственно доступной для администрирования области — уголовной репрессии — при нежелании что-либо менять во внутренней политике и проводить структурные реформы в экономике. Важное изменение внесено в Уголовный кодекс: там появилась статья «мелкое взяточничество». Таковым с июня 2016 года считается взятка в 10 тыс. рублей. Таким образом, выявлением бытовых поборов уже нельзя будет камуфлировать в государственной статистике практически отсутствующую борьбу с де-

ловой коррупцией и коррупцией верховной власти (политического руководства, суда, прокуратуры, верхушки силовых ведомств).

В 2016 году число выявленных взяток в особо крупном размере (свыше миллиона рублей) выросло в 2,5 раза, а средний размер взятки за два года увеличился в 6 раз. Солидно выглядят и «посадки» последних лет: федеральный министр, четыре губернатора, директор Федеральной службы исполнения наказаний, генерал-лейтенант таможенной службы, пять заместителей губернаторов, шестеро высокопоставленных представителей прокуратуры и следственного комитета, пятеро крупных предпринимателей, двое из них аффилированы с Федеральной службой охраны.

Уголовные репрессии не в состоянии кардинально повлиять на уровень коррупции, но «встряхнуть» особо алчных, уверовавших в свою полную безнаказанность чиновников, побудить «брать по чину» и не выпячивать свое несправедное богатство на фоне бедности большинства населения ей вполне по силам. На большее в отсутствие политической конкуренции, действительного контроля гражданского общества за государством и при сильнейшем экономическом дирижизме рассчитывать не приходится. Реальный путь сокращения коррупции, успешно осуществленный за длительный период (1970–2000-е гг.) на Западе, состоит в максимизации потерь и минимизации выгод от коррупционных сделок.

Сама ситуация, когда коррупция стимулирует хозяйственную жизнь, возможность чего допустил М. Вебер, фиксировали Н. Лефф, С. Хантингтон и другие, может быть расценена как ненормальная — и с моральной точки зрения, и с экономической. Она свидетельствует о неразумных законах, ограничивающих экономическую активность, неэффективном государственном управлении, отсутствии верховенства права в стране. Подкуп бизнесменами чиновников в такой обстановке описывается криминологической формулой: преступление — это нормальная реакция нормального человека на ненормальные условия.

Коррупция уродует общественный правовой порядок, влияет на образ жизни широких слоев населения, «наводит порчу» на культуру. В 1990-е годы из жаргона преступников перешли в общее употребление такие словечки, как «тусовка», «разборка», «беспредел», «крыша». 2000-е «обогатили» новым, криминальным значением слова «распил» и «откат». Об успешности борьбы с коррупцией можно будет судить в том числе и по тому, будет ли происходить постепенное очищение языка от преступной лексики.

В. И. Россман¹

СТОЛИЦЫ КОМПРОМИССА И ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Интенсивные темпы урбанизации составляют одну из ключевых тенденций современного глобализирующегося мира. Однако смысл, характер и природа этих урбанизационных процессов не могут быть адекватно поняты вне ее структурного контекста. По темпам своего роста столицы значительно опережают все другие категории городов. При этом во многих регионах мира жители столичных городов уже сегодня составляют четверть городского населения. Это особенно характерно для развивающихся стран. Эти темпы роста, а также продолжающиеся процессы национального строительства, субнациональные конфликты и дисбалансы экономического развития бросают новые вызовы правительствам многих стран. В связи с этим в докладе рассматривается проблема расположения столичных городов, дебаты по поводу их переноса, а также важность их символического капитала в процессе национального строительства. Особое внимание уделяется «столицам компромисса» и их роли в интеграции регионов и субнациональных сообществ. Указывается особая роль такой модели столичного города для многих федеративных государств, государств, которые пытаются широко внедрять федеративные принципы в систему управления, а также государств, для которых характерны острые этнические и конфессиональные конфликты.

Многие исторические государства сформировались как союзы из двух или более составляющих: среди таких государств можно назвать Древний Египет, объединенную монархию Израиля и Иудеи, Аббасидский халифат, Речь Посполитую (польскую федерацию). Новые столицы этих государств способствовали политическому единству и сплоченности этих стран. Традиция приходит к компромиссу при строительстве столицы проявляется во многих современных федерациях (Вашингтон, округ Колумбия, в США, Оттава в Канаде, Канберра в Австралии, Брюссель в Бельгии, Берн в Швейцарии), но она также имеет значение и может быть применена ко многим проектам национального строительства в разных странах мира. В докладе говорится, что этот опыт может быть полезен как для относительно недавно возникших государств, в которых не прекращаются этнические и конфессиональные конфликты и гражданские войны, так и для федераций, которые хотят улучшить качество своего федерализма. Сегодня многие из этих государств пытаются найти решения по вопросу учреждения новой столицы. Следует

учитывать преимущества и потенциальные недостатки компромиссных стратегий.

Возникновение новых столиц часто становится водоразделом, который отмечает важный исторический переход: от монархии к империи, от империи к национальному государству, от унитарного государства к федерации и — гораздо чаще — от колонии к независимому государству. Новое местонахождение правительства по-новому представляют государства и нации. В пространственном плане новые столицы помогают установить новую связь между субъектами государства. Успешные новые столицы служат утверждению единства и являются символами новых наций. Подобно скрижалям Завета, новые столицы представляют собой договоренность или новый контракт между субнациональными единицами, которые объединены в союз. Если столица успешна, то это облегчает интеграцию субъектов. Новые национальные столицы пытаются примирить и интегрировать две или более составляющие сущности страны (государства, земли, территории, префектуры, этнические, религиозные или языковые группы, племена) и конститутивную роль в процессе построения государства и национального строительства. Эти столицы могут повысить или уменьшить шансы на достижение долгосрочного мира и консенсуса между субъектами, таким образом преодолевая их разногласия и потенциальные конфликты.

Несколько примеров из древней и недавней истории могут продемонстрировать подобное развитие событий. Исторически многие страны сформировались в результате союза двух частей. Древний Египет появился в результате слияния Нижнего и Верхнего Египта. Название новой столицы, Мемфис, расположенной между Буто в Нижнем Египте в дельте Нила и Иераконополисом (Нехеном) в Верхнем Египте, построенной фараоном Менесом, буквально означает «равновесие земель». Неслучайно, что вся страна получила греческое название («Эйгиптос» или «Айгюптос»), происходящее от греческого названия столицы, которая олицетворяла союз. Божества двух упомянутых городов, змея и коршун, слились в короне египетских фараонов, которая служила символом единения двух земель и основой египетской идентичности. Точно так же красный и белый цвета короны представляли Верхний и Нижний Египет. И соответственно фараона называли «царем двух земель».

Древнееврейское царство (объединенная монархия Израиля и Иудеи) сформировалось в результате слияния Израильского (Северного) царства со столицей Самария (Шомрон) и Иудейского царства на юге со столицей Хеврон. Новая столица Иерусалим стала компромиссом двух царств.

В X веке столица Арабского халифата была перенесена из Дамаска в Багдад. Омейядская монархия, по сути арабская, трансформировалась в более космополитскую Аббасидскую империю, в которой пер-

¹ Профессор Северо-Американского университета (Хьюстон, штат Техас, США), доктор философии и политических наук. Старший научный сотрудник (Senior Fellow) в Center for Energy, Natural Resources and Geopolitics (Вашингтон, округ Колумбия). Преподавал в университетах России, США, Центральной Европы, Юго-Восточной Азии и Израиля. Автор более 100 научных работ, в т. ч.: «Столицы», «В поисках Четвертого Рима: российские дебаты о переносе столицы», «Capital Cities: Varieties and Patterns of Their Development & Relocation», «Russian Intellectual Antisemitism in the Post-Communist Era», «Два призрака XIX века». Член редколлегий нескольких российских и зарубежных журналов.

сидская культура была положена в основу как системы управления, так и художественных форм в империи и играла важнейшую роль. Шуубия, движение, проповедующее равенство всех верующих, олицетворяло союз между персами и арабами, поскольку элементы персидской культуры заложили фундамент нового союза. Неслучайно новая столица Багдад была построена поблизости от старой сасанидской столицы Персии — Ктесифона.

Таким же образом столица была перенесена из Кракова в Варшаву, чтобы служить символом перехода от польской монархии, связанной с правлением династии Пястов (она опиралась на польскую аристократию), к универсальной империи, которая представляла союз между Королевством Польским и Великим княжеством Литовским (общее польско-литовское государство). Варшава была гораздо ближе к новым частям империи, и отсюда было намного удобнее контролировать территории государства. Следует отметить, что Варшава находилась на полпути между старой столицей Краковом и Гродно в Литве. Последний город был фактической столицей и резиденцией польского короля Стефана Батория. Примечательно, что Варшава была расположена на территории Мазовии (или Мазовецкой земли), которая недавно присоединилась к Королевству Польскому и нуждалась в интеграции.

Точно так же столица Испании была перенесена из Толедо в Мадрид в XVI веке. Мадрид располагался на одинаковом расстоянии от Бургоса, столицы Кастилии, и Сарагосы, столицы Арагона, двух королевств, союз которых сформировал основу для объединенного государства. Новая столица была основана между Андалусией на юге Испании и северными королевствами, служившими плацдармом для Реконксты и освобождения от мавров юга государства.

В более поздней истории этот вид компромиссной столицы многократно использовался различными вновь возникающими государствами. В США Вашингтон, округ Колумбия, был построен на границе между историческими Севером и Югом. В Канаде Оттава была выбрана столицей, потому что находилась на границе между франкоязычной и англоязычной частями страны. В Новой Зеландии столица была перенесена в Веллингтон, поскольку город располагался на границе между северным и южным островами. Наконец, Канберра была выбрана на роль столицы, потому что находилась между Мельбурном и Сиднеем — наиболее сильными провинциями страны, которые они представляли. Точно так же в Бельгии благодаря Брюсселю удалось достичь компромисса между франкоязычной и фламандской частями страны. В Швейцарии компромисс между франкоговорящей частью и частью, говорящей на немецком языке, нашли в Берне, который расположен между ними и недалеко от их границы. В 1948 году столицу федеративного государства Югославия разместили в Новом Белграде — между Старым Белградом, приграничным городом Оттоманской империи, и Земунем, приграничным городом Австро-Венгрии. Новый Белград также находился недалеко от границы между Сербией и Хорватией, двумя крупнейшими составляющими федерации.

Более сложная модель компромисса была выбрана в Нидерландах и ЮАР. В отличие от стран с четкой структурой из двух частей, описанных выше, в этих странах имелось больше составляющих. На момент появления в ЮАР имелись четыре провинции, а в Нидерландах было 12 провинций. В обоих случаях организация включала разделение столичных функций. В Нидерландах решили оставить номинальную столицу в Амстердаме, столице протестантского севера, в то время как реальные столичные функции были переданы Гааге в католической части страны на юге. В более мелких провинциях страны опасались доминирования севера Голландии, крупнейшей и самой сильной из соединенных провинций, где расположен Амстердам, и решили, что для уравнивания экономической мощи протестантской Голландии политическая столица должна находиться на католическом юге. В 1910 году в Южной Африке был сформирован Южно-Африканский Союз четырех бывших колоний. В него вошли Трансвааль, Оранжевое Свободное Государство (в прошлом бурские республики), Капская колония и Натал (бывшие британские колонии). Каждая из составляющих стремилась к тому, чтобы ее территория или ее столица стали месторасположением правительства объединенного государства. В конце концов столичные функции были разделены между тремя провинциями страны. Исполнительная власть была сосредоточена в Претории, законодательная — в Кейптауне, а судебная — в Блумфонтейне. Натал, четвертая бывшая колония, получила финансовую компенсацию за отсутствие политического представительства.

Этот тип организации — столица компромисса — не является уникальным для англосаксонской или других западных демократий и может быть использован в настоящее время при построении государств и национальном строительстве многими африканскими народами. Компромиссная стратегия при построении государства, описанная выше, может быть особенно ценной для относительно недавно возникших государств, раздираемых гражданскими конфликтами. Она также особенно важна для федераций, строящихся из нескольких составляющих, стран, которые планируют построить или усовершенствовать свои федерации и федеративные институты. Эти страны включают Эфиопию, Индию, Непал, Мексику и Боливию. Многие лидеры этих стран осведомлены об исторических прецедентах; по крайней мере, некоторые из них предлагают использовать их модели для построения собственного государства или усилий по национальному строительству.

Однако следует отметить, что компромиссные стратегии не всегда срабатывают и не являются универсальным рецептом достижения успеха. Благородные цели построения мира и нахождения компромисса совсем необязательно превращаются в строительство успешных государств без этнических конфликтов. История полна прецедентов, когда мечты об интеграции через строительство новой столицы рушились и даже обостряли напряжение между этническими группами.

В Нигерии решение перенести столицу с преимущественно христианского юга в Абуджу, расположен-

ную в непосредственной близости от мусульманского севера, по крайней мере частично, было мотивировано необходимостью добиться примирения между представителями разных религиозных конфессий. Это также было официальной целью специально разработанного проекта строительства столицы. Однако доминирование мусульманских элит и символов в Абудже вызвало обратный эффект и не смогло обеспечить ожидаемого результата. Ожесточенные конфликты на религиозной почве до сих пор раздирают страну. В Кот-д'Ивуаре перенос столицы из Абиджана в Ямусукро, ближе к мусульманскому северу, также не дал заметных положительных результатов в плане межэтнических взаимоотношений и взаимоотношений между представителями разных конфессий. Хотя, вероятно, мир между мусульманами и христианами не был главной целью основателя новой столицы Уфуэ-Буаьи, первого авторитарного президента страны, который долгие годы находился на этом посту. Но он продвигал мусульманских лидеров и пытался стабилизировать страну. Однако он считал христианство более прогрессивной религией и сделал самый большой в мире католический собор главной достопримечательностью новой столицы. Неудивительно, что после его смерти старые межэтнические и религиозные противоречия разгорелись с новой силой и привели к длительной гражданской войне¹.

Однако, несмотря на эти неудачи, компромиссную стратегию при строительстве столиц нельзя недооценивать. Достаточно успешное использование этой стратегии можно найти за пределами западных либеральных демократий. Примером может служить Ботсвана, где новая столица была построена, чтобы установить мир и консолидировать восемь основных племенных групп в стране. Следует отметить, что месторасположение новой столицы не является центральным, поскольку Габороне находится на окраине государства. Однако этот город традиционно служил местом встреч и собраний вождей различных племен. В отличие от старой столицы, Мафекинга, в которой традиционно находилась резиденция вождей племени баролонг,

¹ После обретения независимости пришедшие к власти правители проводили политику в новых независимых африканских странах, усиливая роль угнетенных при колониальном режиме этнических групп и при этом подрывая позиции этнических групп, в прошлом приближенных к колонизаторам. Таким образом позиции христиан Берега Слоновой Кости (Кот-д'Ивуара), хуту в Руанде и мусульман в Нигерии усилились за счет мусульман, тутси и христиан в этих же странах соответственно. Их столицы были передвинуты ближе к центру страны, к границе с непривилегированной этнической группой. Этими новыми столицами стали Абуджа в Нигерии, Кигали в Руанде и Ямусукро в Кот-д'Ивуаре. Абуджа расположена ближе к границе между мусульманской и христианской частями страны. Ямусукро, новая столица Берега Слоновой Кости, также расположена ближе к мусульманской части страны. Точно так же в Руанде столица была перенесена из колониальной столицы и главного торгового города Бутаре, расположенного на окраине государства на юге, где доминирующим было этническое меньшинство тутси. Однако компромиссное решение не сработало и, как мы знаем, напряженность между этническими группами сохраняется и сегодня. Во всех случаях угнетенные в прошлом этнические группы, в свою очередь, притесняли этнические или религиозные группы, доминировавшие при колониальном правлении. В некоторых случаях конфликт привел к затянувшимся и напряженным гражданским войнам и насилию. Также следует отметить, что размещение правительства США в Вашингтоне, округ Колумбия, между Севером и Югом, не предотвратило войну между ними в XIX веке.

Габороне находится в сфере влияния шести из восьми главных племен страны. В Мавритании столица была перенесена в небольшую деревню Нуакшот в центре страны, которая позволила создать баланс между черным населением юга страны и арабо-берберским населением севера.

В 1858 году столица Никарагуа была перенесена из Леона в Манагуа. Это был компромисс между двумя крупнейшими городами страны, либеральным Леоном и консервативной Гренадой.

Муаммар Каддафи сделал фактической столицей Ливии Сирт, место своего рождения, с центральным местоположением относительно трех провинций страны (Триполитана, Киренаика и Феццан). Выступая против самой концепции столичного города и отрицая федеративный статус Ливии, он, по сути, следовал старой стратегии компромисса и использовал компромиссную концепцию столичного города, чтобы соединить вместе три провинции.

Выбор столицы играет важнейшую роль при строительстве национальной идентичности. В наши дни исторические прецеденты столиц компромисса могут быть полезны для тех стран, где идут споры о новых столицах. Многие из этих стран в настоящее время обсуждают вопрос о наиболее удобном и выгодном местоположении своих новых столиц. Этим странам следует уделить наибольшее внимание тем городам, соперничающим за столичный статус, которые имеют наибольший потенциал для того, чтобы в стране воцарился мир. Для этой роли больше всего подходят нейтральные места со слабой региональной идентичностью, расположенные в центре страны. Этот опыт может быть наиболее полезен таким странам, как Сомали, Ливия и Йемен, где разрушительные гражданские конфликты и глубокий раскол между различными частями, их составляющими, представляют серьезную угрозу самому существованию этих государств. С концепцией новой столицы, которая сможет примирить интересы шиитов и суннитов в Ираке, выступил, в частности, видный иракский интеллектуал и бизнесмен Немир Кирдар. В 2000 году президент Демократической Республики Конго выступил с идеей трех столиц страны (по модели ЮАР), которые должны были сбалансировать интересы трех наиболее важных регионов государства.

Этот вопрос также важен для вновь возникших государств, таких как Южный Судан и Западная Сахара (Сахарская Арабская Демократическая Республика), где обсуждается вопрос о новых столицах. Это также может помочь тем странам, которые хотят развивать и усиливать существующие федеративные принципы и выводить их на новый уровень. Это относится к Боливии, Непалу, Индии, некоторым африканским государствам, в частности к Эфиопии, Кении, Уганде и Замбии. Концепция новой федеративной столицы также вызывает интерес и в Великобритании. В настоящее время в этих странах обсуждают вопрос переноса столицы в контексте введения или усовершенствования федеративной системы управления. Положение столицы относительно частей страны может помочь установлению большего равновесия во взаимоотно-

шениях между центром и периферией и между составляющими государство штатами, землями и другими общностями.

Описанные модели и прецеденты также могут служить примером для тех стран, которые сегодня пытаются создать новые федерации или конфедерации. Например, Восточноафриканская Федерация — это предполагаемый союз шести суверенных государств в Восточной Африке (Бурунди, Кения, Руанда, Южный Судан, Танзания и Уганда). Предлагаемая столица этой федерации или конфедерации — город Аруша, расположенный почти на границе между двумя наиболее сильными членами предлагаемой федерации, Танзанией и Кенией. То же самое относится к возможному объединению Румынии и Молдовы, а также Южной и Северной Кореи в будущем. В процессе национального строительства центральное местоположение столицы или ее расположение между составными частями играет как практическую, так и символическую роль.

Очевидно, что центральное местоположение столицы само по себе не решит проблему этнических разногласий и конфликтов. Необходимы дополнительные меры и усилия, чтобы снять остроту соперничества между разными общинами страны для того, чтобы двигаться вперед в перестройке государства. Для ослабления этнических проблем, способных вызвать трудности в будущем, недостаточно разместить правительство на новом месте. Акцент в политических дебатах следует сместить с интересов различных этнических групп на обсуждение общих и объединяющих политических проблем и интересов. Фундаментальные институциональные перемены и реформы должны про-

водиться для усиления согласованности и национального единства. Однако ясно, что столицы компромисса, расположенные в символически важных местах, усиленные использованием общих символов и особой иконографией, могут служить фундаментом для структурной перестройки государства и более успешного национального строительства, которые, в свою очередь, будут способствовать этим институциональным изменениям.

Литература

1. *Adebanwi W.* Abuja / W. Adebanwi // Pretoria & Dakar: HSRC & CODESRIA / eds. G. Therborn, S. Bekker. — 2011. — P. 84–102.
2. *Ambedkar B. R.* India and the necessity of a second capital: A way to remove tension between the North and the South / B. R. Ambedkar // Thoughts of linguistic States. — Bombay: Ramkrishna Printing Press, 1955.
3. *Best A. C.* Gaborone: problems and prospects of a new capital / A. C. Best // Geographical Review. — 1970. — № 60. — P. 1–14.
4. *Davies D.* Nottingham: The New Capital of England? / D. Davies // Britology Watch: Deconstructing “British Values”. — 2007. — Nov. 6.
5. *Dijkink G.* European capital cities as political frontiers / G. Dijkink // Geojournal. — 2000. — № 51. — P. 65–71.
6. *Flanagan J.* The Relocation of the Davidic Capital / J. Flanagan // Journal of the American Academy of Religion. — 1979. — Vol. XLVII (2). — P. 223–244.
7. *Jacobs F.* Capital Flight. Cautionary tales from seven of the world’s most arbitrary seats of government / F. Jacobs // Foreign Policy. — 2012. — № 9.
8. *Kirdar N.* Saving Iraq: Rebuilding a Broken Nation / N. Kirdar. — George Weidenfeld & Nicholson, 2010.
9. The Problem of the Capital City. New research on federal capitals and their territory / ed. K.-J. Nagel. — Barcelona: Col·lecció Institut d’Estudis Autònoms, 2013.
10. *Rossmann V.* Capital Cities: Variety and the Patterns of Development and Relocation / V. Rossmann. — L.; N. Y.: Routledge, 2017.

Беве́рли Дж. Си́лвер¹

ПЕРЕСТРОЙКА МИРОВОГО РАБОЧЕГО КЛАССА: УСИЛЕНИЕ ПРОТЕСТОВ НА ОСНОВЕ КЛАССОВЫХ ИНТЕРЕСОВ ПОСЛЕ 2011 ГОДА ВО ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ²

Начиная с 1980-х годов доминирующим подходом в общественных науках было предположение о том, что активизация на основании трудовых и классовых интересов является пережитком прошлого. Многие утверждали, что глобализация стала причиной напряженной конкуренции между рабочими по всему миру, и это в результате привело к неуклонному снижению силы рабочих и ухудшению качества их жизни. Говорили, что перестройка производства — закрытие заво-

дов, аутсорсинг, автоматизация и использование новых источников дешевой силы — подрывает класс рабочих, занятых в массовом производстве в так называемых странах центра и создает непреодолимые барьеры для повышения активности нового рабочего класса в других местах.

Этот аргумент стал известен как тезис о *гонке уступок*. Сторонники этой точки зрения были застигнуты врасплох, когда пришло время объяснять усиление недовольства рабочих по всему миру и повышение активности на основе классовых интересов, начавшееся с 2008 года. Этот новый подъем наблюдается в нескольких формах: волна забастовок фабричных рабочих в Китае и других регионах Азии, стихийные забастовки воинственно настроенных рабочих платиновых рудников в ЮАР, захват городских площадей безработными и частично занятыми молодыми людьми в странах от Северной Африки до США, протесты против строгой экономии в Европе. Это лишь несколько признаков того, что ситуация меняется. На самом деле,

¹ Директор Arrighi Центра глобальных наук Университета Джонса Хопкинса (Балтимор, США), доктор социологии, профессор. Автор большого количества монографий и статей, посвященных экономической глобализации и трудовым отношениям, в т. ч.: «Хаос и управление» (в соавт.), «Методы макросравнительных исследований» и др.

² Данные о долгосрочных тенденциях, характеризующих протесты рабочих и социальные протесты (1815–2016) собирались Б. Дж. Силвер и ее коллегами при поддержке гранта Национального научного фонда (США). Руководитель исследования «Экономические и геополитические кризисы и волны социальной напряженности» — Б. Дж. Силвер (грант № 1460434, 1 апреля 2015 г. — 31 марта 2018 г.).

вероятно, мы находимся всего лишь в начале процесса повышения активности на основе трудовых и классовых интересов по всему миру.

Усиление активности на основе классовых интересов по всему миру

Для того чтобы понять, что именно разворачивается на наших глазах, нужен подход, позволяющий оценить и прочувствовать результаты повторяющихся время от времени революций в организации производства, которые были типичными для истории капитализма и привели не только к *исчезновению и распаду* сложившего рабочего класса, но и к *формированию нового рабочего класса в мировом масштабе*.

Те, кто на протяжении последних нескольких десятилетий объявлял об исчезновении рабочего класса и рабочих движений, склонны без колебаний сосредоточиваться на *исчезновении и распаде* при рассмотрении процесса формирования классов. Но если исходить из того, что мировой рабочий класс и движения рабочих периодически создаются, распадаются и появляются вновь, то мы имеем мощный антидот против тенденции преждевременного объявления об исчезновении рабочего класса каждый раз, когда происходит распад определенного рабочего класса. Об исчезновении рабочего движения было преждевременно объявлено в начале XX века, когда подъем массового производства подорвал силу ремесленников; и об этом снова преждевременно объявили в конце XX века.

Сосредоточивая внимание на создании, распаде и появлении классов рабочих вновь, мы заранее готовы к внезапному началу борьбы как новым рабочим классом, находящимся в стадии формирования, так и старым рабочим классом, пребывающим в процессе распада; то есть борьбы, которую ведут те, кто соответственно испытывает на себе и *созидательную*, и *деструктивную* стороны процесса накопления капитала. Я называю эти два типа борьбы *марксистским типом волнений* в среде рабочих и типом волнений *по Поланьи*. Волнения трудящихся марксистского типа состоят из борьбы новых, появляющихся классов рабочих, которые бросают вызов своему положению — дешевому и покорному труду. Тип волнений трудящихся по Поланьи — это борьба уже сформировавшихся классов рабочих, которые защищают существующий образ жизни и средства к существованию, включая те уступки, которых им удалось добиться у капитала и государств на более ранних этапах борьбы.

Во время нынешнего всплеска мы наблюдаем оба типа волнений в среде рабочих, волна забастовок мигрантов из Китая, представляющих новый рабочий класс, наиболее соответствует типу *нового рабочего класса, находящегося в стадии формирования*, а протесты в Европе против строгой экономии — типу *сформировавшегося рабочего класса, находящегося в процессе распада*.

Борьба в местах производства

Продолжающаяся волна забастовок в Китае является самым недавним проявлением динамики, которую можно резюмировать фразой: *куда идет капи-*

тал, туда вскоре приходят и конфликты между капиталом и рабочей силой. Если выразить по-другому, то методичное распространение массового производства по всему земному шару начиная с середины XX века и до настоящего времени привело к следующим одна за другой волнам формирования нового рабочего класса и волнений марксистского типа в среде рабочих. Мы знаем, что было в прошлом, схема одна и та же. Производство и капитал переместились на новые места в поисках более дешевой и сговорчивой рабочей силы. Однако хотя рабочие и стали представлять меньшую силу в тех местах, откуда утекал капитал, вместо «гонки уступок» результатом стало создание новых рабочих классов и новых сильных движений трудящихся в каждом из новых выбранных мест производства.

Эта динамика проявилась, когда за экономическими чудесами в Бразилии и ЮАР в 1960-х годах и в Южной Корее в 1970-х на протяжении жизни одного поколения последовали «чудеса» рабочего движения, которые разрушили репрессивные трудовые режимы, гарантировавшие дешевую и послушную рабочую силу. Сегодня мы это видим в Китае.

Одним из ответов китайских капиталистов на волну беспорядков в рабочей среде стали попытки перенести производство в места с еще более дешевой рабочей силой. Фабрики переместили из прибрежных районов в провинции в центральной части Китая и в еще более бедные страны в других частях Азии, такие как Вьетнам, Камбоджа и Бангладеш. Но почти сразу тезис *«куда идет капитал, туда вскоре приходят и конфликты между капиталом и рабочей силой»* получил новое подтверждение — поступили сообщения о забастовках в новых местах, выбранных для инвестиций. Становится все очевиднее, что *капиталу просто некуда бежать*.

Еще одним ответом капиталистов стало ускорение долгосрочной тенденции к автоматизации производства — то есть решение проблемы контроля над работниками путем их удаления из производственного процесса. Тем не менее протесты работников *по месту производства* остаются важным компонентом волнений в рабочей среде. Полное удаление человека из производственного процесса остается смутной перспективой. Более того, постфордистская реорганизация производства фактически увеличила подрывную силу рабочих по месту производства в некоторых отраслях, несмотря на широко распространенную тенденцию в литературе к сосредоточению внимания исключительно на том, как эти изменения ослабили рабочее движение.

Например, оперативная система производства по принципу «точно вовремя» (с нулевым уровнем запасов), убрав все буферы и излишки из производственного процесса, увеличила влияние рабочих по месту производства. В автомобильной промышленности детали поставляются «точно вовремя» от поставщика на заводы, где производится сборка. Поскольку запаса деталей больше нет, забастовка, которая останавливает производство на заводе, производящем хотя бы одну важную деталь, может через несколько дней, а то и меньше, остановить сборку во всей корпорации.

Именно это и произошло в Китае в 2010 году: забастовка на одном из заводов, выпускающих детали, вскоре привела к закрытию всех предприятий Honda в стране.

Глобализация в торговле и производстве также увеличила возможность диктовать свои условия и усилила позиции рабочих в сфере транспорта и коммуникаций, поскольку забастовки в этих отраслях грозят срывами в работе региональных и национальных экономик, а также всей глобальной цепи поставок. Когда говорят о событиях в Египте в феврале 2011 года, то обычно внимание сосредоточивают на уличных протестах и захвате площади Тахрир. Но Мубарак ушел в отставку только после того, как забастовали рабочие, обслуживающие Суэцкий канал, и стали очевидны все возможные последствия для внутренней и международной торговли.

Борьба на улицах

Недооценивать нынешнюю и будущую роль борьбы рабочих в местах производства было бы ошибкой, но нельзя также принижать значение уличных протестов. О взаимном влиянии этих двух способов борьбы можно сделать вывод на основании первого тома «Капитала». С одной стороны, Маркс концентрирует внимание на том, что происходит на «скрытом от глаз [фабричном] производстве», описывая присущий отношениям труда и капитала конфликт из-за продолжительности, интенсивности и скорости работы. Конфликт по месту производства актуален и в наши дни. С другой стороны, в гл. 25 Маркс дает понять, что логика капиталистического развития не только ведет к усилению борьбы на рабочем месте, но и к более широкому конфликту на уровне общества, так как накопление капитала идет рука об руку с ростом нищеты, что наиболее заметно в *росте резервной армии безработных, частично занятых и не имеющих постоянного места работы людей*.

Если посмотреть с этой точки зрения, то исторический капитализм характеризуется не только циклическим процессом созидания и разрушения, но и долгосрочной тенденцией к уничтожению существующих условий жизни и источников дохода и к жизни на более высокой скорости, чем появляются новые источники средств к существованию. Это указывает на необходимость концептуализации *третьего типа волнений в рабочей среде* в дополнение к протестам рабочего класса в стадии формирования (марксистский тип) или находящихся в процессе распада (тип волнений по Поланьи). Этот третий тип (для которого у меня нет названия) — протест тех рабочих, *которых капитал, по сути, обошел или исключил*; то есть тех членов рабочего класса, которым нечего продавать, кроме своей рабочей силы, но у которых очень мало перспектив ее продажи *в течение их жизни*.

Все три типа волнений в среде рабочих являются результатами различных проявлений одних и тех же процессов капиталистического развития. И их можно наблюдать в нынешнем усилении волнений на основании трудовых и классовых интересов в глобальных масштабах, с участием в протестах больших количеств безработной молодежи по всему миру, что является парадигматическим примером нашего третьего типа. На-

конец, все три типа борьбы тесно взаимосвязаны друг с другом.

Единство и раскол среди рабочих мира

Оптимизм Маркса относительно интернационализма трудящихся и преобразующей силы пролетарской борьбы частично основывался на его предположении, что все три типа рабочих — те, кто включен как работающие за зарплату в последний этап увеличения количества материальных благ; те, кто оказывается выброшенным на улицу в результате последнего этапа перестройки; и те, кто стал лишним для нужд капитала, — можно найти в одних и тех же домохозяйствах и сообществах рабочего класса. Они вместе жили и вместе боролись. Если выразиться иначе, то различия в рамках рабочего класса — между занятыми и безработными, активной и резервной армиями, теми, кто может создать капиталу дорогостоящие проблемы по месту производства, и теми, кто только может быть возмутителями спокойствия на улицах, — не пересекались с различиями по признакам гражданства, расы, национальности или пола. По существу, работники, которые воплощали три различные типа волнений в рабочей среде, были одним классом с общей силой, общими проблемами и способностью создать посткапиталистическое видение, которое обещало освобождение всего мирового рабочего класса.

Однако исторически капитализм развивался одновременно с колониализмом, расизмом и патриархальностью, разделяя рабочий класс по статусным позициям (таким как гражданство, раса/национальность, пол и др.) и притупляя способность к формированию перспективы освобождения класса в целом. В наши дни наблюдаются признаки усугубления этих разделений — рост антииммигрантских и ксенофобских настроений, усилия по ограничению миграционных потоков и увеличению преференций на основании гражданства. Но есть и признаки если не слома, то размывания этих разграничений, что на местном, национальном и интернациональном уровнях открывает перспективы для активизации, которая приводит к солидарности, объединяет действующих лиц всех трех типов волнений и позволяет генерировать освободительные проекты XXI века.

Литература

1. Silver B. J. Forces of Labor: Workers Movements and Globalization Since 1870 / B. J. Silver. — Cambridge University Press, 2003.
2. Arrighi G. Chaos and Governance in the Modern World System / G. Arrighi B. Silver. — University of Minnesota Press, 1999
3. Silver B. J., Karatasli S. S. Historical Dynamics of Capitalism and Labor Movements / B. J. Silver, S. S. Karatasli // The Oxford Handbook of Social Movements / eds. D. D. Porta, M. Diani. — Oxford, 2015.
4. Silver B. Labour, War and World Politics Contemporary Dynamics in World-Historical Perspective / B. Silver // Handbook of International Political Economy of Production / eds. K. van der Pijl. — Edward Elgar, 2015.
5. Silver B. Theorising the Working Class in Twenty-First-Century Capitalism / B. Silver // Workers and Labour in a Globalised Capitalism: Contemporary Themes and Theoretical Issues / eds. M. Atzeni. — Palgrave Macmillan, 2013
6. Silver B. J. End of the Long Twentieth Century / B. J. Silver, G. Arrighi // Business as Usual: The Roots of the Global Financial Meltdown / eds. C. Calhoun, G. Derluguian. — N. Y. : New York University Press, 2011.

В. С. Степин¹**XXI ВЕК — РАДИКАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ
ТИПА ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ**

Сегодня уже становится очевидно, что современная цивилизация вошла в стадию неустойчивости, кризисных состояний и нестабильности. Эти процессы всегда являются своего рода индикатором коренных качественных системных перемен.

Осмысление этих процессов предполагает применение двух взаимосвязанных типов знания: 1) содержательной концепции цивилизационного развития; 2) системного видения этого развития, применения в ходе его анализа методологических принципов, учитывающих особенности сложных исторически развивающихся систем.

При анализе современных изменений цивилизационного развития недостаточно выделять отдельные аспекты и факторы этого процесса. Важно видеть глобальные цивилизационные изменения как сложную системную целостность. Применение стандартного цивилизационного подхода этой проблемы не решает. Необходимы обобщение и трансформация этого подхода. Такая трансформация выражена в концепции типов цивилизационного развития.

Я уже излагал в своих работах, в том числе и на предыдущих Лихачевских чтениях, основы этой концепции. Поэтому лишь конспективно выделю ее главные положения, чтобы обозначить позицию, которую полагаю продуктивной для анализа перспектив современной цивилизации.

В истории человечества можно выделить два типа цивилизационного развития — традиционалистский и техногенный. Каждый из них включал соответствующие виды цивилизаций, отличающиеся друг от друга видовой спецификой, но вместе с тем объединяемые общими типологическими признаками. В стан-

дартной цивилизационной концепции акцент сделан на специфике различных видов цивилизации. Их различие определяют через особенности культурно-генетического кода, в соответствии с которым они воспроизводятся.

Идея типов цивилизационного развития предполагает выявление в этих кодах некоторого инварианта, общего системообразующего ядра, которое объединяет цивилизации одного типа и ограничивает их от цивилизаций другого типа. В качестве такого рода объединяюще-разграничивающего ядра можно выделить ряд ключевых мировоззренческих универсалий (концептов, категорий) культуры, взаимосвязанных между собой и функционирующих в качестве базовых жизненных смыслов и ценностей каждого из типов цивилизационного развития. Это ядро представлено универсалиями «человек», «природа», «деятельность», «традиции и новации», «личность», «рациональность», «власть». Со смыслами этих базовых универсалий, их пониманием и переживанием скоррелированы смыслы других категорий культуры — свободы, справедливости, веры, добра и зла и т. п.

Понимание типологического ценностно-смыслового ядра, представленного базовыми универсалиями, радикально различно для традиционалистского и техногенного типов развития. Это ценностно-смысловое ядро в культуре каждого конкретного вида цивилизаций, относящихся к тому или иному типу, получает дополнительные конкретизирующие интерпретации, в результате чего предстает в форме уникального культурно-генетического кода, который различает виды цивилизаций, выражая специфику их жизненных миров.

Разумеется, каждый тип цивилизационного развития следует рассматривать в его исторической эволюции. Исторически первым был традиционалистский тип развития. Техногенный возник позднее в европейском регионе планеты. Начальной его стадией были эпохи Ренессанса, Реформации и Просвещения, сформировавшие духовную матрицу, систему новых ценностей и жизненных смыслов, образующих своего рода геном техногенных обществ.

Он включал понимание человека как деятельного существа, преобразующего окружающий мир; понимание деятельности как креативного действия, порождающего качественно новые объекты, состояния и процессы; идеал инноваций как приоритета над традициями (идеал прогресса); видение природы в качестве своего рода поля, преобразуемого человеком, резервуара ресурсов для деятельности; культ рациональности при доминанте научной рациональности; идеал суверенной автономной личности, не сращенной от рождения с определенной социальной общностью (кастой, кланом, классом, сословием), способной включаться в разные социальные общности; идею власти не только как господства человека над человеком,

¹ Руководитель секции философии, политологии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, академик РАН, заведующий кафедрой философии науки и философии культуры МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор. Автор более 700 научных работ, в т. ч. 28 монографий: «Становление научной теории», «Философская антропология и философия науки», «Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации», «Философия науки и техники», «Эпоха перемен и сценарии будущего», «Теоретическое знание» (2000, пер. на исп. яз. — *Stiopin V. S. El Saber Teorica. Estructura, Evolucion Historica*, 2004; на англ. яз. — *Stepin V. Theoretical Knowledge*. Springer, 2005), «Философия науки: общие проблемы», «Цивилизация и культура», «Научное познание в социальном контексте», «История и философия науки», «Человеческое познание и культура», «Философия и методология науки», «Философская антропология и философия культуры» и др. Президент Российского философского общества. Иностраный член национальных академий наук Беларуси, Украины, действительный член Международного института философии (Париж), Международной академии философии науки (Брюссель). Почетный доктор Университета г. Карлсруэ (ФРГ), почетный доктор Новгородского государственного университета, Ростовского государственного университета, почетный профессор Института философии Академии общественных наук КНР (Пекин), Белорусского государственного университета (Минск). Лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники. Награжден орденами Дружбы народов, «За заслуги перед Отечеством» IV степени. Почетный доктор СПбГУП.

но преимущественно как господства над объектами (природными и социальными).

Это генетическое ядро техногенных обществ определяло их воспроизводство и историческое развитие. В качестве основных этапов этого развития можно выделить доиндустриальную, индустриальную и современную постиндустриальную стадии. В каждой из них, в свою очередь, могут быть зафиксированы качественно различные этапы. С этой точки зрения можно указать на различия и особенности индустриальной стадии до Первой мировой войны и после нее, именуемые в западной литературе первым и вторым модерном.

Модернизации разворачивались здесь без радикального преобразования той матрицы ценностей, которая выступала типологическим ядром культурно-генетического кода техногенного типа. Техногенная цивилизация длительное время сосуществовала с традиционными обществами, оказывая на них все возрастающее давление. Многие из них она колонизировала, другие вынуждены были осуществлять догоняющие модернизации, основанные на заимствовании у развитых стран Запада технологий и системы образования. Такое заимствование всегда было связано с переносом пластов западной культуры на традиционалистскую почву. Ценности, обеспечивающие техногенный тип развития, сталкивались в этом процессе с традиционалистскими ценностями, модифицируя и трансформируя их.

В конечном счете традиционные общества в ходе модернизации превращались в особый вариант техногенных обществ, сохранивших и адаптировавших к ценностному ядру техногенного типа развития некоторые аспекты и фрагменты традиционных ценностей.

Концепция типов цивилизационного развития не отбрасывает позитивное содержание стандартного цивилизационного подхода (А. Тойнби, Н. Данилевский и др.), а включает его в свой состав. Вместе с тем она может быть согласована и с рядом ключевых положений марксистской формационной концепции, которая предстает как альтернативная стандартному цивилизационному подходу. Нетрудно обнаружить, что базисные ценности техногенного типа развития лежат в основе марксистского понимания общества. Концепция формаций описывала предысторию и историю техногенной цивилизации, но испытывала известные трудности применительно к традиционалистским обществам Востока. Два альтернативных и несовместимых подхода (цивилизационный и формационный) предстают в рамках концепции типов цивилизационного развития как дополнительные описания одной и той же сложной системной реальности, акцентируя ее разные аспекты.

Техногенный тип цивилизационного развития дал человечеству множество достижений и долгое время воспринимался как магистральный путь общественного прогресса. Но уже во второй половине XX века проявились и начали обостряться многочисленные глобальные кризисы как вариации двух основных — экологического и антропологического — кризисов.

История последних 50 лет свидетельствует, что великие технологические прорывы, глобализация, формирование общества потребления и организация миро-

вой экономики по принципу стимулирования опережающего роста потребления, распространение рыночных отношений на все новые сферы человеческой жизнедеятельности — все эти сущностные характеристики современного цивилизационного развития приводили ко все большему обострению экологического и антропологического кризисов.

В результате возникает проблема новых стратегий развития, которые могли бы обеспечить преодоление кардинальных глобальных кризисов, грозящих разрушению цивилизации и даже самоуничтожению человечества. Эти стратегии предполагают переосмысление типологического ядра социокультурного генома современной цивилизации. А такое переосмысление, в свою очередь, является первым шагом на пути к новому типу цивилизационного развития, третьему по отношению к традиционалистскому и техногенному.

Такого рода переход, приводящий к изменению качества системы, часто именуют фазовым. В общем виде он описывается в терминах теории сложных систем. В случае когда речь идет об исторически развивающейся системе, он может привести к повышению степени ее сложности, возникновению новых уровней системной организации, которые, воздействуя на ранее сложившиеся уровни, изменяют их, накладывая на них определенные ограничения. В результате происходит смена предшествующей саморегуляции (гомеостаза) на новый вид саморегуляции.

Синергетика интегрально характеризует процесс фазового перехода в терминах динамического хаоса и самоорганизации. Но можно более дифференцированно описать этот переход, выделив три его стадии.

Начальная стадия — это возникновение динамического хаоса, когда мутируют ранее сложившиеся программы саморегуляции системы и перестают работать ранее возникшие параметры порядка. Из спектра возможных сценариев развития системы, возникающих в точках бифуркации, может реализоваться любой, даже маловероятный. Количество таких сценариев может быть достаточно большим, но не безграничным. Их набор включает только те сценарии, которые не противоречат сложившимся объективным законам.

Реализация любого из возможных сценариев зависит от множества случайных факторов. Она характеризуется как действие вероятностной причинности, которая порождает аттракторы в нелинейной среде. На этой стадии фазовых переходов может формироваться несколько аттракторов в соответствии с разными, в том числе и альтернативными, сценариями развития системы.

На второй стадии фазового перехода конкуренция сценариев может приводить к постепенному доминированию одного из них. В этом случае меняются первоначальные вероятности каждого из сценариев. Когда один из них начинает определять русло изменений системы, уменьшается вероятность реализации других.

Наконец, в качестве третьей стадии следует выделить особые состояния динамического хаоса, которые характеризуются в синергетике как режим с обострением. На особую важность анализа этого режи-

ма не раз обращал внимание С. П. Курдюмов. На этой стадии доминирующий сценарий, определяющий русло изменения системы, резко повышает вероятность своей реализации, становится необратимым. Возникает своего рода целенаправленное движение к новому уровню организации системы, формированию новой программы саморегуляции и соответствующих ей параметров порядка. Главную роль в этом движении играет целевая причинность.

С. П. Курдюмов интегрально характеризовал эти процессы как влияние будущего на настоящее и даже на прошлое. Внешне это выглядит иррационально, но только внешне. Образ влияния будущего на настоящее и прошлое имеет вполне рациональное обоснование, если учесть, что на заключительном этапе фазового перехода возникает новый уровень организации сложной системы, который оказывает активное обратное воздействие на ранее сложившиеся уровни, накладывая определенные ограничения на взаимодействие их элементов, и тем самым обеспечивает формирование нового типа системной целостности. Поэтому предсказание поведения сложной системы всегда предполагает, что возможное будущее, став настоящим, способно изменять прошлое.

Для столь радикальных преобразований, к которым следует отнести становление нового типа цивилизационного развития, фазовые переходы могут занимать длительный период. Становление техногенного типа развития исторически было растянуто более чем на два столетия. Конечно, в современном обществе темпы развития иные, и здесь фазовый переход может занять несколько десятилетий. Многие футурологи полагают, что середина века должна стать переломной в развитии цивилизации. Резкое возрастание современных неустойчивостей и кризисов может быть интерпретировано как первая стадия фазового перехода, когда возникает динамический хаос, обозначаются точки бифуркации и альтернативные сценарии развития.

Современные споры о стратегиях глобализации могут быть рассмотрены под этим углом зрения. Сценарий однополярного мира, предполагающий безусловную доминанту современных западных ценностей, нацелен на продолжение уже принятой стратегии техногенного развития. Тогда как сценарий многополярного мира, где наряду с техногенными ценностями фигурируют сохранившиеся и адаптированные к ним некоторые фрагменты традиционалистских ментальностей, создает большие возможности для перехода к новому типу развития, стимулируя диалог культур и поиск новых ценностных ориентиров.

Сегодня особенно важно выделить и зафиксировать в качестве исходного рубежа этих поисков идеал сохранения человечества как особой подсистемы биосферы и самой биосферы как сложной развивающейся ценностной системы. Этот идеал отнюдь не тривиален, если учесть грядущий прорыв к новому технологическому укладу, предполагающему освоение конвергентных (NBIC) технологий. Обычно акцентируют внимание на позитивных возможностях, которые открывают новые технологии. О негативных, связанных с рисками, упоминают в общем виде. Но уже сформулирована

программа трансгуманизма — генетической и кибернетической трансформации человека, которая, как провозглашают ее приверженцы, должна привести к принципиально новому типу мыслящих существ, стоящих на высшей ступени эволюции по сравнению с человеком. Но история XX века знает множество примеров, когда благие лозунги улучшения человека, создания нового человека будущего оборачивались своей противоположностью, приводили при их реализации к гибели миллионов. Бесспорно, NBIC-технологии открывают огромные возможности лечения различных заболеваний, продления человеческой жизни, полноценной жизнедеятельности в старости. Но если речь идет о коренном изменении человеческой природы, то здесь возникают такие риски и возможные сценарии, которые лишь будут приближать нас к уничтожению людей и разрушению культуры.

В целом NBIC-технологии при их разработке и внедрении потребуют сопровождающей социально-гуманитарной экспертизы, анализа и оценки вызываемых социальных, экологических и культурных последствий. Идеал сохранения биосферы и человечества в этом случае должен выступать каждый раз в функции пускового механизма и регулятора такой деятельности.

Мне уже не раз приходилось отмечать, что новые ценности ниоткуда извне не придут, они должны начать формироваться в недрах техногенной культуры, и важно отыскать точки их роста.

При внимательном анализе уже можно обнаружить начавшиеся модернизации и трансформации ценностного ядра техногенного типа цивилизационного развития; это ядро определяло такое развитие начиная с эпохи Просвещения. Идеал прогресса как ускоряющихся инновационных перемен в наше время модифицирован в идеал устойчивого развития, когда приоритет получают такие инновационные сценарии, которые не просто взламывают и уничтожают традицию, а, адаптируясь к некоторым ее аспектам, избирательно и постепенно ее трансформируют.

Экологический кризис заставляет по-новому осмыслить концепт «природа». В отличие от эпохи становления и индустриального развития техногенной цивилизации, когда окружающая человека природная среда воспринималась как неорганическое поле для преобразующей деятельности и неограниченный резервуар ресурсов, наука уже в XX столетии сформировала альтернативное представление: окружающая нас природа — это живой организм, биосфера, глобальная экосистема, в которую включено человеческое общество в качестве особой подсистемы. Природная среда человеческого обитания не является неисчерпаемым резервуаром ресурсов для деятельности, многие типы таких ресурсов ограничены. Идеалу господства человека над природой противопоставляется идеал коэволюции общества и природы.

Эти новые образы природы и человеческой деятельности в чем-то перекликаются с традиционалистскими представлениями о природе как живом организме, хотя и не являются их простым повторением. Они — результат достижений науки, включенных в научную картину мира. Рациональное осмысление и усвоение этих

представлений в рамках современной системы образования являются необходимой предпосылкой для формирования экологического сознания. Но реализация этих предпосылок требует особых общественных усилий. Теоретически мы осознаем необходимость охраны окружающей среды, но в практических действиях часто исходим из прежних представлений. Это относится как к отдельным людям, так и к государствам.

Развитие в экономическом отношении государства, перемещая производство своих корпораций в развивающиеся страны Азии и Африки, где дешевле рабочая сила, за редким исключением (Германия), не распространяют на них свое природоохранное законодательство. В результате загрязнение среды в планетарном масштабе только увеличивается. Но главное препятствие к блокированию обостряющегося глобального экологического кризиса кроется в фундаментальных принципах организации современной рыночной экономики. Она ориентирована на постоянное увеличение потребления как условие роста ВВП. При этом, чтобы обеспечить потребительский спрос, его организуют искусственно, через рекламу, предлагающую ускоренно заменять вполне пригодные вещи более модными (хотя зачастую и не более качественными); через упрощение технологий, ориентированных на производство быстро изнашивающихся товаров. Принцип «чем больше мы потребляем, тем лучше живем», как подчеркивает известный футуролог Эрвин Ласло, является глубинным основанием современной рыночной экономики. Этот принцип Ласло оценивает как путь к экологической катастрофе.

Столкновение альтернативных идеалов в проблеме отношения человека к природе можно рассматривать как состояние общества переходного периода, когда на стадии динамического хаоса сталкиваются различные сценарии и соответствующие им программы развития. Осознание обществом необходимости введения природоохранных мер и экологической безопасности приводит в движение соответствующие социальные силы, которые наталкиваются на сопротивление других сил. Но без таких столкновений новые ценности и фундаментальные мировоззренческие смыслы не утверждаются как понимание и переживание человеком мира.

И еще об одной точке роста новых ценностей, которая трансформирует ценностные основания техногенного типа цивилизационного развития. Речь идет об утверждении в науке конца XX — начала XXI века нового типа научной рациональности, который я предложил обозначить как постнеклассический. Он ориентирован на освоение сложных, развивающихся человекообразных систем (включающих человека в качестве особого компонента). Этот тип систем становится доминирующим объектом изучения на переднем крае современной науки. Одной из особенностей постнеклассики яв-

ляется обнаружение недостаточности традиционных для науки форм методологической и этической регуляции исследовательского поиска. Чтобы обеспечить освоение сложных, развивающихся человекообразных систем, необходимо сопоставление внутринаучных этических регулятивов с более широкими, выходящими за рамки собственно науки гуманистическими принципами. Сопоставление такого типа достигается в ходе социально-этической экспертизы научно-технологических программ и проектов. Происходит модификация прежнего, присущего техногенной культуре понимания научной рациональности. Если ранее полагалось, что автономия науки обеспечивает генерацию в ней объективно истинного знания и автоматически реализует гуманистические идеалы, то теперь выясняется, что достижение этих целей в науке XXI века требует дополнительного социально-этического контроля, который обеспечил бы выбор из множества возможных сценариев научно-технологического развития наиболее благоприятного сценария, не угрожающего разрушением биосферы и человеческой социальности.

Наконец, остановлюсь на проблематизации присущих техногенной культуре смыслов концепта «власть». Эти смыслы, определяющие общественно-политический климат техногенных обществ, акцентируют понимание власти как контроля над объектом.

Во второй половине XX века властные функции управления обществом были централизованы на контроле за социальными институтами, их модернизацией и функционированием. Развитие демократии и прав человека в определенной мере обеспечивало обратную связь в системе «общество–власть», включая контроль за властью со стороны общества. Но в конце XX — начале XXI века эта система стала разрушаться. Новые технологии обработки сознания масс людей открыли широкие возможности информационного насилия, манипуляций с общественным сознанием со стороны анонимных социальных групп властной элиты, связанных с интересами финансовой олигархии и ее ролью в организации современного мирового рынка.

Применительно к этой ситуации пока не найдены точки роста новых ценностей, намечающие сценарии преодоления сегодняшних кризисов власти. Но сама проблематизация фундаментальных смыслов концепта «власть», определявших техногенный тип цивилизационного развития, также может быть расценена как своего рода индикатор начавшейся трансформации ценностей техногенной культуры.

Сегодня решение проблемы формирования новой матрицы ценностей выступает условием перехода к новым стратегиям цивилизационного развития. Идея устойчивого развития цивилизации и преодоления глобальных кризисов нереализуема без выполнения этой задачи.

П. П. Толочко¹НАС ЖДЕТ ТО, ЧТО МЫ СДЕЛАЕМ САМИ²

Мир изначально противоречив. Его главной движущей силой являются интересы — человека, общества, государства. Они, как правило, не совпадают. Национальные интересы чаще всего не согласуются с интернациональными, причем и в тех случаях, когда то или иное государство является членом единого сообщества — европейского, евразийского или какого-либо еще. Во всех таких союзах есть лидеры, достигшие более высокого уровня экономического развития и обладающие значительно большими военными возможностями. Именно они определяют содержательные смыслы союзов — политические, экономические, военные и др.

Они и есть главные выгодополучатели в этих союзах, что не всегда безропотно воспринимается остальными. Одни члены таких союзов задумываются над целесообразностью своего участия в них, а другие намерены вовсе покинуть их, как, например, Великобритания, народ которой высказался за выход своей страны из Европейского Союза. Аналогичные процессы характерны и для Евразийского сообщества, члены которого, в том числе и потенциальные, постоянно озабочены тем, как бы не оказаться в сильной зависимости от России, несомненного интеграционного лидера на постсоветском пространстве. Наиболее заметно это в отношениях России и Белоруссии, которые никак не могут достигнуть разумного паритета цен на энергоносители, а также таможенной прозрачности на внешней границе.

Какие бы идеальные декларации или договоры не лежали в основе подобных союзов, они не в состоянии обеспечить в них всеобщую справедливость. В реальности приоритет всегда остается не за общими интересами, а за национальными. Как гласит народная мудрость, «своя рубашка ближе к телу».

Неизмеримо большие противоречия имеются между отдельными экономическими или военно-политическими союзами. Наглядным примером являются отношения Евросоюза (по сути контролируемого Соединенными Штатами), с одной стороны, и Евразийского

сообщества во главе с Россией — с другой. Противоречия эти давние, сформировавшиеся еще во времена существования Советского Союза. Они были порождены, как уверяли западные политические и государственные деятели, органическим неприятием ими социалистической системы, советского общественного строя. Казалось, исчезни этот принципиальный раздражитель — и путь к взаимопониманию между Западом и Востоком будет открыт. Действительность не оправдала этих надежд. Прошло более 25 лет с тех пор, как обрушилась социалистическая система во главе с Советским Союзом и милый сердцу старой Европы и США капитализм вернулся в Россию, но отношение Запада к ней принципиально не изменилось. Может, стало еще более жестким, о чем свидетельствует усиление и расширение Североатлантического альянса — НАТО. Теперь его воинские подразделения и базы размещаются уже в непосредственной близости от границ России.

А ведь еще сравнительно недавно, после ликвидации Варшавского военного блока, многим казалось, что такая же участь постигнет и НАТО. Он в новых условиях стал анахронизмом, оставшимся со времен холодной войны между Западом и Советским Союзом. Ожидания оказались напрасными. С холодной войной и ее атрибутами простился только Восток, Запад же остался ее приверженцем, тем самым подтвердив, что его противостояние с Россией не зависит от общественного строя. Оно более глубокое, в том числе и цивилизационное, вызванное традиционными противоречиями между римско-католическим и православным мирами. В Новое время, когда религиозный фактор перестал играть определяющую роль в европейской политической жизни, это больше исторический стереотип, но он оказался на удивление живучим.

Аналогичные противоречия имеют место и в других цивилизационных общностях. Нет мира под «исламскими оливами». Традиционно враждуют между собой сунниты и шииты. В Новое время этот постоянно тлеющий конфликт был разогрет брутальным вторжением в традиционную мусульманскую жизнь западных цивилизаторов. В результате мир получил террористическую организацию «Исламское государство», терзающую народы Ближнего Востока и Северной Африки. Получил также и миллионы беженцев, хлынувших в Европу и создавших реальную угрозу ее внутренней стабильности.

Будет ли грядущий мир более спокойным? Хотелось бы на это надеяться. Но, исходя из того, что будущее, по крайней мере ближайшее, создается уже сегодня, причем в значительной мере политическими деятелями из прошлого, рассчитывать на его принципиальное отличие от настоящего вряд ли правомерно. Было бы неплохо, если бы удалось хотя бы прекратить погружение в состояние новой холодной войны, что имело место в течение всего времени президентства в США Барака Хусейна Обамы.

¹ Член Президиума Национальной академии наук Украины, почетный директор Института археологии НАН Украины, академик НАН Украины, иностранный член РАН, доктор исторических наук, профессор. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. 25 книг: «Древний Киев», «Древняя Русь», «Древнерусский феодальный город», «Історичні портрети» («Исторические портреты»), «Русские летописи и летописцы X–XIII вв.», «Володимир Святий — Ярослав Мудрий» («Владимир Святой — Ярослав Мудрый»), «Від Русі до України» («От Руси к Украине»), «Древнерусская народность, воображаемая или реальная», «Власть в Древней Руси X–XIII вв.», «Українці в Росії», «Откуда пошла Русская земля» и др. Член Европейской академии (Лондон), член-корреспондент Центрального немецкого института археологии. Лауреат Государственной премии УССР в области науки и техники, Государственной премии Украины, премии НАН Украины им. М. С. Грушевского, премий Макариевской и Александра Невского (Россия). Награжден орденами князя Ярослава Мудрого III–V степеней, «Знак Почета» (Украина), Дружбы и Почета (Россия). Почетный доктор СПбГУП.

² Эта простая истина была четко сформулирована Д. С. Лихачевым. См.: Д. С. Лихачев — университетские встречи. СПб.: СПбГУП, 2007.

Некоторые признаки потепления действительно появляются. Их можно увидеть, в частности, в новых политических лидерах Запада. Вновь избранный президент США Дональд Трамп во время выборной кампании неоднократно заявлял, что он надеется на взаимопонимание с президентом России Владимиром Путиным, особенно в том, что касается усилий по борьбе с мировым терроризмом. Не в восторге он и от санкционной политики Запада, которая взаимно разрушительна, а также от деятельности НАТО. В интервью представителям немецкой и британской прессы за четыре дня до инаугурации Трамп сказал, что НАТО является анахронизмом в нынешних условиях и нуждается в реформировании. Разумеется, реальность не всегда соответствует пожеланиям и намерениям, но, учитывая деловую прагматичность Трампа, можно надеяться, что в своих заявлениях он был искренен.

Обнадеживающие сигналы идут и из Франции. Судя по всему, президента Франсуа Олланда, послушного воле США, сменит более самостоятельный политик. Хорошие шансы у известного государственно-го деятеля, социалиста Франсуа Фийона. По мнению бывшего президента Франции Саркози, поддержавшего кандидатуру Фийона, такой выбор был бы не худшим для Кремля. Но для Европы — определенно тоже, так как от продолжения непримиримого противостояния с Россией ее ничего хорошего не ждет. Так можно прийти и до открытого конфликта. Первым шагом в налаживании отношений Запада с Россией, по мнению Фийона, должна быть отмена санкций. С близких позиций проводит предвыборную кампанию и правонационалистический политик Марин Ле Пен, известная своей лояльностью к России.

Относительно смены лидера в ФРГ оптимизма меньше, хотя, учитывая ведущую роль этой страны в Европе и то, что канцлер Ангела Меркель была наиболее последовательным адептом конфронтационной международной политики президента США Барака Обамы, ее уход был бы крайне желателен — прежде всего для Европы, но также и для самой Германии, которая устала от миллионов мигрантов с Ближнего Востока и севера Африки, любезно приглашенных Меркель. Трудно сказать, найдется ли в нынешних политических кругах Германии человек, способный бросить вызов Меркель, но совершенно очевидно, что она для завоевания очередного канцлерского приза вынуждена будет изменить свою риторику, да и реальную политику, вероятно, тоже, особенно по отношению к мигрантам. Если этого не случится, хаос Ближнего Востока, перетекающий с одобрения Меркель в Германию, окажется роковым для обеих.

Определенные перемены в риторике высокопоставленных государственных чиновников происходят и в Великобритании, которая традиционно отличается своей антироссийской политикой. Министр иностранных дел Борис Джонсон после визита в США и консультаций с окружением президента Трампа неожиданно заявил, что, наверное, хватит демонизировать Россию.

Выражаясь фигурально, на мировом политическом небосклоне действительно стали появляться «голуби разрядки». Разумеется, не сами по себе, а под влияни-

ем общественного мнения. Люди устали от бесконечного нагнетания напряженности, от войн, ведущихся на Ближнем Востоке, в Афганистане, на севере Африки, устали от гражданских конфликтов, сдетонированных этими войнами. Устали также от навязчивой идеи Запада принести другим народам свою свободу и демократию. Они хотят жить в традиционном для них мире, стабильном и предсказуемом.

Все это дает некоторую надежду на лучшее будущее. К сожалению, только некоторую. Голуби появляются, но ведь и ястребы никуда не делись. Американские, в лице уходящего президента Обамы и его администрации, только за последние месяцы своего властвования ухитрились осуществить столько враждебных по отношению к России действий, что их хватило бы другим на десятилетия. Здесь и однозначная ее оценка как врага США, угрожающего их интересам, и лихорадочное расширение и продление экономических и политических санкций. В этом же ряду антироссийских действий находится демонстративная высылка из США тридцати пяти российских дипломатов, а также срочная отправка в Польшу американского воинского десанта численностью 3,5 тыс. человек с 80 танками и бронемашинами.

Зачем он Польше, одному Богу известно. Нападать на нее как будто никто не собирается. Россия об этом заявляла не раз официально. От Украины или Белоруссии ничего подобного ожидать, понятно, не приходится. Тем не менее поляки, как демонстрировалось по телевидению, с энтузиазмом встречали заморских спасителей, видимо, полагая, что за этим воинством они будут как за каменной стеной. Конечно, это не так. В случае, не дай бог, масштабного военного конфликта Запада с Россией именно из-за этих американских защитников он не минует Польшу. Россия неизбежно будет вынуждена реагировать на эту и подобные провокации тем, что поставит натовские и американские военные базы в странах Центральной и Восточной Европы под ответный прицел. Стоит ли доказывать, что нагнетание военной напряженности не сделает жизнь в регионе более спокойной.

В отличие от стран Западной Европы, где все слышнее голоса здравого смысла, призывающие не доводить противостояние с Россией до точки кипения, страны, которые ранее входили в состав Советского Союза или в социалистическое содружество, не скрывают своего антагонистического отношения, действуют по известной украинской пословице: «Не так тії пани, як підпанки». В чем-то их можно понять. Каждая имеет свой счет к России как к правопреемнице Советского Союза, с которым они связывают не лучшие страницы своей истории. О том, что именно СССР, как и раньше Россия, не раз спасал их от фашистских и других завоевателей ценой жизни сотен тысяч своих сынов, стараются не вспоминать. Об этом, кажется, забыли даже «братья» болгары, обязанные России своей идентичностью и государственностью, но в критические моменты истории неизменно оказывающиеся в союзе с ее врагами.

Однако надо жить не прошлым, а настоящим и будущим. Мстительность — удел слабых, ни к чему хо-

рошему она не приведет. Жаль, что нынешняя политическая элита упомянутых стран этого понять не может или не хочет, а их союзники — наставники в США и Брюсселе — верят в страшилки относительно захватнических намерений России. Впрочем, возможно, и не просто верят, а заботливо пестуют эту геополитическую лояльность и противостояние с Москвой своих молодых союзников. За это страны Прибалтики, Польша, Болгария, Украина и другие получают финансовую и военную помощь, а также постоянную политическую поддержку.

Перед новым 2017 годом Украину и страны Прибалтики посетили американские сенаторы-республиканцы Джон Маккейн и Линдси Грэм, где они заверили руководство этих стран в том, что в Конгрессе США по-прежнему существует серьезная поддержка оказания им военной помощи. На Украине воинствующие сенаторы получили высокие государственные награды — ордена Свободы и Ярослава Мудрого. Как отметил президент Петр Порошенко, «за персональный вклад в укрепление отношений Украины и США». 16 января 2017 года, за четыре дня до прекращения своих полномочий, Украину посетил вице-президент США Джо Байден, некогда в шутку заявивший, что с президентом Украины он встречается и перезванивается чаще, чем со своей женой. И на этот раз он твердо заверил киевские власти в поддержке борьбы Украины за независимость и территориальную целостность. Правда, как считают осведомленные аналитики, смысл этого визита состоял больше в том, чтобы поблагодарить Порошенко за содействие бизнес-интересам на Украине Байдена-младшего.

Все эти лихорадочные действия уходящей администрации президента Обамы имели двухадресную направленность — разумеется, против России, но одновременно и против президента Трампа, чтобы усложнить ему жизнь, не допустить или хотя бы максимально затруднить нормализацию отношений с Россией. Мелочные предшественники создали на этом пути множество немислимых завалов, к тому же заручились поддержкой законодательной власти — демократической определенно, но и республиканской тоже. Неслучайно члены команды нового президента — будущие государственный секретарь, кавалер российского ордена Дружбы Рекс Тиллерсон и министр обороны Джеймс Мэттис, проходившие утверждение в Конгрессе и Сенате, были вынуждены утверждать, что Россия угрожает интересам США и является их основным противником. Разумеется, это в большей мере политес, рассчитанный на благосклонное отношение к ним сенаторов, но оглядка на Конгресс и Сенат будет сопровождать и их практи-

ческую деятельность. С мнением законодательной власти вынужден будет считаться и президент Трамп, чтобы не подвергать себя угрозе импичмента.

Европейский политический истеблишмент будет не меньше американских консерваторов противиться улучшению американо-российских отношений, особенно в странах бывшего социалистического содружества и постсоветских государствах. И, конечно, не столько из-за российской угрозы, мифичность которой они, надо полагать, осознают, сколько из-за опасения потерять помощь богатого Запада, которую они регулярно получают в условиях вражды между США, странами НАТО и Россией. Об этом достаточно откровенно заявил министр иностранных дел Польши Витольд Ващичковский: «Нельзя критиковать кого-то, кто хочет улучшить отношения с Россией. Мы соседи России и тоже хотим этого. Вот наше послание американцам: нам это нравится, но только не за наш счет».

Определенно, так скажут и в остальных странах, получающих от США и ЕС финансовую и военную помощь. Несомненно, в сказанном польским министром больше лукавства, чем искренности. Он не может не понимать, что именно этот «польский счет», в том числе в виде 3,5-тысячной американской военной бригады с 80 танками и бронемашинами у границ России является реальным препятствием на пути к улучшению международной обстановки. Такие же «счета» имеются в странах Прибалтики, Болгарии, Румынии, на Украине. И до тех пор пока они будут щедро оплачиваться США и ЕС, надеяться на добрососедские отношения этих стран с Россией не приходится.

Отчетливые признаки здравомыслия были продемонстрированы в статье редактора американского сайта “National Interest” Роберта Мерри «Перестаньте дразнить медведя» от 24 декабря 2016 года. Есть предположение, что она лишь пересказала план Генри Киссинджера (давнего сторонника разрядки) по нормализации отношений между США и Россией, разработанный для президента Дональда Трампа. Как полагает автор, в нем дан сигнал миру срочно «переобуться». Завтра США и Россия перестанут быть врагами, и те, кто не успеет это понять, могут пожалеть.

Определенно, все надежды на будущее связаны с тем, чтобы США и Россия перестали быть врагами, как это имело место в годы правления администрации Обамы. Полагать, что они станут друзьями, видимо, было бы неоправданным оптимизмом. Между великими странами идиллических отношений не бывает. Но миру достаточно и того, чтобы две ядерные державы не враждовали между собой. От этого всем на земле станет спокойнее.

Ж. Т. Тошенко¹

ДИАЛЕКТИКА ГЛОБАЛЬНОГО МИРА И МИКРОМИРА В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ РОССИЯН

Глобальный мир в жизнеустройстве и общественном сознании большинства социальных групп, слоев, классов во всех странах представлен не непосредственно, а в скрытом, латентном виде, нередко и в незначительном объеме. Проблемы глобального мира непосредственно волнуют лишь сравнительно небольшой круг специалистов и функционеров — политиков, руководителей политических партий и общественно-политических организаций, а также некоторых ученых — политологов и международников. Более того, можно утверждать, что в реальном политическом мире чрезмерное увлечение проблемами глобального мироустройства при желании вмешиваться в их решение во всех без исключения случаях (как, например, в политике бывшего президента США Барака Обамы и его окружения) приводит к гипертрофированному их восприятию и соответственно к неадекватной реакции на изменения в мире.

На основе социологических данных можно утверждать, что большинство людей в первую очередь волнуют не глобальные проблемы, а то, что образует смысл непосредственно окружающего их жизненного мира, отражающего принципы-ценности, по которым они живут (или стремятся жить). В этом случае глобальный мир проявляется в жизни людей латентно, в снятом виде и по большому счету является фоном, который образует его своеобразную рамочную картину, но в индивидуальном или групповом выражении.

Но значит ли это, что глобальный мир не имеет (или имеет в незначительной степени) отношения к повседневной жизни людей? Социологические данные позволяют сделать заключение, что для части (но далеко не всех) людей во всех странах, в том числе и в России, мировые проблемы предстают в своеобразном виде — как оценка позиции других стран, находящихся в определенных отношениях между собой, конфронтационных или дружеских. Именно в этом проявляется наиболее наглядная часть взаимосвязи глобального и микромира в общественном сознании, в мироустройстве людей. Гораздо более сложные взаимодействия между ними складываются тогда, когда речь идет о других сторонах общественной и личной жизни в сфере труда, культуры и отдыха, повседневности.

¹ Заведующий кафедрой теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета, главный научный сотрудник Института социологии РАН, главный редактор журнала РАН «Социологические исследования», член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор. Автор более 660 публикаций, 22 монографий и 5 учебников, в т. ч.: «Парадоксальный человек», «Социология труда», «Тезаурус социологии», «Вехи социологии» (отв. ред.), «Кентавр-проблема (опыт философского и социологического анализа)», «Политическая социология» (отв. ред.), «Социология управления», «Фантомы российского общества», «Социология жизни» и др. Заслуженный профессор МГУ им. М. В. Ломоносова и РГГУ. Почетный доктор Института социологии РАН. Лауреат премии РАН им. М. М. Ковалевского.

Что бы ни утверждали аналитики и политологи, пытающиеся объяснить отношение общества к мировым, международным и общестрановым проблемам, людей все же волнует в первую очередь то, что непосредственно затрагивает их цели и устремления, принципы-ценности, интересы, составляющие смысл их жизни, которые ориентируют их на соответствующие поступки и действия. Поэтому интересно посмотреть, опираясь на данные социологических исследований, как в этой ситуации отражается диалектика восприятия окружающего мира на различных уровнях его организации. Заметим, что при таком подходе мы оперируем понятием *жизненный мир*, которое трактуем как сложное и противоречивое существование и функционирование основных субъектов социального действия — людей, социальных групп и общностей, их потенциала и возможностей, их восприятия и реакции на происходящие в обществе и мире изменения. Именно отсюда возникает (не)готовность понять/отвергнуть, принять/не принять, содействовать/быть пассивным/противостоять осуществляемым или предполагаемым преобразованиям.

Отметим, что жизненный мир различен, существует в многообразии, проявляющемся как специфика индивидуального, особенного и всеобщего. Именно на данных характеристиках жизненного мира мы и остановимся, ибо этот мир, несмотря на обилие и разнообразие, все же имеет одну всеобщую структуру [2]. И эту его объединяющую структуру образуют *смыслы жизни*, которые при всем многообразии характеристик жизни людей выступают сущностями, выражающими специфическое видение этого мира, главные (основные, определяющие) его принципы-ценности [7, с. 153–185].

Для всесторонней и полной характеристики жизненного мира начнем с выявления *основных его смыслов*, образующих целостное содержание таких компонентов, которые направлены на выяснение и определение ведущих, значимых и важнейших жизненных целей-принципов, воплощенных в главных институциональных позициях человека и в которых по-разному отражаются проблемы глобального мира.

Во-первых, жизненный мир человека как *гражданина* выражается в основном в двух ипостасях:

а) как человека *глобального мира*, который имеет то или иное отношение и/или восприятие проблем, происходящих в других странах, их объединениях, в международных организациях;

б) как человека *конкретного общества (государства)*, для которого экономическая, социальная и другие виды политики важны, поскольку оказывают влияние на его жизнеустройство.

Во-вторых, определенное влияние глобального мира сказывается на человеке как *жителя*, что отражает уровень территориальной организации (города, поселка, деревни), ибо несомненно, что окружающая

его мезосреда, хотя и концентрирует внимание на повседневной жизни, в определенной степени затрагивает те аспекты мировых проблем, которые могут повлиять на его поселенческое жизнеустройство.

В-третьих, у людей есть и *микромир*, который также реально воплощается в жизненном мире человека как: а) *работника* (уровень вовлеченности в производственный, трудовой процесс); б) *индивида* (уровень социального микроокружения — семьи, соседства, дружбы).

Рассмотрим это подробнее на основе данных всероссийского исследования жизненного мира россиян (ЖМ–2014) и других исследовательских центров — Института социологии, Института социально-политических исследований, РАН, ВЦИОМ и Левада-Центра. При этом попытаемся выявить смыслы с позиций взаимосвязи мировых и личных проблем в социально-экономической, социально-политической и социально-культурной деятельности россиян и их взаимоотношений с внешним миром с учетом осознаваемого личного предназначения, их изменений и особенностей за годы существования реформируемой России.

Всероссийское исследование «Жизненный мир россиян и эволюция форм их участия в реализации государственных и общественных преобразований (1990–2010 гг.)» (проект РНФ № 14-18-02016) было проведено 25–30 октября 2014 года (ЖМ–2014). Опрошено 1750 человек в 18 регионах страны с учетом репрезентативной выборки по полу, образованию, семейному положению, месту жительства, форме собственности и трудовому стажу. Опрос проведен во всех экономических районах страны, представляющих Центральную Россию, Поволжье, южные регионы страны, Урал, Сибирь и Дальний Восток, а также два мегаполиса — Москву и Санкт-Петербург.

Россиянин как гражданин глобального мира и национального государства

Прежде всего обратим внимание на то, что является жизненно важным для людей, на что они ориентируются, чему отдают предпочтение. Анализ информации всех ведущих социологических центров показывает примерно одно и то же распределение ценностных ориентаций. По данным ЖМ–2014, для россиян наиболее важны семья (95 %), здоровье (87,6 %), работа (69,4 %). В то же время политику оценили как очень важную (16,2 %) при 33,4 % отказавшихся признавать ее роль в их жизни [4, с. 350]. Это позволяет сделать вывод, что для людей политика играет не основную, а вспомогательную, иногда и нейтральную роль при определении их реального жизнеустройства. Вместе с тем можно предположить, что политика перед обычным гражданином предстает в основном в двух ракурсах — внешняя (затрагивающая общую оценку ситуации в мире, взаимоотношений с другими странами, наиболее знаменательных событий международного масштаба) и внутренняя, касающаяся экономической, социальной и культурной политики государства. Именно в этих оценках проявляются в первую очередь черты человека как гражданина.

Что касается событий *международного плана*, то заинтересованность людей выражается в отношении к геополитической ситуации в мире, проявляется при оценке взаимоотношений с государствами (странами), которые так или иначе затрагивают интересы России, ее позицию и положение на мировой арене. Именно поэтому наибольший интерес вызвало воссоединение Крыма с Россией, поддержанное более 90 % россиян (95–96 % крымчан также проголосовали за это решение). Из крупных политических событий последнего десятилетия не оставили равнодушными события на Украине, война в Южной Осетии, участие России в подавлении «Исламского государства» (ИГИЛ) в Сирии. На наш взгляд, такие внешнеполитические акции России поддерживаются большими группами населения при опоре на чувства, характеризующие представление о положении страны в мире: 47,2 % заявили, что они желали бы «возвращения России статуса великой державы» [4, с. 364]. Здесь отчетливо проявляются черты гражданской позиции людей независимо от того, какое место они занимают в обществе и влияет ли это на их личную жизнь.

Не менее значима и гражданская позиция людей, когда они оценивают политические, экономические и социальные акции *своего государства*. Здесь нет прямой корреляции между социально-экономическим положением человека и его отношением как к общегосударственной политике, так и к отдельным политическим решениям. Социологические данные свидетельствуют, что на первый план выходит некое обобщенное видение проводимой политики, в которой человек выступает с позиций гражданина своей страны и в меньшей степени — с личных позиций. Кстати, можно заметить по многим данным, что россиянин, как и советский человек, нередко более активно переживает за состояние общероссийских событий, дел, положения в экономике и политике, чем за положение в своей личной жизни и семье, а тем более в международных делах. Здесь влияние макромира (глобального мира) проявляется в более опосредованном виде.

Данные ЖМ–2014 показывают, что в настоящее время нет однозначности в оценке экономических реформ: при 38,4 % уверенных, что они идут в правильном направлении, и 22,7 % отрицающих это, почти двое из пяти (38,9 %) уклонились от оценки, что, на наш взгляд, говорит о больших сомнениях при определении своей гражданской позиции. Именно эти респонденты — 38,9 % — скорее сомневаются, чем поддерживают проводимую экономическую политику. Попытки выявить такую противоречивую оценку приводят к получению информации, косвенно имеющей выход на своеобразное мнение: помимо претензий к неэффективности внутренней экономической политики, люди нередко апеллируют к опыту Китая, США, Германии, Швеции и других стран в зависимости от личных предпочтений и понимания сложившейся ситуации. Иначе говоря, глобальный мир в форме национального государства и общества в сознании россиян представляет собой еще не сформировавшуюся противоречивую оценку, при которой труд-

но и даже невозможно говорить о единой гражданской позиции.

Именно на этом уровне формируются представления о *социальной справедливости*, которая (следует это подчеркнуть) по-разному понимается и трактуется людьми в зависимости от многих условий и факторов. Иначе говоря, в их сознании существует много самых разных представлений о справедливости. Общим является то, как человек воспринимает и оценивает отношение к нему со стороны государства и общества, какое мироощущение формируется у него при взаимодействии с теми официальными организациями, с которыми он контактирует. А пока 39,3 % россиян (ЖМ–2014) утверждают, что они испытывают чувство несправедливости. Это очень значительное число, которое, на наш взгляд, является основой настоящей и будущей социальной напряженности. Как изменить это тревожное убеждение? На наш взгляд, индикатором справедливости становится мнение о том, как должно Российское государство относиться к своим гражданам в первую очередь. В исследовании ЖМ–2014 63,2 % россиян связывают это с соблюдением государством справедливого отношения к ним, равных прав для всех и гарантий социального благополучия. При анализе понимания справедливости стоит обратить внимание на то, что каждый девятый россиянин (11,9 %) испытывал «стыд за нынешнее состояние своей страны», на что, по нашему мнению, повлияло сравнение, с одной стороны, с опытом СССР, с которым считались в мире, с другой — с достижениями тех стран, которые успешно развивались в эти трудные годы (Китай, Индия, Германия).

Влияние глобального мира в определенной степени проявляется при идентификации себя как гражданка своей страны, испытывающего гордость за принадлежность к ней. И хотя формулировку этого вопроса в анкетах критикуют за прямолинейность, выражают сомнение в его правомочности за нарушение интимности, все же ряд исследователей задают этот вопрос. По данным ЖМ–14, 54,4 % считают себя гражданами Российской Федерации, 9,1 % — гражданами СССР. Примечательно, что опросы населения в начале 1990-х показывали, что большинство населения не разделяли принадлежность к Советскому Союзу и РСФСР. Эта тенденция в течение четверти века стала проявляться своеобразно — в увеличении числа людей, отождествляющих себя не с гражданством, а со своей национальной принадлежностью — таких уже в 2014 году стало 39,2 %. На наш взгляд, это можно объяснить всплеском и даже гиперактивизацией этнонационального сознания, растущего в значительной степени под влиянием государственной политики [3; 7]. Но в России, как показывают наши данные, все же гражданские, а не этнонациональные и не этноконфессиональные позиции преобладают в общественном сознании и соответственно в поведении, что позволяет выразить уверенность в стабильном государственном развитии.

Такой смысл гражданства, как *патриотизм*, разделяют почти три четверти (72,6 %) участников исследования. Примечательно, что, несмотря на оголтелую

критику этой категории в 1990-е годы, когда либеральной пропагандой внедрялся лозунг «Патриотизм — последнее прибежище негодяев», в массовом сознании не произошло отказа от признания себя патриотами, хотя горечь и критика происходящих изменений и соответственно несогласие и отвержение их были значительны. Это особенно наглядно проявилось в последнее время при попытках дискредитировать наиболее яркие проявления патриотизма — подвиг 28 панфиловцев и Зои Космодемьянской.

Россиянин как житель

На мезоуровне восприятие человеком окружающего мира замыкается на проблемах, которые характеризуют его повседневную жизнь, организацию всех аспектов жизнеустройства как горожанина, поселкового или сельского жителя. Это проявляется в оценках своего жилья, коммунального и бытового благополучия, обеспеченности, доступности товаров повседневного спроса, состояния общественного транспорта. Говоря об основных смыслах жизненного мира россиянина в экономической сфере, можно утверждать, что важной проблемой для них выступают инфраструктурные показатели, обеспечивающие условия жизнедеятельности. По данным исследования ЖМ–2014, жителей как городов, так и сел волнует создание приемлемых для них условий жизни, среди которых на первый план выступает обеспеченность элементарных базовых потребностей: 54,7 % волнует неудовлетворительное решение *жилищно-коммунальных проблем*, которые в последние годы, по данным других исследовательских центров, фигурируют в опросах населения как наиболее актуальные и значимые для организации повседневной жизни людей наряду с ростом цен, дороговизной товаров повседневного спроса [1; 6].

Кроме того, в настоящее время россиянина как жителя в не меньшей степени беспокоят состояние здравоохранения (55,7 %), возможность обеспечения эффективного обучения детей (28,1 %), плохие экологические условия (20,5 %), криминальная обстановка, преступность (18,7 %), плохое транспортное сообщение (18,2 %), отсутствие условий культурной жизни (14,8 %). Как видим, назван целый спектр повседневной реальности, который включает практически все стороны рациональной территориальной организации жизни людей как жителей. Здесь глобальные аспекты проявляются косвенно, в латентном, скрытом виде, когда сравниваются условия жизни людей в разных странах. Именно они служат основанием для того, чтобы оценивать действия местных органов власти: только 12,3 % россиян считают, что они в той или иной степени могут влиять на принятие решений городской (районной) власти, и только 5,9 % готовы обратиться к ней за помощью в затруднительном положении [4, с. 356, 362].

При оценке своей городской/сельской жизни люди все чаще апеллируют к опыту организации этой жизни за рубежом на основании личного ознакомления в деловых или туристических поездках, а также благодаря возможности знакомиться с бытом других народов посредством средств массовой коммуникации.

Человек как работник

Общая оценка экономической политики и экономических реформ с точки зрения жизненного содержания личной жизни тесно коррелирует с оценкой уровня благосостояния. В октябре 2014 года 54 % людей утверждали, что живут от зарплаты до зарплаты, а 10 % заявили, что они «еле сводят концы с концами». Такая оценка позволяет сделать вывод, что стремление к достойному социальному уровню жизненно важного потребления для большинства по-прежнему не реализовано, хотя и произошли некоторые позитивные перемены. Вместе с тем, несмотря на часто звучащие обвинения людей в «потребительстве», вряд ли уместно говорить о том, что они сводят смысл своего существования только к материальному обеспечению желаемого уровня и качества жизни, пусть и по их меркам. *Благосостояние и благополучие было, есть и будет важнейшим смыслом деятельности людей при организации своей жизни.*

В связи с этим важно отметить оценку труда как средства достижения благосостояния. Россиян волнует, как оплачивается их труд, какое место в их жизни занимает трудовая деятельность, их профессия, «вписанность» в экономические реалии, в иерархию социальных статусов и социального престижа. По данным ЖМ–2014, только каждый пятый (20,1 %) считает, что его труд оценивается справедливо, остальные же или ставят под сомнение (39,6 %), или отрицают (24,7 %) справедливость его оплаты. Иначе говоря, один из смыслов трудовой жизни — признание человеком достойной оплаты своего труда — для большинства не достигается, что также становится базой для недовольства и социальной напряженности.

На такое восприятие людьми своей трудовой жизни и оценку своего положения как работника большое влияние оказывает информация о положении в этой сфере в развитых странах: об оплате труда, формах участия работников в управлении организацией, деятельности профсоюзов в защите прав трудящихся, гарантиях занятости и социальной помощи.

Роль межличностного общения в жизни россиян

Смысл идей в сфере культуры люди видят прежде всего в *сохранении духовности*. Однако эта ориентация не воплощается в реальной жизни: большинство — 62,4 % — очень тревожит и 31,5 % тревожит в средней степени падение морали, нравственности. Попытки опереться на религию и исторические традиции, желание заимствовать опыт других стран не дают должного эффекта, потому что это стремление подрывается:

а) господствующей и воплощенной в реальности установкой, что успех в жизни обеспечивается владением капиталом, финансовыми средствами (мнение 67 %);

б) убежденностью, что продвижение по службе (карьера) во многом зависит от влиятельных связей (мнение 57 %), от обладания властью или привлечению к ее обслуживанию (мнение 58,2 %);

в) ориентацией средств массовой информации, прежде всего телевидения, на коммерческий успех,

результатом чего стало их стремление соответствовать невзыскательным, а нередко извращенным вкусам;

д) ликвидацией воспитательных функций во всех структурах образования — от дошкольного до высшего (мнение 93,6 %). Это особенно показательно в сочетании с тем, что роль духовно-ценностных факторов значительно принижена: роль образования и профессиональной подготовки в успешном строительстве своей жизни отметили только 19 %, и практически столько же — 19,9 % — значение личных качеств (привлекательности, ума, таланта) [5; 8].

Таким образом, смыслы духовности следует искать не только в сфере культуры, образования, науки, религии. Они порождаются и публичной жизнью, структурой взаимоотношений с ближайшим окружением, а также тем, какие отрицательные явления видят люди в современном российском обществе. В связи с этим особенно хотелось бы подчеркнуть, что человеческое измерение этих явлений присуще большинству людей: 93,6 % не хотят мириться с наркоманией, 93,9 % — с алкоголизмом и пьянством, 91,9 % — с грубостью и хамством. Что же касается отрицательных процессов в общественном измерении, то 87,4 % осуждают коррупцию и взяточничество, 84,3 % — бюрократизм, 92,4 % — воровство, 72,1 % — страсть к обогащению. Правда, приходится констатировать, что это выражение тревоги по поводу негативных явлений носит пассивный, вербальный характер и практически никак не реализуется в конкретной общественной деятельности. Об этом косвенно говорит тот факт, что 80,3 % заявили, что ни в каких общественных организациях они не состоят. А еще 82,5 % сказали, что не участвуют ни в каких культурных мероприятиях (год опроса — 2014).

Все это позволяет сделать вывод, что, видя один из смыслов своей жизни в том, чтобы быть духовно богатым человеком, и желая проживать в достойном обществе, люди мало что делают для того, чтобы содействовать культурному сплочению людей, приемлемому образу жизни и духовному спокойствию во имя личного и общественного будущего. Вместе с тем можно сказать, что в сфере духовности многие россияне, сравнивая ее состояние с западными (в первую очередь западноевропейскими) странами, отрицают ряд неприемлемых для российского менталитета черт — беспринципную толерантность, оправдание гомосексуализма, зашедший в тупик мультикультурализм, отрицание национальных особенностей культуры и межличностного общения. Иначе говоря, навязываемые принципы жизнеустройства под маркой глобализации не во всех своих чертах приемлемы для российской культуры и менталитета. Именно это ставит вопрос о сложной диалектике взаимоотношений различных — глобальных, страновых и индивидуальных — компонентов в жизненном мире человека. Более того, в сфере духовности мы встречаемся с интересным парадоксом: если в области экономики, социальной сферы россияне склонны достаточно высоко оценивать достижения развитых стран, то относительно духовности большинство россиян убеждены в обратном: западному миру есть чему поучиться у россиян. В связи с этим нелепыми и неприемлемыми представляются попытки многих

деятелей, называющих себя либеральными, упорно навязывать российскому населению сомнительные ценности, противоречащие национальному менталитету.

В заключение хотелось бы сказать следующее. В духовно-культурном развитии народа всегда большую роль играла интеллигенция. Однако в настоящее время ее влияние оценивается довольно скромно. Она, по сути, потеряла значение той нравственной силы, которое имели ее предшественники с конца XIX и практически весь XX век. По данным ЖМ–2014, только треть россиян (31,6 %) считает, что интеллигенция в определенной степени влияет на жизнь общества, в то время как 23,7 % говорят о ее незначительной роли, каждый пятый (19,7 %) — об отсутствии какого бы то ни было влияния. 25 % затруднились ответить на этот вопрос. Все это позволяет сделать вывод, что в настоящее время в России интеллигенция не является той силой, которая бы в полной мере олицетворяла нравственный потенциал общества, была бы ориентиром для вступающей в жизнь молодежи, судьей на пути постижения смысла жизни.

Таким образом, диалектика взаимодействия глобального мира и микромира находит специфическое отражение в жизненном мире людей. Глобальный мир интересует человека по мере осознания себя как гражданина, которому небезразлична судьба своей страны, своего народа. Россияне всегда активно реагировали на события международного масштаба, когда, по их

мнению, затрагивались проблемы значимости России на международной арене. В повседневной жизни эти проблемы отражались в виде сопоставления с достижениями или провалами других стран или в сравнении с историческим прошлым. В то же время выявлено, что по мере осложнения внутренних проблем интерес к международным делам ослабевает, что стимулирует идеологию изоляционизма и замкнутости, рост национализма и социальной напряженности.

Литература

1. Горшков М. К. «Самодостаточные» россияне и их жизненные приоритеты / М. К. Горшков, Н. Н. Седова // Социологические исследования. — 2015. — № 12.
2. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / Э. Гуссерль. — СПб., 2004.
3. Дробижина Л. М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России / Л. М. Дробижина. — М., 2003.
4. Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х — середина 2010-х гг.) / под ред. Ж. Т. Тощенко. — М., 2016.
5. Запесоцкий А. С. Культура: взгляд из России / А. С. Запесоцкий. — СПб. : СПбГУП; М. : Наука, 2014.
6. Левашов В. К. Российское общество: 25 лет нелиберальных реформ / В. К. Левашов // Социологические исследования. — 2016. — № 11. — С. 45–54.
7. Симонян Р. Х. Россия и страны Балтии / Р. Х. Симонян. — М., 2003.
8. Смолин О. Н. Высшее образование: борьба за качество или покушение на человеческий потенциал / О. Н. Смолин // Социологические исследования. — 2015. — № 6, 7.
7. Тощенко Ж. Т. Социология жизни / Ж. Т. Тощенко. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2016.

В. Т. Третьяков¹

ЕВРО-АТЛАНТИЧЕСКИЙ СОЮЗ: НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК И НАША (ЕВРО-АТЛАНТИЧЕСКАЯ) ЦИВИЛИЗАЦИЯ

События последнего десятилетия, полностью спровоцированные самодержавными и немотивированными действиями США и Евросоюза–НАТО, поставили Европу на грань цивилизационного конфликта с мусульманским миром и полной потери своей этнической и культурной идентичности. Это тем более опасно, что сама объединенная Европа демонстрирует неспособность действовать перед лицом угрозы ни как объединенная (единое целое), ни как Европа, ибо на деле Евросоюз не признает единства Европы в том смысле, что в нее полностью и нераздельно входит независимая от Евросоюза Россия. Суть проблемы как раз в том, что от имени того, что когда-то на-

зывалось Европой, а ныне должно быть названо евроатлантической цивилизацией (ЕАЦ), самозванно действуют либо американцы, чья территория отгорожена от всех потенциальных театров военных действий двумя океанами и тысячами километров, либо (теперь, когда Евросоюз поссорился с США, в которых президентом стал Дональд Трамп) Брюссель или Берлин, но никогда совместно Евросоюз, Россия (Российский союз) и США.

Именно это и является для Европы крупнейшим вызовом современности и ближайшего будущего. Именно на этот вызов наша цивилизация должна найти ответ.

Исторически и содержательно наша цивилизация является трехсубъектной, и претензии США или Евросоюза на единоличное представление ее интересов за пределами этой цивилизации, а тем более на ее территории являются и бесосновательными, и безответственными, так как игнорируют позицию и интересы России, которая является естественной частью ЕАЦ.

Сколь бы фантастичным ни показался сценарий, на мой взгляд, способный вывести ЕАЦ из тупика, в который загоняют нашу цивилизацию фанатерия США, раздвоение личности Евросоюза и игнорирование интересов России, я уверен, что рано или поздно

¹ Декан Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова. Автор и ведущий программы «Что делать? Философские беседы» (телеканал «Культура»). Автор более 2500 публикаций, научно-публицистических статей и учебных изданий, в т. ч. книг: «Русская политика и политики в норме и в патологии: взгляд на события российской жизни, 1990–2000», «Нужен ли нам Путин после 2008 года?» (сборник статей), «Как стать знаменитым журналистом: курс лекций по теории и практике современной русской журналистики», «Что делать?», «Теория телевидения. ТВ как неязычество и как карнавал», «Конфликт с Западом. Уроки и последствия», «Как стать знаменитым на телевидении: теория телевидения для всех, кто хочет на нем работать» и др. Лауреат премии «Золотое перо» Союза журналистов России, премии ТЭФИ, национальной премии «Телегранд», кавалер Золотого Почетного знака «Общественное признание».

к чему-то подобному мы непременно придем. Или просто исчезнем.

Сегодня стратегия выживания евро-атлантической цивилизации перед лицом внешних и внутренних угроз и вызовов должна включать как минимум следующее.

1. Признание и документальную фиксацию единства и трехсубъектности евро-атлантической цивилизации путем подписания Евросоюзом, Россией и США евро-атлантической хартии и создания евро-атлантического союза (ЕАС). В хартии должны быть зафиксированы главные из следующих ниже положений.

2. Признание единства евро-атлантической цивилизации на основе:

— христианской культурной и цивилизационной традиции;

— демократии и ответственного — в интересах всей евро-атлантической цивилизации, ее отдельных стран и народов, ее граждан — использования института гражданских и демократических прав и свобод;

— отказа от силового способа разрешения внутренних (внутрицивилизационных) конфликтов и недобросовестной конкуренции во всех областях и сферах, включая идеологическую;

— коллективной ответственности за судьбу евро-атлантической цивилизации и за сохранение ее лидерства в мире;

— признания исторического лидерства и высшей исторической ответственности трех главных субъектов евро-атлантической цивилизации — Европы (Европейского Союза), России (Российского союза), Америки (Соединенных Штатов Америки), — в том числе ответственности трех главных субъектов ЕАЦ за исторически вверенные им территории;

— учета исторических особенностей развития разных членов ЕАЦ и передачи ответственности за становление, развитие и функционирование демократических институтов в разных частях ЕАЦ каждому из трех главных субъектов ЕАЦ в границах их канонических территорий;

— свободной конкуренции трех главных субъектов ЕАЦ между собой при солидарных действиях за пределами ЕАЦ;

— готовности ЕАЦ к конкурентным, но добрососедским отношениям с иными цивилизациями при отстаивании законных интересов и сохранности самой ЕАЦ на ее канонических территориях;

— коллективной обороны канонических территорий ЕАЦ от посягательств извне;

— гарантии свободного развития иоцивилизационных территориальных образований на территории ЕАЦ, при соблюдении ими принципов, идейных и моральных норм ЕАЦ;

— возможности вступления в ЕАЦ иных стран и территориальных образований на основе свободного волеизъявления их народов и с согласия высшего законодательного органа евро-атлантического союза.

3. Учреждение евро-атлантической ассамблеи (предпарламента) ЕАС, работающей на постоянной основе и имеющей четыре главные задачи:

а) разработку Конституции ЕАС;

б) выработку обязательных для всех членов ЕАС решений, касающихся проблем, затрагивающих интересы более чем одного члена ЕАЦ;

в) создание коллективных институтов, необходимых для соблюдения общих интересов ЕАЦ до принятия евро-атлантической Конституции;

г) ликвидацию устаревших международных организаций и структур, не отвечающих интересам ЕАЦ как единого целого, но продолжающих функционировать на ее территории.

4. Депутаты евро-атлантической ассамблеи делегируются парламентами членов ЕАС по следующим квотам:

— от Евросоюза — 50 депутатов;

— от России (Российского союза) — 50 депутатов;

— от Соединенных Штатов Америки — 50 депутатов;

— от остальных стран ЕАС, не входящих ни в один из трех главных субъектов ЕАЦ, — по одному депутату.

5. Любая страна ЕАС, до сих пор не входящая ни в один из трех главных субъектов ЕАЦ, имеет право путем свободного волеизъявления своего народа вступить в тот из главных субъектов, на канонической территории которого находится.

6. Блок НАТО ликвидируется, и все войска США выводятся с территории Европы.

7. На территории ЕАС находятся в обращении не менее трех валют — доллар США, евро и российский рубль. Использование иных (национальных) валют является законным правом соответствующего члена ЕАС.

8. Коллективные силовые действия ЕАС за пределами его канонической территории возможны лишь в том случае, если за это проголосуют не менее 75 % депутатов евро-атлантической ассамблеи. В противном случае каждый из трех главных субъектов ЕАЦ имеет право на применение таких действий по собственному усмотрению и собственными силами, зная, что ему гарантирован лишь нейтралитет остальных главных субъектов и членов ЕАС, но не их прямая поддержка.

9. Территориальная целостность и национальная безопасность любого члена ЕАС гарантируются от любого нападения извне ЕАС вооруженными силами всех остальных членов ЕАС.

10. Каноническая территория Европы (Евросоюза) и Российского союза определяется путем прямых переговоров между ними. Приветствуется создание между Евросоюзом и Российским союзом пояса нейтральных государств, представленных в евро-атлантической ассамблее отдельно и от Евросоюза, и от России.

В каноническую территорию России (Российского союза) могут входить территории тех центральноазиатских республик бывшего СССР, которые заявят о своем желании войти в ЕАС.

Каноническая территория США — США.

11. Разработка реформы ООН с учетом создания евро-атлантического союза.

В. Е. Триодин¹**БЕЗЛИЧНОЕ — ВОЧЕЛОВЕЧИТЬ**

Под цивилизацией принято понимать высшую стадию общественного развития. На сегодняшний день единой, универсальной цивилизации нет. Есть разные цивилизации, существенно отличающиеся друг от друга. Как государство с особой цивилизацией позиционирует себя и Россия.

Цивилизация возникла как альтернатива варварству. Но в реальной жизни варварство вплетено в цивилизацию, претендует на то, чтобы быть вечным ее спутником. В современной России можно найти все модификации варварства: политическое (подтасовки результатов выборов, социальная брань на телеканалах, взломы почты государственных служащих); экологическое (загрязнение атмосферы, рек, озер, катастрофа на Байкале); спортивное (допинговые скандалы, фанатские разборки); религиозное (погромы «православными активистами» выставок произведений искусства, «оскорбляющих» чувства верующих, угроза сжечь кинотеатры, демонстрирующие фильм «Матильда»); варварство частного бизнеса (терроризирование коллекторами должников) и т. д.

В строгом смысле слова цивилизация всегда есть скорее движение к цели, чем достигнутое состояние. Пока рано говорить: «Остановись, мгновенье». Глубинный смысл кризиса современной цивилизации состоит в ее бифуркации, раздвоении на два блока: техногенный и гуманитарный.

Техногенная цивилизация имеет собственную логику существования. Она независима от того, благоприятны или враждебны человеку ее достижения.

ЭВМ (электронно-вычислительные машины), киборги или роботы уверенно заселяют окружающее пространство, становятся alter ego человека. Уже непонятно, то ли любимый телефон принадлежит человеку, то ли человек ему. Страх оказаться без телефона породил термин «номофобия» («но» — нет, «мо» — мобильный телефон). «Умные машины» уже обслуживают клиентов. Не за горами беспилотные самолеты, такси без водителя, разговаривающие холодильники.

Машины, случается, берут верх над человеком в интеллектуальных играх: шашках, покере, го (древняя восточная игра, где важна интуиция). В 1996 году суперкомпьютер выиграл матч у чемпиона мира по шахматам Гарри Каспарова. Новые отношения человека и машины отражены в песне Высоцкого о воздушном бое. Самолет сам себя воспринимает главным

и не понимает, почему летчик («тот, который во мне сидит») считает себя ведомым, вводит его в заблуждение.

Второе рождение переживает введенное Марксом понятие неорганического тела человека. Протезы, глазные линзы, искусственный хрусталик, инвалидные коляски — детали неорганического тела. Биоинженерия и нанотехнологии позволяют трансплантировать композитные материалы. Вживление кардиостимуляторов, чипов, шунтирование уже становятся обыденной медицинской практикой. На очереди аватары (сконструированное человеком кибернетическое тело).

Принципиально новым явлением завершающего этапа техногенной цивилизации стал Интернет. Всемирная паутина несет перемены, сравнимые с появлением человека, возникновением речи, зарождением письменности. Компьютерная терминология становится вторым языком. Сращивание человека с компьютером ведет к появлению новой линии эволюции — электронных граждан.

Если прогресс техники очевиден, то прогресс общества вызывает много вопросов. Деструктивность человечества ярче всего иллюстрирует динамика войн и сражений. В XVI веке их было 87; в XVII — 39; в XVIII — 781; в XIX — 651; а в первые сорок лет XX века — уже 892.

Если после Гофмана, Шиллера, Гёте, Канта немецкое общество аплодировало Гитлеру, если после двух мировых войн человечество заговорило о третьей — значит, люди труднообучаемы. Как тут не вспомнить Библию: «И раскаялся Господь, что создал человека на земле, и воскорбел в сердце Своем».

В ситуации, когда нравственность отстает от технических прорывов, нет уверенности, что достижения науки и техники будут использованы в благих целях, не приведут к апокалипсису. Некоторые ученые (в частности, А. Д. Сахаров) стали отказываться от продолжения работы по ядерной программе. В ряде государств введен запрет на проведение опытов с эмбрионами человека.

Автоматизация производства и появление принципиально новых информационных технологий, позволяющих обходиться без человека, ведут к сокращению количества рабочих мест. Складывается напряженная ситуация на рынке труда для соискателей. Вот-вот новые луддиты появятся.

Нельзя не обратить внимания на то, что техника не только облегчает жизнь человека, но и изменяет его природу. Любой орган атрофируется, если не используется по назначению. События пользования компьютерной подсказкой укорачивает память, порождает цифровое слабоумие, клиповое мышление, а главное — формирует тип личности потребителя. Госпожа Простакова из фонвизинского «Недоросля» считала, что географию изучать ни к чему: есть извозчик, он и доведет. И в современном обществе новые митрофанушки простым нажатием кнопки получают готовые ответы на все вопросы. Есть навигатор — он и найдет

¹ Профессор СПбГУП, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник культуры РФ. Автор более 240 научных публикаций, в т. ч.: «История социально-культурной деятельности», «Век нынешний и век минувший (Опыт исследования культурно-образовательных проектов социализма в рыночных условиях)», «Социально-культурная деятельность в эпоху нового Великого перелома», «Социально-культурная деятельность государства и гражданского общества», «От анатомии библиотек к анатомии общества», «Сага о времени и о З. В. Чаловой. Опыт биографии» и др. Почетный член правления Российского творческого союза работников культуры, почетный председатель Санкт-Петербургского отделения Российского творческого союза работников культуры.

дорогу. Митрофанушкина порода мстит своей плодотворностью (В. О. Ключевский).

Интернет еще шире распахнул ящик Пандоры. Виртуальный мир отгеснил реальную жизнь, породил поколение социопатов, сторонящихся реального общения. Возникают интернет-знакомства и интернет-романы. Люди ищут любовь в Сети, придумывают свой социальный мир. Им проще общаться с виртуальным собеседником, чем с приятелем из соседнего двора. Переписка в соцсетях — их способ коммуникации с миром. Новая страшная эпидемия — волна игр в суицид, в которые подростков втягивают «группы смерти».

Это не значит, что надо отказаться от электричества и пользоваться керосиновыми лампами, а гаджеты заменить старыми добрыми конторскими счетами. Это значит, что ключевым фактором развития должен стать человек. Техногенная цивилизация забыла о человеке, как герои пророческой чеховской пьесы забыли взять с собой старого Фирса. Но человек есть малое государство. «Все прогрессы реакционны, если рухнет человек» (А. Вознесенский). Гуманитарная цивилизация должна идти не нога в ногу с технической, а опережать ее. Пора человеку сказать технике: «Тень, знай свое место». Пора «безличное — вочеловечить» (А. Блок), распахнуть двери эпохе антропоцентризма.

Поворот к завтрашнему дню может произойти только через проникновение в сущность и природу человека. В связи с этим надо иметь в виду, что человека выделяет из животного мира не только способность создавать то, чего прежде не было в природе и обществе. Ориентация креативной деятельности на созидание, ответственность за содеянное перед собой и обществом (или совесть — «нравственный закон внутри нас», по Канту) — вот сущностные качества человека, вершина его эволюции. «Жалок тот, в ком совесть нечиста» (А. Пушкин). Важно только иметь в виду, что совесть — не вещь в себе, не некая субстанция, отданная на хранение в архив или музей, а деятельное начало, локомотив, приводящий в движение всю конструкцию человека. Прощаясь с писателем В. Шукшиным, А. Вознесенский написал, что страна хоронит «активную совесть».

Человек, по Достоевскому, — поле битвы между Богом и дьяволом, добром и злом. Своеобразие зла

в том, что оно любит рядиться в одежды добра, справедливости, казаться привлекательным, оправдывать сегодняшний ад ради завтрашнего рая. Поэтому нужны жестко фиксированные правила «можно—нельзя». Без них человечество оказывается нежизнеспособно. Своеобразным сводом нравственных законов для христиан была Нагорная проповедь, для строителей коммунизма — Моральный кодекс. Когда призрак коммунизма перестал маячить, академик Н. Моисеев ввел понятие экологического императива как совокупности ограничений, которые человек не имеет права нарушать ни при каких обстоятельствах. Голос академика не был услышан. Страна пустилась в плавание без руля и ветрил.

Ни креативная деятельность, ни «активная совесть» не передаются по наследству из поколения в поколение, а прорастают через непрерывное образование. ЮНЕСКО приняло решение, признающее непрерывное образование руководящей конструкцией для нововведений или реформ образования.

Цивилизация и непрерывное образование — близнецы-братья. Истоки кризиса цивилизации — в кризисе образовательной системы. Еще в эпоху Николая II премьер-министр С. Витте считал, что воспитывать инженера без хорошей гуманитарной подготовки не только безнравственно, но и губительно для страны. Он создал систему элитарных технических вузов, в которых гуманитарное знание играло первостепенную роль. В сущности, это была программа выхода из тупика, из «сумерек просвещения» (В. Розанов). Она не утратила актуальности и сегодня.

Символом современной радикальной реформы системы образования могла бы стать скрипка Эйнштейна — победный гимн культуре. Она не просто соединяет физиков и лириков, искусство и науку, а позиционирует Россию как художественнообразующую нацию. Совокупное, целостное знание (а не узкопредметное) — ее главный образовательный продукт. Педагогам надо осваивать новый тип преподавания: не внедрение готовых ответов, а поиск истины, приобщение к ней, добывание ее. Другого пути к интеллектуальному прорыву, к подготовке «симфонически» мыслящих специалистов нет.

Ташансу Тюркер¹

ДЕЛО О МОДЕРНИЗАЦИИ, ПОСТ-, ПОСТ-ПОСТМОДЕРНИЗАЦИИ И НОВОМ МОДЕРНИЗМЕ

В течение последних трех лет Лихачевские чтения стали для меня местом размышлений и сравнений За-

¹ Директор Исследовательского центра по изучению Евразии, России и Восточной Европы, профессор, доктор факультета политологии в Университете Анкары (Турция). Сфера научных интересов: история Османской и Российской империй, современная иностранная политика России и Турции. Автор научных публикаций по истории Османской и Российской империй и вопросам современной международной политики, в т. ч.: «Проблемы кризиса современности, поиска идентичности и демократии в западном мире», «История нации: влияние Запада на Российскую и Турецкую империи» и др.

пада, России и Турции. Обычно я провожу это сравнение с исторической точки зрения, уделяя особое внимание XIX веку. Прежде всего хотелось бы подчеркнуть, что проекты модернизации России и Турции отлично подходят для сравнения их между собой. Находясь на границах западной цивилизации, наши две страны вошли в эру модернизации три века назад. Модернизация оказала влияние на наше самосознание, а ее ход во многом определялся геостратегиями, которые мы применяли с оглядкой на Запад.

Истории модернизации России и Турции очень схожи, но все же различаются, что позволяет провести глубинное сравнительное исследование. Сама идея модернизации, ее реализация и реальная политика, основанная на геостратегии, нацеленной прежде всего на Запад, заставляют нас при этом сравнении держать в поле зрения данный регион. Вышеупомянутые уровни представляют собой отличную почву для анализа и создания определенных парадигм социальных наук в этом регионе мира. И, разумеется, особенное внимание следует уделить XIX веку, не только потому, что мы постоянно сравниваем XIX век и наше время, но и потому, что уроки XIX века до сих пор являются для нас наглядной иллюстрацией того, что мы можем делать сегодня.

В прошлом году на пленарном заседании именно по этой причине я предложил переосмыслить восприятие XIX века и внимательно изучить то время. Именно поэтому в своем докладе я остановился на «текущей современности» — термине, который придумали Бауман и Бордони для описания текущего кризиса. Этот термин адекватно описывает статус-кво всего XIX и XXI века, когда мы снова ищем новый баланс, находясь, по словам Умберто Эко, «на переходе к новому, пока еще неурегулированному порядку».

В своей книге «Кризисное состояние» Бауман и Бордони утверждают, что в настоящее время в мире наблюдается двухсторонний кризис: с одной стороны, мы видим *бессилие государств*, с другой — наблюдаем *радикальные изменения в общественных структурах*. В результате текущий кризис может быть назван политическим и общественным. Самым важным политическим результатом, который я хочу подчеркнуть, является потеря идентичности, или коллективного сознательного, которое было создано национальными государствами с целью обеспечения постоянного развития. От этого зависит вся международная система.

Идентичность, или коллективное сознательное, имеет две стороны: первая описывает частные стороны определенной нации (язык, религию, историю) и служит связующим звеном внутри границ государства, вторая — универсальные ценности (безопасность, справедливость, демократию, права человека и т. п.) и обеспечивает постоянство системы ценностей, в том числе и на международном уровне. За исключением проводившихся здесь дебатов об универсализме и партикуляризме, думаю, стоит признать, что национальные государства зависят от универсальных ценностей, которые и создают международную систему, а это означает, что разрушение этих универсальных ценностей тоже является важным фактором. Между тем политические результаты позволяют сделать вывод о слабости государства перед лицом политических требований масс — в тех странах, где все еще продолжается поиск легитимной и эффективной системы управления. В этом контексте социальные результаты оказываются связаны с политическими.

Можно утверждать, что требования масс также изменились. Сейчас часто можно слышать, что массы не знают чего хотят, зато очень хорошо знают, чего не хотят. Поэтому управлять этими социальными по-

требностями через народное представительство, парламент или политические партии, даже гражданское общество, становится все сложнее. С другой стороны, социальные результаты показывают, что массы жаждут потребления. По мнению авторов, *потребительское общество* стало новым фактом всех социальных и политических сфер, заменив собой граждан, в связи с чем потребление выступает текущей *целью*. Кризис современности и наблюдающаяся в настоящее время переменчивость, о которых говорится выше, указывают на кризис *суверенитета* и *демократии* в современном мире.

Постмодернизм основан на прогнозе, что наднациональные организации и микронационализм заменят национальные государства и даже нации, что новая демократия будет совершенствоваться через социальные медиа, гражданское общество и т. п. Количество синих воротничков уменьшится, а белых воротничков станет больше, и зависимость экономики от технологий и инноваций также возрастет. Взглянув на программу Всемирного экономического форума в Давосе в январе 2016 года, можно понять, какое будущее вызывает опасения. В программу среди прочих включены следующие темы: общая позиция по отношению к экстремизму, новая платформа цифровой экономики, социальный контракт на трансформацию мира, мир без работы, путешествия по всему миру без топлива и страха, культура и четвертая промышленная революция, от миграции к интеграции, этика и корпоративное управление, обучение искусственного интеллекта эмоциональному интеллекту, фрагментация Интернета, люди и машины, обучение мастеров четвертой промышленной революции, образование для миллиона детей беженцев.

Развитие мировой политической системы, особенно на местном уровне в странах Запада, показывает, что постмодернистское завтра относительно тревожно. Все началось с брексита, за ним последовало избрание Трампа президентом США, потом всплеск крайне правого популизма в Нидерландах, Франции и Италии. Все эти события шокировали тех, кто совсем не так представлял себе постмодернизм. Практически во всех странах Запада наблюдается рост левого популизма, направленного против тех, кто ослабил позиции политического центра. Первое выступление Шона Спайсера, пресс-секретаря Белого дома, стало важной вехой в американской политике. В его речи прозвучали классические, конвенциональные и современные тезисы. Автомобильный сектор, продвижение карьеры, промышленная занятость, вопросы налогов, американские ценности, американский образ жизни — вот старые темы, которые снова возникли в современной Америке. Их озвучили в рамках своих сегодняшних требований избиратели Трампа. Брексит стал выражением примерно таких же настроений и требований британцев. На тот же путь модернизма, как ожидается, встанут в этом году Франция, Нидерланды и Италия. Что мы видим сегодня в возрождении модернизма? Следует ли называть его постпостмодернизмом или началась эра неомодернизма? Или мы наблюдаем тактический отход от постмо-

дернистских идеалов Гринвич-Виллидж в Манхэттене, Блумсбери в Лондоне, всей территории Берлина, Болотной площади в Москве или площади Таксим в Стамбуле?

На мой взгляд, ответ на этот вопрос очень важен, и меня удовлетворит только тот факт, что интеллектуалы, как правило, более дальновидны, чем сам прогресс человечества. Тем не менее следует помнить, что нельзя верить ни утопичным ожиданиям, ни обоснованным опасениям. Ход истории иногда разочаровывает интеллигенцию, однако нельзя сказать, что она всегда полностью права. Важно понимать, что интеллектуалы могут ошибаться и что в мире наступил краткий период модернизма, который можно назвать пост-постмодернизмом или неомодернизмом. За этим периодом последует возврат к традиционному укладу: синим воротничкам, социальной политике, промышленному обществу, национализму, национальным государствам, национальным интересам на основе международной системы и т. д. Сейчас стоит задаться вопросом: имеют ли Турция и Россия преимущества в данной ситуации в связи с тем, что за последние 15 лет их не коснулись эти постмодернистские веяния?

Следует отметить, что модернистский вызов XXI века пришел из России вместе с концепцией «суверенной демократии», сигнализовавшей о наступлении пост-постмодернизма или неомодернизма. Любой историк, который пишет или говорит о России XXI века, обращает внимание на непрерывность процесса модернизации страны на протяжении трех столетий. За это время выдвигались разные аргументы в пользу непрерывной модернизации: суверенитет, демократия, инфраструктурные инвестиции, попытки централизации и т. д. В этом веке Россия ориентируется на лозунг «хорошо классическое». Этот лозунг стал для России основой движения к современности в постоянном процессе модернизации. Турция встала на этот путь позже, и он был не таким гладким, как у России, но направление у нас общее. За последние пять лет основными интересами Турции стали идея национального государства, внешняя политика на основе национальных интересов и инвестиции в инфраструктуру. Поставленный выше вопрос чрезвычайно своевременен, и на него должны ответить обе страны, так как это необходимо для новой складывающей-

ся конъюнктуры. Некоторую надежду на будущее дает изучение исторического опыта.

Отношения Турции и России с Западом складывались противоположным образом, за исключением двух исторических периодов: последней четверти XIX века и первого десятилетия XXI века. Противоположные позиции двух стран были вызваны геостратегическим выбором обеих держав, определившим отношение к западному влиянию. Схожие позиции были обусловлены консервативной идеологией и вопросами обороны. В XIX веке Османская империя стремилась догнать Запад, несмотря на то что националистические настроения угрожали уничтожить государство. В это же время Россия стремилась остановить рост влияния Запада на развитие страны. Крымская война стала отражением этих противоречий: ориентированная на Запад верхушка Османской империи против скептически настроенной по отношению к Западу России. Весь XIX век Россия защищала свой древний жизненный уклад, а Османская империя находилась в процессе интенсивной модернизации, хотя этот процесс мог стоить империи ее целостности. В то время как Турция стала частью западной системы, Россия продолжила искать альтернативную модель, заплатив за эти поиски отставанием в развитии. Абдулхамид II и Александр III установили в конце XIX века совсем другие отношения. Этот период сейчас очень популярен в Турции, его постоянно сравнивают с современным политическим моментом.

В качестве заключения хочу задать некоторые вопросы и дать ссылки на ответы. Умерли ли уже идеалы и политика постмодернизма? Читайте «Европа мертва» у Александра Герцена. Пост-постмодернизм или неомодернизм — это одно и то же в модернизированных России и Турции или нет? Читайте конституцию Османской империи 1876 года и российскую Конституцию 1905 года. Может ли геостратегия разрушить внутреннюю политику? По поводу двух случаев структурной модернизации: смогут ли обе страны снова занять выгодное положение в нео-постмодернистском мире? С учетом того, что идеалы Французской революции устояли после событий 1815, 1830, 1848 и 1871 годов. Они несколько изменились, но в основных чертах остались прежними.

В. А. Черешнев¹,
В. Н. Расторгуев²

СОВРЕМЕННОСТЬ И ВЫБОР БУДУЩЕГО С ПОЗИЦИЙ ПОЛИТИКИ И ПРОГНОСТИКИ

Д. С. Лихачев неоднократно возвращался к теме прогностики и выбора будущего, прекрасно понимая ее дискуссионность и позицию скептиков, в которой также есть своя внутренняя логика. К примеру, в известной статье «Будущее литературы как предмет изучения» он писал: «Прочтя название этой статьи, читатель непременно подумает: “Модная тема! Не довольно ли с нас футурологии, предсказаний и предвещаний, облеченных в научную форму? Творчество нельзя предвидеть, нельзя предсказать появление того или иного гениального художественного произведения или научного открытия”. Относительно моды можно сказать следующее: моду, если она разумна, можно приветствовать. Разумная мода — одно из немногих, хотя и скромных, свидетельств единства человеческого рода, его вкусов и настроений. ... В науке мода может способствовать коллективному сосредоточению внимания на определенных темах и подходах к темам»³.

Признавая значимость общих «модных тем» в научном дискурсе, массовом сознании и публичной по-

литике, нельзя не заметить, что «мода на будущее» (даже если теряет на какое-то время свою привлекательность) каждый раз — от эпохи к эпохе — возвращается в силу острой потребности заглянуть за черту временного горизонта, который называется современностью. Но именно здесь мы сталкиваемся с рядом парадоксов, и первый из них — неоднозначность данного термина. Дело в том, что каждый из нас волен выбирать *свою современность* — своих учителей жизни и властителей дум из любого исторического времени. Одному интересен Аристотель, другой живет в мире эпохи Просвещения (и имеет на это право), третий находит образцы для подражания в массовой коммерческой культуре, а четвертый с головой погружается в виртуальный мир. Перед человеком нашего времени открывается широкое поле для *выбора современников* по духу и способностям. Такой выбор относится к сфере не только личностной, но и национальной культуры, о чем неоднократно говорил Лихачев. Выбор современности легко преодолевает все временные и пространственные границы.

Право на такой поиск относится к числу естественных и неотъемлемых прав. Такие права есть у отдельных людей, социальных или профессиональных групп, отдельных народов, гражданских наций, объединяющих множество этносов. Поэтому вопрос о том, какое общество мы строим и какое будущее выбираем, во многом зависит от того, в какой современности мы живем и что считаем современным — набор достижений, делающих нашу жизнь комфортной, или всегда современные традиции, соединяющие поколения в целостную общность. Уже по этой причине наследие Д. С. Лихачева, который всегда во главу угла ставил национальную культуру, не утратит своей актуальности.

Но вернемся к основной теме — выбору будущего. Любой человек, независимо от своего возраста и социального статуса, уровня культуры и образованности, профессии и убеждений, пытается представить себе недалекое будущее, в котором у него, кажется, есть своя ниша, и отдаленное будущее, которое принадлежит не ему, а тем, кто придет на смену ныне живущим поколениям. Что стоит за этим желанием — здоровое любопытство, стремление «приватизировать» хотя бы часть «завтрашнего мира» или страх, что будущее может быть отнято у него, чувство ответственности за собственные поступки, результаты которых — и добрые, и разрушительные — уже ожидают нас в том завтра, которое наступит? У всех свои мотивы, которые зависят от многих факторов — типа личности и возраста, моральных и профессиональных качеств человека, тех планов, что мы строим и осуществляем, не зная наверняка, где проходит грань между реальной целью и утопией.

Все вышесказанное можно отнести к социуму, государству и народу, союзам государств и, наконец, к че-

¹ Директор Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, член Президиума РАН, академик РАН, доктор медицинских наук, профессор. Автор и соавтор многих научных открытий и изобретений, более 700 научных работ, в т. ч. 34 монографий, 14 книг: «Имунофизиология», «Альфа-фетопротеин», «Имунологические и генетические факторы нарушения репродуктивной функции», «Биологические законы и жизнеспособность человека. Метод многофункциональной восстановительной биотерапии», «Физиолого-гигиеническая концепция спелео- и солелечения», «Социально-демографическая безопасность России», «Демографическая политика страны и здоровье нации», «История реформирования Российской академии наук» и др.; двух руководств по изучению комбинированных радиационных поражений и по клинической иммунологии; 6 учебников; 11 учебных пособий для вузов. Президент Российского научного общества иммунологов. Главный редактор «Российского иммунологического журнала» (“Russian Journal of Immunology”), «Вестника Уральской медицинской академической науки», Вестника УрО РАН «Наука. Общество. Человек», журнала «Имунология Урала». Награжден орденами Дружбы, «За заслуги перед Отечеством» III и IV степени. Лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники (2006) и премии Правительства РФ в области образования (2012). Почетный доктор СПбГУП.

² Профессор кафедры философии политики и права МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, почетный работник высшего образования РФ, государственный советник 3-го класса. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч. 26 монографий и учебных пособий: «Единство и преемственность сознания» (в соавт.), «Концептуальный поиск: традиции, новаторство, ответственность», «Творчество и догматизм», «Природа самоидентификации: русская культура, славянский мир и стратегия непрерывного образования» (в соавт.), «Колоды мира. Экологическая доктрина России: от замысла к пилотным проектам» (в соавт.), «Философия и методология политического планирования», «Умная политика и культура прогнозирования», «Кризис цивилизации в контексте политических процессов XXI века» (в соавт.) и др. Заместитель председателя Научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия, заместитель главного редактора журнала «Трибуна русской мысли». Награжден орденами ООН — Авиценны и «Единение» (в честь 60-летия образования ООН). Лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники (2006).

³ Лихачев Д. С. Будущее литературы как предмет изучения (Заметки и размышления) // Новый мир. 1969. № 9. С. 167.

ловечеству в целом. Причина такого «очеловечивания» социума, в развитии которого существуют свои закономерности, отличные от тех, что определяют социализацию личности, заключается не только в том, что судьбоносные решения принимают не социальные институты, а реальные люди со своими особенностями и мотивациями. Наряду с личными целями отдельных людей следует учитывать и функциональные цели систем, которые могут не совпадать с частными целями и даже не осознаваться человеческим сознанием. Телеологический подход к пониманию природы коллективного знания, в том числе специализированного, открывает нам скрытые цели. Среди них особую роль играет установка на открытие существующих закономерностей, что делает науку наукой, а также на природо- и народосбережение — функциональные цели политики, трансформирующие ее из сферы борьбы за власть или участие во власти в важнейшую созидательную деятельность.

Другая сторона проблемы «очеловечивания» социума и коллективных сфер деятельности, где необходимо пристальное внимание к мотивации, — особый класс жизненно важных проблем, решение которых диктуется глобальными угрозами и требует межгосударственной и международной солидарности¹. В данном случае важным является коллективное чувство ответственности за отдаленные последствия принимаемых ныне и принятых задолго до нас решений, уже преддрешенных (по сути, запланированных) техногенных, экологических и социальных катастроф. Они могут быть «спланированы» не только в результате стратегических ошибок, неизбежно совершаемых по причине острого дефицита достоверной информации и отсутствия качественно научно-аналитического обеспечения политических решений, но и вследствие нежелания или неспособности планировать на долгосрочную перспективу, невозможности выстроить иерархию общих целей в условиях хронической конфронтации и разобщенности.

Как видим, затронутая нами тема переходит в область политического и геополитического планирования, но ее постановка многих ставит в тупик. Первое, что вызывает удивление при ближайшем знакомстве с ней, — чрезвычайно низкий уровень осмысления. Если стратегическому планированию и прогнозированию в бизнесе посвящено много книг и диссертаций, то проблеме политического и геополитического планирования — небольшой круг исследований, обычно повторяющих один и тот же набор положений и цитат. В большинстве случаев эти термины используются в расширительном значении и служат для обозначения любого типа планирования, если оно предполагает социально значимые последствия деятельности, в которую вовлечены общественные силы и которая требует достижения консенсуса либо соглашения при разрешении конфликта².

¹ Проблеме генезиса и классификации глобальных проблем был посвящен наш доклад на Лихачевских чтениях (см.: Черешнев В. А., Расторгуев В. Н. Глобальные проблемы: диалог политики и науки // Диалог культур и партнерство цивилизаций : XIV Междунар. Лихачевские науч. чтения, 15–20 мая 2014 г. СПб. : СПбГУП, 2014. С. 179–189).

² Бенвенисте Г. Овладение политикой планирования. Создание реально выполнимых планов и политики, которая ведет к переменам. М. : Прогресс : Универс, 1994. С. 18.

Существенно лучше обстоит дело с исследованиями в области политической прогностики, но и здесь почти нет трудов, посвященных прогнозу, «встроенному» в процесс планирования. Причина столь странной диспропорции заключается в том, что анализу доступны лишь внешние проявления этого планирования в сфере так называемой публичной политики. А круг нерешенных, никем не решаемых и даже не осмысленных должным образом проблем, напрямую касающихся жизни миллионов людей, за которых и от имени которых принимаются решения, остается почти недоступным.

Технология планирования обычно полностью передоверяется исполнителям, которым, как правило, недостает реальных властных полномочий, чтобы сосредоточить в одних руках все нити планирования и сценарного прогнозирования. Поэтому столь трудно воссоздать общую картину, которая необходима тем, кто хотел бы понять «механику» данного процесса. Уже по этой причине полезно расширить возможности для самообразования политиков в силу их оторванности от научных знаний, изменяющихся столь же интенсивно, как и политическая конъюнктура.

В политическом планировании, составной частью которого на всех стадиях является стратегическое прогнозирование, наряду с политическими деятелями участвуют специализированные аналитические структуры, а также армия «профильных» специалистов, обеспечивающих функционирование политических институтов. Особую роль в политической жизни играют «мозговые центры» или «фабрики мысли», существующие либо автономно, либо при органах исполнительной и законодательной власти, либо при неправительственных и международных организациях. Ответ на вопрос о том, включает ли их деятельность разработку реальных политических планов, научно обоснованных и востребованных прогнозов, зависит от особенностей политической системы и сложившегося режима, расстановки сил и конъюнктуры, геополитического контекста и множества других факторов. Деятельность ряда центров, включенных в процесс политического планирования, частично или полностью сконцентрирована на геополитической проблематике.

Различные политические системы и режимы по-разному «осваивают» и «усваивают» возможности политического планирования, делая его открытым или закрытым для рефлексии и внешней аналитики, так как многое зависит не от политической воли руководства, баланса сил или выбранной стратегии, а от особенностей правовой системы и сложившихся национальных политических институтов. Само поле планирования и прогнозирования, его пространственно-временные характеристики, набор функций и эффективность предопределяются обычаями, жизненным укладом и качеством институтов, в частности спецификой конституционного устройства той или иной страны. Институты берут на себя многие функции планирования, переводя их в режим «автопилота», что существенно ограничивает возможности «ручного управления», в том числе возможность управления рисками. В ряде случаев это сводит на нет усилия гражданского общества и политических элит повлиять на будущее, избежать катастрофических последствий инерционного движения.

Ян Арт Шолте¹**В НАПРАВЛЕНИИ ГЛОБАЛЬНОГО ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЯ²****Введение**

Современная глобальная экономика отличает поразительное неравенство: с одной стороны, офшорная финансовая индустрия, бутики и высокоскоростной Интернет, с другой стороны, зарплата в размере одного доллара в день, подержанные вещи и неграмотность. Недавно проведенное исследование показало, что самые богатые люди в мире, составляющие 1 % населения, владеют 48,2 % всех активов, а беднейшая часть — менее чем 1 % всех богатств³. Как возникло такое большое неравенство в распределении и что можно предпринять, чтобы ликвидировать его?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо провести диагностику, дать рекомендации и наметить ход развития. Диагностика поможет определить влияние экономических проблем на современное положение дел в мировой экономике и политике, возникновение существенного перекоса в распределении мировых ресурсов. Рекомендации касаются альтернативных принципов и правил распределения, а также того, как можно обеспечить пропорциональное перераспределение мировых ресурсов. Ход развития — это возможности и препятствия, возникающие в процессе внедрения предложений по обеспечению перемен. Как сложилось нынешнее положение дел, чего мы хотим добиться и как нам достичь этой цели?

В связи с поставленными вопросами в следующем разделе будут описаны природа и степень материального неравенства в современной мировой экономике и сформулированы выводы по исследуемой проблеме. После этого, во втором разделе, предпринимается попытка выявить разнообразные причины возникновения перекоса в распределении ресурсов, а также отмечается особая роль правил. В третьем разделе дается обзор общих рекомендаций по глобальному перераспределению. В четвертом разделе рассматриваются действия, дается оценка ключевых возможностей и проблем глобального перераспределения.

1. Проблема: глобальное неравенство

Согласно данным, представленным в недавно проведенном исследовании, в 2008 году 5 % самых бога-

¹ Профессор кафедры исследования проблем мира и развития Гётеборгского университета (Швеция), визит-профессор кафедры общественно-гуманитарных дисциплин Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова. Преподавал в Уорикском, Сассекском университетах, Лондонской школе экономики и Институте социальных исследований в Гааге. Работал советником в Международном валютном фонде, Всемирной торговой организации, Международной информационной организации “Internet Corporation for Assigned Names and Numbers” (ICANN). Автор ряда работ по глобализации, в т. ч.: “Globalization: A Critical Introduction”, “Civil Society and Accountable Global Governance” и др.

² См.: Scholte J. A. Why Global Redistribution Is Needed // *New Rules for Global Justice: Structural Redistribution in the Global Economy* / eds. J. A. Scholte, L. Fioramonti, A. Nhema. L.: Rowman and Littlefield International, 2016. P. 1–12.

³ Credit Suisse // *Global Wealth Report 2014*. Zurich: Credit Suisse Research Institute, 2014.

тых людей в мире получили доход в 245 раз больше, чем беднейшие 25 % людей⁴ (соотношение 245:1). Следует заметить, что этот расчет касается только доходов и не включает активы. Исследование, проведенное “Crédit Suisse”, показывает, насколько сильно увеличится разрыв, если учитывать и стоимость частной собственности.

Экономическое неравенство населения в современном мире в целом выше, чем неравенство людей в отдельной стране. Коэффициент Джини (показывающий степень неравенства различных вариантов распределения доходов) в мировом масштабе равен 70⁵. Самый высокий коэффициент Джини — в ЮАР (равен 70, как и в мире в целом). Показатель Джини в Бразилии составляет 55, в США — 48, что представляется эгалитарным, не говоря уже про Словакию — 26 и Швецию — 25⁶.

В настоящей статье внимание сосредоточено на *глобальном* материальном неравенстве. В связи с этим исследователи обычно принимают во внимание такой показатель, как соотношение распределения ресурсов и групп населения в конкретной стране⁷. С ростом глобализации в последние полвека более разумной представляется оценка экономического неравенства в планетарных масштабах. Конечно, неравенство в мировых масштабах — не новое явление, возникшее в последние десятилетия. Экономическое неравенство между континентами увеличивается начиная с XIX столетия⁸. Однако в современных глобализационных условиях существенно увеличилось количество сделок по всему миру, их разновидностей, возросли их частота, скорость, интенсивность, оказываемое ими влияние и взаимозависимость⁹. Таким образом, в настоящее время материальное неравенство глубоко укоренилось в международных взаимоотношениях¹⁰. Различия в имеющихся ресурсах стали в большей степе-

⁴ Личная беседа автора с профессором Томасом Погге (Йельский университет), 4 января 2013 года, цитируются неопубликованные данные, предоставленные Бранко Милановичем, ведущим экономистом Всемирного банка.

⁵ Milanovic B. *Global Income Inequality by the Numbers: In History and Now*. Washington, DC: Policy Research Working Paper 6259; World Bank Development Research Group; Poverty and Inequality Team, 2012; *The Impact of Globalization on the World's Poor: Transmission Mechanisms* / eds. M. Niskanen, E. Thorbecke. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007.

⁶ Gini 2014. List of Countries by Income Inequality. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_by_income_equality (дата обращения: 28.09.2015).

⁷ Cp.: Wilkinson R., Pickett K. *The Spirit Level: Why Equality is Better for Everyone*. L.: Penguin, 2010; Ostry J., Berg A., Charalambos G. Tsangaridis. *Redistribution, Inequality, and Growth: Discussion Note 14/2*. Washington, DC: International Monetary Fund Staff, 2014; *Piketty T. Capital in the Twenty-First Century*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2014.

⁸ Maddison A. *The World Economy: A Millennial Perspective*. P.: OECD Development Centre Studies, 2001; Bourguignon F., Morrison C. *Inequality among World Citizens, 1820–1992* // *American Economic Review*. 2002. Vol. 92 (4). P. 727–744.

⁹ Scholte J. A. *Globalization: A Critical Introduction*. 2nd ed. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005. Chap. 2, 3.

¹⁰ Weiss A. *The Transnationalization of Social Inequality: Conceptualizing Social Positions on a World Scale* // *Current Sociology*. 2005.

ни показывать, как люди связаны в планетарных масштабах. Эти разрывы можно было бы сократить, если бы международные взаимоотношения были организованы иначе.

Вопрос о глобальном неравенстве достаточно сложный¹. Это не просто вопрос о богатых и бедных странах и людях. Раскол наблюдается не только между западной и незападными культурами, мужчинами и женщинами, представителями белой и других рас, людьми среднего возраста и молодежью. Различные оси неравенства пересекаются друг с другом. Глобальные экономические несоответствия увеличиваются и укореняются, когда пересекается несколько привилегированных структур (например, богатая страна и класс богатых людей) и соединяются несколько структурных недостатков или негативных факторов (например, женский пол и черная раса).

В мировой экономике огромные перекосы в распределении ресурсов не отвечают принципам справедливости и беспристрастности. Сотни миллионов человек не имеют доступа к ресурсам, которые могли бы существенно улучшить их жизнь². Ответственные люди в большинстве своем ощущают несправедливость ситуации, когда в отдельных оазисах в огромной пустыне лишений сосредоточено большое количество богатств³. Неравенство ресурсов разрушает демократию, так как богатые контролируют все регулирующие процессы. Как следствие — ощущение несправедливости может ослабить социальную солидарность и вызвать социальные конфликты. Кроме того, избыточное потребление богатыми людьми и истощение ресурсов бедными могут нанести серьезный урон окружающей среде. В целом большое неравенство подрывает общество экономически, морально, политически, экологически⁴.

Тем не менее очень мало делается для того, чтобы преодолеть глобальное экономическое неравенство и начать постепенное упреждающее глобальное перераспределение. Мотивацией помощи и сотрудничества в целях развития выступает перераспределение, но его последствия ничтожны в сравнении с разницей в имеющихся ресурсах в глобальном масштабе. Справедливая торговля составляет лишь небольшую долю мировой торговли. Сделки в альтернативных валютах — малая часть оборота на мировых финансовых рынках. Обычно требуются годы для проведения кампаний, направленных на достижение глобальной справедливости (речь, в частности, идет о прощении долгов и доступе к необходимым медицинским услугам и медикаментам, чтобы достичь ограниченных результатов).

Vol. 53 (4). P. 707–728 ; *Inequalities of the World* / ed. G. Therborn. L. : Verso, 2006.

¹ *Holton R. J. Global Inequalities*. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2014.

² *Collier P. The Bottom Billion: Why the Poorest Countries Are Failing and What Can Be Done about It*. Oxford : Oxford University Press, 2007.

³ *Caney S. Justice beyond Borders: A Global Political Theory*. Oxford : Oxford University Press, 2005 ; *Pogge T. World Poverty and Human Rights: Cosmopolitan Responsibilities and Reforms*. 2nd ed. Cambridge : Polity, 2008.

⁴ *Wilkinson R., Pickett K. The Spirit Level: Why Equality is Better for Everyone*. L. : Penguin, 2010 ; *Inequalities of the World* / ed. G. Therborn. L. : Verso, 2006.

Тем временем не принята никакая системная программа в глобальных масштабах.

Периодически наблюдается противостояние глобальному неравенству. Уже 150 лет назад массовые выступления рабочих в разных странах позволили решить проблему классового неравенства⁵. В 1970-е годы правительства стран третьего мира совместно выступили за новый международный экономический порядок (НМЭП), который позволит сократить неравенство ресурсов между богатыми и бедными странами⁶. На рубеже тысячелетий так называемое антиглобалистское движение выступало против неолиберального капитализма по причине возникновения неприемлемого материального неравенства в мировых масштабах. Подобные выступления возобновились в 2011–2012 годах, когда возникло движение “Occupy Wall Street” и наблюдались протесты от имени “We are the 99 Percent”⁷.

Активизация на основе классовой принадлежности в конце XIX — начале XX века стала более существенной с точки зрения пропорциональности перераспределения ресурсов в национальных масштабах. В мире возникли государства всеобщего благосостояния, в странах, где правили коммунисты, получили распространение антикапиталистические режимы. В целом в этот период уровень неравенства стран значительно снизился, особенно в странах первого и второго мира, хотя вновь он повысился после 1980-х годов⁸.

Пока инициативы конца XX — XXI столетия не отвечают пропорциональному перераспределению в глобальных масштабах. НМЭП, движение антиглобалистов и “Occupy Wall Street” фактически сошли на нет, и ни одно из них не привело к возникновению государства всеобщего благосостояния или другим значимым результатам перераспределения в глобальных масштабах. Однако опыт эпохи капитализма показывает, что результаты требуют времени. Современный период, начавшийся в середине 2010-х годов, может стать промежуточным этапом в долгосрочной борьбе за глобальное перераспределение. На этом этапе все еще необходимы новые креативные предложения.

2. Диагностика: вопросы управления

Борьба за перераспределение в мировом масштабе может усилиться, когда участники осознают, что порождает неравенство. Попытки что-либо изменить могут стать более эффективными, когда проблемы будут четко определены, чтобы участники кампаний знали, на что ориентироваться. Существуют многочисленные объяснения глобального неравенства, причем иногда противоречащие друг другу. Тем не менее некоторые из широко распространенных представлений о причинах появления разрывов в имеющихся ресурсах в мировом масштабе можно использовать.

⁵ *Internationalism in the Labour Movement 1830–1940* / eds. F. van Holthoon, M. van der Linden. Leiden : Brill, 1988.

⁶ *Murphy C. Emergence of the NIEO Ideology*. Boulder, CO : Westview, 1984.

⁷ *Sitrin M., Azzellini D. They Can't Represent Us! Reinventing Democracy from Greece to Occupy*. L. : Verso, 2014.

⁸ *Roine J., Waldenström D. Long Run Trends in the Distribution of Income and Wealth*. Uppsala : Uppsala Center for Fiscal Studies, 2014.

Одна из точек зрения состоит в том, что современные глобальные неравенства появились не случайно. Не вызывает сомнений, что случайность в большой степени определяет то, в каком доме будет проживать человек, в какой стране, к какому классу, полу, расе будет принадлежать, — все влияет на его шансы в этой жизни. Однако материальное неравенство, появляющееся при рождении человека, не возникает из ниоткуда. Оно является результатом действия определенных социальных сил, которые исторически пересеклись в этом месте. Разрыв в уровне экономического развития является результатом определенных социальных взаимоотношений.

Вторая точка зрения на причины глобального неравенства состоит в том, что огромный диапазон нынешних разрывов не требуется для стимулирования экономических инноваций. Богатым людям не нужно зарабатывать во много раз больше, чем бедным, и не поэтому они работают более энергично и творчески. И наоборот, спорный тезис, что бедные люди увеличат производительность, если получат больше, чем крошечная доля общего богатства. На самом деле в странах с низким коэффициентом Джини не наблюдается более низкой производительности труда или более низкого уровня жизни. Может быть реализован и противоположный вариант, о чем свидетельствуют сравнения между Европой с низким коэффициентом Джини и Африкой с высоким коэффициентом. Возможно, более жесткая уравнивающая политика в некоторой степени сможет снизить личную мотивацию к труду, о чем свидетельствуют данные о пропорционально перераспределяющихся богатствах в социальных демократиях¹. Однако уравниловку в глобальных масштабах едва ли можно наблюдать, а понижение глобального коэффициента Джини до 70 и менее скорее увеличит экономическую производительность, чем снизит ее.

Третье широко распространенное мнение заключается в том, что глобальное неравенство может увеличиться при слиянии капитализма с индивидуализмом. Капитализм направляет экономическую деятельность на накопление излишков, в результате люди производят больше ресурсов, их количество превосходит потребности. Возникает вопрос о том, как разделить излишки. Распределение в коллективистском духе — когда излишки считаются принадлежащими населению в целом — обеспечивает более равные шансы. Распределение в духе индивидуализма — когда излишки отдаются в личную собственность — приводит к перекосу. В этом смысле либеральный капитализм — с его акцентом на конкуренцию среди отдельных людей, стремящихся к максимальной выгоде, — может быть главной силой, подстегивающей (глобальное) материальное неравенство.

Четвертое определение причин глобального неравенства заключается в том, что на положения шкалы «коллективизм–индивидуализм» в большой степени влияет выбор политики. Ни капитализм, ни то, как распределяются излишки, не являются естественными

процессами. Так называемые рыночные силы не существуют вне общества и политики. На самом деле сформулированные обществом правила упорядочивают экономику и определяют ее направление, эти правила, по сути, влияют на результаты распределения. Принцип, связанный с вопросами управления, работает как в мировой экономике, так и в любой национальной или локальной экономике.

Если говорить о конкретных примерах, то управление играет важную роль в сфере охраны природы и области глобальных неравенств. Так, правила, регулирующие управление денежными средствами, устанавливают, что определенная валюта, например евро, будет распространена по всей планете, а другая валюта, например квача, нет. Также для распределения глобальных ресурсов большое значение имеет решение проблемы интеллектуальной собственности, когда преимущества и выгода делятся между изобретателями и пользователями определенным образом. Важное значение для раздела мирового богатства имеют правила налогообложения, которые определяют, кто сколько платит и какому государственному органу. Также важны нормы социальной политики, связанные с минимальной заработной платой, пенсионным обеспечением, доступом к здравоохранению и т. д. Для глобального распределения ресурсов большое значение имеют миграционные законы, которые позволяют некоторым людям относительно легко путешествовать по планете, в то время как другие оказываются «заперты» в определенных местах (обычно непривлекательных).

Можно сделать вывод, что глобальное неравенство существует по причине сложившейся организации управления, которая создает и поддерживает разрывы. По этой причине альтернативные правила и институты управления мировой экономикой могли бы существенно лучше и более равномерно перераспределить ресурсы среди людей. На самом деле крупное пропорциональное перераспределение глобальных ресурсов *требует* значимых изменений в управлении мировой экономикой.

3. Рекомендация: новые правила

Как изменить правила и институты управления мировой экономикой, чтобы генерировать более справедливое распределение ресурсов? Можно изменить специфические меры регулирования, а также заложенные в основу принципы политической и экономической организации. Изменение организационной политики будет включать, например, введение нового закона или налога, в то время как изменения в более серьезных структурах — реконфигурацию или выход за рамки капитализма.

С точки зрения общей политики можно предложить рекомендации по глобальному перераспределению в зависимости от направления: конформистского, реформистского и трансформистского. Как и любое аналитическое разделение, классификация на три категории является слишком упрощенной. На практике внутри каждой категории наблюдается большое разнообразие. Тем не менее концептуально полезно и политически важно выделить существенные отличия в сте-

¹ Lundberg E. The Rise and Fall of the Swedish Model // Journal of Economic Literature. 1985. Vol. 23 (1). P. 1–36 ; Andersen T. M. The Scandinavian Model — Prospects and Challenges // International Tax and Public Finance. 2008. Vol. 15 (1). P. 45–66.

пени изменения управления, которые обуславливают различные предложения.

Если говорить о перспективах с точки зрения конформизма, то существующая организация управления мировой экономикой в целом подходит для того, чтобы обеспечить подходящее распределение ресурсов¹. В соответствии с подобным анализом для достижения справедливости в мировом масштабе не требуется ничего, кроме уже установленных правил и работающих институтов управления неоллиберального рыночного капитализма². Возможно, необходимо определенное вмешательство различных фондов (типа фонда Билла и Мелинды Гейтс), чтобы преодолеть ужасающую бедность. Некоторые неоллиберальные экономисты, говоря о справедливости (вместе с эффективностью), выступали за снятие ограничений на иммиграцию³. Однако в соответствии с политикой конформизма в целом считается, что не требуется существенной перестройки для достижения справедливого распределения в глобальных масштабах.

В отличие от сторонников конформизма, сторонники реформизма рассматривают существующую политику как главную причину мирового неравенства. Реформисты утверждают, что изменение правил и институтов управления в рамках глобального капитализма может обеспечить более справедливое распределение ресурсов (здесь ключевой является фраза «в рамках глобального капитализма»). По мнению реформистов, неприемлемое глобальное неравенство не присуще капитализму в целом, это характеристика того вида капитализма, который возникает вследствие выбора политики. Примеры реформистских изменений включают развитие надгосударственной глобальной резервной системы и обложение налогом международных валютных сделок.

В отличие от реформистов, сторонники трансформизма связывают неприемлемое глобальное материальное неравенство с современным накоплением излишков. При таком постулате изменения в управлении, которые протекают в рамках мирового капитализма, не могут генерировать справедливое распределение ресурсов. Сторонники трансформизма считают, что такое распределение можно преодолеть, только отказавшись от глобализации или капитализма или от того и другого. Рассуждая в этом ключе, некоторые сторонники трансформизма заявляют, что с империалистическим неравенством можно справиться, если периферийные страны откажутся от соответствия мировому капитализму, а местные сообщества будут сопротивляться меркантилизации. Другие предложения трансформистов включают так называемую продовольственную независимость (или продовольственный суверенитет) и решение проблемы глобального изменения климата.

В дополнение к разнообразным предложениям в рамках реформизма–трансформизма рекомендации, касающиеся новых правил глобального перераспре-

деления, также включают различные точки зрения на осуществление позитивных перемен. Во-первых, движение за продовольственную независимость придерживается локалистической позиции — справедливое распределение достигается в маленьких сообществах в рамках ограниченных территорий. Во-вторых, стратегии деглобализации в целях справедливого перераспределения предполагают объединение действий на местах с выдвиганием идеи национального государства. В-третьих, в отличие от них, подчеркивается вмешательство в глобальных масштабах, позволяющее решить проблему глобального неравенства. В-четвертых, предлагается локально-глобальный масштабный подход, при котором объединяются стихийная мобилизация, государственная политика, региональное видение и глобальные трансакции.

С вопросом о географических масштабах связаны современные рекомендации по справедливому глобальному распределению, которые должны найти отражение и в роли национальных государств. Некоторые считают, что государство сегодня жизненно важно для глобального перераспределения, как было важно и для национального перераспределения столетие назад. Конечно, государство до сих пор лучше обеспечено ресурсами и наделено сильным институтом управления. Однако другие стратегии перераспределения делают упор на органы и политику сверхдержав (региональных и глобальных). В соответствии с этим подходом капитализм, который, по сути, вышел за ограниченные рамки отдельных стран, нуждается в существенном регулировании за пределами государства. Локалисты утверждают, что сегодня даже государство дистанцировано от повседневной жизни забытых обществом людей, поэтому пропорциональное перераспределение в современном глобальном мире наиболее эффективно достигается с помощью действий на местах⁴.

Наконец, в настоящее время рекомендации по глобальному перераспределению имеют явную экологическую направленность. Связь между социальной справедливостью и экологической целостностью отсутствовала в движении за НМЭП в 1970-е годы. Также эта связь в целом не была выражена в движении антиглобалистов на рубеже тысячелетий. Однако сегодня многие подчеркивают, что при перераспределении необходимо бережно относиться к ограниченным возможностям Земли. Таким образом, вследствие экологических проблем невозможно достичь более справедливого распределения мировых ресурсов за счет дополнительных действий в рамках «стратегии зеленого роста». Вместо этого структурное перераспределение в современной мировой экономике может повлечь за собой перераспределение существующих уровней производства или, возможно, более низких уровней мирового производства в целом⁵.

4. Ход действий: как достичь цели

В данной статье: а) была описана проблема современного глобального неравномерного и неправильного

¹ Wolf M. Why Globalization Works. New Haven : Yale University Press, 2004 ; Bhagwati J. N. In Defense of Globalization. 2nd ed. N. Y. : Council on Foreign Relations, 2007.

² О неоллиберализме см.: Harvey D. A Brief History of Neoliberalism. N. Y. : Oxford University Press, 2005.

³ Caplan B. Why Should We Restrict Immigration? // Cato Journal. 2012. Vol. 32 (1). P. 5–24.

⁴ Hines C. Localization: A Global Manifesto. L. : Routledge, 2000.

⁵ A Green New Deal / L. Elliott [et al.]. L. : New Economics Foundation, 2008 ; Jackson T. Prosperity without Growth. L. : Earthscan, 2009.

распределения; б) определена роль управления в решении данной проблемы; в) дан обзор новых способов ее решения. Остается обсудить ход действий, а именно применение рекомендаций на практике. В конце концов альтернативные идеи, которые не проводятся в жизнь, мало что дают.

Первое, что нужно учитывать при применении на практике, — это возможная недооценка силы сопротивления пропорциональному перераспределению глобальных ресурсов. Крупные транснациональные корпорации, правительства стран «Большой семерки» и отдельные богатые люди обычно не собираются делиться имеющимися материальными преимуществами. Более того, они, противостоят новым правилам глобального перераспределения, имеют огромные возможности для лоббирования и влияния на СМИ, а также привилегированный доступ к важным институтам управления. Элиты могут зайти слишком далеко, чтобы сохранить свои экономические и политические преимущества.

Если рассматривать проблему оптимистически, то увеличение количества новых участников глобальной политики и рост экономики помогут улучшить последствия перераспределения после внедрения новых правил. Однако требует тщательного рассмотрения роль развивающихся стран, стран с переходной экономикой и БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР). С одной стороны, представители Бразилии активно выступили на Всемирном социальном форуме как главной площадке для обсуждения глобальных перемен¹, а правительство, которое было сформировано в ЮАР после режима апартеида, продвигало в жизнь Программу расширения участия чернокожего населения в экономике. С другой стороны, Бразилия и Индия часто ориентируются на ЕС и США во Всемирной торговой организации, а перераспределение голосов в пользу стран БРИКС в Международном валютном фонде не привело к существенному изменению политики. Инвестиции в Африку считаются менее империалистическими, если выделяются Китаем, а не Европой. Нам еще предстоит увидеть, смогут ли страны с переходной экономикой увеличить возможности для существенного глобального перераспределения (среди социальных групп и стран) или страны БРИКС просто станут новыми площадками для сохранения старых структур глобального неравенства.

Действующие лица, вовлеченные в политику глобального перераспределения, за последние десятилетия также изменились в связи с усилением мобилизации гражданского общества. В 1970-е годы относительно небольшое количество ассоциаций объединилось для поддержки НМЭП. Сегодня тысячи людей и групп по всему миру поддерживают борьбу за справедливость в глобальных масштабах (движения в защиту прав потребителей, за продвижение демократии, защиту окружающей среды, доступ к здравоохранению, права человека, коренного населения, соблюдение трудовых норм, мир, в защиту веры, женщин, молодежи и т. д.). Примеры антиглобалистского движе-

ния и “Occupy Wall Street” продемонстрировали потенциальные масштабы народной поддержки глобального экономического перераспределения.

Проблема заключается в том, как преобразовать момент сопротивления в крупную, постоянно действующую кампанию, в рамках которой можно добиться существенных долгосрочных изменений в политике и экономике в глобальных масштабах. В частности, для успешной борьбы за структурное перераспределение глобальных ресурсов необходима коалиция, состоящая из множества движений (в защиту прав потребителей, охраны окружающей среды, женщин и т. д.). В центре старых стратегий по достижению перераспределения внутри страны были профсоюзы, но сегодня этот подход слишком узок. Продвижение более широких комбинаций множества может стать одновременно трудным и интересным².

Также для объединения значительных потоков энергии в целях глобального перераспределения важно объединение сил профессиональных некоммерческих организаций (НКО) и стихийных общественных движений. К настоящему времени такие альянсы, к сожалению, еще недостаточно развиты. Проблема заключается в том, что большинство активистов НКО (научных сотрудников) составляют привилегированные группы при распределении глобальных ресурсов. Поэтому необходимо самокритичное мнение, чтобы ответить на вопрос, как НКО могут использовать свое преимущественное положение, чтобы ослабить эти преимущества. Например, как далеко могут зайти активисты из среднего класса (которые блокировали Торговое соглашение по борьбе с контрафакцией в 2012 г.), чтобы добиться более серьезных изменений в управлении экономикой? Необходимо провести переговоры по поводу сотрудничества элиты с подчиненными кругами, которые делают возможными привилегии элит. Например, представители глобального политического крестьянского движения “La Via Campesina” («Крестьянский путь») потребовали, чтобы все главные посты в нем занимали фермеры, а участники от элиты ограничивались вспомогательными ролями³.

Перед кампаниями за глобальное экономическое перераспределение также стоит важный выбор, касающийся использования официальных или неофициальных каналов⁴. Иногда для движения может быть полезно и выгодно участие в официальных организациях и органах управления, чтобы изменить правила мировой экономики. Это предполагает сотрудничество с местным правительством, национальными государствами, региональными учреждениями и/или всемирными организациями и руководящими органами. Если идти по официальному пути, то представители движений и организаторы кампаний за перемены могут выдвигаться на посты, участвовать в комиссиях по изуче-

² Hardt M., Negri A. *Multitude*. N. Y. : Penguin, 2004.

³ Desmarais A. A. *La Via Campesina: Globalization and the Power of Peasants*. L. : Pluto, 2007.

⁴ Fogarty E. A. *Nothing Succeeds Like Access? NGO Strategies Towards Multilateral Institutions // Journal of Civil Society*. 2011. Vol. 7 (2). P. 207–227 ; Dür A., Mateo G. *Gaining Access or Going Public? Interest Group Strategies in Five European Countries // European Journal of Political Research*. 2013. Vol. 52 (5). P. 660–686.

¹ World Social Forum: Critical Explorations / eds. J. Sen, P. Waterman. Delhi : Open Books, 2012.

нию вопроса или группах специалистов для решения конкретной задачи и т. д. Однако в других случаях мобилизация с целью борьбы за глобальные экономические перемены может принести больше пользы в случае подрывной деятельности и сопротивления установленным правилам и органам управления. В этом случае участники кампаний могут, например, заниматься запрещенной торговлей, устраивать бойкоты, строить баррикады и захватывать центры. Точно так же установление новых правил мировой экономики может сочетать открытую, легальную и подпольную тактики.

Еще одна проблема, которая вызывает особую обеспокоенность в связи с современной политической борьбой за изменения в мировой экономике, — роль новых социальных медиа¹. Цифровые средства коммуникации, такие как Интернет и мобильная связь, предоставляют современным участникам новые возможности для виртуальной мобилизации, а также дополнительные инструменты для индивидуальной пропаганды — «лицом к лицу». Однако эти новые технологии также могут быть использованы для достижения значительных результатов существующими силами. Более того, провайдеры услуг и правительства имеют достаточно средств для того, чтобы нарушить доступ активистов к цифровым сетям. В отдельных случаях информационные и коммуникационные технологии могут привести к так называемому слактивизму («диванной активности»), когда клики, свидетельствующие о предпочтениях, лайки в сети Facebook и петиции в онлайн-режиме заменяют борьбу за перемены, участники которой преданы идее. Таким образом, распространение цифровой связи, как и подъем стран БРИКС, не следует принимать с восторгом и некритически.

Как бы сторонники глобального перераспределения ни использовали новые социальные медиа, содержание коммуникаций в рамках кампаний нужно тщательно формулировать. В частности, активисты должны продумать свое отношение к распространенным неолиберальным положениям о рынках, эффективности, продуктивности, росте, развитии и т. д. Изложение аргументов в пользу глобальной справедливости в таких разумных терминах, отвечающих здравому смыслу, также может быть полезно для успокоения элит или привлечения на свою сторону представителей правящей власти с тем, чтобы повлиять на перераспределение. Однако рассуждения о равных возможностях индивидуальной работы на открытых рынках, возможно, также являются идеологической основой нынешнего глобального неравномерного распределения, так что

любое обращение к этим клише может скомпрометировать кампанию за перемены.

Альтернативная стратегия — настойчиво призывать к обсуждению вопросов, которые отличаются от обычно обсуждаемых, и нарушать привычный ход дискуссий на основании того, что коренное переосмысление социальной реальности крайне важно для ее фактической перестройки. Таким образом, идеи о справедливом решении проблемы климата предполагают более радикальные изменения, чем устойчивое развитие. Проблема заключается в том, чтобы сделать альтернативный язык доступным и привлекательным для широких слоев населения.

Еще одна форма переосмысления, которая поможет ускорить глобальное перераспределение, относится к осознанию всеобщей солидарности. Постепенное перераспределение ресурсов внутри стран стало политически возможным после консолидации национального самосознания в конце XIX столетия. Идеи о национальной идентичности, общности и солидарности, пусть и мифические, обеспечили настрой, благодаря которому граждане стремились более равномерно разделить ресурсы со «своими». Гуманитарное мышление («Мы все — люди») обеспечило ментальную основу для глобального перераспределения, в частности при чрезвычайных ситуациях. Однако против таких явлений, как 48,2 % против 1 %, соотношение 254:1 и коэффициент Джини 70, требуются всеобъемлющие и долгосрочные меры, более глубокое осознание глобальных связей и глобальной солидарности, чем те, которые распространены сегодня.

Структурное перераспределение в мировой экономике сталкивается с многочисленными проблемами. Однако история свидетельствует, что структурные перемены, которые изначально могут показаться непрактичными, могут развиваться, и иногда достаточно быстро. Например, в 1914 году трудно было представить государство всеобщего благосостояния, но через несколько десятилетий оно уже существовало. Политика, связанная с изменением климата, имеет далекоидущие последствия, чем большинство людей могли представить себе двадцать лет назад.

Поэтому возможности структурного перераспределения в глобальной экономике могут быть шире, чем предполагают скептики. Исторический момент для перемен может возникнуть завтра, поэтому важно иметь практически осуществимые идеи. На самом деле формулирование и продвижение новых идей, в том числе с помощью Лихачевских чтений, проходящих в Санкт-Петербурге, также может создать условия для перемен.

¹ Blogs and Bullets: New Media in Contentious Politics / S. Aday [et al.]. Washington, DC : United States Institute of Peace, 2010 ; Fuchs C. Social Media: A Critical Introduction. L. : Sage, 2014.

А. В. Яковенко¹**ПРАГМАТИЗМ И МЕССИАНСТВО В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ:
БОРЬБА ПАРАДИГМ**

Современные международные отношения переживают период глубоких перемен — закономерное, отвечающее реалиям эпохи изменение от переходной однополярной (хотя она дольше существовала на уровне иллюзий и мифа) модели мироустройства к полицентрической. Этот процесс трансформации, в свою очередь, сопровождается конкуренцией таких тенденций во внешней политике ведущих государств мира, как прагматизм и мессианство.

В последнее время некоторые представители мирового сообщества пытаются внушить нам и, видимо, самим себе, что внешняя политика России основана на мессианстве. С завидной регулярностью вбрасываются осуждающие тезисы о том, что наша страна существует, мол, исключительно для того, чтобы преподать урок остальному человечеству о том, как надо или, наоборот, как не надо действовать. Это, мягко говоря, не соответствует действительности. Россия не собиралась и не собирается никого ничему учить.

Внешняя политика Российской Федерации базируется прежде всего на обеспечении ее национальных интересов с опорой на уважение международного права и принципов равноправия. Во главу угла ставится прозрачность и последовательность в деле поиска равновесия в системе международных отношений. Сложно игнорировать сформированную на протяжении веков роль России как уравнивающего фактора в развитии мировой цивилизации. Кроме того, если абстрагироваться от безликих фраз, то становится очевидным, что наша страна неоднократно доказывала не на словах, а на деле приверженность принципу создания стабильного и устойчивого миропорядка. Ответственность за поддержание безопасности в мире — для нас не пустой звук. Вклад России в разрешение кризисов на Ближнем Востоке, противостояние терроризму, организованной преступности, наркотрафику, а также другим угрозам — перечень отнюдь не эфемерных усилий России по укреплению миропорядка.

Если немного углубиться в историю, можно проследить закономерный разрыв мессианской идеологии с момента распада СССР, более того, отход от любой идеологии в пользу идей, идущих от жизни. Вот уже

более двух десятков лет во внешней политике России отсутствует этот идеологический компонент как полностью изживший себя. Нам попросту это не нужно. Вместо фанатичного «экспорта» ценностей и упорного насаждения мыслей и идей (чем, кстати, зачастую грешит Запад) Россия призывает всецело концентрироваться на совместном противодействии стоящим на повестке дня общим вызовам и угрозам, демонстрируя политику прагматической многосторонней дипломатии в адекватном ее проявлении.

И те наши партнеры, которые искренне привержены примату международного права, справедливости, здоровым традициям и ценностям и которые стремятся выстраивать на этой основе понятные коллективные подходы к решению актуальных проблем современности, в полной мере вписываются в этот главный внешнеполитический вектор России. Их не сбить с толку витиеватыми фразами о «разрушительной силе российской внешней политики», якобы направленной на нанесение ущерба Западу, пребывающему в состоянии «относительного упадка». Наоборот, подобная риторика присуща как раз тем, кто сам жаждет «лидерства», не гнушаясь порой методов, идущих вразрез не только с нормами общегосударственного общения, но и общечеловеческой этики. Сюда же можно причислить и стремление распространить свои ценности на весь мир. Правда, по нашему мнению, это скорее псевдоценности или ценности постхристианские. Кроме того, попытка что-то кому-то навязать всегда воспринимается в штыки. Мессианство во внешней политике любой страны — пустая трата времени, бесполезно растроченная энергия и, как следствие, нулевой, а подчас и разрушительный результат. Холодная война, по сути, повторила опыт религиозных войн в Европе. Сейчас, как и тогда, нет альтернативы принципам Вестфальской системы, выводящим идеологию за рамки международных отношений.

Словом, Россия давно выбрала путь взвешенного прагматизма, призванного обеспечивать в первую очередь развитие страны и опирающегося на безальтернативность политико-дипломатических методов ведения дел в международных отношениях.

¹ Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии (с 2011 г.), доктор юридических наук (международное право), профессор. С 1976 года работал на различных дипломатических должностях в центральном аппарате МИД России и за рубежом. Заместитель министра иностранных дел России (2005–2011). Автор ряда книг по международному космическому праву, а также более 200 публикаций по международным отношениям и вопросам внешней политики, науки, образования, культуры. Действительный член РАЕН, член Российской академии космонавтики, член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан, член Совета РАН по космосу, Международного института космического права (IISL, Париж), Международной академии астронавтики (IAA, Париж). Почетный профессор Эдинбургского университета (Великобритания). Награжден орденами Почета, Дружбы, медалями ордена «За заслуги перед Отечеством» I и II степени, грамотами Правительства и Президента РФ.

ДИСКУССИЯ

Часть I

Выступающие:

- Э. АГАЦЦИ профессор Университета Генуи (Италия), иностранный член РАН, доктор философии
- Э. БАГИС министр Турции по связям с Евросоюзом (2001–2013)
- Е. Й. ВЯТР министр образования Польши (1996–1997), депутат Сейма Республики Польша (1991–1997, 2001), доктор социологии, профессор
- Г. А. ГАДЖИЕВ судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП
- А. А. ГУСЕЙНОВ научный руководитель Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
- П. ДУТКЕВИЧ директор Центра изучения государственного управления и общественной политики Карлтонского университета (Канада), доктор философии, профессор
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ ректор СПбГУП, член-корреспондент Российской академии наук, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции
- В. Л. КВИНТ заведующий кафедрой финансовой стратегии МГУ им. М. В. Ломоносова, иностранный член РАН (США), доктор экономических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ
- Г. КЁХЛЕР президент Международной организации прогресса (Вена, Австрия), профессор Университета Инсбрука, доктор философии
- К. И. КОСАЧЕВ председатель Комитета Совета Федерации Федерального собрания РФ по международным делам
- В. Л. МАКАРОВ директор Центрального экономико-математического института РАН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор
- А. С. МАКСИМОВ председатель Комитета по науке и высшей школе Администрации Санкт-Петербурга
- Х. А. МАРК Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Испания в РФ (2008–2011)
- М. А. МОРАТИНОС КУЙЯУБЕ министр иностранных дел Королевства Испания (2004–2010), доктор, Почетный доктор СПбГУП
- А. А. ПАНКИН директор Департамента международных организаций Министерства иностранных дел РФ
- В. А. СЕВРИКОВ заместитель полномочного представителя Президента РФ в Северо-Западном федеральном округе
- В. С. СТЕПИН руководитель секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
- В. Т. ТРЕТЬЯКОВ декан Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова
- В. А. ЧЕРЕШНЕВ директор Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, член Президиума РАН, академик РАН, доктор медицинских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
- М. В. ШМАКОВ председатель Федерации независимых профсоюзов России, вице-президент Международной конфедерации профсоюзов, вице-президент Европейского совета профсоюзов
- Я. А. ШОЛТЕ профессор кафедры исследования проблем мира и развития Гётеборгского университета (Швеция)

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги! По традиции несколько слов от Оргкомитета Лихачевских чтений.

В этом году наш форум проводится 25-й раз. Началось Лихачевским чтениям было положено в 1993 году — тогда в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов были организованы Дни науки. Инициатором Дней науки и их участником на протяжении ряда лет был Дмитрий Сергеевич Лихачев — выдающийся российский ученый-гуманитарий, академик Российской академии наук. После ухода Д. С. Лихачева из жизни мы с писателем Даниилом Граниным обратились к Президенту России Владимиру Путину с предложением об увековечении памяти Лихачева. В течение трех дней в Аппарате Президента РФ был подготовлен и подписан Владимиром Путиным указ, в котором содержался ряд мер, направленных на увековечение памяти Дмитрия Сергеевича. Одна из них — проведение Международных Лихачевских научных чтений. Таким образом Дни науки превратились в Международные Лихачевские чтения. Уже многие годы Чтения проводятся при поддержке Российской академии наук и Министерства иностранных дел РФ с использованием государственных средств.

Ежегодно в Лихачевских чтениях принимают участие около полутора тысяч человек, 750 из них — лучшие школьники России и стран зарубежья, которые в течение прошедшего года участвовали в конкурсе «Идеи Д. С. Лихачева и современность».

В этом году в работе нашего форума участвуют представители более 25 стран мира со всех континентов (кроме Антарктиды) — крупнейшие ученые-гуманитарии и выдающиеся государственные и общественные деятели. На нашем сайте размещено более 170 докладов участников. Свыше 95 % участников имеют степень доктора наук. Возможно, недостатком Чтений является то, что в них принимает участие мало молодежи (кандидатов наук и др.). Но выдержать конкуренцию при отборе работ на Лихачевские чтения чрезвычайно сложно.

По традиции мы не зачитываем доклады, а представляем слово для краткого выступления с изложением центральных идей и обсуждением других докладов. Кроме пленарного заседания, в рамках Чтений будут проведены три панельные дискуссии, а также секционные заседания.

Чего мы ожидаем от Лихачевских чтений? Как и учил нас Д. С. Лихачев, каждый раз для проведения Чтений мы выбираем наиболее важные для России и мирового сообщества проблемы современности. Мы консультируемся с выдающимися представителями мирового научного сообщества на предмет того, что хотели бы обсудить. И считаем, что практические результаты наших дискуссий должны быть в первую очередь интересны людям, которые определяют мировую политику. После консультаций с коллегами мы сформулировали тему нынешних Лихачевских чтений, близкую к той, которую предложил ученый-гуманитарий из Канады, профессор Петр Дуткевич, — «Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего».

Форум дает возможность донести наши идеи до мирового сообщества, на нашем сайте материалы представлены на русском и английском языках.

Одна из наиболее серьезных задач сегодня — определить, что происходит с глобальным сообществом, лидерством Запада и США, с той цивилизационной моделью, локомотивом которой долгие годы являлся Запад. В настоящее время эта модель утратила динамику. Многие представители Азии, например, считают, что западная модель уже не может быть образцом для подражания. Большинство стран Запада, особенно лидеры в области экономического развития, заняты поиском путей, наиболее полно отвечающих их национальным интересам. Мы наблюдаем сложнейшие процессы, протекающие в рамках современной глобализации.

В настоящее время глобализационные процессы затормозились, что казалось невозможным еще два-три года назад, а то вообще повернулись вспять. От идеи объединения разных стран в транснациональные союзы (которую в послевоенное время отстаивали де Голль и Черчилль, взял на вооружение Сталин и т. д.), когда мир перешел от идеи доминирования национального государства к созданию крупных транснациональных объединений, наметился возврат к национальным государствам. Мы наблюдаем кризис европейского сообщества — сегодня происходят события, ранее невозможные. Евросоюз, пережив взлет и преподав миру пример построения гармоничных отношений в разных областях (экономика, право, система ценностей), испытывает кризис. Из ЕС выходит Великобритания. В США на выборах одержал победу президент, который провозгласил одним из пунктов своей предвыборной программы отказ от участия в глобализации. Нам здесь важно обсудить эту ситуацию.

Есть и другие интересные темы для дискуссии. В России, которая идет по собственному пути, многие задаются вопросами: имеет ли сегодня право ученый-юрист оставаться только юристом или он должен осмысливать юридические проблемы в общем контексте культуры, понимать, как они связаны с развитием страны, мирового сообщества, с экономикой, политикой? Может ли экономист сегодня ограничиваться подсчетами дивидендов, методикой распределения прибыли или он должен смотреть на явления значительно шире, учитывать связь разных подсистем культуры? Может ли профсоюзный лидер, который решает различные проблемы (в том числе связанные с заработной платой), сегодня думать только о повышении зарплаты или он должен анализировать закономерности исторического развития своей страны, национальные интересы, то, как в стране развивается экономика и как все это согласуется с общими тенденциями глобального развития? Могут ли сегодня политики, которые выстраивают международную систему, делать это, опираясь на обычаи и не учитывая то, что происходит с системой международного права, экономикой (которая, по Марксу, является двигателем политики)?

В настоящее время необходимо переосмыслить некоторые явления, понять, как изменилась природа ка-

питализма и что он представляет собой в развитых странах Запада, развивающихся странах Азии и, конечно, в России. Считаю, что каждый из нас должен выйти за пределы своих узких научных интересов и посмотреть, как конкретное знание, которое мы добываем, и идеи, которые мы разрабатываем, соотносятся с общей картиной мира, осознать, что ожидает нас завтра и в каком направлении нам двигаться. Это основная задача Лихачевских чтений. Желаю успехов в работе!

Слово предоставляется Владимиру Александровичу Севрикову, заместителю полномочного представителя Президента РФ в Северо-Западном федеральном округе.

В. А. СЕВРИКОВ¹: — В адрес участников XVII Лихачевских научных чтений поступило приветствие Президента РФ В. В. Путина:

«Уважаемые друзья!

Приветствую вас по случаю открытия XVII Международных Лихачевских научных чтений.

Ваши встречи давно уже стали значимым, ожидаемым событием в общественной жизни Санкт-Петербурга и всей страны. Отраднo, что все эти годы организаторы и участники Чтений сохраняют сложившиеся традиции, уделяют самое серьезное внимание важным, стержневым проблемам развития цивилизации и диалога культур. Следуют заветам великого гуманиста и просветителя Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Уверен, что и нынешний форум пройдет в творческом, созидательном ключе, запомнится интересными, продуктивными дискуссиями, неформальной и настоящей дружеской атмосферой.

Желаю вам успехов.

Президент Российской Федерации Владимир Путин».

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется директору Департамента международных организаций Министерства иностранных дел РФ Александру Анатольевичу Панкину.

А. А. ПАНКИН²: — Дорогие друзья! Позвольте зачитать приветствие министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова участникам, гостям и организаторам XVII Международных Лихачевских научных чтений:

¹ Заместитель полномочного представителя Президента РФ в Северо-Западном федеральном округе. В 2004–2007 гг. — помощник полномочного представителя Президента РФ в Южном федеральном округе; в 2007–2008 гг. — заместитель полномочного представителя Президента РФ в Южном федеральном округе; в 2008–2009 гг. — заместитель начальника Управления Президента РФ по внутренней политике; в 2010–2011 гг. — заместитель полномочного представителя Президента РФ в Уральском федеральном округе. Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» I степени.

² Директор Департамента международных организаций МИД РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посланник 1-го класса. В 2001–2005 гг. — старший советник Постоянного представительства РФ при Отделении ООН и других международных организациях в Женеве. С 2005 по 2010 г. — заместитель директора Департамента международных организаций, в 2010–2014 гг. — первый заместитель Постоянного представителя Российской Федерации при ООН в Нью-Йорке. Отмечен благодарностью Президента Российской Федерации, нагрудным знаком «За отличие» МИД России.

«Сердечно приветствую организаторов, участников и гостей XVII Международных Лихачевских научных чтений.

Ваши регулярные встречи в Санкт-Петербурге свидетельствуют о настрое научных и экспертных кругов, широкой общественности различных государств активно способствовать поиску оптимальных решений многочисленных проблем современности в интересах поддержания доверия и взаимопонимания между народами. Их неизменно отличают представительный состав участников, насыщенная, разнообразная повестка дня.

Тема нынешнего форума весьма актуальна. В условиях сохранения старых и появления новых кризисов и конфликтов востребовано сопряжение усилий по их преодолению политико-дипломатическим путем на прочной основе международного права. Любые односторонние шаги, попытки навязывать другим свою волю, ценности, модели развития, наоборот, усугубляют и без того турбулентную ситуацию в мире.

Последовательно исходим из того, что обеспечение поступательного развития и процветания всего человечества невозможно без подлинной демократизации международной жизни, налаживания взаимоуважительного межцивилизационного и межкультурного партнерства. Россия продолжит работать над укреплением здоровых начал в мировых делах, в целом над формированием устойчивой полицентричной системы мироустройства, отвечающей требованиям времени.

Желаю вам интересных обсуждений и всего самого доброго!»

Тема Лихачевских чтений 2017 года «Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего» очень актуальна. Про сдвиги, вызовы, НАТО, полицентричность, угрозы, терроризм будет сказано немало. Но для того, чтобы наметить контуры будущего, нужно, чтобы это будущее было. Сегодня мы подошли к опасной черте, когда определенные действия могут лишить нас будущего. Поэтому усилия должны быть сосредоточены на том, чтобы сохранить мир и не допустить возникновения глобального конфликта. Для регулирования этих процессов была создана своеобразная Библия — свод законов и принципов, который называется Уставом ООН. Он не устарел за прошедшие 70 лет и адаптирован к современным условиям. Без правил невозможно вести цивилизованную жизнь. Менять правила на ходу, не согласовывая их ни с кем, очень опасно, поэтому в наших дискуссиях внимание, как и прежде, следует уделить основам международного правопорядка, нормам и роли ООН не как института, а как совокупности возможностей, которые позволяют государствам — членам ООН договариваться и определять свое будущее.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется члену Президиума РАН, академику Валерию Александровичу Черешневу.

В. А. ЧЕРЕШНЕВ: — Уважаемые коллеги! Продолжая официальную часть, позвольте огласить приветствие исполняющего обязанности Президента Российской академии наук Валерия Васильевича Козлова:

«От имени Российской академии наук приветствую участников и гостей XVII Международных Лихачевских научных чтений!

За прошедшие годы Лихачевские чтения стали признанной и важной площадкой для научных дискуссий по ключевым проблемам современности. Сегодня в центре внимания вашего научного форума такие важные для всех темы, как «Контур мирового порядка в XXI веке», «Кризис цивилизации: будущее человека и человечества», «Экономика и право: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего». Осмысление стержневых тенденций глобального развития на основе творческого наследия Д. С. Лихачева и его гуманистических идей, призванных способствовать поиску эффективных ответов на общие для всех вызовы. Лихачевские чтения неизменно вызывают интерес отечественных и зарубежных ученых, государственных и общественных деятелей, объединенных пониманием системных сдвигов, которые произошли в глобальном мире, стремящихся определить контуры будущего.

Желаю всем участникам научного форума плодотворных научных дискуссий, личных и профессиональных достижений!

И. о. Президента Российской академии наук, академик В. В. Козлов».

То, что мы сегодня называем вызовами, глобальным миром, глобализмом и так далее, — это проблемы идеологического характера. Причем в настоящее время идеологию продвигает не восточный блок, а западная элита, которая до сих пор не может отказаться от неолиберального глобалистского подхода. В этом смысле роль науки резко возрастает, потому что ложная информация, фейковые сообщения, так называемые альтернативные факты заполнили все информационное пространство. Все шире разрабатываются методы воздействия на сознание масс. И здесь без науки, которая может дать ответ и разобраться в этих хитросплетениях, не обойтись.

Хочу обратить ваше внимание на новую научную теорию, которая полностью соотносится с сегодняшней проблематикой. Она сформулирована академиком РАН, директором Института философии Андреем Вадимовичем Смирновым и получила название «коллективное, когнитивное, бессознательное» (ККБ). Эта теория относится к культуре, сознанию и глобальным проблемам современности: коллективная — к закономерностям развития культуры, когнитивная — к механизмам сознания. В процессе переработки информации сознание всегда опирается на интуитивные запросы, которые реализуются представителями той или иной культуры. Коллективное, когнитивное, бессознательное присуще каждой нации, каждому народу, оно многовариантно. Но на практике крупные агломерации культуры (исламский мир, западный мир, Китай, Индия, Россия) всегда пользуются одним вариантом коллективного, когнитивного, бессознательного, не зависящим от них.

Приведу пример. В истории Запада проходит отчетливое дихотомическое разделение на светское и духовное (музыка, власть и пр.). В мусульманском мире при четком разделении на потустороннее и земное дихо-

томии не возникает. Они могут существовать, только когда существуют вместе и в динамике. То есть личность мусульманина всегда троична. XX век внес коррективы в это понимание. После Первой мировой войны, когда пала Османская империя, к власти пришел Ататюрк, который начал быстрыми темпами строить светское государство. В 1922 году ликвидировали султанат, в 1924-м — халифат, а это духовные скрепы. В 1925 году увидела свет книга «Ислам и основы правления» шейха Абд ар-Раззака, который, в частности, писал, что духовное должно остаться за исламом, а все земное нужно отдать светским институтам. В книге приводятся четкие критерии целесообразности и эффективности. Он предлагал перейти к западной модели и сформулировал теорию культурного ислама, но ее поддержали единицы. В ответ он получил теорию теоретиков-мусульман, которые выступили с концепцией политического ислама, категорически отвергли его теорию, считая ее вмешательством в ислам.

В наше время политический ислам распространяется все шире и дает метастазы в виде «Исламского государства» как крайней степени выражения политического ислама. Причем эти метастазы пока не поддаются никакой терапии, даже посредством бомбардировок. Казалось бы, на этот сложный вопрос можно дать простой ответ, если воспользоваться концепцией «ККБ». Это происходит потому, что культурный ислам посягнул на самое святое для мусульманина — пытался разорвать троичную структуру его личности. А эти процессы могут существовать только совместно и в динамике (сначала доминирует одно, затем — второе), и всегда небесное соотносится с земным. Никакой иерархизации, дихотомизации, разделения быть не может. Но этого не понимают. И чем сильнее культурный ислам давит на ККБ традиционного ислама, тем сильнее сжимается пружина, тем стремительнее она расправляется, причем быстро и силовыми методами.

Сегодня именно это происходит в Ливии, Ираке, Афганистане, Сирии — им навязываются западные модели, а в ответ — война, насилие, терроризм. Что делать? Казалось бы, традиционное мышление предписывает: нужно уничтожить политический ислам и дать дорогу культурному исламу, кроме того, физически нейтрализовать всех террористов. Но нужно следовать не за логическим мышлением, а поступить наоборот, то есть дать право культурному и политическому исламу провести диалог с помощью других цивилизаций. И Россия здесь может предложить концепцию, сформулированную в XIX веке Данилевским и Достоевским, — концепцию всечеловеческого, а не общечеловеческого развития. Всечеловеческое развитие может базироваться на собственных основах, заимствуя положительные идеи из других культур. Если мы сумеем развить этот проект, он станет привлекателен для других государств — это и будет вклад России в новый цивилизационный подход, сопоставимый с масштабом РАН и российских университетов.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется председателю Комитета по науке и высшей школе Ад-

министрации Санкт-Петербурга Андрею Станиславовичу Максиму.

А. С. МАКСИМОВ¹: — Уважаемый Александр Сергеевич, члены президиума и участники Лихачевских чтений! Разрешите мне выполнить почетную миссию и зачитать приветствие губернатора Санкт-Петербурга Георгия Сергеевича Полтавченко:

«Дорогие друзья!

Рад приветствовать в Санкт-Петербурге участников и организаторов Международных Лихачевских научных чтений!

За годы проведения этот представительный форум занял важное место в общественной и культурной жизни нашего города. Его участники обсуждают актуальные проблемы современности, опираясь на богатейшее творческое и научное наследие великого просветителя XX века — академика Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Сегодня весь мир переживает непростые времена. Человечество столкнулось с новыми вызовами, масштабы которых не ограничиваются одной страной или континентом. И в этой ситуации чрезвычайно важно строить планы на будущее, действуя на благо всех национальных культурных систем и соблюдая баланс интересов как отдельных государств, так и всего мирового сообщества.

Уверен, что уроки академика Лихачева станут путеводной звездой для всех, кто стремится к миру, добру и взаимопониманию.

Желаю участникам XVII Международных Лихачевских научных чтений творческого горения, плодотворных дискуссий и новых свершений!

Губернатор Санкт-Петербурга Георгий Сергеевич Полтавченко».

Считаю за честь, выступая с этой трибуны, произнести слова Дмитрия Сергеевича Лихачева, непосредственно связанные с темой Лихачевских чтений 2017 года: «Россия — великая страна. Великая не своими территориями, не военной славой, даже не промышленностью и сырьевыми запасами, а прежде всего своей тысячелетней культурой, давшей миру уникальные произведения литературы, архитектуры, музыки, изобразительного искусства. Эта “великость” России не может вызывать враждебности к ней. Напротив, великая культура примирительна по своей сути». Эти слова Дмитрия Сергеевича должны направлять дискуссии, которые пройдут в рамках Лихачевских чтений.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Предоставляю слово председателю Комитета Совета Федерации Федерального собрания РФ по международным делам Константину Иосифовичу Косачеву.

¹ Председатель Комитета по науке и высшей школе Администрации Санкт-Петербурга, кандидат технических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Действительный государственный советник Санкт-Петербурга 2-го класса. Автор ряда публикаций, в т. ч.: «Подготовка кадров для научно-производственного комплекса Санкт-Петербурга», «Информационная система анализа и управления товарными потоками в регионе (в соавт.)», «Высшая школа Санкт-Петербурга: курс на модернизацию» и др. Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

К. И. КОСАЧЕВ²: — Уважаемый Александр Сергеевич, уважаемые коллеги! Хотел бы передать вам искренние приветствия и пожелания успешной работы от председателя Совета Федерации (а до этого губернатора Санкт-Петербурга) Валентины Ивановны Матвиенко. Она тепло вспоминала, как в 2009 году выступала с этой трибуны.

Приведу цитату Дмитрия Сергеевича Лихачева из «Писем о добром и прекрасном»: «...чтобы выступление было интересным, выступающему самому должно быть интересно выступать». Признаюсь, мне интересно выступать на Лихачевских чтениях в том числе потому, что они проходят в стенах замечательного Университета профсоюзов. Я здесь впервые и переполнен самыми добрыми эмоциями по поводу вашего вуза.

Жанр мероприятия обусловлен личностью человека, чьим именем освящены эти Чтения. Д. С. Лихачев был бы сегодня счастлив наблюдать уровень интеллектуальной дискуссии и качество мысли, которая пульсирует в этих стенах. Интересна и заявленная тема — «Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего». Сегодня мы являемся участниками конфликта нашей страны с западным миром. На Западе пытаются объяснить его либо геополитическими соображениями (дескать, Россия не смирилась с утраченной ролью империи и по-прежнему борется за сферы влияния), либо ценностными. Они у себя уже построили демократическое общество, а мы здесь, по их мнению, даже и не собираемся.

По моему убеждению, этот конфликт значительно более глубокий и обусловлен разным отношением к тому, чем должен управляться мир — силой права или правом силы. Эта известная дилемма не утратила своей актуальности. После Второй мировой войны дискуссии на эту тему не смолкают. Завершение войны и создание ООН вроде бы должны были окончательно утвердить в мире принцип силы права. Но этого не произошло, и в послевоенный период новейшая история демонстрирует сопоставимость этих двух подходов.

В рамках послевоенного периода я выделил бы три эпохи (каждая из них длилась примерно 20–25 лет), три системы и обозначил бы нынешнее время как системный сдвиг к четвертой эпохе. Первая эпоха — 1950–1960-е годы, когда предпринимались попытки реализовать национальные интересы и обеспечить национальную безопасность за счет превосходства над противником, прежде всего военного. Символами той эпохи стали создание ядерного оружия, военных блоков, Карибский кризис и другие события. Гонка вооружений достаточно быстро исчерпала себя как фактор обеспечения национальной безопасности. Стало очевидно, что однозначного военного превосходства над оппонентом и противником достичь не

² Председатель Комитета Совета Федерации РФ по международным делам, кандидат юридических наук, Чрезвычайный и Полномочный Посол, действительный государственный советник РФ 2-го класса. Автор ряда публикаций, в т. ч.: «Концепция развития международного права в области борьбы с ядерным терроризмом», «Что сегодня на Западе рассматривают как угрозу» и др. Награжден орденами «За заслуги перед Отечеством» IV степени, Почета, Дружбы и др. Командор ордена Полярной звезды (Швеция).

возможно. Мир без особых договоренностей вступил во вторую эпоху — 1970–1980-е годы, когда национальные интересы и собственно национальная безопасность стали обеспечиваться не за счет собственного превосходства над противником, а за счет недопущения превосходства противника над собой. Противоборствующие стороны начали договариваться, был подписан первый договор в сфере стратегических вооружений (в 1972 г.), затем договор об ограничении систем противоракетной обороны (1972), появился заключительный акт Первого саммита глав государств и правительств — участников СБСЕ, который проходил в Хельсинки в 1975 году. Начался период, который можно обозначить словом «разрядка». В 1990-е годы распался Советский Союз и соответственно блоки государств. Нам казалось, что мы будем жить в тех же условиях, но более безопасных. Однако произошло прямо противоположное, потому что Запад фактически вернулся к логике мышления первого периода, когда национальные интересы реализуются за счет превосходства над противником.

Мы не перейдем дальше, на четвертый этап, если не ответим на два системных вопроса, которые продолжают будоражить международные отношения. Первый — это соотношение принципов территориальной целостности и права народов на самоопределение (читай: Украина). Второй — соотношение принципов национального суверенитета государств и права на вмешательство (гуманитарное, военное и пр., читай: Сирия). До тех пор пока миром пытаются управлять с помощью права силы, а не силы права, эти две дилеммы будут трактоваться в интересах тех, кто обладает преимуществом и пытается развернуть мир в направлении собственных интересов. Это не отвечает интересам России, поэтому ответы на эти два важных вопроса современности входят в национальные интересы Российской Федерации. Хотелось бы, чтобы Лихачевские чтения способствовали продвижению в решении данной задачи.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Приглашаю на трибуну руководителя секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, академика Вячеслава Семеновича Степина.

В. С. СТЕПИН: — Сегодня уже почти очевидно, что современная цивилизация вошла в стадию неустойчивости, кризисных состояний и нестабильности. Эти процессы всегда являются своего рода индикатором коренных качественных системных перемен.

При анализе глобальных цивилизационных изменений важно видеть их как сложную системную целостность. Применение стандартного цивилизационного подхода этой проблемы не решает. Необходимо обобщение этого подхода. Таким обобщением является концепция типов цивилизационного развития.

В истории человечества можно выделить два типа цивилизационного развития — традиционалистский и техногенный. Каждый из них включал в свой состав соответствующие виды цивилизаций, отличающиеся друг от друга видовой спецификой, но вме-

сте с тем объединяемые общими типологическими признаками.

В стандартной цивилизационной концепции акцент сделан на специфике различных видов цивилизации. Их различие определяют через особенности культурно-генетического кода, в соответствии с которым они воспроизводятся. Этот код часто не осознается в повседневной жизни, но он определяет наше осмысление, понимание и переживание мира. Об этом говорил в своем выступлении В. А. Черешнев, ссылаясь на работы А. В. Смирнова.

Идея типов цивилизационного развития предполагает выявление в культурно-генетических кодах различных видов цивилизации некоторого инварианта, общего системообразующего ядра, которое объединяет цивилизации одного вида и ограничивает их от цивилизаций другого вида. В качестве такого рода объединяюще-разграничивающего ядра можно выделить ряд ключевых мировоззренческих универсалий (концептов, категорий) культуры, взаимосвязанных между собой и функционирующих в качестве базовых жизненных смыслов и ценностей каждого из типов цивилизационного развития.

С какой системой ценностей и жизненных смыслов мы сталкиваемся, когда говорим о современной техногенной цивилизации? Эта система ценностей складывалась в эпохи Ренессанса, Реформации и Просвещения и затем определяла последующее развитие техногенной цивилизации. Она включала понимание человека как деятельностного существа, преобразующего окружающий мир; понимание деятельности как креативного действия, порождающего качественно новые объекты, состояния и процессы, необходимые для человеческого потребления; идеал инноваций как приоритета над традициями (идеал прогресса); видение природы в качестве своего рода поля, преобразуемого человеком, резервуара ресурсов для деятельности; культ рациональности при доминанте научной рациональности; идеал суверенной автономной личности, не сращенной от рождения с определенной социальной общностью (кастой, кланом, классом, сословием), способной включаться в разные социальные общности; идею власти не только как господства человека над человеком, но преимущественно как господства над объектами (природными и социальными).

Техногенная цивилизация возникла позже традиционалистских обществ, которые были исторически первым типом цивилизационного развития. Длительное время она сосуществовала с этими обществами. Но затем, обгоняя их в развитии, начала оказывать на них возрастающее давление. Как результат, многие из традиционалистских обществ осуществили ряд догоняющих модернизаций, которые переводили их на путь техногенного развития.

Этот тип развития дал множество достижений, но он породил и глобальные планетарные кризисы — экологический и антропологический, создавшие угрозу самому существованию человечества. Разное обострение этих кризисов на современном этапе ставит вопрос о поиске кардинально новых стратегий развития. Есть все основания полагать, что такого рода кар-

динальные изменения могут означать переход к новому типу цивилизационного развития, третьему по отношению к традиционалистскому и техногенному. Началом такого перехода должна стать трансформация ценностных оснований техногенной культуры, выработка новой системы ценностей. В этой связи возникают вопросы о предпосылках их формирования в современных социальных переменах, об обнаружении в техногенной культуре точек роста новых ценностей, соответствующих идеалу сохранения биосферы и человечества.

Такие точки роста уже можно зафиксировать. Идея ускоряющегося прогресса сегодня трансформируется в идею устойчивого развития. Меняется представление о природе как о поле для преобразующей деятельности, своего рода кладовой ресурсов. Согласно современной научной картине мира, окружающая нас природа предстает как живой организм, биосфера, целостная глобальная экосистема, с законами развития которой мы должны каждый раз соизмерять свою деятельность.

Наконец, можно зафиксировать изменения в понимании рациональности. Я развил эту идею в связи с постнеклассической рациональностью в науке, показав, что, как только наука начинает работать со сложными человекообразными объектами, меняется тип рациональности как компонент духовной матрицы техногенной культуры.

И последнее: важно проанализировать, что происходит с концептом «власть», как он меняется, что происходит с демократией, правами человека в современной цивилизации. Только проанализировав эти явления, мы сможем оценить сценарии возможного будущего, среди которых немало катастрофических для человека, и их необходимо избежать.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — К микрофону приглашается господин Моратинос, министр иностранных дел Королевства Испания (2004–2010), Почетный доктор нашего Университета.

М. А. МОРАТИНОС КУЙЯУБЕ: — Хочу выразить благодарность за приглашение на Лихачевские чтения и поздравить всех с 25-летием их проведения. Я не первый раз участвую в этом мероприятии: каждый год мне предоставляется возможность приехать в Петербург и обратиться со своими идеями к аудитории, в частности к студентам — это настоящее и будущее России и всего мира.

Ученые, представители общественности со всего мира, принимающие участие в данном мероприятии, пытаются ответить на различные актуальные вопросы. Сегодня мир расстается со старым порядком, старой системой и создает новое мировое устройство. И, конечно, на этом пути возникают противоречия. Необходимо определить, каким будет наше будущее. Нас беспокоит, что произойдет с мироустройством после слома старой системы. Проблема заключается в том, что в рамках нового мироустройства необходимо совместить старую и новую повестки дня. Как сказал господин Косачев, мы должны сочетать территориаль-

ную целостность и суверенитет, противостоять интервенциям, блюсти интересы нации и отвечать на мировые вызовы.

Таким образом, мы пытаемся осмыслить, каким образом традиционные подходы приводят к новым вызовам, с которыми сталкивается дипломатия. Энергетический кризис, кибератаки, военные конфликты, иммиграция, глобальный терроризм — это новая реальность. В США преобладают популистские настроения, в Европе — протекционизм, изоляционизм.

Нужно вместе работать над созданием общего мира. Может быть, это поможет создать новый порядок. Нельзя говорить, что Запад и Восток существуют отдельно. Важны и Запад, и Восток, которые могут вместе создать новый порядок. Свидетельства философского и культурного развития имеются и там, и там. Для того чтобы работать совместно, необходимо вместе идентифицировать риски, которые стоят перед нами. Может быть, таким образом мы сможем более глубоко осмыслить, как меняется мир, а для этого нам нужны и политика, и дипломатия.

В настоящее время остро ощущается дефицит сильных политиков. Мы находимся под тотальным контролем разведки, но тем не менее происходят кибератаки, обмен информацией между президентом и министром иностранных дел, что влияет на принятие решений. Нам нужна великая дипломатия, чтобы принимались адекватные критические решения.

Если мы говорим о новом стабильном порядке, то нужно осознать важность большой дипломатии. В данном контексте можно перечислить даты: встреча в Сан-Франциско, Вторая мировая война, встречи после войны, 2015 год и т. д. Ведущие политики мира должны встречаться, четко формулировать свою волю, создавать общее видение, разрабатывать стратегии. В июне 2017 года в Италии вновь соберется «Большая двадцатка», главы государств должны работать именно в этом направлении. Мы живем в фантастическом мире, хотя в нем много неясных представлений, противоречащих будущему развитию. Ч. Диккенс в «Повести о двух городах» высказался о плохих и хороших временах, о холоде зимы, когда все надеются на летнее тепло. Предлагаю, глядя в лицо вызовам, помнить о том, что скоро наступит лето.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется Гадису Абдуллаевичу Гаджиеву, судье Конституционного Суда, Почетному доктору СПбГУП.

Г. А. ГАДЖИЕВ: — Площадка Лихачевских чтений, как мне кажется, подходит для того, чтобы сегодня вспомнить чтимого мною моралиста Сергея Адамовича Ковалева. И его выступление 2 марта 2000 года по случаю своего семидесятилетия в Москве, в Доме архитектора.

Константин Иосифович Косачев сказал, что является основным нервом современной политики, — противоречие в международном праве между принципом территориальной целостности и признание права народа на самоуправление. Эти два противоречивых принципа сосуществуют в международном праве.

Не будучи юристом, Сергей Адамович дал следующее определение международного права: «Это архаическое и противоречивое установление, которое и правом стыдно назвать». Конечно, Устав ООН — достижение человечества, но кризис международного права реально существует.

Далее Ковалев, оценивая то, что происходит в Чечне, писал: «На пороге III тысячелетия проливать кровь за самоопределение преступно и глупо, а за сохранение территориальной целостности и подавно». Тогда еще не было современных конфликтов. Он говорил, что часто во всех конфликтах виновата не вполне талантливая национальная интеллигенция. По сути, он предвидел то, что затем произошло в государствах Прибалтики, и в определенной степени оказался пророком. Были созданы «мононациональные государства, которые первым делом принимаются скручивать в бараний рог свои собственные меньшинства и вообще всех тех, кто не разделяет патриотический порыв большинства». Спекуляции на патриотизме всегда оборачиваются национально-патриотической истерией, наносящей огромный вред сознанию и общественной морали, это большое зло.

Вот что сказали Сергею Адамовичу Ковалеву (кстати, украинцу, родившемуся в Сумской области) его друзья-демократы в 1992 году на Парламентской ассамблее СНГ: «Права 60-миллионного народа в 600 миллионов раз ценнее, чем права одного человека».

Далее в докладе Ковалева есть еще одно сбывшееся пророчество. Он говорит о праве выбора: люди имеют право выбрать тот образ жизни, который считают для себя правильным. А если эти люди добровольно выбирают образ жизни, который с точки зрения демократических критериев является преступным? Это главная проблема либерализма, здесь и обнаруживается противоречие.

Либерал Ковалев преодолел в себе либеральные убеждения: «Когда-то я думал, что демократическое международное сообщество в состоянии принудить к цивилизованному поведению тех, кто не готов следовать нормам этого поведения сам. Я думал, что располагаю силой, заведомо превосходящей любые национальные средства обороны. Международному сообществу достаточно только пригрозить нарушителю применением этой силы. Похоже, это не совсем так. Народ может искренне и яростно, до последней капли крови, защищать своих ложных идолов, но допустимо ли во имя испровержения ложных идолов уничтожать народ?».

Далее он говорит о своих новых убеждениях: «Всякая идея, принесенная на штыках, оборачивается имперской, если даже это идея свободы, равенства и братства». Ведь в нашей истории все это уже было. В 1920-е годы большевики тоже говорили: «Железной рукой загоним человечество к счастью. Живи, подлец, по-новому, а не то голову расшибу» (лексика того времени). Это неизбежно ведет к появлению одного типа государства — свирепого.

Новые пророчества Ковалева, высказанные им в 2000 году: «Во что превратится само мировое правительство, во что выродится новый мировой порядок?»

Боюсь, что очень быстро он превратится в полицейскую антиутопию».

Ответ на вопрос «Что делать?», который А. С. Запесоцкий адресовал К. И. Косачеву, может быть, не вполне развернутый, есть в докладе Ковалева. Он пишет, что у политиков своеобразная мораль, если ее вообще можно назвать моралью, и поэтому нужно договариваться на уровне общественных структур. Александр Сергеевич назвал этот формат международным клубом дипломатов. Конечно, традиционно мы будем полагаться на региональные политические структуры, такие как Совет Европы, ЕС. Но, кроме этого, имея в виду специфику политической морали, следует развивать то, что вы сейчас делаете.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Приглашаю на трибуну директора Центра изучения государственного управления и общественной политики Карлтонского университета, профессора Петра Дуткевича.

П. ДУТКЕВИЧ: — Хочу поразмышлять о том, как страх определяет политику. Страх, по моему мнению, не только проникает в политику, но он сам становится политикой, приобретает системообразующий характер. Страх всегда использовался политиками с разными целями (страх перед мигрантами, мусульманами, популистами и т. д.). На сегодняшний день страх является совершенно иным качественным явлением. Это новый этап развития, где мы переходим от политики страха к страху как политике. Страх здесь является антологической частью концепции политики. Он уже перестал мобилизовать и начал парализовать. Это не страх Фрейда и Хайдеггера, который мобилизовал общество, ставил перед обществом барьеры. Общество и политики пытались его переосмыслить и сопротивляться ему. Сейчас же страх нас просто парализовал.

Почему так произошло? Можно дать три варианта ответа на этот вопрос. Мы используем понятие текущего страха Liquid Fear макросоциолога Зигмунта Баумана, который дал определенный интеллектуальный толчок в этом плане, заметив, что текущий страх отличается от обычного тем, что мы не знаем, как он возник и как на него реагировать. Мы основываем наш ответ, почему так произошло, на его концепции страха.

Первый вариант ответа — мы утратили доверие к основам — либо государству, либо рынку, на которые опирались и в которых видели смысл нашего будущего. С начала XX века и заканчивая последним кризисом 2008–2010 годов мы лишились доверия и к рынку, и к государству. Конец этого процесса — отсутствие доверия к государству и рынку — мы наблюдали во время последнего кризиса, когда доверие к основным регуляторам общественных процессов почти исчезло.

Второй вариант — качество современных элит очень низкое. Политический и экономический классы утратили уверенность в своих теориях. Даже банкиры не верят в то, что говорят, не говоря уже о президентах и премьер-министрах.

Третий вариант — разделение между политикой и властью: политика — о том, что делать, а власть — о том, как делать, управленческая часть политики. Эти

два понятия, которые существовали в рамках национального государства, разделились, потому что перед государством стоят глобальные задачи, а способы решения — местные, локальные. Политики могут много обещать, но потом, когда переходят к действиям, выполняют не более 10 % своих обещаний.

И последний ответ на вопрос, почему это произошло, связан с существенным ростом социального неравенства. В докладе «Оксфам» на последнем Всемирном экономическом форуме в Давосе был сделан вывод, что в настоящее время 8 человек владеют 50 % мирового богатства. В России 10 % населения распоряжаются 75 % национального богатства.

Во-первых, страх в нашем понимании становится элементом проекции политической воли, меняет политическую и социальную системы. Во-вторых, он становится новой политической догмой, суперидеологией. Каждая из существующих идеологий (либерализм, неореализм, популизм и т. д.) включает существенный элемент страха. В-третьих, на сегодняшний день страх — альтернатива легитимизации власти. Если мы все это примем во внимание, то осознаем, что страх не только является проявлением политики, страх и есть политика. И это печально, потому что он делает политику краткосрочной, нестабильной и более авторитарной.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Приглашаю на трибуну председателя Федерации независимых профсоюзов России Михаила Викторовича Шмакова.

М. В. ШМАКОВ¹: — Темы, которые мы обсуждаем на Лихачевских чтениях, актуальны не только в России, но и во всем мире. Я участвовал в нескольких представительных форумах в разных странах, где и элиты, и граждане критикуют жизнь и демократию, сложившиеся в их государствах, неравенство, которое нарастает в этих государствах, о чем сегодня говорили и выступающие.

Сейчас наступил этап переосмысления философских подходов к тому, как дальше должны развиваться цивилизация и человек. И здесь вновь на передний план выдвигается тезис, что философия — наука наук.

¹ Председатель Федерации независимых профсоюзов России, вице-президент Международной конфедерации профсоюзов, вице-президент Европейского совета профсоюзов, Президент Всеобщей конфедерации профсоюзов. Председатель Совета попечителей СПбГУП, Почетный профессор СПбГУП. Автор научных трудов и книг по вопросам социально-трудовых отношений, социальной политики, теории и практики рабочего и профсоюзного движения, в т. ч.: книги «За достойный труд» — избранное выступление и публикации; статей для научных сборников, среди них — «Совершенствование деятельности профсоюзов в условиях глобализации», «Двадцать лет на защите трудовых прав и жизненных интересов работников»; учебных пособий для профсоюзных работников и активистов: «ФНПР в меняющемся обществе» и др.; руководитель авторских коллективов «Комментария к Трудовому кодексу Российской Федерации», книги «История профсоюзов России». Координатор Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством РФ. Президент Института профсоюзного движения, председатель Совета попечителей, почетный профессор Академии труда и социальных отношений. Награжден орденами «Знак Почета», «За заслуги перед Отечеством» III, IV степени.

Если мы не найдем ответов на вопросы в философии и культуре, то не найдем решений ни в одном из направлений. Я согласен с выводом академика Степина, что сейчас имеет место техногенная цивилизация. Она развивается и дает все новые плоды, но в то же время ставит перед нами все новые вызовы.

На форумах, в которых я участвовал, обсуждалось будущее мира труда. Но мы не вполне представляем себе, что каждый человек живет трудом. Любая деятельность (даже биржевые спекуляции) — это труд. Но в мире труда становится все меньше, а людей, которые хотят выразить себя в трудовых процессах и отношениях, — все больше. Технологическая, цифровая революция, роботизация ведут, с одной стороны, к увеличению богатства каждой страны, росту производства, с другой — оборачиваются сокращением рабочих мест и отсутствием работы. В течение ближайших десяти лет исчезнут многие профессии, в том числе такие, как бухгалтер, журналист, водитель и т. д.

Сегодня уже имеются технологические ценности, основанные на платформенной занятости. Яркий пример — такси Uber, когда нет посредников, есть только заказчик и исполнитель работы, которые связываются через цифровую платформу, и затем эта услуга становится доступной тому, кто ее заказал. Такие технологические, цифровые платформы получают распространение во многих областях деятельности человечества. Но это влечет за собой временную работу, случайные заработки и значительное сокращение постоянных контрактов. Поэтому сейчас ведутся споры о том, как выйти из этого положения, но при этом исследуется вопрос о создании новых рабочих мест.

Хочу предложить философам, собравшимся здесь, другой подход — вернуться к идеям марксизма и выводам Маркса, которые он высказал 150 лет назад. От них сейчас все отказались, считают, что это пройденный этап, опорощенное прошлое. Мы не осознаем того, что такое безусловный базовый доход, который отвергли швейцарцы: предполагалось, что каждому гражданину ежемесячно будет выплачиваться определенная сумма, но не будет постоянной работы. А дальше если человек заработает какие-либо средства, кроме этого, на случайной работе, он будет жить лучше, стремиться повышать свою квалификацию, становиться все более востребованным работником. А если нет, то, значит, будет жить только на прожиточный минимум, который даст возможность нормально существовать, но на низком уровне в рамках своего государства.

Давайте вспомним тезис Маркса о том, что самой большой ценностью является свободное время. Может быть, нужно изменить подход и к трудовому праву, и к организации работы, чтобы работать не 40 часов в неделю (сейчас предлагают установить 60 и даже 80 часов в неделю, изменить трудовое законодательство и вернуться в XIX в.). Лучше сделать так, чтобы 10-часовая занятость в неделю приносила доход, компенсирующий 40- или 60-часовую рабочую неделю. Поэтому сегодня в Финляндии, Испании, Кении, где проводятся эксперименты по введению безусловного базового дохода, фактически строится коммунизм, но пока на низовом уровне.

Я вижу в данном случае философскую задачу, которую надо осмыслить. Потому что противоположные тенденции — создание новых рабочих мест и увеличение рабочего времени — с моей точки зрения, не приведут к прогрессу. Все экстремистские движения играют именно на этой струне.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется выдающемуся философу, академику Абдусаламу Абдулкеримовичу Гусейнову.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Тема Лихаческих чтений этого года содержит слово «будущее». Это понятие переводит наше обсуждение в новую плоскость. В предыдущие годы мы в основном рассматривали проблемы глобализации в горизонтальном аспекте: диалог культур, взаимодействие различных народов, Восток–Запад, геополитика, а понятие будущего обязывает нас обратиться к историческому аспекту. И реальные политики в этом смысле нас опередили. Президент Франции Э. Макрон победил, создав движение под названием «Вперед». Хиллари Клинтон организует движение под названием «Вместе вперед». Д. А. Медведев, когда был президентом, написал статью «Россия, вперед!». А что впереди?

Что представляет собой будущее? Один из возможных вариантов ответа связан со временем. В Чикагском университете уже более 70 лет (начиная с 1947 г.) на бюллетене ядерных исследований изображают символические часы Судного дня, указывающие на угрозу глобальной катастрофы, на которых стрелки приближаются к «ядерной полуночи», причем минутная стрелка отстает на минуты. Решение о переводе стрелки принимает совет директоров этого авторитетного журнала, а также приглашенные эксперты (около двадцати лауреатов Нобелевской премии). В 1947 году, когда эти часы были установлены, минутная стрелка отставала от полуночи, этого ядерного апокалипсиса, на 7 минут. Наиболее оптимистический вариант был представлен в 1991 году — стрелка отставала на 17 минут, последние два года — стрелка застыла на трех минутах до полуночи. После избрания Трампа президентом минутная стрелка передвинулась на 30 секунд вперед, ближе к «ядерной полуночи», и сейчас отстает на 2,5 минуты. Это один из возможных вариантов того, что ждет нас впереди.

Чтобы разобраться с будущим, важно провести одно методологическое различие. В данном случае я отталкиваюсь от точки зрения А. А. Зиновьева, которую он высказал в работе «Фактор понимания»: нужно различать физическое и социальное время. Физическое время фиксирует последовательность событий в мире, при этом события — только опорные точки для абстрагирования, сами по себе они не имеют значения. Социальное время фокусирует внимание на событиях, реальной жизни во времени. Соответственно этому различию будущее выглядит по-разному. Скажем, будущее в аспекте физического времени — все то, что происходит после момента исчисления, именно этот момент считается настоящим. Настоящее — миг, идеальная точка, которая отделяет прошлое от будущего.

В аспекте социального времени настоящее имеет свою протяженность, оно входит в пространство самой человеческой деятельности. В аспекте социального времени будущее открыто, доступно для воздействия человека. Это не просто то, что происходит после границы, которую мы обозначаем как настоящее, а именно то, на что нацелены наши действия. В данном случае будущее — некий резервуар для исторического творчества. Здесь на первый план выходит вопрос о том, каким будет это будущее.

Существуют две версии ответа. Первая — когда будущее рассматривается как простая пролонгация настоящего, то, что есть сейчас, но чуть лучше и т. д. Сегодня, например, много говорят и на нашем заседании говорили о разрыве между богатыми и бедными, ставился вопрос о том, чтобы этот разрыв не был настолько большим, как сейчас, но вовсе не о том, будет ли он в принципе преодолен. Второе понимание будущего связано с качественным преобразованием настоящего, идеалом, прорывом в новое состояние, новый тип цивилизации.

Что за будущее скрыто за лозунгом «Вперед!»? Действительно ли это будущее в социальном содержании данного понятия? На самом деле речь идет о пролонгации настоящего, о подчищении того, что имеет место сейчас. Но не о будущем в социальном, историческом смысле, которое связано с качественным преобразованием. Поэтому современную ситуацию в России и в странах Запада в том, что касается отношения к будущему, можно охарактеризовать так: мы находимся в ситуации будущего без будущего. Речь нужно вести о том, можем ли мы вернуть и как нам вернуть будущее в нашу практику как реальный и работающий феномен.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется министру Турции по связям с Евросоюзом Эгемуну Багису.

Э. БАГИС¹: — Для меня большая честь выступать в одном из самых престижных университетов России. Хочу поблагодарить господина Марка и господина Запесоцкого за то, что они навели мосты между Россией и другими странами. Я принял приглашение выступить в Санкт-Петербурге, потому что верю в будущее наших отношений и горжусь тем, что могу стать членом этого интеллектуального клуба.

Все выступавшие подчеркивали важность сотрудничества и диалога. Мы живем в сложное время, когда никто не может чувствовать себя в безопасности, если остальные подвергаются опасности (Вашингтон не может игнорировать Северную Корею, а Лондон — то, что происходит в Кашмире). Мы должны поддерживать друг друга и вместе бороться с общими угрозами, прежде всего против терроризма. Ни одна страна в одиночку не справится с терроризмом. Подобные встречи очень важны, и я рад, что мы собрались в за-

¹ Министр Турции по связям с Евросоюзом (2001–2013). Автор ряда научных публикаций в журналах и множества статей в национальных и международных газетах. Председатель экспертного совета научно-исследовательского центра «Платформа глобальных проблем».

мечательном городе Санкт-Петербурге, чтобы обсудить общее будущее. Важно, чтобы мы совместно решали возникающие проблемы.

Сегодня Турция и Россия развивают стратегические отношения. Турция ежегодно принимает большое количество российских туристов. Объем прибыли нашего государства от туристической индустрии составил 25 млрд долларов, что во много раз больше, по сравнению с другими странами. Сегодня Турция является одним из центров энергоресурсов, поставляемых из России. Но наши добрососедские партнерские отношения вызывают зависть у представителей других стран. Предатели интересов Турции пытаются мешать развитию отношений между нашими странами и руководителями, президентами Путиным и Эрдоганом. Необходимо понять источники проблем и попытаться решить их, что позволит нормализовать наши отношения. Мы должны сосредоточить внимание на дружбе между Россией и Турцией.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется академику Валерию Леонидовичу Макарову.

В. Л. МАКАРОВ: — Мне кажется, будущее быстро ускоряется. Вячеслав Семенович говорил, что мы, проживая в технологическом мире, движемся в цифровой мир, где многие вещи меняются, в том числе этические представления, социальные нормы. Например, во всех религиях, культурах считается, что убивать — плохо, но если война, то, наоборот, хорошо, чем больше ты убьешь врагов, тем лучше. Сейчас понятие мира и войны в цифровом мире очень изменилось, граница исчезла. И получается так, что то, что раньше казалось плохо, например врать, обманывать и тому подобное, теперь, когда разница между войной и миром стирается, стало очень модным, и чем красивее ты врешь, тем выше твой рейтинг. Если вы заглянете в Интернет, то там вообще не отличишь, когда говорят правду, а когда врут, настолько все перепутано. Все это так ускорилось именно в цифровом мире.

Еще один немаловажный момент, который относится непосредственно к цифровому миру, — это понятие доверия. Оно сейчас коренным образом меняется. Наверное, все слышали, есть такая технология Blockchain, которая начиналась в криптовалюте, а сейчас очень быстро распространяется. И понятие доверия благодаря этой технологии связано с тем, чтобы оно распределялось между людьми более или менее равномерно и т. д. Поэтому нормы, относящиеся к доверию, сейчас надо будет пересматривать. И у юристов, которые будут этим заниматься, возникнут очень большие трудности.

И последнее, о чем я хотел бы сказать, это то, что в цифровом мире сейчас засилье баз данных, которые становятся все более мощными. Мы все уже сидим в разных базах данных, более или менее глобальных. К чему это ведет? К тому, что мир становится более прозрачным, и скоро все будут знать обо всех во всех подробностях. Так вот, знание каждого о каждом сильно изменит разные вещи и нормы, в том числе законодательные. Я хочу всех предостеречь. В нашей дискус-

сии рассматриваются и обсуждаются многие глобальные вопросы. Это абсолютно правильно, но имейте в виду, что в цифровом мире настолько все изменится, что нам придется использовать совсем другой подход. Так что, Александр Сергеевич, на следующих Лихачевских чтениях я предлагаю больше говорить о цифровом мире и о последующих трансформациях.

Г. КЁХЛЕР: — Уважаемый господин ректор, дамы и господа. Тема моего выступления связана с мировым порядком в переходную эпоху. Международные дела, их состояние сейчас не нуждаются в дальнейшем обсуждении, например уже можно с уверенностью сказать, что в этом порядке царствует хаос. А говорить о глобальном порядке хаотичной системы достаточно трудно. Мы можем думать о правилах, которые могут обеспечить стабильное развитие на основании законов, о чем мы, может быть, сможем договориться. Нам нужно понимать причины ситуации, в которой сейчас оказался мир, в частности Запад. Эти причины связаны с коллапсом мирового порядка, который характеризовался как биполярная система, то есть система, в которой существовал баланс власти между США и Советским Союзом. И это продолжалось, наверное, до начала 1990-х годов.

Что же случилось, когда распалась эта система? Мы такое уже видели в истории. Появился некий решающий фактор противостояния власти, связанный с иллюзорными подходами. И центральная власть стала отличаться высокомерием, надменностью, заносчивостью. Я говорю о 1990-х годах, когда такая власть высокомерно думала, что сможет разобраться в ситуации, остановить развитие истории (знаменитый лозунг Фукуямы «Конец истории») и смоделировать мир по своему. Это значит, что-то навязать всему остальному миру — систему политики, например демократию, систему принятия решений, экономическую систему — и перереформировать другие цивилизации. Так думала высокомерная власть, в частности западная: все перековать на собственный, западный манер. И это высокомерие власти, те иллюзии, которые позволяли думать, что она раз и навсегда установит порядок в соответствии с ее собственной моделью, — это именно то, что запустило дальнейший процесс, который мы наблюдаем сегодня. Это своеобразный клинч цивилизаций, и в 1990-х были сказаны важные вещи, намечилось самоосуществляющееся пророчество.

В то же время делается акцент на самодостаточное глобальное управление как вектор холодной войны. Такие подходы к властвованию теперь презентуются нам как обратная цепная реакция, если хотите, то, что было запущено как противостояние тенденциям. Люди в разных уголках мира, представляющие различные цивилизации, теперь хотят настоять на собственной системе ценностей, идентичности, утвердить ее в более настоятельной манере, чем могло бы быть, если бы не было попыток самонадеянных властей установить свой порядок в управлении миром, навязать ему один паттерн. На самом деле можно говорить о том, что недавно было провозглашено: что ситуация никогда не должна складываться таким образом, чтобы такая самонадеян-

ная власть снова привела нас к повторению негативных явлений. Мы теперь больше думаем о мультиполярности, многополярности, и, может быть, через 10–20 лет увидим результаты этого.

Сегодня мы должны понять, что настал решающий момент: мы можем переформатировать мир, помочь ему встать на дорогу, ведущую к многополярности. Помню, что было сказано некоторыми нашими участниками. Одна из главных проблем сейчас заключается в том, как новый многополярный порядок должен быть отформатирован. Можем ли мы говорить, например, о системе правил? В той системе правил, которой мы сейчас оперируем, очень много противоречий. А можем ли мы говорить о суверенитете, равенстве, невмешательстве? У нас есть Хартия, Устав ООН, но даже в них есть противоречия, в частности между Уставом и национальными юридическими системами. Нам нужно новое глобальное мышление, и как раз об этом говорил господин ректор. Нам нужно обращать внимание на эти противоречия и выходить с предложениями, которые помогут создать живую и способную к жизни систему во благо всех наций. Мы мечтаем, чтобы все нации смогли объединиться на этой земле в мультиполярном мире.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, предлагаю вашему вниманию выступление Почетного доктора нашего Университета академика Петра Петровича Толочко (Украина).

П. П. ТОЛОЧКО: — Дорогие коллеги, тема будущего — вечная. И на каждом этапе истории человечество размышляет, как бы сделать мир лучше. Но мир традиционен, он развивается на основании противоречий, и противоречия эти очень стабильны, они не меняются. Могу продемонстрировать это на одном примере: славянские Восток и Запад. Тысячелетия проходят, а противостояние остается. В советское время мотивировали это тем, что сложилась другая система. Но в царское время была система такая же, сегодня система такая же, а противостояние никуда не исчезло. Есть какие-то глобальные закономерности развития, не позволяющие обрести гармонию, о которой мечтает человечество.

Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев сказал, что будущее будет такое, каким мы его сделаем сами. Казалось бы, такая простая, но мудрая мысль. Будущее ведь создает не то «племя младое, незнакомое», которое сидит и слушает нас, а те седовласые мужи, которые выступают здесь. Ну, это я образно. У нас была надежда, что что-то изменится: придет Трамп, возможно, Фийон придет, а Меркель уйдет. Но оказывается, ничего этого не происходит. Абдусалам Абдулкеримович говорит, что нас ждет будущее без будущего. Будущее будет такое, какое оно сегодня.

Есть какая-то житейская мудрость в том, что мы собираемся здесь и говорим об этом. Мне думается, что наша сверхзадача, и конкретно наша, и глобально, — не сделать мир лучше, может быть, это непосильная для нас задача, но сделать так, чтобы он не стал хуже. Вот это, возможно, мы сможем сделать. Профессор Дуткевич высказал прекрасную идею, она

у меня в докладе тоже есть, — это страх. Он сегодня, мне кажется, в противостоянии России и Запада в большей мере спекулятивный. Ведь и Прибалтийские страны, и Польша, и другие знают, что на них никто нападать не собирается. Но их власти усиленно пропагандируют эту идею страха среди своих граждан, вот-вот их кто-то оккупирует, уничтожит и т. д. А поэтому из-за океана идут трехтысячные корпуса воинов, по 100 танков, у границ с Россией проходят маневры. Это тоже идея спекулятивного страха. Может быть, стоит от нее отказаться? Но, видимо, этим малым державам чего-то не хватает, потому что с приходом военных и инвестиции какие-то поступают, и рабочие места создаются. То есть они на этом спекулятивном страхе наживаются. Может быть, западным странам, в том числе Соединенным Штатам, стоит отказаться от этих дотаций, нагнетания страха, не дающего миру спокойно жить и нормально развиваться?

Вот такие проблемы стоят на повестке дня, и их нужно решать. Повторяю, наверное, мы с вами собираемся здесь и участвуем в других подобных форумах, чтобы мир хотя бы не стал хуже. Когда к власти пришел Трамп, я в это время как раз писал свой доклад, везде была эйфория, но даже тогда я не думал, что ожидания оправдаются. И я там написал фразу, что Соединенные Штаты и Россия друзьями никогда не станут и любить друг друга никогда не будут, но если они не станут врагами, то это уже хорошо и миру от этого будет спокойнее.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Вашему вниманию предлагается выступление выдающегося итальянского философа академика Агацци.

Э. АГАЦЦИ: — Дорогие друзья и коллеги, это очень важный форум для меня. Я в нем участвую впервые, но знаю, что здесь рассматриваются важные проблемы. Хотел бы остановиться на идее глобализации, которая практически всегда идентифицируется с экономическими, финансовыми вопросами. Где бы это ни обсуждалось, что бы ни произошло, например в Гонконге, это сразу же отражается на том, что происходит в Токио, Лондоне, Москве, Варшаве, где угодно. Мы наблюдаем сжатие пространства и расстояний, как Маршалл Маклюэн уже когда-то сказал: «Мы получаем глобальную деревню». Вот что такое глобализация. Мы видим, как товары и люди в условиях глобализации сближаются друг с другом. И мы видим качественные изменения, которые имеют место. Но надо отметить, что раньше были очень ограниченные связи между отдельными людьми, странами, а сейчас мы становимся составной частью новой страны, которая имеет глобальный размах.

Сегодня мы видим бесчисленные тысячи, мегатонны различных явлений, протекающих одновременно, чего ранее не наблюдалось. Каковы же причины этого? В войнах, политическом преследовании и бедности. Конечно, можно пытаться устранить эти причины, но я не буду сейчас об этом говорить. Давайте посмотрим на это под определенным углом зрения,

в рамках определенной теории. Каждая система состоит из ряда подсистем, каждая из которых имеет свои функции, и существуют определенные статичные равновесия между этими составными частями, гарантирующие нормальное функционирование всей системы. Что происходит, если на них оказывается какое-то внешнее воздействие? Разрушается система, нарушается это равновесие, создается новая система. И сегодня происходит именно это.

Не буду сейчас говорить о существующих возможностях и путях преодоления проблем, но как нам в будущем обеспечить такое равновесие? Конечно, невозможно, и может быть, неправильно полагать, что из этого родится ассимиляция. Мы видим, что у разных наций перемешиваются традиции, способ мировосприятия и т. д. Невозможно не учитывать, насколько важной является эта система идей, жизненных идеалов. И очень прискорбно, если для того, чтобы найти свое место в мире, люди должны отказываться от своей самобытности, культуры и личности. Это саморазрушение личности человека ужасно.

Что же мы должны сделать в будущем? Надо создать такое мироустройство, чтобы в каждом регионе мира, в каждой культуре разных регионов сохранялись ценности и самобытность, которые бы взаимодействовали между собой. Они должны быть открыты для взаимодействия, а это означает признание того, что плюрализм — это не просто стратегия, обеспечивающая спокойную жизнь. Плюрализм означает раскрытие нашего разума для диалога, и это раскрытие разума состоит не только в том, чтобы слушать других, но и в том, чтобы учиться у других, почерпнуть что-то полезное для себя. И только таким образом мы сможем создать лучший мир и лучшее будущее для наших цивилизаций.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется иностранному члену РАН академику Владимиру Львовичу Квинту.

В. Л. КВИНТ: — Уважаемый Александр Сергеевич, уважаемые коллеги! К счастью, моя тема и направление исследований позволяют мне в максимально возможной степени уходить от политики и концентрироваться на вопросах экономики, ценностей, интересов и реализации нового уровня качества жизни, к которому, в общем-то, мы все стремимся, а мы все стремимся к прогрессу. В целом экономические процессы развиваются, формируются и умирают под воздействием различных глобальных закономерностей, и эти закономерности сильнее всего влияют на экономические процессы. Их в основном невозможно изменить, к ним надо уметь приспосабливаться, уметь использовать в своих интересах. И надо понимать, что каждая закономерность имеет срок жизни, рано или поздно она начинает снижать свое влияние. Вот, например, такая глобальная закономерность, как интеграция. Международная экономическая интеграция как подсистема в значительной степени повлияла на тот мир, в котором мы живем. Но что произошло? Под воздействием этой закономерности стали меняться и политические

системы, а не только экономические, социальные. Стали появляться идеи такой интеграции — внутри стран, международной, наконец, глобальной, — чтобы формировались органы, которые не только координируют экономические связи и компенсируют социальные проблемы, но и принимают политические решения. Как только возникают такие идеи, позитивная идея интеграции сразу же начинает пробуксовывать.

Что случилось с Европейским Союзом? Пока там превалировали идеи экономической интеграции, роста уровня жизни людей, открытости границ — все было нормально. Но когда несколько лет назад, в 2007 году, появилась идея создания европейской конституции, по которой бы жил Европейский Союз; единого парламента над европейскими парламентами, который до сих пор действует, но не так престижен, как парламенты национальных государств; национального правительства, решения которого должны быть обязательны для стран-участниц, то это не понравилось не только странам за пределами Европейского Союза, но и странам внутри Союза. И они провалили голосование по принятию европейской конституции. И слава богу. Не может быть правительство, назначаемое неизвестно кем, и какой-то ареопаг, который правит миром. Но постепенно из нескольких глобальных трендов, в том числе интеграции, вырос новый тренд — глобализации, усиленный трендами научно-технического развития и идеями экономической, я подчеркиваю, экономической свободы. И возникло новое, вначале экономическое, а теперь в значительной степени социально-экономическое явление — глобальное рыночное пространство, на котором взаимодействуют рынки, продукты, корпорации и сами государства с точки зрения повышения эффективности экономических взаимодействий.

Под воздействием глобализации, когда стали открываться границы — политические, экономические и технологические, в том числе под воздействием современной информационной революции, — возникло новое социально-политическое и экономическое явление — глобальное сообщество. Сегодня Александр Сергеевич, открывая пленарное заседание, говорил об этом. Но глобальное сообщество тоже нуждается в открытости. О какой открытости я говорю? Инвесторам, бизнесу нужна свобода, но сегодня больше всего иностранных инвестиций идут в Китай. А в Китае, между прочим, однопартийная система. Значит, инвесторов интересуют прежде всего экономическая свобода и степень возможности принятия экономических решений, роста производительности труда на этой основе и т. д. Когда стал формироваться глобальный рынок, который не совсем соответствует мировой экономике, это разные категории по объему, внутри глобального экономического пространства возник глобальный формирующийся рынок с новыми рыночными отношениями, куда входят и Китай, и Россия, и страны Восточной Европы, и даже некоторые из членов Европейского Союза. И здесь прослеживается несоответствие политических и экономических границ. Таким образом, мировое глобальное сообщество, медленно формирующееся и развивающееся, должно найти новую парадигму,

которая позволила бы поднимать уровень экономической свободы, экономического прогресса и процветания человечества, избегая политических конфликтов.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется нашему гостю из Швеции господину Шолте.

Я. А. ШОЛТЕ: — Господин Запесоцкий, спасибо за приглашение принять участие в этом диалоге. Эти Чтения посвящены глобальным вызовам, и поэтому я хотел бы сначала остановиться на вопросе, что такое о глобальность, а потом поговорить о либеральной и альтернативной глобальности. Что же такое глобальность? Мы живем во все более глобализованном мире, и людям все проще находить друг друга в этом мире благодаря Интернету. Глобальность также проявляется и в возникновении все новых болезней, и в Интернете, и в различных спортивных мероприятиях. Все это вместе возведено в одну систему, и мы получаем новый глобальный мир. Возникает вопрос: что делать в этом новом мире, в котором изменилась география? Это теперь означает не только страны и географию, меняются правительства, идентичности, и один из подходов к этому — либеральная глобальность. Это понятие родилось в 1990-х годах, когда возникла идея сделать мир более глобальным, отказаться от контроля за людьми, за операциями, приватизацией, когда произошло снижение роли государства и т. д. И тогда считали, что это приведет к экономической устойчивости, миру и согласию. Но сейчас мы видим, что возникла антиглобальная тенденция, направленная на прежний либеральный подход к глобальности, который принес скорее потери процессу развития мира. И как реакция на это родилось антиглобалистское движение.

Хотел бы здесь отметить следующее. Это не новость, что в 1990-х годах тоже возникали антиглобалистские движения в разных частях света, в частности в Латинской Америке. И, кроме того, нельзя преувеличивать размах антиглобализма. На самом деле антиглобалистское движение не такое распространенное, как нам кажется. Так что, если мы говорим о глобализме или антиглобализме, как уже отмечалось другими выступающими, надо, видимо, говорить об альтернативном глобализме. Но для этого надо проявлять творческий дух и правильно подходить к глобальному миру. Возможно, требуется ввести новые правила управления глобальной экономикой, нормы, которые будут учитывать денежные вопросы и интеллектуальную собственность и обеспечивать более равномерное распределение различных ресурсов. Если мы стремимся к достижению положительных результатов от глобального разнообразия, надо подходить к этому также с учетом того, что, конечно, нельзя отделяться, не общаться друг с другом. Нам надо думать о том, как развивать наш диалог между цивилизациями.

В современном мире мы не можем развивать производство так же, как в прошлом, не задумываясь об экологии, об изменении климата. Нам нужна новая экологическая политика, и надо найти варианты проведения правильной политики в новом мире. И, конечно, надо

думать о демократии, которая могла бы действовать в условиях глобального мира. Я говорю не о либеральной ценности, а о том, что нам нужна не просто американская, российская или еще какая-либо демократия, но та, которая будет направлена на достижение интересов всего человечества. Думаю, что перед нами стоят огромные вызовы. И для того чтобы их разрешить и преодолеть, помимо интеллекта и творчества, нужна политическая воля. И чтобы все это работало, нам необходимы мужество, интеллектуальная прерогативность и решительность.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Выступает господин Вятр, доктор социологии, профессор, на протяжении ряда лет министр образования Польши.

Е. Й. ВЯТР: — Дорогой Александр Сергеевич, дамы и господа, еще раз хочу поблагодарить за приглашение на этот замечательный форум, в котором я с интересом участвую уже много лет. Мы живем в необычной международной ситуации, когда надежды сменяются страхами. В последние 15 лет в странах Европы было проведено много исследований, показавших, что люди не исключают мировую войну в ближайшие десятилетия. Это новое явление, потому что ранее, после окончания холодной войны, напротив, год от года становилось больше оптимизма. Что же случилось?

Можно долго рассуждать о ценностях и их различном понимании. Но я хотел бы сказать вот о чем. Во второй половине XX века в мире были две основные идеологии, и их противостояние привело к холодной войне. Мы сумели это преодолеть и надеялись, что опасность миновала. Однако новая реальность показывает, что это не так. В настоящее время сформировались новые идеологические паттерны, появилась тенденция к замене диалога единой идеологией. Когда-то Джордж Буш, будучи президентом США, сказал, что Господь поручил Соединенным Штатам миссию — распространить демократию на весь мир, а его задача как президента — проследить, чтобы эта миссия была выполнена. И мы понимаем, что эта идеология, точнее, попытка установить идеологическую гегемонию США в мире, доминировала в политике администрации Буша. Одним из ее результатов стало ухудшение отношений с Российской Федерацией.

Думаю, что разумным и достойным ответом на тенденцию идеологического доминирования может быть только диалог. Это подразумевает не только умение говорить, но и стремление услышать другую сторону и принять то, что может быть сочтено резонным.

Когда-то считалось, что в мире есть два государства, от которых зависит судьба человечества на Земле, и одно из них — СССР. В разных частях мира предпринимались попытки противостоять идеологическому доминированию. В моей стране также идут разговоры об опасности, но я не разделяю эту точку зрения, а вижу, наоборот, больше возможностей для того, чтобы вести конструктивный диалог и добиваться установления определенного баланса. Поэтому хочу пожелать успеха всем, кто пытается заменить идеологическую конфронтацию значимым, содержательным диалогом. И я верю,

что наши Чтения — проявление благородных усилий по налаживанию такого диалога.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Прежде чем предоставить слово следующему докладчику, хотел бы ознакомить вас, уважаемые коллеги, с некоторыми приветствиями, поступившими в наш адрес. Вот телеграмма от Председателя Правительства Российской Федерации Дмитрия Анатольевича Медведева, неоднократно бывавшего в нашем Университете: «Нужно укреплять гуманитарное сотрудничество, научные и общественные связи, ярким примером которых служат Международные Лихачевские чтения. Полагаю, что они вновь предоставят вам хорошую возможность обменяться мнениями, поделить опытом и наметить совместные проекты. Желаю Вам интересных и плодотворных дискуссий, а иностранным участникам еще и ярких, незабываемых впечатлений от пребывания в Северной столице России».

Фрагмент из телеграммы спикера Государственной Думы Российской Федерации Вячеслава Викторовича Володина: «Чтения являются важной научно-общественной площадкой, на которой многие годы проходят полезные дискуссии по актуальным гуманитарным проблемам. Предложения и рекомендации, выработанные в ходе Чтений, имеют большое практическое значение, в том числе для законотворческой деятельности».

А вот что пишет министр культуры Владимир Ростиславович Мединский: «Отмечу, что Лихачевские научные чтения, неизменно проходящие в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов, из года в год объединяют выдающихся представителей российской и мировой научной мысли. От всего сердца желаю вам дальнейших творческих достижений в благородном деле служения российской культуре».

«Желаю организаторам и участникам научных Чтений успешной и продуктивной работы», — говорится в послании министра труда и социальной защиты Российской Федерации господина Топилина.

Мы также получили замечательное письмо от главы ЮНЕСКО госпожи Боковой, которая очень высоко оценивает деятельность участников Чтений и желает нам новых успехов. Оргкомитет от вашего имени благодарит всех господ, направивших нам свои приветствия.

А сейчас приглашаю на трибуну гостя из Испании посла Хуана Антонио Марка.

Х. А. МАРК: — Спасибо большое, господин ректор. У нас немного времени, поэтому я сосредоточусь на основных темах. Сегодня мы обсуждаем системные изменения, вызовы и контуры будущего.

Первое большое и главное изменение, которое мы видим в наши дни, — люди, индивидуумы. Именно люди, в том числе молодые — огромная движущая сила в современном мире. Почему? Потому что появились технологии, которые дают возможность общаться, обмениваться идеями и воплощать их в жизнь. Посмотрите, что произошло с кампаниями, которые обеспечивают полеты на самолетах. Отдельные люди трансформировали всю отрасль авиатранспорта, создав ком-

пании-лоукостеры. А что происходит с перевозками пассажиров такси? А в медицинской промышленности? Отдельные личности держат в руках ключи от всего мира. Это означает, что необходимо так организовать общественное пространство, чтобы в нем не было барьеров и границ для индивидуумов.

Перед нами открываются две возможности: либо мы будем двигаться к такому мировому порядку, когда глобальная власть будет неким рефери, инструментом, обеспечивающим всеобщее процветание, либо, напротив, мы вернемся в свои национальные раковины, которые дают нам ощущение локальной безопасности. Но нации во все времена конфликтовали между собой. И второй вариант не сильно привлекает молодое поколение. Если же мы выбираем первый путь, то, возможно, нам придется чем-то жертвовать, но прежние подходы в любом случае не будут работать в новой действительности. Единственно возможный выход — идти к глобальному мировому порядку с помощью глобального рефери, стоящего на защите прав человека.

Далее. Почему надо избегать тех, кто проиграл, кто потерял все? Почему и как это происходит? Мы знаем ответ: изменяется конкуренция в частном секторе и т. д. Но есть и другие элементы, способствующие установлению определенных политических систем. Что здесь опасно? Это накопление власти лидера — в России, США, Европе. Почему лидеры могут прийти к клинчу? Мы знаем, что, например, реальной проблемой является старение населения. Есть общества с богатейшим культурным наследием, в которых, однако, не ведется никакой работы с некоторыми категориями населения — ни со старшим поколением, ни с молодежью. Это большая проблема. Лидеры не адресуют им свои обращения.

Есть еще одна проблема: лидеры некоторых стран опасаются открытого мира, потому что боятся, что не смогут конкурировать на современном уровне. В глобальном мире мы должны уметь отдавать, но они не всегда знают, как это делать. Но только при этом условии мы можем проектировать и формировать пути развития для человечества. Посмотрите на Китай. За тридцать лет, 1952 до 1982 года, они нарастили доходы от 300 до 380 долларов на душу населения в год — добавили всего 80 долларов. Но за следующие десятилетия, к 2016 году, они совершили огромный рывок: от 380 до 8 тыс. долларов! Для этого им пришлось преодолеть огромные сложности. Возможно, нам следует брать с них пример. Единственный способ, который может обеспечить выживание Европы и России в будущем, — запуск крупных проектов молодыми людьми. Надо отдать эти проекты в руки нового поколения, чтобы молодые могли понять, что они могут двигать мир вперед. Но для этого они должны быть полны энтузиазма, действовать совместно и понимать, что живут в единой Европе.

В XX веке произошел скачок в области наук и технологий. На них возлагались огромные надежды, это был век энтузиазма. Люди были уверены, что скоро станут привычными полеты на Луну, Марс и другие планеты. Сегодня энтузиазма поменьше, мы по-

нимаем, что гораздо более важная задача — наладить жизнь на собственной планете, прежде всего создать такую общественную архитектуру, чтобы человечеству на всех континентах и во всех странах жилось лучше. Да, можно мечтать о космосе, мы уже научились проникать туда, доказали себе, что можем. Но еще более амбициозная задача — сделать из нашей планеты место, подходящее для безопасной и комфортной жизни в мире. Каждый из вас будет новым Одиссеем, отправляющимся в путешествие и возвращающимся в Итаку, где он обретет свой рай.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Предлагаю выйти на трибуну Виталию Товиевичу Третьякову — декану Высшей школы факультета телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова, знаменитому российскому журналисту.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Спасибо, Александр Сергеевич, спасибо всем присутствующим. То, о чем я хочу поговорить, немного перекликается со словами Петра Дуткевича о страхе и немного с тем, что говорил Петр Толочко о константах, которые остаются неизменными, несмотря на научно-технический прогресс и новую цифровую цивилизацию. И, конечно, с тем, с чего начал Константин Косачев, — с дилеммой о праве силы и силе права. Многочисленные юристы будут снова и снова убеждать нас, что сила права важнее, и мы это должны добыть, если не этом веке, то в следующем точно.

Однако давайте взглянем на международную (и не только) реальность: слабый не равен сильному, даже если это два мирных и доброжелательных человека, живущих рядом. Повторяю, слабый никогда и нигде не равен сильному. Я называю это законом международной гравитации. Ведь с точки зрения абстрактной математики нельзя сказать, что яблоко падает на землю. На самом деле земля и яблоко приближаются друг к другу. Но здравый смысл говорит нам, что это яблоко падает. Почему? Потому что у Земли больше масса, то есть она сильнее. Также и в мире есть страны, и примерно одни и те же на протяжении веков, которые сильнее других. Остальные, более слабые, так или иначе перемещаются в этом «гравитационном поле», приближаясь то к одним, то к другим. Это неизбежно. Следовательно, вопрос не в том, чтобы добиться равных прав для сильного и слабого. Это невозможно — они не равны от рождения. Кстати, просвещенческий тезис, что все люди равны от рождения, тоже не выдерживает критики. В реальной жизни все ему противоречит, даже внешний вид младенцев. Тем не менее нас продолжают завораживать этим тезисом, отвлекая от реальных проблем.

На мой взгляд, вопрос надо ставить по-другому: обязан ли сильный заботиться о слабых? И если должен, к чему гуманистическая мысль вроде бы нас склоняет, то имеет ли он при этом право требовать что-то от слабых и наказывать их? Гуманистическая мысль говорит: нет, заботиться обязан, а требовать нельзя. Но это опять же противоречит всему ходу мировой истории. Если мы всего лишь для развлечения сочиняем теории на полях мировой истории, то это, конечно, интересное занятие, но тогда давайте не будем утверж-

дать, что мы понимаем мировую историю и можем заниматься мировой политикой.

Что же делать слабым? Во-первых, они могут объединиться с другими слабыми и таким образом составить противовес сильному (для этого надо сначала его очень невзлюбить). Во-вторых, они могут дополнительно вооружиться. Например, слабая Северная Корея видит единственную возможность противостоять сильным в том, чтобы создать мощное оружие, а куда летят и где падают ракеты — неважно. В-третьих, можно практиковать саботаж, потихоньку подрывая власть сильного и делая вид, что ты с ним заодно. Этим и занимаются многие контрэлиты, а иногда и часть элит в разных странах, в том числе и в системе мирового сообщества. Такие же процессы идут и в Евросоюзе, который рано или поздно неизбежно рухнет. В-четвертых, есть противоположный метод (но эффект от него такой же): отдаться во власть сильного и все время льстить ему, прекрасно понимая, что рано или поздно сильный лишится самокритичности и обрушится сам под тяжестью похвал.

Дальнейшие рассуждения на эту тему могут быть очень пространными, но главное — отказаться от абстрактной цели: победы какого-то закона над какой-то силой. Этого никогда не было и не будет. Следовательно, мы должны анализировать поведение сильных — это первое. Второе — понять, что сильные не являются константой на века и тысячелетия. И третье — найти для слабых более эффективную, чем сегодня, тактику и стратегию поведения в этом мире. Повторяю, деление на сильных и слабых неизбежно, как бы мы ни старались добиться обратного.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Виталий Товиевич, Вы выступили как радикальный оратор. И я позволю себе ответить небольшой ремаркой.

Одно из моих любимых занятий — читать доклады к Лихачевским чтениям. Я, конечно, хотел бы многих здесь увидеть: и Владимира Путина, и американского президента. Мне очень не хватает Карла Маркса в этом зале. Вот что интересно — на Западе его «Капитал» был недавно переиздан в бумажном виде. И только на английском языке разошелся тиражом более миллиона экземпляров, при том что книга дорогая. В России же Маркса не изучают нигде. По-моему, на всю страну осталась одна кафедра, где он включен в учебную программу. В нашей стране относятся к учению Маркса как к безнадежно устаревшему. Но я не убежден, что это правильно.

Мы с вами на протяжении нашей жизни являемся свидетелями кризиса и разрушения двух величайших формаций. Одна из них — социализм, который наступил раньше, чем предполагал Маркс. Он считал, что для социализма общество и человек должны созреть как субъекты общественных отношений, да и сами общественные отношения должны достичь определенной стадии развития. Советский Союз начал строить социализм, сильно опережая свою готовность по Марксу, за что мы и поплатились. Но мы понимаем, что в мире есть движение к социализму. Взглянем хотя бы на Скандинавию и другие страны Западной Европы —

там построено капиталистическое общественное производство, в то время как распределение осуществляется по социалистическим принципам.

Другая формация — капитализм. Мы видим, как сбывается предсказание Карла Маркса, что и капитализм устареет и перейдет в новую фазу развития, превратившись во что-то другое. У Маркса не было возможности проанализировать те принципиальные перемены, которые случились позднее, в XX веке, в том числе информационную революцию. А изменения действительно произошли качественные — такие, что в результате капитализм утратил свою животворящую силу. 25 лет назад, когда, к несчастью, распался Советский Союз, мы верили в силу рынка, конкуренцию, демократию. Однако на Западе в настоящее время нет ни демократии, ни конкуренции, ни свободного рынка. Произошли коренные, сущностные трансформации капитализма. Но западные политики делают вид, что они по-прежнему обладают волшебными рецептами. На мой взгляд, это и порождает все кризисы западного мира. Дело в том, что принципиальная перемена XX века — не просто информационная революция, а перемещение центра тяжести производства с материального продукта в сферу духовного производства, в смыслы.

Сегодня огромная часть стоимости любого продукта — нематериальный актив: бренд, престиж, репутация и т. д. В результате мы имеем тотальную манипуляцию сознанием. В сфере политики демократия становится продуктом со своими технологиями купли-продажи, когда к власти приходят странные персоны,

которые являются фейковыми президентами. Мы зачастую вообще не понимаем, кто нами управляет. В сфере экономики мы не понимаем современных процессов. В частности, кто стоит за надуванием финансовых пузырей. Со времен Карла Маркса, когда банки были финансовыми учреждениями, оперирующими финансами для того, чтобы стимулировать производство, они приобрели совершенно иное значение, став ничем не стимулирующими институтами и получая прибыль независимо от деятельности реального сектора. Они создают самостоятельный продукт, который на самом деле не имеет никакой реальной ценности. Надувание пузырей — это создание фейкового продукта и одна из причин дестабилизации мировой экономики. Фейковые правительства, фейковые продукты, фейковые новости — это совершенно иная реальность и иной капитализм.

В одной из стран Запады выбрали президента, в программе которого были здравые идеи, — и что мы видим? Он получил мандат на перемены, который не может реализовать. И он видит, что его могут выгнать, отстранить от власти, несмотря на мандат от избирателей. Не избиратели, нет — истеблишмент и пресса, которая, впрочем, тоже входит в истеблишмент. Это капитализм? Там элита переродилась, а бал правят люди, которые выдвигают идеи, обусловленные не национальными интересами, не целесообразностью, а только стремлением к личной выгоде. Все идеалы современного капитализма — права человека и прочее — теперь остаются лишь на бумаге. Хорошо бы нам осмыслить эти фундаментальные перемены.

ДИСКУССИЯ

Часть II

Выступающие:

- Л. К. БРЕССЕР-ПЕРЕЙРА почетный профессор Фонда Жетулиу Варгаса (Бразилия)
- Ч. ВАРГА почетный профессор Института правовых исследований Венгерской академии наук, Католического университета им. Петера Пазманя (Будапешт), доктор
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ ректор СПбГУП, член-корреспондент Российской академии наук, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции
- Г. Б. КЛЕЙНЕР заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор
- В. А. ЛЕКТОРСКИЙ главный научный сотрудник Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор
- А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ главный научный сотрудник Института государства и права РАН, академик РАН, доктор юридических наук, профессор
- В. К. МАМОНТОВ генеральный директор радиостанции «Говорит Москва»
- Г. МЕТТАН президент Объединенной торгово-промышленной палаты «Швейцария — Россия и страны СНГ», исполнительный директор Швейцарского клуба прессы (Женева)
- М. Ф. МОНТЕС старший советник по вопросам финансов и развития Южного центра (Женева, Швейцария), доктор экономики
- А. Д. НЕКИПЕЛОВ директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, доктор экономических наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
- А. А. ПАНКИН директор Департамента международных организаций МИД РФ
- Г. М. РЕЗНИК вице-президент Федеральной палаты адвокатов, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП
- Б. Дж. СИЛВЕР профессор, заведующая кафедрой факультета социологии, директор Arrighi Центра глобальных наук Университета Джонса Хопкинса (Балтимор, США), доктор социологии
- Ж. Т. ТОЩЕНКО заведующий кафедрой теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета, главный научный сотрудник Института социологии РАН, член-корреспондент РАН, главный редактор журнала «Социологические исследования», доктор философских наук, профессор
- Т. ТЮРКЕР директор Исследовательского центра по изучению Евразии, России и Восточной Европы, профессор, доктор факультета политологии в Университете Анкары (Турция)

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые господа! Начинаем вторую часть дискуссии на пленарном заседании.

Приглашаю к микрофону выдающегося русского философа, академика Российской академии наук Владислава Александровича Лекторского.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Прежде всего мне хотелось бы возразить глубокоуважаемому Виталию Товие-

вичу Третьякову. Когда мы говорим о сдвигах в глобальной цивилизации, то имеем в виду прежде всего ценностные представления. Виталий Товиевич считает, что есть сильные и слабые страны, сильные и слабые люди, и никакого равенства между ними, да и вообще в жизни нет и быть не может. Это очень серьезная тема. Почему-то многие считают, что идеал равенства означает уравнильность. Многие полагают, что это была одна из самых негативных черт советской цивили-

лизации, с ней нужно бороться, искоренять ее. Помните, лет 20 тому назад часто приходилось слышать и читать: «Долой равенство, да здравствует неравенство!» В частности, в статье одного известного автора «Равенство и свобода» утверждалось, что если ты свободен, то никакого равенства быть не может.

Но давайте вспомним лозунг Великой французской революции «Свобода, равенство, братство». Какое равенство здесь имелось в виду? Конечно, все люди разные, они не могут занимать одинаковое положение в обществе, потому что оно должно определяться их собственными достижениями. Но они изначально должны иметь равные возможности и права. Ведь когда Французская революция выступала за равенство, о чем шла речь? О сословном неравенстве, которое должно быть ликвидировано. Необходимо равенство перед законом, перед правовой системой — вот что главное, и с этим сейчас никто не спорит. Другое дело — равенство возможностей. Это более тонкий вопрос. Когда-то американский философ Джон Дьюи, идеолог либерализма, писал о равенстве, и в своих рассуждениях дошел до проблемы равенства возможностей. Что это значит? Если человек родился в богатой семье, у него одни возможности, в бедной — другие. Может, второй ребенок многократно талантливее первого, но он не имеет шансов развить свои таланты. Как же добиться того, чтобы исходные возможности были равны, чтобы успех зависел не от внешних условий, а от способностей и труда? Когда Дьюи стал размышлять на эту тему, его обвинили в приверженности социализму.

А теперь вопрос о том, кто сильный, а кто слабый. Вспомним известный сюжет. Римский наместник Понтий Пилат, олицетворяющий мощь великой империи, — а перед ним стоит слабый человек в рубище и говорит странные вещи. Что с ним делать? Распять! И распяли его, слабого человека. Однако через несколько сот лет христианство стало идеологией Римской империи и потом легло в основу всей западной цивилизации. И все, что было сделано в этой цивилизации, включая науку и технологии, которые стали источником огромной силы, нельзя отделить от исходных ценностей, принятых когда-то.

Мы знаем из истории, что в древней Спарте слабых детей бросали в пропасть, чтобы общество состояло из сильных людей. Но давайте представим, что это продолжается спустя столетия. Во второй половине XIX века родился один ребенок — здоровье далеко не богатырское, в школе учится так себе... Его звали Альберт Эйнштейн. Если бы ему не были предоставлены определенные возможности, то человечество, возможно, до сих пор не имело бы теории относительности. Критерии меняются, нередко то, что кажется слабостью, превращается в силу. Европа когда-то была намного слабее, чем Османская империя и Арабский халифат, но со временем расстановка сил изменилась радикально.

Сегодня все глобальные проблемы, о которых мы говорим, упираются в ценностные ориентиры. Речь идет не только о силе и слабости государств, их военной мощи, хотя это важно. Ведь для чего нужна сила?

Как сказал известный советский политик, мы должны стать сильными, иначе нас раздавят. И мы, сказал этот политик, должны за десять лет пройти тот путь, который Западная Европа прошла за сто пятьдесят. То есть сила нужна для защиты, значит, это не цель, а средство. Но что мы защищаем? Систему ценностей. А в нее входит и равенство — одна из важнейших ценностей современного человека.

Насчет настоящего и будущего. Обычно мы предсказываем будущее на основе того, что было до сих пор, экстраполируем прошлое на перспективу и делаем прогнозы. Иногда это срабатывает, особенно когда речь идет о движении небесных светил или искусственных спутников. В гуманитарной сфере все значительно сложнее. Недавно в США была издана книга «Черный лебедь» Нассима Талеба. Он показал, как много событий, произошедших в XX веке, изменили ход истории, но все они были непредсказуемы. А кто бы мог предвидеть лет пять тому назад, что мир станет таким, каков он сейчас? Если бы я услышал такой прогноз, то ни за что не поверил бы.

Но к будущему можно относиться и по-другому. Прогнозировать не только на основе прошлого опыта, но создавая, конструируя что-то сознательно. В этом году мы отмечаем 100-летие Октябрьской социалистической революции, ученые ведут дискуссии о советском проекте. Там было много трагического, но было и кое-что интересное, о чем не всегда писали. В частности, была идея проектирования будущего: социальной среды, социальной системы, самого человека. Лев Семенович Выготский, классик мировой психологии (некоторые западные психологи делят всю историю мировой психологии на два этапа: до Выготского и после него), проводил свои исследования ради создания нового человека, он верил в то, что возможно формирование и совершенствование личности.

Сейчас вновь оживают и даже становятся сверхактуальными идеи, долгие годы казавшиеся утопическими. Напомню мысль Мичурина: «Мы не можем ждать милостей от природы. Взять их у нее — наша задача». Сейчас это во всем мире обсуждается снова, но не только в связи с растениями. Как относиться к этим идеям в связи с новыми технологиями? Люди разрабатывают фантастические проекты. Какое будущее с их помощью мы построим? Мы можем сделать жизнь намного лучше или, напротив, значительно хуже и труднее — многое в наших руках, но это зависит также от многих других факторов.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Предоставляю слово следующему гостю. Профессор Луис Карлос Брессер-Перейра, пожалуйста.

Л. К. БРЕССЕР-ПЕРЕЙРА: — Я был очень рад приехать в Санкт-Петербург и посетить этот замечательный Университет. Очень хорошо, что наши страны сотрудничают, что Бразилия входит в БРИКС вместе с Россией, Китаем, Индией и Южно-Африканской Республикой. Мы живем в эпоху глобализации, но, на наш взгляд, наибольшую пользу от этого процесса получают две страны: сначала это был Китай, а теперь

еще и Индия. К сожалению, этого нельзя сказать о Бразилии, ЮАР и России. Поэтому я считаю, что наша основная цель заключается в том, чтобы ускорить развитие и догнать лидеров. Мы хотим, чтобы люди стали лучше жить, чтобы мир стал более стабильным и комфортным для жизни. Что касается разницы в доходах между нациями, то она должна сокращаться. Я искренне убежден, что Бразилия, Россия и ЮАР оказались поражены одним экономическим «недугом» — так называемой «голландской болезнью». В чем ее суть? Наши страны занимаются в основном экспортом сырьевых товаров, в то время как необходимо, чтобы работал перерабатывающий сектор экономики. Когда мы страдаем от «голландской болезни», то не даем развиваться производственному сектору.

Есть меры, которые снижают остроту голландской болезни. Это, в частности, введение высоких пошлин на импорт. Если увеличить таможенные тарифы на ввозимые товары, то национальные компании станут конкурентоспособными, по крайней мере внутри страны. Но это не решает проблему конкурентоспособности в международном масштабе. Я тщательно изучил проблему «голландской болезни». Она стала альтернативой экономическому либерализму в таких странах, как Бразилия и Россия. Уверен, если мы осознаем свои проблемы, то сможем найти способы их решения.

Я разработал теорию, как надо действовать в ситуации голландской болезни. Это не классическая модель, скорее она основана на исторической динамике событий, и речь здесь идет о введении пошлины на экспорт различных товаров. Готов обсудить эту тему с российскими учеными. Конечно, новые идеи всегда воспринимаются с трудом, но я уверен, что они действительно важны для наших стран.

Что касается Китая, то эта страна не экспортирует сырьевые ресурсы. Предполагается, что когда вы страдаете от «голландской болезни», то в государственном бюджете образуются излишние активы, и это хуже, чем долги, потому что приводит к повышению обменного курса вашей валюты. Таким образом страна может привлекать иностранный капитал, который перетекает из богатых стран в бедные. Считаю, что это такая же истина, как и то, что Земля плоская. То есть это только внешнее впечатление, на самом деле это не так. И я в своих исследованиях доказываю достаточно логичными, на мой взгляд, аргументами, что у страны должно быть превышение на счетах к получению. Надо использовать для этого технологические достижения. Когда на текущих счетах есть дополнительные превышения, это повышает конкурентоспособность.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Позвольте пригласить на трибуну Лихачевских чтений госпожу Силвер — гостью из Балтимора, профессора, заведующую кафедрой социологии Университета Джона Хопкинса.

Б. Дж. СИЛВЕР: — Мне пришли на память высказывания Антонио Грамши, которые, как мне кажется, хорошо отражают и современную историю. Он писал, что старое умирает, новое рождается, а между

ними, в переходный период, может родиться много хорошего. При этом появляются определенные симптомы умирания. Например, сегодня очевидно, что уходит в прошлое целое столетие доминирования Соединенных Штатов Америки в мире, которое мы наблюдали на протяжении XX века.

Мы уже видели, как происходит переход от власти одной нации к распределению центров власти, в частности во время президентства Джорджа Буша. Сейчас провозглашен лозунг вернуть величие Америке.

Давайте сравним сегодняшний день с тем, что наблюдалось в прошлом, и подумаем, куда мы движемся. Думаю, что правомерным будет сравнение с началом XX века: кризис британского мира, столкновение с Германией и затем возвеличивание США. Начало XX века, как и начало XXI, характеризовалось развитием финансовых институтов. В то время пришла в упадок система промышленного производства, в настоящее время разрушается система серийного производства. И еще важное явление, о котором уже говорили, — чрезвычайное неравенство людей внутри стран и между странами. Здесь, конечно, прослеживается определенная аналогия с изменением статуса и ранжирования различных движений. В настоящий момент мы сталкиваемся с опасностями, связанными с отсутствием динамики в определенных странах, ростом популизма, неравенством между странами и нарастанием милитаристских настроений.

Но я считаю, что, хотя это и трудно, все же можно найти и другие аналогии, которые придадут нам оптимизма и помогут избежать долговременного системного хаоса, как это произошло в XX веке. Активизировались общественные движения, выступающие за сокращение разрыва между богатыми и бедными, потому что мы действительно переживаем кризис, угрожающий капитализму и даже легитимности капитализма. Тем не менее такого рода изменения исторически всегда требовали подталкивания снизу, поэтому необходимы новые движения на самом нижнем уровне, как это происходит, например, в Китае в последние десятилетия. В Китае было десятилетие очень быстрого развития, а теперь, после повышения производительности и объемов производства, у них новый тренд — рост доходов граждан, сокращение неравенства.

Совсем недавно многие говорили о кризисе профсоюзного движения. Якобы система социального страхования уже охватывает большинство населения, поэтому профсоюзы начинают изживать себя. Я же полагаю, что профсоюзное движение ведет к перестройке структуры рабочего класса во всем мире, в результате чего мы можем добиться справедливого выравнивания благосостояния населения на всем земном шаре.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, профессор Силвер. На трибуну приглашается академик Александр Дмитриевич Некипелов.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Уважаемые участники Чтений! Я остановлюсь на некоторых вопросах, связанных с изменениями, во многих отношениях серьезными, системного характера, которые происходят

в международных экономических отношениях. Открывая Чтения, Александр Сергеевич Запесоцкий сформулировал проблему современных явлений в области глобализации: имеем ли мы дело с тем, что процесс приостановился, или повернулся вспять, или переходит в какую-то новую форму? Дело, конечно, не в определениях, а в сути. А суть в том, что мы видим процессы, которые невозможно было предвидеть еще пару лет назад. Это и кардинальное, по крайней мере заявленное, изменение отношения к международным соглашениям в Соединенных Штатах Америки, и выход Великобритании из Европейского Союза, и многое другое. Складывается парадоксальная ситуация. Те, кто настойчиво продвигал идею об отмене границ на пути движения товаров, услуг и капитала, те, кто уверял, что связанные с этим издержки с лихвой окупятся дальнейшими выгодами, — именно они сегодня заявляют о переходе к политике, опирающейся на меры протекционистского характера. Что же произошло? Можно, конечно, все объяснять причудами политической системы, случайными результатами выборов, но меня, как экономиста, такого рода объяснения не устраивают. Я не отрицаю роли тех или иных политических факторов и даже случайностей, но все-таки хотелось бы понять, есть ли под всем этим объективная основа.

Давайте вспомним, как до последнего времени трактовалась глобализация. Было практически общепринятое понимание: рыночная экономика господствует во всем мире, наука и технологии развиваются, мир как будто сузился. Транспорт, связь, новые товары и прочее — все это связывает нас друг с другом. И это неизбежно, так что надо снимать национальные ограничения и определенным образом смягчать естественные процессы. Предполагалось, что они смягчаются и путем формирования и укрупнения самой структуры мирового хозяйства, образования крупных интеграционных объединений. В принципе, общая идея была такова: движение к единой рыночной среде с элементами общего глобального управления. Это, в сущности, неолиберальный вариант, у которого был аналог в советское время. Многие, наверное, помнят слова Владимира Ильича Ленина о тенденции к созданию единого кооператива народов.

И вдруг поворот в противоположную сторону. Что же произошло? А то, что модель разделения труда, сложившаяся в последнее время и отождествляющаяся с очевидным прогрессом, во всяком случае в развитых странах, означает переход к сервисной экономике. То есть услугам отводится доминирующая роль. Но услуги бывают разные: они могут удовлетворять нужды производства, потребности людей или просто быть необходимы для эффективного функционирования рыночной экономики — например, сектор финансовых услуг. И как раз в этом секторе в 2007 году разразился кризис, последствия которого мировая экономика до сих пор не сумела преодолеть. Финансовый кризис 2007–2009 годов послужил, на мой взгляд, основанием для серьезных изменений в мире.

Но давайте взглянем на экономику развитых стран. В ВВП Соединенных Штатов Америки уже давно доля реального сектора существенно меньше 20 % и значи-

тельно больше доля финансового сектора. То же самое прослеживается в Великобритании и других западных странах. И эта важнейшая сфера вдруг оказалась в затяжном кризисе с крайне неясной перспективой выхода из него. Из этого естественным образом следует стремление построить политику на том, чтобы возвращать в страну реальный сектор экономики — то, что прежде энергично выводилось в страны с более низкими издержками и дешевой рабочей силой.

Все это свидетельствует о том, что мировая экономика вступила в болезненный и очень длительный период, в течение которого будут мучительно пересматриваться правила игры, а государства будут занимать позиции, исходя из своих интересов. Процесс этот, повторю, будет долгим и нелегким. В этих условиях бессмысленно оперировать понятиями «вы за либерализацию» или «вы за протекционистские меры» — дело совсем не в этом. Предстоят многочисленные переговоры, которые будут продвигаться с большим трудом, торговые войны и другие неприятные действия и события. Только таким образом может и постепенно будет переформатироваться мировое хозяйство.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, в наших Чтениях впервые участвует господин Ги Меттан.

Г. МЕТТАН: — В настоящее время мы видим противоречие между сторонниками республиканского государственного устройства и приверженцами империй, которые часто бывают авторитарными. С моей точки зрения, дело тут не только в восточном и западном порядке. Мы строим новый порядок, который, возможно, будет гораздо устойчивее, чем все предыдущие. Но трансформация западного мира может привести к образованию двух империй. Это не новая идея. Думаю, многие смотрели знаменитую киносагу «Звездные войны» Джорджа Лукаса. Каков ее сюжет? Если кратко, то это трансформация империи, с ее коррупцией, жадностью, амбициями, в демократическую республику. Но происходит путч, потому что торговцы захотели расширить свои рынки за счет других планет, и галактическая республика снова стала империей.

В настоящее время на Земле происходит нечто подобное. Давайте вспомним историю хотя бы Римской империи. Из-за коррупции и стремления захватывать все новые территории, возрастания неравенства между богатыми и бедными в самой республике обостряются противоречия между классами и начинается трансформация. Сегодня же вновь возрождаются империи. Арабский философ Ибн Хальдун в свое время дал определение империи. Во-первых, империя не желает признавать границы, потому что это значит, что ограничения накладываются и на нее тоже. Без границ же можно завоевывать любые пространства, продвигать свободу коммерции всеми средствами. Конечно, границы между государствами существуют, но внутри империи они никогда не бывают четко определены. Во-вторых, империя руководствуется не правом, а силой. То есть там нет власти закона, а есть закон власти. При этом заявляется о различных свободах: тор-

говли, передвижения, политических свободах и т. д. Провозглашается, что каждый человек обладает равными правами и свободами. Но на деле мы видим, например, такие примеры, как передача власти в государстве членам одной и той же семьи. Вспомним хотя бы Буша старшего и младшего, семью Клинтон. Демократия ли это? По-моему, скорее олигархия, похожая даже на монархию, но только не демократия, как мы привыкли ее понимать.

Мы живем в постдемократической Европе. Можно рассматривать империю с точки зрения безопасности внутри ее и хаоса за ее пределами. Почему это происходит? Если подумать об этом, то приходишь к выводу: руководителям империй надо, чтобы население радовалось спокойной жизни, в то время как власти будут захватывать мир и присваивать его интеллектуальный и финансовый потенциал. И мы видим, как формируется соответствующий пояс — от Балкан до Среднего Востока, от Юго-Востока до Африки.

Но есть и позитивный вывод. Как взаимодействовать с империей? Опять же обращусь к «Звездным войнам». Одна из возможностей — вооруженное восстание против темных сил. Но это очень опасно при наличии ядерного оружия в мире. Другая возможность — задействовать интеллектуальные силы. Я сейчас апеллирую к молодежи. Человечеству требуется мудрость, чтобы противостоять империям мирными методами, как это делал, например, Махатма Ганди. Думаю, надо брать на вооружение этот подход, когда в будущем придется иметь дело с империями.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Позвольте пригласить на трибуну выдающегося российского юриста, академика Андрея Геннадьевича Лисицына-Светланова.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Глубокоуважаемый Александр Сергеевич и глубокоуважаемые участники Чтений! Я не первый раз участвую в Чтениях и заметил, что раньше, когда мы обсуждали развитие глобализации, настроение было более оптимистичным. Сейчас, взглядыываясь в будущее, мы часто испытываем пессимизм, и это, вероятно, обоснованно.

Остановлюсь на некоторых парадоксах текущих процессов. Я согласен с академиком А. А. Акаевым в том, что правовые основания глобализации берут начало с момента создания ООН. Речь идет о Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. Именно эти принципы по сей день являются основным регулятором международного права. Это так называемые обязательные «когентные нормы» (*jus cogens*). Пересматривать их было бы неправильно, потому что они пропитаны духом сотрудничества, любви и веры в будущее. Но что получилось? Основываясь на этих принципах, мы пришли к ситуации, когда правомерно говорить уже не столько о глобализации и универсализме, сколько о кризисе. В момент принятия принципов не возникало вопроса о самоопределении и территориальной целостности государств, в то время как сегодня это одна из основ-

ных проблем и препятствие в развитии международного права.

После принятия принципов прошло совсем немного времени, когда образовались два противостоящих друг другу блока — Западный и Восточный. Прошли годы, Китай встал на путь реформ, распался Восточный блок. Казалось бы, путь к глобализации открыт. Однако, как только возникают кризисные ситуации, мы не понимаем, как их разрешать. Если обратиться к экономической стороне глобализации, то с точки зрения права ее основой является Всемирная торговая организация (ВТО). Да, в настоящее время правила ВТО действуют, но принимаемые санкции и другие ограничительные меры сводят на нет все вопросы, связанные с тарифами. Есть поговорка: снявши голову, по волосам не плачут. То есть, когда речь идет об ограничениях по существу, то размеры тарифов не имеют значения. В данном случае мы встречаем определенные правовые препятствия на пути дальнейшего развития глобализации и, наоборот, возникает необходимость создания защитных мер, которые никогда не будут универсальными, а будут различаться от страны к стране.

Какие усилия предпринимаются для того, чтобы преодолеть существующие проблемы или создать что-то новое? Попытка трансатлантических соглашений вызывает сопротивление у элит по обе стороны Атлантики. Мы говорим о тихоокеанском сотрудничестве — но в этом случае заложена мина пострашнее, потому что там действуют два экономических гиганта, США и Китай. Сейчас стали поступать сигналы о серьезных противоречиях между этими государствами, и чем это завершится, мне, например, непонятно. Как бы то ни было, в обоих случаях речь идет не об универсальных принципах как правовом инструменте глобализации, а о региональной интеграции, хотя эти регионы очень крупные и емкие.

Что касается России, то наш ближайший партнер — Евросоюз. С момента образования Общего рынка все, что делалось в Европе, приветствовалось и принималось как должное. Когда Общий рынок стал Европейским Союзом, интеграция тоже воспринималась как благо, но все же появилась некоторая напряженность. Однако затем грянул кризис — сначала экономический, а теперь уже и политический, и в него оказалась вовлечена не только Европа, но и остальная часть мира. Прежняя холодная война сменилась противостоянием, включающим разные аспекты. Сегодня говорят о гибридных войнах, информационных, кибервойнах и т. д. Возникает вопрос: как России строить отношения с Евросоюзом? Евросоюз — это не государство и не международная организация, а надгосударственное образование, у которого, кстати говоря, не все в порядке с точки зрения экономической политики и процессов принятия решений. Что делать? Есть два правовых инструмента: либо строить новые договорные отношения (а это сопряжено с трудностями на фоне возникшей конфронтации), либо совершенствовать двусторонние отношения. Наверное, в ближайшем будущем второй вариант будет более перспективным.

И в заключение — некоторые замечания по поводу соображений академика В. Л. Макарова относительно киберпространства. До последнего времени я называл все право «правом вытянутой руки», имея в виду, что правовое урегулирование — неважно какое: демократическое, недемократическое, основанное на праве и судебных решениях или на административных началах, — осуществляется государством в рамках его границ. И есть власть, которая будет стимулировать или задерживать, наказывать или миловать, но всегда действовать на определенном пространстве в определенной юрисдикции. Что касается киберпространства, то оно изначально, по своей философии, не исходит из принципа территориальности, оно основано на экстерриториальности. Тут юристам придется поломать голову. Но это задача уже для молодых поколений.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Сейчас к микрофону приглашается профессор Ташансу Тюркер.

Т. ТЮРКЕР: — Уважаемый господин Запесоцкий, искренне благодарю Вас за возможность посетить этот замечательный город. Санкт-Петербург, как и Россия, открыты миру и новым идеям. Лихачевские чтения, которые ежегодно проводятся в СПбГУП, — своего рода вклад в созидание мира во всем мире.

Сейчас мы переживаем кризисный период перехода, когда возникает много неясных, непредсказуемых моментов. И в прошлом, и в этом году на Лихачевских чтениях мы обсуждаем кризис современности, постмодернизма, который действительно имеет место и исходит от Запада. Последствия кризиса проявляются и в России, и в Турции. Он влияет и на западные социальные науки. Так, когда мы говорим о переходной эпохе в Европе середины XIX века, то вспоминаем о Французской революции, Венской конвенции и пр. Процесс перехода общества к новому состоянию длительный, особенно на Западе.

Между Россией и Турцией существует много общего. Мы не относимся ни к западной, ни к восточной цивилизации. Наши страны должны думать о местном развитии, о том, как кризис, который переживает Запад, отразится на развитии и обусловит возникновение новых моделей.

В XIX веке, в период модернизации, Турция и Россия переняли у Запада много хорошего. Сейчас у нас есть возможность принимать участие в переменных, которые происходят на Западе, и способствовать их распространению не только в России, но и в мире.

Мы должны объединять усилия людей разных национальностей, взглядов, живущих в разных регионах мира. Необходимо изменить сознание людей, чтобы установить дружеские отношения. XIX век характеризовался стремлением к объединению, и сейчас возникла необходимость объединить усилия и содействовать дальнейшему продвижению мирных инициатив.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется выдающемуся российскому дипломату, директору Департамента международных организаций МИД РФ Александру Анатольевичу Панкину.

А. А. ПАНКИН: — Атмосфера в зале, тональность и открытость настраивают на необычный диалог, не столько научный и политический, сколько на свободный обмен идеями и оценками.

Сегодня обозначилось следующее направление дискуссии — в мире растет потенциал конфликтности. Пока не ясно, движемся мы к войне или нет, будет ли мир устойчивым, что произойдет с имущественным положением. С одной стороны, растет имущественное неравенство, с другой стороны, плоды информационно-коммуникационной, технологической революции, промышленных революций позволяют его сглаживать, продвигаться вперед (даже тем, кто раньше не мог и помыслить об этом). Отдельные финансовые проекты воплощаются в жизнь, другие обречены на провал.

Конфликтность обуславливается и инерционными факторами — десятилетиями недоверия между Россией и НАТО, между странами в разных регионах (не только Восток и Запад, но и Африка). Конечно, в международной политике Африка занимает не первое место, так же как и Азия, Ближний Восток. На это накладывается многовековая инерция дремучей средневековости, встречающаяся с суперсовременными технологиями. Сегодня можно наблюдать, как в странах Ближнего Востока 500-летний жизненный уклад сталкивается с современной реальностью (мобильные телефоны, Интернет и пр.). Иногда это происходит цивилизованно, а иногда усиливает негативные явления (терроризм, фундаментализм, желание отомстить, отнять у соседа то, что «принадлежало нам» 700 лет назад).

Принято считать, что после Второй мировой войны, с созданием Организации Объединенных Наций мы перевернули страницу в мировой истории. Но это только одна страничка, а следующая — постколониальное наследие, потому что границы устанавливались не в 1945 году. До колониального периода существовали другие границы между постоянно мигрировавшими народами. Сегодня все это «выливается» в различные конфликты.

Здесь говорилось о страхе как движущей силе современной политики — это первый фактор. Второй фактор — жадность, позволяющая бизнесу осваивать такие пространства, которые сложно было представить 50, а тем более 100 лет назад. Поэтому возникают финансовые пирамиды, мыльные пузыри и пр. Одновременно в мировой политике муссируются «страшилки» о климате, инфекционных заболеваниях, которые могут уничтожить полчеловечества. Все эти факторы не способствуют стабильности.

Но если вернуться к вопросу о том, куда мы движемся, то целенаправленно никто не ведет дело к мировой войне. Потому что сегодня захват территории, за редким исключением, бессмыслен. Доминировать можно другими способами, в том числе управлять чужими экономиками через финансовые системы и пр. Но фактор случайности может спровоцировать конфликт, который начнет развиваться в неуправляемом режиме, но, надеюсь, не приведет к глобальной катастрофе. Поэтому важно отслеживать то, что делается как на площадке ООН, так и в двухсторонних и дру-

гих форматах. Региональные конфликты могут привести к мировой войне. Мы знаем, что одна спичка может вызвать большой пожар. Поэтому мировая общественность проявляла повышенное внимание к Корейскому полуострову, иранской ядерной программе, теперь переключила внимание на Ближний Восток. Помимо этого, в мире стала доминировать хаотичность: сейчас не существует точных сценариев, ни политических, ни финансовых. Все рассчитывают на авось.

В 1950–1970-х годах существовало много научных организаций, которые создавали сценарии, предполагающие вариантное развитие, некоторые из них спустя 30–40 лет воплощались. Сегодня этого никто не делает, а если и пишут сценарии, то они настолько многовариантные, что фактически предоставляют много возможностей и не позволяют сориентироваться. Люди не понимают, куда движется мир, потому что ученые не предлагают вариантов развития (где было бы указано, что следует прекратить делать).

Публичная дипломатия и «мозговой штурм» являются одними из лучших способов убеждения наших коллег в том, что Россия имеет представление о том, что происходит в мире, и собственное мнение о том, что надо делать, чтобы избежать развития худшего сценария и реализовать лучший.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется господину Монтесу.

М. Ф. МОНТЕС: — Для меня большая честь выступать на Лихачевских чтениях. Здесь собралось много молодых людей, которых также волнует мировой кризис.

Международное право не всегда защищает права человека. Приведу пример. Д. Трамп в ходе предвыборной кампании заявил, что самое провальное торговое соглашение, которое подписали США, — Соглашение о создании Североамериканской ассоциации свободной торговли (НАФТА). В ближайшем будущем Соединенные Штаты Америки намерены подписать Соглашение о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве. Соглашение НАФТА, может быть, не было продуктивным для США, но было полезно для Канады и Мексики. Со времени принятия этого соглашения в 1994 году все страны (США, Канада и Мексика), подписавшие его, развиваются, их экономики постоянно растут.

Один известный экономист, хорошо знакомый с данной проблематикой, считает, что рост национальной экономики имеет негативные последствия для стран, которые имеют с ней дело (это касается и оборонной промышленности, и капитала, когда деньги не поступают рабочему классу). Благодаря соглашению НАФТА в Мексике ускорились темпы развития, но сейчас это менее индустриально развитая страна, чем на момент подписания соглашения, потому что слишком зависит от иностранного капитала. То есть сейчас происходит реколонизация Мексики.

Видимо, Д. Трамп, заявивший о бесполезности НАФТА, поставил неверный диагноз. Самое глав-

ное — поставить правильный диагноз. Правила могут быть несправедливы, но люди пытаются всё оправдать тем, что защищают права человека. На самом деле права человека нарушаются, поскольку не соблюдаются обязательства национальных государств.

В связи с соглашением НАФТА возникают две проблемы. Первая касается интеллектуальной собственности, вторая — инвестиций в связи с развитием производства. На эту проблему можно посмотреть под другим — политическим — углом. Хиллари Клинтон заявила, что Соглашение о трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве является золотым стандартом, потому что обеспечивает абсолютную свободу капитала (частного сектора) и позволяет инвестировать на протяжении длительного времени.

Несколько слов о глобализации. Если мы посмотрим на цифры, то увидим, что сейчас происходит обратный глобализации процесс. В частности, у каждого человека есть право на медицинское обслуживание, но проблема заключается в том, что лекарства и медицинские услуги становятся все менее доступными. При этом подчеркивается, что человек имеет право на использование последних достижений.

Права интеллектуальной собственности обычно формируются на национальном уровне, но постепенно они превратились в международную норму (чтобы инвесторы могли сами принимать решение, какие инвестиции потребуются). С 1994 года до настоящего времени были изобретены только два новых антибиотика. Теоретически возможна ситуация, что люди погибнут от болезней, а не вследствие изменения климата. Всемирно известный журнал “The Lancet” отмечает, что если Соглашение о трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве будет одобрено, это вызовет большие проблемы, в том числе связанные с правами на интеллектуальную собственность.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — На трибуну приглашается вице-президент Федеральной палаты адвокатов Генри Маркович Резник.

Г. М. РЕЗНИК: — Александр Сергеевич обычно отводит мне роль возмутителя спокойствия. Но на этот раз с этой ролью блестяще справился Виталий Товиевич Третьяков, который спел гимн социальному дарвинизму и уничтожил право (правда, в основном говорил о международном праве).

Процитирую стихотворение Ганса Магнуса Энгенбергера, любимого ученика Брехта:

Воистину великолепны
великие замыслы:
рай на земле, всеобщее братство,
перманентная ломка...
Все это было б вполне достижимо,
если б не люди.
Люди только мешают:
путаются под ногами,
вечно чего-то хотят.
От них одни неприятности.
Надо идти на штурм — спасти человечество,
а они идут к парикмахеру.

Сегодня на карту поставлено
все наше будущее,
а они говорят:
«Недурно бы выпить пива!»
<...>
Если б не люди,
какая настала бы жизнь!

Просветители (Вольтер, Дидро, Руссо), расшатывая устои средневекового общества и призывая выстраивать жизнь, основываясь на разуме, задумались, что делать с массой слабых людей (необразованных, косных, бедных). Они призывали ликвидировать это сословие, чтобы избежать несправедливости, когда одни попирают других.

Любая власть утверждает порядок в обществе на трех основаниях — насилии, суггестии (или внушение) и римское право, единое для всех (речь идет о юридическом праве и юридическом равноправии). Меня интересует не глобальный мир сам по себе, а Россия в глобальном мире. Нам следует обратить внимание на собственные проблемы. До буржуазных революций власть основывалась на двух критериях — на насилии и суггестии. Затем возникло единое римское право, позже — международное право. Оно стало претендовать на то, чтобы регулировать международные отношения после Второй мировой войны, потому что человечество ужаснулось тому, что может сделать тоталитарное государство с людьми и миром.

В настоящее время возникла ситуация турбулентности. Каждое государство хотя бы минимально прибегает к насилию. Сейчас мы столкнулись с суггестией — пропагандистской вакханалией на телеканалах. Право в настоящее время работает, но не так, как хотелось бы: для того чтобы право было эффективным, нужен сильный независимый суд (а с этим у нас проблемы).

Обратим внимание на международную арену. Западная цивилизация основана на разуме, все достижения человечества, связанные с улучшением жизни, исходят с Запада, основаны на свободе и уважении к личности. Традиционный мир (в настоящее время это исламский мир) не без оснований считает, что свобода расшатывает традиции. Глобальный мир действительно подмывает традиционные основания национальной идентичности.

В. Т. Третьяков говорил о том, что мы, старшее поколение, создаем будущее для молодежи. Я бы с осторожностью заявлял об этом. Лет сто назад человечество решило, что нельзя обходиться без горячей воды и теплого туалета. Сейчас мы не мыслим своей жизни без мобильного телефона, а молодежь — без Интернета.

В. Т. Третьяков справедливо отметил, что в ситуации турбулентности, которая, надеюсь, будет преодолена, США повели себя бесцеремонно, вторгнувшись в Ирак и реализовав свое право силы. И я бы порадовался воссоединению Крыма с Россией, если бы не был юристом. Но я надеюсь, что эта ситуация нормализуется, хотя и нескоро.

Другое дело, что сегодня у нас обозначился акцент на архаику, возврат к так называемым традиционным ценностям. Я полагаю, что это чрезвычайно опасно.

Да, разум и наука подтачивают традиционные основы существования человечества на протяжении столетий, так же как и внедрение техники. Я не осмеливаюсь говорить о том, что произойдет в ближайшие 10–15 лет. А через сто лет, возможно, уже новые поколения будут смотреть на нас, ныне живущих, так, как мы на неандертальцев.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, слово предоставляется профессору Георгию Борисовичу Клейнеру.

Г. Б. КЛЕЙНЕР: — Обилие общих и частных вопросов, которые мы рассматриваем здесь, заставляет взглянуть на нашу проблематику с высокими междисциплинарных позиций. По этому поводу я хочу вспомнить слова Бориса Слуцкого, замечательного русского поэта, который около 60 лет назад сказал:

Что-то физики в почете.
Что-то лирики в загоне.
Дело не в сухом расчете,
Дело в мировом законе.

Какой закон имел в виду Борис Слуцкий? Мне кажется, что поиски этого закона — это и есть пафос нашей конференции в этом году. Если мы посмотрим на мир сегодня, то увидим, что глобализация, о которой так много говорили, стала давать сбой, заменяться локализацией, приоритетами национального протекционизма и т. д. Что же происходит на самом деле? Идет ли речь о глобальной переломке одной тенденции в другую? Является ли это своеобразными качелями — сначала глобализация, потом локализация, вновь глобализация, вновь локализация? В этом ли состоит закон? Мне кажется, нет. Чего не хватает для того, чтобы это стало законом? Чтобы ответить на этот вопрос, вспомним, что такое глобализация. Это несовершенный вид развития, движение, распространение ресурсов, стирание границ и т. д. Что предшествовало этому? Другая эпоха, которую мы называем иногда эпохой разрядки, детанта, стабильности. Что последует за процессом глобализации? Локализация? Нет. Вслед за процессом глобальности или глобального стирания границ идет иной процесс.

Посмотрите, что происходит в мире. Здесь говорилось об этом: меняются состав государств, их границы, возникают новые государства, а также признанные, непризнанные, полупризнанные, запрещаемые государства. Мир сотрясается от событий. Наступает эпоха перемен, точнее происшествий, которая раскачивает, если угодно, мировую лодку. Что будет дальше? Наступит другая эпоха, и мы видим ее контуры, контуры будущего. Это будет эпоха странового домостроительства. И этим завершится четырехтактный цикл, который отражает общую закономерность развития систем — и глобальных, и локальных, и мезоэкономических, и микроэкономических. Последовательность движения от первой, объектной, организационной системы к выходу за ее границы характеризуется глобальностью. Вторая система — средовая. За ней идет процессная система, это и есть процесс, который мы

называем глобализацией. И, наконец, эпоха перемен, проектов. Эти четыре типа общественного устройства сменяют друг друга, меняют приоритеты.

Конечно, существуют и предшества, и процессы, но смена приоритетных направлений — это и есть тот закон, который управляет и движением мировых структур, и, я возьму на себя смелость, движением того, о чем говорил Борис Слуцкий. Какой же закон он имел в виду? Кто находится между физиками, которые являются представителями реального, объектного, объективного взгляда на действительность, и лириками, распространяющими свои эмоции, взгляды, чувства на других? Первые относятся к классу объектных систем, вторые — к классу процессных систем. Кто же между физиками и лириками? Между физиками и лириками находится те, кого я бы условно назвал клириками, это представители какой-то стабильной среды, необязательно религиозной, это может быть среда, основанная на ином мировоззрении, скажем, коммунистическом. Именно переход от физиков к лирикам идет через клириков.

И, наконец, кто идет после лириков? Почему в этом цикле нельзя вернуться обратно к физикам? К сожалению, я не нашел более подходящего слова для обозначения людей, представляющих этот тип, и пусть на меня не обижаются, но после физиков, клириков и лириков идет господство шизиков, в хорошем смысле слова. Это люди, которые имеют собственные взгляды, не привязаны к системе, воспринимают мир как совокупность проектов, как гейзеры, начинающие бить тут и там. Многие из них сами инициируют проекты, участвуют в них. Это необходимая стадия, та самая стадия перемен. И вот сочетание этих четырех видов систем, доминирование каждой из них в ту или иную историческую эпоху — это и есть тот самый мировой закон, которому мы подвержены, который имел в виду Борис Слуцкий и с которым нам предстоит жить.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — А теперь выступит замечательный венгерский философ Чаба Варга.

Ч. ВАРГА: — Я буду придерживаться собственных научных исследований. Немного коснусь юридических вопросов, но в целом вернусь к самому главному направлению, касающемуся психологического настроения. Сложилось такое ощущение, которое в нас заложено, — чувствовать себя как дома. У этого ощущения глубокие корни. Все наши чувства направлены на это. В первой половине XX века такие ученые, как марксист Фуко, говорили о нормальности. Но сегодня юридические исследования, проведенные Мичиганским университетом, показывают, что человеческое воображение является причиной для различных расстройств и в юридической системе. Поэтому я пришел к выводу, что все, что касается футурологии и наших перспектив будущего развития, — неправильно, потому что здесь мы экстраполируем собственные ощущения, касающиеся реагирования на фактические вызовы.

В качестве примера можно привести разработку неопределяемых на металлическом детекторе видов вооружений. Надо сказать, что геноцид в огромной степе-

ни основывается на использовании достижений техники, когда людей убивают, можно сказать, промышленными методами. Это означает, что все наши принципы и идеи, касающиеся права, имеют временные гарантии и носят сиюминутный характер, поскольку рождаются как реакции на сегодняшние вызовы. Об этом свидетельствуют Кодекс Хаммурапи, труды Цицерона, Великая хартия вольностей, труды философов во время Французской революции.

В 1968 году я приезжал в Москву, побывал в Институте законодательства, где все подробности в то время записывались вручную на карточках. А сейчас существует электронное правительство, и технологические достижения могут использоваться в будущем. Каковы новые вызовы для права? Что такое закон? Закон отражает то, что происходит тогда, когда мы отклоняемся от нужного курса. Дело в том, что гуманитарное право должно учитывать вопросы гуманности. Если вы готовитесь к военным действиям, то, естественно, хотите сохранить свое право на интеллектуальную собственность и т. д. Так вот гуманитарное право исследует эти вопросы. Если мы посмотрим, что было во Франции в XVIII веке, и сравним это с сегодняшней ситуацией, то увидим, что сегодня существуют возможности управлять мнением миллионов людей и призывать их к общественным выступлениям. А это угроза.

Мой последний вывод: многие теоретики, включая польских священнослужителей, отмечают, что закон вообще не имеет ценности. Закон — это только средство обеспечения и охраны прав человека. И здесь он должен предполагать, что можно преобразовать, трансформировать подлинные человеческие ценности. Поэтому господство права или же права человека — это только абстрактные категории, которые можно использовать во благо человека, но можно и злоупотреблять ими. Мы видим достаточное количество примеров тому.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Я хочу пригласить на трибуну выдающегося российского социолога Жана Терентьевича Тощенко.

Ж. Т. ТОЩЕНКО: — Уважаемые коллеги, с этой трибуны уже прозвучал подробный анализ тех проблем, с которыми столкнулся современный мир, и был сделан вывод, что они имеют экономические, политические, дипломатические и правовые факторы. Мне кажется, стоит уделить внимание еще одному очень важному моменту, который имеет большое научное и практическое значение и о котором сегодня говорили профессор Черешнев и Дуткевич, — это проблема «мягкой силы» в мировой политике и жизни общества. Что это реально означает? Каковы роль и значение общественного сознания в нашей жизни? Общественное сознание как «мягкая сила» иногда становится первоочередной силой по сравнению с перечисленными мною факторами. Мы это видим на примере тех событий, которые произошли на Украине. Долгое время в постсоветский период существовали контакты между руководством нашей страны и руководством Украины по поводу нефти, газа, нашего флота в Крыму, вза-

имных долгов, но никто не обращал внимания на то, что происходило с населением Украины. А в это время с ним работали другие силы. И наступило такое время, когда не экономические, не политические, не другие факторы, а именно эта «мягкая сила» привела к тому, что мы имеем сегодня.

Перейду к более широкому обобщению. Знаете, меня, как социолога, в принципе не волнует, что думают о России Меркель, Олланд и другие политические деятели Западной Европы. Меня больше волнует то, какое мнение сейчас распространено среди населения Западной Европы. Как социолог, я знаю, что там сформировано достаточно устойчивое мнение, которое, я бы даже сказал, довольно враждебно настроено к тому, что происходит в современной России. Опасаюсь, что даже со сменой Меркель и других политических лидеров мнение, которое сложилось у западного общества, не изменится. Поэтому вопрос о том, кто и каким образом влияет на общественное сознание, — это проблема, имеющая и научное, и прямое практическое значение.

В этой ситуации хотел бы напомнить высказывание Маркса, который говорил, что «идея становится материальной силой, когда она овладевает массами». Именно овладение соответствующими идеями нередко приводит к решению тех или иных вопросов. Свое выступление хочу закончить интересным высказыванием английского историка и философа Карлейля, которое мне очень нравится: «Революции происходят не на баррикадах — они проходят в умах и сердцах людей». Если они там произойдут, тогда люди пойдут и на баррикады.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Жан Терентьевич, если позволите, я задам один вопрос. Как-то средства массовой информации сообщали о том, что на Украине был ранен таксист, который отказался скандировать «Слава Украине!». Петр Петрович Толочко говорил о том, что подобное производит на людей страшное впечатление. Это настоящий фашизм, террор. Скажите, пожалуйста, как один из ведущих социологов России, да и, наверное, мира, как Вы считаете, могут ли быть сегодня на Украине проведены корректные социологические исследования с четкими данными, которые мы можем интерпретировать?

Ж. Т. ТОЩЕНКО: — Трудно сказать. Я сейчас располагаю данными проведенного и на Украине, и в России исследования, как относятся в России к Украине, а на Украине к России. Стоит отметить следующее: когда дело касается характеристики Украины и России как государств, и там, и здесь к ним очень негативное отношение, до 70 %. А когда касается отношений простых людей к украинцам или к русским, здесь практически большинство, наоборот, уверены в том, что отношения или еще хорошие, или их можно наладить. Поэтому народная дипломатия и «мягкая сила» — это наш резерв, с помощью которого мы можем решать самые сложные вопросы.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо. Приглашаю к микрофону Владимира Константиновича Мамонто-

ва, которого журналистский и читательский мир России хорошо знает и как руководителя в свое время газеты «Известия», и как одного из лидеров журналистского коллектива «Комсомольской правды».

В. К. МАМОНТОВ: — Для меня большая честь присутствовать здесь и тем более завершать пленарное заседание после стольких блистательных выступлений, такого интеллектуального пиршества, я бы сказал. У меня есть несколько наблюдений, которые не претендуют на какие-либо серьезные выводы, тем не менее мне хотелось бы их озвучить. Здесь говорили о том, какие главные опасности существуют сегодня в мире в целом, в том числе в журналистике и научном сообществе, как мы друг друга стали воспринимать в международной жизни, мировой политике. Я считаю, одно из главных несчастий последнего времени — какое-то фантастическое упрощение. Петр Дуткевич здесь говорил о страхе. Эта примитивизация, когда все сводится к страху, упрощению, каким-то вещам, которые вроде бы легко понять, представляет собой своеобразную политическую таблицу умножения, но только отличие в том, что математическая таблица умножения верна при всех обстоятельствах, а нравственная, человеческая, политическая таблица умножения очень опасна и нестабильна, там не всегда дважды два — четыре.

Мне кажется, мы стали забывать об этом. Думаю, происходит это, наверное, под влиянием того, что идет война, пусть гибридная, какая угодно. Может быть, во время войны все так упрощается? Мы же помним, как было во время Великой Отечественной войны: где встретишь врага, там его и убей, — так писал Эренбург, и ему вторил Симонов. И уже к концу войны эти строки изменились на более сложные, стереоскопические. В последнее время правы те, кто демонстрирует некую старую школу в международных отношениях в попытке понять, что происходит. Из наших дипломатов, безусловно, первый, кто это делает, — это С. В. Лавров. Генри Киссинджер, так сказать, столп этого олдскульного отношения к делу, написал статью о России, в которой можно встретить такие слова: «Чтобы понять Путина, надо читать Достоевского». А кого надо читать, чтобы понять современных политиков, актеров суеты, которая происходит в Сирии под сопровождение взрывов и бомбежек? Кого из классиков американской литературы надо читать, чтобы понять Трампа? Уильяма Фолкнера, Марка Твена или, быть может, Курта Воннегута? А кого надо читать, чтобы понять такую фигуру, как Макрон? Сказки Шарля Перро, что ли?

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Мопассана.

В. К. МАМОНТОВ: — Да, может быть, и Мопассана. Понимаете, это самое опасное, что сейчас есть, как мне кажется, в нашей жизни. Это надо пытаться совместными усилиями преодолевать. Тут звучали призывы, чтобы интеллектуалы вернули интеллектуализм в политику, в нашу жизнь. Мы сейчас здесь, как мне кажется, этим и занимаемся. Думаю, наши скромные

усилия не пройдут даром. И слава богу, что мы об этом говорим.

Сегодня много удивительно точных мыслей прозвучало. Я считаю, что справиться со сложившейся ситуацией мы можем только сами. И у меня нет надежды ни на что другое, кроме как на внутреннюю гуманитарную составляющую всех нас. Надо терпеть и бороться. Все, кто может что-то сказать, например на Украине, как Петр Петрович Толочко, должны это делать. Конечно, ему трудно сейчас на родине, но он говорит то, что думает. Он знает, что может пострадать, но он это делает. Мы давно с ним знакомы, и у меня сложилось впечатление, что он заложник того понимания, что там все изменится. Здесь прозвучал вопрос о том, кто делает будущее — седовласые или, наоборот, молодые. Если человек, отчасти так называемый шизик (тут много замечательных терминов прозвучало), в хорошем смысле этого слова, бунтует против упрощения, страха, не хочет бояться, а хочет двигаться вперед, при этом неважно, седовлас он или длинноволос, стар или млад, это замечательно. Важно то, как он относится к жизни, как себя ведет и как противостоит той структуре, которая мешает нам спокойно жить. Если человек много читает, много знает, умен, нравствен, силен, то в конце концов он победит в этой борьбе.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо всем, уважаемые коллеги. Пленарное заседание Лихачевских чтений подошло к своему завершению. У меня нет задачи подводить какие-то итоги сегодняшней дискуссии. Вы скажу лишь одно соображение. В гуманитарных науках, безусловно, есть люди, которым дано предугадывать судьбы человечества, судьбы цивилизации. И некоторые из них принимают участие в наших Чтениях, например Вячеслав Семенович Степин. Так вот он еще в 1990-е годы написал ряд работ, которые позволяли внимательному и вдумчивому читателю разглядеть,

что произойдет с миром в 2000-е. Эти работы доходили и до администрации Президента, но там не оказалось вдумчивого читателя, не было людей, которые хотели бы заглянуть вперед, да и сама система государственного управления у нас предусматривает решение проблем по мере их возникновения...

Слушая сегодня выступления участников, я вспомнил замечательного ученого Мераб Мамардашвили, который еще при советской власти написал блистательную работу о судьбе интеллигенции. Он писал о том, что интеллигенция — это исчезающий класс. Раньше это был класс свободно мыслящих людей, которые могли позволить себе писать и говорить то, что думают, потом они все стали работниками наемного труда. Ими командуют крупные корпорации. Вспомним историю. Какое впечатление на людей производили высказывания великих мыслителей XIX века, например Льва Толстого! Какое огромное значение для общественного мнения имели великие писатели первой половины XX века, которые приезжали в Россию и высказывались по поводу происходящего здесь в Западной Европе, в Соединенных Штатах Америки! А какое значение для мира имели высказывания Жан-Поля Сартра или Герберта Маркузе! Эти люди владели умами, они были настоящими интеллектуалами. Кто пришел на их место? Теперь умами владеют толстосумы, управляющие средствами массовых коммуникаций, нанимающие журналистов, которые, в свою очередь, занимаются мистификациями.

Как организатору Лихачевских чтений, мне очень хочется, чтобы та аккумуляция научного знания, которая происходит в этих стенах, а затем в наших сборниках, пробивала себе дорогу вопреки тому, что было сформулировано выдающимся философом Мамардашвили, чтобы идеи великих людей управляли общественным развитием в мире. Я благодарю вас всех за первый день работы Лихачевских чтений.

Панельная дискуссия МИРОВАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ ПОД УГРОЗОЙ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И АКТУАЛЬНЫЕ ОТВЕТЫ

19 мая 2017 г. Театрально-концертный зал им. А. П. Петрова СПбГУП

Выступающие:

Х. А. МАРК	Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Испания в РФ (2008–2011) (модератор)
А. А. АКАЕВ	Президент Киргизской Республики (1990–2005), иностранный член РАН
Э. БАГИС	министр Турции по связям с Евросоюзом (2001–2013)
Б. ДЕГАРДЕН	генеральный директор банка “Egic Sturdza SA” (Женева, Швейцария)
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН
М. А. МОРАТИНОС КУЙЯУБЕ	министр иностранных дел Королевства Испания (2004–2010), Почетный доктор СПбГУП
А. А. ПАНКИН	директор Департамента международных организаций МИД РФ
М. В. ШМАКОВ	председатель Федерации независимых профсоюзов России, вице-президент Междуна- родной конфедерации профсоюзов, вице-президент Европейского совета профсоюзов

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Дорогие друзья! На Лихачевских чтениях мы внедряем новые формы работы, которые раньше у нас в научном сообществе не применялись. Увидев, что бизнесмены, руководители предприятий на разных экономических форумах общаются между собой в рамках панельной дискуссии, мы решили устроить у себя общение в таком формате. Сегодня на нашем форуме собрались крупные международные деятели, люди, которые причастны к руководству государствами. В зале присутствуют представитель Министерства иностранных дел РФ, банкиры, профсоюзные деятели, то есть представлены самые разные стороны, имеющие отношение к текущей жизнедеятельности мирового сообщества и ее результатам. Люди, которые встревожены сложившейся ситуацией, ее анализируют и думают о том, как ее исправить.

Мы назвали нашу встречу «Мировая стабильность под угрозой: современные вызовы и актуальные ответы» и очень хотели бы, чтобы сегодня были даны ответы на эти вопросы. В дипломатии есть такая формулировка: в личном качестве. Так вот, уважаемые гости, расскажите нам, что вы в личном качестве думаете о происходящем сегодня в мире. Модератором этой панельной дискуссии будет давний друг нашего Университета Хуан Антонио Марк — посол Испании в Российской Федерации с 2008 по 2011 год. Господин Марк, пожалуйста, Вам предоставляется слово.

Х. А. МАРК: — Господин ректор, большое спасибо за приглашение. Надеюсь, у нас состоится плодотворная дискуссия. Свою работу мы построим следующим образом. Сначала наши участники сделают короткие заявления, как они оценивают сложившуюся

в настоящий момент ситуацию в мире. Потом мы попросим их идентифицировать три самые главные, с их точки зрения, проблемы, угрожающие стабильности в мире. После этого попытаемся найти решение, как отвечать на те вызовы, которые мы определили. И потом перейдем к следующей интересной части — вопросам и ответам.

Итак, я обращаюсь к академику Аскарму Акаеву, Президенту Киргизской Республики в 1990–2005 годах. Как Вы оцениваете международную обстановку?

А. А. АКАЕВ: — Конечно, сегодня мир стал менее стабилен, чем было в 1980–1990-х годах. Появились различные зоны конфликтов в разных регионах, прежде всего, конечно, на Ближнем Востоке, хотя неспокойно и в других регионах. И перед мировым сообществом сегодня возникает много неразрешенных проблем. В настоящее время такие великие державы, как Россия, Китай, предлагают позитивные, конструктивные пути решения проблем обеспечения безопасности и устойчивого, стабильного развития мира. В качестве примера хочу привести ШОС — Шанхайскую организацию сотрудничества. Принципы, на которых строится сотрудничество в Шанхайской организации, получили название «шанхайский дух». Это равенство стран в этой организации, взаимное доверие, взаимовыгода, невмешательство во внутренние дела других стран, не только участников ШОС. И наконец, стремление к совместному процветающему, стабильному, устойчивому развитию.

Наша дискуссия как раз призвана найти способы обеспечения безопасного, устойчивого развития мира. Считаю, что будущее за теми принципами, которые за-

ложены в Шанхайской организации сотрудничества. Я бы призвал и другие международные сообщества на Западе следовать таким принципам международных отношений.

Сегодня Россия выступает с замечательной инициативой налаживания интеграции, то есть партнерства, в рамках Большой Евразии. И эту инициативу хорошо дополняет новый проект Китая по возрождению Шелкового пути в XXI веке. Это та самая «мягкая сила», которая позволит, как мне думается, решить многие проблемы. Шанхайская организация расширяется, в этом году в нее вступают Индия и Пакистан. И три великие державы — Россия, Китай, Индия — становятся теми тремя китами, которые обеспечивают безопасное, стабильное развитие восточной части Большой Евразии. Надеюсь, что это будет распространяться на запад и охватит весь евразийский континент, а затем и весь мир. Я оптимист, поэтому надеюсь, что в XXI веке безопасное, устойчивое, стабильное развитие будет обеспечено ради мира и процветания народов.

Х. А. МАРК: — Большое спасибо, господин Акаев. Вы говорили сейчас в основном об азиатском регионе. На самом деле в политике очень важно, чтобы все базировалось на стабильно функционирующей экономике. Когда экономика работает, то и политика обеспечивает настоящую стабильность. А теперь мы выслушаем мнение одного из самых авторитетных экономистов Европы. Господин Брюно Дегарден — банкир, он поделится с нами своим видением стабильности в мире с точки зрения экономики.

Б. ДЕГАРДЕН: — Для начала надо вспомнить, что в 1900 году население Земли составляло 1,6 млрд человек, а сейчас на планете проживают 7,5 млрд. В 1980 году 60 % населения Земли получали меньше 125 долларов в месяц. Сегодня только 20 % находятся на этом уровне. Таким образом, с 1980 года значительно увеличилось население мира, но в то же время резко снизился уровень бедности. Мы имеем фантастический пример Китая, его экономического роста. Это позитивные аспекты.

Вспомним другие цифры. Если посмотреть на рост экономики в мире, то с 1960 по 1974 год в среднем ежегодный рост составлял 5,2 %. Если посмотреть на последние 9 лет, то рост происходил примерно вдвое медленнее — 2,8 %. И проблема, которую нам придется обсуждать, — это проблема производительности. В США последние 30 лет производительность росла более низкими темпами — по 2 % в год, в прошлом году ее рост составлял 5 %. Мы видим впечатляющий экономический рост. Но сейчас он стал гораздо медленнее и является очень слабым показателем в Соединенных Штатах Америки. Поэтому нам необходимо обсудить вызовы, которые стали последствиями новой экономической среды в мире.

И в заключение хотелось бы отметить следующее: если экономический рост был очень слабым, то надо понимать, что за это время задолженность в мире быстро возрастала. С 2008 года мировая задолженность составляет 6 трлн долларов. Представьте себе, что ва-

ловой продукт мира составляет менее 80 трлн. Значит, с 2008 года, для того чтобы стимулировать экономический рост, мировому сообществу приходилось влезать в долги. Но результаты весьма разочаровывают. Такова экономическая ситуация.

Х. А. МАРК: — Господин Дегарден, спасибо за Ваше понимание существующей системы развития экономики, того, как растут долги, задолженность. Конечно, экономическая картина мира очень важна. Но экономика должна сопровождаться и социальным измерением. Сегодня здесь присутствует председатель Федерации независимых профсоюзов России Михаил Шмаков. И он поделится с нами своим видением с точки зрения социальной сферы.

М. В. ШМАКОВ: — Профсоюзы — это организованные трудящиеся. Хотя сегодня профсоюзы в мире, да и в нашей стране объединяют не 100 % работающих, тем не менее наша организация способна наиболее концентрированно формулировать свои выводы, претензии и требования к тому, как должен развиваться мир. Потому что от того, как развиваются мир, экономика, все политические и жизненные процессы, зависит жизнь каждого человека. Поэтому на сегодняшний день основной вызов, который стоит перед каждым человеком и перед обществом в целом, — это справедливость, справедливое распределение произведенного продукта в любой стране мира. И сегодня увеличивается разрыв между доходами основной массы населения, трудящихся и наиболее высокооплачиваемых, высокодоходных групп населения. И концентрация капитала приобретает просто гигантские размеры, причем во всех странах. Например, я недавно был в Канаде. Известно, что 8 семей Канады контролируют 80 % экономики и соответственно доходов этой страны. То же самое можно сказать о Бразилии, в которой сегодня происходят, без преувеличения, революционные события. Мои коллеги из Бразилии характеризуют все, что там произошло за последний год, как государственный переворот, когда одного президента отправили в отставку, а предыдущего президента Да Силву, намеревающегося выдвинуть свою кандидатуру на следующих президентских выборах, сейчас обвиняют в универсальном преступлении сегодняшнего времени — в коррупции. Так вот там 6 семей страны контролируют 100 % массмедиа и около 80 % национального продукта Бразилии.

Такой разрыв в доходах основной массы населения и более обеспеченных людей существует во всех странах, включая Россию. Мы знаем такие примеры. Кстати, в России уровень расслоения ниже, чем во многих развитых странах, потому что у нас примерно 10 % населения контролируют 75 % доходов. А там единицы семей контролируют более 80 %. Поэтому нам, с одной стороны, в этом смысле еще догонять и догонять, а с другой — наоборот, надо не догонять, а строить более справедливое общество по доходам. Я еще раз подчеркиваю, что справедливая экономика, справедливое распределение доходов — это главный вызов сегодняшнего дня в экономическом плане и главный дето-

натор всех протестов и противоречий, существующих на планете.

При этом ставка делалась на глобализацию, о которой говорили как о некоей панацее или новом витке развития глобальной, мировой экономики, которая идет по рыночному, читай — по капиталистическому, пути. Думали, что это принесет пользу всем. Однако сегодня во всех странах, в том числе и в наиболее экономически развитых, все больше утверждается обратное мнение и ведется критика несправедливой глобализации, то есть той формы, которую она приняла за прошедшие 10–15 лет. Фактически глобализация принесла успех только транснациональным корпорациям, которые выросли в своей мощи, в своих доходах и берут под контроль национальное правительство. Это создает новую точку напряжения, новый вызов, который во всем мире воплощается в различные процессы негативного характера. И частично это приводит к возникновению тех экстремистских течений, которые на фоне критики сегодняшнего развития глобальной экономики фактически призывают к одному — вернуться в Средневековье, и действуют они во многом средневековыми методами, но с применением новейших технологий. И с этими течениями сегодня вынужден бороться весь цивилизованный мир.

Х. А. МАРК: — Сейчас мы выслушаем мнение министра Турции по связям с Евросоюзом Эгемена Багиса.

Э. БАГИС: — Ректор Запесоцкий попросил нас говорить очень открыто и рассказать, как самым близким людям, о проблемах, которые существуют. Считаю, что самая большая проблема для человечества сегодня — это международное лицемерие. Помню, в свое время, когда я был молод, было два основных оплота безопасности. Это страны Варшавского договора и НАТО. Большинство стран — участниц Варшавского договора сейчас входят в Европейский Союз. Турция является членом НАТО и начиная с 1959 года пытается вступить в Европейский Союз, но не может этого сделать. Сегодня Турция серьезно рассматривает вопрос о присоединении к Шанхайской организации сотрудничества вместо вступления в ЕС. Это только один пример развития событий на международной арене.

Сегодня мы наблюдаем огромные проблемы на Ближнем Востоке. И на самом деле можно искренне заявить, что там появились две новые страны — Россия и США. Одна открыла свои военные базы в Сирии, другая — в Ираке. В Турцию от войны бежали более 3 млн сирийцев, в целом более 60 % сирийцев сегодня покинули свою родину — уехали в Иорданию, Ливан, Турцию или другие страны. Более чем полмиллиона иракцев сейчас также находятся в Турции, потому что они бежали в свое время от зверств Саддама. У нас есть организация Рабочая партия Курдистана, которая ответственна за гибель 40 тыс. человек. Министр иностранных дел России считает эту организацию террористической, так же как и Госдепартамент США. Есть еще одна организация, которая называется «Белые волки». Она существует в Сирии, ее поддер-

живает международное сообщество. С одной стороны, она входит в перечень террористических организаций, а с другой — сотрудничает со многими странами и ведет военные действия в разных странах мира. Ливия была очень сильной и опасной во времена Каддафи, в то время ее оборот составлял 5 млн долларов в день. Сегодня Ливия, возможно, самая экономически отсталая страна в мире. Она не может экспортировать даже собственную нефть.

Мы должны честно подходить к взаимоотношениям с международным сообществом. Не может быть хороших или плохих террористов. Не может быть хорошей или плохой стабильности. Не могут существовать проблемы, которые хороши для одних и плохи для других. Мы должны выработать механизм мирового сотрудничества. Сегодня ООН не может реагировать на проблемы человечества. Поэтому нам надо либо изменить порядок работы ООН, либо принять целесообразные решения, которые помогут найти ответы на вопросы и проблемы, стоящие перед человечеством.

Уверен, что никто не может чувствовать себя в безопасности, пока все не будут чувствовать себя в безопасности. Потому что мы действительно живем сегодня в глобальной «деревне». И любое событие отражается на остальных. То, что происходит в Алеппо, отражается на моем родном городе Стамбуле. То, что происходит где-то еще, отражается на Оклахоме и Пекине. Мы должны признать, что сегодня мира на Земле гораздо меньше и экономика становится все более актуальной темой. Поэтому нам надо найти пути решения наших общих проблем. Думаю, что деньги, которые богачи тратят на то, чтобы похудеть, на занятия спортом и фитнесом, они могли бы направить на более полезные дела — например на то, чтобы помочь голодающим в Африке, Азии, бедным странам. И тогда не осталось бы ни одного человека в мире, который нуждался бы в пище. Это должно быть главной темой обсуждения.

Х. А. МАРК: — Теперь я хотел бы дать слово представителю МИД РФ Александру Анатольевичу Панкину.

А. А. ПАНКИН: — На мой взгляд, три основные мировые проблемы, которые сегодня взаимосвязаны и соответственно требуют взаимосвязанных решений, — это, во-первых, противодействие терроризму и экстремизму; во-вторых, преодоление тотального недоверия и геополитического дисбаланса в мире и, в-третьих, ликвидация нищеты и бедности. Про терроризм сказано много. Однако от терроризма гибнет меньше людей, чем, например, от аварий на дорогах. Что более релевантно или приоритетно? Конечно, борьба с терроризмом, потому что это раковая опухоль, незаметная, не проявляющаяся или проявляющаяся какими-то мелкими штрихами, но так или иначе достаточно быстро приводящая к летальному исходу.

Сегодня существует потрясающая возможность использования сетей и киберпространства, финансовых киберпространств, любых современных ИКТ для пе-

ревода денег, рекрутирования боевиков и, самое главное, покупки современного оружия. Надеюсь, до пресечения порога нераспространения оружия массового уничтожения не дойдет, хотя уже имело место применение химического оружия неправительственными силами и в Сирии, и в Ираке, как бы это ни замалчивалось или ни отодвигалось на второй план. Но ядерная бомба в руках сумасшедшего из XV века — это полный кошмар, против которого нет никаких средств. Должны быть пресечены каналы финансовой подпитки, которая происходит не только за счет использования тем же псевдогосударством ИГИЛ или «Джабхат ан-Нусрой» нефтяных источников, но и за счет серьезных пожертвований различных государств региона и за пределами региона, по линии частных фондов, различных представленных организаций и т. д. То есть пресечение, превентивность — единственное, что можно обеспечить. Естественно, необходима работа в идеологической среде, будь то мечеть, или молодежный клуб, или блог, или социальная сеть.

Что касается второй проблемы, которую я назвал геополитическим тотальным недоверием, то, если вы посмотрите на мир, он пронизан следующими векторами недоверия: Россия–Запад, Запад–Китай, Север–Юг, то есть недоверие по большому счету между развитыми и развивающимися странами. В Азии — это Пакистан, Индия и т. д. Африку мало кто знает, но, поверьте, Африка — это котел противоречий: и доколониальных, и постколониальных, и современных. Отдельно Северная Корея — это особый случай. И везде недоверие — между соседями, внутри одного региона. У Турции и Саудовской Аравии — недоверие к Ирану, у Израиля — к Палестине, в целом к арабским странам — это отдельная степень недоверия. Это недоверие порождено не столько конкуренцией на рынке, потому что нефти и доходов от нее хватит на всех, как и доходов от других сфер деятельности. Так же как и для преодоления голода достаточно ресурсов. Недоверие мотивировано совершенно другими вещами, которые сегодня если и обсуждаются, то в академической среде, не переходя в политическую. Все знают, почему у Израиля существует проблема с Палестиной, как ее преодолеть — это другой вопрос.

Третья проблема — это крайняя нищета и бедность. Действительно, за счет успехов в здравоохранении и появления нового поколения лекарств, снижения цен на них, распространения, наверное, и за счет ГМО, которые повысили продуктивность и масштаб производства сельского хозяйства, многого удалось достичь. Но правильно сказал мой французский коллега, что в основном рывок сделали Китай, Индия и ряд крупных стран Африки, в основном те, кто имеет мощную сырьевую базу. Большинство остальных стран остается на периферии, маргинальны, а это очень опасно. Опасно потому, что нищета создает питательную среду для проблемы номер один — терроризма. Намного проще завербовать, рекрутировать бедного, неграмотного человека, готового за деньги выполнить все, что ему скажут, пополнить ряды террористических и радикальных сетей, чем человека более образованного, обеспеченного, видящего перспективу и т. п.

Х. А. МАРК: — Приглашаю к микрофону экс-министра иностранных дел Королевства Испания господина Мигеля Анхеля Моратиноса Куйяубе.

М. А. МОРАТИНОС КУЙЯУБЕ: — Более 200 лет назад все традиционные монархии, включая Россию, были охвачены сильным чувством тревоги в связи с Французской революцией и ее последствиями и стали консолидироваться. Знаменитый австрийский дипломат Клеменс фон Меттерних рассуждал об универсальной всемирной анархии и написал об этом книгу. Мы здесь говорим о новом мире, новой глобализации, новой парадигме, которая касается всех нас, настраивает на правильные мысли. Мы пытаемся найти способы, как нам противостоять новым вызовам и реальностям сегодняшнего мира. Я постараюсь предложить специфический, особый подход к выходу из этого кризиса. Есть, конечно, компонент диалектики, который мы наблюдаем с 1815 года, баланс власти — это все обсуждалось. В некоторых странах правительства с этой точки зрения решают, как двигаться дальше и какие методы применять. Заманчивая перспектива (о которой говорили еще древние философы) — создать систему коллективной безопасности, основу для того, чтобы все вместе могли жить и работать, чтобы такие страны, как Кыргызстан, Бутан, Бенин и другие, могли разделять одинаковые преимущества в будущем для своих граждан.

Если вернуться к вопросу баланса власти, мы видим новые составляющие. Конечно, ООН, Российская Федерация, Китай и Европейский Союз должны создавать этот баланс. Но что это нам дает? Мне кажется, идеалистический подход выходит на сцену. Мы должны, конечно же, думать о коллективной ответственности, которая единственная может помочь нам вместе жить в мире и гармонии, какой бы идеалистической ни казалась эта мысль. Мы начали говорить о создании глобального правительства, может быть, на основе Организации Объединенных Наций. Почему нет? Эта организация еще не сдалась. Может быть, это будет площадка для всех, где каждый получит возможность участвовать, представлять и осуществлять действия. Мы не думаем, что ООН находится в плачевном состоянии. Осуществляются реформы, реформируется Совет Безопасности. Это сложный процесс, но тем не менее мы можем думать о том, что на этой платформе может появиться новое правительство. Это будут новые актеры, а не просто представители стран, и там будут представлены гражданское общество, пресса, медиа, массмедиа, бизнес и т. д.

Грядут перемены, и мир уже не будет прежним. Там в определенных рамках будут некоммерческие организации, гражданское общество, бизнес, это позволит нам создать ту ответственность, которая поможет ответить на новые угрозы и вызовы. Конечно, мы должны все это регулировать. Например, в Интернете мы начинаем устанавливать нормы. Мы должны думать о том, что в России, Китае, Европе, США разные законы и подходы к тому же Интернету. У нас неразбериха в этом плане, и нам нужно навести порядок, ввести правила и их соблюдать. И это должно стать

целью ООН. Затем нам надо разобраться с реальностью. Мы не можем игнорировать то, что Россия, Китай, Европа — это сильные державы, которые должны вести за собой остальных. Кто-то должен давать новый импульс развитию. Думаю, что будет составлена такая комбинация, которая сможет обеспечить баланс между государствами. И в этом глобальном, глобализованном мире нам нужно начинать думать о том, каким образом справляться со сложностями глобализации.

Вспоминаю, как бывший премьер-министр Марокко сказал, что глобализация связана с отношениями соседей. Кто-то живет в Сингапуре, кто-то — в Китае, кто-то покупает в Китае, кто-то — в Марокко, теперь нам не нужно путешествовать очень далеко, как это было раньше. Все это можно делать очень быстро, и Европейский Союз с этой точки зрения имеет хорошие перспективы. Мы знаем, что по поводу будущего Европы существуют пессимистические прогнозы. Я вас уверяю, что они не оправданны. Мы начинали глобализацию, мы ее отцы-основатели, и в этом смысле можем вести за собой, действовать. Европа будет состоять из осей: например Средиземноморье–Африка, Северная Америка — Южная Америка и др. Так же и на евразийском континенте будут разнонаправленные оси, например вертикальная — с Севера на Юг. И может быть, то, о чем я сказал, поможет нам решить проблемы, которые стоят перед нами, и построить безопасное, стабильное будущее.

Х. А. МАРК: — Спасибо большое. Мы сделали обзор глобальной ситуации. Переходим ко второй стадии. Мы говорим о вопросах стабильности, но признаем, что есть угрозы и вызовы. Хочу спросить наших участников, какие два вызова, с их точки зрения, представляются наиболее принципиальными и почему они отмечают именно их. Пожалуйста, господин Акаев.

А. А. АКАЕВ: — Конечно, самый главный вызов — это развал геополитической устойчивости. Нужна политическая воля лидеров, которая сможет дать адекватный ответ этим вызовам. В качестве примера я хочу привести проблему Сирии, о которой мы говорили. Политическая воля России, Турции, Ирана — это очень позитивный пример того, как партнерство трех государств позволило стабилизировать ситуацию в Сирии. Конечно, еще надо пройти долгий путь до окончательного разрешения проблемы, установления мира, национального примирения и дальнейшего успешного развития страны. Ведь Сирия была одним из самых процветающих государств Ближнего Востока. Надеюсь, она снова станет таким же притягательным для туристов и бизнесменов государством. Но теперь нужна политическая воля государства. Если другие страны не будут мешать этому процессу, мне представляется, что партнерство России, Турции и Ирана позволит довести проблему Сирии до окончательного разрешения. Надеюсь, что это вскоре произойдет.

Второй важный вызов, на мой взгляд, — это, конечно же, неравенство. Здесь наш коллега, лидер российских профсоюзов, один из лидеров мирового проф-

союзного движения, очень хорошо сказал, что миру сегодня требуются решительные меры, чтобы обеспечить справедливое распределение доходов в обществе. Тут тоже нужна воля лидеров. Приведу лишь один пример из истории Соединенных Штатов Америки: в 1930-х годах была Великая депрессия, но появился великий президент Рузвельт, который смог решить эту проблему. В то время в Америке сформировался мощный средний класс. Сегодня там среднего класса практически нет, мы видим поляризацию богатых и бедных, фантастическую концентрацию капитала в руках небольшого числа семейств, о которых говорил наш коллега. Мне кажется, главный вывод, которому должны уделить внимание и политические лидеры, и все мировое сообщество, — это, конечно же, справедливое распределение доходов.

Несколько лет назад нобелевский лауреат Джозеф Стиглиц сказал, что если американское правительство не будет решать проблему социального неравенства, неравенства доходов, то вторая великая социалистическая революция произойдет в 2017 году в Вашингтоне и Нью-Йорке. 2017 год еще не закончился, подождем. Думаю, это один из главных вызовов, на который все правительства мира, все лидеры должны обратить внимание в первую очередь, потому что проблема поляризации мирового сообщества на богатых и бедных, конечно, уже перешла все мыслимые границы. И поэтому сегодня востребован Карл Маркс, как мне кажется, это самый читаемый деятель прошлого. Все читают его «Капитал» и пишут о том, что раскрытые им проблемы снова актуальны в XXI веке.

Х. А. МАРК: — Спасибо большое. Теперь мы попросим господина Дегардена ответить на вопрос, каковы, с его точки зрения, два главных вызова.

Б. ДЕГАРДЕН: — Прежде всего мы видим очень быстрый рост населения, замедление экономического развития, низкую производительность труда. И это, с моей точки зрения, главный вызов. Кроме того, существуют противоречия, разрыв между молодым и более старшим поколениями. Так как мы находимся в университете, думаю, целесообразно поговорить об образовании.

Например, сегодня в Америке население составляет более 300 млн человек, из них 30 млн — неграмотные. Во всех странах на образование выделяется 5,8 % от ВВП, и нам нужно повышать этот показатель. Наиболее развиты с точки зрения вклада в образование Скандинавские страны — 7,8 %. Мы видим, что в результате такого подхода неравенство в Скандинавии ниже, потому что там выше уровень образования. Мы больше не можем в разных странах вести ту же политику, что вели до сих пор, так как это приводит к сокращению количества образованных людей и росту процента неграмотных, которым трудно найти работу и, естественно, тяжело жить в таких условиях. То, о чем я говорю, касается не только развитых стран, но и развивающихся. В Африке, например, треть населения не получила начального образования. Может быть, кто-то верит в потенциал Африки, но не я. Мы можем

вернуться к этому вопросу, когда для африканцев образование будет ключевым аспектом.

Второй вызов, с моей точки зрения, касается старения населения Земли. Да, по сравнению с несколькими десятилетиями назад рост населения значительный, но ситуация меняется. Как вы знаете, если мы хотим поддерживать стабильный прирост населения, нужен 1,0 ребенок на женщину. Сегодня во многих странах такого нет. Например, в Италии, Испании, Германии этот показатель составляет 1,4–1,6 детей на женщину. В то же время 25 % женщин вообще не имеют детей, а 25 % имеют только одного ребенка. И это ключевой момент с точки зрения будущего, стабильности. Потому что если мы имеем 1,5 ребенка на женщину, тогда население сокращается на 25 % за жизнь одного поколения. В России менее чем за 20 лет количество населения сравнялось с численностью граждан Турции. Так как мы говорим о геополитике, то нам нужно об этом подумать.

Если речь идет о старении населения, то мы должны создать систему, при которой на содержание пожилого населения будет выделяться как минимум 11,2 % ВВП. Немного больше выделяют западные страны — до 17 % в отдельных странах ЕС. Стоимость жизни растет по мере старения. Надо проводить грамотную политику в отношении молодого поколения, прежде всего выделять на образование 5–6 % ВВП. Далее пенсионная система: 12 % должно быть затрачено на выплату пенсий. А сейчас недофинансирование пенсионной системы в Европе приобрело гигантские размеры. Мы не платим в эту систему личные средства и не можем их получить, выходя на пенсию, потому что пенсионная система не работает. Плюс ко всему сейчас на военные нужды тратится от 1 до 6 % ВВП. Правительства должны учитывать все эти моменты и выстраивать такую политику, которая нацелена на будущее.

Х. А. МАРК: — Спасибо, господин Дегарден. Кажется, Вы показали нам реальную картину и, наверно, убедили наше молодое поколение, что в России надо создавать большие семьи и провести вторую сексуальную революцию. Если в 1968 году был лозунг «Занимайтесь любовью, а не войной», то сейчас нужно призывать как можно больше рожать детей. Передаю слово господину М. В. Шмакову, чтобы он нам рассказал о двух главных вызовах.

М. В. ШМАКОВ: — Прежде всего я согласился бы с последними словами нашего ведущего о том, что вместо пустых заседаний на всяких правительственных форумах лучше перейти к решению демографической проблемы на практике. Я давно это предлагал. Кроме шуток, мы видим действительно угрожающую демографическую ситуацию в России. Прежде чем сказать, как предложено, о двух главных вызовах, на которые нужно обратить внимание, хотелось бы сделать одно замечание по поводу постоянно эксплуатируемого всеми экономистами тезиса о производительности труда.

Мы до сих пор не договорились о том, что понимать под этой дефиницией. Каждый считает по-своему

и при этом получает разные цифры, иногда такие, которые он хочет получить. Если мы будем считать производительность труда в заработной плате, то в Российской Федерации она в пять раз выше, чем в Соединенных Штатах Америки. Если мы будем считать производительность труда в единицах произведенного товара, то это напрямую будет зависеть от технологий, и если технология старая, то производительность низкая, если технология современная, то производительность высокая. А выводы делаются прямо противоположные, причем часто они используются тем или иным правительством и в политических, и самое главное — в прогнозно-экономических целях. Я настаиваю, что мы у себя в стране должны договориться о едином понимании производительности труда, чтобы все были согласны с этой оценкой. Иначе это просто пустой звук, который используется только в пропагандистских целях.

Теперь о двух главных вызовах. Все-таки я на первое место поставил бы философию парадигмы будущего развития мира. Мы уже говорили о том, что находимся на переломе: старая парадигма развития подошла к своему пределу, а новая еще не сложилась. Это большая философская задача, из которой вытекает все остальное, включая пенсионное обеспечение, создание рабочих мест, развитие экономики в тех или иных регионах. Это все следствия главного вопроса, на который мы здесь должны найти ответ и в целом мировая философия должна дать ответ и рецепт. Я уже привел пример, что 150 лет назад Маркс предложил свой рецепт. Что-то подтвердилось жизнью, что-то нет, тем не менее нужны новые формулировки и новые цели, которые человечество должно поставить перед собой.

Второй главный вызов — это, как я уже сказал, справедливое распределение произведенного продукта. Здесь надо отметить следующее: мы обсуждали тему страха как философского понятия, как побуждающего фактора, который влияет на действия людей и правительств. Так вот, результатом страха, который мир пережил 100 лет назад во время русской революции, в том числе и в экономическом, и в социальном плане, стало создание в 1919 году Международной организации труда. Этот новый гениальный механизм позволил согласовывать интересы различных слоев населения — и предпринимателей, и правительств, и трудящихся, для того чтобы вне революционного процесса приходило к каким-то общим выводам и действиям. На сегодняшний день этот механизм является универсальным: все конвенции и рекомендации Международной организации труда в той или иной степени приняты разными странами. И на этой основе МОТ может стать одним из элементов построения справедливого мира.

В рамках этой общей концепции профсоюзы настояли на своем участии и придании трехстороннего характера различным международным объединениям. Так, «Большая двадцатка» на сегодняшний день носит трехсторонний характер, потому что там собираются руководители стран, лидеры бизнеса и активисты профсоюзов, которые формулируют свои предложения по тематике заседаний. И вот недавно предложе-

ния профсоюзной стороны переданы для рассмотрения на встрече лидеров стран, которая пройдет в Германии в этом году. Тот же самый механизм по настоящему профсоюзов сейчас создан, но пока не получил полного легитимного признания в рамках БРИКС. То же самое мы предлагали в рамках ШОС, проекта «Новый Шелковый путь», но столкнулись с противодействием, прежде всего с китайской стороны. Как видим, это непростая задача. При всей пропагандистской риторике разных государств о том, что они хотят процветания для своего народа, они не всегда реально соглашаются на то, чтобы прислушиваться к своим же гражданам. Это и есть вызов. Но в то же время это рецепт, который на сегодняшний день срабатывает.

Х. А. МАРК: — Я хотел бы передать слово господину Багису.

Э. БАГИС: — Я уже отметил, что перед глобальной дипломатией стоят очень серьезные задачи. Прежде всего нам нужно обеспечить справедливость, которая сегодня необходима миру. Господин Моратинос сказал, что нам нужен порядок. Я на 100 % согласен. И ООН, конечно, — это самая важная организация. Но мы знаем, что большинство организаций, входящих в ООН, принимаются не Генеральной Ассамблеей, а Советом Безопасности, где участвуют пять постоянных членов, имеющих право вето на любое решение. А, например, такая мощная держава, как Индия, не представлена в Совете Безопасности ООН, как и Германия, главный двигатель промышленности. И многие передовые страны мира также не представлены в Совете Безопасности. Так что справедливость часто отсутствует, а это создает проблему доверия Организации.

Я согласен с господином Дегарденом, что образование — это очень важная проблема и мы должны ее решать. И чем выше будет интеллектуальный уровень людей, тем легче перейти к философии как главной парадигме, как было сказано. Но без образования мы не сможем заставить людей понимать значение философии.

Хочу обратить ваше внимание еще на одну проблему — необходимость децентрализации процесса принятия решений. У нас есть привычка все централизовать. В частности, мы считаем, что ООН — это центр принятия всех важных решений в мире, а Европейский Союз — центр решения всех европейских проблем. И каждая страна тоже имеет свой центр, где решаются все проблемы страны, ее граждан. Но люди живут в своей местности, в то время как решения навязываются из центра более высокого уровня. Поэтому нам необходимо обеспечить децентрализацию процесса принятия решений, и это окажет прямое, непосредственное воздействие на жизнь людей.

Например, вы живете в Санкт-Петербурге, а решения по проблемам этого города принимаются либо в Москве, либо в Нью-Йорке, либо в Брюсселе. И эти решения не могут вызвать у жителей города такое же отношение, как если бы они были приняты непосредственно на месте. В то же время нам нужно обеспе-

чить централизацию, то есть принять централизованные правила и нормы для борьбы с терроризмом, для обеспечения справедливости. Но необходим и локальный оттенок, локальную специфику надо учитывать. Мы живем в таком мире, в котором мнение каждого человека должно учитываться. У государств больше нет возможности принимать решения о судьбе своих граждан. Это можно обеспечить только за счет локализации.

Х. А. МАРК: — Большое спасибо, господин Багис. Передаю слово господину А. А. Панкину.

А. А. ПАНКИН: — На мой взгляд, два самых главных вызова связаны с теми проблемами, о которых мы здесь говорили: первое — это происходящая эрозия, кризис многосторонности и международного права, и второе — отсутствие четкой и ясной парадигмы развития и оказания помощи. Что касается кризиса многосторонности: если мир сравнить с организмом, у которого развивается болезнь или имеются хронические заболевания, то ему, наверное, нужен консилиум, а не один суперврач, который умеет и хирургическое вмешательство осуществлять, и терапию с профилактикой проводить. Но даже не всякий консилиум, состоящий из доверяющих друг другу врачей, может вынести правильное решение. Вот тогда и будут востребованы и Организация Объединенных Наций, и ОБСЕ, и другие международные площадки. Организация Объединенных Наций настолько сильна или слаба, насколько сильны или слабы ее государства-члены, сама по себе это только площадка, она как таковая не самостоятельный игрок, игроком ее делают государства-участники. Если Совет Безопасности будет состоять из 25, 30, 45 человек, он не станет эффективнее, пока не будут преодолены разногласия, базирующиеся, видимо, на фундаментальных или текущих интересах.

Конечно, очень важный аспект — это сохранение государственности стран-членов, потому что мы видим множество примеров, как вроде бы благое вмешательство для борьбы с диктатором, притесняющим своих граждан, разрушает государственную систему и приводит к пароксизмам. Это было в Ливии, Йемене, Ираке, это происходит в Сирии. Можно назвать это «расчлененкой» государств и лишением их государственности. Это страшно. Причем разрушение не только путем военного и иного вмешательства, но и путем эрозии прав и обязанностей государств, потому что кроме как государству обеспечить своим гражданам права некому. Ни транснациональные корпорации, ни гражданское общество, которое претендует быть совестью народной, не имеют возможностей и инструментов это делать.

Теперь что касается парадигмы развития. Образно говоря, что, может быть, нехарактерно для дипломатического языка, в западных странах сложилась ситуация, когда из трехзвездочного отеля все пытаются сделать четырехзвездочный, а потом пятизвездочный, дальше угнаться за теми, у кого шесть звезд. Но они забывают, что вокруг них трущобы и что их жителям нельзя

только грузовики с едой отвозить, трущобы надо расчищать и облагораживать, проводить зонирование территории. Если представить себе мир как единственную строительную площадку, и вы сами не хотите выбрать себе соседа, то, конечно, надо думать не только о переселении с трех звездочек до пяти, как у соседнего отеля, но и о том, чтобы ликвидировать трущобы, занимающие большую часть пространства. Тогда не будет проблем миграции, ослабнут проблемы криминалитета, исчезнет вакуум.

Х. А. МАРК: — Спасибо, господин Панкин. Теперь слово предоставляется господину Моратиносу.

М. А. МОРАТИНОС КУЙАУБЕ: — Я разделяю мнение экс-президента Кыргызстана Аскара Акаева о том, что существуют две основные проблемы. Первая — это мир, вторая — неравенство. Что касается мира, то в последнее время мы все реже говорим о нем. Сегодня у всех на слуху дипломатическая терминология, которая касается обеспечения и усиления безопасности. Но если будет мир, то будет и безопасность. А если мы только будем выражать свою обеспокоенность относительно безопасности, у нас мир не установится. Мы должны думать о решении проблем на Ближнем Востоке, в Сирии, но самое главное — это положить конец перманентному конфликту между Палестиной и Израилем. От этого будут зависеть и дальнейшие действия международного сообщества. Значит, если мы хотим решить проблемы на Ближнем Востоке, нам нужно прежде всего разрешить кризис между Палестиной и Израилем.

Что касается неравенства, то у него есть два уровня — национальный и международный. Неравенство на международном уровне касается бедности, голода и т. д. И сегодня абсолютно неприемлемо, что 900 млн жителей Земли умирают от голода. Сейчас, пока мы здесь разговариваем, каждые пять секунд от голода умирает ребенок. Существуют другие очаги нестабильности в самых разных странах, и это тоже должно решаться на международном уровне. Но никто не говорит о неравенстве на национальном уровне. Например, я раньше рассуждал о неравенстве, несмотря на то что являюсь социал-демократом, и премьер-министр Великобритании с самого начала говорила, что мы боремся с неравенством (тем самым она показала, что очень либеральна). То же самое сказала госпожа Меркель, например, в Китае. Неравенство существует в сфере распределения доходов. Какие-то показатели растут, какие-то падают, какие-то замораживаются — это видно по нашим долгам в экономике. Поэтому для того, чтобы преодолеть неравенство, нам нужна грамотная политика и те, кто сможет разделить ответственность. Должен быть лидер, который сможет нести главную ответственность по борьбе с неравенством. И нужна политическая повестка дня для того, чтобы достичь этих целей.

Х. А. МАРК: — Спасибо большое, господин Моратинос. Переходим к заключительной части нашей дискуссии. Пожалуйста, выберите свой приоритет

и представьте нашей публике самый главный подход, который нужно реализовать для улучшения жизни в мире.

А. А. АКАЕВ: — Мое самое главное предложение касается парадигмы будущего развития. Она есть, только ее надо пропагандировать. Эту парадигму сформулировали три великих русских ученых — Владимир Иванович Вернадский, Пилирим Александрович Сорокин, профессор Гарвардского университета, и Никита Николаевич Моисеев, которые считали, что будущее — за гуманистически-ноосферным интегральным строем и цивилизацией. Давайте пропагандировать всему миру, что это и есть единственная, как я считаю, парадигма будущего процветающего устойчивого развития мира в XXI веке.

Б. ДЕГАРДЕН: — Самое главное — развитие технологий. Мне нравится то, что сказал Шимон Перес: революция, которую создал Facebook, более важна, чем коммунистическая революция, произошедшая 100 лет назад. Технологии должны развиваться. Уверен, что так и будет, потому что во всем мире все больше людей работают над изысканиями, исследованиями. Будет создаваться все больше инноваций. Нам нужно учиться пользоваться ими, работать с ними, если хотим снизить неравенство. И, конечно, мы должны думать о будущем государств. Сейчас стали говорить о конкуренции с роботами, но нам не нужно соревноваться с ними, нам нужно внедрять образование, производить его реконверсию, реформатирование. Мы не должны бояться глобализации, это один из наших шансов на будущее.

М. В. ШМАКОВ: — Я тоже обращусь к сфере глобализации. Для того чтобы глобализация была справедливой и успешной, необходимо принять международные правила поведения для транснациональных корпораций и с помощью ООН заставить их эти правила выполнять.

Э. БАГИС: — Господин Дегарден упомянул Шимона Переса. Есть еще одно заявление этого политического лидера, которое мне очень нравится. Он сказал, что миру необходима приватизация, его нужно приватизировать. Нам нужно найти экономические модели, которые обеспечат такую ситуацию, когда мы сможем преодолеть неравенство, бедность и т. д. А для того, чтобы достичь всех поставленных нами целей, прежде всего необходимо реформировать ООН.

А. А. ПАНКИН: — Думаю, что необходимо ужесточение регулирования финансовых рынков, особенно спекулятивных, из-за которых разбалансирована вся финансовая система. Все больше денег тратится на «мыльные пузыри», которые потом лопаются, а реальная экономика становится все более оторванной от финансовой системы. Отсюда и колебания на фондовых рынках, и скачки валютных курсов, и огромные сопровождающие их потери, особенно для мелких и средних стран.

М. А. МОРАТИНОС КУЙЯУБЕ: — Нужна новая повестка дня. Мы должны понимать, в чем причины конфликтов. 193 страны должны собраться и одобрить новую повестку дня, касающуюся развития прогресса. В эту повестку должна быть включена борьба с бедностью, голодом. Новая повестка дня будет касаться экономического развития, индустриализации и т. д. И мы можем сделать это реальностью, найти ответы, в том

числе с помощью «Большой двадцатки», которая соберется и примет эту повестку.

Х. А. МАРК: — Большое спасибо всем участникам за высказанные мнения. Думается, ситуация должна улучшиться, так как мы услышали здесь оптимистические мысли и прогнозы.

Панельная дискуссия ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР: СИСТЕМНЫЕ СДВИГИ, ВЫЗОВЫ И КОНТУРЫ БУДУЩЕГО

19 мая 2017 г. Театрально-концертный зал им. А. П. Петрова СПбГУП

Выступающие:

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН (<i>модератор</i>)
П. ДУТКЕВИЧ	директор Центра изучения государственного управления и общественной политики Карлтонского университета (Канада), доктор философии, профессор
Г. В. КОЛОДКО	вице-премьер, министр финансов Польши (1994–1997, 2002–2003), директор Исследовательского института Университета Леона Козьминского (Варшава), иностранный член РАН
А. Д. НЕКИПЕЛОВ	директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, Почетный доктор СПбГУП
В. Н. ПЛИГИН	член Высшего совета Всероссийской политической партии «Единая Россия», ведущий научный сотрудник сектора теории права и государства Института государства и права РАН
Т. ТЮРКЕР	директор Исследовательского центра по изучению Евразии, России и Восточной Европы, профессор, доктор факультета политологии в Университете Анкары (Турция)
Я. А. ШОЛТЕ	профессор кафедры исследования проблем мира и развития Гётеборгского университета (Швеция)

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, прошу сосредоточиться на предложенной к обсуждению теме дискуссии «Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего». В мире происходят системные сдвиги. Мы хотели бы обсудить вызовы, встающие перед мировым сообществом сегодня, наметить контуры будущего.

Господин Дуткевич, ученый с мировым именем, один из ведущих экспертов Валдайского клуба, бросил нам всем интеллектуальный вызов, который сформулирован в тематике Чтений. Прошу инициатора такой постановки вопроса высказаться первым.

П. ДУТКЕВИЧ: — Я выделяю шесть системных сдвигов. Первый: отделение власти от политики, имеющее последствия в переосмыслении роли государства, суверенитета, элит. Второй: регионализация — глобализация нового типа, в котором регионализация играет важную роль. Третий: мультиполярный мир, формирование новых центров власти и богатства. Четвертый: глобальная элита отчуждается от своих обществ, последствием чего являются новые социальные движения, такие как ДАИШ, популизм, рост социальных бунтов, проявляющихся в новых формах недовольства властью. Пятый: *hypercrisis* (рус. «притворство»), когда практически все врут всем, не существует доверия как на государственном, так и на международном уровне (это типичная *Realpolitik*, когда проблема перего-

воров занимает главное место). Шестой: нас парализует страх перед новым, будущим, вместо того чтобы думать о том, как преодолеть его. Я назвал шесть черт новой системы, в которой мы будем жить, по Валлерстайну, 40 лет, по Стиглицу — 20.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Господин Дуткевич, расскажите более подробно о первой, четвертой и пятой проблемах.

П. ДУТКЕВИЧ: — Первая проблема — отделение власти от политики. Власть в политическом плане может обещать сдвиги, например в экономике, но в реальности ничего не происходит, потому что политика — местная, национальная, а экономические проблемы — глобальные. Поэтому Греция, например, выступая против несправедливости в отношении нее, тем не менее просит денег у Брюсселя. Премьер-министр Греции А. Ципрас левого толка, может многое пообещать, но выполнит лишь 10 % от того, что обещает. Во всем мире наблюдается то же самое: Трамп, Макрон и пр.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Но в этом нет популизма.

П. ДУТКЕВИЧ: — Популизм — это последствия, а не причины. Причина популизма — страх перед будущим, люди чувствуют, что что-то не так. Элиты нам лгут: они не знают, в каком направлении двигаться

ся дальше, а говорят, что знают. В этом и заключается проблема доверия к основным рыночным институтам, когда после кризиса мы перестали доверять государству, банкам и другим институтам, на которых основана рыночная экономика.

Несколько слов о четвертой проблеме. Элиты живут в своем мире и за последние 30–40 лет достигли очень многого: разбогатели, стабилизировались, полностью сосредоточили власть в своих руках. Они забыли о том, что существуют простые люди, и превратили человека в потребителя, а не в гражданина. Эта метаморфоза, когда человек превращается в потребителя и с помощью рекламы ему можно доказать все что угодно, — провал элит: они чувствуют, что отчуждены и уже не в силах управлять. Элиты живут в своеобразном «мыльном пузыре» и боятся этого.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Позволю себе задать вопрос господину Колодко. Польша — одна из немногих стран Европы, где экономическая ситуация более или менее стабильна по сравнению с другими странами. За последние десятилетия наметилась позитивная динамика. Но в польском обществе возникло напряжение, преобладают конфликтность, конфронтация, сталкиваются влиятельные силы. Почему сложилась такая ситуация: в экономике Польши все неплохо, а политическая жизнь столь напряженная? Если говорить о Польше, Евросоюзе и мире в целом, что меняется?

Г. В. КОЛОДКО: — У Польши своя специфика. Применительно к Польше, как и ко многим другим странам, старый системный анализ уже не работает — нет левых и правых, наблюдается смешение систем. Экономическая политика польского правительства слишком либеральная, это социальное правительство в том, что касается экономики, но в других областях — консервативное. То же самое происходит в США, Турции, Франции. В Польше, как и в других странах, отсутствует доверие к элитам — это реакция на плохой истеблишмент. Популистские настроения в нашей стране получают распространение, причем это экономический популизм — как ответ на неудачи неолиберальной политики. Неолиберализм предполагал, что богатые будут становиться еще богаче за счет большинства, бедных людей. Новый национализм не получит распространения ни в США, ни в Польше, ни во Франции. Я считаю, что продвижение вперед обеспечит новый прагматизм. Итак, в Польше сложилась более или менее стабильная экономическая ситуация по сравнению с тем, что было в нашем государстве и что имеет место в других странах. Однако политическая ситуация крайне напряженная.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Александр Дмитриевич, какие системные проблемы Вы можете назвать?

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Я, как экономист, постараюсь ответить с экономической точки зрения. На Лихачевских чтениях много говорилось о серьезных сдви-

гах в политической и ценностной системах. Мы наблюдаем кризис либеральной модели глобализации. Развитие технологий, колоссальный прогресс сопровождаются следующими тенденциями: взаимное сотрудничество развивается значительно быстрее, чем происходит экономический рост, наиболее развитые страны превращаются в сервисные экономики, перемещая основное производство в реальный сектор экономики с дешевой рабочей силой и т. д. Признавалось существование определенных проблем, но считалось, что выгоды в будущем значительно перекроют издержки и проблемы носят текущий характер.

Сегодня в результате кризиса в финансовой сфере, произошедшего в 2007–2009 годах, сложилась ситуация, когда странам, считавшимся основными двигателями процесса либерализации, приходится переосмысливать стоящие перед ними задачи. Кризис либеральной модели показывает, что мы недооценили роль государства. Мы предполагали, что рынок — это идеальный механизм для выявления предпочтений людей, и поэтому все остальные проблемы так или иначе будут решены. Но оказалось, что рынок выявляет только ту часть предпочтений, которые ориентированы исключительно на собственное благополучие. Выяснилось, что люди привязаны к своей среде, системе ценностей, своему государству. Изменение интересов обуславливает длительный период формирования новых правил и изменение конфигураций стран, региональных объединений и т. д.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Господин Плигин, на Ваш взгляд, существующая система — западная, российская или восточная — исчерпала себя?

В. Н. ПЛИГИН¹: — Существующая система переживает определенную трансформацию. Несомненно, система взглядов, которой мы оперировали в течение последнего времени, должна модифицироваться. Потому что традиционные фундаментальные концепции, прежде всего концепция суверенитета, должны быть заменены новыми. Правда, элиты часто не готовы к формулированию новых концепций суверенитета, происходит даже обратное движение, например в случае с международными образованиями и организациями.

В фундаментальной теории — концепции прав человека, которая определяла развитие во второй половине XX века, — начинают происходить сдвиги. Концепция прав человека, возникшая на основе страха, который породили Первая и Вторая мировые войны, начинает забываться, становится все сложнее выработать подходы, потому что государства не понимают неграждан, которые появляются на их территории.

¹ Член Высшего совета Всероссийской политической партии «Единая Россия», ведущий научный сотрудник сектора теории права и государства Института государства и права РАН, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ. Депутат Государственной Думы РФ IV–VI созывов. Автор ряда публикаций в сфере правоправедения, в т. ч.: «Признание и принудительное исполнение иностранных судебных решений в странах ЕС и ЕАСТ», «Управление государственным имуществом» (в соавт.) и др. Награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени, орденом Почета.

Происходит процесс перехода количества в качество. За последние 50–60 лет население планеты увеличилось на 4 млрд человек. Естественно, что теперь не работают схемы регулирования, которые предлагались ранее, нужно выработать новые подходы или определить новые схемы власти.

Назову четыре сдвига, или мегатенденции, современного мира. Первая мегатенденция — рост индивидуальных возможностей. Технологические изменения, происходящие в мире, предоставляют возможности для роста возможностей. Вторая — демографические тенденции. Третья — зависимость от изменения климата (продуктов питания, водоснабжения, энергии и пр.). Четвертая — распространение влияния.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Что думает по этому поводу профессор Гётеборгского университета господин Шолте?

Я. А. ШОЛТЕ: — Мы наблюдаем общий системный сдвиг — усложнение. Формируется общество, где взаимодействует много сил, поэтому будущее трудно предсказать, управлять им, выстраивать политику. Приведу пример. С точки зрения географии раньше мы говорили о странах, теперь — о локальных местах, регионах, глобальных пространствах. Национальные, региональные, глобальные, локальные пространства взаимодействуют с правительством. Мы раньше полагали, что это некая регуляторная база, которую формирует государство. Теперь на регуляторную базу влияют многие акторы: инженеры, академики, межправительственные организации, бизнес и т. д. Создавать правила в современном мире очень сложно, а управлять этой сложной системой еще труднее. Если мы научимся управлять новым сложным миром, то решим часть проблем.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Александр Дмитриевич, как Вы считаете, экономика — это базис, а все остальное — надстройка? Экономика определяет все, что существует в обществе?

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Я долгое время считал именно так, но сейчас думаю иначе. Различные социальные науки заняты анализом не отдельных секторов социума, а представляют разный взгляд на один и тот же предмет — социум. В этом смысле для экономиста принципиально важна проблема ценностей, потому что ценности влияют на поведение людей, в том числе хозяйственное. Также для экономиста важны организация политической системы и характер принятия решений. Групповой выбор является ключевой проблемой не только политологии, но и экономики. Эта проблема во многом определяет состояние неустойчивости, которое сейчас характерно и для мировой, и для национальной экономики.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Что имеется в виду под проблемой группового выбора?

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — До определенного времени считалось, что индивидуальные предпочтения

людей можно интегрировать и тем самым получить функцию групповой или общественной (в зависимости от того, какую группу мы рассматриваем) полезности. В свое время Кеннет Эрроу совершил революцию, когда показал, что не существует перехода от индивидуальных предпочтений к групповым. Тем не менее группы существуют (мы все являемся членами многих групп), работают, принимают решения, живут, умирают и т. д. Ситуация осложняется тем, что точка согласования интересов членов группы зависит от правил игры, которыми они руководствуются. Но правила игры тоже есть результат их согласия или несогласия. Д. Бьюкенен в свое время назвал это явление бесконечной регрессией. Возможно разное отношение к интересам. Одним кажется, что интересы группы заключаются в одном, другим — в другом, а объективного ответа на этот вопрос нет. Ситуация игровая и очень подвижная. Когда правила игры оказываются под вопросом (а именно это, как мне кажется, главное), возникают сложности перехода к формулированию, во-первых, новых правил и, во-вторых, интересов. Это болезненный процесс, например в США сегодня ведутся жаркие споры о национальных интересах.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Рынок в экономике как одна из подсистем демократии перестал работать. В классическом виде его больше не существует. Маркс полагал, что потребности производятся так же, как и продукты. В современном обществе потребности навязываются, во многом они являются продуктом манипуляции сознанием.

Хочу обратиться к профессору Колодко с вопросом: является сегодня экономика базисом развития общества или есть другие мощные и конкурирующие с экономикой факторы?

Г. В. КОЛОДКО: — Наша экономика сегодня связана с международными акциями и неотделима от них. И на нее влияет не удовлетворение потребностей, а смешанные факторы, если мы говорим о социуме. То, что сегодня происходит в мире, — не конвергенция. И если мы говорим о будущем, то система должна быть способна к диверсификации. Речь идет не о либеральной демократии, а о государственном капитализме и т. д. У национальных корпораций, правительственных организаций, бизнеса должен быть общий интерес, интеракция — взаимоотношения, основанные на обмене информацией, которая будет использоваться не для манипуляций и не в интересах только элит. Ситуация становится все более конфликтной.

Нужно проанализировать исследования, общественную деятельность, обратиться к науке — может быть, там мы найдем ответы на вопрос, как разрешать конфликты, прежде чем они станут неуправляемыми. Конфликтология становится наукой, которую изучают в университетах. Внимание общества концентрируется на вопросе, как научиться преодолевать конфликты. Это свидетельствует, с одной стороны, о расслоении общества, с другой — о поисках путей преодоления разделения.

На сегодняшний день рано говорить о предреволюционной ситуации. Речь идет об опасностях, связанных с неясностью будущего, но не об альтернативе, каким путем идти. Следует помнить, что в США, России и Турции разные системы.

Идея нового национализма — объединить идеи Путина, Трампа или Ле Пен. Но применение легальных подходов влечет риски, потому что за ними может последовать популизм. Нужно провести глубокую переоценку, в том числе официальных идей.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Многие юристы, с которыми я беседовал в ходе подготовки к сегодняшней встрече, говорят, что сначала нужно решить простые проблемы: должно работать международное право, необходимо решить проблему суверенитета (существует коллизия, связанная с правом нации на самоопределение) и проблему совершенствования ООН. Договоримся о совершенствовании ООН — и наступит идиллия. Дескать, накопилось много противоречий, и после того как мы их обсудим на форуме «Хельсинки-2» (условно говоря), все начнут соблюдать международное право. Я сомневаюсь в том, что это возможно. Потому что если кто-то не соблюдает международное право и не хочет договариваться, это не случайно. Более того, совсем не понятно, кто должен договариваться

Кто творит мировую политику сегодня? С кем можно договариваться? Если сложно договориться, то почему?

В. Н. ПЛИГИН: — Право — материя, которая быстро исчезает, если в ней нет потребности или если эта потребность нечетко сформулирована. В настоящее время международное право рассыпалось. То же самое произошло и во время революции 1917 года (Санкт-Петербург — город двух революций), понадобилось несколько лет, чтобы вновь появилась потребность в праве.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Может быть, для того чтобы все договорились, нужна революция или война?

В. Н. ПЛИГИН: — Премьер-министр одной страны однажды на закрытом круглом столе сказал следующую фразу: «Два источника развития мира исчезли: один — войны, второй — эпидемии. Хорошо, что это произошло». Мировая война уже невозможна.

В настоящее время, к сожалению, мы по ряду ментальных причин не готовы откровенно говорить о проблемах. Я пытался обсуждать проблемы Средиземноморского региона. Некоторое время назад там каждый день гибли сотни людей, которые пытались на лодках добраться из стран, где бушуют конфликты, до другого берега. Для того чтобы эти люди доплыли до берега, нужно было построить небольшое количество маломерных судов, которые спасали бы людей в Средиземном море.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — И потом вывезли бы всю Африку в Европу...

В. Н. ПЛИГИН: — Вы сейчас назвали главную причину, почему этого не произошло. Готовы ли мы спасти? Это необходимо делать, потому что мы подписали Всеобщую декларацию прав человека. Если бы причины были понятны и точно сформулированы, то нашлись бы ответы. Но это потребовало бы долгих договоренностей.

В частности, одна из причин — технологические изменения, например появление скайпа. В настоящее время в мире насчитывается 300 млн мигрантов, которые раньше каждый год возвращались в свои страны. В настоящее время эти 300 млн человек живут в других странах безвыездно, потому что они общаются с собственной семьей по скайпу и им больше не нужно ездить домой.

Таким образом, пока мы не понимаем причин явления, то не готовы о них честно говорить. Что делать с ребенком, который находится в лодке в Средиземном море? Почему мы его не спасаем? Потому что мы не готовы забрать этих людей в другой мир.

Технологические явления будут развиваться таким образом, что мир станет глобально более понятен, прозрачен, но, к сожалению, менее притягателен. Поэтому придется жить в пестром и неоднородном мире с рекламой.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Господин Тюркер, Турция территориально находится между Востоком и Западом, так же как и Россия. Турция много лет стремилась вступить в Евросоюз. Но сейчас мы наблюдаем колоссальные противоречия между Турцией и Евросоюзом. Ранее, когда Турция стремилась в ЕС, она была готова подчиниться законам Евросоюза и считала Западную Европу примером для себя. Рассматривает ли сегодня Турция Евросоюз как модель своей будущей жизни? Если нет, то почему Турция перестала считать Западную Европу примером? Чего касаются расхождения — ценностей, подходов, конкретной исторической ситуации? Вообще, может ли Запад сегодня считаться примером или он утрачивает свои лидирующие позиции?

Т. ТЮРКЕР: — Турцию и Россию объединяют нобелевские лауреаты, концепции Запада и Востока. В XIX веке во всем мире восхищались модернизацией, а Россия, где тогда велись споры между славянофилами и западниками, демонстрировала пример классического отношения. Турция в то время не участвовала в этих спорах, то есть была не в мейнстриме. Россия всегда пыталась найти ответ на этот вопрос. Она была частью Запада, но пыталась идти по другому пути. Турция изначально предпочла войти в западную систему. Разница между Россией и Турцией — в восприятии этого вопроса. Только один период не соответствует этой модели — эпоха Александра III и Николая II. В данном случае речь идет о системной модели, что и интересует Турцию в Европе. С точки зрения геополитики у Турции нет проблем с Евросоюзом, Турция хочет идти по пути европейского развития. А Россия, о чем говорил еще А. И. Герцен, стремится найти собственный путь развития.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Россия считает, что она — настоящая Европа и что идет по европейскому пути развития, а то, что происходит в Западной Европе, — неправильный путь. Что сегодня не устраивает Турцию в Евросоюзе? Или Евросоюз абсолютно во всем является для нее примером?

Т. ТЮРКЕР: — Турецкую элиту волнует, что произойдет после выхода Великобритании из ЕС. Но в общем Турция находится на европейском пути развития. Хочется также отметить, что между турецким и российским президентами сложились прекрасные отношения, что мы приветствуем. У наших президентов есть общая черта — они рассматривают этот путь с реалистической позиции.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Господин Тюркер, как дипломат, уклоняется от ответа на вопрос. Господин Шолте, как Вы прокомментируете то, что было сказано, что показалось Вам наиболее интересным?

Я. А. ШОЛТЕ: — Мы говорим с точки зрения отдельных стран — так думают Турция, Россия, Польша и др. Я считаю, что в современном мире все стало гораздо сложнее. Речь идет не об отдельных странах, индивидуальном мнении, специфике. Сейчас мы движемся в разных направлениях. В современном мире мы не можем отделить ответственность от политики и принимаемых решений. Когда мы говорим о суверенитете государств, то хотим найти конкретного человека, который должен взять на себя ответственность. Но таким образом мы не можем контролировать финансовые рынки или изменение климата. Необходимо искать разные направления деятельности. Государствами и лидерами предпринимаются попытки найти виновную сторону. Я считаю, что мир не может развиваться дальше в этом направлении. Чем раньше мы справимся с вызовами, тем лучше.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Один из российских классиков заметил, что проблема — как цепь, если потянуть за одно звено, то можно вытянуть всю цепочку и найти решение.

Кто из коллег хочет высказаться по обсуждаемым вопросам: существуют ли системные проблемы (мировые, национальные и пр.), исчерпала ли система себя или ее можно «починить», должна ли прийти другая система на смену имеющейся? Аскар Акаевич, Вам слово.

А. А. АКАЕВ, президент Киргизской Республики (1990–2005), иностранный член РАН, доктор технических наук, профессор: — Главная системная проблема современности — системный кризис капитализма. Сегодня весь мир, кроме Северной Кореи, идет по пути капиталистического развития. Поэтому вывод Фукуямы о конце истории несколько поспешен. Пять выдающихся социологов мира во главе с Валлерстайном и Коллинзом, которые в 1970-е годы предсказали крушение СССР и социалистической системы, два года назад написали книгу «Конец современного капитализма». В частности, в ней они говорят о том, что капи-

тализм переживает системный кризис и не подлежит ремонту. На смену придет интегральный социокультурный строй, основу которого заложил великий русский социолог Питирим Сорокин.

М. Я. САРАФ, профессор Московского государственного института культуры, доктор философских наук, заслуженный работник высшей школы РФ: — Что представляет собой системный кризис? Основное свойство системы, ее главная функция — это способность к самовоспроизводству (имеются в виду живые и социальные системы). Кризис возникает тогда, когда система не имеет методов решения задачи (невозможно или затруднено самовоспроизводство). Кризис современной цивилизации заключается в том, что она утратила способность к самовоспроизводству или последняя чрезвычайно затруднена. Системный кризис произошел вследствие системного разрушения межфункциональных и структурных связей. Отсюда — утрата целостности, системности. Выход — в установлении новой целостности, но это будет новая цивилизация.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется члену-корреспонденту РАН Г. Б. Клейнеру.

Г. Б. КЛЕЙНЕР, заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН, заведующий кафедрой системного анализа в экономике Финансового университета при Правительстве РФ, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор: — Я воспринимаю слово «системный» не как аналог слов «крупный», «важный», «масштабный» и т. д. У слова «системный» есть свое значение, относящееся к системной структуре общества. В этом смысле нужно говорить не о системном кризисе, а о системном сдвиге. Системные сдвиги означают переход от одного типа систем к другому. Рассматривая этот вопрос с междисциплинарной точки зрения, представим, что современное общество — избушка, которая может повернуться к нам то передом, то задом. Четыре стороны современной избушки-системы хорошо известны: одна сторона связана с организационными системами (государства и их союзы), вторая — с институтами (среды), третья — с процессами, четвертая — с проектами.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Что сломалось в этой системе и как ее починить?

Г. Б. КЛЕЙНЕР: — В системе ничего не сломалось. Она была, есть и будет. Необходимо отметить, в какой избушке мы живем, какая сторона на нас сейчас смотрит и какая будет следующей. Насилие неизбежно — это объективный закон. Нельзя исправить закон всемирного тяготения.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Какая эпоха будет следующей?

Г. Б. КЛЕЙНЕР: — Следующая система, к сожалению, связана с катаклизмами (локальными кризи-

сами, мировой войной, хотя я предпочитаю избегать этого термина). Возникнет система локализации, когда внимание будет сосредоточено на страновом домостроительстве.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется М. В. Шмакову.

М. В. ШМАКОВ, *председатель Федерации независимых профсоюзов России, вице-президент Международной конфедерации профсоюзов, вице-президент Европейского совета профсоюзов:* — Отвечая на заданный академиком Запесоцким вопрос, что придет на смену капитализму, отвечаю: социализм. Но не тот, который мы знаем и при котором нам довелось жить, а с исправленными недостатками. Называться он будет по-другому, но суть должна остаться реальной.

В. Г. ГРАФСКИЙ, *главный научный сотрудник, заведующий сектором Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор:* — Для меня системность — это целостный взгляд на предмет обсуждения. Системность может быть представлена и в глокализме, то есть необходимо одновременное обсуждение глобальных (сегодня усложненных) и национальных процессов.

Л. К. БРЕССЕР-ПЕРЕЙРА, *почетный профессор Фонда Жетулиу Варгаса (Бразилия):* — Во время дискуссии я осознал, что глобализация должна быть национальной и социальной. Национальная глобализация — это оксюморон, потому что такого не может быть по определению. Глобализация может пониматься не только как конкуренция между государствами, но и как сотрудничество и кооперация наряду с конкуренцией.

В решении социальных вопросов (бедные и богатые, рабочие и капиталисты) в глобальном мире нельзя ограничиваться старыми идеями левых об уничтожении богатых или движении правых в противоположном направлении. Необходимо установить отношения внутри социума и между глобальным и национальным — именно они позволят найти решение проблемы.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Огромная часть экономики перешла в виртуальное пространство, невидимое человечеству и не поддающееся экономическому анализу. Многие выкладки и тенденции, о которых говорят экономисты, на самом деле не существуют. Иногда уже кажется, что мы имеем дело с огромной отраслью — фейковой экономикой, которая оперирует фейковой статистикой, искажающей все процессы в реальном мире. Все, что происходит в последние два-три десятилетия, делается в пользу богатых против бедных.

Профессор Колодко, что Вы скажете по этому поводу?

Г. В. КОЛОДКО: — В определенной степени я разделяю Вашу озабоченность. Для меня экономика будущего — политическая экономия. Я не говорю об экономике как дисциплине, потому что она становится

междисциплинарной наукой. Если вы хороший экономист, то должны быть образованны, обладать знаниями в антропологии, социологии, истории, экологии, психологии, философии, уметь считать, измерять продуктивность, рост или отсутствие роста, конкуренцию, то есть иметь свои инструменты и методы. В то же время должна присутствовать и философия: люди, ценности, предпочтения и даже мечты. То есть экономика должна располагаться между двумя полюсами, поэтому она всегда находится в кризисном состоянии. Это одна из причин системных кризисов.

Фейки имеют место, потому что сами причины фейковые. Это, в свою очередь, может усугубить кризис, потому что в таких условиях невозможно вести бизнес. Мир движется вперед, постоянно что-то избирается, возможно, появятся новые формы социализма. Например, Петербург спустя сто лет после большевистского переворота что-нибудь предложит, и надеюсь, не революцию. Если мы говорим о рыночной экономике, то ставить знак равенства между рынком и капитализмом — это упрощение. Капитализм в Норвегии, США и Вьетнаме — разный.

Будущее — за рынком, но следует помнить о плюрализме. Капитализм должен основываться на ценностях. Я предлагаю двигаться в направлении нового прагматизма. В этом заключается мой ответ на вопрос господина Запесоцкого. Дело не в экономическом динамизме и равенстве между тем, что мы получаем на входе и выходе, экспортом и импортом, капитализмом и рынком. Социальный баланс, социальное единство, последовательность, устойчивость, солидарность, справедливость, экологический баланс — составляющие социального капитализма. Необходим баланс этих факторов. То, о чем я сказал, и составляет экономику будущего, но нужно искать и альтернативные меры. Мы должны выйти за пределы экономики, которая ориентируется на ВВП, поэтому я говорю о новом прагматизме. По крайней мере, он заслуживает анализа.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Прошу Вас, Александр Дмитриевич.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Экономисты не могут не считать, они гордятся прогрессом, который наблюдается в этой области, в том числе в системе национальных счетов, которая используется для расчета валового внутреннего продукта. На мой взгляд, хороший экономист от плохого отличается пониманием условий, которые заложены в счет, и умением интерпретировать цифры. Не все экономисты осознают, что между микро- и макроэкономикой существует содержательное различие, и с точки зрения микроэкономики ВВП не может рассматриваться как показатель благосостояния по той причине, что микроэкономика отвергает возможность межличностных сравнений полезности. С точки зрения макроэкономики все равно, каким образом распределена тысяча денежных единиц между тремя людьми. Их можно распределить по-разному, но в любом случае будет один-единственный результат. Так что вопрос не в том, что возникает масса проблем

с подсчетом ВВП, они всем известны. Но это не основание отказываться от того, что было достигнуто посредством огромных интеллектуальных усилий и что действительно имеет значение при правильной интерпретации.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — В методике измерения мировых экономических процессов наступил кризис?

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Нет. Возможен кризис в интерпретациях результата. Что касается вопроса о больших системных изменениях, то я согласен с господином Колодко, что в современных условиях в обозримый период времени рыночная экономика другой, кроме как капиталистической, быть не может, она не имеет альтернативы.

Другое дело, что есть отдельные спорные явления, в частности о них говорил М. В. Шамаков, например последствия роботизации (как говорили раньше, автоматизации) и т. д. Это проблема не сегодняшнего дня. Человеку даже при полной автоматизации основных процессов будет чем заняться, например управлением (эта наука связана с «провалами» рынка). В таких условиях можно учитывать многие аспекты, о которых говорил Маркс и размышляют другие философы и ученые.

В обозримый период времени альтернативы рыночному механизму нет. В дальнейшем вопрос будет сводиться к коррекции действия рыночного механизма и согласованию интересов. Господин Шолте прав, что система усложняется и нужно согласовывать интересы не только на уровне государств. Возникает сложная система, что в нынешних условиях означает: грядут непростые времена.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Хочу адресовать вопрос В. Н. Плигину. Для России, как мне кажется, одно из самых больших разочарований заключалось в том, что Западная Европа не является средоточием тех ценностей, которые они сами провозглашают (права человека и пр.). Мы наблюдаем большое количество отклонений и двойных стандартов. Когда дело касается России, принимаются неправомерные судебные решения. Не случайно появились разногласия между Конституционным Судом РФ и Европейским судом по правам человека. В какой степени Запад сегодня является для нас примером и образцом в сфере права и правоприменения? Не свойственны ли Западу болезни, которые похожи на наши (телефонное право, административное влияние)? Что происходит в этой сфере?

В. Н. ПЛИГИН: — Мне кажется, что каждый из присутствующих испытал это в своей жизни. Человек влюбляется, объект влюбленности кажется интересным, он приписывает ему какие-то качества. А когда знакомится поближе, то иногда наступает разочарование. У нас никогда не было восторга по поводу Запада. Россия всегда оставалась огромной цивилизацией, которой как минимум 1150 лет (если вспомнить договор с Византией от 2 сентября 844 г.).

Сейчас идет выработка совместных ценностей, этот процесс протекает сложно, не всегда однозначно.

Нужно признать, что каждая цивилизация имеет право на свои оценки, приоритеты и свою точку зрения. По многим вопросам мы с иной точкой зрения не можем согласиться, например о возможности переписывания Семейного кодекса. Но это не глобальное разочарование, скорее мы движемся в направлении взаимного понимания. Некоторые фундаментальные явления, которые произошли в последнее время, вызывают разочарование. Например, мы оперировали понятием абсолютности частной собственности, и вдруг стала возможной конфискация счетов в банках. Я сейчас говорю не о санкциях, а в принципе о возможности присвоения частной собственности и обращения ее в доход государства, используя неправовые механизмы.

Что касается противоречий между международными и российскими судебными инстанциями, то мы здесь не одиноки. Первые противоречия возникли между судебными инстанциями ЕС и Великобритании, решившими не исполнять решения Европейского суда, потом та же коллизия возникла в Италии.

Говоря о росте возможностей, я не имел в виду возможности что-нибудь присвоить. Речь шла о росте возможностей влияния каждого человека на ситуацию, в том числе в рамках настоящей коммуникационной площадки.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Я не думаю, что у недавно умершего Д. Рокфеллера и рядового жителя США были одинаковые возможности. Рядовой житель стоит в очереди на операцию по трансплантации сердца долгие годы. Рокфеллеру же на протяжении жизни пересаживали сердце семь раз. То есть возможности у всех разные, в том числе и возможности влиять.

Господин Тюркер, может ли Турция после вхождения в Евросоюз сказать другим странам ЕС: «У вас раньше не было турецкого, но оно будет вам полезно»?

Т. ТЮРКЕР: — Европейский Союз и его ценности полезны для Турции, как и то, что наша страна должна стать региональным партнером в мировой политике. Объединенной Европе нужна Турция, и Турция может стать партнером Европы, мировой державой, силой на мировой арене. Присоединение Турции к ЕС укрепит Европу, благодаря этому, в частности, увеличится общая численность населения Европы.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Господин Шолте, что Вы скажете по этому поводу?

Я. А. ШОЛТЕ: — Мы говорили о том, что будущее связано с капитализмом и рынком. На мой взгляд, капитализм будущего отличается от того, что существовал в прошлом. Сейчас мы наблюдаем накопление дополнительной стоимости, развитие знаний, цифровизацию, рост долгов и отсутствие развития. Получил развитие виртуальный капитал, который не имеет территориальных границ и который государства самостоятельно не могут контролировать. Поэтому необходимо глобальное сотрудничество. Мы не знаем, как его обеспечить, но развитие национального капитала не является продвижением вперед.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется профессору Дуткевичу.

П. ДУТКЕВИЧ: — Я представляю, что мировая система похожа на склад, где сложены разные мешки: большие (Китай, Россия, США, Евросоюз) и маленькие (Греция, Болгария и т. д.). В каждом мешке есть что-то хорошее и что-то плохое. Но они не соединяются органически.

То, что мы видим сегодня, — это хаос на системной основе. Почему возникает хаос, когда в каждом мешке много хорошего и плохого? Представьте, что вы заливаете бензин в автомобиль с дизельным мотором. Он рано или поздно перестанет работать, потому что нет связи между этими двумя компонентами. Мы достигли высшего уровня хаотического развития. Ни одна социальная группа не заинтересована в хаосе, поэтому будет пытаться решить эту задачу.

В ближайшем будущем я не ожидаю революции, но возможен ряд бунтов, мятежей, которые уже происходят в разных городах мира. Брексит, популизм, ДАИШ — это мятежи, имеющие разные причины и разные последствия. Но это комплексная система, о чем говорил господин Шолте. Бунты и мятежи имеют разные причины и разные последствия, но они все могут быть отнесены к одному из двух направлений.

Первое — это мягкий авторитаризм как элемент мирового порядка. Авторитаризм, который мы наблю-

даем, основан на поддержке местных обществ (30–40 %) и базируется на двух принципах — безопасности и экономической стабильности на определенном уровне. Против такой системы выступают Китай, частично США, Франция, Турция и т. д. Этот процесс начинается и в России.

Второе направление — сопротивление в форме новых негосударственных движений. Они основаны на новых технологиях, не спонсируются государством, и постепенно их сила будет расти. В их числе можно назвать Берни Сандерса, антиглобалистов, феминисток и т. д. Они будут сопротивляться новой системе, которая является (здесь я согласен с Г. Колодко и другими) одним из вариантов рыночной системы. Также я согласен с господином Шолте, что эта рыночная система будет отличаться от того, что мы имеем сегодня. В рамках промежуточной системы мы будем жить определенное время, но уже намечены контуры будущего: мы видим контуры того, что будет завтра, но не знаем, что будет послезавтра.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — К сожалению, наша дискуссия подошла к завершению. Мы не ответили на многие вопросы, поэтому продолжение разговора состоится в рамках третьей панельной дискуссии: величайшие философы современности будут обсуждать, к какому типу цивилизации мы движемся. Благодарю вас за интересную дискуссию!

Панельная дискуссия К КАКОМУ ТИПУ ЦИВИЛИЗАЦИИ МЫ ИДЕМ?

19 мая 2017 г. Театрально-концертный зал им. А. П. Петрова СПбГУП

Выступающие:

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН (<i>модератор</i>)
Э. АГАЦЦИ	профессор Университета Генуи (Италия), иностранный член РАН, доктор философии
А. А. ГУСЕЙНОВ	научный руководитель Института философии РАН, академик РАН, Почетный доктор СПбГУП
В. А. ЛЕКТОРСКИЙ	главный научный сотрудник Института философии РАН, академик РАН
А. П. МАРКОВ	профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук
Г. МЕТТАН	президент Объединенной торгово-промышленной палаты «Швейцария — Россия и страны СНГ», журналист, писатель (Швейцария)
В. С. СТЕПИН	руководитель секции философии, политологии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, академик РАН, Почетный доктор СПбГУП

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Дорогие друзья, третья панельная дискуссия завершит сегодня работу конференции. Мы рассмотрим различные вопросы, посвященные главной теме: к какому типу цивилизации мы идем?

Мы продолжаем обсуждать заявленную тему, но рассматриваем ее в несколько ином ракурсе — с точки зрения философии. Итак, к какому типу цивилизации мы идем? На предыдущем заседании мы выслушали экономистов, юристов и представителей других областей знания из разных стран.

Для начала я хотел бы уточнить понятие цивилизации. Мы с Александром Петровичем Марковым давно собираемся написать книгу о «путешествиях» термина «цивилизация», который был позаимствован русским языком из других. Изначально это была латынь, потом современные европейские языки. Сейчас мы имеем четыре-пять толкований. Выделим одно из них: правомерно рассматривать цивилизацию как макротип культуры, то есть понятие более общее, нежели тип культуры. Именно в этом смысле мы будем говорить о типах цивилизации. Как известно, существует традиционалистский тип цивилизации с его характерными особенностями, и существует современная техногенная цивилизация. Позвольте задать вопрос коллегам: сложилось ли у вас впечатление, что оба типа цивилизации находятся в глубоком кризисе? И если это так, то с чем связан этот кризис? Абдусалам Абдулкеримович, предлагаю Вам открыть нашу дискуссию.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Спасибо, Александр Сергеевич. Словосочетание «кризис цивилизации» уже стало привычным, оно широко употребляется и в науч-

ной литературе, и в средствах массовой информации. На мой взгляд, это не строгое понятие, а скорее концепт, охватывающий большое многообразие явлений и выражающий состояние общественного сознания, некое предчувствие, которое, однако, заслуживает самого серьезного внимания. Что за ним стоит? По моему мнению, прежде всего преимущества и успехи цивилизации. Цивилизация в том виде, в каком она существует, по крайней мере, последние 500 лет, по терминологии Вячеслава Семеновича — техногенная, или новоевропейская цивилизация, оказалась невероятно динамичной и успешной. Однако ее успехи оказались сопряженными с такими негативными результатами, которые начинают перевешивать позитивные итоги. Это принципиально новое состояние. Вспомним наиболее очевидные противоречия. Выдающиеся достижения физики обернулись ядерным оружием, которое поставило под угрозу существование самого человечества. Промышленное развитие и урбанизация привели к потеплению климата, что также может лишить нас естественных оснований существования. Возникает вопрос: нужны ли нам эти достижения, если они породили такую опасность? Эти опасности, угрозы, сомнения и составляют смысл концепта «кризис цивилизации».

Новая действительность нашла отражение в состоянии гуманитарного знания: идея прогресса как движения к чему-то качественно новому и совершенному исчезает из нашего дискуссионного поля. Вместо прогрессивных, оптимистических и часто утопических идей получают развитие теории цикличности, представленные А. Тойнби, Н. Я. Данилевским. Наблюдается некий крен теоретического и социально-

го сознания: исторический взгляд сменяется геополитическим, что тоже является косвенным отражением и знаком кризиса цивилизации. Так что это реальное явление.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Абдусалам Абдулкери-мович, в чем все-таки причина, на Ваш взгляд?

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Думаю, что ответ надо искать не на поверхности. Ведь что нас смущает? Кризисное состояние наступило при видимом расцвете. Мы имеем огромные технические возможности, невероятный рост благосостояния. Любой из нас сейчас живет в условиях более комфортных, чем князья и цари прошлого. Между тем кризис затрагивает самые глубокие основания — то, что составляет жизненную силу.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Владислав Александрович, пожалуйста, прошу Вас.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Конечно, о западноевропейской цивилизации последних 500–600 лет можно говорить как о техногенной (принимая термин, введенный Вячеславом Семеновичем Степиным). Сейчас эта цивилизация, очевидно, находится в критическом состоянии. Каковы его причины? Попытаюсь кратко сформулировать. Говоря о техногенной цивилизации, мы подразумеваем, что она развивалась на базе технических изобретений и технологий, которые, в свою очередь, стали следствием прогресса в научном знании. Между наукой и техникой всегда была связь, но такой тесной она раньше не была. В настоящее время мы пришли к тому, что технологии поглощают науку, научные знания. Возник даже новый феномен — так называемая «технонаука». Что это такое? Сегодня, если наука не производит полезный прикладной продукт в виде новых технологий, то она вроде и не нужна. Мы знаем, к чему это приводит, в том числе и на примере нашей страны.

Но зачем нужны прикладные результаты, новые технологии? Их можно продавать с высокой прибылью. Технонаука стала развиваться в рамках капиталистической рыночной экономики, где все оценивается с точки зрения материальной выгоды. Раньше развитие науки связывалось с переходом общества к новому состоянию. Об этом писали К. Маркс, В. И. Вернадский и другие мыслители. Предполагалось, что развитие наук сделает отношения между людьми более гуманными. Но оказалось, что это не так.

Погоня за прибылью извращает механизм развития современной науки. Научные открытия теперь фиксируются патентом — не только технологии, а также и открытия. То есть научные знания превращаются в товар. Этот феномен называется когнитивным капитализмом. Рассчитывали, что такой подход будет содействовать прогрессу, но в итоге он только укрепляет существующую технократическую и потребительскую систему.

Вот вторая причина: наука и технология оказались связаны с этим типом общества и социальных отношений.

Экономисты оценивают эту ситуацию со своих позиций — с точки зрения рационального выбора, издержек и прибылей. Оказывается, с точки зрения рационального выбора можно оценивать вообще все, в том числе любые человеческие отношения, любовь и дружбу. Но где здесь место человеку? Разве это гуманное общество? Нет, оно становится антигуманным.

Сейчас добавился новый крен — развитие искусственного интеллекта. То есть не прекращаются попытки заменить все естественное искусственным. Это острейшая проблема.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Владислав Александрович. Вопрос к Александру Петровичу Маркову: происходит ли кризис данного типа цивилизации, и если да, то в чем его причина?

А. П. МАРКОВ: — Начну с другого вопроса: а есть ли общечеловеческая цивилизация? Если есть, то можно говорить о кризисе. На мой взгляд, использовать концепт «общечеловеческая цивилизация» можно только метафорически. Такой цивилизации нет и никогда не было. Сегодня мы наблюдаем битву трех гигантов, которая началась несколько веков назад и разворачивается в метафизической плоскости. Первая сторона — Запад, евроатлантическая цивилизация, которую трудно уже идентифицировать как христианскую. Вторая — исламский мир. На одной из недавних конференций профессора Иранского университета уверенно заявляли, что реванш цивилизационного проекта неизбежен. И третья сторона — мистическая, многомиллиардная сила Юго-Восточной Азии. Одна из сторон, а именно Запад, находится в очевидном кризисе. Лично у меня это вызывает грусть.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — То есть Вы вслед за Хантингтоном считаете, что происходит столкновение национально-культурных моделей. Правда, он выделял семь моделей, а Вы три, но в целом Вы с ним согласны. Но в чем причина, Александр Петрович? Может, в культурной несовместимости?

А. П. МАРКОВ: — Причина в их тотальной, абсолютной несовместимости. Вспомним Ясперса. Великая культура пророков, по сути, разорвала страшный замкнутый циклический круг языческого времени, разорвала сущее и должное. Битва происходит не просто между культурами, но и в наших сердцах. Можно рассуждать о будущем, и я по возможности это делаю, но мой прогноз, к сожалению, далек от оптимистического.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово господину Агаши. Скажите, пожалуйста, видите ли Вы системный кризис современного общества?

Э. АГАШИ: — Хочу напомнить, что понятие «кризис» — не то же самое, что катастрофа. Кризис всегда понимался как точка, после которой могут наступить негативные последствия или, наоборот, выздоровление. Это некая вершина. Все зависит от при-

чин и следствий. Однако кризис, о котором мы говорим применительно к нациям, цивилизациям, представляет реальную проблему. Суждения о ценностях — вот что важно. Например, что в данном контексте означает «лучшее»? Мы хотим двигаться к лучшему будущему, но как мы его видим?

С понятием «цивилизация» мы связываем идеи прогресса, в основном технологического, но не ценностного. Мы знаем, что есть разные науки: естественные, гуманитарные и т. д. Настоящая проблема для мира — вынести некоторое суждение, обозначить то, что по-настоящему ценно. Это сложная задача, потому что технологии стали жить независимо от нас. Любое новое открытие, как сказал коллега, обязательно требует применения на практике. Технология нужна науке, наука нужна технологии и т. д. Они как бы замкнуты на самих себя, и речи о ценностях при этом зачастую не идет. Поэтому бывает трудно понять, хорошо или плохо то или иное направление. Нужен беспристрастный взгляд со стороны разных культур: исламской, буддистской, христианской. Каждая культура имеет свои базовые ценности, и на них основана вся жизнь людей, они служат ориентирами.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Прошу прощения, господин Агацци, но есть ли в научных кругах отчетливое представление о состоянии современной цивилизации? В кризисе ли она, и если да, то почему?

Э. АГАЦЦИ: — Причины очень сложные, потому что кризис во многом зависит от модели. Даже самая удачная модель не может быть универсальной, она охватывает только некоторую часть жизни. Нельзя включить в одну модель все суждения о ценностях. Необходимо возрождать осознанность и учиться у других культур. Только если мы научимся это делать, мы сможем найти системные решения наших проблем.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, господин Агацци. Приглашаю к микрофону господина Ги Меттана.

Г. МЕТТАН: — Продолжу мысль, высказанную коллегой Агацци. Прежде всего что такое кризис? Возьмем, к примеру, Китай. В то время как во всем мире нарастают проблемы, Китай получает хорошие шансы. Действительно, кризис дает много возможностей — это точка бифуркации.

Что касается западной цивилизации, то здесь на самом деле наблюдается кризис. Запад имел цель — доминирование. И действительно, до настоящего момента благодаря научной революции, развитию экономики, общепринятым ценностям западная цивилизация была способна доминировать в мире. Но сейчас эта модель входит в кризис, потому что она больше не в состоянии управлять миром. Она не может обеспечить дальнейший экономический рост. Мы сегодня уже слышали, что экономика находится в стабильном состоянии, она не растет. Скорее, наблюдается тенденция к снижению. Она больше не обеспечивает высокое качество и равенство. Напротив, увеличивается разрыв между богатыми и бедными, старшим и молодым поколениями. Это

порождает неудовлетворенность — фрустрацию, которая возрастает в странах Азии, в исламском мире и т. д. То есть эта цивилизация не может управлять миром, как раньше. И сегодня реакция Запада на кризис все больше становится не демократичной, а авторитарной. Оказывается, бывает и такая эволюция. На мой взгляд, чтобы смотреть в лицо кризису, справляться с ним, нужно прежде всего понять, что старые паттерны и методы не работают. Необходимо по-новому взглянуть на многие вещи. Например, мы живем в состоянии постоянного напряжения из-за угрозы терроризма. Пришло новое время. Мы озабочены безопасностью и другими новыми проблемами, и надо честно себе в этом признаться, осознать это. Только при этом условии мы сможем изменить наш образ мыслей относительно судьбы мира. И еще мы должны понять, что, вероятно, прежней западной цивилизации в мире уже не будет.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется Вячеславу Семеновичу Степину.

В. С. СТЕПИН: — Я сделаю несколько предварительных замечаний, поясняющих мой подход к проблеме будущего современной цивилизации.

Первое. Полагаю, что не лишне еще раз пояснить, как соотносятся понятие «тип цивилизационного развития» и характеризующие стандартный цивилизационный подход понятия — «культурно-исторический тип» (Н. Данилевский) и «локальные цивилизации» (А. Тойнби). Общее в обоих подходах — это классификация видов и типов цивилизации по признаку особенностей их культурно-генетического кода. Я уточнил понимание этого кода, используя представление о системе мировоззренческих универсалий (концептов, категорий культуры), образующих основания культуры.

Не отрицая позитивных аспектов предложенной Н. Данилевским и А. Тойнби классификации цивилизационных типов, я предложил дальнейшую уточняющую и углубленную их типологию. Выделенные Н. Данилевским и А. Тойнби типы цивилизаций можно интерпретировать в качестве особых видов, которые объединяются в два больших типа: традиционалистский и техногенный. Критериями различения этих двух типов цивилизационного развития выступают разные и во многом альтернативные понимания фундаментальных мировоззренческих универсалий — «человек», «деятельность», «природа», «традиции и инновации», «личность», «рациональность», «власть». Смыслы этих универсалий, в свою очередь, по-новому структурируют всю сеть универсалий (категорий культуры), выступающих генетическим ядром каждого из типов цивилизационного развития. Различные виды цивилизаций, объединяемые в рамках каждого типа, могут существенно отличаться друг от друга. Их общие типологические (родовые) признаки соединяются с признаками, фиксирующими их видовое отличие. В таком соединении они, в принципе, могут быть интерпретированы как типы (виды) цивилизаций, о которых писали Н. Данилевский и А. Тойнби. Стандартный цивилизационный подход рассматривал каж-

дый выделенный им вид цивилизации в качестве своего рода уникальной дискретной исторической единицы социальной организации. Согласно А. Тойнби, каждый из видов цивилизаций воспроизводит себя и свою уникальность, проходя стадии возникновения, расцвета, надлома, упадка и гибели.

Концепция типов цивилизационного развития, которую можно было бы обозначить как нестандартный цивилизационный подход, вводит более широкую перспективу исторической эволюции общества. Типы цивилизационного развития предстают как особые этапы этой эволюции, где переход от архаических обществ к традиционалистским цивилизациям, а затем от них к техногенным ускоряет темпы социальных перемен и усиливает взаимодействие различных видов общества, включая уже на этапе техногенного развития процессы их модернизации.

Культурно-генетический код (система смыслов универсалий культуры), выступающий фундаментом определенного типа цивилизационного развития, задает контуры картины человеческого жизненного мира. Этот код определяет осмысление, понимание и переживание человеком мира. Переживание смыслов мировоззренческих универсалий акцентирует эти смыслы в качестве ценностей.

Второе. Ценности иерархичны. Любая деятельность возможна, если у субъекта деятельности, в его сознании, есть программа, которая включает предварительные знания об объекте (предмете) деятельности, о средствах и операциях деятельности (действиях), навыки работы со средствами, цели и ценности. Цель — это идеальный образ будущего результата деятельности. Цель отвечает на вопрос «что?» (что я должен получить в качестве конечного продукта моих действий с объектом?). В свою очередь, постановка целей всегда соотносена с ценностью, которая отвечает на вопрос «для чего?». Ценность санкционирует деятельность. Конкретные акты деятельности явно или неявно всегда согласованы с ценностью. Ценности системно взаимосвязаны. Они образуют сложную развивающуюся систему с многоуровневой организацией.

Известна притча, что когда участника строительства Шартрского собора спросили, что он делает и для чего, он ответил: «Вожу из каменоломни камни на стройку, чтобы заработать деньги и прокормить семью». Это первый уровень ценностей. Тот же вопрос задали архитектору, по замыслу которого создавался собор. И он ответил, что возводится Шартрский собор, храм божий, где люди будут общаться с Богом. Это более глубокий пласт ценностей. И есть еще более глубокие ценностные уровни. К ним можно отнести уровень ценностей, которые определяют возможные формы деятельности, поведения и общения определенного вида цивилизации. И, наконец, можно выделить еще более глубокий уровень системы ценностей, которые определяют тип цивилизационного развития.

Я уже отмечал, что по отношению к современной (техногенной) цивилизации этот уровень сформировался как духовная матрица техногенной культуры в эпоху Ренессанса, Реформации и Просвещения. Именно он определял почти три последующих столе-

тия перспективу дальнейшего развития этого цивилизационного типа.

Третье. Современные техногенные общества представлены в двух основных вариантах: а) развивающиеся на собственной основе (западные разновидности техногенной цивилизации) и б) техногенные общества гибридного типа, которые возникли в процессе модернизации традиционалистских обществ. Модернизация предполагала заимствование западных технологий и образования, которые трансплантировались на традиционалистскую почву, изменяя ее. В этом процессе традиционалистские ценности сталкивались с ценностями техногенной культуры, частично видоизменяясь, частично сохраняясь и порождая особые варианты общества, вставших на путь техногенного развития. Такими были исторические развитие России под влиянием трех великих модернизаций Петра I, Александра II и советского периода, завершившего становление России в качестве техногенного общества особого типа. Через процессы модернизации прошли Япония, Китай, Индия, современные страны Латинской Америки. Сегодня подавляющее число стран планеты реализуют тип техногенного развития.

Этот тип развития дал человечеству множество достижений в сфере технологического прогресса, новой медицины, обеспечивающей продление человеческой жизни, улучшение качества жизни в странах с высоким уровнем экономического развития. И до середины XX века господствовало убеждение, что именно на этом пути человечество достигнет процветания и что страны Запада находятся в авангарде движения к лучшему будущему человечества. Но во второй половине XX века все отчетливее обнаруживались многочисленные кризисы, состояния техногенной цивилизации, которые выступают проявлениями двух основных глобальных кризисов — экологического и антропологического.

Эти кризисы были порождены самим техногенным развитием. За последнюю четверть века они значительно обострились, и дальнейшее их обострение создает угрозу деградации биосферы и самоуничтожения человечества.

Все это ставит проблему кардинально новых стратегий развития. Я уже не раз высказывал свою точку зрения, в том числе и в предыдущих выступлениях, что речь идет не о «косметическом ремонте», а о коренном преобразовании техногенного типа развития, о возможном переходе к новому, третьему (по отношению к традиционалистскому и техногенному) типу развития. А это, в свою очередь, предполагает формирование новой матрицы ценностей, началом которой могут стать точки роста новых ценностей, возникающие в современной техногенной культуре. Об этих точках роста я более подробно написал в тексте своего доклада и говорил на пленарном заседании.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Вячеслав Семенович. Поясню в первую очередь для студентов, что типология и классификации могут быть разными. Например, Александр Петрович Марков ставит на первое место национально-культурный аспект и име-

ет в виду под типом цивилизации некую культурную общность. Вячеслав Семенович говорит о том, что на протяжении всей истории человечества существовали два больших цивилизационных типа: традиционный и техногенный. К традиционному типу можно отнести Вавилон, Древнюю Русь и др. Традиционные типы цивилизации (не важно, Россия это или Китай) обладали рядом сходных ценностей: например, их представления не содержали идеи прогресса, победы человека над природой и т. д. Традиционная цивилизация подразумевает гармоничные отношения человека с природой и встраивание его в природу, жизнь рядом с природой. Запад несколько веков исповедует ценности техногенной цивилизации (такие как прогресс, торжество над природой: природу сначала нужно покорить, а потом использовать, до последнего ее вздоха). Развитие современного общества потребления привело к тому, что техногенная цивилизация с ее системой ценностей пришла в несоответствие с возможностями биосферы, исчерпала себя.

Александр Петрович считает, что происходит столкновение между разными национально-культурными типами. Вячеслав Семенович утверждает, что тип техногенной цивилизации закономерным образом исчерпал возможности своего развития. Я полагаю, что и то и другое имеет место, так же как и неравномерность развития стран и цивилизаций.

В настоящее время Запад утрачивает лидерство, поэтому другие национально-культурные типы цивилизаций его догоняют. Возникает вопрос, как каждый тип будет существовать дальше, каковы перспективы их развития. Какие ценности каждый из национально-культурных типов изберет для дальнейшего существования и что нового принесет?

Вячеслав Семенович в одной из бесед сказал, что одна цель — если мы хотим сберечь природу, другая цель — если мы готовы мутировать и стать совсем иными существами.

Вероятно, существуют сценарии выхода из этой ситуации. То, что сейчас происходит, дальше продолжаться не может. Возможны как пессимистичные, мрачные сценарии (война, разрушения, бунты), так и оптимистичные, положительные. Предлагаю обсудить возможные варианты развития событий, как позитивные, так и негативные. Абдусалам Абдулкеримович, что Вы скажете по этому поводу?

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Позвольте сделать одно замечание: тип цивилизации является не понятием, а концептом.

Отвечая на Ваш вопрос, скажу, что, поскольку предстоят качественные изменения, то предвидеть будущее и сказать, каким оно будет, мы в принципе не можем. Только когда будущее наступает, задним числом мы можем найти дефиниции и т. д. В связи с этим приведу сравнение Маркса: анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны. Но с уровня анатомии обезьяны мы никогда не попадем на уровень анатомии человека. Другой мой тезис: «Сова Минервы вылетает в сумерки». Мы можем прогнозировать будущее и предсказывать его через наше отношение к настоящему (принимаем

мы его или нет). Если мы его принимаем, то речь идет о совершенствовании, или мы его не принимаем. Поэтому представления о будущем и прошлом формировались не по аналогии, а по контрасту, через отрицание того, что неприемлемо в настоящем. С этой точки зрения (если наш разговор с абстрактного общеметодологического уровня перевести на более конкретный) речь идет о судьбе капитализма или капиталистической цивилизации. Ведь техногенная цивилизация — прежде всего буржуазная, капиталистическая. Есть ли альтернатива капитализму?

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Социалистический тип не был техногенным?

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Он тоже был техногенным, но как тип развития предлагал некую альтернативу. Именно в этом заключается проблема: с крахом Советского Союза и всей возглавляемой им социалистической системы капитализм лишился альтернативы (другой вопрос, почему это произошло — в силу принципиального или ситуативного несовершенства).

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — То есть социализм — одна из ветвей техногенной цивилизации?

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Социализм в том виде, в каком он существовал в СССР, конечно, явление техногенной цивилизации, ведь ставилась задача догнать и перегнать.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется Владиславу Александровичу Лекторскому.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Хочу направить разговор в иное русло. Уже написано много работ о том, ожидает ли нас постчеловеческое будущее, что будет после человека. Будущее — это то, что вырастает из прошлого. Начиная со времени, когда возникли атомы и молекулы, произошла глобальная эволюция, потом появились человек, общество и т. д. В настоящее время ученые пишут о том, что человек достиг определенной стадии развития с помощью техногенной цивилизации (он может управлять эволюцией, ничего не ждет, а создает будущее). Речь идет о конструировании человека, высказывается идея об улучшении человека, о том, что социализм, капитализм — в прошлом, нужно изменить самого человека — и все проблемы исчезнут, может быть, и потребительского общества не будет, а возникнет что-то иное: человек с иными потребностями, возможностями и пр.).

Проблема заключается в том, что мы на самом деле постепенно погружаемся в этот процесс. Возникает электронное общество, есть теоретики и практики, которые считают, что геновая инженерия, информационные и нанотехнологии помогут в создании электронного человека (его характеристики: чипирование, контроль за поведением, трансплантация). Якобы трансформированный таким образом человек будет лучше, умнее, эмоциональнее. Это кажется фантастикой, но я знаю ученых, которые разрабатывают данный проект.

Для меня в этом заключена одна из главных опасностей, потому что человек может вообще перестать быть человеком. Идея достижения бессмертия в настоящее время получила широкое распространение. Но на самом деле, если человек будет бессмертным, он перестанет быть человеком, потому что большая часть наших ценностей связана с тем, что мы смертны. Если нет смерти, не нужно мужества, самоотверженности, самопожертвования и понимания другого человека. Постчеловек — уже не человек. Это вызов не просто определенным типам ценностей (западным, мусульманским, буддийским), а той основе, которая заложена во всех них. То есть человек может стать как лучше, так и гораздо хуже, а может вообще перестать быть человеком.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Александр Петрович, исходя из того, что Вы сказали ранее, можно сделать вывод, что существуют всего два сценария развития событий: один — когда побеждает Азия, другой — когда побеждает арабский мир.

А. П. МАРКОВ: — Возможен и третий сценарий — так называемый трансгуманизм, и на пленарном заседании об этом говорил М. В. Шмаков. Человечество, понимая, что будет завтра, готово перейти к чиповой системе и реализовать проект Федорова (воскрешение мертвых), предложенный в конце XIX века, то есть прекратить размножаться и перейти к иной версии, чиповой системе. Это третий, может быть неизбежный, вариант развития событий. Мне кажется, что будущее читается в прошлом Европы. Хотя Абдусалам Абдулкеримович сказал, что человек теряет представление о будущем. Наше будущее было создано в 1960-е годы — это так называемая культура модерна, когда западный мир, западная интеллектуальная элита отказались от пророческого духа.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — А заодно отказались и от понятий добра и зла.

А. П. МАРКОВ: — Запад перешел к модели Орфея, персонажа, который ответствен за весь спектр девиаций, от гомосексуализма до наркотиков, педофилии и пр. Европа несколько веков назад гениально почувствовала финал христианской культуры и незаметно для себя (начиная с эпохи Возрождения, а по моему мнению, с XI в., когда произошло разделение церквей) избрала нехристианский путь, путь язычества, поэтому можно считать, что Южная Азия, культура жрецов в Европе уже победили.

Но это чревато возникновением проблемы, которую мы еще не озвучили. Именно на почве европейского язычества возникло самое страшное явление в истории — нацизм. Сегодня мы наблюдаем, что на этом языческом пространстве метастазирует нацизм. Мы могли бы это пережить, потому что есть опыт противодействия.

Вячеслав Семенович сказал, что внутри техногенной цивилизации формируется новая система ценностей. Однако вызывает сомнения его убежденность

в том, что в техногенной цивилизации может возникнуть нечто, способное адаптировать человека к этому миру. Это все равно что сказать, что Сидоров, оказавшись в желудке аборигена Австралии, адаптировался к новым условиям. Это не адаптация, а новая система ценностей, которая проявляется в международном праве, жизненных стратегиях, антропологической катастрофе, нетерпимости. Торжествующему язычнику не удастся захватить мир, потому что существует оплот логочентричной культуры — мир ислама. Поэтому, на мой взгляд, грядущая битва неизбежна.

В. С. СТЕПИН: — Я не согласен с таким подходом и с такой интерпретацией того, что я говорил и писал о необходимости выработки новых ценностей. Обнаружение точек роста таких ценностей нацелено не на сохранение техногенной цивилизации и того ее варианта, который сложился как современное потребительское общество Запада, и не на адаптацию человека к этому миру, а как раз наоборот, на выявление путей преобразования этого мира, обостряющего экологический и антропологический кризисы, на выработку новой системы ценностей, которая является условием и начальной фазой таких преобразований.

Новые ценностные ориентиры в зародышевой форме могут возникать в различных видах техногенных обществ современности. И не только на Западе, но и в обществах, вступивших на путь техногенного развития благодаря модернизациям. Более того, вполне вероятно, что именно сохранившиеся в них некоторые традиционалистские ценности могут стать импульсом к генерации новых ценностных ориентиров как компонентов новой духовной матрицы будущего типа цивилизационного развития.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Вячеслав Семенович, вопрос к Вам: Александр Петрович, описывая типы цивилизации, сказал, что сегодня кризис Западной Европы связан с отказом от христианских и возвратом к языческим ценностям. Как Вы считаете?

В. С. СТЕПИН: — Это интересная постановка вопроса. Но его обсуждение требует более глубокого и дифференцированного анализа.

В выступлении Александра Петровича довольно жестко связывались фашизм и языческая мифология. Можно согласиться, что нацизм использовал схемы языческой мифологии. Но отсюда не следует, что язычество ведет к тоталитаризму в форме нацизма. Такой вывод является результатом логической ошибки неправильного обращения. Из утверждения, что все представители негроидной расы брюнеты, не следует, что все брюнеты являются представителями негроидной расы. Если принять идею жесткой связи нацизма и язычества, то придется считать, что все мифологические культуры древних цивилизаций были потенциально нацистскими.

Негативное отношение к язычеству всегда было присуще христианской церкви. Сам термин «язычество» в русском языке был производным от слова «языки», которым обозначали народы, враждебные право-

славия. На христианском западе синонимом язычества был термин “*paganos*”.

Но с точки зрения исторической науки языческая мифология оказала позитивное влияние на формирование многих культур традиционалистских цивилизаций. Политеизм в этих культурах возникал на почве языческой мифологии. Не лишне вспомнить и о вековых традициях народной культуры, сказках, ритуальных танцах, в целом о фольклоре, корнями уходящем в языческую мифологию.

В оценке тех или иных религиозно-мифологических идей важно не упускать из виду принцип историзма. Это относится и к христианской традиции. Когда речь идет о христианских ценностях, нужно принять во внимание, что религия, как и другие формы общественного сознания, всегда вовлечена в процессы трансформации ценностей при переходе к новому типу цивилизационного развития. И хотя Александр Петрович, судя по его выступлениям, придерживается цивилизационного подхода в его традиционной версии, он справедливо отмечает, что эпоха Возрождения внесла изменения в понимание христианских ценностей. Но были еще и эпохи Реформации и Просвещения, когда завершилось формирование духовной матрицы техногенной культуры. В эти эпохи возникли новые понимания христианских ценностей. Их сердцевина — идея гуманизма — получила в эти эпохи деятельностное и рациональное обоснование. И в этой интерпретации она была включена в ценностные основания техногенной культуры, в ее понимание человека, деятельности, личности.

В этом плане я не считаю обоснованным тезис, что данная интерпретация христианского гуманизма вела к воссозданию язычества и отказу от христианских ценностей.

Что же касается истории этих ценностей от зарождения христианства до эпохи Ренессанса, то в этот период они не выходили за рамки ценностных оснований традиционалистского типа цивилизационного развития.

Я солидарен с Александром Петровичем в его критике современной пропаганды тех типов поведения, которые полагались девиантными с позиций христианских традиций. Я рассматриваю эти процессы как еще одно проявление антропологического кризиса. Понижение уровня ответственности личности, постепенное разрушение семьи, легитимизация и реклама девиантных форм поведения под предлогом расширения личностных свобод — все это своеобразные индикаторы разрушения духовной матрицы, ранее определявшей прогресс техногенной цивилизации. Можно полагать, что фазовый переход, означающий кардинальные качественные изменения этого типа цивилизации, уже начался.

Для прогнозов будущего важно выделить в этом переходе некоторые сменяющие друг друга стадии. В данном случае речь идет о качественных переходах в развитии общества как сложной системы.

Современная наука уже выработала определенные средства описания таких переходов. В синергетике они характеризуются интегрально, в терминах динамиче-

ского хаоса, точек бифуркации, аттракторов, кооперативных эффектов, самоорганизации, определяющей переход от хаоса к порядку.

Используя эти средства, можно сделать следующий шаг — дать дифференцированное описание фазового перехода, выделив три его основные стадии.

Начальная стадия — это возникновение динамического хаоса, когда мутируют ранее сложившиеся программы саморегуляции системы и перестают работать ранее возникшие параметры порядка. Из спектра возможных сценариев развития системы, возникающих в точках бифуркации, может реализоваться любой, и даже самый маловероятный. Количество таких сценариев может быть достаточно большим, но не безграничным. Их набор включает только те сценарии, которые не противоречат сложившимся объективным законам. Реализация любого из возможных сценариев зависит от множества случайных факторов. Она характеризуется как действие вероятностной причинности, которая порождает аттракторы в нелинейной среде. На этой стадии фазовых переходов могут формироваться несколько конкурирующих аттракторов соответственно разным, в том числе и альтернативным, сценариям развития системы.

На второй стадии фазового перехода конкуренция сценариев может приводить к постепенному доминированию одного из них. В этом случае меняются первоначальные вероятности каждого из сценариев. Когда один из них начинает определять русло изменений системы, уменьшается вероятность реализации других.

Наконец, в качестве третьей стадии следует выделить особые состояния динамического хаоса, которые характеризуются в синергетике как режим с обострением. На особую важность анализа этого режима не раз обращал внимание известный отечественный математик С. П. Курдюмов. На этой стадии доминирующий сценарий, определяющий русло изменения системы, резко повышает вероятность своей реализации, становится необратимым. Возникает своего рода целенаправленное движение к новому уровню организации системы, формированию новой программы саморегуляции и соответствующих ей параметров порядка. Главную роль в этом движении играет целевая причинность.

С. П. Курдюмов интегрально характеризовал эти процессы как влияние будущего на настоящее и даже на прошлое. Внешне это выглядит иррационально, но только внешне. Образ влияния будущего на настоящее и прошлое имеет вполне рациональное обоснование, если учесть, что на заключительном этапе фазового перехода возникает новый уровень организации сложной системы, который оказывает активное обратное воздействие на ранее сложившиеся уровни, накладывая определенные ограничения на взаимодействие их элементов, и тем самым обеспечивает формирование нового типа системной целостности. Поэтому предсказание поведения сложной системы всегда предполагает, что возможное будущее, став настоящим, способно изменять прошлое, то есть перестраивать ранее возникшие уровни организации.

В науке XX века уже накоплено достаточно знаний о сложных развивающихся системах, эволюция кото-

рых отчетливо обнаруживает их фундаментальную особенность — усложняясь, перестраивать уже сложившиеся уровни организации под воздействием нового уровня. Одним из показательных примеров в этом отношении является прослеженное В. И. Вернадским изменение геохимии нашей планеты под влиянием жизни.

Как отмечал В. И. Вернадский, возникновение и дальнейшая эволюция живого изменяли земную кору (осадочные породы и почвы — это следы биосфер прошлого, даже базальтовые породы под воздействием бактерий за миллионы лет превращались в граниты). Жизнь сформировала атмосферу планеты и насыщение кислородом Мирового океана, что, в свою очередь, создало условия для возникновения новых, более сложных форм живого.

Геохимия Земли, как подчеркивал В. И. Вернадский, в ходе эволюции переходит в биогеохимию, а затем, с возникновением человека и развитием его технологической деятельности, — в культурную биогеохимию.

Учитывая все эти особенности фазовых переходов, можно сделать определенные выводы относительно предвидения будущего. Существуют горизонты прогнозирования соответственно разным стадиям фазовых переходов.

Если мы имеем дело со сценарием в режиме с обострением, то можно более или менее однозначно предвидеть тенденцию развития. Но уже в следующем шаге, когда возникнет новый уровень системной организации, отдаленное будущее системы вновь становится неопределенным. Новый уровень, накладывая ограничения на законы предшествующих уровней и организуя их в новую целостность, чаще всего изменяет вектор развития. Те состояния системы, которые ранее представлялись маргинальными, вытесненными на периферию развития, могут превратиться в мейнстрим при формировании новой системной целостности.

В социальной эволюции известным примером такого превращения может служить история христианства. Возникшее на периферии Римской империи и преследуемое официальными властями оно затем получило признание на этапе императорского Рима, а после крушения Римской империи превратилось в мейнстрим, определявший тысячелетнюю историю христианской цивилизации европейского Средневековья.

В принципе, отмеченные особенности изменения вектора развития характерны для любых сложных исторически изменяющихся систем (природных, социальных и ментальных). Сравнительно недавно я показал в своих работах, что история научных идей также подчинена этой закономерности (см.: Вопросы философии. 2016. № 6).

Когда мы прогнозируем отдаленное будущее, то, как это обозначил в своем выступлении Абдусалам Абдулкеримович Гусейнов, нам трудно сформировать более или менее конкретный и достоверный образ этого будущего. Объяснение тому я вижу в объективных особенностях развития сложных систем, в том, что заранее неизвестно, как конкретно повлияет будущее на

настоящее и прошлое, представленное уже сложившимися уровнями системной иерархии.

В этом случае предвидение отдаленного будущего ограничивается формулировкой идеала, который обозначает общие тенденции развития социальной системы и глубинные ценностные ориентиры человеческой деятельности.

Этот подход важен не только по отношению к завершающей стадии фазового перехода, но и в не меньшей мере в отношении его начальной стадии, когда социальная система вступает в состояние динамического хаоса. Конкуренция аттракторов — сценариев развития, за которыми всегда стоят интересы различных социальных сил, требует оценки каждого из возникающих сценариев. А для этого необходимо артикулировать идеал, с позиций которого будут производиться эти оценки.

Фазовый переход, изменяющий тип цивилизационного развития, может занимать длительный исторический период. Состояние динамического хаоса внутренне присуще любому такому переходу, в том числе и современному. Это состояние социальной жизни нашего времени уже достаточно давно зафиксировал постмодернизм. За это его, разумеется, критиковать не следует. Критика постмодернизма определяется другим — его отношением к жизнедеятельности людей в состояниях динамического хаоса. Иногда явно, а чаще неявно, постмодернизм полагает, что отныне оно станет естественным состоянием человеческой истории. И этот посыл, даже в форме гипотезы, не имеет под собой никакой доказательной основы.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Вячеслав Семенович. Я не вижу особых противоречий между теми положениями, которые здесь были озвучены, и не хотел бы, чтобы мы сводили все к спору о классификации. Мир вступает в период обострения противоречий, о чем сказал Вячеслав Семенович. Прошу высказаться профессору Агащи по поводу возможных сценариев развития событий.

Э. АГАЩИ: — Прежде всего хочу напомнить, что традиция развития цивилизаций была такова, что люди не тяготели к прогрессу. Всегда был открытый финал. Конечно, писали об Эдеме, о «золотом веке», но всегда как о некотором совершенстве, к которому надо было стремиться. На самом деле мы как будто спускались вниз по эволюционной лестнице. Это пессимистический взгляд, который существует в классической литературе. То есть произошла инверсия. Мы должны были увидеть окончательный идеал, к которому стремимся, и это оказалось христианство. Оно декларирует, что мы должны становиться все лучше. И всегда давались обещания в будущем чего-то хорошего, совершенного и на земле, и на небесах. Потом пришла светскость — это модернизм, постмодернизм, и стали появляться светские эквиваленты для общества. Потом наступил кризис марксизма и ожиданий, с ним связанных. Человек начинает надеяться на то, что можно реализовать, и в этом разница. Речь идет о человеческой натуре, которая может продуцировать собственный прогресс, на-

чинающийся на современном ей этапе. В свою очередь, наука и технологии были связаны с прогрессом. А мы этого не видели, и это как раз типично для западного взгляда, в других цивилизациях такого не было.

Теперь мы видим, что в результате потеряли смысл своего существования, а наука и технологии не обеспечивают, не продуцируют ценности. Они могут служить каким-то ценностям, даже, например, ценностям Гитлера. Мы можем использовать многие инструменты, но не знаем, каково то будущее, которое нас ожидает. И поэтому нужно возрождать наши размышления над ценностями. Многие культуры пытаются найти какой-то подход, который позволил бы им снова обрести смысл жизни, например через личную вовлеченность и то, что в английском языке называется «коммитмент», то есть приверженность. Можно подумать о возможных модификациях, но здесь встают разные вопросы, в том числе вопрос «зачем?». Если мы попытаемся изменить ментальность людей, это будет потрясающее открытие по сравнению с попытками внедрить новые гены. Это будет действительно прорыв, и тогда генетическая инженерия покажется чем-то очень банальным.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Теперь слово предоставляется господину Ги Меттану.

Г. МЕТТАН: — Я согласен, не обязательно только с негативной точки зрения подходить к кризису и думать только о неудачном развитии событий. Проблема в том, как правильно выбрать ориентацию, направление, как узнать, какое направление является действительно правильным. Вообще я пессимист, когда что-то обдумываю, но не когда действую. Я думаю, что мы можем найти решение проблем на уровне действия. Но если сейчас мы посмотрим на главные угрозы, которые стоят перед нашей цивилизацией, то поймем, что это сама природа, экология, проблема выживания человечества на планете Земля. Если мы посмотрим на прошлое, то увидим, что все выжившие цивилизации уничтожили другие цивилизации, которые существовали в гармонии с природой, например шаманов в Индии. Те, кто уважал натуру, отступили, они были вытеснены и даже стерты с лица земли. Теперь разные цивилизации — западная, китайская, российская, социалистическая, капиталистическая — базируются на чрезмерной эксплуатации природы, естественных ресурсов, минеральных ресурсов, атмосферы, кислорода, на массовом уничтожении животных, растений, в целом разнообразия жизни на планете и т. д. Это главная угроза, которую мы должны учитывать, если хотим выжить.

Теперь мы должны выбрать правильное направление, которое будет основываться на уважении к природе, потому что, я думаю, мы слишком переоцениваем силы и возможности технологий. Если будущее будет основываться на технологии использования природных ресурсов, если мы и дальше будем уничтожать природу, перерасходовать и слишком злоупотреблять ресурсами, то далеко не уйдем. Нам нужно базироваться на принципиальных изменениях, основывающихся на уважении к природе. Когда-то дав-

но христианство распространилось в результате попытки внести изменения в социальную среду, вообще в жизнь, в поведение людей. Но это было 2 тыс. лет назад. В какой-то период это работало. Теперь нам нужно изобретать новое христианство, которое будет базироваться на уважении к природе. Если мы будем продолжать действовать так, как сейчас, ничего хорошего не выйдет.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Я хотел бы задать вопрос академику Владиславу Александровичу Лекторскому: где, на Ваш взгляд, граница вмешательства науки в физиологическую, биологическую, генную и другую природу человека? Может быть, это вмешательство стоило бы остановить?

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Остановить, конечно, надо, и граница существует. Хотя сейчас одна из самых обсуждаемых философских и практических проблем: где граница человека? До какой степени можно менять человека, чтобы он не перестал быть человеком? Граница состоит вот в чем: нельзя менять человека до такой степени, чтобы он утратил принципиальные человеческие качества.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Какие это качества?

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Первое — чтобы он был существом, ответственным за свои действия, то есть свободно принимающим решения. А сейчас делаются попытки управлять его поведением, контролировать его. Свобода по-разному понимается в разных культурах, и в русской тоже. Но при всех различиях есть нечто общее во всех культурах — они предполагают, что человек отвечает за то, что он делает. А отвечать он может только в одном случае — если у него есть свобода воли, свобода выбора. Сейчас это ставится под сомнение. И теоретически (в когнитивной науке пытаются доказать, что свобода воли — это фикция), и практически: пытаются внушить идею, что в будущем обществе будет легче жить, если вами будут управлять, незаметно посылая вам какие-то сигналы.

Второе — человек должен быть автономным существом. Сейчас некоторые философы сильно увлечены идеей о появлении в скором времени возможности читать мысли другого человека, «вытаскивать» какие-то образы прямо из его памяти. Опыты такого рода уже проводятся. На самом деле, если и можно «читать» какие-то простейшие образы в мозгу другого человека, то в точном смысле слова «читать» чужие мысли невозможно. Об этом мне приходилось специально писать. Но представим себе, что это было бы возможно (а, как я сказал, в возможность этого верят некоторые философы и ученые). Ведь это было бы страшно — стать прозрачным для всех. В таком прозрачном обществе человек растворяется, его как бы не существует, он открыт для всех и им может манипулировать кто угодно. Он теряет автономию. Этого нельзя допустить.

Теперь несколько слов о геномном вмешательстве. Сейчас многие генетики увлечены редактированием геномной карты. Такая возможность есть. Считается,

что по заказу можно будет делать детей более сильными, более умными и т. д. Но тут тоже есть опасность. Можно дойти до того, что будет искажена сама природа человека. А в современном обществе, в современных условиях потребительской экономики, рыночной экономики это может привести к тому, что богатые люди будут иметь возможность создавать каких-то сверхсущностей, а бедные люди останутся на положении полулюдей. Возникает масса опасностей, и поэтому эти эксперименты нуждаются в гуманитарном контроле.

Сейчас много и обоснованно пишут о том, что современный век — это век развития науки о человеке (Human Sciences). Но Human Sciences — это не то, что гуманитарные науки, не Humanity's. Гуманитарный тип науки предполагает некоторую систему человеческих ценностей, а науки о человеке — это другого типа исследования: к примеру, исследования мозга. Тут есть опасность: человек может высоко взлететь, но может и упасть, так как стоит на краю пропасти. Сейчас наука, технологии дают возможность подняться выше, но ведь можно и упасть в пропасть, перестать быть человеком.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Вопрос к господину Меттану. Он недавно выпустил потрясающую книгу о более чем тысячелетней русофобии Западной Европы, Англии по отношению к России. В связи с этим интересно узнать мнение господина Меттана: почему в рамках одного типа культуры существуют антагонистические отношения между различными ветвями. Например, почему существуют кровожадные конфликты между суннитами и шиитами? Россия относится к Западу с традиционной любовью, правда, в последние годы эта любовь сопряжена с некоторой критикой. Здесь все больше относятся к Западу как к любимому родственнику, с которым происходит что-то не то. Но у нас такое впечатление, что Запад ненавидит Россию практически на генном уровне. Хотя мы — две ветви одной цивилизации. Господин Меттан, с чем Вы связываете такое отношение Запада к России?

Г. МЕТТАН: — На этот вопрос нельзя ответить коротко. С моей точки зрения, Вы правы. Абсолютно парадоксально видеть, как западная часть цивилизации недолюбливает, даже не любит Россию, которая является частью той же цивилизации. Но это реальность, и мы каждый день наблюдаем в США и в Западной Европе проявления этого. Для меня удивительно, как это могло случиться. Я пытаюсь это объяснить себе и нахожу исторические корни, в основном религиозные. Эта пропасть между Россией и Западом базируется на религиозных моментах, связанных с расколом между ортодоксальной, православной церковью и римско-католической. В незапамятные времена появилась эта трещина. Европа была против греческого православия. И, может быть, неприятие коренится именно там. Сначала это было неприятие греческого ортодоксального православия, потом это перенеслось на Россию. И все это исторически воспроизводится с того времени.

Я думаю, что геополитические корни важны, потому что власть над миром переместилась из Европы в США, и теперь США — это держава-гегемон, не тер-

пящий конкурентов. То же самое можно увидеть в другие моменты развития человечества, когда две крупные державы становились конкурентами, и каждая хотела удержать власть. Такое уже было. Мы должны внимательнее изучать историю. Может быть, я не дам вам окончательного ответа, потому что представляю прессу, средства массовой информации. Почитайте «Нью-Йорк таймс» в США, «Монд» во Франции, «Таймс» в Великобритании, «Франкфуртер альгемайне» в Германии — они все, как мантру, повторяют одно и то же: Россия — «плохой парень», а мы хорошие. Это наша проблема. Но есть ли решение? Я попытался порассуждать на эту тему в своей книге, которая вышла в Швеции, Италии, США. Я попытался проанализировать ситуацию и обратиться к западному миру с призывом быть более вдумчивыми и искать решение противостояния двух сторон одной — европейской — цивилизации. Найти решение, как это преодолеть, — вот цель моей книги.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Вопрос к Абдусаламу Абдулкеримовичу Гусейнову. Мы тут поговорили и о социализме, и о капитализме. Как Вы считаете, является ли постсоветская Россия периода Ельцина, периода Путина продолжательницей традиций Советской России, того типа цивилизации, или мы сегодня продолжаем что-то другое? А, может быть, ничего не продолжаем?

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Я, может быть, немного нарушу Ваш сценарий, буквально два слова хотел бы сказать в связи с предыдущим вопросом, что мы любим Запад, а он нас нет. На мой взгляд, то, что мы любим Запад, — это некоторое преувеличение. В нашей культуре, как в прошлом, так и сейчас, можно найти много показательных эпизодов именно нашей нелюбви к Западу. Достаточно вспомнить позицию Достоевского, его отношение к католикам, да и массу других вещей. И Запад ведь не всегда считал Россию «плохим парнем». В 1989 году делегация из девяти человек побывала в Америке. Боже мой, как нас встречали! Это было в так называемый «период Горби».

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Они обрадовались, что мы не будем их бомбить.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Да, возможно. Неважно почему, но они нас замечательно встречали, перед нами были открыты все двери. То есть тогда мы были «хорошими парнями». Здесь речь идет о том, что все-таки нельзя отрываться от социальной исторической основы, которая определяет, или, во всяком случае, существенно влияет, как на поведение людей, так и на отношения между народами. Мы тоже в последнее время в своем мышлении слишком заикнулись на геополитике. Мы их любим — они нас нет, мы разные нации, у нас разные культуры и т. д.

Теперь что касается Вашего вопроса ко мне. Конечно, Россия — продолжательница традиций Советского Союза не только формально, юридически, но и по сути. Здесь присутствуем мы, три философа, которые

работали в то время, были на виду, и сидят нынешние доценты, профессора и т. д. И в этом смысле мы видим прямую преемственность, весь вопрос в том, что мы продолжаем и от чего отказались. И чем дальше, тем больше это прослеживается: мы отказались, может быть, от самого ценного, что было в те годы, и от чего не стоило отказываться. Я так скажу: мы отказались от социального измерения нашего общества, нашего совместного существования, от культуры, образования, от той системы ценностей, где на первом месте все-таки были человеческие ценности, гуманитарные, а не те, которые связаны с прибылью, успехом в конкурентной борьбе.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — То есть на работе должен быть капитализм, а после работы — социализм?

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Во всяком случае, должно быть какое-то разделение. Я лично вижу это так: экономика, конечно, вполне может быть рыночной, но пусть она и остается только рыночной. Экономика — очень важная вещь, но пусть она знает свое место.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Вопрос к Александру Петровичу Маркову. Сегодня понятно, что одна из больших бед техногенной цивилизации — это современная ситуация с обществом потребления. Может ли высокая культура быть массовой?

А. П. МАРКОВ: — Мой ответ будет, может быть, очевидный и примитивный. Чем массовая культура отличается от подлинной, высокой, глубокой? Все, что производится в массовой культуре, производится на продажу. Там продаются и произведения искусства, и любовь, там человеческие ценности превращаются в имиджи и бренды. Там даже самое святое — способность женщины рожать — становится товаром. Поэтому ключевой признак массовой культуры, который является базовым для человека потребляющего, — это в каком-то смысле закат. Если продолжать ту мысль, о которой я говорил, это закат христианской культуры, логоцентричной культуры; это закат той культуры, где между сущим и должным была пропасть, где человек должен был не потреблять, а думать о том, как ему сделать лучше собственную судьбу и собственную душу.

Вот я произнес слово «душа», и мне кажется, что оно больше относится к культуре язычества, которая существовала в гармонии с природой. А сейчас распространен гедонизм, мы все уже гедонисты. Академик Степин говорит о неизбежности такой эволюции человека и природы, но есть два неустраиваемых противоречия, которые убивают человеческую душу, — алчность и агрессия. В связи с этим мне вспоминается фраза, которую сказал Лунгин в одном из интервью после премьеры фильма «Остров» и которая меня удивила. Он сказал, что ему кажется, что до прихода Христа в этот мир у человека в принципе не было души как органа, способного сочувствовать, сострадать. Так что главная утрата, которая нас ждет, — это исчезновение души человеческой. И в этом смысле, я считаю, что у русской цивилизации, у нашей гуманитарной культуры особая

миссия, которая состоит в том, чтобы спасти человека. Весь гуманизм западной культуры происходит от латинской версии *Homo sapiens* — «человек из навоза». А мы должны утвердить человека как чело, обращенное к вечности. Это наша задача, в том числе и сегодняшней дискуссии.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, наша дискуссия подходит к завершению. Предоставляю заключительное слово господину Агацци.

Э. АГАЦЦИ: — Александр Сергеевич, я не согласен с Вашим выводом, что на Западе есть неприязнь к России. Это неправда, ни в коем случае. Конечно, случались исторические реконструкции, которые вызвали определенные трудности, и религиозные противоречия имели место — православие и католицизм, Россия и Польша, и т. д. Я помню, в библиотеке моего отца были книги Достоевского, Толстого, Чехова, Тургенева, Пушкина и др. Когда мне было 18 лет, я прочитал их, также читал и французских, и немецких авторов, и всегда Россия казалась частью европейского сознания. Если мы посмотрим на историю: Джакомо Кваренги и другие архитекторы строили Петербург, русские композиторы приезжали из Петербурга в Вену и так далее и тому подобное, — это всегда было движение навстречу друг другу. Может быть, мы потом что-то потеряли, и возникла оппозиция между коммунизмом и капитализмом, между Советским Союзом и США, но европейцы, интеллектуалы чувствуют себя ближе к России, к русским, чем к США. Я бывал в Стэнфорде, в Питтсбурге и других научных центрах США, и могу сказать, что с интеллектуальной точки зрения мы гораздо ближе по духу к России, чем к американской культуре. Это неправда, что есть такая ненависть. Это совершенно антиисторический момент, в который мы сейчас живем, но тем не менее глобально — нет.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Было очень интересно обменяться мнениями по этому поводу, но я не хотел сказать, что все европейцы нас ненавидят. Не сомневаюсь, что существенная часть Европы прекрасно относится к России. Но и господин Меттан прав в том, что все-таки есть такой негативный политический тренд, который сейчас поддерживается массмедиа. Теперь я вижу, что академик Степин хочет сказать еще несколько слов.

В. С. СТЕПИН: — Динамический хаос рано или поздно порождает порядок, то есть новое состояние устойчивости, как этап исторического развития сложной системы. Конечно, это не исключает катастрофических сценариев, которые могут привести к деградации общества и даже к уничтожению человечества. Поэтому в предвидении будущего современной цивилизации важно выявить те области риска и такие сценарии, которых необходимо избежать.

Утопии, которые продуцировала философская мысль и литература прошлых эпох, сегодня, при современных темпах социальных перемен, выглядят наивны-

ми. В них позитивный идеал будущего всегда подается в обрамлении конкретных представлений об обществе и будущей жизни людей, но сами эти представления содержат множество субъективных наслоений, корнями уходящих в повседневную жизнь их авторов.

Так, в знаменитом труде Кампанеллы «Город Солнца», который он написал в застенках инквизиции во время своего длительного заключения, можно найти следующие детали справедливой жизни в городе Солнца. В системе наказаний здесь первое место занимало побивание камнями, а второе — лишение женщины, что с точки зрения 34-летнего заключенного Кампанеллы представлялось равным пытке. Спаривались жители города Солнца по указанию начальников, детей отбирали — их воспитывало государство. Все жители трудились, а те, которые были немощными и слепыми, тоже должны были работать на благо общества — они слушали, что говорили окружающие их люди и сообщали начальникам и начальницам.

В современной социальной жизни утопии уже не имеют притягательной силы. Их заменили антиутопии (Хаксли, Оруэлл, Замятин и др.). И для прогноза будущего они играют свою положительную роль как предостережение от тех, уже реализуемых или намечившихся сценариев развития, которые способны привести человечество к деградации.

Сегодня формирование новой системы ценностей и ее укоренение является ключевым аспектом в процессах перехода к новому типу цивилизационного развития.

Как я уже отмечал, при переходе от традиционалистского к техногенному типу развития целостная матрица формировалась и укоренялась более трех столетий. В современных условиях аналогичный процесс будет протекать в ускоренном темпе. Многие футурологи называют начало второй половины века временем кардинальных глобальных перемен. Но даже если согласиться с этими, исторически довольно короткими сроками, в процессе становления и укоренения новой ценностной матрицы будут участвовать несколько поколений. И очень важно, чтобы сохранялся творческий потенциал поколенческих элит, призванных проделывать необходимую продуктивную работу в поиске

новых ценностных ориентиров. Как ни странно, эта задача сегодня отнюдь не простая. Весь стиль жизни современных обществ потребления формирует клиповое сознание широких масс людей, которое выступает противоположностью системному мышлению, и я согласен с профессором Э. Агацци, что нужна новая система воспитания и образования, которая бы возвращала высшие состояния человеческой ментальности. Сегодняшняя образовательная практика упрощения и понижения планки образования не отвечает задачам формирования системного мышления во всех его формах — от научного до художественно-образного, проявляющегося в логике художественного творчества. Научить мыслить — непростая задача. У великого отечественного педагога Д. Ушинского есть такое замечательное изречение: фантазировать легко, мыслить тяжело. Снижение уровня мышления неизбежно рано или поздно приведет к неспособности элит находить правильные решения в усложняющейся и подчас критической социальной обстановке.

И еще одно обстоятельство — в процессе воспитания и обучения важно, чтобы в сознании людей постепенно укоренился идеал сохранения человечества и биосферы как среды его обитания. В этом случае технологический прогресс будет целенаправленно направляться идеями коэволюции человека и биосферы. И этот идеал должен определить исходную позицию оценки современных конкурирующих сценариев развития цивилизации.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — В заключение позвольте обратиться к студентам. Сегодня вы наблюдали интереснейший философский дискурс, из которого имеете возможность вынести много нового и полезного. Не знаю, в каких еще учреждениях страны могла бы пройти подобная дискуссия. Вы сегодня имели уникальную возможность посмотреть на одну и ту же проблематику глазами разных специалистов — государственных и общественных деятелей, экономистов, юристов, философов.

Хочу пожелать всем нашим участникам, гостям и студентам новых успехов в научной, творческой и учебной деятельности.

Секция 1 КОНТУРЫ МИРОВОГО ПОРЯДКА В XXI ВЕКЕ

19–20 мая 2017 г. Конференц-зал гостиницы “Radisson Royal”

Руководители секции:

Ш. Т. ГАДИО	министр иностранных дел Сенегала (2000–2009), президент Института panaфриканских стратегий
П. ДУТКЕВИЧ	директор Центра изучения государственного управления и общественной политики Карлтонского университета (Канада), доктор философии, профессор
М. А. МОРАТИНОС КУЙЯУБЕ	министр иностранных дел Королевства Испания (2004–2010), доктор, Почетный доктор СПбГУП
А. А. ПАНКИН	директор Департамента международных организаций МИД РФ
В. А. ЧЕРЕШНЕВ	директор Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, член Президиума РАН, академик РАН, доктор медицинских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

А. И. АГЕЕВ	генеральный директор Института экономических стратегий РАН, заведующий кафедрой Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ», доктор экономических наук, профессор
А. БЕБЛЕР	профессор факультета общественных наук Университета Любляны (Словения), доктор политических наук
Л. К. БРЕССЕР-ПЕРЕЙРА	почетный профессор Фонда Жетулиу Варгаса (Бразилия)
И. И. БУЗОВСКИЙ	глава администрации Центрального района г. Минска (Республика Беларусь)
Ч. ВАРГА	почетный профессор Института правовых исследований Венгерской академии наук, Католического университета им. Петера Пазманя (Будапешт), доктор
Е. Й. ВЯТР	министр образования Польши (1996–1997), депутат Сейма Республики Польша (1991–1997, 2001), доктор социологии, профессор
Б. ДЕГАРДЕН	генеральный директор банка “Egic Sturdza SA” (Женева, Швейцария)
В. ИНГИМУНДАРСОН	профессор современной истории Университета Исландии, доктор философии
В. Л. КВИНТ	заведующий кафедрой финансовой стратегии МГУ им. М. В. Ломоносова, иностранный член РАН (США), доктор экономических наук, профессор
Г. КЁХЛЕР	президент Международной организации прогресса (Вена, Австрия), профессор Университета Инсбрука, доктор философии
Г. В. КОЛОДКО	вице-премьер, министр финансов Польши (1994–1997, 2002–2003), директор Исследовательского института Университета Леона Козьминского (Варшава), иностранный член РАН, доктор экономических наук, профессор
Г. ЛИТТЛДЖОН	экономист, социолог (Великобритания)
М. Ф. МОНТЕС	старший советник по вопросам финансов и развития Южного центра (Женева, Швейцария), доктор экономики

Р. МЭТБЮЗ	президент Международной лиги стратегического управления, оценки и учета, профессор Кингстонского университета (Великобритания)
В. ПРОДАНОВ	профессор кафедры политической экономики Университета национального и мирового хозяйства (София), член-корреспондент Болгарской академии наук, доктор философских наук
Г. М. РЕЗНИК	вице-президент Федеральной палаты адвокатов, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП
В. И. РОССМАН	профессор Северо-Американского университета (Хьюстон, США), доктор философии и политических наук
Б. Дж. СИЛВЕР	директор Arrighi Центра глобальных наук Университета Джона Хопкинса (Балтимор, США), доктор социологии, профессор
П. П. ТОЛОЧКО	член Президиума Национальной академии наук Украины, почетный директор Института археологии НАН Украины, иностранный член РАН, доктор исторических наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
Ж. Т. ТОЩЕНКО	заведующий кафедрой теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета, главный научный сотрудник Института социологии РАН, член-корреспондент РАН, главный редактор журнала «Социологические исследования», доктор философских наук, профессор
В. Т. ТРЕТЬЯКОВ	декан Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова
Я. Г. ШЕМЯКИН	главный научный сотрудник Центра культурологических исследований Института Латинской Америки РАН, доктор исторических наук
Я. А. ШОЛТЕ	профессор кафедры исследования проблем мира и развития Гётеборгского университета (Швеция)

П. ДУТКЕВИЧ: — Дамы и господа, коллеги, начинаем работу первой секции. Мы будем вести нашу дискуссию вместе с коллегой Александром Панкиным, представляющим Министерство иностранных дел Российской Федерации.

А. А. ПАНКИН: — Спектр вопросов в рамках заявленной темы весьма широк. Они могут охватывать недостатки современной мировой политической и экономической системы, проблемы предотвращения и разрешения кризисов и конфликтов. Мы можем концентрироваться как на глобальном подходе, так и на «горячих» региональных сюжетах. Надеюсь, что мы сможем по крайней мере обозначить темы, которые имеют первостепенное значение для научной проработки, использования в общественном публичном пространстве с целью сглаживания тех или иных проблем, а также в качестве предмета размышления политиков и лиц, принимающих решения, для выправления нынешней неудовлетворительной и нестабильной ситуации.

Попытки прогнозирования приветствуются. Мы рассматриваем контуры мироустройства XXI века, и если у кого-либо на основе собственных наработок или массива проведенных исследований сформировалось мнение о том, по какому реалистичному сцена-

рию может пойти развитие, было бы интересно это услышать. Хочу напомнить, что на пленарном заседании мы сделали особый акцент на вопросах противодействия терроризму, упоминались и другие новые вызовы — от организованной преступности и распространения наркотиков до изменения парадигмы прав человека. И, безусловно, очень важны вопросы безопасности, предотвращения конфликтов или неуправляемого и печального развития событий в мире.

Первой предлагаю выступить профессору Беверли Силвер.

Б. Дж. СИЛВЕР: — Я подготовила несколько заметок на основе наших предыдущих обсуждений, которые мне показались важными. Получилось несколько тезисов.

Прежде всего это касается более конкретного описания настоящего времени. Мы рассматриваем в ретроспективе период между 2003 и 2016 годами и склоняемся к мнению, что он был кризисным. Существующий миропорядок был на грани разрушения, когда США вторглись в Ирак и в нескольких других случаях. Правда, теперь у США нет таких возможностей влиять на мир, какие были раньше. В 2008 году разразился финансовый кризис, который показал, что существуют

ограничения в моделях экономических и финансовых систем. Это касается не только Соединенных Штатов, но и любой другой страны. К 2016 году экономическая и политическая системы США оказались разбалансированными, что выразилось в кризисе легитимности американского капитализма. Я использую понятие «постоянный кризис», чтобы отличить его от того, что Джованни Арриги называл «сигнальным кризисом». Этот итальянский экономист и социолог различает начальный кризис, который может оказаться просто фазой финансового развития, но может привести и к более глубокому, терминальному кризису. Проблемы, которые мы наблюдали в 2003, 2008 и 2016 годах — свидетельство сигнальных кризисов. Это произошло и во Вьетнаме, и в нарушении долларového стандарта, и в социальных беспорядках в США. Либеральный проект в некоторой степени в ответе за то, что мы сегодня видим. Разбалансировка в области финансов привела к социальной нестабильности, но вместо того, чтобы реагировать на требования исправить ситуацию, правительства, напротив, сокращают воздействие на социальную сферу. Подобный «тройной» кризис, отразившийся на социальном благополучии, мы переживали в 1970-х годах, снова столкнулись с ним в последнее десятилетие и не можем предположить, какие будут последствия. В основном это касается США, но в большой степени связано и с тем, как развиваются глобальные процессы.

Я провела ряд исследований, в том числе изучила переходы от прошлых гегемоний к ныне существующей системе. Мне хотелось бы отметить три черты, общие с предыдущими трансформациями. Когда-то на мировой арене доминировали сначала голландцы, затем англичане и немцы, и это продолжалось до начала XX века. Каждый из периодов финансового развития характеризовался усилением доминирования, перемещением и накоплением капиталов в масштабах мировой экономики. В свое время центром силы была Великобритания, затем капитал стал концентрироваться в США, где наступил период быстрого финансового развития. Сегодня капитал перетекает в страны Юго-Восточной Азии. Это говорит о том, что на самом деле мы переживаем период последовательной смены центров этих процессов, переход от одного центра к другому. Но сегодня появилось нечто новое: впервые центр накопления капитала передвинулся с Запада на Восток. Это связано с другими крупными переменами: уничтожением рабства, развитием серийного производства и др.

Все это должно помочь нам в прогнозировании будущего. Мировой кризис, который затронул даже США, означает, что американскую модель капитализма нельзя принимать как универсальную для всего мира. Массовое производство и массовое потребление в начале XX века казалось универсальным требованием, но в 1970-е годы и в США, и во всем мире этот процесс пошел вспять. Мы должны сегодня быть осторожными в своих выводах и ожиданиях. Почему? Во-первых, из-за массового производства значительно ухудшилась экологическая ситуация, во-вторых — изменились социальные пределы прибыльности и рен-

табельности производства, которые с учетом социального развития стали неприемлемыми. Незначительная часть работающих получает высокую зарплату, в то время как остальные, составляющие большую часть населения планеты, живут в бедности. Поэтому мы говорим о кризисе рентабельности и капитализма.

Исторически капитализму свойственна напряженность между легитимностью и рентабельностью. Поиск решения этой проблемы привел к перераспределению средств, неравенству, несправедливости и в конечном счете — к кризису рентабельности. Сейчас акцент перемещается с легитимности на рентабельность в мировых масштабах, но пока непонятно, к чему это приведет.

М. А. МОРАТИНОС: — Госпожа Силвер, Вы положили отличное начало нашей дискуссии. Ваш методологический подход, касающийся долгосрочных циклов развития, заслуживает внимания и интереса. Действительно, в свое время были ожидания трансформации. Можем ли мы сейчас исправить этот механизм? Или это уже невозможно, и мы находимся на этапе, когда этот механизм вообще не работает?

А. А. ПАНКИН: — Слово предоставляется господину Шейху Тидиану Гадио, государственному деятелю Республики Сенегал.

Ш. Т. ГАДИО: — Мы с коллегой Мигелем Моратиносом давно и плодотворно сотрудничаем и в африканских странах, в частности у меня на родине, в Сенегале, и в Испании, его родной стране. Мы разработали новые модели сотрудничества, к сожалению, я не имею возможности рассказать о них подробно.

Скажу несколько слов о такой большой части света, как Африка. Какое место она занимает в новом мировом порядке? Ответ прост: для Африки в этом порядке места нет. Это не новая проблема. Говоря о международных делах, мы почти никогда не упоминаем Африку. Считаю это несправедливым по ряду причин. Во-первых, по многим показателям, в частности по запасам природных ресурсов, удельный вес нашего континента очень велик. Во-вторых, неприятная, но очень значимая причина, которую нельзя недооценивать: Африка превращается в эпицентр мирового терроризма, в том числе и потому, что эта часть света не привлекает такого внимания мирового сообщества, как другие регионы мира. Большинство крупных террористических организаций базируются именно в Африке. В частности, «Аль-Каида» захватила две страны, в том числе Мали, и после этого другие небольшие группы террористов стали организовывать свою деятельность в Мали, которая находится в Западной Африке. Затем это движение распространилось за пределы Мали и приблизилось к границам Нигерии (а это африканская сверхдержава), и сегодня их негативное воздействие ощущается в Камеруне и других странах. Уже 22 страны стали жертвами террористической деятельности на африканском континенте. Мы не можем игнорировать тот факт, что Африка привлекает такое большое внимание террористических организаций,

которые считают регион Сахары самым подходящим для себя. В течение ближайшего десятилетия они намерены создать свой халифат, и я думаю, что лучше открыто заявить об этом, чтобы привлечь внимание всего мира.

Коллега Силвер упомянула важные события начала XXI века — войну в Ираке и финансовый кризис. Я хотел бы добавить в этот список теракты в США 11 сентября 2001 года. После этого произошло еще много трагических событий и, наконец, была развязана война в Ливии. Ливия была разрушена — не только государство, но и общество, состоящее из разных племен. В регионе Сахары начался период нестабильности.

Война в Ираке стала первым шагом на пути к сложившейся ситуации. Трагедия заключается в том, что в целом Африка могла бы играть более важную роль в мире, если бы мы смогли объединиться. На Западе есть точка зрения, что каждая африканская страна может развиваться самостоятельно, в одиночку. Но мы видим, что это неверно. Африканский континент не обладает стратегией выживания. Более того, Африка выбрала самоубийственную модель «развития», из-за чего в последние 50 лет возникли огромные проблемы в сельском хозяйстве и других направлениях экономической и хозяйственной деятельности. Поэтому нам необходимо объединить усилия всех африканских стран и регионов. Если Африка хочет стать глобальным игроком на мировой арене, надо брать пример с Китая (его успехи всем известны) и Южной Кореи, которая еще в 1996 году имела почти такой же ВВП, как Гана, а сегодня — как суммарный ВВП 27 стран Африки.

Балканизация Африки — непрерывный процесс. Мы боимся, что в любой момент может разгореться жестокая война между Южным и Северным Суданом, с тревогой наблюдаем за тем, что происходит в Центрально-Африканской Республике, на озере Чад и в регионе Сахары. Давно пора обсуждать все острые вопросы, касающиеся нашего континента, и включить тему Африки в повестку дня ООН, потому что постоянное игнорирование приводит к еще большим проблемам и когда-нибудь это может закончиться плохо для всего мира. Поэтому я обращаюсь ко всем участникам Чтений от имени жителей Африки. Население этой части света превышает миллиард, и у нас огромный потенциал — не только природные ресурсы, но и человеческий капитал, очень много молодежи, чью энергию можно задействовать на благо континента и всего человечества.

В последние годы мир сильно изменился. Например, Россия сейчас играет другую роль в международной политике. Меняются также роли Китая, США, Европейского Союза. Призываю всех помочь Африке объединиться, чтобы благодаря совместным усилиям стран мы смогли занять достойное место в мире. А для этого мир должен понять, что нельзя игнорировать Африку, так как последствия могут быть катастрофическими для всех.

А. А. ПАНКИН: — Господин Гадио поднял очень важную тему. Но у меня есть возражение. Совет Безопасности ООН в действительности уделяет Африке

очень много внимания и времени. К сожалению, это не означает, что международное сообщество способно эффективно решить проблемы африканского континента. Даже Афросоюз, который озабочен проблемами мира и безопасности и реализует стратегию миротворчества, еще пока не в состоянии полностью обеспечить контроль над ситуацией. Поэтому взаимодействие всех игроков, безусловно, необходимо.

А сейчас слово господину Брюно Дегардену.

Б. ДЕГАРДЕН: — Прокомментирую несколько тезисов, которые высказали коллеги Гадио и Силвер. Относительно Африки я полностью согласен: это ключевая тема. Как вы знаете, в Африке расположена 51 страна, это очень обширный и разрозненный континент. Население там действительно превышает миллиард человек, а к 2050 году достигнет 2,5 млрд, так как темп прироста населения очень высокий. Что касается экономики, то, с одной стороны, в отдельных странах и регионах Африки наблюдается высокий экономический рост, до 6–7 % в год, с другой — на эту часть света приходится только 1 % мирового промышленного производства. Африка не получает капиталов в достаточном объеме и зависит от их притока извне.

Еще одна проблема — миграция. Европа, где проживают 500 млн человек, в 2016 году испытала большие трудности с приемом миллиона мигрантов. Динамика роста населения в таких странах, как Нигер и Мали, ведет к тому, что в ближайшие годы мигрантов может стать много больше. Поэтому необходимо инвестировать средства в стабилизацию положения на самом континенте. Людям трудно выживать в климатических условиях Африки. Здесь трудно вести сельскохозяйственную деятельность, к тому же постоянно случаются засухи, и у людей не остается выбора, кроме как уезжать. Причем образованные люди будут уезжать первыми, и развивать экономику просто станет некому.

Два небольших дополнения к выступлению госпожи Силвер. Международные иностранные инвестиции (около 1,5 млрд долл. в год) раньше шли с Запада в развивающиеся страны, но в 2008 году ситуация изменилась. Считаю, что робототехника и другие технологические достижения приведут к тому, что инвестиции будут идти не только в развивающиеся страны и Китай. Вместо того чтобы создавать роботизированное предприятие в Китае или какой-нибудь стране Юго-Восточной Азии, станет проще наладить производство в Испании и США, и это производство будет высокорентабельным. Дело в том, что развивающиеся страны сейчас догоняют развитые, разрыв между ними все время сокращается и в один прекрасный момент может исчезнуть.

Что же касается прибыли и рентабельности, то, действительно, мы видим, что в последние 50 лет компании США стремятся всеми силами повысить свою прибыльность. Они создают искусственные возможности для зарабатывания денег, занимают денежные средства, чтобы купить ценные бумаги. У меня это вызывает озабоченность. Думаю, что компания должна инвестировать средства в развитие производства вместо

того, чтобы выпускать новые акции, распространять их среди своих акционеров и на этом зарабатывать.

А. А. ПАНКИН: — Слово профессору Антону Беблеру.

А. БЕБЛЕР: — Когда шла холодная война, обычно ее характеризовали как столкновение между капитализмом и социализмом, конфликт разных идеологий, западной демократии и коммунизма. Когда официально закончилась холодная война, после подписания соглашения не все ее элементы исчезли, а некоторые из них существуют до сих пор. Например, ограничения на передачу технологий до сих пор действуют, особенно со стороны США.

Но это продолжение холодной войны нельзя оправдать с точки зрения идеологии. В 1996–1997 годах, во время президентства Билла Клинтона, было принято решение расширить НАТО за счет присоединения Чехии и Венгрии. Таким образом границы блока были приближены к границам Российской Федерации, и это движение затем продолжили администрации Джорджа Буша и Барака Обамы, причем без достаточных оснований для этого. Получается, что политический конфликт не исчерпан, а холодная война на самом деле была конфликтом влияния и доминирования на чисто идеологической основе. На самом деле это был реальный, настоящий политический конфликт, и, вероятно, он будет продолжаться.

Кризис на Украине также был отчасти спровоцирован американской дипломатией, чтобы увеличить давление на Российскую Федерацию и чтобы страны Европейского Союза, в частности Германия, ввели санкции против России. Санкции США против России были мастерски подготовлены и разработаны с тем, чтобы не причинить ущерб экономике США. Соединенные Штаты не снизили экспорт в Российскую Федерацию и соответственно не пострадали от убытков. Другое дело Евросоюз — здесь составили десятки миллиардов евро и продолжают расти.

Можно сделать вывод, что администрации Буша и Обамы рассматривали в качестве геополитических интересов США уменьшение влияния России в экономическом и политическом плане и изоляцию Украины от России. Что касается Европейского Союза, то санкции не отвечают интересам большинства стран ЕС. И экономика моей страны также страдает от этих антироссийских санкций.

Какой можно сделать вывод? Очевидно, что политика, проводимая сегодня, и конфликт интересов никуда не денутся. Что делать в этих условиях? Мы видим, что такого рода меры наносят наибольший ущерб тем странам, которым они должны были бы помогать, в первую очередь Украине. Пролонгация санкций не решит проблемы Донбасса, а только задержит политическое урегулирование и, таким образом, будет содействовать продолжению кризиса в стране. Это наносит вред экономике и причиняет огромные страдания населению Украины. Проблема опять-таки кроется в конфликте интересов, который, по всей вероятности, останется и при администрации Трампа. Вопрос за-

ключается в том, как решить эту политическую проблему, чтобы она не наносила ущерб европейской и мировой безопасности.

А. А. ПАНКИН: — К микрофону приглашается господин Ингимундарсон.

В. ИНГИМУНДАРСОН: — Мы уже обсудили политику переходного периода, проблемы неравенства, недоверия к мировым элитам, многополярности мира. Я же хотел бы затронуть вопрос будущей картины мира. Вообще-то я историк, так что вопросы будущего несколько не соответствуют моему профилю. Предлагаю обратиться к прошлому, чтобы лучше понять настоящее и спрогнозировать будущее.

История демонстрирует нам некоторое изменение повестки: во главу угла ставятся те вопросы, которые прежде имели второстепенное значение. До второй половины 1980-х годов в мире было противостояние двух систем, и это приводило к различным столкновениям, нарушая геополитический климат. Сегодня же, несмотря на ухудшение отношений между Россией и США, сохранились возможности для продолжения сотрудничества между этими двумя государствами, хотя мы видим большое сопротивление движению к взаимодействию. Можно говорить о том, что надо объединить усилия в борьбе с терроризмом и ИГИЛ, да и вопрос об ограничении вооружений также надо решать объединенными усилиями. Но вопрос заключается в том, как интерпретировать возникающие возможности.

В 1980-х годах на встрече на высшем уровне между США и СССР обсуждались вопросы участия дипломатов. Некоторые из таких встреч помогли изменить политический дискурс, и в итоге был положен конец существованию советской империи, возникли возможности для сотрудничества не только на основе науки. Однако трудно преодолеть проблемы, которые относятся еще к тем временам, поэтому нам сейчас надо думать о том, как ликвидировать предрассудки и штампы в общественном сознании.

В свое время появились возможности для обсуждения вопросов ограничения вооружений и достижения соглашений. И сейчас такие возможности есть. Предварительные встречи не всегда приводят к осязаемым результатам, но они необходимы. Кроме того, это создает возможности разработки программ обмена в области науки, культуры и др. Это то, что было достигнуто во второй половине 1980-х годов.

Одна из причин развития отношений в этом направлении, как мы видим сейчас, состоит в том, что России не было оказано достаточное уважение как великой державе. Россия обвинялась в политике реваншизма, и зашла речь о возврате к холодной войне. Что касается войны в Сирии, то обе стороны показали, что могут преследовать собственные интересы в этом регионе. Опять же здесь возникает вопрос, связанный с взаимоотношениями между Россией и США на текущем этапе. Сейчас есть возможности и политические основания для взаимодействия и сотрудничества. Весьма удивительно то, что на повестку дня выходят пробле-

мы, которые были преодолены в 1980-х годах, и для их решения надо использовать уже наработанные инструменты. Вместо того чтобы застревать в прошлом, давайте смотреть в будущее и думать о том, как справляться с вызовами и планировать совместные действия с учетом региональных конфликтов. Война в Сирии обсуждается очень часто, и между Россией и США должна быть достигнута договоренность о том, как развязать этот узел, чтобы в регионе воцарился мир.

А. А. ПАНКИН: — Слово предоставляется профессору Жану Терентьевичу Тошенко.

Ж. Т. ТОЩЕНКО: — Уважаемые коллеги, когда мы рассуждаем о процессах, происходящих в современном мире, о необходимых институтах и политике, то должны учитывать, какие силы будут проводить эту политику и осуществлять изменение институтов. Можно предположить, что это будут нынешние бизнесмены и политики, но я хотел обратить ваше внимание на то, что сейчас в мировой и отечественной социологии появилось новое понятие «прекариат» — «нестабильный», «неустойчивый» слой трудоспособного населения. В большинстве современных стран растет этот новый класс, включающий людей, занятых частично или временно, без постоянного трудоустройства. В России работников с временной занятостью примерно 20 %. Частично занятые сотрудники — это те, кто работает на половину, на четверть ставки и т. д. Следующая группа — люди, занятость которых не оформлена трудовыми договорами. По нашим данным, это еще 10–12 % работающего населения. К ним примыкают сезонные рабочие, занятые в сельском и лесном хозяйстве, золотодобывающей промышленности и некоторых других отраслях. Думаю, что к ним можно отнести и мигрантов, а также весьма специфическую общность — фрилансеров. У всех этих категорий работников неустойчивое социальное положение, нестабильный доход, слабая социальная защищенность. Они находятся в весьма сложном положении.

И российские социологи, и наши коллеги в Западной Европе — все мы отмечаем, что многие выпускники вузов сегодня тоже оказываются в «подвешенном» состоянии, не определяются с основным местом работы и вынуждены соглашаться на другие виды занятости. Каковы последствия?

Временная работа зачастую превращается в постоянную форму занятости. В частности, вот данные сибирских коллег. Если в их регионе 15 лет тому назад сменили профессию 15 % занятых, то 5 лет спустя — уже 19 %. В исследовании 2015 года этот показатель достигает почти 40 %. Особенно много часто меняющих работу и профессию среди вчерашних выпускников вузов. Но когда человеку приходится приспособливаться к другой работе, происходит потеря профессиональной культуры, а значит, происходит ослабление интеллектуального потенциала всего общества. Кроме того, люди испытывают неуверенность из-за шаткого социального положения и не видят перспективы. То есть создается большой слой трудоспособных граждан с неустойчивой, негарантированной

занятостью. Думаю, что именно они будут в ближайшем будущем определять изменения и преобразования в обществе.

Вероятно, не все коллеги согласятся со мной, но, по-моему, победа Трампа на президентских выборах в США — это победа американского прекариата — людей, живущих в маленьких городах и сельской местности и испытывающих неуверенность как в своем сегодняшнем положении, так и в завтрашнем дне. Но они оказались тем молчаливым большинством, который в конечном счете определил расклад политических сил, что привело к тому, что результаты голосования оказались неожиданными.

Эта новая категория населения становится реальной силой и проявляет себя в новых видах социальной активности. Прежние формы протеста, такие как демонстрации, сегодня не всегда работают. Еще раз предлагаю обратить особое внимание на этот вопрос: кто, какие люди будут олицетворять будущее не только в ближайшей, но и в отдаленной перспективе?

А. А. ПАНКИН: — Мы часто упоминаем, что в мире существует гегемония Запада с его культурным, технологическим и прочим доминированием. С одной стороны, есть на что ориентироваться в плане прогресса. С другой — все крупные конфликты XX века были инициированы исключительно западными странами, а не африканскими или азиатскими. Есть ли вероятность того, что США (сегодня ведущая сила с доктриной глобального присутствия и глобального интереса) и вообще блок западных государств несколько отойдут в сторону, уступив место новым центрам экономического и политического притяжения? И сможет ли это изменить контуры будущего мироустройства? Этот вопрос, что называется, висит в воздухе. Будет ли дальше продолжаться эта схватка цивилизаций, где, безусловно, до сих пор доминировала англо-саксонская линия, или все-таки и Африке найдется место, и азиатский вектор станет сильнее, и все это как-то сбалансирует ситуацию?

А сейчас слово предоставляется господину Гэри Литтлджону.

Г. ЛИТТЛДЖОН: — Я хотел бы изложить довольно неожиданный англо-британский подход. Мои исследования основаны на разговорах с простыми людьми, я общался не с политиками и не с учеными, и у меня несколько иное мнение. Сразу после референдума прошлого года новый министр по выходу Великобритании из Европейского Союза Дэвид Дэвис начал создавать в Лондоне финансовые институты. Дело в том, что нет необходимости в получении финансового паспорта для проведения сделок даже после выхода из ЕС. Если применить такой подход, то финансовый сектор Лондона пострадает от брексита меньше, чем ожидается. Одни организации переместят свои офисы в Ирландию, другие — еще куда-то, но в любом случае вреда будет меньше, чем кажется. Возможно, кто-то из вас захочет с этим поспорить, но во всяком случае так считает правительство Великобритании. Я не знаю, правильно это или нет.

Председатель Европейской комиссии Жан-Клод Юнкер несколько недель назад сделал то, что вызвало большие споры, — он выставил Великобритании счет в 50 млрд евро. Это слишком много, мы просто не в состоянии его оплатить. Не знаю, что по этому поводу думает правительство Великобритании. Однако если мы будем придерживаться точки зрения, что экономические финансовые затраты по расчетам правительства меньше, чем считают остальные страны Европы, то это может вызвать столкновение интересов. В то же время у предпринимателей, таких как Джеймс Тайсон, который занимается производством в Сингапуре, нет проблем с экспортом за пределы Европейского Союза. Таким образом, сформировалось мнение, что и в торговых отношениях ущерб от выхода Великобритании будет меньше, чем ожидается. Не то чтобы я оправдываю это решение, просто на основе доступных мне источников объясняю, что по этому поводу думает правительство Великобритании. Это означает, что оно, видимо, оценивает проблемы, связанные с выходом из ЕС, по-другому, нежели остальные европейские страны. Я просто хотел обратить ваше внимание на этот момент.

Что же касается технического воздействия на европейскую экономику, возможно, национальные центральные банки таких стран, как Испания, Италия, Германия, Люксембург и Голландия, смогут гарантировать возврат долгов, хотя они, конечно, очень велики. В частности, Бундесбанк гарантировал 376 млрд евро, Люксембург — 180 млрд и, по-моему, Голландия — примерно 100 млрд. И если мы посмотрим на то, что делают другие, то увидим, что у стран Южной Европы существуют большие проблемы с возвратом долгов. Даже если отвлечься от финансового кризиса, тем не менее у нас нет возможности найти такое решение. Конечно, речь идет не об утечке капитала, а о побочном воздействии долгов, которое изменило подход населения Великобритании к этим проблемам за последние несколько лет. Я не говорю, что эти аргументы правильные, но считаю, что именно такими идеями, возможно, руководствуется правительство Великобритании.

Здесь я не открою никаких секретов, поскольку основываюсь на общедоступных источниках. И мы, безусловно, можем больше производить и экспортировать, несмотря на то что с июня прошлого года наше правительство держалось в тени и не комментировало действия, связанные с подготовкой к выходу из ЕС. Что касается альтернатив, то если правительство Великобритании считает, что можно сэкономить значительные средства при быстром выходе из ЕС, тогда он может состояться уже в ближайшее время. И мы больше уже не будем должны выделять средства на поддержание ЕС. Думаю, это надо обсуждать. Я сейчас не говорю о том, что дипломаты вообще останутся без работы. Этого не произойдет. Я призываю вас посмотреть на возможность такого сценария развития событий.

А. А. ПАНКИН: — Гэри, это было очень интересное выступление, особенно, когда Вы сказали о том, что больше ничего никому не должны. Это обычная

фраза при разводе, один из супругов обязательно ее произносит.

Б. ДЕГАРДЕН: — Гэри, что касается брексита и паспортов, то сейчас в лондонском Сити 20 тыс. человек занимаются оформлением бумаг. Англичане потеряют 15–20 % компенсации. Еще мы видим, что банки в Германии, Дублине, Париже делают все возможное, чтобы получить доступ к вашим банкам. Поэтому я не настолько оптимистичен, как Вы. И наконец, я до сих пор не понимаю, почему Великобритания, которая всегда выступала за свободу торговли, готова покинуть первую зону свободной торговли мирового масштаба.

А. А. ПАНКИН: — Слово предоставляется нашему гостю из Бразилии профессору Луису Карлосу Брессер-Перейре.

Л. К. БРЕССЕР-ПЕРЕИРА: — Я хотел бы вернуться к тому, что говорила Беверли Силвер о терминальном кризисе гегемонии США, который оформился к 2016 году. Это было очень интересное выступление. И в целом я с ней согласен. Но надо отметить, что когда разгорается кризис и меняются центры притяжения капитала от Голландии к Великобритании, затем к США и Китаю, происходит то, что называется финансоволиберализация. Хотя нам, может быть, надо говорить не о финансоволиберализации, а о сильном экономическом либерализме как заключительной фазе этого процесса. Я хотел бы предложить некоторые решения. Прежде всего необходимо задать вопрос: какая существует альтернатива экономическому либерализму? По мнению экономистов, как ортодоксальных, так и неоклассических, альтернативы нет. И что мы поняли для себя? Что либерализм близок к социализму. Но социализм — это альтернатива капитализму.

Чтобы не было путаницы, я предлагаю всем найти соответствующее название этому процессу. Думаю, можно использовать понятие, которое в последнее время редко употребляется, — это девелопментализм, то есть существование на основе умеренного развития. Капитализм всегда возникал на основе развития, а Англия всегда была либеральной. В Англии и Франции капитализм возник под воздействием меркантилизма, а девелопментализм вернулся в Европу после того, как произошли определенные события. И затем опять же во Франции и Англии мы наблюдали успешное развитие после Второй мировой войны. Начиная с 1980-х годов мы вернулись к экономическому либерализму, или просто либерализму. Считаю, что именно это привело нас к финансовому кризису, высокой нестабильности и ухудшению ситуации в экономике. Это очень неэффективная политическая система.

Гораздо эффективнее работает система, основанная на девелопментализме, то есть на принципах демократии и развития социума. На самом деле эта система была разработана еще Рузвельтом в его новом курсе. И это хорошая альтернатива. Когда я слышу обращения и просьбы от имени Африки, мне хочется предложить коллегам не просить за Африку, а рекомендовать

ей взять на вооружение девелопменталистскую стратегию, то есть стратегию развития, и она сама сможет о себе позаботиться. Латинская Америка сейчас испытывает большие трудности, потому что до 1990-х годов она работала на основе теории девелопментализма, а после перешла на либерализм.

Я у себя на родине занимаюсь исследованиями и публикую свои труды. В них обсуждаю тему нового девелопментализма, как я это называю, то есть альтернативного устройства стратегии макроэкономического развития. При этом, конечно, «голландская болезнь» является очень важным фактором для макроэкономики. Думается, что страны Африки, так же как и Россия, и Бразилия, должны серьезно задуматься над этой моделью и над тем, как нейтрализовать «голландскую болезнь». Единственные государства, которые разбогатели в XX веке, — это страны Восточной Азии. Я не говорю сейчас о Японии, так как там рост начался еще в XIX веке, а вот Южная Корея, Тайвань и Сингапур разбогатели в прошлом веке. Китай еще не разбогател, но к этому идет. И причина в том, что они не страдают «голландской болезнью» и не ориентируются на сырьевую экономику, как Бразилия и Россия. Второе преимущество Китая в том, что он всегда полностью принимал девелопменталистскую стратегию развития, то есть стремился бороться с макроэкономическими ценами, обменным курсом, темпами инфляции, поэтому рынок был несомненно контролировать эти вопросы. В общем, необходима очень сильная макроэкономическая политика, особенно в том, что касается обменного курса национальной валюты.

А. А. ПАНКИН: — Мне хотелось бы отметить, что Луис Карлос и Беверли являются соавторами книги, которая будет выпущена в ближайшее время под названием «Новый мировой порядок». Дальше я хотел бы дать слово профессору из Польши Гжегожу Колодко.

Г. В. КОЛОДКО: — Если мы обсуждаем контуры мирового порядка на будущее, мне кажется, первый вопрос, на который надо получить ответ, состоит в том, носит ли глобализация обратимый характер или она необратима. В связи с этим возникают разные виды национализма, в некоторых случаях ксенофобия, когда все это перерастает в национальный экономический патриотизм. На поставленный вопрос я отвечаю: да, невозможно обратить вспять глобализацию, так как это исторически спонтанный, если не хаотичный, процесс либерализации и интеграции. И поэтому он происходит на разных рынках капитала и труда. И это взаимозависимая мировая экономика. Если определен такой порядок вещей на будущее, то возникает вопрос: какова же основная проблема? Это институционализация мировой экономики. Если этого не произойдет, то без изменений, без внедрения новых правил игры мы потерпим неудачу, и разразится еще больший кризис, который приведет к самым неприятным последствиям. Об этом должны думать все международные организации, начиная с ООН, а также банки.

У меня есть определенное доверие к «Большой двадцатке», когда речь идет о том, что необходимо из-

менить настрой в мире. Это совершенно не совпадает с интересами американского мира, так как США всегда думают о собственных интересах, а не об интересах человечества. Они думают об интересах своего бизнеса. Некоторые теоретики говорят о том, что лидерство переходит к Китаю. Я в этом не вижу ничего страшного, Китай становится все более влиятельным, и это является признаком нашего времени. В начале своего президентского срока Дональд Трамп горячо призывал к продолжению свободной торговли, потому что это приносит пользу большинству жителей всего мира, включая Парагвай, Центральноафриканскую Республику, Монголию и т. д. А как можно двигаться вперед? Думаю, что прежде всего нам нужно признать этот сдвиг, который не просто постепенно распространяется с Запада на Восток, представленный Китаем и Индией, а имеет более широкие перспективы. В будущем мир будет многополярным не только с точки зрения экономики, но и с точки зрения различных институтов и их значения. Это будет другой мир, а не мир богатого Запада, когда миллиард населения Земли контролирует 50 % всех благ мира. Что касается энергетических рынков, считаю, что необходимо более внимательно наблюдать за тем, что происходит в этой сфере. Все заинтересованные страны — Польша, Россия, Турция, Германия — пришли к выводу, что нам необходимо стремиться к открытому бизнесу на основе свободной экономики, так как это единственный мирный и устойчивый способ существования.

В заключение приведу пример Африки. Я побывал в 35 странах Африки, и в 22 из них сейчас процветает терроризм. Однако, как здесь было сказано, по прогнозам ООН на среднюю и длительную перспективу до 2050 года, там количество населения достигнет 6 млрд жителей. Я считаю, это невозможно. Африка не может прокормить даже 2,5 млрд человек. Если мы сейчас не примем меры, то начнется массовый исход из Африки. И если Америка выделит грант на 2,5 млрд долларов, то, наверное, полмиллиона человек покинут Африку, и, конечно, их не интересует Юго-Восточная Азия, они направятся в Европу. Но Европа не сможет принять их.

Я, конечно, толерантен, выступаю за многокультурность, но это нонсенс, что мы сможем принять даже 50 млн африканцев в предстоящие годы. Какой же здесь выход? Очень простой: в Африке необходимо снизить рождаемость, как произошло за последние 40–50 лет в Латинской Америке, где в 1970-е годы уровень рождаемости был 3,5 ребенка на женщину, а сейчас — 2,5. Сейчас в Африке уже мало ресурсов, поэтому, если мы хотим сохранить население в пределах континента, а не увидеть его в Европе, то должны убедить африканцев действовать по индийскому образцу, а не по китайскому. Надо сначала предоставить им ресурсы и рекомендации, как ограничить рождаемость. Конечно, Фонд Билла и Мелинды Гейтс вряд ли сможет им помочь в том объеме, как полностью бюрократизированные организации, но Африка сейчас действительно просит о помощи, и мы должны помочь. Развитые страны должны выделять хотя бы 1 % от ВВП на помощь другим государствам, к при-

меру странам Африки. Кто на что конкретно — это уже другой вопрос.

При этом надо думать о том, чтобы средства распределялись адресно. А что такое 1 % от ВВП крупной страны? Совсем немного. А если Африка и другие бедные государства мира получают 400 млрд долларов, это будет хорошим подспорьем на будущее. Во всяком случае это лучше, чем брексит. Не хочу сейчас обсуждать это решение, но, по-моему, это несусветная глупость, которая ведет не к освобождению экономических процессов, а, наоборот, к их закрытию. Мир должен находить решения, иначе кризис, который мы сейчас переживаем, нам покажется просто мелкими неприятностями.

А. А. ПАНКИН: — Разница в том, что брексит все-таки позволяет британцам жить на те средства, которые у них есть, а Африка не может себе этого позволить.

Г. В. КОЛОДКО: — Но это 0,1 % по своему значению для демографической ситуации.

А. А. ПАНКИН: — Я хотел бы передать слово представителю Республики Беларусь Игорю Ивановичу Бузовскому.

И. И. БУЗОВСКИЙ: — Представляя здесь Республику Беларусь, хотелось бы подчеркнуть, что участники, обсуждающие сегодня столь важные темы, такие как глобализация, процессы, затрагивающие самые отдаленные уголки земного шара, как будто разговаривают на разных языках. Даже мы, сидя за одним столом, говорим, как сытые о голодающей Африке. Конечно, житель африканского континента не поймет тех проблем, которые для Великобритании и Соединенных Штатов Америки сегодня являются актуальными. Но для понимания глобальных процессов, глобализации необходимы единое ментальное поле, единый подход, категорийный аппарат, который мы будем использовать в своих дискуссиях. Мы говорим о том, что глобальные процессы сегодня делают вызовы мировому сообществу, и эти вызовы зачастую негативные.

Само понятие глобального процесса уже содержит противоречие. Глобальный — это значит, что крупные корпорации, международные компании могут отстаивать единые интересы. Но в то же время глобализация диктует разные подходы. Целое — это сумма его частей, самодостаточных индивидов. Глобализация диктует десоциализацию человека. В то же время идет расщепление сознания человека, общества. Глобальные процессы понимаются, с одной стороны, как интеграционные, а с другой — как личностные — я и вокруг меня и я единственный. Единое понимание таких процессов скрывает кризис общества, в том числе психологический. Происходит фактически невращение общества, когда человек не может сделать выбор между «я — личность, мои потребности» и «я — общественное». Ранее, когда существовала мировая двуполярность, происходила борьба и достигался вектор нор-

мы, который позволял сделать выбор либо в сторону общественного, либо в сторону личного. Этот вектор позволял сделать выбор между личностными и общественными потребностями.

Наши дискуссии вольно или невольно подводятся к одной и той же фразе: экономическая целесообразность. Экономика управляет теми процессами, которые мы сегодня пытаемся проанализировать. Правильно ли это? Могут ли ценности высшего порядка и высшая истина основываться исключительно на экономических параметрах? Любую категорию мы пытаемся рассмотреть сквозь призму экономических подходов.

Сегодня параллельно проходит дискуссия у философов. И они подчеркивают, что впервые в истории человечества философия не может представить теорию для развития общества. Существуют экономическая стратегия, принимающая решения, либеральные, неолиберальные, коммунистические, социалистические системы, но в настоящее время нет тех посылов, которые можно было бы использовать как схему для дальнейшего развития общества, мирового сообщества. Другими словами, у людей сегодня хватает средств на жизнь, но нет того, ради чего жить. И один из посылов, который хотелось бы обозначить как основной, — это стремление к единым подходам в дискуссиях, особенно на гуманитарных форумах, определяющих ценности, которые будут оцениваться не по категорийным, экономическим понятиям, а в большей мере по гуманитарным, духовным, нравственным. Именно эти понятия могут стать ориентиром и вектором нормы для определения стратегии развития общества.

А. А. ПАНКИН: — Как я понимаю, господин Бузовский затронул ту струну, от которой должен задрожать воздух в наших помещениях, а именно гуманизм развития, то есть при разработке стратегии нахождения консенсуса надо думать о том, чтобы все-таки оставаться людьми и не забывать о достоинстве человека. Слово предоставляется доктору экономики Мануэлю Монтесу.

М. Ф. МОНТЕС: — Я хотел бы отреагировать на несколько тезисов, прозвучавших здесь сегодня. Меня поразила информация от Беверли Силвер. Прежде всего нам надо подумать о том, что может замедлить этот процесс, ведь есть масса факторов, которые вызывают его, и господин Дегарден об этом говорил. Я хотел бы подчеркнуть, что необходимо оказывать поддержку развивающимся странам, в том числе в плане здоровья. Всемирная организация здравоохранения считает это очень важным. Я сегодня поразила цифре 63 трлн, и значительная часть этого приходится на финансовый сектор, в настоящее время в развитых странах самый низкий уровень частных инвестиций.

Не знаю, что на самом деле нужно для того, чтобы повысить уровень производительности, о котором здесь говорилось. Наверное, необходимо увеличение потока инвестиций. Речь идет не о чистой марже, а о масштабах инвестиций для реальной сферы экономики и производства. И результаты исследований показывают, что совершенно понятно, почему частный сектор

не идет на риск повторных инвестиций даже в технологиях. Мы шутим, что Карл Маркс знал уже давно, что неравенство будет расти даже тогда, когда будет расти экономика. И именно потому, что инвесторы боятся вкладывать, это совершенно понятно. И, наверное, сегодня Карл Маркс посмеялся бы над некоторыми теориями. Мы не можем объяснить, почему сейчас процентные ставки такие низкие, а инвесторы не хотят вкладывать средства. Еще один вопрос, который мы обсуждаем, связан с расширением участия государства в экономических процессах. Честно говоря, я не знаю, может ли государство расширить свое участие, даже в Соединенных Штатах.

Мне было очень интересно услышать мнение господи Силвер, и я хотел бы также обратить ваше внимание на следующее. Если США в конечном счете утратят свои позиции, какой будет реакция Европы? Будет ли она стремиться возвыситься, стать независимой от Соединенных Штатов? Для нас, европейцев, развивающиеся страны не проблематичны. Я знаю, что думает Гэри Литтлджон об Африке. Мы думаем по-другому. Хотел бы сказать европейцам: пожалуйста, не обращайтесь на Африку, потому что раньше мы были такими же, как вы, работали по соглашениям об экономическом партнерстве. Соглашение об экономическом партнерстве предусматривает разнообразное положение, включая самые драконовские требования, так что вопрос не в деньгах, потому что мы не будем инвестировать средства на новые проекты. Кроме того, такие соглашения запрещают введение экспортных налогов.

А. А. ПАНКИН: — Давайте не будем использовать такие выражения, как «не обращайтесь на Африку, или игнорируйте ЕС, Россию или США», потому что мнение каждого государства для нас крайне важно. Теперь выступит профессор Ежи Вятр.

Е. Й. ВЯТР: — Конечно, нельзя отрицать значение экономических факторов, но есть и другие аспекты, неэкономического характера, связанные с международным кризисом. Я уже говорил о том, что еще не закончился процесс отхода от деидеологизации. Семидесятые годы XX века можно считать поворотным пунктом, когда было введено понятие идеологии как основного фактора, воздействующего на политику и даже подрывающего ее. В свое время президент Вильсон перед Конгрессом обосновал свое требование использования чисто идеологических оснований. Он говорил о свободе, демократии и правах человека. Затем, после Октябрьской революции, В. И. Ленин ввел понятие классовых интересов, которые в итоге оказались важнее, чем государственные. Опять же возникает вопрос идеологизации. Потом в течение 100 лет идеология доминировала в международной политике.

Если мы посмотрим на модель взаимоотношений между Советским Союзом и коммунистическими государствами Восточной Европы, становится ясно, что поддержание гегемонии СССР было не в его интересах. Советский Союз оплачивал расходы своих союзников в военной сфере и выступал единственным пла-

тельщиком. Тем не менее по идеологическим причинам советские политики утверждали, что коммунизм победит во всем мире. Советский Союз продолжал такую политику. Таким образом, ради этой идеологии СССР пожертвовал и другими своими интересами. Как для США, например, Вьетнамская война превратилась в плохой бизнес, который обошелся им очень дорого. Но ведь идеология антикоммунизма была оборотной стороной той же монеты — идеологии коммунизма. Затем наступило время (конец 1980-х — начало 1990-х гг.), когда Российская Федерация в соответствии с международным правом стала преемницей Советского Союза, но в то же время с точки зрения мотивации она перестала быть тем идеологизированным государством, каким был СССР.

В результате в Польше появились антироссийски настроенные политики, утверждающие, что в России отсутствует намерение изменить мнение о себе после того, как изменилась идеология. Конечно, деидеологизация произошла, но только односторонняя. И здесь я вижу основной источник конфликтов в том, что Соединенные Штаты Америки еще не последовали примеру Российской Федерации и не отказались от руководящих принципов своей прежней идеологии. Недавно я слушал выступление Джорджа Уокера Буша, который говорил, что Бог завещал Соединенным Штатам устанавливать демократию во всем мире, и это стремление США к развитию «азиатской весны» привело к разрушительным последствиям. Самые разные действия Штатов можно объяснить старой идеологией. Пятьдесят лет назад никто и ожидать не мог, что такое произойдет, но основной политический союзник США, самая крупная держава на Ближнем Востоке, а именно Турция, сейчас политически ближе к Российской Федерации, чем к Соединенным Штатам Америки. И опять же это является следствием идеологизации, потому что то, как США относятся к Турции, а еще больше это проявляется в отношении к ней ведущих стран Европы, объясняется скорее идеологическими причинами, чем какими-либо другими интересами.

Из вышесказанного можно сделать следующие выводы: мы вскоре столкнемся с рядом мелких конфликтов, которые будут связаны с наследием идеологии прошлого. Интерпретируя последние выборы президента США, я считаю, что в Америке возрастает движение против идеологизации. Здесь речь не о том, может ли президент Трамп достичь того, чего хочет. Ему это не удастся. Самое главное то, что почти половина избирателей в США выступили против кампании, которая основана на национальных интересах, на старой идеологии.

А. А. ПАНКИН: — Господин Вятр, небольшое замечание к Вашему выступлению. Я согласен с Вашими выводами, но более подробное исследование мира показывает, что есть еще одна очень сильная идеология, которая мотивирует конфликты, она носит разные названия, но суть одна — фундаментализм, экстремизм, джихадизм. Джихадизм, например, — это просто установка, манифест, не имеющий государственности. Мы не можем сказать, что этой идеологии придерживаются

Саудовская Аравия или какая-то другая ближневосточная, или мусульманская, или буддистская страна. Это очень опасный транснациональный феномен. Это как интернационал: страны были монархические, а движение — революционное, под общим манифестом. Ни в коем случае не сравнивая эти явления, отмечу только, что это мощная идеология, которая медленно, но уверенно распространяется с помощью новых технологий, оружия и анализа слабостей и уязвимостей различных стран. Это то, что я хотел добавить к Вашим словам об ожидающих нас конфликтах, мотивированных остаточными или новыми идеологическими установками. Слово предоставляется известному юристу, адвокату Генри Марковичу Резнику.

Г. М. РЕЗНИК: — Я подхватываю посыл председательствующего, который сделал правильный акцент на том, что в последние два с половиной века доминировала западная цивилизация, это несомненно. Тот технический и научный прогресс, который вывел Запад в лидеры, вырос из двух ценностей: свободы и демократии. Эти ценности являются несомненными, и за них мы должны бороться. Что же произошло? Если до окончания Второй мировой войны и разгрома нацистской Германии мир жил по принципу, который Киплинг зафиксировал так: «Запад есть Запад, Восток есть Восток — и вместе им не сойтись», то после победы стран коалиции, увидевшей ужасы тоталитаризма, фактически было создано международное право: приняты устав Организации Объединенных Наций, декларации, договоры, пакты. И я хочу обратить внимание, что они все ратифицировались, под ними ставили подписи все государства, и западные, и восточные. Изначально проникновение западных ценностей произошло именно в этих странах.

Россия всегда была специфической страной, которой все время хотелось быть уникальной, у нас культура такая. Андрей Донатович Синявский, на мой взгляд, выдающийся писатель и литературовед, сравнивал нашу страну с многослойным пирогом. Конечно, Россия последнюю тысячу лет развивалась в рамках христианской цивилизации. В ходе технической революции в рамках западной цивилизации родилась наука о природе. Исходя из этого, было осознано, что бедность, нищета унизительны. Это осознавалось постепенно. Почему? Потому что Запад развивался в рамках демократии, которая устанавливала юридическое равенство. В свое время Маркс адекватно описал ситуацию, что в страшный период первоначального накопления произойдет поляризация богатства и бедности, и это приведет к мировой революции. Слава богу, его прогноз не оправдался. В общем, на Западе в силу целого ряда причин, особенно здесь сыграли роль и события в России, было осознано, что такой поляризации допускать нельзя. Таким образом, современное капиталистическое общество с преобладанием среднего класса сформировалось тогда, когда стали прорастать западные ценности.

Я очень подозрительно отношусь к слову «духовность», потому что на этом, собственно говоря, играли и продолжают играть традиционные общества,

я имею в виду в том числе и исламские государства. Они считают, что основные ценности там, наверху. Человек — это, прямо сказать, не слишком совершенное создание, поэтому вся его земная жизнь — это подготовка к вечной жизни, которая наступит там, на небесах. Позитивной оценкой Запада было то, что все-таки богатые страны западного мира осознали: мир стал открытым, и вывод Киплинга сменяется глобальностью связей всех стран. Насколько мне известно, в 1970–1990-е годы был достигнут успех в борьбе с бедностью. Программы, которые были внедрены, в том числе и на африканском континенте, во многом подняли уровень жизни, и проблема голода была в большой степени решена.

Что происходит сейчас? Дам свою оценку. Происходят события, которые несопоставимы по своему уровню, но я их соединю: брексит, выборы Трампа и локальные события в России — это протесты против передачи Исаакиевского собора церкви, проблема реновации с массовым сносом пятиэтажек в Москве и протесты дальнбойщиков. А знаете, почему я их соединил? Мне кажется, что демократия забуксовала и люди выступают иногда даже не против содержания, а против формы, в которой стали принимать свои решения элиты. Демократия предполагает, что у людей, живущих в демократическом обществе, есть чувство собственного достоинства, и когда их интересы игнорируют, сверху им преподносят и навязывают что-то такое, чего они не понимают, они начинают сопротивляться. Я неслучайно вспомнил Ганса Магнуса Энценсбергера, который писал, что у элит, руководителей, власти помыслы высокие — построить рай на земле, всеобщее благо для человечества, а люди только путаются под ногами, мешают, от них одни неприятности. А случается это тогда, когда люди не понимают, что происходит. Это, кстати сказать, очень важно для нынешнего состояния развитых стран Запада.

Ну а кризис, собственно говоря, показал и оживил в известной степени те настроения, которые никуда не делись. Оказывается, все фобии, какие-то средневековые предрассудки, нормы, которых, как мы считали, уже быть не должно, живы, они прорастают из глубины веков и работают на интересы некоторых групп; если говорить об исламском мире, то на интересы групп, находящихся у власти. С кризисом сложилась очень опасная ситуация: выяснилось, что богатые люди и страны больше богатеют, а бедные — больше беднеют. Эта ситуация должна нас насторожить. Я полностью солидарен с тем, что сказал коллега: богатые страны, в частности страны Запада, должны осознавать свою ответственность, и именно их лидерство и забота о мире должны предотвращать страшные катаклизмы, которые могут произойти.

В заключение хочу сказать, что совершенно не разделяю тезис о том, что Китай становится лидером и скоро сменит в качестве локомотива мировой экономики Соединенные Штаты Америки. Китай находится в той же ситуации, в которой был Советский Союз в 1930-е годы: избыток бедного населения, недостаток капитала, низкий уровень потребностей, когда за доллар в неделю можно обшивать весь мир. Мне представ-

ляется, что ценности свободы и демократии не надо экспортировать, навязывать, потому что они, может быть, я утопист, сами прорастают. Я глубоко убежден и могу сослаться на исследования биологов, физиологов, что человек прирожден к свободе. Инстинкт свободы дан нам от рождения. Он может быть задавлен тем режимом, в рамках которого развивается человек, но, мне думается, все-таки этот акцент на свободе и демократии должен нас вдохновлять и не порождать на Западе чувства некоей вины. Ну а что касается демократии, очень хотелось бы, чтобы она представлялась в форме меритократии, чтобы наверху были самые свободные люди. Хотя иногда, наблюдая решения, которые принимают власти, я начинаю сильно сомневаться в том, что это когда-нибудь произойдет.

А. А. ПАНКИН: — Теперь выступит профессор Ян Шолте.

Я. А. ШОЛТЕ: — Я пытался вникнуть в те вопросы по поводу Германии, которые были затронуты в самом начале нашей дискуссии, и выступавшие все время возвращались к тому, какова же роль Германии. Это очень важно с точки зрения мирового порядка и сотрудничества на мировой арене. Считаю, что у Германии есть три особенности: во-первых, это доминирующая сила, как материальная, так и духовная, у нее есть и ресурсная основа, и технологическая, и интеллектуальная; во-вторых, она устанавливает правила мирового порядка; в-третьих, обладает легитимностью. Это означает, что те, кому предопределено соблюдать эти правила, обязаны их соблюдать, даже если выступают против этого. Правительство США в середине XX века действительно было своего рода гегемоном на мировой арене. Потом начали говорить, что, может быть, ситуация меняется, но тогда возникает вопрос: чья гегемония может развиваться — немецкая, английская или все же американская? Я не могу ответить на этот вопрос, но склонен согласиться с теми, кто говорит, что речь не идет о передаче гегемонии Китаю или Юго-Восточной Азии. Я вообще сомневаюсь, будет ли гегемония переходить какому-то государству и необходимо ли это.

Все-таки я не стал бы утверждать, что Соединенные Штаты больше не являются гегемоном. Если подумать о создании мирового правительства, то США обладают возможностями создания таких условий на основе Интернета. И я всегда считал, что это относится и к материальной сфере, потому что с точки зрения цифровой экономики у США есть такие возможности. Так что здесь речь идет о финансовом, цифровом и промышленном капитале. Это все разные направления. А у кого еще есть эта доминирующая сила? Страны БРИКС по части цифрового капитала не обладают такой силой. Так что, может быть, США не потеряли гегемонию, а просто изменилась повестка дня? Если подумать о том, что происходит сегодня, мне не кажется, что этот переход, сдвиг был таким уж значительным. Где происходит самый большой дискурс? Говорим ли мы о дискурсе безопасности, о дискурсе рыночной эффективности, где создаются все эти дискурсы?

Ни в Китае, ни в Индии, ни в Бразилии, ни в Саудовской Аравии — это происходит в первую очередь в США и Западной Европе. Я не то чтобы очень рад этому, просто констатирую факт материальной силы, когда думаю о том, кто диктует правила игры и что происходит ежедневно в ходе переговоров.

Правда ли, что Китай так уж сильно поднялся? А ведь сейчас в этом зале нет ни одного представителя этой страны. Думаю, что нам надо осторожнее относиться к заявлениям о столь больших изменениях. Конечно, если говорить об односторонней гегемонии США, она не имеет легитимности. Но если осуществляется сотрудничество с другими странами на основе, скажем, «Большой двадцатки» и если решения разрабатываются не столько политиками или wybranymi представителями, сколько специалистами среднего уровня, которые коллективно обсуждают эти нормы, тогда это важно с точки зрения финансов, экологии и прочих вопросов. Считаю, что мы можем поместить Германию в число таких гегемонов. И если в этом сотрудничестве будут участвовать представители и гражданского общества, и бизнеса, и профессионального сообщества, то, может быть, именно так и должна выглядеть доминирующая гегемония.

А. А. ПАНКИН: — Слово предоставляется нашему гостю из Сенегала господину Гадио.

Ш. Т. ГАДИО: — Как представитель Африки, я хочу пояснить один вопрос. Я не призывал к тому, чтобы нам, африканцам, выразили сочувствие, как это понял представитель Бразилии. Я бывал на разных встречах, где много времени уделяется обсуждению различных вопросов, но совершенно не упоминаются проблемы Африки. Я хотел сказать, что мировое сообщество должно обратить свои взоры на нее, потому что она превращается в оплот терроризма. Многие согласны с тем, что происходит маргинализация Африки, поэтому я хочу вас призвать включить Африку в мировое сообщество государств и континентов. У нас ведь сейчас уже миллиард населения и огромные пространства. В Совете Безопасности ООН 70 % обсуждаемых проблем относятся к Африке. Мы уже много лет обсуждаем вопрос о предоставлении нам права получить одно постоянное место в Совете Безопасности, потому что многие решения принимаются по нашей ситуации.

Другая проблема — это недостаточная международная солидарность. Я приведу в пример вирус Эбола, от которого погибли 10 тыс. человек. Ведь когда началась эпидемия лихорадки Эбола в Африке, ее невозможно было остановить, она распространялась по всему миру. Подчеркиваю, что вопросы, которые возникают в Африке, не чисто африканские, они имеют международный характер, это относится и к терроризму, и к наркотрафику. Что касается миграции, это тоже не локальная африканская проблема, а международная. Именно поэтому нам нужно думать обо всем человечестве. Я не согласен с коллегой, который сказал, что Африка не сможет прокормить 2 млрд своего населения, это неправда. Африка может накормить весь мир, потому что там плодородные земли, есть вода, ресурсы

и т. д. У нас есть все, но слишком часто в процесс развития Африки вмешиваются извне.

Я не хочу возвращаться к прошлому, которое всем известно. Но все наши лидеры, которые думали о перспективах развития Африки, начиная с Патриса Лумумбы, Амилькара Кабрала, были убиты. Можно вспомнить Томаса Санкара, который пытался изменить девелопменталистский подход к Африке и тоже погиб. Совершенно неправильно думать, что все африканцы просто сходят с ума от желания приехать в Европу. Нет, мы хотим жить дома, но не желаем, чтобы наши друзья из Европы нами управляли.

Теперь вопрос: кто приводит к власти коррумпированных лидеров? Нельзя подозревать Билла Клинтона в глупости. Он сказал, что в его фонде проводилось исследование, которое показало, что республики Конго и Габон обладали ресурсами на сумму 30 трлн долларов, а это больше чем ВВП США, Индии и Китая, вместе взятых. Таким образом, может быть, мы, африканцы, и бедные, но это из-за того, что нам не хватает партнерских отношений. Развитию Африки нужно придать новый стимул.

А. А. ПАНКИН: — Слово предоставляется госпоже Беверли Силвер, потому что она задала тон нашей дискуссии и, думаю, хочет разъяснить некоторые спорные моменты, возникшие в ходе обсуждения.

Б. Дж. СИЛВЕР: — В 1970-х годах было такое же ощущение, что развивающиеся страны начинают догонять развитые, включая Соединенные Штаты Америки, Европу и Советский Союз. В то время даже создавались девелопменталистские проекты, но вместо этого пришло десятилетие, когда прекратился рост развития и был утрачен механизм внедрения новых технологий. Поэтому я считаю открытым вопрос о том, как можно догнать развитые страны сегодня. Может быть, для Китая и Индии это не так актуально, потому что существует действительно большой резерв технологий, но в то же время применяются шантаж, подкуп и вымогательство. Но все-таки, думаю, что в долгосрочной перспективе есть возможность перейти к фундаментальным сдвигам и трансформациям. Несколько лет назад Обама попытался произвести сдвиги в инфраструктуре, но ему это не удалось.

Еще я бы хотела отметить следующее. Многие говорят, что Китай станет следующим гегемом, но опять-таки это вопрос достаточно спорный и сложный. Было сказано, что здесь нет китайского представителя, но ведь и американских представителей сейчас нечасто встретишь на различных форумах. Что касается циклов и формулировок, прозвучало предложение об облегчении перехода. Здесь надо думать об экологических проблемах. Если Китай будет пытаться вытеснить США, используя ту же самую девелопменталистскую модель, то это не приведет к плохим последствиям. Что касается Трампа, то я разделяю мнение о различии между интересами идеологии и собственными интересами и считаю, что власти зачастую действительно руководствуются именно последними.

Переходный период таит определенные опасности. С точки зрения нового видения, новых перспектив развития, я думаю, Соединенные Штаты Америки действительно откажутся от гегемонистических настроений, но останется привязанность к идеологии, которая связана с тезисом «Америка — номер один». Это красивая идея, как и идея о том, что Америку снова надо сделать великой, но это означает движение вспять, эта расистская точка зрения на самом деле означает нелегитимность президента. Но это высказывается с целью отказать в приеме мигрантов, поэтому трампизм сейчас содействует ксенофобии, берет ее на вооружение. И если подход, основанный на цифрах, говорит нам о том, что одни эпохи сменяются другими, то нам нужно подумать о том, как положить конец этому длительному периоду страданий, найти выход из сложившейся ситуации и призвать людей к действию ради собственного блага.

П. ДУТКЕВИЧ: — Сегодня мы ознакомились с большим разнообразием идей и концепций. Но, по моему мнению, нам удалось научиться чему-то друг у друга и понять, что мы все ощущаем новые веяния, хотя и относимся к ним по-разному. Если мы все разделяем эти достижения нашей дискуссии, это значит, что мы движемся по пути поиска контуров мирового порядка. Хотел бы вас поблагодарить от всего сердца за то, что вы поделились своими взглядами.

А. А. ПАНКИН: — Слово предоставляется профессору Александру Ивановичу Агееву.

А. И. АГЕЕВ: — Хочу высказаться по двум вопросам. Один из них был поставлен ведущим нашей дискуссии — о доминировании гегемонии, а второй вопрос был затронут вскользь на пленарном заседании и касался тем, связанных с цифровой трансформацией.

Последний вопрос напрямую ассоциируется с гегемонией, в первую очередь валютно-финансовой, которая служит основой и намечает контуры экономического порядка. Исторические условия возникновения гегемонии: во-первых, военное, научное и технологическое превосходство государства, его определяющая доля в мировом валовом продукте, обладание большей частью мирового золотого запаса для установления соответствующего курса валюты, признание этой валюты большинством государств в качестве основной расчетной единицы; во-вторых, опыт управления большими системами, то есть опыт наднационального управления; в-третьих, капитуляция преемственника.

Каков статус этих факторов сегодня? Военное и научно-технологическое превосходство — за США. Доллар занимает более 62 % в мировых расчетах и торговле, основные золотые запасы сегодня хранятся в Соединенных Штатах Америки в Форт-Ноксе. Трамп поставил задачу — вернуть Америке былое величие, что напрямую связано с обсуждаемыми вопросами.

Исторический опыт показывает, что период валютно-финансовой гегемонии может быть достаточно длительным. Напомню, что планы мирового экономического и политического порядка, составлявшие

еся в 1944–1945 годах, были рассчитаны на 25 лет. Это отражено во многих документах, которые сейчас публикуются и американской, и российской, и британской сторонами. В этом заложен определенный смысл, потому что 25 лет — это срок для одного поколения. Рубеж для модели, которая была введена в действие в 1944–1945 годах, — 1970 год. Я имею в виду создание не только ООН, но и всех институтов Бреттон-Вудской системы, обеспечивающих поддержание валютной гегемонии (Всемирный банк и др.).

В 2017 году на основе стратегий текущего гегемона мы можем заключить, что срок может быть продлен за счет, во-первых, способности гегемонии распределять привилегии и выгоды среди союзников (то есть сегодня мы не можем однозначно сфокусировать наше внимание только на одном государстве). Во-вторых, после 1970 года, когда произошел дефолт в обеспечении доллара золотом, под стабильность этой валюты были подведены другие реальные активы, прежде всего нефть. В настоящее время происходит активное распространение биткойна, но, по сути, речь идет о скорости раскрытия криптокода. В-третьих, важнейший метод продления срока гегемонии — создание сложностей потенциальным преемникам. Сегодня в качестве таковых можно рассматривать Европейский Союз и Китай. Одной из целей большой американской стратегии является удержание Германии в рамках ЕС. Кроме того, с 2014 года мы наблюдаем попытки подрыва экономики Китая. По сути, речь идет об операциях в киберсфере, а также в области фондовых рынков. На сегодняшний день ни Китай, ни Европа, ни кто-либо еще не обладают факторами, которые позволяют говорить о них как о возможных преемниках мировой валютно-финансовой гегемонии.

К 2030 году ситуация изменится, более того, произойдет совпадение, синхронизация нескольких циклов — Кондратьева, Жугляра и др. По сути, к 2030 году ситуация вернется в состояние, существовавшее в то время, когда Великобритания (с фунтом стерлингов) стала мировым гегемоном. Доля Китая достигнет трети от мирового ВВП, причем это касается не только базового ВВП, но и многих других факторов. Д. Трамп все это понимает. В частности, это один из ответов на вопрос, почему США прекратили формирование транстихоокеанского и трансатлантического партнерства и другие интеграционные проекты.

Возникает иллюзия, что речь идет о сворачивании процессов глобализации. Мне кажется, что это ошибочное мнение, поскольку именно сейчас, в последние 5–7 лет, возникли технологические возможности глобализировать влияние в другом пространстве, которое можно назвать передовым, — это оцифровка экономики и доминирование в космосе.

Сегодня лучше иметь дело с отдельной фирмой, отраслью, с конкретным человеком (для этого есть технологические и информационные возможности), чем с крупным союзом партнеров по интеграционному объединению. Не случайно актуален вопрос о достижении глобальной ситуационной осведомленности, поскольку ситуация так быстро меняется, что нет смысла создавать длительные жесткие форматы. Таким образом,

именно колоссальный прогресс в области цифровой экономики создает возможности для новых решений в плане глобализации и поддержания гегемонии.

Сейчас в мировой экономике можно выделить три сектора. Один сектор — традиционный (промышленность, сфера услуг и т. д.). Он дает быструю и долговременно понижающуюся прибыльность. Вторым сектором, который до сих пор считается основным врагом и манипулятором рынка, — финансовый сектор, банки и финансовые организации. Год назад мы наблюдали панику банкиров, когда кто-то начал забирать ту часть сверхприбыли, которую раньше они успешно присваивали и т. д. Речь идет о представителях цифровой экономики, то есть о программах, структурах и лицах, которые стоят за разработкой программ промышленного и финансового секторов. Эти технологии, отрасли возникнут в ближайшие 2–3 года, потому что срок внедрения новых технологий в реальность сократился с 70 лет (когда появились первые 50 млн пользователей автомобиля) до одного-двух.

В философии цифровой эпохи заложена бинарность, то есть дихотомия, она возникает на основе технологического принципа бинарного кода, политических и культурных дискуссий. В этой системе управление будущим мыслится на основе обработки всех массивов информации — big data о прошлом и настоящем объекта управления (страны, народы и т. д.), игнорируются интересы самоуправления, цели, ценности, мотивации объекта управления. Такое поведение для цифровой системы целеполагающее, телеологическое, оно нерационально, неоптимально, неэффективно.

Существуют ли технологические перспективы преодолеть этот «фейерверк» в экономике и одновременно тупик, поскольку возможность управления массами людей, контроля за персональными данными позволяет реализовать утопии Хаксли и Оруэлла? Такая возможность существует и связана с «живым суперкомпьютером» Brainnet, использованием свойств различных пространств. Именно в этой сфере сейчас происходит серьезный научно-технологический прорыв к новым принципам.

Возникает вопрос: возможен ли конфликт цивилизаций? Если апеллировать к прошлому, смене мирового порядка, то раньше подобные вопросы решались посредством войны. Смена предыдущих гегемонов произошла вследствие двух войн — Первой и Второй мировых. Поэтому традиционно отношения между нациями и народами строились на принципах силы или выгоды или на том и другом. Однако можно предсказать, что в 2030–2045 годах возникнут серьезные проблемы космического и природного характера (в частности, вода, продовольствие и пр.) и человечество будет обречено найти способы взаимодействия, не используя традиционные, такие как войны. Именно новый научно-технологический прорыв научит нас примирительности, о чем говорил Дмитрий Сергеевич Лихачев и было упомянуто на пленарном заседании.

А. А. ПАНКИН: — Хочу добавить к сказанному, что идеология потребления, которая после Второй мировой войны вовлекла весь мир в орбиту гегемонов, со-

храняется. Современная цифровая экономика тоже направлена на то, чтобы потреблять больше услуг и товаров. С учетом характера Лихачевских чтений, где экономические, стратегические и прочие аспекты рассматриваются с точки зрения гуманизма, мне кажется, что уровень потребления с развитием глобализации повышается, то есть все меньше места отводится свободному мышлению. Свободный обмен мнениями существует, но он протекает в русле, которое только формируется.

Слово предоставляется господину Якову Георгиевичу Шемякину.

Я. Г. ШЕМЯКИН: — Я бы хотел продолжить тему взаимодействия цивилизаций (диалог или война), которую Александр Анатольевич задал вчера. Нобелевский лауреат, мексиканский мыслитель, философ и поэт Октавио Пас еще в середине 1970-х годов в своей работе с характерным названием «Одна Земля, четыре-пять миров» высказал мысль, что вопреки глобализации в мире развивается качественно иной процесс, который он назвал мятежом исключений. Эти исключения считают себя вовсе не исключениями, а правилом, единственным воплощением реальности, судьбы своих народов и человечества в целом. Речь идет о том, что наряду с глобализацией акцентируется своеобразие разных региональных и локальных общностей (территориальных, культурных, языковых). Самыми крупными и значимыми из них являются цивилизации. Контуры мирового порядка в XXI веке (именно так называется и наша секция) будут определяться тем, как выстроит взаимодействие два качественно различных по своей этнологии процесса — глобализация и мятеж исключений — и насколько удастся эти процессы гармонизировать.

В связи с этим имеет смысл присмотреться к опыту БРИКС. Входящие в эту организацию страны очень различаются. Обычно на этом акцентируется основное внимание. Но БРИКС существует. Что объединяет эти страны? Первое, что озвучивается во всех выступлениях участников БРИКС, — установка на то, что центр принятия жизненно важных решений должен находиться внутри страны, а не вне ее, не на Западе. Это стремление объединяет всех, несмотря на различия. Фактически речь идет о более глубоком процессе, попытке изменения направления мирового развития, которое со времен развертывания последнего этапа глобализации, примерно с 1980-х годов, характеризовалось явным преобладанием экзогенных факторов над эндогенными, внутренними факторами развития той или иной страны или группы стран.

Члены БРИКС, насколько я могу судить, анализируя их документы, фактически в глубинной мотивации ставят вопрос об изменении соотношения экзогенных и эндогенных факторов в пользу последних. С этим связано и переосмысление роли национального государства: начиная с 1980-х годов на Западе высказывается мнение, что оно отмирает. Но, как говорится, слухи о смерти национального государства оказались сильно преувеличены. Все страны — члены БРИКС объединяет акцентировка роли национального государства в процессах,

происходящих в мире. Именно национальные государства, в понимании членов этого объединения, являются главным институциональным фактором в борьбе за полицентричный порядок мира.

Никто из членов БРИКС не отрицает объективного содержания процесса глобализации, который можно свести к интенсификации контактов во всех сферах жизни. Тем не менее глобализация понимается не как процесс одностороннего воздействия технологических, политических и иных лидеров стран Запада на остальной мир, а как процесс взаимодействия в рамках интенсивных контактов во всех сферах жизни.

Возникает еще одно обстоятельство — осознание процесса модернизации. Последние десятилетия, в том числе в западной мысли, характеризуются жесткой критикой европоцентризма. Одно из наиболее влиятельных направлений мысли сейчас — так называемая теория множественности модернов, у истоков которой стоял Шмуэль Эйзенштадт из Иерусалимского университета. Суть этой концепции заключается в том, что местные традиции — культурные, цивилизационные — являются необходимым фактором для успешного развертывания процесса модернизации в соответствующих странах и регионах. Вне взаимодействия этих традиций невозможна модернизация, основные ценности которой впервые были сформулированы на Западе еще в эпоху промышленной и научной революции в XVII–XVIII веках. Подлинный процесс модернизации возможен только в результате творческого синтеза императивов модернизации, первоначально заданных Западом, и местных духовных традиций. Такая постановка вопроса основывается на убеждении, что восприятие новаций может быть успешным только в том случае, если оно будет творческим. А на творчество способен влиять тот, кто сохраняет стержень в своей душе — собственные традиции. На Западе, несмотря на критику европоцентризма, в целом, во всяком случае в политическом дискурсе, преобладает позиция, что западная модель является оптимальной и обязательной к исполнению для всех. Все представители БРИКС акцентируют внимание на том, что только в результате творческого синтеза достижений современности и собственных традиций возможна успешная модернизация.

В основе ценностей модернизации, которые впервые были сформулированы и воплощены в Западной Европе, а впоследствии в Северной Америке, лежат два принципа — принцип свободы выбора во всех сферах жизни и принцип рационального подхода к миру. На Западе преобладает определенный — формальный — тип рациональности, который был проанализирован Максом Вебером еще в начале XX века.

Пытаясь обобщить результаты Вебера и представителей веберовского ренессанса 1970–1980-х годов, я пришел к выводу, что этот тип рациональности наделен тремя основными признаками. Первый признак — убежденность в том, что все можно сосчитать. То, что не поддается счету, не имеет значения. Качественные характеристики вещей и процессов не имеют значения. Второй признак — если можно все сосчитать, значит,

все можно познать. «Мир расколдован», — сказал Вебер, нет ничего непознаваемого, есть только не познанный человеком. Третий признак — раз мир можно про считать и познать, им можно управлять.

Безусловно, формальная рациональность осуществляет мощную экспансию, в том числе на страны БРИКС и весь мир. Но в ходе истории ни в одной из стран, которые входят в БРИКС, этот тип рациональности не смог подавить иные типы, в конечном счете сводимые к одному, который Вебер назвал ценностной рациональностью. Этот тип рациональности в первую очередь учитывает качественные характеристики явлений и процессов, и поэтому он открыт для диалога с иным полюсом духовной жизни — верой. При всех различиях между конфуцианской рациональностью Китая, индуистской рациональностью Индии, православным рацио России (которое опирается на мощную византийскую традицию каппадокийской школы богословия), концепцией убунту в Южной Африке, католической рациональностью Бразилии (в своей основе иберийской, где честь всегда ставилась выше выгоды) — все они относятся к ценностной рациональности. Страны-члены БРИКС объединяют общий тип рациональности и то, что на их духовных пространствах развертывается сложное и конфликтное взаимодействие этого типа с рациональностью формальной, что свидетельствует о том, что БРИКС — неконъюнктивное объединение.

А. А. ПАНКИН: — Господин Шемякин изложил материал комплексно, показав высокое владение им. Слово предоставляется академику Петру Петровичу Толочко.

П. П. ТОЛОЧКО: — Хочу прокомментировать выступление профессора Вятра на пленарном заседании. В частности, он сказал, что после распада Советского Союза у западного мира был шанс пойти по пути России, и, по существу, обозначил проблему нравственной ответственности перед будущим великих держав. Правда, Запад не пошел по пути России. Это признают западные политологи, заявляющие, что после развала коммунистической системы Европа не выработала новых принципов общежития, развития, а решила воспользоваться ситуацией для расширения территории свободы. Там уже есть Европейский Союз, используя ценности которого они расширяют территорию свободы, в том числе посредством НАТО.

Ельцинская Россия лежала в руинах, Варшавский военный блок перестал существовать, а НАТО сохранилось. И несмотря на обещания не приближаться к границам России, оно уже здесь. Поэтому нравственная тема заслуживает специального обсуждения на нашей сессии. Этот вызов России, которая в противовес НАТО не создала нового блока, а решила укрепить сама себя, не способствовал укреплению мира. По существу, мы сейчас вновь находимся в состоянии борьбы. Ответственность за это лежит на крупных западных лидерах, США и ЕС, превративших идею расширения территории свободы в национальную глобалистскую идею.

Профессор Колодко сказал, что глобализация осуществляется хаотично. На мой взгляд, это не так: она совершается целенаправленно и организовано, и известно, из каких центров ею управляют. Навязчивая идея расширения свободы напоминает мне анекдот советского времени: «Будет ли война?» — спрашивают армянское радио. «Нет, — отвечает армянское радио, — войны не будет, но будет такая борьба за мир, что камня на камне не останется».

В связи с рассматриваемой темой можно затронуть вопрос об ответственности небольших стран (великих, но небольших по численности наций). Расширение территории свободы осуществляется за счет изоляции России. Существенную помощь в этом оказывают именно небольшие страны.

Петр Дуткевич говорил о дефиниции страха, который может быть реальным или спекулятивным. Все небольшие страны заявляют об опасности, исходящей от России. Якобы Россия не сегодня-завтра вторгнется в Эстонию, Латвию, Польшу, Болгарию и т. д. Но Россия никуда не вторгается, зато там размещаются военные подразделения США, проводятся учения, например в Эстонии вдоль восточных, а не западных границ. Поэтому мне кажется, что небольшие страны тоже несут ответственность перед будущим. Они вольны выбирать собственный путь развития, но должны соблюдать нравственные принципы и не руководствоваться прошлыми обидами. Многие страны испытывают чувство обиды по отношению к России, и у России есть свои обиды, но не нужно идти по этому пути. Если пытаться загнать медведя в угол, что мы сейчас наблюдаем, то он может начать огрызаться. Разве кому-нибудь это нужно?

А. А. ПАНКИН: — Слово предоставляется господину Брюно Дегардену.

Б. ДЕГАРДЕН: — Хочу осветить ряд моментов, затронутых господином М. Монтесом. Во-первых, речь шла о возрастании долга в последнее время, к тому же долга не только физических лиц, но и государственного (причем не только в промышленно развитых странах, но и в развивающихся). Долг Китая в 2005 году составлял 1,4 % ВВП, а сегодня — 1,7 %. Большая часть долга может быть уменьшена с целью развития экономики, создания новых рабочих мест и поддержания политической стабильности. Большие задолженности в различных секторах экономики создают проблемы для стабильного будущего. Рост государственного долга в Испании в 2007 году составил не более 6 % ВВП, а теперь он равен 100 %. Страны пытаются стимулировать свою экономику, используя дефицит бюджета (когда он составляет 10 %). В Ирландии тоже достаточно большой долг, потому что они пытались развивать свой банковский сектор. В 2017 году во всем мире наблюдался рост долгов и дефицит бюджета.

Во-вторых, господин Монтес упомянул об инвестициях. В настоящее время инвестиции не такие крупные, как раньше. Страны все больше ориентируются на развитие сферы услуг, ВВП изменил свою структуру, поэтому уровень капитала в цифровой экономике

вырос, по сравнению с тем, что было раньше. Кроме того, получает распространение экономическая глобализация, потому что уже не нужен крупный капитал, во многих секторах существуют излишние производительные мощности. Например, в Китае именно в алюминиевую промышленность компании хотят инвестировать средства.

Хочу присоединиться к высказанному мнению, что у западных компаний есть перспективы, поэтому необходимо требовать от них стабильных доходов. Но мы не рассчитываем, что повысятся расходы потребителей, вследствие этого некому будет продавать дополнительную продукцию.

Следующий вопрос, который затрагивался на пленарном заседании, — робототехника, позволяющая стране развиваться, обеспечивающая повышение конкурентоспособности. По моему мнению, робототехника не является врагом занятости. Поскольку этот вопрос широко обсуждается на разных уровнях, мы провели исследования. Многие считают, что через 10 лет из-за роботизации может быть сокращено 10–20 % рабочих мест, что робототехника действительно ведет к сокращению занятости. Но если мы будем развивать экологию, то сможем решить проблему роботизации в интересах работающих. Поэтому я считаю, что мы должны продолжать этот процесс. Во Франции роботы используются в два раза больше, чем в Германии, но уровень занятости там в два раза выше. И если мы сравним баланс различных компаний, то увидим, что декларируемый доход компаний не зависит от оборота.

Также меня волнует ситуация, складывающаяся вокруг Китая. Как уже было сказано, между Китаем и Вьетнамом, Филиппинами возникают конфликты, причем не только военные, но и экономические (в Южно-Китайском море обнаружены запасы нефти, железа и прочих ископаемых).

Если говорить о риске возникновения конфликтов, то следует привести цифры. Военные расходы Китая составляют 140 млрд долларов, или 1,4 % ВВП. В США на оборону тратится более 600 млрд долларов, что составляет гораздо больший процент от ВВП. Соединенные Штаты Америки помнят о том, что начиная с 1950-х годов происходило в Ираке, Вьетнаме и других странах, поэтому и тратят колоссальные средства на вооружение, но пока это не принесло им большого успеха.

А. А. ПАНКИН: — К микрофону приглашается академик Валерий Александрович Черешнев. В ходе нашей дискуссии упоминалось, что раньше войны и чума определяли развитие человечества и могли перерезать контуры будущего. И сегодня разные катаклизмы (космические, геологические, инфекционные и пр.), которые не зависят от нашей воли и не поддаются управлению, могут помешать выстраиванию будущего.

В. А. ЧЕРЕШНЕВ: — Последние девять лет я возглавлял Комитет Госдумы по науке и наукоемким технологиям, и меня всегда интересовало, как политические и экономические отношения влияют на человека.

Конфликтотенным является механизм коллективного, когнитивного, бессознательного. На примере отношений представителей западных стран и мусульманского мира можно показать, что привычки имеют доминирующее значение. Но интуиция у большинства населения в мире — мусульманском или западном — оказывается одинаковой. Сегодня сознательное базируется на бессознательном, в котором главное — интуиция. Чтобы изменить сложившуюся личность, нужны механизмы (воспитание, убеждение и т. д.). Политический ислам (крайняя степень его выражения — «Исламское государство») отстает свои традиции и борется с культурным исламом. Начало борьбе положил Абд ар-Разик в своем труде «Ислам и основы правления» (1925), в частности он предложил оставить духовное исламу, а светские органы должны управлять земными делами.

Выход из сложившейся ситуации видится в эффективности и целесообразности. Западные ценности, посредством силовых методов проникая в мусульманский мир, являются неприемлемыми для части мусульманского населения и служат основой протеста. Большинство раздражителей в мире вызывает у человека отрицательные эмоции. Почему отрицательный эмотивный фон всегда главный? Эти воздействия не связаны с тем, что личность ожидает увидеть или услышать.

Сегодня в мире широко распространено такое явление, как «утечка мозгов» (глобальное переселение ученых). Как сказал Пастер: «У науки нет границ, но у ученых есть Родина». Больших успехов достигает та нация, чьи ученые являются лидерами в науке. Лидер среди стран — Соединенные Штаты Америки. Иногда их называют «мировым пылесосом», всасывающим мировой интеллектуальный потенциал. Молодежь из Франции, Германии и России уезжает в США.

Начало глобальной «утечке мозгов» 250 лет назад положил Петр I. В 1724 году была создана Российская академия наук. После 20-летней переписки с Лейбницем Петр I пригласил в Россию 17 ученых из трех стран: Швейцарии (четыре человека), Франции и Германии. Самым пожилым из приехавших в Россию ученых был Герман Якоб, первый российский академик (1725). Также из Швейцарии приехал 19-летний математик и физик Леонард Эйлер, ставший одним из первых российских академиков. В 1725 году в Петербургской академии наук состояли 17 членов — 14 академиков и 3 субординатора, то есть кандидата в академики. Ни один из них не говорил по-русски. Президентом Академии наук назначили 18-го члена — лейб-медика Петра I Лаврентия Лаврентьевича Блюментроста. С этого момента началось развитие российской науки.

Уже через 20–30 лет науку в России возглавил русский ученый — М. В. Ломоносов. В 1750 году Ломоносов написал в своем труде: «Величие, могущество и богатство всего государства состоит в сохранении и размножении российского народа, а не в обширности, тщетной без обитателей». Далее он продолжает, что важно не количество людей (при Петре I в России проживали 25–27 млн человек при средней продолжительности жизни 45–48 лет), а их качественные харак-

теристики: «...учением вкорените всем в мысли, что... обманщик, грабитель, неправосудный, злодеец, вор и другие образы ближнего повредитель прощения не съест, хотя бы он вместо обыкновенной постной пищи в семь недель ел щепы, кирпич, мочало, глину и уголье и большую часть того времени простоял на голове вместо земных поклонов» — борьба с коррупцией по Ломоносову.

И до новой эры люди мыслили, работали и писали гениальные труды. Но за две тысячи лет существенным образом изменилась патология. Главный показатель качества жизни сегодня — продолжительность жизни (раньше среди приоритетных показателей назывались средняя зарплата, количество квадратных метров на человека, внутренний продукт на душу населения). Сегодня двадцатку стран — лидеров по продолжительности жизни возглавляет Япония, где средняя продолжительность жизни составляет 84 года (женщины — 85, мужчины — 83), № 1 по качеству жизни; затем идут Скандинавские страны — 81–82 года, Европа — 80 лет, США — 79–80 лет. В нашей стране средняя продолжительность жизни — 72 года (у мужчин — 66 лет, у женщин — 78). Этот показатель — разница в 12 лет — свидетельствует о том, что за последнее столетие мужчины в России многое пережили: пять революций, две войны (из 27 млн погибших во время Великой Отечественной войны 90 % — мужчины). Такой разницы между средней продолжительностью жизни мужчины и женщины нигде в мире больше не существует.

Хотя в каждой более чем из 200 стран женщина живет дольше мужчины. Это не запрограммировано генетически. Мировое развитие говорит о другом. Российские геронтологи, профессор Анисимов и академик Хавинсон, подсчитали продолжительность жизни нобелевских лауреатов (на 99 % это мужчины). Всего Нобелевскую премию получили примерно 800 человек, на сегодня живы 400 из них. Средняя продолжительность жизни сегодняшних лауреатов — 88–90 лет. Это говорит о том, что мужчины, занимающиеся умственной деятельностью, живут долго.

В настоящее время получили распространение новые болезни, такие как СПИД и др. Начиная с 1908 года возникают мутации (в Центральной Африке, Конго и Гаити, которые находятся рядом с США). Например, в современных экологических условиях возникли зоонозные и антропонозные инфекции.

Глобализация проявляется в том числе и в распространении инфекций. Количество вирусов с каждым годом будет только увеличиваться, потому что все выпускаемые лекарства направлены на борьбу с бактериями, а против вирусных заболеваний антибиотики бессильны, так как вирус живет в клетке. Антибиотики убивают бактерии, которые являются мощным противовесом вирусам.

Еще одна новая патология — прионы (особый класс инфекционных агентов, представленных белками с аномальной третичной структурой и не содержащих нуклеиновых кислот). Их возникновение (в 1978–1980 гг.) связывают с почесухой у обезьян. Американец Стенли Прузинер расшифровал третич-

но измененный белок-медиатор, который отвечает за биоритмы в нашем организме, смену дня и ночи, времен года и т. д. Этот белок, скручивая молекулы, становится не передатчиком, а амилоидом, склеивающим передачу импульсов. Если это происходит в головном мозге, возникает болезнь Альцгеймера, если в височных долях, отвечающих за движение, — болезнь Паркинсона и т. д.

То есть наряду с улучшением качества жизни возникают условия для создания новой патологии. Инкубационный период прионных болезней — 30–50 лет. 30 % патологий у людей старше 85 лет связаны с прионными болезнями (болезнь Альцгеймера — это болезнь соответствующего возраста). Возможно, средняя продолжительность жизни человека достигнет 100–120 лет, как предсказывал выдающийся советский ученый Александр Александрович Богомолец, который в годы войны был вице-президентом, а после войны — президентом Украинской академии наук. Поправка на социальное воздействие — 15 лет.

Последнее открытие геронтологов мира — примерно в 40 странах мира средняя продолжительность жизни человека составляет 80 лет. Сегодня ежегодно к показателю средней продолжительности жизни прибавляются три месяца. Через 30–40 лет, если не разразится война, развитые страны достигнут показателя продолжительности жизни 90–95 лет. К концу XXI столетия, если все будет нормально, возможно, будет достигнут столетний рубеж.

А. А. ПАНКИН: — Негативные эмоции в нашем мозгу сохраняются дольше и доминируют над позитивными. Может быть, этот факт объясняет невозможность отказа от фундаментализма. Люди живут в современных условиях, радуются жизни, а память о том, что нужно убить соседа, потому что 500 лет назад его предками была нанесена обида, сохраняется. Действительно, иногда этот фактор становится мотивирующим в развитии международных или внутригосударственных отношений.

Слово предоставляется господину Гансу Кёхлеру.

Г. КЁХЛЕР: — Позволю себе несколько замечаний о политических, социальных и культурных аспектах. На мой взгляд, пришло время пересмотреть созданные ранее парадигмы, которые связаны с имперскими представлениями. Тридцать лет назад было предложено внимательно посмотреть на историю человечества, в частности на Римскую империю, чтобы можно было говорить о будущем, в частности США. Некоторые президенты США уделяли внимание аспектам, связанным с развитием временных парадигм. Велись дискуссии о том, насколько важно для США быть мировым лидером, например, с военной точки зрения. Много говорилось об ответственности США перед миром.

Все это время борьба продолжалась, идеи обсуждались и критиковались. Теперь мир многое осмыслил и вновь стремится к многополярной конфигурации. ООН может стать эффективной организацией, если она проведет реформы, соответствующие поставленной цели — установлению многополярного мира. На этой

платформе должна быть создана основа для движения в сторону мультиполярного мира. Платформа многополярности была заложена в 1945 году. Но мир с тех пор существенно изменился. Возможно, теперь необходимо переформатирование не только этой организации. К сожалению, трансформации не всегда проходят легко, потому что непросто адаптироваться к требованиям нашего времени. Ошибки совершаются многими организациями, в том числе в рамках ООН. Некоторым людям кажется, что можно остановить историю. Именно на основе такой идеологии совершались большие ошибки. Возможно, нужно изменить Устав ООН после консультаций со всеми странами. Списка из ведущих пяти стран недостаточно, если речь идет о многополярном мире.

Мои надежды связаны с развитием, направленным в сторону интеграции, создания глобальных регионов, которые войдут в ООН. Эти регионы смогут обеспечить баланс. Африка, Южная Америка должны быть включены в такие региональные конструкции.

Существуют и другие аспекты развития мирового порядка. Развитие информационных технологий оказывает огромное влияние на глобальный, мировой порядок и изменение баланса в мире. В результате произошло размывание и даже исчезновение границ между частным и общественным. Это влияние оказывает воздействие и на демократию, мейнстрим, массмедиа, которые являются властью в государстве. Все эти тенденции переплетаются друг с другом и проникают в нашу жизнь. Если мы говорим о социальных медиасредствах, то можно выделить мегатренды, которые оказывают огромное влияние и, к сожалению, разрушающий эффект на политические системы.

«Цветные революции» на европейской территории и «арабская весна» — яркие тому примеры. Мы видим, что события могут иметь непредсказуемые последствия. Возможно, иллюзии касаются индивидуальной власти. Но государственные политические структуры вовлекаются в эти действия, и курс развития подвергается такому влиянию. Мы еще будем наблюдать события, аналогичные «арабской весне».

Доступность новых технологий сделала более турбулентным переход к многополярному порядку. Сегодня сложно точно предсказывать. Если мы говорим о турбулентности развития многополярного мира, то здесь существует большая неопределенность. Это касается, в частности, ядерного вооружения, потому что обладание ядерным оружием может изменить баланс сил или осуществить сдвиг по направлению к многополярному или однополярному миру. Например, Северная Корея — не очень развитая держава как с экономической, так и с социальной, культурной точки зрения. Но она усиливает ядерный потенциал, возможно, вскоре будет обладать оружием массового поражения, что полностью изменит вектор развития.

С точки зрения осмысления этой проблемы показательно следующее. Президент США в связи с кризисом на Корейском полуострове недавно заявил, что, несмотря на все проблемы с Северной Кореей, для него было бы честью встретиться с Председателем Высшего

совета КНДР, несмотря на противоречия. Это высвечивает проблему, связанную с влиянием на мировой порядок ядерного оружия. Мы не должны забывать, что режим нераспространения ядерного вооружения в общем не действовал так, как предполагалось. Несмотря на соответствующие документы, не произошло развития событий, хотя на договор о нераспространении возлагались большие надежды. То есть события могут развиваться непредсказуемо, о чем свидетельствует то, что произошло на Ближнем Востоке.

Что делать со страной, которая представляет угрозу для других, потому что ее руководство полагается только на ядерную силу? Как защитить себя в этой ситуации? Какие политические гарантии можно выработать в данном случае? Является ли использование ядерного оружия законным в случае, когда на повестке дня стоит выживание конкретной страны? Международный суд ООН оставил эти вопросы без ответа. Мы постоянно подчеркиваем важность нераспространения ядерного оружия и рассуждаем о влиянии этого аспекта на наше будущее. Но пока не найдены ответы на эти вопросы, ситуация непредсказуема.

А. А. ПАНКИН: — Теперь передаю слово профессору Вадиму Россману.

В. И. РОССМАН: — Одной из центральных тем наших дискуссий была тема неравенства. Мне кажется, один из важнейших аспектов этой темы выпал из наших обсуждений, а именно географическая структура неравенства внутри конкретных стран. На мой взгляд, эта огромная проблема привела к той социальной поляризации на глобальной арене, которую мы сегодня наблюдаем. Причем эта поляризация обычно ассоциировалась со странами третьего мира, но сейчас этот уровень неравенства между различными регионами и между крупными и маленькими городами является беспрецедентным. И в частности, мы можем обратиться к примеру недавних выборов в США, которые привели к президентству Трампа, выборов в Турции, во Франции, ситуации с брекситом — все это связано с невероятной поляризацией доходов между крупными городами, особенно столичными, и более мелкими и средними городами. И голосуют эти города по-разному, то есть, скажем, Лондон голосует совершенно не так, как города на севере Великобритании. В Турции Стамбул — это в основном либеральные голоса, в то время как большая часть страны — консервативные избиратели. То же самое мы видим во Франции: либерализм сосредоточен в Париже, в то время как большая часть страны испытывает антиэмигрантские настроения, там оказывают влияние правые политические партии.

Интересно обратить внимание, что эта закономерность относится не только к традиционным моноцентричным странам, как, скажем, Англия или Франция, развитие которых сконцентрировано в Лондоне или Париже. Но также в таких полицентрических странах, как США. Причем там невероятно богатеют именно столичные города. Если мы возьмем Вашингтон в США, то на настоящий момент 11 из 20 самых бога-

тых графств США сосредоточены вокруг Вашингтона. Это очень необычно. То есть если взять всех банкиров Нью-Йорка, предпринимателей Силиконовой долины, нефтяных королей Техаса, фармацевтическую промышленность Сан-Диего и Лос-Анджелеса, то во всех этих регионах богатых графств, вместе взятых, меньше, чем вокруг Вашингтона. Подобная же проблема есть и в Китае. Как мы знаем, страна очень динамично развивается, тем не менее, к примеру, восток Китая живет по-прежнему в страшной нищете. Когда мы приводим средние цифры роста, то должны понимать, что в основном это развитие сосредоточено в нескольких крупных городах, а часто вообще в одном.

Существует некий триумфальный тон, когда мы говорим об урбанизации, но опять же нужно иметь в виду, что в большинстве развивающихся стран ее качество очень низкое. Во многих странах, особенно в Латинской и Центральной Америке, больше четверти городского населения живет в столичном городе. То же самое мы видим в Африке и Азии, где происходит миграция населения в крупные города, а следовательно, возникает периферийное развитие. Мы говорим об урбанизации как о каком-то положительном процессе, но в реальности на настоящий момент она очень низкого качества. И хотя за последние 20 лет в значительной степени преодолена концепция поляризации между глобальным севером и глобальным югом, а также между востоком и западом, поляризация внутри государств создает предпосылки для очень серьезных дисбалансов, которые транслируются также на международную арену.

В связи с этим хотелось бы также сказать о судьбе национального государства. Если мы посмотрим, скажем, на Великобританию, то одной из причин брексита является такой уровень поляризации доходов, что, в общем-то, здесь трудно говорить о каком-то национальном государстве. Голосование за брексит, кстати, и шотландский референдум тоже с этим связан, во многом было стимулировано как раз тем, что в течение многих лет целое поколение британской администрации обещало, собственно, исправить этот дисбаланс между беднеющим севером и богатеющим Лондоном. Естественно, такой город, как Лондон, чрезвычайно успешный в качестве глобального центра, оказался причиной обнищания провинций Великобритании, по крайней мере многие экономисты так считают. Хотя с точки зрения экономики, и это часто подчеркивается, по-моему, около 2 тыс. фунтов на обеспечение каждого гражданина идет из налоговой базы, которая зарабатывается в Лондоне как в глобальном городе. И в связи с этим встала проблема столичных городов. Чем должен быть столичный город? Может ли такой город, как Лондон, и другие богатые города, эффективно выполнять функцию столичного города?

А. А. ПАНКИН: — Мы стараемся все-таки говорить о тех контурах будущего, которые будут определять жизнь на планете в отдельных ее наиболее критических, конфликтных регионах. Я понимаю, что урбанизация имеет к этому отношение, но можете ли Вы предложить какое-то связующее звено между выбором

месторасположения, размером столицы и развитием человечества в будущем?

В. И. РОССМАН: — Проблема столицы не является замкнутой на конкретные государства. Я как раз пытался показать ее системный характер. Эта проблема есть и в России, и в Китае, в государствах с самыми разными политическими режимами. На мой взгляд, выход на более глобальную тематику связан с тем, что сейчас происходит очень много региональных конфликтов, которые выплескиваются на международную арену в виде терроризма и тому подобных явлений, связанных с дисбалансами. Сейчас мы видим эти дисбалансы в государствах Ближнего Востока и Северной Африки. Они как раз и приводят к кровопролитным гражданским войнам, которые происходят в Сирии, Ливии, Ираке, Йемене. Общее между ними заключается в том, что эти страны разбиты на две части, скажем, сунниты и шииты в Ираке и Йемене, Триполитания и Киренаика в Ливии. Их исторические колониальные столицы как раз находятся в определенных местах, связанных с внешними факторами, но конфликты носят международный характер. Поэтому если будут разрешены дисбалансы национального характера на локальном уровне, то станет меньше конфликтов и в мире.

А. А. ПАНКИН: — Слово предоставляется профессору Робину Мэтьюзу.

Р. МЭТЬЮЗ: — Я хотел бы сказать, что получаю очень большое удовольствие от Чтений. Мне нравится, что здесь происходит диалог и высказываются самые разные мнения. И если синтезировать все, что было сказано, то есть два момента, о которых я сначала не задумывался. Во-первых, мы рассматриваем вопросы по отдельности, хотя на самом деле все взаимосвязано. Есть определенное единство, которое даже невозможно себе представить, но оно очень органично укладывается в природу отношений. Во-вторых, идея разделения, я бы назвал это так, между духовностью и наукой была очень нужна, но слишком долго муссировалась, ряд ученых над ней уже некоторое время работают. Мне кажется, совсем необязательно, что при этом должны рассматриваться религиозные связи, но здесь речь идет о возможности взаимоотношений между сознательным и подсознательным, о вероятности существования параллельного мира, о котором говорят физики.

Я хочу сказать, что очень трудно понять реальность. Все, что мы делаем, — это придумываем некую грамматику для обсуждения реальности. Сегодня мы слышали выступления, касающиеся различных грамматик мироустройства, и все они абсолютно справедливы, каждая по-своему, но совершенно непонятны с точки зрения грамматики, применяемой остальными, и поэтому я думаю, что нам нужно это учитывать. Один из смыслов единства состоит в возможности изменить ситуацию в мире — это сочувствие, сопереживание, а не конкуренция. Развитие технологий сейчас опережает, я бы сказал, эмоциональную революцию,

особенно когда речь идет о соперживании. И не все определяется полностью эволюционными процессами. Существует в нашем мозгу идея соперживания, и я думаю, что эпигенетика и обучение на основе опыта могут содействовать соперживанию.

Все, о чем мы говорим на конференции, — очень богатая смесь разных понятий. Я думаю, что если сложность означает взаимосвязь, тогда все настолько взаимосвязано, что появляется единство. Многие говорят о брексите, мое личное мнение, что это полный нонсенс. Великобритания во время Второй мировой войны 18 месяцев в одиночку боролась с фашистской Германией, прежде чем Соединенные Штаты Америки и Советский Союз начали действовать более активно. Наши граждане испытывали страшный голод. Также говорили о переходе власти, силы, о несправедливости, положении бедных, о том, что богатые полностью поглощены собственным богатством. Различия в доходах существуют не только внутри государств, но и между государствами. Если мы посмотрим на все это, у нас получится очень разношерстная картина. Но как мы соперживаем в данном случае? Нильс Бор говорил о невозможности думать о свете как о световой волне. Световые частицы — это парадоксальное явление, они взаимодополняют друг друга и достаточно немногословно описывают реальность.

Если мы говорим об отношениях между духовностью и наукой, то это скорее конфронтация. Существует она потому, что наука признает, что у всех нас одинаковая природа и нам присущи независимость и творческий дух. И все это очень трудно собрать в единое целое. Каков же мой прогноз, насколько он положительный или отрицательный? Существует несокращаемая неопределенность. Мы не можем дать точное предсказание. Мы можем использовать какие-то факторы, чтобы попытаться это сделать, но говорить можно только о вероятности предсказания. Условия, существующие сегодня в мире, таковы, что, например, недавний финансовый кризис, возможно, снова разразится с учетом тех изменений, которые мы осуществляем. Мы строим нашу реальность и видим разницу между нами. И финансовый сектор — тому пример. Мы создали определенную реальность, но она лишь представляется нам правильной.

Один из положительных моментов этих Чтений, по моему мнению, состоит в том, что мы пришли к выводу, что неолиберализм умирает. И я приветствую это умирание, потому что неолибералистская идеология, как мне кажется, нанесла огромный вред миру, в частности России в 1990-х годах, а затем и другим странам. И частично причина того, что мы сейчас живем совсем в другом мире, не в таком оптимистическом, который существовал до 1990-х годов, связана именно с этой идеологией. Думаю, что наши ожидания, касающиеся наших связей друг с другом, и выслушивание друг друга, и соперживание друг другу превосходят примитивные, на мой взгляд, эмоциональные реакции, полные страха, которые мы видим, в частности, у наших лидеров. Мы видим здесь смесь страха и разума. А когда есть страх и информация, то это очень токсичная смесь.

Тем не менее хотелось бы закончить на оптимистической ноте. У нас здесь очень смешанный состав аудитории и самые разные взгляды. У нас получился, может быть, не диалог, но полифонический обмен мнениями, как об этом писал когда-то Достоевский в своем «Преступлении и наказании», когда мы в ходе общения в синхронном ключе выражаем различные точки зрения. И мне хотелось бы всех поблагодарить за возможность пообщаться на этих встречах и за то, что мы можем высказать то, что накопилось, и выслушать друг друга. Меня интеллектуально и эмоционально стимулирует то, что я здесь слышу от разных выступающих.

А. А. ПАНКИН: — Слово предоставляется знаменитому журналисту Виталию Товиевичу Третьякову.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Я хотел бы отреагировать на то, что сказал Петр Толочко относительно экспансии западноевропейских стран не столько через Евросоюз, сколько через НАТО на разные территории. И называется это расширением территории свободы. В общем-то, это было всегда, но сегодня особенно модно, популярно и, видимо, продуктивно давать плохим вещам или тем, которые признаны плохими, новые имена, оттого они вроде бы становятся хорошими. Фактически это та же тактика расширения жизненного пространства, известная из истории Европы, точно по тому же самому направлению — на восток и, надо думать, с теми же последствиями. Ну, перед Россией они задумались еще, а вот север Африки и другие регионы попали под это влияние. Можно сказать, что эта тактика не такая зоологически человеконенавистническая, как предшествующее завоевание жизненного пространства, но это как посмотреть. В некоторых моментах — да, в других — может быть, и нет. В конце концов, люди ценят свою жизнь за то, что они имеют право жить так, как привыкли, как хотят, как им нравится. А не так, как считают лучше другие, заставляя их посредством битвы палкой по голове жить иначе.

Но главное не это. Наш форум действительно отличается хаотичным разнообразием мнений, и в этом его привлекательность. Мне кажется, организаторами отчасти заложено в цель Чтений — попытаться найти путь к идеальному миру, где не будет конфликтов, а будет один сплошной диалог цивилизаций. Думаю, будет полезно представить, что цель достигнута, посмотреть, что получилось в результате, перспективно проанализировать, тем ли мы путем идем, туда ли и возможно ли вообще туда пойти. Итак, представим себе, что на Земле царит мир, никакого ядерного оружия, да и обычного тоже, полное социальное равенство — все люди живут в достатке, нет ни нищих, ни миллиардеров. А еще справедливость, сотрудничество, братство, дружба, хотелось бы сказать, любовь, но это уже будет, наверное, абсолютный рай. Но любому здравомыслящему человеку старше 10 лет совершенно очевидно, что это в принципе невозможно.

А если представить себе этот мир, то он, видимо, должен состоять из совершенно одинаковых субъек-

тов мировой политики, то есть нужно либо раздробить все крупные страны на мелкие, либо все мелкие укрупнить до размеров Китая, США, создать 5–6 глобальных субъектов. Видимо, этот мир должен подчиняться очень жестким правилам и четко их соблюдать, потому что трудно себе представить, чтобы в разных точках земного шара в одинаковых обстоятельствах одинаково действовали два человека, две фирмы. А кто будет следить, чтобы все это соблюдалось? Только если всем чипы внедрить из одного центра, но это не очень похоже на демократию, скорее наоборот. Но, видимо, даже там кто-то будет глубоко несчастен. Однажды обязательно что-то случится, и он что-нибудь нарушит, потому что не может 100, 200 дней быть только беспрепятственным счастьем.

Итак, я утверждаю, что цель ставится благородная, но абсолютная неправильная. Отсюда половина попыток достичь этой цели просто не реалистична, вторая половина приведет к разговорам, в лучшем случае спекулятивным, о том, что нужно что-то менять. То, что есть стратегии выживания в этом мире, более или менее сносно и не унижающего субъект, человек ли это или страна, которая эту цель ставит, — это понятно. Но мир, счастье, любовь, отсутствие конфликта цивилизаций, их диалог — это нереально. Кстати, война вообще-то лучший диалог и один из наиболее эффективных, потому что ставит все точки над “i”. Завершение войны — это не то, что завершение конференции, там все предельно ясно, результат совершенно конкретен и на несколько лет, а то и десятилетий обеспечено его эффективное выполнение. Так что, мне кажется, может быть, в следующем году характер нашего разговора резко изменится, будет снята эта цель — недостижимая, нереальная, уводящая в туманные рассуждения, которые совершенно неприложимы к жизни.

А. А. ПАНКИН: — Достижимость цели — это один из факторов, определяющих саму ее постановку, но не ставить каких-либо целей и двигаться «на авось» очень опасно. Конечно, цивилизации возникали и, как и религии, менялись насильственным путем. Ни одна религия и ни одна цивилизация не возникала и не расцветала просто так. Но тут, видимо, нужно больше врачей, психологов иметь в нашем кругу, чтобы понять движущие мотивы существа, называемого *homo sapiens*, хочет ли он жить мирно или убивать, доминировать или подчиняться и т. д. Тут уже мы затронем материи других академий и специалистов, которые, конечно, нужны, потому что тот, кто знает психологию, определяет будущее.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Все-таки движение «на авось» — можно хоть и случайно, но попасть в нужное место, а движение очевидно в неправильном направлении точно не приведет в правильное даже случайно. И еще: иногда возникает ощущение, что кто-то специально ставит ложную цель, и все начинают обсуждать, как к ней двигаться, а тот, кто знает, что вообще-то нужно двигаться в другую сторону, работает в том направлении.

А. А. ПАНКИН: — Это интересное замечание и, по крайней мере, первая рекомендация на будущий год, которая возникла по итогам секции. А сейчас выступит профессор из Венгрии Чаба Варга.

Ч. ВАРГА: — Я скорее историк, но занимался и тематикой, и меня очень интересовала история идеи прагматизма. Я рассматриваю вопрос о взаимодействии капитализма и прагматизма. Например: конец Второй мировой войны, советские войска освобождают Венгрию, результат — социализм в Венгрии с приходом Красной армии. Он был основан поставленным, марионеточным правительством, в результате прихода которого многие попали в тюрьмы. Что мы могли в то время сделать для того, чтобы сориентироваться касательно нашей судьбы и судьбы нашей страны? Надо было переходить от Сталина к Ленину, от Ленина к Марксу, потом к Гегелю, потом к Французской революции и дойти до идей французского Просвещения. В конце концов, мы это изучали. Понятно, что коммунизм был частично универсальным и частично западным продуктом. А что можно сказать о капитализме? Это чисто западный продукт.

Во что он превратился? В конечном, так сказать, звено цепи долгого интеллектуального развития. На практике я предположил, что когда мы начинаем внедрять капитализм, то нам всем нужно прочитать одни и те же книги. Мы должны читать труды маститых интеллектуалов и новых теоретиков. Мы должны разделять один и тот же контекст. После свободных выборов я работал вместе с министрами нашей страны, был советником. Нас просили разобраться в самой сути капитализма и социализма, что можно взять из социализма и капитализма для того, чтобы построить новую Венгрию. Мы видели, что это не так просто. Ученые спорили друг с другом, но пользы было мало, не хватало фундаментальных знаний и исследований. И чего больше всего не хватало? Антропологии. Открытий в этой сфере еще не было. Нам нужно было обогащаться знаниями и понимать, на чем базировались труды великих ученых, по их посткоммунистической жизни. Я прочитал исследования многих психоаналитиков, но они содержат в основном критику, и не просто капитализма, а новых его стадий, последних. Это рассмотрение, анализ с точки зрения психологии и критика психологии современного мира. Речь идет о том, что современный мир противостоит всему тому, что может сделать человек века человеком, его психологическим, социальным, зачастую культурным потребностям.

Если мы посмотрим на цивилизацию с сравнительной точки зрения, то не увидим, что современное состояние западного человека является неким исключением в истории со всеми его аспектами, особенностями. И у нас не хватает фундаментальной базы для глубокого анализа и понимания причин и последствий. Нам нужны совершенно разные исследования. Я провел много времени в книжных магазинах, но не смог найти книгу, которая могла бы мне помочь разобраться с основополагающим настоящим. Мы говорим, что у нас есть парламент, обсуждаем права человека. Все как будто бы ценится, есть золотые правила, которые

одобряются, и можно сюда подключить разговор о христианстве, Боге и т. д. Мы базируемся на «мягкой власти», «мягкой силе», некотором давлении со стороны каких-то групп населения. Но это как раз выступает против того, что делается в США и Европе, — транс-конституализация, конституализация. Национальные конституции других стран, суверенитет по идее должны выработать сценарии для будущего, потому что мир болен, его тошнит от того, что творят Соединенные Штаты, от их мира правил, силы правил.

Мы — чувствующие люди, и мы видим проблемы, но у нас еще нет оснований и основ, которые мы могли бы использовать для их разрешения. И дело не только в международном праве, на которое мы молимся и молились, особенно раньше. Мы сталкиваемся с антагонистическими взглядами, правилами и законами, противоречащими самим себе. И зачастую люди даже не понимают, до какой степени это доходит. Недавно Генеральный секретарь ООН говорил о внедрении международного права, законов и правил в международные отношения. Но и в ООН нет, собственно говоря, приоритета закона, поэтому мы сами не понимаем, что так называемые боги, которых нам насаждают и которым мы поклоняемся, зачастую пусты, в основе их действий ничего нет. Существуют тысячи книг о верховенстве и приоритете закона, но мы все равно летим в пропасть. Чтобы этого не произошло, надо вернуться к истокам, начать с анализа причин, которые привели к сложившейся ситуации.

А. А. ПАНКИН: — Слово предоставляется профессору Владимиру Львовичу Квинту.

В. Л. КВИНТ: — Вернусь к теме нашего заседания. К сожалению, сама идея глобального миропорядка подвергается незаслуженной критике, как и тренд на глобализацию. Что такое в принципе глобальный миропорядок? Это политэкономическая система, которая возникает под воздействием многонациональных институтов, супердержав, других государств и направлена на поддержание стабильности мира, на разработку процедур согласования, реализации и ликвидации конфликта невооруженным путем. Глобальный миропорядок меняется, его лидеры постоянно сменяют друг друга. Это началось не сегодня, и не надо думать, что это относится только к периоду после Второй мировой войны. То же самое было и в древнегреческой Ойкумене.

Обычно самый продолжительный период стабильности в мире бывает, когда за ним стоит некая супердержава, как, например, *Rex Romana*. Сейчас в силу глобальных трендов, прежде всего технологического свойства, мы постоянно наблюдаем новый динамизм, эволюционные и революционные изменения глобального миропорядка.

Глобальный миропорядок крайне необходим, во-первых, для предотвращения вооруженных конфликтов в современном мире, во-вторых — для ответа на глобальные вызовы. Несколько крупных закономерностей, характерных для мира, сегодня находятся в фазе зрелости. Это, как я уже упомянул, глобализа-

ция и одновременно регионализация, технологические изменения и т. д. Но вместе с этими трендами возникают и негативные закономерные явления глобального масштаба, прежде всего терроризм и экстремизм. В экономической сфере в связи с увеличением числа стран возникает огромный дефицит капитала, который препятствует решению проблем бедности, экологии, борьбы с массовыми заболеваниями и, что самое важное, борьбы со страшным трендом терроризма и экстремизма. Поэтому глобальный миропорядок необходим, его лидеры и консенсус постоянно меняются, надо быть к этому готовыми, подходить с открытыми глазами.

Есть институты глобальные и региональные. Я согласен с профессором из Австрии, который сказал, что среди основных институтов глобального миропорядка все больше представлены региональные органы. Однако важно понимать, что национальные образования не должны находиться под властью безликих бюрократических институтов, которые пытаются стать выше институтов согласования. Глобальный миропорядок — это не навязывание идей, а всегда согласование, принимаемое на основе консенсуса. Мир никогда не уйдет от процессов формирования и поддержания глобального миропорядка. Сегодня говорят о движении с Запада на Восток, но в то же время все больше усиливается движение с Востока на Запад. Я, например, горячий сторонник развития Нового шелкового пути (*New Silk Road*) и неоднократно выступал на эту тему уже 12 лет назад в ООН. Но ведь Шелковый путь — это продвижение как с Запада на Восток, так и с Востока на Запад. Поэтому глобальный миропорядок нельзя игнорировать, невозможно закрыть дверь и не участвовать в нем. Надо найти в нем свое место, поддерживать его, и каждое национальное государство должно суметь вынести на повестку дня многонациональных институтов свою точку зрения на мир.

А. А. ПАНКИН: — Господин Проданов, Вам слово.

В. ПРОДАНОВ: — Мое выступление связано с той идеей, которую высказала профессор Силвер. Я тоже думаю, что развитие происходит большими циклами, и одно из измерений этих циклов — время гегемонии, восхода либерализма, мультиплюрализма. И время консервативных реакций, каковые в рамках каждого цикла наблюдаются не единожды. Сегодня мы живем в одном из периодов консервативной реакции, который продолжается с 1970-х годов, начиная с исламской революции в Иране. Потом, в 1980-х, были выступления интернациональных исламских отрядов в Афганистане против советских войск. После этого — бурно развивающийся Китай, который демонстрирует новый цивилизационный тип социализма, подходящий только для этой страны, его философия — выражение идей постмодернизма с отказом от так называемых больших нарративов.

Эти процессы усилились после кризиса 2008 года и привели капиталистический Запад к росту популизма, национализма, антисемитизма, к борьбе исламизма против исламофобии в различных европейских стра-

нах, к появлению «Аль-Каиды», ИГИЛ, «Боко Харам» и других экстремистских и террористических группировок. Молодые люди из всех стран мира вступают в них и заявляют о готовности умереть за средневековые религиозные идеологии, которые вроде бы считались пережитком прошлого. Консервативная реакция наблюдается и в развитых государствах, у основных социальных групп, теряющих свой прежний статус. Рабочие прислушиваются к популистам и националистам, мигранты объединяются опять-таки на почве исламского фундаментализма. Проблема разрастается до глобального масштаба. Общая социально-психологическая атмосфера, порождаемая этими кризисными процессами, благоприятствует консервативной контрреволюции. Эти установки характеризуются пессимизмом. Согласно исследованиям, 65 % европейцев и американцев полагают, что мир движется в негативном направлении, что положение все время ухудшается, а молодое поколение будет намного беднее своих предшественников. Ощущение упадка сказывается на индивидуальном и коллективном поведении, увеличивает стресс, самоубийства, насилие. Но это ощущение имеет и экономические последствия, потому что сдерживает инвестиции.

Пессимизм связан с растущим недоверием к власти и институтам либеральной демократии. Не «лучшее будущее», а «лучшее прошлое» заставляет все большее количество избирателей мечтать о возвращении в старые добрые времена, которые кажутся намного предпочтительнее, чем неопределенное будущее. А прошлое всегда было главной опорой консерватизма. Когда идут процессы распада и наблюдается возвращение к традициям и консервативным взглядам, прошлое реконструируется в позитивном свете и противопоставляется турбулентному настоящему и пессимистическому будущему. Выигрывают те, кто обращается к истории и предлагает реставрацию. Как светлое коммунистическое будущее, так и светлое неолиберальное демократическое европейское евроатлантическое будущее делегитимизированы. Они больше не объединяют большинство общества, и люди начинают искать объединяющие цели, обращаясь к прошлому, изобретая и интерпретируя религиозные, национальные, этические идентичности. Возрождаются коллективные травмы, связанные с конфликтами на религиозной и этнической почве. К этому добавляется нарастающий процесс глобальной многополярной борьбы, когда военное и идеологическое противостояние активно стимулируется и организуется крупными государствами на основе принципа «разделяй и властвуй». В периферийных странах, таких как Болгария, это проявляется в компрадорском поведении элит и обострении борьбы между различными геополитическими центрами, идентификация с которыми осуществляется на основе цивилизационной идентичности, связанной с консервативными идеями. Идет борьба между русофилами и русофобами, американофилами и американофобами, еврофилами и еврофобами, евразийцами и антиевразийцами в обход консерватизма.

А. А. ПАНКИН: — Прошу Вас, господин Монтес.

М. Ф. МОНТЕС: — Каковы факторы, ослабляющие переход от британского доминирования к другим формам мироустройства? Сколько лет потребуется на такой переход — век или меньше?

Гегемония стремится к тому, чтобы решить три проблемы, которые критически важны для ее дальнейшего выживания. Во-первых, это вопросы, связанные с либерализацией финансовой сферы, потому что раньше здесь было слишком строгое регулирование. Во-вторых — контроль над информационными потоками и всей информационно-коммуникационной отраслью. В-третьих, важно понять, до какой степени гегемон готов встроиться в систему коллективной безопасности.

Я хотел бы остановиться на вопросах регулирования и дерегулирования финансов. Действительно, долги физических лиц и государств продолжают расти, и с этим связана такая проблема, как сокращение притока инвестиций в реальный сектор.

Как мы переводим прибыль в инвестиции? Государственный сектор не может этого обеспечить. В теории Кейнса говорится, что частный сектор не в состоянии делать то, что обязано делать государство. Действия частного сектора должны помочь развитию капитализма. Я не знаю, как это влияет на кризис. Что касается использования прибыли для инвестирования, то, повторяю, у населения и государств сегодня огромные долги. Тем не менее инвестиции необходимы, и для решения этой проблемы я предлагаю обратиться к теории Карла Маркса.

А. А. ПАНКИН: — Послушаем выступление господина Литтлджона.

Г. ЛИТТЛДЖОН: — Мне хотелось бы ответить на замечание господина Кёхлера относительно социальных сетей и средств коммуникации. Предвыборная кампания Трампа была основана на использовании огромной базы данных, он привлек миллионы людей, используя социальные сети и обращаясь к самым разным аудиториям. Этот метод называется микротаргетированием, он известен уже более 20 лет и поначалу был связан с внедрением научных достижений.

Оказывается, в настоящее время для работы с электротаргетом не нужен даже «Фейсбук», достаточно Твиттера и личного смартфона. Мы только что видели, что таким образом можно повлиять на результаты выборов. Это представляет опасность, которую мы должны осознавать. Сейчас эти темы широко и заинтересованно обсуждаются в «Гардиан» и другой британской прессе.

Мы также не можем недооценивать значение цифровой экономики. Вспомним недавние события, произошедшие в Индии, когда правительство внезапно потребовало от населения пользоваться смартфонами и кредитными картами вместо наличных денег. И это в то время, когда 85 % финансовых операций в Индии все еще осуществляются с использованием наличных. Требование государства было ошибочным и незамедлительно вызвало платежный коллапс. Считаю, что это было сделано намеренно, с участием продуманной по-

литики американских корпораций. Безусловно, цифровая экономика влияет на экономику в целом, а значит, и на политику. И это влияние гораздо сильнее, чем мы, возможно, себе представляем.

А. А. ПАНКИН: — Ваши слова свидетельствуют о том, что дело не в российских хакерах, якобы повлиявших на исход недавних выборов в США.

Хочу передать слово сопредседателю секции Петру Дуткевичу. Подведем некоторые итоги нашего обсуждения.

П. ДУТКЕВИЧ: — Рефлексия — вполне адекватное дело, иногда даже лучше, чем подведение итогов. Здесь состоялись настолько насыщенные дискуссии, что их трудно обобщить. Мы начали с широкого разброса идей, затем стали строить пирамиду и в конце концов вышли на стримлайны — четко обозначенные, сфокусированные идейные направления. Правда, это не означает, что все вопросы прояснились, но это пример развития. Мы начали с какофонии, а теперь можно сказать, что играем как оркестр. Это может вдохновить нас на построение планов дальнейших встреч и дискуссий.

Хотелось бы подчеркнуть некоторые основные моменты. Прежде всего, как наметить карту, которая поможет нам прийти к трансформации гегемонии? Сегодня многие из выступавших касались этого аспекта: гегемония и трансформация, которая приведет к новым гегемониям — именно так, во множественном числе. Возможно, это произойдет в рамках нового мультиполярного мира. Сегодня мы предчувствуем ситуацию, когда, возможно, на сцену выйдут три гегемона. Может быть, они будут представлять небольшие страны, станут центрами для определенных периферийных территорий. Но это с точки зрения государств. Многие ораторы представили более широкий взгляд: стали говорить о новых гегемониях не с точки зрения географии и национальных образований, а с позиции содержания и контекста. Господин Акаев, например, интересно рассуждал о новых путях, связанных с развитием коммуникационных технологий, о том, что, может, они сформируют новую основу для новой гегемонии — транснациональной, трансграничной. Как они будут локализованы — в частном секторе или будут по-прежнему поддерживаться государством? Возможно, это будут какие-то компании. Какую стратегию они выберут, какова будет природа их власти? Может быть, это будут органы регулирования? Многие из присутствующих говорили о регулирующей власти в новых центрах, которые будут формироваться.

Теперь о капитализме и капитале. Важнейший вопрос: что делать с деньгами? Как вообще будут выглядеть финансы в этих новых гегемониях? Ведь мы знаем, что деньги выполняют разные функции. Это не только средство платежа, но и капиталы, и сокровища, и многое другое. Деньги, которые лежат без движения, не работают на развитие экономики. Каким образом они будут использоваться, с какими целями? Как будут складываться взаимоотношения между двумя или тремя типами денег? Интересно было бы подроб-

нее обсудить этот вопрос: гегемония и новые формы денежных отношений.

Еще одна сторона гегемонии, более традиционная. Доминирующий субъект — это центр, который обладает властью с точки зрения вооружений. На чем будет базироваться новая гегемония? Если на главенстве закона, то что за законы это будут? Возможно ли появление нового типа тоталитаризма, автократии? Это будут контролируемые или неконтролируемые законы? На какой новой платформе с точки зрения права они будут базироваться?

В связи с Китаем и Юго-Восточной Азией мы говорили о совсем новых, недавно возникших феноменах. И коллега Петр Толочко сказал о тревожных сигналах. Он заметил, что, обсуждая новую гегемонию, мы имеем в виду прежде всего крупные державы. А что можно сказать о роли малых стран? Мы забываем о них, когда речь идет о распределении власти. Оказывается, у крупных игроков есть возможность манипулирования. Малые страны могут делегировать какие-то компоненты большим державам.

Коллега из Болгарии затронул проблему, которая лишь на первый взгляд воспринимается как значимая только для одной страны. На самом деле она важна для всех стран. Алеппо, собственно говоря, может разрушить диалог между крупными державами. Мы иногда делегируем полномочия большим державам, а малые игроки по умолчанию начинают действовать за их спиной и сами становятся крупными игроками. Что с этим делать?

И в заключение хочу отметить парадоксальный феномен: молчание некоторых участников зачастую также имеет огромное значение. Надеюсь, что в следующем году мы продолжим обсуждать новые гегемонии, их происхождение, структуру, движущие силы и, напротив, барьеры, встающие на их пути. Конечно, мы будем говорить о сложных ситуациях, которые иногда порождают и стимулируют такие гегемонии, а иногда препятствуют их воцарению и развитию. От всей души благодарю вас за участие в интересной и вдохновляющей дискуссии.

А. А. ПАНКИН: — Спасибо участникам секции за активность и заинтересованность. На нашем заседании выступили 29 человек. Один из акцентов дискуссии был сделан на глобальном миропорядке в его различных аспектах. В том числе говорили о том, что деидеологизация международных отношений еще не закончилась и грядут затяжные конфликты, «заряженные» идеологическими установками.

Отдельные вопросы, затронутые коллегами, — о восстановлении отношений между Россией и США, о китайском факторе в разных преломлениях, об Африке, которую недооценивают, но она может заставить обратить на себя самое пристальное внимание, поскольку превращается в транзитный пункт для террористических организаций, наркотрафика и прочей преступности.

Обсуждался вопрос о необратимости глобализации. Похоже, что общее мнение склоняется к тому, что глобализация продолжится, но в несколько иных формах. Цифровая трансформация, роботизация будут порождать новые феномены, в том числе в области управ-

ления. Будут возникать новые общности, влияющие на состояние дел в глобальных масштабах. В частности, в финансовом секторе ход развития событий станут определять не столько банкиры, сколько компьютерные программы и те, кто их пишет.

Что касается роли государства, то данная тема рассматривалась под разными углами зрения, но я не услышал весомых аргументов в пользу того, что государству пора уступить место каким-то иным лидерским течениям или сообществам, хотя это и наблюдается в силу глобализации. В бизнес-среде, в интернет-среде создаются новые общности со своими лидерами и ресурсами, которые оказывают влияние на ход глобальных процессов.

Интересны были замечания о мотивациях тех или иных действий, в том числе с физиологической точки зрения, а также с точки зрения исторической памяти и обращения к урокам. Я услышал интересные идеи относительно феномена развития: что нужна замена классического модернового капитализма на нечто, называемое девелопментализмом, то есть нацеленным на развитие, а не на извлечение и распределение прибыли. Это очень интересно.

Начало нашей дискуссии уже метко назвали какофонией. Однако многие современные музыканты, которые сочиняют, на первый взгляд, неблагозвучные мелодии, имеют свою философию. Думаю, что наша дискуссия, несмотря на некоторую сумбурность, неизбежную при таком широком охвате тем, все же оказалась интересной и полезной, судя по оживленным комментариям к целому ряду сюжетов.

Однако есть и минусы. Это в первую очередь пессимизм, которым отличалось большинство выступлений. Мы не говорили про светлое будущее, хотя и выражали надежду на неизбежность более справедливых форм устройства общества. И, в общем, никто не высказал конкретных предложений: как нам сдерживать либо, напротив, стимулировать развитие выявленных процессов. Понимаю, что у нас тут академическая среда, где идеи рождаются, а их надо еще уметь донести, растолковать и заставить в них поверить тех, кто принимает практические решения. Конечно, это не является задачей нашего форума, но потенциал Лихачевских чтений очень высок, и его надо использовать не только в академических, но и в практических целях. Благодарю всех участников.

Секция 2 КРИЗИС ЦИВИЛИЗАЦИИ: БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕКА И ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

20 мая 2017 г. Научная библиотека им. Д. А. Гранина СПбГУП

Руководители секции:

Э. АГАЦЦИ	профессор Университета Генуи (Италия), иностранный член РАН, доктор философии
А. А. ГУСЕЙНОВ	научный руководитель Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
В. А. ЛЕКТОРСКИЙ	главный научный сотрудник Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор
В. С. СТЕПИН	руководитель секции философии, политологии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП

ДОКЛАДЫ

А. В. Агошков¹

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА КАК ФАКТОР ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЩЕСТВА: ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ РЕАЛИИ И ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ

О важности государственной языковой политики как средства обеспечения духовной безопасности нации сказано много. Признается, что распространение языка является важнейшей частью стратегии «мягкой силы», в отдельных случаях — элементом культурной экспансии. Так, тотальное использование английского языка как средства международного общения (при достаточно скромных успехах универсальных международных языков: эсперанто, идо, новиаль и др.) стало важнейшим признаком гибридного вторжения англосаксонской цивилизации во всем мире. В сложившейся ситуации многие европейские страны проводят собственную языковую политику, отстаивая культурные права своих народов.

Источником отечественной государственной языковой политики также является законодательство, в первую очередь Конституция. Статья 68 Конституции РФ гласит:

¹ Главный редактор издательства «Наука и культура», кандидат философских наук. Автор более 80 научных публикаций, в т. ч.: «Свобода в истории европейской цивилизации. Размышления о свободе и справедливости» (в соавт.), «Патриотизм и интернационализм: к вопросу о стратегии и тактике русских коммунистов в международном левом движении» (в соавт.), «Модернизация России — социальное измерение» (в соавт.), «Справедливость как высший закон? Социогуманитарно-экономические этюды из истории культуры России», «Диалог культур прошлого и будущего: “экономический век” и “общинный социализм”» и др.

«1. Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык.

2. Республики вправе устанавливать свои государственные языки. В органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик они употребляются наряду с государственным языком Российской Федерации.

3. Российская Федерация гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития».

В другой своей части Конституция указывает, что «каждый имеет право на пользование родным языком, свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества» (ст. 26, п. 2).

Ряд положений (ст. 19, п. 2; ст. 29, п. 2) утверждает равноправие языков народов России, недопустимость разжигания розни и пропаганды языкового превосходства². Тем самым подчеркивается полиэтничный (многонациональный) характер российского народа.

Плюралистичность данных положений Основного закона РФ проявляется во всей полноте положительных и отрицательных сторон. Утверждая равноправный характер языкового пространства, Конституция фактически не защищает *единый государственный русский язык* от нежелательных воздействий и транс-

² СПС «КонсультантПлюс».

формаций. Вторжение англицизмов, жаргонизмов, просторечных и попросту безграмотных выражений в повседневную жизнь русских людей приняло опасные размеры.

Стоит ли удивляться, что политико-правовое пространство РФ, включая конституционно-правовой дискурс, основу основ отечественной правовой культуры, подвергается эрозии и выхолащивается: «У нас довольно часто употребляются такие иноязычные термины, которые в конституционном тексте отсутствуют. Например, понятие “сенат”, понятие “сенатор” или понятие “импичмент” и т. д. Причем речь идет не о том, что иногда проскальзывает. Я замечаю, по телевидению (а ведь это очень широкая аудитория, которая все воспринимает) многократно, раз восемь, уважаемый ведущий, очень уважаемый, действительно высокий профессионал в своем деле, употребляет понятие “сенатор”. Но понятие “сенатор” употребляется, допустим, в Конституции Соединенных Штатов, в конституции Италии; понятие “сенат” — в Конституциях США, Франции, Италии; понятие “импичмент” — в конституциях США, Индии и некоторых стран. В тексте российской Конституции этих понятий нет. А первый шаг к конституционной культуре заключается <...> в том, чтобы овладеть конституционной терминологией»¹.

Таким образом, можно сделать вывод, что не только русский язык, но и собственно конституционно-правовое общение нуждается в защите своего лексического ряда. Она может и должна обеспечиваться не только соответствующей конституционной нормой (ст. 19, 26, 29, 68 Конституции РФ), но и обычными законами и подзаконными актами.

Очевидно, что основой языковой (шире — культурной) политики должна являться Конституция страны, устанавливающая употребление языка титульной нации как государственного. Однако это привычное для нас положение отнюдь не всегда являлось таковым для законодателей других государств. В частности, в тексте Конституции Франции 1958 года ничего не говорилось о статусе французского языка². К настоящему времени ситуация существенно изменилась. После подписания ряда законов о защите французского языка последовало внесение изменений в действующий текст Конституции. В соответствии с ним единственным официальным языком во Франции, согласно ст. 2, является французский³. При этом языковая политика Франции ориентирована, как правило, на поддержку только французского языка как единственного государственного и официального; языки меньшинств государством практически не поддерживаются, несмотря на то что, согласно

ст. 75-1 Конституции, региональные языки являются частью национального достояния Франции⁴. Франция, в отличие от ряда других стран Европы, не ратифицировала Европейскую хартию региональных языков — Конституционный совет счел, что присоединение к ней нарушило бы конституционные положения о статусе французского языка⁵. В 2008 году в Конституцию Франции были внесены изменения, предусматривавшие формальное признание региональных языков. В 2015 году Государственный совет представил новое заключение по вопросу о хартии⁶.

Известно, что в ряде стран, например во Франции и Польше⁷, приняты законы о защите родного языка. Во Франции действует «Закон Тубона» (Loi Toubon, официальное название — Закон № 94-665 от 4 августа 1994 г. об использовании французского языка) — закон, изданный французским правительством для закрепления статуса французского языка как основного официального в документах правительства, на рабочем месте, вывесках и в маркировках товаров, коммерческих договорах, деловом общении и некоторых других областях. Действие закона не затрагивает сетевых и электронных средств информации, частных и некоммерческих структур, хотя достаточно жестко регламентирует употребление французского языка в публичной жизни, например в среднем и высшем образовании. Время от времени «Закон Тубона» подвергается критике за его последствия для языковых меньшинств Франции. Согласно закону государство не финансирует преподавание в школах на языках, отличных от французского. Тем самым существенно ограничивается область применения таких языков, как бретонский, провансальский, лотарингский (франкский) и др.

Показательно, что данный закон содержит положение об ответственности за его невыполнение⁸. В частности, субъект публичного права, разместивший «на дороге общего пользования, в месте, открытом для населения, или в общественном транспортном средстве» надпись, предназначенную для информирования населения, не на французском языке и не внявший предупреждению, «может быть, с учетом тяжести нарушения, лишен права пользования имуществом, каковы бы ни были положения договора или условия разрешения на использование имущества, которое было ему предоставлено» (ст. 3)⁹. Другое положение закона касается

⁴ См.: Конституция Франции. URL: <http://www.conseil-constitutionnel.fr/conseil-constitutionnel/francais/la-constitution/la-constitution-du-4-octobre-1958/texte-integral-de-la-constitution-du-4-octobre-1958-en-vigueur.5074.html#titre12> (дата обращения: 01.03.2017).

⁵ См.: Решение Конституционного совета № 99-412 DC. URL: <http://www.conseil-constitutionnel.fr/conseil-constitutionnel/francais/les-decisions/acces-par-date/decisions-depuis-1959/1999/99-412-dc/decision-n-99-412-dc-du-15-juin-1999.11825.html> (дата обращения: 01.03.2017).

⁶ См.: *Montvalon J.-B. de. Nouvel obstacle à la ratification de la Charte des langues régionales // Le Monde. 2015. 1 août.*

⁷ См.: Закон Франции № 94-665 от 4 августа 1994 года об использовании французского языка («Закон Тубона») // Национальные интересы. 2013. № 1/2; Закон Республики Польша от 7 октября 1999 года о польском языке // Национальные интересы. 2013. № 3.

⁸ Ответственность за нарушения данного закона была установлена Декретом № 95-240 от 3 марта 1995 года.

⁹ Закон Франции № 94-665 от 4 августа 1994 года. С. 24. Аналогичная норма польского закона предусматривает наказание в виде штрафа.

¹ Встреча с заведующими кафедрами конституционно-правовых дисциплин. 7 ноября 2013 года. URL: <http://www.kremlin.ru/news/19579> (дата обращения: 01.03.2017).

² См.: Конституции буржуазных государств: учеб. пособие / сост. В. В. Маклаков. М.: Юрид. лит., 1982. С. 88–112. Интересно, что основные законы ряда других государств (Италии, ФРГ), наряду с подобной «нулевой» нормой, провозглашают языковое равенство и охрану языковых меньшинств. См.: Конституции буржуазных государств. С. 124, 125, 171.

³ См.: Конституция Франции. URL: <http://www.conseil-constitutionnel.fr/conseil-constitutionnel/francais/la-constitution/la-constitution-du-4-octobre-1958/texte-integral-de-la-constitution-du-4-octobre-1958-en-vigueur.5074.html#titre1> (дата обращения: 01.03.2017).

взаимоотношений органов власти с получателями государственной финансовой поддержки: «Предоставление органами местного самоуправления и государственными учреждениями субвенций любого рода зависит от соблюдения их получателями положений настоящего закона. Любое несоблюдение положений настоящего закона может повлечь за собой после представления заинтересованным лицом своих претензий требование полного или частичного возврата полученной субвенции» (ст. 15).

Наконец, закон вводит уголовную (!) ответственность для лиц, создающих препятствия для его исполнения: «Лицо, препятствующее прямо или косвенно исполнению полномочий указанными в первом абзаце ст. 16 настоящего закона служащими или не представляющее в их распоряжение все средства, необходимые для выполнения полномочий, подлежит наказанию, предусмотренному во втором абзаце ст. 433-5 Уголовного кодекса» (ст. 17). Статья 19 вносит дополнения в Уголовно-процессуальный кодекс¹.

Мы видим, что «Закон Тубона» содержит достаточное количество норм, предусматривающих ответственность за засорение французского языка чужеродными словами и выражениями. Исследование практики его применения должно стать предметом отдельного исследования. Можно лишь упомянуть, что ставшее достоянием гласности дело об административном правонарушении со стороны одного из вузов США (Политехнический университет Атланты), который, имея отделение в городе Мец с 200 студентами, не предоставлял им необходимые сведения на французском языке, свидетельствует об эффективности данного закона в публичной жизни (образование, транспорт, торговля и пр.).

В России охрана родного языка, увы, не ведется на должном уровне. Несправедливо утверждать, что российская власть никак не реагирует на тревожные сигналы о повальном нарушении норм русского языка. В развитие положений Основного закона в России был принят Федеральный закон РФ «О государственном языке Российской Федерации» № 53-ФЗ от 1 июня 2005 года. Как говорится в его преамбуле, «настоящий Федеральный закон направлен на обеспечение использования государственного языка Российской Федерации на всей территории Российской Федерации, обеспечение права граждан Российской Федерации на пользование государственным языком Российской Федерации, защиту и развитие языковой культуры»². Закон определяет русский язык в качестве государственного, а также сферы общественной жизни, в которых его применение обязательно. (В основном это деятельность федеральных органов государственной власти.)

Увы, данной меры оказалось явно недостаточно. В первую очередь по причине отсутствия в законе каких-либо упоминаний о санкциях в отношении его нарушителей: «Этот закон хорош всем, кроме перечисленных в нем деклараций, кроме отсутствия в нем прописанных *ответственностей* и тех инстанций, которые будут следить за его надлежащим исполнением.

¹ Закон Франции № 94-665 от 4 августа 1994 года. С. 25.

² СПС «КонсультантПлюс».

Другими словами, он ничего не говорит <...> о введении моральной цензуры. Или этической. Или цензуры, нацеленной на защиту русской культуры»³. Резкость данной оценки компенсируется искренностью автора.

Субъектами языковой политики государств также являются государственно-общественные организации и общественные объединения, призванные пропагандировать русский язык как в пределах Российской Федерации, так и за ее пределами. Из наиболее крупных можно назвать фонд «Русский мир» и Международную ассоциацию преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ)⁴.

Во Франции ярким примером активной государственно-общественной культурной политики может служить международная организация «Франкофония» (МОФ), в деятельности которой нашли отражение многие важнейшие процессы мировой политики, чему благоприятствуют как важные объективные тенденции в международных отношениях, так и стремление к усилению политической роли самой МОФ. При этом культурно-лингвистические и политические факторы тесно переплетены и в целом противостоят аналогичным факторам политики Запада, прежде всего США⁵.

Конечно, во Франции не исключены сложности с реализацией культурной политики, обусловленные общими изменениями в политическом климате. В середине 2000-х годов, при президенте Н. Саркози, ассигнования на внешнюю культурную политику существенно сократились. Это вызвало резкую реакцию со стороны отдельной части политического класса (в частности, двух бывших министров иностранных дел — голлиста А. Жюппэ и социалиста Ю. Ведрина), что побудило руководство страны изменить свою позицию⁶. Реальные изменения последовали в 2010–2011 годах, когда был принят новый закон о внешней политике государства. Его основным следствием стало учреждение декретом от 30 декабря 2010 года Французского института (Institut français). Наряду с другими авторитетными организациями, такими как Агентство по преподаванию французского языка за рубежом (AEFE), «Международная экспертиза Франции» (“France expertise internationale”) и другие, он активизировал использование средств «культурной дипломатии» и «научной культуры» во внешней политике Пятой республики. Эти действия были поддержаны значительным увеличением государственных ассигнова-

³ Митин А. Закон о русском языке. Несколько слов в защиту. URL: <http://www.rusyz.ru/is/zoyz.html> (дата обращения: 10.02.2017).

⁴ Например, фонд «Русский мир» — российская общественная организация, занимающаяся популяризацией русского языка и культуры, а также поддержкой программ изучения русского языка в различных странах мира. Он создан 21 июня 2007 года указом № 796 Президента РФ В. В. Путина и зарегистрирован как общественная организация. Учредителями фонда от имени Российской Федерации являются МИД РФ и Минобрнауки России. Годовой бюджет в 2015 году составил, по разным оценкам, от 427 до 750 млн руб. (примерно 7 и 12 млн евро соответственно). Источник: СПС «КонсультантПлюс».

⁵ См.: Чернов И. В. Принятие международных политических решений в Совете Безопасности ООН (интерпретация позиции Франции по иракской проблеме) // Россия в глобальном мире. Социально-теоретический альманах. СПб., 2003. № 4.

⁶ См.: Косенко С. И. «Мягкая сила» как фактор культурной дипломатии Франции // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 1. С. 114–125.

ний¹. В среднем ежегодный бюджет МОФ на четыре года (2010–2013) доходил до 85 млн евро, хотя эксперт называет иную цифру². Однако эти институциональные изменения были бы недостаточны, если бы не были определены базовые ценности французской нации, которые она отстаивает. Именно широкий общественный консенсус по основным принципам социального бытия является источником различных (политических, правовых, экономических и пр.) форм борьбы за чистоту и международный вес национальной культуры.

Перспективы международной языковой ситуации во многом зависят от дальновидности и последовательности политики национальных правительств по обеспечению духовной безопасности своих граждан. Государства, имеющие четкую позицию по данному вопросу и осознающие ответственность перед своими народами, по-прежнему будут на высоте. Всем остальным уготовано место культурной периферии, роль деидеологизированной и морально несостоятельной биологической массы³.

**А. Л. Андреев⁴,
Т. В. Кузнецова⁵**

ОБРАЗЫ БУДУЩЕГО И ОБРАЗЫ ПРОШЛОГО

После окончания так называемой холодной войны человечество, казалось бы, получило все основания смотреть в будущее с достаточной долей уверенности. Однако наступившая передышка продолжалась недолго. Уже к концу первого десятилетия нового XXI века небосклон стали завлакивать тучи, предвещавшие новые исторические бури. С одной стороны, кризис 2008 года в экономике показал, что формирующаяся в развитых странах экономика знаний столь же неустойчива, как и более традиционные индустриальные экономики. С другой стороны, в этот же период стали проявляться и первые симптомы обострения противоречий между консолидированным Западом и набирающим экономическую и военную мощь Востоком, включая Россию и КНР. Обострилась конкуренция за мировые ресурсы, которая ныне привела к небывалому обострению международных отношений и усилению

внутренней конфликтности во многих странах. Новые всплески международного терроризма, незатихающая гражданская война на Украине, массированный обстрел «Томагавками» объектов сирийской правительственной армии, северокорейская ядерно-ракетная программа, на которую США ответили переброской авианосцев к берегам этой страны, заставляют вспомнить о знаменитом Карибском кризисе 1962 года, поставившем мир на грань термоядерной войны. Что же касается России, то дополнительно к перечисленному она переживает сегодня затяжной экономический спад, результатом которого стал рост цен и безработицы.

Как это отражается на восприятии населением будущего? Судя по данным проведенных в последние 2–3 года социологических опросов, подавляющее большинство наших сограждан (по крайней мере 19 человек из 20) все же считают, что их жизнь в целом складывается сносно. Около четверти опрошенных также полагают, что в ближайшей перспективе (2017) их жизнь изменится или может измениться к лучшему. Однако такое оптимистическое восприятие россиянами *личного* будущего сегодня отнюдь не претворяется в столь же оптимистические оценки будущего как *социально-исторической категории*, относящейся к рамочным условиям человеческого бытия — к тому, что можно назвать состоянием мира в целом.

Похоже, что сегодня мы имеем дело уже не только с рутинными признаками экономического кризиса и даже с очередным «кризисом капитализма» (который сам по себе, скорее всего, действительно назревает) или обычным переделом сфер влияния, но с чем-то намного более фундаментальным, многомерным и, если можно так выразиться, экзистенциальным, касающимся самих основ человеческого бытия. Судя по многим признакам, мир входит в фазу глубокого перестроения, которое происходит одновременно по нескольким направлениям и, соответственно, сразу на нескольких уровнях его структурной организации. Коренным образом меняются основания глобальной конкуренции, которые начинают принимать отчетливо некапиталистический характер: традиционное соотношение формально калькулируемых экономиче-

¹ Косенко С. И. «Мягкая сила»...

² Косенко С. И. Политика и система франкофонии в эпоху глобализации (европейские аспекты) // Вестник МГИМО. 2011. № 2. С. 141.

³ Запесоцкий А. С. Запрет идеологии в Конституции — вредное недоразумение // Парламентская газета. 2016. 18–24 нояб. С. 19.

⁴ Заведующий кафедрой истории и философии Всероссийского государственного института кинематографии им. С. А. Герасимова, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшей школы РФ. Автор научных публикаций по философским проблемам искусства и социологии, в т. ч. монографий: «Российское образование: социально-исторические контексты», «Образование и образованность в социальной истории России: от Средневековья к Новому времени», «Место искусства в познании мира», «Художественное мышление как эстетическая категория»; статей: «О модернизации образования в России. Историко-социологический анализ», «Интеллектуальные среды: концептуальная перспектива глазами социолога», «Специализация цивилизаций и аттракторы мирового развития» и др. Член Научного совета ВЦИОМ и международного редакционного совета журнала «Мониторинг общественного мнения». Награжден Серебряной медалью П. Сорокина «За вклад в науку».

⁵ Профессор кафедры эстетики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук. Автор более 70 научных публикаций и учебных пособий, в т. ч.: «Эстетика универсального и эстетика своеобразия», «Национальная политика и традиционная культура», «Парадигма народности в эстетической теории», «История и проблема робота», «Категория истины и проблема художественной правды», «Мода и гламур: тенденции современной повседневной культуры» и др. Член редколлегии журнала «Вестник Московского университета». Заместитель председателя Московского философского общества.

ских потенциалов (вроде уровня ВВП и др.) уступает место ранжированию социальных систем по уровню их сложности и потенциальной креативности¹. Кроме того, в контексте формирования новых социальных моделей происходит ломка традиционной этнической таксономии, сопровождаемая агрессивным формированием новых этнических и квазиэтнических общностей (одним из примеров данного процесса является нынешняя Украина)².

Пожоже, что глобальный мир приближается к точке бифуркации, где перед ним открываются принципиально различные исторические перспективы. Таким образом, столь популярная в 1990-е годы теория Ф. Фукуямы о конце истории терпит полный крах. Это означает, что сегодня мы вновь оказались в ситуации «конкурса» проектов будущего. Участвует ли Россия в этом «конкурсе», как это было 100 лет назад, в 1917 году?

Подобно всем людям на Земле, граждане России стремятся к благосостоянию, современному комфорту, повышению уровня жизни и процветанию. Однако для них важны не только цель, но и средства, не только чисто финансовый эквивалент процветания, но и его социально-исторический вектор. Поэтому россиян волнует вопрос о специализации России в системе международного разделения труда, и отнюдь не только по соображениям материальной выгоды. Он затрагивает их представления о самих себе и в силу этого тесно связан с очень деликатной и тонкой проблематикой идентичности, а в конечном счете с присущей национальному менталитету «картиной мира». «Настоящая», «успешная модернизация», в соответствии с представлениями россиян, — это когда Россия сможет зарабатывать не на природных богатствах, инфраструктуре или выгодном геополитическом положении, а на производстве интеллектуального продукта.

Вместе с тем в подходах к этому кругу вопросов отчетливо проявляется одна из самых характерных черт российского менталитета — сочетание, даже переплетение интенсивных модернизационных устремлений с традиционализмом. В определенном смысле можно сказать, что Россия склоняется к той модели развития, которую, если угодно, можно назвать *традиционалистской модернизацией*. Эта модель, вообще говоря, не является уникальной: нечто подобное демонстрирует миру КНР, в идеологии которой предложенная Дэн

ми о «хорошем обществе» (сяокан)³. Оригинальность российского варианта надо видеть скорее в композиции актуализируемых и привлекаемых на службу современности традиций. В ней собственно народные обычаи сочетаются, с одной стороны, с реминисценциями времен Российской империи, а с другой — с многочисленными элементами советского прошлого.

Исторические проекты — это не просто какие-то теоретические конструкции или некие бесстрастные прогнозы, описывающие ход истории. Их реализация связана с наличием эмоционально напряженных ожиданий, которые можно определить как коллективные мечты. Самым известным хрестоматийным примером является, как известно, «американская мечта». Но в последнее время обсуждается и вопрос о «европейской мечте», а Си Цзиньпин еще в 2012 году заговорил о «китайской мечте». А есть ли сегодня у россиян какая-либо общая мечта, объединяющая людей разных верований, убеждений и национальностей на почве сходных стремлений к достойному будущему? Мы бы воздержались от безапелляционных суждений по данному вопросу. Ныне российское общество сильно фрагментировано, и противоположность интересов различных его слоев не способствует формированию единства устремлений. Если «русская мечта» в настоящее время и существует (или складывается заново), то она, безусловно, размыта, и было бы, пожалуй, весьма затруднительно выразить ее в столь же четко артикулированном виде, в каком в настоящее время выражены американская и европейская мечты или, допустим, мечта о новом исламском мировом порядке.

Однако результаты проведенных в последние годы социологических исследований указывают на то, что в массовом сознании совершенно определенно имеются все те компоненты, из которых «синтезировалась» русская мечта в прошлом⁴. Это сильно выраженное чувство справедливости, приверженность социальному равенству, понимание свободы как «воли», идея государства как «общего дела» и, наконец, приоритет социальных прав над политическими. Не с реализацией ли этой социальной программы связаны надежды наших сограждан на преодоление системного кризиса современного глобального мира и на его переход в «спокойную» фазу развития?

Сяопином концепция «четырех модернизаций» совмещается с традиционными конфуцианскими представлениями

¹ См.: Неклесса А. И. Создание будущего // Рабочие материалы Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН. М.: Интелпрос, 2016.

² См.: Андреев А. Л. Этническая революция и реконструкция постсоветского пространства // Общественные науки и современность. 1996. № 1.

³ См.: Российское общество и вызовы времени. Книга четвертая / под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М.: Весь мир, 2016. С. 153.

⁴ См.: О чем мечтают россияне: идеал и реальность. М.: Весь мир, 2013. С. 53.

В. Н. Бадмаев¹**ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР И КУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ:
КОНТУРЫ БУДУЩЕГО²**

Достижения современной цивилизации в экономике, технологиях, образовании, науке и других областях сопровождаются новыми глобальными вызовами человечеству, связанными с повышением уязвимости индивида и мира, в котором он живет, с рисками обострения социальных конфликтов.

Во многом это обусловлено неопределенностью и нестабильностью современного мира, тем, что его развитие противоречиво, разнонаправленно и нелинейно (глобализация и локализация, национальная интеграция и мультикультурализм, международная миграция населения и др.).

Объективные процессы глобализации ведут к росту взаимозависимости между народами и повышению уровня взаимодействия между культурами и цивилизациями. Глобализация, открывая новые возможности по обмену и интеграции в области экономических, финансовых и информационно-технических ресурсов, в то же время представляет собой вызов в плане сохранения и продвижения интеллектуального и культурного многообразия цивилизаций и всего человечества. В данном контексте большое значение приобретает укрепление взаимопонимания и налаживание конструктивного взаимодействия между различными культурами и религиями. Именно взаимопонимание и готовность к диалогу с другими культурами, этносами, религиями важны для социальной взаимосвязанности и устойчивого развития.

Глобализация релятивизирует прежние культурно-цивилизационные границы. Мир находится в точке культурной бифуркации, отражающей критический период современной истории. Период, который характеризуется тем, что человечество переходит от состояния, когда оно существовало и развивалось в форме многих и разных самостоятельных цивилизаций, к состоянию, когда мир становится взаимосвязанным и взаимозависимым. В центр научного и общественного внимания все чаще попадают вопросы адаптации, аккультурации, интеграции, с одной стороны, и дифференциации, этнокультурного расслоения, этнизации социальных отношений, межэтнической напряженности — с другой.

Глобализация предстает как сила, которая, помимо прочего, способствует сохранению и развитию местных различий и многообразия, то есть росту локаль-

ной гетерогенизации. В этой ситуации вполне правомерно говорить о появлении другой глобальной тенденции, которая, по сути, заключается в том, что регионы, государства, нации стремятся возродить или вернуть собственную историю, идентичность и традиции. Локальный ответ на глобальный вызов может принимать разные формы, сопротивление и отрицание — далеко не единственно возможные его варианты. Причем если оценивать этот ответ по шкале «принятие» и «отрицание», то необходимым представляется введение и таких промежуточных градаций, как «существование» и «синтез». Понятно, что данная шкала каждый раз должна детализироваться для измерения разнообразных ответных реакций со стороны локальных обществ, сталкивающихся с вызовами глобализации. Как заявил на Всемирном экономическом форуме в Давосе глава одного из крупнейших в мире хедж-фондов “Bridgewater” Рей Далио, по всей видимости, эпоха глобализации подходит к концу. Эту тенденцию активно сменяют регионализация и национализация³.

Очевидно, что глобальные процессы необходимо рассматривать в сопоставлении с локальными. Ведь именно локальные ориентиры задают координаты позиционирования индивида в глобальном мире. Вместе с тем возможности тиражирования и распространения в информационном обществе культурных образцов позволяют говорить о становлении механизмов глобального культурного обмена.

Важно учитывать то, что глобализация вовсе не становится только показателем интеграции и гармонии. Проявляются также признаки различий, разъединения, разграничений, дискриминации и разногласий. Мир, сжатый до пределов одной экономической, финансовой, торговой, электронной системы, никогда не был так разделен барьерами в зависимости от силы, благосостояния, влияния и доступа к информации, ресурсам. Другими словами, общение в реальном времени и формирование общества без границ сопровождаются возведением барьеров между людьми и даже дискриминацией. Скорость и темп перемен усиливают проблемы адаптации к условиям изменяющегося мира, что порой служит причиной фанатизма, экстремизма, предвзвешенности.

Весьма негативным фактором, в определенной степени обостренным процессом глобализации, является то, что объединение стран мира сопровождается фрагментацией — накоплением противоречий, различий внутри каждой из стран, следствием чего оказывается не укрепление, а размывание в этих странах внутреннего единства и в целом — ослабление национальных государств. Косвенным эффектом фрагментации внутри национальных государств становится то, что и объединенная Европа во многом дезинтегрирована, ибо явные или скрытые признаки разногласий не сглажи-

¹ Заведующий кафедрой философии и культурологии Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова (Элиста), доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 180 научных публикаций, в т. ч.: «Феномен национальной идентичности (социально-философский анализ)», «“Восточное” в глобальном: столкновение или диалог?», «Межконфессиональный диалог: культурное измерение», “Eurasianism as a “philosophy of nation”», «Мультикультурализм и толерантность: вызовы современного мира», «Евразийская идея и вызовы глобализирующегося мира», «Культурная самобытность монголоязычных народов в контексте теории незападной современности» и др. Член Российского философского общества.

² Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-23-03002.

³ См.: Королева А. Глобализацию поставили на паузу. URL: <http://expert.ru/2017/01/19/globalizatsiya>

ваются, а множатся. Наглядный пример — референдум 2016 года о членстве Великобритании в Европейском Союзе, когда 51,89 % граждан королевства проголосовали за выход из ЕС (феномен Brexit).

Усиливается этническая фрагментация: этнические группы претендуют не просто на автономию и сохранение своей культуры, но и на отделение от тех стран, с которыми они связаны тесными историческими, экономическими и культурными узами; разжигается национально-этническая рознь, часто перерастающая в военные конфликты. Можно говорить о всплеске «нового регионализма» и «нового локализма».

Американский журнал “The Atlantic” (основан в 1857 г.) в майском номере за 2015 год опубликовал статью “The Disintegration of the World” («Дезинтеграция мира») управляющего директора Thomson Reuters Кристи Фриланд, где предлагается достаточно оригинальный форсайт-взгляд на будущее мира — не через глобальные политические или экономико-технологические тренды, а сквозь призму общественных настроений, выразителем которых является средний класс¹. В статье приводятся следующие данные. Если в 2009 году доля среднего класса составляла: в Северной Америке — 18 %, в Центральной и Южной Америке — 10 %, в Европе — 36 %, в Азии — 28 %, то, по прогнозам, к 2030 году этот показатель изменится до 7, 6, 14 и 66 % соответственно. То есть западные экономики будут переживать стагнацию, а глобальный средний класс переместится в Азию. Следовательно, мировой центр приобретет «незападные» черты.

Оставляя за кадром собственно финансово-экономические аспекты данного прогноза «дезинтеграции мира», отметим, что одним из ее социокультурных последствий станет изменение в общественном сознании среднего класса (как представителей современного общества с наиболее высокой социальной устойчивостью и мобильностью), восприятие мира может измениться с западного на незападный.

Дискуссии о перспективах современного глобализирующегося и взаимосвязанного мира продолжаются, но единой модели, естественно, не может быть, и это свидетельствует о важности расширения дискуссионного поля. Можно констатировать, что сформировался определенный научный дискурс, понимаемый как *message* обществу, попытка через новые интерпретации сделать сосуществование в условиях культурного многообразия и взаимосвязанного глобализирующегося мира бесконфликтным и толерантным.

Обратимся в данном контексте к материалам сборника «Мир через 100 лет», подготовленного Российским советом по международным делам, где представлено видение мира на столетнюю перспективу, исходя из реалий второго десятилетия XXI века. Так, например, авторы сборника небезосновательно считают, что будущий мир будет характеризоваться полицентричностью, причем центром этого мира может выступать не только государство, но и, например, университет, где

будут вырабатываться и обсуждаться новые идеи, апробироваться новые подходы².

Особую роль в данной ситуации играет межкультурная философия как философский дискурс диалога культур Запада и Востока. Примером такого дискурса является выход в свет книги «Цена и ценности. Экономика и справедливость в век глобальной взаимозависимости»³, опубликованной по материалам юбилейной X Конференции философов Востока и Запада, состоявшейся в Гонолулу в 2011 году. Одна из участниц конференции, директор Программы по азиатским исследованиям Американского университета Джин Парк, подчеркивая важность диалога при равенстве его участников, обратилась к буддийскому опыту. Она отметила, что ключ к пониманию буддийского конструирования идентичности — не двойственность индивидуального и тотального. Хотя отдельная идентичность бытует на уровне индивидуальных событий, это является кратковременным, промежуточным, поскольку идентичность существует благодаря совместной деятельности многочисленных и разных участников. В буддийском мире не только люди, но и те, кто ими не являются, обладают равными правами: «Мир Будды — мир абсолютного равенства, в котором даже песчинка имеет право утверждать, что она есть будда»⁴. В диалоге важно не только то, что ты думаешь о «другом», но и то, что «другой» думает о тебе. Важно не воздействие на «другого», а взаимодействие с «другим».

В связи с этим интересно мнение Его Святейшества далай-ламы: «В сегодняшнем светском мире религия, хотя и обладает способностью наставлять на путь нравственности и придавать жизни смысл, не может больше служить единственной основой этики. Одна из причин тому — повсеместный рост числа людей, не придерживающихся какого-либо определенного вероисповедания. Другая причина кроется в том, что глобализация и мультикультурность общества делают мир все более взаимозависимым, а значит, этика, опирающаяся на одну отдельно взятую религию, будет привлекательной лишь для некоторых из нас, но никогда не станет ориентиром для всех... Современный мир нуждается в таком подходе к этике, который не заставлял бы обращаться к религии и был в равной мере приемлемым как для людей верующих, так и неверующих — в светской этике». Отсюда он делает вывод, что «настало время научиться смотреть на духовность и этику как на нечто большее, чем религия»⁵.

В данной ситуации достаточно сложно провести интеллектуальный форсайт на тему о том, какие части и модели глобальной системы исчезнут, а какие будут реализованы в обновленном формате. При этом важно учитывать имеющийся исторический опыт осуществления политики мультикультурализма в различных странах с целью выработки эффективных стратегий

² См.: Мир через 100 лет : сб. ст. М. : Весь мир, 2016. С. 18.

³ Value and Values. Economics and Justice in an Age of Global Interdependence / eds. R. T. Ames, P. D. Herschok. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2015.

⁴ Степанянц М. Т. Цены и ценности в эпоху глобализации // Вопросы философии. 2016. № 1. С. 48.

⁵ Далай-лама. Больше, чем религия. Этика для всего мира. М., 2016. С. 14.

¹ Freeland Chrystia. The Disintegration of the World “The Atlantic”. URL: <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2015/05/the-disintegration-of-the-world/389534/>

межкультурной коммуникации в условиях глобализирующегося мира. Главным является не столько представление максимально точной картины будущего, сколько формирование такого отношения к настоящему, которое могло бы оказать положительное влияние на формирование желаемого будущего.

Очевидно, что будущее глобального общества невозможно без сосуществования различных культур. Следовательно, толерантность и мультикультурализм являются основными принципами социокультурного и этноконфессионального диалога в системе глобального межкультурного коммуникативного дискурса.

Э. Н. Бердникова¹

ИЗМЕНЕНИЯ КУЛЬТУРЫ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ВИРТУАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

По мере стремительного развития информационных и коммуникационных технологий опирающаяся на них индустрия массовых коммуникаций претерпевает коренные изменения. Массовые коммуникации входят в число наиболее динамичных секторов мировой экономики. Несмотря на финансовый кризис, ежегодный рост в ряде сегментов составляет несколько десятков процентов.

Отличительной чертой индустрии массовых коммуникаций является широкий спектр рынков и нематериальный характер продукта. Изменения в сфере массовых коммуникаций тесно переплетаются с тенденциями развития двух смежных секторов: связи и информационных технологий. Первый обеспечивает услуги по передаче информации пользователю по различным каналам, а второй — поставляет на рынки терминальные устройства, большинство из которых служат для ее потребления². Глобальные сетевые электронные ресурсы создают возможность мгновенной передачи сообщения и получения информации. В результате наша планета, по образному выражению Маршалла Маклюэна, превращается в «глобальную информационную деревню», то есть скорость передачи информации в противоположное полушарие Земли, по существу, не отличается от скорости ее передачи в другой конец деревни. Благодаря современным технологиям передачи и получения информации человечество в большей степени начинает ощущать себя единым³.

Интернетизация — основное направление информационно-коммуникативной глобализации, имеющей содержательный и технологический аспекты. Содержательная сторона связана с формированием гражданского общества и публичной сферы. Если небольшая газета в России тиражом в несколько тысяч экземпля-

ров делает свой сайт в Интернете, она уже превращается в глобальное средство массовых коммуникаций (СМК). Причем перевод на английский язык не всегда обязателен, потому что русские во всем мире получают возможность читать ее на своем языке. На этом примере хорошо видно, как глобализация не отменяет, а стимулирует регионализацию. Любой уголок планеты с населяющим ее народом получает выход в мировое коммуникационное пространство с сохранением своих особенностей. Интернет позволяет осуществлять связь между глобальным и российским пространством, а также между общероссийскими и местными информационными структурами. Вместе с тем за короткий срок в российских СМК произошли заметные изменения. Специалисты говорят о следующей тенденции: медиа будут доставлять все больше информации все меньшей аудитории. Раньше один источник передавал информацию всем. Это один полюс СМК в обществе. А теперь все большее число источников работает на все большее число групп, составляющих аудиторию.

В настоящее время набирающая популярность тенденция — дистанционное управление домашним хозяйством посредством мобильных устройств. Подобные разработки имеются уже сегодня, но их высокая стоимость препятствует повсеместному тиражированию. Также движение к информационно-коммуникативному обществу сдерживается из-за трудностей доступа к средствам связи, компьютерам и Интернету; эти трудности связаны с разными потребностями и возможностями населения. В 2008–2009 годах произошел переход от Интернета людей к Интернету вещей⁴, то есть количество подключенных к Сети предметов превысило количество людей. Массовое использование компьютеров с доступным подключением к сетям по всему миру способно обеспечить оборудованием, комнатными сенсорами, а также дает возможность управлять домашними и офисными машинами, находясь далеко за пределами дома или офиса. Такие машины могут быть размещены, идентифицированы, отслежены и проконтролированы на отдалении через соответствующие технологии — включая идентификацию радиочастот, сенсорные сети, вмонтированные серверы и энергетические устройства. Все это связано со следу-

¹ Заведующая кафедрой рекламы и связей с общественностью СПбГУП, кандидат культурологии, доцент. Специалист по рекламе в области интегрированных маркетинговых коммуникаций, продвижения интернет-проектов, брендинга, нейминга, виртуальных социальных коммуникаций. Автор более 30 научно-практических публикаций, в т. ч.: «Продвижение общественной организации средствами виртуальных форм социальных коммуникаций», «Виртуальные коммуникации как средство манипуляции в социально-культурном пространстве», «Культурно-креативный ресурс рекламного текста», «Тенденции развития массовых коммуникаций в условиях глобальных перемен» и др.

² Качкаева А. Г., Кирия И. В. Долгосрочные тенденции развития сектора массовых коммуникаций // Форсайт. 2012. Вып. 4, т. 6. С. 6.

³ Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2007. С. 48.

⁴ Термин «Интернет вещей» (Internet of Things) был предложен Кевином Эштоном в 1999 году. В этом же году был создан Центр автоматической идентификации (Auto-ID Center), благодаря которому эта концепция и получила широкое распространение.

ющим поколением Интернета, его понижающейся стоимостью и повышающейся скоростью за счет мощных компьютеров. По данным Gartner, к Интернету вещей подключено около 6 млрд приборов, а к 2020 году их число достигнет 20 млрд, что создаст хакерам более широкие возможности для проведения масштабных атак посредством ботнетов¹.

Технологии повышения уровня человеческих познавательных (когнитивных) способностей включают применение лекарственных веществ, среду виртуального обучения и различные пригодные для ношения устройства, расширяющие когнитивные способности человека. Обучающее оборудование использует нейропластику для улучшения природных способностей человека, носимые и имплантированные приспособления, обещающие улучшить зрение, слух и даже память. Био- и информационные технологии обещают улучшение человеческих и интеллектуальных функций на каждой стадии жизни человека.

Экономическое непостоянство — главный фактор риска. Историки и социологи обнаружили мощную взаимосвязь между быстрыми экономическими переменами — как положительными, так и отрицательными — и политической нестабильностью. Нынешняя глобализация спровоцировала миграцию, разрушив традиционные социальные и географические границы. Геополитическое соперничество вызывает переломы в большей степени, чем изменение технологий. Многие делают упор на то, что технологии влекут за собой радикальные перемены и без сомнений являются главной движущей силой. Мы — и не только мы — многократно недооценивали их влияние. Тем не менее за истекшее столетие геополитические неурядицы и их последствия служили более существенными причинами многочисленных войн, краха империй и подъема новых сил, чем технологии сами по себе².

В представленных прогнозах выделяются следующие ключевые тенденции развития медиакommunikаций:

- тематическая дифференциация и сегментация контента по пользовательским интересам с целью обеспечения его уникальности и прибыльности, компенсирующей возможное падение доходов от традиционной рекламы;

- интерактивность, дающая возможность пользователю сформировать собственный порядок потребления информации и стать ее сопроизводителем;

- рост доли контента, производимого самими пользователями при помощи мобильных устройств;

- распространение информации пользователями в социальных сетях посредством цитирования;

- усиление роли агрегирования в дистрибуции контента;

- адаптация контента для использования в мобильных терминалах;

- появление дополнительных медиапродуктов в виде игр и виртуальной реальности, их интеграция с другими медиапродуктами и социальными сетями через создание единых историй;

- гармоничное встраивание рекламы в контент (product placement) в связи с поиском новых креативных решений;

- рост объема теговой, или контекстной, рекламы;

- увеличение вклада социальных сетей в продвижение товаров и услуг.

Большинство перечисленных тенденций ведет к трансформации существующих и выработке новых бизнес-моделей в рекламе и PR. Возникает необходимость изменения регулятивных рамок, учитывая те трансформации медиаландшафта, которые несут с собой выявленные тренды. Перечисленные факторы способствуют пересмотру сложившихся методов работы предприятий и переходу на более современные схемы, которые подразумевают оптимизацию, координацию и интеграцию различных элементов коммуникационного воздействия, а также рассмотрение их как единого блока интегрированных коммуникаций.

Г. М. Бирженюк³

КРИЗИС ЦИВИЛИЗАЦИИ КАК НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ И ВЕЧНОЕ

Среди огромного количества публикаций, посвященных тем или иным аспектам цивилизации, между-

¹ Consider All Cost Elements When Planning for an Internet of Things Initiative. 2015. July 1. URL: <https://www.gartner.com/doc/3085819> (дата обращения: 15.10.2016).

² Мир после кризиса. Глобальные тенденции — 2025: меняющийся мир. Доклад Национального разведывательного совета США. М.: Европа, 2009. С. 14.

³ Заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Научная школа педагогической культурологии», «PR-технологии как ресурс оптимизации социально-трудовых конфликтов», «Глобальные процессы как фактор формирования глобальной культуры», «Культурология образования: цели, задачи, возможности» (в соавт.), «Инновации в туристской отрасли: источники, механизмы, проблемы», «Диалог культур и цивилизаций в современном мире», «Социально-трудовые конфликты в странах СНГ: проблемы интеграции научного знания и практики в контексте глобализации» и др. Лауреат премии Правительства

народных отношений, экологии, культуры, привлекает внимание, что понятие «кризис цивилизации» проходит в них красной нитью⁴. При этом авторы, как правило, этот кризис явно или неявно презумпировать, что освобождает их от необходимости обосновывать данное явление как факт. В ряде случаев проблемы относительно частного характера (экологические, экономические, международно-правовые и др.) выдаются за кризис цивилизации. В некоторых работах используется понятие «кризисология»⁵, что свидетельствует

Санкт-Петербурга за выдающиеся достижения в области высшего образования (2016). Почетный профессор СПбГУП.

⁴ В поисковой системе «Яндекс» около 34 млн ссылок по запросу «кризис цивилизации».

⁵ Маслов О. Ю. Наука кризисология, или От локальных кризисов к первой глобальной Великой депрессии XXI века. URL: <http://www.polit.nnov.ru/2008/05/12/crisisology/>; Казакова С. П.

о формировании специальной отрасли знаний. Все это побуждает посмотреть на проблему кризиса с другой стороны — не как на данность, а как на гипотезу — и попытаться осмыслить ее на базе имеющихся материалов.

Традиция восприятия состояния общества как кризисного ведет свою историю с Г. В. Ф. Гегеля. Под влиянием его работ интеллектуалы Европы начинают воспринимать действительность в категориях кризиса, ответственность за который они возлагают на рационалистическую цивилизацию. Тема кризиса западной культуры пронизывает произведения Кьеркегора и Ницше: в них поднимается проблема гибели культуры как воплощения достояний прошлого, ценность которого определяется человеческими началами культуры. В. Зомбарт возлагает ответственность за кризис культуры на личность буржуазно-мещанского типа. О. Шпенглер противопоставляет культуру и цивилизацию, связывает кризис современной культуры с превращением наследия прошлого в безжизненные формы цивилизации.

А. Швейцер в своих работах сожалеет по поводу самоуничтожения культуры, которое идет полным ходом, поскольку «... способность современного человека понимать значение культуры и действовать в ее интересах подорвана, так как условия, в которые он поставлен, умаляют его достоинство и травмируют его психически»¹. Э. Фромм говорит о нарастании кризисной ситуации в связи с вступлением в эпоху информационной революции: «Человек чувствует себя еще ничтожнее, когда ему противостоит не только система гигантских предприятий, но и целый, почти самоуправляющийся мир компьютеров, думающих гораздо быстрее, а нередко и правильнее его»².

В конце XIX — начале XX века сформировалась и получила развитие своего рода «философия заката» (Хюбшер³), которая впоследствии включила в свой контекст значительное число философов, таких как М. Вебер, Л. Гумплович, Г. Зиммель, Р. Дарендорф, Х. Ортега-и-Гассет, А. Этциони, С. М. Липсет, Т. Парсонс, Э. Фромм. Всех их объединяет выражаемое в разных формах, но единое по настроению чувство кризиса.

Русская философия органично вошла в этот мейнстрим: здесь можно назвать работы Н. Я. Данилевского (который одну из глав книги «Россия и Европа» назвал «Гниет ли Европа?»⁴), Б. П. Вышеславцева⁵, С. Л. Франка (связавшего кризис культуры с крушением кумиров, утратой веры в них⁶), М. И. Туган-Барановского (исследовавшего кризисные явления и пытавшегося построить теорию кризисов⁷), В. С. Соловьева

(связывавшего общеевропейский кризис с торжеством Антихриста, приведшим к наступлению апокалипсической эпохи). Так, Соловьев сравнивал современное ему человечество с больным стариком и писал, что «... всемирная история внутренне кончилась»⁸, «тоска и одиночество, а впереди — мрак и гибель»⁹. Н. А. Бердяев одну из своих ранних работ назвал «Духовный кризис интеллигенции»¹⁰ и впоследствии неоднократно обращался к теме кризиса.

Объективных причин для такого рода настроений и выводов было немало. К концу 1920-х годов многим стал очевиден кризис человеческого существования, то есть антропологический кризис. Во многом он был порожден Первой мировой войной, которая высветила кризис гуманистической идеологии. Пессимистические настроения Великой депрессии, распространившись из Америки на Европу, усилили процесс формирования катастрофического сознания элиты.

Послевоенная Германия стала очагом антропологической нестабильности в Европе. Т. Манн писал: «С Германией покончено, с ней будет покончено, близится невиданная катастрофа — экономическая, политическая, моральная и духовная, словом, всеобъемлющая...»¹¹.

К. Ясперс, один из основателей экзистенциализма, наверное, лучше других философов выявил истоки и механизмы чувства беспомощности и дезориентации, которое охватило людей той эпохи. Человек, пишет Ясперс, стал более ясно осознавать, что он оказался в положении «пребывания перед ничто», о чем в свое время писали Кьеркегор и Ницше. «Все стало несостоятельным; нет ничего, что не вызывало бы сомнения, ничто подлинное не подтверждается; существует лишь бесконечный круговорот, состоящий во взаимном обмане и самообмане посредством идеологий. Сознание эпохи отделяется от всякого бытия и заменяется только самим собой. Тот, кто так думает, ощущает и самого себя как ничто. Его сознание конца есть одновременно сознание ничтожности его собственной сущности»¹².

В конце XX века американский политолог Фрэнсис Фукуяма утверждал, что «мы наблюдаем конец истории как таковой, то есть конечный пункт идеологической эволюции человечества и универсализацию западной либеральной демократии как конечной формы управления человечеством».

Можно и дальше продолжать анализ работ, так или иначе описывающих и объясняющих цивилизационный, антропологический и иные кризисы. Все авторы в большей или меньшей степени убедительны и искренни в своих тревогах. Однако вольно или невольно возникает вопрос: почему кризис длится уже более ста лет, почему предсказания и предчувствия философов в большей мере не сбываются, почему «конец истории» М. : Наука, 1997. 573 с. ; Бердяев Н. А. Духовный кризис интеллигенции. СПб., 1910.

⁸ Лосев А. Владимир Соловьев и его время. М. : Прогресс, 1990. С. 632.

⁹ Соловьев В. С. Тайна прогресса // Соловьев В. С. Смысл любви. Избранные произведения. М. : Современник, 1991. С. 233–234.

¹⁰ Бердяев Н. А. Духовный кризис интеллигенции. СПб., 1910.

¹¹ Манн Т. Доктор Фаустус. М., 1997. С. 224–225.

¹² Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994. С. 360.

Кризис цивилизации в свете социальной философии П. А. Сорокина : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2004.

¹ Швейцер А. Культура и этика. М. : Прогресс, 1973. С. 34.

² Фромм Э. Бегство от свободы. М. : Прогресс, 1990. С. 10.

³ Хюбшер А. Мыслители нашего времени. М., 1994. С. 16.

⁴ См.: Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира и германо-романского. Н. Я. Данилевского. М. : Книга, 1991. 405 с.

⁵ Вышеславцев Б. П. Кризис индустриальной культуры. N. Y. : Harper & Brothers, 1957. 288 p.

⁶ Франк С. Л. Крушение кумиров // Франк С. Л. Соч. М. : Политиздат, 1990. С. 488–493.

⁷ Туган-Барановский М. И. Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов.

рии» (Ф. Фукуяма), «смерть Бога» (Ницше) и тому подобное не означают на деле никакого конца?

Для объяснения этих странностей можно привлечь концепт «антропологическая катастрофа» М. Мамардашвили, который попытался проанализировать проблему природы человека в контексте кризисного состояния цивилизации в целом. По мысли автора катастрофа человека проявляется в потере человеком личностной целостности. В частности, М. Мамардашвили выделяет три проявления кризиса человека, которые метафорически выражаются в трех «К». Первое «К» — это философия Картезия, в которой в соответствии с главным тезисом учения Декарта «Я мыслю, следовательно, существую» он замкнул человека на самом себе. Второе «К» — философия Канта, который утвердил приоритет интеллигибельных сущностей и возможность осмысленности мира. Третье «К» — принцип Кафки, согласно которому утрачивается грань между отсутствием и наличием морали, пониманием добра и зла¹.

Здесь мы наблюдаем классический философский дискурс, который выражается в рефлексии над рефлексией. Возникает закономерный вопрос: где тот человек, который замкнут на самом себе, который духов-

но нищает от возможности осмысления мира и утратил грань между пониманием добра и зла? Знает ли этот человек работы Декарта, Канта и Кафки? Это тот же человек, который вышел в космос, создал цивилизацию, открыл лекарства от считавшихся неизлечимыми болезнями и так далее или какой-то другой человек? Все это результат кризиса, его форма или новый этап?

Как представляется, имеет место не кризис, а определенный процесс развития человека и общества. В ходе этого процесса возникают объективные противоречия между цивилизациями, цивилизацией и культурой, человеком и природой и др. В той или иной мере они преодолеваются, не всегда спокойно, на этом пути допускаются ошибки, что вполне объяснимо. Но видеть катастрофу, навязывать обществу алармистские настроения, формулировать апокалипсические предсказания — это один (причем не самый конструктивный) из возможных путей осмысления реалий нашего сложного мира.

Возможно, то, что часто называют кризисом, — имманентно присущее культуре и цивилизации качество, которое в итоге ведет к развитию и прогрессу, и в этом контексте можно вполне позитивно оценивать будущее человека и человечества.

М. Г. Борозна²

РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ БЕЛАРУСИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Успехи художественной школы Беларуси последнего десятилетия вызвали неподдельный интерес на национальном и международном уровнях. Формирование устойчивых тенденций и демонстрация высоких результатов нуждаются в оценке данного феномена, базирующегося на серьезной традиции. Также необходимы научный анализ процессов трансформации художественной школы, контекстов ее развития, выявление роли системы подготовки кадров, определение новых условий взаимодействия с художественной жизнью Беларуси и глобального пространства.

¹ См.: Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1992.

² Ректор Белорусской государственной академии искусств (Минск), профессор кафедры истории и теории искусств, кандидат искусствоведения. Автор книг «Белорусская книжная графика 1960–1990-х годов», «Белорусская живопись 1920–1970-х годов», «Искусство книги Беларуси XX века»; более 200 научных и критических статей, в т. ч.: «Пластик и авангард», «Взгляд ежедневно скользит по безграничной паутине знаков», «Плакат», «... чтобы увеличить славу и блеск...», «Современное белорусское искусство», «Творческая интеллигенция Беларуси» и др. Член общественного объединения «Белорусский союз художников», Совета специального фонда Президента Республики Беларусь по поддержке талантливой молодежи, почетный член Российской академии художеств Лауреат специальной премии Президента Республики Беларусь в области критики и искусствоведения. Награжден почетной грамотой и нагрудным знаком Министерства культуры Республики Беларусь, почетной грамотой и медалью Национальной академии наук Республики Беларусь, медалью «За вклад в развитие искусства» общественного объединения «Белорусский союз художников» и др.

Становление действенных тенденций развития привело к культурному диалогу, обусловленному естественным ходом истории, географическими и историческими причинами. В последние десятилетия сформировалась сеть глобального рынка труда в сфере искусства и художественного проектирования, возросла популярность идеи мобильности, произошло масштабное проникновение в культурную среду Беларуси и граничащих с ней стран идей интернационализации и этнокультурных взаимодействий.

Белорусское общество живет и развивается в кардинально иных социально-экономических и историко-культурных условиях. Театр, экранные искусства, изобразительное искусство, дизайн, современные художественные практики не только образно отражают жизнь государства, его роль в современных социальных преобразованиях, но и непосредственно участвуют в построении духовно-нравственной атмосферы, которая позволяет реализовывать задачи социально-экономического развития Республики Беларусь. «Культура (в широком понимании этого слова) является важным стратегическим ресурсом нашего государства. Задача состоит в том, чтобы этот ресурс был максимально задействован на благо народа» [3].

К основным локальным факторам развития национальной художественной школы можно отнести: внимание деятелями искусства традиции как основы

для творческого эксперимента; высокую мобильность и развитие форм международного культурного обмена; наличие системы подготовки кадров, сохраняющей принципы и сроки подготовки специалистов и тесным образом интегрированной в художественную жизнь. «Искусство — широко открытая для дискуссий сфера, содействующая развитию межкультурных коммуникаций и расширению поля информационного обмена. Процесс поиска новых путей построения взаимоотношений в современном искусстве и культуре происходит вслед за изменением и развитием экономики и социальной среды» [2].

Открытие в 1953 году художественного факультета при Белорусском театральном институте в Минске явилось важнейшим событием для развития искусства в Беларуси. Художественная культура стала обеспечиваться профессиональными художниками с высшим образованием, подготовленными на месте. В кадровый состав преподавателей факультета вошли выпускники художественных вузов Вильнюса, Ленинграда, Москвы, Праги, Львова и других городов, что позволило новой художественной школе избежать односторонности в методологии становления.

В советский период доминировала только официальная концепция развития искусства и художественного образования, где не находилось места искусству акций, поискам беспредметности, фотоискусству, находкам витебского авангарда 1920-х годов. Очевидный надлом наметился в середине 1980-х годов. Авария на Чернобыльской атомной электростанции 1986 года определила специфику отношения белорусских художников к современному миру, отразилась на характере их творчества, привела к необычайной активизации молодежной творческой среды и росту неформального влияния интеллигенции в обществе.

Искусству 1990-х годов свойственны сосуществование разнообразных стилистических и образно-пластических поисков, освоение глубинных контекстов отражения пространства и времени. Это нашло отражение в обширном комплексе публикаций и дискуссий практиков и критиков.

На протяжении XX века художественная школа Беларуси доказала свою способность расти и творчески развиваться, сохраняя за собой качество цельного художественного явления, национальной школы. Процессы социальных изменений и становления белорусской государственности оказали значительное влияние на развитие художественного языка — стилистически он стал более разнообразным и в то же время универсальным. Вне формальных контекстов были заложены методологические основы для развития новых тенденций, обозначены и отработаны современные формы трансляции творческих идей. Сегодня особую актуальность приобретают изучение процессов эволюции профессионального изобразительного творчества XX–XXI веков, анализ основных его тенденций. В этот период на основе накопленного ранее опыта, художественных достижений и активного взаимодействия с культурами и художественными школами других стран была решена проблема подготовки кадров нового качественного уровня для сферы профессионального искусства.

Художественная педагогика — дело живое и подвижное. Она не отстает от веяний времени, учитывает все новое, что возникает в практике современного искусства. К каждому новому поколению необходимо находить свой подход. Опыт работы коллектива Белорусской государственной академии искусств определил новую роль вуза как центра современного искусства. Современное искусство — явление совершенно особое. Создавать его возможно как в академической среде, так и вне стен академий искусств. Распространено мнение, что в классическую среду академии невозможно вписать современное искусство. Но пространство учебного заведения, где большинство сотрудников — молодые люди, не может не меняться. Происходит процесс омоложения самого искусства, кадрового состава кафедр и факультетов.

О позитивных изменениях в развитии профессионального искусства страны свидетельствуют заметный творческий рост художников, их международное признание, нарастающий приток новых сил в белорусское изобразительное искусство, стабильно высокий конкурс в высшие и средние учебные заведения культуры и искусства. Одними из главных задач современного искусства остаются сохранение и обогащение лучших традиций национальной художественной школы, в том числе традиций академического мастерства, и активное осмысление достижений мировой культуры. «Современный этап развития изобразительного искусства в Беларуси характеризуется и разнообразными изысканиями в видеоарте, перформансе, компьютерной графике» [4]. Изобразительное искусство стало сферой экспериментальных творческих поисков.

Достижения художников-монументалистов (мозаики храма-памятника Всех Святых в Минске, создание уникальной 11-метровой бронзовой скульптуры на месте лагеря смерти в Тростенце, роспись храма в д. Барколабово Быховского района Могилевской области), национальные и международные успехи в станковой и книжной графике П. Татарникова (дважды обладатель премии «Золотое яблоко» на Международной биеннале книжного искусства в Братиславе, Словакия; лауреат Государственной премии Республики Беларусь) и Ю. Яковенко, успешное участие художников в 54-й Венецианской биеннале в 2011 году позволили определить лидеров масштабного процесса — представителей нового поколения, не достигших 40-летия и завершивших свое художественное образование в новый период развития суверенного государства. Выпускники направлений дизайна (особенно транспортного дизайна) Белорусской государственной академии искусств, побеждавшие в престижных международных дизайнерских конкурсах, нашли применение своим способностям в среде создания мировых брендов. Статистика показывает, что большинство из наиболее успешных авторов стали преподавателями вуза.

Сегодня кадровая система сферы искусства способна удовлетворять все основные художественно-культурные потребности общества: обучение детей, подростков, молодежи, профессиональное художественное образование, подготовка, переподготовка и повышение квалификации кадров культуры, формирование

профессорско-преподавательского корпуса, межгосударственные художественно-культурные связи нашей страны.

Состояние трансформации художественной жизни и педагогики отражается в системе высшего художественного образования, дает интересные результаты на новейшем этапе развития. В неразрывности процессов художественной практики и образования педагогические новации представляют целостную основу и успешно внедряются в учебный, творческий и производственный процессы. Необходимо сохранить и расширить гуманитарную направленность художественного образования при параллельном развитии практико-ориентированных дисциплин; постоянно усложнять учебные задачи; включать теоретические вопросы искусства в содержание всех учебных программ.

Современное искусство стало всеохватывающей тенденцией, которая в самых неожиданных проявлениях продолжает классические традиции. Эта позиция обусловлена сущностью современного универсального академического образования и позволяет увидеть масштабность процессов новаторства и традиции, включить в диалог современное искусство.

Первой демонстрацией Белорусской государственной академии искусств контуров новой парадигмы интеграции высшего художественного образования в мир современного искусства стал проект «KODEX» — современная интерпретация оформления текста (Ch'alluminare), которая была представлена в павильоне Республики Беларусь на 54-й Венецианской биеннале в 2011 году. Кураторами проекта были определены художники, которые довольно свободно используют различные формы интерпретации традиций. Среди участников были и выпускники Академии, и те, кто там никогда не учился. Работы художника Ю. Алисевиича — это своеобразный образец предпроектной и авторской графики, они составили графическую основу всей пространственной композиции. Творчество В. Петрова, основателя фестивального движения перформанса в Беларуси, — это синтез акционизма, монументальной и цифровой живописи. Скульптура К. Костюченко, впоследствии автора самой известной в Беларуси монументальной композиции начала XXI века «Врата памяти» в Тростенце, демонстрировала влияние графичности как наиболее четкой универсальной черты белорусского искусства на объемно-пространственное мышление. Объемные структуры А. Клинова, выполненные в традиционных материалах, несли на себе оттенок ироничности. Работа кинорежиссера и графики Д. Скворцова завершала процесс оформления текста современными средствами иллюминации.

Анализ динамики тенденций в искусстве современной Беларуси начала XXI века показывает нарастающую сложность их характера, обеспокоенность художников новыми формами организации культуры, неопределенностью управленческих функций и неразвитостью рынка искусств. Как утверждает известный художник, куратор, директор Центра искусств и медиа-технологий (Карлсруэ, Германия) П. Вайбель, «расширение границ искусства, начавшееся на волне матери-

ально-технической деконструкции и перерождения художественных практик, сопровождалось масштабным захватом новых территорий... Художественные практики способствуют развитию искусств в новых социально-экономических условиях глобализации культуры и тотальной информатизации общества; они перерастают границы поля изображения и выходят на свободную арену информационного пространства» [1].

Основной ресурс современного искусства формируют личности, имеющие широкий интеллектуальный, творческий, научный, образовательный потенциал. Это художники, кураторы, искусствоведы, исследователи, музыканты, деятели театра, кино, дизайнеры и т. д. Д. Б. Дондурей считает, что «развитие личности — чрезвычайно важная задача, это основа всех будущих культурных практик, основа креативной экономики. Мне кажется, у нас недооценивается значение современного искусства для формирования сложных людей, которые входили бы в этот сложный мир. Будущее нашей страны, как и всего мира, невозможно без формирования сложных людей. Лучше всех, быстрее всех, результативнее всех это делает современное искусство» [5].

Тенденции в мире современного искусства многогранны. Современному искусству Беларуси присущи «доминирование проектной направленности; преобладание художественных традиций; многофункциональность эстетического воздействия новых форм презентации изобразительного искусства с помощью образовательных, научных, творческих программ, внедрения в учебный процесс Белорусской государственной академии искусств» [2].

Прогрессивные изменения в области культуры и искусства оказались в русле общих социальных изменений. Приоритетными задачами государственной культурной политики на современном этапе являются сохранение историко-культурного наследия и развитие национальных культурных традиций. Культура и искусство остаются отражением нашей действительности, важнейшими инструментами в формировании интеллектуальных и нравственных основ общества, сохранении духовности и национальной самобытности народа.

Литература

1. Вайбель П. Возможности и условия существования искусства в будущем / П. Вайбель // MediaArt. — СПб. : Новый мир искусства, 2000. — С. 6.
2. Кенигсберг Е. Я. Выставочный проект в современном изобразительном искусстве Беларуси (На примере белорусско-немецких выставочных проектов 1990–2010-х гг.) / Е. Я. Кенигсберг. — Минск : БГАИ, 2013. — С. 68–69.
3. Лукашенко А. Г. Государство и творческая личность : лекция Президента Республики Беларусь в Белорусской государственной академии искусств. Минск, 15 мая 2003 г. / А. Г. Лукашенко. — Минск, 2003. — С. 4.
4. Пракапцова В. П. Спасіжэнне майстэрства / В. П. Пракапцова. — Минск : МФЦП, 2006. — С. 163.
5. Современное искусство как важнейший фактор развития российской культуры : материалы симпозиума. Н. Новгород, 5–6 июня 2015 г. — М. : ГЦСИ, 2015. — С. 18.

И. И. Бузовский¹ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМ СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН

Эпоха разрушения фундаментальных ценностей в угоду современным заменителям без исторической апробации, конфликтующим в плоскости теории и здравого смысла, ввергла мировое сообщество, государства постсоветского пространства в болезнетворные процессы необратимой силы, демонтируя устои морали, социального, экономического, политического устройства.

Глобальные процессы одновременно сопровождаются расчленением, дроблением участников общественных отношений, выделенных как индивиды, не обремененных никакими социальными, ценностными, культурными связями и обязательствами, действующих исключительно в собственных эгоистических (экономических) интересах.

Предложенные новые стратегии жизнедеятельности индивида предусматривают прекращение общественного (в том числе семейного) формирования, контроля его целевых установок, жизненных смыслов, идеалов. Формируется стойкое убеждение, что само понятие общества — анахронизм. Целое рассматривается как сумма его частей, самодостаточных индивидов. Такие понятия, как «общественный интерес», «общественные ценности», переводятся в разряд деструкций, нарушающих демократию, права человека, посягающих на современные ценности.

Вместе с тем множественные формализованные и неформальные обязанности людей друг перед другом и есть те бессчетные невидимые связи, узы, скрепы, на которых зиждется всякая семья, нация, государство. И действительно, невозможно даже представить себе полноценную семью или сильное государство, где все расчетливо, меркантильно, практически истребуют для себя одних лишь частных прав и личных свобод.

Ульрих Бек писал: «...мы являемся свидетелями метаморфозы общества... в ходе которой люди освобождаются от социальных форм индустриального общества — от деления на классы и слои, от традиционных семейных отношений и отношений между полами, точно так же как в ходе Реформации они освобождались от господства церкви и переходили к формам жизни светского общества» [1, с. 105–106].

По мнению многих специалистов, отрицание прежних высших смыслов и идеалов объективно обусловило возникновение «экзистенциального вакуума» в об-

щественном сознании. По утверждениям авторитетного австрийского психолога В. Франкла, «поиск смысла жизни — это основная мотивация человеческой жизни» [2]. Поэтому идейное опустошение советского общества закономерно привело его к потере смысловых ориентиров, а затем и к полной дезорганизации, породило массовую апатию и депрессию. Выдающийся российский философ А. Зиновьев так писал об этой проблеме: «Одной из причин (если не главной причиной) депрессии явилось лишение привычной для нас государственной идеологии... В результате в наших душах образовалась пустота, и в них устремились словесные помои, окончательно затмившие сознание и лишившие нас идейной ориентации в происходящем... Каким бы ни был марксизм, он систематизировал наши представления об окружающем мире и о событиях в нашей стране, давая ясную систему ценностей. Каким бы ни было учение о коммунизме, оно давало целевую установку всему общественному организму, делая наше историческое бытие осмысленным. Лишив нас идеологии, из нас как будто вынули особый магнит, упорядочивавший наши душевные частички. И мы оказались душевно больными. Миллионы людей ринулись в сектантство, разврат, алкоголизм, наркотики, преступность...» [3, с. 464].

Таким образом, первоисточки многих случившихся с народами бывшего СССР (и до сих пор преследующих нас) социально-экономических катаклизмов нужно и должно искать прежде всего в мировоззренческой, идеологической плоскости.

Утверждение о том, что либерально-рыночные реформы якобы были нацелены на деидеологизацию советского общества и освобождение экономики СССР от «идеологического пресса», является заблуждением либо откровенным игнорированием фактов. В действительности на просторах бывшего СССР реализована отнюдь не деидеологизация, а планомерная, радикальная, осуществленная едва ли не хирургическим путем смена идеологии и соответствующей ей доктрины социально-экономического развития [4]. И, действительно, сегодня вместо прежних категорий «план», «директивное планирование», «плановая экономика» сплошь и рядом применяются термины «рынок», «рыночное саморегулирование», «либерально-рыночная экономика». А вместо коммунизма в качестве ориентира для развития общественных процессов определено понятие «демократия».

О том, что пришедшая на смену марксистско-ленинской доктрине либеральная система взглядов на экономику и социум точно так же является идеологией, мы солидаризуемся с точкой зрения австрийского экономиста Людвиг фон Мизеса, одного из основоположников классического рыночного либерализма.

Дабы подчеркнуть исключительную важность мировоззренческой (смысловой, идейной) составляющей во всякой, в том числе и либерально-рыночной, систе-

¹ Глава администрации Центрального района г. Минска, эксперт Аналитического центра «ЕсооМ». Занимал руководящие должности в Национальной государственной телерадиокомпании Республики Беларусь (2002–2003). Был вторым секретарем Центрального комитета общественного объединения «Белорусский республиканский союз молодежи» (2003–2005). Работал в главном идеологическом управлении Администрации Президента Республики Беларусь (2005–2010). Первый секретарь Центрального комитета общественного объединения «Белорусский республиканский союз молодежи» (2010–2014). Заместитель главы Администрации Президента Республики Беларусь (2014–2016). Заместитель председателя Постоянной комиссии Совета Республики Национального собрания по образованию, науке, культуре и социальному развитию. Награжден орденом Почета.

ме, этот ученый в своем фундаментальном труде «Либерализм в классической традиции» писал: «Человеческим поведением руководят идеи. Все, что делают (и имеют) люди, является результатом теорий, доктрин, убеждений и умонастроений» [5, с. 239]. Таким образом, в результате отказа от господствовавшей в СССР «идеологии ответственного коллективизма» в пользу пришедшей ей на смену «идеологии либерального индивидуализма» в конце прошлого века «мировоззренческий маятник» одним махом был переведен в иное, диаметрально противоположное положение.

Неврастения, постигая общество, выраженная в отсутствии возможности определить правильный, не вступающий в конфликт с внутренним миром выбор на личностном и общественном уровнях, является следствием данных процессов. Потребности, желания индивидуума в неограниченном по сути проявлении сталкиваются с требованиями социальных формаций в выполнении норм общественного сосуществования. Во внутреннем противоборстве желаний, потребностей с установками, требованиями социума регулятором выступала духовно-нравственная, культурологическая составляющая, которая формировала базовые ценности, идеалы, смыслы жизни.

Подвергаемая колоссальным испытаниям цивилизация должна найти эффективные решения проблемы долга, жертвенности и противоречия между врожденным, бессознательным «я хочу» и общественным «надо».

Концептуальная основа подходов к решению проблем воздействия на безопасное развитие общества подвержена изменениям в различные исторические периоды, и даже в одном временном промежутке, она не была универсальной для различных социальных, экономических образований. Однако анализ состояния исследований показывает, что внимание к данной проблеме постоянно растет, развиваются страновые подходы к пониманию и реализации мер безопасности, возрастает уровень затрат и ресурсов на решение этих задач. Вместе с тем отмечается, что развитие теоретических представлений о безопасности в общем виде заметно опаздывает, отстает от практических потребностей, что затрудняет выявление общих закономерностей возникновения причинных источников опасных явлений, алгоритмизацию динамики процессов, обеспечение единообразных подходов к оценке уровней безопасности, оптимизацию мер по предупреждению угроз различных типов и т. д.

Необходима консолидация научной мысли, призванная сформировать кодовую среду, способная эффективно принимать решения как на личностном, так и на общественном уровне, основанная на взаимно-продуцирующих базовых ценностных установках, идеалах, смыслах жизни.

Главным способом формирования здорового целеполагания является эффективная организация коммуникаций понятий в области сознания — идеалов, жизненных смыслов, ценностей. Личностные ценности служат основой для целеполагания в общественном сознании, предоставляют потенциал, обеспечивающий выработку осознанных целей для конкретных

личностей в обществе. Для организации эффективного объединения в широком общественном понимании члена общества необходимо иметь общие духовные скрепы, не навязанные сверху, не привнесенные по назначению, а глубоко осознанные, которые они готовы совместно защищать. В итоге создается полноценная структура с регулятором, позволяющим сопоставлять потребности низшего порядка с высшими и регулировать действия индивидуума как участника общественных процессов к достижению осознанных целей в государстве и мире.

Эффективно организованное общество предоставляет личности адекватный понятийный аппарат для очерчивания его внутренней системы, обеспечивает недопущение внутренних конфликтов, процессов тревожного ряда, социальных потрясений, вызванных кризисами общественных систем.

Базовые ценности, в том числе и в современных условиях, меняются медленно, их реформирование даже в незначительной по содержанию степени может осуществляться на протяжении более 40 лет, то есть жизни как минимум двух поколений.

Революции и перевороты, локальные вооруженные конфликты, войны, террористические атаки, экономические и политические кризисы — вот далеко не полный перечень социальных катаклизмов, которые либо пришлось преодолеть в прошлом, либо приходится переживать сегодня народам практически всех стран мира. Разрушение устоявшихся в большой общей стране политических, социально-экономических связей не могло не оказать влияния на национальные экономики. Резко снизился уровень жизни людей. Безработица и инфляция стали устойчивым и привычным явлением. Зачастую нищета и бедность для большинства населения — представителей практически всех социально-демографических групп — стали печальной реальностью. В бывших союзных республиках описываемые проблемы оказались настолько острыми, что это привело к возникновению множественных локальных и межгосударственных конфликтов, повлекших многочисленные человеческие жертвы. Так, по оценкам российского журнала «Эксперт», сделанным в 2011 году (то есть еще до известных украинских событий), в междоусобицах и войнах на территории бывшего СССР погибли до 300 тыс. человек, а еще 5 млн стали беженцами [6].

Каковы причины и предпосылки возникновения такой ситуации в ряде постсоветских государств? Естественно, можно говорить об исключительно политических аргументах противостояний в борьбе за власть. Стремления популистских политиков и помогающих им группировок обеспечить все якобы нужные условия для вступления в Европейский Союз, а соответственно выполнение ряда требований ЕС, приводили к действиям, связанным с искусственными и «оперативными» изменениями традиционных для народов этих стран базовых ценностей. При этом следует отметить тот факт, что, вероятнее всего, одной из целей непосредственно ЕС является поступательное увеличение влияния этого геополитического объединения на постсоветские государства. Инструментом «усиления воз-

действия» на них, механизм в эффективном «перетягивании каната» являются базовые ценности, а точнее их искусственное и быстрое (под давлением) изменение в интересах заинтересованной стороны. Названные события не только демонстрируют результаты «борьбы за сферы влияния», но и предоставляют возможность сделать вывод о том, что искусственные и под давлением внедренные ценности, не свойственные объектам воздействия, приводят к политическим противостояниям, революциям, локальным войнам.

Таким образом, необходимо отметить, что функцией государства следует определить организацию структуры производства смыслов для обеспечения здоровой коммуникации в обществе. В связи с этим прогнозирование и планирование являются ядром для построения благополучных стратегий в стране, в которых

будет образована единая сфера ценностей материального, духовно-нравственного характера.

Литература

1. Бек У. На пути к другому модерну / У. Бек. — М., 1998.
2. Франкл В. Е. Человек в поисках смысла / В. Е. Франкл ; пер. с англ. М. Маркус. — Вашингтон, 1985 [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://lib.ru/DPEOPLE/frankl.txt> (дата посещения: 25.11.2016).
3. Зиновьев А. А. Русская трагедия / А. А. Зиновьев. — М. : Алгоритм, 2014.
4. Байнев В. Ф. Против идеологии рыночного «ничегонеделания» / В. Ф. Байнев // Беларуская думка. — 2016. — № 2. — С. 58–64.
5. Мизес Л. Либерализм в классической традиции : пер. с англ. / Л. Мизес. — М. : ООО «Социум» : Экономика, 2001.
6. Иванов Н. Цена поражения / Н. Иванов // Эксперт. — 2011. — № 1 (784). — С. 3–10.

Н. В. Буров¹

ПРОБЛЕМЫ МУЗЕИФИКАЦИИ КУЛЬТОВЫХ СООРУЖЕНИЙ. СОХРАНЕНИЕ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ДУХОВНОГО МИРА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

История музеефикации культовых зданий — многогранная, деликатная и сложная. Охрана культурного наследия является постоянной темой научных дискуссий и публикаций. В конце XIX — начале XX века достаточно широко обсуждались вопросы музеефикации предметов церковного искусства. Не утратила актуальности эта тема и в наши дни.

В связи с развитием процессов глобализации, стремительными изменениями в социальной сфере остро стоит вопрос о сохранении ценностей, обеспечивающих самоидентификацию и преемственность личности и общества. В выполнении защитной функции чрезвычайно велика роль гуманитарных дисциплин. Их задача — защищать от разрушения ослабленные нравственные ценности, спасать от забвения накопленные человечеством ценности культуры.

¹ Директор Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор», профессор СПбГУП, доктор бизнес-администрирования, народный артист России, заслуженный деятель культуры Республики Польша. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. монографий: «Музей и личность», «Педагогическая культурология музейной деятельности», «Арт-педагогика», «Педагогика культурно-образовательной среды», «Культура созидания» (в соавт.). Председатель правления Санкт-Петербургской организации Союза театральных деятелей России (2001–2005). Председатель Комитета по культуре Санкт-Петербурга (2005–2008). В 1974–2005 годах работал в театрах города. Снялся в фильмах: «Военная разведка. Первый удар», «Агент особого назначения», «Винтовая лестница», «Роман императора», «Жизнь и смерть Леньки Пантелеева», «Мастер и Маргарита», «Образ врага», «Свой–чужой» и др. Президент Международного фестиваля христианского кино «Невский благовест». Почетный академик Российской академии художеств. Награжден орденами Почета, Святого равноапостольного великого князя Владимира III степени Русской православной церкви, офицерским крестом ордена Заслуг перед Республикой Польша, медалями Жукова, «300 лет Российскому флоту», «В память 300-летия Санкт-Петербурга», почетным знаком «За заслуги перед Санкт-Петербургом» и др.

Культурное наследие — совокупность предметов, явлений и духовных ценностей прошлого, сохранившихся в современной культуре и составляющих источник ее развития. Переход от использования наследия к его освоению — главная тенденция современного социокультурного развития. Усвоенная социумом культурная форма обретает свою духовную жизнь и способность воплотиться в новой форме культуры иного времени. Освоенное культурное наследие способствует объединению людей любой национальности и религии.

Степень овладения культурным наследием и его использования является одним из важнейших показателей культурного уровня общества. Сохранение историко-культурного наследия и его оптимальное использование в целях стабилизации развития общества и духовного развития человека становится объектом пристального внимания всего мирового сообщества. Человеческое мышление не может воспроизвести историю без учета знаний, накопленных благодаря многовековому опыту, одной из форм выражения которого являются музейные экспонаты. В этой ситуации памятники истории и культуры, находящиеся в музеях, приобретают особую значимость. Музей является посредником, необходимым звеном между человеком и культурной средой. Своими методами и средствами он доносит до индивида комплекс духовных ценностей, идей, эмоций, тем самым включая человека в культурно-исторический процесс.

А. В. Луначарский писал, что музей — это грандиозная памятная книга человечества, наиболее полно отражающая духовную жизнь общества, и суть музейной работы — возвышение человека.

Значительная часть ценностей истории и культуры, накопленных цивилизацией, сосредоточена в культовых сооружениях. В связи с огромным значением культовых зданий в духовном развитии человечества музеефикация материальных носителей информации (как прикладная и теоретическая дисциплина) о развитии цивилизации (в том числе памятников архитектуры, искусства, техники) не могла не коснуться проблемы их сохранения.

Музеефикация памятников, представляющих собой культовые сооружения, сопряжена с определенными трудностями. И государство, и церковь всегда были заинтересованы в строительстве, сохранении и широком использовании культовых сооружений. Однако светские и религиозные целевые установки на изначальную принадлежность этих сооружений, формы управления ими, их роль и место в жизни общества в зависимости от многих обстоятельств, как правило, различались и существенно менялись.

Для всех формаций человеческого общества было характерно стремление сосредоточивать ценности истории и культуры в культовых сооружениях. Храмы всегда имели особый статус, поскольку находились под покровительством сакральных сил, олицетворяющих ту или иную религию. Вероятно, отсюда возникла традиция сохранения в храмах наиболее ценных предметов. Культовые сооружения, как правило, были центрами общественной жизни, что отражалось и в их экстерьере, внутреннем убранстве, мерах охраны, ритуалах посещения и т. д.

Традиция музейного хранения культовых сооружений и утвари складывалась годами. Этот опыт нельзя отбросить в сторону без риска потерять значимую составляющую самого объекта хранения. Механическое привнесение музейного опыта в деятельность церкви на практике встречает два основных препятствия — экономическое и идеологическое. Церковь не может зарабатывать так же, как музей, в своей финансовой деятельности она обусловлена определенными традициями функционирования. Возникающая при этом нестабильность финансирования пагубно отражается на сохранности исторических памятников.

Конечно, каждый храм возводился как место для молитвы. Вместе с тем уже в Средние века сложилась традиция использования храмов в целях, которые могут показаться нецелевыми, но являются культурно и политически важными. Издревле соборы служили местом для проведения встреч, создания книг, хранения ценностей, обучения детей, помощи инвалидам. Изменение государственного строя повлекло за собой и изменение функции музея в обществе, в связи с чем иногда можно наблюдать интересный парадокс — в отдельных случаях музей может полностью сохранять исторически возложенные на его функции, но в основной части своей деятельности перестать быть церковным учреждением. Отнюдь не в силу идеологической диверсии, а просто потому, что изменилось само общество и его социальные институты.

Необходимо понимать, что многие храмы не могут использоваться по назначению просто потому, что до революции оно было другим, чем теперь. Мы уже

не видим разницы между летней и усадебной церквями, кафедральным и другими соборами и пр. Интерьеры тоже бывают разные: те, что в принципе не предназначены для служб в зимнее время; не предполагали присутствия большого числа верующих; формально относясь к сфере религиозного культа, выполняли функции государственного назначения. Поэтому возвращаться к истокам и сохранять традиции мы можем, только внимательно изучив их.

Отношение к религиозным объектам — зданиям, декору, утвари — как к наследию возникло в середине XIX века. И религиозные, и светские деятели осознали их историческую, а не только утилитарную ценность. В разных губерниях стали создаваться древлехранилища при церквях, причем многие из них не устарели от сбора нецерковных объектов. После революции 1917 года многие собрания вошли в коллекции новообразованных губернских музеев — чаще на правах отделов. Однако отделы христианской древности сами по себе в некоторых музеях существовали изначально, например в Оружейной палате, Историческом и Румянцевском музеях, а также в музее Академии художеств и Музее Александра III.

После октября 1917 года для многих бесценных памятников культового зодчества музеефикация стала единственным спасением.

Период 1917 — конца 1920-х годов ознаменовался процессами передела собственности, интенсивной музеефикации сотен зданий и сотен тысяч предметов, инициативами «снизу» и энтузиазмом. При создании музеев в монастырях и храмах основными целями были сохранение ценностей культового искусства и архитектуры, ознакомление с ними всех желающих. Практическую деятельность в этих музеях осуществляли, как правило, или специалисты с опытом работы в музейной сфере, приобретенным при прежней власти, или интеллигенты-энтузиасты, пришедшие в музейное дело после революции, но уже сформировавшиеся в личностном и профессиональном плане.

Особое значение для судеб многих культовых зданий имела Инструкция Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного комиссариата по просвещению от 3 января 1919 года (Революция и церковь. 1919. № 1. С. 30–31). Инструкция предписывала передачу государству всех культовых зданий, «имеющих историческое, художественное или археологическое значение», создание для этого специальных комиссий из представителей местного совдепа, Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного комиссариата по просвещению, Государственного контроля. В основном благодаря этой инструкции многие культовые здания были спасены от уничтожения. Так, по данным Народного комиссариата юстиции, из 890 монастырей, существовавших до революции, к 1920 году было ликвидировано 673.

Автор единственной в предвоенные годы серьезной монографии по музейному делу Ф. И. Шмит (с 1908 по 1924 г. заведовавший крупными музеями) писал: «...музеи суть не хранилища вещей, а учреждения, где показываются те или иные вещи, имеющие просвети-

тельное значение». На протяжении многих десятилетий именно этот тезис решал судьбы музеев-храмов.

В апреле 1929 года вышло постановление ВЦИК «О религиозных объединениях», предопределившее участь многих храмов. К тому времени «первичная» музеефикация многих ценных зданий, в том числе культовых, в основном была завершена, большая часть ценностей, которые можно было спасти от уничтожения, уже музеефицирована. Сформировалась и развивалась единая государственная система охраны культурных ценностей и управления музеями.

В начале 1930-х годов судьба культовых зданий, в том числе музеефицированных, в печати и литературе по музейному делу обсуждалась мало (в основном в заметках о закрытии и сносе зданий). В предвоенное десятилетие эта проблема почти не освещалась, встречаются лишь разрозненные цифры и факты. Например, за пять месяцев 1932 года в Исаакиевском соборе (тогда — в Государственном антирелигиозном музее) побывало 246 тыс. человек, тогда как в Эрмитаже, Музее революции и Русском музее посетителей было в два-три раза меньше.

В начале и середине 1940-х годов на фоне разрушенных в годы войны исторических зданий и грандиозных задач по их воссозданию судьба памятников культовой архитектуры была не на первом месте (их не торопились восстанавливать, но уже и не уничтожали).

С конца 1940-х до середины 1980-х годов проблемы, связанные с немногочисленными музеями-храмами, не выходят на передний план среди задач, стоящих перед советскими музеями. Музеи в храмах и монастырях являются или историко-художественными, или краеведческими, или входят в состав крупных музейных комплексов. С конца 1980-х годов музеями остаются лишь немногие, наиболее ценные в историческом и художественном плане культовые здания. В них, как и в аналогичных зарубежных учреждениях, мирно сосуществуют музей и храм.

Проведенные еще в 1920-е годы социологические исследования показали, что основную информацию посетители музеев-храмов получают главным образом от сотрудников музея. Именно представленный специалистом музейный предмет становится наиболее запоминающимся носителем информации. В музее культового искусства экскурсия обращена к высшим нравственным ценностям, воздействует на ценностные ориентации, личность посетителя.

Расположение музея в культовом сооружении априори может вызвать ряд вопросов. С одной стороны, речь идет о верующих людях, для которых наличие «светских мотивов» в деятельности музея может создавать дискомфорт в поклонении святыням. С другой стороны, для светского человека посещение музея-храма имеет в первую очередь эстетическое и интеллектуальное удовольствие и лишь в некоторых случаях — приобщение к религиозному опыту и традициям. В связи с этим музей-храм может выступать как посредник в приобщении к духовному опыту. В то же время наиболее радикально настроенными представителями церкви это посредничество иногда восприни-

мается как поругание. Возникает вопрос: не проще ли было бы прекратить дискуссии раз и навсегда, предложив церкви самой заботиться о православных святынях? Безусловно, в таком случае возникает риск принятия поспешного (и однозначного) решения.

Даже если не учитывать многочисленные правовые вопросы, поскольку далеко не все здания и предметы религиозных культов принадлежали соответствующим религиозным организациям, проблема не будет иметь однозначного решения. К сожалению, как показывает практика, здания, иконы и церковная утварь в действующих храмах далеко не всегда сохраняются наилучшим образом. Не во всех действующих соборах созданы условия безопасности памятников церковного искусства. Л. М. Воронцова по этому поводу отмечает: «Не случайно волна краж произведений древнерусского искусства, начиная с 60-х годов и до настоящего времени, коснулась прежде всего закрытых, а затем и действующих церквей. Среди огромной массы культовых произведений, конфискованных в последнее время на границе, значительную часть составляют вещи из действующих храмов. Конечно, нельзя сказать, что музеи полностью застрахованы от краж и порчи произведений искусства, но все же в целом гарантий безопасности и сохранности исторических и художественных ценностей в них гораздо больше».

Качественная реставрация памятника должна носить плановый и научно обоснованный характер. Что же касается мировоззренческой составляющей, то нет никакой связи между профессионализмом музейщика и его конфессиональной принадлежностью. Отсюда вывод о необходимости проведения экспертиз и соблюдения индивидуального подхода к каждому конкретному объекту музейно-культового сохранения.

В Новейшее время возрождение епархиальных музеев часто носит сомнительный характер, поскольку коллекции формируются за счет отчуждения коллекций у светских музеев. Так выхолащивается суть музейной деятельности — спасти и сохранить то, что можно спасти. Это противоположно атеистическому уничтожению и ни в коей мере не является формой гонения на церковь как институцию. Музей в этом смысле не наследует большевизму.

В наше время важнейшим условием сохранения шедевров культового искусства и их использования в деле нравственно-эстетического и историко-патриотического воспитания стало взаимообогащающее сотрудничество музея и церкви.

Немало сделано в этом направлении Третьяковской галереей, музеем Московского Кремля, музейными учреждениями и православной епархией центральных областей России, Смоленской, Вологодской областей и иных регионов, где исторически сложилась богатейшая инфраструктура культовых сооружений.

Сама суть музея культового искусства предполагает объединение усилий музея и духовных властей в решении единых задач просвещения и воспитания населения (ведь цель любого музея — просвещение как можно большего количества людей). Можно сказать, что формула «музей-храм» позволяла гражданину атеистического государства погрузиться в пространство духов-

ного. Сакральное появляется в физическом пространстве не из-за указания «сверху» считать определенное место святым, а в силу субъективного восприятия.

Придя в музей-храм, музей-собор, верующий человек продолжает придерживаться своей позиции, а неверующий, приобщенный в музее к библейским и евангельским сюжетам, почувствовавший их величие и эмоциональный настрой, может обратиться к истории церкви и в конечном счете прийти к религии.

Мы не противопоставляем историю искусства и посещение музеев участию в религиозных обрядах и почитанию священных образов. Культура (искусство светское или церковное, народное или элитарное) является для верующих, агностиков, атеистов общим достоянием, сохранение которого одинаково важно для всех.

Обеспечение полноценного бытия памятника архитектуры требует обязательного включения его в сферу активных общественных структур. Это предполагает необходимость интерпретации как способа включения памятника в живую ткань культуры.

Одной из причин конфронтации музеев и церкви на рубеже 1990-х годов стала насильственная национализация православных церквей в 1920-е годы. Храм, ставший музеем, или музей, в который входят как в храм, — эти понятия тесно переплелись. К сожалению, сегодня возвращение храмов церкви происходит без должной подготовки, поспешно, не всегда

до конца обдуманно, без учета конкретных условий и, самое главное, интересов сохранения храмов-памятников, что приводит к утрате культурного наследия нашей страны.

В настоящее время проблема охраны и использования памятников истории и культуры решается посредством музеефикации как одной из признанных форм его сохранения. В процессе музеефикации достигается наиболее полная консервация культовых сооружений и находящихся в них предметов; исключаются какие-либо изменения в сохраняемом памятнике; проводится описание сохранности материалов, даются рекомендации по научной реставрации, в научный оборот вводится разнообразная информация.

Литература

1. *Музыченко О. В.* О функциях памятника архитектуры в современной социалистической культуре / О. В. Музыченко // IV Московские философские чтения молодых ученых. — М., 1986. — Вып. 3. — С. 131–133.
2. *Нагорский Н. В.* От конфронтации — к сотрудничеству музея и церкви / Н. В. Нагорский. — СПб., 2005. — 36 с.
3. *Павлова Н. Н.* Монастыри и музеи. Исторический экскурс в поисках моделей освоения историко-культурного наследия / Н. Н. Павлова. — М., 1991.
4. Проблемы сохранения церковного наследия : сб. ст. / под ред. М. Б. Пиотровского, М. Н. Цветаевой. — СПб., 2010. — 262 с.
5. *Руцеский М.* Международный совет музеев (ИКОМ) / М. Руцеский. 1966.

М. Н. Ветчинова¹

СПАСЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В «ЭКОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ» Д. С. ЛИХАЧЕВА

Строить прогнозы будущего человечества — это трудоемкая, но не всегда продуктивная работа. Однако людям свойственно верить в лучшее, в счастливое завтра. Как сделать так, чтобы стало меньше политических и религиозных разногласий, социальных бедствий, как защитить окружающую среду, сохранить культуру, чтобы мир стал чуть добрее, а человеку было в нем комфортнее, спокойнее, уютнее?

Ответы на различные вызовы, поставленные современной цивилизацией, можно найти в работах великого патриота России, гуманиста Дмитрия Сергеевича Лихачева, которые проникнуты искренней любовью к высокой русской культуре, человеку, тревогой о будущем нашей страны и человечества в целом.

¹ Профессор кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Курского государственного университета, доктор педагогических наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Формирование культурологической идеи преподавания иностранного языка (конец XIX — начало XX в.)», «Отечественная общественно-педагогическая мысль конца XIX — начала XX века о ценностях и смыслах изучения древних и новых языков», «Изучение иностранных языков в эпоху глобализации и диалога культур», «Родное слово К. Д. Ушинского», «Культурологическая идея концепции коммуникативного иноязычного образования», «Женское гимназическое образование в Курской губернии во второй половине XIX — начале XX века» и др. Член Научного совета РАО по проблемам истории образования и педагогической науки.

Лихачева очень беспокоил тот факт, что в мире не все благополучно и идеально, а многое, считал он, неблагополучно и в самом человеке. Вероятно, то неидеальное, что в нем присутствует, по заключению академика, позволяет истории демонстрировать «в большей степени неразумное и разрушительное влияние человека, чем разумное»². Он переживал об усилении неразумной деятельности человека по истреблению природы, природных запасов и культурных ценностей и был глубоко убежден в том, что если не будут приняты разумные меры, то миру грозит полное уничтожение.

Для более глубокого осмысления важности сохранения всех аспектов человеческой цивилизации, и в первую очередь окружающей среды и человеческой культуры, Дмитрий Сергеевич вводит термин «экология культуры». В его понимании экология культуры вместе с экологией природы составляет единое целое, лишь условно различаемое в целях удобства изучения.

Время показало, насколько Д. С. Лихачев тонко прочувствовал, точно провел параллель между природой как органическим целым и культурой. Для Лихачева культура, как и природа, является домом, в котором

² *Лихачев Д. С.* Экология культуры // Лихачев Д. С. Русская культура. М. : Искусство, 2000. С. 92.

человек живет. Следовательно, он справедливо считает, что забота человека об условиях, в которых он существует в создаваемой им культуре, сродни заботам экологов об условиях, в которых человек живет в природе.

Для нормального развития человеческого общества экология культуры представляет несомненный интерес и сегодня, и на перспективу. Для Д. С. Лихачева «экология культуры — это не просто “забота о сохранении памятников культуры”... это сложнейшая и ответственной дисциплина, призванная играть первенствующую роль в культурной политике государства и в понимании взаимосвязанности всех частей культуры и возможных срывов в этой области»¹. Человечество не может жить сиюминутными заботами без четкой цели впереди, без ясного видения будущего. Согласно Лихачеву, «конечная цель человеческой деятельности — преображение мира»², но в этом он видит не «внешнюю переделку мира», а выявление заложенного в нем разумного начала и его освобождение от мешающего ему зла, противоречащего ему, а также его самовывявлению.

Дмитрий Сергеевич приводит пример, что разумное начало камня — быть строительным материалом для прекрасных архитектурных творений. Разумное начало земли — в растительности, на ней произрастающей. Разумное начало растительности — служить для превращения Земли в один цветущий сад, прообразом которого служил рай. Продолжая данную мысль, можно сказать, что разумное начало человека — служить другим людям, а шире — человечеству в целях позитивного преображения мира, только тогда человек сможет ощущать себя его важной частью. Но такое преображение мира может осуществлять только человек с высоким нравственным началом! Только в этом случае мир в результате человеческой деятельности может стать «полностью совершенным и совершенно полным с сохранением всего лучшего, что в нем было...»³

Следовательно, отношение человечества к окружающему миру в высочайшей степени зависит от его нравственности. Дмитрия Лихачева как человека высокой культуры очень беспокоило «уменьшение общей стыдливости и снижение интереса к личной репутации в человеческом обществе, в результате чего исчезает чувство чести, честность, наступает хаос в науке, в экономической области и т. д.»⁴.

Он указывал на тот факт, что планета сильно изменилась, стала маленькой, перенаселенной и чрезвычайно от нас зависимой. Благодаря существованию сложнейшей техники мир стал более подвержен возможному воздействию со стороны человека. Но чтобы это воздействие не наносило ущерба природе, не осложняло жизнь человечеству, обществу, по заключению Дмитрия Сергеевича, особенно не хватает нравственности. Он подчеркивал, что именно современное общество не может существовать без высокой нравственности и культуры. Лихачев утверждал, что «во все времена, в любом обществе без культуры и нравственности не могут действовать законы экономики,

юриспруденции, законы исторические... Нравственность — это то, что превращает “население” в упорядоченное общество, смиряет национальную вражду, заставляет “большие” нации учитывать и уважать интересы “малых”»⁵. По его глубокому убеждению, «нравственность в стране является самым могучим объединяющим началом»⁶.

Актуальность такого постулата Дмитрия Сергеевича подкрепляется все чаще звучащими сегодня с различных трибун высказываниями о том, что современному обществу важнее нравственные реформы, а не экономические.

На протяжении всей своей деятельности академик Лихачев являлся активным защитником культуры, пропагандистом нравственности и духовности, поскольку четко осознавал, что от нравственных качеств, от уровня культуры личности каждого человека и в целом современного общества зависят и экономический успех, и будущее человечества.

Безусловно, качество жизни человека напрямую зависит от качества отдельной личности. Полное понимание собственной ответственности за то, что происходит вокруг тебя сегодня и будет происходить завтра, немислимо без осознания важности таких нравственных понятий, как честь, совесть, порядочность...

Еще более насущными и не утратившими своего значения становятся мысли Д. С. Лихачева о том, что невозможно представить нормальное общество без сострадания, жалости, милосердия, доброты, благотворительности, без ответственного отношения к детям, старикам, больным, бедным. Он считал, что достойная цель жизни заключается в том, чтобы приумножить добро в окружающем нас. Добро для великого гуманиста — это прежде всего счастье всех людей. Он был твердо уверен в том, что, «когда человек совершает акт милосердия, он становится счастливее сам, становится духовно богаче»⁷.

Дмитрий Сергеевич заострял особенное внимание на таких важных человеческих качествах, как забота и сострадание. В его понимании забота — это то, что объединяет людей, сохраняет память о прошлом и направлено целиком в будущее. В сострадании он видит сознание единства человека «с человечеством и миром (не только с людьми, народами, но и с животными, растениями, природой и т. д.). Чувство сострадания (или что-то близкое ему) заставляет нас бороться за памятники культуры, за их сохранение, за природу, отдельные пейзажи, за уважение к памяти. В сострадании есть сознание своего единства с другими людьми, с нацией, народом, страной, вселенной»⁸.

Высказывал Лихачев и глубокую обеспокоенность нравственной стороной национальных взаимоотношений, отношением к культуре и культурным памятникам других народов, проблема сохранения которых в настоящее время многократно возросла. А ведь в «Декларации прав культуры» отмечено, что «культура каждого народа имеет право на участие в гуманистическом раз-

¹ Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 93.

² Там же. С. 101.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 93.

⁵ Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 95.

⁶ Там же. С. 94.

⁷ Там же. С. 95.

⁸ Лихачев Д. С. Письма о добром и прекрасном. URL: <http://www.litmir.co/br/?b=49366&p=3>

витии всего человечества. Культурное сотрудничество, диалог и взаимопонимание народов мира являются залогом справедливости и демократии, условием предотвращения международных и межэтнических конфликтов, насилия и войн»¹.

В связи с этим он призывал обратить особое внимание на дипломатию государств, нравственную ответственность «высоких договаривающихся» сторон и отдельных дипломатов, от решений которых во многом зависит настоящее состояние и будущее развитие цивилизации. Дмитрий Сергеевич указывал, что согласие между людьми и целыми народами — огромная ценность и необходимое условие жизни человечества. Он предостерегал от бездуховной «техники переустройства», поскольку «право неразумного сильного может создать опаснейшую ситуацию, когда человечество и природа в целом могут погибнуть не только биологически вместе с уничтожением всего живого, но и духовно, вследствие гибели культуры»². Но больше всего Дмитрий Лихачев опасался угасания именно русской культуры.

Конечно, все в нашем хрупком мире взаимосвязано и взаимозависимо. Цивилизация, человек, природа, культура... Согласно Лихачеву, человек — часть природы, но он есть и часть созданной тысячелетиями культуры. Академик писал: «...отсутствие в природе духовного человека, представляющего как бы “самосознание вселенной”, лишает смысла существования не только человека, но и все сущее, все мироздание... Такую обезглавленную природу не будет смысла сохранять»³.

Он призывал нас к улучшению мира. И здесь на помощь, с точки зрения Дмитрия Сергеевича, должна прийти любовь к природе, при которой учитываются интересы всего живого, а также к памятникам культуры как к величайшей ценности, оправдывающей существование мира, Вселенной.

Конечно, культурное наследие — это не только источник гордости о прошлом человечества, это совре-

менное богатство цивилизации, но что самое главное — это тот фундамент, на котором будет построено наше будущее. На наш взгляд, стратегическая цель для нормального экономического, научного, технического, духовного развития человечества — это сохранение и развитие культуры в самом широком смысле слова. Это должно стать приоритетом для всех государств без исключения. По заключению Д. С. Лихачева, «утрата любого элемента культурного наследия является невосполнимой потерей и ведет к духовному обеднению всей человеческой цивилизации»⁴. Культурные памятники, культурное наследие — это то, что будет воспитывать у последующих поколений чувство исторического достоинства, облагораживать духовно, обогащать эмоционально.

Дмитрий Сергеевич писал: «Ощущать себя наследником прошлого — значит осознавать свою ответственность перед будущим»⁵. В безразличном отношении к культуре он видел беспечное отношение к своему будущему.

Несмотря на переживания о неразумной порой деятельности человека, Лихачев верил в доброе начало, которое в нем заложено, и это позволяет надеяться, что деятельность человека станет более разумной и взвешенной. Хочется искренне верить, что именно культура станет «гуманистическим ориентиром и критерием развития человека и цивилизации»⁶. По справедливому заключению Дмитрия Сергеевича Лихачева, в будущем «нас ждет то, что мы сделаем сами, потому что таких законов, которые бы вели нас по строго определенному пути и не давали никуда отклониться, в истории нет»⁷.

Вот почему именно сегодня, наверное, как никогда прежде, мир остро нуждается в экологах культуры, поскольку вне культуры настоящее и будущее народов, этносов и государств лишено смысла. Их разумная деятельность позволит разрешать кризисные проблемы цивилизации, имеющие важнейшее значение для будущего человека и человечества.

¹ Лихачев Д. С. Декларация прав культуры. URL: <http://www.lihachev.ru/lihachev/deklaratsiya/123/>

² Лихачев Д. С. Экология культуры. С. 98.

³ Там же.

⁴ Лихачев Д. С. Декларация прав культуры.

⁵ Лихачев Д. С. Из прошлого и о прошлом // Лихачев Д. С. Русская культура. М.: Искусство, 2000. С. 344.

⁶ Лихачев Д. С. Декларация прав культуры.

⁷ Д. С. Лихачев — университетские встречи. 16 текстов. С. 70. URL: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/1751_133_lihachev.16textov.pdf

Ю. К. Волков¹

КУДА ИДЕМ? (Образ кризисного социума в современной картине мира)

Понятие «кризис», понимаемое как нарушение непрерывности, сопровождающееся обострением противоречий между старым и новым², входит в число наиболее часто употребляемых теоретических конструктов. В современной отечественной литературе термин «кризис» чаще всего используется для описания состояния экономической нестабильности либо перехода к новому историческому циклу³. В картине социального мира, вступающего в эпоху новых исторических трансформаций, кризис современной цивилизации выступает как многовекторный процесс, затрудняющий достижение общецивилизационного консенсуса⁴. Именно многовариантность цивилизационного выбора обуславливает типичный для современной социогуманитаристики ценностно-смысловой плюрализм в понимании перспектив разрешения кризисной ситуации.

К семантическому и аксиологическому релятивизму идеологии кризиса добавляется натурфилософская картина мира, которую можно идентифицировать как «власть всевозможных локальных беспорядков, примиряющихся только в великой смеси <...> взаимосвязанных причин»⁵. В этой мировоззренческой конструкции с позиции нелинейной динамики, теории хаоса и геометрии фрактала достаточно давно анализируются изменения, происходящие на уровне социальных макросистем⁶, структурных отношений внутри социума⁷, ментальных ориента-

ций этноса⁸ и типажей личности⁹. Вместе с тем сложность и непрозрачность картины мира эпохи перемен не отменяет возможности его прогностической оценки на том основании, что даже в ситуации сохраняющейся бифуркационной неопределенности системного перехода свою целерациональную роль сохраняет фактор свободной воли¹⁰. Похожие мысли о решающей роли человеческой воли в наступлении будущего высказывал Д. С. Лихачев. «Нас ждет то, что мы сделаем сами, потому что таких законов, которые бы вели нас по строго определенному пути и не давали отклониться, в истории нет»¹¹. Тем не менее даже такой нелинейный взгляд на историю не лишает смысла вопрос: «Что же может ждать в наступившем столетии современную цивилизацию, оказавшуюся в состоянии длительного перманентного кризиса?».

Концептуальную основу для ответа на поставленные вопросы можно найти в обширной футурологической литературе, которая стала одним из отличительных признаков культуры XX столетия¹². Однако исключительное тематическое, идеологическое и жанрово-стилистическое разнообразие проектов будущего вынуждает интересантов предметно ограничивать круг своих футурологических поисков. В связи с интересующей нас проекцией общества будущего проявятся только те его характеристики, которые вытекают из долговременных исторических трендов, породивших условия современного кризиса. Еще одним ограничением адекватной модели транзита кризисного социума выступает необходимость одновременного учета в ней динамических и стабилизирующих факторов. Наконец, будучи рационально-теоретической по своей жанровой специфике, прогностическая версия путей разрешения кризиса, в котором оказалась современная цивилизация, должна не только обладать достаточной эмпирической базой, но и соответствовать гуманистическим идеалам этики добра.

⁸ См.: Волков Ю. Г., Поликарпов В. С. Интегрированная природа человека: естественно-научный и гуманитарный аспекты: учеб. пособие. Ростов на/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1994. С. 78–79.

⁹ См.: Гумилев Л., Панченко А. Чтобы свеча не погасла: Диалог. Л.: Сов. писатель, 1990. С. 95–104.

¹⁰ См.: Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире: пер. с англ. СПб.: Университ. книга, 2001. С. 109–130.

¹¹ Запесоцкий А. С. Позиция: избранная публицистика. 1985–2008. СПб.: СПбГУП, 2008. С. 87.

¹² Различные варианты описания будущего можно найти в научных и художественно-фантастических произведениях А. Азимова, Д. Белла, Э. Берджесса, Н. Бердяева, А. Богданова, Р. Брэдли, И. Валлерстайна, К. Воннегута, И. Ефремова, Е. Замятина, А. Кларка, Д. Медоуза, Дж. Оруэлла, А. Печчи, А. Платонова, А. и Б. Стругацких, О. Тоффлера, Э. Фромма, О. Хаксли, Д. Харви, Р. Шекели и др. При этом обнаруживается следующая тенденция. Если в первой половине XX века в картинах будущего преобладали утопии (евтопии), то во второй половине столетия подавляющее большинство футурологических проектов может быть отнесено к жанру антиутопий (дистопии, какотопии, негативные утопии, контртопии).

¹ Профессор кафедры права, философии и социальных дисциплин Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор 115 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Природа социального зла: историко-типологический уровень социально-философского исследования», «Научные исследования: информация, анализ, прогноз» (в соавт.) и др.; статей: «Историческое и логическое в определении специфики деятельности потребления», «Мир-системное описание будущего современной цивилизации: комментарий и оценки утопического прогноза конца прошлого века», «Есть ли ресурс у капиталистической мир-системы, или Насколько практичной может стать утопистика? (Размышления по поводу насущной проблемы футурологии)», ««Болезни» и «смерть» общества и государства в истории философско-социологической мысли» и др. Член Российского философского общества.

² Богданов А. А. Тектология (Всеобщая организационная наука): в 2 кн. М.: Экономика, 1989. Кн. 2. С. 208–209, 218.

³ См., например: Кузык Б. Н., Яковец Ю. В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. М.: Ин-т экономических стратегий, 2008. Т. V. С. 52–58; Яковец Ю. В. Циклы, кризисы, прогнозы. М.: Наука, 1999; Он же. Глобальные экономические трансформации XXI века. М.: Экономика, 2011. Основную библиографию по теме экономических кризисов см.: История мировых экономических кризисов: справ.-библиогр. материалы. Самара: ГУК «Самар. обл. универс. науч. б-ка», 2010.

⁴ Лашин Н. И. Кризис цивилизации и гуманистическая модернизация. С. 4–5. URL: http://iph.ras.ru/upfile/scult/Lapin_2015.pdf

⁵ Делёз Ж. Логика смысла: пер. с фр. М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998. С. 180.

⁶ См.: Ильин В. В. Социология как фундаментальная наука // Социологические исследования. 1994. №. 3. С. 29–35.

⁷ См.: Глазьев С. Ю. Закономерности социальной эволюции // Социологические исследования. 1996. №. 6. С. 50–62.

Как показывают разнообразные теоретико-методологические подходы, сложившиеся в современной кризисологии, конкурирующие между собой антиномии футурологического оптимизма и алармизма, прогрессизма и циклизма, функционализма и революционизма, даже с учетом вышеуказанных предметных ограничений, существенно сужают возможности построения синтетической метатеории¹. В сложившейся ситуации в качестве наиболее успешных объяснений возможных путей трансформации глобального кризисного социума, закрепившихся в современной картине мира, на наш взгляд, могут выступать работы П. А. Сорокина, относящиеся к тематике «кризисного сознания»², а также утопистические разработки представителей школ мир-системного анализа (МСА) и «радикальной географии»³.

Возвращаясь к тезису о неопределенности предсказаний посткризисного будущего, императивный характер которых актуализируется по мере обострения кризисной ситуации, выскажем следующее пред-

положение, касающееся понимания метафоры «разрыва времени». Образ кризисного социума, представляющий как переходный и временный период, который тем или иным способом должен разрешиться в будущем, и есть раскрывающееся в процессе становления настоящего будущее. Таким образом, в структуре изначально целостного образа перехода обнаруживаются два взаимоисключающих образа: образ «живого настоящего» и «бесконечно делимый на прошлое и будущее» образ момента вечности⁴. Именно такое действительное, а не желаемое будущее представляет собой событийное упорядочивание непрерывных процессов, образующих историю соответствующей области реальности⁵. В этом смысле заслуга культуры модерна заключается в том, что она, продолжая сакральную традицию преодоления времени, по-новому упорядочила границы вечности и связала прошлое и будущее горизонтально земного мира. Но эта земная история не стала историей свободного человека, живущего в свободном времени⁶.

В. С. Глаголев⁷

«ЭКОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ» — БАЗОВОЕ УСЛОВИЕ СВОЕВРЕМЕННЫХ ПРОГНОЗОВ И ПРЕОДОЛЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ РИСКОВ

К настоящему времени глобализационные и интегративные процессы, разворачивающиеся в жизни человечества начиная, по крайней мере, со времен промышленной революции, создали многоплановую и многоуровневую сеть взаимозависимостей культурных сообществ, населяющих Землю⁸. Благодаря суще-

ствованию таких взаимозависимостей и возможностей взаимной поддержки человечество стремится взять под контроль целый ряд «напастей»: голод, болезни, социальное неравенство. Достаточно напомнить об экономическом и социальном возрождении побежденных Германии и Японии, перепаханной войсковыми передвижениями с севера на юг и с юга на север Южной Кореи и других подобных явлениях. Однако потери производственных, транспортных и бытовых инфраструктур залечиваются гораздо быстрее, чем утихает в сердцах людей память о погубленных жизнях в результате мировых и гражданских войн, а также многочисленных локальных конфликтов, вспыхивающих в разных зонах земного шара. Неизбывна память об убитых и искалеченных, поломанных судьбах оставшихся в живых. Трагические последствия конфликтов для конкретных личностей, семей и этносов создают особые невидимые шрамы в душах народов и на длительное время определяют устойчивое недоверие, презрение и ненависть к недавним завоевателям и историческим врагам.

Достижения цивилизации и ее кризисы, в конечном счете, — результат деятельности людей, в которой причудливым образом сочетаются глубокие знания и устойчивые суеверия, неиссякаемые силы любви и все время от времени выжигающая ненависть, последовательность поведения и абсурдность действий. При этом гармонизация взаимодействия биологическо-

¹ См.: *Каширин В. И.* Гуманитарная кризисология: истоки и специфика // Гуманитарий Юга России. 2014. № 2. С. 34–46; *Он же.* Гуманитарная кризисология: истоки и специфика (продолжение) // Гуманитарий Юга России. 2014. № 3. С. 90–96.

² Наибольшее количество трудов П. А. Сорокина, в которых он анализирует кризис современной цивилизации, приходится на период 1940–1950-х годов. Среди них: «Кризис нашего времени», «Человек и общество в бедствии»; «СОС: значение нашего кризиса», «Социальная философия в век кризиса» и др.

³ См., например: *Wallerstein I.* Utopistics, Or Historical Choices of the Twenty-first Century. N. Y. : New Press, 1998; *Harvey D.* Spaces of Hope. Edinburg : Edinburg University Press, 2000.

⁴ *Делёз Ж.* Указ. соч. С. 20.

⁵ См.: *Анисов А. М.* Свойства времени // Логические исследования. 1991. № 8. С. 10.

⁶ См.: *Межуев В. М.* История в зеркале философии // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 47, № 1. С. 34–36.

⁷ Профессор кафедры философии МГИМО (Университет) МИД РФ, доктор философских наук. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч.: «Герметичность религии как проблема социологического исследования», «Религия караимов», «Религиозно-идеалистическая культурология: идейные тупики», «Практическая психология для дипломатов», «Реализм анализа — исходное условие научной перспективности», «Ценность личности и ее творческий потенциал», «Межкультурная коммуникация в условиях глобализации» (в соавт.), «Cooperation of technologic and scientific knowledge in development of european culture» и др. Член Российского философского общества.

⁸ *Лихачев Д. С.* Экология культуры // Заметки о русском. М. : Сов. Россия, 1984. С. 484; *Астафьева О. Н.* Межкультурные коммуникации и коллективная идентичность: новые акценты в культурной политике национальных государств // Современные глобальные вызовы и национальные интересы : XV Междунар. Ли-

хачевские науч. чтения, 14–15 мая 2015 г. СПб. : СПбГУП, 2015. С. 302–305; *Она же.* Реструктуризация и демаркация коллективных идентичностей в условиях глобализации: будущее национально-культурной идентичности // Вопросы социальной теории : науч. альм. М., 2010. Т. IV. С. 255–281.

го начала с началом социально-организующим и целеполагающим является постоянным вектором, обеспечивающим не только выживание человечества, но и его развитие. Таким образом культура с первых шагов окружает человека и определяет суть его действий, работает как механизм социализации¹.

Традиционные механизмы и способы социализации, как известно, совмещают в себе установочный консерватизм и неизбежную латентную модернизацию². Локально складывавшиеся большие группы вступают во взаимодействие друг с другом, и судьбы этих новаций первоначально неопределенны. Возможно поглощение «других» сородичами и соплеменниками. Но более перспективно, как правило, объединение на той или иной основе. Интеграционные импульсы идут путем отбора удачных опытов и превращения их в определенные шаблоны поведения. Напротив, безудержно агрессивные импульсы нецелесообразны и в конечном счете утрачивают статус преобладающей «естественной реакции». Как следствие, создается особая «культуренная» агрессивность. Ее инструментами являются военные силы и средства, разведка местоположения и намерений возможных противников, дипломатия, разнообразие хитрости, в которых обман призван усыпить возникающее недоверие.

Во всех древних культурах известен набор подобных приемов, с помощью которых устанавливается контроль над идиосинкразией к «чужим» и канализируются проявления агрессивности — до той поры, пока не заговорят барабаны, мобилизующие соплеменников к открытым военным действиям. Хитрость, конечно, позволяет обойтись и без объявления войны, удесятерив тем самым волю к сопротивлению тех, кто стал жертвой неспровоцированной агрессии. Отчаяние выживших становится памятной вехой их дальнейшей жизни, а память об агрессии передается от поколения к поколению.

Хотя для традиционных обществ походы на соседей являются привычным занятием, многочисленные случаи их неудач и параллельно выполнение достигнутых договоренностей о разделе территорий и жизненных благ на них (пастбища, водопой, зоны охоты и т. д.) создают предпосылки устойчивого взаимодействия племен, в ходе которого выкристаллизовываются народности со своими особенностями языка, сферами занятости, особенностями производства специализированных орудий в локальных природных условиях, устойчивым обменом произведенной продукции и т. д.

Определенный диссонанс в ситуацию мирного сосуществования вносит появление «пришельцев». Как

правило, это большие группы кочевых объединений или племен, по тем или иным причинам вытесненных с территорий своего обитания. Их появление обычно влечет за собой конфликты, заканчивающиеся либо поражением «пришельцев», либо утверждением их на новых территориях. Культурные границы вновь образованных сообществ могут носить либо закрытый, либо открытый характер. Подобные примеры хорошо иллюстрируют мысль Д. С. Лихачева о «двух типах границ» между культурами³.

Хотя для развивающихся цивилизаций подобная архаика организации общественной жизни является, казалось бы, анахронизмом, многочисленные исторические опыты подпитывают стереотипы⁴ неприятия соседей благодаря функционированию механизмов злопамятности, активируя «живую архаику» как способ социализации в периоды кризисов и радикальных трансформаций⁵.

Классической иллюстрацией «болевого» исторической памяти могут служить среднестатистические стереотипы испанца по отношению к португальцу, равно как и португальца по отношению к испанцу. А исходная причина восходит к последним двум десятилетиям XVI столетия, когда пустовавший трон португальского короля был занят испанским королем Филиппом II, что определило 60-летний период до 1640 года: принудительный характер власти испанской короны над португальским населением западной части Иберийского полуострова оставил неизгладимый след в национальном характере и стереотипах взаимного восприятия обеих культур.

В свою очередь, для России периода Московского государства и империи «давний спор славян между со-

³ Лихачев Д. С. Два типа границ между культурами // Очерки по философии художественного творчества. СПб. : Блиц, 1999. С. 103–108. Ср.: Глаголев В. С. Религиозно-этническое наполнение образов «свой» и «чужой» в динамике политической конъюнктуры // Диалог культур и партнерство цивилизаций : XIV Междунар. Лихачевские науч. чтения, 15–20 мая 2014 г. СПб. : СПбГУП, 2014. С. 362–365 ; Силантьева М. В. Проблема «культурных границ» в современном мире: ценностный аспект // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2 (35). С. 235–239.

⁴ Левицкий А. Э. Коммуникативные стереотипы в межкультурной коммуникации // Учен. зап. Таврического национального ун-та им. В. И. Вернадского. Сер. «Филология. Социальные коммуникации». 2011. Т. 24, № 63. С. 130–134 ; Силантьева М. В. Методология изучения реконструкции коммуникативного стереотипа в условиях непрямого диалога культур // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2013. Т. 2, № 2 (3). С. 4–8.

⁵ Ламажаа Ч. К., Абдулаева М. Ш. Архаизация и неотрадиционализм: российские региональные формы // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 3. С. 68–80 ; Глаголев В. С., Силантьева М. В. Религиозно-культурное пространство европейской России: факторы динамики традиции и традиции динамики // Известия Иркутского гос. ун-та. Сер. «Политология. Религиоведение». 2010. № 2. С. 131–140 ; Силантьева М. В. Неотрадиционализм в зеркале современной культуры: религиозный синкретизм как проявление единства чувственного и рационального познания // Точки — PUNCTA. 2012. № 1–4. С. 371–380 ; Она же. Декомпрессия ценностей в современной культуре // Фундаментальные проблемы культурологии : в 4 т. / отв. ред. Д. Л. Спивак. СПб., 2008. С. 214–228 ; Она же. Национально-культурный миф в условиях современного трансцензуса: философский анализ // Гуманитарный вектор. Сер. «Философия, культурология». 2016. Т. 11, № 2. С. 72–80 ; Глаголев В. С. Евразийское измерение России: внешнеполитические и социокультурные задачи // Цивилизационная миссия России : XI Панаринские чтения : сб. ст. / отв. ред. В. Н. Распоргуев. Пушкино, 2014. С. 128–133.

¹ Бурдые П. Идентичность и репрезентация: элементы критической рефлексии идеи «региона» // Ab Imperio. 2002. № 3. С. 45–60 ; Балли Н. Л. Социальная идентичность: теоретико-методологические основания социологического анализа // Социологический альманах. 2013. № 4. С. 214–220 ; Силантьева М. В. Диффузная идентичность — современная версия гражданской идентичности // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 2. С. 173–179.

² Шестопал А. В., Силантьева М. В. Межкультурная коммуникация в свете современных модернизационных процессов // Межкультурная коммуникация: современная теория и практика : материалы VII Конвента РАМИ : науч. изд. / под ред. А. В. Шестопала, М. В. Силантьевой ; отв. ред. А. В. Мальгин. М., 2013. С. 10–16.

бою» (А. С. Пушкин) — с Речью Посполитой и ее духовными наследниками — не закончен и по сию пору. Как не изжита среди китайского населения память о жестокостях японского хозяйничания на территориях Поднебесной, так у японцев образ «божественного ветра» («Камикадзе») навечно связан с катастрофой китайской Великой армады, погубленной тайфуном при ее приближении к Японским островам.

И в наше время обостренная историческая память продолжает передаваться по цепочке поколений. Насильственные способы ее «стерилизации» усилиями очередных волн государственно-политической пропаганды дают в лучшем случае утрату окончательного доверия к последней. И как результат — полную невосприимчивость к ее усилиям, что с государственной точки зрения называется русской метафорой «напрасные хлопоты». Более того, актуализируется старое наблюдение, восходящее к Августину Блаженному: без памяти нет совести. Между тем совесть — одна из скреп, обеспечивающих верность любви, дружбе, долгу, равно как и добросовестность в выполнении общественно-государственных обязанностей любого уровня — от дворника до президента. И отсутствие ее у инициаторов и исполнителей любых цивилизационных (глобальных или локальных) проектов может обернуться последствиями, предотвратить которые в состоянии лишь ценностно ориентированное гражданское воспитание, воспринявшее идеи «экологии культуры».

Без совести нет инициативы творчества. Любая деятельность превращается в ожидание распоряжения и исполнение его по шаблону либо, что сегодня бывает гораздо чаще, лишь в имитацию исполнения. Силы уходят на симуляцию, создание муляжей условного правдоподобия. Имитационная деятельность отнимает время, перенаправляет на «обогрев Космоса» материальные

и духовные ресурсы. И в конечном счете дает эффект, описанный бессмертным афоризмом В. С. Черномырдина: «Хотели как лучше, а получилось как всегда». Бесплодность подобной практики совершенно очевидна.

Апокалиптические сценарии конечных судеб цивилизации довольно обстоятельно представлены в философской и футурологической мысли. Однако не менее востребованы и сценарии их преодоления¹.

Идея направить научно-техническую мысль на разработку моделей преодоления космических и иных природных катастроф, попытаться сосредоточить военные возможности сверхдержав на общечеловеческих интересах взамен стремления «переиграть» друг друга не нова. Но в силу глубокого недоверия, существующего в настоящее время между ними, взаимных геополитических претензий и страхов «обнуления» перспектив роста в выигрыше от попыток их реализации пока что оказываются скорее структуры военно-технического шпионажа (обеспечивающие вполне земные задачи сохранения и по возможности расширения позиций каждой из сверхдержав), чем реальные люди. Сама возможность ядерного столкновения — безусловно, тупиковый вариант, сводящий на нет результаты трудов по крайней мере десятка сменявших друг друга поколений. К сожалению, пока что при возникновении острых ситуаций не находится радикальной альтернативы предельно осторожному «бряцанию» ядерными вооружениями. Нравственная «добротность», сдерживающая от сползания к полномасштабной катастрофе, в данном случае опирается на экологию культуры, транслируемую в обществе механизмами, блокирующими оптимизацию агрессии, не допускающими причинения вреда себе и выбраковывающими те структуры, которые настроены на реализацию подобной оптимизации.

¹ Например, см.: Лихачев Д. С. У нас есть опыт преодоления падения культуры: обсуждение книги «Судьба российской интеллигенции», 3 декабря 1996 г. // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов / науч. ред. А. С. Запесоцкий. СПб. : СПбГУП, 2006. С. 48–49 ; Силантьева М. В. Апокалипсизм в русской культуре: переключки веков // Вестник славянских культур. 2008. Т. IX, № 1–2. С. 106–112 ; Глаголев В. С. Величие России: основания, иллюзии и реалии // Философия хозяйства. 2006. № 1 (43). С. 101–106, и др.

**В. В. Горшкова¹,
А. А. Мельникова²**

КРИЗИС ЦИВИЛИЗАЦИИ: ФОРМИРОВАНИЕ ГУМАНИТАРНОЙ ЭЛИТЫ КАК ВЫХОД ИЗ ТУПИКА

Современные тенденции цивилизационного процесса многогранны, при этом к основным исследователи относят превращение нашего общества, с одной стороны, в информационное, с другой — в общество потребления. Если вторая тенденция оценивается как однозначно негативная³, то к первой отношение амбивалентное. Впрочем, при научном осмыслении данного феномена, осознавая значимость информации как важнейшего стратегического ресурса развития общества, исследователи тем не менее не обходят стороной и то негативное влияние, которое компьютеры и Интернет на нас оказывают⁴.

Один из мейнстримов, вызывающих беспокойство, — виртуализация коммуникации, которая перестает быть миром, замкнутым внутри компьютера, — она уже не встраивается в пласты социальной реальности, а начинает поглощать социальную реальность. При этом пребывание в виртуальной реальности является небезопасным для человека, разрушая его целостность: при компьютерной репрезентации вместо многогранного «я» индивида на первый план выходит мозаичный набор частичных идентичностей с условными антропоморфными характеристиками, нетривиальными идентификацией и самоидентификацией. Человек начинает смешивать типы реальностей, переводя свою коммуникацию в виртуальную область. При этом общечеловеческие ценности (честь, долг, достоинство) зачастую не проявлены в виртуальном мире.

Изменение ценностей обуславливает и потребительная направленность цивилизационной динамики, при этом «...чтобы выжить, необходимо в корне изменить систему приоритетов и ценностей, преодолеть

синдром потребительской личности. Экологически и нравственно безответственного, потребительского человека следует признать типом, не способным на длительное планетарное существование»⁵.

Безусловно, раньше формирование ценностей также признавалось задачей образования, но при этом основной упор делался на школьный период. Однако при цивилизационном кризисе вышеназванной формы необходимо выстраивание образовательного процесса в высшей школе, направленного на формирование гуманитарно ориентированной элиты.

Именно такая элита будет создавать в обществе образцы, в которых имманентно присутствуют базовые ценности человечества и которые оказывают развивающее влияние, противостоящее виртуализации и потреблению. Осмысливая данную ситуацию, академик РАО А. М. Новиков отмечает: «Необходимо возродить прежний статус гуманитарных наук, вернув им прежние функции, а именно — служить путеводной звездой, освещающей нам дорогу и помогающей избрать правильное направление в наших действиях в условиях современного, полного неопределенностей и неожиданностей мира»⁶.

Авторы, исследующие данный вопрос, разводят категории элитарности и элитности⁷: элитарность соотносится со знатностью, богатством, властью, в концепции же элитности соотносительность человека с определенной социальной стратой определяется не столько его происхождением и наличием финансов, сколько уровнем его образованности, духовно-нравственным развитием, интенсивностью проявления его гражданской активности, степенью персональной представленности в науке и культуре. Соответственно к актуальным задачам современности относится необходимость создать такие образовательные институты, в которых формирование элитно-гуманитарного сознания учащихся становится образовательной целью. Главная цель такого образовательного учреждения как социального института — воспитать личность, которая не только поступает, руководствуясь гуманистическими ценностями, но и обладает интеллектуальным потенциалом, позволяющим определить угрозу этим ценностям и сформировать адекватный социально-культурный ответ. Это означает, что важной составляющей гуманитарной образовательной парадигмы будет нравственная подготовка к различным формам противостояния деструктивным социальным тенденциям.

В настоящий момент мы находимся на уровне осознания усиления в социальной реальности деструктив-

¹ Декан факультета культуры, заведующая кафедрой социальной психологии СПбГУП, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 400 научных публикаций, посвященных проблемам педагогики, философии и технологии образования, в т. ч. 30 монографий и учебных пособий: «Проблема субъекта в педагогике», «Межсубъектная педагогика: тенденция развития», «Взрослый как субъект непрерывного профессионального образования», «Педагогическая философия Джона Дьюи», «Образование взрослых как феномен культуры, социальный институт и образовательная метасистема», «Диалог в образовании человека», «Мир конфликта: субъект и реальность» и др. Член редакционного совета «Педагогического журнала». Награждена медалью К. Д. Ушинского «За заслуги в области педагогических наук».

² Профессор кафедры социальной психологии СПбГУП, доктор культурологии. Автор более 80 научных публикаций, в т. ч.: «Политика глобализации и глубинные основания культур», «Культуролого-лингвистический аспект образовательной стратегии», «Универсалии цивилизации vs глубинных оснований русской культуры: причины противостояния», «Анализ синтаксиса как метода познания национальной ментальности: русская онтология и гносеология в зеркале языка», «Национальное мировидение в языке: формы отражения», «Язык и этнические характеристики» и др.

³ Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Республика, 2006. 269 с.

⁴ Смолл Г., Ворган Г. Мозг онлайн. Человек в эпоху Интернета. М.: Колибри, 2011. 352 с.

⁵ Панарин А. Образованность как русская идея: коллизии и перспективы // Москва. 1998. № 11. С. 140–141.

⁶ Новиков А. Н. Что такое элитарное образование. URL: <http://www.anovikov.ru/artikle/elit.htm>

⁷ Ашин Г. К. Мировое элитное образование. М.: Анкил, 2008. 350 с.

ных тенденций, разрушающих человека — и как индивида (алкоголь, наркотики, игровая зависимость), и как биологического вида (терроризм, усиление которого активизирует угрозу ядерной войны). Поскольку официальная образовательная система в качестве своих целей декларирует обучение, то соответственно она не вырабатывает навык противостояния перечисленным явлениям. Это должно стать задачей гуманитарного образования, которое было бы нацелено на опережающее этическое развитие, воспитание нравственного интеллекта.

Соответствующие этим задачам компоненты должны стать основой новой гуманитарной образовательной парадигмы, в которой гуманитарные вузы выступили бы флагманами, однако часть образовательных приемов по формированию ценностно-нравственных установок должна быть включена в систему подготовки политической и экономической элиты. То есть необходимо формировать образовательное сознание — гуманитарно ответственное, рождающее у каждого человека потребность в нравственной оценке того, что

происходит в окружающей социально-культурной реальности.

Кроме того, одной из задач гуманитарной элиты станет формирование в обществе направленности на автокреацию (самотворение) — процесс дальнейшего развития человека, основанный на нравственном совершенствовании и личностном самопроектировании посредством осознанного преобразования жизненных ценностей и установок как отдельного индивида, так и общества в целом. Выступая источником личностного роста и самосовершенствования, автокреация неразрывно связана с усиливающейся в обществе идеей о необходимости непрерывного собственного образования¹.

В то же время существуют национальные особенности, способствующие или препятствующие реализации такого образовательного направления выхода из цивилизационного кризиса². Кажется логичным, что коллективистская, изначально нравственно ориентированная ментальность россиян более способствует воплощению гуманитарной образовательной парадигмы, чем западная индивидуалистская ментальность.

Ю. А. Гранин³

РОССИЯ В НОВОМ МИРОВОМ ПОРЯДКЕ. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Динамика мирового порядка во втором десятилетии XXI века демонстрирует движение к многополярному миру, в котором, помимо прежних (евро-атлантических) центров экономической и политической силы, все более значительную роль будут играть новые политические и экономические альянсы, во многие из которых входит и Россия. Некоторые исследователи видят перспективу в создании треугольника «Россия–Индия–Китай» как союза трех полиэтнических и поликонфессиональных цивилизаций, государственных интересов которых не обеспечиваются евро-атлантической версией глобализации. Все три страны выступают за демократизацию международного порядка, укрепление роли ООН, против расширения НАТО и имеют общего противника в лице исламского фундаментализма и экстремизма. Однако в этой триаде, как, впрочем, и в БРИКС, и в ШОС, Россия, к сожалению, в обозримом будущем не будет

лидировать по многим причинам. Обозначу лишь некоторые.

Китай занялся освоением хозяйственных и технологических систем Запада, кардинально не меняя системы социальных и политических ценностей. По мнению некоторых ученых, КНР дает образец развития на основе собственной, а не западной рациональности: «В этой рациональности политический класс и особенно бюрократия — не просто носители функций, а прежде всего патриоты... Рациональное здесь — не декартовское, а конфуцианское»⁴. На это же обстоятельство указывает известный китайский ученый, автор программы «конфуцианского мегапроекта» Ту Вэймин: «Успехи конфуцианской Восточной Азии, которая добилась практически полной модернизации и при этом избежала абсолютной вестернизации, ясно показывают, что модернизация допускает разные культурные формы»⁵.

Китайское руководство, как и китайские ученые, исходят из того, что современная (евро-атлантическая) форма глобализации является объективным процессом. Но подходят они к ней так, чтобы извлечь из нее максимум выгод для страны, ограничив одновременно возможные отрицательные последствия, связанные с данным процессом. Для этого с 2001 по 2010 год Центром исследования модернизации и Группой исследования стратегий модернизации Китая, специалистами, рабо-

¹ Горикова В. В. Непрерывное образование как способ бытия человека. СПб.: Астерион, 2016. 288 с.

² Мельникова А. А. Непрерывное образование от «Силиконовой долины»: выявление культурно-смысловых идей при анализе видеоряда // Непрерывное образование: XXI век. 2015. № 2 (10). С. 80–102.

³ Ведущий научный сотрудник Института философии РАН, заведующий кафедрой истории и философии науки Академии медиаиндустрии, доктор философских наук, профессор. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Глобализация, нации и национализм: история и современность», «Национальные государства в глобализирующемся мире: социально-философский анализ», «Национальное государство. Прошлое. Настоящее. Будущее» и др.; статей: «Национальная идентичность в глобализирующемся мире», «Глобализация: диалектика исторических форм осуществления», «Модернизация России: в колее “зависимого развития”» и др.

⁴ Буров В. Г., Федотова В. Г. Китайский опыт модернизации: теория и практика // Вопросы философии. 2007. № 5. С. 18.

⁵ Ту Вэймин. Разные взгляды на современность: о сущности восточноазиатской модели современности // Век глобализации. 2014. № 1. С. 11.

тающими в Китайской академии наук (директор Центра и руководитель группы — профессор Хэ Чуаньци), были подготовлены 10 ежегодных докладов о модернизации. Каждый из них содержал анализ одного из ключевых аспектов модернизации и одновременно характеристику общего ее состояния в мире и Китае на соответствующий год¹.

Поражает не только огромный объем системной работы, но и объективность исследования: разделив модернизацию на «первичную» и «вторичную», разработав «индексы развития» и проанализировав в соответствии с ними 131 страну, они включили Китай лишь в число «предварительно развитых» стран, которые достигли уровня «среднеразвитых» государств (таких, например, как Россия) лишь к 2040 году. Но, учитывая темпы роста, китайский прагматизм и многолетнюю продуманную внешнюю и внутреннюю политику Китая, эти цифры должны быть скорректированы в сторону значительного уменьшения.

В 2010 году Национальный научный фонд США опубликовал подробную статистическую сводку по глобальной динамике научно-технического развития за 1995–2009 годы: быстрее всего наука развивается в Китае, который уже сравнялся с США по количеству научных работников. С тех пор ситуация не изменилась. В Западной Европе и США продолжается умеренный рост, а в России основные показатели научно-технического развития не растут, а снижаются. Как пишут исследователи, китайские лидеры, признавая необходимость углубления интеграции с международной экономикой, стремились управлять этим процессом по собственным правилам, для того чтобы извлечь максимальную прибыль и до минимума сократить свою уязвимость. В результате такой национально ориентированной позиции в страну хлынул поток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в таком количестве, что теперь Китай по уровню ПИИ занимает второе место после США.

Учитывая почти пятикратное превосходство экономики Китая над экономикой РФ, низкий объем торгового оборота между нашими странами (1,67 % от всей торговли КНР), высокий уровень высшего образования в Китае (в рейтинге 200 университетов стран с развивающейся экономикой Россия находится на 4-м месте, уступая не только Китаю, но Индии — 39 и 16 университетов соответственно против российских 15), огромные (более 3 трлн) золотовалютные резервы КНР, можно утверждать, что уже сейчас структура БРИКС выстраивается вокруг Китая, который станет по сути китайским проектом. А Россия в нем будет занимать положение «младшего брата».

Кроме того, все члены БРИКС, за исключением России, являясь импортерами энергоресурсов, то есть потенциальными рынками сбыта для российского сырья. В результате, как и с Западом, сотрудничество через БРИКС не увеличивает вес страны в мировой политике, а ведет к еще большей сырьевизации экономики и увеличению поставок сырья странам, куда потенциально могла бы быть направлена продук-

ция обрабатывающей промышленности. «Даже инвестиции Нового банка развития БРИКС в Россию будут привлечены на проекты по разведке и добыче углеводородного сырья на шельфе и суше согласно сообщению Минприроды России. Директор департамента Европы и Центральной Азии МИД КНР Гуй Цунью заявил, что освоение нефти и газа на территории России — одно из приоритетных направлений для Китая»².

Но важно другое. В отличие от Китая, разработавшего стратегию модернизации еще 15 лет назад, у нас только в 2010 году была создана Комиссия по модернизации при Президенте РФ. Уже тогда многие заметили, что модернизация истолковывается правительством прежде всего в технологическом ключе. По мнению некоторых когда-то влиятельных аналитиков, провозглашенная политика модернизации в действительности есть не что иное, как «прогрессизм» — инструментальный ответ на геополитические вызовы без четко обозначенной цели, позволяющей власти инициировать политику «чрезвычайщины» и позиционировать себя в качестве «инновационной»³. С тех пор критика правительства со стороны оппозиционных партий только усиливалась, достигнув пика на выборах в Госдуму осенью 2016 года.

Если сбросить со счетов неизбежный в таких случаях популизм, в «сухом остатке» окажется массовое недовольство «либеральным курсом» правительства, его экспертов и консультантов. И основания для этого наблюдения есть. Думаю, большинство из тех, кто принимает финансово-экономические решения, находятся под обаянием либеральных теоретических клише, опирающихся на парадигму одновекторного «линейного прогресса». Помимо неизбежных упрощений, блокирующих доступ исследователей к российским реалиям, эта теоретическая оптика чревата синдромом постоянного реформаторства, основанного на стремлении насильственного уподобления России странам «идеального Запада», опыт которых надо заимствовать.

Но «догнать и перегнать» Запад не получается, так как модель «догоняющего развития», апробированная Россией еще со времен Петра I, не имеет будущего. Необходимо переходить к модели долгосрочного планирования на основе использования собственных цивилизационных особенностей и искоренения пережитков прошлого. В силу экзогенного характера модернизации и ее регулярных срывов в нашей стране продолжают сохраняться элементы социальной архаики: социально-психологические архетипы общественного сознания и поведения, выражающиеся в произволе чиновников, социальной практике чиновных «кормлений», лишении домовладельцев земли, скупке богатыми земель вместе с населяющими их людьми, ставке на силу и привилегии. Вместе с появлением «власти-собственности» (свободной конвертации власти в деньги и собственность и обратно) эти и некоторые другие виды социальной практики, как показывают исследования,

² Кравченко Л. И. Экспансия Китая через институты БРИКС. URL: <http://www.rusrand.ru/actuals/ekspansiya-kitaya-cherz-instituty-briks>

³ Павловский Г. Инновационная власть пытается соблазнить экономику // Русский журнал. 2010. № 46–47. С. 2.

¹ Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / под ред. Хэ Чуаньци, Н. И. Лапина. М.: Весь мир, 2011.

взаимосвязаны и несовместимы с индустриальным характером развития РФ¹.

Следует взглянуть правде в глаза и признать, что огромная по масштабам и сложнейшая по структуре научно-техническая система России, непрерывно создававшаяся на протяжении 300 лет, уже более двух десятилетий остается почти без средств развития и социальной поддержки. И это закономерно в обществе, которое переживает культурный кризис, где сформированное ранее научное мировоззрение и рациональное мышление целенаправленно заменяются СМИ мифами самого разного толка и лженаукой. Итогом стало изменение системы координат массового сознания, в иерархии ценностей которого наука оказалась в самом низу пирамиды. Не случайно протесты ученых против поспешной «реформы» РАН не были поддержаны не только народом, но и вузовскими преподавателями. О политических и иных «элитах» даже не хочется говорить: они утратили навыки понимания сложной структуры и значимости социальных функций науки². Несмотря на то что начиная с нулевых годов Академия наук, разные бизнес-сообщества, многочисленные специалисты пишут программы по индустриализации, деофшоризации, развитию конкурентных несырьевых производств и по многим другим направлениям реформирования «экономики трубы», фактически ничего из предложенного сделано не было. Зато чиновники лихо занялись «оптимизацией» науки и образования — сокращением их финансирования. Если в Китае инвестиции в науку и образование в последние годы растут примерно на 20 % ежегодно, что позволило ему по числу ученых сравняться с США (примерно 1,5 млн человек), то у нас наблюдается отрицательная динамика: в 1995 году в России было около 600 тыс. научных работников, а сейчас осталось лишь около 450 тыс. Согласно прогнозам, в результате бюджетной оптимизации без работы к 2019 году останутся 10,3 тыс. научных сотрудников вузов, РАН и Курчатовского института. В Китае каждый год число ученых возрастает почти на 9 %, а в России неуклонно снижается.

В 2013–2015 годах финансирование науки и образования сократилось с 605,6 до 572,6 млрд, что отразило истинную суть обещаний властей относительно модернизации. С учетом обострения конфронтации с США и Европой, продолжения мирового экономического кризиса, экономических санкций и роста бюджетных расходов на оборону в 2016 году до рекордных 22,3 % (4,4 % ВВП) от всех расходов очередное абсолютное сокращение финансирования науки и образо-

вания очевидно. Кстати, дальновидные правительства поступают ровно наоборот: именно в трудные времена увеличивают вложения в науку, так как уверены, что только она способна найти эффективные способы выхода из кризиса.

Но у нас, как водится, собственный российский путь в будущее, который, как ни странно, контролируется Западом. Спровоцировав государственный переворот на Украине, США и Евросоюз фактически втянули Россию в геополитическое соперничество и гонку вооружений, победить в которых у нас почти нет шансов. В этих условиях задача состоит в том, чтобы, проводя политику просвещенного консерватизма, сделать наше государство «государством развития», избавившись от лишней бюрократии и синдрома постоянного реформирования всего и вся.

Литература

1. *Ань Вэй*. Глобализация и право / Ань Вэй // Вопросы философии. — 2005. — № 2.
2. Глобальные экономические перспективы»: докл. Всемирного банка [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: <https://news.mail.ru/economics/24467586/>
3. *Гранин Ю. Д.* Глобализация: диалектика исторических форм осуществления / Д. Ю. Гранин // Век глобализации. — 2014. — № 1. — С. 90–103.
4. *Гранин Ю. Д.* Национальное государство. Прошлое. Настоящее. Будущее / Д. Ю. Гранин. — СПб.: Экспертные решения, 2014.
5. *Гранин Ю. Д.* Проекты грядущего мирового порядка: между «национальным» и «космополитическим» / Д. Ю. Гранин // Вестник Российской академии наук. — 2012. — Т. 82. — С. 807–813.
6. *Гранин Ю. Д.* Что такое глобализация? / Д. Ю. Гранин // Высшее образование в России. — 2007. — № 10. — С. 116–121.
7. *Гринберг Р. С.* Экономика современной России: состояние, проблемы, перспективы. Общие итоги системной трансформации / Р. С. Гринберг // Век глобализации. — 2015. — № 1. — С. 166–182.
8. *Кравченко Л. И.* Экспансия Китая через институты БРИКС [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://www.rusrand.ru/actuals/ekspansiya-kitaya-cherez-instituty-briks>
9. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / под ред. Хэ Чуаньци, Н. И. Лапина. — М.: Весь мир, 2011.
10. *Рябов А.* Возрождение феодальной «архаики» в современной России: практика и идеи // Рабочие тетради [Working paper]. — М.: Моск. центр Карнеги, 2008. — № 4.
11. *Яковлев А. И.* Страны Востока. Синтез традиционного и современного / А. И. Яковлев. — М.: Восточ. ун-т, 2007.
12. Moody's 2015: Индия покажет самый высокий рост экономики среди G20 [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://www.gigamir.net/money/pub2172021>

¹ *Рябов А.* Возрождение феодальной «архаики» в современной России: практика и идеи // Рабочие тетради. Working paper. М.: Моск. центр Карнеги, 2008. № 4.

² Подробнее см.: *Гранин Ю. Д.* Желтые пятна на мантии российского телевидения // Журналист. Социальные коммуникации. 2014. № 2 (14). С. 72.

П. С. Гуревич¹

МЕТАМОРФОЗЫ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Динамизм современной жизни неотвратимо преобразует смысл многих базовых понятий социальной философии. Мы подчас не замечаем, что привычное слово обретает новые оттенки, нередко сопрягается уже с иным смыслом. Можно ли, к примеру, утверждать, что мы по-прежнему, говоря о цивилизации, имеем в виду то значение, которое придавал ей Н. Я. Данилевский или А. Тойнби? Описывая псевдоморфозы в исторической практике, следуем ли мы логике О. Шпенглера? Что мы подразумеваем сегодня под цивилизационным суицидом?

Характеризуя цивилизацию, социальные мыслители подчеркивали обычно единообразие ценностей и механизмов регуляции социальной практики. Принималась в расчет и та форма духовности, которая определяла принципы социальной консолидации. Однако выдвижение на первый план вопросов экономики в современной реальности, борьбы за свое место в геополитической реальности в значительной мере обесценило уникальность жизненного уклада, ментальности, спиритуальных факторов. На первое место выдвигаются проблемы экономической модернизации. Поэтому речь идет в основном о том, как та или иная страна обеспечивает собственное благоденствие. При этом в европейской цивилизации выделяется не рождение в ней философии и науки, не появление аристотелевской логики, а процесс модернизации. Ведь в начале XV века Европа в сравнении с Востоком была медвежьим углом. Она не выдерживала сравнения ни с Китаем, ни с Ближним Востоком.

Угрозой для развития цивилизации, как показывает история, оказывается изоляция. Автономность культур, на которой настаивали Н. Я. Данилевский и О. Шпенглер, теперь оценивается как предельно опасная. В XVII веке эта хозяйственная замкнутость вывела из успешного цивилизационного состязания Китай и Японию. Какой из факторов оказывается наиболее эффективным для экономического динамизма? В этом контексте веберовские размышления о протестантизме все чаще вызывают скептические оценки. А, допустим, Земская реформа Александра II, которая расширила участие населения в самоуправлении, толкуется как безоговорочный фактор социального динамизма. Она обеспечила развитие капитализма в России.

Слово «цивилизация» как будто сохранило свой основной смысл. Ведь это понятие многозначно, и социальные мыслители вынуждены считаться с этим. Мож-

но назвать три основных значения этого слова. Сначала оно имело то интеллектуальное содержание, на которое указали просветители XVIII века. Так обозначалось общество, которое развито в культурном отношении, основано на государственно-правовых, разумных и справедливых началах. Такой тип социума противопоставлялся патриархальным, родоплеменным отношениям других народов, в основном древних, которые жили на землях, открытых европейцами в XVI–XVIII веках.

В XIX веке это слово сохранило свое первоначальное значение, хотя и приобрело дополнительный смысл. Как известно, американский этнограф Л. Г. Морган в книге «Древнее общество» попытался создать некую периодизацию древней человеческой истории². А цивилизацию он считал третьей, завершающей стадией развития общества. Первая называлась дикостью, вторая — варварством. И, наконец, со второй половины XIX столетия слово «цивилизация» стало использоваться во множественном числе. Им начали обозначать региональные и локальные типы культурных сообществ.

В итоге цивилизация как понятие стала утрачивать свою масштабность. Речь идет, разумеется, прежде всего о крупных исторических общностях. Но одновременно возникает угроза утраты укладов, имеющих несомненную ценность.

Так обстоит дело, если руководствоваться формально-культурологическим значением слова «цивилизация». Но как раз в содержательном смысле многое изменилось. Разве кто-нибудь разделяет сегодня просветительское представление о том, что древние племена были дикарями, едва покинувшими животное царство? Изучая давнее общество, современные исследователи пришли к выводу, что многие стороны социальной жизни были организованы в нем гораздо целесообразнее и даже цивилизованнее, чем в современном социуме.

Скажем, современное общество страдает от избыточности производства и потребления. Мы расточительно относимся к недрам и богатствам земли, производим товаров больше, чем необходимо, не скупимся на военные расходы. Эта растратность вызывает серьезные опасения у экспертов. Между тем в архаическом обществе производство было подчинено производительным разрушениям. Может быть, это и есть показатель неразвитости, нецивилизованности? Или, напротив, признак огромного духовного опыта, который подсказывал племенам, как избежать ловушки нерационального прогресса³?

Жорж Батай обращается к анализу ряда экономических укладов, подчеркивая последовательное унич-

² Морган Л. Г. Древнее общество: исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации / пер. с англ. под ред. М. О. Косвена. 4-е изд. М. : URSS : Ленанд, 2016.

³ Батай Ж. Проклятая часть. Сакральная социология / сост. С. Н. Зенкин. М. : ЛАДОМИР, 2006.

¹ Главный научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор. Автор более 700 научных публикаций и учебных пособий, в т. ч.: «Основы философии», «Философия культуры» (в соавт.), «Философская интерпретация человека», «Философское толкование человека», «Расколотовость человеческого бытия», «Культурология в системе современного гуманитарного знания», «Размежевания и тенденции современной философской антропологии» (в соавт.), «Грани человеческого бытия» (в соавт.) и др. Академик РАЕН, вице-президент Академии гуманитарных исследований. Почетный профессор Калифорнийского университета. Награжден медалью Института философии РАН «За вклад в развитие философии».

тожение «излишков». Но он также имеет в виду и капитализацию переизбытка, включение в новый оборот полезного применения. К первому типу он относит жертвенные цивилизации мексиканских ацтеков, захватническую организацию раннего ислама, монашество Тибета. Ко второму типу — новоевропейский капитализм. Современные французские философы не усматривают в древних обычаях ни парадокса, ни абсурда. Скажем, Ж. Батай пишет о том, что человечество производственной эпохи, то есть пребывающее, как мы считаем, в стадии высшей цивилизованности, кажется более отсталым в этом отношении от давних будто бы варварских традиций. Вычерпать все ресурсы из земли, выбросить на продажу массу ненужных вещей, распространить национальную идеологию непомерно растущих потребностей и ожиданий — разве это не дикость? Создав материальное довольство, современное общество утратило, как писал Батай, нечто драгоценное — сокровенность. Оно, по его словам, пытается вернуть эту сокровенность, но уже не может. Сделавшись индивидом, приравненным к автономной вещи, человек предельно отделился от самого себя.

В XX веке путешествия в экзотические страны, попытки понять другие миры породили сложные философские проблемы. Действительно ли другие цивилизации чужеродны? Еще точнее, как разгадать эту чужеродность? В практике древних обществ обнаружены ценные идеи и достижения, которые в значительной мере наносят удар европоцентризму.

Мы говорим лишь о том, что европейское представление о цивилизованности претерпело существенные изменения. Да, человечество вошло в русло глобализации. Это очевидный факт. Востоковеды говорят: любой центризм — не что иное, как система, в которой центр неопознаваем. Он выведен за пределы обозрения. Чтобы разглядеть суть любой системы, ее направленность, надо сойти с этой точки. Но о чем бы ни толковали европоцентристы, они остаются в этой центристской точке. Действительно, в известном смысле мало что изменилось со времен Гегеля. Образ Востока используется только для того, чтобы проиллюстрировать идею самоутверждения и самоизоляции. Философы, к примеру, догадывались, что после появления христианства язычество не исчезло, а нередко оказывалось оборотной стороной христианства. Но осознание этой «смеси» и воспринималось как некое открытие, как новое слово о христианстве. Сегодня об этом пишет С. А. Королев, рассматривая христианизацию Руси как центральный момент самой первой российской псевдоморфозы и показывая, что православие — это оболочка, в которой веками выживало и развивалось множество самых разнородных компонентов дохристианской, автохтонной культуры¹.

Итак, можно говорить о том, что понятие цивилизации сегодня претерпело содержательное преобразование. После того как в гуманитарном сознании возникли науки о культуре — социальная антропология, культурная антропология, — представление о цивилизации ра-

дикально изменилось. Неслучайно многие исследователи, представляя локальные культуры, говорят именно об особом укладе жизни и необычном духовном опыте. Рождается новая исследовательская ситуация. С одной стороны, мы называем цивилизациями крупные социальные образования, ареал и итог распространения конкретной мировой этической религии и сопряженной с ней культуры. А с другой стороны, столкнувшись с непривычным для нас образом мышления и жизни, мы готовы присвоить ему название цивилизации. Более того, даже отдельные периоды европейской истории, скажем Средневековье, рассматриваются историками как необычный цивилизационный уклад.

В современных исследованиях то и дело обнаруживается убеждение, что доминирующие цивилизации, опираясь на гордыню своей исключительности, подмяли под себя или просто истребили другие, не слишком прозрачные для них жизненные уклады. Вполне возможно, что даже не разгадали смысла того бытия, которое не совпадало с уже привычным и укоренившимся бытованием. Неслучайно же сегодня говорят о доминирующих и локальных цивилизациях. Эксперты называют разное число цивилизаций, которые имеют право на это наименование. И это, разумеется, свидетельствует о том, что само понятие цивилизации подвижно и за последнее время обрело новые содержательные смыслы.

Английский историк Арнольд Тойнби, очевидно, «виноват» в том, что ввел понятие локальных цивилизаций. Он начинал свое исследование с тезиса о том, что истинной областью исторического анализа должны быть общества, имеющие как во времени, так и в пространстве большую протяженность, чем национальные государства. Тойнби, как известно, рассматривал 23 развившиеся цивилизации: западную, две православные (русскую и византийскую), иранскую, арабскую, индийскую, две дальневосточных, античную, сирийскую, цивилизацию Инда, китайскую, минойскую, шумерскую, хеттскую, вавилонскую, андскую, мексиканскую, юкатанскую, майя, египетскую и др.; четыре остановившиеся в своем развитии (эскимосскую, номадическую, оттоманскую и спартанскую) и пять мертворожденных.

Невозможно отвлечься от того, что признаки, по которым обозначается та или иная локальная цивилизация, не являются неизменными. Поэтому сегодня общее число цивилизаций остается более или менее произвольным. Приходится, в частности, учитывать тот факт, что отдельные цивилизации уже исчезли. Но действительно ли эти социальные общности были самостоятельными цивилизациями? Данилевский считал, что у европейской цивилизации уже остался позади период «плодоношения». И в целом надо говорить не «культура», а «культуры», не «цивилизация», а «цивилизации». Освальд Шпенглер возвестил конец западной цивилизации в целом. Причем именно западной, а не только европейской. Русские переводчики допустили здесь вольность, устранив из «диагноза» Соединенные Штаты Америки. Американские исследователи были даже готовы к обозначению особой цивилизации в Новом Свете. Однако биржевой крах 1929 года и угроза вымирания «белого человека» по-

¹ Королев С. А. Псевдоморфоза как тип развития: случай России // Философия и культура. 2009. № 6 (18). С. 37–45.

казали, что речь у Шпенглера идет не только о Европе. Эту «оплошность» русских переводчиков «исправил» видный американский консерватор Патрик Бьюкенен, предложив иное название своей книги «Смерть Запада». Но здесь невозможно обойти некий парадокс. Закат, как говорится, закатом, а евро-атлантическая цивилизация распространяет свое влияние на все регионы Земли. Как совместить этот современный расклад с выводами проницательных мыслителей двух минувших столетий?

Мы знаем сегодня, что не только европейская культура, но и вся западная цивилизация, обретшая планетарные формы (ее обычно называют техногенной, то есть порожденной техническими достижениями европейцев), приближается к собственным пределам. У этой цивилизации, рожденной фаустовским духом, нет будущего. На смену ей должна прийти цивилизация антропогенная, то есть «скроенная по меркам» человека, а не машины. Однако никто не знает, как выцветший дух европейской культуры может явить чудо преображения...

Нуждается в корректировке известное положение о том, что цивилизация есть агония культуры. По мнению русского философа Н. А. Бердяева, любая цивилизация означает апофеоз общего, повторяющегося однообразия, превалирования материального над идеальным, методов и орудий — над духом и душой, стандарта — над оригинальностью и неповторимостью. Вновь и вновь сегодня возникают вопросы: «Всегда ли культура сохраняет свой потенциал? Не увядает ли она? От чего мощный взлет духа сменяется порой духовным и художественным спадом?» Эти вопросы всегда интересовали исследователей культуры. Наблюдая за судьбой отдельных культур, они видели, что процесс наращивания новых ценностей в культуре не продолжается вечно. Наступают какие-то длительные паузы, а иногда культура словно окостеневает и уже не дает больше плодотворных всходов. Тогда мы имеем возможность говорить о цивилизации.

Цивилизации, как и культуры, развиваются через стадии разломов и кризисов. Причем цивилизация в условиях собственной подорванности может обрести неожиданную помощь. Она способна позаимствовать черты иной цивилизации и адаптировать их. Рим вошел в стадию перелома, угасания. Но христианство, возникшее в недрах Античности, придало этой угасающей цивилизации новое дыхание. То же самое случилось, судя по всему, и с современным Китаем. Отгородившись от всего мира, эта страна утратила динамизм. Теперь же она получила прививку от европейской цивилизации и добилась неожиданных, впечатляющих успехов.

Пожалуй, ни в одной сфере социальной философии нет стольких непроясненных вопросов, как в теории цивилизации. Мы легко пользуемся такими понятиями, как «варварство», «культура», «цивилизованность», «конфликт цивилизаций». Однако в толковании проблем, связанных с этими словами, господствует концептуальный разброс, исключающий согласованность смысла. Все говорят о варварстве. Но что подразумевается под этим феноменом? То, что складывалось до ци-

вилизации и ей противостоит. Современному человеку непонятны древние обычаи, их предназначенность и слитность с общим культурным укладом.

Еще парадокс: если цивилизация — это путь к очеловечиванию людского рода, то почему на Земле множество цивилизаций? Что заставляет каждую цивилизацию цивилизоваться по-своему? Каковы критерии этой цивилизованности? Можно ли считать цивилизацию всеобщим способом человеческого бытования? Многие исследователи убеждены в том, что исторический процесс завершится, когда все народы вольются в единое цивилизационное русло. Но кому поручена миссия такой консолидации? Сегодня таким дирижером признана евроатлантическая цивилизация. Но кто вручил ей верительные грамоты? Европоцентристы утверждают: на Западе возникли наука и философия, развились мощные производительные силы, накоплено очевидное могущество. Наконец, европейский уклад жизни оказался привлекательным для других народов и цивилизаций.

Между тем А. Тойнби считал, что представление о единстве цивилизации является «ложной концепцией, возникшей в головах историков под сильным влиянием социальной среды». Он отвергал тезис «об унификации на базе западной экономической системы как закономерном итоге единого и непрерывного развития человеческой истории», писал, что это приводит к грубейшим искажениям фактов и поразительному сужению исторического кругозора. Однако процесс наращивания технической мощи уже давно перестал быть привилегией Запада. Восточные цивилизации в процессе глобализации наращивают экономическое могущество, не утрачивая при этом основ своей духовности. Концепция европоцентризма трещит по всем швам. Все чаще представители других цивилизаций говорят о том, что вестернизация — это инфекция, поразившая восточный дух.

Ориентализм, как европейская трактовка Востока, получает негативную оценку. Речь идет о том, что европейцы дают искаженное представление о культурах этих цивилизаций. Ориентализму противостоит оксидентализм, который отвергает европейские цивилизационные стереотипы. Так, к примеру, египетский культурфилософ Хасан Ханафи уже несколько десятилетий разрабатывает новую социальную науку, которая призвана описать то, что происходит на Западе, через восточную оптику. Раньше лишь Европа имела привилегию изучать Восток. Но теперь Восток может внимательно и через собственную призму толковать то, что происходит на Западе. Преклонение перед Западом сменилось на аналитический разбор «достижений» и «неудач» европейской цивилизации. Естественно, возникает вопрос и о претензиях Востока на мировое лидерство.

Понятно, что модернистский проект связан с маршrutом, проложенным Западом. Однако глобализму противостоит уверенно заявляющий о себе изоляционистский национализм, связанный с религиозным фундаментализмом. Провозглашается предельная канонизация духовного наследия, объявляется абсолютная сакральность религиозных верований. Призывы

к возрожденной спиритуальности направлены против секулярного, обезбоженного Запада. В результате этих идейных движений всякая модернизация предполагает сохранение, а не утрату культурной идентичности.

В этих условиях европоцентризм пытается закрепиться на своем последнем бастионе. Запад считает критерием своего верховенства достижения в области научной и правовой сферы. Он отстаивает дух рациональности, которая не нуждается в религиозном признании. «Наука и право — вот реальный вклад Запада в мировое развитие, которым не может пренебречь ни одна цивилизация. Создав современную науку и технику, а также светские формы жизни, базирующиеся на формально-правовых началах, он усмотрел в них единственно приемлемый для человечества способ его интеграции. Именно Запад поставил вопрос об общемировой динамике исторического процесса, имеющей своим итогом появление универсальной цивилизации»¹.

Нет оснований оспаривать эти достижения европейской цивилизации. Но действительно ли они универсальны? Современные исследования свидетельствуют о том, что на Востоке вызревали иные представления о рациональности и разумности. Человеческий разум — неоспоримое достояние человечества — подвергается в наши дни суровой феноменологической проверке. Многие исследователи про-

должают размышлять об удивительной человеческой способности постигать сущность вещей, улавливать смыслы, создавать рациональную картину мира. До сих пор разум считался достоянием только человека. Но за последние годы все чаще стали говорить о многообразии самой разумности. В частности, историки, изучая конкретные эпохи и культуры, пришли сначала к выводу о разных ментальных навыках, присущих народам. Однако при этом никто не оспаривал непреложность и единство разума как уникального достояния людей. Теперь же толкуют о том, что европейцу вообще трудно понять разумность, скажем, японцев. Это не просто другой менталитет, но даже источник умственных операций иной, не тот, что вызвал к жизни европейскую цивилизацию. Нельзя считать универсальной также европейскую либеральную концепцию правового общества. Государственный деспотизм на Востоке не рассматривается как варварский. Он органично совмещается, к примеру, с идеями кастовости, реинкарнации, успешности общественного развития. Присущие Западу пренебрежение традициями, утрату религиозности и господство светскости, европейский экспансионизм, напротив, на Востоке считают варварством.

Нет сомнений в том, что в наши дни экономическая и политическая унификация идет по лекалам европейской цивилизации. Но как долго будет продолжаться этот процесс?

В. Ю. Дунаев²

КОНФЛИКТОЛОГИЯ СТАНОВЛЕНИЯ НОВОГО ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО МИРОПОРЯДКА

Основная идея книги С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций» формулируется автором в следующем положении: «В мире после холодной войны культура и различные виды культурной идентификации (которые на самом широком уровне являются идентификацией цивилизации) определяют модели сплоченности, дезинтеграции и конфликта»³. В этой идее фиксируются онтологический статус и эпистемологическая релевантность теории конфликта как общей теории становления нового цивилизационного миропорядка.

¹ Межуев В. М. История как философская проблема (чего не знают и не могут историки) // Перспективы. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=309122> (дата обращения: 27.02.2017).

² Главный научный сотрудник отдела политологии Института философии, политологии и религиоведения (Алматы, Республика Казахстан), доктор философских наук, профессор. Автор около 170 научных публикаций, в т. ч. индивидуальных и коллективных монографий: «Общение и личность», «Общечеловеческие и национальные ценности в изменяющемся обществе», «Онтологические основания социогуманитарной рефлексии», «Логическая структура и экзистенциальный смысл философской онтологии» (в соавт.), «Философия в контексте глобализации», «Казахстан в глобальном мире: вызовы и сохранение идентичности», «Социокультурное развитие Казахстана в условиях виртуализации информационно-коммуникативных практик» (в соавт.), «Философия познания: век XXI» (в соавт.) и др.

³ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. С. 15.

В структурной модели конфликта устойчивость системы определяется когерентностью коллективного поведения, основанного на распределении положительных и отрицательных обратных связей между элементами. Система является устойчивой и бесконфликтной, если все ее элементы находятся в отношении позитивно-синергетического взаимодействия. Система является конфликтной, но устойчивой, если множество всех составляющих ее элементов можно разделить на два подмножества, где каждая позитивная линия соединяет элементы из одного и того же подмножества, а каждая негативная — элементы из разных подмножеств. Примером устойчивой системы, основанной на биполярном антагонизме, является вендетта⁴. Система является конфликтной и неустойчивой, если структурно-функциональная сеть позитивных и негативных отношений не сбалансирована. Примером такого типа конфликтности являются чрезвычайно запутанные взаимоотношения противоборствующих сторон, группировок и коалиций в сирийском конфликте.

В структурной модели конфликта учитывается разная степень интенсивности негативных и позитивных

⁴ В общей теории конфликта В. А. Светлова отношения биполярного антагонизма коалиций вообще отнесены к моделям структурно бесконфликтных отношений.

отношений между элементами системы. Тем самым появляется возможность строить модели конфликтов с учетом взаимодействия разных коалиций, многих полюсов и т. д. Исходным понятием при анализе процессов поляризации мировой системы является «базисный конфликт» и основные способы его разрешения: возникновение однополярного синергизма, биполярного антагонизма, ряда независимых друг от друга полюсов.

С учетом правил, формулируемых в структурной модели конфликта В. А. Светлова¹, процессы поляризации мировой системы получают следующую интерпретацию: 1) бесконфликтная система может иметь любое число элементов, но только один или два полюса; 2) отсутствие поляризации системы — необходимый и достаточный признак ее конфликтного состояния; 3) любая синергетическая или антагонистическая система может без противоречия сосуществовать с любым количеством независимых полюсов; 4) элементы синергетической системы одновременно либо все прогрессируют, либо все регрессируют; 5) в антагонистических системах прогресс одних элементов происходит за счет регресса других.

Представляется само собой разумеющимся, что после окончания блокового противостояния мировая система должна трансформироваться либо в многополярную, либо в однополярную. Существуют разные сценарии образования однополярного мира. Согласно одному из них, в настоящее время мир переживает период цивилизационного кризиса, основой которого являются уход с исторической сцены индустриальной цивилизации и становление постиндустриальной цивилизации как монополии Запада. Однако в рамках глобальной цивилизации сохраняются базовые культурно-цивилизационные различия.

Согласно другому сценарию, в настоящее время существует только одна западная цивилизация, поглотившая остальные и преобразующая мир по своему образу и подобию.

Обе эти модели отводят регионам не-Запада роль варварской периферии или колоний «первого мира», о чем как о фатальной неизбежности перехода «расколотовой цивилизации» к «монополюсной» уже давно пишет, например, В. Л. Иноземцев. При этом, по его мнению, неизбежность монополюсного мира следует расценивать как становление «справедливого, если не идеального, мирового порядка»², как объективно обусловленный результат процесса перехода к постэкономической эпохе для стран «золотого миллиарда» и к эпохе «обновленного колониализма» для аутсайдеров глобализации. К счастью, обрисованная В. Л. Иноземцевым апартеидная модель постиндустриализма не является ни единственной, ни фатально предписанной миру.

Ряд социальных теоретиков рассматривает возможность сохранения на долгосрочную перспективу состояния многообразия цивилизаций, причем лидирующая роль, или роль носителя *нового цивилизацион-*

ного качества (Н. Н. Моисеев), может при определенных условиях перейти к цивилизациям Востока.

Существует и более радикальная оценка современного состояния и судеб цивилизации. А. А. Зиновьев утверждает, что цивилизации со второй половины XX века сходят со сцены всемирной истории, начинают поглощаться социальными гигантами более высокого уровня организации, структурными элементами глобального сверхобщества.

С. Хантингтон считает, что многополярная, многоцентренная парадигма дает более реалистическую картину глобальной политики, чем одно- или двухполюсные концептуальные схемы. Эта картина самим С. Хантингтоном представлена в виде схемы глобальной политики современных цивилизаций, основанной на модальности их взаимоотношений: союзов и антагонизмов³. В связи с данной схемой возникает ряд вопросов.

1. В классификации С. Хантингтона отсутствует *fundamentum divisionis* (единое основание деления). Цивилизации маркируются и по конфессиональным (исламская, православная, индуистская), и по этническим (русская, японская), и по географическим признакам — в том числе и по странам (Китай, Индия, Япония), и по континентам (африканская, латиноамериканская). Такая цивилизация, как Запад, вообще является единственным членом класса, который она сама и образует⁴.

2. В тексте С. Хантингтона постоянно встречаются фразы типа: «Христианские, православные, буддистские и индуистские правительства...»⁵ То есть православие перечисляется наряду с христианством — все равно как если бы в классификации наук мы указали: естественные науки и физика.

3. На схеме С. Хантингтона отношения *Запад–православие* обозначены как менее конфликтные. Между тем общеизвестно, что практически в любом конфликте с участием России Запад поддерживает любую сторону, выступающую против нее. И дело здесь даже не в геополитических интересах (они могут в отдельных ситуациях и совпадать), а именно в стремлении демонтировать альтернативную Западу цивилизацию. Об этом откровенно пишет сам же С. Хантингтон: политико-идеологический конфликт либерализма и марксизма был конфликтом двух светских идеологий, порожденных в лоне единой — западной — культуры. Но «...когда русские перестали вести себя как марксисты и стали вести себя как русские, разрыв между ними и Западом увеличился... Западный демократ мог вести интеллектуальные споры с советским марксистом. А вот сделать это с русским православным националистом для него будет невозможно»⁶. Таким образом, кон-

³ Хантингтон С. Указ. соч. С. 395.

⁴ П. Сорокин считал врожденным пороком всех культурно-цивилизационных теорий то, что выделение ими цивилизаций из огромного массива других культурных комплексов осуществляется на базе всегда различных, иногда случайных, почти всегда смутных, а подчас и вовсе не определенных критериев. Вместе с тем в модели глобальной сети взаимоотношений цивилизаций должна быть так или иначе воспроизведена гетерономность инклюзивных оснований морфологии локальных культурно-цивилизационных синтезов.

⁵ Хантингтон С. Указ. соч. С. 273.

⁶ Там же. С. 216.

¹ Светлов В. А. Конфликт: модели, решения, менеджмент. СПб.: Питер, 2005.

² Иноземцев В. Л. Расколотовая цивилизация. М.: Academia-Наука, 1999. С. 592.

фликт западной и православной (русской) цивилизаций разворачивается в семантически не-совозможных мирах, что делает этот конфликт либо *структурно неразрешимым*, либо *онтологически невозможным*.

Конфликт как онтологическая структура ситуации создается ее семантической структурой или смыслом, который вносится в ситуацию ее участниками. При этом циркулярная природа конфликтов как автокаталитического процесса такова, что она генерирует объяснительные схемы и язык интерпретации, становящиеся причиной и формой существования этих конфликтов. Иными словами, конфликт существует в форме конфликта его интерпретаций. Описание конфликта цивилизаций в терминах конфликта западного демократа и русского православного националиста является эквивалентом смысловой диспозиции из повести Гоголя: «Иван Иванович несколько боязливой характера. У Ивана Никифоровича, напротив того, шаровары в таких широких складках, что...» Если нет некоей общности между конфликтующими сторонами, то невозможен и сам конфликт: «Так, не существует конфликта между немецкими домохозяйками и перуанскими шахматистами»¹.

Возникновение многополярного мира признается С. Хантингтоном наиболее вероятным и желательным исходом, причем соответствующим демократическим принципам. Но можно с полной определенностью утверждать, что мировая система цивилизаций не может быть многополярной в общепринятом в политическом лексиконе смысле этого термина. С точки зрения системной теории конфликтов деление мировой системы на множество независимых полюсов — возможное, но предельно неустойчивое состояние.

Современный мир не является ни однополярным, ни многополярным, ни биполярным, совмещая в себе все эти модели. То есть, согласно правилу 2, его организация является конфликтной (ситуацией «страте-

гической нестабильности», по определению А. С. Панарина). Поляризация этого хаотического пространства «всеобщей и недифференцированной анархии» (С. Хантингтон) должна привести к одному из двух сбалансированных состояний: к однополярному позитивно-синергетическому, гармоничному миру, объединенному «мягкой гегемонией» Запада, либо к новому варианту биполярности, интегрированному с полицивилизационной парадигмой: «...принципиальное различие эта парадигма проводит между Западом как доминирующей до сих пор цивилизацией и всеми остальными, которые, однако, имеют между собой мало общего (если имеют что-либо общее вообще)»².

Отметим, что полицивилизационная парадигма может определять, согласно правилу 3, как синергетические, так и антагонистические модели разрешения конфликта. В данном случае подразумевается, естественно, антагонистическая модель, в отношении которой действует правило 5. Поэтому достижение международной системой сбалансированного состояния будет означать дальнейшую эскалацию противостояния полюсов нового мирового порядка.

Конфликтологический анализ концепции С. Хантингтона позволяет сделать ряд выводов: 1) глобализация наряду с принципом суверенитета национальных государств демонтирует и принцип культурно-цивилизационной стратификации социального мира; 2) столкновение цивилизаций — превращенная, иррациональная форма конфликтующих структур становления нового мирового порядка и их теоретико-идеологических моделей; 3) конфликтная парадигма не является единственно возможной моделью анализа современного цивилизационного кризиса. Более того, отход от конфликтной парадигмы становится необходимым условием преодоления этого кризиса на пути действительно радикальных преобразований глобальной цивилизации.

¹ Дарендорф Р. Тропы из утопии. М.: Праксис, 2002. С. 369.

² Хантингтон С. Указ. соч. С. 40.

Т. И. Ерохина¹**ПОГРАНИЧНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ:
КРИЗИС И/ИЛИ ДИСКУРС²**

Осмысление кризиса цивилизации в современном гуманитарном знании стало почти “*locus communis*” философских, социологических, культурологических, исторических, экономических, политических дискуссий. Вместе с тем это понятие остается не только остроактуальным и онтологически значимым для современных исследований, но и многозначным, многовекторным, не имеющим четких критериев анализа и устоявшейся трактовки. Подобная ситуация обусловлена тем, что осмысление дефиниции «цивилизация» в философии и истории изначально было связано с понятием кризиса (будь то труды Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, С. Хантингтона), и дискурс «кризиса» наиболее очевиден при обращении к истории и специфике развития российской цивилизации. Современная ситуация мировой глобализации не снимает проблему кризиса цивилизации, напротив, делает ее еще более острой и дискуссионной, о чем свидетельствуют статьи П. С. Гуревича, А. А. Гусейнова, В. С. Степина, Н. А. Хренова и др.

В этом контексте кризис российской цивилизации все чаще рассматривается через призму идентичности или множества идентичностей. Отметим, что, принимая возможность существования и верификации различных определений идентичности, мы обратимся к трактовке идентичности, включающей, помимо тождественности и целостности, единства и синтеза, социальности и коллективности, индивидуальности, особенно значимую в контексте осмысления личности. Идентичность, таким образом, «предстает <...> как набор интериоризованных представлений, идей, черт, норм и форм поведения, изменяющихся под давлением среды, этнических лидеров и творческих личностей в русле заданной культуры»³. Кроме того, обозначим тип идентичности, который становится предметом нашего осмысления: это цивилизационная идентичность. Обращение к цивилизационной идентичности обусловлено не умалением роли этнической, конфессиональ-

ной, политической, правовой, социальной и других идентичностей. Напротив, именно цивилизационная идентичность становится своего рода синтезом указанных выше идентичностей, поскольку предполагает интеграцию и взаимодействие этноса, религии, политики, права, социума и др. Для нас близким становится определение, предложенное И. В. Кондаковым, который обозначает российскую идентичность именно как цивилизационную, то есть более широкую, чем этнонациональная, социально-политическая, конфессиональная⁴.

Вопрос о формировании цивилизационной идентичности в контексте социокультурной ситуации, сложившейся в современной России, остается открытым и болезненным. Цивилизационная идентификация как осознанное принятие традиций, норм, ценностей и самоидентификация как процесс (и в некотором смысле результат) самоопределения и формирования личности особо значимы в периоды рубежных эпох, которые характеризуются ощущением «переходности» момента, нестабильности, кризиса, сдвигами в сознании и самосознании культуры, народа, общества и лежат в основе процессов социализации и инкультурации личности.

В этом контексте пограничность как основание российской идентичности в том или ином ракурсе неоднократно становилась предметом исследования. О территориально-культурной пограничности писал Н. Бердяев, отмечая, что «русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский народ. Россия есть целая часть света, огромный Востоко-Запад, она соединяет два мира. И всегда в русской душе боролись два начала, восточное и западное»⁵. Пограничность российской цивилизации (как и во многом аналогичное межцивилизационное положение Византии) в качестве социокультурного механизма «взаимоупора» (силового баланса сдержек и противовесов во взаимодействии разнонаправленных тенденций культурно-исторического и цивилизационного развития) обозначал С. С. Аверинцев, определяя «взаимоупор» как «сбалансированное противоборство противоположностей»⁶. Бинарный характер русской культуры был предметом исследований Ю. М. Лотмана, И. В. Кондакова. Последний выделял также основные компоненты цивилизационной идентичности: «менталитет цивилизации, ее локалитет и глобалитет, образующие в своей совокупности триаду»⁷.

⁴ Кондаков И. В. Цивилизационная идентичность России: сущность, структура и механизмы // Вопросы социальной теории. 2010. Т. IV. URL: <http://iphras.ru/uplfile/root/biblio/vst/2010/14.pdf>

⁵ Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре: философы русского постлеоктябрьского зарубежья. М.: Наука, 1990. С. 44.

⁶ Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Наука, 1977. С. 239.

⁷ Кондаков И. В. Указ. соч.

¹ Проректор по учебной работе Ярославского государственного театрального института, заведующая кафедрой культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, доктор культурологии, профессор. Автор более 140 научных и учебно-методических публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Личность и текст в культуре русского символизма», «Коды массовой культуры» (в соавт.), «Российский дискурс массовой культуры: эстетические практики и художественный образ» (в соавт.), «Культурфилософское обоснование трансформации российского опыта в контексте взаимодействия глобального и локального» (в соавт.), «Массовая культура: российский дискурс» (в соавт.), статей «Серебряный век как код массовой культуры», «Формы и перспективы взаимодействия в культуросообразной научно-образовательной среде», «Гендерные архетипы Серебряного века в массовой культуре» и др. Член Союза театральных деятелей России. Награждена Почетной грамотой Министерства образования и науки РФ.

² Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 15-03-00655 «Пограничность как философско-эстетический модус русской культуры».

³ Губолго М. Н. Идентификация идентичности: этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003. С. 29.

Пограничность российской цивилизации традиционно рассматривается исследователями в контексте историко-культурного и территориального факторов, к которым относятся: нахождение России на границе Востока и Запада, Азии и Европы; осмысление исторического развития России через кризисы цивилизационной идентичности (монголо-татарское нашествие, Петровские реформы). Именно эти факторы, по мнению ряда исследователей, лежат в основе формирования менталитета как одного из компонентов цивилизационной идентичности, базовые характеристики которого во многом совпадают с базовыми ценностями русской культуры и достаточно устойчиво и с определенной периодичностью воспроизводятся в истории России. К таким ценностям относятся: странничество, постоянный поиск идентичности; бинарный (в том числе и пограничный) характер существования и развития; мессианизм (предполагающий отсутствие границ), «отрицание принципа иерархии; отношение к власти и законам как внешнему чуждому элементу; установка на восприятие руководителя государства как защитника народа, противопоставление его бюрократическим структурам» и др.¹ Не комментируя содержание и аутентичность указанных ценностей русскому менталитету, отметим, что фактически все они могут быть рассмотрены в аспекте пограничности, начиная с тяготения к коллективизму (соборности) и индивидуализму, отрицания власти и установки на идеализацию власти.

Современные исследователи чаще всего определяют пограничность российской идентичности через дефиниции «кризисность» («...образ страны, с которой люди себя идентифицировали, потерял четкие очертания не только с точки зрения территориальных рамок, но и представлений об объединяющих смыслах, ценностях, структурах власти и социальных отношений»²); «нелинейность» («...формирование российской идентичности не является линейным процессом <...>. Оно осуществляется в сложном противоречивом контексте культурно-цивилизационных взаимодействий, динамичных социально-экономических преобразований, распада многонационального государства и обусловленной им необходимости привыкания к новым границам и территориальным очертаниям, обновленной идеологической системе координат и деформировавшемуся образу “мы”, встраивания в новую систему отношений, освоения новых социальных смыслов и значений, переосмысления этнического состава населения, политического устройства, рождающихся и обмирающих ценностей, изменяющейся структуры общества»³); «множественность», понимаемую в постмодернистском проекте как отсутствие одной идентичности («Рассматривая человека как постоянно трансформирующееся существо, отрицающая на-

личие в его менталитете устойчивых опорных основ, постмодернистский подход отрицает возможность наличия единой идентичности»⁴).

Обобщая эти и другие вариации трактовки пограничности как основания российской идентичности, добавим к признакам пограничности те понятия, которые характеризуются наличием «границ» и лежат в основе выделения бинарных оппозиций (границы территориальные, временные, культурные, своего/чужого, языковые и т. д.), а также понятия, в основу которых положено понимание «по-граничности» (амбивалентности, рубежности), подразумевающее не столько противопоставление, сколько осознание взаимосвязи, общности, нераздельности (толерантность, синкретизм, маргинальность).

Согласимся в целом с позицией Ю. Чернявской, которая анализирует мифологическую природу этнической идентичности, отмечая, что ментальность (менталитет), как один из компонентов идентичности, — это тоже «пограничная» дефиниция, поскольку имеет размытые, неочерченные границы и включает уровни, типы ментальности и т. д. Чернявская обращает внимание на то, что пограничность свойственна не только российской идентичности. Так, признаком пограничности идентичности становится декларация «особого пути» страны, мессианской роли в истории человечества, и зачастую подобная пограничность происходит «от “серединного” географического, а значит, и культурного положения страны. Следствие этого — популярный тезис, что данный этнос является “золотым мостом” между Западом и Востоком, посредником между цивилизациями. Дополнительная проблема в состоит в том, что подобных “мостов” десятки: Россия, Белоруссия, Украина, Казахстан, Узбекистан, Азербайджан, Турция и т. д.»⁵. Вместе с тем, на наш взгляд, утверждение автора, что дискурс пограничности используется, как правило, в двух ситуациях: чтобы объяснить незавидное положение в настоящем (обусловить потери) или подтвердить уникальность собственной культуры, оценивается нами не столь однозначно, поскольку тяготеет к выстраиванию бинарной оппозиции, в то время как сама структура дефиниции «пограничность» тяготеет к тернарности и снятию противоречий. Особого внимания заслуживает постмодернистская трактовка идентичности, точнее «кризиса идентичностей», который приводит к осознанию множественности или отсутствию идентичностей. В связи с этим показательна позиция Н. Л. Вигель, которая отмечает, что «знаком постмодерна становится не “путь”/“дорога”, а “сад расходящихся тропок” (по Х. Л. Борхесу)». И если жизненной стратегией модерна было паломничество, то «метамодерном» жизненной стратегии постмодерна <...> становятся ранее маргинальные формы поведения <...>: жизненные стили фланера, бродяги, туриста и игрока, взаимопроникающие и взаимопересекающиеся

¹ Скородумов О. Б. Национально-культурная идентичность в России в условиях становления информационного общества. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/4/Skorodumova/>

² Дробизжева Л. М., Рыжова С. В. Российская идентичность и межэтническая толерантность. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Ros_ident.pdf

³ Горшков М. К. Российская идентичность в контексте западноевропейской культуры. URL: http://www.isras.ru/index.php?page_id=2384&id=1504

⁴ Скородумов О. Б. Указ. соч.

⁵ Чернявская Ю. В. Идентичность на фоне мифа // Антропологический форум. 2008. № 8. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/identichnost-na-fone-mifa.pdf>

в своей склонности придавать человеческим отношениям фрагментарность и прерывность»¹.

Тем не менее в контексте мифологического (и даже постмодернистского) дискурса пограничности важнее иная обусловленность пограничности как онтологически значимой характеристики российской идентичности: пограничность может быть рассмотрена как медиатор всех возможных оппозиций, соответственно именно она может стать одной из составляющих (одним из условий) выхода из кризиса цивилизации для российской культуры. В контексте теории структурализма К. Леви-Стросса можно задаваться вопросом, насколько медиативный механизм пограничности является следствием бриколажа или имеет бриколаж своей целью, но пограничность, присущая культуре (отмеченная В. С. Библером, С. И. Великовским, М. М. Бахтиным), столь же свойственна и российской идентичности, которая существует на границах и, возможно, без пограничности

не осознается и не моделируется. Отмечая значимость пограничности российской идентичности, которая, вероятно, более чем цивилизационная идентичность других стран может способствовать успешному интегрированию России в мировое сообщество, обратим внимание на то, что на сегодняшний день кризис идентичности скорее свидетельствует о рефлексивном этапе поиска пути, чем о его моделировании или движении по нему. Тем не менее, на наш взгляд, пограничность становится следствием и свидетельством не только и не столько двойственности, разорванности, кризисности и бинарности (несомненно, свойственных русской культуре, современной российской цивилизации, российской идентичности), сколько тяготением к снятию противоречий посредством выстраивания тернарной модели культуры, а осознание пограничности как позитивного дискурса характеризует вариативность и многоплановость развития российской цивилизации.

О. П. Зубец²

«ПОСЛЕ» ЦИВИЛИЗАЦИИ

История человечества знала состояния, вдохновенные устремленностью в будущее, в первую очередь они задавались революционным отвержением прошлого и преобразовательной направленностью в грядущее. Таковыми были, например, настроения и буржуазного, и коммунистического преобразования мира. Были и состояния общества, опиравшиеся на укорененность в прошлом, на традицию, родовую память. Но есть еще одно состояние, которое можно было бы назвать бытием «после»: в нем и прошлое, и будущее утрачивают свою ценностную значимость, позитивную бесконечность. Человеческое существование предельно сужается во времени, мыслится как застывшее в неспособности вырваться из вязкости произошедшей с ним катастрофы: это произошедшее уже не является ни прошлым, на которое можно опереться, ни прошлым, от которого можно отречься. Оно, собственно, и не может быть прошлым, так как затрагивает основы самого человеческого бытия. Именно таковым, по видимому, является и так осознается состояние общества «после Аушвица». Целый ряд авторитетных мыслителей (Т. Адорно, К. Ясперс, Х. Арндт, З. Бауман, Ж. Ф. Лиотар, Х. Йонас и др.) сформулировал болезненную проблему своего времени как проблему *бытия «после»*: можно ли жить «после Освенцима» и можно ли умереть в мире «после» того, когда сама смерть

утратила свой человеческий облик и смысл? Можно ли утвердить позитивность наличного бытия?

Возможна ли культура «после» или любая культура вместе с ее уничтожительной критикой лишь мусор? Можно ли говорить, что есть речь «после Аушвица», если она предоставила себя в качестве средства сокрытия, а не раскрытия? Возможен ли Бог «после Аушвица»? Возможно ли знание о человеке и обществе в мире «после»? Что есть благо «после Аушвица»? Выражение «после Аушвица» вошло в названия множества трудов, например Т. Адорно, З. Баумана, Х. Йонаса, Дж. М. Бернштейна, Р. Файна, Ч. Тернера. Это всеохватывающее вопрошание является не столько критическим, сколько растерянным: вопросы не задают перспективу мудрых жизнеутверждающих ответов. Ж. Ф. Лиотар сравнил произошедшую катастрофу с землетрясением, которое разрушило не только жизни, здания и разнообразные объекты, но и инструменты, используемые для измерения самого землетрясения, позволяющие понять и оценить его силу. Похожий образ создает А. Адлер, говоря о произошедшем как о снежной буре, когда товарищи замерзли, пути и дорожные отметки заметены. (После холокоста невозможны «макронарративы» (Лиотар), универсалии, сужается поле зрения, побеждает микронарративная этика.)

«После» означает невозможность уповать на благую природу человека, на гордо звучащее человеческое «я», на познание, науку и технику, которые расширяют до бесконечности возможности уничтожения человека человеком. Невозможно вести речь об образовании: знание и культ рациональности оказались среди соучастников радикального зла, так же как и искусство и традиционно понимаемая мораль.

Разрушение традиционных опор и ориентиров оказалось рядом с фундаментальным расширением сферы

¹ Вигель Н. Л. Феномен идентичности в эпоху постмодерна. URL: <http://www.bilingual-online.net/Vigelj.pdf>

² Старший научный сотрудник сектора этики Института философии РАН, кандидат философских наук. Автор более 90 научных публикаций, в т. ч.: «Величавый Аристотеля: “странный” текст и великая идея», «Что презирает и что превосходит добродетельный человек», «Боги не лгут», «Мораль: разнообразие понятий и смыслов», «Предпочтение жизни самого себя», «Об одном месте из “Никомаховой этики”», «От дискуссии о лжи к молчанию о холокосте», «Ложь как самоустранение», «Аристократизм как основание поступания», «Динамика нравственной жизни. Ценностное сознание и социальное время» и др.

ответственности и вины, когда уже сам факт присутствия в мире и сохранения собственной жизни, когда другого убили, становится неустранимой метафизической виной человека (Ясперс) и когда невозможно быть моральным существом вне собственной ответственности за совершаемое всем человечеством и каждым человеком. Если принять, что осознаваемая мыслителями ответственность человека за все, провозглашаемый ими приоритет морального субъекта есть основание существования человечества «после», то приходится переосмыслить и то, чему оказывается противопоставленным это принятие, в первую очередь — понятие цивилизации.

По выражению Х. Арендт, «какая-то базисная структура всех цивилизаций пребывает на грани слома»¹. Но многие мыслители «после» формулируют устрашающе противоположную идею — не слома, а расцвета: не в результате отклонения, а в ходе своего «естественного» развития цивилизация привела человечество к газовым печам. Этот приход не определяется как кризисный, как результат некоего отклонения, разлома, разложения, но как раз наоборот, как реализация тех возможностей и тенденций, которые несет в себе цивилизация: развития государственно-бюрократической системы, науки и техники, культа знания и протестантских идеалов труда и цеховой профессиональной преданности. Быть хорошим профессионалом, хорошо исполнять свое не общечеловеческое и не индивидуально-единственное, но профессиональное, корпоративное дело оказалось идеальной основой для практического осуществления любой социальной идеи, в том числе и нацистской. Аушвиц — не отклонение от цивилизационного процесса и не его кризис, но его достижение, породившее состояние «после», которое не может быть преодолением кризиса, устремлением в будущее с новыми идеалами и знаменами и тем более поиском новых «правильных» средств осуществления прежних идеалов.

Состояние «после» есть столкновение с самим собой, обнаружение катастрофичности собственного способа социального существования, утрата доверия к собственному разуму и совести, к праву и морали, идеалам познания и творчества. Это состояние подобно состоянию человека, обнаружившего, что он совершил очевидное, безусловное зло не в результате ошибки, не в ползу забытья, не случайно, но в силу реализации всего того, чем он всегда гордился. Возможно — своей сущности. Вряд ли он обратил бы свой взгляд в светлое новое будущее. Скорее всего, он бы с ужасом совершал каждый шаг, захваченный сосредоточенным желанием не повторить свершившегося; и, не имея более возможности опереться на нечто в себе, искал бы нечто, себе преданное и непосредственно исключяющее повторение катастрофы.

Будущее не дано и не может быть позитивно задано тем, кто совершил радикальное зло. Оно возможно лишь через отказ от себя, решающего вопрос об убийстве, насилии, то есть ставящего ответ в зависимость от собственного рассудка, благоразумия, знания. Такой отказ есть принципиально иной способ прорыва

¹ Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: Центрком, 1996. С. 29.

в будущее — через вневременность или вечность морального поступка, который никогда не может стать прошлым, бывшим и в своей самооценности не связан с будущим как следствием. То есть состояние человека «после» есть негативное задание будущего: через отрицание всего, что породило Аушвиц, соучаствовало в нем, — то есть себя как не морального, а социального существа.

Отказываясь понимать Аушвиц как кризис цивилизации, З. Бауман говорит о кризисе *понятия* цивилизации, о необходимости пересмотреть основания науки об обществе и человеке. Традиционно понятие цивилизационного процесса включало возрастающую способность общества контролировать непредсказуемость индивидуального поступка и минимизировать насилие в обществе. Цивилизационный процесс осуществлялся как разрастание государственно-бюрократического аппарата, усиление контроля над индивидом, рационализация выбора средств, нацеленность на социальное улучшающее преобразование — и именно все это стало важнейшим условием Аушвица. Традиционное понимание цивилизационного процесса как ухода от варварства определяет и традиционное отношение к все более разрушительным и страшным событиям человеческой истории, общественной жизни как к следствиям того, что этот цивилизационный процесс идет недостаточно быстро, что он еще не достиг своих целей, не завершён, что движение надо ускорить и расширить, что варварство просто еще не окончательно побеждено. Мышление «после» связано с признанием ошибочности такой идеи цивилизации, с осознанием того, что массовые убийства, стоящие за гранью того, что связано с ценностными представлениями о варварстве и его историко-фактическим содержанием, и великие достижения науки, техники, образования, искусства являются результатом и сутью одного и того же процесса, который мы и называем цивилизационным.

Все, что мы знаем о нашей цивилизации, ее духе, приоритетах, видении мира, нацеленности на достижение счастья и благополучия в рамках совершенного общества и посредством его совершенствования, согласуется с событием Аушвица. Предельно бесстрашно эту мысль выразил Р. Л. Рубинштейн, говоря о холокосте: «Он свидетельствует о прогрессе цивилизации». «Цивилизация означает рабство, войны, эксплуатацию и лагеря смерти. Она также означает медицинскую гигиену, возвышенные религиозные идеи, прекрасное искусство и утонченную музыку. Ошибочно считать, что цивилизация и варварская жестокость — антитезы... В наше время жестокости, подобно другим явлениям нашего мира, организованы намного более эффективно, чем когда-либо»². Согласно Бауману, холокост раскрыл «скрытые возможности современного общества», и страшный смысл этого признания не более страшен, чем отказ от него. Эти возможности реализуют стремление к совершенствованию общества все более рационализированными и масштабными, укорененными в социальной организации средствами, к все-

² Bauman Z. Sociology after the Holocaust // The British Journal of Sociology. 1988. Vol. 39, № 4. P. 477. Эта статья является ранней версией введения к изданной на русском языке книге «Актуальность холокоста».

общему господству над природой, к эффективному достижению целей.

З. Бауман включает в моральные последствия цивилизационного процесса лишение применения насилия морального измерения, освобождение стремления к рациональности от вмешательства моральных норм или запретов. Исключение иных критериев и оснований поступка в пользу его рациональности (инструментальной рациональности) и, в частности, тенденция подчинить использование насилия рациональному расчету — давно признанная конституирующая черта современной цивилизации¹.

Научно-инженерное, социально-ролевое действия вытеснили поступок как содержащий свою цель в самом себе: моральный субъект (в его единственности и ответственности за все) оказался заменен средним человеком (*middle-man*), человеком-посредником, который не принимает решения о поступке и не знает его результатов, но видит моральный смысл лишь в рационально-эффективном опосредовании некоторого социального действия. Можно сказать, что моральность вытесняется и подменяется социальностью, превращается в средство осуществления последней, чему вполне соответствует понимание морали как способа социальной регуляции. Она в таком случае оказывается в одном ряду с правом, обычаем и другими формами регуляции, включенными в содержание цивилизационного процесса, свидетельством достижений которого и является Аушвиц.

Бауман неоднократно в своих работах описывает исследование Нехамы Тек, которой не удалось выявить никакой корреляции между социальными харак-

теристиками человека и его способностью противостоять злу. Ни образование, ни религиозные взгляды, ни профессия, ни пол, ни возраст не коррелировали с противостоянием катастрофе. Это, в частности, привело Баумана к выводу о необходимости теоретического разведения (и даже противопоставления) социальности и моральности. Но возможно ли переосмыслить понятие цивилизации в результате такого разведения, то есть вменяя ему моральное содержание в качестве основы? Может ли понятие цивилизации в принципе включать человека как субъекта индивидуально-ответственного поступка в качестве основы? Притом что само понятие цивилизации более не способно быть основой для представления о будущем человека и человечества, будучи радикально дискредитированным. Или — и это было бы более последовательно и радикально — социально-философская мысль «после» должна отказаться от цивилизационного идеала и опереться на этически задаваемый фундамент: идею абсолютного запрета убийства (а в пределе — насилия)? Отказаться в теоретическом рассмотрении-обосновании любой форме убийства человека, то есть отдать приоритет абсолютному запрету, отодвинув рациональность и все, что мы связываем с понятием цивилизации, на второе место — не определяющего, а определяемого.

Возможно ли движение к невозможности повторения Аушвица тогда, когда доминирующим способом сокращения насилия на протяжении всей истории человечества было развитие тех сил, которые и привели к нему или, говоря по-другому, что может быть противопоставлено классическому цивилизационному процессу? Это, по-видимому, является ключевым вопросом.

С. Ю. Иванова²

КУЛЬТУРНЫЙ КРИЗИС ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА

На наших глазах формируется новый мир, особенности которого влияют на развитие многих процессов, в том числе и в России, в определении ее места и роли в этом мире.

Характер происшедших перемен, перспективы развития международных отношений, исторические судьбы российской цивилизации и культуры в контек-

¹ *Bauman Z.* Op. cit. P. 494.

² Главный научный сотрудник Южного научного центра РАН (Ростов-на-Дону), доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 240 научных публикаций, в т. ч.: «Современный российский патриотизм» (в соавт.), «Русский человек в ситуации диалога и конфликта культур: проблема ценностного самоопределения», «Идеология и воспитание: поиск основ», «Национализм как угроза устойчивому мировому развитию», «Молодежь и проблемы модернизации», «Гуманитарная безопасность в полиэтническом регионе», «Проблемы формирования патриотических убеждений в современной России», «Проблема патриотизма в поликультурных государствах», «Мультикультурализм и идентификационные процессы в полиэтническом социуме: российский опыт и проблемы», «Потенциал системы образования в гражданской консолидации полиэтнического социума», «Современная российская идентичность: цивилизационное и историко-культурное измерение». Награждена Почетной грамотой Министерства образования и науки РФ, Почетной грамотой Президиума РАН.

сте глобальных изменений в настоящее время являются дискуссионными проблемами в силу развития самих процессов, дающих возможность определить эти характеристики, их воздействие на развитие России, а также влияние на общественное сознание, в том числе и на формирование российской цивилизационной идентичности. Существенное значение для последней будут иметь характер и результаты взаимодействия России с другими государствами во всех сферах.

Современные мировые тенденции развития культуры характеризуются прежде всего тем, что расширение транснациональных экономических связей и коммуникаций резко ускорило превращение планеты в «глобальную деревню». Одно из центральных мест в философском осмыслении процесса глобализации займут, видимо, вопросы, касающиеся идентичности, политического будущего и возможных траекторий развития национальных государств. Что может составить социальную и культурную базу новых направлений развития, какие перспективы коллективного будущего могут быть предложены и приняты? Как отдельная личность определяется в новую эпоху? Какие изменения привно-

сит глобализация в культуру, идеологию, традиционные системы ценностей? Как, не потеряв себя, свою идентичность, самобытность, найти свою нишу в глобализирующемся мире?

Конфликт между глобальным и локальным составляет истинную сущность жизни в начале нового века. Но что означают эти термины, какое отношение они имеют к суверенитету и развитию наций и национальных форм культуры? К жизни отдельного человека?

Глобализация представляет собой процесс, с помощью которого события, решения и действия, происходящие в одной части мира, могут иметь огромные последствия для отдельных людей и сообществ, находящихся в разных уголках земного шара. «В настоящее время товары, капитал, люди, знания, образы, средства связи, преступления, культура, загрязняющие вещества, наркотики, мода и убеждения могут легко пересекать территориальные границы. Кроме того, глобальные системы торговли, финансов и производства объединяют между собой достаточно сложным образом процветание и судьбы семей, сообществ и государств на всей Земле»¹.

Наступающая на мир культуры американизация, по сути, представляет собой конкретизацию глобализации с включенными элементами американской национальной культуры. Причем особенности американизации в области культуры состоят в иррационализации рациональных матриц (доведение до абсурда рациональных элементов культуры), приоритете количественных характеристик (коммерциализации), готовности к употреблению (оперантности), полностью гарантированном качестве на определенном уровне, упакованности в яркие символические формы, виртуализации культурных образов (создании виртуальной реальности, в которой разворачивается культурный феномен).

Теория глобализации радикально изменяет наше представление о культуре, которая прежде рассматривалась преимущественно как нечто либо наследуемое, либо спускаемое «сверху» и «распространяемое». В новых условиях культура становится результирующей бурного процесса «конфликтности» (political contestation), что приводит к возникновению разнообразных глобальных и локальных «социокультурных гибридов» с присущим им весьма коротким периодом полураспада, нестабильностью, несоответствием традиционному контексту. Теория глобализации последовательно выступает против социализма, с одной стороны, и национализма — с другой. Что касается последнего, то в понятие «национализм» отныне включаются такие феномены, как национальные государства-страны, национальные культурные традиции, национальные типы сознания и т. д.

В таких метафорах, как «американизация», «макдональдизация», просвечивает беспокойство о распространении массовой культуры, защите интересов потребителя и путях решения проблем, с которыми сталкиваются традиционные культурные модели. Со-

временная культурная озабоченность по поводу глобальной гомогенизации была порождена полемикой о способности «Американской империи» манипулировать общественным мнением.

При первом взгляде на глобализацию она предстает как усиление взаимосвязей между людьми разных стран, этносов и культур, ведущее к формированию из населения земного шара единого человечества. Однако в который раз подтверждается, что реальное осуществление некогда желанных целей часто порождает больше проблем, чем решает. Превращение человечества в целое амбивалентно для его блага. Если для производства, экономики, техники соединение разрозненных усилий дает эффект эмерджентности, способствует росту, то сферы жизни, где самоценны различия, — деградируют.

В глобально целостной системе этносы не обогащают друг друга, а взаимопоглощаются, культуры не получают импульса для самораскрытия, а нивелируются, страны не коэволюционируют, сотрудничая, а унифицируются. Своеобразие народов уходит в прошлое, в традицию, в фольклор и существует как пережиток прошлого. Если бы в городах не было старых кварталов и музеев, то путешествовать было бы совершенно бессмысленно: человек неизбежно попадает в окружение одинаковых автомобилей, похожих зданий, его преследует вездесущая реклама транснациональных корпораций. Многообразное до противоположности, пестрое, географически разбросанное и растянувшееся по историческим эпохам человечество стоит на пороге трансформации в раздираемое противоречиями, но структурно однородное пространственно-временное образование.

Формирующийся одинаковый образ жизни — это не равновесное смешение всех существующих форм. Это не сплав этносов, культур с заимствованием в каждом лучшем и включением его в общую целостность. С точки зрения содержания в глобализме выражается победа западной, особенно американской, культуры над остальными. Экономика, государственное устройство, наука, первоначально возникшие в Европе, сейчас захватывают в свою орбиту другие народы. Так называемые общечеловеческие ценности фактически рождаются западной, либерально-рыночной демократией. «Новый мировой порядок» — результат ее развития, и несогласные с ним рассматриваются как консерваторы, стоящие на обочине цивилизационного процесса, «кизгой». Становление монокультуры означает сужение базиса развития человечества.

И все же трактовка глобализации как потери культурного разнообразия — это поверхностный подход. Трагичность положения культуры в глобальном мире заключается в том, что она вытесняется другим способом воздействия на духовную и социальную жизнь. Несмотря на споры по поводу определений, культура немислима без табу, норм и регламентаций, общего представления о долге, чести и совести, без опоры на моральные, религиозные и эстетические регуляторы. Это ценностно-рациональное отношение к миру. Оно ограничивает свободу человека, его личные интересы, требуя «служения» чему-то внешнему, высшему,

¹ McGrew. A global society? // Hall S., Held D., McGrew (eds.). *Modernity and its Futures*. Cambridge: Polity Press, 1992. P. 65–66.

социуму или Богу, что несовместимо с идеалом открытого гражданского общества.

Неслучайно Запад в настоящее время характеризует себя в терминах не культуры, а цивилизации. В пределе, если исключить «пережитки культуры» и брать рациональность в действии, это ситуация, когда все вопросы решаются технологически (социо- и психотехника, сексуальные технологии, техника общения и т. п.). Такое общество лучше называть технологическим. Глобализм — это универсальный технологизм. Глобальный технологизм ведет к превращению человека из социально-культурной личности в человеческий фактор развития технологий. Человеческий фактор, бурно протестуя против ограничения своей свободы культурными регуляторами, довольно легко смиряется, если они будут техническими. Открытое гражданское общество закрыто и регламентировано не меньше, чем традиционное, разница лишь в том, что закрытость здесь «усовершенствованная», технологическая.

Замену хотя и стандартных, одномерных, но культурных отношений между людьми на технологические можно считать рубежом превращения глобализации в глобализм. Этот «изм» — выражение перехода к жизни без оценки поступков с точки зрения добра и зла, прекрасного и безобразного. Образуется общество, которое предсказывали фантасты-утописты начала XX века.

В безудержной плюрализации, дроблении культуры на дисперсные частицы как раз и выражается ее распад, превращение в материал «для другого». Индивидуальный характер культуры, когда у каждого собственные понятия о добром или должном, персональная совесть, всегда готовая оправдать что угодно, обесмысливает ее социальные функции, тем самым приводя к ее исчезновению, что невольно признают сторонники мультикультурализма.

Идеальной моделью посткультурного состояния мира является Интернет. Виртуальное пространство и в самом деле не делится на свое и чужое, здесь не важна ни государственная, ни этническая, ни половая, ни социальная, ни возрастная — вообще «никакая» принадлежность пользователя, кроме содержания коммуникации, обозначаемого условным адресом.

По отношению к глобализму культура находится в том же положении, что и природа. Но если необходимость защиты природы осознается и что-то предпринимается, то об экологии культуры говорят в самом неопределенном или узкоэмпирическом смысле как бережном обращении с памятниками и артефактами. Нет ясности, от чего ее надо защищать, какие процессы угрожают культурному разнообразию мира. Под влиянием начинающей господствовать глобалистской культуры «стираются», подавляются даже его контуры, которые в таком случае надо подчеркивать и пропагандировать.

В идеологическом плане позитивной альтернативой глобализму является идея многополярного мира. Ее разделяет большинство государств планеты, и предотвратить нарастающую опасность «столкновения цивилизаций» в ближайшей перспективе способен именно этот подход. Собственно культурная политика должна

быть направлена на защиту традиционных, специфических для данного общества форм искусства, образа жизни, быта — «различий», того, что делает их интересными друг для друга, создает основу для взаимного диалогического и дружеского существования.

Поддержание культурной идентичности наций служит не только их сохранению самих по себе, но и «человека со свойствами», человека как такового. Политические образования, нации и культуры интенсивно взаимодействуют. Сознательной целью при этом должно быть культивирование ими своей тождественности — «выживание». Аналогичная цель встает перед человечеством в целом. Эти проблемы взаимообусловлены.

Можно согласиться с мнением Э. Смита, что глобальная культура будет гибридной по природе, включающей ряд амбивалентных, даже противоречивых компонентов, — попури из традиционных локальных, народных и национальных мотивов и стилей; современного научного количественного дискурса; культуры массового потребления, состоящего из стандартизованных массовых товаров, образов, практик и лозунгов; взаимозависимости всех этих элементов во всемирном масштабе, основанной на объединяющем давлении глобальных телекоммуникаций¹.

Сегодняшняя глобальная культура — это первая глубоко техническая цивилизация. Использование ею этнических или национальных элементов эмоционально нейтрально. Ее вариации нарочиты и продуманны, они лишают страсти самые фундаментальные вопросы и сводят их к техническим головоломкам с чисто техническими решениями. Космополитизм отражает ее единую технологическую базу с многочисленными системами коммуникаций, образующими взаимозависимые социальные сети с характерным для них идентичным стандартизованным, техническим и часто количественным дискурсом. Именно поэтому техническая интеллигенция стала играть главную роль на новейшей стадии современности и заменила предшествовавших ей гуманистических и часто националистических интеллектуалов. Не кто иной, как техники управляют глобальными системами массовых коммуникаций, и именно их техническая культура критического дискурса определяет специфический характер нарождающейся глобальной культуры.

Россия включилась в дискуссию о глобализации с опозданием на несколько лет, потому что проигрыш в холодной войне с Западом и последующий распад Советского Союза создали тот идеологический вакуум, который и была призвана восполнить концепция глобализации в ее идеологической версии.

Проблему вхождения как отдельного человека, так и России в целом в глобальный мир можно сформулировать следующим образом. Объективно она в него уже вошла, а субъективно в нем еще не определилась. Вошла как страна, обладающая высокой духовной культурой, давно ставшей неотъемлемой частью мировой культуры, своими богатыми природными ресурсами, интеллектуальным потенциалом и ядерной мощью, то есть в качестве одного из цивилизационных

¹ Smith A. D. Nations and Nationalism in a Global Era. Cambridge: Polity Press, 1995. P. 20–24.

и геополитических центров мира. Присутствие России в мировом социуме весьма заметно, хотя ее интеграция в глобальную экономику носит явно однобокий характер. Но субъективно она пока не готова принять вызовы современности и дать на них адекватные ответы. Что это значит и что из этого следует? Глобализацию, взятую в контексте ее созидательных возможностей, а не только рисков и угроз, порожденных ею, следует рассматривать в качестве важного ресурса российской трансформации.

Российская цивилизация изначально формировалась в условиях «пограничности» между Европой и Азией, на перекрестке великих культур и религий Запада и Востока. Н. А. Бердяев писал: «Русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский народ. Россия есть целая часть света, огромный Восток-Запад, она соединяет два мира»². Евразийцы в своих трудах отмечали воздействие на русскую культуру и западной, и южной (преимущественно византийской), и восточной культур. На разных этапах исторического развития России на авансцену выступала одна из трех линий социокультурной ориентации: в период Киевской Руси — византийская, в столетия татаро-монгольского ига — восточная, со времен Петра — западная. При этом русская культура не просто впитывала все эти элементы, но и синтезировала их в целостность. Особое место в культурно-историческом развитии евразийцы отводили роли «азиатского элемента» — степной стихии, дающей мироощущение «континента-океана». Азиатское воздействие глубоко проникло в ткань русской политической культуры, впитавшей в себя централистско-деспотическую организацию государства, подчинение общества государству, стремление к экспансии. Сильно повлияли на Россию бытовая уклад степного Востока (не только монгольского, но и скифо-сарматского) и психологическая установка на коллективность. Д. С. Лихачев считал, что культура России принадлежит десяткам народов Запада и Востока. Именно на этой основе, на многонациональной почве, она выросла в своем своеобразии. Русская культура открыта к восприятию других культур, их объединению, изучению, сохранению и отчасти ус-

Во множестве мнений, рекомендаций и сценариев дальнейшего развития нашего отечества необходимо определиться в первую очередь с тем, по каким жизнеопределяющим направлениям предстоит осмысливать наше прошлое, настоящее и будущее. В центре внимания видятся по крайней мере три ключевые проблемы: выбор российского варианта глобализации, определение и утверждение места России в геополитическом балансе мировых сил, выбор ценностных ориентиров.

Е. А. Кайсаров¹

«ВОСТОКО-ЗАПАД» В ИСТОРИЧЕСКОЙ СУДЬБЕ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

воению. Характерной ее чертой он считал «вселенность», «универсализм»³.

Срединное положение России между цивилизациями Запада и Востока чревато не только «всеединством», но и драматическим расколом, популяризацией целого, что придает менталитету нашей цивилизации качество «смысловой неопределенности». Зыбкий баланс противодействующих сил в рамках условного целого реализуется через конструкцию «взаимопора» — способа взаимосвязи полярных начал через бинарную систему сдержек и противовесов. Подобное «равновесие» противоположностей весьма непрочно. Можно говорить о социодинамической напряженности в системе, поддерживающей в культуре установку на ожидание внезапных и резких перемен, готовность к разрушительной смене исторических парадигм, коренным образом меняющих культурную жизнь и социальную организацию цивилизации. Склонность русской культуры и российской цивилизации к «взрывным ситуациям» и состояниям, что подтвердили события XX века, — труднопреодолимая черта, коренящаяся в глубинах цивилизации⁴. «Вообще говоря, — писал С. С. Аверинцев, — всякая культура живет сбалансированным противоборством противоположностей... Чем выделяется ранневизантийская культура, так это тем, что в ее кругу крайности особенно контрасты, а их приведение к единству особенно парадоксально»⁵. Сказанное еще в большей мере относится к России — наследнице византийской цивилизации. «Взрывные ситуации» означают завершение одного цикла в развитии русской культуры и зарождение и подъем нового. Первым знаком становления новой культурно-исторической парадигмы стал религиозный раскол, но в полной мере процесс динамичного цивилизационного развития России развернулся в рамках петровских культурных реформ. Петр отлично понимал, что без резкого рывка, необходимого для преодоления экономической

¹ Заместитель заведующего кафедрой философии и культурологии СПбГУП, кандидат исторических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 90 научных и учебных публикаций, в т. ч. учебных пособий «Культурология», «История культуры и искусства», мультимедийных учебников «История культуры Петербурга. XVIII век», «История культуры Петербурга. Пушкинский Петербург» и др. Почетный профессор СПбГУП.

² Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре: философы послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 44.

³ Лихачев Д. С. Русская культура в современном мире // Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб., 2015. С. 58–59.

⁴ Кондаков И. В. Культурология: история культуры России. М., 2003. С. 542–549.

⁵ Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977. С. 239.

и культурной отсталости, Россия не выстоит под ударами противников и будет отброшена на задворки мировой истории. Обращение к светской культуре западно-европейского Просвещения должно было способствовать подъему страны, формированию нового облика культуры. Светский тип культуры стал складываться среди сравнительно узкого круга людей — в него входили главным образом представители дворянской элиты, а также обрусевшие иностранные специалисты и люди «из народа», сумевшие благодаря своим способностям добиться успехов в науке, технике, искусстве, государственной службе. Большинству населения страны — крестьянству, ремесленникам, купечеству, духовенству — новая, вобравшая в себя достижения европейского Просвещения культура осталась чуждой. Народ продолжал жить старыми верованиями и обычаями, Просвещение его не коснулось. Старый, допетровский тип культуры сохранил свое народное, деревенское, религиозное бытие и надолго застыл в почти изменившихся формах русской этнической культуры. А русская национальная культура, освоив достижения европейской науки, искусства, философии, в течение XVIII–XIX веков приняла форму господской, городской, светской, «просвещенной» и стала одной из богатейших национальных культур мира. Этот трагический разрыв между народом и просвещенным обществом исследователи связывают с постоборством Востока и Запада в русской культуре. Таким образом, русский «Востоко-Запад» не только соединяет два мира, как отмечал Н. Бердяев, но и разъединяет, разрывает, противопоставляет их.

Разрыв между этнической и национальной культурами наложил свой отпечаток на быт и нравы русского народа, социально-политическую жизнь, взаимоотношения между различными социальными слоями общества. В общественной мысли породил полемику между славянофилами и западниками. Он обусловил особенности русской интеллигенции, болезненно переживавшей свою оторванность от народных масс и стремившейся восстановить с ними связь. Процесс расхождения национального и этнического не был абсолютным. Он больше проявлялся в образе жизни «верхов» и «низов», отношении к науке и искусству, понимании и оценке явлений церковной, государственной, общественной жизни. В то же время классическая русская культура надстраивалась над своим этническим базисом. Так, классическая отечественная литература и музыка использовали фольклор, старинные народные напевы. Подобные явления были характерны не только для сферы культуры, но затрагивали и другие области общественной жизни. Несмотря на раскол и наличие двух механизмов культуры противоположной направленности, в петровское и послепетровское время еще долгое время сохранялись самодержавие и традиции восточного деспотизма, культурная консолидация русского дворянства, незыблемость основных принципов православия как государственной религии, имперские комплексы.

Эти процессы порождали мучительное балансирование цивилизации между сохранением ее внутренне-

го единства, целостности и их нарушением, расколом. Евразийская бинарность, которая является живым системообразующим фактором российской цивилизации, в XX веке обретает дополнительную напряженность. Здесь начинают действовать другие культурные механизмы. И. В. Кондаков приходит к выводу, что до начала XX века борются две тенденции — интегрирующая и дифференцирующая (центростремительная и центробежная) — в единой, хотя и противоречивой системе цивилизации. Победа в этой борьбе одной из двух поляризованных сил в принципе невозможна, потому что лежащее в ее основании противоречие являет собой источник социокультурного развития и основано на условном равновесии этих сил в обществе и культуре. В XX–XXI веках в силу вступает конфликт ультимативных установок. Либо единство и целостность культуры и цивилизации достигаются строжайшим отбором «приемлемых» ценностей, норм и запрещением, уничтожением, исправлением тех компонентов цивилизации, которые нарушают и искажают систему, либо происходит соединение предельных противоположностей (в том числе идеологических, политических, мировоззренческих) в рамках единой плюралистической модели культуры, на почве абсолютной толерантности, терпимости и доверия к любым мнениям. Компромисс между подобными ультимативными установками невозможен ни теоретически, ни практически. Но означает, что ситуация «культурного взрыва» сегодня не просто реальна, а остра как никогда ранее. Современная Россия переживает раскол и резкое расслоение общества, особенно болезненные после целостности толерантного строя в СССР. На фоне напряженного противостояния прототалитарных и антиталитарных сил в постсоветском российском обществе нарастают ностальгия по «добрым советским временам» и еще более глубокая архаическая тяга к целостности страны с ее апологией самодержавия, православия, народности, национальной однородности и культурной замкнутости¹.

Цивилизационное «распутье», на которое вышла посттоталитарная Россия на рубеже XX–XXI веков, не менее опасно и грозно, чем период Смутного времени рубежа XVI–XVII веков или период русской революции. Укоренившееся в ментальности нашей цивилизации непреодолимое качество «смысловой неопределенности» отдает ее судьбу во власть случайностей и стечения различных обстоятельств.

Каким должен быть выход российской цивилизации из кризиса? Каковы ресурсы выживания и смыслового обновления? Ответы на эти вопросы находят-ся в несколько другой плоскости. В своей монографии А. П. Марков подчеркивает, что предельная неустойчивость системы в ситуации кризиса повышает роль концентрированного и целенаправленного «укола», способного перевести систему в новое качество. Адресом такого «укола» в современной ситуации является человеческий капитал России, воспитание и сохранение которого должно быть не простой задачей, но спасительной миссией государства, всех социально-культур-

¹ Кондаков И. В. Культурология: история культуры России. М., 2003. С. 251–253.

ных институтов и здоровых сил общества. Ключевыми условиями выживания России становятся погружение в собственную духовную традицию, обретение будущего в неразрывной связи с пониманием ошибок трагедий

и величия исторического прошлого¹. Все это придает возрастающую значимость приоритету духовно-нравственной составляющей в разработке сценариев выхода российской цивилизации из кризиса.

П. Н. Киричѐк²

РУССКИЙ СУПЕРЭТНОС В ПРОТИВОСТОЯНИИ ДУХОВНЫМ РИСКАМ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Процесс глобализации — неизбежная для человеческого сообщества данность бытия. Материальный ее аспект проанализируем в другой раз. Сейчас речь пойдет о духовном аспекте глобализации. Контекст дискурса: духовность — синоним культурности, ведь даже сугубо материальные предметы (от столовой ложки до космической ракеты), во множестве сходящие со станков постиндустриального общества, создаются в результате согласованных и комбинированных актов «мыслящей головы», «чувствующей души», «исполняющей руки» человека.

Что касается текста дискурса, то он следующий: помеченная, с одной стороны, тавром «вестерна», а с другой — маркером общества потребления, глобализация теоретически опирается на либерально-рыночный фундаментализм, а практически продвигается за счет массово-культурных механизмов. Ее экспансивность не знает пределов, а агрессивность не ведает границ. Не стесняясь в средствах, глобализация подвергает духовные интенции граждан различных стран не ослабляющему давлению массовой культуры, насаждающей во всем мире унифицированные нормы бытия и сознания «общечеловека», утрачивающего национальную идентичность.

Наибольший объем антидуховных токсинов глобализации приходится на долю России. Культурно-исторически это вполне объяснимо: в мировой истории наша страна долгое время (до середины 1980-х гг.) являлась духовным полюсом Вселенной. А для Запада Россия была тогда неприступной социокультурной крепостью, не желавшей подчиняться его духовно-практическому диктату — нравственному, конфессиональному, психологическому. Эта «самостийность» строго оберегалась нашим государством, чему не противоречила всемирная отзывчивость русского человека (на добро и красоту, а не на зло и безобразие).

Но с конца 1980-х годов диспозиция «Запад–Россия» принципиально изменилась: в ответ на уже при-

вычную для страны масскультурную атаку извне новая элита отреагировала коллаборационистским подыгрышем вестерну изнутри — в результате чужеродные импульсы глобализации получили возможность фактически укорениться в повседневной жизни россиян и «переделывать» их систему архетипов, традиций, нравов, обычаев, мифов. При этом антидуховная экспансия наступает на традиционно-русские основы общественного сознания, стремясь, подобно зловередному вирусу, проникнуть в ядро отечественного менталитета. Ситуация угрожает русскому суперэтносу (по Л. Н. Гумилеву) реальной утратой национальной идентичности, которая всегда противостояла агрессивным либерально-рыночным ценностям: меркантилизму — в экономике, индивидуализму — в политике, утилитаризму — в культуре.

Как известно, мировое сообщество не может полноценно самосохраняться и успешно развиваться при отсутствии межкультурной коммуникации. С помощью ее механизмов организуется международный обмен национальными «продуктами» духовного свойства, которым обычно отдают предпочтение — в силу их образной привлекательности и логической доступности — народы различных стран. По обыкновению в «теле» межкультурной коммуникации проявляются идеологические (ценностно-смысловые) и технологические (вербально-визуальные) особенности перцептивного процесса, которые определяют его функциональные цели.

Например, как можно дальше продвинуть в мировом пространстве выгодную для коммуникатора ценностно-смысловую идеологию или свод духовно-практических концептов с общественно-потребительским маркером, обладающих уникальной способностью к трансплантации в чужую социально-нравственную среду, что в последующем обещает актору культурного обмена крупные, в том числе и материальные, дивиденды. В частности, за счет широкой интервенции масскультурного примитивизма «скорректировать» менталитет другого народа, уменьшить его познавательно-преобразовательный ресурс, духовно приспособить к собственным меркантильным целям, а территорию его страны превратить в свой сырьевой источник. Эта неблагоприятная цель обретает шанс на успех при реализации неэквивалентной формулы межкультурного кросс-контакта западной и отечественной цивилизаций, что иллюстрируется нынешней ситуацией в России.

¹ Марков А. П. Русская цивилизация в глобальном мире: вызовы, угрозы, ресурсы преобразования. СПб., 2017. С. 432.

² Профессор кафедры журналистики Московского гуманитарного университета, доктор социологических наук, заслуженный работник культуры Республики Мордовия. Автор 258 научных публикаций, в т. ч. 13 монографий: «Информационная культура общества», «Информация в универсуме культуры», «Лики медиакультуры и маски политики», «Журналистика. Общество. Ценности» (в соавт.), «Этническое в массовой коммуникации» и др. Член-корреспондент Российской академии естествознания, член Российского культурологического общества, Союза журналистов России. Награжден почетными грамотами Министерства образования и науки РФ, Совета Федерации Федерального собрания РФ.

На самом деле четверть века Россия пребывает в сложном (для ее существования и развития) историческом периоде, с риском располагаясь между «молотом» внешней глобализации и «наковальной» внутренней модернизации. Все несущие конструкции страны — и политика, и экономика, и культура — принимают на себя различной силы информационно-коммуникационные удары как извне, так и изнутри. И больше всего достается последней — происходящее в сфере отечественной культуры следует оценивать по гамбургскому счету, а именно: удержится ли евразийский тип цивилизации под натиском европо-американоцентристского аналога или суперэтнический феномен русского и русскости исчезнет под флером исторического забвения?

Настоящим троянским конем глобализации в последние 25 стал нерегулируемый импорт чужих киноартефактов в периметр российского духовного пространства, когда неолиберальный модерн буквально загоняет в угол высокую классику. Этот трансфер (по специфике коммуницируемой визуально-вербальной продукции) обладает наибольшей эмпатической мобильностью: он, как никакой другой, способен проникать в сопредельные территории и преодолевать ментальные барьеры. Более того, происходит быстрая «голливунизация» отечественной киноиндустрии: сценаристики, режиссуры, актерского и операторского мастерства, теряющих свои родовые признаки — патристическую историчность, масштабную эпичность, глубокую проблемность, изящную лиричность, тонкую психологичность.

В нашем обществе постепенно укореняется понимание добра и зла, переориентированное с православного на протестантское, с методичным разрушением российского архетипа человеческой нравственности. Это происходит в том числе и потому, что на 11 основных каналах («Россия-1», «Первый канал», ТВЦ, НТВ, «Россия-Культура», СТС, РенТВ, ТНТ, ТВ-3, «Перец», «Домашний») доля отечественных кинофильмов (по данным авторского экспресс-анализа еженедельных программ кабельного телевидения для Москвы и Московской области в январе–марте 2014 г.) составляет 44,6 % (российские — 38,2 %, советские — 6,4 %), в то время как удельный вес зарубежных кинофильмов достигает 53,7 % (американские — 44,8 %, другие иностранные — 8,9 %).

Столь явный дисбаланс в синекоммуникации — конструкционный порок культурной политики государства, который свидетельствует о том, что в цивилизационном (по гипотезе С. Хантингтона) противостоянии на российской духовной почве (!) родное телевидение подыгрывает посягающим на наш менталитет иноземным глобалистам. Как это похоже, по аналогии с медициной, на сознательное физиологическое вредительство, когда человеку с одной группой крови по злому умыслу вливают кровь другой группы, что впоследствии приводит к летальному исходу.

Один из уроков глобализации, усвоенный людьми, пережившими ужас геополитического слома в Восточной Европе, — прежний биполярный мир держался не только на ядерно-оружейном равновесии. К этому важному фактору вселенского консенсуса следует добавить еще одно, не менее значительное исходное начало — веками сложившуюся партитуру мессианских ролей, исторически написанную для двух великих стран. На Западе — один полюс мира, американский, был материальным, на Востоке — другой полюс мира, российский, являлся духовным. Вместе они индуцировали общемировой прогресс путем двусторонней социально-коммуникативной динамики: с Запада он продвигался в основном материально-техническими импульсами, а с Востока — духовно-нравственными аналогами.

До 1990-х годов это «разделение труда» между двумя опорными цивилизациями соблюдалось в паритетном обмене материальными и духовными ценностями, в итоге мир удерживался на прочной оси индивидуально-коммунитарного равновесия. Как только духовный полюс склонился перед материальным и прежний обмен превратился в односторонний процесс сбыта на Восток масскультурных артефактов, производимых на Западе, ось равновесия исчезла. После этого мир погрузился в череду нескончаемых конфликтов: внешне — военно-политических, а внутренне — культурно-цивилизационных.

Конечно, можно и дальше искушать судьбу и подтравливать национальный менталитет неразборчивым потреблением масскультурной «тройной ухи» — «чернухи», «мокрухи», «порнухи». Но чтобы остаться в мировой истории великой державой, России нужно возвратиться к своим евразийским социокультурным истокам. И в рамках четко продуманной государственной политики исключить из жизненной повседневности вектор понижающей социализации (по А. С. Запесоцкому), к сожалению, определяющий сегодняшнее целеполагание публичной сферы страны.

Начинать нужно с социально-нравственной адсорбции духовной отрасли социального воспроизводства, зараженной токсинами глобального вестерна. В первую очередь навести этико-эстетический порядок в сфере информационно-вещательной деятельности, особенно на отечественном телевидении, что вполне возможно сделать под руководством власти или при разумном вмешательстве государства с привлечением гражданского ресурса.

Наконец, надо решительно переключить публичную сферу страны на возвышающий вектор социализации населения, а именно аккумуляцию добра и аннигиляцию зла. Вернуть из прошлого диктат культурной бесконечности (разумного, доброго, вечного), который раньше распространялся на литературу, театр, живопись, музыку, скульптуру, кинематограф, ведь на повестке дня стоит вопрос о духовном спасении нации и страны.

М. И. Козьякова¹

КРИЗИС ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ И БУДУЩЕЕ «РУССКОГО МИРА»

Современная картина мира отражает чрезвычайно противоречивую, эклектичную ситуацию регионального и глобального развития — ситуацию совмещения нестационарных процессов, процедур взаимодействия и синхронизации разнонаправленных тенденций. Реанимирование традиций прошлых эпох, одновременная актуализация модерна и архаики, практика инновационной активности и реставрация патрилокальных трендов способствуют созданию во многом парадоксального, эмпирического контекста, далекого от стабильности и устойчивости.

В современном мире возникают социальные формы и явления, не имевшие аналогов в прошлом, так же как нет их сегодня у мировой экономики, привязанной к эфемерным электронным деньгам. В данном случае особую роль играет глобализация. Мир стремительно меняется, и стабильные в прошлом ориентиры, позволявшие транслировать опыт предыдущих поколений, утрачивают свои императивные характеристики, подвергаются рестрикции либо элиминируются, заменяясь новыми нередко в угоду политической конъюнктуре. Данные явления, бесспорно, действуют в одном направлении, подобно гигантскому катку, равняющему культурное пространство, и потому одинаково враждебны к исторически сложившимся формам аутентичности.

Тенденция к образованию единого культурного пространства в условиях информационного общества трансформируется во власть сильнейшего: доминирующая североатлантическая либо европейская модель навязывает остальному миру собственную систему ценностей, стереотипы образа жизни. Подобного рода явление, однако, небезопасно для страны-реципиента, поскольку осуществляется с целью реализации чужих интересов. Путь развития гражданского общества, однозначно аффилированный с иными заимствованными цивилизационными характеристиками, также представляет собой эффект троянского коня.

Цивилизационные контакты могут принимать форму жесткого противостояния, что характерно для настоящего времени. На смену рейгановскому ярлыку «империя зла», навешанному некогда на СССР, пришли иные обвинения, экономические и политические санкции. Фактически они используются как инструмент геополитики, применяемый с целью сдерживания России. Идейная, идеологическая борьба ведется с применением самых жестких, нетипичных для меж-

государственных отношений приемов. Эта обструкция носит демонстративный, политический характер, что показывает, насколько обострились отношения в результате развязанной против России информационной, точнее гибридной (поскольку она включает не только информационный инструментарий), войны.

Столь жесткие методы противоборства, охватывающего весь спектр, кроме прямого военного столкновения, применяются обычно в войне между антагонистическими системами. Исторический пример подобного противостояния — холодная война. Но в данном случае война объявлена не формационному противнику, а демократическому, суверенному государству, обладающему собственной системой ценностей, идеологией и традициями, сформированными многовековой историей.

Практически осуществляется экспансионистский натиск на «русский мир», а само противостояние России и Запада обретает форму столкновения цивилизационных моделей, поскольку англосаксонский экспансионизм, пронизанный ветхозаветным мессианизмом, воспринимает мир как сферу гегемонии Pax Americana. Под сложным, недостаточно четко дефинированным понятием «русский мир» может пониматься как этнокультурная общность, объединенная русским языком, собственной историей, этикой, так и геополитическое образование или православная цивилизация. Какова бы ни была его трактовка, Россия как государственная, культурная реальность остается его цивилизационным ядром. Именно на эту метафизическую, геополитическую реальность, ее национальную специфику распространяются конъюнктурно-политические аспекты, в данном контексте актуализируются проблемы цивилизационного выбора и одновременно национальной безопасности.

Настоящее обладает поразительным свойством «вырастать» из прошлого, аккумулируя в себе многообразие событий, имен, лиц, человеческих судеб. Представляется сомнительным распространенный среди западных социологов постулат, умаляющий прошлое: оно «теряет свою детерминирующую силу для современности. На его место — как причина нынешней жизни и деятельности — приходит будущее, то есть нечто несуществующее, конструируемое, вымышленное»². В связи с этим зачастую обращаются к теореме Томаса, которая гласит, что «если люди определяют ситуацию как реальную, они реальны по своим последствиям». Действительно, настоящее обладает богатейшими возможностями по формированию вектора будущего развития, тем более сейчас, в эпоху телекоммуникаций и Интернета, глобализации и виртуальности.

Тем не менее речь не идет о конце истории. Если возможно вообще строить будущее, влиять на него тем или иным способом и, разрабатывая национальные

¹ Профессор кафедры философии и культурологии Высшего театрального училища (институт) им. М. С. Щепкина при Государственном академическом Малом театре России, доктор философских наук, кандидат экономических наук. Автор более 50 научных публикаций, в т. ч. монографий: «История. Культура. Повседневность. Западная Европа от Античности до XX века», «Эстетика повседневности», «Красное», «Исторический этикет»; статей: «“Звездная область” свободы», «Этнокультурный диалог как исторический опыт России», «Цивилизационная идентичность в эпоху глобализма». Член Московского культурологического общества.

² Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 175.

проекты, отвечать на глобальные вызовы, в любом случае отправной точкой сценария неизменно будет служить опыт прошлого. Определять и конструировать неизвестное будущее или разбираться в «тревожном» характере настоящего будет легче, если предварительно рассмотреть и «смирненно принять» (Н. Нарочницкая) уроки прошлого. Будучи поучительными для стран с богатой длительной историей, они приобретают особое значение в эпоху кардинальных перемен. Именно такова ситуация, сложившаяся в настоящее время.

Принятые в качестве образца для проводившихся в России реформ западноевропейская и американская модели воспринимались как ориентиры общемирового развития — передовой опыт должен был способствовать закреплению высоких стандартов постиндустриального мира. Он предполагал примат либеральных ценностей, и либеральная парадигма также была оценена отечественными реформаторами как наиболее прогрессивная, универсальная. При этом игнорировался скепсис зарубежных исследователей в плане перспектив либерализации: так, о крахе либеральной идеи речь шла, например, в книге И. Валлерстайна «После либерализма».

По мысли идеологов, только североатлантическая цивилизация смогла продемонстрировать миру магистральную дорогу к процветанию, поэтому ее ценности необходимо было усвоить для успешного продвижения по пути демократии и прогресса. России предлагался вариант так называемой «догоняющей модернизации», при котором преодоление и замена традиционных ценностей выступали как необходимое условие успешного развития. В этом контексте коллективизм однозначно оценивался как архаика, признак отсталости и препятствие в развитии; в либеральных кругах неизменно звучала критика в отношении коллективистской психологии с ее «субъектной подчиненностью» и «настроениями социального иждивенчества».

Связи, обязательства, предписания, сопровождавшие человека на протяжении жизни, обязательные к исполнению в традиционном обществе, должны были исчезнуть, знаменуя тем самым обретение новых степеней свободы. Происходят определенная эмансипация, освобождение от регламентирующих установок, диктуемых социальной средой. Увеличение степеней свободы — независимости отдельного лица от государственных, партийных, других общественных институтов — однозначно оценивается в либеральной среде как положительный эффект. Самосознание субъекта нацеливалось при этом на обустройство материального мира, преобразование окружающей среды, апостасийный поиск земного рая.

Индивидуалистические установки рефлексировала позитивистская философия Г. Спенсера. Они концептуализируются фундаментальным постулатом: «Каждый человек волен делать то, что желает, если не нарушает при этом равную свободу любого другого человека». Этот посыл служит оправданием отхода от традиционалистских ценностей, полагая принципиальную неразличимость добра и зла, добродетели и порока.

В однозначной ориентации на западную модель, принятую в качестве целеполагания для проводимых

реформ, не предполагалось учета специфики российского социума. Кроме того, были забыты или просто проигнорированы важнейшие результаты классических социологических, культурологических исследований, рассматривавших вектор западной эволюции как крайне противоречивый.

Гуманизм, интерпретируемый как антропоцентризм, культивирование индивидуализма, борьба за политические свободы как необходимую предпосылку и условие его генерации в западном мире имеют длительную историю. Свое хрестоматийное выражение европейские идеи модерна нашли в лозунге Великой французской революции «Свобода, равенство, братство». Ликвидация сословных барьеров, утверждение социальных и политических прав были неизменно связаны с фундаментальной ценностью буржуазного мира — собственностью. Именно она закладывает фундамент цивилизации модерна, лежит в основании таких институтов, как гражданское общество, правовое государство, формирует свободы буржуазного мира. Она же должна, как полагают западные теоретики, способствовать рождению свободной личности — индивида, наделенного как гражданскими правами, так и «абсолютным суверенитетом взглядов и наклонностей человека» (Ф. фон Хайек).

На практике, однако, все более рационализирующийся западный мир в массовом порядке генерирует иную индивидуальность — постиндустриальное общество и массовая культура порождают синдром человека-массы. Человек-масса, «листья травы» (У. Уитмен), становится актором гражданского общества. Анализ этого феномена, данный Х. Ортегой-и-Гассетом в 1930 году, не утратил своего значения и в XXI веке. Более того, провозглашенный в конце XIX века Г. Лебоном тезис «Наступающая эпоха будет эрой масс»¹ в полной мере осуществляется именно сейчас, когда глобализация и информатизация создали необходимый технический базис для беспрецедентного развертывания массового универсума. В конечном счете он приводит к наступлению эры масс (Г. Лебон) — веку толп (С. Московичи), к их восстанию (Х. Ортега-и-Гассет). Масса обретает свою аутентичную основу в массовых стереотипах и стандартах, конвейерном производстве и брендовом потреблении, макдональдизации образования, здравоохранения, культуры.

Культура, как и «мягкая сила», имеет накопительный, кумулятивный характер (М. Мид). Одной из важнейших является ее апотропейная функция, реализующая ментальную, психологическую защиту своего социума. Данную функцию обеспечивала уже архаика первобытного ритуала: участвуя в нем, «первобытный человек не чувствует себя больше беззащитным перед не поддающимися предвидению угрозами сверхъестественного мира. Он обрел в этом мире нечто большее и лучшее, чем помощь, чем защиту, чем союзников. Сопричастие, реализованное церемониями, — вот в чем его спасение...»²

¹ Лебон Г. Психология народов и масс. СПб. : Мекет, 1995. С. 154.

² Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М. : Педагогика-Пресс, 1999. С. 467.

В целостности, органике национальной культуры всегда содержится определенный потенциал партиципации — сопричастности с духовной, материальной силой, энергетическим резервом, подпитывающим всех субъектов, принадлежащих к данному универсуму. Апотропейность культурного пространства заключена в его аутентичности, поскольку знакомая, привычная среда психологически воспринимается в качестве наиболее комфортной, родной.

В России культурные паттерны транслируют выдержанный, спокойный традиционализм, дающий определенный фокус восприятия действительности. Это коллективизм, онтологизируемый как важнейший цивилизационный принцип. В коммунитарном обществе перспективы выживания были исторически определены максимально тесными социальными связями. Они обеспечивали не только взаимодействие, но и взаимовыручку, эффективное функционирование всевозможных сообществ — от общины до государства. Последние различались по своим формам и масштабам, жесткости регулирования, но неизменно обладали развитой апотропейной функцией, функцией защиты, которая закрепилась в ментальном стереотипе в качестве коллективистской установки.

Они являются традиционными, «родовыми», исторически наследуемыми качествами, сохранявшимися при всех эпохальных катаклизмах. Дважды на протяжении прошедшего столетия был преобразован идентификационный комплекс: государство разрушалось и воссоздавалось заново. Однако ценности, определившие лицо русской культуры, оставались неизменными, обеспечи-

вая жизнестойкость и уникальность «русского мира». Именно этим, а также мощью исторического основания, полиэтничностью генофонда можно объяснить феноменальные способности к возрождению. В этом плане Россия обладает уникальным наследием, неким алгоритмом, опытом культурного диалога, который может быть задействован в решении национальных проблем.

Аспекты, которые определили лицо русской культуры, противопоставившей западному модерну иные ценности, не входящие в круг всеобъемлющего антропологизма и фетишизированной рациональности, основаны на архетипе сопричастности общему делу, соборности, формализованному структурой государства. Патриарх британской историографии А. Дж. Тойнби относил Россию к типу «универсальных государств». Апология державности, сакрализация власти, пietet к величию и мощи империи, приоритет государственного интереса — все эти аспекты объемлет понятие «государственник», ставшее секулярной характеристикой национального менталитета.

Поэтому речь не может идти о выравнивании и унификации социокультурных характеристик цивилизаций с различными архетипическими основаниями. Переход к индустриальной и постиндустриальной стадии развития в коммунитарном обществе неизбежно будет обладать определенной спецификой. Заимствование тех или иных моделей должно быть соотносено с культурными доминантами, их применение не может быть механистическим. И здесь эффективность культурологических исследований, анализ культурных «аксиом» едва ли можно переоценить.

Г. Г. Коломиец¹

О ДОСТОИНСТВЕ ЧЕЛОВЕКА В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Доклад о достоинстве человека в глобальном мире, пожалуй, следует начать с того, что вся человеческая

¹ Профессор кафедры философии и культурологии Оренбургского государственного университета, доктор философских наук. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Ценность музыки: философский аспект», «Музыкально-эстетическое воспитание» и др.; статей: «Национальное достоинство человека в глобализирующемся мире», «В поисках ценностей нового типа», «От либеральных к наднациональным ценностям в современном культурном пространстве», «Эстетический аспект гениальности», «О толерантности, человеческом достоинстве и ответственности в “точках роста” новых ценностей», «Коррелят национального и транснационального в искусстве как детерминанта глобализирующегося мира», «Этика и эстетика в аспекте познания и образа жизни инженерии», «Человек в техносфере: взаимодействие науки и искусства в аспекте выражения человека творческого», «О духовном начале музыки», «Музыкальная эстетика евразийцев», «Смысл “эстетического” в пространстве современного цивилизационного мира», «Философия искусства: о творчестве, творческом процессе и вдохновении», «Национальное достоинство и утопия этического симбиоза», «Национальная идея в искусстве как преобразующая творческая сила», «Этическая рефлексия непрерывного образования как процесса в пространстве современного изменяющегося мира». Член Президиума Всероссийского научного совета по музыкальному образованию, член Российского философского общества, автор благотворительного лектория для широкой общественности «Музыка как мир человека».

цивилизация укладывается в простую схему: Античность (древность), Средние века и Новое время (последнему насчитывается всего лет пятьсот). Если сравнить, какой путь проделала философская мысль о достоинстве человека за это время, то обнаруживается: 1) вектор движения, восходящий к глобальному миру; 2) действие устойчивого ядра в этом движении.

Поясним свое положение. Устойчивым ядром выступает *качество достойной жизни*, осознаваемое разумом и переживаемое чувством. В Античности (от нее мы унаследовали космологическое миропонимание порядка мироздания и место человека в нем) под достоинством человека понималось *чувство собственного достоинства*. Оно переживалось как следование добродетелям (мудрость, мужество, рассудительность, благоразумие, справедливость, щедрость, дружелюбие и т. д.) и направлялось разумом на достойный, благородный образ жизни, за которым стояли понимание стремления к счастью, соблюдение умеренности, золотой середины. В период тысячелетия Средневековья, от которого мы унаследовали теологическое желание познать Бога и душу, под достойным образом жизни понимали *следование долгу*; каче-

ство достойной жизни регулировалось моралью, нравственностью, этикой.

Ближе к Новому времени, в эпоху Возрождения, заговорили о достоинстве человека как творца самого себя. Бог словно недосотворил человека до конца и, поставив его в центр мира, поручил ему досотворить себя, как он сам, свободный и славный мастер, пожелает (Мирандола). Достоинство человека определялось качеством нравственной жизни досотворяющего себя человека в раскрытии своих возможностей. Достоинство человека виделось также в величии восхитительной силы и могущества человека, ради которого Бог создал этот мир, и человеческий долг состоит в управлении миром с помощью познания и разумных действий (Манетти). На пути к Новому и особенно Новейшему времени, вскрывающему промышленный прогресс, человек стал смелее не только культурно преобразовывать себя в науке, искусстве, мировоззрении, но и изменять окружающий мир с помощью научных достижений, улучшая качество жизни. При этом стало утверждаться чувство *национального достоинства* в диалектическом процессе цивилизации, нарастал восходящий вектор глоболизирующегося мира, так как укрупняющиеся сообщества, государства вынуждены были воевать и договариваться, вырабатывать социокультурную коммуникацию.

Достоинство человека, показателем которого является качество достойной жизни, определяло *равновесие «культура–натура»*. Сегодня, когда в XXI веке совершается цивилизационный поворот, это равновесие, возможно, пошатнулось или нарушается, поскольку достойной становится реализация возможности *выйти за границы умеренности* в глобальном восприятии мировой гармонии, за границы этики добродетелей и этики долга и превзойти самого себя как человека, поставленного в центр мира посредством чрезвычайной творчески-созидательной деятельности.

Само понятие «достойное» указывает на высокое качество состояния чего-либо, полноту, достаток. Достойное человеческое бытие имеет интерсубъективный и субъективный смыслы качественного полноценного существования. Достоянием человечества является сама жизнь как ценность, продлеваемая при условии гармонизации национальных отношений.

Рефлексия саморазвития глобально-исторического процесса указывает на действие законов диалектики в национальных отношениях, в которых стимулирующим ядром выступает ценность человеческого достоинства. Если в современных условиях глобального мира представить в качестве тезиса нацию, а в качестве антитезиса — глобализацию, то синтезом на современном этапе выступает этика наднациональных отношений, или политическая этика транснациональных интересов.

Тезис «нация» содержит в себе внутреннее противоречие: «нация» как этническая принадлежность и «нация» как сформировавшееся гражданское самосознание, выходящее за пределы собственно этнического. Антитезис «глобализация» понимается многозначно: как естественный исторический процесс стремления сообществ к некоему единству, как со-бытие планетарного

масштаба, проявляемое во всех сферах человеческой деятельности, как антропогенные изменения окружающей среды, как тенденция универсализации отношений, воплощенной в диалектике пространственно-временных перемещений, взаимодействий и антропосоциальных трансформаций. «Синтезом» представляется степень рациональности в диалектическом процессе национальных отношений с комплексным подходом, в котором важной составляющей является этическая компонента, а вместе с тем — достоинство человека. Сегодня ситуация меняется таким образом, что приходится говорить о достоинстве человека как о чуде в безбрежном океане Вселенной и о достоинстве как о личном и общечеловеческом переживаниях достойного существования, качества жизни.

Поиски решения диалектических проблем национальных отношений не могут миновать фундаментально обоснованные всечеловеческие этические ценности, культурные универсалии человеческой истории. Творческая деятельность вынуждает человека выстраивать сложную систему социальных связей и взаимоотношений. При этом, по словам А. А. Гусейнова, наука и техника, достигшие невероятных успехов, все же не спасут мир. Это ставит перед философией задачу в рамках природной необходимости прокладывать путь к предельным высотам человеческого совершенства, оставаясь родом познания, выступать одновременно образом жизни. Достоинство человека в ипостасях как «всечеловеческого подиума», так и лично-субъективного принимает конкретные значения в современном социокультурном пространстве, расширяющемся благодаря творчески-созидательной деятельности.

В связи с рассмотрением диалектического подхода к достоинству человека отметим, что существенное значение приобретает переосмысление базовых основ человеческого поведения, постулирующих диалектику добра и зла, отношение к долгу, ответственность, свободу, справедливость, жизненные ценности любви, семьи, поиска смысла жизни. Вопрос заключается в том, каким образом классические добродетели, нормативная этика долга, утилитарная этика счастья в условиях глобального мира могут выполнять транскультурную, наднациональную функцию, наполняясь расширенным и всемирным содержанием, раскрываясь в свете диалектики национальных отношений.

В связи с этим я бы хотела обратить внимание на этическую составляющую дискуссии о человеке в глобальном мире. На прошедших XVI Международных Лихачевских научных чтениях в работе второй секции А. С. Запесоцкий призвал больше говорить о практической философии. Этика и есть практическая философия, рассматривающая человека в ситуации нравственного выбора, ответственного за поступки, и изучающая фундаментальные ценностные основания человеческого поведения. В этом смысле она очень важна для права, юриспруденции, которое обращается с призывом: «Право — это искусство добра и справедливости». Известно, что в основе прав человека лежит этика человеческого достоинства, как замечал Ю. Хабермас. Тема достоинства человека наполняется новым содержанием в связи с осмыслением глобального мира и того, что

мешает преодолевать кризис цивилизации, особенно с проблемой терроризма и военных действий.

Международный терроризм имеет базовые основы человеческого поведения, и это проблема не только политиков, юристов, культурологов, но и прежде всего философов и этиков. Среди ценностей, как демонстрируют дискуссии форума, выделены с европейской точки зрения право на жизнь, ценность жизни, а с точки зрения неевропейской цивилизации внимание акцентируется больше на ценности «справедливость», хотя она восходит к древнеевропейским добродетелям как мера цивилизованных отношений, мера ответственности «сильных» по отношению к «слабым», к тем, у кого меньше возможностей отстоять свое человеческое достоинство.

В связи с этим мне представляется, что достоинство человека является доминантой сознания, претендующего на признание субъекта. Это первый тезис о достоинстве человека в глобальном мире. Но кто субъект? Индивид, нация как этническая общность, государственная власть, руководствующаяся национальными интересами, человечество глобального мира в целом? Отсюда могут возникать разные формы глобальных проблем и виды конфликтов: национальный, религиозный, демографический, экономический, политический и т. д.

Что касается достоинства человека в свете диалектики национальных отношений и национальных интересов, или национального достоинства, то вот второй тезис. Поскольку национальное достоинство предполагает два подхода — национально-этнический и национально-гражданственный, то не этнический вектор развития будет определять достоинство человека, а человеческое достоинство будет утверждаться на надэтническом пласте национальной идентичности, обусловленном скорее региональной и международной сопряженностью и стремлением найти равновесие в глобальном мире. Достоинство человека в антропологическом качестве достойного существования во многом определяют государственные, региональные, межгосударственные взаимопроникающие связи. Важно не только национальное, но и всечеловеческое достоинство.

Этика человеческого достоинства выдвигает фактор ненасилия, ответственность в творчески-созидательной деятельности, мудрость в следовании договоренностям и поиске компромиссов в современном мире, который наполнен актами напряженных событий и нерешенностью проблемы защиты прав человека. В таком случае человечеству следует не пренебрегать исторически сложившимися этическими мо-

делями и не ориентироваться только на неолиберальную политику и экономику. Вопрос о том, возможны ли этический симбиоз этики добродетелей и этики долга, или глобальный этос, продолжает оставаться открытым. Однако регулятор в нынешней ситуации есть: это принцип ответственности, принцип договоренностей, а в идеале маяком выступает и принцип справедливости, в той мере, насколько эти принципы способны обеспечивать и совершенствовать качество жизни.

И здесь я выдвигаю свой третий тезис о достоинстве человека — утопическую модель этического симбиоза как синтеза следующих постулатов: императива умеренности, эвдемонической этики добродетелей с «золотой серединой», максим этики совершенства и этики долга, взывающих к разуму, этики счастья в утилитарной концепции либералов, марксистской этики ценностей жизни и культуры, общечеловеческих ценностей, этики ненасилия, этики справедливости. Особенно подчеркну то, что мы взываем к ответственности, но при этом недооцениваем этику долга со стремлением к совершенному образу жизни, сочетая социальную этику и индивидуальную этику.

Идея этического симбиоза выглядит утопичной в условиях глобального мира, над которым нависла опасность актов международного терроризма, однако, как известно, утопические идеи могут помочь привнести реальные плоды в переосмысление глобальных вызовов.

Таким образом, сложились три основных тезиса достоинства человека:

- 1) достоинство человека, определяемое качеством достойной жизни в глобальном мире, является доминантой современного сознания;
- 2) достоинство человека в свете диалектики национальных отношений и национальных интересов выступает как равновесие глобального мира;
- 3) достоинство человека и утопия этического симбиоза — возможные проекции практической этики глобального мира.

Цивилизационные процессы поставили перед человечеством задачу не только выживания, но и пути совершенствования своего существования, для которого необходим междисциплинарный подход к решению глобальных проблем. Самодвижение глобального мира как процесса указывает на действие законов диалектики национальных отношений. Ценностным ядром данного процесса выступает качество достойной жизни, предполагающее этическое содержание творческой деятельности, что и определяет ценность достоинства человека в глобальном мире.

С. С. Комиссаренко¹**ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:
СМЕНА КУЛЬТУРНЫХ ПАРАДИГМ**

Кризис цивилизации достиг своей кульминации, когда глобализационные процессы столкнулись с тенденциями отдельных стран на отстаивание собственных интересов в границах национальных государств. Еще недавно идеология глобализации казалась неизбежной, поскольку опиралась на тесное взаимодействие государств в транснациональном развитии экономики, где маркетинговые технологии диктовали взаимопроникновение товаров и услуг, а интеграция рынков труда и финансов обеспечивала их производство. Сотрудничество также опиралось на взаимозависимость стран от информационно-коммуникативных сетей, способствующих установлению тесных связей между ними. Во многом глобализация осуществлялась под воздействием политико-экономических факторов, сводимых к влиянию западных стран на остальной мир, где во главе угла находились США. Вместе с тем «западная цивилизация в своем влиянии на мир работает как редукционистская система в двояком смысле: посредством модернизации–вестернизации снижает социокультурное разнообразие мира; посредством секуляризации, принявшей форму всемирного потребительского общества, оспаривает духовные, ценностные иерархии, защищаемые великими религиями»².

Сегодня цивилизационные вызовы адресованы не только политическим, экономическим, социальным аспектам развития тех или иных стран, что является весьма важным, но и массовой культуре как явлению, возникшему вследствие глобализационного процесса. Сущность массовой культуры сводилась, во-первых, к формированию нового типа личности, в основе которого — новый индивидуализм. Его возникновение связывали с преодолением национальных традиций и ценностей, когда «традиционные рамки, ограничивающие индивидуальные особенности, исчезают и на их место приходят новые принципы формирования личности. Глобализация заставляет людей жить более открыто и гибко»³. Во-вторых, массовая культура, как предсказывали ее идеологи, под влиянием глобализации «пре-

вращалась в одну из форм “культурного империализма”, при котором ценности, стили и система взглядов западного мира будут насаждаться настолько агрессивно, что просто задавят национальные культуры»⁴.

Однако стремительно развивающиеся в отдельных государствах тенденции к обретению самостоятельности и избавлению от политико-экономического диктата доминирующих стран, особенно США, показывают, что массовая культура уже не обладает притягательной силой, как несколько лет назад. Ее унифицированные ценности оказались не столь универсальными, чтобы стать истинными ориентирами в поиске жизненных смыслов, сводимых в большинстве своем лишь к потребительской культуре среднестатистического западного человека. А индивидуализм личности сделал человека одиноким, не дав ему осознать себя принадлежащим огромному миру. Размытая самоидентификация привела не только к возникновению культурной дезориентации ценностей, норм, регулирующих жизненное бытие, произошло разрушение традиции на индивидуальном уровне, которая «вбирает в себя символы коллективной идентичности, усиливает чувство общих корней, принадлежности и верности нации, обществу, группе. Таковы прежде всего национальные традиции с их гимнами, флагами, эмблемами, мифологией и публичными ритуалами. Они уходят корнями вглубь истории и используют прошлое для того, чтобы объединять людей в настоящем»⁵. Культура в ее национальном проявлении все больше предстает как ответ на вызовы современного мира и своеобразная антитеза массовой культуре. Сегодня качественным образом изменяется европейский порядок, где идеи мультикультурализма терпят крах. Разлом происходит по национально-культурной оси. Несостоятельность идеи объединения цивилизаций на основе глобализации разрушается под натиском как национально-культурных запросов людей, так и стран, не желающих вписываться в общее европейское культурное пространство. Ценностный ряд отдельных культур, особенно мусульманских, не складывается в единую мозаику европейской жизни, в основе которой находятся постоянно декларируемые общечеловеческие ценности.

Национальная идентичность, находящаяся в основании культуры, является мощным ядром объединения людей не только по территориальному признаку, но и по культурным кодам, скрепляющим тот или иной этнос. Культура с этой точки зрения предстает как фундамент построения этноса. В этнической идентификации велика роль культурно-лингвистического фактора, где язык объединяет народы. Но язык — это и механизм самоидентификации человека по отношению к своей культуре по формуле «свой–чужой».

Однако вопрос о национальной культуре, который становится все более актуальным в современном

¹ Профессор кафедры социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 70 научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Пушкин в культурном мире русского дворянства», «Формирование личности: концепции, институты, технологии», «Элита российской культуры», «Культурные традиции русского общества», «Клуб как социальное явление» и др.; статей: «Российский этнос: социально-культурный дискурс», «Гуманизм как основа диалога культур в эпоху глобализации», «Духовные миры отечественной культуры: модели современных трансформаций», «Мир пушкинского бытия: ценностно-смысловые доминанты», «Проект “новой породы людей” в социокультурных преобразованиях Екатерины II», «Взаимодействие социального и культурного: проблема доминантности», «Современные проблемы связей с общественностью на политическом поле России» и др.

² Ильин В. В., Панарин А. С., Ахиезер А. С. Реформы и контрреформы в России. Циклы модернизационного процесса. М.: Изд-во МТУ, 1996. С. 260.

³ Гидденс Э. Социология: пер. с англ. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2005. С. 58.

⁴ Гидденс Э. Указ. соч. С. 67.

⁵ Штомпка П. Социология социальных изменений: пер. с англ. / под ред. В. А. Ядова. М.: Аспект-Пресс, 1996. С. 96.

мире, является достаточно сложным и далеко не однозначным. Во-первых, многие государства полиэтничны и многоконфессиональны, и Россия представляется наиболее показательной в этом смысле. О сущности национальных культур В. М. Межуев, в частности, писал: «...правильнее считать национальную культуру понятием не субстанциональным, а функциональным, имеющим смысл лишь при их соотношении друг с другом. Национальная культура существует лишь в отношении к другим национальным культурам, в сравнении с ними, то есть осознает себя не в единственном, а во множественном числе. Не будь других культур, не было бы и ее»¹.

Проблемы национальных культур, а также смыслообразующих доминант нации были важны для философов русской мысли. Наиболее точно, на наш взгляд, сущность национального проявления в культуре определил Н. А. Бердяев: «...бытие нации не определяется и не исчерпывается ни расой, ни языком, ни религией, ни территорией, ни государственным суверенитетом, хотя все эти признаки более или менее существенны для национального бытия. Наиболее правы те, которые определяют нацию как единство исторической судьбы»². Единство исторического предназначения объединяет нацию в процессе строительства своей, «индивидуальной» единой судьбы. Как правило, судьба нации выстраивается на преодолении своей участи. Таким преодолением для страны явилась Великая Отечественная война, которая объединила все многочисленные народности, населявшие территорию СССР, в семью народов.

Во-вторых, внутри национальной культуры в полиэтничном государстве возникают проблемы, связанные с культурной идентификацией, выраженной в формуле «свой–другие». Поэтому внутри национальных культур происходят свои микровыводы. В связи с этим более остро встает вопрос о зарождении доминирующей нации как ведущей и признании ее влияния на другие этносы. Здесь большую роль играет культурно-исторический фактор, влияющий на поиск оснований национальной идентичности на уровне зарождения национального мировосприятия и миропонимания. Интерес к историческим корням актуализируется в силу осмысления истоков национального становления. Историческая память доминирующей нации делает запрос на происхождение и развитие национальных основ. Происходит рефлексия прошлого народа. Это особенно отчетливо проявляется сегодня в России, когда ее история начинает вызывать глубокую заинтересованность. Наиболее ярко эта тенденция проявляется в кинематографе, литературе, монументальном изобразительном искусстве и т. д.

Современные цивилизационные процессы показывают, что массовая культура начинает отступать перед нарождающейся тенденцией обращения к национальным культурам. Насколько этот переход является обоснованным, покажет время, ибо в культуре нет линейного развития. Культура всегда циклична во времени и пространстве. На смену одному циклу развития (или упадка) приходит другой. Несомненным является одно — сегодня смена парадигм культур является ответом на вызов современной цивилизации.

Т. В. Кузнецова³

НА ПОРОГЕ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: PRO ET CONTRA

В современной философии разработана новейшая методология смысловой и формально-содержательной категории антропоцентризма, позволяющая фиксировать различные ее концепты. Исследования последних лет не просто посвящаются цивилизационному (стадиальному) историческому подходу, но выявляют логику, исторически предопределенные закономерности культурной парадигмы исторического бытия человека. Прослеживаются генезис и динамика развития категории антропоцентризма в русской и зарубежной философской мысли XIX–XX веков. На основе анализа различных научных источников даются понятия кон-

цепции, эстетической платформы, эволюции философско-культурной парадигмы антропоцентризма, а также соотношения цивилизационных этапов с апокалиптическим концом истории XXI века (так подробно разбирается актуальный сейчас, как никогда прежде, ключевой труд Ф. Ницше «По ту сторону добра и зла»). Поднимаются актуальные вопросы о *смысле и назначении истории*. Определяются способы человеческого мышления на каждом цивилизационном этапе — от первобытнообщинного до Новейшего времени, до современности.

Если смысл истории заключался в замене животных инстинктов первобытного человека разумными, рационализированными действиями, то назначение истории состояло в создании второй (рационализированной и разумной) надбиологической природы человека.

Философская антропология (от *греч.* anthropos — человек и logos — учение, слово) — раздел философии, в котором осмысляются проблемы человеческой природы и человеческого бытия; в настоящее время она все больше сближается со смежными отраслями знания — историей, филологией, психологией, куль-

¹ Межуев В. М. История, цивилизация, культура: опыт философского истолкования. СПб.: СПбГУП, 2011. С. 182.

² Бердяев Н. А. О нации // Русское зарубежье: Из истории социальной и правовой мысли. Л.: Лениздат, 1991. С. 77.

³ Профессор кафедры эстетики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук. Автор более 70 научных публикаций и учебных пособий, в т. ч.: «Эстетика универсального и эстетика своеобразия», «Национальная политика и традиционная культура», «Парадигма народности в эстетической теории», «История и проблема робота», «Категория истины и проблема художественной правды», «Мода и гламур: тенденции современной повседневной культуры» и др. Член редколлегии журнала «Вестник Московского университета». Заместитель председателя Московского философского общества.

турологией. Именно такой комплексный синергетический подход и демонстрируют современные исследования, посвященные истории цивилизаций.

Человек стал мыслить творчески только потому, что смог узнать прошлое и овладеть способностью это прошлое «накапливать». Таким образом, назначение истории — это возникновение «надбиологической» природы человека, окончательное формирование «зрелого» возраста человечества, его общественных (культурных, научных, этических) достижений.

Одна из древнейших тенденций — истолкование человека как своеобразного ключа к разгадке тайн универсума. На ранних ступенях исторического развития человек не отделял себя от остальной природы. Древнейшая мифология не расчленяет картину мира: природа, человек, божество в ней слиты. Процесс познания с самого начала «отягощен» способностью человека оценивать реальность как «очеловеченную», созданную по его меркам. Представление о человеке как о микрокосмосе, находящемся в большом мире (макрোকосмосе), — одна из древнейших античных концепций.

Человек-Демург возникает благодаря «накопленному прошлому» и априорной способности мышления, создав труд, общество, культуру и историю. Не история создает человека, а человек самолично творит историю — основной тезис исследований.

На второй исторической стадии темпорального бытия разум торжествует в борьбе против инстинкта. Христианство стало основой европейской индивидуалистической традиции. Мировые религии были первыми шагами по преодолению границ между государствами, нациями, странами, что вело человека к способности жить с непохожими, терпимости, способности уступать другим и любить их. Общественные отношения, построенные на любви и дружбе, будут иметь в своей основе личные отношения, которые легко согласуются с общественными интересами и не противоречат им. История показывает и доказывает, что цивилизации не сталкиваются и никогда не сталкивались друг с другом, как сегодня полагают многие авторы, которые тем самым «подкидывают» активным политикам очень плохие лозунги, чтобы те могли периодически разрушать современные цивилизационные отношения в обществе.

В каждом человеке проглядывает падший «раб» (результат первородного греха), и проблема бытия, выбора добра или зла решается в нем сообразно его нравственным предпочтениям. Равенство, к которому стремилась реальная история, несовместимо с понятием ницшеанского «сверхчеловека», который может позволить себе то, что воспринимается «стадом ягнят» как зло. Остатки зла — это «инстинкт силы», который до сих пор еще гордо демонстрируют некоторые люди или даже государства в том или ином обществе.

В европейском сознании главенствует идея гуманизма, которая прославляет человека как высшую ценность, как Демурга мироздания. Культ автономного человека в эпоху Просвещения — пафос персоналистской линии европейского сознания. В XVIII веке началось разностороннее изучение человека. В сущно-

сти, до эпохи Просвещения человеческие существа рассматривались как разумные животные с накопленным историческим прошлым, «памятью ненапряженного прошлого» (термин О. Лосского).

История не повторяется вследствие того, что человек на новом историческом витке предъявляет себе и истории все новые моральные критерии, нравственные запросы и нормы. Кроме того, происходит вытеснение прошлых, отживших, доисторических инстинктов и правил поведения.

Со второй половины XX века начинается информационная эпоха. На место массового общества эпохи индустриализма постепенно приходит общество, основанное на знаниях и индивидуальных творческих способностях. Но и в наши дни поднимается вопрос о сущности онтологических категорий добра и зла, борьба между которыми определяет сущность всего исторического процесса. Более того, эта борьба обостряется, а зло принимает новые формы, например форму международного терроризма. Добро, по мнению автора статьи, всегда количественно меньше зла, однако всегда побеждает, ибо лишено животных инстинктов и чувственных страстей. Но диалектика взаимодействия и взаимопереходов добра и зла меняется. Так, попытки экспорта в принципе удачных моделей социально-экономического развития сплошь и рядом приводят к апокалиптическим трагедиям (что мы, в частности, видели в последние годы на Ближнем Востоке).

Можно сделать вывод: культуры определяют формы продуктивной и творческой деятельности человека, а цивилизации (каждый раз — нового уровня) — новые социальные силы, которые человек использует в своей деятельности для творческого продуктивного создания нового мира. Проблема же периодов цивилизации (технологической, например) не совпадает с проблемой ее уровней, хотя и представляет собой предмет весьма важного научного интереса.

Общественное развитие основано на том, что человек изменяет мир, чтобы сохранить себя в лучшем виде. История постепенно формирует все более человеческую природу человека, да и сам человек стремится к совершенству (все более сложным способом мышления) — в этом суть гуманизма настоящего и будущего. Однако нельзя предсказать, какие режимы и формы государственного устройства предпочтет человек пост-истории, если возникнет потребность в новом государственном устройстве. В связи с этим уместнее было бы говорить не о кризисе цивилизаций, а о неизвестности ожидания стадийальной парадигмы историзма.

В конце XX — начале XXI века возникает проблема дальнейшей антропологической эволюции. Роботы позволили человеку перейти от индустриальной экономики к информационной, превратить коллективное творчество в индивидуальное. Носитель необъятных объемов информации, робот создан человеком с целью освободить себя от привлечения огромного количества работников для выполнения определенных задач. Однако возникает вопрос о том, сможем ли мы удержать дальнейшее развитие системы «человек-робот» под контролем. Уже сегодня создаются роботы как частич-

ные аналоги человека. Поэтому дальнейшее развитие технических устройств уже не просто вызывает изменение внешней предметной среды, но открывает возможность глубокой трансформации того, что мы назы-

ваем человеческой цивилизацией. Возникает перспектива так называемой постчеловеческой цивилизации, нуждающаяся в широком и комплексном гуманистическом обсуждении.

Е. А. Кульков¹

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК СРЕДА И РЕСУРС ГЛОБАЛЬНЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН

Интернет как среда социальных коммуникаций представляет собой уникальное пространство, характеризующееся отсутствием барьеров любого рода — территориальных, национальных, религиозных, правовых, экономических и т. д. Взаимодействие участников в этом пространстве складывается по сетевому принципу: пользователи обращаются к тому или иному информационному ресурсу, находящемуся на одном или нескольких серверах, и создают систему социальных связей, основой которых становится, с одной стороны, некая объединяющая людей проблема (социальная, политическая, культурная и др.), с другой — взаимное доверие участников сети, выступающее мощным фактором ее развития и укрепления социальных взаимодействий. Устойчивые и постоянно создающиеся в интернет-пространстве сетевые сообщества стали формой общественной жизни, не имеющей аналогов в истории человечества и носящей глобальный, наднациональный, надклассовый и надполитический характер.

Эти качества социальных сетей, будучи изначально позитивными и конструктивными, обусловили явление, основанное на эксплуатации свойств социальных сетей и использовании их в весьма опасных целях. Речь идет об информационно-психологических войнах, которые инициируются и ведутся разными субъектами, решающими прагматичные и масштабные задачи — от формирования общественного мнения по локальному вопросу до формирования нового мирового порядка. Полем войны выступает сеть, а предметом воздействия (и поражения) — умы, жизненные установки, ценности, поведенческие паттерны. Используя исключительно информационные средства, сегодня можно дискредитировать национальных лидеров, значимые события прошлого, расшатать или разрушить национально-культурную идентичность, изменить в нужном направлении социально-психологическую атмосферу в обществе и т. п.

Информационно-психологические войны не являются абсолютно новым явлением. Они возникли и получили свое развитие в информационном обществе, где средства массовой коммуникации (СМК) начали ока-

зывать воздействие на массовое сознание. Сила воздействия газет, а затем радио на население была замечена практически с самого начала функционирования этих СМИ². Однако в XX и XXI веках, в условиях информационного общества, возникли такие мощные средства информационного воздействия на массовое сознание, как спутниковое и интернет-телевидение, Интернет, мобильная связь, электронные печатные издания. Они, во-первых, обладают значительно большими, чем традиционные СМИ, возможностями влияния на массовое сознание, во-вторых, в существенной мере уже не могут контролироваться со стороны правительств, спецслужб и иных структур. Как показал опыт, они оказались способны порождать социальные, межнациональные, религиозные и другие конфликты, что делает их мощным ресурсом и ударной силой воздействия на сознание и поведение населения.

Сегодня разработан и используется своего рода комплекс приемов и средств информационно-коммуникативного воздействия на личность с целью обеспечения ее нормативного поведения, который обобщенно именуется как антропоцентрированные (гуманитарные) технологии. Методологическим ядром этих технологий является стратегия и тактика «мягкой силы» (*англ.* soft power). Суть технологий «мягкой силы» состоит в возможности добиваться желаемых результатов на основе добровольного участия людей в предлагаемых акциях и событиях и стимулируемой специальными средствами активности, симпатии и привлекательности открываемых перед ними возможностей. Эти технологии принципиально отличаются от технологий «жесткой силы», которые основаны на применении различных форм манипуляции и принуждения. Именно технологии «мягкой силы» составляют основу «национального маркетинга» (Ф. Котлер) или «странового брендинга» (С. Анхольт). За счет их применения продвигается притягательный образ страны — ее истории и культуры, персонализируются значимые для целевой аудитории смыслы, идеалы, ценности, ожидания. Этот образ можно создать как на основе уже существу-

¹ Главный редактор ЗАО «Комсомольская правда в Санкт-Петербурге», профессор-консультант кафедры журналистики СПбГУП. Кроме массмедиа, имеет опыт работы в маркетинге, связях с общественностью и книгоиздательском бизнесе (был главным редактором издательства «Популярная литература»). Работал с разными федеральными и региональными СМИ, публиковался в информационном агентстве Associated Press, «Комсомольской правде», журналах GQ, NME.

² Общепризнана роль публиковавшихся в американских газетах «Писем федералиста», обеспечивших победу сторонников Конституции США. В историю вошли «Беседы у камин» — еженедельные радиопередачи, в которых президент США Ф. Рузвельт напрямую обращался к населению страны в период Великой депрессии и которые обеспечили психологическую поддержку народу, сплотили людей в условиях тотального экономического кризиса. Метроном, звучащий из радиоточек блокадного Ленинграда, стал символом того, что город жив, борется и его сердце бьется. Примеры такого рода можно множить.

ющих реалий путем корректировки нежелательных или дискредитирующих элементов, так и искусственно сконструировать.

Умелое проектирование образа страны, использование ресурсов символического капитала культуры, политических ценностей и смыслов, сконцентрированных в современном имидже государства, во многом обеспечивают успехи внешней политики¹. Страна, которая не позиционирует себя в информационном пространстве, не продвигает свой образ (включая историю, культуру, традиции, выдающихся личностей, цели, ценности и т. д.), оказывается практически закрытой для внешнего мира, что порождает недоверие к ней со стороны других стран, мирового сообщества и делает ее в итоге страной-изгоем. Страна же, которая активно работает в информационном поле и продвигает свой имидж, осуществляет своеобразное послание миру, которое распространяется в мировом информационном пространстве и выступает как приглашение странам и народам к конструктивному диалогу и партнерству в экономической, политической, культурной и иных сферах. Для целенаправленного формирования имиджа развитые страны мира активно используют возможности культуры, спорта, искусства, «третьего сектора», народной дипломатии. Например, США на поддержание своего позитивного имиджа тратят более 1 млрд долларов в год государственных инвестиций (плюс 2 млрд долларов средств частных лиц). На развитие публичной дипломатии, которая рассматривается в качестве важнейшего направления современных информационных войн, Великобритания и Франция тратят по 1 млрд долларов, Германия — 218 млн долларов, Япония — 210 млн долларов².

Эффективность информационного воздействия в значительной степени определяется возможностями средства коммуникации, а также особенностями аудитории. Сетевое сообщество сегодня стало не только приоритетным объектом воздействия СМИ — оно в целом и его отдельные сегменты (социальные сети) становятся субъектами влияния на своих участников, превратились в форму социальных отношений, превосходящую реальные социумы по масштабу, степени организованности и взаимовлиянию.

В последние годы в Интернете демонстрируют постоянный рост виртуальные сообщества, членом которых объединяет единство ценностей, личностных проблем и даже эмоциональных состояний. Результаты исследований показывают, что в многомиллионной аудитории пользователей доминируют три мегагруппы: 1) «наслаждающиеся жизнью», то есть стремящиеся получить в системе коммуникаций удовольствие любым способом (очевидный приоритет ценностей гедонизма, наслаждения); 2) «члены стаи» — коммуниканты с акцентированной потребностью в общении, готовые делиться с другими активистами социальных

сетей; 3) «эмоциональные сообщества» (сегмент которой стремительно расширяется) — людей этой группы консолидирует общность чувств, эмоций, причем преимущественно негативных (агрессия, направленная в адрес определенного объекта, который обозначен в сети «референтными» пользователями)³. Нетрудно заметить, что эти группы характеризуют прежде всего потребительские настроения, то есть выраженное стремление удовлетворять потребности без особых физических, психических, эмоциональных затрат. Такого рода ориентации пользователей сети, которые обычно сочетаются с эмоциональной импульсивностью, успешно консолидируются за счет технологий, применяемых профессиональными модераторами, и в итоге становятся базой для геополитических инициатив (типа «оранжевых революций» и других переворотов).

В связи с этим нужно отметить, что в сетевом сообществе и его отдельных сегментах наблюдаются тенденции, которые заставляют присмотреться к этой сфере не только культурологов, социологов и философов, но и специалистов, отвечающих за стабильность ситуации в обществе и безопасность населения. В частности, сворачиваются интернет-проекты, направленные на аккумуляцию средств для решения просветительных, благотворительных и научных задач; набирают обороты инициативы с негативной, деструктивной эмоциональной составляющей, растет число проектов и интернет-дискурсов, где доминируют негативные эмоции (изобилие сообщений типа троллинга и флейминга). Доминирование аффективных связей — это переход на примитивный уровень консолидации, и Интернет в данном случае, с одной стороны, активизирует деструктивную природу человека, а с другой — дает ей выход.

Доминирование вышеуказанных групп упрощает подбор эффективных средств воздействия, куда входит, в частности, нейролингвистическое программирование (НЛП). Эффективность этой технологии обеспечивается тем, что к подсознанию человека подбирается своего рода «ключ», в качестве которого выступает специально подобранный «нейросемантический гипертекст», содержащий значимые для суггестируемого лица или группы лиц концепты.

Сетевые сообщества сегодня стали актуальным полем и объектом информационных войн. Участники сетевых сообществ — как правило, люди, не обладающие достаточно устойчивой структурой ментальных матриц и мощной психологической защитой. В силу этого они объективно попадают в группу риска и становятся не только жертвами информационного воздействия, но и его катализаторами (прежде всего за счет распространения информации на доверяющую им аудиторию сети). Для различного рода манипуляций ситуация упрощается в связи с тем, что сеть включает две основные категории — лидеров мнений и рядовых пользователей. Лидеры мнений — это блогеры и участники различных групп в социальных сетях, чьи материалы читает значительное число пользователей. Воз-

¹ Василенко И. А. Формирование нового образа России «после Крыма»: парадоксы информационной войны // Имидж России «после Крыма»: парадоксы информационной войны: материалы науч. конф. кафедры российской политики МГУ им. М. В. Ломоносова, 18 ноября 2014 г. / под ред. И. А. Василенко. М.: Издатель Воровьев А. В., 2014.

² См.: Най Дж. Гибкая власть. Новосибирск; М., 2006. С. 171.

³ См.: Голова А. Г. Метаморфозы социальных сетей // Человек. 2013. № 4. С. 154.

действуя на лидеров, можно за короткое время внедрить в сознание огромное число людей те или иные идеи и породить желаемые настроения. Более того, сетевую активность можно перевести из режима онлайн в офлайн, то есть вывести людей на улицу, стимулировать любые формы деструктивного поведения, вплоть до противодействия правоохранительным органам, погромы, поджоги и т. п.

Глобальная компьютерная сеть, объективно обладающая значительными возможностями коммуникативного воздействия на аудиторию, в реальности используется не только в социальных, но и в антисоциальных целях. Демократизм сети, ценность которой, по мысли ее первых исследователей (М. Кастельс и др.), состояла в том, что она никем не контролируется и не управляется, поскольку представляет собой надгосударственное и наднациональное инновационное образование, незаметно трансформировался в свою противоположность. Стабильности социума реально угрожают как повсеместное нарушение конфиденциальности информации в Интернете, ее ухудшение, связанное с размещением непроверенной, ложной и провокационной информации, так и реальные факты информационного экстремизма, особенно применительно к Интернету.

Информационный экстремизм существенно отличается от традиционных, исторически сложившихся форм и направлений экстремистского воздействия. Взрыв здания или вагона метро влечет за собой жертвы, кровь, но при этом может вызвать массовые протесты и консолидировать людей против терроризма, как произошло, в частности, в Санкт-Петербурге после теракта в метро 3 апреля 2017 года. Информационный терроризм подтачивает, подрывает и «взрывает» сознание и подсознание. Это происходит на основе создания и распространения различной информа-

ции, которая подпадает под предусмотренные законом признаки экстремистской деятельности, но которую в силу специфики Сети сложно распознать и еще сложнее пресечь, а тем более уничтожить. Сгенерированная компьютерными сетями информация используется также в качестве средства воздействия на органы государственной власти, местного самоуправления (кибератаки, «волны» искусственных обращений граждан по тем или иным вопросам, психическое воздействие на тех или иных общественных деятелей, представителей власти и пр.).

К сожалению, негативные последствия развития информационного общества сегодня начинают доминировать над тем позитивным, что привнес Интернет в современный мир. Выработан значительный репертуар приемов массово-коммуникативного воздействия (в том числе и деструктивного) на сознание участников сетевых сообществ, позволяющих погрузить человека в иллюзорную реальность, вызвать негативные эмоционально-чувственные реакции, подвести к потере жизненных и социальных ориентиров, сформировать катастрофическое сознание и трагическое мироощущение.

Ситуация в России имеет свою специфику — здесь дополнительно к вышеуказанным факторам наблюдается экспоненциальный рост социального влияния Интернета и динамичное нарастание в нем деструктивных аспектов. Пока нет особых признаков того, что в ближайшие годы действие указанных деструктивных факторов будет купировано. Этому мешает прежде всего отсутствие государственных и общественных механизмов контроля и управления международной компьютерной сетью. В связи с этим проблема обеспечения информационной безопасности России приобретает особую актуальность и ждет своего решения со стороны науки и практики.

В. А. Курганская¹

ПОСТФИЛОСОФИЯ КАК ДИСКУРС СТАНОВЛЕНИЯ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

На наших глазах происходит смена цивилизационных устоев жизнеустройства, серьезная переоценка ценностей, разноречиво трактуется ситуация, в которой оказалось современное человечество. Утрачивают былую мировоззренческую принципиальность и со-

¹ Главный научный сотрудник отдела политологии Института философии, политологии и религиоведения (Алматы, Казахстан), доктор философских наук, профессор. Автор около 190 научных публикаций, в т. ч. 25 монографий: «Метафизика всеединства: личностный смысл мировоззренческих универсалий», «Правосознание этнических групп Казахстана: социокультурный контекст формирования», «Казахстанская модель межэтнической интеграции» (в соавт.), «Постиндустриальные тренды в стратегии инновационного развития Республики Казахстан» (в соавт.), «Управление рисками в сфере внутренней политики Республики Казахстан» (в соавт.), «Экология культуры в формировании современной картины мира» (в соавт.) и др. Член редколлегии журнала «Идеи», председатель редакционного совета международного научного журнала «Global Scienc Communications». Награждена медалями «За заслуги в развитии науки», «20 лет независимости Республики Казахстан».

циально-политическую респектабельность фундаментальные для прежних форм социальной теории различия социально-экономических формаций (социализм и капитализм) или политических режимов (тоталитаризм, авторитаризм, демократия). Отвергаются концепции общественного развития, еще недавно самоуверенно предлагавшие амбициозные планы, прогнозы и решения. Наиболее устойчивыми характеристиками человеческого бытия становятся нестабильность, изменчивость, интенсивная трансформация общественных институтов, преобразование всей культурно-искусственной среды обитания человека.

У политических и интеллектуальных лидеров нет однозначных оценок ситуации, в которой оказалось человечество, и единодушного мнения относительно путей продвижения в будущее. В литературе встречается множество обозначений того типа общества, которое идет на смену существующим социальным порядкам:

постиндустриальное (Д. Рисмен, Д. Белл, А. Турен, Ж. Фурастье, О. Тоффлер), посттрадиционное (С. Айзенштадт), посткапиталистическое или постбуржуазное (Р. Дарендорф, П. Дракер), постцивилизованное (К. Боулдинг), пострыночное или постпредпринимательское (П. Дракер, Т. Барнс), постэкономическое (П. Дракер, В. Л. Иноземцев), конвенциональное (Дж. Пакульский, М. Уотерс), информационное (Ф. Махлуп, Е. Масуда, Р. Кац, Т. Стоуньер), программируемое (А. Турен), общество досуга (Д. Рисман), знаний (Р. Лайн, Д. Диксон, Т. Сакайя), сетевых структур, или информационный капитализм (М. Кастельс), общество виртуального соприсутствия (Э. Гидденс), технотронное (З. Бжезинский), электронно-цифровое (Д. Тапскотт), общество риска (У. Бек), спектакля (Г. Дебор) и т. п.

В перечне предложенных социальными теоретиками наименований нового типа общества большинство вариантов начинается с приставки *post-*. Распространенность такого рода терминов объясняется тем, что приставка *post-* обозначает не только оформившееся общественное целое, определившееся в собственных, имманентных структурах, но и сам процесс перехода.

Современный мир определяется как эпоха перехода от модерна к постмодерну. По известному определению классика, философия есть эпоха, схваченная в мысли. Ироничное определение Кьеркегором современного ему мира как «сверхфилософского времени» в эпоху постмодерна приобретает строгий терминологический смысл. Переход системы к новому типу саморегуляции (или появление в ней нового уровня организации) трансформирует все генетически предшествующие, ранее сложившиеся элементы и структуры. Философия, как базовая мировоззренческая дисциплина эпохи модерна, выявляющая и учреждающая основополагающие структуры рационального мышления, с приходом эпохи постмодерна должна — уже просто этимологически — трансформироваться в постфилософию — «вещь тонкую, непонятную, интересную, местами отвратительную»¹.

Модерн практически завершается (не в своем эмпирически наличном бытии, разумеется, а как фаза всемирно-исторического процесса). Однако эпоха постмодерна ведь еще и не начиналась. Она надвигается как состояние фазового перехода к чему-то, что находится, если использовать термины нелинейной динамики, за горизонтом предсказуемости. В фазовом переходе происходят становление нового состояния реальности, а также сдвиг, семантические мутации, качественное преобразование всех категорий, законов, принципов ее восприятия и осмысления. Поэтому не в силу свободного выбора, а с фатальной неизбежностью философия (постфилософия) постмодерна самоопределилась как философия становления.

Своеобразный алгоритм деконструкции концептуального каркаса картины мира модерна и его перевода в понятия картины мира постмодерна предложен рядом направлений междисциплинарных исследований: синергетикой, нелинейной динамикой, теорией дис-

сипативных структур. В синергетике акцент делается на исследовании состояний неустойчивости, процессов рождения и перестройки структур, или, по И. Пригожину, происходит переход от изучения инвариантов к сингулярностям, от бытия к становлению.

Постфилософия является закономерным результатом делегитимации систем мировоззрения, выработанных религией и философией: «В наше время философия не просто закончилась, она в наше время невозможна... Никакого Канта, никакого чистого разума, никакого Сартра уже не существует»². Точнее, они трансформируются в концептуальные персонажи и мизансцены постмодернистской инсценировки события мысли, театрально-сценического производства фантазма. Постмодернизм характеризуется Ж.-Ф. Лиотаром как выход из употребления метанарративного механизма легитимации³. Такого рода механизмом отныне выступают гибкие сети языковых игр, которые реализуются в форме институтов. Самоподдержание социальной системы продолжается как симуляция, скрывающая отсутствие глубинной реальности. При этом в фазовых переходах правила игры имманентны самой игре, не имеют метафизических или трансцендентных истоков.

В романе «Игра в бисер» Г. Гессе описывает игру как реализацию великой идеи движения к синтезу точных и гуманитарных наук и науки в целом с искусством и религией. Теоретически с помощью этой игры можно воспроизвести весь духовный космос человечества. «Игра в бисер — это, таким образом, игра со всем содержанием и всеми ценностями нашей культуры»⁴.

В виртуальное игровое пространство мира постмодерна втягиваются вещи-симулякры любого происхождения и с любой семантической нагрузкой: культурные ценности и артефакты, религиозные символы и мифопоэтические сюжеты, философские идеи и научные теории. Культовый, как сейчас принято выражаться, фильм братьев Вачовски «Матрица» представляет собой «ковер, сотканный из нитей тибетского и дзэнского буддизма, гностицизма, классической и современной западной эпистемологии, популярной квантовой механики, юнгианской психологии, постмодернизма, научной фантастики, гонконгских боевиков и т. д.»⁵.

Переход к кастальской «Игре в бисер» как механизму легитимации нового типа мироустройства влечет за собой ряд методологических требований.

Во-первых, требование преодоления неизжитого платонизма для перехода к принципиально новому классу моделей метастабильных, эволюционирующих, изначально не заданных онтологий. Взгляд изнутри этих онтологий радикально меняет топологию эпистемологического пространства. За горизонтом предсказуемости, или за окном прозрачности, рефлектирующее

² Дугин А. Указ. соч. С. 61.

³ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. С. 10.

⁴ Гессе Г. Игра в бисер: роман. Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2000. С. 8.

⁵ Бассам Г. Религия «Матрицы» и проблемы плюрализма // «Матрица» как философия: эссе. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. URL: http://marsexx.ru/utopia/matrix_kak_filosofia.html

¹ Дугин А. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. М.: Евразийское движение, 2009. С. 30.

сознание, включенное в наблюдаемую онтологию, вынуждено переходить от картезианско-ньютоновского детерминистского языка к языку вероятностному.

Во-вторых, эпохе делегитимации метанарративов принадлежит идея междисциплинарности. С позиций постнеклассической методологии онтологические основания раскрываются как мультимодельные и полиморфные сборки дисциплинарных, интер- и трансдисциплинарных когнитивных практик (картин мира современной физики, квантовой механики, космологии, биологии, математики, гуманитарных дисциплин).

Трансдисциплинарные подходы — это номады, странствующие среди оседлого населения дисциплинарных пространств и пытающиеся создать между ними волну (диссипативную структуру) когерентности. Ситуация междисциплинарности определяет структурирование постнеклассического эпистемологического пространства как когнитивной среды, в которой происходит *самоорганизация* нового знания. Причем метрика этого пространства междисциплинарных коммуникаций выстраивается, в отличие от кастальской игры, по сетевому, фрактальному или ризоморфному принципу. По сути, социальное и эпистемологическое пространство постмодерна приобретает структуру динамического хаоса, описываемую фрактальной геометрией самоподобных объектов (облаков, крон деревьев, береговых линий и т. п.).

Правомерность конституирования синергетики в качестве парадигмы постфилософского дискурса связана с такой особенностью концептуального аппарата синергетики, как самоприменимость. В соответствии с этим принципом «... концептуальный аппарат, претендующий на описание самоорганизующихся процессов, сам является результатом самоорганизации»¹. В условиях постмодерна легитимность утрачивают не только метанарративы, но и любые дискурсивно-аналитические конструкции. Все большее число фундаментальных форм человеческой деятельности начинает регулироваться логикой аффектов и перцептов, в том числе и в построении картины мира. В своих функциях по интеграции концепта, перцепта и аффекта

постфилософия вслед за Ф. Ницше, «уже заменившим суждение аффектом»², стремится вырваться из круга дискурсивных практик как таковых, целенаправленно движется к отказу от обоснований и доказательств своих утверждений. «Философия состоит не в знании и вдохновляется не истиной, а такими категориями, как интересное, примечательное или значительное»³. В соответствии с этой тенденцией рядом исследователей для характеристики современного типа мироустройства использованы метафоры: «столкновение цивилизаций» (С. Хантингтон), «великая шахматная доска» (З. Бжезинский), «всемирная деревня» (М. Маклюэн), однополярный, биполярный и многополярный мир, «плоский мир» (Т. Фридман), «цивилизация третьей волны» (О. Тоффлер).

А. Дугин утверждает: «Мы живем в эпоху *фазового перехода*, и специфика этого фазового перехода состоит в том, что мы видим, как нечто чудовищное, страшное, противоестественное совершается на наших глазах, но мы уже *ничего не способны в этом изменить*»⁴. Апокалиптические выводы А. Дугина, как и, например, пророчества Бодрийяра о конце социального, основаны на линейной экстраполяции тенденций первоначального этапа фазового перехода к эпохе постмодерна. Однако есть все признаки того, что линейная модальность становления новой реальности подходит к точке бифуркации, в которой выводы А. Дугина окажутся за горизонтом предсказуемости.

До сих пор позитивная программа постмодернизма сводится к опоре на маргинальные силы и девиантные практики становления нового миропорядка, что вполне укладывается в логику мейнстрима глобализации. Например, Ж. Делёз выделяет такой параметр порядка самоорганизации социальной системы: «Общество строится по образу и подобию собственных преступлений»⁵. Перспективы постфилософии определяются тем, сможет ли она выработать управляющий параметр фазового перехода к новому типу мироустройства, не порывающему с гуманистическими ценностями «великих рассказов» классической философской традиции.

¹ Аршинов В. И., Свицкий Я. И. Синергетическое движение в языке. URL: <http://spkurdyumov.ru>

² Делёз Ж. Кино. М.: Ад Маргинем, 2004. С. 451.

³ Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. С. 108.

⁴ Дугин А. Указ. соч. С. 186.

⁵ Делёз Ж. Указ. соч. С. 211.

М. С. Курманова¹

СОВРЕМЕННАЯ ЭТНОПОЛИТИКА КАЗАХСТАНА: ПРАКТИКА И ДИСКУССИИ

Современная государственная этнополитика Республики Казахстан отражает процессы трансформации мирового социума и вызовы глобализации. Практика нациестроительства и формирование модели казахстанской идентичности прошли этап широких дискуссий, частью которых стал вопрос о мультикультурализме. Проблемы мультикультурализма неоднократно обсуждались в научном и экспертном сообществах Казахстана и оказывались в центре общественных дискуссий как часть более общей проблемы нациестроительства. Отметим, однако, что в правительственных документах этот термин не используется, а при обсуждении проблем этнополитики чаще говорят о таких понятиях, как «политика межэтнического согласия» и др. Тем не менее государственные руководители высокого ранга периодически ссылаются на успешность мультикультурализма в Казахстане. Например, Карим Масимов, будучи премьер-министром страны, однажды заметил, что Казахстан является образцом мультикультурализма² по сравнению со многими другими странами.

Академик А. Нысанбаев, одним из первых рассмотревший государственную этнополитику через концепцию мультикультурализма, пришел к выводу, что в Казахстане осуществляется «продуманная государственная политика, касающаяся развития мультикультурализма», и «казахстанский мультикультурализм демонстрирует хорошие результаты». Автор определил специфику казахстанского мультикультурализма следующим образом: «Прежнее понимание этого термина устарело, и в настоящее время раскрываются его новые формы и возможности». По его мнению, особенностью казахстанского подхода является то, что здесь акцент перенесен на усиление межкультурной коммуникации и интеграции³. Действительно, на наш взгляд, успех казахстанской модели состоит именно в том, что за годы независимости удалось избежать односторонности либеральной модели мультикультурализма с ее упором на сохранение самобытности культур и выработать действенную государственную политику интеграции этносов.

Казахстанские исследователи определили индекс мультикультурализма (ИМК) в отношении национальных меньшинств для Казахстана, используя ме-

тодику канадского Королевского университета Квинс. Так, А. Кадыралиева пришла к выводу, что он составляет 3,5 из возможных 6 баллов⁴. Согласимся с автором, что Казахстан полностью соответствует ИМК по таким категориям, как «официальный статус языка», «государственное финансирование образования на языке национальных меньшинств» и «законодательное признание многонациональности страны», и частично соответствует по категории «гарантии представительства национальных меньшинств в органах центральной власти»⁵. Это довольно высокий показатель ИМК, свидетельствующий об успехе воплощения принципов мультикультурализма: если Канада и Великобритания по данной методике имеют 6 баллов, то Франция — 2.

Среди сторонников национально-патриотической точки зрения отношение к мультикультурализму более чем скептическое. Некоторые авторы видят в нем угрозу программе продвижения казахской культуры и языка; другие усматривают потенциальную опасность в распространении завышенных ожиданий у национальных меньшинств в отношении их статуса. Так, политолог А. Сарым полагает: «Наша псевдопатриотичная и излишне мультикультуралистская властная элита (точнее, ее верхушка) считает необходимым отложить вопросы развития государственного языка, его коренного реформирования и модернизации, включая введение латинской графики, на как можно более длительную перспективу»⁶.

К. Еженова предостерегает от политики мультикультурализма, поскольку он провоцирует ренессанс клановости, сепаратизма и изоляционизма. По мнению автора, мир замкнутых общин может превратиться «в пространство с альтернативными государственными системами управления. Не нашедшие общего языка социальные группы имеют, в конечном итоге, все основания осознать себя в качестве суверенных государственных систем»⁷. И хотя автор рассматривает проблему в основном на примере западного опыта, в проекции на Казахстан просматривается ясное предостережение в отношении мультикультурализма как несущего потенциальную угрозу единству страны.

С точки зрения А. Сарыма, в Казахстане уже сложились «два неосприкасающихся и малосообщающихся между собой мира»⁸. Для одного государства, заключает автор, это очень много. В ряде социологических

⁴ Кадыралиева А. М. Модели развития мультикультурализма: компаративистский анализ. Алматы, 2015. С. 131.

⁵ В Казахстане нет соответствия по таким категориям, как «территориальная или квазитерриториальная автономия» и «международная правосубъектность» национальных меньшинств.

⁶ Сарым А. Национализм как альтернатива исламизации. URL: http://total.kz/politics/2012/08/22/aidos_sarym_nazionaliz

⁷ Еженова К. Мультикультурализм и постмодернистский суррогат гражданской нации. URL: <http://exclusive.kz/multikulturalizm-i-postmodernistskij-surrogat-grazhdanskoj-nacii.html>

⁸ Сарым А. Национальная идентичность казахстанцев. URL: <http://exclusive.kz/nacionalnaya-identichnost-kazahstancev.-chast-3.html>

¹ Профессор кафедры общеобразовательных дисциплин Алматинского филиала СПбГУП, кандидат исторических наук. Автор более 40 научных публикаций, в т. ч.: «Древний Восток и Античность в историческом зеркале противостояния и взаимовлияния», «Образование как фактор модернизации общества: исторические примеры», «О причинах Первой мировой войны: дебаты в современной английской историографии», «К вопросу об индустриализации в Казахстане и формировании общества индустриальной культуры», «“Исламское государство” — глобальная угроза для современного мира», «Спартанское общество как архетип греческой цивилизации», «К вопросу о государственной политике поддержки межэтнического мира в Казахстане» и др.

² http://www.inform.kz/en/mul-tikul-turalizm-zhivet-v-kazahstane-schitaet-prem-er-ministr-rk_a2372108

³ Нысанбаев А. Мультикультурализм в постсоветском Казахстане: итоги, проблемы, перспективы // Адам әлемі. 2013. № 2 (56). С. 8–9.

работ также отмечают наличие и рост социальной дистанции между этносами, выражающиеся в формировании моноэтнических трудовых коллективов или даже сфер занятости. Если принять эту точку зрения, то придется признать, что в Казахстане сложилась нежелательная ситуация, как и в Европе, — замкнутые на себе этнические общины. Подобный вывод, на наш взгляд, содержит значительное преувеличение, ибо не подтверждается опросами общественного мнения.

Результаты опросов общественного мнения за период 2001–2008 годов, проводившихся американским Международным республиканским институтом, показали незначительное расхождение между двумя общинами в отношении взглядов на демократию, права человека и политическое развитие страны¹. Об этом же говорят данные опросов в связи с обсуждением Доктрины национального единства, свидетельствующие о массовой поддержке государственного проекта доктрины обеими основными этнокультурными общинами страны. Как известно, в ходе обсуждения проект был подвергнут критике сторонниками национал-патриотической точки зрения, выдвинувшими альтернативный проект поэта М. Шаханова. Как отмечает Г. Илеуова, «в результате опроса было выявлено отсутствие весомой поддержки предложений шахановской группы (по переименованию страны, признанию ее моноэтническим государством и др.), в том числе и среди казахов, за исключением одного пункта — необходимости признать, что знание казахского языка является обязанностью каждого гражданина страны»².

Казахстан пережил этап бурных дискуссий, связанных с принятием Доктрины национального единства, которые можно признать частью более широкой дискуссии о мультикультурализме, ибо она затронула основные «нервные узлы» этой проблемы, такие как язык и взаимоотношения между титульной нацией и другими этносами. В этой дискуссии столкнулись две точки зрения относительно того, как следует понимать нацию, — сторонников гражданской нации и этнокультурного национализма. Сторонники гражданской нации характеризуют ее как «политически организованную общность, основанную на согражданстве со-

ставляющих его индивидов»³. В связи с этим выделим позицию члена научно-экспертной группы Ассамблеи народа Казахстана Р. Кадыржанова, отражающую консенсусную позицию большинства экспертов. Автор высказался за объединение двух концепций нации — общегражданской и этнокультурной — и выступил за модель доминирующего этноса, так как, по его мнению, наиболее оптимальной для полиэтнического Казахстана является модель формирования единой нации как гражданского сообщества вокруг ведущего и крупнейшего по численности и наиболее влиятельного в политическом отношении казахского этноса⁴.

Заведующий кафедрой Ассамблеи народа Казахстана *Евразийского национального университета* им. Л. Н. Гумилева А. Башмаков, определяя особенности подходов к регулированию межэтнических отношений, выделил модель мультикультурализма, принятую в Европе, культурно-антропологическую (ассимиляционную) модель США и казахстанскую модель. По мнению автора, казахстанская модель объединяет лучшие стороны культурно-антропологического и мультикультурного подходов, ибо не допускает поглощения одних культур другими, не ведет к изоляции этносов, но способствует взаимопроникновению ценностей и традиций и интеграции. Движущими силами казахстанской этнополитики является Ассамблея народа Казахстана, сочетающая черты государственного органа и общественной организации, и хорошо разработанная нормативно-законодательная база этнополитики⁵.

Дискуссии вокруг Доктрины национального единства привели к ее уточнению и повлияли на выработку Концепции казахстанской идентичности и единства «Мангилик Ел». Концепция казахстанской идентичности в значительной мере нивелировала остроту дискуссий вокруг вопроса нациестроительства, ибо уточнила государственную этнополитику как стратегию по интеграции этносов в единую гражданскую полиэтническую нацию. Современная казахстанская модель межэтнической интеграции направлена на объединение этнических групп при консолидирующей роли казахского народа, сохранении особенностей культуры отдельных населяющих Казахстан этносов.

¹ <http://www.iri.org/resource/iri-releases-survey-kazakhstan-public-opinion>

² Илеуова Г. Мангилик Ел: между национальной идеей и патриотическим актом. URL: <http://www.nomad.su/?a=3-201506170031>

³ Дунаев В. Ю., Курганская В. Д. Казахская модель межэтнической интеграции. Алматы, 2002. С. 19.

⁴ Кадыржанов Р. К. Национальная идея и межэтнические отношения по вопросу государственного языка в Казахстане // Материалы республиканской научно-теоретической конференции. Алматы, 2008. С. 73.

⁵ <http://lib.kstu.kz:8300/tb/fulltext/temat/Prilepskaya.pdf>

В. А. Кутырев¹

ОТДАДИМ ВСЕ МАШИНАМ!.. И СЕБЯ ТОЖЕ?

В последние 3–5 лет в научно-предпринимательских кругах заговорили о необходимости перехода нашей цивилизации к шестому технологическому укладу. И о наступлении четвертой промышленной революции, которая должна прийти на смену нынешней «просто» информационной революции, являющейся третьей по счету после аграрной и индустриальной. Суть этого нового обещания прогресса в том, что все производство будет автоматизировано, компьютеризировано, роботизировано и хозяйственная жизнь станет осуществляться без участия людей. А с учетом достижений в разработке высоких социальных технологий, а также технологий *Ni-hume*, по-видимому, не только хозяйственная. Вообще — жизнь. Без людей (?). Вот-вот эти проекты переднего края технауки превратятся в массовые действия и, набирая силу, по миру покатаются вал вдохновенных криков о том, как это хорошо, и призывов «инновационироваться» как можно скорее.

Де-факто предполагается, что люди останутся, но в каком-то другом, ранее невиданном статусе. Первое, очевидное, что приходит в голову при попытке размышлять на эту тему, — теперь они будут «жить и развиваться» в статусе только потребителей, в сущности, паразитов, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Труд создал человека, который за все время своего существования всегда в разных формах трудился. Труд не в одиночку, а совместный, не голыми руками, а с орудиями — это производство, характер которого определяет состояние общества. И вот — жизнь без труда... Фундаментальный поворот в истории, затрагивающий природу вида *Homo Genus* (родового человека)! Но проводились ли какие-то исследования, кто слышал обсуждения и жаростные споры на конференциях, как существовать (или не существовать) ему в такой роли и качестве? Как личности, как экзистенциальному, телесно-духовному существу? Кроме мелких, примитивно экономических опасений в связи с «возможной нехваткой рабочих мест», о смысле и бессмысленности саморазвития экономики и производства, о самом главном, о судьбе человечества — никаких забот. Только предвкушения новых достижений в развитии техники. Как иронически предсказывал Станислав Ежи Лец, «техника так совершенствуется, что скоро человек сможет обойтись без самого себя». Наличествуют все признаки, что дело движется в данном направлении, которое приведет его к вырождению. Следовательно, надвигающимся на нас стихийным пост(транс)человеческим технологическим процессом надо бы попытаться управлять.

¹ Профессор кафедры философии Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор философских наук. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч. 14 монографий: «Культура и технология: борьба миров», «Время *Mortido*», «Последнее целование. Человек как традиция», «Унесенные прогрессом: эсхатология жизни в техногенном мире» и др.; статей «Читать Деррида, забыть Дерриду», «Восстание техноидов: психология и философия постчеловечества», «Глобальный чел(ейни)к: превращение в Технос» и др.

Люди давно мечтали об избавлении от труда и облегчении своей жизни. Сочиняли сказки о том, чтобы все делалось «по щучьему велению», о сапогах-скороходах, скатертях-самобранках, создавали философско-теоретические утопии, когда труд сведется «к нажиманию кнопок» и т. п. Теперь эти мечты обретают научно-техническую основу, приближаясь к воплощению в реальность. На переднем крае науки разрабатываются вполне правдоподобные проекты, по которым скоро все будет делать машины, а конкретнее (как вариант), «эктофлопные наноботы вокруг, снаружи и даже внутри нас».

Дело дошло до достижений по избавлению людей не только от физического, но и от умственного труда. Замены естественного человеческого интеллекта искусственным, компьютерным. В конце концов, именно замены, а не дополнения. Уже сейчас, освещая содержание недавней Всероссийской научной конференции по нейрокибернетике, журналист, выражая общее настроение ее участников, пишет, например, о планах на ближайшую перспективу: ученые создают Интеллект, который будет сильнее человеческого. Он облегчит наше мышление. Пусть думает компьютер — он железный (!). Другими словами, ученые работают над тем, чтобы создать Мозг, превышающий человеческий, как они надеются, в тысячи, миллионы раз. А самим на этом фоне остаться безмозглыми? А как иначе, если будет подобное соотношение?

Додумались до того, чтобы больше не думать. Но журналиста, а главное ученых, еще главнее практически никого это не волнует. Судя по журналисту, уже остались «без»: «пусть думает компьютер — он железный». Именно такой результат и получим, если не пытаться что-то предпринимать. Для начала хотя бы поинтересоваться.

В свое время Н. Бердяев писал о социальных утопиях (имея в виду коммунизм), что самое страшное в них то, что они осуществляются. Результат всегда превратный, противоположный тому, которого ожидали. В более древние времена Гераклит говорил: не лучше было человеку, если бы исполнялось все, что он пожелает. Теперь можно видеть, насколько они были правы! А не современные люди, ученые и технологи, вооруженные тысячелетним опытом познания, но ничуть не поумневшие. Ученые, но не мудрые. Которые создают и жаждут практической реализации утопий нового типа — техногенных, и видимо, самой грандиозной — обеспечения паразитического, без-трудного существования человека. Чтобы любую, требующую его физических и духовных усилий деятельность отдать на откуп машинам. Тогда все будет процветать, благоустроится, человек будто бы станет наконец свободным, начнет самосовершенствоваться, целиком и полностью «займется творчеством». На Земле наступит светлое паразитическое будущее. Рай.

Однако историческое развитие настолько коварно, что превратную форму принимает даже эта уто-

пия. Во-первых, немотивированный необходимостью обеспечения своей жизни паразит не может быть творцом «по определению». Нет цели. Игра — симуляция творчества. А во-вторых (и это главное), на потребительском существовании людей процесс не остановится. Уже сейчас неограниченное потребление перерастает в «свое другое» — потребление их самих. *Возникает общество потребления человека.* Производство, по крайней мере пока, так или иначе нуждается в нем. Только в ином, по сравнению с прежним положением, качестве, когда из субъекта деятельности он превращается в объект, в средство. Не через отчуждение, как было в индустриальную эпоху при «традиционном капитализме», а непосредственно, как живое, телесное существо: в человеческий капитал — экономически и человеческий фактор (агента коммуникаций) — технологически. Сливается с техникой, превращается в киборга, растворяется в техносфере. Сначала в производстве, потом в быту и жизни вообще. Паразит не может быть носителем собственных целей, в плане мышления он всегда рефлекс, но не рефлексия. Табло, на которое выводятся результаты не зависящей от него деятельности. Из пешехода и водителя, движущихся по дороге, человек становится материалом этой дороги, ведущей к трансформации оплодотворенной жизнью Земли в мертвую планету, биосферы — в ноо-техносферу. Без людей и других популяций живого.

С победой шестого технологического уклада эти процессы окончательно выйдут за рамки жизненного и человеческого начала, «переедут (через) нас». Прогресс превращается в трансгресс. Шестой уклад — эпоха трансмодерна, время так называемого сингулярного перехода окружающей реальности в иное, постчеловеческое состояние. Она окончательно станет несоизмеримой с нашим жизненным миром. Не в замыслах и не на передовых рубежах цифровых NBIC-технологий, как сейчас, а массово, практически. Вот ближайшие, активно обсуждаемые и реализуемые проекты. «Развитие энейро-сетевой экономики, производство на базе нанoeлектронной технологии нейрочипов, создание энейро-сетевых компьютерных интерфейсов, основанных на конструировании психобиологических связей, построение интегративно-распределенных энейро-сетей на основе нанокomпьютеров качественно изменяют принципы взаимодействия в сетевом обществе, трансформируют взаимодействие обособленных элементов “человек”, “компьютер”, “локальная сеть” в интегративную гибридную, интеллектуальную, электронную нейрокомпьютерную систему (интегративную систему самообучающегося искусственного энейро-компьютерного интеллекта). Энейро-компьютерные сети (производственные, коммерческие, бытовые, культурные, досуговые, социальные, научно-образовательные, управленческие) станут всеохватывающими и глобальными, будут строиться на основе протоколов невербального общения социоинтеллектуальными, нервными, психологическими системами через глобальную сеть принципиально новой гибридной архитектуры и станут социо-нейро-морфными»¹.

¹ Дятлов С. А. Энейро-сетевая экономика: информационный метадисциплинарный подход к исследованию // Философия хозяйства. 2016. № 5. С. 42–43.

То есть произойдет фактическое поглощение людей техникой. Гибридизация с Сетью: уйдем в машину. «Невербальное общение». То есть без слов и смыслов. Вместо коммуникации — коммутация. Коммутация в Иное. На уровне мозга, не говоря уже о телесности. Чудовищные перспективы! В сущности, наша смерть, конец света по-научному. И если, в отличие от автора статьи и тех, чьи идеи он пропагандирует, это понимать, если мыслить не от имени машин, а «в своем уме», то главной жизненной задачей нашего времени надо бы считать предотвращение подобного развития событий. Думать, как сделать его обратимым, подчинить человеку как целостному существу, сохраняя его идентичность, а не включаться в следующий тур дикой, бессмысленной «гонки за укладами» ради роста ВВП. За счет собственной «деградации в новое», а потом и полного отрицания.

Увы, человечество вступило на путь Мортидо (влечения к смерти) и на передовых рубежах продуцирует идеи самоуничтожения. Не отдавая себе в этом отчета. Более того, стремясь представить этот суицид благом, начинает культивировать состояние эвтаназии. Возник трансгуманизм как идеология «улучшения человека» (Human enhancement), его приспособления к постчеловеческим технологиям. Для этого, говорят (само)убийцы, надо посадить человеческий разум на кремневую основу, так он будет мощнее, хотя на какой мощности в сравнении с искусственным интеллектом хотят остановиться, не говорят. Или, вообще, отправить людей в виртуальную реальность, превратить в голограммы, благодаря чему все станут бессмертными. Такой человек «получит огромный спектр возможностей, сможет легко переносить экстремальные внешние условия: высокие температуры, давление, радиацию, отсутствие кислорода и т. д. С помощью нейроинтерфейса человек будет способен дистанционно управлять несколькими телами различных форм и размеров» — соблазняют, например, российские авторы известного трансгуманистического манифеста «Бессмертие–2045»². Да, пусть так, но при чем тут человек? И жизнь «при отсутствии кислорода». Фактически соблазняют превращением в киборгов, в пределе заменой себя просто роботами с искусственным интеллектом, а верят (в силу легкого слабоумия) или лгут (цинично) про человека. Кому это может быть неясно, если оставаться в здравом уме? Но идеология потому и ложное сознание, что лишает ее носителей здравого ума. Эта новая идеологическая (у)дистопия распространяется стремительно и фактически стала мейнстримом современного общественного сознания. *Прогрессивно(е,) глупое, слепое, несчастное человечество!* Само роет себе могилу.

Итак, минимально забега вперёд, а может быть, просто констатируя факт настоящего, надо сказать, что человеческой цивилизации больше не существует: она превратилась в пост(транс)человеческую. В Технос. Отсюда многочисленные «пост» — постклассическая и постнеклассическая наука, постиндустриальное общество, постистория и постхристианство, постструктурализм и постмодернизм, наконец, — все это

² См.: <http://www.Lingvosophy.com.ua/threads>

приближение и частное проявление постчеловеческих свойств окружающей нас реальности в целом, когда человек становится только элементом чего-то им созданного и более сложного. Оно для него не «анти», но уже «пост». Постчеловеческая цивилизация — не цивилизация без человека. По крайней мере пока. Это мир, созданный и создаваемый им самим, но приобретающий независимость от своего творца. Изменяясь в дальнейшем по автономным законам и становясь несоразмерным, «киноме(и)рным» человеку как конечному существу, он заново ставит перед ним проблему своего понимания и освоения. Таков результат постчеловеческой революции миров, производимой нами «второй и третьей природы» — сложной многомерной искусственной реальности, все более и более определяющей современную жизнь. Которая уводит нас в никуда. Если все-таки надеяться на выживание, то, признавая сложный, нелинейный характер развития, надо не слепо следовать за новациями с криком «прогресс не остановишь», а ввиду сорвавшегося с тормозов инновационного развития — ручного, ножного, а главное — с головного, условием сохранения человека должно быть поддержание устойчивости его жизненного мира как системы. Темп и характер изменений которой не должны быть выше возможности нашей адаптации к ним.

Девизом выживания в обстоятельствах стихийной гонки технологий должно быть: «Отсталость, отсталость и еще раз о(т)сталость. На человеке». Или мы

останемся такими, какие есть, или нас не будет вовсе — такова суть философии жизни с точки зрения устойчивого развития (динамического консерватизма), которое современный мир провозгласил, а на деле, как видим, отвергает, заменяет инновационизмом. Мы здесь ее защищаем и ис(про)поведуем, конкретизируя как антропоконсерватизм. Свобода — не познаваемая (это предпосылка), а преодолеваемая необходимость. Раньше — стихийности природы, теперь — стихийности искусственного. Для выживания надо ориентироваться на *Controlled development* (управляемое развитие), реально руководствуясь которым можно попытаться избежать превращения *Genus Homo* в зомби, киборга, робота и других форм «постчеловека», что означало бы конец его/нашего света/мира. Если же возникновение мертвого разума неизбежно, то, не отождествляя будущее с должным, называть зло (реальность «электронных личностей») злом. И не бросаться очертя голову к ней в плен, а думать, как, опираясь на идеологию существования возможных миров, оставшиеся люди могли бы с этим неизбежным злом коэволюционировать без утраты себя. Не уходя, не исчезая в машине, а сохраняя свою идентичность. На Земле, живой и теплой.

Наше положение безнадежно, значит, мы должны сделать все, чтобы его изменить. «Я лично верю в случайность в истории. То есть я верю в волю человека», — говорил/завещал Дмитрий Сергеевич Лихачев¹. *Нужно Движение Сопротивления*.

Тогда продлимся...

В. Е. Лепский²

СЕДЬМОЙ СОЦИОГУМАНИТАРНЫЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УКЛАД — КОНТУРЫ БУДУЩЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Бессубъектность развития — главная болезнь мирового сообщества

В XXI веке все более отчетливо приходит осознание того, что старые парадигмы организации мирового порядка, отношений между государствами, этносами, культурами и их носителями, экономическими субъектами и другими социальными образованиями безнадежно устарели и могут привести к катастрофе.

Процесс социальной эволюции на планете подошел к критической фазе *макродвига*³, когда трансформация общества достигает критического порога. Общество вступает в период социального и культурного хаоса,

¹ Лихачев Д. С. Университетские встречи. 16 текстов. СПб.: СПбГУП, 2007.

² Главный научный сотрудник Института философии РАН, доктор психологических наук. Автор большого числа научных публикаций, в т. ч. монографий: «Аналитика сборки субъектов развития», «Технологии управления в информационных войнах (от классики к постнеклассике)», «Эволюция представлений об управлении (методологический и философский анализ)», «Рефлексивно-активные среды инновационного развития», «Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию», «Моделирование и поддержка сообществ в Интернет» (в соавт.), «Концепция субъектно-ориентированной компьютеризации управленческой деятельности»; учебного пособия «Проблема субъекта (междисциплинарный анализ)» и др.

³ Ласло Э. Макродвиг. М., 2004. С. 26.

са, когда одни люди придерживаются установившейся системы ценностей и неизменно пользуются испытанными и испробованными методами, а другие (и их все больше) пытаются найти альтернативы. Человечество приблизилось к своего рода метасистемному цивилизационному переходу⁴.

Если следовать нынешнему ходу событий, экстраполировать в будущее те тенденции, которые мы наблюдаем сегодня, то надо полагать, что нас может ожидать только дальнейшая деградация. Для того чтобы остановить сползание в небытие, граждане однажды будут вынуждены представить себе ожидающую нас бездну, заглянуть в нее и увидеть реальность... Надо искать новые дороги. Необходимо на новом основании построить новое здание с новыми нравственными устремлениями. Но такое основание еще требуется разыскать. В том числе и в нашем прошлом, далеком и близком⁵.

Ярко проявившийся в последние годы мировой финансово-экономический и политический кризис, для ко-

⁴ Турчин В. Ф. Феномен науки. Кибернетический подход к эволюции. 2-е изд. М.: Словарное издательство ЭТС, 2000.

⁵ Моисеев Н. Н. Выступление на круглом столе «Быть или не быть... человечеству?» 29 февраля 2000 г., Москва.

того, по мнению ведущих аналитиков, больше подошло бы название «системный кризис мирового сообщества», добавил весомые аргументы в пользу утверждения, что человечество не готово к адекватным ответам на стратегические вызовы. Почему мировое сообщество постоянно оказывается в ситуациях «неожиданно» возникающих угроз — ядерной, экологической, демографической, информационной, террористической, финансово-экономической? Каждый раз осознание этих проблем приходит тогда, когда требуются невероятные усилия для их нейтрализации, а порой вообще отсутствуют гарантии успешности их решения.

Ответ прост: *мировое сообщество не свободно в определении своего пути развития!* Атрофированы механизмы рефлексии, позволяющие осознанно организовать развитие, люди сами ограничили свою свободу, оказавшись в плену стереотипов, преодолеть которые не удалось в прошедшем тысячелетии.

Мировое сообщество не осознает целей и возможностей своего развития, не берет на себя всей ответственности за свои же деяния перед жителями планеты и различными социокультурными образованиями, перед природой и мирозданием. «Бессубъектность развития» — главная болезнь мирового сообщества¹.

Кризис экономической детерминации развития

Сегодня развернулась большая дискуссия по поводу причин кризиса и путей выхода из него. Используются такие понятия, как «инновационная пауза» или «инвестиционная пауза». В настоящее время многие ученые, управленцы и политические деятели опираются в построении картин будущего на сложившиеся в экономике представления о технологических укладах, связывают теперешнее состояние дел в мире с размышлениями и выводами Н. Д. Кондратьева о длинных циклах, при этом полагая, что нарастающие темпы шестого технологического уклада (нано-био-инфо-когно) сами собой позволят решить актуальные экономические и социальные проблемы. Такой подход базируется на доминанте каузального (причинно-следственного) подхода и может быть охарактеризован как технократический, осуществляемый под знаменами «экономической детерминации развития», для которой характерны несправедливые механизмы обмена между экономически сильными и слабыми субъектами. Фактически в новых, более изощренных формах на планете процветает колониальная политика. Кажется незыблемым представление об «обществе потребления» как безальтернативной и прогрессивной модели развития. Все отчетливее проявляются тенденции, дающие основание для вывода, что экономика утратила доминирующие позиции в конструировании будущего. По мнению Р. С. Гринберга «Экономика и социология сошлись в одном: устройство и функционирование окружающего мира все менее понятно, в нем все больше нелогичности и, следовательно, неопределенности»². Все больше внимания уделяет-

¹ Лепский В. Е. Проблемы становления субъектности человечества и модели развития // Развитие и экономика. 2011. Сент. С. 95–101.

² Гринберг Р. С. Глобализация, трансформация, кризис — что дальше? М.: Магистр, 2011. С. 9.

ся механизмам общественного развития и их влиянию на развитие механизмов экономических³.

Экономический детерминизм развития порождает также нарастающие угрозы для человечества при переходе к очередным технологическим укладам. Технологические инновации не проверяются на готовность к их внедрению, на потенциальные последствия для человечества⁴.

Следует также выделить общую угрозу для всех технологических укладов: отстраненность техники и особенно технологий от этического осмысления. Эта точка зрения подвергнута ревизии в рамках постнеклассической науки, и она возвращается в лоно этической проблематики, но в отношении технологий этого в должной степени еще не сделано⁵.

Идея становления седьмого социогуманитарного технологического уклада

Приведенные соображения дают основания задуматься о границах применимости моделей, базирующихся на циклах Н. Д. Кондратьева, а также о том, какой технологический уклад станет базовым в XXI веке. На наш взгляд, преодолеть кризис экономической детерминации развития и обеспечить безопасность от нарастающих угроз неконтролируемого инновационного развития в сложившихся технологических укладах можно при переходе к седьмому социогуманитарному технологическому укладу⁶. Для России такая постановка вопроса особенно актуальна, поскольку догнать развитые страны на технократическом пути развития не представляется возможным, более того — разрыв только увеличивается. Надо не догонять, а опередить и стать лидером технологий следующего поколения.

Именно в России и странах постсоветского пространства существуют возможности разработки перспективных социогуманитарных технологий развития седьмого уклада в связи с тем, что общество устало от революционных переворотов, но одновременно присутствует общая неудовлетворенность существующими социальными институтами и проектами.

Философско-методологические основания седьмого социогуманитарного технологического уклада

В последние десятилетия в науке происходят принципиальные изменения, связанные, согласно В. С. Степину, со становлением постнеклассического этапа ее развития. Не принимая во внимание эти изменения, мы рискуем упустить из виду принципиальные изменения в науках об управлении и развитии. Смена общенаучных картин мира сопровождалась коренным изменением нормативных структур исследования, а также философских оснований науки. Три этапа развития науки можно охарактеризовать как связанные с доминантой

³ Богомолов О. Т. Крупный неэкономический резерв модернизации // Экономические стратегии. 2013. № 1. С. 14–23.

⁴ Лепский В. Е. Седьмой социогуманитарный технологический уклад — адекватный ответ технологическим вызовам XXI века // Философия в диалоге культур: материалы Всемирного философского конгресса. М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 1010–1021.

⁵ Степин В. С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003.

⁶ Лепский В. Е. Седьмой социогуманитарный технологический уклад... С. 1010–1021.

одного из трех типов научной рациональности, сменяющих друг друга в истории техногенной цивилизации. Это *классическая, неклассическая и постнеклассическая рациональности*¹.

В табл. 1 и 2 представлены результаты философско-методологического анализа эволюции представлений об управлении и развитии в контексте развития научной рациональности².

Таблица 1

Обобщенные результаты философско-методологического анализа эволюции представлений об управлении и развитии (философский, методологический и теоретический уровни)

Философский уровень		Методологический уровень			Теоретический уровень
Тип научной рациональности	Базовые философские подходы	Базовые парадигмы	Базовые объекты управления. Доминирующие виды активности	Базовые научные подходы	Базовые обеспечивающие области знания
Классическая	Позитивизм	Субъект–объект	Сложные системы Деятельностная активность	Деятельностный Монодисциплинарный	Кибернетика
Неклассическая	Гуманистический философский конструктивизм	Субъект–субъект	Активные системы Коммуникативная активность	Субъектно-деятельностный Междисциплинарный	Кибернетика второго порядка (биология, психология, социология, экономика и др.)
Постнеклассическая	Гуманистическая трактовка философского конструктивизма	Субъект–мета-субъект «Саморазвивающиеся рефлексивно-активные среды»	Саморазвивающиеся среды Рефлексивная активность	Субъектно-ориентированный Трансдисциплинарный	Кибернетика третьего порядка (синергетика, управление сложностью, гуманистический философский конструктивизм и др.)

Таблица 2

Обобщенные результаты философско-методологического анализа эволюции представлений об управлении и развитии (методический уровень)

Тип научной рациональности	Базовые виды управления	Базовые модели	Базовые механизмы и технологии	Доминирующие этические представления
Классическая	Классическое управление	Аналитические (математические)	Обратные связи. Иерархические структуры	Этика целей
Неклассическая	Рефлексивное управление, манипуляции и др.	Имитационные (математические), деловые, ролевые, оргдеятельностные игры и др.	Коммуникационные связи Сетевые структуры	Коммуникативная этика
Постнеклассическая	Управление через проекты, средовое управление	«Человекообразные» (комбинированные, стратегические рефлексивные игры)	Воздействие через среды, культуру, ценности, технологии «сборки» и разрушения субъектов развития. Саморазвивающиеся среды	Этика стратегических субъектов

Рассмотрение специфики представлений об управлении и развитии в контексте каждого типа научной рациональности и механизмов их конвергенции позволяет определить горизонты развития данной проблематики³.

Управление и развитие в контексте постнеклассической научной рациональности

Постнеклассический тип научной рациональности расширяет поле рефлексии над научной деятельностью. В нем учитывается соотносительность получаемых знаний об объекте с особенностью средств и операций

деятельности, а также с ценностно-целевыми структурами. При этом эксплицируется связь внутринаучных целей с вненаучными, социальными ценностями и целями, решается задача их соотносительности с осмыслением ценностно-целевых ориентаций субъекта научной деятельности⁴.

Постнеклассическая научная рациональность усиливает концентрацию внимания на субъектах научной деятельности. При этом нельзя игнорировать угрозу потери («размывания») субъектности в условиях реальных современного мира⁵. Субъектов ожидают большие

¹ Степин В. С. Указ. соч. С. 619–636.

² Лепский В. Е. Эволюция представлений об управлении (методологический и философский анализ). М.: Когито-Центр, 2015.

³ Лепский В. Е. Рефлексивно-активные среды инновационного развития. М.: Когито-Центр, 2010. (гриф ИФ РАН).

⁴ Степин В. С. Указ. соч. С. 634–635.

⁵ Лекторский В. А. Субъект в истории философии: проблемы и достижения // Методология и история психологии. М., 2010. Т. 5. Вып. 1. С. 16.

трудности при самостоятельных попытках справиться с угрозой потенциальной бессубъектности. Решение проблемы, на наш взгляд, следует искать в адекватной организации взаимодействия субъекта с саморазвивающейся полисубъектной средой, в которой он представлен в разнообразных отражениях своих действий, — средой, которую целесообразно также наделять свойствами субъектности¹.

Ключевой становится, на наш взгляд, *парадигма «субъект — саморазвивающаяся полисубъектная среда» («субъект–метасубъект»)*. Становление этой парадигмы неразрывно связано со становлением субъектно-ориентированного подхода. Этот подход является органичным развитием субъектно-деятельностного подхода с увеличением внимания к субъектам и их окружающей среде. Впервые методологические основы субъектно-ориентированного подхода были разработаны нами в 1980-е годы для совершенствования автоматизированных систем организационного управления страной².

В контексте постнеклассической научной рациональности происходит трансформация философского конструктивизма, существенно «смягчается» его радикализм, усиливается акцент на коммуникативных процессах формирующейся реальности субъектов, на влиянии этих процессов на ограничение их свободы³, которая мыслится уже не как овладение и контроль, а как установление равноправно-партнерских отношений с тем, что находится вне человека: природными процессами, другим человеком, ценностями иной культуры, социальными процессами, даже с нерелексифицируемыми и непрозрачными процессами собственной психики. Подобной онтологии человека соответствует новое понимание отношений человека и природы, в основу которого положен не идеал антропоцентризма, а развиваемая рядом современных мыслителей идея коэволюции⁴. Совместная эволюция природы и человечества может быть истолкована как отношение равноправных партнеров, если угодно, собеседников в незапрограммированном диалоге, погруженных в общую среду.

В контексте данной рациональности базовые научные подходы к управлению «человекоразмерными саморазвивающимися системами» должны быть ориентированы на гармонию каузального (причинно-следственного) и телеологического (целевая детерминация) видений будущего и развития. Высокая методологическая сложность соорганизации разнообразных подходов дает основание утверждать, что в контексте постнеклассической рациональности базовым научным подходом должен выступить трансдисциплинарный подход⁵.

¹ Лепский В. Е. Аналитика сборки субъектов развития. М.: Когито-Центр, 2016.

² Лепский В. Е. Концепция субъектно-ориентированной компьютеризации управленческой деятельности. М.: Ин-т психологии РАН, 1998.

³ Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001. С. 46–47.

⁴ Моисеев Н. Н. Еще раз о проблеме коэволюции // Вопросы философии. 1998. № 8.

⁵ Лепский В. Е. От монодисциплинарности к трансдисциплинарности в эволюции представлений об управлении // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, пер-

В настоящее время области знания, обеспечивающие проблематику управления в контексте постнеклассической рациональности, находятся в процессе становления. Мы предлагаем сформировать социогуманитарную кибернетику *третьего порядка* в логике восхождения от кибернетики «наблюдаемых систем» (первого порядка) к кибернетике «наблюдающих систем» (второго порядка) и далее к социогуманитарной кибернетике «саморазвивающихся рефлексивно-активных систем-сред» (третьего порядка). Попытки заглянуть в будущее кибернетики XXI века предпринимаются на основе различных подходов. Наиболее близкие нам учитывают рефлексивную активность в работах ведущих зарубежных специалистов по системному анализу и кибернетике⁶. Однако они в основном остаются в рамках кибернетики второго порядка, опираясь на представление о науке второго порядка. Уточнение сходства и различия философских оснований видения кибернетики будущего на Западе и в России было проведено на мировом конгрессе WOSC 2017 в январе 2017 года в Риме, намечены пути дальнейшего сотрудничества.

Философско-методологические основания проблематики управления и развития в контексте постнеклассической научной рациональности можно рассматривать как фундамент для седьмого социогуманитарного технологического уклада, они базируются на гуманистической трактовке философского конструктивизма, субъектно-ориентированном подходе и парадигме «субъект — саморазвивающаяся полисубъектная среда».

Заключение

«Бессубъектность развития» — главная болезнь мирового сообщества. Одной из ее базовых причин является экономическая детерминация развития, органично связанная со спецификой техногенной цивилизации. Для преодоления негативов техногенной цивилизации предлагается инициирование VII социогуманитарного технологического уклада, становление которого требует формирования новых представлений об управлении и развитии.

Проведенный в контексте развития научной рациональности философско-методологический анализ эволюции представлений об управлении позволяет сделать вывод, что дальнейшее развитие проблематики управления и развития связывается со становлением научного обеспечения постнеклассической рациональности.

Актуальна проблема институционализации областей знания, обеспечивающих проблематику управления и развития. На наш взгляд, это место займет социогуманитарная кибернетика третьего порядка (кибернетика саморазвивающихся рефлексивно-активных сред), лидером становления которой будет Россия.

спективы / под ред. В. Бажанова, Р. В. Шольца. М.: Навигатор, 2015. С. 543–562.

⁶ Müller Karl H. The Multiple Faces of Reflexive Research Designs // Systemics, Cybernetics and Informatics. 2015. Vol. 13, № 6. P. 87–98; Umpleby S. A. Second order science: logic, strategies, methods // Constructivist Foundations. 2014. Vol. 10, № 1. Nov. P. 16–23.

С. В. Лурье¹**КРИЗИСУ ВОПРОКИ: ВОЗРОЖДЕНИЕ СЦЕНАРИЯ «ДРУЖБЫ НАРОДОВ»**

Кризис цивилизаций выражается и в кризисе отношений между национальностями. В стабильную эпоху эти отношения имеют свою структуру, формы и ритуалы, как правило, упорядоченные, ролевые. В кризисные времена они хаотичны, случайны и зависимы от эмоций. Кризис цивилизации приводит к размытию ролей, они часто неверно определяются, а то и просто не узнаются. Тогда сталкиваются человеческие «самости», стремящиеся к обособлению и отторжению друг от друга.

Но и в рамках кризисных тенденций обнаруживаются признаки стихийного упорядочивания. Вопреки продолжающемуся кризису люди тем не менее стремятся к ролевой структурированности отношений. В России, где остро стоит проблема мигрантов, наблюдается стремление к восстановлению дружбы народов. Мы провели опрос молодежи в разных городах России. Молодые люди в большинстве своем уверены, что дружба народов на самом деле существовала, и желают ее возрождения. Некоторые, особенно в национальных республиках РФ, считают, что народы России дружат и сейчас.

Дружба народов — не просто отсутствие вражды и конфликтности, это сложная положительная парадигма. В России это форма имперской политики, поскольку она обязательно включает систему управления народами, их замирения. Форма именно имперская, а не империалистическая. Путаница с этими категориями искажает драму России. Вспомним также: «Империя — это мир». Мои респонденты говорили о наличии общих идеалов и ценностей как основе дружбы народов.

Согласно опросу, многие молодые люди полагают, что дружба народов восстановится сама собой, если политики не будут этому мешать. Но может ли сейчас, в период кризиса цивилизации, вектор развития в межэтнических отношениях, обратившись в сторону самоорганизации, привести к формированию новых или возобновлению прежних структур и содержания?

Кажется, что предпосылок для создания новых форм межнациональных отношений остается все меньше, они становятся все более неупорядоченными и деструктивными. Как возникают формы межэтнических отношений? Возможно, это идея, исповедуемая доминирующим народом, которую тот способен передать и распространить, подобно лучам света, среди всех

связанных с ним народов. Хорошая идея — противостояние от хаоса и кризиса. Поэтому система отношений между народами должна иметь положительное содержание, которое задают центральные принципы империи. Сегодня они не сформированы, они не могут появиться стихийно, в отличие от некоторой формализации межэтнических отношений, возникающей путем самоорганизации. Русские обязаны вновь предложить главные принципы существования Российского государства, потому что образовали и продолжают охранять свое государство-империю, как бы она ни называлась.

Идеология дружбы народов первоначально была связана с идеей коммунизма, но возврат к ней невозможен. Та эпоха породила дружбу народов, о которой вспоминает молодое поколение, выросшее уже после распада СССР. На чем зиждилась советская дружба народов? Она замышлялась как политический проект, который предполагал осуществление идеи интернационализма. Но какой же интернационализм без наций? Значит, с одной стороны, нации необходимо было поддерживать, а где их не было — образовывать. И многие, даже малочисленные, народы СССР получили университеты, библиотеки, национальные театры, а также письменность. В то же время там, где нация слишком возвышалась, ее представителей обвиняли в «мелкобуржуазном национализме» и репрессировали. Русские всячески сдерживались, чтобы не заразились «великодержавным шовинизмом».

В таком виде дружба народов возродиться не может. Но значит ли это, что на дружбе народов надо поставить крест? Ведь, по сути, реальное и «живое» содержание дружбы народов проявлялось в народном творчестве, а не в указах ЦК КПСС.

Дружба народов может возродиться как содружество «языков», на основе идеи, изначально доминировавшей в Российской империи и возрождающейся в современной России, — православия. Здесь уместно обратиться к истории.

Российскому государству известно несколько проектов межэтнических отношений. В Российской империи они различались от региона к региону: был индивидуальный подход к разным народам. Причем за этой индивидуальностью далеко не всегда стояла идеологическая программа. Но была одна действенная духовная скрепа — образ русского православного человека. Он сам никого не стремился ассимилировать, а официальные программы ассимиляции окраин проваливались одна за другой. Тем не менее процессы ассимиляции русскими народами империи проходили, причем без идеологической подоплеки, а с помощью образа русского православного человека. (Так, алеуты Аляски еще совсем недавно, в середине XX в., на вопрос о национальности отвечали: «Рашн ортодокс».) После октябрьского переворота прежняя система ценностей и политическая практика были разрушены. Вместо русского православного появился советский человек, неблагозвучную ассимиляцию заменили дружбой народов.

¹ Ведущий научный сотрудник сектора социологии семьи, гендерных и сексуальных отношений Социологического института РАН, доктор культурологии, кандидат исторических наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Метаморфозы традиционного сознания», «Историческая этнология», «Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы», «Империя как судьба. Имперская идеология и практика: этнопсихологический подход», «Ереванская цивилизация. Формирование традиций и ценностей в современном столичном городе», «Imperium (Взгляд на империю на стыке ценностного и этнопсихологического подходов)» и др. Эксперт Российского научного фонда и Российского фонда фундаментальных исследований, член диссертационного совета Социологического института РАН.

Дружба народов замышлялась как политический проект советского интернационализма, но когда его «спустили в массы», те восприняли его по-своему. Для них главным стало именно дружить. Возникла сложная система взаимоотношений. Национальности, как и предполагалось проектом, сохранялись. Но возросла ценность межэтнической коммуникации. Даже конфликтующие нации выражали ее в игровой форме, например на КВН или в конкурсах «А ну-ка, девушки!». Межэтнические отношения выстроились в сложную игру компромиссов и систему политеса. Тактичность в сфере межэтнических отношений превратилась в высшую добродетель. Политес, присущий дружбе народов, был очень теплым. Люди словно отогревались в нем от холода тоталитарного режима.

Советский человек хорошо вписывался в сценарий дружбы народов. Мои респонденты его охарактеризовали так: порядочный, тактичный человек. И, как правило, это понятие не идеологизировали. Советский человек стремился быть впереди планеты всей, он верил, что его усилиями «и на Марсе будут яблони цвести». Ради этих «марсианских яблок» и существовала игра компромиссов, тактичность и политес.

Сценарий дружбы народов был хорош, кроме, пожалуй, главного. Русские не нашли в нем себе места. Все остальные, наоборот, считали, что место русских — самое почетное, в центре сценария. На русских смотрели как на харизматических лидеров. И сейчас многие из моих нерусских респондентов считают, что в понятие «дружба народов» русские заложили идею, направляющую все народы. Однако сам русский стал индифферентен к советскому сценарию — он ничего не привносил в него. Если русский православный в Российской империи нес идеи православия, известную ему истину, Христа, то русский советский человек верил в «советскую истину» даже меньше, чем его «разноплеменные» братья по Союзу. Российские имперские многоликие сценарии межэтнических отношений, приводившие к кризисам, были гораздо ближе русскому, поскольку в них он был наделен харизмой как обладатель истины (он ее демонстрировал без всякой идеологии в повседневной жизни).

Однако сценарий дружбы народов не был чужд советскому русскому, но он ощущал его внутреннюю, духовную опустошенность. Советский человек был прежде всего государственным человеком. Государственность всегда ценилась русскими, но не из-за государственной функции. В ней должны отразиться российские имперские принципы, основанные на харизме русского православного и советской дружбе народов (как ее воплощали простые люди).

Смыслополагающая составляющая российской государственности должна заключаться в ее исконной православности, но не как идеология, внешняя форма, а как возродившийся факт жизни, прежде всего — в ее живой церковности на низовом (бытовом, личностном) уровне. Российское государство не должно предлагать ассимилироваться с русским этническим, русским этнографическим (разнообразие, пестрота, яркость всегда предпочтительнее). Но может и должно предлагать ассимилироваться с той истиной, которую рус-

ские вновь предложат. Тогда опять будет востребован проект дружбы народов с его тактичностью, компромиссами и политесом. Русские должны занять в новом сценарии дружбы народов свое достойное место, которое им отводилось всеми участниками межэтнического сценария прежде, — харизматического народа-лидера. Харизма может быть обоснована православной религиозностью русских, защитой православного и того, что покровительствуется православными. Образ русского в таком государстве вновь может стать привлекательным для большинства нерусских в стране. Большая часть моих нерусских респондентов, даже мусульман, говорила, что лидером российского народа должен стать православный человек, который «ведет себя в соответствии со своей верой», многие считают роль православия в России центральной и государствообразующей и полагают, что духовная и культурная миссия России сохранится в будущем.

Советскому сценарию дружбы народов была присуща такая модель взаимодействия, где превозносилась тактичность как способ действия, выработались особые способы демонстрации этничности, сложилось ритуальное регулирование конфликтности, а отношения диктовались сложным политесом, создающим ощущение отсутствия напряженности.

Подчеркнем, что каждый народ имеет особенную культуру, соответствующую своему имплицитному обобщенному социокультурному сценарию, регулирующему все модели взаимоотношений людей в обществе. На его основе реализуется «культурная тема», которая по-разному преломляется в психологии различных людей, но сплачивает их в общекультурную целостность. Тема культуры должна быть достаточно глубоко разработана, чтобы стало возможно ее проигрывание. Если тема мельчает, ее содержание «испаряется», то и сценарий разрушается, а в обществе начинают происходить деструктивные процессы.

Дружба народов — социокультурный сценарий, в который вовлеклись представители разных этносов, способных спонтанно и неконструктивно обыгрывать ту или иную культурную тему. Сегодня русским, возможно, необходимо оживить сценарий, включив в него положительное содержание — православие, и реализовать тему культуры. Хорошо, если она будет интересна нашим нерусским соотечественникам. Кто-то образует с русскими общее «мы», кто-то будет реализовывать собственную тему, при этом соотносясь с русскими. (Знаменательны слова главы Центрального духовного управления мусульман России, муфтия Талгата Таджуддина: «Когда мы вместе — это и есть халифат. У нас этот халифат называется Святая Русь».) Главное, чтобы культурная тема обладала богатым содержанием, чтобы ее хотели проигрывать все исполнители по предлагаемому русскими сценарию. Культурная тема должна содержать необходимый материал для ее интерпретации всеми живущими с русскими в одном обществе и государстве. Характерно, что большинство опрошенных молодых мусульман говорят о русском православном человеке как о человеке высоко нравственном и духовном (образ русского православного и сегодня наделяется харизматическими чертами).

Империя — это мир. Дружба народов — это форма воплощения имперского принципа. Православие — его духовная и нравственная составляющие, содержащая

противоядие от угроз как «русскому миру», так и добрым отношениям между народами. Его забвение породило и усилило кризис нашей цивилизации.

С. И. Магдеев¹

КРИЗИС ЦИВИЛИЗАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЧЕЛОВЕКА (Ортега-и-Гассет об антропологических основаниях кризиса цивилизации)

Цивилизация как понятие вызывает большие споры. Тем не менее в качестве эмпирического объекта она является очевидной и может быть описана как самое большое объединение людей. Будучи *объединением*, цивилизация живет по своим безличным законам. Но она представляет собой объединение *людей*. Возникает вопрос: «Как законы и логика, по которым живет цивилизация, соотносены с законами и логикой жизнедеятельности человека?». В предлагаемом докладе я попытаюсь рассмотреть этот вопрос на примере творчества испанского философа Х. Ортега-и-Гассета (1883–1955).

Ортега-и-Гассет описывает человека следующей формулой: «я есть я и мое обстоятельство». Совокупность возможностей бытия, из которых человек выбирает, дана как обстоятельство, то есть все, что человек обнаруживает, и становится его миром. Если первое «я» есть результат реакции на обстоятельство, то второе «я» — это сознание, которое, реагируя на обстоятельство, строит свое первое «я» как радикальную реальность жизни. Ортега-и-Гассет приходит к выводу, что человек есть максимально пластичное существо, не имеющее «элейского бытия». Он изначально и принципиально динамичен, есть *faciendum, a ne factum*². Жизнь не субстанциональна, она изменчива.

Но на чем же основаны выбор, реакция на обстоятельство индивида, принимающего решения? Отвечая на этот вопрос, Ортега-и-Гассет апеллирует к принципиальной историчности человека, его обращенности в будущее, нацеленности на совершенство. Реагируя на обстоятельство, которые обнаруживаются в процессе бытия, человек опирается на представление о том, кем он хочет быть, то есть на идеальный образ самого себя. Отсюда — вера в то, что идеальный образ самого себя и есть его истинное бытие. Со временем выбранный образ раскрывает свои недостатки, и обстоятельства вынуждают индивида понять, что его «жизненная программа» является ограниченной и необходимо выработать другую, не просто новую, а именно другую, чем первая (предыдущая): «*в нем продолжает действовать первый проект, который сохраняется для того, чтобы человек избегал его*»³. Первая программа, как потом вторая, третья и другие, становится негативным опытом, в результате которого «человек

“постепенно становится” (va siendo) и “убывает” (des-siendo) живя (viviendo). Он аккумулирует в себе бытие — прошлое, он se va hacienda — делает себя бытием в диалектическом ряду своих опытов.

Человек ограничивает свой выбор действия, представленный жизненной программой, основываясь не только на индивидуальном ряде опытов, но и в том числе на ряде опытов общества. «*Начинающая развиваться в индивиде человечность исходит от другой, уже развившейся и пришедшей к своей кульминации человечности... он аккумулирует уже установленный способ быть человеком...*»⁴.

Ортега-и-Гассет рассматривает две взаимосвязанные причины изменения общества, определяющие его исторический облик (характер эпохи): внутреннюю и внешнюю. Внутренний (духовный) сдвиг обусловлен сменой верований. А именно историчность человеческого существования на субъективном уровне находит выражение в диалектике идей и верований, которая схематически выглядит следующим образом. Идея как результат первичной индивидуальной реакции на обстоятельство получает распространение в обществе и закрепляется в верованиях. Верования, сталкиваясь с изменяющимися обстоятельствами, начинают ослабевать и образовывать бреши, в которые проникают новые идеи. Последние становятся началом новых верований и могильщиками старых. Внешний сдвиг обусловлен структурными изменениями, одним из которых является перераспределение власти.

Правление как реализация власти в обществе не является сугубо (или даже преимущественно) насильственной формой, а строится на поддержке народа, опираясь на общественное мнение. Однако «мнением» как неким представлением о «должном» реальности, способным стать несущей конструкцией общества, обладают не все люди.

Ортега-и-Гассет разделяет человечество на две части. Первая — это люди, которые при встрече с реальностью, жизнью (обстоятельствами, в которых себя обнаруживают) руководствуются некой жизненной программой, стремятся к чему-то высшему. Они составляют элиту. «*Это избранные, нобили, единственные, кто зовет, а не просто откликается, кто живет жизнью напряженной и неустанно упражняется в этом...*»⁵. Главное их состояние — динамическое взаимодействие с обстоятельствами. Второй тип людей — массы — лишен этого динамизма и являет собой лишь не-

¹ Магистрант факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, бакалавр политических наук. Автор ряда научных статей, в т. ч. «Концепция национального государства в творчестве Ортега-и-Гассета» и др.

² Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды : пер. с исп. / сост., предисл. и общ. ред. А. М. Руткевича. М. : Весь Мир, 1997. С. 457.

³ Там же. С. 467.

⁴ Ортега-и-Гассет Х. Указ. соч. С. 471.

⁵ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс : сб. М. : АСТ, 2002. С. 63.

обходимую реакцию на изменившиеся обстоятельства. Жизнь их проходит статично, им «не доступно никакое усилие, кроме вынужденной реакции на внешнюю необходимость...»¹.

Элиты формируют мнение масс, их представления о должном, о программах совместной жизни, тем самым направляя развитие общества. Речь идет именно о программе, ведущей вперед, в будущее. «Не бывает могущества без программы жизни, точнее — без программы могущественной жизни...»². В том, что элита задает массе возвышающую ее программу, заложен источник динамики общества.

Всякое наличное общество рано или поздно обнаруживает себя слишком малым, несостоятельным и неспособным для воплощения жизненной программы и начинает взаимодействовать с другими обществами. Так складывается двойственность отношений, основанная на внутренних верованиях и обычаях и на взаимодействии с другими обществами. Стремление преодолеть эту двойственность, привести ее к одному знаменателю ведет к созданию государства как общей основы различных общностей: «государство начинается с того, что принуждает сосуществовать группы, природно разобщенные... Государство прежде всего — план работ и сотрудничества»³. Это бесконечно расширяющаяся форма взаимодействия людей, основанная в первую очередь не на каких-либо генетических, лингвистических или иных признаках, а на совместной воле. Государство есть самый важный и наглядный продукт цивилизации, которая есть «прежде всего воля к сосуществованию»⁴. Цивилизация, отмечает Гассет, «есть опыт сведения силы к *ultima ratio*»⁵, в ней результируются формы человеческого взаимодействия друг с другом. И именно опираясь на эти формы, элиты выдвигают свои идеи. Механизм истории представляется постоянной, динамической формой взаимодействия элит и масс, внедрения элитами в массы своих идей, жизненных программ и принятия или неприятия последних массами. Сбой этого механизма ведет к упадку.

Именно таким сбоем, по мысли философа, является восстание масс. Основная историческая добродетель человеческой массы состоит в том, что она признает элиту и следует за ней. Исторически деструктивный, опасный для судеб цивилизации процесс, который Ортега-и-Гассет обобщил в понятии восстания масс, заключается в том, что масса возомнила себя элитой. Массовый человек зауряден, но дело не в этом. Существенно то, что он, «сознавая собственную заурядность, утверждает свое право на нее и не признает авторитета»⁶. Он напоминает самодовольного недоросля, который все получает легко и в изобилии, избалован материальным и гуманитарным достатком цивилизации и, самое главное, уверен, что все люди являются, да и должны быть такими, как он, и что он вправе «вмешиваться во все, навязывая свою убогость»⁷.

Главная проблема, поставившая цивилизацию на край пропасти, состоит в том, что массовый человек ушел из субординационной формы взаимоотношений с элитами и стал властвовать. Помимо захвата власти, он решил выйти в поле идей, выдвигая свои представления о бытии. Но, не имея должного мыслительного аппарата для творчества и представления о действительности, массовый человек прибег к насилию, избегая диалога. «Отсюда и последняя новинка — оглушивший Европу лозунг “Хватит дискутировать”»⁸.

Одной из главных черт, которая делает невозможным дискурс с массовым человеком, является полная незаинтересованность последнего в истории цивилизации. Имея легкий доступ к благам, он начинает думать, что достижения цивилизации представляют собой естественный продукт и будут вечны. Массовый человек не изучает историю с позиции негативного опыта, как совокупность ошибок предыдущих поколений. А ведь, как было отмечено выше, именно исторический негативный опыт, задающий динамичный ряд «идея (первичная)—верование—идея—верование», является путем приближения к реальности. «Подлинное богатство человека — богатство человеческих ошибок, накопленный тысячелетиями жизненный опыт...»⁹. Массовый человек, замыкаясь в себе и не находя программы жизни, лишь вынужденно реагируя на обстоятельство, не ощущая вызовов времени, не зная, как вести диалог, действует насильственными и антиисторическими способами, принимающими форму исключения группы из сосуществования.

Рассматривая исторический контекст, Ортега-и-Гассет делал акцент на динамическом взаимодействии общества и власти. В его понимании общество, каким мы его сейчас представляем, возникло только в XIX веке. Дворянские аристократические фамилии олицетворяли собой жизнь, окрыленную и направленную вперед, у них были представления о доблести, чести и отваге. «Но при их душевных достоинствах у дворян было не ладно с головой... Непосредственные, нерасчетливые, одним словом, иррациональные, они живо чувствовали, но трудно соображали...»¹⁰. Такая историческая ситуация привела к ослаблению власти и усилению общества, что и привело к революционным событиям в Европе (1789–1848). В результате революции наиболее активный, одаренный «практической сметкой», как отмечает Гассет¹¹, класс буржуазии пришел к власти, сравнив силы общества и власти и создав мощное государство. «Буржуазия отобрала власть и, приложив к ней свои умелые руки, на протяжении одного поколения создала по-настоящему сильное Государство...»¹².

XIX век стал также веком коллективизма (в отличие от персоналистского либерализма XVII в.), когда общество начало довлеть над интересами индивида, появились развитая экспериментальная наука и промышленность (последние два Ортега-и-Гассет объединил в понятие техники), которые обеспечили массам оби-

¹ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс.

² Там же. С. 134.

³ Там же. С. 154.

⁴ Там же. С. 73.

⁵ Там же. С. 72.

⁶ Там же. С. 126.

⁷ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. С. 92.

⁸ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. С. 71.

⁹ Там же. С. 206.

¹⁰ Там же. С. 110.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 111.

лие материальных благ, доступных прежде единицам¹. В таких условиях «массы» взбунтовались².

Для разрешения проблемы массового человека Ортега-и-Гассет предлагает идею «Соединенных Штатов Европы», которые бы привели политические границы в соответствие с уже сложившимся общественным мнением как основой власти. Это позволит преодолеть умственное разложение масс, вернуть

диалог как способ сосуществования, противостоять тенденциям к самонизоляции и политике так называемого прямого действия. Речь шла о цивилизационном обновлении Европы, новых формах ее исторической динамики, являющихся наследницами либерализма — процесса, который растянулся на столетия и одну из драматических стадий которого мы переживаем сегодня.

И. В. Малыгина³

ПОСЛЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

На протяжении последних десятилетий мировой порядок определялся глобализационным проектом. Сегодня, когда феномен глобализации осмыслен в достаточной мере и освобожден от некоторых мифов, несостоявшихся прогнозов, можно говорить о неких устойчивых закономерностях и видимых результатах глобализации, в том числе в их культурном измерении.

Глобализация определила контуры нового мироустройства и со всей отчетливостью обозначила *проблему субъектов современного миропорядка*. А немногим дольше двух последних столетий человек существовал в мире, устроенном по национально-государственному принципу. Это произошло после того, как был провозглашен принцип, авторство которого приписывают Наполеону: «Одна нация — одно государство». Реализация данного императива предполагала (и в итоге привела) к совмещению политических и культурных границ, формированию национальных государств и национальных культур современного типа, которые пришли на смену транснациональным династическим государствам. И на протяжении последующих двух веков именно национальное государство выступало в качестве основной «единицы выживания», а национальные культуры оставались доминирующей формой культурной целостности.

Мировое же культурное пространство представляло собой конгломерат национальных культур, каждая из которых, несомненно, характеризовалась разным уровнем сбалансированности этнического разнообразия и надэтнического, то есть политического, национального единства. Главное, что в мировом простран-

стве национальные государства отождествлялись с национальными культурами. Вспомним, что в пору существования Советского Союза как национального государства к русской культуре мировое сообщество относило все этнические национальные культуры, которыми был представлен Советский Союз (украинскую, казахскую, грузинскую и т. д.).

Глобализация «смешала все карты» и стимулировала серьезные сдвиги в мировом порядке: национальные государства утратили статус не только «единиц выживания», но и доминирующих субъектов мировых политических, экономических, а следовательно, и культурных процессов, уступив эти функции военнополитическим блокам, экономическим союзам и т. д.

Ослабление происходящих в мире изменений сопровождалось появлением в рамках социально-гуманитарного дискурса целого ряда прогнозов, касающихся и нового миропорядка, и адекватных ему культурных трансформаций.

Современные аналитики отмечают тенденцию к становлению нового глобально-информационного общества, которое формируется как «надстройка» над старой системой мирового устройства, — своего рода «трансграничный “виртуальный континент”» (А. И. Неклесса). Этот «континент» имеет: особую экономику, основу которой составляют глобальные финансовые рынки; достаточно развитую и разветвленную инфраструктуру (система международной торговли и производства, глобальные рынки труда, товаров и услуг и т. д.); новых субъектов — ТНК и МНК, функционирующих как сетевые системы⁴; особую систему надправительственных, надгосударственных органов управления (Большая семерка, Римский и Лондонский клубы, Международный банк, Международный валютный фонд), которые на сегодняшний день обладают значительным политическим влиянием и оказывают заметное влияние на политику национальных государств, как, впрочем, и на всю систему международных отношений; свою социальную опору — трансграничный глобалистский слой, весьма разнородный по составу (от глобалистской элиты до рядовых сотрудников ТНК и МНК), формирующий новые типы социальных связей и новые типы социальных групп (напри-

¹ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. С. 55.

² Там же. С. 62.

³ Проректор по научной деятельности, заведующая кафедрой теории культуры, этики и эстетики Московского государственного института культуры, доктор философских наук, профессор. Автор более 130 публикаций, в т. ч.: «В лабиринтах самоопределения: опыт рефлексии на тему этнокультурной идентичности», «Национализм как форма культурной идентичности и его российская специфика», «Столкновение идентичностей и принципы межкультурных коммуникаций в современном мире», «Россия на рубежах истории и границах цивилизаций», «Российская идентичность в контексте культурных “разломов” глобального и локального», «Идентификационный ресурс культурной памяти: от “помянутой культуры” к “культуре забвения”», «Массовая культура и казус самоопределения, или Новые идентичности в древних одеждах», «Между “быть” и “казаться”: Дискурсы и соблазны самоидентификации в современной культуре» и др. Член президиума Российского научно-образовательного культурологического общества.

⁴ Кастельс М. Глобальный капитализм и новая экономика: значение для России // Постиндустриальный мир и Россия. М., 2001. С. 64–65.

мер, различные интернет-сообщества)¹; глобальную информационную сеть Интернет, отменяющую почти любые границы межкультурных коммуникаций; свою культуру, в роли которой выступает массовая культура, претендующая на роль культурного проекта глобализации и, наконец, особую транснациональную идентичность. По оценкам некоторых исследователей, эта новая идентичность, «флуктуирующая» и «космополитичная» по своей сути, не связана больше с той или иной культурно-религиозной, национальной или этнической традициями².

Формирование «виртуального континента» сопровождается формированием наднациональных форм идентичности, теперь уже зачастую совпадающей с контурами цивилизаций, если вслед за С. Хантингтоном иметь в виду под цивилизацией «наивысшую культурную общность людей и самый широкий уровень культурной идентификации»³.

Эти процессы можно отчетливо наблюдать на примере западноевропейской цивилизации, в рамках которой сформировалось то чувство сопричастности, общей судьбы и ментальной близости, которые объединяют различные народы, обладающие собственной этнокультурной спецификой, но при этом включенные в более широкую систему *общеευропейских* ценностей, на формирование которой повлияло западное христианство, культурное наследие Античности, Возрождения и различных трансевропейских стилей в искусстве, направлений философии, либерально-демократические традиции, лингвистическая, расово-этническая близость и т. д.

Вместе с тем события последнего года показали, что формирование «транснациональной» культуры и идентичности носит болезненный и противоречивый (кризисный) характер, что эмпирически подтверждается целым рядом этнонациональных конфликтов, которыми ознаменовалась вторая половина XX — начало XXI века. Как результат, ощущение цивилизационного единства остается весьма зыбким и неустойчивым.

Например, в европейском сообществе оно доминировало вплоть до конца 1980-х годов — 47 % населения европейских стран в этот период идентифицировали себя как европейцев, а 41 против 36 % полагали, что их страна выигрывает от членства в ЕЭС. К середине 1990-х годов ситуация заметно изменилась в сторону ослабления общеευропейской идентичности: 45 % признались в том, что в их чувстве национальной принадлежности нет вообще никакой европейской составляющей. Около 90 % европейцев отметили в качестве приоритетной идентификацию со своей этнической общиной и со своим регионом⁴.

¹ *Хачатурян В. М.* Цивилизации в новом социальном пространстве // *Вузы культуры и искусств в мировом образовательном пространстве: Новый Шелковый путь к культуре без границ: Междунар. симпоз., Республика Корея, 18–24 мая 2009 г.* : сб. ст. М. : Ёнгволь, 2009. С. 69–70.

² Там же. С. 70.

³ *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2003. С. 51.

⁴ Цит. по: *Костина А. В.* Национальная и этническая культура: соотношение в глобализирующемся мире // *Проблемы филологии и культурологии.* 2006. № 4. С. 165–166.

Различные европейские страны, обеспечившие практически неконтролируемый доступ миграционным потокам, с большей или меньшей долей открытости переживают разочарование идеологией «открытого общества»: некоторые из них стремятся закрыть свои границы для мигрантов из Африки и Ближнего Востока, а брексит (от соединения слов *Britania* и *exit*) — выход Британии из Европейского Союза — только подчеркнул зыбкость транснациональных образований, даже таких мощных и экономически благополучных, как Европейский Союз.

В свою очередь, современные иммигрантские сообщества стремятся сохранять коренные традиции и поддерживать связи со страной своего происхождения, образуя, по сути, новый тип транснациональных сообществ.

Можно заметить, что в последнее время тема традиции, казалось бы, пережившая пик научного интереса еще в 1960-е годы, снова оказалась весьма востребованной. И в том числе в контексте дискурса глобалистики.

Причин тому много, но прежде всего это связано с постоянной актуализацией рефлексии на тему традиционных, устойчивых оснований культуры, по всем признакам не исчерпавшей еще ресурс постмодернистского релятивизма. Это свидетельствует о том, что как бы ни существовал в культуре человек — в гармонии ли с ее традиционными ценностями и установками, или в неизбывном конфликте с ними и стремлением вырваться за «флажки», — он не может существовать вне системы координат и нуждается хотя бы в относительной стабильности. Отсюда, вероятно, и интерес к традиции как ценностно-смысловому ядру любой культуры, базовому основанию идентичности и ее самому устойчивому образу.

А вот контексты такой рефлексии разворачиваются самые разные, прежде всего в связи с тенденцией к сокращению культурного и лингвистического разнообразия мира. По данным ЮНЕСКО, около 2500 языков из 6 тыс. существующих сегодня в мире находятся в зоне риска и в ближайшее время могут исчезнуть, улетая за собой и соответствующие традиционные культуры (из них 136 — на территории России).

Глобализация с ее выраженными модернизационными установками придает ускорение этим процессам, в частности сокращая не только число традиционных культур, но и долю носителей традиционного образа жизни, производителей традиционной культуры в составе населения постиндустриальных государств (сельских производителей).

Однако культура оказалась самым непредсказуемым и плохо управляемым игроком в сценарии глобального проекта: чем пластичнее становились территориальные и государственные границы, тем больше нарастала плотность культурных границ, тем настойчивее они смещаются в ментальное пространство, выстраиваясь вокруг идентичностей. И именно мощный идентификационный потенциал культурной традиции стимулировал активное развитие традиционализма и фундаментализма.

Аналитики настаивают, что в основе фундаменталистских акций, которыми отмечены конец XX и уже

прожитый отрезок XXI века, лежит именно покушение на культурную идентичность, на сакральные чувства принадлежности человека той или иной культурной традиции.

Эта «эпоха восстания традиционалистов», как бы странно это ни звучало, — вполне «культурное» по своим причинам явление, поскольку являет собой акты борьбы за сакральную неприкосновенность традиционной культуры, «сопротивления *традиционных культур и народов* тотальному наступлению на них “цивилизации (курсив мой. — И. М.) без святых и героев”» (В. Кутырев).

Таким образом в современном мире в очередной раз актуализируется дихотомия «традиция–модернизация», уже не раз осмысленная, переосмысленная и выведенная почти в маргинальные поля теоретической традициологии.

Однако, сознательно допуская некоторое упрощение, можно утверждать, что самые глубокие конфликты современного мира «стягиваются» как раз к этому глубинному противоречию двух различных типов социокультурной динамики: традиционности и модернизации.

Крайней формой этого противостояния стал «глобальный», «международный» или «новый» терроризм, во всей полноте воплощенный в такой международной структуре, как ИГИЛ или ДАИШ, легитимация которого выстраивается на идее «защиты» культурной традиции, основанной на идеологии ислама.

Терроризм настолько стремительно вошел в современный мир, что по-настоящему не получил еще сколько-нибудь системного осмысления. Любое явление, чтобы быть осмысленным, описанным, должно быть рассмотрено с определенной временной дистанции. В данном случае такой возможности нет: терроризм сегодня опережает не только политические реак-

ции и решения, но и научную рефлексию, возможно и потому, что постоянно демонстрирует все новые формы и векторы развития. И самая последняя тенденция, которая подобно пружине развернулась на наших глазах в связи с активностью ИГИЛ, — это сублимация террористической активности в символическую сферу и выбор культуры в качестве важного стратегического объекта террористической активности.

Очевидно, что преступления в Пальмире и Мосуле против мирового культурного наследия не могут быть объяснены исключительно невежественным фанатизмом и поиском дополнительных источников финансирования деятельности террористических организаций. Террористы очень точно угадали уязвимое место, зону «сакрального» для западного общества: это памятники культуры, обладающие символическим, сакральным значением для всей западной цивилизации. Поэтому в разрушении и разграблении культурного наследия, помимо всех меркантильных целей, необходимо видеть совершенно определенный жест и высказывание, ответ на которые пока остается исключительно в рамках силовых решений.

Таким образом, на угрозы культурной унификации человечество в самых разных частях света отреагировало демонстративной манифестацией своей культурной неоднородности и обозначением символических границ, показав, что этнокультурное и ментальное многообразие современного мира не только не сокращается, но становится все более сложным и конфликтным.

Главная идея, которую принес с собой глобальный проект, — идея движения к единой культуре и «общепланетарному этносу», — оказалась одной из величайших иллюзий современности, с которой мир расстается с большей или меньшей степенью разочарования.

В. Э. Манапова¹

ПРОБЛЕМА СТОЛКНОВЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ И МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

На сегодняшний день очевиден тот факт, что происходит ломка прежней устоявшейся системы отношений в обществе и природе. Более того, отношения внутри общества также претерпевают серьезные изменения. Процессы модернизации и глобализации привели к интенсификации ряда сложных противоречий. Как никогда остро стоят проблемы, носящие антропный характер: глобальное потепление, столкновение цивилизаций, вызванное, с одной стороны, непродуман-

ной политикой Запада в арабо-мусульманском регионе, а с другой — миграционными потоками, хлынувшими из стран третьего мира, проблема терроризма, этнического экстремизма, глобальный финансовый кризис, смена ценностных ориентиров.

В последнее время все чаще говорят о кризисе исторической науки в России. С конца 1980-х годов началась критика марксистской методологии как в нашей стране, так и за рубежом. Несколько лет назад американский политолог Ф. Фукуяма в своей известной работе «Конец истории?» провозгласил: «Триумф Запада, западной идеи очевиден прежде всего потому, что у либерализма не осталось никаких жизнеспособных альтернатив»². В том же ключе рассуждал З. Бжезинский, утверждая, что у США нет и не может быть

¹ Доцент кафедры гуманитарных дисциплин Дагестанского государственного университета народного хозяйства (Махачкала), доктор философских наук. Автор 64 научных публикаций, в т. ч.: «Межкультурный диалог и коммуникативные помехи», «Культурное многообразие и глобализационные процессы», «Традиционная этническая культура: этикетные нормы и семиотика жилища», «Проблема понимания в диалоге», «Миграция как фактор конфликтогенности», «Национальный характер: истоки формирования и стереотипы поведения», «Диалогизм восточной культуры в прошлом и в современности» и др.

² См.: Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134–148.

в ближайшей перспективе конкурентов, а следовательно, мир останется однополярным. Но в результате глобального финансового кризиса 2008 года стало очевидно, что прежняя система отношений больше не может существовать. Капитал победил, выполнил свою программу и, по мнению ряда философов и социологов, погрузился в состояние кризиса. Одна эпоха сменяет другую, за умирающим капитализмом следует новая эпоха, и нам еще предстоит пережить кризис переходного периода.

Возникают перемены бифуркационного характера. Ф. Фукуяма писал о том, что после конца истории будет скучно, так как идеологическая борьба сменится простым экономическим расчетом, заботой об экологии и удовлетворением запросов потребителей. Но, как показывает практика, реальный мировой процесс многовариантен и индивидуален. Безусловно, ни одна теория, даже логически выверенная, не в состоянии его в точности предсказать.

В настоящее время возникает запрос на социальную справедливость, в связи с чем рассматриваются два сценария дальнейшего развития общества¹:

1) прогрессивный сценарий: коммунизм как третья антропная эпоха;

2) регрессивный сценарий: новое Средневековье, означающее отказ от цивилизационных достижений.

Что касается первого сценария, то Ф. Фукуяма, к примеру, утверждал, что в уходящем столетии либерализму были брошены два главных вызова — фашизм и коммунизм². Согласно первому, политическая слабость Запада, его материализм, моральное разложение, потеря единства суть фундаментальные противоречия либеральных обществ. Разрешить их могли бы, с его точки зрения, только сильное государство и новый человек, опирающийся на идею национальной исключительности. Фашизм как идея был сокрушен Второй мировой войной. По мнению Ф. Фукуямы, это было как материальное поражение, так и поражение идеи. Гораздо более серьезным идеологическим вызовом, брошенным либерализму, второй великой альтернативой стал коммунизм. Коммунистическая идеология для миллионов людей ассоциировалась с верой в светлое будущее, более справедливый и безопасный мир.

Регрессивный сценарий также рассматривается в качестве одного из альтернативных путей развития цивилизации. По мнению политологов, XXI век может стать эпохой столкновения цивилизаций именно на основе межконфессиональных противоречий. Термин «новое Средневековье» часто употребляется учеными для описания современных тенденций развития общества. В последнее время мы становимся свидетелями того, как европейские государства пытаются интегрировать растущее мусульманское население. По данным на 2008 год, в Европе проживало около 16 млн мусульман, что сопоставимо с численностью такой страны, как Нидерланды. В 2010 году доля мусульманского населения выросла с 4,1 до 6 %, то есть увеличилась почти на 50 %, а к 2030 году ожидается увеличение

до 8 %. Активность мусульманского населения также связана с возросшим количеством исламских организаций и учреждений. Кроме того, особую тревогу у европейского сообщества вызывает тот факт, что мигранты из арабо-мусульманского региона не отождествляют себя с государством-реципиентом, предпочитая жить диаспорами. Исламофобия в разных формах становится реакцией европейских обществ на возвращение ислама. Характерно, что похожие взгляды существуют и в России. В последнее время европейские страны для регулирования процесса используют технологию выборочной иммиграции (*immigration choisie*), к примеру широко открывая двери лишь докторам и программистам, в которых они остро нуждаются, поскольку коренные жители не стремятся приобретать необходимую квалификацию.

Следует также отметить, что и в России возрастает количество мусульманского населения как за счет естественного прироста населения, так и за счет миграционных потоков из стран СНГ, что приводит к росту числа мусульманских организаций. По утверждению С. Хантингтона, «в этом новом мире наиболее масштабные, важные и опасные конфликты произойдут не между социальными классами, бедными и богатыми, а между народами различной культурной идентификации». К сожалению, непродуманная государственная политика по отношению к мигрантам приводит к межэтническим и межконфессиональным конфликтам. Как известно, самые кровавые и жестокие конфликты происходят на основе религиозных и этнических противоречий. Именно поэтому данное развитие цивилизации является наиболее деструктивным и может привести к потере большей части населения. Кроме того, набирающие силу современные миграционные процессы на фоне стареющего населения Европы значительно изменят этнокультурный состав многих европейских стран. Конструктивный диалог затруднен теми страхами и недоверием, которые общины испытывают друг к другу.

Азиатские страны активно сопротивляются вестернизации и «макдональдизации», не желают утрачивать свою самобытность в угоду западным ценностям и образу жизни. Кроме того, эти страны объединяет желание изменить расстановку сил на мировой арене. В 1990-е годы была сформулирована концепция «азиатских ценностей», где на первом месте рассматривались различия в соотношении индивидуального и коллективного. В противовес Всеобщей декларации прав человека, принятой ООН в 1948 году, и Венской декларации 1993 года, заявлявшей о том, что права человека являются «универсальными и нераздельными», приверженцы «азиатских ценностей» настаивают на существовании фундаментальных культурных различий в отношении к проблемам и правам человека.

Существуют пределы миграции любой страны, связанные с ограниченными возможностями социальной адаптации. Первое, на что обращают внимание, — это различия в этикете, системе ценностей, обычаях и традициях. На наш взгляд, в такой многонациональной и многоконфессиональной стране, как Россия, основную роль в урегулировании конфликтов должно играть

¹ Фурсов А. И. Прощальный поклон капитализма. URL: <http://www.zlev.ru> (дата обращения: 05.01.2009).

² Фукуяма Ф. Указ. соч.

государство. В качестве примера работы в данном направлении можно привести проект Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Проводя миграционную политику, государство обязано предоставить социально-экономические и политические гарантии как мигрантам, так и коренному населению. Большое значение в преодолении агрессии играют образование, интеграция, наличие общего идеала.

Первое, что испытывают люди в межкультурных контактах, — культурный шок, который сопровождается удивлением и дискомфортом при осознании различий между культурами, а также путаницей в ценностных ориентациях, социальной и личностной идентичности. Шок возникает в первую очередь в эмоциональной сфере, однако важнейшую роль играют такие социальные факторы, как неприспособленность и неприятие новых обычаев, стиля поведения и общения, темпа жизни, изменений в материальной инфраструктуре общества (интенсивное уличное движение, социальные контрасты, шум, яркая реклама) и ценностях (роли индивидуальных усилий, рационального поведения)¹. Именно поэтому особое значение придается адаптации к новой культурной среде.

Одним из важнейших факторов, благоприятно влияющих на процесс адаптации, является установление дружеских отношений с местными жителями. Так, визитеры, имеющие друзей среди местных жителей, познавая неписаные правила поведения в новой культуре, могут получить больше информации о том, как себя вести. Но и неформальные межличностные отношения с соотечественниками могут способствовать успешной «приживаемости», так как друзья из своей группы выполняют функцию социальной поддержки. Однако в этом случае ограниченность социального взаимодействия с представителями страны пребывания может усилить чувство отчуждения.

Помимо государственной воли, усилий дипломатов и готовности руководителей государств к примирению, существует также так называемая народная дипломатия. Этот вид регулирования международных конфликтов может быть эффективным, поскольку улучшает взаимопонимание и доверие на разных уровнях за счет переговоров, обмена визитами, совместных проектов, организации культурной и материальной помощи и т. д.

Одна из главных причин межкультурных конфликтов — культурные различия между народами. Любое общество или культура представляет собой сложное взаимодействие культур и субкультур, обладающих характерными нормами и ценностными установками. Задачей государства является недопущение скрытых и явных конфликтов на своей территории. Существует несколько способов разрешения конфликтов. Обычно выделяют три основные стратегии разрешения этнических конфликтов на макроуровне: 1) применение правовых механизмов; 2) переговоры; 3) информационный путь.

В проекте Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период

¹ Иконникова Н. К. Механизмы межкультурного восприятия // Социс. 2005. № 8. С. 32.

до 2025 года² в качестве основных направлений и принципов интеграции иммигрантов отмечаются: обеспечение мигрантам, законно находящимся на территории Российской Федерации, свободы в выборе места пребывания и жительства; противодействие всем формам дискриминации мигрантов; содействие в обучении языку, изучении культуры народов Российской Федерации, в получении навыков социальной коммуникации и правовой грамотности; противодействие пространственной сегрегации и формированию этнических анклавов, прежде всего в крупных городах; формирование взаимной толерантности мигрантов и принимающего социума, противодействие ксенофобии, национальной и расовой нетерпимости.

В правовой сфере на первом месте должно стоять изменение всего законодательства в полиэтнических государствах. Конфликтные события в России в начале 1990-х годов привели к официальному признанию правомерности постановки вопроса о политическом и правовом статусе любого этноса, что несколько ослабило напряженность в отношениях национальных движений (одна сторона конфликта) с республиканскими и федеральными властями (вторая сторона).

Что касается второй стратегии, то в ходе коммуникации должны применяться методы, призванные поддерживать честные переговоры, ослабить возможность использования «нечестных трюков» и не допустить превращения конфликтов в деструктивные процессы. В частности, к данному методу можно отнести консенсус и компромисс³.

Технология достижения консенсуса сложна. Консенсус (согласие) представляет собой приемлемое для конфликтующих сторон решение, в выработке которого все члены группы сознательно и рационально принимают участие. Он символизирует коллективное мнение участников этого решения.

Компромисс, в отличие от консенсуса, ориентирован на решение спорной проблемы совместными усилиями сторон и в основном состоит из взаимных уступок. Обычно он применяется, когда проблема очевидна, ресурсы и время для решения проблемы ограничены, другие технологии (консенсус, сила, избегание и пр.) не работают⁴.

Когда говорят об информационном пути разрешения конфликтов, имеется в виду взаимный обмен информацией между группами с соблюдением условий, способствующих изменению ситуации. Предоставление такой информации основано на предположении, что знакомство людей с тем, как психологические явления влияют на их восприятие и поведение по отношению к чужакам, содействует гармонизации межэтнических отношений⁵.

Столкновение цивилизаций — угроза международной стабильности. Поскольку цивилизации принципно

² Проект Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://opora.ru/upload/iblock/969/9697f337b3e9bad0f86a2ccbdb12ae74.pdf>

³ См.: Дмитриев А. URL: http://www.syntone.ru/library/index.php?section=books&item_id=4195¤t_book_page=34&print_version=true

⁴ Там же.

⁵ Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М.: Ин-т психологии РАН, 1999. С. 156–157.

ально непримиримы и готовы выступить на защиту своих ценностей, их столкновение представляет угрозу международной стабильности. С. Хантингтон делает упор на религиозные конфликты: конфликты в Европе между западным христианством, с одной стороны, и православием — с другой; конфликты западной и исламской цивилизаций, православных и мусульман в Европе и Евразии, мусульман и индуистов в Азии и т. д. Взаимодействие цивилизаций несет потенциальную угрозу для международной стабильности, потому что экономическая конкуренция преобладает только в отношениях между американской и европейской субцивилизациями, а также в отношениях этих субцивилизаций с Японией. Взаимодействие остальных цивилизаций нередко принимает насильственные формы, иногда доходя до этнических чисток.

Столкновение цивилизаций рассматривается и как угроза внутренней стабильности. На уровне внутренней политики столкновение цивилизаций может вести к ослаблению государственного единства. Выделяются три вероятных кандидата на осуществление сценария дезинтеграции в будущем — Турция, Мексика, Россия, поскольку в этих странах высок уровень культурной гетерогенности. Турция разделена между западной и ближневосточной мусульманскими идентичностями; Мексика — между идентичностями латиноамериканской и североамериканской страны; Россия борется за выбор европейской и евразийской ориентаций.

Н. Моисеев, признавая справедливость выводов С. Хантингтона о роли границ цивилизационных разломов в современной истории как о возможных линиях будущих фронтов, все же считает его аргументацию недостаточно убедительной¹. Одной из важней-

ших причин современных цивилизационных противостояний, по мнению Н. Моисеева, являются процессы модернизации и создание и распространение некоторых общепланетарных стандартов, отвечающих потребностям возникающей технологической основы цивилизации. В том же ключе рассуждает и В. С. Степин, выдвигая идею о том, что обострение глобальных кризисов, порожденных техногенной цивилизацией, приведет к смене системы ценностей, а преодоление глобальных кризисов потребует изменения целей человеческой деятельности и ее ценностных регулятивов².

Следует оговориться, что межкультурные конфликты в «чистом» виде встречаются редко. Зачастую конфликты носят сложный характер и включают множество взаимопроникающих аспектов, поэтому нельзя считать основой межкультурных конфликтов незнание культурных особенностей других этнических групп. Возможности межкультурного диалога не безграничны, так как для того, чтобы понять чужую культуру, иногда необходимо посмотреть на себя со стороны. Страх и агрессия против всего инородного заставляют людей выбирать роль жертвы, тем самым снимая с себя ответственность и перекладывая ее на другого. Большое значение для преодоления агрессии имеют образование, интеграция, наличие общего идеала.

Как известно, кризис — это не только слом старой системы, но и гарант будущего благополучия. Новый автор будущего — это наука как идеология, теория, которая будет все объяснять. Идеи новой этики и новые ценностные установки выступают предпосылками новых стратегий деятельности и нового понимания природы.

М. А. Мануильский³

ЛАТЕНТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ

Одним из основных вызовов современному человечеству является рост террористического насилия. Проблема постоянно находится в центре внимания политиков, экспертов, общественных дискуссий, СМИ. Причем на всех уровнях признается, что отсутствует общезначимое понимание терроризма и террористического насилия. Первая причина тому лежит на поверхности — множество конкретных манифестаций терроризма. Практически любая террористическая акция сопровождается самопрезентацией ее организаторов/исполнителей, «взятием ответственности на себя», что в известной мере демотивирует поиски латентных факторов. Вторая находится глубже — это отсутствие единства в лагере борцов с терроризмом. Группировки, еще недавно считавшиеся террористическими, неожиданно превращаются в повстанцев, оппозиционеров, а сторонники местной автономии, напротив, — в террористов. Произвол в трактовке принадлежности к терроризму затрудняет теоретические рецепции в этой области и невольно подталкивает к дескриптивному, описательному подходу.

Феноменология террористического насилия достаточно обширна. Высказывается мнение, что оно представляет собой насилие «нелегитимное», «безадресное», «выходящее за рамки правового поля», «особо жестокое», «бессмысленное», «неизбирательное» и т. п. Все эти характеристики действительно имеют место. Но они, на наш взгляд, не задаются в качестве необходимых и достаточных. Поясню на примере. Террористы широко практикуют «особо жестокое насилие». Но такая конфигурация насилия присуща

¹ Моисеев Н. Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 10.

² Степин В. С. Философия и эпоха цивилизационных перемен // Вопросы философии. 2006. № 2. С. 22.

³ Заместитель главного редактора журнала «Человек» Президиума РАН, старший научный сотрудник Института социологии РАН, кандидат философских наук. Автор ряда научных публикаций по проблемам философии и культуры, в т. ч. книги «Новая школьная энциклопедия. Человек»; статей: «Биография в структуре жизненного мира индивида», «Культурно-антропологические доминанты терроризма», «Мир человека в энциклопедическом формате», «Российский чиновник на работе и дома» и др. Заместитель главного редактора «Социологического журнала». Награжден почетными грамотами Президиума РАН.

не только действиям радикалов. В свое время американские войска во Вьетнаме широко и последовательно использовали тактику выжженной земли. Даже советская пресса, непрестанно критиковавшая США, не упрекала их в терроризме, хотя, казалось бы, имела полное право. Террористическими тогда считались действия иного калибра — угон самолетов, захват заложников. Дело не только в пропагандистских штампах и конвенциях. Безжалостность, жестокость далеко не всегда обеспечивают достижение главной тактической цели террористов — устрашение, деморализация населения и властей. История Великой Отечественной войны дает множество примеров, когда в ответ на зверства немецких оккупантов у советских людей нарастали ненависть и желание отомстить врагу, укреплялись воля к сопротивлению, единство и сплоченность. Кстати, использование американской армией тактики выжженной земли также не дало желаемых результатов.

Сущность насилия обычно связывают с принуждением и нанесением ущерба индивиду. Мы исходим из трактовки феномена, предложенного А. А. Гусейновым: «Насилие — не вообще принуждение, не вообще ущерб жизни и собственности, а такое принуждение и такой ущерб, которые осуществляются вопреки воле того или тех, против кого они направлены. Насилие есть узурпация свободной воли»¹. Под принуждением понимается действие, которое склоняет людей к нежелательному или неприемлемому для них развитию событий даже в ситуации, когда акция имеет легитимный, законный характер. Крайней точкой принуждения другого индивида является лишение его способности к сопротивлению, а радикальным способом достижения такой цели выступает убийство.

Терроризм, по мнению автора, представляет собой действия индивида или группы лиц, направленные на устрашение других людей, подчинение их своей воле в целях установления порядка вещей, декларируемого идеологией (приверженцами которой являются террористы); при этом используются методы, выходящие за рамки принятых в данном сообществе способов разрешения конфликтов, прежде всего физическое и психологическое насилие, имеющее конкретно-неизбирательный характер, то есть объектом и жертвой которого являются случайные люди². Выдвинутый подход подразумевает наличие нескольких неявных, латентных особенностей насилия.

1. Терроризм — это политика и практика, направленные на раздувание существующих в обществе проблем, противоречий, разрешение которых и выдвигается в качестве основной цели. Решение может формулироваться в рамках как «светской» парадиг-

мы (искоренение несправедливости), так и религиозных представлений (покарание еретиков и утверждение истинного вероучения). Но в любом случае единственным способом преодоления реальных или мнимых трудностей считаются радикальные меры («есть человек — есть проблема, нет человека — нет проблемы»). Диалог, кропотливый поиск компромиссов отвергаются как путь унижительных уступок, предательства высших интересов и идеалов (вспомним оценку Лениным Брестского мира как «позорного» и «похабного»). В силу простоты, «монологичности» принимаемых решений предлагаемые перспективы носят *утопический* в конечном счете характер.

2. Видимо, бессознательно чувствуя утопичность достижения конструктивных результатов с помощью террористического насилия, его вдохновители и организаторы выдвигают тезис о «временном (якобы по необходимости)» использовании радикальных мер. Николай Морозов, идеолог народовольческого террора, в 1880 году провозглашал: «Террористическая борьба немедленно прекратится, как только социалисты завоюют для себя фактическую свободу мысли, слова и действительную безопасность личности от насилия, — эти необходимые условия для широкой проповеди социалистических идей»³. В. И. Ленин в работе «Государство и революция» обосновывал мысль, что главным политическим условием построения социализма является установление *диктатуры* пролетариата — ничем не ограниченного вооруженного насилия трудящихся масс; по мере успехов коммунистического строительства необходимость в диктатуре пролетариата сойдет на нет, а государство отомрет. И. В. Сталин, в принципе разделявший эти идеи, внес существенную новацию: «По мере нашего продвижения вперед, к социализму, сопротивление капиталистических элементов будет возрастать, классовая борьба будет обостряться»⁴. Этот сомнительный с точки зрения классического марксизма тезис послужил, как известно, идеологическим оправданием большого террора.

Нынешние террористы действуют более изобретательно: насилие остается, только изменяется политическая «вывеска» группировки, делающей ставку на насилие. При этом новый «бренд» должен устраивать спонсоров и быть приемлемым для общественности. Латентными в данном случае выступают не формы насилия, а его спонсоры. Хотя и с насилием не все так просто. Его применение часто маскируется дымовой завесой информации о якобы многочисленных мирных жителях, погибших в результате силовых действий борцов с терроризмом.

3. В тактическом плане эффект устрашения, деморализации достигается прежде всего в силу неожиданности теракта. Повседневной нормой (для европейца, во всяком случае) является внешне сдержанное поведение; конфликту, демонстрации агрессии предшествует хотя бы минимальное обозначение своих намерений, требований. Естественно, беспорядочная стрельба (взрыв) в общественном месте не просто пугает своей

¹ Гусейнов А. А. Насилие и ненасилие // Вопросы философии. 1994. № 6. С. 36.

² В действующем Уголовном кодексе РФ терроризм определяется следующим образом (ст. 205): «Терроризм, то есть совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях».

³ Морозов Н. Террористическое насилие. Женева, 1880.

⁴ http://scepsis.net/library/id_946.html (дата обращения: 08.01.2017).

внезапностью. Блокируются привычные способы реакции. Кочующая из фильма в фильм сцена нападения вооруженных преступников на банк с возгласом «Это ограбление!» — не просто штамп голливудских режиссеров. Он отражает идеально-типическое представление о «цивилизованном преступлении». Сам факт преступления является социально неодобряемым поступком, но в цивилизованном обществе жертва ограбления *имеет право* знать, что она жертва. Внезапная террористическая атака нацелена в том числе и на нарушение прав людей, что вызывает у них дополнительный стресс.

4. Чтобы добиться максимального устрашающего эффекта, парализовать волю людей, террористы прибегают к использованию приемов и методов, выходящих за рамки культуры данного сообщества, бросающих ей прямой вызов. Как известно, культурные нормы исторически и географически вариативны. Убийство «кровника» в этнических группах, придерживающихся закона кровной мести, если и не считается социально одобряемой нормой, то и не приведет соплеменников в ужас. В обществах, преодолевших диктат кровнородственных связей, подобная месть — тяжкое уголовное преступление. Похожие ситуации при внешней близости событийной канвы могут нести принципиально различную смысловую нагрузку. Гибель пешехода под колесами трейлера — трагическое происшествие. Применение большегрузного автомобиля в качестве средства *массового убийства* расценивается как циничный вызов обществу. В целом культура, конечно же, противостоит терроризму. Но некоторые ее установки террористы могут использовать в своих целях. Речь идет о санкционированных традициями, нормами, обычаями насильственных действиях в отношении *других* (упомянутая выше кровная месть, человеческие жертвоприношения) или *себя* (самопожертвование). В последнем случае идеологема самопожертвования используется исламскими террористами для достижения своих целей.

5. Еще одной латентной особенностью террористического насилия выступает его *конкретно-неизбирательный* характер. Что имеется в виду? Любой теракт локализован по месту и времени, но не по объекту. Выбранная цель лишь маркирует принадлежность ми-

шени к объекту «возмездия» или устрашения. Иными словами, место и время теракта, как правило, выбираются, исходя из установки максимизировать причиняемый ущерб, в частности число человеческих жертв. Точечный удар, пусть и масштабный, может быть нанесен теоретически где угодно.

Приходится с сожалением констатировать, что конкретно-неизбирательное насилие присуще также войне, то есть санкционированным легитимными властями насильственным действиям. В данном случае главная задача — также нанесение максимального ущерба противнику, и неважно, какая конкретно воинская часть находится на противоположной стороне поля боя. В основе конкретно-неизбирательного насилия в ходе боевых действий лежит логика решения военно-политических задач, а не представления о справедливости или несправедливости. С точки зрения нанесения ущерба война ничуть не лучше терроризма.

По конфигурации насилия терроризм отличается от криминальных преступлений. В последнем случае насилие имеет конкретно-избирательный характер, хотя жертвами преступников могут и часто бывают случайные люди. Криминальные преступления носят мотивационно-адресную направленность: обогащение путем «экспроприации» имущества конкретных лиц и организаций, межличностный конфликт (ревность, месть, личная неприязнь), культурно-мировоззренческое противостояние (соперничество футбольных фанатов, межконфессиональные конфликты на бытовой почве, внутриселенческое столкновение «своих» и «чужих»), религиозные распри (борьба между приверженцами «истинного» понимания вероучения и еретиками). Во всех этих и подобных случаях у насилия есть *конкретный* адресат (пусть и обезличенный), а возможные жертвы среди оказавшихся поблизости людей являются случайными.

Террористическое насилие — сложное многоплановое явление. Какие бы формы оно ни принимало, эти действия направлены на устрашение, деморализацию людей, деконструкцию и дезинтеграцию их сложившегося, привычного жизненного мира. Противодействие этому злу требует не только систематических профилактических мер, адекватных силовых ответов, но и мобилизации всего потенциала культуры.

И. А. Марзалюк¹**САМОБЫТНОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЛИЦО БЕЛАРУСИ:
О СМЫСЛАХ И КОДАХ БЕЛОРУССКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ**

Часто (особенно в последнее время) СМИ формируют у белорусов комплекс неполноценности: «В этой стране, в отличие от цивилизованных стран...» — таким образом подчеркивается, что мы и наша культурная традиция маргинальны, примитивны и вторичны.

В белорусской культурной традиции, к нашей гордости, не было Варфоломеевской и Хрустальной ночей, еврейских гетто и костров из книг... Наша культурная традиция была не мультикультурной, а полицентричной и поликонфессиональной и впервые на европейском континенте разрешила человеку открыто исповедовать свою веру, при этом не вторгаясь в духовное пространство другого человека. Если вспомнить XVI век и Статут Великого княжества Литовского (ВКЛ), то на законодательном уровне было закреплено право каждого свободно исповедовать свою веру. Впервые на европейском континенте мы употребили термин «христианин» независимо от конфессиональной принадлежности человека (православный, католик или протестант). У Беларуси есть великая традиция, есть чему поучиться другим странам.

Один из наиболее последовательных атеистов прошлого Ф. Ницше, который довел до абсолюта и абсурда свою «веру», сказал страшную фразу: «Бог умер. Если Бога нет, все позволено». Если нет Бога, то не существует абсолютных моральных ценностей, добра и зла. Тогда возникает то, что мы называем классовой моралью, а она примитивна и однобока. Подобная установка всегда приводит к дегуманизации, доцивилизационному, дохристианскому сознанию (в одном случае это мой классовый брат, а с другого я могу снять скальп — и ничего страшного).

XX столетие было страшным, испытало много катастроф в поиске нового человека, но без Бога! Этот поиск привел к триумфу по сути канибальских идеологий. Л. Н. Толстой неоднократно повторял: «Я боюсь Чингисхана с телефоном». Сейчас чингисханов с телефонами чересчур много (в прямом и переносном смысле).

Когда мы начинаем восхвалять концепции гендерного равенства, жонглируем чужими терминами и смыслами, которые приводят к разрушению того

¹ Председатель Постоянной комиссии по образованию, культуре и науке палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, профессор кафедры археологии и специальных исторических дисциплин Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова, доктор исторических наук. Автор около 150 научных и учебно-методических работ, посвященных исследованию материальной и духовной культуры средневековых городов Беларуси, а также социокультурных и этноконфессиональных стереотипов, в т. ч. 12 монографий: «Магілеў у XII–XVIII ст.: Людзі і рэчы», «Гісторыя рэлігіі Беларусі (X–XVIII ст.)», «Людзі даўняй Беларусі: Этнаканфесійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы (X–XVII ст.)», «Міфы “Адраджэнскай” гістарыяграфіі Беларусі» и др. Награжден почетными грамотами Национальной академии наук Беларуси, Министерства образования Республики Беларусь, Совета Межпарламентской ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств, медалями «За укрепление парламентского сотрудничества», «За трудовые заслуги», нагрудным знаком «Отличник образования».

мира и света в душе, который выстраивался с конца X столетия на нашей земле, мы уничтожаем самих себя. Существуют представления, которыми нельзя оправдать вступление в Совет Европы и многое другое. Согласно Евангелию, «все получишь, но душу потеряешь» — тогда зачем все это?

У Беларуси есть свое понимание действительности, и оно не маргинальное, не вторичное и не примитивное. Для христианина многие вещи табуированы. То, что атеист называет здравым смыслом, для нас — фундаментальные понятия, заложенные в основание белорусской культуры, европейской и христианской одновременно.

То, что из так и нереализованной Конституции ЕС вычеркнули абзац о том, что в основе европейской системы лежат ценности христианской цивилизации, говорит о многом. Если речь идет о системе образования, то следует напомнить, что профессор — это не официант и в университетах мы готовим не мерчендайзеров, а должны воспитывать граждан своей страны! Предполагается владение английским или другим языком не для насыщения нашими высококачественными «полуфабрикатами» (читай: людей) европейского рынка, а для служения своей Родине!

Патриотизм и национальная идея начинаются с базовых вещей: с уважения к своему дому, элементарного порядка, чувства почтения к старшим и родителям, понимания, что нельзя мусорить на улицах, что есть вещи, которые никому нельзя отдавать, что душа — не конфетная обертка, что мы живем согласно традициям, которые имеют глубокие корни, и т. д.

Несмотря на советскость и постсоветскость, Беларусь парадоксальным образом сохранила те ценности, которые помогли стать Европе сильной: традиционное православие, католицизм и протестантизм, право каждого быть самим собой, не нарушая фундаментальных прав других («Свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого человека»). Если мы таким образом будем понимать свободу, то найдем общие смыслы — соборность и духовность.

Все ли определяется экономической целесообразностью, деньгами и куплей-продажей? Уверен, что нет! Каждый день идет борьба с самим собой, мы постоянно делаем выбор — между добром и злом, ложью и правдой. Право выбора — самое важное, что у нас есть.

Каждый человек отвечает за свои поступки, поэтому не нужно возлагать вину на государство, время или эпоху. Человек свободен даже в концлагере, он может выбрать: жить (сопротивляться или терпеть) или пойти на смерть, чтобы не подчиниться, — это его фундаментальное право свободного выбора. Зла в этом мире ровно столько, сколько мы его совершаем!

У Беларуси есть самобытное национальное лицо: христианское отношение и уважение друг к другу. Несмотря на попытки расколоть нас по этноконфессиональному принципу (потому что Беларусь впитала

две великие традиции: восточное православие и католицизм, что должно было бы оттолкнуть людей друг от друга), ничего не получилось. Поэтому мы с гордостью можем сказать, что в век геноцида в Европе абсолютное большинство белорусов проявило лучшие черты характера: мы не устраивали резню польского меньшинства в Гродно и на Волыни, не были пособниками нацистов, не поджигали синагог, а демонстрировали абсолютно другое отношение.

Несмотря на все невзгоды и трудности, которые испытывал наш народ в 1937–1941 годах, предателей среди белорусов было очень мало. Так, среди белорусов не было полицаяев, их приходилось привозить с сопредельных территорий бывшего СССР. Этим мы тоже можем гордиться! Такие поступки делают нас людьми, мы оставляем нашим детям наследие, которое позволило польскому историку Кшиштофу Петкевичу сказать: «Белую Русь надо называть Доброй Русью!».

Беларусь — страна добрых людей, добрых смыслов. Да, у нас есть проблемы, но они связаны с внутренней дисциплиной, неуважением определенных институтов. Над этим нам нужно работать. Самое важное — чтобы мы не потеряли себя. Сейчас идет борьба за души (через систему образования, моральные ценности и пр.). Скажу честно, что эту борьбу государство и народ пока проигрывают. Усиливаются настроения и нарастают тенденции, которых раньше наша земля не знала. С их помощью стремятся расколоть белорусский народ, разжечь ненависть, а не пытаются найти выход из непростой экономической ситуации.

Эти манипуляции не должны распространяться. Возникает аллюзия, восходящая к сюжету Ветхого Завета, когда пророк Моисей увидел, как еврей выдал еврея, что люди одной крови предавали друг друга. Что-то похожее мы наблюдаем сейчас в Восточной Европе. Если это не остановить, то мы станем людьми с чужой имитационной культурой (таких на улицах наших городов уже много). Если посмотреть на вывески магазинов и указатели (техасы, лас-вегасы и др.), создается впечатление, что здесь культурная целина, пустыня, что люди только вчера научились читать (отдельный вопрос — засорение русского и белорусского языков). Это звенья одной цепи, которые не дают нам комфортно себя чувствовать. Поэтому важно избавиться от комплекса неполноценности, так как нам есть что сказать.

Следует отметить, что в XVI веке статус старобелорусского языка определялся как официальный язык государства, «власны, прирочонь» «русский язык». В Статуте 1566 года он противопоставлен как «свой» язык делопроизводства «иному» языку, под которым понимался польский.

В 1884 году начал издаваться журнал «Гомон». В письмах, брошюрах, журнале представители белорусской интеллигенции утверждали факт существования своего народа и его право на государственность в виде федерации с Россией. Абсолютная для того времени инновация, хотя речь шла о государственности именно Беларуси.

Студенты Петербургского университета, народо-вольцы, основатели журнала «Гомон» (1884) — шклов-

ский помещик, еврей по происхождению Хаим Ратнер и мстиславский помещик, православный белорус Александр Марченко — первыми сформулировали белорусскую национальную идею, обосновали право белорусского народа на национальную государственность. Они утверждали, что белорусы — самостоятельный славянский народ, а не ветвь либо составная часть иной национальной общности. Их призыв без преувеличения можно назвать первым национальным белорусским манифестом: «Долой эксплуатацию, мы сами желаем управлять собой! Долой чужие руки, Белоруссия должна быть для белорусов, а не для чуждых элементов! Довольно нам подчиняться сильнейшим и ждать, куда они нас поворотят — направо или налево!.. Мы сами должны завоевать себе свободу, не возлагая надежду на других!»

В среде российских националистов, ненавидящих современную белорусскую государственность, весьма популярен тезис о том, что белорусы были «выдуманы» поляками с целью развала Российской империи. Якобы данная «польская» концепция была воспринята большевиками, которые разрушили общерусское единство и «придумали» белорусский язык и белорусскую литературу. Данные утверждения тенденциозны и лживы. На самом деле именно в Российской империи российскими учеными, а затем и получившими образование в российских университетах белорусами было начато изучение белорусского языка, литературы и истории.

В 1822 году российский филолог Константин Федорович Калайдович опубликовал работу «О белорусском наречии» в «Трудах Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете». Этим автором еще в 1813 году был подготовлен Краткий словарь белорусского наречия. Калайдович утверждал, что в белорусском языке «скрываются остатки древнего языка славянского», и призывал «обратить внимание на столь важный предмет самих белорусцев, которые вернее и лучше могут исследовать свое наречие и с помощью ононого объяснить древний язык наших памятников».

Российский лингвист, историк языка Федор Галузов в 1822 году опубликовал «Заметки касательно белорусского наречия». Он первым из российских ученых заявил, что у белорусов в прошлом была своя государственность, история и самобытный язык, который использовался как государственный язык в ВКЛ, на котором говорила не только белорусская, но и литовская знать. Галузов указал на тот факт, что белорусы — самобытный восточнославянский народ: «От великороссиян белорусы отличаются не только языком, но также и нравами, обычаями и даже телосложением. ...К полякам они еще менее себя причисляют, чем к великороссиянам и малоруссам».

Павел Михайлович Шпилевский, православный белорус, сын священника, блестящий этнограф и лингвист, написал ряд работ, которые должны были стать учебными пособиями для изучения белорусской истории и языка в школе, гимназии и университете: «Словарь белорусского наречия» (1845), «Краткая грамматика белорусского наречия» (1845), «Список имен

мужских и женских (белорусских), не сходствующих с именами русского языка», «Список белорусских мифологических богов», «Сравнение мер и монет белорусских с русскими».

Попечитель Виленского учебного округа князь Александр Ширинский-Шихматов в январе 1863 года ввел «белорусское наречие» (белорусский язык) в качестве языка дополнительного обучения на всей территории Беларуси. Был подготовлен первый учебник по истории Беларуси «*Расказы на белорусском наречии*». Восстание 1863 года похоронило инициативу Ширинского-Шихматова. В 1864 году белорусский язык был исключен из преподавания в школе. Но факт остается фактом — целый год белорусский язык официально преподавался в школе, а белорусы учили историю на родном языке по учебнику, в котором утверждалось, что в прошлом у них была своя государственность в виде Полоцкого княжества, что в ВКЛ господствовали их культура и язык. В учебнике подчеркивалось, что и католики, и православные — это белорусы, а не поляки или другой народ.

Мы не должны манипулировать своим прошлым, следует помнить, что в Российской империи белорусский народ не был колониальным и угнетенным. Тогда белорусы играли роль шотландцев, а украинцы — ирландцев (если можно позволить такие метафоры).

Например, Осип Козловский, учитель Михаила Клеофаса Огинского, в конце XVIII века создал неофициальный русский национальный гимн «Гром победы, раздавайся! / Веселися, храбрый Росс!» на мотив полонеза и слова Гавриила Державина.

Парадоксально, но факт — сегодня постсоветская Беларусь является носительницей и хранительницей традиционных базовых христианских ценностей европейской цивилизации (православной, католической и протестантской). Более того, белорусское государство бережно сохраняет и культивирует их. Но следует помнить, что в свое время колонизация привела к уничтожению языка и культуры (следы которого мы отыскивали только в униатских Святах).

Польский патриот Тадеуш Косцюшко видел причины сохранения белорусских корней в византийском обряде, сохранении традиции восточной церкви — православной и униатской (грекокатолической). Когда его называют национальным героем, не следует забывать, что он ратовал за тотальное уничтожение белорусов как нации, создание Польши «от моря до моря». И об этом тоже надо говорить, потому что для одних мы — «испорченный» вариант поляков, для других — «испорченный» вариант русских или украинцев. В этом противоборстве и возникла белорусская нация.

Сегодня Беларусь — *цитадель* европейской традиционной культуры и морали, центр «сборки» Евразии. Я исхожу из убеждения, что белорусский народ — народ с великим прошлым, обладающий колоссальным интеллектуальным и экономическим потенциалом и трудолюбием. Народ, с достоинством и мужеством

вынесший невзгоды и испытания в годы Великой Отечественной войны, учредитель ООН, народ, переживший чернобыльскую катастрофу, проявивший человечность, мужество и доброту во время суровых испытаний, поэтому он не может ограничиваться в своих мечтаниях местечковым национализмом и изоляционизмом.

Беларусь не должна стремиться просто выжить — она должна быть конкурентоспособной и успешной. Это возможно лишь в равноправном, партнерском экономическом союзе государств, разделяющих наши базовые ценности.

При этом мы должны постулировать свою национальную сверхзадачу — *создать в Беларуси на основе собственной традиции органический синтез европейского Востока и Запада*. Беларусь должна апеллировать к миллионам людей в Западной, Центральной и Восточной Европе, которым понятия добра и зла, традиционной морали и этики (в том числе трудовой), семьи дороги так же, как и нам. *Беларусь должна быть притягательным центром традиционной Европы*.

Мы совместно с соседями, разделяющими наши жизненные принципы, должны создать свою *Брестскую крепость*, экономическую, культурную и политическую *цитадель*. Поэтому концепция интеграции интеграций является жизненно необходимой для нашей страны, залогом нашего успешного развития, сохранения национального «я».

Колоссальная ответственность лежит сегодня на России. Часто сотрудничество и равноправие в Москве понимались и понимаются как вассальная зависимость и неукоснительное исполнение воли Кремля «младшими братьями» — белорусами и украинцами, а белорусская и украинская государственность — как геополитический курьез, который необходимо устранить в будущем. Пагубной, антинаучной и политически вредной для реальной интеграции является шовинистическая концепция, весьма популярная в среде российских националистов, о якобы искусственно разделенном в настоящее время на три части едином русском народе. Для такой «теории» характерно полное отрицание национальной самобытности, языка и культуры белорусов и украинцев.

Без изживания подобных взглядов в среде российской элиты, морального моратория на их публичное тиражирование и озвучивание с высоких трибун и в прессе реальное сближение и сотрудничество трех братских восточнославянских народов обречено на провал.

Можно сколько угодно создавать мифов и сказок для внутреннего пользования, но надо помнить, что пустой миф порождает не позитивный эффект, а комплекс неполноценности, стремление к реваншу там, где его не должно быть, лживые образы, на основе которых нельзя ничего построить. Лучше простая, горькая, но *своя* история, может быть, не самая хорошая, но она своя — и другой у нас нет. Только на этих основаниях можно победить.

А. В. Матвеева¹

ЧЕЛОВЕК ПЕРЕД ВЫЗОВОМ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЛОВУШЕК СЕТЕВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Человечество, как коллективный субъект истории, пережило уже много форм цивилизации, сменивших друг друга через кризисы, оставивших нам в наследство как удивительные образцы взлета творческого духа, так и примеры крайней жестокости.

Весь XX век человечество активно осваивало энергию микромира, знания о биологической природе человека, проникало в тайны относительности соотношения пространства и времени. Оказалось, что в эти соотношения органично вписан человек через категории информации и коммуникации. Подчинив пространство и время через научно-технические достижения, соединив все человечество в одну «глобальную деревню» сетевой коммуникацией, овладев генетическим кодом живых существ на планете, человек остановился на пороге безграничных возможностей, которые опасны тем, что могут привести к уничтожению его как вида.

В XXI веке человечество вступило в новую фазу своего развития, которую принято называть постиндустриальной, информационно-коммуникативной, сетевой цивилизацией, характеризующейся трансформацией базового отношения человека к ценностям и смыслам жизни и саморефлексии.

С какими психологическими ловушками сталкивается человек, погружаясь в информационную коммуникацию? Менее чем за 400 лет, начиная с одного из первых медийных изданий «Журнал ученых», созданного французским министром финансов Жаном-Батистом Кольбером для консолидации интеллектуальной элиты страны, и заканчивая транснациональными медийными холдингами, которые в настоящее время подвергаются перманентной горизонтальной, вертикальной и диагональной концентрации, деятельность по производству и распространению информации превратилась в индустрию и эффективный сектор мировой экономики. Наряду с огромными возможностями (дистантное обучение, доступность информационных ресурсов, обмен творческими идеями, совместная деятельность и общение по интересам), открывающимися для любого жителя Земли, человек на биологическом, психологическом и социальном уровнях не защищен от ловушек новой информационной реальности. Самыми опасными являются зависимости от погружения

человека в компьютерную и игровую коммуникацию, иллюзии сверхмогущества, утрата этнокультурной идентичности как основы самосознания и идентичности, нарушение границы частного и публичного пространства, засилье негативной и ложной информации, девиантных форм поведения, незащищенности личных данных. Особенности технологий производства информационных продуктов приводят к доминированию визуальных форм презентации информации без их анализа значимости данной информации в жизни человека, навязыванию нереалистичных форм поведения и способов принятия решений, уплотнению содержания информации в единицу времени без ее осмысленной интерпретации, концентрации процесса производства и распространения медийного контента в руках ограниченного круга лиц. Таким образом формируется новый тип власти — медиатехнократия. В настоящее время мы можем наблюдать столкновение представителей этой власти с новым президентом США Д. Трампом за контроль над общественным мнением жителей страны.

Одно из наиболее развитых информационных обществ наблюдается в Южной Корее. Ярким примером является недавний импичмент бывшему президенту страны Пак Кын Хе. Также известны случаи, когда обсуждение частной жизни человека в СМИ и социальных сетях доводило людей до самоубийства.

Эйфория от перспектив использования коммуникативных технологий, позволяющих быстро, просто и эффективно взаимодействовать отдельному человеку практически со всем человечеством, дает ощущение сверхъестественного могущества, порождает чувство власти над информацией и людьми. В результате человек попадает в ловушку вседозволенности, что проявляется в тяге к запретным, тайным знаниям, секретным материалам и сакральным и инфернальным артефактам. Возникает состояние уверенности, что в нравственной дихотомии можно заменить жесткую границу добра и зла на «Пятьдесят оттенков серого». Но история человечества хранит память о такого рода ловушках. Достаточно обратиться к одной из книг Ветхого Завета, книге пророка Даниила, или известной картине Рембранта «Пир Валтасара» и постичь судьбу таких всемогущих людей в истории, как царь Навуходоносор или Валтасар. Последний был «взвешен, измерен и посчитан». Появление таинственных слов на стене «мене, мене, теке, фарес» во время царского пира было знаком о конце его царствования и его гибели.

Следующим серьезным вызовом сетевой коммуникации и распространением визуальной информации с мгновенным доступом в глобальном масштабе становится сужение личного частного пространства человека и втягивание его в публичное пространство. Наибольшему напряжению подвержены все типы межкультурных взаимодействий представителей разных

¹ Профессор кафедры методологии психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор психологических наук. Автор 179 публикаций, в т. ч. 26 монографий: «Образы, традиции и культура межнационального мира и согласия» (в соавт.), «Методология и методика обучения навыкам коммуникативной компетентности в режиме видеотренинга», «Психология коммуникаций: методология, модели, методы», «Психология ведения переговоров» (в соавт.), «Активные процессы в социальной и массовой коммуникации» (в соавт.); статей: «Воздействие компьютерных игр на детей и подростков в аспекте информационно-психологической безопасности» (в соавт.), «Содержание новостного дискурса и представление человека об опасности» (в соавт.), «Субъект в информационной коммуникации: закономерности психологического воздействия СМИ» и др. Член Экспертного совета при Уполномоченном при Президенте РФ по правам ребенка. Награждена медалью «В память 850-летия Москвы».

социально-динамических систем. Начиная с 1972 года межкультурные коммуникации принято рассматривать через призму параметров ценностной дифференциации культур Герта Хофстеде¹: индивидуализм–коллективизм, отношение к дистанции власти, маскулинность–фемининность, способы избегания неопределенности. На континууме этих параметров были описаны различные типы культур. При этом инаковость заложена на уровне личностной самоидентичности. Интернет и глобальные СМИ позволяют сделать границы стран проницаемыми и прозрачными. Происходит актуализация гендерных проблем, подвергается серьезному пересмотру категория неопределенности при принятии важных решений, манифестируется борьба различных типов социальных иерархий в организации общества между странами с высокой и низкой дистанцией власти с ориентацией на индивидуализм и коллективизм. Важнейшим инструментом влияния в информационном пространстве и поддержке культурно-цивилизационной идентичности становится «мягкая сила». Одной из ее форм является современный способ производства и распространения информационных продуктов, в основу которого положены как традиционные культурные достижения, так и современные формы ее проявления. Видимо, с этим связана блокада в международном информационном пространстве российской программы RT (Russia Today), а молодежная юмористическая передача КВН в докладе НАТО признана «инструментом политической стратегической коммуникации», оказывающим с помощью политического юмора влияние на мнение населения.

Следующей ловушкой для человека является соблазн популярностью, возможностью влиять на большое количество людей и привлекать к себе внимание лидеров мнений и авторитетных сообществ. Современные социальные сети и средства общения дают возможность удовлетворить базовую потребность человека в принятии, то есть пережить важность своего существования для других. Быть популярным любой ценой, делая фотографии с риском для жизни, преодолевая чувство стыда и культурные нормы, участвуя в бесконечных телешоу, — человек стремится к расширению своей власти над себе подобными. Потребность влиять становится доминирующей, и, как результат, у человека формируется так называемая «темная триада», описанная психологами в начале века через сочетание личностных черт с проявлением нарциссизма, макиавеллизма и психопатии. Это проявляется в таких особенностях личности, как завышенная самооценка и чувство превосходства над другими людьми, стремление к доминированию и нарушению правил поведения, принятых в обществе, пренебрежение интересами других людей, эгоизм, недоброжелательность, эмоциональная холодность, лживость, склонность использовать ресурсы других людей в своих интересах. Люди с такими личностными чертами,

как правило, в интернет-коммуникации склонны заниматься троллингом, буллингом, то есть проявлять садизм и агрессию.

С другой стороны, опыт последних лет дает основания утверждать, что самой большой популярностью пользуется образ «хорошего человека с чистой душой», то есть человека, обладающего добрым сердцем, готового к бескорыстной помощи и способного к саморазвитию и нравственному выбору. При этом ресурсы информационной коммуникации позволяют изобразить персонажей и героев как обладающих чертами «темной триады», так и комплексом черт порядочного человека. Именно благодаря телевидению скромный академик из Ленинграда Д. С. Лихачев, появившись в телепередаче «Встреча в концертной студии Останкино» в 1991 году с рассказом о своей жизни, за один вечер стал кумиром целой страны. Три часа люди были прикованы к телеэкрану и слушали о том, что происходит в гуманитарной науке, о ее роли в нашей жизни, необходимости воспитывать у детей научный подход к жизни, формировании общей интеллигентности человека, роли искусства в воспитании и развитии интуиции человека, лежащей в основе творческого подхода к решению жизненно важных проблем. В своих трудах Д. С. Лихачев писал: «По моему глубочайшему убеждению, XXI век должен быть веком гуманитарной культуры. Ее доминанта обязательна. Технике должна быть определена четко служебная роль»². Далее он утверждал, что «культура — это огромное целостное явление, которое делает людей, населяющих определенное пространство, из просто населения — народом, нацией. В понятие культуры должны входить и всегда входили религия, наука, образование, нравственные и моральные нормы поведения людей и государства»³.

На рубеже культурной и нравственной драмы, произошедшей в России под видом перестройки, был явлен яркий пример стойкости и мужества постоянства выбора, как быть и каким быть. Как пишет Виктор Франкл, человек может только сделать вид, что у него нет выбора, но выбор между добром и злом, жизнью и смертью есть всегда. И именно к этой экзистенциальной свободе выбора обращаются организаторы «групп смерти» в социальных сетях и учат выбирать смерть души. Но именно у Д. С. Лихачева есть ответы на вопросы, которые волнуют сейчас как взрослых, так и подростков: как выбрать жизнь и добро?

Если внимательно перечитать труды Д. С. Лихачева, то ответы найдутся и на самые актуальные вопросы, связанные с сохранением «человеческого» в человеке в сетевой цивилизации. Культура и гуманитарные знания по истории, литературе, психологии и этике, которые распространяются по информационным каналам, могут защитить людей от информационных и психологических ловушек XXI века и сформировать единое культурное пространство, основанное на гуманитарных нравственных ценностях.

¹ Hofstede G. Cultures Consequences: International Differences in Work-Related Values. Abridged edition. Beverly Hills : Sage Publications, 1991.

² Лихачев Д. С., Самвелян Н. Г. Диалоги о дне вчерашнем, сегодняшнем и завтрашнем. М. : Сов. Россия, 1988.

³ Лихачев Д. С. Русская культура. М. : Искусство, 2000.

А. Н. Мосейко¹

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО КРИЗИСА В СВЕТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА «РУССКОГО МИРА»

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые.

Федор Тютчев

В удивительное время мы живем. Картина мира меняется быстро и радикально. Необычные идеи и события возникают как в калейдоскопе: революционные намерения нового президента США Дональда Трампа, рост консервативных сил в Европе и др.

Крайне важной представляется радикальная смена приоритетов у президента США. Прежде всего это его антиглобалистская позиция, которая, очевидно, является назревшим и своевременным поворотом. Единая глобалистская модель давно уже находится в кризисе, ибо, как говорится в Концепции внешней политики Российской Федерации, «происходит рассредоточение мирового потенциала силы и развития, его смещение в Азиатско-Тихоокеанский регион. Сокращаются возможности исторического Запада доминировать в мировой экономике и политике. Отчетливо проявляются многообразие культур и цивилизаций в мире, множественность моделей развития государств»². Это значит, что реально существует «плюрализм современности» (Ш. Эйзенштадт) и доминирование одной из них невозможно. Мир становится полицентричным.

Не менее значительна антилиберальная ориентация Трампа, заявленный им приоритет традиционных и семейных ценностей. Радикально новым является послы американского президента миру, всем странам: следовать собственным, самобытным путем развития.

Обозначенные Трампом позиции внушают надежду на возможность диалога с США, поиска ценностных точек соприкосновения, общих интересов без взаимного давления. Это тем более важно, что сегодня мир далеко не спокоен. Он сотрясается различными противоречиями и конфликтами, в том числе вооруженными. Сохраняется и общее противостояние России и Запада.

Правда, Запад сегодня далеко не однороден. США находятся в состоянии потрясения от внутренних рас-

колов, принципиально новых идей и действий лидера государства. По-прежнему сильны глобалисты-транснационалисты, но существуют и консервативные силы. Неоднозначны тенденции развития Европы. Миграционный кризис обострил многие ранее существовавшие противоречия. Радикальная дехристианизация Европы, да и всего Запада вызвала ответную реакцию — стремление вернуться к своим культурным корням, к традиционным и религиозным ценностям. Потеря нравственных ориентиров вызывает стремление обратиться к ценностям семьи. Набирает силу движение «евроскептиков»-консерваторов. Всем этим стремлениям нелегко осуществиться, слишком далеко зашел процесс разрушения нравственных и религиозных устоев, слишком широкое распространение получили идеи неолиберализма, особенно либеральное понимание свободы — как свободы без границ, без ответственности перед другими людьми, свободы самовыражения без оглядки на нравственные принципы, а иногда и на элементарные этические правила.

В то же время в современном мире существует нечто, заставляющее всех людей задуматься о своей человеческой сущности, о своем настоящем и будущем, — глобальные вызовы, угрозы, которые выдвигает перед человечеством современная цивилизация. Это, например, все убыстряющийся, безудержный круговорот «производство–потребление» и связанные с ним процессы исчерпания природных ресурсов, разрушения среды обитания, изменения климата и, что особенно важно, изменения менталитета людей. Множество людей воспринимают потребление как цель жизни, способ самовыражения и самоутверждения, что стало уже своеобразной болезнью (шопоголизм). Люди, обладающие таким менталитетом, теряют способность адекватно оценивать последствия действия этого адского механизма «производство–потребление», то есть оценивать будущее человечества.

Специалист по общей теории систем Эрвин Ласло определил суть этого явления формулой: «Будущее — не наша забота. Каждое поколение должно само заботиться о себе»³. Это, по существу, формула расчеловечивания человека.

По поводу угрозы, которую несет все ускоряющееся производство, — угрозы разрушения среды обитания человека, сделал заявление В. В. Путин в своем выступлении на Генеральной Ассамблее ООН 28 сентября 2015 года: «Речь должна идти о внедрении принципиально новых природоподобных технологий, которые не наносят урон окружающему миру, а существуют с ним в гармонии и позволят восстано-

¹ Ведущий научный сотрудник Центра цивилизационных исследований Института Африки РАН, кандидат философских наук, доцент. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Идеология в странах Тропической Африки: традиции и современность», «Мифы России: мифологические доминанты в современной российской ментальности», «Мужчина и женщина. История, культура, мифология» (в соавт.); статей: «Роль духовного наследия российского зарубежья в формировании образа России в западной культуре»; «Трансформация образа России на Западе в контексте культуры последней трети XX века»; «Культура повседневности русской эмиграции и ее место в культурном разнообразии мира», «Кризис идентичности и духовные искания африканской интеллигенции», «Религиозный опыт на Мадагаскаре. Миф и ритуал», «Африканская традиционная этика в контексте современности», «Опыт анализа условий формирования локальной цивилизации и ее основных характеристик (на материалах Мадагаскара)», «Формирование цивилизационной идентичности в современной Африке (проблемы и противоречия)», «Проблемы цивилизационной идентичности России в исторической ретроспективе: вызовы времени и поиски ответов» и др.

² Концепция внешней политики Российской Федерации. URL: <http://www.mid.foreign-policy/news>

³ Ласло Э. Макросдвиг. К устойчивому миру курсом перемен. М., 2004. С. 73.

вить нарушенный человеком баланс между биосферой и техносферой»¹.

В то же время и природоподобные технологии таят в себе глобальные вызовы человечеству и могут быть использованы в узкоэлитарных целях при наличии целенаправленной воли. Об этих угрозах говорилось в выступлении в Совете Федерации президента НИЦ «Курчатовский институт» М. В. Ковальчука 30 сентября 2015 года. В числе основных угроз он в первую очередь назвал две: биогенетическое, на базе нанотехнологий, вмешательство в природу человека и когнитивные исследования, открывающие возможность воздействия на психофизическую сферу человека².

Это значит, что глобальные вызовы могут иметь два диаметрально противоположных эффекта: использоваться на благо людей, для борьбы с болезнями или служить интересам элит по превращению человека в служебное существо. Для достижения второго эффекта необходимо ограничение самосознания, снижение его уровня путем различных манипуляций с образованием. Так, например, в Париже в общеобразовательных школах (особенно в районах, где большинство населения составляют арабы) даже в старших классах часто все предметы ведет один учитель, что резко снижает уровень образования.

Российские реформы образования также не способствовали повышению уровня самосознания выпускников. Не случайно один из наших бывших министров заявил, что целью системы образования в СССР была подготовка человека-творца, а цель современного образования — подготовка грамотного потребителя. Еще один деятель «от образования» говорил о формировании в России «быдл-класса», противостоящего избраным — элите. Очевидно, и в нашей стране среди неолберальной части элиты есть мысли о формировании человека служебного, лишённого высоких помыслов и интересов, довольного безвкусной жвачкой малаховских программ, петросян-шоу, да и многих сериалов.

Таким образом, цивилизационный кризис, охвативший в той или иной мере все страны мира, затрагивает в первую очередь человека, отражается на его судьбе, будущем детей, да и на самом факте нашего существования на Земле. Люди ощущают скрытую угрозу, рассеянную в мире, хотя и не всегда понимают, откуда она исходит. Многие ученые определяют это состояние как кризис идентичности, который затрагивает весь мир и принимает разные формы в зависимости от ситуации.

Американский футуролог Элвин Тоффлер писал: «Миллионы индивидов напряженно ищут собственную идентичность или некоторую магическую терапию, облегчающую воссоединение их личности, чтобы победить хаос, внутреннюю энтропию, сформировать собственный порядок»³.

В ряду различных форм идентичности центральной является цивилизационная, отражающая совокупность высших человеческих ценностей, жизненных целей, установок не только для индивидов, но и для групп,

сообществ, культур, государств. В работах С. Хантингтона говорилось, что наибольшее значение в современную эпоху приобрела идентичность, конструируемая на основе цивилизации⁴. И это естественно, поскольку в эпоху нарастания глобальных угроз, которые фокусируются в главной — угрозе выживания человечества, перед людьми всех стран и континентов с беспрецедентной остротой встают основные экзистенциальные вопросы: «Кто мы?», «Откуда мы?», «С кем мы?», «Что делать?».

Именно цивилизационная идентичность ставит высшие, основные вопросы в формах, специфичных и актуальных для каждой культуры и цивилизации в конкретных условиях ее существования. Коротко цивилизационную идентичность можно определить, во-первых, как сохранение, защиту и развитие обществом, и прежде всего его государственным, культурно-просветительными и образовательными институтами, основных ценностей, жизненных смыслов, традиций, идеалов, принципов; как определение на этой основе главных стратегических целей, направлений, задач развития общества. Во-вторых, как самоопределение индивида по отношению к цивилизации, его цивилизационный выбор, ответ на вопрос: с кем он, на кого ориентируется?

Цивилизационная идентичность предполагает различение цивилизаций и осознанный цивилизационный выбор на основе сравнения ценностных ориентиров. В этом случае субъект (как и группа, и государство) отождествляет себя с одной из конкурирующих ценностных систем.

Конкурирующими ценностными системами уже многие века являются российская цивилизация («русский мир») и западный мир (западная цивилизация). Эта конкуренция не исключает развития «конструктивного диалога и партнерства в интересах укрепления согласия и взаимообогащения»⁵ наших культур и цивилизаций.

Различия «русского мира» и мира западного формировались исторически; в результате возникли не только оригинальные ценностные системы, но и самобытные мировоззренческие ориентиры, типы мышления. Во время дискуссии на Международном клубе «Валдай» в Сочи в конце 2015 года В. В. Путин заметил, что «в основе российского мышления лежит представление о добре и зле, а в основе западного мышления — интерес и прагматика»⁶. Очевидно, что исторический опыт двух мировых цивилизаций может оказаться взаимно полезным для диалога.

Огромный гуманитарный интерес представляет исторический опыт «русского мира». «Русский мир» — это мир наших общих предков, создавших и защитивших уникальную цивилизацию, соединившую в себе огромные пространства в Евразии и многие десятки народов, живущих в мире и согласии друг с другом на этой земле. Уникален опыт освоения новых земель, в результате которого русские осваивали местные фор-

⁴ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003; *Он же*. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004.

⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации.

⁶ См.: <http://narod-novosti.com/diskussionnyi-klub?p=rechputina-dva-momenta>

¹ См.: <https://russian.rt.com/article/119712>

² См.: <http://trv-science.ru/2015/10/03/vystuplenie-mikhaila-kovalchuka-v-sf>

³ *Toffler A. The Third Wave. N. Y., 1980. P. 366.*

мы хозяйствования, вступали с аборигенами в браки, селились рядом с ними, не ущемляя их интересов.

В результате религиозных и политических катаклизмов произошло рассеяние России, и «русский мир» расширил свои границы. В настоящее время более 30 млн российских соотечественников проживают за рубежами нашей страны, в большинстве оставаясь приверженцами ценностей и традиций цивилизации России. При этом им приходится делать свой цивилизационный выбор, часто очень трудный, ибо «русский мир» — это и духовное, и культурное, и ценностное измерение человеческой личности.

Исторический опыт «русского мира» дает примеры цивилизационного выбора на разных уровнях (власти, элиты, народа, личности). Рассмотрим некоторые из них.

Первым цивилизационным выбором был выбор князя Владимира — Крещение Руси. Прочным фундаментом этого выбора стало отрицание превосходства одних народов над другими, уважение их равенства и достоинства — наследие, заложенное князем Владимиром в его диалоге с Византией.

Вторым важным выбором был отказ Московской Руси принять Флорентийскую унию в 1441 году. Это было великое решение, в результате которого произошло окончательное «внутреннее отъединение Русского мира от Запада, под воздействием вспыхнувшей мечты о Москве — Третьем Риме, что уже твердо закрепило особый восточноевропейский характер русской культуры...»¹.

В процессе длительной истории «русского мира» сформировалась уникальная система ценностей, которую не смогли разрушить никакие потрясения, даже 1990-е годы, когда сверху декларировались «общечеловеческие ценности» в западной трактовке.

Одной из центральных ценностей в этой системе является справедливость, прежде всего социальная. В русской традиции мерилom справедливости является «правда» — чисто русское понятие, не тождественное понятию «истина». Понятие «правда» включает глубокие смыслы, такие как совесть, благо, ответственность, долг, сострадание, соответствие божественному замыслу. Поэтому русская «правда» глубже понятия «истина» по своему содержанию.

В широких слоях населения России постепенно формировалось достаточно развитое государственное, цивилизационное самосознание. В политической литературе XVI века, особенно у писателей кружка Максима Грека, вопрос о правде, причем в основном светской правде, ставится достаточно остро. Так, в сочинении Ивана Пересветова «Сказание о Магмет-салтане» говорится, что Византия погибла, потому что в ней не было правды. А нечестивый Магмет-салтан пользуется благоволением Божьим за свою справедливость. Так Пересветов приходит к жесткой мысли о том, что правда выше веры, а справедливое устройство государства — первая задача царя².

¹ Карташев А. В. Крещение Руси святым князем Владимиром и его национально-культурное значение // Русское возрождение. № 42. Цит. по: Русское зарубежье в год тысячелетия Крещения Руси: сб. М., 1991. С. 37.

² Соловьев А. В. Святая Русь. Очерк развития религиозно-общественной идеи // Сб. Русского археологического о-ва. Т. I. Бел-

Мысль о том, что государство должно быть справедливым, нравственным, проходит через всю историю «русского мира» вплоть до наших дней. В Послании Федеральному собранию (1 декабря 2016 г.) Президент РФ В. В. Путин заявил, что смысл всей нашей политики — сбережение людей, умножение человеческого капитала как главного богатства России. Поэтому наши усилия направлены на поддержку традиционных ценностей и семьи, на демографические программы, улучшение экологии, здоровья людей, развитие образования и культуры³.

Следует отметить, что кризис идентичности, охвативший большинство стран мира, возник и в России. Советская модель развития была неотъемлемым компонентом цивилизации России, продолжала ее традиции. Советский компонент русской идентичности, как часть исторического опыта народа, был дискредитирован, унижен в 1990-е годы. Доминирующим стал комплекс либеральных идей, а обществу стала навязываться альтернативная идентичность, основанная на комплексах неполноценности, вины, покаяния. Эта идентичность подкреплялась дискредитацией всего исторического опыта России, которому противопоставлялись ценности и достижения Запада. Путем манипуляций в общественное сознание были внедрены чувства отвращения к своему образу жизни, зависти и вожделения к западному комфорту и богатству.

В результате в «русском мире» с его богатейшим наследием возникла расколотая идентичность — противоречивый конгломерат, где были такие компоненты, как: фантомная советская идентичность, узко замкнутая групповая (семейная, клановая), региональная, этническая и т. д. Нередким был западный цивилизационный выбор, особенно в элитарных кругах.

С годами этот конгломерат все сильнее поляризовался, народ стал все больше объединяться вокруг традиционных исторических ценностей, начали укрепляться идеи гражданского согласия, примирения. Все больше стал привлекать исторический опыт «русского мира» — Куликовская битва, подвиги Дмитрия Донского, Минина и Пожарского. Но особенно важными стали уроки Великой Отечественной войны, подвиги ее участников. Огромную роль для патриотического сплочения народа сыграло движение «Бессмертный полк».

Однако на другом полюсе происходило укрепление альтернативных, либеральных сил, их ориентации на Запад, враждебного отношения к России. Произошел раскол зарубежной части «русского мира» в вопросе отношения к России. Для эмигрантов первой послереволюционной волны — ученых, писателей — Россия была «даром Божьим» (Д. Мережковский, З. Гиппиус), «ангельским светом» (И. Ильин). «Бессмертное счастье наше Россией зовется в веках», — писал В. Набоков. Современные же либералы, уехавшие на Запад, соревнуясь в русофобских высказываниях, считают Россию «территорией свободной охоты» (М. Ходорковский), мечтают о ее поражении (Г. Каспаров), даже отвергают ее существование. Так, бывший главный редактор

град. Цит. по: Pax Rossica. Русская государственность в трудах историков зарубежья / авт.-сост. Е. А. Бондарева. М., 2012. С. 245–246.

³ См.: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379>

«Коммерсанта» Андрей Васильев в интервью из Женевы пишет: «Нет такой страны — Россия... не было, нет и не будет. Она вредна...»¹. В то же время Александр Зиновьев — замечательный философ, социолог, писатель, не по своей воле уехавший из Советского Союза и вернувшийся при первой же возможности, считал, что Россия совершила грандиозный исторический прорыв в XX веке. Он очень высоко оценивал советскую систему, считая ее молодой и жизнеспособной².

В процессе поляризации идентичностей важнейшую роль играет факт разделения элит — промышленных, политических, творческих, научных. Часть из них сделала западный выбор. У многих из них семьи уже живут на Западе, там же находятся их капиталы, недвижимость. Многие пребывают в состоянии неопределенности, но их высказывания и особенно дела говорят за них. Реформы образования и многие из реформ здравоохранения, фильмы и спектакли, некоторые научные работы — вот дела, в которых иногда просматривается недвусмысленный выбор.

Именно цивилизационная идентичность является сутью ответов на все «неудобные» вопросы, главный из которых: с кем вы? Этот вопрос, на наш взгляд, должен стоять и перед учеными, каждому из которых надо сделать свой цивилизационный выбор. Совершенно правильным было четкое определение позиций главным редактором альманаха «Цивилизации и культуры» Б. С. Ерасовым в предисловии к первому выпуску: «Мировоззренческое, цивилизационное и гражданское

сходство позиций авторов, — пишет он, — вызвано глубокой убежденностью в своеобразии и величии российской цивилизации и ее истории, а вместе с тем глубокой тревогой за судьбы нашего общества на крутом переломе его истории»³. Эти слова написаны в 1994 году, но они актуальны и сегодня.

В российских элитарных кругах присутствует, разумеется, и выраженный патриотический комплекс. Лучшие люди нашей страны — ученые, общественные деятели, режиссеры и художники — возглавляют движение гражданского единения, восстановления и развития ценностей, традиций цивилизации России, исправления ошибок горе-реформаторов — в первую очередь тех, которые пытались, по существу, разрушить российское образование, сделав его формальным, сократить до минимума такие культуuroобразующие предметы, как история, литература, русский язык, имеющие огромное воспитательное значение.

В Послании Президента РФ Федеральному собранию 1 декабря 2016 года говорится о необходимости развития школьного образования, которое должно отвечать «двум базовым задачам, о которых говорил еще академик Лихачев: давать знания и воспитывать нравственного человека. Он справедливо считал, что нравственная основа — это главное, что определяет жизнеспособность общества: экономическую, государственную, творческую»⁴. Реализация этой ценности как основы «русского мира» — один из путей выхода из кризиса идентичности.

С. Г. Мусиенко⁵

МИРОВАЯ ВОЙНА ЗА НАШИ УМЫ УЖЕ ИДЕТ!

Национальная идея и ее артикуляция

Беларусь сегодня — открытое, независимое и многовекторное государство. Мировые тенденции и процессы, протекающие в мире, отражаются напрямую и на нас. В частности, наше Союзное государство с Россией подвергается испытаниям с момента его создания. И мы являемся примером не только для постсоветского пространства, но, как оказалось, и для всего мира!

В феврале 2017 года в Минске состоялось уникальное мероприятие под названием «Большой разговор с президентом». Из того разговора запомнились фразы

Александра Лукашенко: «*Независимость не оценивается никакими деньгами*» и «*Белорусы пока не пришли к созданию национальной идеи, а выдумать ее невозможно*».

В первый же рабочий день после «Большого разговора» глава государства провел совещание по оптимизации работы своего административного аппарата, заявив, что «*в этой сфере должны остаться только те, у кого горят глаза, кто хочет работать и приносить пользу государству!* <...> *Дебюрократизация, идеологическая и кадровая политика, экономическая экспертиза и правовое направление в работе президента являются важнейшими*» [1].

Наблюдая в течение длительного времени за работой президента Беларуси, я всегда поражался его энергии и активному подходу к делу. Но периодически «равнодушная плесень и тина» пытались засосать его в свое «болото». Тем не менее все эти годы наш лидер весьма успешно справлялся с аппаратным застоєм и другими возникавшими проблемами. Во время «Большого разговора» Александр Лукашенко в очередной раз проявил себя как национальный лидер со стратегическим видением проблем. Хотя некоторые из моих коллег и пытались опустить его до своего «бытового» уровня или вовлечь в выяснение несущего

¹ См.: Литературная газета. 2017. № 3. 25–31 янв.

² Зиновьев А. А. Возродим великую Россию // Актуальные проблемы культурологии: лекции в СПбГУП. / сост., науч. ред. А. С. Запесоцкий. СПб.: СПбГУП, 2013. Вып. I. С. 11.

³ Цивилизации и культуры (научный альманах). М., 1994. Вып. I: Россия и Восток: цивилизационные отношения. С. 17–18.

⁴ См.: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379>.

⁵ Руководитель Аналитического центра «ЕсооМ» (Минск), член правления Союза писателей Беларуси. Автор книги «Куда идем? Беларусь, Россия, Украина» (в соавт.). При его участии подготовлены: сборник материалов международной конференции «20 лет без СССР – СНГ – Евразийский Союз», книги «Республика Беларусь между Востоком и Западом», «Государственность. Национальная идея Беларуси», «Belarus: Independence as National Idea», «Bialorus: model państwa i gospodarki» («Беларусь: государственная и экономическая модель») и др.

шественных частностей. Из этих ситуаций президент всегда выходил с достоинством и задавал дискуссии новый вектор.

Вопрос моего коллеги о национальной идее выделялся на фоне других. Глава государства упомянул, что в стране на протяжении длительного времени пытались сформулировать эту идею, привлекали различных экспертов и общественных деятелей. *«Может быть, я ее не вижу. И это уже вам минус: вы должны были донести ее до меня. Формулировать национальную идею необходимо, потому что она — наше движение вперед, послание всем поколениям, будущее страны. А время все покажет и расставит по своим местам»*, — заявил белорусский лидер.

Основываясь на заявлении президента, интернациональный коллектив, состоящий из двух десятков авторов, выпустил в России книгу «Государственность. Национальная идея Беларуси». Это произошло практически одновременно с выходом аналогичного издания в США (издательство “Global Scholarly Publications”, Нью-Йорк) под названием “Belarus: Independence as National Idea”.

Разные подходы к формулировке национальной идеи можно увидеть в обычных школьных учебниках. Некоторые из них представляют собой конкретные примеры «управляемой войны» и манипуляции сознанием детей в той стране, где, казалось бы, таких негативных проявлений и быть не может.

Пример — наши школьные учебники по информатике (в частности, для 6-го класса), где нет ни слова о том, как работать в сети Интернет. Зачем учить детей информационной безопасности и вообще основам поиска в Сети?!

Или откроем новый школьный учебник «История Беларуси с древнейших времен до конца XV в.» (также для 6-го класса) под редакцией доктора исторических наук Ю. Н. Бохана. В первом разделе читаем: *«Долгое время древние люди не хотели селиться на территории Беларуси. Жизни первобытного человека здесь урожали дикие животные, болезни и, главное, недостаток еды...»* Зачем подобная «информация» вкладывается в головы наших детей, да еще выделяется в начале раздела цветом? Для воспитания патриотов Беларуси и успешного развития национальной идеи? Любая «цветная революция» начинается в умах, и такие тексты этому способствуют.

Национальную идею невозможно выдумать, ее можно только выстрадать!

До сих пор Беларуси удавалось следовать своим национальным интересам только потому, что у нас есть сильный лидер — Александр Лукашенко. Удастся ли это теперь, когда сдвигаются исторические пласты, а с помощью СМИ формируются враждебные течения?

Мы увидели, насколько глубоко противоречия в американском обществе: сейчас оно расколото на сторонников и противников Трампа, на традиционалистов и глобалистов. Страсти разгораются, и либеральная номенклатура не сдастся, хотя уже и потеряла право на непогрешимость, неустанно декларируемую с помощью зарубежных СМИ.

Кстати, опасная для либералов инаугурационная речь Дональда Трампа — «калька» того, что говорит и, главное, делает Александр Лукашенко начиная с 1994 года [2]. Чем это не повод для национальной гордости?!

Мы все эти годы строили социальное государство, основанное на принципах справедливости. И эти принципы Беларусь сегодня закладывает при построении нашего общего с Россией дома — Союзного государства. Однако были, есть и будут силы, которые стремятся разрушить наше единство на уровне государств.

Снова пущены в ход, казалось бы, покрывшиеся «плесенью времен» PR-технологии и озвучиваются негативные результаты развития Союзного государства. Конечно, если общее дело не разбивается, то скорее всего виноваты обе стороны. Только в какой мере?

Стоит признать, что за все эти годы мы не смогли обрести общие флаг и герб. До сих пор рассчитываемся за энергоресурсы с Россией долларами США. Мы не можем договориться о сопоставимых ценах на энергоресурсы и равном доступе на рынки. Отсюда наши многочисленные якобы «войны»: молочные, мясные, сахарные, нефтяные и газовые, санкционные, ветеринарные и т. д. И зачастую причины этих «войн» кроются в интересах транснациональных компаний.

Для расшатывания отношений с главным стратегическим партнером — Россией — используются такие известные технологии, как «оседлание» социальных проблем и малейшего недовольства населения. Пример — раздувание роли Декрета № 3 «О предупреждении социального иждивенчества». Причем это по времени совпало с реальным ухудшением экономического положения части населения страны из-за последствий мирового экономического кризиса.

Извращен основной смысл Декрета № 3 — вывести из тени работающих нелегально и побудить их принять участие в финансировании государственных расходов. «Тунеядцы-иждивенцы» зачастую на бирже труда не числятся, просто не хотят выходить из «налоговой тени» и декларировать доходы. Конечно, этот документ не был должным образом проработан, не обеспечен необходимой разъяснительной работой в СМИ... Декрет затронул большое количество людей, стал причиной обострения ситуации. На это и рассчитывали те, кто его инициировал, готовил реакцию оппозиции.

Еще одна «точка напряжения», которая проявилась в Беларуси в последнее время, — спровоцированный конфликт вокруг Куропат. С 1993 года при С. С. Шушкевиче (могильщике СССР) урочище Куропаты было внесено в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь как место захоронения жертв политических репрессий 1930–1940-х годов. Все эти годы «хранителем» Куропат являлся «архитектор-реставратор», бывший зять С. С. Шушкевича Вадим Глинник (по воспоминаниям современников).

В декабре 2014 года Министерство культуры Беларуси изменило границы охранной зоны урочища Куропаты в соответствии с обоснованием индивидуального предпринимателя В. В. Глинника. Коммерсанты, купившие участок на открытом аукционе, начали строительство, и совершенно «неожиданно» оппози-

ция в виде разгневанных граждан легла под бульдозер. Конечно, виновата и власть. Однако коррупция, как известно, мать оппозиции!

При этом никто не хочет вспоминать, что все эти годы велась установка крестов на могилах людей разного вероисповедания (о чем есть соответствующие документы). В. В. Глинник, в 1988 году будучи секретарем комитета комсомола института «Белспецпроект-реставрация», был об этом осведомлен, так как стоял у истоков проекта. Почему же он скромно умалчивает об этом и многом другом? Может быть, хочет, чтобы «народное» возмущение перешло в область межрелигиозных отношений?

Последнее время такие «вбросы», большие и малые, происходят все чаще и, конечно, не идут на пользу главе нашего государства. Он же гарант стабильности и спокойствия в стране!

Происходящее в Беларуси все чаще заставляет задуматься. Например, музыканты группы «Brutto» не выступали на родине целых пять лет, а теперь проехали с масштабным агитационным туром по стране под аккомпанемент той же оппозиции. Тур завершился 8 марта масштабным шоу на «Минск-Арене» под лозунгом «А теперь вольная программа на улицах! Вы увидели в наших глазах то, о чем мы не рассказали?».

Кстати, ровно за 100 лет до этого концерта, 8 марта 1917 года (по новому стилю), в Российской империи началась либеральная Февральская революция, которая повлекла за собой социалистическую Великую Октябрьскую.

О Сергее Михалке, лидере группы «Brutto», знающие люди говорят, что из него можно слепить идеолога мощнее, чем из всех лидеров белорусской оппозиции, вместе взятых. И ведь профессионально лепят, правда, не у нас... Один лишь факт: написанная Михалком в 2014 году песня «Воины Света» стала неофициальным гимном Евромайдана на Украине! Разумеется, все эти «явления» происходят при тщательной подготовке и помощи «пятой колонны». Вовсю идет реализация уже обкатанных «цветных» пиар- и политтехнологий.

Определенно оппозиция хочет «оседлать» процесс и почему-то думает, что реакция на ее действия будет

вялой и беззубой. Такого активного движения в оппозиционной среде не было уже более 20 лет, с тех пор когда ее лидеры создали сеть финансовых потоков на заре независимости. Возникает вопрос: под какие обещания нашей оппозиции все эти годы давали деньги и как доморощенные «либералы» собираются расплачиваться, а самое главное — с кем?

Многие сегодня пытаются проводить аналогии между нынешней Беларусью и Украиной 2014 года, забывая при этом о кардинальном отличии. У нас есть президент, который в полной мере несет ответственность за страну и уже четверть века доказывает на деле, что его главный приоритет — интересы государства и народа! Будем же сохранять спокойствие и укреплять уверенность в том, что вместе с Россией у нас есть будущее без странных «войн» и что мы найдем пути решения подобных проблем.

Уже ясно, что невозможно жить дальше без решения стратегических вопросов, при этом вопрос взаимодействия с Россией — ключевой. Да, развивать стабильное и социально справедливое Союзное государство в окружении жесточайшей конкуренции, волчьих законов и корысти крайне сложно, однако опыт уже имеется.

Сегодня речь идет о целях и задачах дальнейшего развития, а также о нашем месте в историческом будущем. Бесспорный лидер у нас есть, как и молодое поколение, достойное своей нации и готовое двигаться вперед. Конечно, если нашей молодежи не будут и далее настойчиво навязывать комплекс неполноценности и формировать мозаичное сознание, замалчивать наши реальные успехи и великое историческое наследие Беларуси.

Литература

1. Совещание по оптимизации Администрации Президента [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/soveschanie-po-optimizatsii-administratsii-prezidenta-15542/ (дата обращения: 15.03.2017).
2. Полный перевод инаугурационной речи Дональда Трампа [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: <https://strana.ua/articles/istorii/51355-polnyj-perevod-inauguracionnoj-rechi-donalda-trampa.html> (дата обращения: 15.03.2017).

С. Б. Никонова¹

ПРОБЛЕМА КРИЗИСА ЦИВИЛИЗАЦИИ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОМ МЫШЛЕНИИ

Эсхатологические настроения свойственны исторической природе человека. Было мало времен, которые их современники не находили бы последними, наиболее падшими, безнадежно отдалившимися от истины, зараженными полным моральным разложением и возмущающими скорый конец мира. Само существование мифа о «золотом веке» говорит об этом: блаженное состояние жизни отодвинуто в стародавние времена, ступени ее развития свидетельствуют о нарастающей порче. Деятельность религиозных пророков, грозящих Божьей карой погрязшим во грехе людям, в еще большей мере свидетельствует о кризисном характере восприятия людьми своей жизни. Возможно, эта общность настроения усиливается еще и тем, что пробуждение рефлексии, а с ним и философского осмысления своего места в мире часто провоцируется нестабильным состоянием дел: крахом традиций, смятением умов, попытками дать какой-то новый ответ на очередной «вызов истории». Кроме того, хотя эти настроения в умах людей часто сопутствуют и культурным расцветам, существовавшие доселе цивилизации, мощные и структурно организованные образования человеческого мира, уже не раз приходили к кризису и полному уничтожению.

Бывали и светлые времена. Прекрасный порыв ранней Античности или вдохновенное утверждение разума в эпоху Просвещения, несмотря на внутренний критический настрой, могут быть отнесены к таковым. По крайней мере, что-то в их новизне и достижениях давало им радостное ощущение надежды на возможность для человека прорваться к лучшему состоянию.

В современном мире ощущение кризиса нарастало постепенно, незаметно сменяя радость Просвещения и становясь другой ее стороной. В конце концов к настоящему моменту он определенно стал темой, так или иначе сопровождающей все размышления о современности. Однако, в отличие от всех предшествующих, современный кризис цивилизации несет в себе нечто особенное, а именно нечто удивительно универсальное, всемирное. Кажется, речь идет уже не о кризисе одной из возможных цивилизаций, которая могла бы смениться новой, но о кризисе человеческой цивилизации в глобальном смысле. И кроме того, эта глобальность охвата порождает и другое ощущение: этот кризис не кажется завершением, но скорее перманентным разложением, невозможностью выпутаться из внутреннего противоречия, увязанием в перманентном конфликте без надежды на какое-либо продвижение вперед или назад.

¹ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор философских наук, член Ученого совета СПбГУП. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Эстетическая рациональность и новое мифологическое мышление» (монография), коллективных монографий «Экологическая эстетика: проблемы и границы», «Концептуализация Homo Aestheticus. История и рефлексия», учебного пособия «Сравнительная культурология. Теоретическое введение» и др.

Глобальный характер кризиса, о котором непременно заходит речь при характеристике современной культуры, безусловно, не может быть не связан с самим процессом глобализации. И потому, чтобы разобраться в том, что же представляет собой это кризисное умонастроение, нужно смотреть на истоки глобализации. А причиной глобализации мира как социально-экономического пространства стала произошедшая в течение нескольких последних столетий экспансивная политика *одной* из цивилизаций, а именно западной, в отношении всего мира. Причем процесс оказался обоюдным, или, скорее, можно сказать, что экспансивность Запада состояла в умении развернуть дела в мире так, что перед другими цивилизациями встал выбор: либо принять западный стандарт жизни, либо быть выброшенными за борт всемирной истории. Именно в западном сознании нашелся тот странный элемент, который позволил разрозненную множественность вспышек культурного развития свести в одну всемирно-историческую линию.

Таким образом, мы можем констатировать несколько фактов относительно кризиса. Мысли о кризисе современной цивилизации есть мысли о кризисе мировой цивилизации, глобализированной по западному образцу. Так, мысли о кризисе цивилизации есть в первую очередь мысли о кризисе западной цивилизации. И кроме того, мысли о кризисе западной цивилизации есть мысли преимущественно самой западной цивилизации.

Если другие цивилизации в ходе этого мыслительного процесса заявляют о своем противостоянии Западу и способности к преодолению кризиса, то это опять же является следствием и отражением мыслей о них и их роли, свойственным западной цивилизации. Поскольку ни одна цивилизация до сих пор не имела глобального характера, ни одна из них не имела и опыта предотвращения глобального кризиса. Единственным способом предотвращения глобального кризиса было бы «невыхожение» на глобальный уровень. Но оно уже произошло, и сделал это Запад. Он же подарил всем остальным культурам и цивилизациям и способность сознания своей самобытности в этом глобальном мире. Таким образом и само сознание самобытности есть плод глобализации и влияния Запада.

Итак, с одной стороны, чтобы понять, в чем состоит современный кризис цивилизации, надо понять специфику именно западной цивилизации и то, что в ней подталкивает к кризису. С другой стороны, мы видим, что поскольку кризис фиксируется исключительно в ее собственных терминах, осознание этого кризиса является ее собственным критическим актом. Кризис не есть упадок и крах, но в первую очередь — плод *критики*. Саморефлексивность делает сознание критически настроенным по отношению к самому себе, и это порождает ощущение кризиса.

Критическое мышление ставит мыслящего в соотношение с «другим», с иным, задает себе определенность и границы. Именно этот акт мы обнаруживаем в структуре европейского мировоззрения в тот самый момент, когда западная цивилизация начинает свое экспансивное распространение по всему миру, в ходе которого тщательное исследование других культур возникает как продолжение и другая сторона активной колониальной политики. Ни одна культура не обладала такой силой критической рефлексии по отношению к себе, и потому ни одна не смогла создать всемирно-исторической картины глобального мира, соединяющего множество самобытных, обладающих историей, различием и единством традиций.

Таким образом, критика — это встроенная черта западного мышления, делающая его внутренне противоречивым и вводящая в состояния перманентного кризиса и самоотрицания. В то же время это та черта, которая позволяет ему выйти на метауровень глобальности и подчинить себе весь мир, устранив любое сопротивление.

Эти две черты — самокритика (а с ней и предоставление другим права на отличие) и экспансия (устранение права на отличие, подчинение своей модели) — противоречат друг другу. Это противоречие носит взрывной характер по отношению ко всем глобальным процессам. Оно вносит раздвоенность в любые утверждаемые современным миром ценности.

Мы желаем одновременно самобытности культуры — и совершенствования механизмов их взаимопонимания; требуем признания права на различие — и развития способности к диалогу; настаиваем на гуманизме, толерантности, исключаем право на насилие — и одновременно на невмешательстве, невозможности подвести всех под один стандарт. Это противоречивые требования. Гуманизм, терпимость, диалог, запрет на насилие — это ценности, рожденные рационально-критическим западным мышлением. Это *его* ценности. Если мы признаем право на отличие и самобытность, мы должны автоматически признать право на то, чтобы не соответствовать этим ценностям, обладать *своими* ценностями. Это представляется немислимым и должным к пресечению, что порождает конфликты, насилие, взаимную ненависть, террор и войны. Но проблема состоит в том, что признание права на отличие — это *тоже* одна из ценностей, рожденных рационально-критическим западным мышлением. Потому мы и требуем сразу и одного, и другого. В таком случае можно предположить, что, по сути дела, террористы, осуществляя свои ужасные акты, мстят западной цивилизации не за то, что она поработила их или навязала

свое экономико-политическое господство, но за то, что она поставила их в парадоксальную ситуацию ценностного конфликта, где они должны подчиниться именно в том, в чем, по их мнению, не должны подчиняться и должны быть свободными. Они должны быть сами собой по чужой указке — и они мстят за навязанную самобытность катастрофическим проявлением этой самой свободы.

Итак, как мы видели, высказываемые требования к межкультурному общению, как бы они ни были желанны, противоречат друг другу. Но эти противоречивые требования произрастают из недр одной и той же структуры мышления, одной и той же культуры. В таком случае, возможно, самая большая опасность заключается в том, чтобы воспринимать их именно как *противостоящие* и настаивать на конфликте между этими требованиями, как будто они высказываются противоположными сторонами, например одни — западной цивилизацией, другие — народами, подвергающимися экспансивному вторжению Запада. Это путь к противостоянию и конфликту. А единственный выход был бы именно в том, чтобы признать их двумя проявлениями одного типа мышления и также признать внутреннюю противоречивость сложившейся ситуации как ее встроенное свойство, структурную характеристику.

То есть выход из кризиса, порожденного критикой, можно было бы найти лишь в продолжении критического акта, усложнении его путей и углублении теоретического анализа. Этот акт признания соединенности противоречивых ценностей, производящий деконструкцию структуры западного мышления, в то же время являлся бы признанием его *собственной* самобытности, что избавило бы его, наконец, от расплывающегося до бесконечности глобализма. А это, в свою очередь, освободило бы место для подлинного различия с другими. По словам американского философа Ричарда Рорти: «Если бы мы забыли о просветительском идеале самореализации человечества в целом, мы смогли бы отделить свободу и равенство от братства»¹. Принципы свободы и равенства уже в достаточной мере распространились по миру, принеся с собой небывалые по своей интенсивности формы порабощения и социального расслоения. Возможно, именно *братство*, подразумевающее, в отличие от других форм любви, также и некоторое количество того, что может показаться *безразличием* друг к другу — позволения друг другу делать нечто, совершенно не интересуясь и не вникая, что именно, позволения друг другу быть самостоятельными и независимыми, — есть то, чего не хватает современному миру.

¹ Rorty R. On Ethnocentrism: A Reply to Clifford Geertz // Michigan Quarterly Review. Vol. XXV, № 3. 1986. Summer. P. 533.

А. А. Оганов¹

В ПОИСКЕ АДЕКВАТНОГО ДИСКУРСА О ГЛОБАЛИЗМЕ

Со времен древних восточных мировоззрений и европейской Античности представления о глобальном мире олицетворяли необъятность Вселенной, совершенство Космоса, «звездное небо над головой» (Кант). Территориальное и культурное пространство, непосредственно окружавшее человека, не давало повода думать о глобальности мира поднебесного, планетарного.

Все, что не было «своим», было «чужим». «Свое» близко и понятно, «чужое» далеко и неведомо. Не было того, что можно назвать феноменом «всемирной циркуляции». Касается ли это информации, материальных и культурных ценностей, миграционных процессов, туризма...

На рубеже XX–XXI веков наступила эпоха земного обживания глобализма, когда от космофизического пространства он сошел к пространству человеческого бытия. Произошли перемены, радикальные и беспрецедентно быстрые. В процессе их осмысления в научный обиход столь же скоро вошел целый ряд новых понятий: «большая деревня» (М. Маклюэн), «интернет-пространство», «сетевое сообщество», «трансграничность», «транснациональность», «мультикультурализм». Все они преимущественно характеризуют интеграционные процессы, его различные стороны и паттерны.

Схождение стран и континентов со всех сторон света образовало «большую деревню». При всей своей малости, как ни парадоксально это звучит, она и явила собой глобальный мир. И тогда «чужие» стали просто «другими», потому как стали ближе, доступнее, понятнее. А в чем-то желанными в своей непохожести.

Интеграция стала возможной вследствие нарастающего глобализационного процесса. Динамика его становления и развития, в свою очередь, обусловлена качественным скачком в совершенствовании информационно-коммуникативных технологий. Лавинообразное распространение информационных систем привело к созданию своего рода информационной ноосферы. Успешное генерирование, обработка и использование информации способствовали образованию транснациональных экономических структур. Не без основания испанский социолог М. Кастельс отождествляет понятия «информационной» и «глобальной» экономики нового типа. В планетарном масштабе, образуя разветвленную сеть, стали возникать различные поли-

тико-экономические союзы, объединения, ассоциации. В их числе — Евросоюз, АТЕС, БРИКС, ШОС, АПЕК, АСЕАН и др.

Несмотря на то что в основании глобализации ведущими изначально усматривались экономические интересы, явление это весьма многофакторное, повлиявшее на сферы политики, права, культуры, демографии, науки, образования. Влияние это оказалось далеко не однозначным. Не случайно уже на начальном этапе глобализационного процесса появились как его сторонники, так и противники. Однако преобладающей была позиция глобалистов с их оптимистическими ожиданиями перспектив благополучного развития. Прогрессисты рассчитывали на приход мультикультурализма, большую толерантность и политкорректность по отношению к самым разнообразным жизненным укладам, этническим, культурным и религиозным различиям народов.

Вскоре эти ожидания обнаружили свою иллюзорность по причине того, что интеграция, по существу, обернулась унификацией в ее крайнем проявлении. Угроза образования «плавильного котла» сделала невозможной осуществление ни мультикультурализма, ни политкорректности, ни подлинной толерантности. Стали возникать серьезные антропологические проблемы, обусловленные тем, что современный человек с его укорененным психотипом не мог адаптироваться к резким переменам в системе ценностей и образе жизни.

Сомнение в линейном развитии глобализации и неготовность к непредвиденным ее метаморфозам в первую очередь постигли страны Евросоюза. В силу неравномерного информационно-экономического развития не все страны смогли полноценно и полноправно войти в глобальное европейское сообщество. Особые социально-экономические трудности стала испытывать Греция, отчасти Португалия и Испания. Назревала конфликтная ситуация. С целью ее предупреждения центральный орган Евросоюза в лице Евросовета включил механизм политического и финансового воздействия. С этого началось частичное замещение экономического, рыночного ресурса ресурсом политическим. Таким образом, изначальная идея глобализма с ее базовой экономической основой стала претерпевать симптоматическую деформацию.

Положение резко усугубила самонадеянная толерантность ряда ведущих стран Европы, особенно Германии и Франции. Подобная почти безрассудная толерантность, проще говоря, псевдогуманизм, ввергли Европу в беспрецедентный миграционный кризис. Хлынувшая из арабского мира волна мигрантов в надежде на лучшую жизнь явила собой второе в новейшей европейской истории «восстание масс». Оно оказалось значительно масштабнее по своим последствиям в сравнении с тем, о котором в 30-е годы XX века с тревогой писал Ортега-и-Гассет.

Демократический порыв европейцев в реальности обернулся грубым торгом между странами по поводу

¹ Заведующий кафедрой философии и культурологии Высшего театрального училища (институт) им. М. С. Щепкина, профессор кафедры эстетики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч.: «Теория и история эстетики», «Культура в эпоху глобализационных перемен», «Гносеологический анализ закономерностей художественного творчества», «Искусство как форма самопознания» «Теория искусства» (в соавт.), «Теория культуры» (в соавт.) «Формально-структурные разновидности в искусстве модернизма» (в соавт.), «Культура в эпоху глобализационных перемен», «Управление культурой и современными коммуникациями: предпринимательство в культуре» (в соавт.) и др. Член редколлегии ежегодника «Прикладная культурология. Предпринимательство в культуре».

расселения и жизнеустройства сотен тысяч мигрантов. Несоразмерность их желаний и требований с реальными возможностями сколько-нибудь приемлемого их удовлетворения нередко вызвала агрессивное недовольство, подчас толкая новоявленных мигрантов на преступные акции. Естественно, что у коренных европейцев это стало вызывать беспокойство и нарастающее недовольство проводимой официальной государственной политикой.

Есть немало других обстоятельств, ведущих к кризисным проявлениям при нынешней модели глобализационной интеграции. В их числе — ущемление возможностей культурной, конфессиональной, этнонациональной идентификации вплоть до распада этносов, что грозит утратой ценностных предпочтений, ментальных ориентаций, обрядовых традиций, правовых и гражданских свобод. Подобные проявления стали настораживать ряд развитых европейских стран, вызывать разочарование и неудовлетворенность общей политико-экономической атмосферой Евросоюза, порождать сомнения в целесообразности дальнейшего участия в этом сообществе.

Свидетельство тому — нашумевший и глубоко встревоживший европейский истеблишмент реванш англичан, официально объявивших свой брексит. И пока Евросовет старается нивелировать весьма ущербные последствия для репутации своего амбициозного проекта, грядущие в этом году выборы лидеров властных государственных органов Франции, Германии, Италии могут усилить деструктивные процессы в Европе. Во Франции уже поговаривают о своем фрексите — двойнике упомянутой акции англичан.

Отдельного упоминания заслуживают тесно связанные между собой проблемы толерантности, мультикультурализма и идентичности. Понятие толерантности прежде всего относится собственно к межкультурному диалогу, взаимодействию культур, их системе ценностей, традиций и обычаев народов. Они не могут быть принесены в жертву даже благополучному материальному положению. Бесконфликтное существование и тем более взаимообогащение культур и этносов возможно лишь при условии ненавязываемых стандартов и норм поведения.

Было бы ошибкой распространять механизм унификации за пределы информационно-экономической области и присущих ей технологий. Приоритет экономического развития не должен подчинять себе самобытность культуры, неотделимой от витальных устремлений человека. В противном случае благородные намерения проявлять толерантность оказываются лишь пафосными декларациями, так и не достигая подлинной цели. И, конечно же, совершенно исключена какая-либо толерантность по отношению к девиантному поведению.

Здесь сразу встают «больные вопросы» мультикультурализма и идентичности. Собственно, сказанное имеет прямое к ним отношение.

Не мудрствуя лукаво, мультикультурализм был испокон веков. Это, по сути, и есть многообразие культур народов и стран. Другое дело, что прежде не было такого понятия. Возникло оно впервые в эпоху глобали-

зации и непосредственно в связи с интеграционными процессами. Понятие стало востребованным, потому как сложилась ситуация бытия разных национальных культур в едином социально-политическом пространстве. Это либо отдельная страна (Россия, США), либо союз, объединение стран, заключивших договор о централизованном управлении, единых правовых нормах, валюте, безвизовом перемещении, свободном трудоустройстве, выборе местожительства и других привилегиях. Это и есть Евросоюз — 28 стран.

В России, США и других многонациональных государствах в разной степени мирно сосуществуют различные национальные культуры. Неблагополучно в этом отношении в Евросоюзе. Здесь в условиях трансграничности возникли миграционные трудности, усилилась маргинализация, участились случаи девиантного поведения. Мы становимся свидетелями нарастающего конфликта между пока еще большинством титульного населения и внушительной миграционной массой. Понятно, что на такой почве невозможно «возделывание» мультикультурализма. Стало быть, распространение глобализма, а неизбежно и трансграничности, не сулит мультикультурализму никаких перспектив.

И все-таки мультикультурализм возможен, но при такой модификации интеграции, которая не исключала бы образование локальных этнокультурных общностей. Это те же диаспоры или их подобие со своим языком, традициями, культурными институциями и т. п. Так, пожалуй, достижимы и полиэтничность, и этнокультурное разнообразие в общем пространстве сколь угодно крупного объединенного сообщества. Здесь уместно сослаться на Мартина Хайдеггера: «Бытие в мире есть “со-бытие”, бытие с другими»¹. Только так «другие» не будут ощущать себя чужими. И не будет причин для их неприятия.

Судя по наблюдаемой сегодня картине, глобализация вошла в режим флуктуации, ускоряющей ее нисходящий тренд. Глобалисты полагали, что человек пожелает стать гражданином мира. Вопреки этим ожиданиям национальные амбиции людей не готовы поддаться такому соблазну. Разменять многонациональную мозаику мира на одномерное пространство бытия — значит обезличить человека, лишив его чувства идентичности. Ее утрата приведет к распаду этносов, предельно абсурдной массовизации. В среде этнологов циркулирует мысль о распаде этносов, и, возможно, не без основания. Но если и произойдет это, то в необозримо далекой перспективе. Для этого должны сложиться объективные условия, естественное социальное эволюционирование, о чем сегодня можно говорить только гипотетически. В наше время утопично полагать, что этнокультурное разнообразие может раствориться в тигле прогрессистских и интеграционных процессов.

Этничность не подвержена ситуационной детерминации. Она формируется исторически, сложившимся наследием. В его составе — культурные, конфессиональные, нравственные, ментальные, расовые, клановые особенности. Все они образуют самобытную цен-

¹ Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997. С. 53.

ностную ориентацию, органично присущую человеку. Преимущественно ими определяется его идентичность. Она может таиться в подсознательной глубине, но так или иначе ее проявления неизбежны. Поэтому транснациональная идентичность — нонсенс.

Имеют место в той или иной степени косвенные последствия современного глобализма. Возросли профессиональные конфликты, диктат потребительства, фетишистское обладание, культ вещиизма, экспансия консьюмеризма, пространство симулякров, политизация СМИ. Достигли критической черты вторжение техносферы в биосферу, техногенное воздействие на среду обитания человека. Введенные Болонским процес-

сом стандарты в образовательной системе без учета сложившихся принципов и методов обучения вызвали смятение и чехарду в образовании.

Тем не менее, несмотря на нисходящий вектор глобализма, сегодня рано говорить о его бесславном финале и спешить множить сторонников антиглобализма. Скорее всего, глобализация войдет в трансгрессивное состояние частичного самоотторжения от его нынешней модели («мягкого запрета») с тем, чтобы качественно обновиться и перейти в иное, позитивное развитие.

Мир обречен быть глобальным. Это необратимо, ибо исторически и объективно предопределено.

К. С. Пигров¹

КРИЗИС И КАТАСТРОФА

В данной статье предпринимается попытка наметить методологические вехи осмысления социального кризиса в сопоставлении с *катастрофой*, а также обсудить принципы *переживания* этих феноменов. Возможно ли вообще жить в ситуации кризиса комфортно? Каким образом можно достойно встретить катастрофическую ситуацию? Возможно ли подпитываться от них энергией, силой и радостью?

I

Новоевропейская цивилизация темпорально напряжена. Она настойчиво ставит вопрос о социальном прогрессе. Именно поэтому здесь был *открыт* феномен кризиса так же, как был тематизирован концепт *современности*. Новоевропейская цивилизация утопическим образом попыталась закрыть вопрос о глобальной социальной катастрофе. Мол, если единое солидарное человечество будет вести себя предусмотрительно и разумно, то, используя добрую волю и достижения научно-технического прогресса, оно сможет не только жить неограниченно долго, но даже процветать, превратив время в вечную современность: «Не впадать ни в прошлое, ни в будущее. Быть совершенно современным» (К. Ясперс).

Кризис — такая ситуация, которая в своих главных определениях зависит от *деятелей*, творящих историю. Для таких деятелей кризис — это «размягченная» реальность; кажется, что *все возможно* — все поддается позитивному действию субъектов истории: «Все можно сделать лучше» (Г. Форд). Возможность выше и важнее действительности. Реальность изменяется сознательной целерациональной трудовой деятельно-

стью. Правда, всеохватывающий «гром труда» ведет к непредсказуемым последствиям. В итоге возникает ситуация *аномии* как способ переживания кризиса. Она порождает чувство неустойчивого равновесия, которое позволяет маскировать кризис под нормальность, повседневность. Мол, хотя и тревожно, но все не так уж и плохо, как кажется, ведь мы пока живы, все само обрывается и т. п. Мнится, что все в порядке, что еще можно отдохнуть, предаться радостям повседневного бытия. Якобы благодаря стабильности постоянно имеются соблазны демобилизации.

Напротив, ответственное переживание кризиса, свойственное активной части общества, требует *темпоральной решимости*. Ответственность *любую* ситуацию распознает как чреватую катастрофой, где сознательное изменение мира возможно и необходимо, где сравнительно малые воздействия субъектов могут и должны привести к большим (причем, позитивным!) изменениям. Современность, в отличие от прошлого и далекого будущего, оказывается тем, чем мы владеем. Поэтому новоевропейская современность, предполагающая активизм и креативность, есть кризис по определению, — кризис с точки зрения главного механизма, с помощью которого современность творится.

Особым статусом в кризисном бытийствовании современности наделены артефакты как *вещи*. Напряженность кризиса в количественном плане оценивается отношением времени жизни поколений и сопровождающих их вещей: артефактов, орудий и т. п. В традиционном обществе вещи живут дольше людей. Современности не существует, как не существует соответственно и кризиса. Кризис появляется, если вещи по времени живут меньше людей. Для человека, живущего в эпоху надлома новоевропейской цивилизации, остро переживаемая современность сжимается до одного года или меньше. Господствует презентизм.

Если вещи ответственны за поле современного кризиса, обозначенное как социальная *ретенция*, то человеческая активность отвечает за социальную *протенцию*. В самом деле, деятельность по определению целесообразна, она планирует некоторое будущее,

¹ Профессор кафедры социальной философии и философии истории Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук. Автор свыше 200 научных работ, в т. ч. монографий: «Творчество и современность», «Научно-техническое творчество: социально-философские проблемы», «Шепот демона: опыт практической философии», «К метафизике праздничного», учебника «Социальная философия»; редактор коллективных монографий «Восточная Европа: концерт культур», «Феномен самостоятельного философствования» и др. Член редколлегии журнала «Личность. Культура. Общество».

формируя цели и более или менее достигая их. Существенным механизмом, разрешающим (и воспроизводящим) кризис в его действительности, то есть в единстве сущности и существования, является *инновация*. Роль деятельного, творящего человека, *инноватора* состоит как в создании, так и в разрешении кризиса. Кризис создается и разрешается сообществом инноваторов. Они способны заставить кризис работать на себя. В их силах преодолеть существующий кризис. Эти люди идентифицируют себя со своим временем, переживают здесь и теперь «полноту времен». Таких активных субъектов А. Тойнби обозначает как творческое меньшинство, а Л. Н. Гумилев называет пассионариями. Инновация нарушает привычные, «уютные» для общества отношения. Чтобы отважиться на новизну, осмелиться не зарывать свои таланты, прежде всего необходимо мужество. Поэтому инноваторы — всегда не столько выдающиеся умы, сколько выдающиеся характеры, а инновации предстают как новоевропейская форма подвига. Кризис современности — это испытание не только для творческого меньшинства, но и для всего общества, которое должно этих возмутителей спокойствия вытерпеть, в конце концов даже полюбить их как героев.

Современность зависит от «длинной воли» (Ф. Ницше), связывающей поколения. «Длинная воля» социума предполагает, что ценности и цели дедов воплощаются не только самими дедами и отцами, но и внуками. «Короткая воля» обнаруживается тогда, когда внук с не меньшим энтузиазмом разрушает то, что деятельно строил дед. Чем воля «длиннее», тем «просторнее» современность, тем больше социальная свобода. Размер современности есть мера социальной свободы. Правда, думая о разрешении современного кризиса, инноватор создает новый, еще более острый кризис будущего. И новый кризис оказывается могилой как его самого, так и его дела. Так, на краю кризиса, мы обнаруживаем *катастрофу*.

II

Катастрофа вообще — это в абстрактном смысле вторжение *Иного*, или явление трансцендентного *нового* в горизонте бесконечного. Она представляет собой радикальный разрыв формы и содержания — означаемых и означающих. В условиях катастрофы форма эмпирически наблюдаема, а содержание, которое мы привыкли видеть именно за этой формой, отсутствует. Или означающее есть, а означаемого — нет. «Катастрофическая», «абсурдная» форма свидетельствует о радикально *ином* содержании, или о содержании *Иного*, которое нам неведомо. Форма подминает под себя старое содержание, превращает его в зависимую переменную. Абсурдное означающее господствует над непонятым означаемым, диктует означаемому свои законы. Осмысление вторжения *Иного* как явление нового — осмысление превращенной формы в качестве оборачивания метода.

Катастрофа субъективно переживается как *ужас*, ужасное, она мыслится как невысказанное. Однако это господство ужаса, ужасного означающего, помышление о невысказанном есть единственный способ *действи-*

тельного развития. Тот, кто в объективном развитии — ужасном, невысказанном, не укладывающимся ни в какие рамки — видит только симулякры и превращенные формы как основание для бесконечных жалоб или морализирования по поводу воцарения в мире тотального зла, тот мыслит в терминах старого видения и пережить катастрофу не способен. Тот же, кто раскрывает превращенные формы как оборачивание метода, переосмысливает катастрофу как трансцендентную инновацию, у него есть шанс катастрофическую ситуацию преодолеть или пережить.

Катастрофа может быть понята, осмыслена, проанализирована по типу творческого акта — акта инновации, как «инновация Бога». Конечно, наличие фундаментальные различия. Если обычный творческий акт как бы «доместицирован», не угрожает жизни творца и социума, осуществляется в масштабе субъекта, обзорим субъектом, то катастрофа в принципе выпадает из масштаба субъекта. Поэтому мы в данном случае и домысливаем трансцендентного субъекта, Бога, для которого наша социальная катастрофа — творческий акт — вхождение провидения.

Строго говоря, катастрофу осмыслить принципиально невозможно. Она остается катастрофой только тогда, когда она *неосмыслима*, принципиально бессмысленна, внесмысленна, абсурдна. Когда же катастрофа осмысливается, например, как трансцендентная инновация, она перестает быть катастрофой в полном смысле слова. Ядром такого «снятия» катастрофы является аксиологическая процедура *переоценки ценностей*. Осмысление катастрофы в этом плане есть ее уничтожение, которое осуществляется с помощью интерпретативных процедур. Это *единственный* способ «жить с катастрофой».

Но возникает вопрос: почему нельзя преодолеть катастрофу активным действием, трудом, терпением, дерзанием, смелостью, авантюрой, наконец?! В том-то и дело, что катастрофа представляет собой ситуацию, где по определению от наших активных сознательных действий ничего *не зависит*. Если ситуация оказывается под контролем наших активных действий, то катастрофа неявно редуцируется к кризису — ситуации неустойчивого равновесия, в котором с помощью различных стратегий можно добиться конструктивного решения. Катастрофа — это *фатальная* ситуация, где деятельностная модель социума не может предложить каких-либо выходов. *Сделать* уже ничего нельзя, можно только *понять* по-новому, самое большее — *проговорить, пропеть* ситуацию иными словами, насладиться «гибельным восторгом», наконец. С катастрофой можно справиться, только переоценив ценности или переинтерпретировав катастрофу как определенную ситуацию с точки зрения несоизмеримо *большого масштаба*. В этом и состоит задача — подняться над сиюминутностью данной ситуации, которая *представляется* катастрофой. С точки зрения вечности конечная ситуация не *есть* катастрофа.

Один из возможных сценариев применительно к социальной катастрофе: переинтерпретировать ее как *социальную революцию*, задав тем самым больший масштаб социального времени и социального про-

странства. Большевики в 1917 году так и поступили: катастрофу, в которую погружалась Россия, они попытались представить как революцию. Естественно, что они *не хотели* видеть фатальности происходящих процессов, принципиально закрывали глаза на неподвластность наличных эксцессов их активному вмешательству. Они действовали так, как будто речь идет не о катастрофе, а о кризисе, с которым можно справиться активистскими приемами. Они думали, что творят революцию, на самом деле стихия революции «использовала» их.

Отличить катастрофу от кризиса удастся не всякому и не всегда, тем более что здесь примешивается свобода воли: могучая воля, не желающая рассматривать ситуацию как катастрофическую, воля, которая во что бы то ни стало сражается до последнего, может быть, и окажется правой, редуцировав катастрофу к кризису. Но если мы уже смирились с тем, что перед нами катастрофа, что ситуация фатальна, то нам остается

абсолютный дух — *искусство, религия и философия*, предлагающие видение предельных оснований бытия. Перед лицом катастрофы бессильна любая социальная инженерия, любая положительная наука. Речь идет о выходе к другому масштабу бытия, где на первом плане оказывается бытие целого, а не частей. Если говорить несколько иронически, то «практический смысл» социальной философии заключается в том, чтобы подготовить общество к необходимости *принести жертву*, раскрыть высшую радость жертвоприношения. Собственно, готовность к жертвоприношению и конституирует катастрофу как *трагическую эпоху*.

Итак, социум существует в движении между кризисом и катастрофой и обратно. Концепты кризиса и катастрофы принципиально комплементарны. Постоянно на разных социальных уровнях возникает вопрос: перед нами *катастрофа* или это всего лишь *кризис*, который можно преодолеть в творческом акте инновации, труде, риске и терпении?

Э. Э. Полетаев¹

ИНИЦИАТИВЫ КАЗАХСТАНА И ЭФФЕКТ «ЯДЕРНОЙ ВЕСНЫ»: ОТВЕТСТВЕННОСТЬ, ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ, ПУТЬ К УСТОЙЧИВОСТИ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

В современном мире остро стоят вопросы, связанные с распространением ядерного оружия и международной безопасностью. Не выработан консенсус в вопросе о ПРО и сокращении тактического ядерного оружия. Не решены проблемы нераспространения, а также усиления сотрудничества государств в области противодействия ядерному терроризму. Актуальна опасность использования двойных стандартов и, следовательно, утраты доверия к мировому сообществу среди отдельных государств².

Следовательно, разговоры о риске возникновения ядерного конфликта снова на повестке дня. Брукингский институт (США) в 2016 году представил исследование, посвященное ядерным арсеналам в странах мира, и предложения по созданию режима многостороннего контроля над вооружениями³. Значительная часть официальных ядерных держав расположена в Евразии, здесь же возможна реализация основных сценариев обмена ядерными ударами. Тем актуальнее держать руку на пульсе.

¹ Президент общественного фонда «Мир Евразии» (Алматы, Казахстан), политолог. Автор книг «Международная журналистика: навигатор для авторов из Центральной Азии», «Права человека для журналистов», нескольких методических пособий на экономическую, социально-политическую и журналистскую тематику, а также более 2000 информационно-аналитических материалов в СМИ России, Казахстана, Великобритании и стран Центральной Азии. Сфера профессиональных интересов: политическая регионалистика, этноконфликтология, миграционная политика, история и теория евразийства и др.

² Чеков А. Д. Ядерное разоружение и международная безопасность в XXI веке // Вестник МГИМО. 2013. Вып. 1 (28). С. 291–293.

³ The Brookings Institution. Report. Third-country nuclear forces and possible measures for multilateral arms control. URL: <https://www.brookings.edu/research/third-country-nuclear-forces-and-possible-measures-for-multilateral-arms-control>

Еще недавно меры по формированию и совершенствованию системы ядерной безопасности были направлены на поддержание ядерной стабильности. Затем панацеей стала представляться концепция глобального ядерного разоружения. В настоящее время наблюдается противоречие в современных подходах к ядерному оружию: понятия «ядерное сдерживание» и «ядерное нераспространение» являются взаимоисключающими. Поэтому необходимо искать новые концептуальные подходы, а в Евразии — с удвоенной силой, учитывая географическое распределение запасов ядерного оружия и его потенциальных целей⁴.

Дискуссии о денуклеаризации начались сразу после бомбардировок Хиросимы и Нагасаки и прошли в своем развитии несколько этапов. В декабре 1945 года СССР, США и Великобритания договорились о создании Комиссии ООН по атомной энергии. Но с 1949 года работа комиссии прекратилась⁵.

В 1955 году одиннадцать всемирно известных ученых во главе с А. Эйнштейном, М. Борном и Б. Расселлом выступили с антивоенным воззванием (Манифест Рассела–Эйнштейна). Они призывали сделать все возможное, чтобы не допустить повторения трагических событий августа 1945 года⁶. Однако главным документом, поддерживающим жизнеспособность системы

⁴ Стефанович Д. Ядерная многополярность: как избежать обмена ядерными ударами // Портал «Евразия. Эксперт». URL: <http://eurasia.expert/yadernaya-mnogopolynarnost-obmena-yadernymi-udarami>

⁵ Фененко А. Парадоксы «глобального нуля» // Российский совет по международным делам. 2012. 8 нояб. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1020#top-content

⁶ Манифест Рассела–Эйнштейна, 1955 г. / Российский Пагуошский комитет. URL: <http://www.pugwash.ru/history/documents/333.html>

нераспространения ядерного оружия, принято считать одобренный 12 июня 1968 года Генеральной Ассамблеей (ГА) ООН Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), в основе которого лежат три фундаментальных принципа: нераспространение, разоружение и мирное использование ядерных технологий и материалов.

Появление и накопление ядерного оружия было воспринято как реальная угроза существованию человечества. Однако существует и другая точка зрения, сформулированная так называемыми ядерными оптимистами: разрушения будут огромные, но это не значит, что погибнет все человечество. Тем более что ядерная война локализуется только в Северном полушарии.

В 1980-е годы появились новые элементы в дискуссии о последствиях ядерной войны. Советские и американские ученые, исследуя данную проблему независимо друг от друга, пришли к выводу: применение ядерного оружия приведет к резкому изменению климата Земли и вызовет глобальную экологическую катастрофу. Этот вывод был обнародован в Вашингтоне на международной конференции «Мир после ядерной войны». Так в политический дискурс вошли забытые сегодня понятия «ядерная ночь» и «ядерная зима». Расчеты показывали, что в результате ядерных взрывов возникнут массовые пожары, которые будут сопровождаться выделением в атмосферу огромного количества продуктов сгорания. Черные облака закроют Солнце, поглотят и рассеют солнечный свет, что вызовет «ядерную ночь» — затемнение поверхности Земли.

Нарушение радиационного баланса планеты приведет к падению температуры на ее поверхности приблизительно на 15–20 градусов, что повлечет за собой гибель флоры и фауны. Существенный момент представлений о долгосрочных последствиях ядерной войны заключался в независимости последних от географии ядерных взрывов. «Расчеты показывают, — говорится в итоговом документе международной конференции ученых, организованной Папской академией наук в Ватикане в 1984 году, — что пыль и дым распространятся повсеместно. Таким образом, даже невоюющие страны, включая находящиеся вдалеке от района конфликта, будут испытывать его губительное воздействие. Они могут быть разрушены в результате ядерной войны, несмотря на то что на их территориях не разорвется ни одна боеголовка...». В более парадоксальной форме сформулировал один из эффектов «ядерной зимы» профессор Корнеллского университета (США) К. Саган: «Если даже какая-либо держава спланирует и осуществит ядерный удар, теоретически исключая все возможности для нанесения противником ответного удара, то и в этом случае она фактически совершит самоубийство»¹.

В связи с этим борцы за ядерное разоружение часто приводят в пример Казахстан, продемонстрировавший высокую политическую ответственность, добровольно отказавшись от ядерного оружия. На момент распада

¹ Бовин А. Е. Другого выхода нет // Известия. 1986. 16 июня. № 167 (21609). URL: <http://www.myslenedrevo.com.ua/uk/Sci/HistSources/Chornoby1/1986/06/16/DrugogoVyxodaNet.html>

СССР на территории страны находился ядерный арсенал, занимающий по размеру четвертое место в мире. Всего на Семипалатинском испытательном полигоне (более 18 тыс. кв. км) за период с 1949 по 1989 год было проведено более 470 взрывов, в том числе 118 наземных и 352 подземных².

Решение об отказе от унаследованного ядерного потенциала далось Казахстану непросто. В наследство ему достались 104 ракеты СС-18 стационарного базирования с 1400 ядерными боеголовками. Кроме того, на территории Казахстана были размещены 40 стратегических бомбардировщиков ТУ-95 МС с 240 крылатыми ядерными ракетами. При этом в Казахстане имелись сторонники идеи сохранения ядерного оружия в целях обеспечения национальной безопасности за счет политики сдерживания³.

После обретения независимости президент Казахстана Н. Назарбаев попытался обеспечить безопасность страны, заручившись внешней поддержкой и встречаясь с разными политиками. «В конце концов, — отмечает Н. Назарбаев, — во время моего визита в США и встречи с Б. Клинтонем были выполнены все наши условия»⁴.

В основу внешнеполитического курса Республики Казахстан были положены принципы безъядерного мира. Этот подход стал своего рода фирменным знаком казахстанской дипломатии, одним из главных элементов ее инициатив на международной арене.

При этом Казахстан решил одновременно три проблемы: освободился от ядерной инфраструктуры, демилитаризовал территорию, создал имидж миролюбивой страны⁵.

В феврале 1994 года Казахстан стал членом Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) и передал все свои ядерные объекты под его контроль, а в 2006 году вместе с другими странами Центральной Азии подписал в Договор о создании в регионе зоны, свободной от ядерного оружия. В 2009 году договор вступил в силу, а МАГАТЭ охарактеризовало его как реальный вклад в реализацию ДНЯО, глобальный процесс разоружения и ядерного нераспространения. В 2010 году по инициативе Казахстана, поддержанной Генеральной Ассамблеей ООН, впервые в мире отметили Международный день действий против ядерных испытаний. Но региональных инициатив Казахстану оказалось недостаточно. Поэтому в 2010 году на международном Саммите по ядерной безопасности в Вашингтоне Н. Назарбаев предложил принять всеобщую декларацию безъядерного мира. Кроме того, он выступил с инициативой подписания нового договора о всеобщем горизонтальном и вертикальном нераспространении ядерного оружия⁶.

² Абишев М. Международное антиядерное движение «Невада—Семипалатинск». URL: http://hirosima.scepsis.ru/movement/mov_2.html

³ Фаизова Р. С. Инициативы Казахстана по созданию безъядерной зоны в Центральной Азии // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Международные отношения». 2011. Вып. 3. С. 31–35.

⁴ Назарбаев Н. А. На пороге XXI века. Алматы, 1996. С. 73–74.

⁵ Ретивых А. Испытание независимостью. Алматы, 2004.

⁶ Власов А. В. Безъядерное сдерживание // Независимая газета. URL: http://www.ng.ru/cis/2010-08-27/6_kazakhstan.html

Предложения Казахстана и его стремление к «ядерной весне» были услышаны ключевыми игроками на международной арене. Манифест президента Казахстана «Мир. XXI век», озвученный на IV Саммите по ядерной безопасности в Вашингтоне в 2016 году, был наделен высоким статусом официального документа двух основных органов ООН — ГА и Совета Безопасности (СБ). Деятельность в области ядерного разоружения будет являться одним из ключевых направлений деятельности Казахстана на посту непостоянного члена СБ ООН в 2017–2018 годах.

Были обозначены семь приоритетов в работе. Первый из них непосредственно посвящен ядерному оружию и обозначен как «достижение мира, свободного от ядерного оружия».

Специфика СБ ООН, где страны ядерной пятерки обладают правом вето, накладывает ограничения на частую актуализацию антиядерной тематики. Однако Казахстан намерен максимально использовать площадку СБ для продвижения своего видения ядерного разоружения и нераспространения. Страна активно участвует в работе комитета по КНДР, чья ядерно-ракетная программа является серьезным вызовом, а также в работе комитета по Ирану.

Следует отметить и второй приоритет, заключающийся в предотвращении и полном устранении угрозы глобальной войны через снижение степени военного противостояния на разных уровнях. Руководствуясь манифестом «Мир. XXI век», Казахстан считает, что отказ от войн должен стать императивом межгосударственных отношений в XXI веке. Тем более что наблюдается эскалация насилия и нестабильности. По данным ООН, с 2008 года количество конфликтов увеличилось почти в три раза с усилением роли транснациональных сил. Численность перемещенных лиц в результате войн превышает 60 млн человек, а объем гуманитарных потребностей на 2017 год составляет 23 млрд долл. При этом Казахстан уверен, что его миротворческий потенциал востребован в мире, например высоко оценивается роль страны в поиске путей урегулирования сирийского кризиса благодаря астанинской переговорной площадке¹.

В своем манифесте Н. Назарбаев акцентирует внимание на трех принципиальных моментах. Первый — война перестает быть триумфом победителей. В новом тысячелетии она не являет собой цивилизованный способ решения споров и разногласий. Второй — все страны должны уничтожить все виды оружия массового поражения. Третий — основой для урегулирования споров должны стать мирный диалог и конструктивные переговоры, определяющие равную ответственность его участников за мир и безопасность, взаимное уважение и невмешательство во внутренние дела².

¹ Министр иностранных дел выступил на правительственном часе в мажилисе парламента РК // Официальный интернет-ресурс МИД РК. URL: <http://mfa.gov.kz/index.php/ru/so-y-zha-aly-tar/129-novosti/8464-vystuplenie-ministra-inostrannykh-del-rk-k-abdrakhmanova-na-pravitelstvennom-chase-na-temu-o-prioritetakh-chlenstva-respubliki-kazakhstan-v-sovete-bezopasnosti-oon-v-2017-2018-gody>

² Ровнякова И. Формируя глобальное антиядерное движение // Казахстанская правда. URL: <http://www.kazpravda.kz/articles/view/formiruya-globalnoe-antiyadernoe-dvizhenie/?print=yes>

Однако политики и военные в последнее время все чаще вспоминают о ядерном оружии как о последнем аргументе. По мнению академика А. Арбатова, руководителя Центра международной безопасности Института мировой экономики и международных отношений РАН, «произошел опасный психологический сдвиг: 25 лет, прошедших после окончания холодной войны, вытеснили из сознания людей ядерную войну как реальную угрозу. Ядерное оружие сохранялось, и в довольно больших количествах, но третья мировая стала представляться какой-то абстракцией. Да, общее количество ядерного оружия на планете уменьшилось в 5–6 раз, в основном за счет арсеналов России и США... Но эффект “ядерной зимы” никто не отменял»³.

Сегодня ядерным оружием обладают девять стран: Россия, США, Великобритания, Франция, Китай, КНДР, Индия, Пакистан и Израиль. При этом, когда свои атомные бомбы создавали первые члены «ядерного клуба», спросить с них было некому. Затем против ядерных программ Израиля, Индии и Пакистана вводились международные санкции, но это не помогло. В настоящее время существует риск попадания ядерного оружия в руки исламских террористов. Кроме того, гражданское общество часто не задействовано в обсуждении антиядерной проблематики, а ядерное оружие окутано завесой секретности.

«Глобальная ядерная безопасность основывается на ДНЯО, но он по существу нарушен рядом государств, ставших де-факто ядерными, — считает председатель Сената парламента Республики Казахстан К. Токаев. — Налицо опаснейшая тенденция двусмысленности: одним странам можно иметь ядерное оружие, потому что они, дескать, не угрожают глобальной безопасности, другие же в категорию миролюбивых государств не попадают. Иными словами, отсутствует единый критерий выполнения ДНЯО. Нужно учитывать также, что обострился кризис доверия между ядерными державами. Поэтому ядерное нераспространение может выйти из-под контроля»⁴.

В октябре 2016 года президент СССР М. Горбачев выразил уверенность в том, что существование ядерного оружия создает опасность, что его когда-нибудь применят — случайно, из-за технического сбоя или в результате действий террориста или безумца⁵. Это не алармизм. В 1950 году у бомбардировщика ВВС США В-36 с ядерным оружием на борту загорелся один из двигателей. Экипаж сбросил атомную бомбу в Тихий океан. Данное ЧП — не единственный случай такого рода. В 1996 году организация Гринпис опубликовала данные, согласно которым в результате аварий в морях и океанах был потерян 51 ядерный боеприпас

³ Академик Арбатов: «Мы потеряли страх перед ядерной войной, и это опасно» // Аргументы и факты. 2016. 22 июня. № 25. URL: http://www.aif.ru/politics/world/akademik_arbatov_my_poteryali_strah_pered_yadernoy_voynoy_i_eto_opasno

⁴ Выгоды разоружения. Почему Казахстан проводит миротворческую политику? // Аргументы и факты. 2016. 24 авг. № 34. URL: http://www.aif.ru/politics/world/vygody_razoruzheniya_pochemu_kazahstan_provodit_mirotvorcheskuyu_politiku

⁵ Горбачев призвал запретить ядерное оружие и войну вообще // Информационное агентство «Интерфакс». URL: <http://www.interfax.ru/russia/531819>

(44 — СССР и 7 — США). Кроме того, семь атомных реакторов (пять советских и два американских) с трех атомных подводных лодок СССР и двух АПЛ США затонули. Еще 19 атомных реакторов (18 — СССР, 1 — США) были преднамеренно затоплены в море. А если бомбу не удастся сбросить в океан или море?

Еще одна опасность — так называемая радикальная ядерная многополярность, которой свойствен рост «серых» ядерных сил. Ряд государств не ограничен обязательствами в сфере нераспространения ядерных технологий. Поэтому в «серой» зоне находятся как они, так и их потенциальные клиенты в лице отдельных стран или террористических групп. Кроме того, наличие у некоторых стран ядерного оружия вызывает опасения, потому что в них проживают миллионы необразованных людей, оказавшихся

на обочине жизни. Тем не менее, как отмечает американский исследователь А. Крол, проблема общества до распространения компьютеров заключалась в том, что практически невозможно было моделировать сложные системы. Вся история, в том числе и история войн, — это путь проб и ошибок. Но когда имеется много моделей, тысячи сценариев и сотни факторов, то качество управления будет возрастать с математической точностью. Поэтому есть шанс, что в будущем прекратятся войны и серьезные конфликты, возможно, они будут носить (и уже носят) гибридный характер. Война в XXI веке — не самый эффективный способ разрешения противоречий. Поэтому мирные инициативы Казахстана отвечают интересам всех стран и соответствуют процессу устойчивого мирового развития.

М. Е. Попов¹

ПОСТТРАДИЦИОННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ КАК ФАКТОР СОВРЕМЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Посттрадиционные трансформации — это структурные и ценностные изменения современности, вызванные необходимостью социокультурной модернизации традиционных обществ в процессе глобализации и перехода современного мира к «рефлексивной целерациональности» второго модерна. Глобальные проблемы современности порождают соответствующие реакции на них в виде формирования и легитимации глобальных институтов и посттрадиционных идентичностей, легитимирующих новые институты управления. «Рефлексивная модернизация», как условие посттрадиционных трансформаций (З. Бауман, У. Бек, Э. Гидденс), становится потенциальным фактором конфликтной эскалации, обусловленной растущим сопротивлением идеологий неотрадиционализма, актуализирующих «защитные механизмы» изоляционизма, партикуляризма, групповой безопасности.

Э. Гидденс выделяет три «магистральные оси» социокультурных трансформаций, определяющие структурные изменения посттрадиционности — глобализацию, детрадиционализацию и рефлексивизацию. По мнению Гидденса, глобализацию не следует понимать только в экономических терминах: «Я определяю глобализацию как действие на расстоянии и соотношу ее интенсификацию за последние несколько лет с появлением средств мгновенной глобальной коммуникации и массового перемещения». Связанная с ней «детради-

ционализация» вследствие исчезновения пространства как буферной зоны, отделяющей различные социокультурные локальности друг от друга, приводит к исчезновению возможности прямолинейного, «наивного» традиционализма, не задающего вопросом о легитимации собственных положений².

Посттрадиционное общество не означает общество без кастих-либо традиций; это общество вне тотальности «классической» традиции, в котором коллективные традиции становятся глобальными, меняя онтологический и ценностный статус. «В контексте глобализирующегося, космополитического порядка, — отмечает Э. Гидденс, — традиции постоянно вступают в контакт друг с другом и принуждены “объявлять сами себя” (to declare themselves)³. Традиция в посттрадиционном мире может оставаться действенной, если она «рефлексивно легитимирована»: по Гидденсу, «рефлексивизация» — это субстанциальный признак всего проекта модерна, и до сих пор она была связана с рефлексивным принятием или отвержением «устойчивых идентичностей». В ситуации постмодерна «рефлексивность» принуждает быстро меняющийся, «текущий» мир не только выбирать, но и рационально определять, что именно выбирается («целерациональный» выбор М. Вебера). С посттрадиционной рефлексивностью связано исчезновение традиций в их классическом понимании как эссенциалистских условий активности и коллективной идентичности, автономных по отношению к человеку и обществу. В девальвации идеологий господства традиционализма состоит различие между «простым» и «рефлексивным модерном», вторым модерном как мегатрендом посттрадиционного мира⁴.

¹ Профессор кафедры социальной философии и этнологии Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь), доктор философских наук. Автор более 130 научных публикаций по социальной философии, философии культуры, социологии, конфликтологии, политологии, в т. ч.: «Конфликты идентичностей и общественная безопасность», «Конфликты идентичностей в посттрадиционной России: общероссийский и региональный аспекты», «Социокультурная интеграция как инструмент разрешения этнополитических конфликтов на Северном Кавказе», «Современные теории конфликта этнических идентичностей», «Social and Cultural Integration as a Way of Resolving the Identities Conflicts in the Modern Russia: a Regional Aspect» и др.

² Новіцкий В. Anthony Giddens. Beyond Left and Right // Топос. 2007. № 2 (16). С. 129.

³ Там же.

⁴ Там же.

Ключевым понятием для консерватизма является понятие традиции. Интерпретация и роль, которая отводится традиции в организации социальной жизни, различаются в версиях консерватизма: если классический консерватизм защищал традицию как средство упорядочивания социальных связей в политических режимах, то современный консерватизм стремится не столько к сохранению определенных традиций, сколько к реабилитации традиции как средства ориентирования в истории. Общим пунктом для программ классического консерватизма, философского консерватизма, неоконсерватизма является убеждение, что «мир оставляет ни с чем наши попытки подчинить его всеохватной власти человеческого разума — вот почему мы так часто должны полагаться на традицию»¹.

Программы неоконсерватизма и неолиберализма отводят свободным рынкам ведущую роль в современном обществе, но неоконсерватизм оправдывает экономический рост как условие роста безопасности и стабильности в посттрадиционном обществе. Неолиберализм использует традиции как инструмент, позволяющий оградить рынок от любых форм традиционалистского контроля со стороны государства и любого другого органа администрирования. Очевидно, что ни одна из этих программ не может продолжать эффективно работать в современных условиях без серьезного пересмотра. Главная проблема неоконсерватизма и неолиберализма — опора на традицию как на само собой разумеющееся априорное понятие, неизменную субстанцию.

В мозаичном мире посттрадиционных трансформаций конфликтная ситуация возникает, пишет П. Рикер, «коль скоро инаковость личностей, неразрывно присущая идее человеческой множественности, в некоторых особых обстоятельствах оказывается некоординируемой с универсальностью правил, подразумеваемых идеей человечества; тогда уважение склонно расщепляться на соблюдение закона и уважение к личностям. В таких условиях практическая мудрость состоит в том, чтобы наделять приоритетом уважение к личности, во имя самой заботливости, обращенной к людям в их незаменимом своеобразии»².

В посттрадиционном мегасоциуме конструирование универсальной макроидентичности кристаллизуется вокруг глобальных транснациональных институтов легитимного господства, в образе которых «глобальное гражданское общество» идентифицирует себя как «макроколлективного актора». Этот подход в исследованиях посттрадиционности связан с аксиологической методологией глобального «космополитического реализма» (У. Бек). По мнению Ю. Хабермаса, «главное значение имеет уже не самоутверждение коллектива вовне, а сохранение либерального порядка внутри. Так как идентификация с государством трансформируется в ориентацию на конституцию, универсалистские принципы конституции обретают известное преимущество перед партикулярным, ограниченным контекстом национальной истории конкретного государства. Этот отход от восприятия государства

как центра и переориентация на конституцию и дают возможность проявиться (еще в национально-государственных рамках) структуре первоначально абстрактной и юридически опосредованной “солидарности среди чужих”. А эта структура, несомненно, способствует транснациональному расширению национально-государственной солидарности»³.

Либеральный дискурс исходит из аксиологического постулата о том, что посттрадиционные процессы транснационализации и денационализации государственных действий открывают пути для преодоления конфликтов, связанных с политическими, социальными, этническими, религиозными проблемами трансформирующихся обществ. По мнению У. Бека, «национальное оживление политики достижимо только через де-национализацию. Существует внутренняя связь между утратой национального суверенитета и приростом транснационального суверенитета, то есть вновь обретенная возможность развития национального суверенитета на пути кооперации, если под этим понимать решение национальных вопросов проблемно-ориентированной политики. <...> Необходим некий New deal, который по-новому сбалансировать власть политики и экономики и вынудит международный капитал принять иные правила культурного и политического ангажмента, а также транснациональные государства, возрожденные в форме кооперативных государств. Если это не удастся, то нам угрожает осуществление в той или иной форме модернизированной, неофашистской агрессии и дегуманизации. Но именно от этого могут защитить возникшие в “среде благоденствия” свободные культуры солидарного индивидуализма. <...> Образу упадка, который бродит по Европе вместе с призраком неолиберализма, до сих не противопоставлена напрашивающаяся альтернатива транснационального обновления демократии, социальной справедливости и безопасности, а также экологического мышления и действий за пределами национально-государственной исключительности. Транснационализация предполагает космополитическую открытость общества»⁴.

Эволюция дискурса о взаимодействии транснациональных, глобальных и локальных (региональных) факторов в динамике культурных конфликтов дает возможность сформулировать такой новый концепт конфликтологии, как концепт «международного этнического кризиса», одними из авторов которого являются Д. Кармент, Т. Гарр, М. Бреккер, Дж. Вилкенфельд. Международный этнический кризис отличается от неэтнических кризисов по нескольким аспектам, включая «пусковой механизм» и ценности в управлении кризисом, степень вовлечения мировых организаций, тип завершения кризиса, содержание и форму кризисных процессов⁵. Авторы предложили гипотезы для характеристики «международного кризиса», лежащего в основании современных конфликтов с выражен-

³ Хабермас Ю. Расколотый Запад. М., 2008. С. 72–73.

⁴ Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М., 2007. С. 241, 264–265.

⁵ См.: Brecher M., Wilkenfeld J. The Ethnic Dimension of International Crisis // Wars in the Midst of Peace: The International Politics of Ethnic Conflict. Pittsburg, 1997. P. 168.

¹ Новицкий В. Указ. соч. С. 129.

² Рикер П. Я-сам как другой. М., 2008. С. 295–305, 308.

ным этноидентификационным компонентом: насилие в «пусковом механизме» конфликта; восприятие угроз на ценностно-идентификационном уровне; приоритетная роль насилия в управлении кризисом; глобальный терроризм.

По словам П. Рикера, современный конфликт «возник между несколькими герменевтиками, существующими в современной культуре, в частности между герменевтикой, направленной на демистификацию смыслов, и герменевтикой, говорящей о взаимосвязанности смыслов. <...> Поскольку культура подчиняется внутреннему эротическому влечению, нацеленному на объединение людей в массу, скрепленную жесткими связями, то она может достичь этого лишь с помощью одного средства — усиления чувства виновности. То, что начиналось с отца, находит свое завершение в массе. Если культура является неизбежным этапом в развитии от семьи к человечеству, то такое усиление чувства виновности оказывается неразрывно связанным с последствиями врожденного двустороннего конфликта, вместе с которым мы появляемся на свет, — конфликта между любовью и желанием смерти»¹.

Специфика посттрадиционных противоречий заключается в том, что они протекают на фоне глобаль-

ных трансформаций социокультурных идентичностей и универсализации идеологии «глобального человечества» и «глобального гражданского общества». Идентификационные «смещения» постсовременности, завершение проекта первого «национального» модерна и становление второго «космополитического» модерна в результате посттрадиционных трансформаций делают ранее актуальные гомогенные традиционалистские идентичности требующими рефлексии и критического переосмысления. «Национальный модерн, ориентированный на фиксацию однородности, — пишет У. Бек, — предельно умаляет образующую идентичность силу межнационального, межэтнического, межрелигиозного диалога — силу, часто мучительную и парадоксальную, диалогической фантазии. Именно эту силу проверяет и учреждает космополитический взгляд. <...> Тесное сближение чужих идентичностей является неисчерпаемым источником креативности и конфликтов. Без испытания способов урегулирования транснациональных конфликтов в центре национально-государственных, политических и корпоративных организаций может возникнуть угроза предстоящей нам фазы появления рефлексов ренационализации или вступления в постполитическую эру высокой технократии»².

Г. А. Праздников³

СОХРАНЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ КАК ВЫБОР БУДУЩЕГО

Неотделимость будущего от процесса его реализации не только определяет единство времени, но в потоке бытия особым образом характеризует субъекта этого движения. Объективная необходимость самотворения мира невозможна вне внутренней свободы человека и его многомерной активности, включающей различные способы прогнозирования будущего и его практического осуществления. При всей неопределенности нелинейного развития, случайных непредсказуемых скачков и повторах исторического процесса будущее не возникает само по себе вне созидательных человеческих усилий. Сложный по содержанию и формам состав социального поведения определяется и реализуется прежде всего нравственным развитием человека.

В давней работе известный историк и философ Е. Б. Рашковский три измерения исторического времени (прошедшее, настоящее, будущее) связывает с са-

мыми сокровенными формами общения, условно им названными *сыновство, братство, отцовство*⁴. Родственное отношение к тому, чего уже или еще нет, возможно, важнейшая характеристика человеческого сознания. Знаменитые пушкинские строки «Любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам» продолжают удивительно — «животворящая святыня!» Мир человека, включающий и «мертвую» природу, трансформируется в «человеческий мир». Человечность связана не со всякой идеально-духовной деятельностью (мы же говорим «бесчеловечный проект», «бесчеловечная наука» по поводу иных продуктов нашего интеллекта). Человеческий мир — единство сущего и должного. Он незавершен, открыт, направлен в будущее, воплощающее подлинные нравственные ценности. Мир, создаваемый нами («каков он *есть*»), неотделим от императива «каким он *должен быть*». Создание этого мира — серьезное и ответственное дело каждого человека в той же мере, в какой его индивидуальное бытие соизмеримо с масштабом «человеческого мира» человечества. И эта ответственность за будущее вполне соотносима с «бременем отцовства».

Однако это в идеале, в возможности, реализация которой весьма проблематична. Глубокий системный кризис современной цивилизации, начавшийся не вчера (еще К. Ясперс полагал, что нам грозит опасность вновь превратиться в людей каменного века, только

¹ Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 2008. С. 114, 199.

² Бек У. Указ. соч. С. 77–78.

³ Заведующий кафедрой философии и истории Российского государственного института сценических искусств (Санкт-Петербург), кандидат философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. книг: «Культура в пространстве жизни», «Процесс художественного творчества», «Нравственный смысл художественного творчества», «Искусство и спорт», «Эстетическая культура и эстетическое воспитание», «Болонский процесс в смысловом пространстве образования» и др. Член Союза театральных деятелей РФ. Почетный профессор СПбГУП.

⁴ Рашковский Е. Б. На оси времен. Очерки по философии истории. М., 1999. С. 22.

располагающих современными самолетами¹), развивается и поныне².

Сейчас, когда мы находимся на пике новой индустриальной революции с впечатляющими сдвигами и перспективами в сфере искусственного интеллекта, аддитивных технологий (технологий трехмерной печати), радикальной биологической трансформации человека, с непреклонной настойчивостью встает вопрос о судьбе человеческого мира. В разряд актуальных входят проблемы, вроде бы давно ставшие хрестоматийными: что такое культура, образование и зачем оно? Наконец, что такое человек? Постчеловек, трансгуманизм — это естественное развитие человека (по мнению одного зарубежного исследователя — его эволюция только начинается) или мы будем иметь дело с явлениями совершенно иной природы?

Думается, надо отчетливо понимать, что обращенность исследовательской мысли в будущее реально охватывает пространство времени от краткосрочных перемен (от выборов до выборов) до сверхдалеких измерений (по мнению шведского философа Н. Бострома, постчеловеческое состояние наступит при ожидаемой продолжительности жизни, превышающей 500 лет, и населении Земли свыше 1 трлн человек). Не исключая возможности столь долгосрочного прогнозирования, нельзя не напомнить, что и ближе, и дальше будущее отсутствует в реальности, как некая точка, система, к которым движется человечество. Сегодняшний день, настоящее — не стартовая площадка, а часть общего движения, определяющая этот процесс и определяемая им, а не историческое «удобрение» (Н. Бердяев) по отношению к возможным трансформациям мира.

Предполагаемое «послезавтра» не снимает, а обостряет ответственность по отношению к человеку и человечеству сегодняшнего и завтрашнего дня. И только осознание этой ответственности, сопровождаемое соответствующими практическими социальными действиями, направляет исторический процесс в сторону очеловечивания мира (или его разрушения).

Неоднократно отмечались абстрактность, размытость, нечеткая очерченность этого понятия, но современная наука работает и с такими понятиями. «Человечность» — это концепт, наряду с рациональным содержанием включающий спектр переживаний, ассоциативных смыслов, обретающий возможность их приращения через антоним «бесчеловечный». Отсутствие линейного положительного развития общества вряд ли отменяет критерий прогресса, позволяющий сравнительно оценивать этот процесс. То обстоятельство, что современный человек часто становится функцией от состояния техносферы, доказывает лишь одно — бесконечная по своей природе человечность может быть вовсе утрачена и человеком, и обществом. Отдаваясь стихии техногенного прогресса, порой действительно поражающего воображение, по-

лагая, что он несет только благо, акцентируя внимание только на его позитивной стороне, мы не всегда оцениваем происходящие в мире процессы в контексте смыслов человеческого бытия. Даже размышления о совершенствовании человека касаются в основном проблем биотехнологии. Многие из них действительно имеют важнейшее значение — установление точных диагнозов сложных заболеваний, лечение неизлечимых болезней, продление жизни, усиление чувственных способностей, но при этом экзистенциально-нравственное бытие, сострадательность, ответственность, совесть остаются за рамками проблемы.

Еще острее и сложнее ситуация в сфере технологических свершений, где решение человеческих проблем значительно отстает от несомненно прогрессивных сдвигов, ныне активно обсуждаемых не только в научной, но и в массовой печати. Речь идет о чрезвычайно острой проблеме «свободных» от производства, ставших ненужными людей, и эта волна движется стремительно. Появление интернет-вещей, снабженных чипами, резко снижает участие человека во всей цепочке движения товара (логистика–транспорт–торговая сеть–потребитель). Роботизация исключает людей из производства (в сборке автомобилей на большинстве предприятий стран Юго-Восточной Азии человек практически не участвует). Надежные нейросети легко заменяют людей интеллектуальных профессий, управляющих разнообразными информационными процессами. Мобильный банкинг и смартфон вытесняют традиционные банки — за счет мобильного банкинга в Англии уже производится 90 % транзакций. Россия заметно отстает в этих процессах, что само по себе очень опасно, однако и у нас в этой сфере идут знаковые перемены — только в текущем году «Сбербанк» предполагает уволить 3 тыс. своих юристов, заменив их компьютерными системами. На планете, по мнению специалистов, «ненужными» окажутся 0,5 млрд человек. Это одна из острейших проблем сегодняшнего антропологического кризиса.

Здесь вопросов больше, чем ответов. Разумеется, радикальным решением было бы изменение смыслового вектора процесса, его первостепенной направленности на совершенствование человеческого бытия. То, что рыночная экономика стимулирует более эффективное развитие производства, не вызывает сомнений, но, мне кажется, столь же несомненно то, что нельзя свети к рынку сложнейшую жизнь современного общества. Между тем в рассуждениях о текущем историческом процессе рынок понимается как непереносимое исходное условие. Выдающийся мыслитель минувшего века Грегори Бейтсон в своей последней работе «Разум и природа» (1979) дает очень жесткую, необычную для времени оценку обеим противостоящим системам: «...Мы сталкиваемся с двумя гротескными карикатурами на жизнь — с капиталистической и коммунистической. И нам говорят, что мы *должны* выбрать сторону в борьбе этих двух безобразных идеологий»³.

Самонадеянно и наивно было бы пытаться на нескольких страницах обсуждать столь сложную проблему, однако необходимо напомнить, что и в грани-

¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории : пер. с нем. М., 1994. С. 56.

² Александр Зиновьев завершает свою книгу, оказавшуюся последней, мрачным предсказанием: «Человечество погибнет от своей глупости» (Зиновьев А. Фактор понимания. М., 2006. С. 521).

³ Бейтсон Г. Разум и природа: Неизбежное единство : пер. с англ. М., 2007. С. 228.

цах одной политической системы результаты модернизационных процессов зависят не столько от исходного состояния экономики, сколько от выбора ее целей и путей реализации, особенностей национальных традиций, нравственных установок, состояния науки и образования.

Будущее человека и человечества не сложится само по себе — его надо создавать, сотворять, создавать. В условиях нынешнего состояния страны говорить о правах и свободах без одновременного акцента на «обязанность» и «ответственность» просто стыдно.

Л. В. Путькина¹

БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕКА И ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В ИНФОРМАЦИОННО-ТЕХНИЧЕСКОМ МИРЕ

В настоящее время стремительный рост информационно-коммуникационных технологий приводит к созданию умных и быстродействующих компьютеров. Прогресс в науке, высокотехнологичные методы в медицине изменили отношение к человеку. Японские ученые создали бионического человека. Это робот, который выполнен из современных человеческих протезов, у него искусственные части тела: внутренние органы, конечности, глаза, голова, система кровообращения и кровь. Это привело к тому, что, с одной стороны, человек стремится стать роботом, а с другой — робот проектируется как человек. Человек пытается создать роботов, чтобы помочь себе.

Основная задача, которая стоит перед учеными в области искусственного интеллекта, — это создание компьютеров, которые по разуму будут превосходить человека. В результате происходит замена человеческого интеллекта компьютерным.

В Интернете существуют порталы, где приводятся теории в области искусственного интеллекта: нейронные сети Хэмминга, особенности гетероассоциативной и автоассоциативной памяти, нейронные сети адаптивного резонанса. Компания Google занимается созданием искусственного интеллекта, который будет активно внедрен в сервисы и приложения. Сегодня искусственный интеллект используется в программных продуктах Translate и Photos. Также машинный интеллект используется в мессенджере Allo и устройстве умного дома Google Home.

В США создают воинов-роботов для армии, а японские ученые делают новое поколение роботов, которые выглядят и ведут себя как люди. Например, человекоподобные роботы, разработанные в Японии и Корее, ухаживают за пожилыми людьми. В то же время многие люди технологически улучшают свое тело и приближают его к телам своих братьев-роботов.

Многие эксперты утверждают, что роботизированное будущее стремительно приближается, но реально оно уже наступило. Роботы, скорее всего, не станут уничтожать людей, но они уже вытесняют и дальше будут вытеснять человека с помощью других методов и средств.

В какой-то момент размывается разница между роботом и человеком. Когда «точка невозврата» преодолена, робот воспринимается как настоящий человек. Это происходит по причине того, что человек хочет больше заниматься творческой деятельностью, пытается себя разгрузить и, следовательно, передает больше ответственности роботам.

Создание бионического человека ставит перед обществом целый ряд этических и философских вопросов.

1. Будут ли угрожать роботы людям?
2. Что значит быть человеком?
3. Правильно или нет, что у части людей есть доступ к технологиям, которые продлевают жизнь?
4. Заменяют ли роботы людей во всех сферах человеческой жизни (роботы-партнеры, роботы-менеджеры, роботы-спарринги, интерактивные роботы, роботы-андроиды, роботы-актроиды и т. д.)?

Развитие цивилизации и человечества невозможно без развития международной культуры взаимоотношений народов, наций, а не роботов.

В данном аспекте стоит обратиться к высказываниям Дмитрия Сергеевича Лихачева: «Без культуры существование человечества на планете лишается смысла. Сохранение культурной среды — задача не менее важная, чем сохранение окружающей среды». Сохранением культурной среды человечества должны заниматься люди. Именно культура позволяет человеку становиться нравственной, интеллектуально-духовной и творческой личностью.

¹ Заведующая кафедрой информатики и математики СПбГУП, кандидат технических наук, доцент. Автор более 150 научных и методических публикаций, в т. ч.: «Механизмы управления организациями социально-культурной сферы в трансформируемой экономике России» (в соавт.), «Динамика концепции развития предпринимательских структур», «Интеллектуальные информационные системы» (в соавт.), «Информатика и математика для гуманитарных вузов» (в соавт.), «Особенности инновационных предпринимательских структур», «Разработка инновационной стратегии деятельности коммерческого предприятия на виртуальном рынке», «Особенности внедрения электронного документооборота», «The concept of process approach to management» и др.

В. Ш. Сабиров¹

БУДУЩЕЕ РОССИИ В РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

В современных дискуссиях относительно России, ее прошлого и современного состояния часто игнорируется религиозно-философский аспект, что, с нашей точки зрения, не только обедняет существо представлений о нашей стране как особой цивилизации, культуре и геополитической реальности, но и делает сомнительными всякие прогнозы относительно ее будущего. Данный материал представляет собой одну из попыток восполнить этот пробел.

Многие прогнозы будущего России, сделанные еще сравнительно недавно, 20–30 лет тому назад, оказались ошибочными. Не углубляясь в содержательную критику этих прогнозов, отметим, что чрезвычайно важным моментом их несостоятельности стало то, что все они были сделаны при определенном умонастроении, каковых, собственно говоря, существует два: оптимистическое и пессимистическое.

Оптимизм (*лат.* *optimus* — наилучший) — это умонастроение и мироощущение, в основе которого лежит убежденность в господстве добра в мире, торжестве справедливости и возможности достижения всеобщего счастья. Впервые этот термин был использован Вольтером для характеристики философского учения Г. В. Лейбница, утверждавшего, что наш мир «наилучший из всех возможных». Впоследствии оптимизм получил более широкое толкование, отражая общую эмоциональную тональность индивидуального или массового сознания. Оптимизм может быть присущ как непосредственно-чувственному мироощущению, так и человеческому мировоззрению в целом. В основном он преобладает в настроениях людей в периоды подъема общества, расцвета культуры и является стимулом для их активного, деятельного отношения к миру и своей судьбе. Оптимистический настрой может возникнуть и во время социальных потрясений, помогая их успешно преодолевать. Доминанта оптимизма в общественном сознании также способствует осуществлению социальных преобразований. Оптимизм в определенных пределах конструктивен, ибо придает чувство уверенности в жизни, ассоциируется с переживаниями удовлетворенности, радости, благополучия и счастья. Однако если он не сопровождается рефлексией, критическим осмыслением действительности, то может принять форму устойчивой психологической установки личности на восприятие только положительных событий. В этом случае в сознании закрепляются различные иллюзии, дезориентирующие людей и препятствующие принятию своевременных решений, волево-вмешательству в ход общественных процессов.

¹ Заведующий кафедрой философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики (Новосибирск), доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч.: «Этика и нравственная жизнь человека» (в соавт.), «Идея спасения в русской философии» (в соавт.), «Русский мир в воззрениях Ф. М. Достоевского» (в соавт.), «Абerrации совести» (в соавт.), «Онтология совести» (в соавт.), «Стереотипы философского знания» (в соавт.), «Изучение этоса как социокультурная и этико-правовая проблема» и др.

Общественное сознание при таком настрое легко поддается дезинформации, манипулированию со стороны заинтересованных в этом социальных групп и властных структур. Прозрение масс, которое со временем наступает, неизбежно оборачивается жестоким разочарованием, и оптимизм сменяется пессимизмом.

Пессимизм же (*лат.* *pessimus* — наихудший) есть мироощущение или умонастроение, в основе которых лежат убеждение в господстве зла в мире и человеке, неверие в установление справедливости, в возможность решения тех или иных социальных проблем. Впервые пессимизмом назвал свое учение Артур Шопенгауэр, объявивший существующий мир «наихудшим из возможных», поскольку в нем царят страдания и несчастья. С позиций пессимизма история рассматривается как неуклонный регресс, а человек воспринимается как существо от природы злое, порочное или слабое и, по существу, не способное в принципе устранить свои недостатки. Пессимистическое видение настоящего и будущего часто сочетается с идеализацией прошлого, которое кажется привлекательным, поскольку минувшее зло теряет свою актуальность для людей, в то время как трудности, проблемы настоящего вызывают чувство постоянной озабоченности или страдания, а неопределенность будущего вселяет сомнения и тревогу. Пессимизм может вырождаться в цинизм и таким образом стать нравственно-психологической основой отклоняющегося поведения. В основном пессимизм получает распространение в кризисные периоды истории и еще углубляет кризис, а люди, испытывающие чувство пессимизма, обречены на социальную пассивность.

То, что и оптимистическое, и пессимистическое умонастроения являются основанием для ошибочного прогнозирования будущего, вполне закономерно с точки зрения религиозно-философского подхода к истории и не только к ней. Оба термина (оптимизм и пессимизм) были введены в культурный оборот европейскими мыслителями, творившими, строго говоря, отнюдь не в лоне христианской духовной традиции, для которой оптимизм равнозначен, по сути дела, самоуверенности и гордыне, а пессимизм тождествен унынию и духовной слепоте. Именно потому оба они и являются собой не что иное, как два смертных греха, которые не могут служить в полной мере созидательным основанием жизни и познания. В основании христианского гнозиса лежит любовь, утверждающая личность в ее земном и небесном бытии. Иначе говоря, христианский гнозис в целом и христианская историософия не могут быть адекватно поняты вне сотериологического контекста, то есть вне идеи спасения человека и человечества Спасителем, олицетворяющим божественную Любовь и божественный Логос.

Нельзя не отметить также, что в отечественном философствовании о судьбах и будущем России, если оно ведется вне подлинно духовно-религиозного контекста, происходит удивительное смешение двух описанных

умонастроений. Для «либерально»¹ ориентированной интеллигенции преимущественно характерно оптимистическое восприятие западного типа культуры и цивилизации и крайне пессимистическое — в отношении к России. У «патриотов»² же, как правило, наблюдается чрезмерный критицизм относительно Запада и квази-любовь к «вечно гибнущей» России. В действительности же эти два умонастроения одинаково одномерны и, следовательно, недостоверны для углубленного осмысления прошлого, настоящего и будущего России и тем более — решительно непригодны для практических преобразований в разных сферах. Более того, отметим, что в своих основаниях отечественный «либерализм» и «патриотизм» смыкаются друг с другом, поскольку оба гиперкритичны по отношению к настоящей России — к той, которая реально существует и так или иначе строится и развивается на наших глазах и с нашим участием³. Люди с обоими умонастроениями крайне утопически воспринимают ту Россию, которой уже нет или еще нет и, быть может, никогда и не будет в силу идеализации дореволюционной России или же «цивилизаторских» возможностей обобщенного Запада.

Однако необходимо отметить, что далеко не всякое религиозно-философское осмысление прошлого, настоящего и будущего России может быть принято безоговорочно, особенно если оно приобретает значение идеологемы.

Возьмем, например, известную формулу: «Москва — Третий Рим»⁴. В свое время предложенная псковским монахом Филофеем великому князю Московскому Василию III, она сыграла положительную роль в консолидации христиан после падения в 1453 году Восточной Римской империи, а в конце XIX века вдохновляла русских в освободительных войнах на Балканах. Эта формула воспринималась и как откровение о судьбе России, и как ее мессианское задание. Однако, с нашей точки зрения, было бы ошибкой воспринимать эту формулу буквально и не критически, не учитывая культурно-исторический и духовный контекст ее возникновения и актуализации в церковном, политическом или массовом сознании.

Ведь, как ни странно, на роль третьего Рима претендовали и претендуют не только Москва. Вашингтон — столица США — это ведь тоже своеобразный Рим, где присутствует Капитолийский холм, как и в Риме на Тибре, а величественное здание Капито-

¹ Ставим в кавычки слово «либерализм», ибо, к сожалению, большинство современных отечественных либералов борются не столько за свободу для всех, сколько за свое право господствовать с идеями свободы над другими людьми.

² Здесь имеется в виду показной и официозный патриотизм, свойственный людям, сделавшим его своим профессиональным делом или своеобразным политическим бизнесом, либо откровенный национализм в худшем понимании этого слова.

³ «Нет народа с таким тяжким историческим бременем и с такою мощью духовною, как наш, — писал в свое время И. А. Ильин, — не смеет никто судить временно павшего под крестом мученика; зато выстрадали себе дар — незримо возрождаться в зримом умирании, — да славится в нас Воскресение Христово!» (Цит. по: Шмелев И. С. Куликово поле // Шмелев И. С. Собр. соч. : в 5 т. М. : Русская книга, 1998. Т. 2. С. 133.)

⁴ В русском переводе полностью эта формула звучит так: «Было два Рима, оба пали, Москва — Третий Рим, а четвертому не бывать».

лия — символ американской демократии и имперской государственности — дает даже больше оснований считать эту столицу Римом, неким современным аналогом древнего, дохристианского Римского государства. С нашей точки зрения, это предположение вполне достоверно с историософской точки зрения, поскольку тип цивилизации, построенный в Северной Америке, и политика этой страны в целом более конгениальны именно Древнему Риму, чем то, что исторически сложилось вокруг Москвы — столицы Московского царства, Российской империи, Советского государства и, наконец, современной России. В этой ситуации логически и фактически оправдана констатация наличия четвертого Рима, существующего параллельно с третьим, что, безусловно, противоречит упомянутой выше формуле. Какой из них третий, а какой четвертый в контексте историософского прогнозирования будущего нашей страны, чрезвычайно интересно и в качестве особой исследовательской задачи.

Вообще история знает множество примеров мессианского энтузиазма народов, сыгравших в их жизни весьма неоднозначную роль. Размышляя о судьбах России и мира в целом, едва ли возможно рассчитывать на более или менее достоверный прогноз хотя бы ближайшего будущего, если игнорировать мессианскую сущность третьего и четвертого Рима.

Однако мессианизм мессианизму рознь. Американский мессианизм, внутренне питающийся из протестантского и даже кальвинистского источника, оформился идеологически в качестве мифа об американской исключительности и является, по сути, психологическим феноменом, ибо он построен на вере американцев в свое право экспортировать свободу и демократию по всему миру и посредством этого «цивилизующего» экспорта облагодетельствовать человечество. Результаты такого рода мессианизма, особенно в последние 30 лет, по большей части чрезвычайно удручающи. По существу, в своем эмпирическом бытии американский мессианизм фактически редуцировался до империализма и представляет собой угрозу всему человечеству. Русский же мессианизм есть духовное призвание качественно иного рода, его можно условно назвать онтологическим. По-видимому, так исторически сложилось, что и Древняя Русь, и императорская Россия, и СССР жертвенно спасали себя и другие народы от порабощения и гибели, зачастую даже не подозревая о своем якобы мессианском призвании. В настоящее время и постсоветская Россия, несмотря на многочисленные проблемы в ее внутренней политике, демонстрирует архетипически сходное поведение на международной арене. Таким образом, с нашей точки зрения, невозможно делать достоверные прогнозы, если они не будут учитывать столкновение и противодействие двух великих мессианских архетипов — третьего и четвертого Рима.

Наконец, размышляя о возможных последствиях столкновения двух мессианских народов и цивилизаций, нельзя не учитывать духовный аспект современной исторической ситуации.

В «Откровении Иоанна Богослова» читаем: «И когда Он снял третью печать, я слышал третье животное,

говорящее: иди и смотри. Я взглянул, и вот, конь вороной, и на нем всадник, имеющий меру в руке своей. И слышал я голос посреди четырех животных, говорящий: хиникс пшеницы за динарий, и три хиникса ячменя за динарий; еля же и вина не повреждай.

И когда Он снял четвертую печать, я слышал голос четвертого животного, говорящий: иди и смотри. И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя «смерть»; и ад следовал за ним; и дана ему власть над четвертою частью земли — умерщвлять мечом и голодом, и мором и зверями земными¹.

С нашей точки зрения, человечество переживает сейчас переход от третьей стадии апокалипсиса (эпохи «вороного коня») — расцвета торговли и правового регулирования жизни людей и народов к четвертой (эпохе «бледного коня»), характеризующейся хаосом и катаклизмами уже не только на локальном уровне).

Именно поэтому с точки зрения духовно-религиозной и историсофской в контексте осмысления судеб мира и прогнозирования его будущего развития одинаково неприемлем благодушный оптимизм и упование на возможности конструктивного разрешения всех противоречий и кардинальных вопросов мировой политики между двумя державами, у которых в ментальном строе их народов глубоко заложены мессианские архетипы. Однако совершенно недопустим и пессимизм «всепропальщиков», обезоруживающий и политиков, и народные массы. Жизнь продолжается и в апокалиптический период «четвертого коня», и есть некоторые основания полагать, что религиозно-философский взгляд на будущее поэтому является более реалистичным, конструктивным и, быть может, более обнадеживающим для России, которой не на кого сейчас надеяться, кроме себя и Бога.

М. Я. Сараф²

СООТНОШЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ И КУЛЬТУРНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ СОВРЕМЕННОСТИ: ОПАСНОСТЬ ИНВОЛЮЦИИ ИЛИ ДВИЖЕНИЕ К НОВОМУ СИСТЕМНОМУ ЕДИНСТВУ?

В философско-культурологических работах Д. С. Лихачева достаточно четко выражаются две идеи, которые могут служить отправной точкой для рассмотрения поставленного вопроса. Одна из них представляет культуру как целостное пространство, в котором и только в котором осуществляется бытие человека во всех его (бытия) исторических формах (традиционного общества, цивилизаций, больших и малых общностей и т. д.) [1]. Согласно другой, именно европейская (западноевропейская) культура является культурой общечеловеческой, поскольку она создала концептосферу, открытую к принятию ценностей, созданных всем человечеством. Далее Лихачев указывает три фундаментальных основания этой культуры (личностность, универсализм и свобода), позволившие ей достичь такого результата [2]. Тревога Лихачева за судьбы культуры связана именно с сохранением и развитием либо разрушением ее содержания.

Действительно ли современная цивилизация и существующая в ее условиях культура (культуры) находятся в кризисном состоянии? В моем понимании кризис есть такое состояние системы, при котором она или с трудом выполняет свою функцию, или во-

обще утрачивает способность ее выполнять. С такой точки зрения цивилизация, представляющая собой способы и формы институциональной социальной организации (государство, конфессии, институты образования и воспитания, трудовой и социальной деятельности и т. п.), в настоящее время действительно находится в кризисном состоянии, ибо может только более или менее модернизировать действие исторически сформировавшихся социальных механизмов, но не имеет общезначимого проекта социальной организации будущего.

Таким образом, становится понятным основное цивилизационное противоречие современности. Одни (в данном случае даже неважно, как их называть — неолибералы или неоконсерваторы) предлагают сохранять уже достигнутое, так или иначе его совершенствуя; другие, во многом лишенные благ прогресса и даже ограбленные им (таковы противоречия глобализации), призывают и вовсе от него отказаться и вернуться к формам традиционного устройства жизни, предписываемым, скажем, мировыми религиями (фундаментализм). И те, и другие предлагают двигаться с повернутой вспять головой. Пока не видно, что может стать предметом общего интереса и послужить ориентиром хотя бы для заинтересованного диалога. Даже сохранение мира не выступает такой ценностью, более того — физическое уничтожение цивилизационного оппонента сегодня рассматривается как наиболее предпочтительный способ разрешения противоречий. Цивилизация из способа социального управления и регулирования все больше превращается в способ социального манипулирования и тем самым обращается против своей сущности.

¹ Отк. 6 : 5–8.

² Профессор Московского государственного института культуры, доктор философских наук, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 240 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Философия как самосознание культуры», «Опыт типологии культуры», «Национальное культурное пространство и обеспечение его безопасности», «Культурная инновация» и др.; статей: «Измерение культурного пространства», «Безопасность национального культурного пространства — необходимое условие устойчивого развития», «О социальной базе политических партий в России», «О многоаспектности бытия человека в культуре», «Актуальность защиты целостности национального культурного пространства», «Трёхмерная модель культурного пространства» и др.

Культура, если понимать ее как способ бытия человека, имеет главную функцию — воспроизводство человека как общественного существа, способного не только к воспроизводству достигнутых содержательных форм, но и, что принципиально важно, к культурной инновации.

Поскольку общепризнано, что культура выполняет интегративную функцию, то содержание понятия культурной инновации сопряжено со всяким изменением в способах и формах общественного воспроизводства. Прежде всего это относится к изменениям в духовной сфере, что более или менее быстро проявляется изменениями в образе жизни, в сфере социальных отношений и социальных структур. В традиционном обществе этот механизм действовал медленно и даже незаметно для многих смеявшихся друг друга поколений.

Цивилизационные же формы культуры резко усилили, ускорили и до чрезвычайности усложнили их действие. Более того, культурная инновация, будучи осознанной и обретая высокий ценностный статус, по этой же причине оказалась трудноразличимой и легко фальсифицируемой. Это произошло вследствие того, что культурные процессы существенно опережают социальные, или, другими словами, из-за подчинения динамики культуры динамике социальной. Но по причине единства социального и культурного всякий дисбаланс между ними выступает и как причинение взаимных изменений: в социальных процессах выявляются и материализуются культурные смыслы, проходя, так сказать, проверку на действительную воспроизводственную пригодность и ценность; в процессах же культурных изменение социального опыта побуждает изменение ментальности и ее новые конструкции.

Действие культурной инновации может быть скрытым, а ее последствия могут выступать несколько неожиданными и не всегда желаемыми и принимаемыми конкретным сообществом. В качестве культурной инновации может выступать явление, внешне с ней сходное, но не совпадающее содержательно и структурно, однако воспринимаемое и внедряемое как культурная инновация. Подобная социокультурная ситуация наблюдается в двух случаях: или как стихийно возникшая в движении культуры, или как целенаправленно организованная. В первом случае причиной того, что общество обманывается в распознавании культурной инновации, является нечеткость, размытость ценностных представлений, увлечение чисто внешней стороной явления и упрощенным применением методов сравнения. Во втором случае мы сталкиваемся с сознательной фальсификацией культурной инновации, которая производится или в утилитарных, меркантильных целях сбыта определенной продукции, или в целях идеологических и пропагандистских для манипулирования общественным сознанием и поведением.

В этом плане опасения Д. С. Лихачева приобретают особую актуальность в начале XXI века, поскольку инфляции подвергаются именно те характеристики культуры, которые он полагал фундаментальными для европейской, а значит, и общемировой культуры и которыми, собственно, только и обеспечивается инновационный потенциал культуры. Ее личностность

размывается, во-первых, массовым стандартизированным потреблением, которое к тому же сопровождается постоянным снижением качества, и во-вторых, все более увеличивающимся интервалом между субъектом культуры, актом культурной деятельности и объектом культуры и актом ее потребления.

Ее универсализм все более ограничивается утилитарностью интересов и узким горизонтом форм анклавного, кланового, сословного бытия. Показательно, что мультикультурализм, который еще совсем недавно представлялся как новая и, может быть, прорывная форма социальной организации, сегодня оказался одним из самых деструктивных факторов, и не только в Европе. Потребительский подход, утилитаризм и прикладной характер разрушают важнейшие отрасли культуры — образование, науку, искусство, спорт. Сегодня уже всерьез говорят не просто о кризисе гуманизма, но о постчеловеческом этапе истории.

Третья характеристика, данная Д. С. Лихачевым, — свобода, понимаемая им прежде всего как духовная свобода, способность к творческому самовыражению, то есть к культурной инновации, в настоящее время настолько обесценилась из-за влияния торжествующего постмодернизма, что о ней как-то неловко и говорить. А пресловутая политкорректность уже не позволяет с уверенностью идентифицировать не только другого как человека, но порой и самого себя.

Таким образом, современная культура в определенной или даже в значительной мере испытывает трудности с воспроизводством человека, и далеко не всегда можно быть уверенным в достижении этой цели. Я уже не говорю о крайностях, напрямую и агрессивно обращенных против такого воспроизводства. Тут и вправду наступает конец истории. Болезнь современной культуры состоит в серьезном ослаблении ее иммунной системы, в размывании критериев идентификации и самоидентификации человека как субъекта деятельности.

Каков же будет ответ на вопрос, поставленный в заглавии?

Для многих уже очевидно, что использование ресурсов за счет совершенствования техник и технологий — это тупиковый путь. Такая вялая эволюция на самом деле приводит к инволюции, то есть коллапсу культуры как системы. Инволюция есть процесс затухания воспроизводственных функций того или иного структурообразующего элемента культуры, снижения его информационной значимости и инновационной потенции. Или, иначе говоря, инволюция есть процесс свертывания некоторой части культурного пространства или всего культурного пространства, если дело доходит до социокультурного (этнического или национального) коллапса.

Можно выделить объективные и субъективные предпосылки и факторы, запускающие инволюцию.

К объективным предпосылкам следует отнести те изменения, которые происходят в природе и по ее законам. Это такие обстоятельства, масштаб противодействия которых бытию сообщества намного превосходит его креативные и деятельностные возможности и относительно быстро исчерпывает их. Куда более значительными являются предпосылки инволю-

ций, создаваемые социальностью. К таковым можно отнести изменения численности сообщества, его половозрастной и поселенческой структуры, уровня безопасности существования сообщества, которые своей масштабностью подавляют воспроизводственные возможности.

К субъективным факторам, способным вызывать инволюции, можно отнести изменения интересов и способностей субъектов культурного процесса, возникающие на основе изменения содержания и структуры потребностей. Ключевым фактором инволюции, по моему мнению, является снижение мотивации и интереса к определенной части социокультурной деятельности. Оно может выражаться двояким образом — или как снижение общей активности в том или ином направлении воспроизводства культуры, или как существенное сокращение социального объема субъектов деятельности при любой степени активности каждого из них. В первом случае процесс воспроизводства все больше сводится к самым рутинным и упрощенным формам, насколько они сохраняют свою необходимость, а инновационная составляющая становится крайне слабой, практически исчезает. Во втором случае формы культурного воспроизводства продолжают утраченную социальную значимость традицию и тем самым омертвляются, или же представляют некоторую сферу духовной элитарности, все более замыкающейся на себя самое и, возможно, становящейся маргинальной.

Действительный путь выхода из цивилизационного и культурного кризиса — международное и межкультурное сотрудничество, как бы тривиально это ни ка-

залось. Подвинуть к нему может только очевидность всеобщей опасности: нехватка ресурсов (воды, земли, продуктов питания и т. п.), угроза мощных пандемий, стихийных катаклизмов. Или, что вполне возможно, появление новых духовных и политических лидеров, обладающих достаточной харизмой (а также культуротворческим потенциалом) и способных предложить новые универсальные социальные проекты или, если выразиться немного устаревшим стилем, новый общественный идеал.

Что позволяет надеяться на возможность решения этих задач и как ему можно содействовать? Во-первых, всемерное сохранение целостности национального культурного пространства и его традиций. Во-вторых, разработка и внедрение инновационных систем образования и образовательных технологий. В-третьих, продолжение и развитие международного, межрегионального, межэтнического культурного сотрудничества. В-четвертых, формирование стойкого иммунитета против идей изоляционизма, национально-культурной преференции, равно как и нивелирующего космополитизма. Появляются обнадеживающие новые формы социальной и культурной самодеятельности (например, сетевые структуры), способные противостоять манипуляциям и дегуманизации, хотя судить об их культуротворческом потенциале пока рано.

Литература

1. Лихачев Д. С. Культура как целостная среда / Д. С. Лихачев // Дмитрий Лихачев. Культурология: избранные труды по русской и мировой культуре. — СПб.: СПбГУП, 2006. — С. 379, 391.
2. Лихачев Д. С. Три основы европейской культуры и русский исторический опыт / Д. С. Лихачев // Там же. — С. 394–395.

Т. Б. Сиднева¹

МЕЖПАРАДИГМАЛЬНОСТЬ КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО КРИЗИСА ЦИВИЛИЗАЦИИ И УСЛОВИЕ ОБНОВЛЕНИЯ КУЛЬТУРЫ

В современной цивилизации со всей очевидностью открываются взаимная зависимость и взаимообусловленность различных сфер культуры. Границы искусства, политики, религии, науки, системы образования, повседневности стали подвижными и открытыми. Небывалая внутренняя «сцепленность» пространства жизни обнажает диалектику связи взаимно резонирующих сфер, которые в стабильном состоянии представлялись автономными.

¹ Проректор по научной работе, заведующая кафедрой филологии и эстетики Нижегородской государственной консерватории (академия) им. М. И. Глинки, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор 160 публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Искусство как метафора бытия», «Диалектика границы в музыке», «Эстетика постмодернизма», «Эстетика»; статей: «Метакомпаративистика как музыка» (в соавт.), «Современное искусство в ситуации смены парадигм», «Граница-изоляция и граница-диалог в становлении глобальной музыкальной культуры», «Взгляд со стороны: о границах понимания инонациональных художественных традиций в современной культуре» и др. Член Союза композиторов РФ, Российского философского общества. Награждена почетным знаком «За достижения в культуре».

Своеобразной моделью общих цивилизационных процессов является современная музыкальная культура, которая представляет собой беспрецедентно сложную и противоречивую систему событий, смыслов, ценностных ориентаций, эстетических позиций. «Музыка — это пение мира о самом себе». Это изречение композитора В. Сильвестрова, в известном смысле продолжающее асафьевское замечание о способности музыки «в одной интонации свернуть смыслы целой эпохи», чрезвычайно точно фиксирует открывшуюся сверхзадачу музыки, далекую от собственно художественных и сугубо эстетических функций искусства звуков. По своей природе проявляющая повышенную чувствительность к общим процессам, музыка не нуждается в оправдании ее особой миссии в культуре, поскольку в истории накоплена исчерпывающая аргументация этого обстоятельства, восходящая к древности (вспомним, например, изречение Конфуция: «Если хочешь узнать, благополучно ли обстоят дела с правлением какой-то страны и здоровы ли ее нравы, то прислу-

шайся к ее музыке»). Именно поэтому в поиске определения актуального состояния цивилизации особое значение приобретает выявление специфики характерных процессов, происходящих в музыке, фиксирующей ключевые процессы современности и дающей ответы на многие вызовы времени.

Одним из ключевых понятий, характеризующих состояние современной цивилизации, является межпарадигмальность — зависимость от «старого», безотчетная привязанность к нему и одновременно тяготение «к новым берегам» в сочетании с нерешительностью «переступить черту»¹. Она служит определяющей чертой затянувшегося периода смены мировоззренческих, художественно-эстетических, научных парадигм.

Следует отметить, что в истории культуры известны различные эпохи «стояния» на границе. Пребывание «между» характерно для многих периодов исторических «сквозняков»: парадоксы переходности, свойственные рубежным эпохам, объединяют поздний эллинизм, кризисный период Ренессанса, рубеж XVIII–XIX веков, начало XX столетия, пост-явления (пост-символизм, постмодернизм) и другие сюжеты истории искусства, которые позволяют сосуществовать множеству различных, нередко взаимоисключающих тенденций. По отношению к поворотному моменту современной российской истории Н. А. Хренов применяет точную формулировку, называя его периодом «надлома империи», свидетельствующим «о разочаровании в той модели отредактированного прошлого, что имела место в империи на предыдущем этапе, и в той модели будущего, которой империя в ее большевистской форме соответствовала»².

Как известно, Т. Кун, описывая периоды смены научных парадигм, указывает на аномалии и кризисы, выступающие неизбежным преддверием научных революций. В проекции на пространство культуры в целом периоды перехода нередко затягиваются и превращаются в эпохи пребывания на границе, обладающие собственным содержанием и утверждающие «пороговые» мировоззренческие позиции, модели сознания и поведения.

Характерные для межпарадигмальных периодов «прорыв к настоящему» (определение Н. А. Хренова), болезненное отречение от прошлого, нахождение «между», преодоление пессимизма и футуризма дают богатейший материал для понимания состояния музыкального мышления всего XX столетия. В начале XXI века происходит не стирание «рубежных» качеств, но, напротив, усугубление состояния переходности.

В современном гуманитарном знании парадигма трактуется широко, в ее обращенности к «устойчивой во времени и однотипно разворачивающейся в культурном пространстве, традиционно воспроизводящейся в научных, философских и иных творческих сообще-

ствах системе ценностей, методов и методологий, способов технического освоения реальности и ее дискурсивного представления, рационального схватывания, позиционирования в структуры субъект-объектного и универсально-уникального отношений»³. Культурная парадигма как онтологическая целостность представляет собой «модель культурной реальности — картину мира культуры»⁴. Как метод изучения, парадигма позволяет выявить характерную для различных культурно-исторических целостностей специфику рефлексивного и нерелексивного опыта. В парадигмальном знании «большое значение имеет экзистенциально-ориентированная методология», в структуре этого знания «важнейшее место занимает креативно-онтологическая линия»⁵. Таким образом, парадигма является методологическим ключом к пониманию диалектики существования культурных моделей, а также пограничных зон их взаимодействия.

Звуковой образ современной эпохи отражает изменение характера межпарадигмальности: происходит сопряжение масштабных культурных пластов — традиций, стилей, эпох. Множественность и разнонаправленность тенденций не оставляют возможности найти общий «знаменатель» и назвать звуковое пространство словом «музыка».

Буквально все сферы музыки (ее создание, исполнение, образовательный процесс и многообразная рефлексия о ней) отражают активное взаимодействие различных культурных парадигм, причем актуализируются связи не только с «соседними» художественно-мировоззренческими моделями, но и с отдаленными (исторически и географически) традициями.

На высшем уровне парадигмального обобщения находятся классическая и неклассическая парадигмы — универсальные модели культуры, имеющие локально-историческое и метаисторическое измерения. Поняты предельно широко, классическая и неклассическая парадигмы пронизывают пространство современной культуры, позволяя заново пересмотреть оппозиции традиционного и экспериментального, высокого и низового, академического и неакадемического, «серьезного» и «легкого» в музыке.

Свою актуальность и жизнеспособность в музыкальной культуре демонстрирует классическая парадигма с ее изначальной установкой на «подлинность–истинность–идеальность»⁶, признанием самодостаточности искусства, идеалами гармонии, совершенства и завершенности. Свидетельством востребованности музыки прошлых эпох служат переполненные академические филармонии, концертные залы, оперные театры, высокие рейтинги в социальных сетях и т. п. Мир переживает беспрецедентное повышение интереса к классической музыке. Кроме того, происходит расширение толкования «классического» посредством открытия новых «вершинных» образцов ближайших и отдаленных эпох и традиций.

¹ Сиднева Т. Б. Диалектика границы в музыке. М., 2014. С. 224.

² Хренов Н. А. Художественная культура эпохи надлома империи в цивилизационном контексте // Искусство эпохи надлома империи: религиозные, национальные и философско-эстетические аспекты. М., 2010. С. 5.

³ Постнеклассика: философия, наука, культура : колл. моногр. / отв. ред. Л. П. Киященко, В. С. Степин. СПб., 2009. С. 10.

⁴ Запесоцкий А. С. Философия и социология культуры: Избранные научные труды. СПб., 2011. С. 18.

⁵ Там же.

⁶ Определение М. Мамардашвили.

Одним из таких открытий в 2015 году стала мировая премьера «Ундины», воссозданной по сохранившимся фрагментам оперы П. И. Чайковского, партитура которой была уничтожена композитором. Подобные события имеют большой общественный резонанс, переживаются как сенсации. Это является свидетельством тяготения к традиции, желания расширить круг музыкальной памяти. В российском музыкальном образовании (и в школах, которые преимущественно нацелены на подготовку грамотных слушателей музыки, и в вузах, обучающих музыкантов-профессионалов) проходит процесс «реабилитации» академической музыки — массовое возвращение интереса к ней, пошатнувшегося несколькими десятилетиями ранее. Весьма примечательно, что даже в нестоличном вузе — Нижегородской консерватории — в ежегодной Всероссийской олимпиаде музыкальных колледжей участвует около 3 тыс. юных музыкантов из 25 регионов страны (включая Ханты-Мансийск и Калининград).

В то же время именно классическая парадигма музыки сегодня подвергается всевозможным упрощениям, искажениям, подчиняется шоу-мышлению. Кардинальные перемены коснулись восприятия музыки академической традиции, нередко относимой к сфере услуг, с характерной установкой на слушание «в фоновом режиме». В академическом музыкальном образовании также существуют препятствия утверждению классики: отсутствует разработанная система по воспитанию детей, в раннем возрасте проявивших музыкальную одаренность, сохраняется слабая социальная мотивация профессии музыканта и т. п.

Антиномичность характерна и для неклассической парадигмы, основанной на стремлении к нерегламентированной свободе художественного выражения и тяготеющей к преодолению традиции и эксперименту. С одной стороны, современное искусство сегодня обращено к широкой аудитории, понимающей и принимающей авангардный тип творчества. Среди многих примеров приведу один из недавних (март 2017 г.). Новый концертный зал им. Пьера Булеза в Берлине открылся премьерой сочинения “Perpetuum Möbius” российского композитора, руководителя ансамбля «Студия новой музыки» В. Тарнопольского, который констатирует весьма характерный факт: «В России бум современного искусства»¹.

С другой стороны, сочинения современных композиторов и в репертуаре отечественных оркестров, и даже в учебных курсах музыкальных вузов занимают недопустимо скромное место. О российских композиторах-авангардистах более осведомлены за рубежом, нежели у нас в стране. Следует заметить, что термин «современный» (в качестве оппозиции к «классическому») нередко употребляется по отношению к музыке эстрадной, популярной, массовой, что также усугубляет парадоксальность ситуации.

Межпарадигмальность звукового образа современной эпохи проявляется и в характерном «многоязычии», в котором во всей пестроте сосуществуют западные и восточные, академические и фольклор-

ные, элитарные и бытовые, реальные и виртуальные типы музыкального высказывания. Элитарное и массовое — как «два регистра духовной жизни» (Г. Кнабе) — более не являются отграниченными полосомами музыкальной культуры, они вовлечены в единое пространство, имеющее провокативный, игровой характер. Одна из «провокаций» времени заключается в том, что в нем синхронно сосуществуют утверждение и опровержение: разные языки музыки, разный слух, различные ценности...

В этом смысле межпарадигмальность синонимична понятию «кризис». Характерно, что состояние современной музыкальной культуры описывается преимущественно в мрачных тонах (и даже в терминологии катастроф). Жизнь, в которой нарушился «интеллектуальный покой мира», а «обнажение новых тайн стало почти повседневностью»², действительно пугает своей непредсказуемостью. Вместе с тем следует учесть, что кризис — состояние неоднозначное. Наряду с глубоким потрясением, «таинственным распластыванием космоса» кризис обнажает то, что Н. Бердяев назвал «тоской человека <...> в своем творчестве по органичности, по синтезу», и в этом смысле кризис есть «зачуждение нового мира»³.

Багаж художественной памяти, опыт апробации музыкальных смыслов, языков, техник и звучностей подтверждают «готовность» культуры к обновлению и синтезу. Для художника (композитора, музыканта-исполнителя) сегодня важны осознание ответственности за звуковую среду культуры, понимание возможностей музыки («...безответственность есть одно из отличий несвободного состояния духа», по определению М. Мамардашвили).

Лидер музыкального авангарда, мастер радикальных экспериментов в музыке К. Штокхаузен в интервью с С. Савенко формулирует задачи композитора следующим образом: «У художника сейчас новая функция, и я думаю, что она заключается в том, чтобы буквально за волосы тянуть человека в будущее, ставить перед ним иные задачи, кроме выживания»⁴.

В дискуссии о векторах развития художественного опыта все более проникает понятие «постнеклассика». Пока не имеющая четких контуров (в отличие от сферы научного знания), в поиске новых стратегий музыкального творчества постнеклассика связывается с идеей органичности искусства, нелинейности и множественности метафорического толкования бытия, всеобъемлющим синтезом. В сущности, постнеклассическое понимание задач музыки сформулировал Лучано Берлиоз уже в 1980-е годы: «Впервые композитор получил возможность синтезировать разные типы мышления. Сейчас композитор имеет возможность осуществить мечту — отыскать связь между всеми музыкальными экспериментами»⁵.

Важный позитивный смысл межпарадигмальности подтверждается размышлениями академика

² *Налимов В. В.* Облик науки. СПб. ; М., 2010. С. 314.

³ *Бердяев Н. А.* Кризис искусства. Репринт. изд. М., 1990. С. 8.

⁴ *Композиторы о современной композиции.* М., 2009. С. 201.

⁵ Из беседы в Московской консерватории 1986 г. Цит. по: *Сokolov A. C.* Какова же она — «форма» музыкального XX века? // Музыкальная академия. 1998. № 3. С. 6.

¹ *Тарнопольский В.* В России бум современного искусства. URL: <http://izvestia.ru/news/670802>

Д. С. Лихачева о диалектике культурного процесса: «Новые культуры не самозарождаются в каком-то изолированном пространстве. Если такое и бывает, то такое одинокое саморазвитие не дает оригинальных и длительных результатов. В целом любая культура рождается “между” и не на пустой поверхности»¹.

Межпарадигмальность как одно из очевидных свидетельств кризиса цивилизации указывает и новые векторы поступательного развития, открывая широкие возможности на пути к обновлению научного, художественного, религиозного, политического сознания. При этом каждая жизненная сфера является проекцией общих процессов.

М. В. Силантьева²

КРИЗИС ЦИВИЛИЗАЦИИ В АКСИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Одной из фундаментальных проблем, связанных с *кризисом* культуры (то есть, если рассматривать культуру в линейном измерении, ее переходным состоянием от одной формы к другой), является проблема деформации ценностных баз (легал, кодов) и соответствующих им аксиологически заряженных отношений. В свою очередь, кризис современной цивилизации, ставящий под вопрос само будущее человека и человечества, обусловлен, как известно, целым рядом крупномасштабных социально значимых процессов, изменивших повседневные практики и повлиявших таким образом на определяемые ими отношения. В числе следствий подобных кардинальных сдвигов, как указывают эксперты, — спектр проблем техногенного характера, а также нарастание опасных для судеб человечества тенденций. Среди последних далеко не последнее место занимает деформация ценностных баз, поскольку это фактически стихийный ответ человечества на глобальные изменения, не прошедший пока в полной мере сито критического анализа со стороны науки и практики. Реальная апробация социокультурной «пригодности» многих из подобных деформаций вызывает большие сомнения в их перспективности.

С другой стороны, в обыденном сознании имеет место стремление закрепить уже апробированные модели, доказавшие свою адаптивную ценность, которая подтверждена длительным временем существования известных типов культур. Изучение подобных базовых элементов и определяющих их культурных констант (во всей полноте данного термина) — одно из перспективных направлений научного поиска. При этом научный подход требует целого ряда процедур, которые могли бы обосновать консерватизм в качестве осоз-

нанного цивилизационного выбора, отделяя его в качестве социальной модели от сходного с ним защитного механизма социальной психологии, склонной апеллировать к прошлому для легитимации желательного будущего. Очевидный минус такого «неразличения» (весьма распространенного в публицистике и отчасти в специальной литературе) — игнорирование сложности и неоднозначности самого пути трансляции традиции, на котором, понятно, прошлое никогда не может консервироваться в буквальном смысле, но всегда сопровождается теми или иными обновлениями.

Научный подход к проблеме деформации ценностных баз, таким образом, предполагает анализ соотношения положительных и отрицательных (как с точки зрения адаптивности, так и с точки зрения «вечных ценностей») результатов обновления, составляющих новые «деформированные» коды. Для реализации данной стратегии возможна опора на различные подходы, направленные на изучение тех или иных аспектов проблемы ценностей. Вместе с тем необходимо общее поле, способное объединить данные различных наук для создания объемных моделей ценностных трансформаций. Сама по себе аксиология, очевидно, нуждается при этом в более фундаментальной методологии, позволяющей проанализировать ее приемы в свете оснований самих ценностей или норм. В качестве возможного интегратора, с нашей точки зрения, в данном случае выступает философская антропология и философия культуры, которые ставят задачу исследования проблемы человека во всей ее полноте.

Итак, в рамках философской антропологии и философии культуры вопрос деформации ценностных баз приобретает специфический акцент, связанный со стремлением решить проблему человека, опираясь на знание нормативности в ее традиционном понимании — как системы предписаний, способствующих аккультурации индивидуумов с учетом необходимой корректировки этого процесса, связанной с неизбежной модернизацией или, по крайней мере, определенной трансформацией нормативности, возникающей во времени. Нормативность же опирается на еще более фундаментальные основания — смысловые интенции как «способ смыслополагания» (А. В. Смирнов).

Еще раз подчеркнем: характерное обращение к историческим аналогиям, свойственное общественной психологии, выступает здесь нередко лишь в качестве защитного механизма. Отсылки в прошлое,

¹ Лихачев Д. С. Два руся русской культуры // Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет : в 3 т. СПб., 2006. Т. 2. С. 75.

² Профессор кафедры философии МГИМО (Университет) МИД России, доктор философских наук. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч.: «Философия культуры Н. А. Бердяева и актуальные проблемы современности», «Аксиолого-этические аспекты межкультурной коммуникации в условиях глобализации», «Философия культуры Slavia Orthodoxa: глобальная коммуникация и национальный идентитет у размера лингвистичке культуре», «Новые принципы “философии границы” в глобальном мире — десуверенизация или “постсуверенизация”», «“Мягкая сила” культурных модуляторов современных модернизационных процессов» (в соавт.), «“Другой” в горизонте свободы (попытка диалога сквозь тусклое стекло стереотипов)», «Компаративный анализ ревитализации национально-культурного мифа в религиозном измерении: Россия vs Западная Европа» и др. Член Российского философского общества, иностранный член Сербской академии образования.

как правило, не могут воспроизвести всей полноты картины его действительности, со всеми плюсами и минусами реальной жизни. Поэтому простое воспроизведение нормативно-ценностной модели, некогда успешно функционировавшей, весьма затруднено как минимум из-за новизны контекста, в котором ее предполагается воспроизвести «для исправления нравов». В связи с этим необходимо отметить, что новому уровню развития материальной стороны жизни общества соответствуют новые социальные отношения, формирующие новые проблемные зоны и новые запросы к человеку в целостном понимании его антропологической сущности. Очевидно, что эта сущность если и не совпадает полностью с активным отражением общественных отношений в сознании и поведении, то как минимум зависит от них и одновременно влияет на их развитие. Соответственно изменяются как отдельные параметры аксиолого-антропологической матрицы, так и их суперпозиция, выявляющая комплексное взаимовлияние динамических подвижек в данной области.

Не менее важно указать, что кризисные явления в ценностном измерении человечности напрямую связаны с экзистенциальной проблематикой — кризисом смысла и переживанием этого кризиса в социопсихологическом ключе. Подобные явления наблюдаются прежде всего в тех сферах общественных отношений, которые прямо или косвенно связаны с трансляцией ценностей культуры: в образовании и просвещении, религиозной жизни, искусстве, политике (на неоднозначный характер политической модернизации и связи этого процесса с утратой жизненных ориентиров указывают многие авторитетные исследователи, включая академика Д. С. Лихачева) и т. п. То есть в тех областях, где наиболее остро дает о себе знать отсылка к нравственным координатам, на которые ориентируется человек. В свою очередь, отсылка к таким координатам неизбежно подводит к вопросу о смысле жизни, составляющему фундамент нравственности и вместе с тем имеющему большой метафизический (в аристотелевском смысле) вес.

Культура в таком случае — комплексный и в то же время компактный способ трансляции культурного наследия, позволяющий репарировать отдельные «неточные репликации» транслируемого таким образом условного культурного генома: ей свойственно «терять» со временем отдельные недоброкачественные инновации либо заменять вышедшие из строя по тем или иным причинам участки ценностных кодов. Подобное аксиологическое творчество в культуре — один из спо-

собов поддержания в рабочем состоянии тех механизмов, которые ответственны за воспроизводство жизненно значимых ценностей и их усвоение социальным организмом.

Важный вывод, который следует из предложенного подхода, состоит в утверждении частного характера современного кризиса, несмотря на то что это один из самых мощных и разрушительных для человечества кризисов антропологических и аксиологических констант культуры. Положительные установки в данном случае представляются обоснованными не только с психологической точки зрения: культура как система обладает высоким потенциалом самоорганизации, в настоящее время усиленным рефлексивными практиками поддержания нужных трендов и блокирования тех, которые содержат неоправданные риски. В конечном счете вопрос приоритетов в данном случае — это вопрос о границах свободы (а норма и есть такая граница, переведенная в ценностный сегмент того или иного культурного кода). Философия исторически много работала с темой свободы, в том числе в ее соотношении с законом и нравственностью. Обращение к рассмотрению конкретных культурных традиций в рамках культурологии, таким образом, уместно дополнять теми выводами, которые предлагает история философии. Наиболее существенные из них утверждают:

— ограниченность разума, чем, между прочим, обосновывают то значение, которое имеет для культуры сам феномен нормативизма, и одновременно показывают историческую ограниченность конкретных воплощений этой темы;

— единство общего, особенного и единичного: норма связывает конкретного человека (единичное), его культуру (особенное) и «человечность» как таковую (общее);

— свобода человека проявляется в нескольких видах, при этом «свобода от» является вторичной по отношению к «свободе для»;

— неизбежность кризисов, понимаемых в качестве «переходов» (как в рамках одного культурного типа, так и, возможно, линейных представлений о единстве человеческой культуры).

Итак, для рассмотрения кризиса цивилизации в аксиологическом измерении необходимо обращение к методологии философской антропологии и философии культуры, опирающееся на некоторые основные регулятивные идеи. Эти идеи сами выступают разновидностью нормативизма (на этот раз интеллектуального), составляя формальные условия существования культуры как таковой — ее *духовную* аксиоматику.

О. С. Соина¹

МОРАЛЬ И ЭТИКА БУДУЩЕГО: СОТЕРИОЛОГИЧЕСКИЙ АКЦЕНТ

Проблема будущего морали является одной из самых дискуссионных в современной философской литературе. Отчасти это связано с масштабными социально-политическими и экономическими переменами, происшедшими в человеческом обществе в конце XX столетия, и в какой-то мере — с острейшим духовным кризисом, переживаемым в целом всей европейской культурой и в значительной степени затрагивающим и Россию. Философы склонны делать из этого обстоятельство зачастую противоречащие друг другу выводы. Так, А. Макинтайр, в частности, утверждает, что эпоха всеобщности и универсальности моральных представлений безвозвратно канула в Лету. «...В области морали мы имеем лишь фрагменты концептуальной схемы, обрывки, которые в отсутствие контекста лишены значения. На самом деле у нас есть лишь подобие морали, и мы продолжаем использовать многие из ключевых ее выражений. Но мы утратили — если не полностью, то по большей части — понимание морали как теоретического, так и практического»². Сейчас мы фактически имеем дело с невозможной до сих пор предельной субъективацией и релятивизацией морали как таковой, утратившей к концу XX века такие качества и характеристики, как:

— присутствие в нравственном сознании личности и в системе социокультурных отношений четких критериев различения добра и зла;

— готовность духовной воли индивида к осуществлению *акции нравственного выбора* как в сфере поведенческих инициатив, так и в области мировоззренческих реалий — социально-гражданского и духовно-нравственного идеалов, осмысления целей и ценностей человеческого бытия;

— потребность в нравственном творчестве, самовыражении в сфере этических представлений, классифицировавшем и закрепившем в культуре размышления индивида о высших и совершенных типах человеческого поведения — благородстве, самоотверженности, бескорыстии, милосердии, самопожертвовании и т. д.;

— институализация основных этических нормативов, конкретизирующих моральные оценки и предписания в системе социально-гражданских отношений — общественном мнении, теории и практике нравственного воспитания, формах и методах управления и пр.

По мнению других философов, деперсонализация и десоциализация морали связаны отнюдь не с оскудением ее ценностного содержания, а, напротив, с по-

глощением ее пространством новых социокультурных смыслов — религиозных, эстетических, экономических, политических, технологических, представляемых новой эпохой становления и развития человечества — *эпохой постмодерна*. Согласно воззрениям П. Козловски, в переживаемой человечеством новой социально-исторической эпохе ни одна из форм человеческого знания (религия, наука, философия, мораль и др.) не является приоритетной и главенствующей, ибо любая из них представляет только одну из возможных «кстин» о бытии и потому ни в коей мере не может претендовать на универсальность своей позиции. «В философии и науке не всегда существует только один дискурс и одна самая прогрессивная ступень сознания, но в истории наряду друг с другом существует большее число вариантов исследований. <...> В культуре также не заложен автоматизм добра»³. Однако нельзя не заметить, что в данном случае мы имеем дело не с *релятивизацией* морали, а, скорее, с духовно-ценностным ее *редукционизмом*, как правило, возникающим в периоды острейших социальных потрясений и появления новых форм культурно-исторического бытия человечества. Так, например, в эпоху раннего Средневековья, когда ценности и нормы Античности практически исчерпали себя, а новые нравственные ценности еще не появились на свет, место морали оказалось занятым религиозной культурой, которая укреплялась, становилась все более влиятельной и во многом определяла поведение, житейские устои и духовно-нравственные идеалы человека той эпохи. Когда же ценности и идеалы Средневековья начали утрачивать свое влияние на нравственное самосознание личности, место *теономной* морали начала занимать не идея Божественного добра, воплощенного в образе Богочеловека Иисуса Христа, но идеал совершенной красоты сам по себе, независимо от того, кто являлся ее духовным источником — высшие надчеловеческие инстанции или обыкновенные земные люди, не наделенные исключительными нравственными добродетелями, но страдавшие почти сверхчеловеческой жадностью творчества.

Именно сакрализация творческих способностей человека и связанная с ней эстетизация действительности в эпоху Возрождения не могли не обесценить мораль как таковую, что, в свою очередь, не могло не дезорганизовать нравственную жизнь личности — вплоть до утраты ею основополагающих этических представлений. Потрясающий пример такой крайней расшатанности нравственного бытия человека, усомнившегося во всем, кроме чисто эмпирической реальности любовного чувства, нам оставил великий Уильям Шекспир в своем знаменитом 66-м сонете:

Зову я смерть. Мне видеть невтерпех
Достоинство, что просит подаянья,
Над простотой глумящуюся ложь,
Ничтожество в роскошном одеянье,
И совершенству ложный приговор,

¹ Профессор кафедры философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики (Новосибирск), доктор философских наук. Автор более 130 научных публикаций, в т. ч. : «Этика и нравственная жизнь человека» (в соавт.), «Русский мир в воззрениях Ф. М. Достоевского» (в соавт.), «Аберрации совести» (в соавт.), «Культурообразующее значение этики Сократа», «Онтология совести» (в соавт.), «Стереотипы философского знания» (в соавт.), «Экзистенциальная философия права Ф. М. Достоевского» и др.

² Макинтайр А. После добродетели. М. ; Екатеринбург, 2000. С. 7.

³ Козловски П. Культура постмодерна. М., 1997. С. 32, 217.

И девственность, поруганную грубо,
И неуместной почести позор,
И мощь в плену у немощи беззубой,
И прямоту, что глупостью слывет,
И глупость в маске мудреца, пророка,
И вдохновения зажатый рот,
И праведность на службе у порока.
Все мерзостно, что вижу я вокруг...
Но как тебя покинуть, милый друг!¹

Утрата современным социумом единой ценностной нормозадающей всеобщности, исторически и социокультурно отождествляемой с «моралью», на наш взгляд, не должна настраивать исследователей слишком пессимистически. По существу, хотим мы этого или нет, но именно трагические противоречия нравственного бытия современного человека, разуверившегося во всем, кроме безудержной жажды существования «несмотря ни на что» и «вопреки всему», вызывают нас не только к новому оправданию морали (как сказал бы Вл. Соловьев), но и к новому *оправданию* этики как философскому знанию о реалистических и конкретно-достоверных способах восстановления у человека самой способности жить и действовать нравственно обоснованным образом, воссоздавая возможности новых связей, союзов и отношений.

Морали, стремящейся вновь завоевать симпатию и внимание человечества, необходимо выйти из сферы сугубо нормативных предписаний и социокультурной дрессуры, фактически усваиваемых сугубо рациональным, рассудочным образом, и обрести себя в *сверхразумности*, то есть в том, что находится гораздо выше способностей эмпирического человека и благодаря чему он получает возможность жить обновленной и преображенной жизнью, изменяя себя и окружающий его мир. Это сверхрациональное, *духовное* измерение морали, воссоединяющее человека, несмотря на все его житейское несовершенство, с «миром горним и высшим» (по выражению Ф. М. Достоевского), глубоко осознавали великие мастера слова.

О морали, которая не ищет «своего» — нормативного и нравственно-безупречного, но предпочитает человека во всей полноте имеющегося в нем хорошего и дурного, свободного настолько, насколько свободен в нем извечный порыв к сверхрациональной полноте божественного совершенства, писала в свое время великая французская писательница Жорж Санд, по своему и очень глубоко ощущавшая коллизию между моралью «долженствования» и реалиями нравственного бытия человека. Вот как одна из ее лучших героинь певица Консуэло характеризует артистические нравы своей эпохи, замечая, что, несмотря на все свои дурные качества, люди поразительным образом оказываются способными быть *выше* самих себя: «Человеческая душа даже в заблуждении сохраняет нечто благодатное и великое, к чему чувствуешь уважение и в чем с радостью находишь те священные следы, которые являются как бы печатью Божьей десницы. Там, где можно пожалеть, найдется и что простить, а где есть что простить <...> там есть за что полюбить. Эта бедная Корилла, живущая как животное, иногда поступает

как ангел. <...> Я чувствую, что если останусь артисткой, то должна привыкнуть без ужаса и гнева смотреть на все эти гнусности, среди которых протекает жизнь погибших женщин. Ведь и они, эти падшие, колеблются между жаждой добра и влечением к злу, между опьянением и раскаянием. <...> Мое сердце призвано сочувствовать, помогать, жалеть и утешать»².

Итак, если мораль определяется тем, насколько она способна стать *духовной* в полном и серьезном значении этого слова, то какой же должна быть современная этика как учение о нравственных устремлениях человека, зачастую превышающих его сугубо эмпирические возможности?

На наш взгляд, *этика будущего*, обращенная к высшим духовным возможностям человека и при этом отнюдь не пренебрегающая его сугубо земным предназначением, уже не может довольствоваться абстракциями, но вынуждена обратиться к тем простым и ясным основаниям человеческой нравственности, которые вопреки многочисленным теориям о ней являются настолько очевидными и неопровержимыми, что вполне доступны самым невзыскательным и не мудрствующим лукаво обычным земным людям. Представляется, что этика будущего неизменно будет так или иначе связана с идеей спасения всех тех, кто вопреки приоритетным устремлениям современной эпохи возжелал сохранить свою душу в вечности и по мере своих сил и возможностей обезопасить как собственное существование, так и бытие своих ближних на земле. На какое же этическое понятие она должно опираться, чтобы определить себя в аспекте нравственно-философского знания?

Согласно нашему убеждению, таким универсальным понятием, в равной мере объединяющим сверхрациональные устремления морали будущего и жизненно-прагматические упования этики, может быть только феномен *помощи человеку человеку*, преодолевающий ужас и безысходность этого мира и вместе с тем свидетельствующий о неискоренимом благородстве человеческой души, не признающей моралистической селекции различных представителей человечества на извечно «плохих» или извечно «хороших» и помогающих и тем и другим на том основании, что все они так или иначе являются людьми. Так, именно в помощи воссоединяются и духовные, и моральные аспекты этики, ибо, возникшая из аффектированного нравственного переживания — страдания, вызванного впечатлением от чужого несчастья (вспомним евангельскую притчу о добром самаритянине), она неизбежно предполагает целый комплекс разделенных нравственных чувств: со-страдания, со-чувствия и со-причастия, счастливым итогом которых оказывается отнюдь не тот или иной моральный принцип, нежелание переделать мир по «новому штату», но направленная на скорбящего «деятельная любовь» (выражение Ф. М. Достоевского), дарующая ему новую достойную жизнь. Только во взаимопомощи, понимаемой как основание будущей этики, возникают и альтернативные формы некой новой социальности, противоположные антиэтическим в своем предметном значении идеям самодостаточно-

¹ Шекспир У. Полное собрание сочинений : в 8 т. М., 1960. Т. 8. С. 460.

² Санд Ж. Консуэло. СПб., 2007. Кн. 2. С. 425.

сти индивида, добывающегося успеха «любой ценой». По существу именно эти древние, как мир, но при этом вечно актуальные структуры нравственных взаимоотношений и будут составлять сущность и содержание этоса будущего, возникающего как бы вопреки «веяниям времени» и нивелирующим тенденциям общесоциального прагматизма.

На наш взгляд, именно в идее помощи, глубоко отвечающей сущности нравственной природы человека и вместе с тем составляющей суть и смысл любого подлинно *морального действия*, как ни в каком ином понятии, выявляются духовно-антропологические основания этики, дополняющие друг друга именно вследствие их принципиальной неразделимости в реальной нравственной жизни.

Так, по существу, в духовном смысле любая помощь *безмерна*, ибо никакое ответное действие не может покрыть в равной мере полноту проявленного милосердия и уж тем более «скалькулировать» его материальное содержание.

Будучи «сверхразумной» в своих житейских проявлениях, помощь никогда не укладывается в границы рационально-утилитарных отношений, но всегда превосходит их тем или иным образом. Именно в помощи, щедрой, индетерминированной и всегда бескорыстной, побеждается рационалистический эгоизм индивидуалистической самодостаточности, ибо, помогая друго-

му, человек полностью забывает о себе, спасая подлинность человеческих отношений.

Представляя собой уникальный в своем роде способ *расширения духовных возможностей* человека (вспомним знаменитое суждение Спасителя о том, что именно в помощи «...левая рука твоя не знает, что делает правая...»¹), в сотериологическом смысле именно помощь есть *то*, что парадоксальным образом оказывается наверху всех человеческих отношений, утверждая одновременно и их высшие трансцендентные возможности, и их сугубо земную эмпирическую основу.

В этическом смысле помощь глубоко и последовательно *неморалистична*. Будучи неизбирательной в своих предметных основаниях и не осуществляя селекцию на «достойных» и «недостойных» поддержки и участия, помощь, вопреки многим абстрактно формулируемым этическим принципам, исходит из убеждения в нравственной целостности человечества, где все спасают всех, движимые единым и всепобеждающим порывом милосердия.

Являясь глубоко парадоксальной в сугубо нравственном отношении, поскольку в реальной нравственной жизни добрые нередко помогают злым, а злые — добрым, помощь фактически предполагает, что *нравственно недостойных попросту не существует*, за исключением тех, кто почему-либо оказался вне сферы естественных человеческих взаимосвязей.

А. В. Сокольская²

КОНФЛИКТ ЦИВИЛИЗАЦИЙ: ПЕРВОПРИЧИНЫ И КОНТУРЫ БУДУЩЕГО

По утверждению С. Хантингтона, важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой. Поэтому первопричину всевозможных конфликтов между цивилизациями необходимо искать в культуре. По нашему мнению, культура любого социума предстает как целостная многоуровневая и развивающаяся система, имеющая уникальный генетический код. О наличии в правовой культуре некоего «ядра» писали многие ученые. Так, академик В. С. Степин утверждает, что «тело культуры» представляет собой сложно-организованную систему биологических (природных универсалий) и надбиологических (культурных универсалий) программ деятельности, поведения и общения человека.

Культуры, имеющие общий генетический код, могут объединяться в глобальные социокультурные общ-

ности, которые в научной литературе обозначаются как: «культурно-исторический тип» (Н. Я. Данилевский), «цивилизация» (А. Дж. Тойнби), «культурная суперсистема» (П. Сорокин) и др. Наиболее употребим сегодня термин «цивилизация».

Если под цивилизацией мы понимаем совокупность культур различных социумов, имеющих общий генетический код, то признаками-критериями отнесения культур различных социумов к определенной цивилизации будут:

— одинаковая системно-иерархическая структура вариантной взаимосвязи типов мышления. О том, что каждой культуре свойственны определенные стили мышления, писал еще А. Дж. Тойнби. Таким образом, уникальность культуры обусловлена определенным сочетанием в ее генокоде способов познания, выражения и понимания реальности. При масштабном типологическом сопоставлении в каждой цивилизации можно обнаружить свои специфические «сплавлы» типов мышления. Так, современный исследователь ментальности народов мира Г. Гачев предположил, что в основе представлений о целостности бытия лежит определенная логика мышления, национальный Логос (идеи-видения, интуиции, схемы, модели, в рамках которых народу свойственно представлять все явления). Чтобы выявить национальный Логос, необходимо целостность бытия одного народа сравнить с аналогич-

¹ Мф. 6 : 3.

² Доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Государственного гуманитарно-технологического университета (г. Орехово-Зуево Московской обл.), кандидат юридических наук. Автор более 130 публикаций, в т. ч. монографий: «Культурологические основы современных концепций права», «Взаимодействие правовых культур в историческом процессе», «Евразийская правовая культура: особенности формирования и перспективы развития», «The Interaction of legal systems» (в соавт.) и др., статьи «Конвергенция правовых культур на евразийском пространстве», а также учебных пособий и методических рекомендаций по проблемам истории и теории государства и права, формирования профессиональных компетенций юристов-бакалавров.

ной целостностью другого. На этом фоне национальные логики, как верхушка айсберга, будут узнаваемы и понятны;

— общие мировоззренческие универсалии. Они включают не только социально осознанные явления (обычаи, традиции, ценности и т. д.), но и социально бессознательные (поведенческие реакции: жесты, манеру общения и др.). Мировоззренческие универсалии (одна из составляющих генокода) закрепляют социальный опыт в системе координат жизнедеятельности конкретного сообщества, транслируют его последующим поколениям, обеспечивают воспроизводство определенного образа жизни. Они выступают в качестве остова (каркаса) социальной культуры, так как предопределяют сцепление, воспроизводство и вариации всего многообразия конкретных форм и видов социального поведения и деятельности, характерных для данного сообщества. Для членов общества смыслы культуры, образцы поведения и деятельности выступают как нечто само собой разумеющееся, как презумпции и аксиомы, в соответствии с которыми они действуют. Порой это может даже не осознаваться членами сообщества, они просто поступают так, как считают верным в конкретную историческую эпоху. Эти универсалии предстают как базисные социокультурные ценности (справедливость, равенство, свобода, отношение к власти и т. д.), с позиций которых в обществе оцениваются те или иные поступки и действия;

— общность культурно-исторических форм социальной нормативности (нормы, способы воспитания, общественные отношения, образцы поведения и т. д.), которые образуются в результате тесного продолжительного взаимодействия культур различных социумов. Многие современные цивилизации сформировались в результате длительного межкультурного взаимодействия. Например, древнекитайская культура постепенно становится донором, своеобразным культурным центром для соседних народов. Будучи культурой доминирующего этноса, она устанавливает различные функциональные связи с соседями. Функциональные связи объединяют отдельные этнические культуры в общую культурную систему, а системы — в культурную целостность (цивилизацию). Таким образом, в результате межкультурного взаимодействия и общего культурно-исторического развития формируется генетический код, объединяющий культуры социумов, проживающих в данном регионе. В границах одной цивилизации благодаря общему культурному генокоду наличествует внутренняя «культурная эндогамия», подразумевающая совместимость социокультурных достижений.

Исходя из того, что генетических кодов в процессе культурогенеза образуется определенное количество (не более шести), можно предположить, что и цивилизаций, в которые могут объединиться культуры различных социумов, будет столько же. Условно выделим шесть современных цивилизаций:

— *латиноамериканскую* (культуры сообществ, населяющих Мезоамерику и Южную Америку);

— *евроамериканскую* (культуры социумов Западной Европы и Северной Америки);

— *ближневосточную* (культуры исламских сообществ на Ближнем Востоке и в Северной Африке);

— *южноазиатскую* (культуры социумов, населяющих индийский субконтинент);

— *восточноазиатскую* (культуры сообществ, проживающих в Китае и Восточной Азии);

— *центроевразийскую*.

Рассмотрим, например, центроевразийскую цивилизацию, к которой относятся культуры постсоветских сообществ. Им присущ генокод с системно-иерархической структурой вариантной взаимосвязи типов мышления — интуитивное–чувственное–рациональное. Издавна религиозно-мифологическим культурам народов Евразии была свойственна адаптация ортодоксальных религиозных канонов к собственным обычаям и традициям. Например, определяющим фактором принятия славянами-русичами православия стало его относительное тождество ментальным установкам славянской культуры. Мистичность современной русской культуры унаследована от язычества. Для центроевразийской цивилизации характерна своя исторически сложившаяся матрица типизаций социально значимого поведения и оценок, своя схема смыслообразования. Ей свойственны иррациональность, архаичность, мифологичность, аполитичность, уравнительность и т. д.

Каждая из выделенных нами современных цивилизаций имеет универсальную возможность стать в будущем центром интеграции. Поэтому сегодня глобальные вызовы надо исследовать в контексте не противостояния Запада и Востока, а как оспаривание определенного направления цивилизационного развития, одного из шести возможных.

Таким образом, основная проблема конфликта между цивилизациями заключена в том, что во взаимодействие вступают культуры, имеющие разные генокоды. Западноевропейский рационализм непонятен центроевразийскому мистицизму и восточноазиатскому эстетизму, так как в их основании находятся иные культурные генокоды. Это означает наличие существенных различий в культурных моделях, базовых ценностях, традициях, ментальности контактирующих социумов и т. д. Вместе со знанием, информацией, институтами, научной картиной мира взаимодействуют разные смыслы мировоззренческих универсалий, конкурирующие за приоритеты, в этой борьбе либо побеждает одна или другая культура, либо рождается нечто третье, отличное от предшественников. Однако культуры, принадлежащие к разным цивилизациям, имеют нечто общее, родовое — природные (биологические) универсалии. Именно общность природных универсалий (другая составляющая генокода) позволяет представить Человечество как единую историческую общность. Поэтому для предотвращения столкновений, конфликтов между современными цивилизациями необходимо налаживание толерантного и конструктивного межкультурного взаимодействия внутри общей человеческой цивилизации.

О. И. Ставцева¹

КРИЗИС ЦИВИЛИЗАЦИИ КАК ГОСПОДСТВО ТЕХНИЧЕСКОГО

Мысли о кризисных явлениях в развитии цивилизации не новы, они развиваются в русской и европейской философии уже более ста лет. Существенные изменения культуры становятся очевидны с Нового времени, метафизическим основанием которого выдающийся немецкий философ М. Хайдеггер считает «опредмечивание сущего в представлении»². В эту эпоху любое сущее становится объектом деятельности человека, прежде всего познавательной, то есть оно может быть представлено так, чтобы человек имел к нему доступ, обеспечил себя со стороны этого сущего. Истина превращается в достоверность представления. Мир, то есть сущее в целом, воспринимается как картина, конструкт представленности. Перечисляя основные явления Нового времени, Хайдеггер включает в них науку, машинную технику, а также искусство, которое «вдвигается в горизонт эстетики»³. Сущность новоевропейской науки реализуется в технике, основную черту которой Хайдеггер описывает как инструментальность⁴.

Хайдеггер характеризует новоевропейскую цивилизацию, основанную на науке, понимании истины как достоверности и господстве техники, как опасную, но все-таки не утратившую возможности для спасения. Ее опасность прежде всего в разрушении человека как хранителя истины бытия, превращении человека в технического сотрудника, своего рода приставку к технике, рациональное существо, которое и само превращает свою жизнь в объект, трансформируемый с помощью техники.

Сущность техники Хайдеггер определяет как постав, нечто пребывающее, которое не есть осуществление. Но только осуществляющееся пребывает. «О-существование впервые только и наделяет человека той долей участия в раскрытии, какого требует событие выхода в непотаенность. Человек сбывается только в со-бытии истины как требующийся для нее»⁵. Человек обретает свое высшее достоинство в том, чтобы беречь непотаенность. Техника, постав несет в себе опасность, поскольку втягивает человека в поставляющее производство как единственный способ отношения к истине, но в этой опасности пребывает спасительное, поскольку заставляет задуматься о принадлежности человека к осуществлению истины. Эту соединенность

опасности и спасительного Хайдеггер неоднократно проясняет на протяжении всего текста своего доклада «Вопрос о технике», определяя своеобразие современной эпохи как соединение двух взаимоисключающих явлений: планетарного технического производства и тайны бытия.

Тема возможного разрушения человека, его кризиса в современной цивилизации, осмысленная Хайдеггером в середине XX века, актуальна и для современных авторов. Рассмотрим эти моменты подробнее.

Первый момент: это кризис человека как представителя определенной культуры, кризис цивилизационной идентичности. О цивилизационной идентичности в последнее десятилетие много пишут как российские (И. В. Кондаков, К. Б. Соколов, Н. А. Хренов⁶, А. П. Марков⁷ и др.), так и зарубежные авторы (З. Бауман⁸).

Российские авторы считают, что причинами кризиса национальной идентичности являются современные глобализационные процессы, а также процессы, их вызвавшие и сопутствующие им: деколонизация, урбанизация, развитие коммуникаций, миграция населения. Глобализация создает угрозу для национальной идентичности, поскольку приводит к тому, что отношения людей выходят за рамки национально-государственных общностей, приобретают транснациональный характер⁹. Национальные культуры в эпоху глобализации сталкиваются с сильным влиянием других культур, навязыванием другого образа жизни, приобщения к нему, копирования, заимствования, происходящими через восприятие культурных потоков. Реакцией на расшатывание рамок традиционной идентичности является стремление сохранить собственную этнокультурную, национальную идентичность. Формы и виды проявления кризиса идентичности многообразны: «Современный кризис идентичности обнаруживает себя в различных формах: в депрессии и апатии, в бессмысленной жестокости, в различных формах зависимости и беспомощности, в стремлении убежать от реального мира, в проявлениях властности, в различных формах мистицизма, нигилизма и нарциссизма, в алкоголизме, употреблении наркотиков, в сексуальных извращениях»¹⁰.

Второй момент: кризис человека — это и кризис персональной идентичности. Крупный западный теоретик З. Бауман связывает центральное место, занимаемое проблемой идентичности в современных интеллектуальных дискуссиях, с характерными чертами

¹ Заместитель декана факультета культуры СПбГУП по научной работе, доцент кафедры философии и культурологии, кандидат философских наук. Автор более 50 научных публикаций, в т. ч.: монографии «Хайдеггер и восточная философия: поиски взаимодополнительности культур» (в соавт.), статей «С. Кьеркегор и западная религиозно-философская культура XX века», «В кругах сравнения... Понятие “экзистенция” у Шеллинга, Кьеркегора, Хайдеггера», «Гегелевское понятие признания, принцип толерантности и мультикультурализм», «Диалог культур на фоне кризиса мультикультурализма», «Ценности и смыслы в эпоху глобализации» (в соавт.) и др.

² Хайдеггер М. *Время картины мира* // Хайдеггер М. *Время и бытие. Статьи и выступления* : пер. с нем. М. : Республика, 1993. С. 48. (Мыслители XX в.).

³ Там же. С. 42.

⁴ Хайдеггер М. *Вопрос о технике* // Там же. С. 225.

⁵ Там же. С. 236.

⁶ Кондаков И. В., Соколов К. Б., Хренов Н. А. *Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты*. М. : Прогресс-Традиция, 2011.

⁷ Марков А. П. *Русская цивилизация в глобальном мире: вызовы, угрозы, ресурсы преобразования* : электрон. изд. СПб. : СПбГУП, 2017. (Новое в гуманитарных науках ; Вып. 69).

⁸ Бауман З. *Индивидуализированное общество* / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Логос, 2002.

⁹ Кондаков И. В., Соколов К. Б., Хренов Н. А. *Указ. соч.* С. 5.

¹⁰ Там же. С. 8.

модернити в целом¹, чем близок в оценке проблемы со взглядами М. Хайдеггера на новоевропейские истоки современного кризиса цивилизации. В Новое время, в эпоху модерна была отброшена мысль о природе человека как о чем-то неизменном, данном свыше, как о результате божественного творения. Вместо этого возникает идея о собственной жизни как задаче, плане, который нужно выполнить, «идентичности, за которой нужно следить и которую нужно поддерживать в соответствующей форме»². В условиях разрушения сословных рамок перед человеком встала задача собственного самоопределения, что, однако, не вызвало свободно-движения индивидов, так как сословия сменились классами³. Но иначе обстоит дело сейчас, в эпоху, как говорит Бауман, «текучей современности», когда места в обществе, которые хотят занять люди, быстро трансформируются, а цели нечеткие и хрупкие. Сейчас основная проблема идентичности, по словам Баумана, состоит в следующем: «вопрос в том, какую идентичность выбрать и как суметь вовремя сделать другой выбор, если ранее избранная идентичность потеряет ценность или лишится ее соблазнительных черт»⁴. Основной ценностью в такой ситуации являются сохранение свободы маневра, воздержание от обязывающего выбора, что противоречит обретению четкой идентичности, придающей всему целостность и завершенность. Поэтому текучесть, неопределенность составляют основную черту нашей эпохи. Мы никогда не останавливаем процесс идентификации, сегодня мы вовлечены в него как в реальном, так и в виртуальном мире, мире социальных сетей.

Известный российский философ, яростный критик постмодернизма В. А. Кутырёв в своем подходе

к описанию кризиса человеческой идентичности близок к Хайдеггеру в определении истоков этого кризиса. В. А. Кутырёв рассматривает развитие цивилизации как движение от мифа к Логосу, а далее к матезису, рационализации, порождающей на определенном этапе технику, которая в целом трансформирует жизнь людей, порождая технико-информационную цивилизацию, потребительское общество⁵. Если Хайдеггер в середине XX века видит в рациональном техническом новоевропейском мире как опасность, так и спасительное, то Кутырёв на исходе XX — в начале XXI века однозначно считает современный этап развития постчеловеческой стадией цивилизации, в которой человек стал средством развития технологий, трансформировав (убив) Живое Слово (Логос) в рацию. Человеческое В. А. Кутырёв связывает со словом, смыслом, языком, телесностью, этносом, полом, религией, моралью, духовностью, личностью, интерпретирующим мышлением; в противоположность этому постчеловеческое — это матезис, дигитальная запись, формальное мышление — исчисление, информация. Постчеловек — мыслящий зомби, не осознающий себя, живущий реализацией запрограммированных потребностей.

Безусловно, описанные нами кризисные процессы рационализации, модернизации, технологизации, приводящие к разрушению идентичности человека, являются тревожащими. Будущее человечества видится нам связанным с сохранением идентичности человека, в том числе цивилизационной, переходом от неустойчивого, «текучего» состояния развития к устойчивому, что, безусловно, связано, как сказал М. Хайдеггер, с мышлением бытия и хранением истины бытия в слове.

Б. А. Титов⁶

КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ГЛОБАЛЬНОГО ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Мы являемся свидетелями и участниками чрезвычайно сложных процессов, охватывающих важные сферы социальной практики. При этом имеет место взаимодействие финансовых, экономических, социально-культурных, психологических факторов, которое, с одной стороны, порождает своеобразные синергетические эффекты, когда одни факторы стимулируют проявление и действие других, с другой — существен-

но затрудняет подход к анализу и прогнозу происходящих процессов в силу неготовности отраслевых наук к анализу и прогнозу темпов, векторов, интенсивности и других параметров данных процессов.

Нынешний финансово-экономический кризис экономическая наука объясняет многословно, но малоубедительно. Традиционные объяснительные модели, основанные на анализе объективных показателей экономики, явно не подходят для исчерпывающего анализа причин и механизмов развития этого кризиса. Его нельзя трактовать исключительно в категориях перепроизводства. На приемлемом уровне такие ключевые показатели, свидетельствующие о благополучии экономики, как производительность труда, соотношение спроса и предложения в основных сегментах рынка, средняя норма прибыли и т. д. В силу этого на авансцену выходят объяснительные модели, основанные на сочетании подходов и методов различных наук, в числе которых культурология занимает не последнее место.

¹ Бауман З. Указ. соч. С. 177–178.

² Там же. С. 179.

³ Там же. С. 182.

⁴ Там же. С. 183.

⁵ Кутырёв В. А. Последнее целование. Человек как традиция. СПб.: Алетейя, 2015. С. 45. (Сер. «Тела мысли»).

⁶ Профессор кафедры конфликтологии СПбГУП, доктор педагогических наук. Автор более 50 научных и учебно-методических публикаций, в т. ч.: «Организация и методика работы детского самостоятельного объединения», «Семейная драма глазами ребенка» (в соавт.), «Концепция детско-юношеского досуга в контексте социальных перемен», «Сущность и генезис социализации детей, подростков и юношества», «Особенности мотивационного компонента учебной и социальной деятельности у школьников с дизорфографией», «Homo amans — человек любящий» и др.

Экономика — это, как известно, огромная область деятельности, обеспечивающая материальные условия жизни. Однако сегодня она включает не только производителей материальных благ, но и банковскую деятельность, финансовые рынки, биржевые структуры, финансовых аналитиков, ученых и т. д. Многие процессы в современной экономике развиваются не столько по объективным законам, сколько под влиянием различных научных школ, политико-правовых решений. Немаловажно и то, что экономика в последние десятилетия существенным образом виртуализировалась.

В этом контексте переживаемый кризис можно объяснить тем, что в 1970-е годы завершилось формирование англо-американской монетаристской модели. Особенностью этой модели была легитимизация безграничных финансовых спекуляций, приводящая к сверхконцентрации капитала. В эти годы достигла своего «совершенства» несправедливая для большинства населения налоговая система. Это налоговое бремя как бы компенсировалось расширением возможности жить в долг, что стало отчасти результатом интенсивных рекламных кампаний, приучающих сознание массового потребителя к нормальности и желанности пользоваться тем, что ему не принадлежит. Люди в массовом порядке начали жить в домах, которые принадлежали банкам, ездить на машинах, взятых в кредит, пользоваться бытовой техникой, купленной в долг. Внешне все выглядело благополучно, ВВП показывал интенсивный рост, но это уже был мир не столько реальный, сколько иллюзорный. Во многом этому способствовала многоярусная система ничем не обеспеченных деривативов, представляющих собой финансовый инструмент, отличительная особенность которого состоит в том, что суммарное количество обязательств по деривативу не связано с количеством базового актива, обращающегося на рынке. Для его приобретения не требуются значительные средства, расчеты по нему осуществляются в будущем. В итоге возник рынок ничем не обеспеченных бумаг, которые бесконечно перепродавались, но за которыми практически ничего не стояло. Однако деривативы неслучайно называют «мыльными пузырями» экономики — с одной стороны, их существование поддерживается элементарной человеческой алчностью, с другой — они лопаются в одночасье, как только на рынке начинается паника.

Экономическая наука в XX веке выработала систему индикаторов и критериев, которые описывали состояние экономики в символических категориях. На смену классическим показателям эффективности, таким как, например, затрата труда на единицу продукции, то есть производительность, пришли разного рода критерии, носящие во многом символический характер (учетные ставки, курсы национальных валют, биржевые индексы и т. д.), фиксируемые финансовыми институтами — биржами и банками, различными консалтинговыми фирмами, рейтинговыми агентствами и др.

Это кривое зеркало — виртуальная по своей природе структура экономических показателей и косвенных индикаторов, фиксируемых финансовыми институтами, — в целом соответствовало природе виртуальной

экономики и со временем стало важнейшей частью инфраструктуры всемирной экономики.

На смену классической политэкономии и экономической теории пришла макроэкономика с инфраструктурой экономической диагностики, с правилами «виртуальной» экономики, игнорирующими процессы в реальных секторах производства, с «рекламными миражами» себестоимости и цены произведенного продукта¹. Макроэкономическая идеология породила свой язык, отличающийся образностью и восторженностью. Этот язык был хорошо понятен прессе и приятен для массового сознания. Его ключевыми категориями были понятия «экономическое чудо», «тигр». Газеты наперебой писали о японском чуде, южнокорейском и других экономических «тиграх». Однако в 1998 году «мыльные пузыри» виртуальной экономики начали лопаться, сначала в странах Юго-Восточной Азии, где произошел системный кризис, признаками которого стали обвалы национальных валют, падение котировок акций, снижение индекса деловой активности, сокращение потока инвестиций и т. д.

Поиски объективных причин кризиса в каждой стране (Южной Кореи, Японии, Индонезии и др.) упирались в явную немотивированность происходящих больших (национальный уровень) и малых (корпорация, фирма) финансовых катастроф. Причина в значительной степени лежала в сфере действия психологических механизмов. Символическую систему параметров, отражающих состояние экономического организма, можно уподобить ситуации с новым платьем короля, описанной в известной сказке Х. К. Андерсена. Пока все верили, что на короле платье, пока все делали вид, что все хорошо, была одна ситуация. Но вышел мальчик, который все испортил, — он воскликнул, что король-то голый. И тут все увидели то, что и так было очевидно. Символическая составляющая макроэкономики делает ее чрезвычайно зависимой от веры, которая, в свою очередь, испытывает влияние общественного мнения, разного рода слухов, заявлений и других вербальных факторов, в той или иной мере отражающих (или имитирующих) настроения крупных игроков экономических рынков.

В этой ситуации экономические потрясения могут спровоцировать не только и не столько реальные проблемы (такие как, например, техногенные или природные катастрофы), сколько целенаправленную панику. В результате возникает парадокс — не экономика влияет на показатели, а показатели начинают управлять экономическими процессами. Они обнуляются или выходят за все мыслимые пределы, аналитики прибегают к сугубо математическим величинам типа «мнимые числа», пытаясь таким образом объяснить те или иные сбои в реальной системе хозяйствования. Иными словами, кривое зеркало становится онтологическим фактором, творящим мир реальный.

Нынешний мировой экономический кризис развивается по тому же сценарию, хотя пока реализуется его более мягкая версия. Тем не менее его причи-

¹ См.: Секацкий А. Тигры исчезают в полдень (кризис репрезентации). URL: <http://www.zhurnal.ru/polit/articles/seca.html>; Он же. Закат предпринимательства как угроза человечеству? // Известия. 2016. 5 сент. URL: <http://izvestia.ru/news/550696>

ны и механизмы все те же. Их истоки, мировоззренческие и ценностно-ориентационные причины коренятся в экономической модели, зародившейся в Западной Европе во времена Реформации. XIV–XV века — это время духовного кризиса западноевропейской цивилизации и период формирования той идеологии, которая легла в основу современной западной цивилизации. В мировоззренческом плане Реформация, получившая свое оформление в кальвинизме и протестантизме, осуществила ревизию этического идеала христианства. Этот идеал находит свое концентрированное выражение в системе ценностей. В христианстве они сформулированы в Нагорной проповеди. Предложенные в ходе Реформации новые смыслы человеческого бытия и человеческой истории были сконцентрированы в идее избранных, ценностях богатства и успеха в мирской деятельности. Блаженством наделили богатых и успешных, которые за счет своей активности и трудолюбия преобразуют мир в своих целях. Ценностно-ориентационная матрица, которая была предложена общественному сознанию и заложена в основание современной цивилизации капитализма, логически выстроена и проста, что придает ей убедительность: «работа — высшая форма религиозного служения; богатство — ведущий критерий богоизбранности».

Эта идеологическая матрица была органично вписана в соответствующую картину мира, в которой жизнь рассматривалась как пространство личностной самореализации, а природа выступала как некая «мастерская» (как тут не вспомнить Базарова из романа И. С. Тургенева «Отцы и дети», где как раз показан конфликт этих двух идеологий), где нужно работать, овладевать этой природой, совершенствоваться и т. д. Утверждение этой парадигмы в массовом сознании открыло пространство для безудержной активности человека в плане демонстрации своей богоизбранности. Этого можно было достичь успехами, которые могли быть завоеваны исключительно за счет невероятной активности и энергии в бизнесе, науке, других областях социальной практики. Фактически эта идеология стала основой современной западной цивилизации.

Разумеется, новые ценности утвердились в общественном сознании и официальной идеологии не сразу. Процесс обретения культурной легитимности занял более двух веков. На протяжении практически всего XVI века шла зримая и незримая мировоззренческая революция, в XVII веке новая система ценностей стимулировала промышленную революцию, а XVIII век становится временем окончательного оформления капитализма как целостной цивилизации. Что же касается идеологии общества потребления (с такими ее атрибутами, как успех, богатство, материальное благополучие, погоня за статусами) как мировоззренческой основы западной цивилизации, то окончательно она оформилась во второй половине XX века.

Общество потребления — это мировоззренческая модель, в которой базовые ценности культурно оправданы и опираются на основные человеческие потребности. Как известно, дьявол кроется в деталях — с одной стороны, человеку для обеспечения жизнедеятельности нужны пища, кров, одежда и т. д. С дру-

гой — в рамках идеологии общества потребления все становится гипертрофированным — обладание становится целью и смыслом жизни. Соответственно формируется навязчивое стремление постоянно наращивать качество и количество потребления. Это формирует потребительскую зависимость, которая побуждает человека работать сверх всяких разумных физических пределов и деструктивна по своим последствиям для души. Рост материального благополучия сопровождается атмосферой постоянного страха потерять. Рационализация и инструментализация человеческих отношений лишают эти отношения собственно человеческого содержания и смысла, ведут к деградации человеческой духовности. Человек подчас приносит в жертву материальному благополучию такие ценности, как дружба, семейное счастье, сострадание к ближнему. Наконец, гипертрофированное стремление к успеху любой ценой, к успеху как смыслу жизни считается нормой и благодетелью¹. Между тем это все не что иное, как проявление человеческой гордыни, которая в христианстве считается одним из смертных грехов (наряду с завистью, гневом, отчаянием, сребролюбием).

Как представляется, основной причиной современного мирового финансово-экономического кризиса является сущностное — ценностное и содержательное перерождение духовного ядра христианской культуры. Культурологическая трактовка оснований экономического кризиса позволяет посмотреть на ситуацию с другой стороны. Кризис — это своеобразный ответ культуры на указанные выше вызовы, это ее попытка своими средствами вернуть мир в границы тех базовых ценностей, вне которых человек теряет свои «образ и подобие». Это предложение иного пути, на котором труд вновь станет сферой, формой и средством личностной самореализации, человек вернется к состоянию творца, созидающего по своим способностям и задаткам и потребляющего в меру собственных, а не навязанных ему рекламой, прессой, лидерами мнений и другими источниками потребностей.

Россия в течение всей своей истории развивалась по законам, не совпадающим с большинством европейских экономических, идеологических и иных трендов. В то же время кризис, который в полной мере проявляется в стране, может быть объяснен с намеченных выше позиций. Чаще всего, характеризуя ситуацию в России, аналитики используют такой концепт, как «глубинный системный кризис». В его характеристиках доминирует экономический блок проблем, которые определяют тенденции в основных сферах жизнедеятельности общества и от решения которых зависит статус России в геополитическом пространстве. Эти проблемы в значительной степени определяются тем, что, по мнению специалистов, в технологическом плане экономика нашей страны существенно отстает от цивилизованного мира, который в последние три десятилетия развивался стремительными темпами².

¹ Характеристика американского клерка в личном деле «не амбициозен» (non ambitious) приравнивается к черной метке.

² Малинецкий Г. О перспективах РФ. URL: <http://www.dynacon.ru/content/articles/339>

В. А. Черешнев и В. Н. Расторгуев в группу повышенных социальных рисков, определяющих глобальную нестабильность, включают: углеводородную зависимость российской экономики, принуждающую к неэквивалентному обмену природной ренты на ренту интеллектуальную и качественно усугубляющую и стагнирующую экономическую ситуацию; второстепенный статус социальной политики и защиты природного наследия — среды обитания, определяющей качество жизни человека и сбережение народа; разрыв между политической и интеллектуальной группами, который «становится в тысячу раз опаснее на фоне чудовищного разрыва между сверхбогатством и массовым обнищанием», одним из проявлений которого является так называемая «нищета работающих»¹.

Несмотря на некоторое ослабление сырьевой зависимости в течение последних нескольких лет, она все же сохраняется. В условиях глобализации, которая характеризуется свободным потоком идей, людей, капиталов, товаров и информации, России весьма сложно удерживать и наращивать конкурентоспособность. Фактом пока является то, что в упадке находятся обрабатывающая промышленность и значительная часть сельского хозяйства, импортозамещение идет вяло и фрагментарно, по-прежнему в больших объемах закупается промышленное оборудование, электроника, лекарства, потребительские товары, продовольствие.

Падение мировых цен на энергоносители и возросшая конкуренция на рынке углеводородного сырья ставят под угрозу стратегию, основанную на приоритетах российской экономики, центрированных на увеличении добычи нефти и газа и их транспортировке на мировой рынок, а также экспорте высокотехнологической продукции атомной энергетики. Ситуация усложняется также в связи с тем, что приобретение новых технологий на мировом рынке наталкивается на экономические санкции. Все более заметными становятся потери

от продажи сырья, цены на которое на порядок ниже по сравнению с продуктами его высокотехнологической переработки, а также в связи с неизбежным ростом издержек на природоохранные меры, сопутствующие сырьедобывающим производствам².

Нарастающий вал российских экономических проблем, хотим мы того или нет, объективно свидетельствует об ущербности либеральной модели экономического развития. Малоэффективная экономика, разрушенный интеллектуальный потенциал страны, атомизированное общество, пораженная потребительством правящая элита, демографический кризис — все это ведет к утрате Российским государством атрибутов субъектности и суверенитета. В такой ситуации огромные риски несет «нераздельное право государственной власти или международных структур, обладающих особыми полномочиями с учетом норм международного права, определять приоритеты государственной или международной политики. <...> Любая ошибка, заложенная в методологию общенациональной стратегии, может перечеркнуть и обесценить все достижения страны за всю ее многовековую историю и, более того, поставить под вопрос сохранность и шансы на развитие человеческой цивилизации»³.

Сложившаяся и складывающаяся ситуация требуют внедрения новой парадигмы общественного развития, в основе которой — мобилизация ресурсов преображения и саморазвития, активизация созидательных сил нации. Социальный прогресс и технологический прорыв возможны в условиях своеобразной «мобилизационной идеологии», которая будет опираться на ключевые ценности русской культуры: доминанту духовного над материальным, общего — над личным, будущего — над настоящим, справедливости — над законом⁴. Важнейшей предпосылкой успешности модернизации является активизация и востребованность жизненных сил народа, его духовного опыта и ресурсов идентичности.

¹ Черешнев В. А., Расторгуев В. Н. Стратегия долгосрочного развития: вызовы времени, глобальная нестабильность и методология определения приоритетов // Современные глобальные вызовы и национальные интересы : XVI Междунар. Лихачевские науч. чтения, 19–21 мая 2016 г. СПб. : СПбГУП, 2016. С. 260.

² Степин В. С. Трансмутации ценностей и интересов на современном этапе развития цивилизации // Современные глобальные вызовы и национальные интересы : XVI Междунар. Лихачевские науч. чтения, 19–21 мая 2016 г. СПб. : СПбГУП, 2016. С. 236.

³ Черешнев В. А., Расторгуев В. Н. Указ. соч. С. 260.

⁴ Малинецкий Г. Доклад о перспективах РФ: инновации — последняя надежда России. URL: <http://www.za-nauku.ru>

В. Н. Томалинцев¹

МОЛОДЕЖЬ КАК ВЫРАЗИТЕЛЬ БУДУЩЕГО В НАСТОЯЩЕМ И ПРЕДСТАВИТЕЛЬ НАСТОЯЩЕГО В БУДУЩЕМ

В современном общественном сознании широко распространилось мнение о том, что молодежь как социально-демографическая группа выступает наиболее активной, лидирующей частью общества, выполняющей авангардную роль «вперед идущего», «вперед смотрящего», проявляя энергию, инициативность на пути к постоянному изменению и обновлению. И в этом смысле тяга молодежи ко всему новому, оригинальному, экстремальному действительно представляет собой важнейший ресурс общественного развития².

Однако нельзя упускать из вида и тот факт, что мировоззренческая направленность молодежи, как и общества в целом, должна опираться на объективные, фундаментальные законы и принципы общественного и культурного развития. Иначе говоря, социальное здоровье всех последующих поколений во многом определяется деятельностью прошлых и ныне действующих поколений, их адаптационными возможностями, конкурентоспособностью, творческим потенциалом.

А между тем возрастающие в условиях современных мегаполисов нагрузки, связанные с усилением скорости и ритма жизни, нервного напряжения, нарушением экологии, деформацией системы межличностных отношений, ведут к смене поведения в молодежной среде, отражаясь на манере держаться, стиле и образе жизни. При этом не всегда в лучшую сторону.

Простой сравнительный анализ положения нынешней молодежи и молодых людей в недалеком прошлом указывает на вполне определенные различия в способе их существования. Различия состоят в том, что жизнь современного молодого человека, несмотря на все ее сложности и противоречия, значительно более благоустроена, а условия развития более благоприятны.

Действительно, еще в недалеком прошлом молодые поколения неизбежно сталкивались с постоянно ведущимися войнами, и многие из их представителей, не сумевшие «выбиться в люди», сталкивались с нуждой, бедностью, нищетой, оказывались обреченными на голод, бытовую неустроенность.

¹ Старший научный сотрудник факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Человек в XXI веке: поиск на грани творчества и экстремизма», «Экстремаль России: прогноз развития», «Острые мысли: тематическое собрание афоризмов и изречений», «Типы личности и война между ними: комплексное исследование фактора личностного предназначения в структуре самосознания», «Самопознание таланта: мир человеческих дарований, личностного предназначения в афоризмах, мыслях, народных изречениях», «Социальный экстремизм в системе координат культуры: типы личности и война», «Социальная экстремология» и др. Награжден грамотой Министерства образования и науки РФ.

² См. подробнее: *Томалинцев В. Н.* Молодежь как активный агент взаимопроникновения настоящего в будущее и будущего в настоящее // *Молодежная Галактика. Ежегод. альм.* СПб., 2007. № 3. С. 122–128; *Он же.* Экстремальные факторы в процессе формирования молодежного сознания // *Молодежь — позитивная сила развития российского общества* : материалы Всерос. науч.-практ. конф., 24–25 сентября 2009 г. / под ред. А. А. Козлова. СПб., 2009. С. 296–299.

Ныне для широких слоев молодежи эти проблемы, хотя и не ушли в прошлое полностью, однако приобрели уже не столь острый характер. Социальная защита: возможность бесплатного образования, доступная медицина, отсутствие крупных военных конфликтов, грозящих всеобщей мобилизацией, развертывание элементов контрактной армии при наличии выбора альтернативной службы — во многом избавляет молодежь от прежних страхов, опасений и унижительных форм принуждения.

Вместе с тем известная степень демократизации, либерализации современной социальной жизни, выдвигая целый спектр различных мнений, интересов, стремлений, предлагает людям, и прежде всего молодежи, не просто выбор, но выбор все более сложный, изощренный, порой мучительный. И это при том, что все дальше уходят как естественные, природные, стихийные уроки жизни, так и общинные, религиозные регуляторы поведения, которые помогали стабилизировать сознание молодой, во многом не зрелой, не вполне морально окрепшей части общества.

В то же время психическая и эмоционально-чувственная сферы человека не способны развиваться без колебательных, пульсирующих моментов, выражающихся в экстремумах развития, абсолютных и относительных взлетах и падениях тех личностных и общественных проявлений, к которым относятся активность, мастерство, успех и т. п.³

Сегодня в условиях высокоразвитого индустриального или постиндустриального общества на уровне вполне благополучных слоев населения все отчетливее встает проблема поиска новых идеалов, захватывающих остротой переживаний, изощренностью новых, ярких и свежих впечатлений, которые могут порой потеснить процесс поиска смысла жизни.

Становится очевидным, что по большому счету пресыщенный, искушенный человек, и прежде всего находящийся вне традиционной культуры, оказывается более непредсказуемым, нежели человек бедствующий. Пресыщенность, которая также имеет относительный характер, порождает такие уродливые явления, как контр- и субкультура, бунтарское искусство или тот новый социокультурный феномен современности, который обозначается понятием «экстрим». Различные формы экстрима (паркур, селфи, зацеперы, риферы и т. п.) объединяются одним стремлением, тягой к острым ощущениям. И несмотря на то что тенденции экстрима ведут к размыванию морально-нравственных, культурных представлений, понятий жизни и смерти, сегодня острота ощущений приобретает значение наиболее надежной валюты.

Те же тенденции с некоторых пор стали просматриваться в так называемом современном искусстве, провозгласившем себя авангардом культурного движения.

³ См. подробнее: *Томалинцев В. Н.* Экстремаль России: Прогноз развития. СПб., 2007.

Немалое число его представителей в поисках эмоциональной остроты и с единственной целью «пощекотать нервы» себе и зрителям стали заходить в те области и сферы антикультуры, антиискусства, которые всегда отождествлялись с грехом и пороком и находились под абсолютным табу. Сегодня для их возделывания найдены свои оправдания и определения, в ряду которых находятся «флешмоб», «перформанс», «инсталляция» или «акционизм», где допускается даже членовредительство (опыт Павленского и др.).

Ложно понятое самовыражение и самореализация, оторванные от контекста духовных, традиционных и национальных ценностей, создают условия для гонки за новизной и оригинальностью, достигаемыми любыми средствами вне зависимости от культурного, философского содержания. Особенно отчетливо это проявляется на примере действий «золотой молодежи» — детей нуворишей, не только преступающих порой все приличия, но и спешащих выложить все свои безумства и чудачества в Интернет для всеобщего обозрения.

Идеология вседозволенности, замешанная на психологии потребительства, порождает массового человека, в сознании которого верх берет не творческая, конструктивная, а спонтанная, бесконтрольная изощренность, приводящая лишь к иждивенческому террору, когда, по словам поэта Давида Самойлова: «Что хочешь — твори, что хочешь — говори, мы — сами себе цари...»

Возрастание значимости сильных, шоковых впечатлений (экстрим) в структуре ценностей современной постмодернистской цивилизации сближает ее с аксиологическими установками экстремизма, где также упор делается на эмоциональное возбуждение (или, точнее, перевозбуждение), чувственную агитацию, форсированное развитие в ожидании получить «все и сразу». В этом же ряду стоят юношеская и детская преступность, снижающийся возрастной порог алкоголизма, новые формы психофизической зависимости: наркотическая, игровая, компьютерная (виртуальная) и многое другое.

Различные формы экстрима нередко принимают характер грубой имитации художественного процесса, иной творческой активности. А между тем многочисленные проявления фальсификаций, связанных с плутовством и мошенничеством, нашедших лазейку для проникновения в культуру и искусство на волне псевдо- и квазиэкстремальности, социально опасны, поскольку подрывают весь эмоциональный строй человека, деформируют его прежде всего у молодежи. Опасность складывающегося тренда заключается в том, что в культуре при такой ситуации феномен изощренности сугубо технологического свойства начинает подменять собой тонкость гуманитарной содержательной составляющей. В результате культура перестает развиваться вглубь, уступая место ухищрениям и уловкам различного толка, распространяющимся вширь. Так подлинное искусство подменяет попса со своим жестко установленным форматом.

В атмосфере хитросплетений, уловок, ухищрений, злонамеренных мистификаций предпринимаются по-

пытки переписать историю, атаковать молодежь с помощью Интернета, вплоть до внедрения сайтов, пропагандирующих суицидальное поведение для подростков. Значительную роль здесь играет реклама, принимающая все более агрессивный характер, привносящая в общественное сознание ложные установки и анти-идеалы. Достаточно вспомнить рекламу лотереи «Миллиард», прошедшую по центральным каналам телевидения в конце 2016 года.

Сегодня процесс воспитания замещен либо либеральными моделями воздействия (различными формами уступок, попустительства, легитимизации негативных явлений), либо опасными видами манипуляции юношеским сознанием (погружение в массовую культуру, потребительство, виртуальную реальность, электронные формы развлечения и общения или, скорее, разобщения). Автономность молодежной среды все больше входит в противоречие с исторически сложившимися общественными идеалами.

Взвешивая перспективы и выстраивая приоритеты на будущее, молодым интеллектуалам необходимо иметь в виду, что со времени овладения хорошо отточенными орудиями труда, огнем, речью, с момента приручения и одомашнивания животных, изобретения колеса человек вышел из зоны нормы естественного развития. Презрев все нормативы природы, он устремился к освоению стихии экстремальности. Экстремальность практически стала его божеством и культурой. И сегодня человек, создавая средства массового поражения, воздействуя на климат, замахнувшись на область геномной инженерии и биотехнологий, создание искусственного разума и покорение космоса, сам стремится стать Богом. На самом же деле человечество в своей значительной и весьма существенной части до сих пор нередко предстает лишь в образе изощренного хищника.

До поры природа настороженно наблюдает за все возрастающими притязаниями человека, время от времени напоминая ему о своих возможностях в применении средств все того же экстремального характера, что проявляется в природных катаклизмах: бурях, тайфунах, смерчах, землетрясениях, разливах вод и засухах. В запасе у матери-природы кометы и астероиды, которые рыщут по всей Вселенной, а также черные дыры, изменения на Солнце, потепление и похолодание земного климата и т. д. Будем надеяться, что человек не подойдет к тому пределу, чтобы природа была вынуждена остановить его безумную активность крайними средствами. Будем надеяться и на то, что природа, породившая человека, гораздо лучше понимает цену применения экстремальных мер, а также то, что их использование должно быть оправдано.

Со стороны человека необходимо определить «красную линию» в его взаимодействии с природой. Конечно, в будущем эта линия может оказаться достаточно подвижной. Однако чрезвычайно важно то, чтобы человек относился к природе не как к собственной мастерской или подсобке, но сохраняя к ней сыновние чувства. Поэтому вопросы экологии Земли для человечества должны занять одно из ведущих мест.

С целью сохранения национального здоровья необходимо взаимодействие всех поколений. В этом взаимодействии важно сохранение баланса между архаикой и модерном, традицией и новаторством, консерватизмом и либерализмом. Такое равновесие нуждается в *тонкой настройке* со стороны государственных и общественных организаций, при активном участии ответственных деятелей культуры. Устойчивость и преемственность в межпоколенческих отношениях, тесная взаимосвязь страсти, азарта, энтузиазма молодых со знаниями и жизненным опытом старших поколений всегда были, есть и останутся залогом здорового общественного развития, основным элементом национальной безопасности.

Кроме того, важным остается общий настрой, критическая масса тех или иных устремлений, социальная зрелость лидеров взаимодействующих поколений. Свойственные молодежи удаль, избыток сил должны встретить внешний позитивный импульс. Проще говоря, стихийную революционность молодежи, ее устремление к инновационности необходимо оптимизировать. А это значит, что присутствующее у молодежи стремление к экстремальности (обострениям) должно варьироваться в параметрах наибольшего и наименьшего в зависимости от реальных требований существующих культурных норм. При этом нельзя забывать, что жажда всего острого, экстремального, выражающего максимальное содержание всегда составляла основу человеческого, и прежде всего юношеского, идеала.

А. В. Успенская¹

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ СЦЕНАРИИ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ АНТИУТОПИИ

Жанр литературной антиутопии, остросовременный, изображающий близкое или далекое будущее, но призванный не предсказывать, а предостерегать ради настоящего, — один из самых популярных в наше время. Это вполне объяснимо: на рубеже веков уже не впервые в культурном пространстве усиливается ощущение кризисности и даже катастрофичности бытия, возникают эсхатологические ожидания. «Всплеск» антиутопий был характерен и для рубежа XIX–XX веков («Роковые яйца» М. Булгакова, «Мы» Е. Замятина, «Ленинград» М. Козырева, «Воспоминания о будущем» С. Кржижановского). В российской ситуации конца XX — начала XXI века к естественному эсхатологизму рубежа тысячелетий добавляется ряд тяжелейших потрясений. В последние годы советской эпохи замшелый догматизм власти и экономический кризис породили у широких масс соблазн отказа от неудавшейся социалистической утопии и ускоренной вестернизации, хотя ранее эти настроения были уделом лишь диссидентов. Теперь уже не коммунистическое завтра, а западный мир стал представляться желанной утопией, буквально осуществленной на Земле. В то же время российская жизнь мыслилась как осуществившаяся антиутопия, ближайшее будущее рисовалось в катастрофических декорациях.

Жанр антиутопии откликнулся на эти явления. Создавая мрачные и странные миры, авторы антиутопий в то же время представляли идеал — жизнь Запада, казавшуюся стабильной, чистой и душевно здоровой. В антиутопиях авторы, отталкиваясь от неприглядной

русской действительности, не выдумывали ничего принципиально нового: они просто доводили до крайности уже существующие черты.

Именно так выглядит отражение кризиса советского мира в ряде антиутопий 1980–1990-х годов. Впервые эта проблематика была отражена в известных произведениях В. Войновича «Москва 2042» (1986) и А. Кабакова «Невозвращенец» (1988), обозначивших две разновидности сюжетов в современной утопии: предстоящий православно-коммунистический тоталитаризм и грядущий хаос как продолжение тенденций всеобщего развала конца 1980-х — начала 1990-х годов.

В повести Владимира Маканина «Лаз» из вечно темной, мрачной, полуголодной, опасной и совершенно безнадежной России герой находит лаз в иной мир. Хотя он не назван, но очевидно, что это свободный мир Запада: там царит порядок, улицы освещены, люди улыбчивы и радушны. Герой буквально разрывается между этими мирами, душой он стремится в лаз, но на родине его держат больной ребенок, семейные обязанности, привычка.

В «Записках экстремиста» А. Курчаткина (1990) энтузиасты много десятилетий строят подземное метро, подвергаясь лишениям, уничтожая несогласных, теряя близких. В конце концов выясняется, что метро никому не нужно, на поверхности царит совершенно иной, благополучный мир, люди придумали другие средства сообщения. Те, кто жертвовал собой и другими, понимают, что прожили свою жизнь напрасно.

«День опричника» (2007) и «Сахарный Кремль» (2008) В. Сорокина — это утопии по самоощущению главного героя, но антиутопии по сути. В них изображено реакционное, застывшее государство с самодержцем во главе, с репрессиями и осуществляющими их верными опричниками. Православное царство отгородилось от Запада Великой русской стеной, хотя и продает Западу нефть и газ. Изоляция требует возвраще-

¹ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор филологических наук. Автор более 70 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Античность в русской поэзии второй половины XIX века», «Античность и русская литература: мотивы, образы, идеи», «Антологическая поэзия А. А. Фета», статей о творчестве Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Д. С. Мережковского, В. В. Набокова, И. А. Бродского и др. Член Союза журналистов Санкт-Петербурга. Почетный профессор СПбГУП. Награждена медалью «100 лет профсоюзам России».

ния древнерусских обычаев и атрибутики, при этом используются замысловатые западные изобретения и гаджеты. Главной и, как кажется Сорокину, истинно русской чертой этого мира является эклектичность: смешаны реалии времен Сталина, Брежнева и Путина. Гиперболизированное сатирическое отражение российской действительности (с попытками идеологически противостоять Западу) противопоставляется более свободной и многоликой Европе.

В принципе вскрывать язвы окружающей действительности — священная обязанность литературы, и касается это не только антиутопии. Однако бóльшая часть произведений рубежа XX–XXI веков, принадлежащих перу писателей-западников, парадоксальным образом несет *антизападническую* идею об особом пути России. В этих произведениях главенствует мысль о том, что российский кризис конца XX века выявил главное: путь России на Запад невозможен, у страны нет будущего, нет исторического развития. Ее общественная жизнь стоит на месте, не соответствует исполненной положительной динамике жизни Запада. Антиутопия 1920-х годов лишь предостерегала от возможных опасностей. Современная антиутопия констатирует уже якобы свершившийся факт: будущее, которого опасались в 1920-е годы, уже наступило, страна продолжает жить вне времени, вне истории, не в силах преодолеть некий экзистенциальный кризис, в котором она находится перманентно. «С тех пор как Запад с Китаем отказались от нефти и газа, мы стали никому не нужны. А теперь нам вдобавок удалось весь мир убедить, что жить в изоляции — это горячее и искреннее желание подавляющего большинства нашего населения. <...> А потом... Потом — хоть потоп. Не будет здесь ничего через сто лет. Да нет, гораздо раньше все кончится, гораздо раньше!»¹.

Как итог подобных настроений в антиутопиях последних лет появляется мотив исчезновения русского мира в результате мусульманского завоевания, как, например, в романе А. Волоса «Маскавская Мекка» (2005). Управляемой мусульманами Москве противопоставлен некий аграрный край со столицей в городе Голопольске, похожий на СССР 1950–1970-х годов: с бедностью, коммунистической идеологией и лагерями для несогласных. И для России автор видит только эти два пути, вернее два варианта исторического тупика. «Эта страна никогда не станет богатой. Никогда. На протяжении веков ее разворовывали — и будут разворовывать»². Так в жанре антиутопии, как наиболее чутком к социально-политическим интенциям времени, обозначается один из самых острых кризисов современной России — кризис западнической идеи, согласно которой надо отказаться от особого русского пути, от иллюзий и имперских амбиций, но даже в этом случае Россия не сможет догнать Запад и оказывается обреченной. Жанр антиутопии первым отразил это противоречие, пусть даже и против воли авторов.

С 2000-х годов ситуация изменилась. Стало очевидно, что постсоветское общество пребывало в плену очередных иллюзий и европейская утопия — лишь

плод нашего воображения. Мир Запада стали подтачивать небывалые кризисы: экономический кризис 2008 года; кризис в отношениях Запада и стран третьего мира, породивший невиданные эмиграционные волны; кризис семьи, когда все более агрессивно навязываются девиантные формы поведения; наконец, наиболее болезненно задевший россиян мировоззренческий кризис, связанный с пересмотром итогов Второй мировой войны. Победа 1945 года более 50 лет воспринималась как общая победа всего цивилизованного мира над фашистским варварством. Немцы при этом также могли чувствовать себя победителями — они победили фашизм в себе самих. Запад и Россия обрели в этой борьбе со злом ощущение общей судьбы, соратничества, которое оказалось возможным независимо от национальной, религиозной и идеологической принадлежности. Даже несмотря на эксцессы холодной войны было очевидно, что социализм и капитализм могут мирно сосуществовать, а это, в свою очередь, обеспечило более или менее прочный мир в Европе почти на 70 лет. Сегодня Запад решил отказаться от этой парадигмы: Россия в одностороннем порядке объявлена страной, побежденной в ходе холодной войны. То, что Россия, поверив в западную утопию, отказалась от социализма, распустила свой военный блок, наделила независимостью 14 республик, на Западе почти единогласно стали представлять как поражение. Образ врага сформировали произвольно, не по идеологическому, а по национальному признаку, и вот уже Россия объявлена главным врагом неких мифических «западных ценностей». Хотя еще недавно их называли общечеловеческими ценностями, которые и Запад, и Россия понимали примерно так, как сформулировал их академик А. Сахаров: «Мир, прогресс, права человека». Так Россия из главного победителя мирового зла — фашизма — усилиями западных СМИ превратилась в главного врага человечества. Былые идеологические аксиомы на Западе оказались повержены, вместо них воцарилась пустота, заполняемая неуверенностью и средневековыми страхами. Россия представляется мрачной страной Тартарией: то ли страной татар, то ли Таргара. Трудно переоценить значение этой новой идеологии не только для России, но и для Запада, прежде всего Европы. Запад стремительно теряет контакт с многовековым соседом, способным в трудный момент протянуть руку помощи, умеющим быть благодарным.

Литературный жанр антиутопии чутко угадал это направление в идеологии. В лучших произведениях утопический Запад уже не противопоставляется кризисной и неподвижной России: оба мира, лишившись поддержки друг друга, становятся игрушкой разрушительных, стихийных, антигуманных сил. В «Теллурии» В. Сорокина и Европа, и Россия распались на княжества, королевства и республики, населенные демократами, воинами «Талибана», православными коммунистами, красными партизанами Урала, крестоносцами, мутантами. Таким образом, мир стабильности оказался разрушен: Европу не спасла политкорректность, а Россию — неототалитаризм. В романе-антиутопии В. Пелевина «S. N. U. F. F.» также показаны два противостоящих и погибающих мира. В далеком будущем часть лю-

¹ *Остальский А.* Синдром Л. М., 2013. С. 406–407.

² *Волос А.* Маскавская Мекка. М., 2005. С. 273.

дей осталась на Земле, в тоталитарном государстве Оркланд (или Уркаинский Уркаганат), они живут за счет примитивного сельского хозяйства и торговли газом с Биг-Бизом — искусственным спутником Земли, процветающим высокотехнологичным государством. Обитатели Оркланда деградируют и бедствуют, иногда воюют с Биг-Бизом, хотя и правителей, и сценарий войн, и даже фасон военной формы им поставляют оттуда. Биг-Биз, в котором нетрудно узнать Запад, на первый взгляд кажется осуществленной утопией: там сытно и безопасно, царят закон и толерантность, но далеко не всем нравятся унифицированное счастье в одина-

ковых квартирах-сотах, ежедневное промывание мозгов с помощью лицемерных СМИ, скука, одиночество, жизнь без радости, искренности и любви. В конце концов иллюзорное противостояние этих миров (возобновляемое, чтобы дать новый информационный повод заскучавшим жителям Биг-Биза) переходит в яростную схватку, уничтожающую обе цивилизации. Так в последних текстах Сорокина и Пелевина отражается окончательное разрушение постсоветской иллюзии осуществившейся западной утопии, хотя после всех разочарований XX века жажда утопии по-прежнему актуальна для российского самосознания.

А. Н. Фатенков¹

ВОЗВЫШЕННОЕ ПАДЕНИЕ В ИННОВАЦИОННЫЙ ДЕКАДАНС

Инновационный декаданс — состояние, которое странным образом переживает современный мир. Это уже не просто паразитирование на будущем, характерное для прогрессистских теорий и практик, это перенос в настоящее изможденного эксплуатацией будущего. Прогресс выбрал из еще не наступившего все, что было соразмерно человечности, органическому тандему антропного и социального. Теперь там, а отчасти уже здесь и сейчас, маячит постчеловеческое. Суть его в поступательной редукции антропного и экзистенциального к социальному и далее — к техническому.

Человек обманулся совершенствованием техники: некогда она здраво продолжала натурное тело, дополняя и оберегая его; ныне претендует на достройку и замещение природной телесности. Но в еще большей степени люди обманулись и соблазнились «эмансипирующим» потенциалом социальности. А ведь она, становясь избыточной (не только количественно, но и качественно), неизбежно формализуется и уподобляется тем самым техническим системам.

Античные классики, определив человека как общественное (политическое) животное, вольно или невольно ограничили притязания «общественности», которая, как и все сущее тогда, представлялась вписанной в циклическое движение, стало быть, имеющее пределы. Исподволь индивид получил команду работать над собой, актуализировать и крепить личные достоинства, что и начало реализовываться эллинизмом. Упадок общественной организации — сначала полисной, затем имперской — сопровождался ростом экзистенциальной мощи, особенно в сфере влияния стоицизма. Складывалась ситуация, позволившая впоследствии Фридриху Ницше выдвинуть гипотезу, что развитие мира как культуры и мира как цивилизации протекает

в противофазах. Однако ни мысль Ницше (взятая объемно, не фрагментарно), ни исторические реалии эллинизма, ни античная мировоззренческая парадигма как таковая (репрезентируемая опять же трехмерно, шарообразно, а не спроецированная на плоскость) не утверждают полярность культуры и цивилизации, экзистенциального и социального в качестве единственно возможного событийного соотношения. Иначе говоря, на каких-то витках истории, в каких-то сегментах исторической сферы не исключено существенное сближение «противоположностей»: экзистенциальные и социальные величины способны перестать испытывать взаимное отвращение и пренебрегать друг другом. Надо было, конечно, подождать и потерпеть — не без борьбы, не без приложения сил, разумеется.

Но ждать, очевидно, не захотелось. И тут в историческую игру вступила, оказавшись востребованной, иудео-христианская парадигма — с ее линейным пониманием событийной цепи, с вечно спешащими и опаздывающими ее адептами, с «несвоевременными» по обыкновению мыслями ее знаковых персон. Произошла анекдотичная культурная абберрация: «нищие духом» «приватизировали» экзистенциальную мощь эллинизма и сублимировали ее в «чистую» бестелесность — как будто та может быть какой-то иной... Тело же заклеили несмыслимой греховностью. Если верить Алену де Бенуа («Как можно быть язычником»), церковь начала даже не с роспуска академических школ, а с закрытия бань. Техники вспоможения собственно человеческому телу отодвигаются далеко на периферию. Приоритетное место занимают техники приобщения к «телу Христову» и трансцендирования к иному, к бегству от себя (подаваемому как «преображение», движение к «себе подлинному»). Церковная организация становится дополнительным и, похоже, изначально чрезмерным наложением социального на человеческое, сомнительной прибавкой к родовито-земным и не лишенным сакральности семейным узам, этнической общности, профессиональному союзу и политической иерархии. Неудивительно, что со временем церковная религиозность низводится прогрессирующим миром до содержательно выхолощенного авто-

¹ Профессор кафедры философии Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор философских наук. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч.: «Невозвращенец: фигура субъекта в негативной диалектике», «Редукция человека к голой жизни. Антропология Дж. Агамбена», «Экзистенциальный реализм в смыслах и лицах: Альбер Камю», «Память и экзистенция в отголосках войны», «Феномен выбора под подозрением» и др. Член редакционного совета журнала «Философская антропология», член Российского философского общества, руководитель городского философского семинара.

матического ритуала. Вместе с ней постепенно в зону критики, риска, деконструкции и либеральной формализации попадают другие социальные институты.

Действуя на опережение, коммунистический проект в его радикальной версии настаивает (по аналогии с этическими рекомендациями И. Канта) на принесении в жертву, ликвидации всех частных форм социальности, с тем чтобы «тотальная», всеобщая социальность освободила человека от гнета экономизма, от редукции антропного к биомеханике. Это наивная утопия, стратегически ошибочный ход для перспектив человечности, но неизбежная мера при воспроизводстве прогрессистской логики: бичуя следствия, поощряя их глубинную причину. Ведь чистая социальность — это не «немая» мягкотелая сентиментальная сплошная сущность, а рационально репрезентирующая себя система общественных отношений, социальная механика.

Либерализм (и умеренный, и радикальный, и в постмодернистской упаковке), самодовольно празднующий ныне победу над коммунизмом, еще более убог в плане сбережения человечности и сакральности. Он, отрицая сильные вертикальные связи, культивирует связи ослабленные горизонтальные, координационные. За образец принимается калейдоскоп «сетевых структур» с их перманентной презентацией, желательной в «цифровом формате». При этом (смех да и только) либерализм пускается в рассуждения о «возвышенном», которое никак не отличить в «сети» ни от стороннего, ни от низменного. Ожидаемая преференция и ее квазирелигиозный характер разгадываются без труда: получить возможность интерпретировать падение как вариацию или элемент вознесения-восхождения (пусть и «деболого»), коррелирующего с ситуацией смерти Бога, как у Джанни Ваттимо, но непременно с эстетским антуражем).

Что ж, возвышенное падение смотрится эффектно, и для декадана оно притягательно и привычно. Может ли селфи-цивилизация не декадентствовать? Вряд ли. Как избежать соблазна запечатлеть себя, успешного, на фоне страдающего существа?! Впрочем, декаданс декадансу рознь. Ницше, например, допускал и объективистское его понимание: когда речь идет (безоценочно, насколько это возможно) об отпадении частей от всего растущего и укрепляющегося, когда предполагается вероятность не только негатив-

ного, но и нейтрального или даже положительного разложения-отслоения. Но это точно не наш случай. С текущим моментом лучше корреспондирует другое, в стиле того же немецкого интуитивиста, понимание декадана как разложения, вызванного истощением внутреннего содержания и ослаблением воли природно-культурного организма, индивидуального и надындивидуального. Такого рода упадку, уточнял философ, свойственно выставлять на передний план «социальный вопрос». Мысль глубочайшая, но не без манерного элитаризма. Некоторая правка напрашивается. Не социальный вопрос сам по себе, а его постановка и решение в определенной плоскости являются характерными чертами декадана, новейшего в особенности (насчет роста посредничества как синонима упадничества Ницше прав абсолютно). Не столько социальный прогресс как таковой с его неизбежными эгалитаристскими соблазнами и иллюзиями, сколько переподчинение социального прогресса техническому — закономерное переподчинение, надо еще раз подчеркнуть, — детерминирует сегодня доминанту упадка.

Что делать? Не суетиться и не впадать в уныние (сама формулировка вопроса невольно вызывает улыбку). Для начала не совершать заведомо проигрышных ходов. Пора уразуметь, среди прочего, что ставка на возрождение монотеистических религий не только бесперспективна — она усугубит положение. Ведь остро переживаемая ныне культурно-цивилизационная передышка — это преимущественно кризис авраамического мира, кризис «религий откровения» и их секулярных отложений. Апогей напряженности, как нетрудно заметить, приходится, прямо или косвенно, именно на точки внутренних разборок и внешнего противостояния ислама, христианства и иудаизма — монотеистических соперниц.

Гегелевская философия некогда уже указала — спокойно, без громогласных деклараций — на роль и значение «откровенного» религиозного опыта и, шире, опыта трансцендирования к иному. Они относительно, промежуточно уместны: субъекту имеет смысл, выйдя из себя, взглянуть на себя со стороны. Но подтверждение субъектности достигается лишь возвращением к себе. Если человек все же решится не растерять ее окончательно, к «абсолютному философу» стоит, не фетишизируя, прислушаться.

Г. Г. Филиппов¹

СОСТОЯНИЕ КУЛЬТУРЫ И ПАРАДИГМЫ ЕЕ ПОНИМАНИЯ В ЭПОХУ ИНВОЛЮЦИИ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА

Современный социум (человеческое общество в целом) вступил в качественно новую фазу своей эволюции. На смену былому магистральному направлению развития (прогрессу) пришли стагнация и упадок. Это вызвано двумя причинами: природной и социальной.

Природная причина заключается в невозможности обеспечения семимиллиардного населения Земли необходимыми условиями жизнедеятельности и продовольствием. Ограниченность земельных площадей для производства продуктов питания, катастрофическая нехватка воды (особенно питьевой), необратимое загрязнение всех сфер жизни человека, хаотические мутации генома человека и животных, разорительные природные катаклизмы — все это оставляет благоприятную природную нишу для полноценного существования не более чем одному миллиарду человек. Остальным приходится приспосабливаться к неуклонно ухудшающимся условиям повседневной жизни и соответственно снижать запросы и претензии к потребляемым товарам, услугам и культурным благам.

Социальная причина выражается в упрощении и примитивизации основ общественных отношений и содержания социальных институтов, что обусловлено подчинением всех общественных процессов рыночным отношениям и установлением единого одномерного мерилы всех материальных и духовных ценностей — финансовой прибыльности. Она достигается в массовом производстве продуктов, услуг и ценностей широкого потребления, то есть в производстве индустриализированном, автоматизированном и уже часто роботизированном. Закономерно, что результаты имеют стандартизованный характер по качеству и форме. То же самое происходит и с производством культурных благ и ценностей. Стандартизация обходится много дешевле, чем индивидуализация многообразных потребностей, а упрощение стандартов еще больше удешевляет производимый продукт.

Обе эти причины действуют совместно, усиливая друг друга, причем первая стала ведущей, выражая непреодолимую энтропийную тенденцию эволюции социума — конечность существования всякого материального объекта.

Общая энтропийная тенденция дополняется разнотипным саморазвитием культуры как в прогрессивном направлении, так и в регрессивном. С одной стороны, культура продолжает выполнять функцию матрицы воспроизводства общественных институтов

и общественных отношений, воспроизводства расширенного и все более организованного (совершенного). В силу этого сама культура во всех своих видах вырабатывает новые, более значимые и продуктивные знания и ценности (научные и технические знания, художественные ценности, улучшенные психологические и правовые нормативы и пр.), способствующие повышению человека и укреплению его определяющей роли в социуме.

С другой стороны, в то же время происходит выхолащивание позитивного содержания и деградация формы жанров художественной культуры; коммерциализация науки и научных исследований (особенно в области обществознания); замена достоверных оценок по объективным показателям экспертными оценками, субъективными и пристрастными в соответствии с рыночными интересами; эскалация производства квазинаучных и ложных знаний и антигуманных ценностей на рынке потребления культуры. Такая тенденция эволюции культуры способствует принижению человека как высшей несравнимой ценности, сведению его к разменной ассигнации на рынке товаров и услуг. Человек рассматривается как измеримая ценность наряду с другими рыночными ценностями и продуктами. Соответственно появляются теоретические концепции и целые науки вроде «экономики человека», концепции стоимости человеческой жизни, рентабельности эвтаназии и пр.

В основе вышеназванных тенденций лежат объективные экономические явления, прежде всего тренд глобального обнищания большей части населения. По данным Всемирного банка и ООН, за последние 15 лет XX века доход на душу населения снизился более чем в 100 странах мира. Более половины населения планеты жили в этот период менее чем на 2 доллара в день [4, с. 16]. По комплексной оценке Продовольственной организации ООН (ФАО), в XXI веке из 174 стран мира большинство не обнаруживают прогрессивных изменений в своей экономике, в 73 странах положение ухудшается и только в полутора десятках стран («золотой миллиард») наблюдается улучшение. Комплексная оценка составляется из таких ключевых показателей, как: уровень ВВП страны и на душу населения, продолжительность жизни граждан, грамотность взрослого населения, достижения в области образования и т. д. На среднесрочную и долгосрочную перспективу прогнозируется тот же тренд [6, с. 333].

Первые полтора десятка лет XXI века характеризуются продолжением тех же тенденций и для мира в целом, и для Российской Федерации. В нашей стране, например, 45,3 % населения живет на 4 доллара в день при официальном уровне инфляции 6–8 % [2, с. 114]. Успокоительные заявления правительства о том, что наблюдается положительная тенденция при нулевом росте и что в каждом следующем году ожидается рост экономики в 1–2 %, не отменяют простой закономер-

¹ Профессор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор философских наук. Автор многих научных публикаций, в т. ч.: «Социальная организация и политическая власть», «Как учили философии полвека назад», «О природе манипулятивного управления и его месте в обычной управленческой деятельности», «На пути к закату и заходу», «Неиспробованный еще вариант общественного развития», «Социальная организация в докапиталистическую эпоху», «Новые организационные технологии — управляемая дезорганизация» и др.

ности: реальные улучшения в виде сокращения безработицы и повышения жизненного уровня населения начинаются только при экономическом росте в 4 % [3].

При этом неумолимо снижается качество жизни из-за необратимых изменений среды обитания. По расчетам Римского клуба, еще 30 лет назад все государства мира должны были бы тратить ежегодно почти весь свой национальный доход на восстановление разрушаемой природной среды, чтобы добиться хотя бы сохранения ее состояния. Однако сейчас, как и в прежние годы, лишь некоторые страны отпускают на такие проекты ничтожные доли годового бюджета. Как следствие, неуклонно увеличивается биологическая и химическая несовместимость человеческого организма со средой обитания. Об этом свидетельствует переход от объективной оценки здоровья человека по конкретным измеряемым показателям к субъективной индивидуальной оценке. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) сегодня определяет здоровье человека как духовное и физическое состояние комфортности бытия индивида. Получается, что человек должен считать себя и считаться здоровым, если он ощущает себя комфортно, несмотря на свои болезни и увечья и всевозможные психические и физические отклонения, фиксируемые врачами.

Неуклонное сокращение материальных возможностей растущего населения планеты для производства и потребления культурных ценностей объективно выражается в постоянном росте разрыва между богатыми и бедными. По данным Всемирного банка, за полтора десятилетия на рубеже XX и XXI веков разница в доходах населения на мировой лестнице благосостояния возросла с 1:80 до 1:500 [7]. Надежды на благотворное влияние перехода к информационному и постиндустриальному обществу и на плоды развития наук не оправдались. Проект ООН «Будущее мировой экономики» предрекал устойчивое развитие и процветание всех стран в последней трети XX века. Но только две страны за этот период (1971–2000) как-то оправдали прогноз: неожиданно Китай (рост на 93 %) и скромненько США (рост на 2 %). Россия и страны Восточной Европы показали провальные результаты [6, с. 97–98].

Исчерпание природных ресурсов сделало неосуществимыми манящий идеал распределения «по потребностям» и даже тлеющую надежду на распределение «по труду». Упование на целительную роль конкуренции уже не имеет реальных оснований, поскольку конкуренция давно превратилась в инструмент монополизации во всех сферах общества, где она еще осталась.

Культура как духовное инобытие общества повторяет его энтропийную тенденцию, но не однозначно и не автоматически. Она может выполнять и компенсаторную роль, выдвигая увлекающий идеал прогрессивного развития. Например, известен взлет российской культуры после позорного поражения Российской империи в Крымской войне 1853–1856 годов. Но если нет ни такого идеала, ни надежд на его появление, то культура (ее творцы, хранители и распространители) замыкается в себе, перестает получать

извне стимулы, в том числе материальные, для своего развития и сосредоточивается на продуцировании иных форм и выражений старых ценностей и знаний, меняет ориентиры с открытого служения обществу на внутреннюю рефлексию и саморефлексию, переходит к созданию эзотерических языков в целях самозащиты и сохранения значимого социального статуса за счет своей недоступности и непонятности для широкой публики. В повседневной реальности эта тенденция выражается в формалистических течениях в искусстве, в науке — подменой практической проверки новых идей мнением сообщества экспертов-авгуров и продвижением так называемой альтернативной науки; в технике — разработкой устройств и их функций, удовлетворяющих изощренные и искусственно сформированные запросы потребителя, утомленного скукой обыденной жизни.

Инволюция культуры в настоящее время имеет целый ряд специфических проявлений. Крушение идеи победоносного шествия глобализации порождает фактическую локализацию культуры по странам и регионам [1]. Многообразие культур сопровождается объединяющей тенденцией — эклектичностью форм, жанров и средств выражения. Почившие или умирающие жанры, сохраняющиеся в статусе антиквариата с помощью государственной или филантропической поддержки, используются для привлечения зрителей, поклонников или читателей, заимствуются средства выражения из отдаленных непрофильных жанров. Характерные примеры — «авторские прочтения» пьес, либретто, партитур классических произведений и прочее в рамках художественной культуры. В рамках науки — внедрение терминов, идей и концепций из далеких по предмету и методам других наук или даже из «альтернативных» теорий. Так, постмодернизм насыщает философию и теорию культуры терминами и концепциями из естественных наук, делая это неграмотно и неподобающим образом [5]. В психологию и медицину проталкивается ложная концепция биополя для объяснения здоровья и лечения болезней. В потоке перформанса как новейшего направления культуры перемешиваются художественные жанры, технические объекты, бытовые предметы и психические отклонения автора.

Реальная инволюция захватывает не только производство продуктов культуры, но и целые социальные институты: семью, общеобразовательную школу, библиотеки, высшее образование, сферу управления. Так, вузы и библиотеки трансформируются в торгово-развлекательные комплексы; политические и избирательные кампании превращаются в скандально вульгарные карнавалы; семья — в братское единство мыслимых и немислимых животных отправлений.

Конечно, инволюция культуры — не фатальный процесс. Государство и политическая власть имеют достаточно средств для влияния на процессы культурного развития, на регулирование и управления культурой. Разумеется, не в смысле непреклонного понуждения творцов к созданию строго определенных образцов культурных ценностей, знаний и норм, а в форме стимуляции творчества, управления хранением и рас-

пространением продуктов культуры, социально оправданного использования культурных достижений. Другой вопрос, какими способами и средствами можно это осуществить.

Литература

1. Капустина Л. Б. Глобализация и глобальная культура: два десятилетия под прицелом аналитиков / Л. Б. Капустина // Управленческое консультирование. — 2010. — № 4.
2. Коротаяев А. В. Современные тенденции мирового развития / А. В. Коротаяев, Д. А. Халтурина. — М.: Либроком, 2008.

3. Прокофьев Д. Без иллюзий. Что ожидает российскую экономику этой зимой? / Д. Прокофьев // Звезда. — 2016. — № 10.
4. Роузфилд С. Сравнительная экономика стран мира. Культура, богатство и власть / С. Роузфилд. — М.: РОССПЭН, 2004.
5. Сокал А. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна / А. Сокал, Ж. Брикмон. — М.: Дом интеллектуальной книги, 2002.
6. Сулов Н. И. Проект ООН «Будущее мировой экономики: что не сбылось?» / Н. И. Сулов // ЭКО. — 2011. — № 12.
7. Юрлов Ф. Н. Социальные издержки глобализации / Ф. Н. Юрлов // Социологические исследования. — 2001. — № 7.

Е. В. Харитонов¹

ВОПРОСЫ ВЫЖИВАНИЯ НАШЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ СИСТЕМНЫХ ВЫЗОВОВ. ЧТО ДЕЛАТЬ?

Аналитик, приступая к рассмотрению социальных явлений, должен понимать, что он анализирует не саму реальность, а условную модель реальности: «карта не есть территория»². В зависимости от выбранной модели мы получаем выводы и результаты, которые могут быть как ложными и бесполезными (а иногда и вредными), так и продуктивными, дающими реальное понимание социальных и политических процессов и возможность их последующего прогнозирования.

Предлагаем в качестве простейшей исходной управленческой модели признать существование трех составляющих:

- субъект управления, центры силы (или центры принятия решений, причем они не обязательно совпадают с формально существующими);
- объекты управления;
- механизмы (технологии) реализации принятых решений. Эти механизмы могут быть видны, а могут быть скрыты.

По мере развития коммуникационных технологий — Интернета и электронных СМИ — данная мо-

дель управления обществом начинает доминировать. Процесс концентрации власти в одном или нескольких единичных центрах управления (или принятия решений) можно считать одним из важнейших аспектов процесса глобализации³.

Если мы исходим из такой модели, то надо четко понимать, что управление обществом происходит на следующих уровнях:

1. *Концептуальный (мировоззренческий)*. Это область, определяющая цели развития общества, этику, смыслы и цели существования человека, границы дозволенного. Мировоззрение создает инструмент различения добра и зла. Именно мировоззрение формирует модель будущего, которая становится целью для подавляющего большинства, вовлеченного в систему.

2. *Фактологический уровень*, в рамках которого берется весь накопленный в прошлом опыт, события, факты, и они выстраиваются в единую систему в соответствии с концептуальным (мировоззренческим) уровнем. Именно на этом уровне находится история, система образования, включая учебники, и именно в силу их значимости они в первую очередь подвергаются трансформациям и искажениям, а носители знаний — гонениям и нередко уничтожению⁴. Данный уровень позволяет систематизировать события прошлого таким образом, чтобы это привело к осознанию необходимости выстраивать вектор целей, направленный на реализацию моделей будущего.

3. *Идеологический уровень*. Идеология воплощает цели и модели будущего, концепцию развития в привлекательную для людей/социума форму, наполняет транслируемые информационные блоки яркими позитивными и негативными образами, дает необходимые алгоритмы и паттерны поведения, знаковую систему

¹ Старший научный сотрудник Института Африки РАН, кандидат психологических наук, доцент. Автор более 170 научных публикаций, в т. ч.: «Коммуникативные барьеры: теория и практика (в контексте межличностного и межкультурного взаимодействия)», «Люди в корпорации. Корпоративная культура в современной России», «Зимбабве на перепутье. Стратегическая «ниша» России в многополярном мире», «О некоторых критериях международных сопоставлений (на примере региона Африки к югу от Сахары): опыт эмпирического исследования. (К поиску методологии и оценке компаративистских подходов в международных сопоставлениях)», «Китай в Африке: есть чему учиться?», «Африканская традиционная этика в контексте современности», «Глобальные вызовы и конфликты в зеркале африканских событий», «Проблемы цивилизационной идентичности России в исторической ретроспективе: вызовы времени и поиски ответов», «Африканская этика и ее роль в поисках возможностей изменения вектора цивилизационного развития» и др. Советник Торгово-промышленной палаты Московской области по развитию отношений со странами Африки (РСРОСА). Член Делового совета Россия—ЮАР.

² «The map is not the territory». Этот принцип, впервые сформулированный основателем общей семантики Альфредом Кожибски (1879–1950), отражает фундаментальные различия между нашими «картами мира» и самим миром. Похожие идеи находим в теории трансформационной грамматики Наума Хомского. *Korzybski A. Science and Sanity: An Introduction to Non-Aristotelian Systems and General Semantics* / pref. by R. P. Pula. Institute of General Semantics, 1994.

³ Однако «власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно». (англ. Power tends to corrupt, and absolute power corrupts absolutely — Дж. Актон (1834–1902), английский историк и политик). *Колкер Ю. Лорд Актон: свобода и нравственность* // Лорд Актон: Очерки становления свободы / пер. Юрия Колкера. Л.: Overseas Publications International Ltd., 1992.

⁴ Пример — убийство Гипатии Александрийской. См. об этом, например: Ари Алленби. *An Astronomical Murder?* // *Astronomy and Geophysics*. 2010. Apr. URL: http://samlib.ru/a/ari_a/hypatia.shtml

определения «свой–чужой», формирует образцы для подражания и идентификации¹.

Под осознанные цели развития и понимание задач, которые необходимо решить, создается финансово-экономическая система, обеспечивающая реализацию «проекта». Финансово-экономическое направление определяет уровень материального благосостояния людей и определяет пути наиболее эффективного развития и достижения целей, заявленных на первом из обозначенных уровней. Кроме того, выстраивается система образования, формирующая кадры, которым и предстоит пошагово, каждому в своей области, реализовывать модель будущего общества.

Без создания стройной системы в этих областях, которая не будет содержать взаимоисключающих противоречий, общество обречено на саморазрушение или катастрофический сценарий развития. История показывает, что истинное объединение народов возможно только в том случае, если они принимают единую мировоззренческую модель. Если такой модели нет, начинается распад целого по самым разным основаниям — национальным, религиозным, ценностным, а за этим следует череда конфликтов, войн, саморазрушения. Вступает в силу известный принцип «Разделяй и властвуй».

Сегодня мир столкнулся с проблемами, которые не имеют решения в рамках старых моделей урегулирования. Конец XX и начало XXI века продемонстрировали ограниченность возможностей сложившихся инструментов поддержания мира и международного порядка. Без создания новой, включающей мировоззренческий компонент парадигмы стратегического развития мир может оказаться на грани радикальных катастрофических трансформаций.

Если мы будем рассматривать цивилизацию как сложную многоуровневую устойчивую систему, то понятия «кризис цивилизации» и «кризис системы» будут тождественны. Далее мы будем употреблять термин «системный кризис», так как он подразумевает структурирование процессов, выявление прямых и обратных связей, целеполагание.

Итак, системный кризис цивилизации — это разрушение цивилизационных основ, цивилизационных кодов², следствием чего является дефрагментация или принципиальное изменение системы, затрагивающее все обозначенные выше уровни ее функционирования.

Сто лет тому назад большевики сумели взять и удержать власть благодаря тому, что имели хорошо проработанную модель будущего страны, привлекательную для большинства населения, активно работали на историческом и идеологическом уровнях. Со временем они создали финансово-экономический блок,

с помощью которого можно было добиваться поставленных целей.

Система, элементы которой мы описали, является устойчивой и динамично развивающейся при условии согласованного гармоничного взаимодействия между перечисленными областями. Нарушение управленческой иерархии или деградация одного или нескольких элементов общей структуры приводит, в конечном счете, к системному кризису. Развал Советского Союза во многом стал следствием мировоззренческой несостоятельности коммунистической элиты, что повлекло за собой разрушение исторической матрицы, снижение эффективности идеологии и, наконец, коллапс в финансовом и экономическом секторе. В дальнейшем это привело к тяжелейшему кризису в социальной сфере (образовании, культуре, науке, медицине и др.).

Сразу после исчезновения СССР — полюса, уравновешивавшего биполярную мировую систему, появилась работа Ф. Фукуямы о конце истории³. «Конец истории» — это утверждение означало, что человечество завершило свое эволюционное развитие, оптимальное общество на Земле сформировано, наступил новый мировой порядок в рамках однополярного мира, а активное распространение либеральных ценностей в виде новых демократий — венец эволюционного развития человечества. Эта идеологема с момента ее внедрения развязывала руки западной элите и позволяла оправдать любые ее действия.

На протяжении двух десятилетий фактически существовала модель однополярного мира, и сейчас можно обозначить ее основные элементы, исходя из принятой нами модели управления:

— субъектом управления является западная элита, доминирующую роль в которой играют элиты США и Великобритании;

— объект управления — социум, или все человечество;

— механизмы (технологии) управления — *мировоззренческие* (религии, язык, ценностные ориентации, философское описание мира и др.), *финансово-экономические* (использование единой финансовой системы с контролем над эмиссионными центрами резервных валют; Всемирная торговая организация; Международный валютный фонд; контроль над инвестиционными центрами; система различных «общественных» фондов и некоммерческих организаций, связанных с оппозицией в подконтрольных государствах; введение санкций и пр.), *военные* (использование вооруженных сил под видом оккупационных коалиций, миротворческих сил; проведение операций специального назначения, военных и государственных переворотов с использованием местной оппозиции⁴ и пр.).

Перечисленные механизмы в полной мере начинают применяться глобальным центром управления по отношению к России как к «периферии», пыта-

¹ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. С. 28–31.

² Цивилизации уникальны, и у них есть свой цивилизационный код. Этот тезис в последнее время стал весьма привлекательным и одновременно чрезвычайно дискуссионным. Код определяют как «сжатую информацию, которая предопределяет специфический вид цивилизации». Цивилизационный код можно понимать как ядро, ступень информации, определяющей различные формы самосознания и жизнеустройства. См., например: Сулакшин С. Цивилизационный код. URL: <http://rusrand.ru/tv/meaning/tsivilizatsionnyj-kod> (Передача «Обретение смыслов»).

³ Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134–155.

⁴ Интересно мнение С. Хантингтона: «Вторжение масс в политику порождает напряженность, что может создать угрозу для политической стабильности и, как следствие, для самого развития». См.: Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004.

ющейся выйти из-под контроля этой системы и отстаивать свои национальные интересы, а также к другим странам, стремящимся проводить самостоятельную политику.

«Эгоцентричная» модель мира существовала более двух десятилетий¹ — срок, достаточный для выявления важных процессов, характеризующих этот период. Вот некоторые из них: резкое снижение уровня жизни на постсоветском пространстве и в странах Восточной Европы; спад производства и резкое сокращение потребления ресурсов на этих территориях; развязывание войны в центре Европы (Югославия) и прецедент силового передела границ (Косово); уход из пространства международного права в сторону силового решения важных межгосударственных вопросов; невиданный ранее рост терроризма и использование этой силы как инструмента для достижения целей; выход из системы фундаментальных международных договоров, дестабилизирующий основы безопасности в мире (выход США из Договора по ПРО, расширение блока НАТО на восток и пр.); финансово-экономический кризис; навязывание карго-культы демократии взамен традиционных систем мировоззрения; общее снижение порога безопасности суверенных государств.

Высокая динамика перечисленных процессов и прогнозирование итогов данного вектора развития привели влиятельную часть элиты России после кризиса 1998 года к выводу: в целях самосохранения необходимо спасти хотя бы часть суверенитета, определить национальные интересы и постепенно создавать альтернативную модель, в рамках которой возможны более позитивные сценарии. В 1990-е годы дезинтеграционные процессы и деградация социальной и экономической сферы в России были устойчивыми и безальтернативными. Если бы в этот момент США взяли под контроль наши ядерные объекты военного и мирного назначения, это могло означать для России настоящий конец истории, но, к счастью, этого не произошло. Усилиями Виктора Владимировича Геращенко, Юрия Дмитриевича Маслокова, Евгения Максимовича Примакова удалось удержать страну от коллапса и запустить механизмы выхода из кризиса.

Но на мировоззренческом уровне России не была предложена модель будущего, не были определены достойные цели, не была сформирована модель развития.

Сегодня экономический блок правительства, как и прежде, ориентируется на Чикагскую монетарную школу Милтона Фридмана², на неолиберальную модель, согласно которой нужно встраиваться в глобальный рынок и занимать там свою специализированную нишу. Россия и заняла в рамках ВТО специализированную нишу сырьевого придатка ведущих мировых экономик. Если отбросить мысль российского генерал-фельдмаршала Христофора Антоновича Миниха, высказанную им 1765 году, о том, что «Русское государство обладает тем преимуществом перед другими, что оно управляется непосредственно самим Богом, иначе невозможно понять, как оно существует»³, то нам придется в очередной раз поставить вопрос: «Что делать?»

Цивилизация, лишённая объединяющей идеи и стратегии, будет обречена на разведение по религиозным, этническим, мировоззренческим, имущественным, культурным и другим направлениям. Такой сценарий не может нас устраивать.

В обозначенном контексте необходимы ответы на ряд простых вопросов. Какой должна стать Россия через двадцать лет? Может ли образ будущей России превратиться в мечту, к которой будут стремиться как наши народы, так и народы других государств? Какие задачи нам предстоит решить на этом пути, в том числе в науке, образовании, промышленности, сельском хозяйстве, социальной сфере? Какие смыслы будут диктовать цели большинства жителей России, что будет определять и формировать единство народа? Способна ли элита заменить конструктивной концепцией развития идеологический вакуум, заполняемый единственным стремлением — стремлением к обогащению?

Ответы на эти вопросы будут означать переход от манипуляции людьми к управлению, от имитации активности к реальному строительству, от атомизации общества к его интеграции. Времени на поиск ответов в современном, динамично меняющемся мире остается совсем немного. К поиску ответов на эти базовые вопросы должно подключиться научное сообщество России, интеллектуальная элита, способная учить уроки прошлого, проводить системный анализ настоящего и прорабатывать сценарии будущего. Чем быстрее и конкретнее будут сформулированы ответы на перечисленные вопросы, тем больше у нас будет шансов сохранить нашу уникальную цивилизацию.

¹ В настоящее время начались процессы выстраивания многополярного мира, возникает ряд альтернативных альянсов.

² См. об этом, например: *Блауг М. Фридмен, Милтон // 100 великих экономистов после Кейнса*. СПб.: Экономикс, 2009. (Б-ка «Экономической школы», вып. 42.)

³ URL: <http://www.aphorisme.ru/about-authors/minih/?q=5080>

Н. А. Хренов¹

КРИЗИС КУЛЬТУРЫ КАК ИТОГ ЕВРОПЕЙСКОГО ПРОЕКТА МОДЕРНА

В проблемно-тематическом контексте секции «Кризис цивилизации: будущее человека и человечества» понятие «цивилизация» как минимум может употребляться в трех смыслах: как синоним типа культуры, объединяющего несколько стран, как финальная фаза в истории какого-либо типа культуры и, наконец, как альтернатива культуры. В последнем случае под цивилизацией понимается все, что связано с материальным началом, а под культурой — с духовным. Цивилизация — это то, что относится к экономическим, индустриальным, урбанистическим, промышленным и другим подобным факторам истории. Факторам безличным, надиндивидуальным, искусственным, рассчитанным на большие человеческие коллективы. Культура — это то, что содержит личностное, игровое и природное начало.

В истории соотношение между духовным и материальным началами меняется. Чем ближе к современности, тем больше духовное начало уступает место материальному. У Шпенглера такой период обозначается как период цивилизации. Для него цивилизация — это и есть реальность духовного кризиса и, следовательно, кризиса культуры, точнее, типа культуры. Именно на финальной фазе разворачивается надлом и распад типа культуры как системы. Надлом же — свидетельство того, что правящая элита не способна, используя привычные средства, дать творческий ответ на исторические вызовы.

Й. Хейзинга связывает понятие «культура» с эстетическим началом, противопоставляя его научному и техническому, то есть цивилизационному аспекту. Он пишет, что представление об определенной культуре связано в первую очередь с достижениями в эстетической сфере, с произведениями искусства и литературы². Странно было бы ожидать от Хейзинги других выводов, ведь культуру он отождествил с игрой. Во всяком случае, игровое начало в культуре для него имеет определяющее значение. Но эстетика, как мы знаем по Канту и Шиллеру, есть наиболее очевидное

проявление игровой стихии. Поэтому эстетическое трудно локализовать — оно пронизывает все проявления бытия.

В историческом прошлом цивилизация и культура находились в единстве, но затем эти два начала стали постепенно расходиться. Уже в XVIII веке это ощущал Ж.-Ж. Руссо. Критику, обращенную им против городского образа жизни, можно считать и критикой цивилизации. Но дело не только в расхождении этих начал, но и в их конфликтности. Чем ближе к современности, тем активнее проявляло себя цивилизационное начало. Технологические, экономические, коммуникативные и урбанистические процессы заметно нарушили равновесие, и ведущей силой в истории стала цивилизация, а не культура, которая начала зависеть от цивилизации, представляя лишь один из ее уровней. Оказавшись в этом зависимом положении, культура стала уязвимой и начала демонстрировать те же пороки, что и цивилизация.

Конкретный период такой трансформации назвать трудно. Этот процесс разворачивался постепенно, причем в латентных, неосознаваемых формах. Но он происходил, и его результаты сегодня представляют опасность и для каждого человека, и для человечества в целом, так как человек извлекается из культуры и включается в процессы цивилизации. Лишаясь связи с культурой, он лишается свободы, стихийного развития и, следовательно, игрового фактора, исключая всякую функциональность и утилитарность по отношению к человеку, которые несет и утверждает цивилизация. Культура теряет самостоятельность и растворяется в цивилизации, лишается свободы и личности.

Противостоящий цивилизационному фактору игровой фактор для культуры значим еще и потому, что его содержанием является субъект. Субъективное начало — это стихия свободы, творчества и беспрепятственного развития, перманентного возникновения новых форм. Но субъект, как центр культуры, не может выражать свое внутреннее содержание, если оно не будет опредмеченным, не получит выражения во внешних формах. Однако, когда опредмечивание субъективного духа происходит во внешних, предметных формах, то эти формы приобретают самодовлеющее значение. Со временем происходит накопление и достигается избыток внешних форм³.

Развивая гегелевскую идею опредмечивания духа, Г. Зиммель писал: «Нам противостоят бесчисленные

¹ Главный научный сотрудник Государственного института искусствознания Министерства культуры РФ, профессор кафедры эстетики, истории и теории культуры Всероссийского государственного университета кинематографии им. С. А. Герасимова, доктор философских наук. Автор более 700 научных публикаций, в т. ч. книг: «Мифология досуга», «“Человек играющий” в русской культуре», «Кино: реабилитация архетипической реальности», «Зрелища в эпоху восстания масс», «Воля к сакральному», «Культура в эпоху социального хаоса», «Русский Протей», «Образы великого разрыва. Кино в контексте смены культурных циклов», «Социально-психологические аспекты взаимодействия искусства и публики», «Публика в истории культуры. Феномен публики в ракурсе психологии масс», «Социальная психология искусства: переходная эпоха», «Избранные работы по культурологии. Культура и империя», «Искусство в исторической динамике культуры» и др. Ответственный редактор периодических выпусков сборника «Теория художественной культуры». Председатель Комиссии междисциплинарного изучения художественной деятельности при Научном совете РАН «История мировой культуры», член Союза кинематографистов России, член Союза театральных деятелей России.

² Хейзинга Й. Тени закатного дня. Человек и культура. Западная Европа. СПб., 2010. С. 214.

³ Это обстоятельство натолкнуло Ж. Бодрийера на открытие в функционировании культуры симулякров как порождения цивилизации. Трансформация объектов культуры в симулякры, свободные от субъективных, личностных смыслов, позволяет отделить цивилизацию от культуры, помыслить цивилизацию как нечто самостоятельное по отношению к культуре. Такой отрыв опредмеченных форм от субъекта свидетельствует о том, что разворачивается переход от культуры к цивилизации. Отрыв объективированных субъективных форм от субъекта означает возникновение и функционирование цивилизации, приобретающей самостоятельное, независимое от культуры функционирование.

объективации духа, произведения искусства и социальные нормы, институты и познания, подобно управляемым по собственным законам царствам, притязающие на то, чтобы стать содержанием и нормой нашего индивидуального существования, которое в сущности не знает, что с ними делать, и часто воспринимает их как бремя и противостоящие ему силы»¹.

Суждение Г. Зиммеля делает понятными слова Й. Хейзинги о том, что многие сферы и порождения субъективного духа трудно отнести к сущности культуры. Например, сферы науки и техники. Так, по поводу науки он задает вопрос: «Не следует ли всякое научное открытие, всякое решение еще одной загадки природы рассматривать как безоговорочное культурное достижение?»². Ответ получился неоднозначным. «Сделавшая столь мощный скачок наука вместе со своей младшей сестрой, технологией, уже в XIX веке претендуют на то, чтобы их отождествляли с культурой. Но мы, к сожалению, знаем, что очень высокие формы научного развития могут сочетаться с ужасающим варварством»³. Когда Г. Зиммель говорит о способах внешнего выражения субъективного духа как духа творчества (прежде всего творчества культуры), которые могут обретать самостоятельное по отношению к культуре существование, то он имеет в виду культуру, а не цивилизацию. Но дело в том, что опредмеченный во внешних формах субъективный дух как дух культуры, обретающий самостоятельное по отношению к культуре существование, есть проявление уже не культуры, а цивилизации. Вместе с цивилизацией входит в мир то, что философы называют отчуждением. Следствие этого отчуждения — превращение человека из субъекта в объект, то есть функциональное, манипулируемое, несвободное существо.

Качественный скачок в прогрессе цивилизации произошел при переходе от доиндустриального общества к индустриальному, называемому обычно массовым обществом. Начало этого процесса относят к XVIII веку, но его бурное развитие пришлось на XIX и XX века. Характерным признаком перехода к массовому обществу стала урбанизация — миграция сельского населения в города, рост городского населения и, как следствие, «омассовление» всех сфер жизни. В переходной стадии на смену традиционной устной или фольклорной культуре приходит массовая культура как конкурент и гробовщик высокой профессиональной культуры. К нашему времени этот процесс достиг апогея, и надежды на то, что массовая культура сойдет на нет и уступит место высокой культуре, пока не оправдываются. Массовая культура по-прежнему будет расширяться, поскольку она в большей мере соответствует цивилизации, нежели культуре.

Именно в этом случае понятно неожиданное заключение Й. Хейзинги, который называет культуру «бесформенным монстром». Видимо, это ее обозначение является следствием ее превращения в служанку цивилизации. «В овладении и исследовании природы культура ушла бесконечно далеко вперед и невообра-

зимо тонко отшлифовала человеческий ум. Культура стала богаче и мощнее, чем когда-либо раньше. Но она не обрела подлинного, самобытного стиля, в ней отсутствует единодушная вера, в ней нет внутреннего доверия к собственной прочности, нет критерия истинности, нет гармонии и достоинства, нет божественного покоя. Она обременена таким грузом всяческого вздора и нелепых идей, какого никогда прежде не несла миру. Что делать человеку с этой культурой? Разве фантом, возникающий перед нашим взором при слове “культура”, имеет право носить это имя?»⁴.

Под воздействием цивилизации как системы функционирования опредмеченных артефактов угасает игровой дух как основа культуры. «Все больше и больше напрашивается вывод, что игровой элемент культуры с XVIII века, где мы имели возможность наблюдать его в полном расцвете, утратил свое значение почти во всех областях, где он раньше чувствовал себя “дома”. Современная культура едва ли еще “играется”; там же, где кажется, что она играет, игра эта фальшива»⁵. Отвечая на вопрос, что мешает игровой стихии сохраняться и возрождаться, Й. Хейзинга противопоставляет игре пропаганду. «Подлинная игра исключает всякую пропаганду. Она содержит свою цель в самой себе. Ее дух и ее атмосфера — радостное воодушевление, а не истерическая взвинченность. Сегодня пропаганда, которая хочет завладеть каждым участком жизни, действует средствами, ведущими к истеричным реакциям масс, и поэтому даже когда она принимает игровые формы, не может рассматриваться как современное выражение духа игры, но только как его фальсификация»⁶.

Вопрос о пропаганде как сфере, противостоящей игре, делает актуальным обсуждение вопроса о взаимоотношениях культуры и государства. В конечном счете соперничество в истории происходит между тремя институтами — культурой, цивилизацией и государством. Государство, с одной стороны, связано с культурой, с другой — с цивилизацией.

Усиление роли государства в истории стало особенно очевидно в XX веке, когда одновременно в нескольких странах возникла тенденция движения к тоталитаризму. Тоталитаризм — следствие нерешенных проблем, связанных со становлением массовых или индустриальных обществ. Хотя в XXI веке человечество изживает этот комплекс, он все еще представляет опасность. Тоталитаризм не изжит потому, что государство, как институт, стимулирует цивилизационный прогресс, но одновременно в своих гипертрофированных формах является следствием цивилизации.

Представая агентом цивилизации, государство в определенных формах способно представлять мощным средством отчуждения, а также способом функционирования некоей корпорации, утрачивающей связь с обществом, точнее, с массой, поскольку в тоталитарных государствах личность предстает для власти не субъектом, а объектом, то есть объектом манипулирования и пропаганды. Поэтому государство претенду-

¹ Зиммель Г. Кризис культуры // Зиммель Г. Избранное. М., 1996. Т. 1 : Философия культуры. С. 490.

² Хейзинга Й. Указ. соч. С. 251.

³ Там же.

⁴ Хейзинга Й. Указ. соч. С. 174.

⁵ Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992. С. 233.

⁶ Хейзинга Й. Homo ludens... С. 238.

ет на те функции, которые способна выполнять культура, но по тем или иным причинам она этого не делает. Утрачивая самостоятельность и растворяясь в цивилизации, уступая свои функции государству, культура становится бесполезной и ненужной. Государство политизирует культуру, «привлекает культурные силы себе на службу и все настойчивее претендует на то, чтобы ими распоряжаться. Намечается перевес политического над культурным, что означает потери и опасность для человечества»¹. Политизированная культура теряет связь с личностью, которая является «единственным сосудом, где хранится культура» (Й. Хейзинга), утрачивая способность обеспечивать смысловое основание бытия, индивидуальную и коллективную идентичность. Государство выступает в роли главного воспитателя и действующего лица в создании нового типа человека, идея которого стала элементом проекта модерна.

Именно это обстоятельство определило кризис европейской культуры, для которой проект модерна оказался разрушительным. Сформулированная в проекте модерна идея создания нового типа общества и человека, с одной стороны, отвергала традиционные критерии идентичности, с другой — предлагала созданные на основе разума новые ценностные парадигмы, отрицающие прошлое и устремленные в будущее². Модерн по своей природе футуристичен. Этот лежащий в основе новых индустриальных обществ футуризм модерна способствует отрыву человека от традиций, прошлого, истории и памяти. Между тем все эти феномены составляют существо культуры. Культура консервативна,

ибо она сохраняет и поддерживает модели поведения, передающиеся в истории от поколения к поколению, от столетия к столетию. Но общества, возникающие в Новое время, спешат освободиться от груза прошлого, от памяти.

Результатом освященных модерном инициатив чаще всего становится не культура, а нечто противостоящее ей по своей сущности, вытесняющее ее на периферию бытия человека и общества. Именно индустриальные общества, утверждающие либеральные ценности, как ни парадоксально, способствовали повышению статуса государства и выполнению им тех функций, которые ранее осуществлялись культурой, в частности функции формирования и поддержания индивидуальной и коллективной идентичности.

Проект модерна способствовал разрыву культурной целостности, лишил культуру органической связи прошлого, настоящего и будущего, что в итоге стало источником и причиной разрушительных для европейской цивилизации явлений и событий. Инновационная энергетика модерна вызвала череду революций, его либеральный пафос стал мировоззренческой основой формирования массового общества, которое, в свою очередь, вызвало к жизни античеловеческие тоталитарные режимы. К сожалению, осознание глубинных причин кризиса культуры и понимание ее роли в обеспечении духовной безопасности человека и общества приходит в ситуации, когда мир снова оказался перед катастрофой.

А. Н. Чумаков³

СОВРЕМЕННЫЙ МИР: НЕОБХОДИМОСТЬ СТРУКТУРНЫХ ПЕРЕМЕН

Вступление мирового сообщества в XXI век ознаменовалось переходом к многоаспектной глобализации и становлением целостности современного мира, который характеризуется теперь единством глобального человечества перед лицом общих угроз и все возрастающей взаимозависимостью различных общественных систем. Это существенно трансформирует мировую

¹ Хейзинга Й. Тени завтрашнего дня... С. 179.

² Катастрофа, происходящая сегодня на Ближнем Востоке, показывает, к чему приводит такая установка. Ведь Америка остается сегодня самым последовательным проводником проекта модерна — ее убежденность в универсальности распространяемых ею ценностей, в том числе и с помощью оружия, уязвима, как уязвим и проект модерна в целом.

³ Ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, профессор. Автор более 600 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Философия глобальных проблем», «Глобализация. Контуры целостного мира», «Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст», «Сущность современной глобализации», «Philosophy of Globalization. Selected articles», «Философские проблемы глобализации» (в соавт.), «Россия в глобальном мире: реальность и перспективы», «Глобалистика. Персоналии, организации, издания» (в соавт.) и др. Главный редактор журналов «Вестник Российского философского общества», «Век глобализации». Первый вице-президент Российского философского общества. Награжден медалью «В память 850-летия Москвы». Заслуженный профессор Финансового университета при Правительстве РФ. Лауреат Международной премии мира Гузи.

политику, глобальную экономику и предполагает переосмысление прежних ценностей, которые должны стать адекватными новым реалиям. Контуры же этих реалий явственно проступают уже сегодня и обусловлены следующими обстоятельствами.

Во-первых, начавшийся еще в эпоху Великих географических открытий экстенсивный процесс глобализации общественных отношений к началу XXI века *по форме* в своих основных чертах практически завершился. Это означает, что на планете уже не осталось мест, свободных от антропогенного воздействия, а территориальный передел, если такое происходит, сопровождается жестким противоборством практически всех влиятельных субъектов международных отношений. *По содержанию* же человечеству еще предстоит стать глобальным сообществом, что предполагает серьезную трансформацию мировоззренческих позиций, ценностных установок, сложившихся международных связей и отношений. Во-вторых, последнее десятилетие XX века сопровождалось фундаментальными структурными изменениями и тектоническими сдвигами в мировых делах, что обусловило новую расстановку сил на мировой арене и новый взгляд на происходящие события.

Мир на наших глазах становится целостным, порождая глобальную взаимозависимость и принципиально новые, никогда в истории не существовавшие трудности. При этом модель техногенного развития «исчерпывает себя, и в мире идет широкий поиск новых моделей»¹. Они призваны преодолеть глобальные проблемы и опасности, которые до этого были локальными (например, террор, наркоторговля и т. п.). В связи с этим за новыми угрозами, в том числе и за серией «цветных революций», дестабилизацией в Афганистане, Ливии, на Украине, войной на Ближнем Востоке, необходимо увидеть в первую очередь объективные основания и закономерности, чтобы успешно бороться не только с явлениями, но и с породившими их причинами².

Итак, на первый взгляд современный мир кардинально изменился буквально за последние десятилетия. Но так ли это? Не имеем ли мы дело с кульминацией более сложных, исподволь вызревавших процессов? Ведь переход от раздробленности, разобщенности и фрагментарности мировых общественных отношений к их целостности и глобальности для наиболее прозорливых умов стал предметом особого внимания еще в первой половине прошлого столетия. Достаточно вспомнить работы В. И. Вернадского, Тейяра де Шардена, К. Ясперса, Манифест Рассела–Эйнштейна и др. Однако для широкого общественного сознания эти изменения зримо проявились лишь в последние десятилетия, во многом благодаря наступлению информационной революции. При этом она осуществляется столь быстро и стремительно, что человечество не успевает не только адекватно реагировать, но даже в достаточной степени теоретически осмысливать суть происходящего.

Во многом это происходит потому, что новый, изменившийся мир пытаются объяснить с помощью установившихся, привычных понятий и категорий — таких, например, как «цивилизация», «демократия», «суверенитет», «общечеловеческие ценности», «международное право» и т. п. При этом остается без внимания то обстоятельство, что каждый из этих терминов, как и сложившаяся к настоящему времени система ценностей, этических и правовых норм, сформировался и наполнился определенным содержанием в условиях, принципиально отличных от тех, что имеют место теперь.

Также и основные принципы демократии, сформулированные в эпоху буржуазных преобразований и положенные в основу современных демократических институтов, обрели устойчивые формы пока только в отдельных странах и нуждаются в новом осмыслении, если говорить о применимости и распространении их в масштабе всей планеты. Из того, что мировое сообщество обрело и «общий дом», и общую судьбу, и общую ответственность за происходящее в мире, еще не следует, что демократические ценности и принципы организации общественной жизни, по которым живет

пока что меньшая часть человечества, автоматически будут восприняты остальным мировым сообществом. Во всяком случае, те усилия и активность, с которыми демократические ценности пытаются внедрить в другие, неприспособленные для этого культуры, по большей части вызывают обратную реакцию, порождая, как правило, дестабилизацию и конфликты³.

По факту получается, что в принципиально изменившемся мире пока еще никто не готов к кардинальной перестройке международных отношений, чтобы создать систему управления как минимум мировым хозяйством (не говоря уже о всей совокупности различных сфер общественной жизни). Такая задача не под силу ни одному государству; это может быть делом только абсолютного большинства человечества. Однако рост понимания того, что никто не может уклониться от участия в преодолении общих проблем, лишь обостряет споры о доле такого участия и мере ответственности различных сторон за ухудшение ситуации. Более того, разногласия множатся и становятся тем острее, чем дальше мировое сообщество, оставаясь поделенным на отдельные «национальные кварталы», втягивается в процессы глобализации. И это в то время, когда разрыв в уровне жизни и социально-экономического развития различных народов все больше увеличивается.

Данное обстоятельство является серьезным препятствием на пути соответствующих общественных преобразований и формирования глобального гражданского общества, которое в перспективе должно было бы сформироваться в результате преодоления фрагментарности и складывания целостного мира. Насколько осуществим в реальности такой ход событий — открытый вопрос. Но, что вполне очевидно, единому человечеству нет альтернативы, и в интересах сохранения цивилизации на планете должны установиться не только общие для всех принципы и правила совместной жизни, но и общая ответственность за судьбу каждого человека. Это вытекает уже хотя бы из того, что в глобальном мире серьезную опасность представляют даже изгой-индивиды, не говоря уже об изгоях-государствах. Но станет ли такое общество реальностью? Сумеет ли мировое сообщество от осознания своего единства перейти к реальному единению, стать при сохранении национальной идентичности обществом открытого типа или хотя бы уверенно вступить на путь демократических преобразований? Ответы на эти вопросы вовсе не очевидны.

Современное человечество являет собой пестрый, стихийно сложившийся конгломерат общественных систем, где отдельные государства не столько сотрудничают, сколько конкурируют, соперничают, противостоят и враждуют, предпринимая колоссальные усилия, чтобы отстоять собственные интересы, суверенитет и независимость. И это противоборство проявляется как в противостоянии «богатого Севера» «бедному Югу», так и в соприкосновении культур, ценностей, традиций Востока и Запада. При этом тон в мировых делах задают развитые страны Запада, которые

¹ Современные глобальные вызовы и национальные интересы: XVII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 19–21 мая 2016 г. СПб.: СПбГУП, 2016. С. 307.

² Ильин М. В. «Арабская весна» в мир-системном контексте // Век глобализации. 2016. № 3 (19). С. 140–142.

³ См.: Культура в условиях глобализации: взгляд из России: кол. моногр. М.: КНОРУС, 2017.

действуют согласованно (с определенными оговорками), как одно целое.

Отвлекаясь от деталей стратегического партнерства и частных интересов этих государств, следует констатировать, что взаимопонимание, которого они достигают, базируется на общих демократических принципах и основах, выработанных и внедряемых в общественное сознание со времен эпохи Просвещения. Заметим, что для каждой из этих стран эпоха Просвещения была своя, отразившая и своеобразие, и специфику того или иного народа, но преследовавшая по сути одни и те же цели, решавшая сходные задачи — развитие гражданского общества и формирование демократических институтов.

Восток, исламский мир, развивающиеся страны в силу известных причин таких трансформаций не переживали, а в России, например, приход эпохи Просвещения несколько раз назревал, но по существу так и не состоялся¹. Это одна из немаловажных причин того, что и в России, и на Востоке, не говоря уже об исламском мире или Африке, плохо понимают не то что базовые ценности, но порой даже терминологию, основные понятия западной цивилизации. А на Западе, в свою очередь, не могут или не хотят понять и признать как данность иное, незападное мировоззрение и, в особенности, те трудности, которые возникают в результате столкновения такого мировоззрения с культурой, ценностями, технологиями западной цивилизации.

Итак, современный мир по всем основным параметрам общественной жизни стал глобальным, а в реальной политике субъектов международных отношений это пока еще не находит адекватного отражения, как нет и должного понимания того, что отсутствует абсолютно необходимая система управления этим качественно изменившимся миром. И это при том, что без создания такой системы управления человечество как целостный организм не имеет шансов на благополучное будущее. В связи с этим перспектива дальнейшего общественного развития в немалой степени зависит от правильного определения исходной позиции, в которой мы сегодня находимся, и оценок наиболее значимых положений сложившейся реальности. Отметим лишь некоторые из них.

1. На фоне обострения международных отношений становится все более очевидным, что управлять мировой глобальной системой даже в одной сфере (эконо-

мической) из одного центра (каким бы мощным он ни был) не представляется возможным. Мировое сообщество, представленное национальными государствами, всегда было и теперь являет собой многополярную систему, в которой необходимо находить консенсус по принципиальным вопросам, касающимся управления данной системой.

2. Существующие в настоящее время международные структуры и организации, и прежде всего ООН, не в состоянии выполнить функцию управления глобальным миром, поскольку создавались в иных условиях и изначально были ориентированы на решение других задач.

3. История и опыт управления национальными государствами дают основание полагать, что мировое сообщество все больше нуждается в общей системе основополагающих ценностей и общечеловеческой морали, а также в дееспособном глобальном праве (причем не международном, а глобальном).

4. Сегодня уже вполне очевидно, что глобальное мировоззрение и планетарно ориентированное сознание все больше становятся объективной необходимостью, тогда как общечеловеческая мораль и глобальное право еще не стали реальными факторами общественной жизни мирового сообщества. При этом если формированию всеобщих моральных принципов препятствуют национальные культуры и их ориентация на собственные ценности, то трудности установления глобального права объясняются отсутствием не столько соответствующих правовых актов, сколько механизмов приведения их в исполнение и обеспечения неотвратимости наказания в случае несоблюдения законов.

Среди ученых и специалистов растет понимание того, что современный нарастающий глобальный дисбаланс принципиально отличается от всех имевших место ранее и может быть преодолен только радикальной трансформацией международных отношений². При этом должны появиться принципиально новые структуры управления глобальным сообществом. Будет ли это нечто наподобие конфедерации или еще какая-либо поддающаяся управлению мировая система — не суть важно. Важно то, что сложившаяся ситуация к лучшему не изменится и решение должно быть найдено во избежание еще более серьезных противоречий и потрясений.

¹ См.: Культурная политика России: актуальные аспекты. М.: Проспект, 2015.

² Ласло Э. Глобальная бифуркация: время принимать решения // Куда движется век глобализации. Волгоград: Учитель, 2014. С. 9–12.

Я. Г. Шемякин¹

КУЛЬТУРА КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ПРЕДЕЛ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В общественной мысли последних десятилетий, в первую очередь западной, отчетливо проявляется тенденция сводить все содержание мирового исторического процесса на нынешнем этапе его развития к глобализации. В связи с этим возникают вопросы, которые можно сформулировать следующим образом: все ли глобализуемо? И возможна ли в принципе глобальная культура (или цивилизация) как некий единый организм?

В поисках ответа на эти вопросы я обратился к концепции степеней (типов, форм) интеграции элементов культуры, выдвинутой П. Сорокиным. Он выделяет четыре уровня такой интеграции:

1) «...пространственное, или механическое, соседство (от неустойчивого и случайного соединения двух или более культурных объектов до механического сцепления элементов в рамках одного структурного единства — скажем, склеенные, цементированные, сшитые или связанные друг с другом элементы);

2) ассоциация под воздействием внешнего фактора;

3) причинная, или функциональная, интеграция;

4) внутреннее, или логико-смысловое, единство».

К первой из обозначенных форм интеграции «относится любой конгломерат культурных элементов (предметов, свойств, ценностей, идей) на данном участке социального и физического пространства, имеющий в качестве единственной объединяющей основы пространственное или механическое соседство»².

Во втором из обозначенных случаев речь идет о ситуации, когда элементы, граничащие в пространстве, соединяются воедино под воздействием внешнего фактора³.

Третий тип интеграции — «причинное, или функциональное», единство. Иллюстрируя качественное различие между третьим и первыми двумя типами интеграции, Сорокин противопоставляет образ дома как реализованного структурного и функционального единства и образ сложной во дворе груды материалов, из которых дом может быть построен. Сорокин подчеркивает, что в этом случае речь идет о более высокой степени интеграции, чем в первых двух. Главный принцип построенная данного типа взаимосвязи — «осязаемая, заметная, фиксируемая непосредственно

зависимость (взаимная или односторонняя) переменных величин или элементов друг от друга или от системы в целом». «Если за переменной A всегда следует B <...> мы говорим, что они находятся в функциональной взаимосвязи»⁴.

Наконец, четвертый уровень интеграции — «логико-смысловое единство» элементов культуры — «это высшая форма интеграции», «сверхинтеграция»⁵. Поскольку «высшие ценности и комплексы ценностей любой великой культуры относятся к разряду логико-смысловых единств, именно этот уровень и придает ей социокультурную <...> индивидуальность <...> особый стиль, облик и характер»⁶.

Как подчеркивает Сорокин, в рамках логико-смыслового единства связь частей «гораздо глубже, чем в случае простого функционального объединения»⁷. Сравнивая третий и четвертый уровни интеграции, русский мыслитель отмечает, что «причинно-функциональные» формулы интеграции предоставляют в наше распоряжение «образцы единообразия (patterns of uniformity)»⁸.

Логико-смысловой метод упорядочивания хаоса — принципиально иной, поскольку «упорядочивающим элементом здесь служит не однообразие, не схожесть связей между отдельными переменными, а тождество смысла...»⁹.

Впрочем, по замечанию Сорокина, третий и четвертый уровни интеграции вполне могут сочетаться: часто логико-смысловая связь между переменными «сопровождается и причинной их связанностью»¹⁰.

Принципиально важен вывод Сорокина о том, что о системной связи в прямом смысле слова речь может идти лишь на третьем и четвертом уровнях интеграции: «Поскольку речь идет о логически и функционально интегрированных системах, то есть о системах настоящих», то они обладают несколькими фундаментальными свойствами. Во-первых, их отличают определенная степень автономии и внутренняя саморегуляция. Во-вторых, наличие автономии предполагает, что «функционирование, изменение и судьба системы определяются не только и не столько внешними обстоятельствами (за исключением катастрофических случайностей), но и самой ее природой и отношениями между ее частями». Любая «внутренне интегрированная система является автономным саморегулирующимся, самоуправляемым или «сбалансированным» единством. Жизненный путь системы во многом предопределен в момент ее рождения»¹¹.

¹ Главный научный сотрудник Центра культурологических исследований Института Латинской Америки РАН, доктор исторических наук. Автор 215 публикаций, в т. ч. монографий: «Европа и Латинская Америка: взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории», «История мировых цивилизаций. XX век», «В поисках смысла. Из истории философии и религии», «Латинская Америка: традиции и современность» и др.; статей: «Глобальное, универсальное, локальное: соотношение понятий и соотношение реальностей», «БРИКС в стратегической перспективе», «Мыслеобраз границы: социокультурные проекции» и др. Заместитель главного редактора энциклопедии «Латинская Америка». Член Ассоциации исследователей иберо-американского мира.

² Сорокин П. Социальная и культурная динамика. Исследования изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб., 2000. С. 21–22.

³ Там же. С. 22.

⁴ Сорокин П. Указ. соч. С. 22–23.

⁵ Там же. С. 26–27.

⁶ Там же. С. 32–33.

⁷ Там же. С. 26.

⁸ Там же. С. 28.

⁹ Там же. С. 29.

¹⁰ Там же. С. 32.

¹¹ Там же.

* * *

Теперь попробуем спроецировать схему П. Сорокина на глобальный уровень. При определенном ракурсе рассмотрения можно сказать, что в конечном счете все составляющие «мира людей» имеют в качестве первичной объединяющей основы «пространственное соседство» на планете Земля. Аналогичным образом можно констатировать, что общие условия жизнедеятельности человека определяются совокупностью физических параметров нашей планеты. В этом смысле можно говорить о том, что единство человечества обусловлено внешними факторами — общими условиями функционирования природного мира Земли. Если использовать схему Сорокина, то получается, что на первом и втором уровнях глобальная интеграция «мира людей» наличествует изначально, и с этой точки зрения глобальность может быть рассмотрена как предварительное условие существования человечества. Однако ни на первом, ни на втором уровнях (по Сорокину) «интеграция» не предполагает формирования системы *реальных* связей между различными составляющими «мира людей». Будучи предварительным *условием* его существования, глобальное на данных стадиях еще не стало *реальностью* этого мира.

* * *

Итак, по Сорокину, системная связь в прямом смысле слова может быть двух видов: функциональная и логико-смысловая. Возможно ли создание глобальной системы, охватывающей все человечество, соответственно третьего и четвертого уровней интеграции?

Как нетрудно заметить, в интерпретации Сорокина ассоциация, базирующаяся на принципе функциональной связи, уподобляется механизму, действующему по заданной программе, зависимость между элементами системы здесь носит однозначный характер, не допускающий каких-либо отклонений. Данный тип системности основан на жестком детерминизме. Возможно ли единая мировая система, основанная на функциональном типе связи? Полагаю, что реалии мировой истории побуждают к тому, чтобы дать положительный ответ на этот вопрос. Там, где организация человеческого общества действует как безличный и надличностный механизм, возникает именно такая системная связь. Наверное, самый яркий пример — мировой капиталистический рынок.

Но что означало бы создание глобальной системы на логико-смысловом уровне интеграции (так сказать, глобализация всего)? В интерпретации Сорокина, как следует из вышеприведенных высказываний, ключевое слово, определяющее сущность этого уровня, — «смысл». Лучшее, по моему мнению, определение этого термина дал М. М. Бахтин: «Смыслами я называю ответы на вопросы. То, что ни на какой вопрос не отвечает, лишено для нас смысла»¹. Логико-смысловый уровень интеграции складывается на основе ответов, данных той или иной культурно-исторической общностью на ключевые, коренные вопросы человеческого бытия. Глобализация на логико-смысловом уровне означала бы, что все культуры дают одни и те же ответы на эти вопросы, а следовательно, что многообразие мира исчезло. Однако совершенно очевидно, что разные культуры и цивилизации дают разные ответы, по-разному подходят к решению ключевых проблем-противоречий человеческого существования. Взаимодействие между ними представляет собой напряженный диалог-спор *различных* смыслов. Допустить, что может существовать единый и единственный для всех смысл, — значит отрицать онтологическую реальность разнообразия человеческого мира. По этому поводу высказывались очень многие ученые и мыслители. Наиболее убедителен в этом плане, на мой взгляд, М. М. Бахтин, обосновавший в рамках своей «диалогики» принципиальную невозможность подобной унификации смыслов².

Из этих рассуждений следует вывод: глобализация на логико-смысловом уровне невозможна. Попытка ее осуществить означает стремление навязать смыслы одной, доминирующей на иных уровнях бытия культуры цивилизационного масштаба всем остальным. Гипотетическая реализация данного сценария означала бы уничтожение многообразия, следовательно, лавинообразный рост социальной энтропии, перспективу деградации и в конечном счете гибель человечества.

Есть все основания полагать, что культура являет собой *экзистенциальный предел* процесса глобализации. И не культура вообще — культуры вообще, как и человека вообще, не существует. Культура, как и человек, всегда конкретна, обусловлена теми или иными обстоятельствами своего пребывания в истории и определенной природной среде.

¹ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 369.

² Там же. С. 370.

ДИСКУССИЯ**Выступающие:**

- А. В. АГОШКОВ главный редактор издательства «Наука и культура», кандидат философских наук
- М. Н. ВЕТЧИНОВА профессор кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Курского государственного университета, доктор педагогических наук
- Ю. К. ВОЛКОВ профессор кафедры права, философии и социальных дисциплин Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ
- В. С. ГЛАГОЛЕВ профессор кафедры философии МГИМО (Университет) МИД России, доктор философских наук
- А. А. ГУСЕЙНОВ научный руководитель Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
- Т. И. ЕРОХИНА проректор Ярославского государственного театрального института, заведующая кафедрой культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, доктор культурологии, профессор
- М. И. КОЗЬЯКОВА профессор кафедры философии и культурологии Высшего театрального училища (институт) им. М. С. Щепкина, доктор философских наук, кандидат экономических наук
- Г. Г. КОЛОМИЕЦ профессор кафедры философии и культурологии Оренбургского государственного университета, доктор философских наук
- Т. В. КУЗНЕЦОВА профессор кафедры эстетики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук
- В. А. ЛЕКТОРСКИЙ главный научный сотрудник Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор
- В. Е. ЛЕПСКИЙ главный научный сотрудник Института философии РАН, доктор психологических наук
- С. В. ЛУРЬЕ ведущий научный сотрудник Социологического института РАН, доктор культурологии, кандидат исторических наук
- И. В. МАЛЫГИНА проректор по научной деятельности Московского государственного института культуры, доктор философских наук, профессор
- В. Э. МАНАПОВА доцент кафедры гуманитарных дисциплин Дагестанского государственного университета народного хозяйства (Махачкала), доктор философских наук
- М. А. МАНУИЛЬСКИЙ заместитель главного редактора журнала «Человек» Президиума РАН, кандидат философских наук
- А. П. МАРКОВ профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ
- Л. В. МАТВЕЕВА профессор кафедры методологии психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор психологических наук
- А. Н. МОСЕЙКО ведущий научный сотрудник Центра цивилизационных исследований Института Африки РАН, кандидат философских наук, доцент
- М. Я. САРАФ профессор Московского государственного института культуры, доктор философских наук, заслуженный работник высшей школы РФ
- Т. Б. СИДНЕВА проректор по научной работе Нижегородской государственной консерватории (академия) им. М. И. Глинки, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ
- М. В. СИЛАНТЬЕВА профессор кафедры философии МГИМО (Университет) МИД России, доктор философских наук
- Л. В. СОКОЛЬСКАЯ доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Государственного гуманитарно-технологического университета (Орехово-Зуево, Московская обл.), кандидат юридических наук

В. С. СТЕПИН	руководитель секции философии, политологии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
В. Е. ТРИОДИН	профессор СПбГУП, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник культуры РФ
А. Н. ФАТЕНКОВ	профессор кафедры философии Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор философских наук
Е. В. ХАРИТОНОВА	старший научный сотрудник Института Африки РАН, кандидат психологических наук, доцент
Н. А. ХРЕНОВ	главный научный сотрудник Государственного института искусствознания Министерства культуры РФ, доктор философских наук, профессор
А. Н. ЧУМАКОВ	ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, профессор

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Коллеги, начинаем работу нашей секции. У нас сложилась многолетняя традиция, что в дискуссии выступают те, кто считает это важным для себя. У нас очень сложная интересная тема, которая уже обсуждалась и на пленарном заседании, и в панельных дискуссиях, так что желателен откликаться на эти обсуждения. Если у участников нашей секции возникнут вопросы или комментарии, было бы интересно их услышать и получить ответы. Итак, слово предоставляется главному редактору издательства «Наука и культура» Андрею Валерьевичу Агошкову.

А. В. АГОШКОВ: — Уважаемые коллеги, я благодарен участникам второй панельной дискуссии за то, что они, наконец, назвали вещи своими именами. Тот кризис, сдвиг или трансформация, как ни назови, относится, безусловно, к капитализму. Это умирание капиталистической системы. На мой взгляд, война двух миров, двух систем не прерывалась ни в 1991, ни в 1993 году. Ее итоги в виде социализации экономических укладов ощутимы гораздо больше на Западе, чем у нас. Один из докладчиков упоминал о том, что в ряде стран Западной Европы и Америки — Швеции, Финляндии, Франции, Германии, Канаде — достигнут высочайший уровень социальной защиты. Некоторые даже называют его коммунистическим уровнем развития социально-экономической системы. Именно в связи с этим менястораживает позиция западных коллег. Вчера они в течение нескольких часов ходили вокруг да около, но вещи своими именами не называли. То ли стеснялись, то ли были чем-то напуганы. А наши коллеги — Акаев, Шмаков, Запесоцкий — не постеснялись и не испугались. И за это им большое спасибо.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется профессору Юрию Константиновичу Волкову.

Ю. К. ВОЛКОВ: — Смысл моего доклада, его содержание раскрыты в подзаголовке — «Образ кризисного социума в современной картине мира». Здесь

можно говорить о трех ключевых понятиях, или концептах, или терминах, — это «кризис», «картина мира» и «будущее». На мой взгляд, существует тенденция к тому, что, как во многих понятиях, заимствованных из субъективной логики, понятие «кризис» объективируется и в настоящее время воспринимается все-таки как результат реальных процессов, переходов в новое состояние. Если же говорить о картине мира, то первоначально термин, введенный Герценом, предполагал объективное знание о мире. И в дальнейшем, например в понимании Ясперса, был дополнен оценочной компонентой.

Если говорить о каких-то общих характеристиках современной картины мира, то я бы выделил здесь два главных признака. Это, во-первых, исключительная сложность современной картины мира, отсюда ее рациональность, а во-вторых, заимствование из естественной картины мира возможных идей направленности процессов. Это во многом созвучно тому, о чем говорил Дмитрий Сергеевич Лихачев, когда высказывался о возможности конструирования будущего. Тем не менее, несмотря на такую сложную и направленную картину мира, попытки прогнозирования будущего неоднократно предпринимались и на протяжении прошлого столетия, особенно его второй половины. То есть концептуальная основа для этого есть.

Не буду останавливаться на том, какие существуют варианты будущего. Достаточно сказать, что это по крайней мере алармистские или оптимистические проекты, сценарии. В докладе я называю работы эпохи кризисного сознания Сорокина, труды межсистемников, а также представителей радикальной географии.

И наконец, о том, куда мы идем и какое будущее нас ожидает. Здесь, на мой взгляд, главный вопрос в том, как понимать это будущее. Я придерживаюсь позиции, которую высказал, размышляя о предмете философии истории, профессор Межуев (похожую мысль можно найти у Делёза), что будущее — это образ живого настоящего, которое становится действительностью. Преодоление вечности, которая онтологизирует

направленность истории, — это не пустой звук, оно наполнено содержанием и смыслом. По мнению Межуева, например, это идея свободы, свободного времени, которая в Новое время была перенесена из сакральной вертикали сверхчувственного идеала в горизонталь. Поскольку она вызвала споры, потому что непонятно — то ли это свобода от труда, то ли свобода в труде, мне кажется, что современная ситуация, картина мира больше наполняет смыслом будущее, формирующееся постоянно, становящееся настоящим трагическим, героическим пафосом. И, возвращаясь к вопросу о том, куда мы идем, я бы сказал, что существуют два варианта развития событий. Один — это трагический пафос, который лучше всего проиллюстрирован идеей постепенного старения и смерти человечества, его вымирания. А второй — героический пафос, преодоление. И как раз легенда о том, как поступил апостол, чье имя носит Северная столица, говорит об идее выбора, раскрывает героический пафос.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово имеет профессор Владимир Сергеевич Глаголев.

В. С. ГЛАГОЛЕВ: — Уважаемые коллеги, я хочу откликнуться на слова Александра Сергеевича Запесоцкого относительно петербургского Дипломатического клуба и предложить несколько идей, будущего, с моей точки зрения, перспективны для будущего. Но прежде всего я хочу сказать, что Совет по международным отношениям выпустил трехтомник «Зарубежные ученые о теории международных отношений». Это огромный труд по программам будущего, которые планировались, по крайней мере западной мыслью, до 1914 года. В частности, есть фактор, связанный с темой моего выступления, — это нематериальные векторы международных отношений. И я имел удовольствие составить введение к блоку публикаций, связанных с этой проблематикой. Мне кажется, что проблематика сценариев термоядерной войны, которую так старательно обходили на пленарном заседании как очень неприятную, была проигнорирована, потому что здесь встает целый ряд фундаментальных вопросов для будущего человечества. Видимо, на повестку дня следующего заседания клуба этот вопрос должен быть обязательно вынесен.

Мне видится, что сегодняшняя эпоха, насколько мы можем судить, будет эпохой продолжения ряда локальных войн, ведущихся традиционными средствами за традиционные цели. Африка — классический пример, но на Ближнем Востоке происходит то же самое. Это цели, связанные с простейшими геополитическими преимуществами, — контроль за населением, ресурсами и т. д. Но подготовка к войнам с применением ракетно-ядерного оружия, конечно, связана с участием великих держав современности. Не будем говорить о Южной Корее, которая шла в фарватере двух великих держав — Советского Союза и Китайской Народной Республики. Это подготовка к ситуации доминирования, сохранение доминирования либо создание геополитических преимуществ, которые позволят доминировать, то есть это, по существу, суперфьючерные

проекты, в которые вкладываются колоссальные средства. И это, прошу прощения за грубое слово, шизофреническая особенность состояния человечества в настоящее время.

Что здесь имеет смысл обсуждать дипломатическому клубу? Первое, конечно, — это факт, что сегодня наступил третий этап ядерного вооружения. Совершенствование ядерного вооружения непрерывно продолжалось на протяжении 70 лет. Все договоры касаются состояния ядерного вооружения на конец 1960-х — начало 1970-х годов, соответственно 40 с лишним лет технический прогресс не подвергался международному регулированию, международным контактам. Это огромная работа как для профессиональных военных технических специалистов, так и для людей гуманитарно-культурного профиля, без которого, понятно, создать вектор общечеловеческого обсуждения этих проблем просто невозможно.

Вторая очень интересная проблема. Сегодня ракетно-ядерное оружие не может функционировать без соответствующей системы управления, прежде всего радиотехнической, но радиотехническое управление показало свою нестабильность еще в 1961 году, когда «Царь-бомба», испытанная на Новой Земле, нарушила радиосвязь в радиусе сотен километров от взрыва в течение часа. То есть частоты уходят, и нет никакой гарантии, что сообщение придет туда, куда нужно, в кратчайшее время, в доли секунды. Отсюда на протяжении 40 с лишним лет разработка проектов крылатых ракет, имеющих автономную систему наведения по электронной карте, независимую от внешних помех, связанных с радиотехникой. Но тут возникает целый ряд вопросов, связанных с радиопомехами, которые сегодня можно создать с применением разного рода излучений от направленных источников радиоактивного воздействия. В общем, возникают большие проблемы с неустойчивостью этого процесса.

И третье — это устойчивость тех кабелей, по которым должна осуществляться связь между руководителями крупнейших держав в случае чрезвычайной кризисной ситуации. В нашей истории у советского правительства уже однажды возникала необходимость по открытым каналам связи обратиться к правительству Кеннеди, потому что все функционирующие системы не давали быстрого эффекта. Не было времени на шифровку, и пришлось открытым текстом по радио передавать, что мы готовы сесть за стол переговоров. Это было во время Карибского кризиса. Такого рода ситуации учитываются сегодня при разработке систем связи, в которых, во-первых, сигнал подается в любое время дня и ночи и, во-вторых, подача этого сигнала означает, что принимающая сторона обязательноотреагирует, потому что дальше события будут развиваться по заранее запланированному сценарию. Каждый руководитель ракетной базы или подводной лодки будет действовать по инструкции, составленной на несколько месяцев и, конечно, обновляемой для конкретной ситуации, но неизменной на случай прерывания правительственной связи.

Не буду вас пугать апокалиптическими сценариями, рассмотрим более оптимистические. Известно, что

все последние крупнейшие технологические и научные достижения так или иначе были связаны с военной сферой — либо создавались в ней, либо она финансировала их, давала зеленый свет, очень часто на всякий случай. Это проблема технологий двойного назначения, но развитие мирного профиля технологий — это, конечно, главный источник технологического прогресса для всех отсталых стран. А в некоторых областях мирных технологий, признаемся, мы очень сильно отстали. И для нас этот импульс, идущий от технологий двойного назначения, очень важен. Это тема, которая в будущем будет очень интересной и перспективной.

В заключение отмечу, что сегодня остро стоит проблема образования и культуры, без которых устойчивое стереоскопическое видение современной ситуации с непрерывными изменениями и колебаниями, происходящими иногда в считанные дни на международной арене, невозможно. Это необходимо закладывать в нашу систему образования, потому что это очень существенный момент.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется профессору Александру Николаевичу Чумакову.

А. Н. ЧУМАКОВ: — Абдусалам Абдулкеримович на пленарном заседании затронул проблему будущего. Это очень важный момент. О каком будущем идет речь? Вот в чем вопрос. В связи с этим позвольте мне обратиться к моим студенческим годам. Тогда на философском факультете в МГУ преподавал Игорь Васильевич Бестужев-Лада, и он эту тему с нами обсуждал. Еще одно имя, которое хотелось бы вспомнить, — это Эдвард Артурович Араб-Оглы. Эти два человека внесли значительный вклад в изучение будущего, который, на мой взгляд, до сих пор должным образом не оценен. И я в данном случае буду ссылаться именно на идеи этих ученых. Когда мы говорим о будущем, то говорим о будущем вообще, но мы не говорим о прошлом вообще. Мы всегда говорим о прошлом, имея в виду какие-то этапы, столетия, династии и т. д. А почему мы говорим о будущем вообще? Ученые предложили делить, дихотомировать будущее так же, как прошлое. Но тогда возникает вопрос: что положить в основу деления этого будущего? И они предложили знания о будущем. А есть у нас знания о будущем? Да есть. Какие? Прежде всего, конечно, достоверные, вероятностные, гипотетические и фантастические (это тоже знания, которые к нулю не сводятся). И в связи с этим они предлагали дихотомировать будущее на ближайшее, отдаленное, гипотетическое и фантастическое.

Какие знания преобладают относительно ближайшего будущего? Конечно, достоверные. Это знания о ближайших 5–10, максимум 15 годах. Следующее будущее — отдаленное, где преобладают вероятностные знания, в процентном отношении составляющие 30–60 % вероятности, случится или нет. И это будущее составляет примерно 15–40 лет. А дальше наступает гипотетическое будущее, так сказать, *maybe yes, maybe no* или *fifty-fifty*. Это будущее в пределах примерно от 40 до 75 лет. Следующий этап — 75–100 лет — это фантастическое будущее, где преобладают фантасти-

ческие знания. Я недаром вспомнил советский период 1970-х годов, когда Игорь Васильевич Бестужев-Лада обращался к нам: «Вот вы говорите (а тогда это было модно. — *А. Ч.*): коммунизм — светлое будущее человечества. О каком будущем вы говорите? Какие у вас познания об этом будущем?». Или был такой очень популярный тезис: капитализм не имеет будущего. Опять же о каком будущем вы говорите? Какие у вас познания о нем? Хотелось бы, чтобы мы имели в виду такой подход. К сожалению, о нем нигде не говорят. На некоторых площадках, когда была такая возможность, я высказывал свое мнение о нем, потому что этот вопрос достоин серьезного изучения.

А теперь хотелось бы отреагировать на те разговоры, которые ведутся вокруг глобализации. Здесь столько было сказано о ней, приведу некоторые эпитеты: «глобализация остановилась», «глобализация пошла вспять», «несправедливая глобализация», «либеральная модель глобализации». Все это я бы назвал, извините за непарламентское выражение, «сапоги всмятку». Сегодня о глобализации написано и сказано очень много. Существует множество справочных изданий: в 2003 году на русском и английском языках вышла глобалистская энциклопедия, в 2006-м — энциклопедический словарь, где собраны статьи 648 авторов из 58 стран мира, и др. И это далеко не все, я не беру другую литературу, например труды факультета глобальных процессов МГУ, существующего 10 лет, сборники Международного конгресса по глобалистике, на который собирается весь мир. Подобные форумы проходят не только в России, но и по всему миру. Но мы все еще продолжаем говорить о глобализации, не имея возможности аргументировать. Поэтому я могу вас отослать не только к своей литературе и указанным справочным изданиям, но и на YouTube, куда я выкладываю свои дискуссии и лекции (скажем, в Казанском федеральном университете), в которых излагаю свою позицию. Сейчас я только скажу, как понимаю глобализацию, с тем чтобы потом объяснить, почему так жестко реагирую на такие высказывания.

Дело в том, что из того, как вы понимаете глобализацию, в значительной степени будет вытекать и то, что вы будете предлагать с точки зрения будущего, с точки зрения выхода из этой ситуации и т. д. Рабочее определение глобализации — это становление целостных структур связей и отношений в планетарном, глобальном масштабе. Этимология слова должна быть в центре внимания, поэтому скажем, что это становление таких структур связей и отношений в различных сферах общественной жизни. Мы посмотрим на глобализацию как на объективный исторический процесс, дополняя это определение. Когда начинали говорить о глобалистской проблематике, термина «глобализация» еще не существовало. Он появился только в 1990-х годах. У нашего глобалистского патриарха, философа Ивана Тимофеевича Фролова, которого не стало в 1999 году, вы нигде не найдете упоминания слова «глобализация», он этот термин не употреблял, говорил только о глобальных проблемах. Но это вовсе не значит, что глобальные проблемы — это следствие глобализации.

Пять лет тому назад в среде тех, кто занимается серьезными проблемами, мы стали более или менее понимать, что глобализация — это только один из глобальных процессов. Если опять-таки учитывать этимологию слова, то какие глобальные процессы я имею в виду? А что, атмосферные процессы — не глобальные? Они существуют столько, сколько существует атмосфера, в целом планета — порядка 5 млрд лет. А гидросферные процессы — круговорот воды — не глобальные? А биосферные процессы, существующие с тех пор, как возникла биосфера — 3,5–4 млрд лет? С этой точки зрения глобализация — это тоже глобальный процесс, только его отличие от тех естественных глобальных процессов в том, что в нем участвует человек.

Так что глобализацию не нужно бояться, ее нужно воспринимать как объективный процесс, потому что он один из множества. Здесь произошло смещение глобализации и локализации. Дело в том, что глобальные процессы поднимают локальные на другой уровень, как на озере волны поднимают со дна тину и вода становится мутной. Но это разные вещи — глобальные и локальные процессы. Но в этом разговоре мы упускаем еще один момент. Если говорить о глобальных процессах, которые начинаются с эпохи Великих географических открытий, то им предшествовали не локальные, а региональные процессы. То есть человечество, изначально будучи локальным, со времен Александра Македонского вышло на региональный уровень, а начиная с эпохи Великих географических открытий — на глобальный. А потом сама глобализация проходила в три этапа: сначала реальная глобализация, в XIX веке она становится фундаментальной, а мы живем уже в многоаспектной глобализации. В литературе об этом много написано.

В заключение несколько коротких тезисов. Когда мы говорим о глобальном управлении, то надо различать управление и регулирование, потому что управлять мы можем только на уровне государства, не выше. Европейский Союз показывает пределы, а глобальный уровень — это философский вопрос. Организацию Объединенных Наций, о чем здесь говорилось, ни в коем случае нельзя упразднить, потому что ничего другого подобного нет, но возлагать на нее управленческие функции невозможно, потому что она создавалась в других условиях, для других целей, она в лучшем случае регулирует международные отношения, не более. И последнее. Когда обсуждают международное право, то говорят, что оно развалилось. Хотя я не юрист, но 28 лет проработал в юридической академии, и поэтому мне не безразлично право. Я хочу сказать, что международное право никуда не делось, оно существует, просто натолкнулось на глобальные границы и показывает свою недееспособность. Речь идет об универсальном праве. Не надо бояться этого слова, давайте называть его глобальным правом. А вот возможно оно или нет?..

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Александр Николаевич — ведущий специалист по проблемам глобализации. Из Вашего выступления я понял, что глобализацию

надо понимать глобально, она включает много разных аспектов. Глобализация — лишь один из этапов какого-то более объемного, сложного процесса, который начался намного раньше, чем мы стали говорить об этом. Далее выступит профессор Ирина Викторовна Малыгина.

И. В. МАЛЫГИНА: — На нашем форуме два дня выступали такие выдающиеся мужи, что у меня первая мысль была отсидеться и отмолчаться, просто остаться наедине со своими размышлениями. Потому что, помимо страха, о котором говорили мужчины, я поняла, что мы в наш дискурс можем ввести еще две категории — уныние и отчаяние. И я, наверное, была близка к этому состоянию. Но я поддерживаю Андрея Валерьевича Агошкова, который начал с благодарности организаторам нашей дискуссионной площадки и нашим философам, которые действительно сделали предметом дискуссии то, что на протяжении предыдущих двух дней умалчивалось, — антропологический гуманитарный аспект всех тех глобальных изменений, о которых с такой тревогой здесь говорилось.

Александр Сергеевич Запесоцкий очень активно и настойчиво задавал вопросы: что за сдвиги происходят, что в этой системе меняется? Все меняется. Эмпирически наблюдаются такие мощные процессы, что мир просто сходит со своего места. Когда такое было, чтобы Восток и Запад так легко сошли со своих мест, так уверенно проросли на противоположных цивилизационных полюсах? Наверное, было, только это не было таким образом выражено. Та последовательность типов динамики, о которой писал академик Степин, традиционалистски, технологически меняется. Сегодня каждая из этих моделей развития — традиционалистская и технологически ориентированная — бьется за какой-то реванш, за то, чтобы навязать свои правила игры. Вчера часто вспоминали ДАИШ, ИГИЛ, и мы понимаем, что это, наверное, самая яркая, показательная иллюстрация этой истории.

Происходит действительно тотальная деконструкция, anomia, о которой тоже вчера часто говорили. И возникает вопрос: контуры будущего мироустройства сами собой обрисуются? Какой должен появиться субъект, чтобы все-таки эти правильные контуры обозначить, и есть ли хоть один шанс у него появиться? Мы понимаем, что это должен быть не просто какой-то глобальный человек, а человек глобально мыслящий или как минимум здравомыслящий, который был бы укоренен в культуре традиционалистской, где существует презумпция невиновности, где традиция — такая же безусловная ценность, как любые технологические достижения.

Мы пока об этом говорим меньше, а тем временем американские ученые зафиксировали появление новых поколений — поколения Y и уже прорастающего сквозь него поколения Z. Я бы, может быть, опять-таки промолчала, если бы не благодарная аудитория студентов, которые нас всех внимательно слушали. Это то поколение, которое сформировалось на фоне цифровой, информационной революции. Американские исследователи не очень хорошо его характеризуют, гово-

рят, что это поколение, для которого жизненный мир сжался до возможностей смартфона (не знаю, может быть, наоборот, развернулся благодаря им) и технологические достижения, сетевые коммуникации стали неотъемлемой его частью. Это поколение, как говорят, с незавершенной, разомкнутой идентичностью. Типичный представитель поколения *Y* или даже *Z* — это человек, который фланирует по смысловым структурам разных культур, на самом деле ни к одной из них серьезно не партисипируя, не природняясь. Это то поколение, у которого потребность в гуманитарной рефлексии пока есть, но постепенно упраздняется.

Сегодня понятие мудрости очень слабо задействовано и научным, и публицистическим дискурсом, не говоря уже о той самой любви к мудрости, которую культивировали древнегреческие мудрецы. Может быть, только в том контексте, в котором о ней писал Габриэль Марсель, размышляя о трагической мудрости: он говорил, что в современной культуре на статус мудреца, чей образ чрезвычайно размыт, претендует все общество. И если в XX веке такое высказывание казалось почти бредовым, то в XXI веке, с развитием искусственного интеллекта, эти прогнозы стали сбываться. Сегодня мудрец, философ, ученый, то есть производитель знания, и его потребитель становятся практически равными (прошу простить мне это намеренное упрощение) в обладании этим самым знанием. Молодому поколению эта череда трудоемких рефлексивных процедур движения к знанию, постижения знания иногда кажется обременительной и избыточной. Сейчас достаточно одним пальцем нажать на гаджет и, собственно говоря, присвоить в готовом виде знания, которые уже кто-то произвел. Мотивации к постижению, познанию мудрости тоже нет, потому что на шкале между элитарностью и маргинальностью статус ученого, философа, мудреца сегодня переместился в сторону какой-то маргинальной ситуации.

Я считаю, что все эти явления, которые я очень пунктирно обозначила, тоже являются весьма заметным глобальным вызовом. А если еще вспомнить, что современная российская и мировая экономика, о чем тоже много говорили, очень жестко ориентирована на технологический тренд развития, наукоемкие технологические области знания, что критерии науки сегодня меняются в пользу повышения экономической целесообразности, что рождает мифы об избыточности, несвоевременности гуманитарного знания, — это, конечно, серьезный вызов. Хотя мы вчера говорили, что закладываем фундамент будущего, но жить в этом будущем нашей молодежи — на мой взгляд, очень остроумно, — будущее возврату не подлежит. Поэтому будьте бдительны.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Предоставляю слово доктору философских наук из Дагестана Виолетте Эльдаровне Манаповой.

В. Э. МАНАПОВА: — Мое выступление в принципе во многом созвучно со вчерашним выступлением Александра Петровича Маркова о дальнейших сце-

нариях будущего. Действительно, мы, возможно, как часть европейской цивилизации, столкнулись с рядом вызовов, связанных с факторами социально-экономического плана, миграционной политики, не всегда продуманной внешней политики. Особое внимание сценариям будущего было уделено после глобального экономического кризиса 2008 года, когда перед философами встал вопрос: а что же дальше? И ряд философов предложили два основных сценария развития будущего: прогрессивный и регрессивный. Первый был связан с коммунистической моделью. У этого сценария было как бы три волны: первая — неолитическая революция, вторая — научно-техническая революция, третья — антропная волна. Ряд мыслителей считали, что следующая волна наступит с приходом коммунизма. Особенно часто стали говорить об этом сценарии после того, как в ряде стран к власти пришли политики, исповадавшие левые взгляды. Это главным образом Латинская Америка. Но, как показывает практика, может быть, я выскажусь немного пафосно, мировой капитал скорее всего не позволит подобное развитие ситуации. Мы видим, как лидеры этих стран постепенно либо уходят в отставку, либо их насильственно снимают с постов и т. д.

Второй сценарий, на наш взгляд, более реалистичный. Его можно назвать «Новое Средневековье». Это сценарий религиозный. Он связан прежде всего с миграционными процессами, которые сейчас происходят во всем мире. Причины их таковы: развивающиеся страны не имеют возможности вкладывать средства в социальную сферу; огромная безработица, эпидемии, локальные войны и т. д. Поэтому миграционные волны направились, конечно же, в сторону Запада, который, возможно, сам спровоцировал эту ситуацию, так как длительное время, практически до последнего времени, выплачивались достаточно крупные пособия всем прибывающим на территорию Европейского Союза. К чему привела эта волна? Прежде всего возросло количество мусульманского населения. Арабо-мусульманская цивилизация, в отличие от европейской или евразийской цивилизации, Китая, Японии, самая молодая. В отличие от всех перечисленных стареющих цивилизаций, причем в прямом смысле стареющих, потому что в связи со спадом рождаемости население быстро стареет, эта цивилизация достаточно быстро распространяет свои ареалы за счет естественного прироста, миграционных процессов и перехода людей из других конфессий в ислам. Это особенно ярко выражено в мусульманских регионах, где люди, традиционно исповедующие, к примеру, христианство, переходят в ислам. Кроме того, в догматике ислама заложена идея, что вся история единобожия — это история ислама. И естественно, это провоцирует неприятие другой культуры и вызывает протесты со стороны иного населения. И тут возникают разные бытовые локальные конфликты, причем ежедневные.

Россия тоже сталкивается с миграционными потоками, в основном из стран Средней Азии. Это так называемая трудовая миграция. Но это несколько другое. Если Америка пошла по пути миграционного выбора, когда в основном приглашаются специалисты высокого

уровня либо студенты, получившие стипендии, то Европа и Россия — по пути трудовой миграции. В связи с тем, что все это вызывает страх у обывателей, о чем говорилось на наших дискуссиях, этим чувством активно манипулируют политики. Кроме того, существует разочарование в законе, который часто не помогает добиться справедливости. В связи с этим рано или поздно политики захотят воспользоваться таким инструментом, как религия. Тот же Хантингтон говорил, что в критические моменты люди обращаются к фундаментальным ценностям, в частности к религии. И здесь уже, наверное, другая ловушка: мы видим, как активно представители религиозных конфессий вмешиваются в политику государств, социальную сферу, образование. То же самое происходит и в России. И здесь уже другая опасность, с которой мы, возможно, когда-нибудь столкнемся.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется профессору Владимиру Евгеньевичу Триодину.

В. Е. ТРИОДИН: — Честно говоря, я не попросил бы слово и не вышел бы к этой трибуне, если бы Абдусалам Абдулкеримович не заговорил здесь о часах Судного дня. И тут меня осенило: что-то мы все больше говорим об общем и не говорим конкретно о человеке, человеческое начало у нас отошло на задний план. А я бы хотел поставить конкретный вопрос непосредственно о человеке: если Германия Гёте могла превратиться в Германию Гитлера, если после двух мировых войн возникла угроза третьей, а Абдусалам Абдулкеримович Гусейнов заговорил о часах Судного дня, если мы столько говорили об экологических проблемах, а кто-то даже выдвинул концепцию экологического императива (нечто вроде Нагорной проповеди), тогда в принципе человек воспитаем или все это происходит по его желанию? По Достоевскому, человек — это поле битвы между Богом и дьяволом, и не всегда, а может быть, вообще никогда, Божественное не побеждает, а все чаще берет верх дьявольское. Цитирую Библию: «и раскаялся Господь, что создал человека на земле, и воскорбел в сердце Своем».

А я, как на исповеди вам говорю, пару дней назад тоже воскорбел в сердце своем. Почему? А потому что увидел отчет Генеральной прокуратуры, в котором было сказано, что все больше граждан с высшим и средним специальным образованием становятся преступниками. Значит, что получается? Чем больше мы с вами учим, тем преступники умнее и грамотнее. И здесь я хочу сказать, что педагогика не выдержала испытание жизнью, среда оказалась сильнее и значительнее воспитания. И тогда возникают очень серьезные вопросы. Не зияющие ли пустоты все эти педагогические концепции? Не строим ли мы в своем педагогическом воображении, а я тоже педагог с многолетним стажем, некие острова утопии? И не есть ли даже самые талантливые педагоги, к которым я, конечно же, отношу Александра Петровича Маркова, всего лишь «очарованные странники», думающие о том, что из их аудитории выйдут окончательно святые люди? А чтобы встать на защиту педагогов, я хочу сказать, что

мне этот вопрос кажется фундаментальным и главным. Я глубоко убежден в том, что вся наша образовательная и воспитательная система не может существовать конструктивно без ответа на вопросы: а) какое государство мы строим; б) какой тип личности нам нужен; в) какая система ценностей у нас есть?

Если подвести краткие итоги вчерашней дискуссии, то мы просто разводим руками, не зная, то ли у нас основные знания, то ли приблизительные. Мы все время цитируем памятник древнерусской литературы «Слово о погибели Русской земли», а слов о новой России, будущей России, которая нам нужна, мы не находим. То ли мы строим град Китеж, или европейскую систему ценностей, или новое евразийское государство, то ли возрождаемся как СССР? Статьи сказать, если мы без конца хорошо отзываемся о советской системе образования, то, очевидно, еще и потому, что она (я сейчас не говорю о том, хорошая она была или плохая) четко представляла себе, на какое государство работает, какая в нем система ценностей, какой тип личности ему необходим.

Сегодня мы всего этого лишены и поэтому не можем ответить на поставленные вопросы. А когда мы ответим на них, тогда начнется настоящая педагогика, и в ней самым главным будет человек, ориентированный не только на знания, но и на внутренние качества. Кто был с экскурсией в Царскосельское лицее, видел мемориальную доску, там только одна надпись: «Здесь воспитывался Пушкин». А я бы сегодня написал: «Здесь учился Пушкин». Когда мы будем обращать внимание на то, что, например, Марков называет душой человека, кто-то другой — внутренним миром, когда мы перейдем только от знаний к душе, или к нравственному кодексу, или к Нагорной проповеди, то сформируем симфонически мыслящую личность, соединим гуманитарное образование с технократическим, и гуманитарное поставим на первое место.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово имеет профессор Владимир Евгеньевич Лепский.

В. Е. ЛЕПСКИЙ: — Уважаемые коллеги, вчерашняя панельная дискуссия философов четко определила основания, по которым можно создавать какие-то подходы, концепции, технологии для движения человечества в будущее. Я попробую своими словами переформулировать, как я вижу эти основания и использую их в своей работе. Первый момент, самый главный: были четко определены ценности, причем их не так много. Фактически были выделены две базовые ценности: первая — сохранение человека и человечества и вторая — сохранение природы и окружающей среды. Из этих ценностей очевидно следует, что сегодня рыночный эгоизм и эгоизм общества потребления не могут работать на будущее. То есть экономика перестала быть локомотивом развития, что четко зафиксировали наши экономисты О. Т. Богомолов, Р. С. Гринберг и др. Запад на эту тему молчит, иногда только, между прочим, Обама и Саркози на крупных форумах высказывались о том, что сегодня капитализм с его эгоизмом в принципе не перспективен.

Второй момент. Когда мы пытаемся создать какие-либо механизмы движения вперед и как-то определить их контуры, возникает одна из принципиальных проблем — проблема сложности. Все дело в том, кто управляет? Сложность управляющего или управляющей системы и сложность объекта управления, которым является все планетарное сообщество, сегодня не соизмеримы. А они должны быть соизмеримы, чтобы это были более или менее грамотные ходы управления. Сегодня сложность так называемой вертикали власти, особенно в России, несопоставима со сложностью общества. Она в принципе не может управлять. Поэтому все законы, вроде бы благие, которые сейчас принимаются о стратегическом планировании, проектном направлении, — это сотрясение воздуха, они не реализуются на практике. Они приняты еще в 2014 году, но сегодня — ноль эффекта. Что же делать? В этих вопросах я базируюсь на концепции постнеклассической научной рациональности, которая является рыночной по отношению к предыдущим — и к неклассике, и к классике, поэтому вбирает в себя все технологии и подходы. На этой основе сегодня разработаны онтология и социогуманитарные технологии, которые я называю саморазвивающимися средами.

На самом деле эти идеи были разработаны еще в 1980-е годы, когда я отвечал за человеческий фактор в автоматизации управления страной, но сегодня они обрели очень четкие философские основания. Приведу пример внесения этих идей в зарубежный дискурс. В этом году мне довелось вести секцию на мировом конгрессе по системному анализу и кибернетике в Риме, где я высказал идею о том, что те управленческие подходы, которые сформировались на Западе фон Фёрстером и другими учеными, сегодня уже недостаточно совершенны. И мы вводим другой подход с позиций философских оснований российской культуры. Америка и Западная Европа не могут выйти на них в силу ограниченности из-за доминирования у них позитивизма, бихевиоризма, либерализма. Они не могут прийти к целостности. А сегодня целостность в движении вперед — это главная проблема. Кто-то здесь говорил о субъектности, но это не субъекты личности, личность здесь ни при чем. Личность важна в истории. Но здесь нужно создавать метасубъекты, которые не зависели бы от отдельных порывов личности. Мы создаем субъектные среды, то есть макросубъекты. На этом мировом конгрессе я выделил кибернетику третьего порядка — постнеклассическую социогуманитарную кибернетику саморазвивающихся сред.

Благодаря тому, что у меня сложились доверительные отношения с некоторыми влиятельными американцами, они меня не похоронили, а внимательно слушали, изучали мои идеи, отправили мою статью на экспертизу к шести экспертам со всех континентов. И все эксперты дали положительные заключения, что это действительно самое интересное, самое полезное, надо работать сообща. Сейчас намечено проведение конференций в Вене, Китае, симпозиум коллективных процессов управления в Институте философии в Москве, на который приедут ведущие американские и ев-

ропейские специалисты. То есть сегодня происходит, так сказать, вброс российской философии с учетом ее прошлого. Называли много фамилий, в том числе Вернадского. У нас совсем другие основания — основания целостности планетарного мировоззрения, мышления.

Те американцы, которые занимаются системами анализа кибернетики, сегодня подстраиваются под нас. Им трудно это делать после того, как в 1953 году у нас кибернетика считалась лженаукой, а в 1954-м в философских словарях уже стала светлым будущим человечества. Так вот сегодня в этом плане мы опережаем их. По практике, по разнообразным гаджетам мы плетемся далеко в хвосте, а через системный анализ и кибернетику выходим в мировые лидеры философских взглядов постнеклассики. Там нас пускают, а вот в остальных направлениях не хотят видеть нас лидерами. Здесь мы с Вячеславом Семеновичем Степиным обсуждали, что, наверное, это правильный ход двинуться в том направлении, пройдя локомотивом через самые главные проблемы управления. Кстати, мне поступают десятки предложений использовать мои технологии в Донецке, Луганске. Сегодня самый главный вопрос решен: мы получили грант на систему управления страной, и все другие структуры, которые связаны с ситуационными центрами, будут под нас подстраиваться.

— *Вы сказали, что субъект — это неактуально, а макросубъект — наоборот. А что такое макросубъект?* (вопрос из зала)

В. Е. ЛЕПСКИЙ: — Я решил не заострять на этом внимание. Если интересно, у меня на эту тему есть отдельная монография «Аналитика сборки субъектов развития». Там освещено все — от личности, группы, организации, структуры до мирового сообщества.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Я думаю, что в этой аудитории Вы тоже приобретете новых сторонников и соратников. Слово имеет профессор Маргарита Вениаминовна Силантьева.

М. В. СИЛАНТЬЕВА: — Я хотела бы очень коротко поделиться некоторыми мыслями, во многом инициированными блестящим выступлением Абдусалама Абдулкеримовича на панельной дискуссии, где был поставлен вопрос о времени. Мне кажется, что в рамках философского обсуждения категориальный анализ чрезвычайно уместен, потому что это как раз средство понять те возможные модели конструктивной сборки, по которым дальше двигается то или иное системное планирование. И здесь, мне кажется, встает очень серьезный вопрос — вопрос о поиске немотивированных самопроекции, которые можно с легкостью имитационно представить как некие объективные закономерности и затем с тем или иным успехом обосновать, предложить в качестве технологических конструкций. Поэтому я бы поставила сразу несколько вопросов: что такое кризис, почему он возник, как протекает, зачем мы с ним боремся, кто в нем находится и кто может ему

противостоять? Очень кратко раскрою каждый из этих пунктов. Прежде всего кризис — это греческое слово, и здесь трудно однозначно сказать, запад или восток Греции лежит в основе этого типа мышления. Собственно, тема кризиса культуры — это тема Ницше, который и акцентировал ее, потом она вошла в обиходную систему координат.

Что случилось с нами? Почему мы оказались в кризисе? Это прежде всего кризис мышления, разрыв онтологических мостов и, как потом сказал Поль Рикёр, обрушение мостов между временем и вечностью. Сегодня многие в позитивном ключе говорят о динамизме математики, представители естествознания и естественные гуманитарии тоже говорят о динамике. Да, это замечательно, — динамика, нелинейные связи к тому же, но если посмотреть вглубь, то динамизм в той или иной формулировке — историцизм ли это или антиисторицизм — это то, что разрушает стабильность по определению. Как же найти возможность остановиться? Прежде всего это вопрос о времени, этнологической причине кризиса и возможности поиска выхода из него. Мне представляется, что в основе понимания времени как трансцендирования заложены бомба разрыва с бытием и бомба, которая сегодня реализовалась в капитализации времени, — то, о чем писал Данте. И у него, как вы помните, ростошки оказались ближе всего к озеру Коцит. Почему? Потому что они спекулируют тем, что им не принадлежит, — временем. Время, которое выразилось в трансцендировании, разорвавшем связи со смыслом и бытием, не просто капитализировано, оно еще до предела симулятивно.

Что можно этому противопоставить и зачем нужно что-то противопоставлять? Зачем, думаю, — априори понятно, потому что человечество и человек хотят самосохранения. Что можно противопоставить самосохранению? Здесь я бы позволила себе небольшой комментарий к позиции академика Степина относительно ценностных матриц. Я бы даже сделала такой акцент: идет борьба за сохранение метаматриц, цивилизационных глобальных установок на то, что истина дана не как оценка — «ты прав, а он не прав», «правильно — садись, пять, неправильно — садись, два», а как установка, что есть что-то выше меня как единичного субъекта, выше нас как группового конструированного субъекта, есть что-то такое, что определяет беспощадную цену любого действия. Кстати говоря, я заглянула в словарь и была приятно удивлена тем, что слово «динамика» означает не просто мощь, скажем, вооруженных сил, движение, а еще и ценность, стоймость. А еще культура в смысле вспаханной почвы.

И последнее, что хотелось бы отметить: все-таки человек или постчеловек делает этот шаг к поиску баланса самого трудного состояния динамизма, причем баланса, который не статичен, а динамичен. Делает это, конечно, человек как проект и захвативший сегодня умы симулятор постчеловека. Я думаю, что это все-таки установка, которая растворится на основании идеи о том, что, как мы видим из истории, выживает то, что, может быть, не заявляет громко о себе и поначалу даже не имеет власти, но глубоко укорене-

но во вспаханной почве. Поэтому то единственное, как мне кажется, что мы можем делать, — это поддерживать устойчивую трансляцию здоровых понятий в их динамическом развитии. Да, меняется жизнь, меняется человек, но он не обязан становиться постчеловеком. Поэтому цены нет нашему образованию — здесь я соглашусь с коллегами. Путь нашего образования связан с понятиями нравственности, философией. Кстати, мы создали новый журнал, который называется «Концепт: философия, религия, культура». Мы это сделали не для профессиональных, так сказать, самопрезентаций, а для того, чтобы он стал своего рода площадкой. И я приглашаю всех к сотрудничеству.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Мы рады, что у нас появился еще один журнал, который вполне соответствует теме нашей секции. Пожелаем успеха этому новому начинанию. Слово предоставляется профессору Николаю Андреевичу Хренову, нашему лидеру в области проблем философии культуры и культурологии.

Н. А. ХРЕНОВ: — Последнее десятилетие мы много размышляли о культуре. И ректор Запесочский много занимался вопросами культуры, и Александр Петрович Марков исследовал эту тему. Они — большие энтузиасты. На Лихачевских чтениях мы все время касались этого вопроса. В этот раз как-то меньше об этом говорим. Между тем, выходя из режима тоталитаризма, мы возлагали большие надежды на культуру, то есть относились к ней как к средству преодоления кризиса в других сферах и вообще в государстве. Уже и экономисты начали говорить о культуре, ставя в зависимость от нее экономические процессы. Мы думали, если культуре позволят беспрепятственно развиваться, то все остальное наладится. Нет, не наладится. Она с этой миссией не справится. Почему? Да потому что культура сама больна и находится в серьезной опасности, которая связана с тотальным кризисом.

Чтобы показать это, нужно понять характер взаимоотношений между тремя «персонажами» — культурой, цивилизацией и государством. Под цивилизацией будем подразумевать не макроцивилизацию, о которой вчера говорили, а материально-технический блок. И я попробую эти три силы одушевить, оживить. Отношения между ними непростые, можно сказать, драматические, в истории они постоянно меняются местами, каждая из них стремится стать ведущей, от которой оказываются в зависимости все остальные. Это, если хотите, и причина кризиса, и в какой-то степени следствие стихийного развертывания процесса. С начала XX века главным становится все что угодно, но только не культура, хотя кажется, что это совсем не так, поскольку о ней все больше говорят. Возьмите русских символистов: они же не просто создавали картины, писали стихи, они сознательно ставили своей целью сформировать принципиально новую культуру. Помоему, большевики это просто позаимствовали. Спустя время Хейзинга пишет: «Культура обременена таким грузом всяческого вздора и нелепых идей, какого никогда прежде не несла миру». Философ вопрошает: «Что делать с такой культурой? Разве фантом, возника-

ющий перед нашим взором при слове “культура”, имеет право носить это имя?».

Нам, представителям отечественной науки, странно это читать, потому что мы последнее десятилетие переживали этап идеалистического отношения к культуре. Казалось, что остался только один институт, который себя не скомпрометировал в истории. Последнее десятилетие культура ассоциируется со всем позитивным. Возможно, такой образ культуры мы сами себе придумали. На основе этого настроения даже возникла целая наука, которую назвали культурологией. Но нам хотелось бы, чтобы так было, в реальности этого нет. А почему, собственно, возникла специальная наука о культуре? Первый ответ на этот вопрос такой: потому что очень много разрушили в культурном наследии, в человеческих отношениях и в экологии, поэтому именно у нас и активизировалась рефлексия о культуре и возникла целая наука. Но не только поэтому. Читая Бодрийера, я обнаружил у него мысль о том, что возникновение науки связано с утратой ее предмета или опасностью его утраты. У него, правда, речь идет об этнологии, но это неважно. То же в XX веке произошло и с культурой как с предметом науки.

Теперь о государстве. Вот уже несколько десятилетий мы пытаемся понять, почему в первой половине XX века государство вышло на первый план и как так получилось, что вместо средства выживания оно на какой-то момент превратилось в то, что обычно называют вызовом с большой буквы. Государство вытеснило культуру на обочину, самонадеянно взялось управлять ею и, следовательно, стало выполнять те функции, которые всегда осуществляла культура. И сегодня, между прочим, такие поползновения наблюдаются. Но ведь не только государство управляет культурой, но и культура — государством. Главная ее функция — выживание людей, обществ, всего человечества, только она это делает своими способами. Почему же культура в России оказалась вытесненной на периферию? Ведь еще в начале XX века все свидетельствовало о том, что на первые роли претендовала именно культура. Недаром этот период истории некоторые мыслители называют не только Серебряным веком, но и культурным Ренессансом, сравнивая его с западным Ренессансом XV–XVI веков, хотя другие его сравнивали с поздним эллинизмом, с распадом Римской империи. Не все считали, что это Ренессанс, некоторые полагали, что это декаданс. Видимо, в реальности было и то, и другое одновременно.

Искусство, как утверждали Рене, Руссо, Шиллер и другие, расцветает вовсе не в благополучные эпохи, а в эпохи упадка. В России были упадок, надлом и распад империи. Но поскольку российская цивилизация всегда существовала в форме империи, то это воспринималось и как распад цивилизации. Все-таки начало XX века свидетельствовало о том, что культура двигалась к радикальным изменениям, совершенствованию, но все обернулось очередной смутой в российской истории. Прекрасный филолог Топоров проводил параллель между XVII и XX веками: задумывали одно, а получилось другое, получился новый вариант империи в соответствии с византийской традицией.

Пожалуй, в реальности был не культурный Ренессанс, а всего лишь один из малых ренессансов. У Пановского есть такая идея: большому западному Ренессансу предшествовало несколько малых, еще до XV века. А дальше, как и на Западе, разворачивается Реформация, она то ли продолжает Ренессанс, то ли, наоборот, ему противостоит, стирает все его достижения. А почему? А потому что далее в истории начинается процесс омащования. Входя в историю, масса демонстрирует свою ментальность и то, что обычно называют тоталитаризмом, возникает на основе и при активном участии этой ментальности. И дело не в лидерах — сталины всегда находятся, дело в противоречиях рождающегося индустриального общества. Так мы приходим к государству — ситуации, когда государство стало играть первостепенную роль. И Хейзинга говорит: «Государство все более расширяет сферу своей деятельности... Намечается перевес политического над культурным, что означает потери и опасность для человечества».

Хотел бы только процитировать Фромма относительно последствий цивилизационного прогресса. Это суждение, мне кажется, способно поколебать наш восторг перед технологиями. Касаясь тяготения современного человека к техническому, а значит, неживому, он говорит: «Тенденция к возведению технического прогресса в высшую ценность связана не только с чрезмерным акцентом на интеллект, но, что особенно важно, с глубокой эмоциональной привязанностью ко всему механическому, неживому, изготовленному человеком. Пристрастие к неживому, которое в своей крайней форме оказывается пристрастием к смерти и распаду (некрофилия), в менее резкой форме ведет к безразличию по отношению к жизни вместо благоговения перед жизнью». Это к тезису Владислава Александровича Лекторского по поводу отношений между наукой и технологией и техникой. Технологии извлекают из человека то, что несет смерть. Технологии — это, конечно, чудо чудное, но ведь можно незаметно перешагнуть грань, когда человек начинает расчеловечиваться. И тут третьей мировой войны даже не нужно. И в конце я хочу вспомнить вчерашнюю метафору нашего ведущего, академика Гусейнова: «чикагские часы еще идут».

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется профессору Алексею Николаевичу Фатенкову.

А. Н. ФАТЕНКОВ: — Инновационный декаданс (так можно определить нынешнее состояние общества) — это разложение содержательных форм в угоду бессодержательным. Так называемое возвышенное падение — это не оксюморон. Когда традиционное общество говорит о возвышенном, подобные рассуждения корректны (там есть вертикаль, иерархия, низкое и высокое) и оно легко идентифицируется. Когда современное общество уничтожает иерархию и утверждает равенство, сложно отличить возвышенное от стороннего или от того, что лежит на поверхности. Надежных средств идентификации не существует. Инновационный декаданс — это основополагающая (скорее всего,

негативная) тенденция, но назвать ее кризисом в строгом смысле тоже нельзя.

На Лихачевских чтениях коллега из Канады П. Дуткевич озвучил негативную тенденцию, получившую распространение в современном мире, — тотальное вранье. Мы привыкаем ко лжи не только с экранов телевизоров, но и самим себе.

На заседаниях много говорилось о системе. Предполагается, что система обладает свойствами, несводимыми к свойствам элементов, из которых она состоит. Значит, антропные и человековключающие системы могут содержать элементы нечеловечности или даже бесчеловечности. Если речь идет о системном кризисе (если мы сможем его обнаружить и идентифицировать), то это кризис нарастания нечеловеческого или бесчеловечного в антропных или человековключающих системах.

Академик А. А. Гусейнов затронул тему капитализма. Если говорить о ситуации, сложившейся в нашей стране, то следует констатировать, что мы живем в капиталистическом обществе, мало чем отличающемся от западного, только приукрашенном традиционалистской мишурой. Без этой констатации все дальнейшие разговоры оказываются никчемными. Капитализм переживает очередную стадию, может быть, последнюю, но точно не высшую. Внутренняя логика капитализма такова: сначала доминирует реальный производитель, его сменяет производитель номинальный, на смену номинальному производителю приходит универсальный анонимный посредник — деньги. Сегодня деньги доминируют в мире, мир капитализма — это мир посредников и посредственности.

Относительно международного права я отчасти согласен с мнением В. Т. Третьякова, который сказал, что к праву апеллирует не сильный, а слабый. Чем чаще сегодня мы обращаемся к праву, тем чаще показываем, что недостаточно сильны. Международное право наличествует, но политики существуют не в праве, а рядом с ним. Потому что если бы политики существовали в рамках международного права, то они вообще не были бы нужны.

Поможет ли преодолеть кризис религия? Я, как человек светской культуры, а прежде советский человек (со склонностью к индивидуализму, либерального толка), считаю, что религия не поможет стратегически, потому что в религиозном плане человек — существо ведомое (его сверху кто-то направляет). Философия изначально учит принципиально иному: человеку тяжело жить в этом мире, но он (в слезах, иногда на четвереньках) может пройти по жизненному пути.

Что делать? Можно предложить много проектов людям, которые сегодня находятся у власти, но они будут бессмысленны, если мы не будем каждый день защищать свое достоинство, которое попирается со стороны технократии. Если мы сможем защитить собственное достоинство, то ко многим проектам отнесутся с большим вниманием.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Я хочу поблагодарить всех за сотрудничество и передать функции ведущего этого мероприятия академику Владиславу Александровичу

Лекторскому. А сейчас слово предоставляется профессору Михаилу Яковлевичу Сарафу.

М. Я. САРАФ: — Профессор Н. А. Хренов уже озвучил многое из того, о чем я хотел сказать.

Несколько слов о сущности системного кризиса (имеется в виду кризис цивилизации современного общества). Суть всякого кризиса (творческого, политического, экономического, кризиса в личной жизни) состоит в том, что становятся непригодными прежние способы и методы решения проблем. Возникает необходимость поиска новых методов, потому что старые уже нельзя применить. Поскольку функция всякой сложной системы (я имею в виду живые и социальные системы) заключается в способности к собственному воспроизводству, то кризис состоит в том, что система утрачивает эту способность или, по крайней мере, затруднено ее воспроизводство.

Поскольку сейчас от категорий цивилизации мы перешли к категориям культуры, следует сказать, что основная функция культуры — общественное воспроизводство — сохранится. Кризис современной культуры и ее современного цивилизационного типа обуславливает трудности или невозможность воспроизводства человека. Значит, нужны новые методы. Поскольку функция воспроизводства цивилизации достаточно сильна, функция воспроизводства человека ослаблена, отсюда противоречия в ее структуре (политические, религиозные и др.).

Актуальным становится определение методов обеспечения воспроизводства функций культуры и ее современных цивилизационных типов. Приведу пример. Воспитывая людей в духе гуманизма, классической литературы и марксистского мировоззрения, мы всегда уповали на то, что народ — движущая сила истории. А сегодня народ оказывается лишним, потому что нефть можно качать независимо от того, существует народ или нет. Кроме того, народ нужно кормить. Главный субъект, который мы понимали как субъект культуры, становится лишним, изживает себя. Этот парадокс должен быть преодолен.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — К микрофону приглашается профессор Галина Григорьевна Коломиец.

Г. Г. КОЛОМИЕЦ: — Вначале я хочу обратиться к молодому поколению и задать вопрос об их самоидентификации: «Кто ты такой?». Первое, что ответит российский студент: «Я — человек», тем самым он заявляет о своем достоинстве.

В качестве эпиграфа мне хотелось бы процитировать ст. 21 Конституции РФ: «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления. Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию». Речь идет, по сути, о двух сторонах человеческого достоинства: с одной стороны, об индивидуальном, религиозном, национальном, с другой — о достоинстве в широком смысле, человека вообще. С точки зрения чувства собственного достоинства Восток

и Запад, как мне кажется, имеют общую точку роста ценностей.

Древнекитайская философия гласит: «Целостная жизнь занимает первое место, ущербная жизнь — второе место, смерть — третье место, а жизнь под гнетом — последнее место». Самое страшное для человека — потерять достоинство (ущербная жизнь под гнетом).

С антропологической точки зрения можно сформулировать понятие человеческого достоинства в глобальном мире следующим образом. Во-первых, человеческое достоинство выступает в качестве идеальной модели этики ненасилия. Может быть, сегодня это звучит утопично, но мы должны руководствоваться этикой ненасилия и помнить о том, что сказано в Конституции.

Во-вторых, человеческое достоинство выступает важным фактором в осознании человеком и человечеством ответственности за существование глобального мира. Здесь мне хочется обратиться к тому, о чем говорил В. С. Степин: человек и человечество ответственны за существование глобального мира.

В-третьих, человеческое достоинство выступает важным фактором в утверждении достойного образа жизни благодаря разумной, созидательной деятельности. Согласно марксистской антропологии, родовая сущность человека — производить, человек — производитель. Но еще имела в виду и созидательно-творческая сущность. Человек — производитель, значит, потребитель. Если постоянно что-либо производить, то растет стремление к потреблению, которое мы не можем остановить. Само понятие «достойный» указывает на высокое качество состояния, его полноту и достаток. Где предел этого достатка? Возникает метафизическая безграничность, может быть, как путь к чему-то более совершенному и в то же время феноменальное проявление достоинства в границах возможного. В данном случае достоинство человека связано с главной силой — нравственной (этика).

В рамках школьного образования вводится дисциплина «Этика», причем в трех вариантах (на выбор) — религиоведение, основы конкретной конфессии или светская этика. То, что в нашей стране уделяется внимание этике, — хороший показатель.

Воспитание возможно только с точки зрения нравственной силы. Что может стать неизменным ядром в глобально меняющемся мире? Это неизменяемое вечное — принцип умеренности. Чувство меры было главным принципом этики, добродетели в Античности, на Востоке, но мы о нем забыли.

Академик Гусейнов высказал мысль о том, что техногенная цивилизация находится в кризисе. В этом можно усмотреть концепт предчувствия, который свойствен нашему миру, особенно молодежи. Приведу пример. Недавно я дала задание группе студентов-дизайнеров (35 человек) придумать современный концепт, который можно было бы выразить визуально. Все, не сговариваясь, сделали проект философского концепта — страх, хаос, лабиринт и пр. Мнение присутствующих студентов можно обозначить как концепт хаоса, в ощущениях преобладает концепт предчувствия. Воз-

вращаясь к теме нравственной силы, хочу сказать, что достоинство человека нужно воспитывать в процессе образования.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Слово предоставляется профессору Татьяне Викторовне Кузнецовой.

Т. В. КУЗНЕЦОВА: — Мое выступление посвящено особенностям русской цивилизации. Россия, как особая цивилизация, имеет свою специфику. Главными в концепции являются наличие высокого уровня образования, умственного капитала, поддержание информационных сетей, высокая потребность в творчестве с целью гармонизации с социокультурной средой.

Как справедливо сказал академик Моисеев, мы должны учитывать особенности русской цивилизации, менталитета, современного состояния огромного народа при решении проблем, связанных с выходом страны из экономических и нравственных тупиков.

Деньги пронзают историю насквозь, влияя на ее результаты и меняя человека. В них накапливается исторический смысл человеческой деятельности. Социальные силы человека уравнивают возможности и права людей, поэтому человек зачастую верит в сверхъестественные возможности денег. Социальные силы человека, опредмеченные в деньгах, меняются по мере возрастания их роли в обществе. Сегодня деньги в форме финансового капитала воплощают социальную силу человека, поэтому не остается сомнений во всемогуществе этого финансового капитала. Об этом писали Шпенглер, Гёте, Карл Маркс и др. Финансовый капитал олицетворяет высшую степень цивилизации, которой достигло человечество.

Человек современного типа занял место доминирующего вида и способен жить где угодно. Об этом писал еще исследователь эволюции Карл Циммер в своей книге «Эволюция. Триумф идей» (2013). Человек столкнулся с новой формой культуры — компьютером, который может более эффективно расширить возможности головного мозга, чем книга. Информация в компьютере хранится в более компактной форме, хотя это орудие способно обрабатывать информацию примерно на тех же принципах, что и человеческий мозг (компьютер воспринимает, анализирует и планирует). С 1970-х годов компьютеры начали объединяться во Всемирную паутину, которая теперь пронизывает весь мир. Действие Всемирной паутины охватывает весь земной шар, включая компьютеры, автомобили, кассовые аппараты, телевизоры и пр. Мы окружили себя глобальным мозгом, который соединен с нашим мозгом, а наш интеллектуальный вес все сильнее зависит от этой «грибницы».

Карл Циммер в своей книге «Эволюция. Триумф идей», в частности, писал, что компьютеры честно выполняют все, что мы им велит. Они могут управлять полетом межпланетного аппарата, совершающего маневры вокруг Сатурна. Поэтому сложно предположить, во что может вылиться эволюция глобальной компьютерной сети. Не исключено, что со временем наша культура станет дорогим гостем, мозгом-симбиозом. Может ли компьютер превзойти человека, кото-

рый в состоянии уничтожить все человечество? Конечно, может, но только в том случае, если за агрессивным роботом встанет агрессивный человек, заинтересованный в античеловеческих последствиях программы, заложенной в него.

Итак, история постепенно формирует все более человеческую природу человека. Недавно в СМИ появилась информация, что в течение 10 лет наука изменит нашу жизнь, например в космосе появятся заводы по производству таблеток, влияющих на человеческий разум. Дело философов и культурологов — определить, как будет формироваться история и как она повлияет на человеческую природу. В этом главный смысл нашей деятельности.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — На трибуну приглашается Максим Анатольевич Мануильский.

М. А. МАНУИЛЬСКИЙ: — Ключевой проблемой современного мира становится экспансия насилия. На одной из конференций А. А. Гусейнов выступил с идеей о запрете насилия как такового. Один из аргументов — использовать насилие в качестве исключения. Но это порочный принцип. На мой взгляд, необходимо добиться полного исключения насилия из жизни. Это непростая задача, возможно, даже невыполнимая. Ее решением должны заниматься ООН и международные организации.

В научной жизни имеются примеры, когда ученые выступали по поводу миропорядка, например манифест Рассела–Эйнштейна. Предлагаю на следующих Лихачевских чтениях разработать проект о запрете насилия и принять соответствующее обращение. В свое время Д. С. Лихачев создал «Декларацию прав культуры», сегодня этот документ имеет огромное регулятивное значение.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Слово предоставляется Аиде Николаевне Мосейко.

А. Н. МОСЕЙКО: — Пленарное заседание Лихачевских чтений подтвердило наши ощущения — мир неблагоприятен, набирает силу тенденция разрушения (среды обитания, семьи, религии, идентичности человека, этноса, государства и т. д.). Академик Гусейнов, на мой взгляд, правильно определил проблему, выделив два варианта будущего: первый — это улучшенное настоящее (или злое настоящее — такой вариант предложил сегодня один из выступавших); второй вариант — другое будущее.

Я хотела бы поговорить о другом будущем. В мире существовало много вариантов другого будущего. Как правило, эти проекты выдвигали слабые, бедные, грешные одиночки (Христос, Будда, Маркс, Ленин и др.), но многим из них удалось изменить мир. Главное изменение состояло в том, что они изменили человека. Великие идеи в первую очередь воздействуют на человека, приподнимают его над обыденностью и внушают ему чувство ответственности не только за себя, семью, но и за мир. При социализме мы жили бедно, наш быт был не устроен, но у нас была ответствен-

ность за мировые проблемы (за Гренаду, Вьетнам, Африку). Эта ответственность была тем механизмом, который был способен изменить мир и создать другое будущее. И мир менялся. Сегодня сложно найти великие идеи. Наша страна, люди, к сожалению, утратили способность отвечать за судьбы не только мира, но и собственной страны.

Профессор Марков сказал, что будущее — за мусульманством. Ислам — великая сила, и, как ни кощунственно это прозвучит, ИГИЛ предлагает идеи нового мира, другого будущего. В этом состоит его привлекательность для молодежи.

Предлагаю присмотреться к другому миру — миру темнокожего населения (Африка, США, Бразилия и другие страны), в котором витают интереснейшие идеи. Например, идея черной теологии — реформации современного христианства. К 2025 году Африка займет первое место по численности христиан. Уже сейчас в Африке христиан больше, чем мусульман. Один из философов и теологов Южно-Африканской Республики сказал следующее: «Господь когда-нибудь спросит каждого из нас — где ты был, черный человек, когда белый человек отказался от Евангелия и обратился к разрушению мира? Почему ты не остановил его? Это — твой грех». Он прямо поставил вопрос об ответственности за судьбы мира.

Известный африканский ученый Али Мазруи (одновременно и американский ученый, директор Института глобальных культурологических исследований при Нью-Йоркском университете) сказал: «Работоторговля косила чернокожее население по всему миру. Сегодня Солнце не заходит для сынов Африки, и мир стал нашей большой деревней, в которой мы жили раньше. Мы хотим сделать этот мир человечнее». Таких теорий много, существует даже черная иконография (Христос с Нельсоном Манделой, чернокожий Христос и пр.).

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — К микрофону приглашается Елена Владимировна Харитонова.

Е. В. ХАРИТОНОВА: — Назову четыре основных тезиса. Первый тезис: темы, завяленные на Лихачевских чтениях, — это будущее. Нам необходим образ будущего. Мы, интеллектуальная гуманитарная элита России, должны начать создавать модели. Я присоединяюсь к предложению, высказанному здесь ранее, что на следующих Лихачевских чтениях нужно начать прорабатывать сценарии и выстраивать модели будущего.

Основатели общей семантики Ноам Хомский и Альфред Коржибски озвучили следующий тезис: «Карта не есть территория». Это значит, что карта недостаточно правдоподобно отражает реальность. Наши интеллектуальные построения могут быть полезными и продуктивными, если они максимально приближены к реальности. Но они могут быть схоластическими, умозрительными и контрпродуктивными, если не соответствуют реальности. Часто мы пытаемся поместить наши представления о мире в концептуальные рамки, не учитывая реальность.

Карл Маркс в свое время сказал, что самый плохой архитектор отличается от самой хорошей пчелы тем,

что прежде чем строить, он создает проект будущего здания. Нам нужно начать именно с этого.

Второй тезис. Образ будущего делает систему устойчивой и управляемой в настоящем. Пример — Советский Союз (при прочих моментах, за которые его можно критиковать). Образы, модели будущего, некий идеал всегда выстраивались ведущими тоталитарными режимами. Не случайно Ленин говорил о том, что из всех искусств для нас важнейшим является кино. Не случайно Гитлер (я говорю не о том, хорошо это или плохо, а о технологии, которая может быть эффективной или неэффективной) приблизил к себе кино-режиссера Лени Рифеншталь, создававшую эффектные образы, которые вели германскую нацию к поставленным целям.

Третий тезис: чтобы влиять на будущее, мы можем, выстраивая карту, говорить о стабильности, фазах, которые сменяют друг друга, но тем не менее в данном случае мы выступаем не как субъекты, а скорее как пассивные объекты. В Китае, образно говоря, можно сидеть на берегу реки и ждать, когда мимо проплывет труп врага. Но существуют и другие технологии, в частности целеполагание. Оно бывает двух видов: целеполагание из настоящего момента, когда, находясь здесь и сейчас, мы начинаем предполагать, каким может быть будущее, и целеполагание из будущего, когда мы представляем себе, каким мы хотели бы его видеть, а затем задаем вопрос: какой первый шаг мы должны сделать, чтобы оно было именно таким?

Оставим за скобками наших рассуждений целое направление инженерно-управленческой мысли, которое может быть обозначено как ТРИЗ — теория решения изобретательских задач Альтшуллера; ее достижениями сейчас пользуется весь мир, кроме нас. В этой теории есть понятие «идеальный конечный результат», который может быть отрицательным или положительным. Выстраиваются стратегии, технологии, как добиться идеального конечного результата со знаком «плюс» и как заблокировать идеальный конечный результат со знаком «минус».

Четвертый тезис — необходимы активные действия. Мы говорили о третьей мировой войне, о том, что нам делать, о хаосе, страхе, безнадежности, панике и т. д. Но мало кто знает, что в планы англосаксонского мира входило начать третью мировую войну 1 июля 1945 года. Но этим планам помешали активные действия СССР. Еще один пример: в планы НАТО входило создание американской военной базы в Севастополе. Эти действия также были предотвращены.

То есть история знает много примеров активных действий, основанных на интеллектуальных разработках (в том числе разведки), которые изменили мир и будущее. Модель будущего определяет настоящее и делает систему привлекательной.

Вербовка новых членов ИГИЛ потому и успешна (об этом упомянула в своем выступлении Аида Николаевна), что они предлагают привлекательную модель будущего. «Боко Харам» — западноафриканское отделение «Исламского государства», которое присягнуло на верность ИГИЛ, — призывает мусульман всего мира объединиться. Они вступают в ряды ИГИЛ, пото-

му что там сохраняются традиционные ценности, тем самым протестуя против западных ценностей и нарушения заповедей. Там, где есть традиции, это превращается в убийство, террор и тому подобное, но в основе этого лежит привлекательная модель. Нельзя победить идею автоматом Калашникова, расстрелять ее из пушек. Одной идее мы можем противопоставить только другую идею, более привлекательную, которая может объединить исламский и христианский миры и — шире — человечество и которая будет определять наше будущее.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Слово предоставляется профессору Татьяне Иосифовне Ерохиной.

Т. И. ЕРОХИНА: — В ходе дискуссий я обратила внимание на несколько моментов, которые хотела бы озвучить. Когда коллеги говорили о кризисе цивилизаций, то почти не упоминали слово «культура» или говорили о ней мало по понятным причинам: потому что говорили о кризисе цивилизаций в первую очередь в сфере экономики, политики, права. В связи с этим разговор о культуре возникал контекстуально, когда речь шла о философском подходе.

В контексте философского, культурологического подхода кризис трактуется неоднозначно. Я соглашусь с мнением Г. М. Бирженюка, что черты кризиса одномоментно присущи и культуре, и цивилизации. Высказывался даже оптимистический прогноз, что мы переживем очередной кризис, поскольку это всегда было и будет свойственно культуре. В целом меняется соотношение понятий «культура» и «цивилизация», уходит на задний план традиционное противопоставление культуры и цивилизации (которое было свойственно теориям Шпенглера, Бердяева). В настоящее время мы пытаемся осмыслить ситуацию. Кризис цивилизации должен был привести к расцвету культуры, но этого не произошло. Мы говорим о доминировании массовой культуры, которая в таком случае провозглашает не кризис, а благополучное процветание цивилизации как общества потребления.

В связи с этим мне понятна реакция Н. А. Хренова на спектакль «Пьяные», поставленный БДТ, — он вызвал у него культурный шок. Я же шла смотреть не инсценированный текст (который я читала), меня интересовала театральная эстетика, поэтому я отнеслась к спектаклю иначе: он эстетически, театрально грамотно сделан.

Согласна со всеми коллегами, которые говорили о нищете, социальном дисбалансе, терроризме — эти факторы не являются признаком благополучного существования современной цивилизации. И не случайно в ходе нашей дискуссии возникло понятие «страх». Преодоление кризиса цивилизаций возможно только посредством изменения научной парадигмы, в которой соотношение культуры и цивилизации должно быть решено по-новому.

На мой взгляд, преодолеть кризис цивилизаций возможно, только если в основе цивилизационного подхода будут лежать идеи гуманизма, и об этом сегодня говорили, вспоминая Д. С. Лихачева.

Другая идея, которая высказывалась сегодня, — диалог культур — тоже не нова. Обращу внимание на две проблемы, которые сегодня отчасти затрагивались. Первая проблема — уровень образования. Мы говорили о том, насколько сегодня важен уровень образования и приводит ли он к криминализации. В одном из докладов, представленных на Лихачевские чтения и опубликованных на сайте, говорится о необходимости создания гуманитарной элиты. Но начинать нужно не с гуманитарной элиты, а со студентов, которых следует воспитывать в ходе наших лекций. Последние пять лет самый популярный среди студентов жанр зарубежной литературы — антиутопия (Хаксли, Брэдбери, Оруэлл). Когда я пыталась уточнить у студентов, почему их интересует этот жанр, то услышала парадоксальные ответы: они видят в нем проекции будущего, настоящего, того, что ждет впереди, но одновременно испытывают страх.

Вторая проблема, помимо образования, — понятие идентичности. Невозможно вести диалог культур, если не знать языка культуры (я работаю с текстами, поэтому говорю о языковом уровне). Вопрос определения идентичности сложен. «Я — человек» — замечательная идентификация, но если продвинуться дальше, то в лучшем случае студенты говорят о профессиональной и гендерной идентичности и часто стесняются говорить о национальной идентичности, потому что боятся, что это прозвучит националистически. В связи с этим интересна реплика студента, который попытался определить идентичность Фазиля Искандера. Он не соотнес идентичность с национальностью, а сказал, что для него Искандер — это писатель, который в своих произведениях стремится к созданию гармонии в мире.

Без освоения языка культуры диалог культур и цивилизаций невозможен, потому что если я не знаю языка, я отвергаю. Если язык культуры будет освоен, у молодого поколения будет сформирован более грамотный подход к тому, что происходит в современной культуре, и появится возможность преодолеть кризис цивилизаций.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Слово предоставляется профессору Лидии Владимировне Матвеевой.

Л. В. МАТВЕЕВА: — Лихачевские чтения поражают концентрацией ученых высокого уровня, занятых исследованием базовых проблем человечества, и необыкновенной силой мысли. Такие дискуссии расширяют сознание. Хочу поблагодарить организаторов за то, что пригласили психологов на этот научный форум. Мы (я, В. Е. Лепский и коллега из Института Африки) представляем психологическую ветвь мысли в общегуманитарном хоре культурологов, философов, экономистов и правоведов.

Если рассматривать современные тенденции, то, с одной стороны, это ответственность, а с другой — эйфория от псевдолегкости доступа к информации, комфорту, удовольствиям и понимании себя как сверхмощного человека. В результате возникает ощущение (особенно у молодых), что технологии всемогущи

и могут заменить абсолютно все, что коммуникативные информационные технологии являются волшебной палочкой, позволяющей построить любое будущее, удобное, комфортное и независимое от способностей человека. Сейчас эта новая тенденция описывается в философии трансгуманизма: новые технологии (нано-, био-, техно- и социотехнологии) и прорыв одновременно на пяти методологических уровнях дают возможность использовать любую энергию, включая ядерную. Клеточные технологии позволяют думать о бессмертии на молекулярном уровне. Нанотехнологии обуславливают создание нового типа материалов, то есть человек может построить новый мир, но для этого он сам должен стать новым.

Получается, что мы движемся назад — к идеям Ницше. Сегодня основное приложение всех технологий — это изменение самого человека, его личности. Человек рассматривается как биологический, социальный объект, необходимый для трансформации и перехода к так называемой антропотрансформации. То есть мы должны создать сверхчеловека, используя био-, техно-, социо- и компьютерные технологии, — киборга. Этот подход позволяет вынести за скобки любые нравственно-этические проблемы, связанные с взаимодействием людей.

В 1991 году идеолог трансгуманизма Мор системно описывал этические установки и базовый принцип трансгуманизма в статье «Во славу дьявола», в которой он выступил от имени известного образа, фактически представляющего философию inferнального мира.

Что сейчас происходит в массовой коммуникации, обращенной к поколению, которое будет строить будущее? Одна из главных тенденций — полное отсутствие интимного стыда. Абсолютно все включается в визуальный ряд на телевидении или в Интернете. Отсутствие интимного стыда — один из симптомов шизофрении.

Вторая тенденция — неопрятность как норма (мода на рваные джинсы, грязные волосы, рубашки разной длины, не застегнутые на все пуговицы). А ведь неопрятность больного в любой психиатрической клинике является одним из первых симптомов нарушения психической регуляции.

Третья тенденция — главные герои наших мультфильмов. В настоящее время детям, в частности, нравятся мультфильмы «Губка Боб» (шут гороховый, который издевается над любой нормой) и «Карлик Нос» (человек, находящийся в непреодолимых жизненных условиях и занимающийся тем, что преодолевает их, то есть преодоление непреодолимого). Эти сверхлюди, обладающие сверхмощностью, проявляют так называемую нечеловеческую жестокость, примеры бесчувствия. Мы сильные, но при этом ничего не чувствуем, поэтому можем убить кого угодно. Страх перед убийством живого существа вообще снимается. Это тоже характерно для шизофреников. Другой итог — излишний рационализм.

Вчера в ходе дискуссии был озвучен тезис о прагматической цивилизации. Это означает, что чувствующее начало в человеке редуцируется: чем более человек бесчувственный, тем более он успешен, а цель

оправдывает средства. Идея «золотого миллиарда» — мы сверхлюди, а все остальные могут отдыхать. Только одному миллиарду хватит ресурсов планеты, а остальные шесть — лишние люди.

Детям и молодым людям навязывается безопасный секс, сексуальное образование начинается чуть ли не с третьего класса. Трамп победил, потому что белая Америка восстала в том числе против объединенных туалетов (в школах должны были сделать общие туалеты, то есть если мальчик считает себя девочкой, то может идти в женский туалет). Всё началось с простых вещей. Говорить о безопасном сексе в раннем детстве, когда дети еще не понимают, что это такое, — значит нивелировать «романтическую ветвь» в развитии личности, которая лежит в основе длительных семейных отношений.

Преклонение перед неживым — эту проблему в свое время поставил А. Платонов в своем рассказе «Корова». Платонов пишет, что зритель станции тепло относится к поезду, который тяжело поднимается на горку, помогает ему, подсыпая песок, и при этом нечувствителен к корове, которая потеряла теленка.

Сейчас мы фактически то же самое навязываем детям с помощью средств массовой коммуникации — преклонение перед неживым, технологиями — и при этом принижаем ценность жизни. Может быть, поэтому дети так легко расстаются с жизнью перед ЕГЭ — они не могут соответствовать жестким требованиям родителей и учителей, чувствуют себя неуспешными, неготовыми к испытаниям, им легче умереть, чем преодолеть новые препятствия.

Как выход из ситуации я предлагаю вернуться к идеям Д. С. Лихачева, который в своей книге «Письма о добром и прекрасном» пишет, что XXI век — это век гуманитарной науки, а технические науки должны быть технологически освоены. Поэтому считаю необходимым ввести в школьное образование, а также в вузах этику, психологию и культурологию (кроме истории и литературы) в качестве базовых предметов.

Необходимо повысить психологическую культуру в сфере коммуникаций, поставить под контроль контент массовой коммуникации, увеличив элемент психологической культуры и ответственности продюсеров и режиссеров за то, что они предлагают зрителям.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Я учился в школе в сталинские годы, и нам преподавали психологию. Слово представляется профессору Марии Ивановне Козьяковой.

М. И. КОЗЬЯКОВА: — Хотелось бы вернуться к глобальным вопросам, которые были поставлены на Лихачевских чтениях, рассмотреть общий цивилизационный контекст и картину мира. Среди цивилизационных комплексов, которые сегодня были озвучены, — Запад, исламская цивилизация, Восток, Юго-Восточная Азия (очевидно, буддистская), но русской, российской цивилизации не было уделено должного внимания.

Максима Киплинга гласит: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись». Мне кажется,

что точкой соединения может стать русская цивилизация. Я, как историк культуры, хочу обратить ваше внимание на некоторые аспекты. Крупнейшие специалисты, которые здесь выступали, говоря об экономических парадигмах и концептах, приходили к выводу, что дрейф от экономики идет к другим сферам, прежде всего к ценностной. То есть от цивилизации мы движемся к культуре, как бы ни относился к этому Н. А. Хренов, сказавший, что культура не справилась с надеждами, которые на нее возлагались. Особое значение приобретает также высказывание академика А. Д. Некипелова о том, что собственная среда, своя система ценностей, свое государство важны для людей.

Академик В. С. Степин говорил о двух типах цивилизации: технологическом и традиционном, но привел только один критерий их разделения — технологию. Специалисты, которые занимались цивилизационным историческим сравнением, пишут, что вплоть до XVI века Восток по разным показателям доминировал над Западом. Бедный Запад не мог сравниться с Востоком в своих перспективах. Но в XVI веке произошел прорыв Запада, который был связан с технологическим развитием, зарождающимся буржуазным, капиталистическим строем (создание мануфактур и т. д.), западным Ренессансом, Возрождением. Интересно, что начало западного Ренессанса положили потоки эмигрантов из Византии.

Существуют два типа гуманизма. Один сводится к ренессансному антропоцентризму, а другой — гуманизм великой русской литературы, «золотого» XIX века. Гуманисты западного толка, в том числе и Петрарка, говорили об отвратительных скифских мордах, которые появлялись на территории Запада.

В выступлении В. С. Степина прозвучало, что Запад развивался на самобытной основе. Но и Россия всегда всё перерабатывала и адаптировала к собственному ценностному контенту, который, как мне кажется, будет чрезвычайно востребован в будущем.

Академик В. А. Черешнев процитировал академика Смирнова и его теорию, в которой выделяются три составные части: коллективное, когнитивное и бессознательное. Но это же юнгианская теория, к которой добавилась только когнитивная составляющая. Если мы говорим о культуре, то на первый план сейчас выходит бессознательное. Архетипы неустранимы, и сейчас современность демонстрирует архетипическую непохожесть двух цивилизаций.

Когда речь идет о столкновении двух цивилизаций, основной удар направлен на наше государство. Раньше говорили о столкновении систем. Теперь системы не враждуют друг с другом, но натиск на нас продолжается. Существует русская европейская цивилизация (это не теория Гумилева) иного типа, которая представляет собой конкурента Запада. Отсюда — русофобия и другие негативные явления.

Мне кажется, что точка объединения может сыграть свою роль. На этой конференции ведущих философов призывали дать рекомендации по будущему развитию. Но разве политики когда-нибудь прислушивались к философам? Так, некогда Платон высказал идею о том, что философы должны управлять государством. Что

из этого осуществилось? В одной из последних работ Ю. Хабермас употребил выражение «плач интеллектуала»: интеллектуал говорит, но его уже никто не слушает. На этой не совсем оптимистичной ноте я хочу закончить свое выступление.

В. С. СТЕПИН: — Вначале я хотел бы отреагировать на выступление М. И. Козьяковой. В целом я солидарен со многими высказанными ею суждениями. Но не могу согласиться с ее интерпретацией моей точки зрения на развитие современной цивилизации. Это неверно, что я привожу только один критерий различения двух типов цивилизационного развития (технологии).

Моя идея состояла в следующем. Типы цивилизационного развития определяются глубинными жизненными смыслами и ценностями, которые лежат в основании культуры. Эти смыслы и ценности представлены мировоззренческими универсалиями, категориями культуры.

Ключевыми мировоззренческими универсалиями, определяющими различие этих двух типов, являются категории «человек», «природа», «деятельность», «традиции и новации», «личность», «рациональность», «власть». Интерпретация этих универсалий, их смыслы кардинально отличны, даже альтернативны в традиционалистских и техногенных культурах.

Именно система этих смыслов выступает критерием различения традиционного и техногенного типов развития. Для техногенных обществ она явилась предпосылкой и условием их технологического прогресса.

И еще одно замечание. Я проводил различие между Западом, который первым реализовал техногенный тип развития, и обществами, которые встали на этот путь в процессе модернизации. Но отсюда не следует, что общества, прошедшие ряд модернизаций, утратили свою самобытность. Напротив, они обрели особую самобытность, сохраняя в трансформированном виде некоторые из традиционалистских ценностей и соединив их с ценностями техногенной культуры. Уместно вспомнить высказывание Герцена, что на реформы Петра I Россия ответила своеобразно, она ответила гением Пушкина. Н. Бердяев считал, что таким ответом была не только великая русская литература XIX века, но и Серебряный век русской культуры. И моя идея состоит в том, что именно культуры такого рода «гибридных» обществ (России, Индии, Китая, Японии) могут сыграть важнейшую роль в формировании системы новых ценностей, призванных изменить стратегию техногенного развития, породившую обостряющиеся глобальные кризисы, обеспечить переход к новому, третьему по отношению к традиционалистскому и техногенному, типу цивилизационного развития.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Слово предоставляется профессору Марии Николаевне Ветчиновой.

М. Н. ВЕТЧИНОВА: — К огромному сожалению, это действительно объективные данные: растет количество преступлений, совершенных людьми с высшим образованием. Но, по-моему, мы должны понимать: ди-

плом о высшем образовании не означает, что его обладатель действительно высокообразованный человек.

Рассуждая о будущем, мне, как и другим участникам нашей секции, кажется логичным обратиться к молодому поколению. Как выразился один из коллег, вы являетесь выразителями настоящего в будущем и будущего в настоящем. Конечно, я согласна с Ириной Викторовной Малыгиной: на вашу долю выпало сложное время. Сегодня многие люди, несмотря на образование, жизненный опыт, научные знания, с трудом ориентируются в современном мире. Но в некоторых отношениях вам все же повезло. Во-первых, вы учитесь в удивительном университете и имеете возможность присутствовать на таком большом и значимом мероприятии, как Лихачевские чтения, где можете делиться своими выдающимися современниками, которые делятся своими размышлениями. Мне, как и Александру Сергеевичу Запесоцкому, хочется надеяться, что именно эти мысли великих людей будут определять развитие мира.

В свое время Дмитрий Сергеевич Лихачев задал четыре вектора дальнейшего развития. Первый — сохранение культуры, культурного наследия. Второй — сохранение окружающей среды, то есть решение экологических проблем. Третий — международное сотрудничество, которое зиждется на доверии. И четвертый пункт, самый близкий мне как педагогу, — образование.

Прошло 18 лет после его ухода, много воды утекло за это время. Если раньше говорили о диалоге культур, то сегодня мы обсуждаем кризис и системные сдвиги, ищем новые пути развития и т. д. Но я заметила, что те идеи, которые были сформулированы здесь вчера, не отличаются от идей академика Лихачева. В частности, вот лейтмотив некоторых выступлений. Ги Меттан: «Решение экологических проблем, защита окружающей среды». Вячеслав Семенович Степин: «В идеале — новая система образования и воспитания. Что развивает человека? Не диплом, а образование». Владислав Александрович Лекторский: «Надо менять человека». Георгий Александрович Праздников: «Сохранение человечности как выбор будущего».

Как справедливо указывал Дмитрий Сергеевич, нас ждет то, что мы сделаем сами. Готовых рецептов нет ни у кого. И мне, как гуманитарии, приходится только сожалеть о том, что Лихачева нет с нами. Возможно, в это непростое время он дал бы нам свои мудрые советы.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Дорогие друзья, сейчас перед нами выступит Светлана Владимировна Лурье.

С. В. ЛУРЬЕ: — Я начну с внешней политики, которая в эпоху глобализации приобретает особые свойства, становится технологичной, проективной. Территориям предписываются строго определенные черты, которым они должны соответствовать. Технологическая сила — это такая сила, которая первоначально выстраивает проект геополитической организации, а затем путем наращивания определенных качеств приводит реальность в соответствие со своим проектом. Вместе с тем одна из основных ролей внешней поли-

тики — быть выражением миссии стран и культур, что, однако, в эпоху глобализации практически невозможно или возможно лишь в усеченном виде. Внешняя политика подразумевает прежде всего субъектность участников и межсубъектный диалог. Это не позволяет полностью выразить культурное содержание страны, но связано с личностным началом. Глобализация имеет тенденцию к подавлению выражения миссии в рамках внешней политики.

Но чем интересна внешнеполитическая роль? Тем, что она пробуждает в международном агенте ролевое поведение. Это видно, в частности, в отношении Запада к России. Технологическая сила — это особый срез вестернизации, отражающий не всю западную тенденцию, а только доминирующие сейчас течения. Однако в диалоге западный мир зачастую проявляет эмоции, а не технологическую силу.

В чем заключается роль России? По-моему, желательный образ — держава жалости и милости. Чтобы понять эту роль, надо отталкиваться от исторической миссии России, которая состоит в православии. Но в настоящее время на политической арене эта миссия России невозможна. Она выражается в том отношении к человеку, которое задается православием. Это отношение к человеку, с одной стороны, как к существу экзистенциальному, духовному, но с другой — как к самоограничивающемуся, добровольно встраивающему себя в нравственную традицию, отличающую человека от человека технологического, в котором духовная свобода, внутренняя свобода заменяется внешней свободой потребления компьютерных игр, богоборческими и природоборческими тенденциями, выражающимися в трансгендеризме и гомосексуализме. В наше время это борьба истинной и мнимой свободы.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Уважаемые коллеги, хочу предоставить слово профессору Татьяне Борисовне Сидневой.

Т. Б. СИДНЕВА: — В 1990 году Дмитрий Сергеевич Лихачев в интервью, данном Урмасу Отту, сказал, что после многих жизненных испытаний он пришел к легкому (но не легковесному) отношению к жизни. Сегодня, когда сама жизнь становится непреходящим испытанием, важно сформировать правильное отношение ко всему происходящему и занять верную позицию. В этом отношении, мне кажется, одним из ключевых понятий в современном мире может стать понятие межпарадигмальности. Мы находимся в состоянии, когда зависим от прошлого и одновременно тяготеем к неведомым берегам. Сегодняшнее состояние фиксирует одновременно утверждение и отрицание, и в это противоречие включены все сферы жизни: язык, наука, политика, религия, искусство. Каждая из этих областей может показать пример адекватного отношения к современному состоянию культуры.

В книге Александра Сергеевича Запесоцкого «Философия и социология культуры» дано точное определение: культурная парадигма — это одновременно онтологическая реальность и метод изучения культуры.

Исходя из этого, можно понять, что межпарадигмальность (а межпарадигмальных периодов в истории было огромное количество) заключается во взаимодействии различных парадигм. Поэтому правы все: и традиционалисты, и новаторы, и бунтари, и те, кто апеллирует к уже сказанному и не мечтает о новостях в культуре. Антиномичность, характерная для сегодняшнего времени, — это провокация, которая дает нам возможность активизировать свое сознание и понять, что разные позиции существуют синхронно. В связи с этим опять вспоминаю Дмитрия Сергеевича Лихачева, который утверждал, что в диалектике культурного процесса есть важная закономерность: новые культуры не появляются в изолированном пространстве, любая культура рождается между другими и на их основе.

Для определения современного состояния культуры я бы обратилась к трудам академика Степина, который некоторое время назад ввел термин «постнеклассика». Правда, Вячеслав Семенович применяет его к науке, но я считаю, что его можно отнести к культуре в целом. Понятие постнеклассики становится ключом для понимания того, куда мы должны идти. Действительно, обращенность к сложным человекообразным системам, признание альтернативности истины и главное, неограниченность научным рациональным рефлексированным знанием — вот что дает право каждой из сфер культуры дать свой ответ. В этом отношении очень важны междисциплинарные форумы и конференции, участвуя в которых мы можем быть полезны друг другу.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Предоставляю слово профессору Александру Петровичу Маркову.

А. П. МАРКОВ: — Тема моего сообщения — «Смена цивилизационных матриц европейской культуры эпохи постмодерна: симптомы регресса и сценарии будущего». В докладах пленарного заседания и в тезисах участников панельных дискуссий звучала нескрываемая тревога: современный мир стремительно меняется, и масштабы перемен поражают воображение. Гуманитарии все чаще фиксируют зловещие знаки нарастания общей энтропии мир-системы. Усиливается предчувствие динамического хаоса, который может наступить уже к середине века и за которым — либо деградация и гибель, либо выход цивилизации на качественно новый уровень развития (такой прогноз звучал в докладе академика В. С. Степина).

В основе этих глобальных перемен, наблюдаемых в реальной плоскости, лежат не менее глобальные процессы, происходящие в квантовом, потенциальном мире культуры — в метафизических глубинах, духовных и ментальных матрицах человечества. Эти изменения не сразу очевидны, они постепенно вовлекают нас в свои энергетические потоки, заставляя совершать то, в чем мы не всегда отдаем себе отчет.

В последние десятилетия европейская цивилизация переживает этап, равный по значимости и кардинальности перемен «осевому времени». Основной вектор перемен: европейский мир стремительно выпадает из христианской антропологической модели. Великая

европейская цивилизация, сохраняющая духовную доминанту на протяжении более 2 тыс. лет, сегодня демонстрирует историческую логику маятника: она все дальше отступает от своих истоков, покидая духовные матрицы, сформировавшиеся «осевым временем» и христианской антропологией, возвращаясь к архаическим первоначалам человеческой истории. В стремительном движении в «будущее» современный европейский мир неожиданно оказался у красной черты, отделяющей его от опыта языческого прошлого, трудно и мучительно преодолеваемого тысячелетиями человеческой истории.

При этом выпадение из корневой системы на уровне обыденного сознания не воспринимается европейцем как катастрофа или даже проблема! С одной стороны, нарастающая «экзистенциальная пустота» современного человека нуждается в переменах, с которыми связываются надежды на обретение новых смыслов. С другой стороны, Европа, по существу, и не расставалась с язычеством (именно этим можно объяснить ту легкость, с которой она приняла нацизм, с его языческим расизмом, культом «почвы и крови»). Смысловая исчерпанность европейской цивилизации и экзистенциальная усталость ее антропологических матриц выносят приговор христианскому духу европейского мира: в усиливающейся схватке сил усложнения с силами упрощения Запад не переживет грядущей «битвы титанов», и эстафета усложнения перейдет к другим народам и культурам (культуролог А. А. Пелипенко в своих последних публикациях писал о том, что наступает время «дальневосточных народов»).

Гуманитарии едины в оценке происходящего: фундаментальная смена привычных моделей бытия неизбежна. Называют два фактора смены цивилизационных матриц европейского мира: исчерпанность замыслов и реализация заложенных потенциалов и накапливание внутри культурной системы непреодолимых противоречий, деформирующих мировоззренческое ядро и ментальные матрицы европейской цивилизации.

Ключевым симптомом глобального кризиса европейской цивилизации, свидетельствующим о неизбежной смене эпох, является закат эры логоцентризма, то есть исчерпанность энергий христианского Логоса, утрата антропотворческой миссии Слова, которое было «в Начале» культуры пророков, почти 3 тыс. лет определявшей цивилизационный уклад значительной части человечества. О деградации логоцентричной методологии познания и творения человека и мира в пространстве европейской цивилизации свидетельствует, в первых, разрушение образа будущего, которое всегда связано с представлением о должном. Эту особенность современного мира отметил в своем докладе на пленарном заседании академик Гусейнов: будущего уже нет, ибо в его сегодняшних спектрах нет альтернативы, общественного идеала. Во-вторых, критерием заката «эры логоцентризма» становится сокращение пространства «высокой культуры». Сегодня духовной коррозии подверглись центральные институты гуманитарной культуры — философия и искусство. В-третьих, значимым свидетельством духовного истощения европейской цивилизации является антропологический

кризис, о котором свидетельствует мощный всплеск девиаций, патологий, трансгрессий и форм «предельного опыта человека», откровенное торжество антропологической модели язычника, с ее алчностью, гедонизмом, жестокостью. Значимой причиной антропологического кризиса стала экспансия деструктивной антропологии в системе гуманитарного знания (М. Фуко в свое время остроумно заметил, что Маркс, Ницше и Фрейд создали вокруг нас такие зеркала, в которых видимые образы становятся для нас неисчерпаемым оскорблением).

Закат эпохи логоцентризма делает неизбежным возвращение языческого этапа человеческой истории. Основные культурно-антропологические проблемы европейской цивилизации вытекают из ее переходного характера и незавершенности культурного типа, в «теле» которого усиливается борьба двух антропологических доминант: классической и языческой. Эти культурные миры не просто различны — они метафизически несовместимы во всех областях бытия. Их непримиримая дихотомия обнаруживается в ментальной сфере, где происходит борьба между архаическим сознанием и логоцентризмом, в жизненных стратегиях: борьба христианской антропологии, утверждающей духовность и нестяжательство, прощение и милосердие, противостоит языческой версии жизненных смыслов, основу которых составляют ценности гедонизма, богатства, успеха, статуса, силы.

В русской культуре языческая линия всегда была представлена не столь убедительно в сравнении с западноевропейским миром, поэтому шанс сохранения духовной доминанты у нас остается. Залогом такой надежды является наша ментальность, отторгающая антигуманную стихию капиталистической экономики и дух рынка, а также народный опыт самоотверженного строительства «царства Божьего» на земле, в котором «блаженны» нищие духом, страдающие за правду и стремящиеся к истине, утверждающие справедливость и милосердие. А также традиции отечественной гуманитарной мысли, которая всегда пыталась «окликнуть» человека словом, помогая ему повернуться к себе и миру «своим главным, сущностным, своей просветленной стороной — лицом, озаренным сердечным светом», пробуждая в нем духовность, которая устремляет человека за горизонты человеческого бытия.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Я хотел бы остановиться на некоторых тезисах Александра Петровича Маркова. При рассмотрении нашей проблематики он не отвлекся на привходящие, технические моменты, а схватил самую суть, четко обозначил свою позицию и выявил ее в предельной форме. Если Владислав Александрович видит печальную ограниченность наших возможностей познания будущего, то Александр Петрович считает, что сейчас идет борьба за будущее, в которой наша страна должна занять значимое место. И он утверждает, что будущее определяется какими-то скрытыми причинами и технологиями. Однако если они невидимые, то как мы можем о них говорить? Из этого утверждения вытекает, что мы не можем о них

говорить с высокой степенью достоверности, в лучшем случае выдвигать предположения, гипотезы. Вы утверждаете, что вся культура есть насилие, и я прекрасно понимаю, о чем речь. Не только о символическом насилии, но и о том, о чем нечасто говорят вслух. Идет борьба нескольких проектов, а борьба всегда предполагает некое насилие.

В связи с этим у меня вопрос. В основе Вашей концепции лежит отношение к религии, верно? И Вы связываете позитивный и вероятный для России вариант с христианскими идеями. Но как сочетаются христианские идеи и насилие? Ведь если учение Христа и внесло что-то новое в культуру, то это была идея ненасилия. Все остальное было до него.

Далее. Понятно, что для нас модели будущего и места нашей страны в нем — это не только объект исследования, но и в какой-то мере форма самосознания самой культуры. Это налагает на нас особую ответственность. И тут у меня появляется еще один вопрос. Вы формулируете свою концепцию так, как если бы Вашими устами говорила русская культура. Хорошо. Вот был Чаадаев и был Данилевский. Кто из них представляет от имени русской культуры? Кто точнее выражает ее самосознание?

Или, скажем, жесткое противопоставление языческому Западу, который в Вашей трактовке де-факто с XI века, а со времен Шекспира уже и на уровне сознания погряз в языческой преисподней. Извините, но может так случиться, что и Россия там окажется, если вспомнить, как во все эти века развивались события.

И последнее. Вы апеллируете к Божественному началу в человеке. Да, в свое время и Аристотель говорил, например, что разум — это Божественное начало в человеке. Но иметь в виду прямой, конфессиональный смысл, конечно, возможно, но вряд ли допустимо в рамках философской дискуссии, а Вы на этом аргументе строите обобщения. Теология — это все же нечто другое. Когда я говорю о недопустимости апелляции к Божественному началу, то отношу это ко всем религиям: и к иудаизму, и к исламу, и к христианству. Конечно, религия имеет огромное значение, это важное явление в культуре. Но тут возможны разные позиции.

А. П. МАРКОВ: — Абдусалам Абдулкеримович, культурология изучает прежде всего тексты, и ей не важно, это текст великого романа Ф. М. Достоевского, русская частушка с ненормативной лексикой или Новый Завет. При этом в обращении к религиозным текстам культурология не заходит на «конфессиональную площадку» — за сюжетами, образами и символикой текста культурология пытается увидеть «Символическую Вселенную» культуры (Кассирер), а за текстом — дух и душу культурного организма. Как можно анализировать западноевропейскую цивилизацию или русскую культуру, не обращаясь к содержанию маленькой книжечки (я имею в виду Евангелие), которая фундаментально сотворила эти великие духовные миры? Не случайно вся русская религиозно-философская мысль пронизана символами и обра-

зами Ветхого и Нового Завета — это мы обнаруживаем в работах Николая Данилевского, Константина Леонтьева, Павла Флоренского, Вячеслава Иванова и многих других.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Верно, Константин Леонтьев выходил за некоторые пределы, поэтому я предлагаю этого не допускать. А поскольку в Ваших рассуждениях эта апелляция — не просто фигуральное выражение, а играет существенную роль, то, на мой взгляд, лучше все же формулировать свои позиции таким образом, чтобы их мог понять и я — человек, не приверженный никакой конфессии.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Приглашаю к микрофону Людмилу Викторовну Сокольскую.

Л. В. СОКОЛЬСКАЯ: — Я, как юрист, постараюсь обозначить несколько вопросов на тему первоисточника конфликта цивилизаций. На меня оказали большое влияние идеи Вячеслава Семеновича о культуре как надбиологической программе. Я предлагаю еще одну формулировку: культура — это многоуровневая развивающаяся система, имеющая уникальный генетический код. Схематично в культуре можно выделить несколько уровней, причем смысловые значения закрепляются на каждом уровне в знаковой форме, и эта жизненно важная информация записывается на предыдущую, предшествующую информация может затираться новой, а может сохраняться и транслироваться следующим поколениям. Кроме генетических уровней, в культуре, как сказал Вячеслав Семенович, наличествует еще и генетический код. По мнению академика Степина, генетический код представляет собой сложноорганизованную систему биологических и надбиологических программ деятельности, поведения и общения человека. Данный тезис позволил мне представить генетический код культуры в виде молекулы ДНК. Таким образом, генокод культуры состоит из биологических универсалий, где закреплены принципы и идеалы, обеспечивающие выживание и совершенствование человечества, которые можно обнаружить в культурах различных общностей и культурно-мировоззренческих универсалий, которые включают не только социально осознанные явления, но и социальные бессознательные. Данные универсалии связаны между собой различными типами мышления — чувственного, интуитивного, рационального. При помощи этих способов осознания и обретения смыслов биологические универсалии преобразуются в культурные, что находит отражение, например, в языке и ментальности народа. Таким образом, уникальность культуры любого социума зависит не только от наличия конкретных культурных универсалий, но и от системы генетической структуры как взаимосвязи чувственного, интуитивного и рационального типа мышления при доминировании одного из них (в различных вариантах).

Типологическую уникальность культуры социума в общемировом культурном пространстве можно обособить с помощью генетического кода. По моему мне-

нию, гомогенные культуры, которые имеют общий генетический код, объединяются в наиболее крупные социокультурные общности, которые мы можем назвать цивилизацией. Зарождение социокультурных общностей происходит в результате взаимодействия культурных общностей «они» и «мы».

Для объяснения культур различных социумов в определенной цивилизации необходимо выделить признаки и критерии, представляющие единую системную иерархическую структуру вариантных взаимосвязей типов мышления. Это единые мировоззренческие универсалии, которые закрепляют социальный опыт в системе координат жизнедеятельности конкретного общества, и это общность культурно-исторических форм социальной информативности, которая образуется в результате тесного продолжительного взаимодействия и взаимовлияния культур различных социумов. В данном контексте хочу подчеркнуть, что все современные цивилизации формируются в результате длительного межкультурного взаимодействия. А в границах одной цивилизации благодаря общему генокоду наличествует внутренняя культурная моногамия, которая и подразумевает совместимость социокультурных достижений.

Исходя из того, что чисто математически может быть не более шести вариантов сочетаний типов культур, я предлагаю рассмотреть и шесть типов цивилизаций: латиноамериканскую, евроатлантическую, ближневосточную, южноазиатскую, восточноазиатскую и центроевразийскую. Я настаиваю на термине «центроевразийская», а не «славянская» или «русская» цивилизация, как было предложено ранее, потому что считаю, что это более уместно. Границы и состав этих целостных культурных общностей меняются под воздействием объективных и субъективных внутренних и внешних факторов. Каждая из этих современных цивилизаций имеет в перспективе универсальную возможность стать в будущем основой культурной глобализации. Поэтому сегодня глобальные вызовы надо исследовать, может быть, не столько в контексте противостояния Запада и Востока, а как оспаривание определенного направления цивилизационного развития — одного из шести возможных.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Сегодняшняя дискуссия — очень интересная, мы обсуждаем острейшие проблемы, их очень много, и мнения докладчиков далеко не всегда совпадают. Однако если обобщить, то с самого начала мы говорим на одну и ту же тему: что с нами происходит, куда мы идем и можем ли мы знать, что нас ожидает. Это действительно сложный вопрос, и мнения на этот счет самые разные. Прежде всего предсказывать что-либо безошибочно можно только тогда, когда речь идет о неживых объектах. С живой природой все гораздо сложнее. Представьте, что наступила осень, и вы видите, как лист падает с дерева на землю. Его траекторию в принципе можно вычислить, но практически сделать это невозможно. Можно сформулировать точный прогноз: «Когда наступит осень, листья будут падать с деревьев». Но вот предсказать траекторию падения отдельного листочка не-

возможно. Я помню, что когда несколько лет назад в Москве были пожары и в воздухе висел смог, по телевидению выступил руководитель Гидрометеоцентра, который на вопрос: «Когда это закончится?» ответил, что к зиме наверняка, а точнее сказать невозможно. Вот такие предсказания. А что вы хотели? Большинство процессов сложно или в принципе невозможно предсказать. Особенно это относится к социальным процессам. И потому, что общество — сверхсложная система, и потому, что в случае социальных явлений сам факт предсказания воздействует на участников процесса, и ход процесса меняется.

С одной стороны, нельзя жить, не зная, что нас ожидает, ведь мы планируем свою жизнь, ставим перед собой какие-то цели, но с другой — глобальные процессы трудно доступны для предсказания. Обычно предсказания будущего связаны с экстраполяцией тех тенденций, которые были до сих пор, то есть с индуктивными умозаключениями. В течение многих веков считалось неоспоримым, что все лебеди белого цвета, и Аристотель ссылаясь на это мнение как на хорошо обоснованный результат индукции. Но в XVIII веке капитан Кук приплыл в Австралию и увидел там черных лебедей. И наши представления о лебедях оказались неосновательными.

Но есть и другой вид знаний о будущем. Если я строю некий предмет и знаю, как я его строю и как он функционирует, то мое знание об этом предмете не будет подвержено тем ошибкам, которые возможны в случае индуктивного умозаключения. Потому что я не наблюдаю нечто, а сам это нечто создаю, то есть творю будущее, а не ожидаю его пассивно. Вот если бы мы не просто наблюдали лебедей и видели, что до сих пор все они были белого цвета, а могли бы сами искусственно создать такого лебедя и при этом сделать так, чтобы белый цвет был не случайно, а необходимо связан с его конструкцией, то мы были бы с полным на то основанием уверены в том, что все такие лебеди всегда обязательно будут белыми. Конечно, мы не можем искусственно создавать лебедей (по крайней мере, сегодня). Но технику мы создаем. И живем в этом технологизированном мире. И вот сегодня многими умами овладела идея искусственно спроектировать всю Вселенную, начиная от атомов, молекул, жизни, разных живых существ, начать управлять эволюцией и спроектировать самого человека.

Но в этом случае человек берет на себя функции божества. Это выглядит как сумасшествие. Однако есть ученые, которые серьезно принимают эти идеи.

В течение последних десятилетий много писали об экологическом кризисе. Академик Николай Николаевич Моисеев, который считал эту проблему одной из важнейших, выпустил книгу «Человечество — быть ему или не быть?». Но современные трансгуманисты утверждают, что экологической проблемы нет, потому что можно заменить всю естественную природу искусственной. Так можно или нельзя?

Прежде всего не все, что можно, — нужно. Известен случай, когда к А. П. Чехову пришла женщина и спросила, можно ли просверлить в земле такую огромную дыру, чтобы через нее попасть на другой ко-

нец земного шара? Чехов в физике был не силен, но подумал и сказал: «Можно, но не нужно».

Повторяю, не все, что можно, — нужно. При этом я глубоко убежден, что и невозможно заменить естественное искусственным. Я являюсь одним из сопредседателей Совета по методологии искусственного интеллекта при Отделении общественных наук РАН и нередко выслушиваю доклады на подобные темы. Так вот считывание чужих мыслей, создание искусственного мозга и постчеловека — это, к счастью, нереализуемые утопии. А вот переход к электронному (или цифровому) обществу вполне возможен и на самом деле уже происходит. Это нечто вроде реализуемой утопии. Может быть, было бы лучше, если бы эта утопия была нереализуемой. Но она может осуществиться (как и в прошлом в истории ряд проектов, которые казались утопическими, осуществились). Николай Бердяев однажды сказал, что не то плохо, что утопия не существует, гораздо страшнее, что она может осуществиться.

Мы вступили в фазу, когда неизбежно с человеком и обществом что-то будет меняться, и притом радикально. И сегодня главная проблема — сохранение человека и человечества. Жизнь становится сложнее, и надо сделать так, чтобы человек остался человеком, а не превратился в непонятное существо на цифровом носителе.

Как сказал один древний мудрец: «Господи, дай мне душевный покой, чтобы принять то, что я не могу изменить, дай мужество изменить то, что могу, и мудрость, чтобы отличить одно от другого».

Мы завершаем нашу работу, и заключительное слово предоставляется Вячеславу Семеновичу Степину.

В. С. СТЕПИН: — Мне задали несколько интересных вопросов, которые тем не менее требуют дополнительных пояснений уже сказанного мною в выступлениях на пленарном заседании и в дискуссиях. В частности, это касается смысла концепта «цивилизация».

Это понятие применяется в нескольких смыслах. Важно, на мой взгляд, выделить три основных. Первый из них обозначает совокупность достижений человечества, которые характеризуют выделение человека из животного мира и его восхождение по ступеням социального развития. В этом значении под цивилизационными достижениями понимается прежде всего развитие и системное усложнение «второй природы» — мира созданных человеком предметов и процессов, который непосредственно окружает его и обеспечивает его выживание в природе. В этом смысле говорят о цивилизационных достижениях как о технико-технологических инновациях, таких как изобретение колеса, паровой машины, автомобиля, самолета, освоение электричества, атомной энергии. Кроме них есть цивилизационные достижения, которые обеспечивают регуляцию социальных связей и отношений людей. Изобретение письменности, возникновение права, рынок и деньги, демократия, права человека — тоже цивилизационные достижения.

Второе значение понятия «цивилизация» характеризует особый тип общества, возникающий на определенной ступени исторического развития, когда про-

исходит переход от первобытного состояния к первым сельским и городским цивилизациям древности. В основе этого понимания лежит целостное системное видение общества с особенностями его культуры, ее базисных ценностей, социальных отношений и институтов, способа взаимодействия с природой, типов личностей и образа жизни, которые воспроизводятся в процессе существования цивилизации. В этом значении употреблял термин «цивилизация» А. Тойнби, когда выделял в истории человечества различные виды цивилизаций. В рамках этого второго смысла цивилизация воспринимается как особый социальный организм, который характеризуется спецификой его взаимодействия с природой, особенностями социальных связей и культурной традиции. Подчеркну, что в этом подходе цивилизация и культура никак не противопоставляются друг другу. Любая цивилизация предполагает особый тип культуры. И только благодаря этому типу культуры она и воспроизводится.

И, наконец, есть третий смысл понятия «цивилизация». Например, О. Шпенглер считал, что цивилизация и культура противоположны. В этом случае под цивилизацией понимаются технологические и технические изобретения, а под культурой — базисные ценности и состояния духовного мира человека. И тогда фиксируется, что прогресс в технике и технологии не приводит автоматически к моральному прогрессу, наоборот, иногда даже связан с моральным регрессом. В этом смысле часто говорят, что цивилизация и культура не совпадают, что это разные аспекты социальной истории. Такое противопоставление, я полагаю, уместно только в очень узких рамках, например когда обсуждаются проблемы кризиса современной цивилизации и соответственно современной культуры. Вот тут можно говорить о том, что цивилизация, в основе которой лежит технический и технологический прогресс, и культура, как духовное развитие человека, не совпадают и даже могут быть противоположны друг другу.

Когда речь идет об историческом развитии цивилизации, то приоритет имеет второй смысл термина «цивилизация», требующий рассматривать ее как некоторый целостный социальный организм, изменяющийся в ходе исторической эволюции.

Именно этот подход определил разработку мною концепции типов цивилизационного развития. Один из вопросов, который мне был сегодня задан в письменном виде, состоял в следующем: как соотносятся концепция локальных цивилизаций и типов цивилизационного развития с марксистской теорией общественно-экономических формаций. Общим для всех них является видение общества как целостного организма. Но понимание его структуры и исторической динамики было различным. В марксизме главным фактором социальных перемен является способ производства, в цивилизационном подходе — изменение культурно-генетического кода. Признаюсь, мне давно уже не нравилось это противопоставление. Я считал возможным попытаться синтезировать эти два подхода или, по крайней мере, доказать, что они представляют собой дополнительные (в смысле Н. Бора) описания одного и того же сложного системного объекта

и оба необходимы для понимания его функционирования и развития.

Для решения этой задачи необходимо было скорректировать научную картину социальной реальности, которую предлагал марксизм и которую наше поколение усваивало в процессе школьного и вузовского обучения.

Философским основанием научной картины социальной реальности были идеи философской антропологии, возникшие как стремление ответить на вопрос, сформулированный великим И. Кантом: «Что есть человек?». Ответ предполагал анализ трех основных отношений человека к миру — к природе, другим людям и социальным коллективам, к сфере человеческого духа.

Марксизм, исходя из деятельностной природы человека, обосновал представление о его материальном бытии как о функционировании и развитии человека в качестве двухкомпонентной телесности: наличие кроме его биологического тела еще и системы искусственных органов, технических устройств, дополняющих и усиливающих костно-мышечную систему человека, его органы чувств и нервную систему. Эти искусственные органы являются фрагментами второй природы, созданной и развивающейся благодаря практической деятельности людей. Именно из этого понимания следовало, что способ производства определяет материальное бытие человека.

В марксизме был намечен еще один аспект амбивалентности человеческого бытия как социального существа — автономия его личности и его включенность в сложно структурированную систему социальных связей, благодаря чему он и формируется как личность. Эти идеи были развиты в социологии уже XX века.

Наконец, есть еще одна фундаментальная характеристика человеческого бытия — историческое развитие человеческого духа. В марксизме эта сфера бытия сводилась к отношениям индивидуального и общественного сознания, рассмотренного как отражение общественного бытия и вторичного по отношению к нему. Правда, Ф. Энгельс в своих последних работах предостерегал от догматического понимания этого тезиса и подчеркивал активность общественного сознания в организации социальной жизни. Но в классическом марксизме эта тема не была достаточно разработана.

В XX веке открытия генетики, социальной антропологии, разработка семиотики, теории систем и концепции деятельности придали новый импульс анализу духовной сферы человеческого бытия. Она предстала в аспекте надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), которые регулируют социальную жизнь.

У человека есть два типа регулятивных программ. Первый — это биологические генетические программы, представленные биогенетическими кодами человека. Второй — надбиологические программы, представленные социокодами. Сложная развивающаяся система надбиологических программ человеческой жизнедеятельности, транслируемая в социокодах, обозначается термином «культура».

Культура функционирует как своего рода социальная генетика. Ее фундаментальные жизненные смыслы и ценности, репрезентированные системой мировоззренческих универсалий как оснований культуры, действуют подобно геному биологических организмов. Они определяют воспроизводство того или иного вида общества как системной сложности. Новые виды общества, как и новые виды живых организмов, возникают только тогда, когда меняется их геном.

Стандартный цивилизационный подход зафиксировал регулятивные функции культуры в жизни цивилизаций и выделил виды цивилизаций, различая их по особенностям культурных традиций. Но при этом остались непроанализированными механизмы становления и взаимодействия локальных цивилизаций на разных этапах человеческой истории.

Для этого необходимо было более дифференцированно рассмотреть культурные традиции как иерархию жизненных смыслов и ценностей и выделить базовые ценности в качестве предельных оснований культуры. В этом типе анализа и возникла расширенная трактовка цивилизационного подхода — разделение всех типов (видов) цивилизаций на два обобщающих типа (класса) — на традиционалистский и техногенный. Каждый из них включал соответствующие виды локальных цивилизаций в качестве своих особых экземпляров.

Концепция типов цивилизационного развития не отбрасывает позитивное содержание стандартного цивилизационного подхода (А. Тойнби, Н. Данилевский и др.), а включает его в свой состав. Вместе с тем она может быть согласована и с рядом ключевых положений марксистской формационной концепции, которая предстает как альтернативная стандартному цивилизационному подходу. Нетрудно обнаружить, что базисные ценности техногенного типа развития лежат в основе марксистского понимания общества. Концепция формаций описывала предысторию и историю техногенной цивилизации, но испытывала известные трудности применительно к традиционалистским обществам Востока. В результате получается, что два альтернативных и несовместимых подхода (цивилизационный и формационный) предстают в рамках концепции типов цивилизационного развития как дополнительные описания одной и той же сложной системной реальности, акцентируя разные аспекты этой реальности.

Важно различать два варианта социальной эволюции. Первый вариант — эволюция обществ в рамках определенного типа развития, когда сохраняется свойственная этому типу матрица базовых ценностей. Второй вариант, когда меняется матрица базовых ценностей и начинается фазовый переход к новому типу цивилизационного развития. Моя позиция и в сегодняшней, и в предыдущих дискуссиях состоит в том, что кризисное состояние современного общества является индикатором перехода к новому, третьему по отношению к традиционалистскому и техногенному типу цивилизационного развития. И если мы хотим прогнозировать будущее, то нужно прежде всего проследить, как меняются базовые ценности, какие точки роста новых

ценностей возникают на современном этапе. Эти точки роста возникают в культуре разных видов техногенных обществ, в том числе и в России. Я согласен с профессором А. П. Марковым, что среди сохранившихся традиций российской культуры есть идеи, которые могут стать перспективными для будущего, даже если сейчас они не входят в современный тренд развития. Их также нужно анализировать как возможные предпосылки нового типа цивилизационного развития.

Мне задали вопрос: может ли быть так, что выход из кризиса цивилизации — в смене системы ценностей? Да, только так и может быть. Второй вопрос: будет ли антропоцентризм сохранен как ценность? В какой-то мере, думаю, да, но возможно несколько сценариев развития. Согласно одному из таких сценариев, гуманизм должен быть заменен идеей трансгуманизма, который предполагает радикальную перестройку генетической основы человека. Об опасностях такой перестройки говорил Владислав Александрович Лекторский. Новые технологии создают огромные возможности по продлению и улучшению качества жизни, но каждый раз надо думать о том, что за этим может последовать в более или менее отдаленном будущем. Если мы хотим избежать катастрофических последствий, то их вероятность должна быть четко обозначена. Мы не можем отказаться от гуманизма, иначе открываются негативные перспективы для существования человечества.

И последний вопрос, который был задан профессором Матвеевой, — относительно того, как мыслится влияние психологической науки на создание нового коллективного образа будущего. Повторю: надо смотреть, что происходит в культуре, какие новые ценности в ней формируются. Вы верно сказали, что ценности создаются массовыми коммуникациями. Но нужно уточнить, в каком смысле создаются. Начало их возникновения в качестве нового понимания мировоззренческих универсалий культуры связано с творчеством интеллектуалов — философов, ученых, писателей. Но утверждаются они в качестве ценностей действительно в массовых коммуникациях. Смыслы мировоззренческих универсалий эмоционально воспринимаются и переживаются людьми. И только так они принимаются в качестве ценностей. В анализе этих процессов значение психологического подхода трудно переоценить.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Уважаемые коллеги, наша дискуссия подошла к концу. Благодарю всех за участие в работе секции — ваши выступления были глубокие и интересные, а разнообразие мнений и оценок говорит о том, что поднятые в докладах проблемы требуют дальнейшего изучения. Надеюсь, через год мы вновь встретимся и продолжим нашу дискуссию, которую мы конструктивно ведем на протяжении ряда лет. Всего наилучшего!

Секция 3 ЭКОНОМИКА И ПРАВО: СИСТЕМНЫЕ СДВИГИ, ВЫЗОВЫ И КОНТУРЫ БУДУЩЕГО

20 мая 2017 г. Лекционный зал № 2, СПбГУП

Руководители секции:

- Г. В. КОЛОДКО вице-премьер, министр финансов Польши (1994–1997, 2002–2003), директор Исследовательского института Университета Леона Козьминского (Варшава), иностранный член РАН, доктор экономических наук, профессор
- А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ главный научный сотрудник Института государства и права РАН, академик РАН, доктор юридических наук, профессор
- А. Д. НЕКИПЕЛОВ директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, доктор экономических наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП

ДОКЛАДЫ

Е. Е. Амплеева¹

КРИЗИС МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В ПОСТСОВРЕМЕННОМ ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Современное международное право обеспечивает поиск новых путей решения глобальных проблем современности, ответы на которые следует искать в истории международных отношений. Несмотря на то что в наши дни человечество, обогатившись опытом решения самых разнообразных задач, шагнуло далеко вперед, новое тысячелетие ознаменовалось всеохватывающей и комплексной трансформацией глобальной обстановки, где в мире одновременно протекают процессы глобализации и фрагментации, интеграции и дезинтеграции. В последние десятилетия даже ООН, как идеал межгосударственного сотрудничества, все чаще подвергается критике из-за отсутствия механизмов предотвращения общемировых кризисов, установления «двойных стандартов», излишнего параллелиз-

ма в функциях ее структур и чрезмерной бюрократизации².

С учетом этой реальности международно-правовая доктрина, с одной стороны, признает международное право в качестве средства «общественного согласия в планетарном масштабе», а с другой — все больше развивается как «право Запада»³, построение которого идет по двум направлениям — атлантическому (европейскому) и азиатско-тихоокеанскому. Современный мир, пережив периоды деколонизации, холодной войны, перестройки и перезагрузки международных отношений, по-прежнему отчетливо ощущает влияние цивилизационных факторов «старого противостояния», к проявлениям которого можно отнести принадлежность к одному региону или конкретному интеграционному объединению. Кстати, в истории международных отношений использование «цивилизационного подхода» не является новшеством, а вот для международного права такой подход принципиально новый и предлагает совсем иное восприятие мировой политики, чем даже 10–15 лет назад.

¹ Заведующая кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ, кандидат юридических наук, доцент. Автор более 70 научных публикаций, в т. ч.: «Принцип территориальной целостности государства в международном и российском праве», «Вопросы государственного устройства в международном и конституционном праве», «Международное право в точке бифуркации», «Развитие международно-правовой доктрины государственной территории в XX веке», «Влияние территориальной нестабильности государства на его международную правосубъектность», «Международно-правовые обязательства Российской Федерации как детерминанта деятельности полиции в сфере защиты прав человека», «Практика ЕСПЧ и ее значение для развития национальной системы защиты прав человека» и др.

² Злоказова Н. Е. Реформа Совета Безопасности ООН: основные сценарии и проблемы // Вестник Всероссийской государственной налоговой академии. 2008. № 2. С. 58.

³ Шумилов В. М. О периодизации международного права в контексте цивилизационного подхода: Россия и Запад // Евразийский юридический журнал. 2014. № 10 (77). С. 44–45.

Деление государств на западные, восточные и смешанные — лишь общий контур, в рамках которого выделяются два десятка цивилизационных пространств (центров). Более того, привычные термины «развитое» и «развивающееся государство» — тоже инструментарий цивилизационного подхода, пусть и не всегда осознанного¹. Так, к западному цивилизационному пространству современности относятся развитые государства Запада и ряд развивающихся стран из других регионов (Малайзия, Сингапур, ОАЭ, страны Магриба и пр.). В этом смысле Запад не един, и если в мировой экономике эти страны конкурируют, то в мировой политике стараются держаться вместе.

Цивилизационное пространство восточного типа охватывает в основном страны Азии, Африки, Латинской Америки, его лидером, безусловно, является современный Китай. В политической терминологии эта группа государств часто называется «Юг» и открыто противопоставляется развитым государствам, которые условно именуется «Север».

Есть еще смешанные пространства, поскольку в реальной жизни многие страны, отнесенные к одной категории, могут содержать в себе элементы государств других типов. Именно к таким цивилизациям относится Россия, а значит, усиление внутри страны либо проевропейских, либо проазиатских настроений может нарушать внутреннюю устойчивость Российского государства. В цивилизационном плане выбор таким государством основного вектора внешней политики играет ведущую роль в противостоянии западной или восточной цивилизации. Именно поэтому каждый из двух цивилизационных центров ставит перед собой незаметную вначале, но обязательную итоговую цель — в первую очередь приручить, а впоследствии поглотить «русский мир» в условиях экономической глобализации, чтобы в будущем не было возврата к исходной точке компромиссного баланса.

Следует отметить, что современная мировая система международных отношений состоит из множества подсистем, в каждой из которых глобализация осуществляется сравнительно разными методами и с разной скоростью. Региональная экономическая интеграция — одно из проявлений глобализационных процессов, поскольку в рамках интеграционных образований

государства-участники ускоренно и скоординированно создают правовые режимы для обеспечения собственных цивилизационных интересов.

За последние десятилетия усилиями западных стран было разработано и введено в мировую практику больше международных конвенционных норм и принципов, чем за всю предшествующую историю человечества. Неизмеримо медленнее совершенствуются механизмы реализации международно-правовых норм, поскольку эта деятельность осуществляется за счет государств восточного цивилизационного пространства, то есть стран, которые экономически и технологически зависимы от развитых стран. Поскольку на протяжении веков соблюдение международных норм обеспечивалось в основном политическими средствами, обеднение и недовольство стран третьего мира в последнее время резко возрастает. Как результат, среди общемировых правовых ценностей важнейшие из них — мир и безопасность — уходят на второй план, а принцип социальной справедливости становится предметом дипломатического торга. Именно поэтому международное право в современных условиях избирательно и неэффективно, оно используется политиками, когда удобно, и отбрасывается, если мешает².

Таким образом, социальные язвы и диспропорции у всех на виду. Это и есть питательная среда для войн, терроризма, политических и экономических противоречий, в которых зеркально отражается протест людей, исключенных из процесса процветания и благосостояния. Всем регионам срочно нужно тотальное материальное и моральное оздоровление всего планетарного социального организма. Международное право как система правовых норм, регулирующих отношения между старыми и новыми участниками международных отношений, является отражением сложившейся сегодня политической системы, находящейся в глубоком кризисе. В этих условиях международное право пока безуспешно пытается согласовать интересы всех этих субъектов, прежде всего государств-лидеров тех или иных цивилизационных пространств, которые обладают соответствующим механизмом воздействия, но внешняя политика которых игнорирует общепризнанные нормы и принципы международного права.

¹ Шумилов В. М. Указ. соч. С. 49–50.

² Шумилов В. М. Указ. соч. С. 47.

С. А. Антипин¹**ГЛОБАЛЬНЫЕ СДВИГИ И КОНТУРЫ БУДУЩЕГО
В СВЕТЕ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ США**

В последнее время главной темой обсуждения экономистов и политиков разных стран является новая экономическая политика США, которую проводит Дональд Трамп. Его предвыборное заявление о том, что США могут прекратить политику «одной страны» по отношению к Китаю, разморозит старый территориальный конфликт между Китаем и Тайванем. Как известно, план Трампа построен на восстановлении американского экономического могущества за счет возвращения в США производства из Китая, а также за счет ликвидации неэквивалентного торгового обмена между двумя странами. Грубо говоря, Трамп хочет, чтобы те товары, которые сейчас производят китайцы на американских предприятиях, вынесенных на территорию КНР, и потом продают американцам и европейцам, производили и продавали американцы на заводах, возвращенных на территорию США. Заодно чтобы налоги пополняли американский бюджет.

Как Россия может ответить на это? Нужен ли нам нейтралитет по отношению к обеим странам? Нам не хочется участвовать в конфликте с США, надеясь на то, что новый президент, может быть, смягчит то беспрецедентное давление на Россию, которое мы испытываем в настоящее время. Стоит ли нам надеяться по-горбачевски на русский авось и ждать, когда, разобравшись с Китаем, Америка продолжит уничтожение России, лишенной своего важного стратегического партнера?

На наш взгляд, президент России выбрал верную модель поведения, проверенную многими веками существования нашего государства. Современные западные политики, к сожалению, не смогли понять важность России для своего существования. Они забыли серьезные уроки истории.

Владимир Путин напомнил Западу о том, что Россия имеет собственные экономические интересы. Китай находится в сфере этих интересов, это наш стратегический партнер, проводящий взвешенную политику в Тихоокеанском и Среднеазиатском регионах. Вместе с тем Россия не собирается ввязываться в вооруженные конфликты на этой территории, давая возможность китайцам самим продемонстрировать свои силы и возможности.

В этом отношении следует брать пример с того же Китая. Например, старший научный сотрудник Института российских, восточноевропейских и центрально-азиатских исследований при китайской Академии об-

щественных наук Чжэн Юй считает, что его страна будет придерживаться сбалансированного подхода к сирийской проблеме. «Мы сказали русским, что Китай пока только глобальная экономическая держава, но не геополитическая, — заявил Чжэн. — Мы лишь выборочно занимаемся проблемами зарубежных горячих точек. Ближний Восток для Китая — это пока еще незнакомое поле боя глобальных игроков».

Китаец явно переоценивает возможности противника. Тем не менее противостояние пошло по линии: Китай плюс Россия против США. В 2013 году главный удар получила Россия. Самая острая фаза кризиса для Москвы была в феврале–мае 2014 года. Уже с середины июня стало понятно, что главных задач на Украине США быстро не достигнут и, скорее всего, застрянут там надолго. Россия не собиралась вступать в вооруженный конфликт на Донбассе и открытое противостояние с Европой. Наоборот, пойдя на переговоры с Киевом в нормандском формате 6 июня 2014 года, попыталась перехватить инициативу, что привело США к потере темпа и вероятному проигрышу партии.

Очевидно, что события на фондовом рынке Китая были срежиссированы США: «Пузырь на фондовой бирже начал надуваться как бы из ниоткуда в конце лета 2014 года. Мощнейшая информационная атака в прессе, показавшая, как выгодно вкладываться в фондовый рынок Китая, решала для заказчика (США) одну большую комплексную задачу: изъятие денег из реального сектора потребления страны и перевод их в виртуальный фондовый рынок. Таким образом, достигался комплексный эффект: торможение китайской экономики и накачка опасного для стабильности страны пузыря. Рано или поздно экономика могла затормозиться настолько, что можно было бы одним мощным информационным ударом вызвать глобальную мировую бурю, которая смела бы всех оставшихся конкурентов.

США удалось запустить цепную реакцию роста на фондовых рынках Китая. Было только делом времени, когда США посчитают нужным вызвать бурю. Китай благоразумно решил не ждать и ударил на опережение. Поэтому в июле бури на мировых площадках не случилось. А значит, США к июльскому падению китайского фондового рынка не имели никакого отношения. Произошел фальстарт, который грозил США разрушением их стратегии борьбы. Китайское руководство, применив стратегию упреждающего сдувания фондового пузыря, фактически возвращало ситуацию в первоначальное русло. Деньги возвращаются в экономику и толкают ее вперед, решая проблему роста. США не имели права ждать.

И последовал август, когда намного менее сильное падение Шанхайской биржи имело следствием мировое финансовое цунами. 18 августа началось падение американских рынков (китайский в это время, кстати, хотя и лихорадило, но не критично, даже уже привычно), превратившееся 20 августа в стремительное.

¹ Профессор кафедры менеджмента и логистики на транспорте Самарского государственного университета путей сообщения, доктор экономических наук. Автор более 50 научных публикаций, в т. ч.: «Почему процветает китайская экономика», «Влияние национальной культуры на развитие экономики. Феномен экономического успеха Китая», «Экономическая стратегия КНР. Геополитические риски современной мировой экономики», «Вызовы российской экономике на современном этапе глобализации», «Прямые инвестиции в обрабатывающей промышленности США» (в соавт.), «Бизнес по-китайски. Технологии и безопасность» и др.

А 24 августа в мире началась «паника». Китай перед этим, еще в июле обвинивший Запад и США в дестабилизации китайской экономики, начал беспрецедентную игру на понижение американскими ценными бумагами: 106 млрд долларов за 2 недели, а всего за июль-август более 140 млрд долларов. Вдобавок Китай девальвировал юань почти на 4 %».

Китай не просто сдул пузырь на своем фондовом рынке и в ответ на действия МВФ девальвировал курс юаня, но и продал 140 млрд трежерис из имеющихся в объеме 1,3 трлн долларов, то есть около 10 %. Никак иначе, как финансовой войной, это назвать нельзя. Блогер chipstone в материале «Война за мировое лидерство. Китай против США» пишет: «В настоящий момент мир становится свидетелем начала открытой экономической войны Китая и США. Слава богу, пока только экономической. Причина для войны тривиальна. США — глобальный лидер уходящей эпохи, основные победы которого в прошлом. И как любой лидер, победивший соперника, считавшегося главным и наиболее опасным, почил на лаврах, упустив появление и становление другого опасного конкурента. Китай — экономический лидер эпохи будущего, уязвленный тем, что его экономический потенциал до сих пор не реализован полноценно в политическое влияние на мир»¹.

Китай к этому времени хорошо подготовился к ожидаемому удару. С большим количеством стран заключил соглашения о взаимных валютных СВОПах, устраняющих посредничество доллара во взаимных расчетах. Начал эмиссию внешних долговых обязательств, номинированных в юанях. Анонсировал дальнейшее приобретение нефти только за юани. подгото-

вил подконтрольные ему международные финансовые институты, способные заменить проамериканские Всемирный банк и МВФ. Активно развивает транспортные сухопутные маршруты в Европу, независимые от контролируемого США Малаккского пролива. Заключил соглашение о стратегическом партнерстве с Россией, обеспечив неконтролируемый США (через тот же пролив) канал поставок энергоресурсов. Проявляет поразительную экономическую активность в Африке и Латинской Америке, став для многих стран этих регионов главным торговым партнером.

Китай начал процесс отвязки юаня от доллара, что через уже проведенную и планируемые в дальнейшем девальвации юаня позволит стране не только защитить свое конкурентное преимущество в производственной сфере, но и иметь благовидный предлог для того, чтобы снижать свои вложения в доллары и евро. В последнее время уже под видом необходимости в средствах для спасения своего фондового рынка от коллапса вывел из трежерис более 100 млрд долларов. Стремительными темпами продолжает накопление золотовалютных резервов и одновременно создает самую современную инфраструктуру в мире для их хранения и торговли.

В США и Европе политические элиты слишком поздно спохватились, но до сих пор не поняли всей критичности ситуации, практически толкнув Россию в объятия Китая, и не только Россию. Возможно, в ходе выборных кампаний ряда европейских стран произойдут глобальные сдвиги в политических направлениях развития этих стран и определятся контуры будущего мировой экономики.

С. Б. Байзаков²

О ПРИМЕНЕНИИ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ПОСТРОЕНИИ КАЧЕСТВЕННОЙ ТЕОРИИ ДЕНЕГ

В настоящее время в процессе воспроизводства национальной экономики взаимодействуют два вида капитала: капитал в форме денег и капитал в форме товара. В историческом плане первоначально самостоятельный статус получил технологический уклад капитала в форме товара как инструмент анализа работы реального сектора экономики. На этом фоне набирала силу фискальная политика. Примерно с 1980-х годов самостоятельный статус получает технологический уклад капитала в форме денег как

инструмент анализа работы финансового сектора экономики, что дало толчок стремительному развитию монетарной политики.

Для оценки эффективности каждого технологического уклада выработана своя теоретическая база. Первая из них — теория кейнсианства. Для анализа эффективности взаимодействия реального и финансового секторов по модели, построенной на ее основе, используются два первых показателя системы национальных счетов из трех основных: 1) ВВП, который выражает конечный продукт, затраченный на потребление и накопление; 2) реальный ВВП, который выражает рост физического объема продукции и 3) номинальный ВВП — рост того же объема продукции в рыночных ценах текущего года. Вторая теоретическая база — количественная теория денег. Для анализа эффективности взаимодействия реального и финансового секторов по модели, построенной на ее основе, используются два последних из трех показателей системы национальных счетов. В первом случае второстепенную роль играют деньги, а во втором — реальное производство.

¹ Война за мировое лидерство. Китай против США. URL: chipstone.livejournal.com

² Научный руководитель Института экономических исследований (Астана, Казахстан), доктор экономических наук, профессор. Автор более 160 научных публикаций, в т. ч.: «Система моделей сбалансированного развития рыночной экономики» (в соавт.), «Ключевые индикаторы инновационного развития и принципы их измерения», «Теория контрактов как теория двухмерного отражения кругооборота товарных и денежных потоков в процессе их воспроизводства» (в соавт.), «Технологический прогресс и его вклад в инновационное развитие бизнеса и экономики страны», «Ловушка Столерю и оценка ее практической значимости» (в соавт.) и др. Член Оксфордского академического союза.

Теория кейнсианства ориентирована на защиту интересов реального сектора, а количественная теория денег — финансового сектора экономики. В защите узковедомственных интересов есть недостатки, к которым относится также и макроэкономический подход, являющийся платформой построения указанных базовых теорий.

В итоге возникает резкое несоответствие между уровнем рыночных цен товаров и услуг и уровнем использованных материальных и экологических ресурсов в процессе производства. Так, обе эти теории допускают производство прибыли и цепочки добавленных стоимостей любым способом, например не считается обязательной экономия материальных, природных и других видов местных ресурсов. Таким образом, возникает определенный барьер на пути развития «зеленой» и другой альтернативной экономики.

К недостаткам этих теоретических подходов относится и то, что в практике экономического анализа и прогноза используются не два показателя, а три. Третьим показателем выступает паритет покупательной способности национальной валюты, который строится на основе специальной методологии. На самом деле можно обойтись без нее, построив качественную теорию денег, которая базируется на модели межотраслевого баланса производства товаров и услуг. В этом случае качественная теория денег в полной мере коррелируется с теорией контрактов, разработанной лауреатами Нобелевской премии 2016 года Хартом и Хольмстрёмом. С ее помощью определяется индекс относительных цен всех благ в постоянных национальных деньгах¹.

Как показал мировой кризис 2008 года, для защиты интересов национальной экономики в их межстрановой конкуренции нужны новые инструменты управления, соответствующие условиям глобализации мировой экономики. Так, в 2007 году на Петербургском экономическом форуме президент Казахстана Н. Назарбаев озвучил инициативу создания Евразийского клуба ученых, а в 2008-м был проведен первый Астанинский экономический форум (АЭФ). Ныне АЭФ стал диалоговой площадкой для работы Евразийского клуба ученых, а с 2012 года и для мегапроекта G-Global. В статье «Пятый путь» (2009) президент Казахстана предложил создать истинно демократическую мировую валютно-финансовую систему, которая способна обеспечить переход «от старых валютных единиц иллюзорной оценки стоимости к новым инструментам реальной оценки истинной ценности товаров и услуг»².

Эти инициативы президента Назарбаева оказались своевременными и востребованными. Так, в статье сказано, что устойчивость развития национальной экономики обеспечивается тремя технологическими укладами. Сюда относятся технико-технологический уклад в реальном секторе производства товаров и услуг, денежно-кредитный уклад в финансовом секторе и соци-

ально-политический уклад в управленческом секторе национальной экономики.

В целом культурологический подход построения качественной теории денег, предложенный в статье «Пятый путь», более широко раскрывает экономическое содержание международной системы национальных счетов. Особенно ценным с позиции оценки качества денег является уровень развития инновационной культуры социально-политического уклада. Этот уровень развития адекватно выражается посредством номинального ВВП, который направлен на потребление и накопление как конечный результат работы страны и служит критерием управления качеством номинального и реального ВВП.

Таким образом, согласно подходам, предложенным в статье «Пятый путь», для обеспечения перехода от иллюзорной стоимости товаров и услуг к новым инструментам реальной оценки истинной ценности товаров и услуг любой страны мира необходимы и достаточны три технологических уклада, которые служат теоретической базой модели оценки качества национальных денег.

Для доказательства данного вывода сформулирована гипотеза, которая позволит оценить истинную ценность товаров и услуг: «Поскольку суть глобального кризиса и определения путей выхода из него кроется в клубке неразрешимых противоречий между темпами и уровнями развития технико-технологического, валютно-финансового и социально-политического укладов каждой страны и мира в целом, постольку четкое различение этих трех “этажей” инноваций крайне важно для понимания его сути»³.

Таким образом, ставится задача построения модели качественной теории денег, что позволит обеспечить единство качественных и количественных индексов экономического роста. Модель должна быть адекватна этапам инновационного развития технико-технологического, валютно-финансового и социально-политического укладов национальной экономики каждой страны и мира в целом и соответствовать вышеприведенной гипотезе.

Для решения этой задачи используются два оператора. Один из них определяет функцию научно-технологического потенциала страны, другой — функцию истинной ценности товаров и услуг.

Оценка вклада научно-технологического потенциала в качество экономического управления проводится в соответствии с принципом обратимости капитала в форме денег и капитала в форме товара в модели межотраслевого баланса: *произведение прямой трудоемкости продукции в человеко-часах рабочего времени на совокупные затраты на производство товаров и услуг в денежном выражении равняется произведению полных затрат труда в человеко-часах рабочего времени на произведенный годовой доход в денежном выражении*.

Главный результат применения принципа обратимости состоит в определении функции научно-технологического потенциала в зависимости от эффективно-го использования материальных и экологических ре-

¹ Столерю Л. Равновесие и экономический рост: Принципы макроэкономического анализа. М.: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1974. С. 26.

² Назарбаев Н. А. Пятый путь // Культурно-просветительный портал Адамант. 2009. 8 окт. URL: http://www.lomonosov.org/article/fifth_way.htm

³ Назарбаев Н. А. Указ. соч. Разд. «Парадокс мирового прогресса».

сурсов, тогда как обратная функция научно-технологического потенциала выражает уровень кластеризации рынка товаров и услуг.

Здесь функция научно-технологического потенциала определяется на стыке макро- и микроэкономики через показатель производительности текущих материальных затрат по производству номинального ВВП. Взаимная зависимость показателей макро- и микроэкономики рассчитывается делением годового дохода на полные затраты, использованные на производство баланса системы социальных счетов.

В настоящем культурологическом подходе функция истинной ценности товаров и услуг определяется как

обратная величина покупательной способности национальных денег. Выходит, что дефлятор ВВП (инфляция) представляет собой произведение темпов роста истинной ценности товаров и услуг на коэффициент эффективности научно-технологического потенциала. Она основана на двухмерном измерении капитала — в форме денег и в форме товара. Благодаря двухмерному измерению индикаторов экономического развития открывается возможность эффективно управлять ограниченными ресурсами любой страны мира в соответствии с конструкцией межотраслевой модели не только в денежном выражении (В. Леонтьев), но и в трудовом (В. Дмитриев).

Т. А. Баталова¹

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ТРУДОВЫХ И ИНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН СТРАН ЕврАзЭС В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Ни для кого не секрет, что одним из современных вызовов является глобализация. Для стабильности функционирования государства отдельные страны создают союзы и пытаются таким образом «выжить» либо усилить свое влияние на другие страны или их объединения. Не стал исключением и Договор о ЕврАзЭС (далее по тексту — Договор). Заключение данного Договора повлекло за собой ряд проблем правового характера, и прежде всего необходимость решения вопроса о гармонизации национальных законодательств стран — участниц Договора. В настоящем докладе мы обратимся к вопросу о гармонизации трудового и пенсионного законодательства стран — участниц ЕврАзЭС. Этот вопрос настолько актуален на современном этапе, что требует немедленного разрешения уже в ближайшее время, так как активно формируется общий трудовой рынок. Трудовая миграция граждан стран — участниц ЕврАзЭС породила массу правовых проблем в этой области: к примеру, проблему реализации конституционных прав граждан, во-первых, на равные условия труда; во-вторых, на пенсионное обеспечение при ситуации разного возрастного ценза и пр.

Остановимся на отдельных аспектах перечисленных выше вопросов. Трудовой кодекс Российской Федерации указывает на то, что на территории России правила, установленные трудовым законодательством и иными актами, содержащими нормы трудового права, распространяются на трудовые отношения с участием иностранных граждан, лиц без гражданства, организаций, созданных или учрежденных иностран-

ными гражданами, лицами без гражданства либо с их участием, международных организаций и иностранных юридических лиц, если иное не предусмотрено данным кодексом, другими федеральными законами или международным договором Российской Федерации (ч. 5 ст. 11)². К таким договорам относится Договор о Евразийском экономическом союзе, подписанный в г. Астане 29 мая 2014 года, который регулирует в том числе и вопросы сотрудничества государств-членов в сфере трудовой миграции. По Договору, такое сотрудничество осуществляется в формах согласования общих подходов и принципов в сфере трудовой миграции, обмена нормативными правовыми актами и информацией и др.

Регламентацию трудовой деятельности трудящихся государств — членов ЕврАзЭС осуществляет ст. 97 Договора, ч. 2 которой запрещает национальному законодательству стран-участниц устанавливать и применять ограничения в отношении трудящихся стран-участниц в целях защиты национального рынка труда, за исключением ограничений, установленных настоящим Договором и законодательством государств-членов в целях обеспечения национальной безопасности (в том числе в отраслях экономики, имеющих стратегическое значение) и общественного порядка, в отношении осуществляемой трудящимися государств-членов трудовой деятельности, рода занятий и территории пребывания³.

В целях осуществления трудящимися государств-членов трудовой деятельности в государстве трудоустройства признаются документы об образовании, выданные образовательными организациями государств-членов, без проведения установленных законодательством государства трудоустройства процедур признания документов об образовании. Однако если граждане стран-участниц претендуют на занятие педагогической, юридической, медицинской или фармацевтической деятельностью в другом государстве-чле-

¹ Директор Алматинского филиала СПбГУП, доцент кафедры юриспруденции. Автор более 30 научных, учебно-методических публикаций, в т. ч.: «Отдельные институты публичного права как элементы системы частного права», «Защита прав потребителей», «Некоторые аспекты теории и практики функционирования национальных правовых систем как части правовых культур государств — членов ЕАЭС», «К вопросу гармонизации законодательства России и Казахстана в рамках диалога правовых культур», «О месте предпринимательского права в системе частного права», «Система частных прав граждан и юридических лиц в общей системе права России» и др. Награждена знаком Федерации независимых профсоюзов России.

² Трудовой кодекс РФ (в ред. федеральных законов от 23 июля 2013 г. № 204-ФЗ и от 1 декабря 2014 г. № 409-ФЗ).

³ Там же.

не, они проходят установленную законодательством государства трудоустройства процедуру признания документов об образовании и могут быть допущены к данной деятельности только в соответствии с законодательством государства трудоустройства, так же и с документами об ученых степенях и званиях.

Договор указывает на применение национального законодательства с учетом его положений. Тем не менее он не решает вопросов пенсионного обеспечения. С мая 2014 года страны — участницы ЕврАзЭС пытаются разрешить эту ситуацию, однако проблема гармонизации национальных законодательств не решается из-за серьезных различий в действующих системах. Договор определил, что пенсионное обеспечение трудящихся государств-членов и членов их семей регулируется законодательством государства постоянного проживания, а также в соответствии с отдельным международным договором между государствами-членами, который до настоящего времени не принят.

Таким образом, одним из основных направлений развития интеграции является устранение барьеров на пути перемещения рабочей силы. А отсутствие или недостаточная правовая регламентация вопросов пенсионного обеспечения при осуществлении трудовой деятельности в других государствах-членах является сдерживающим фактором при формировании общего рынка труда.

Основное отличие пенсионных систем стран — участниц Договора заключается в разных подходах к финансированию пенсионной системы и распределению пенсионных средств — по пенсионному возрасту, размерам, источникам пенсионных отчислений и другим параметрам. Проблемными являются вопросы, возникающие в ходе перевода и сохранения пенсионных прав при осуществлении трудовой деятельности и переезде граждан государств-членов из одной страны в другую.

Закон Республики Казахстан «О пенсионном обеспечении в Республике Казахстан» определил, что иностранцы и лица без гражданства, постоянно проживающие на территории Республики Казахстан, пользуются правом на пенсионное обеспечение наравне с гражданами Республики Казахстан, если иное не предусмотрено

трено законами и международными договорами¹. Однако это не относится к трудовым мигрантам.

Таким образом, процесс глобализации, интеграции, бросая вызов современному развитию человечества, порождает ряд правовых проблем, решение которых возможно через гармонизацию национальных законодательств. Она может реализоваться несколькими способами, названными Рекомендациями по гармонизации трудового законодательства государств — членов ЕврАзЭС (на основе сравнительно-правового анализа национальных законодательств) и одобренными Постановлением Межпарламентской ассамблеи ЕврАзЭС от 13 мая 2009 года № 10-13. К ним относится создание модельных законодательных актов, либо принятие основ трудового законодательства как нормативного акта прямого действия, либо внесение изменений и дополнений в действующее национальное законодательство для унификации трудового законодательства.

С нашей точки зрения, аналогичным путем может пойти и гармонизация пенсионного законодательства. По какому бы пути ни пошла гармонизация законодательства стран-участниц, этот вопрос должен решаться в ближайшее время. Современная практика применения, например, пенсионного законодательства наших стран указывает на то, что значительное число граждан не могут в равной мере реализовать принципы трудового и пенсионного законодательства.

Безусловно, каждое государство — участник любого объединения, в том числе и ЕврАзЭС, будет стремиться к сохранению суверенитета, целостности своей правовой системы, отражающей особенности развития национального государства, с учетом культурных ценностей, самобытности и иных идентификационных признаков. Однако процесс глобализации, интеграции, сближения ряда государств, например в рамках ЕврАзЭС, неизбежно влечет создание единого рынка труда и соответственно необходимость решения вопросов пенсионного обеспечения трудящихся, что порождает потребность сближения трудового, пенсионного и иного социального законодательства. В связи с этим остро встает вопрос выработки единых подходов к формированию такого законодательства, а в его основу должны быть положены нормы международного права.

¹ Закон Республики Казахстан «О пенсионном обеспечении в Республике Казахстан» от 21 июня 2013 года № 105-V // Информационная система «Параграф». URL: <http://online.zakon.kz> (дата обращения: 22.03.2017).

А. А. Васецкий¹**ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КАК ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫМИ КОНФЛИКТАМИ**

Сегодня важнейшей функцией государства является сотрудничество с институтами гражданского общества. Взаимодействие государства, делового мира и гражданского общества в сфере труда должно осуществляться на основе социального партнерства (коллективно-договорного регулирования), что находит отражение в деятельности на постоянной основе консультативных органов — трехсторонних комиссий по регулированию конфликтов социально-трудовых отношений.

Следует заметить, что осуществление органами государственной власти, профсоюзами, работодателями (их объединениями) полномочий в сфере социального партнерства становится одной из форм государственного управления в социально-трудовой области.

Ряд авторов высказывает мнение, что в отношении социального партнерства государство выполняет особую роль — социального партнера, то есть не обладает властными полномочиями и действует на равноправной основе с профессиональными союзами и объединениями работодателей.

В случае осуществления социального партнерства на принципе трипартизма органы государственной исполнительной власти и местного самоуправления, выражая общественный интерес, одновременно содействуют основным сторонам в организации и проведении коллективных переговоров. При этом их посредничество отчасти формализовано нормами права. Например, Федеральный закон РФ «О Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений» предусматривает назначение президентом РФ координатора комиссии не из числа ее членов. При этом функции, которыми закон наделяет координатора, носят не только организационный, но и посреднический характер. Например, он «оказывает содействие в согласовании позиций сторон». Аналогичные координаторы региональных трехсторонних комиссий по регулированию социально-трудовых отношений предусмотрены рядом законов субъектов РФ.

Вместе с тем положение органов государственной исполнительной власти и местного самоуправления в социальном партнерстве нельзя признать как позицию нейтрального посредника. Во-первых, интересы органов власти в социальном партнерстве могут иметь самостоятельный характер и расходиться, иногда зна-

чительно, с интересами других участвующих сторон. Поэтому являясь де-юре равноправным участником коллективных переговоров и консультаций, органы государственной власти и местного самоуправления имеют возможности проводить решения, которые отвечают их интересам как публичной администрации. Во-вторых, так как трехсторонние соглашения затрагивают интересы государственного или местного бюджетов, переговорные позиции представителей государства или муниципального образования во многом обусловлены соображениями бюджетной экономии. При этом такая экономия может распространиться не только на собственно бюджетные средства, но и на средства подконтрольных автономных организаций. В итоге орган государственной власти или местного самоуправления в отношении социального партнерства из третьей стороны — посредника и представителя общества — в целом превращается в квазипредставителя работодателей бюджетной сферы (в широком ее понимании).

Объективное и справедливое посредничество органов государственной власти и местного самоуправления в отношении по социальному партнерству при проведении переговоров для заключения соглашений — своеобразная идеальная роль, исполнения которой ожидает гражданское общество. Поэтому отдельные случаи использования социального партнерства для занижения государственных социальных обязательств могут понизить уровень доверия общества не только к органам власти, но и к социальному партнерству как методу взвешенного регулирования социально-трудовых отношений.

Органы государственной власти и управления не участвуют непосредственно в переговорном процессе, примирительных и других процедурах, но создают условия для их проведения, то есть фактически осуществляют посредническую деятельность в урегулировании коллективных трудовых споров.

Таким образом, посредничество в социальном партнерстве, включая участие в разрешении трудовых конфликтов, направлено на создание условий для переговорного процесса между работниками, работодателями и их представителями, сближения их позиций с целью согласованного решения вопросов по регулированию конфликтов социально-трудовых отношений, развитие социального диалога во всех его проявлениях.

Наряду с другими посредниками, участвующими в отношениях социального партнерства, органы государственной власти оказывают содействие в формировании отношений социального партнерства и влияют на изменение их содержания.

Деятельность государства по урегулированию конфликтов должна основываться на примирении интересов, их корректировке и помощи в адекватном осознании своих потребностей и требований акторов общественной действительности.

¹ Профессор кафедры конфликтологии СПбГУП, доктор политических наук. Автор более 50 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Местное самоуправление в России: история и современная реформа», «Роль системных конфликтов в становлении современной политической системы России», «Проблемы развития местного самоуправления в Санкт-Петербурге» (в соавт.) и др. Член редакционного совета журнала «Евразийская интеграция: экономика, право, политика». Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, почетными грамотами Администрации Президента РФ, губернаторов Санкт-Петербурга, Ленинградской и Мурманской областей, Избирательной комиссии Ленинградской области, почетным дипломом Законодательного собрания Ленинградской области, имеет благодарность председателя Центральной избирательной комиссии РФ.

Посредничество при урегулировании трудовых споров различается в зависимости от вида спора, поскольку деятельность посредника при разрешении индивидуального и коллективного трудовых споров сегодня в России регулируется разными нормативно-правовыми актами: Федеральным законом РФ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» и Трудовым кодексом РФ (гл. 61). Поэтому посредничество в урегулировании индивидуальных и коллективных трудовых споров существенным образом различается.

Несмотря на то что процесс разрешения коллективных трудовых споров принято называть примирительными процедурами, а на одном из его этапов возможно участие независимого посредника, примирение как таковое следует отличать от урегулирования спора с участием посредника (медиатора). Здесь есть определенные различия, несмотря на то что урегулирование конфликта с участием посредника (медиатора) ставит своей задачей примирение сторон на основе выработанного ими взаимоприемлемого решения. На отличие примирения и медиации указывает целый ряд ученых, обращая внимание прежде всего на то, что примирение может осуществляться, например, и судьей в рамках традиционного правосудия. Как отмечает Ц. А. Шамликашвили, «в медиации все подчинено достижению согласия между сторонами на условиях их равноправия и доброй воли, включая и недостижение в итоге каких-либо договоренностей относительно существа спора. Медиатор содействует сторонам в процедуре, всегда прислушиваясь к их потребностям и воле,

и идет в ногу с ними, не навязывая своего мнения. Примиритель же может принять на себя роль «знающего, как лучше, или знающего, что на самом деле нужно обратившимся к нему сторонам»¹. Аналогичное разделение проводят и зарубежные ученые².

Поэтому примирение в широком смысле — это процесс достижения соглашения между сторонами юридического конфликта, а результат такого соглашения — примирительный акт. Примирение с участием посредника — одна из возможных форм осуществления указанного процесса, когда для урегулирования привлекается третья, независимая и беспристрастная, сторона, призванная обеспечить взаимодействие участников конфликта.

Сегодня в разных странах активно развиваются альтернативные способы разрешения споров. Неформальное альтернативное разрешение споров постепенно становится отчасти формализованным. Национальный законодатель в той или иной степени стремится нормативно определить процессы урегулирования споров вне рамок традиционной государственной юрисдикции. Так, в 2010 году в России был принят Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»³.

Изменения социально-экономической системы России привели к существенному повышению конфликтного потенциала сферы социально-трудовых отношений, что актуализирует вопрос о создании действенных институтов управления и урегулирования социально-трудовых конфликтов.

О. В. Вербовая⁴

ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ И ЭКОНОМИКИ

Мировые тенденции в экономической и политической сферах показывают возросшее внимание к правам человека, существенное влияние на которые оказывает

¹ Шамликашвили Ц. А. Медиация как современный способ урегулирования споров и ее соотношение с судебным разбирательством // Правовые вопросы строительства. 2013. № 1. С. 24–28.

² Блаоин-Бреннер Б. Медиация в трудовых спорах // Русско-французская конференция по медиации : докл. фр. участников конф. (Москва, 30 сентября 2010 г.) / пер. с фр. М. В. Соловьевой. URL: http://www.mediationgeneve.com/docs/0_Actes_version%20russe_.pdf. С. 61–68.

³ Федеральный закон от 27 июля 2010 года № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.

⁴ Профессор кафедры юриспруденции Алматинского филиала СПбГУП (Казахстан), доктор юридических наук. Автор более 90 научных публикаций, в т. ч.: «Актуальные проблемы правовой защиты прав и свобод человека и гражданина: состояние, тенденции, перспективы» (кол. моногр.), «Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан», «Некоторые проблемы квалификации соучастия в террористической деятельности», «Уголовная политика Казахстана и России в сфере борьбы с экологическими преступлениями: сравнительно-правовой анализ», «Проблемные вопросы ответственности за создание, руководство террористической группой и участие в ее деятельности», «Правовые механизмы противодействия глобальным вызовам XXI века» и др.

глобализация. Права человека — это пласт общечеловеческой культуры. Существенной гарантией их реализации выступает высокий уровень культуры прав человека, изменяющий отношение к правовым механизмам их защиты.

Основу стабильности государства и международного сообщества могут составлять лишь гарантированные права человека, нарушение которых ставит под угрозу мир и безопасность не только в национальном, но и в международном плане. Происходящие в мире события ясно показывают, что правительства, систематически нарушающие права своих граждан, нежизнеспособны. Авторитет государств, прочность их институтов, национальное единство, экономическое развитие, международная стабильность — все это зависит от уважения прав человека.

Согласимся, что глобализация не решает проблему социального и материального равенства людей. Вопрос о равенстве людей в практической плоскости отличается от того, как это представляется в формально-юридическом аспекте. Мало провозгласить права и свободы, главное заключается в претворении их в жизнь, что

весьма непросто. Все сказанное актуализирует проблему защиты прав человека в современных нестабильных экономических и политических условиях.

Главной задачей должны стать дальнейшее наполнение реальным содержанием провозглашенных экономических, социальных, гражданских, политических, культурных и личных прав, создание эффективных механизмов их обеспечения и защиты. Несомненно, чем выше в обществе уровень соблюдения и защиты прав человека, тем проще достичь устойчивого экономического развития. В основу этого процесса должна быть положена культура прав человека, базирующаяся на идее их уважения и соблюдения¹.

Вместе с тем с сожалением следует отметить, что права граждан продолжают нарушаться, а представленные способы их защиты во многих случаях недостаточно эффективны. В условиях реформирования российской и казахстанской экономик возникает насущная необходимость как в совершенствовании действующих механизмов защиты прав граждан, так и в создании новых. Государство при этом несет ответственность и должно обеспечивать жертвам нарушений прав человека доступ к разнообразным средствам правовой защиты: судебным и внесудебным, государственным и негосударственным.

Анализ существующих правовых механизмов защиты прав человека в России и Казахстане показывает, что основными здесь являются судебный и административный способы. Наряду с этим в обоих государствах установлены альтернативные досудебные и внесудебные процедуры урегулирования споров и защиты прав, созданы соответствующие структуры и институты: национальные комиссии по правам человека, институты омбудсмена (в том числе детский и бизнес-омбудсмены), внедрены институт медиации, партисипативные процедуры.

Также в целях обеспечения права собственности в Казахстане законодательно введен механизм проверки «чистоты» сделки, принимаются иные меры, направленные на усиление защиты прав граждан. В сфере предпринимательства был создан и начал функционировать Национальный контактный центр, куда могут обращаться все лица в случае нарушения их прав со стороны бизнеса.

Тем не менее приходится констатировать, что на сегодняшний день в Казахстане альтернативные способы защиты прав и урегулирования споров еще не заработали в полном объеме. Сказываются тут порой и отсутствие стабильной практики, полного доверия, недостаточное законодательное регулирование либо противоречия в законодательстве, временные и финансовые затраты. К примеру, с 1 января 2016 года ст. 17 Закона Республики Казахстан «О нотариате» дополнена правом нотариуса проводить примирительные процедуры. Со дня введения в действие этого положения нотариусами города Алматы в 2016 году была проведена только одна примирительная процедура. Кроме того, суды своими определениями порой утверждают медиативные соглашения об урегулировании споров, в частно-

сти связанных с наследством, в которых не учитываются нормы наследственного права, имеющие существенные отличия от норм обязательственного права. Такие определения судов не могут быть исполнены нотариусами в силу указанных обстоятельств. Подобные ситуации явно не способствуют развитию альтернативных способов защиты прав. Чтобы подобные механизмы заработали, необходимы соответствующие поправки в действующее законодательство.

Стоит также отметить новеллы уголовного законодательства, направленные на защиту прав человека. Последние поправки в Уголовный кодекс (УК) РФ исключают возможность расширительного толкования уголовного закона, что может привести к нарушению прав человека, за исключением толкования норм, улучшающих положение лица, обвиняемого в совершении преступления. Одновременно предусматривается введение в ст. 159 УК РФ (мошенничество) примечания, согласно которому мошенничеством не могут признаваться деяния, выраженные в исполнении или неисполнении договорных обязательств. Такая новелла полностью соответствует Протоколу № 4 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.), по смыслу которой никто не может быть лишен свободы лишь на основании выполнения или невыполнения договорных обязательств. УК Республики Казахстан подобных положений не содержит.

Необходимо все же подчеркнуть, что во всем правозащитном механизме основным способом остается защита прав и свобод человека государством, поскольку оно располагает системой органов, обязанных осуществлять деятельность по защите прав и свобод, а также набором эффективных средств не только для защиты и восстановления нарушенных прав, но и для недопущения подобных нарушений. Альтернативные же способы защиты прав человека не подменяют государственную защиту, но существенно ее дополняют, обеспечивая свободу выбора и снижение уровня конфликтности в обществе.

Как уже было отмечено, защита прав человека является первоочередной задачей государства как носителя политической власти. Наряду с этим права человека выступают также ключевым фактором функционирования бизнеса как носителя экономической власти. Прогрессивные компании признают свою роль в обеспечении соблюдения прав человека в пределах и за пределами своей деятельности. Для этого они определяют права человека, на которые имеют влияние, просчитывают риски их нарушения от действий компании, разрабатывают внутреннюю политику по защите прав человека и соответствующие рекомендации для заинтересованных сторон².

Комплексный анализ влияния предпринимательской деятельности на права человека и раскрытие инструментов по минимизации негативного влияния также являются насущной необходимостью. Это вполне соответствует интересам как российского, так и казахстанского общества.

¹ Вербовая О. В. Права и свободы человека и гражданина: актуальные проблемы правовой науки и практики : кол. моногр. Алматы : АФ СПбГУП, 2016.

² Доклад о государственных компаниях и правах человека Рабочей группы по вопросу о правах человека и транснациональных корпорациях и других предприятиях. 2016. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc>

Таким образом, в современных экономических и политических условиях, обусловленных непростой обстановкой в мире и стране, когда возрастают риски нарушения прав человека, необходимость их защиты приобретает особую значимость. Перспективными направлениями национальной концепции

прав человека должны стать активное развитие внесудебных механизмов обеспечения и защиты прав человека, реальное обеспечение гражданам доступа к альтернативным способам защиты, повышение социальной ответственности бизнеса в аспекте прав человека.

Ф. Б. Власов¹

ОБЩЕСТВО СОЦИАЛЬНОЙ ГАРМОНИИ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

В настоящее время перед Россией встают многочисленные вызовы, обусловленные технологической революцией и процессами глобализации мирового хозяйства. К сожалению, избранный в начале 1990-х годов курс на копирование западного опыта пока не позволил преодолеть технологическую отсталость. Напротив, сырьевая направленность российской экономики существенно усилилась. Не оправдались надежды на инвестиционный бум, столь необходимый для осуществления модернизации, зато резко усилилась степень неравенства и сопутствующего ему социального расслоения. Положение осложняется антироссийскими санкциями. В условиях усиления внешних угроз вполне вероятно дальнейшее наращивание военных расходов, что потребует значительного увеличения темпов экономического роста. Современная Россия не может позволить себе динамику роста и норму накопления капитала как в развитых странах, пока не осуществлена модернизация, сохраняются риски военной конфронтации, а качество жизни заметно отстает от лучших мировых стандартов.

Требуется дальнейшее укрепление сплоченности российского общества. Конечно, россияне отзывчивы и дорожат целостностью страны, ее независимым внешнеполитическим курсом. Ради этого они готовы объединяться, несмотря на существующие противоречия. Однако если не изменится внутренняя социально-экономическая политика, весьма вероятно, что в обществе постепенно будет накапливаться потенциал недовольства. Единство и социальная справедливость не отрицают, а дополняют друг друга. Поэтому длительное игнорирование требований социальной справедливости со временем может поставить под вопрос сплоченность общества.

Технологическая отсталость, низкие темпы экономического роста и чрезмерное неравенство взаимосвязаны. Поэтому существуют веские аргументы в поль-

зу определенной корректировки той социально-экономической модели, что сложилась в России в последние годы. Мы убеждены в том, что права и свободы человека не могут быть высшей ценностью в отрыве от интересов общества как целого. Они должны находиться в неразрывном единстве и согласии, что целесообразно зафиксировать на уровне Основного закона. Инструментом, благоприятствующим решению вышеуказанных задач, может стать гармонизация отношений между основными социальными группами. При этом под гармонизацией мы понимаем прежде всего оптимизацию величины неравенства, стихийно складывающегося в обществе, и устранение постепенно накапливающихся антагонистических противоречий.

Как известно, нормативная модель российского общества определяется Конституцией как социальное государство. Основной закон фиксирует социальные обязательства, которые государство готово взять на себя. Однако отсутствуют количественные рамки этих обязательств, что придает соответствующей статье Конституции во многом декларативный характер.

Существующие за рубежом модели социального государства часто именуются государством всеобщего благосостояния (благоденствия)². Во второй половине XX века данная форма общественной организации утвердилась в большинстве развитых стран. В этих государствах существуют механизмы, призванные сглаживать чрезмерную дифференциацию доходов и растущее социальное расслоение. Однако, насколько нам известно, нигде не ставится вопрос об оптимизации величины неравенства, что естественно для обществ, основанных на индивидуалистической системе ценностей. Следует признать, что в упомянутых странах проблема неравенства не слишком актуальна, поскольку для большинства населения обеспечен высокий уровень благосостояния. Однако необходимо помнить, что социальное благополучие в развитых странах — результат многовековой борьбы наемных работников за свои права, острых конфликтов и социальных потрясений. Копируя западный путь развития, Россия во многом повторяет его ошибки, что чревато соответствующими потрясениями. С учетом российских традиций и их живучести эти потрясения могут оказаться гораздо масштаб-

¹ Профессор кафедры теоретической экономики и управления персоналом Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева, доктор экономических наук. Автор 120 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Эволюция нравственного сознания и социально-экономическое развитие», «Институты и нравственные основы доверия в экономике России» (в соавт.); статей: «Социальный капитал, его виды и противоречия» (в соавт.), «Общество социальной гармонии — альтернатива сложившимся моделям общественного устройства», «Понятие доверия в экономике и российской проблеме», «Нравственно-этическая сущность экономических отношений и политика реформирования российской экономики» и др.

² Сидорина Т. Ю. Множественность подходов к типологии государства всеобщего благосостояния // Вопросы экономики. 2015. № 8. С. 122–139.

нее, поэтому столь актуальна гармонизация отношений в российском обществе.

Прежде всего гармонизация призвана стать залогом социальной стабильности на длительную перспективу. Однако не менее важно и то, что она способна благоприятным образом повлиять на темпы и качество экономического роста. В настоящее время в России и за рубежом существуют исследования, указывающие на зависимость темпов роста от величины неравенства. Среди зарубежных исследований обращают на себя внимание работы Дж. Стиглица и Т. Пикетти¹. Оба автора приходят к выводу, что концентрация богатства на одном полюсе сопровождается тенденцией к возрастанию доли рентных доходов в совокупных доходах самых богатых людей. В конечном счете это отрицательно влияет на склонность к инвестированию в реальное производство, сдерживает повышение производительности труда и тормозит экономический рост. Кроме того, Дж. Стиглиц отмечает, что чрезмерное неравенство в доходах сопровождается правовым и в конечном счете политическим неравенством.

Среди отечественных исследований, посвященных проблеме неравенства, вызывает интерес работа В. Захарова и Е. Голиковой². Ими получена статистически значимая зависимость между уровнем социально-экономического развития конкретной страны и степенью прогрессивности принятого в ней порядка налогообложения доходов физических лиц. Чем выше степень прогрессивности налога, тем выше и уровень развития. Поскольку прогрессивный налог является инструментом сглаживания различий в доходах, напрашивается вывод, что чем меньше неравенство, тем больше возможностей для экономического роста.

Данный вывод особенно актуален для современной России. Масштабы вывоза из страны капитала за последнюю четверть века указывают на то, что наиболее состоятельные россияне не склонны инвестировать в отечественную экономику. Многие предпочитают вкладывать средства в ценные бумаги и недвижимость за рубежом. Капитал всегда стремится туда, где лучшие условия для его применения. При этом в понятие «лучшие условия» входят различные составляющие. Развитые страны привлекают собственников капиталов не только благоприятным инвестиционным климатом, но и высоким качеством жизни. Определенная часть россиян стремится покинуть Россию и переселиться на Запад. Этим людям не интересуют будущее Родины. Разумеется, среди них — не только владельцы крупных состояний, но и представители малоименных групп населения. Однако только богатые россияне обладают реальной возможностью влиять на состояние российской экономики, причем это влияние далеко не всегда позитивное. Россия для них — прежде всего место для сколачивания капиталов. Поэтому они заинтересованы главным образом в минимизации налогов и максимальной прибыли. Но именно богатые россияне могут су-

щественно активизировать инвестиционные процессы в стране. В условиях антироссийских санкций основным источником усиления инвестиционной активности остается мобилизация внутренних ресурсов.

В последние годы на фоне низкой безработицы снижаются динамизм рынка труда, возможности вертикальной социальной мобильности. Все чаще условиями успешной служебной и профессиональной карьеры становятся не открытая конкуренция и профессионализм, а полезные связи и протекция со стороны родственников и знакомых. Данный факт подтверждают результаты исследования, проведенного Е. Авраамовой и Т. Малевой³.

Снижение динамизма рынка труда стало прежде всего следствием технологической отсталости и низкой диверсификации российской экономики. Кроме того, естественную смену поколений сдерживают небольшие пенсии, на которые может рассчитывать основная масса россиян. Они вынуждены работать и по достижении пенсионного возраста. Такую занятость вряд ли можно считать эффективной. Данные обстоятельства во многом объясняют низкий уровень безработицы в современной России. Если технологическая модернизация станет реальностью, в стране возникнет проблема трудоустройства высвобождаемого персонала. В связи с этим некоторые авторы указывают, что высокий уровень безработицы уже стал для ряда развитых стран серьезной проблемой. Но и эта проблема в случае гармонизации интересов индивида и общества вполне решаема.

Гармонизации требуют и отношения, связанные с предоставлением населению социальных услуг. Определенные позитивные сдвиги здесь, несомненно, имеются. Однако качество общедоступных социальных услуг продолжает снижаться. Не случайно состоятельные россияне предъявляют растущий спрос на эти услуги за рубежом⁴.

Социально-экономическую модель, которая может быть сформирована в результате гармонизации, уместно называть обществом социальной гармонии. Это общество, в котором отсутствуют антагонистические противоречия между основными социальными группами, общественное устройство способствует развитию и сплочению социума, обеспечивает всеобщую и эффективную занятость трудоспособного населения, равную фактическую доступность социальных услуг и других достижений социально-экономического прогресса.

Принципиальное отличие такого общества от уже существующих моделей общественного устройства будет заключаться в целевой направленности на преодоление чрезмерного неравенства и сопутствующего ему социального расслоения. Если в лучших западных моделях акцент сделан на благосостоянии индивида, то здесь предполагается благо как индивида, так и общества в целом в их тесной взаимосвязи. При этом благо индивида далеко не всегда тождественно благо цело-

¹ Пикетти Т. Капитал в XXI век. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016; Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М.: Эксмо, 2015.

² Захаров В., Голикова Е. О зависимости благополучия страны и прогрессивности шкалы налогообложения // Экономист. 2015. № 8. С. 23–40.

³ Аврамова Е., Малева Т. О причинах воспроизводства социально-экономического неравенства: что показывает ресурсный подход? // Вопросы экономики. 2014. № 7. С. 151.

⁴ Май В. Человеческий капитал: вызовы для России // Вопросы экономики. 2012. № 7. С. 114–132.

го. При исключительно индивидуалистическом подходе к общественным отношениям из поля нашего внимания выпадают важные связи и резервы, присущие обществу как целостному организму. В случае реализации предлагаемого подхода благо целого будет достигаться не за счет классового противостояния, а за счет гармонизации отношений между представителями разных социальных групп.

Разумеется, подобная модель общественного устройства кому-то может показаться очередной утопией. На самом деле ей нет альтернативы в долгосрочной перспективе. Утопично скорее навязывание обществу единственного мотива поведения, сводящего все к материальной выгоде.

Для формирования общества социальной гармонии потребуются широкий арсенал средств государственного регулирования, как прямого, так и косвенного. В их числе — применение элементов централизованного планирования, нормирования доходов, прогрессивной налоговой ставки, новых подходов к кадровой политике, различных форм государственно-частного партнерства.

Вероятно, государству целесообразно взять на себя инициативу по широкой диверсификации отечественной экономики. Обеспечение всеобщей и эффективной занятости трудоспособного населения также должно стать одной из основных государственных задач. Ведь только эффективная занятость может стать источником сближения уровня доходов, повышения производительности труда и инновационного развития. Мобилизация инвестиционных ресурсов для решения этой задачи потребует, как мы полагаем, введения ограничений на вывоз российскими гражданами капитала из страны. При этом следует и в дальнейшем стремиться делать Россию все более привлекательной для прямых зарубежных инвестиций.

Необходимо вернуться к прогрессивной ставке налогообложения доходов физических лиц. Можно подумать о введении прогрессивного налога на капитал.

Логично предполагать, что богатые россияне должны нести большую ответственность за благополучие тех сограждан, которые прямо или косвенно, вместе или сообща обеспечивают получение ими высоких доходов.

Особый вопрос — нормирование пропорций в размерах дохода между руководителями и подчиненными, минимальных размеров оплаты в фирмах и учреждениях, очередности и степени повышения оплаты труда различным категориям работников. Есть веские основания полагать, что давно назрело возвращение к практике нормирования доходов, прежде всего в государственном секторе экономики. Кроме того, уровень оплаты труда и пенсионного обеспечения высшего звена государственных служащих и депутатов всех уровней также не может устанавливаться произвольно и должен быть увязан, скорее всего, с минимальным уровнем оплаты труда по стране.

Усиление роли социального государства предполагает принципиальное повышение качества государственного управления. Необходимым условием является не только снижение уровня коррупции, но и повышение обоснованности политических решений, исполнительской дисциплины и ответственности лиц, их реализующих. Представляется оправданным, чтобы эти люди и члены их семей не были полностью изолированы от возможных негативных социальных последствий проводимых ими реформ. Логично предположить, что они более ответственно будут подходить к преобразованиям, если начнут пользоваться образовательными и медицинскими услугами наравне с основной массой россиян.

В условиях глобализации невозможна новая изоляция страны. Свобода передвижения должна быть сохранена. Те, кого устраивают иные социальные порядки, будут иметь возможность свободно покинуть страну.

В данной статье мы наметили лишь общие контуры гармоничного общества. Его развернутую теорию еще только предстоит создать.

В. Г. Графский¹

ЭКОНОМИКА, ПРАВО И ДОСТОЙНОЕ ЧЕЛОВЕКА СУЩЕСТВОВАНИЕ: СИСТЕМНЫЕ СДВИГИ

Право со времен римских юристов толкуется как искусство добра и справедливости (Цельс Младший),

¹ Главный научный сотрудник, заведующий сектором истории государства, права и политических учений Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор. Автор более 350 научных публикаций, в т. ч.: «Государство и технократия: историко-критическое исследование», «Всеобщая история права и государства», «История политических и правовых учений», «About heuristic and others possibilities of Integrative Jurisprudence at the Age of Prolonged Legal Cultural Pluralism», «Права личности: необходимо новое истолкование философско-правовой формулы», «Литература и право в культуре морального, эстетического и иного общения и переживания», «Философия права в России: из опыта XX века» (в соавт.) и др. Член редколлегии журналов «Государство и право», «Право и политика» и др. Председатель российской секции философии права Международной ассоциации правовой философии, член Научного совета по правотворчеству при Председателе Госдумы РФ. Награжден почетной грамотой РАН, почетной грамотой Председателя Государственной Думы РФ.

а по более позднему уточнению выдающегося русского правоведа П. Г. Виноградова — как искусство полезного и справедливого. В самом деле, доброе и полезное явно близки друг другу по смыслу и обычному практическому употреблению, в то время как ориентация на справедливое вместе с полезным быстро напомнит нам о близости, но совсем не о сходстве права (как что-то справедливое) и закона (как что-то обязательное и тоже справедливое, но справедливое отнюдь не всегда).

Теперь вдумаясь в смысл формулы о полезном и справедливом. Самое впечатляющее и притягательное в этой формуле — уверение в непременной обязательности присутствия в праве желательной полезности и столь же притягательной и надежной справедливости, которые обычно обеспечиваются в процес-

се и с помощью правил правового общения двух или большего числа участников. Все это происходит с непрременным и неискоренимым принуждением, которое воплощается в таком случае не только в заурядном и привычно предполагаемом физическом принуждении (арест, заключение, судебная кара за преступление и др.). Правовое (справедливое и полезное) принуждение может осуществляться также путем вынесения общественного порицания с дополнительным требованием добровольно и обязательно возместить материальный и моральный вред, причиненный частному лицу, интересам или имущественным интересам, социальным группам, организациям, учреждениям и т. д.

Таким образом, экономическая (материальная) и правовая составляющие в некоей совокупности материальных и сочетаемых с ними материальных и моральных интересов вполне различимы в любой жизненно необходимой заинтересованности людей и групп, особенно в тех, которые вовлечены в производство, воспроизводство материальных благ, и тех, интересы и блага которых связаны с экономической, хозяйственно-организаторской деятельностью.

Теперь небесполезно взглянуть на эти же взаимоотношения заинтересованности и возможных конфликтов (с позитивной или деструктивной ориентацией) с позиций некоего идеально устроенного социального общежития, где люди и группы ориентированы на достойное человека существование. Эта ориентированность редко обсуждается и потому не имеет широко употребляемых понятийных фиксаций или формул наподобие формул пословичной мудрости. Тем не менее в некотором интуитивном восприятии она существует и существовала всегда.

В этом отношении ее загадочный статус и жизненно-практические воплощения схожи с представлениями о справедливости в жизни индивида и групп, в частности с представлениями о ее практических воплощениях и противоборствах с привычными деструктивными устремленностями (с такими как неистребимая жажда самовозвеличения, неизбывная устремленность к злоупотреблению властными возможностями, неравнодушие ко всяческой наживе материального рода).

Достойное человеческое существование характеризуется многими ценностными установками, которые всегда воспринимались как неотъемлемые атрибуты именно этого варианта жизни и деятельности или, по-другому, образа жизни (установки на справедливость, формализованную свободу, равенство, солидарность). Раньше к ним добавляли судебную и иную гарантию защиты подобных устремленностей и связанную с этим ориентацию на точное и неуклонное соблюдение законов с неотвратимой ответственностью за их нарушение. Причем ответственности в таких случаях не должны избегать не только подвластные, но и властвующие лица, что соответствует популярному ожиданию и требованию соблюдения законности как наиболее привычной реализации принципа равенства всех перед законом и судом.

Особый спектр требований и соответствующих обязанностей в обсуждении статуса достойного человека существования составляет набор требований

и ориентаций, необходимых и незаменимых для надлежащего формирования и гарантированного существования определенных личностных свойств и характеристик человека, избравшего наиболее подходящий для него и достойный в его глазах, а также в глазах окружающих смысл и образ жизни.

Из многих ракурсов такого житья-бытья выберем сугубо частный и сугубо личный набор требований и ориентаций на достойное существование. Среди них наиболее важными и менее всего заменимыми являются телесное и умственное здоровье, лично подходящий и общепользительный род занятий. Несколько меньшими по значимости, но столь же незаменимыми могут стать и чаще всего бывают желание и устремленность к постоянному самосовершенствованию во всех своих ориентациях и практических занятиях. В их числе занятие физическим и умственным трудом, благотворное проведение досуга в общении с окружающими людьми всех возрастных категорий, а также в занятиях профессиональных или любительских. Каким выглядит человек, который освоил такой способ существования, и в чем своеобразие этого способа в наше время, если сравнивать его с другими историческими эпохами или специфическими историческими периодами? Вот некоторые результаты и выводы из наблюдений над крупными явлениями и процессами, которые иногда именуется мегатенденциями (мегатрендами, по выражению американского социолога Дж. Нейсбитта) и в которых наряду с положительными обнаруживают множество отрицательных явлений и тенденций. Замечено, в частности, что у последнего поколения детей (сегодняшний возраст 15–20 лет) визуальное (зрительно воспринимаемое) сознание вытесняется виртуальным, что является следствием воспитания компьютерной картинкой мира. Визуальное сознание становится пассивным, лишается постоянного тренинга. В итоге формируется личность, но какая? Пока неизвестно определенно, что станет с человеческой породой через два-три поколения, после того как люди разучатся читать книги. Вот мнение учительницы русского языка и литературы одной из московских школ: «Дело в том, что нечитающий оставляет незадействованной ту область коры головного мозга, которая отвечает за превращение значка в образ, образа — в ассоциацию, собственный эмоциональный опыт и поведенческую ситуацию. Отсутствие чтения может привести к атрофии воображения»¹.

Возьмем другой пример. Невероятное до недавних пор ускоренное превращение граждан огромной страны в официально фиксируемое собрание разновеликих и разнородных по этническому составу, а также имущественному доходу групп и слоев способствовало новому неравенству в возможности доступа к просвещению и специализированному образованию и, как следствие, привело ко многим труднопреодолимым препятствиям приобщения большинства населения к благам общеобразовательной культуры или плодотворного досуга, что имеет все признаки мегатенденции.

Этот процесс наряду с ускоренным социальным расслоением и растущим неравенством в получении

¹ Уроки литературы — уроки свободы : интервью с Е. Волжиной // Рос. газета. 2016. 20 дек. С. 15.

материального достатка содействует быстрой поляризации населения по степени освоения грамотности и культуры и вносит немалый вклад в усложнение картины социального неравенства в области усилий по обретению интеллектуального, эстетического и отчасти этического саморазвития индивида, которое отныне больше зависит не столько от предыдущего личного и семейного опыта и возрастных особенностей, сколько от наличия природных задатков и благоприятных условий для их развития и реализации.

Успехи и надежное обеспечение материального благосостояния не только отдельных слоев и групп, но всего населения страны порождают неожиданные перемены в привычных жизненных ориентациях. В итоге во многих странах и регионах мира возобладали преимущественные установки на обеспечение достаточного (или с запасом) фонда материальных благ, что дает основание называть такое новое общественное состояние обществом всеобщего достаточного потребления или обществом всеобщего благосостояния (*the commonwealth society*), в котором вопросы личного удовлетворения связаны исключительно с приобщением к материальным благам при одновременном сокращении потребностей в интеллектуальной, эстетической или этической области жизни и шире — общекультурной и образовательной. Эта мегатенденция вновь делает актуальным вопрос, который периодически возникает, но редко получает содержательное истолкование: «Хо-

рошо, теперь ты сыт, и что дальше?». Восприятие этого вопроса и ответ на него сильно варьируются в зависимости от принадлежности к социальной группе, формируемой семьей, воспитанием, материальным достатком или существующими традициями жизнедеятельности таких групп, на которые пока не обращается достаточного внимания по причинам, заслуживающим отдельного обсуждения.

Новые соотношения в категориальном и содержательном толковании права как искусства пользы и справедливости настоятельно напоминают о необходимости учитывать новые социальные реалии, в которых происходит современное правовое общение, и настраивают на новое прочтение и толкование справедливости в правовом измерении, в котором не устаревавшая со времен древних греков классификация социальной справедливости как уравнивающей, воздающей и политической (смешанной из двух) требует дополнительного обсуждения как олицетворения законности, а также солидарности. Только после такого обновленного уточнения представлений о справедливости уместно и перспективно браться за анализ новых социальных реалий, в среде которых обретают свою действенность и влияние все только что перечисленные составляющие категории справедливости и, возможно, некоторые дополнительные составляющие в виде требований порядка, мирного сосуществования конфликтующих лиц и групп и др.

Г. С. Гуляева¹

ВЕЛИКИЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ — ПУТЬ ВЗАИМОВЫГОДЫ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В последние годы Китай интенсивно продвигает проект «Новый шелковый путь», объединяющий десятки стран. «Один пояс — один путь» (экономический пояс Шелкового пути) — такую концепцию нового Шелкового пути сформулировал Председатель КНР Си Цзиньпин. Более пятидесяти государств пожелали стать участниками этого проекта, в том числе Россия, Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Таджикистан. Идеей китайского мегапроекта XXI века является восстановление экономических и культурных связей на протяжении исторического Великого шелкового пути².

Великий шелковый путь — важнейший трансевразийский коридор, соединяющий древние цивилизации Востока и Запада. Он связал Китай с Индией, пролегал по Центральной Азии и Ближнему Востоку через Афганистан, Иран, Ирак, Сирию и другие страны и доходил до Рима в Средиземноморье. По этому

грандиозному торговому маршруту перевозили прежде всего шелк из Китая, что и отразилось в названии. В обмен на шелк китайцы получали из Центральной Азии и Восточного Средиземноморья шерстяные изделия, экзотические товары и др.

Не только по суше, но и по морю из приморских районов на юго-востоке Китая через Южно-Китайское море в Индийский океан и Персидский залив торговые пути пролегли до Восточной Африки и Европы, образуя тем самым разветвленную транспортную сеть по всем направлениям. Этот маршрут стал важнейшим морским каналом — «Морским шелковым путем».

Общая протяженность Великого шелкового пути составляет более 7 тыс. км. На этом пути происходило слияние китайской, индийской, персидской, арабской, древнегреческой и римской культур, что активизировало обмен между западной и восточной цивилизациями.

Таким образом, торговые пути стали уникальной площадкой для межкультурных обменов и гуманитарного взаимодействия. Вдоль Шелкового пути сохранились многочисленные исторические памятники, которые свидетельствуют о пересечении цивилизаций в древнее время.

Проект «Новый шелковый путь» привлекает к себе внимание многих международных исследователей

¹ Заведующая кафедрой искусствоведения СПбГУП, кандидат искусствоведения, доцент. Автор более 25 научных работ по проблемам художественной культуры Китая XX века и методике преподавания китайского языка, в т. ч.: «Китайская народная картина няньхуа в современной художественной культуре (1980–1990-е гг.)», «К вопросу о повышении качества обучения китайскому языку», «Современное китайское кино: путь успехов и открытий» и др. Член Ассоциации гидов-переводчиков китайского языка.

² Стригин А. По шелковому пути? Китай глазами петербургских журналистов. СПб., 2015. С. 8.

(в том числе в области культуры) и будет способствовать возрождению культурного достояния и популяризации наследия прошлого. Строительство транспортных и торговых магистралей оживит туристический поток в города, имеющие отношение к древней караванной магистрали. Великий шелковый путь может стать самым протяженным туристическим маршрутом в мире: в пределах древней караванной дороги расположены города, некогда образующие культурные оазисы Востока, — Самарканд, Ташкент, Бухара, Тегеран, Баку, Турфан и т. д. Здесь находится много достопримечательностей, внесенных в Список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО. Ученые не преувеличивают значения Великого шелкового пути в истории человечества, заявляя, что он был «объединяющей программой, моральной заменой войны в качестве движущей силы промышленного и сельскохозяйственного развития на планете»¹.

Таким образом, более чем двухтысячелетняя история контактов на всем протяжении Шелкового пути доказывает, что принципы созидания и интеграции, взаимного доверия и обоюдной выгоды могут гарантировать странам, в которых проживают люди разной этнической принадлежности, вероисповеданий и культурного базиса, поддержание стабильности и возможности мирного развития.

Стоит отметить, что создание экономической зоны Шелкового пути — это серьезный вызов кризисным процессам глобализации, происходящим сегодня в европейских странах. Успех Шелкового пути обеспечит интенсификацию политического, торгового и гуманитарного сотрудничества между странами-участницами

и станет «самым масштабным из всех экономических коридоров на земном шаре, охватив территории с населением 4,4 млрд человек»².

Восстановление Великого шелкового пути не только оживит экономику в Азиатском регионе, но и увеличит торговые и финансовые потоки в страны Центральной и Юго-Восточной Азии, Дальнего Востока и Европы. Глобальные проекты, подобные восстановлению Великого шелкового пути, обусловят перераспределение рынков и появление новых возможностей для всех стран-участниц.

Следовательно, основной целью китайской программы возрождения Великого шелкового пути является объединение экономических, дипломатических, энергетических потенциалов участников в попытке создать обширную инфраструктурную сеть, которая увеличит объемы торговли в Азиатском регионе.

Россия является важным стратегическим партнером Китая по реализации проекта. Более того, интеграция Шелкового пути с Евразийским экономическим союзом позволит России и Китаю создать в Евразии обширную зону, обладающую значительным экономическим влиянием.

Несомненно, ведущая роль в воссоздании знаменитой торговой магистрали принадлежит Китаю. Как и много лет назад, возрождение Шелкового пути будет способствовать наращиванию геополитической мощи Китая, увеличению его политического, экономического и культурного влияния. Подобный проект — еще один шаг китайского правительства на пути упрочения имиджа страны как мировой державы.

А. А. Джагарян³

ПРАВОСУДИЕ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: АРХЕТИПЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Современная юридическая антропология склонна связывать правовую жизнь, состояние права и перемены в нем с мировоззрением и религиозно-этическим состоянием общества, полагая исходным источником нормативности саму человеческую личность, определенным образом освоившую сложившийся социокультурный контекст. Религиозно-этический фактор небезосновательно осмысливается среди истоков формирования и осуществления типов правовых тра-

диций с характерными отличительными признаками правопонимания. Впрочем, правовые чувства, образы, представления, навыки, как и нормы, институты, сформировав некие традиции, также влияют на религиозность и этику, настраивая на их восприятие и освоение через укоренившиеся свойства юридического мировоззрения. Более того, правовые явления могут претендовать, выражая общесоциальное регулирование, на заметный мифологический статус, отчетливо различимый, между прочим, в основополагающих, наиболее обобщенных и содержательно насыщенных правовых категориях, не исключая правосудие.

Суд архетипичен и универсален, он возникает у каждого народа спонтанно в ходе относительного усложнения внутренних связей и структур⁴. Неслучайно идея суда, широко востребованная в основных религиозных картинах мира, приобретает эсхатологический и экзистенциальный смысл. С правосудием может быть прочно связана вера в утверждение высшей, божественной справедливости, в осуществление ду-

¹ Бережных В. Место России на Великом шелковом пути // Россия и Китай. 2014. № 21. URL: <http://ruchina.org/fileadmin/pdf/2016RiK21sm.pdf>

² Цяо Хун. Один путь — одна выгода / пер. Е. Колпачкова. СПб.: Институт Конфуция, 2014. С. 22.

³ Советник судьи Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук. Автор более 160 научных работ, в т. ч. монографий: «Конституционная ценность избирательных прав граждан Российской Федерации» (в соавт.), «Российское местное самоуправление и его роль в системе социальной государственности: конституционно-правовые аспекты», «Конституционная ценность муниципальной демократии в России» (в соавт.), «Основы конституционного строя: двадцать лет развития» (в соавт.), «Муниципальное право Российской Федерации» (в соавт.) и др. Член редакционной коллегии журнала «Сравнительное конституционное обозрение».

⁴ См.: Мальцев Г. В. Культурные традиции права. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 243.

ховного преобразования и очищения, в спасение души. Можно вспомнить суд Осириса в Древнем Египте, Нибеса Ямы — Мира Вершащих Суд в буддизме, Страшный суд в авраамических религиях.

Пристальный юридический взгляд, ставший привычным, не оставляет, однако, религиозно-этические образы незатронутыми, располагая к юридически уместным их интерпретациям. Правовая традиция, питаемая стремлениями к индивидуальной свободе, автономии, рациональности, формальному равенству и прагматизму, комплементарна трактовке религиозного мифа, где человеческая история оказывается своего рода судебным актом, вселенским судом: «Бог — судья, человек — подсудимый, Христос — адвокат и дьявол — прокурор»¹.

Не вдаваясь в обсуждение подобного рода вероучительных трактовок, как и конкретных связей правосудия с бытующими в обществе религиозно-этическими настроениями, важно, однако, отметить тот, вероятно бесспорный, факт, что образ правосудия, составленный из качеств независимости и беспристрастности, справедливости и равенства, доступности, гласности и состязательности, является не только атрибутивным в государственно-правовой традиции, конституционной по своему характеру, но и устоялся как необходимый элемент «символа веры» воспринявших конституционное мировоззрение гражданских политических наций, каковым, без сомнения, стала конституция². Без широко разделяемой, и не одними только добропорядочными людьми, веры в правосудие, способное действовать в едином масштабе свободы, утверждая воплощенный в нем минимум справедливости, принимаемый от суда и теми, кто от закона отступил, невозможно представить конституционное мировоззрение, конституционализм.

Еще римская догма возвела правосудие в синоним справедливости, на уровень основ государства, объявив: «*Justitia regnorum fundamentum*». Подчеркивая гуманистический смысл этой формулы, ее ценность в конституционном праве и государственности, А. Ф. Кони заметил, что *justitia regnorum fundamentum* постольку, поскольку «там, где идет дело об отношениях целого общества к своим сочленам, об ограничении их личной свободы во имя общего блага и о защите прав отдельных лиц... справедливость должна находить себе выражение... в правосудии, осуществляемом судом, который тем выше, чем больше в нем живого, а не формального отношения к личности человека»³. Живой суд необходим для живого права, в котором личность могла бы не только обрести

повседневную устойчивую опору для самореализации и развития, но и воспринять пределы страстей, устремлений и действий, вредоносных для человека, участвующего в конституционном правопорядке, и общества, его утвердившего.

Судебная власть, интерпретируемая конституционным образом, имеет в своей основе прежде всего личностное измерение. Право на судебную защиту, вошедшее в универсальные каталоги прав человека, не производно от других основных прав (например, по разделу гарантий, к каковым оно порой причисляется). Права человека не делятся и не ранжируются. Оно дает автономную и неопровержимую (в конституционной парадигме, разумеется) ценность в возможностях человека, пользующегося равно признаваемым достоинством, спорить с другими такими же субъектами гражданского общежития и государством, обществом, муниципально-территориальным органом; связывает равным образом саму судебную власть, которая не может отказом в правосудии поставить права и свободы человека под сомнение. Правосудие — необходимый аспект равноправия, без которого оно утрачивает смысл. Вместе с тем, институционально воплощая судебную защиту, правосудие призвано утверждать и поддерживать основанный на конституционализме правопорядок, гарантировать верховенство права⁴, обеспечивать ответственность правительств и органов государственного управления, соответствие законов всем положениям конституции или права более высокого уровня⁵.

Сложившееся понимание права на судебную защиту как важнейшей гарантии всех других прав и свобод возвышает правосудие, призванное смирять и умиротворять власть и общество, дисциплинировать личность законопослушанием, основательностью призываний, уважением к процедуре, ответственностью и эквивалентным воздаянием за содеянное, а также той безусловно необходимой в демократическом государстве причастностью к правовому творчеству, которая только в судебном процессе может получать наиболее непосредственное, жизненное наполнение, давая правомерному интересу личности, ею заявляемому и отстаиваемому, правообразующее значение и силу.

Правосудие всегда вписано в конкретный социокультурный, исторический контекст, определенным образом выражает общество. Идея юстиционного представительства, в котором на свой манер, в юрисдикционно-дискурсивной процедуре выявляются и формируются — помимо представительства народного, политического — правовые запросы, потребности, интересы, характеризует меняющуюся роль современного суда, который взамен глашатая закона становится

¹ См.: Кураев А. Протестантам о православии. Наследие Христа. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Христианская жизнь, 2007. С. 121–122.

² Впрочем, не всегда суду придается именно этот образ и даже, напротив, его слагаемые могут опровергаться и отвергаться верой в иные идеалы. Тогда, например, в независимости судебной власти могут усомниться по мотивам ошибочности и даже порочности, считая ее недопустимо теснящей идейные основы общественного уклада, покоящегося, к примеру, на роли партии и безусловной преданности ей. См.: Независимость судов признана в Китае вредной и ошибочной идеей. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3193503> (дата обращения: 17.01.2017).

³ См.: Кони А. Ф. На жизненном пути. Ревель; Берлин: Изд-во «Библиофиль», 1923. Т. 4: Публичные чтения и речи. С. 4.

⁴ См.: 5-й и 6-й абзацы преамбулы Бангалорских принципов поведения судей, одобренных резолюцией Экономического и Социального совета ООН 2006/23 от 27 июля 2006 года // Резолюции и решения Экономического и Социального совета. Экономический и Социальный совет: официальные отчеты, 2006 г. Дополнение № 1. Нью-Йорк, 2007. С. 82–88. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N07/457/34/PDF/N0745734.pdf?OpenElement> (дата обращения: 01.11.2016).

⁵ См.: п. 11 Заключения № 1 Консультативного совета европейских судей «О стандартах независимости судебных органов и несменяемости судей» (CCJE (2001) OP № 1). URL: <https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?p=&id=1053125&Site=COE&direct=true> (дата обращения: 01.12.2016).

проповедником права. Выбиваются из классических схем получающие распространение представления о том, что судебное решение «направлено не только на разрешение спора», но и «на формирование судебной практики, которая может предотвратить возникновение подобных споров в будущем и обеспечить сохранение социального баланса»¹; что оно играет «одновременно “нормативную” и “образовательную” роль, предоставляя гражданам соответствующее руководство к действию, информацию и уверенность в том, что касается закона и его применения»². Конституционная юстиция, более того, призвана задавать «будущее развитие всей правовой системы в определенном направлении»³. В этом вдохновляющая основа образа судебной миссии, питающего сакральные начала правосудия, которому вменяется гарантирующее и эволюционно-преобразовательное обеспечение конституционализма как публично-правовой и одновременно нравственно-этической категории⁴. Это обязывает ко многому, и не исключено, что к большему, чем правосудие способно вынести, оставаясь верным своей сути, а общество, твердое в демократическом настрое, будет готово в итоге принять.

Предпочтения, оказываемые индивидуализму (но не только они), благоприятствуют судебному правотворчеству, которое, однако, не избавлено от опасностей избыточного активизма и политизированного морализаторства, вменяющего интересы и ценности, не всегда разделяемые консенсуально. Следование суда тому, что именуют «духом народа», кажется созвучным демократическим принципам, но спиритуализм не располагает к рациональной коммуникации, а энтузиазм народности способен обессилить в своей ценности меньшинство, расположенные к идеям, наклонностям, формам самоопределения и самовыражения, отличным от общепринятых. Конституционный правопорядок, между тем, плохо переносит дефицит толерантности, как, впрочем, и циничную раскрепощенность, возведенную в культ.

Судебная практика не может, сохраняя верность идеалам народовластия, оставаться равнодушной к общественному мнению, но вовсе не обязана отзываться на его колебания буквально, причиняя ущерб верховен-

ству права и конституционализму — ценностям, превосходящим и связывающим народный суверенитет. Чайания, пусть даже резонные в социокультурной среде, но ослабляющие конституционную нормативность, которой общество изъявило желание следовать в своем учредительном акте, не должны получать судебного подкрепления. Многообещающее влияние справедливости в конституционном правопорядке, не ограниченное присущей конституционализму формальной мерой, затрудняет формирующие гражданственность проявления свободы, которая должна трактоваться непредвзято и нейтрально, не в угоду предрассудкам, свойственным социальной архаике. Отнюдь не любая религиозно-этическая концепция справедливости, бытующая в обществе, может быть сочтена конституционной, и ценности, получающие официальную поддержку в судопроизводстве, оправданны в юридическом смысле лишь тождеством конституционному строю, конституционным ценностям.

Стремление различить в правосудии нечто большее — поиск Правды, например, которую «узнает» судья, «раскрывая», а не только «прилагая» закон⁵, — требует умеренности в духе здравомыслия и прагматизма. Судебному правотворчеству, пожалуй, достаточно в числе своих оснований иметь верховенство конституции, правовую определенность, универсальность судебной защиты, для которой неясность, неполнота закона не могут служить помехой. Судебное правотворчество не возвышает суд над правосудием, превращая его в некий «квазисуд», а выражает суд как суд права, без чего правосудию сложно состояться. Погружение судебной власти в свойственные современному обществу противоречия, конфликты нравственно-этического, этноконфессионального, геополитического и иного характера является вызовом для правосудия, с репутацией которого нельзя обращаться расточительно. Неумолима верность праву как универсальному мерилу свободы, позволяющему, взывая к здравому смыслу, абстрагироваться от эмоционально неуравновешенной пассионарности, составляет то необходимое основание, держась на котором правосудие может ответить вновь обращенным к нему вызовам.

¹ См.: п. 7 Заключения № 11 Консультативного совета европейских судей «О качестве судебных решений» (ССЖЕ (2008) № 5) от 18 декабря 2008 г. // Прецеденты Европейского суда по правам человека. 2014. № 6 (06). С. 107.

² См.: п. 7 Заключения № 7 Консультативного совета европейских судей «По вопросу правосудия и общества» (СЖЕ(2005) ОР № 7) от 25 ноября 2005 г. // Прецеденты Европейского суда по правам человека : электрон. период. изд. 2014. № 4 (04). С. 108–119.

³ См.: Генеральный доклад XIV Конгресса Конференции европейских конституционных судов (Вильнюс, 3–6 июня 2008 г.) // Конституционное правосудие. Вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2008. Вып. 2. С. 106.

⁴ См.: *Бондарь Н. С.* Судебный конституционализм: доктрина и практика. 2-е изд., перераб. М.: Норма, 2015.

⁵ См.: *Дювернуа Н. Л.* Источники права и суд в древней России. Опыт по истории русского гражданского права. М.: Университетская типография, 1869. С. 156.

А. А. Дорская¹ПРАВО МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ:
ВЫЗОВЫ И КОНТУРЫ БУДУЩЕГО

Уже XX век был назван «веком международных организаций». В начале XXI столетия количество международных организаций превысило 4 тысячи, и они все больше становятся важным субъектом международного права.

Развитие права международных организаций после Второй мировой войны определяется несколькими тенденциями.

Первая: несмотря на то что были учреждены сотни и даже тысячи международных организаций, главную роль в мировой политике играет ООН — универсальная международная организация, не имеющая аналогов в истории. То, что в течение более чем 70 лет мир не перешел в состояние глобальной войны, во многом заслуга именно этой организации.

Вторая: развитие нового типа международных организаций, а именно международных интеграционных организаций. Начиная со второй половины XIX века и на уровне теории, и в практической области поднимался вопрос о необходимости создания региональных интеграционных образований. Так, еще в 1889 году был создан Панамериканский союз, на базе которого в 1948-м была учреждена Организация американских государств. В конце XX — начале XXI века интеграционные объединения стали более сложными. В настоящее время в мире насчитывается около 20 международных объединений интеграционного типа². В результате в последние годы в юридической литературе появилось деление международных межправительственных организаций на традиционные и нетрадиционные (интеграционные). Отличительные черты последних — объем экономического сотрудничества; интенсивность правовой деятельности; степень унификации, достигнутая с помощью национальных законодательств и международных соглашений; влияние на внутригосударственные экономический и политический секторы, вовлечение в число субъектов интеграционной деятельности юридических и даже физических лиц³.

¹ Заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор. Автор более 360 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Свобода совести в России: судьба законопроектов начала XX века», «Государственное и церковное право Российской империи: проблемы взаимодействия и взаимовлияния», «Влияние норм церковного права на развитие отраслей российского права», «Эволюция системы права России: теоретический и историко-правовой подходы» (в соавт.), «Роль международного права в регулировании государственно-конфессиональных отношений», «Правовой режим имущества религиозного назначения в России: история и современность», «Правовые реформы в России: типология, логика развития, критерии результативности», «Правовые традиции России и развитие права международных организаций» и др. Член Российской ассоциации международного права, Российского историко-правового общества.

² Муратова О. В. Направления и пределы гармонизации частного права в условиях региональной экономической интеграции // Журнал российского права. 2015. № 12 (228). С. 140.

³ Султанов И. Р. К вопросу о юридической природе внутреннего права международных организаций // Наука и современность. 2011. № 8–3. С. 310.

В рамках международных интеграционных организаций происходит становление новой системы правовых норм — наднационального права. Существуют две основные точки зрения на его природу. Согласно первой, наднациональное право — это часть международного права⁴. Вторая точка зрения заключается в том, что наднациональное право постепенно начинает приобретать черты особой правовой системы наравне с внутригосударственным и международным правом⁵. Причем одним из отличий наднационального права от международного специалисты считают нарушение принципа равенства сторон. Так, В. А. Федосенко пишет: «...если международное право устанавливает принцип равноправия государств, то в наднациональном праве равенства нет, устанавливается соответствующая иерархия, где доминирующее положение занимают государства, создавшие глобальную структуру или, по крайней мере, ранее в нее вступившие»⁶.

На примере Европейского Союза структуру наднационального права можно представить так:

1) международное соглашение, на основе которого создается международное интеграционное образование и идут интеграционные процессы (для ЕС — Маастрихтский договор от 7 февраля 1992 г.);

2) регламенты — акты общего действия, обязательные в полном объеме для государств-членов и подлежащие непосредственному применению. Например, регламенты от 11 июля 2007 года № 864/2007 «О праве, подлежащем применению к недоговорным обязательствам» и от 17 июня 2008 года № 503/2008 «О праве, подлежащем применению в договорных обязательствах», которые кодифицируют крупные институты права;

3) директивы — акты, обязательные для государств-членов в отношении того результата, которого требуется достичь, но предоставляющие им возможность выбора форм и способов достижения этого результата. В таких документах содержатся нормы разных отраслей права, преимущественно частного, но иногда и публичного (например, административного)⁷.

Третья тенденция в развитии права международных организаций со второй половины XX века состоит в том, что появилось огромное количество международных неправительственных организаций. По справедливому замечанию Л. Н. Галенской, «в правовой литературе отмечается несколько критериев, наличие которых позволяет отнести то или иное образование к категории международной неправительственной организации. В частности, в резолюции ЭКОСОС

⁴ Шмаков П. В. Международная правовая система и наднациональное право // Современное право. 2013. № 8. С. 129–130.

⁵ Чиркин В. Е. Международное, наднациональное и конституционное право: прямые и обратные связи // Тр. Ин-та государства и права РАН. 2014. № 6. С. 36.

⁶ Федосенко В. А. О явлении наднационального права и правотворчества // Вестник Кемеровского государственного университета. 2010. № 1 (41). С. 162.

⁷ Чиркин В. Е. Указ. соч. С. 39.

288 (X)В от 27 февраля 1950 года указано, что «любая международная организация, не учрежденная на основании правительственного соглашения, считается неправительственной организацией». Комитет ЭКОСОС по неправительственным организациям считает, что организация является международной, если она имеет филиалы по крайней мере в трех государствах. Союз международных ассоциаций в свое время подготовил проект международного договора о МНПО, в котором одним из признаков этой категории организаций указывалось отсутствие цели извлечения прибыли»¹.

Международные неправительственные организации разрабатывают и принимают свои международные документы, которые, конечно, не имеют нормативно-правовой природы, но учитываются мировым сообществом и государствами при выработке новых международно-правовых стандартов. Примером могут служить международные религиозные организации. Так, к примеру, 22 апреля 2001 года в Страсбурге была принята Хартия экуменизма (*Charta Ecuemica*)², которую официально одобрили, по крайней мере на декларативном уровне, большинство традиционных для Европы христианских конфессий — Римско-католическая церковь, православные церкви (Русская, Греческая, Румынская, Вселенский патриархат, Армянская апостольская церковь), а также протестантские церкви (лютеранская, реформатская, англиканская, методистская).

XXI век бросил новые вызовы мировому сообществу и, в частности, праву международных организаций. Как справедливо отмечает В. А. Базанов, «в настоящее время в международных отношениях наблюдаются две взаимосвязанные тенденции, которые, по мнению ряда исследователей, ведут к существенной перестройке всей мировой системы. С одной стороны, мы являемся свидетелями переконфигурации центров силы: происходит «перераспределение глобальной мощи с Запада на Восток. Пятисотлетнее доминирование в мире атлантических держав — Португалии, Испании, Франции, Великобритании и, в недавнее время, Соединенных Штатов — подходит к концу...». С другой стороны, все более возрастает значимость общемировых, глобальных проблем, таких как охрана флоры и фауны, смягчение последствий изменения климата, борьба с распространением различных заболеваний, преодоление продовольственного кризиса»³.

Особо выделяются две основные проблемы, требующие решения в ближайшем будущем.

Новым вызовом международному сотрудничеству является фактический пересмотр понятия государственного суверенитета. Как известно, проблема суверенитета стала активно изучаться с XVI века благодаря Жану Бодену. Сложившаяся веками традиция нашла

свое выражение в Уставе ООН 1945 года. Принцип суверенного равенства государств и уважения прав, присущих суверенитету, а также принцип самоопределения народов и наций стали общепризнанными принципами международного права.

Однако во второй половине XX века понятие государственного суверенитета в международном праве претерпело большие изменения. Во-первых, стала очевидной взаимосвязь реализации суверенитета и равенства государств на международной арене. Например, это выразилось в том, что государства самостоятельно решают вопросы своего участия в международных организациях, конференциях, договорах. Во-вторых, несмотря на то что международное право в принципе не регулирует внутривластные вопросы, постепенно государства отошли от идеи произвольного отнесения к своей компетенции любых вопросов. Международное право стало оказывать заметное влияние на определение функций государственных органов различных стран, устанавливая, что может и чего не может делать государство и, следовательно, его органы. Так, утверждение принципа неприменения силы ликвидировало одно из основных в прошлом суверенных прав государства — право на войну, что ограничило компетенцию государственных органов в этом вопросе. Кроме того, международное право оказало влияние на принцип разделения властей. Взаимосвязанность государств требовала постоянных контактов, что было доступно главным образом исполнительной власти, которая использовала это для укрепления своих позиций. В-третьих, принцип уважения самоопределения народов и наций вступил в некоторые противоречия с принципами территориальной целостности государств и нерушимости государственных границ.

Сейчас существуют противоположные прогнозы дальнейшего развития принципа суверенного равенства государств. Так, О. И. Тиунов считает, что «положения Вестфальской системы, абсолютизовавшие суверенитет, в современный период стали достоянием истории и не могут реанимироваться»⁴. Т. Д. Матвеева, напротив, отмечает, что «отрицание суверенного равенства государства можно рассматривать как отрицание современного международного права в целом»⁵.

На современном этапе происходит выработка нового подхода к характеристике государственного суверенитета. С одной стороны, можно констатировать, что содержание и объем суверенитета явно сужаются под воздействием международных интеграционных организаций. В частности, данный процесс наблюдается в Европейском Союзе, который пытается выработать общую политическую линию даже по тем вопросам, которые вызывают ожесточенные споры (например, по вопросу продления санкций, а точнее репрессалий, против России). С другой стороны, современные ис-

¹ *Галенская Л. Н.* Предисловие // Энциклопедия международных организаций. СПб.: СПбГУ, 2006. Т. 2: Международные неправительственные организации, обладающие консультативным статусом при Экономическом и социальном совете ООН. С. I.

² Экуменическая хартия // Ортодоксия и гетеродоксия. URL: <http://www.ortho-hetero.ru/doc-ecum/157> (дата обращения: 09.02.2017).

³ *Базанов В. А.* Возможности сотрудничества России и Индии в области обеспечения экологической безопасности // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2015. № 1. С. 65.

⁴ *Тиунов О. И.* Суверенное равенство государств в системе основных принципов международного права // Журнал российского права. 2014. № 5 (209). С. 11.

⁵ *Матвеева Т. Д.* Теоретические постулаты международного права в контексте новых геополитических реалий // Вестник Северного (Арктического) федер. ун-та. Сер. «Гуманитарные и социальные науки». 2012. № 6. С. 119.

следователи отмечают, что надгосударственные образования не влияют на правосубъектность государств¹.

Еще одним вызовом международному сотрудничеству в современных условиях является то, что взаимодействие многих государств происходит уже не в рамках двусторонних или многосторонних отношений, а в рамках универсальных или региональных международных организаций, членами которых они являются. Так, например, вступив во Всемирную торговую организацию в 2012 году, Россия взяла на себя обязательства по соответствию национальной продукции международным стандартам, обеспечивающим основное качество продукции — защиту жизни и здоровья людей, животных и растений, охрану окружающей среды. Именно поэтому при формировании правового базиса Единого экономического пространства для Республики Беларусь, Республики Казахстан, Российской Федерации, Республики Армения и Республики Киргизия основой стал «правовой массив унифицированного законодательства, учитывающий международные нормы-принципы, прежде всего нормы Всемирной торговой

организации (ВТО), и адаптирующий эти международные нормы-принципы к регулированию экономических отношений как на экономическом пространстве в ЕАЭС, так и самого Союза другими субъектами мирового рынка»². Гармонизация законодательства России с другими государствами — членами ВТО по вопросам стандартизации качества продукции происходит с учетом соглашений ЕАЭС. Таким образом, право международных организаций на современном этапе является отраслью международного права, которая активно развивается. Количество международных организаций свидетельствует о том, что сложилась традиция решения наиболее сложных вопросов мировой политики за круглым столом в рамках международных организаций разного типа. Вызовы конца XX — начала XXI века породили новые тенденции в их развитии: усиление экономического компонента в деятельности международных организаций, повышение роли международных неправительственных организаций, развитие наднационального права в международных интеграционных образованиях и т. д.

Г. П. Ермолович³

СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ИСТОКИ, ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Состояние современных международных экономических отношений невозможно охарактеризовать без обращения к международным событиям, которые произошли в прошлом и во многом определили дальнейшее развитие экономических отношений.

Окончание Второй мировой войны и создание Организации Объединенных Наций (ООН) заложили основу для дальнейшего мирного развития государств и народов на планете. Принятие Устава ООН, в котором нашли отражение основополагающие принципы международного права, послужило фундаментом для построения новой международной системы. Одна из целей ООН, закрепленная в ст. 1 Устава, заключается в «осуществлении международного сотрудничества в разрешении международных проблем экономического... характера».

В 1947 году государственный секретарь США Дж. Маршалл предложил план экономического восстановления стран Западной Европы. Наряду с этим в рамках Экономического и социального совета (ЭКОСОС)

ООН был разработан и предложен к реализации текст Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ 1947). В дальнейшем страны — члены ГАТТ, около 50 лет поддерживая режим наибольшего благоприятствования и осуществления торговых отношений, вели переговоры о снижении таможенных пошлин, предоставлении таможенных уступок и снятии иных взаимных барьеров в мировой торговле, что способствовало росту экономик в этих 23 государствах.

В 1950–1960-е годы в условиях противостояния двух систем разрыв в экономическом развитии продолжал усугубляться, несмотря на закрепление принципов развития международных торговых отношений в заключительном акте женеvской Конференции ООН по торговле и развитию в 1964 году.

В 1970-е годы в целях продвижения экономического развития и социального прогресса Генеральной Ассамблеей ООН был принят ряд документов универсального характера: Декларация об установлении нового международного экономического порядка (1974), Хартия экономических прав и обязанностей государств (1974), а также Программа действий по установлению нового международного экономического порядка (1974). Эти документы были направлены на широкое участие государств-членов ООН и установление между ними взаимовыгодного сотрудничества в экономической и других сферах.

Однако равноправное партнерство не состоялось, так как системы общего рынка и СЭВ⁴ не пересекались друг с другом. По сути, это были две изолированные

¹ Агапов Д. С. Правосубъектность государства в условиях интеграции правовых систем // Вестник Тамбовского университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2013. № 3 (119). С. 295.

² Уткин В. В. Гармонизация законодательства в сфере стандартизации в условиях экономической региональной интеграции // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. «Юридические науки». 2016. № 1 (21). С. 101.

³ Профессор кафедры отраслей права СПбГУП, доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ. Автор более 140 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Международное право», «Полиция. Общество. Преступность в США», «Население и полиция: противостояние преступности в США», «Неправительственные организации против преступности» и др. Член Всероссийской полицейской ассоциации. Награжден медалями «За безупречную службу» II и III степеней, «200 лет МВД России», «За отличие в службе» и др.

⁴ Совет экономической взаимопомощи — межгосударственная экономическая организация социалистических государств. Учреждена в 1949 году.

экономические системы, опирающиеся на разные финансовые, сырьевые, технические, интеллектуальные ресурсы и технологии.

Важной вехой в развитии экономических отношений послужил заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 года, в частности второй раздел которого касался сотрудничества в области экономики, транспорта, связи, науки и техники, окружающей среды.

В сложившихся условиях на международной арене в рамках Генеральной Ассамблеи ООН были приняты две важные резолюции: «О мерах укрепления доверия в международных экономических отношениях» (1984) и «О международной экономической безопасности» (1985).

В 1990 году на встрече глав государств и правительств в условиях политической эйфории был принят, как казалось тогда, важный политический документ — Парижская хартия для новой Европы. Определенные надежды возлагались на раздел хартии, который касался экономического европейского сотрудничества. Однако к тому времени на международной арене подходили к завершению многочисленные межгосударственные переговоры, но не политического, а практического характера. Их итогом явились создание в 1994 году Всемирной торговой организации (ВТО) и подписание комплекса 29 взаимосвязанных соглашений (в том числе и ГАТТ в последней редакции 1994 г.).

Геополитические изменения на рубеже веков могли бы привести к упрочению международного мира и придать новый импульс международным экономическим отношениям. Но этого не произошло. С разрушением биполярного мира США почувствовали себя победителем, которому представилась историческая возможность «скроить» мир под себя. К чему привела такая недальновидная политика, мы можем сейчас наблюдать на фоне тех вызовов, с которыми столкнулись страны Европы и некоторых других регионов. Думается, что эти кризисные явления имеют комплексный характер и их происхождение вызвано многими факторами.

Во-первых, навязывание своих демократических стандартов и свержение неугодных режимов в ряде стран Азии и Северной Африки обусловило череду «цветных» революций и разрушение не только политической, но и экономической системы этих государств.

Во-вторых, вышеуказанные действия послужили катализатором к созданию радикальных исламистских движений (в частности, ИГИЛ, запрещенного в РФ), которые пытались силой создать на захваченных ими территориях «исламский халифат» (экономические проблемы жителей этих территорий не были предметом внимания экстремистов).

В-третьих, угроза гибели от рук террористов заставила миллионы граждан покинуть свои дома и бежать в Западную Европу в поисках убежища, тем са-

мым пополнив ряды трудовых мигрантов (которые ранее по экономическим соображениям уже перебрались в Европу и другие страны).

В-четвертых, политика Евросоюза, который требовал от других стран принять беженцев в соответствии с определенными квотами, по сути, диктаторская, ибо она касалась и тех стран, которые сами испытывали экономические трудности. Поведение новых жителей и менталитет, который во многом отличается от европейского, вызвали бурные протесты со стороны местного населения. Некоторые западные политики посчитали, что на протестной волне можно выторговать наиболее выгодные условия для государства, которое они представляют. Однако ЕС устоял и не поддавался на шантаж. Великобритания, проведя референдум, заявила о выходе из Евросоюза. Думается, что евроскептики, набирающие постепенный политический вес в Германии, Франции, Австрии и ряде других стран и отстаивающие право на проведение собственной экономической политики, не связанной с Брюсселем, набирают все больше голосов своих сторонников. Не исключено, что центробежные силы могут расшатать ЕС и Великобритания будет не единственным примером такой недальновидной экономической политики.

Наконец, санкции, введенные против России, наглядно показывают, что в нынешних политических условиях такой принцип «сотрудничества» не работает. О каком экономическом сотрудничестве может идти речь, если в Парламентской ассамблее Совета Европы (ПАСЕ) Россию лишили права голоса и наша точка зрения не может быть услышана западными парламентариями?

Политизированность многих решений, которые принимаются сейчас в отношении России, более чем очевидна, и только смена политического курса и новый взгляд на развитие отношений с нашей страной смогут изменить сложившуюся пагубную ситуацию. Причем такое положение имеет отрицательные последствия для экономики как России, так и западных государств. Представители западного бизнеса уже осознают это и готовы изменить свое отношение — реализовывать в нашей стране свои проекты и вкладывать инвестиции, но для этого должны быть созданы прежде всего политические условия. Возможно, что новая администрация США покажет пример, и Россия, уловив положительные тенденции в экономике, в последнем квартале 2016 года сохранит заданный курс, разовьет его и выйдет на новую волну экономического роста.

Развитие экономических отношений на основе принятых норм международного права при наличии политической воли поможет создать справедливую международную политико-экономическую систему. Но ответственность за принятие такого решения лежит прежде всего на участниках международных отношений, то есть на государствах.

В. В. Зябриков¹ГЛОБАЛЬНЫЕ И ЛОКАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
УСТОЙЧИВОГО РОСТА ФИРМЫ И РАЗВИТИЯ СТРАНЫ

PEST-анализ и единая типология культуры. Любое общественное явление имеет политическую (P), экономическую (E), социокультурную (S) и технологическую (T) компоненты. Традиционно PEST-анализ используется в теории стратегического менеджмента при анализе внешней среды фирмы, то есть ее рыночного окружения. Однако область применения этого метода значительно шире: как показано в ряде работ автора, он может продуктивно применяться и во внутренней среде фирмы. В рамках используемой автором единой типологии деловой культуры один и тот же универсальный набор типов культуры, названный по ключевым ролям бизнесменов (профессионала, лидера, бюрократа и предпринимателя), может применяться как на микро-, так и на макроуровне экономики. Каждый из этих типов соответствует одному из факторов PEST-анализа. Так, обладающий авторитетом *лидер* реализует социокультурную компоненту — S; *бюрократ* (администратор), действующий на основе законов, регламентов и правил, является своего рода политическим деятелем P; *предприниматель* реализует экономическую компоненту E, и, наконец, *профессионал* внедряет инновационные технологии и реализует T-компоненту. Существование предложенной автором единой типологии деловой культуры делает возможной попытку распространить PEST-анализ на уровень страны в целом.

Охватывающий современный мир процесс *глокализации* предполагает сочетание двух явлений — глобализации и локализации. Нарастание глобализации происходит по экономической (E) и технологической (T) координатам, поскольку влияние капитала и технологий не зависит от специфики той или иной страны. Одновременно увеличивается своеобразие (то есть локализация) двух оставшихся составляющих — политической (P) и социокультурной (S). Гармоничное управление страной может быть обеспечено только в случае учета всех четырех составляющих общественного развития, причем в разной степени на каждой стадии ее развития. Воспользуемся аналогией между управлением страной и руководством фирмой для формирования некоторых стратегических рекомендаций по менеджменту.

PEST-анализ и «витамины роста» по И. К. Адизесу. Обширная эмпирическая база, послужившая И. К. Адизесу для создания его теории жизненного цикла фирмы, предполагает последовательный пере-

нос акцента с одних функций менеджмента на другие по мере развития фирмы.

Эта теория дает полезные рекомендации по антикризисному управлению развитием фирмы. Так, на стадии *младенчества*, согласно подходу И. К. Адизеса, доминирующей должна стать функция целеполагания (Purposeful), которая сопровождается и другими ролями: административной (Administrative), предпринимательской (Entrepreneurial) и интегрирующей (Integrative), что схематично выражается формулой PAei.

Функции менеджмента, по И. К. Адизесу, точно соответствуют ключевым ролям бизнесменов, а значит, и типам культуры из универсального набора предложенной автором настоящего доклада единой типологии культуры. Так, функция целеполагания P соответствует культуре лидера, функция администрирования A — культуре бюрократа, предпринимательская функция E — культуре предпринимателя, интегрирующая функция I — культуре профессионала. Поэтому в стадии младенчества доминирующей должна стать культура лидера при поддержке трех других типов культуры, а в терминологии PEST-анализа формула И. К. Адизеса для стадии младенчества PAei выглядит как SPet (с акцентом на реализации социокультурной функции). Основная задача стадии младенчества — реализация пилотных проектов с целью определения наиболее прибыльного из них, налаживание командной работы во главе с лидером и воспитание чувства фирменного патриотизма.

В следующей стадии развития фирмы, которую И. К. Адизес назвал *началом юности*, к функции целеполагания добавляется удачно ее дополняющая административная (формула PAei), на языке PEST-анализа это выглядит как активизация политической функции наряду с сохранением важности социокультурной (SPet). Основной задачей фирмы на этой стадии является сохранение упорядоченности управления при растущих масштабах деятельности (выручке) на основе следования единым правилам, приучение менеджеров и персонала к дисциплине. Важно отметить, что на начальных стадиях развития страны для нее наиболее важными являются обладающие национальным своеобразием *локальные* компоненты: социокультурная и политическая.

На стадии *окончания юности*, по И. К. Адизесу, предпринимательская функция дополняет административную (формула для фирмы pAEi или для уровня страны sPEt). Появившаяся экономическая (предпринимательская) компонента несколько снижает роль социокультурной (отсюда в схеме s малое), поскольку соответствующие типы культуры (предпринимателя и лидера) являются антагонистическими (агентская проблема в менеджменте). На первый план выходит материальная заинтересованность сотрудников при сохранении освоенной на предыдущей стадии дис-

¹ Доцент кафедры экономики предприятия и предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат экономических наук. Автор около 70 научных публикаций, в т. ч.: «Типология и эволюция организационной культуры», «Русская деловая культура в контексте иностранных типологий», «Единая типология деловой культуры», «Универсальная типология деловых культур», «Методологические основы типологии национальных деловых культур», «Оптимальная траектория жизненного цикла фирмы» (в соавт.), «Систематизация ценностей деловой культуры России» и др.

циплины и порядка. Для страны на этой стадии развития важнейшими становятся политические и экономические факторы.

Далее на стадии *расцвета* на первый план выходит интегрирующая функция, реализуемая профессионалами, внедряющими современные технологии. Культуры профессионалов, которые гарантируют результат выполнения работы, и бюрократов, акцентирующих свое внимание на процессе ее выполнения, являются антагонистическими, поэтому переход к стадии расцвета требует сдерживания бюрократии, а затем — решительной дебиюкратизации управления. Так возникает формула И. К. Адизеса $paEI$ или для уровня страны — $spET$. На стадии расцвета экономическая функция находит свое наиболее полное развитие на базе современных технологий, что позволяет обеспечить высокий уровень жизни. Акцент делается на глобальных факторах — экономическом и технологическом, при сохранении определенного влияния локальных факторов — социокультурного и политического.

Оптимизация управления жизненным циклом, по И. К. Адизесу, сводится к обеспечению максимальной продолжительности стадии расцвета, до которой фирма должна добраться устойчиво, за счет использования «витаминов роста», то есть своевременно реализуя в управлении сбалансированную комбинацию четырех функций менеджмента, предотвращающих срыв в кризисы.

Проведенное сопоставление «витаминов роста» И. К. Адизеса и факторов PEST-анализа позволяет утверждать, что антагонистическими являются две пары факторов: социокультурные (S) и экономические (E), а также политические (P) и технологические (T), поэтому пары $S-E$ и $P-T$ не могут одновременно доминировать. Действительно, управленцам приходится выбирать между выполнением социальных обязательств, потреблением (S) и высокими темпами экономического роста за счет инвестиций в производство (E), а переход к инновационной экономике (T) требует кардинальной дебиюкратизации управления (P).

Определение стадии жизненного цикла. Основную сложность вызывает точная идентификация стадии развития фирмы и страны. Обычно кривую жизненного цикла изображают в координатах «выручка–время». Но ни объем продаж (или ВВП на уровне страны), ни время, прошедшее с основания фирмы или страны, не могут служить для определения стадии их развития, поскольку мы имеем дело с разномасштабными структурами, которые к тому же развиваются разными темпами.

Наиболее объективно отражает стадию развития фирмы и страны доминирующий тип культуры, который в наибольшей степени показывает ее зрелость, отраженную в освоенных механизмах принятия управленческих решений. В работах автора показано, что на стадии детства доминирующей является культура лидера (S), на стадии юности — культура бюрократа (P), на стадии зрелости — предпринимателя (E) и, наконец, на стадии старости оптимальной траектории жизненного цикла — культура профессионала (T). Однако, как показали эмпирические исследования совре-

менных российских фирм, наряду с доминирующим типом культуры на всех стадиях жизненного цикла (за исключением стадии детства) весьма важным оказывается и второй тип культуры, который был доминирующим и на предыдущей стадии (инерционный эффект). Так, стадия юности характеризуется сочетанием $SPet$, зрелости — $sPEt$, старости (оптимального жизненного цикла) — $spET$, что вполне соответствует теории жизненного цикла И. К. Адизеса.

Как показали вычисления автора с использованием данных по измерениям деловой культуры Г. Хофстеде и Ф. Тромпенаарса, российская деловая культура является культурой лидера (клановой) и относится к восточному кластеру наряду с Грецией, Индонезией, Китаем и Сингапуром. Этот вывод, в сущности, соответствует обнаруженному Р. Льюисом сходству российской деловой культуры с культурами средиземноморских стран (Италией и Испанией), также обладающих клановой культурой. Доминирование культуры лидера (S) указывает на стадию детства развития нашей страны, а переход к следующей стадии — фазе юности — предполагает необходимость развития культуры бюрократа (сочетание $SPet$).

Такое сочетание типов культур — культуры лидера (на уровне топ-менеджмента) и культуры бюрократа (на уровнях менеджеров среднего звена и супервайзеров), означающее стадию юности, наблюдается во многих российских фирмах. Таким образом, эволюцию типа культуры можно обнаружить не только *во времени* по стадиям жизненного цикла, но и *в пространстве* пирамиды управления. При переходе к стадии юности центр принятия решений постепенно перемещается с вершины управленческой пирамиды (на которой остается культура лидера) на средние уровни управления к «микрошефам» — начальникам подразделений, а затем на стадии зрелости — далее к супервайзерам, непосредственно взаимодействующим с покупателями и клиентами.

Так, постепенно реализуется принцип субсидиарности Ч. Хэнди, в соответствии с которым управленческие решения должны оперативно приниматься в месте возникновения проблем («на фронте»), а наверх по управленческой лестнице необходимо поднимать только те субсидиарные (то есть дополнительные) проблемы, которые на месте решить невозможно из-за отсутствия ресурсов, компетенции и т. д.

Описанный процесс представляет собой переход к рынку на микроуровне, который осуществляет фирма в ходе своего развития, постепенно изменяя все элементы своей внутренней среды, в частности организационную структуру. Она эволюционирует с линейной (S) на стадии детства в линейно-функциональную (SP) на стадии юности, далее в функционально-проектную или функционально-продуктовую (матричную) (PE) на стадии зрелости и, наконец, проектно-сетевую (ET) на стадии старости оптимальной траектории жизненного цикла. Обращает на себя внимание то, что наиболее характерными и оптимальными для каждой стадии жизненного цикла являются смешанные двухкомпонентные организационные структуры, включающие неантагонистические пары факторов PEST-анализа.

Последнее еще раз убеждает в том, что определять стадию жизненного цикла нужно не по одному доминирующему типу культуры, а по паре соседних доминирующих типов.

Оптимальная траектория жизненного цикла фирмы. Теория И. К. Адизеса рассчитана на то, чтобы за счет правильного приема «витаминов роста» избежать «смерти» в детском и юношеском возрасте, что само по себе весьма ценно. Но согласно его подходу стадия зрелости фирмы неизбежно заканчивается спадом — «старостью» и «смертью» фирмы, поэтому у И. К. Адизеса форма кривой жизненного цикла фирмы имеет куполообразную форму.

Автор настоящего доклада не считает «смерть» фирмы неизбежной и полагает, что при сознательном управлении жизненным циклом и превращении стадии старости в инвестиционную стадию для следующего витка жизненного цикла можно превратить куполообразную траекторию жизненного цикла в спиралевидную (оптимальную). При этом второй виток спирали своего развития фирма пройдет уже в виде хозяйственного объединения по схеме «концерн (стадия детства второго витка спирали) — чистый холдинг (стадия юности) — конгломерат (стадия зрелости)».

И на первом витке спирали своего жизненного цикла, где фирма развивается по схеме «одна фирма — одна организация (юридическое лицо)», и на втором

витке спирали, на котором в состав фирмы входит несколько организаций, ее развитие происходит в сторону постепенного нарастания *свободы* и увеличения возможностей для проявления инициативы конкретных исполнителей по мере созревания трудового коллектива в предложенной последовательности:

1) сначала реализуется социокультурная функция (*S*), означающая самоидентификацию фирмы за счет сплочения коллектива вокруг лидера на стадии детства;

2) затем формируются навыки системной и дисциплинированной работы по правилам и регламентам (*P*) на стадии юности;

3) после этого формируется рыночная ориентация ради достижения самоокупаемости и получения прибыли (*E*) на стадии зрелости;

4) наконец внедряются технологические инновации (*T*) на стадии старости оптимального жизненного цикла.

Появление новых навыков принятия управленческих решений и стереотипов поведения должно происходить накопительным (кумулятивным) методом (то есть новые навыки появляются без утраты старых), при этом доминируют стереотипы поведения, соответствующие паре «соседних» неантагонистических типов культуры *S–P* (юность), *P–E* (зрелость), *E–T* (стадия старости оптимальной траектории жизненного цикла).

З. Н. Каландаришвили¹

РОЛЬ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

На происходящие в Российской Федерации многочисленные перемены в социальной, культурной, экономической, политической и правовой жизни непосредственное влияние оказывает правовая культура, под которой следует понимать всю правовую реальность (правовые отношения, знания, ценности, статусы и другие правовые явления) и ее реализацию посредством правопорядка в социуме, а также глобальные процессы, которые развиваются в русле интернационализации.

Провозгласив в начале 1990-х годов курс на строительство рыночной экономики, Российская Федерация включилась в мировую систему глобализации, под которой следует понимать интеграционные мировые про-

цессы в сфере развития экономики, культуры, политики, религии и права.

Следует заметить, что сегодня распространение в российской социальной среде противоправных настроений во многом связано с непростой экономической и политической ситуацией в стране и мире. Продолжающийся мировой экономический кризис, рост терроризма, межгосударственных, межнациональных и межрелигиозных конфликтов вызывают у населения чувство тревожности и нестабильности. Неэффективная работа органов местной власти, нестабильность экономики и законодательства, огромное количество новых законов (нередко противоречащих друг другу), несоответствие друг другу законов разного уровня, существование новых и устаревших правовых норм, сохранение «белых пятен» в законодательстве — все это негативно влияет на сферы экономики и права. В связи с этим возникает необходимость в повышении уровня информированности населения о новых законодательных актах, сущности правовых механизмов — это одна из необходимых мер позитивного развития в Российской Федерации правовой и экономической культуры общества.

К сожалению, продолжающийся мировой экономический кризис ударил и по нашей стране, прежде всего по простым гражданам. Сегодня большое количе-

¹ Заведующий кафедрой теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат юридических наук, кандидат педагогических наук, профессор. Автор более 160 научных публикаций, в т. ч. 7 монографий: «Деформация правового сознания молодежи и юридические способы ее преодоления», «Генезис и эволюция правовой социализации и правовой культуры молодежи в реформируемом российском обществе (вопросы теории и практики)», «Актуальные проблемы правовой культуры российской молодежи», «Деформация правовой культуры современной российской молодежи», «Правовая культура молодежи современного российского общества: теоретико-правовой анализ», «Правовая культура в системе правового поведения личности», «Роль правосознания и правовой культуры в преодолении правового нигилизма в современном российском обществе (вопросы теории и практики)» (в соавт.).

ство людей, проживающих в России, находятся за чертой бедности. Особенно это касается городской провинции и сельской местности нашей страны, где остро стоит проблема занятости населения.

Мы считаем, что российская национально-правовая культура должна содействовать формированию новой экономико-правовой культуры, нового понимания происходящих в обществе процессов, внедрению новых экономических и правовых ценностей, соответствующих объективным интересам всего российского общества, которое стремится быстрыми темпами интегрироваться в Европейское экономическое сообщество¹.

Важной задачей экономической функции современной правовой культуры общества должно стать установление разумного сочетания публичных и частных интересов в правовом регулировании экономики страны. Здесь, как мы полагаем, необходимо на конституционном уровне закрепить социальный характер собственности и социальных обязанностей собственника перед обществом, суть которых состоит в том, что пользование собственностью должно служить на благо людей.

Содержание указанной функции правовой культуры должно включать деятельность субъектов, основанную на понимании ответственности перед обществом, осознании неразрывной связи предоставленных экономических прав с обязанностями, умении быть надежным партнером в договорных отношениях, четким и последовательным в исполнении взаимных обязательств.

Самобытность российской национально-правовой культуры обусловлена не столько технико-юридическими, формальными признаками, сколько глубокими социальными, культурными, экономическими и государственными принципами жизни нашего народа. К таким началам, имеющим методологическое значение для анализа отечественной правовой культуры, можно отнести следующие.

1. Свообразие российской государственности, не поддающееся элиминации даже после длительного и массивного воздействия иностранных управленческих и конституционных форм. Для системы русского права всегда была исключительно важна связь с государством и народом.

2. Специфические условия экономического прогресса русского социума, для которого характерна опора на коллективные формы хозяйствования: крестьянскую общину, артель, сельскохозяйственный кооператив, которые основывались на специфической трудовой этике, взаимопомощи, трудовой демократии и традициях местного самоуправления.

3. Конструирование особого типа социального статуса личности, который отличают преоблада-

ние коллективистских элементов правового сознания и нестрогая линия дифференциации личности и государства. В этом феномене, скорее всего, нет ничего предосудительного, и попытки навесить на него соответствующий ярлык напоминают стремление бороться с самой жизнью. Нужно понять природу данного соотношения личности и государства в национально-правовой культуре и обратить ее на службу человеку.

4. Соединение традиционной основы права и государства и специфики православной ветви христианства, акцентирующей не мирское понимание жизни Бога и человека (католицизм) и тем более не благословляющей стяжательство (протестантизм), а духовную жизнь человека с соответствующими этическими нормами (нестяжание, благочестие и т. п.)².

В силу вышеизложенного мы полагаем, что процесс реформирования российской экономики, дальнейшее становление и развитие рыночной экономики, основанной на экономической самостоятельности, ответственности и конкуренции производителей, требуют сегодня формирования позитивного уровня правовой культуры общества, утверждения ее роли в верховенстве закона, правопорядка, гарантии прав и свобод личности. В настоящее время правовая культура имеет важное значение, что связано с дальнейшим развитием рыночных отношений в нашей стране, реализация которых в значительной мере зависит от уровня правосознания и правовой культуры как граждан, так и всех должностных лиц.

Поэтому отличительные особенности национально-правовых культурных традиций Российского государства и народа необходимо учитывать при разработке механизма социальной адаптации общества к современным условиям реформирования экономики, что является одной из важнейших задач современного периода развития русского общества в эпоху глобальных перемен в социуме.

Без позитивного уровня формирования правовой культуры невозможны преобразования в обществе. Особенно это актуально в связи с защитой прав человека, стремлением смягчить негативные социальные последствия непростых рыночных взаимоотношений в эпоху глобальных перемен.

Именно поэтому сегодня, в условиях реформирования экономики и глобальной неопределенности, роль правовой культуры приобретает особую значимость. Формирование позитивной правовой культуры русского общества позволит России занять свое место среди стран, которые окажутся в роли лидеров региональных блоков, и конкурировать со странами Евросоюза и Китая в экономической сфере.

¹ Каландаришвили З. Н. Роль правовой культуры в эпоху глобализации мира // Диалог культур и партнерство цивилизаций : IX Междунар. Лихачевские науч. чтения. СПб. : СПбГУП, 2009. С. 391–392.

² Симоков В. Н. Российская правовая система. Саратов, 1994. С. 177.

С. Н. Касаткин¹ГОСУДАРСТВО, ПРАВО И ПРАВОВАЯ ТЕОРИЯ:
ЭФФЕКТЫ И ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ²

Существенные изменения в мире в последние десятилетия, обозначаемые понятием «глобализация»³, затрагивают различные сферы общественной жизни, требуя реформы прежних категорий и доктрин, в том числе создания новых подходов в политико-правовой науке и юридическом образовании. Данный доклад посвящен исследованию соответствующих эффектов и вызовов, включает прояснение смыслов глобализации, фиксацию ее ключевых влияний на современное государство и право, а также обсуждение ее теоретико-методологических следствий.

Смыслы глобализации. Обобщая (вслед за Р. Майклом) различные трактовки глобализации, ее можно представить как реальность (эмпирический факт), теорию и идеологию⁴.

В качестве *эмпирики* глобализация означает различные изменения общемирового характера: рост в мировой торговле и рынках (возможный благодаря либерализации торговли), глобальная коммуникация (в том числе Интернет), глобальный туризм и миграция, глобальные сети, глобальные разрушения окружающей природной среды и изменения климата, растущая вестернизация и гибридизация культур, усиление взаимозависимости государств, интернационализация права и т. п.

Целостно глобализацию можно охарактеризовать с помощью четырех параметров⁵. Первые три касаются экстенсивности, интенсивности и скорости глобальных взаимодействий: их протяженность через границы и расстояния, их масштабность и скорость. Четвертый параметр — их влияние: сцепка или взаимное конституирование глобальных и локальных проблем, при которой местные события могут иметь общемировые последствия, а мировые события материализу-

ются на местном уровне, то есть возникает так называемая глокализация (Б. де Соуза Сантос⁶). С этих позиций глобализация присуща и другим историческим эпохам, будучи лишь более интенсивной в конце XX — начале XXI века⁷.

Глобализация как *теория* представляет собой сдвиг от «методологического национализма», то есть концепций, центрирующих/объективирующих национальные государства как ключевой элемент общества модерна, и методологическую рамку для их изучения⁸. В правовой теории такие концепции связаны с вестфальской моделью, трактующей государство как предельную точку референции национального, международного и даже негосударственного права. Теории глобализации отрицают такой «государственнический» подход. К таковым, в частности, относят теории мировой конвергенции (сближения правовых систем), анализ мировой системы (с гегемонией отдельных государств в глобальном развитии права), постколониализм (утверждающий неравенство сил и разницу в восприятии права на мировом Севере и Юге), концепции «права и развития» (анализ правовых реформ в развивающихся странах под влиянием развитых стран)⁹.

В качестве *идеологии* глобализация (как и антиглобализм) — это политический проект или идеал миропорядка. Примером является идеология космополитизма, или «глобальной деревни» (единого, гомогенизированного мира, основанного на общечеловеческих ценностях и всемирном гражданстве), или идеология неолиберализации (эмансипации рынков от государственного регулирования, создания нового *lex mercatoria*, роста индивидуальной свободы и пр.)¹⁰.

Государство и право в контексте глобализации. Указанные смыслы глобализации так или иначе связаны с государством и государственно-центрированным правом. Разберем (также следуя обзору Р. Майккла) соответствующие эффекты и вызовы глобализации на примере ключевых черт государства и права.

Во-первых, глобализация проблематизирует *территориальность* государства и права. Традиционно суверенная власть и законы государства распространяются именно на его территорию. Территориальная целостность и соответствующие прерогативы государства признаются в качестве принципа международного публичного права, а коллизии правопорядков в международном частном праве разрешаются через привязки к праву и юрисдикции отдельных государств. В противовес этому глобализация снижает эффект географических расстояний (через доступность путешествий,

⁶ См.: *Sousa Santos B. de. Toward a New Common Sense. 2nd ed. Cambridge, 2002. P. 179–180.*

⁷ См.: *Michaels R. Op. cit. P. 3–4.*

⁸ См.: *Wimmer A., Glick Schiller N. Methodological Nationalism and Beyond: Nation-State Building, Migration and the Social Sciences // Global Networks. 2002. № 2. P. 301.*

⁹ См.: *Michaels R. Op. cit. P. 5–6.*

¹⁰ См.: *Ibid. P. 6–7.*

¹ Профессор кафедры теории и истории государства и права Самарского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний России, кандидат юридических наук. Автор более 130 научных публикаций, в т. ч.: «Теория права в контексте культурного многообразия: проблемы универсальности», «Юриспруденция и словоупотребление. Проект юридической догматики», «Проблема судейского усмотрения в полемике Харта и Дворкина: линии аргументации и методологические истоки спора», «Проблема определения в юриспруденции и концептуальный статус международного права: учение Герберта Харта», «Как определять социальные понятия? Аскриптивизм и отменяемость юридического языка в концепции Герберта Харта», «“Open Texture” in Law and Philosophy: Hart and Weismann», «Действие и ответственность в перспективе аналитической философии права» и др.

² Доклад подготовлен при финансовой поддержке РФФИ (грант № 16-03-00804).

³ См., например: *Бек У. Общество риска. М., 2000*; *Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004*; *Бауман З. Текущая современность. СПб., 2008*. См. также: *Современные глобальные вызовы и национальные интересы: XV Междунар. Лихачевские науч. чтения, 14–15 мая 2015 г. СПб., 2015.*

⁴ См.: *Michaels R. Globalization and Law: Law Beyond the State // Michaels R. Law and Society Theory. Oxford, 2013. P. 1–7.*

⁵ См.: *Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J. Global Transformations: Politics, Economics, and Culture. Stanford. P. 14–28.*

развитие коммуникаций, Интернета, глобальных производственных цепочек и пр.) и государственных границ (практически невозможно контролировать информационные потоки с помощью закрытия границ и цензуры). Отсюда: а) рост юридического значения нетерриториальных факторов (например, государственных интересов в новых доктринах суверенитета), оправдывающий экстерриториальное действие законов или принятие актов, прямо направленных на изменение политики других государств; б) усиление международного сотрудничества в регулировании трансграничной экономической и подобной деятельности, гармонизация соответствующих правил; в) изменение статуса государственных границ от физических барьеров к формальным критериям правоприменения. При этом территория сохраняет свою значимость, трансформируясь как политико-юридический конструкт¹ и расширяясь в новых аспектах (например, в киберпространстве).

Во-вторых, глобализация влияет на население государства, которое традиционно связывается с государствообразующей нацией и опосредовано институтом гражданства (конституирующим «узы верности» индивида по отношению к государству, а также важную часть правового статуса / «идентичности» лица). С одной стороны, следствием глобализации является усиление миграции и увеличение доли иностранцев в населении государств, что, в свою очередь, порождает: 1) либерализацию оснований получения гражданства; 2) признание института двойного и множественного гражданства; 3) предоставление конституционных прав иностранцам наравне с гражданами государства. Соответственно государственная лояльность и идентичность личности трансформируются из «вопроса судьбы» в «вопрос выбора». С другой стороны, вследствие глобализации возрастает роль негосударственных идентичностей лица, связанных с транснациональными (экономическими, политическими, религиозными и т. п.) субъектами и альянсами и признаваемых государством в свете начал мультикультурализма и правового плюрализма².

В-третьих, глобализация бросает вызов традиционной *организации власти*, ее суверенитету, монополии на правотворчество и принуждение. С одной стороны, это рост глобальной взаимозависимости государств, их включенности в трансграничные объединения с делегированием полномочий, гармонизацией права и прочим и, как следствие, «упадок» или «разделение» классического суверенитета. С другой стороны, это повышение роли негосударственных (религиозных, этнических, экономических) норм, которые учитываются государством через их трансформацию в нормы государственного права, через их включение как подсистемы государственного правопорядка либо через их при-

знание в качестве фактов, значимых для правоприменения³.

В-четвертых, следствием глобализации является всемирный правовой плюрализм, противостоящий традиционной вестфальской модели миропорядка и пониманию *права как единой системы*, восходящей к высшей норме (в духе Г. Кельзена или Г. Харта). Поднациональные, национальные (государственные), межгосударственные (международные) и негосударственные компоненты современного права, с одной стороны, тесно взаимосвязаны, с другой — пересекаются и конкурируют в различных сферах отношений. В рамках такого плюрализма размываются традиционные границы национального и международного, частного и публичного, государственного и негосударственного права⁴.

Глобализация и теория права. Рассмотренные эффекты и вызовы глобализации порождают целый ряд следствий для правовой науки и юридического образования.

Во-первых, подчеркнем: правовая теория должна сочетать достижение собственных целей и степень универсализма своих положений и объясняемых ситуаций. Отсюда формулирование «глобальной точки зрения» на государство и право имеет значение прежде всего для общей правовой теории (где учет глобальной проблематики — это вопрос ее «здоровья» и состоятельности⁵), но не для частных по целям и охвату юридических дисциплин. Кроме того, различные смыслы глобализации имеют неодинаковую ценность для правоведа: если «фактология» глобализации значима как подлежащая объяснению предметность, а соответствующие доктрины могут (при прочих равных) обогатить арсенал юриспруденции, то идеология (анти)глобализма вовсе не обязательно должна приниматься в качестве ценностного ядра теории права и государства. К тому же следует учитывать размытость «языка» глобализации: таких выражений, как «мировое правительство», «глобальное право», «упадок суверенитета» и пр.

Во-вторых, глобализационные процессы требуют серьезного переосмысления классической теории государства (прежде всего его трактовки как замкнутой сущности / «черного ящика»⁶), однако с рядом оговорок. Так, видится упрощенным традиционный тезис о влиянии глобализации на государство, который, по сути, гипостазировывает глобализацию как самостоятельный внешний фактор и игнорирует большую роль государства (и права) в общемировых изменениях. Заявления об «упадке суверенитета» также кажутся преувеличением: речь скорее должна идти о трансформации государств, их властных и юридических статусов.

³ См.: *Michaels R.* Op. cit. P. 12–14.

⁴ См.: *Berman P. S.* Global Legal Pluralism: A Jurisprudence of Law Beyond Borders. Cambridge, 2012; *Richards S.* Globalization as a Factor in General Jurisprudence // *Netherlands Journal of Legal Philosophy.* 2012. Vol. 41. P. 129; *Twining W.* Globalisation and Legal Theory. Cambridge, 2000. P. 82–88. См. также: *Michaels R.* Op. cit. P. 11–12.

⁵ См.: *Твайнинг У.* Общая теория права // *Российский ежегодник теории права.* 2010. № 3. С. 232 и др.

⁶ См.: *Twining W.* Op. cit. P. 252; *Beck U.* What is Globalization? Cambridge, 2000. P. 64.

¹ См.: *Globalisation and Jurisdiction* / ed. by P. J. Slot, M. Bultman. Dordrecht, 2004. P. 105; *Beyond Territoriality: Transnational Authority in an Age of Globalization* / ed. by G. Handl, J. Zekoll, P. Zumbansen. Leiden; Boston, 2012.

² См.: *Michaels R.* Op. cit. P. 11–12. См. также: *Kofman E.* Citizenship, Migration and the Reassertion of National Citizenship // *Citizenship Studies.* 2006. № 9. P. 453; *Falk R.* The Decline of Citizenship in an Era of Globalization // *Citizenship Studies.* 2000. № 1. P. 4.

Более того, развитие глобальной взаимозависимости обществ, экономических, технологических и прочих ресурсов создает новое мировое пространство и новые факторы дифференциации государств, в том числе обеспечивающие расширение их суверенитета — возможностей «внутреннего» и «внешнего» / глобального контроля¹. Наконец, идеологически провозглашаемый отказ от суверенитета государства ставит под вопрос традиционные механизмы демократии и защиты прав личности, завязанные на государстве, без предоставления надежных альтернатив.

В-третьих, выстраивание «глобальной перспективы» требует новых концептуализаций права, прежде всего переосмысления необходимой связи права и государства, разграничения внутригосударственно-

го и международного, государственного и негосударственного права, а также западного и незападного правопонимания. При этом нуждается в изменении сама методология определения понятия права, когда (как в учениях Г. Харта, Дж. Ролза, Дж. Раза и других, не говоря уже об отечественной юриспруденции) именно государственное право мыслится как «центральный случай» права, создающий основу для истолкования иных (претендующих на этот статус) нормативных систем. Ключевой проблемой здесь остаются исходные критерии определения права: необходимость, с одной стороны, учесть разнообразие и пересечение нормативных порядков в современном мире, а с другой — сохранить четкость в объяснении права, дифференциации соответствующих регулятивных систем².

В. А. Ковалев³

ЭССЕНЦИАЛИЗМ И ЭПОХАЛИЗМ В ИСЛАМСКОМ ПРАВЕ КАК РЕАКЦИЯ НА ВЫЗОВ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

В статье «После революции: судьба национализма в новых государствах» известный американский антрополог Клиффорд Гирц выделил в качестве проблемы, с которой сталкивается государство, освободившееся от колониального владычества, определение коллективного субъекта, от имени которого действует государство⁴. По мнению Гирца, эта задача решается посредством двух абстрактных моделей — эссенциализма и эпохализма. Первый означает поиск своей идентичности в местных институтах, обычаях, традициях, второй — обращение к общим контурам исторического процесса, особенно к преобладающим факторам. Разумеется, новые государства не воспринимают эти схемы в виде веберовских «идеальных типов», и на практике мы имеем дело с переплетением эпохалистских и эссенциалистских тенденций. Это зачастую предопределяет разрывы и непоследовательность в политике новых государств, когда одержимость современностью сочетается с восприятием проявлений современной культуры как оскорбительных⁵. При этом можно проследить достаточно отчетливые тенденции выбора направления развития — эссенциалистского или эпохалистского — того или иного государства. Без сомнений (хотя Гирц рассматривает вопросы эссенциализма и эпохализма прежде всего на лингвистических примерах), столь же остро стоит вопрос выбора в правовой

системе: следует развивать свою традиционную систему права и правовую культуру с опорой на национальные правовые традиции и сложившуюся практику или обратиться к мировым образцам, что дает возможность участвовать в мировом экономическом, интеллектуальном, правовом обмене?

При этом Гирц рассматривает выбор между эссенциализмом и эпохализмом как «локальное знание», то есть внутренний феномен. Эта точка зрения была подвергнута справедливой критике Винсентом Пекора в статье «Пределы локального знания»⁶. Пекора указал, что в то время как для Гирца взаимодействие эпохализма и эссенциализма является внутренней семиотической игрой, в которой внешние факторы могут выступать только на завершающей стадии, на практике внешние факторы сами могут устанавливать правила игры и предопределять ее результат. Так произошло во время массовых убийств в Индонезии в 1965 году, когда победу происламских военных предопределили влияние США на армейских офицеров, начавших мятеж против правительства Сукарно, и присутствие в Яванском море 7-го флота США, а не «неспособность Сукарно понять семантические игры эссенциалистского и эпохалистского дискурсов»⁷.

Кроме этого, на яванском примере была продемонстрирована роль этики «объединяющей бедности» (*shared poverty*), которую Гирц воспринимал как один из ключевых элементов эссенциалистского дискурса⁸, а марксистские антропологи, такие как Бенджамин Уайт, — как идеологию, присущую скорее властным элитам, чем собственно деревенским жителям⁹.

¹ См.: Michaels R. Op. cit. P. 8.

² См.: Твайнинг У. Указ. соч. С. 256 и др.

³ Доцент кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат исторических наук. Автор более 30 научных публикаций, в т. ч.: «Королевский двор в Англии XV–XVII вв.» (в соавт.), «Поэтика идентичностей. Pamфлетная война вокруг проекта испанского брака принца Карла (1623–1624 гг.)», «Ваши выборы — фарс! Ритуалы *electio* и *collaudatio* в коронациях английских монархов», «Робин Гуд: в поисках национального героя», «Иниго Джонс: архитектор стюартовского мифа власти и лондонская *via triumphalis*» и др.

⁴ Geertz C. The Interpretation of Cultures. N. Y.: Basic books ink, 1973. P. 249.

⁵ Ibid. P. 254.

⁶ Pecora V. P. The Limits of the Local Knowledge // The New Historicism / ed. by H. A. Veesser. L.; N. Y.: Routledge, 1989. P. 250.

⁷ Ibid. P. 252.

⁸ Geertz C. Local Knowledge. Further Essay in Interpretive Anthropology. N. Y.: Basic books ink., 1983. P. 124.

⁹ White B. Demand for labor and population growth in colonial Java // Human Ecology. 1973. Vol. 1. P. 217–236.

Представляется интересным применить данную модель к объяснению феномена политического ислама и роста интереса к шариату в странах, традиционно относимых к светскому исламу.

Зачастую систему права шариата воспринимают как сугубо традиционалистскую (эссенциалистскую), консервативную и неспособную адаптироваться к изменившимся общественным условиям. Так, советский историк И. П. Петрушевский писал: «В мусульманских странах, поскольку право строилось на религиозных нормах, факихи стремились к тому, чтобы в право не вносилось никаких изменений. Но так как экономика, производственные отношения и культура... не могли оставаться неизменными, то мусульманское право все более отставало от жизни»¹. Подобный подход, превращающий исламское право в исключительно консервативное явление, оставляет нерешенным вопрос о причинах, по которым страны светского ислама все активнее обращаются к шариату, а также о перспективах исламского права в современном мире.

По справедливому замечанию Л. Р. Сюкияйнена, одного из ведущих отечественных специалистов в сфере исламского права, история не знает примеров, чтобы когда-либо в качестве социального регулятора применялся исключительно шариат². Для адаптации фундаментальных положений ислама к условиям динамично меняющихся социальных реалий, появляющимся и отмирающим практикам, технологическим трансформациям мусульманскими учеными-улемами был найден способ рационального толкования норм шариата. Данный способ имеет особое значение для развития исламского права. По сути, с помощью аналогий, фикций и иных логических конструкций исламское право приобрело необходимую способность к развитию и обновлению³.

Действительно, если в 1950–1960-х годах, после прекращения действия мандатной системы и краха колониализма, в большинстве стран с мусульманским населением установились светские режимы (в основном монархии или военные диктатуры) и системы права, близкие к романо-германским, по крайней мере по форме. Политико-правовое влияние ислама считалось близким к нулю, что признавалось самими представителями ислама. Так, на Лондонской конференции 1963 года «Ислам в международных отношениях» представитель Палестины Фуад ас-Саег заявил, что «ислам не оказывает значительного влияния на планирование или принятие решений, а также на язык политиков»⁴. Однако в 1980 году, после Исламской ре-

волюции в Иране и принятия поправок к египетской Конституции, в которых шариат был провозглашен основой законодательной системы, это утверждение выглядело уже крайне сомнительным. Процесс активного включения норм шариата в законодательство стран светского ислама или стран с преобладающей или значительной долей исламского населения продолжился и в 2000-е годы. Нормы шариата были включены в национальные правовые системы Индонезии, Малайзии, Турции, Мальдивских островов и других стран, традиционно рассматривавшихся как государства светского ислама.

Исламское право оказалось эссенциалистским фактором, но не привело к изоляции и замедлению развития. Известная гибкость позволила приспособить шариат к требованиям современной экономики (яркий пример — исламский банкинг), международным нормам в сфере демократии и прав человека (здесь примером становится деятельность Высшего конституционного суда Египта, который смог, опираясь на шариат, издать ряд постановлений, защищающих свободу религии и права человека, в том числе права женщин⁵).

Кроме того, право шариата оказалось своеобразным ответом исламских стран на глобализационные процессы. Причем распространение шариата способствовало не отказу от них, а их альтернативному проявлению — формированию исламского мира. Хотя многие исследователи, например А. А. Игнатенко, полагают, что «исламский мир как субъект международной политики существует только виртуально, в качестве проекта или даже проектов»⁶, но следует признать, что многие проявления этого мира весьма реальны⁷. Реакция на вызовы, которые глобализация на западный манер бросает традиционному обществу, исходит от различных стран (по региональной принадлежности, экономическому развитию, политическому режиму и даже течению в исламе), причем реакции достаточно согласованные и единообразные. Одним из важных маркеров принадлежности к исламскому миру становится включение в национальное законодательство норм шариатского права. Таким образом, шариат становится тем самым основанием, на котором строится уникальный эссенциалистский альтерглобалистский проект — объединение стран не по регионально-экономическому, а по цивилизационному принципу, позволяющее весьма успешно существовать в экономических реалиях современного мира, сохраняя традиционные цивилизационные формы.

¹ Петрушевский И. П. Ислам в Иране в VII–XV веках : курс лекций. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1966. С. 147.

² Сюкияйнен Л. Р. Исламское право в правовых системах мусульманских стран: от доктрины к законодательству // Право : журнал Высшей школы экономики. 2008. № 2. С. 97–109.

³ Шедов Д. В. Исламское право в современном научном дискурсе // Ислам в современном мире. 2016. Т. 12, № 3. С. 219–232.

⁴ Vaitkiotis P. J. Islamic Resurgence: A critical View // Islam and Power / ed. by A. Cudsi, A. E. H. Dessouki. L., 1981. P. 172.

⁵ Elbayar K. Reclaiming Tradition: Islamic Law in a Modern World // International affairs review. 2017. Spring. Vol. XXIV, № 1. URL: <http://www.iaf-gwu.org/node/23>

⁶ Игнатенко А. А. Ислам и политика. М. : Ин-т религии и политики, 2004. С. 110.

⁷ Emon A. E. Shari'a and the Modern State // Islamic Law and the International Human Rights Law: Searching for Common Ground / ed. by A. E. Emon, M. S. Ellis, B. Glahn. Oxford : Oxford University Press, 2012. P. 80.

А. В. Костина¹

ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР СЕГОДНЯ: ТРЕНДЫ, ОТ КОТОРЫХ ЗАВИСИТ БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

В настоящее десятилетие в мире складывается принципиально новая ситуация. В чем состоят ее содержание и новизна? Прежде всего в том, что глобальный мир, каким мы его знали с 1990-х годов, сильно изменился. В 1990-е годы, когда проблема глобализации стала ведущим научным трендом, было осознано, что глобализационный процесс: а) имеет объективную природу; б) связан с экономическими и технологическими факторами; в) обладает рядом как позитивных, так и негативных особенностей и последствий. Иными словами, глобализация исторически обусловлена, определена целой совокупностью процессов, протекающих в экономической, финансовой, политической и культурной сферах в экономически развитых странах в период формирования информационного общества и становления глобальной экономики.

Несмотря на достаточно обоснованную позицию целого ряда ученых, политиков, экономистов, отстаивающих право рассматривать глобализацию как целенаправленную политику, была принята иная точка зрения об объективном характере глобализации, обусловленной всем ходом общественного, технологического и экономического развития, объективным стремлением капитала к росту, а экономик — к сближению. Очевидно, что национальные экономики, находящиеся под давлением глобальных финансовых рынков и транснациональных корпораций, неизбежно будут стремиться к слиянию в единую финансово-экономическую систему. И любое противодействие этому устремлению к оптимизации производства и финансов будет обречено либо на поражение, либо на получение меньшей, чем возможно, эффективности производства.

Первыми этот тезис провозгласили Дж. Сорос и Э. Валлерстайн, доказавшие эффективность конкуренции не внутри национальных экономик, а между ними. В принципе верный тезис о способности глобализации к установлению нового, гораздо более эффективного мирового порядка следствием имел достаточно важный философский и идеологический тезис об устаревании национального государства и формировании системы государств-корпораций. Об этом еще

в 1990 году в книге «Мир без границ» писал консультант Гарвардской школы бизнеса К. Омае, отмечавший, что «традиционные государства-нации теряют свою естественность, становятся непригодными в качестве партнера в бизнесе», в противовес вполне эффективным «глобальным фирмам».

Объективность этой тенденции экономической интеграции подтверждают те процессы мирового экономического развития на рубеже XIX–XX веков, которые были связаны с интенсивным ростом торговли и инвестиций в мировом масштабе и фактически инициированы Британией как наиболее могущественной политической и экономически развитой державой того периода развития. Теоретики «первой волны глобализации» Р. Кобден, Дж. Брайт, Н. Эйнджел предсказывали скорейшее завершение войн и свертывание военных конфликтов как неэффективных в ситуации всеобщего экономического процветания и интеграции. В работе 1909 года «Великая иллюзия» Н. Эйнджел, имея в виду прежде всего Англию и Германию, высказал идею о невозможности войн в ситуации взаимной экономической зависимости и партнерства. Между тем Первая мировая война показала, что наряду с экономическими факторами развития существуют, как более мощные, факторы политические и идеологические.

Новый интенсивный рост интеграционных экономических процессов был определен технологической революцией в информатике и телекоммуникациях, осуществленной в 1970-е годы. Этим процессам способствовало и стремительное развитие информационных технологий, и прежде всего Интернета, легко и естественно превращающего национальные финансовые и товарные рынки в международные. Именно компьютерные технологии изменили не только природу бизнеса, но и конфигурацию финансово-информационного пространства, сделав его общемировым. Развитие технологий привело к формированию виртуального мира с электронными экономикami, электронными финансовыми структурами, электронными деньгами, электронными правительствами. И именно стремительное развитие процессов информатизации привело к принципиальному изменению в сфере производственных отношений. Как отмечает М. Делягин, главное следствие глобализации — изменение предмета труда, который оказывается обращенным не на преобразование природы, как это было во всей истории человечества, а на преобразование сознания. Работа с сознанием, которую осуществляет информационная элита, становится одной из наиболее выгодных сфер бизнеса.

На этом этапе глобализации стало очевидно, что на процессы создания транснациональных компаний не могут оказывать влияние ни национальные экономики, ни национальные правительства. Следствием этих процессов стал и распад Советского Союза как национального государства, где политика преобладала над экономикой. При этом глобальность стала столь то-

¹ Декан факультета культуры и искусства Московского гуманитарного университета, заведующая кафедрой философии, культурологии и политологии, доктор философских наук, доктор культурологии, профессор. Автор более 250 научных публикаций и учебных пособий, в т. ч.: «Конструктивный социальный потенциал массовой культуры: специфика проявления в информационном обществе» (в соавт.), «Теоретические проблемы современного культурологического знания: методы, подходы, концепции, понятия», «Культура: между рабством конъюнктуры, рабством обычая и рабством статуса» (в соавт.), «Соотношение традиционности и творчества как основа социокультурной динамики», «Теоретические проблемы современной культурологии: Идеи, концепции, методы исследования» и др. Главный редактор журнала «Ученый совет», член редакционных коллегий журналов «Знание. Понимание. Умение», «Культура и цивилизация», «Контекст и рефлексия: Философия о мире и человеке», Politbook. Академик Международной академии наук (IAS).

тальной, что проявляется не только в экономически эффективных проектах, но и в экономических кризисах, затрагивающих все сферы развития общества.

Дальнейшее развитие мировой экономики в 1990–2010 годах свидетельствовало об интенсивном развитии мировой системы в сторону ее глобальной связанности. В данный период стали особо значимыми Экономический и валютный союз Европейского Союза, Североамериканская зона свободной торговли (НАФТА), Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), зона свободной торговли между странами АТЭС и тому подобные, в Европе расширилась зона евро. В этот период политика государств — членов ОЭСР, небольших по человеческому капиталу (чуть более 10 % населения мира), но владеющих почти 60 % мирового капитала, стала направлена на упрощение глобального влияния — и не только через финансовые организации, такие как Международный валютный фонд, Всемирный банк, Всемирная торговая организация, но и через политические, такие как Совет по международным связям, образуемый политиками правительственного уровня, владельцами международных корпораций, управляющими крупнейшими банками, занимающими ключевые должности в силовых структурах.

Стремительное развитие объединенных экономик свидетельствовало о безусловной эффективности глобального развития. Однако глобализационное давление увеличивало и рост антиглобализационных устремлений. И речь здесь не столько о движениях альтерглобалистов и антиглобалистов, рассматривающих глобализацию как новую форму колониализма и нацеленных на формирование более справедливого глобального порядка, предполагающего ослабление влияния ВТО, МВФ, Всемирного банка, демократизации институтов управления. Речь идет о тенденциях локализации, формирующихся в значительной степени стихийно и поддерживаемых национальными элитами.

Агрессивность глобализационных устремлений усиливает активность процессов локализации, и между этими процессами существует прямая зависимость — стремление нивелировать различия приводит к возрастающему осознанию этих культурных различий. Покушение на многообразие в области политической и культурной жизнедеятельности вызывает ответную реакцию самозащиты — в облике консервативного традиционализма и националистического фундаментализма.

В последнее десятилетие проблема глобализации актуализировалась с новой силой. Это связано в том числе с нарастанием напряженности между нашей страной и Западом в связи с воссоединением Крыма с Россией, так называемой «войной санкций» и интенсивной информационной войной, которую ведет западный мир против России. Резкое обострение отношений России, показавшей способность в режиме жесткого давления со стороны США и стран Европы отстаивать свои геополитические интересы, и западного мира проходит в ситуации кризиса самой европейской цивилизации. И если США продолжают применять политику «мягкой силы», направленной на распростране-

ние собственной идеологии, то Европа стремится удерживать свое цивилизационное равновесие, напрямую зависящее от состояния собственной цивилизационной идентичности.

Именно на примере Европы в настоящее время следствия глобализации видны наиболее ярко. Если еще несколько десятилетий назад европейцы точно ощущали свою идентичность и определяли ее как европейскую, то уже в XXI столетии в ощущении европейцев нет никакой европейской составляющей. И дело не только в идентичности, которая меняет даже свои религиозные основания: по результатам исследований, за 2010–2015 годы Европа потеряла 5,6 млн христиан и обрела 2,3 млн мусульман¹. Конечно, нельзя демонизировать эту ситуацию. Мы все прекрасно понимаем, что вероисповедание — это важная часть самоощущения, определяющая в том числе социальные практики. И также прекрасно знаем, что в России всегда мирно уживались представители самых разных вероисповеданий и конфессий.

Но в Европе интенсивная миграция, вызванная в значительной мере локальными военными конфликтами в ближневосточных государствах, несет принимающей стороне не только возможность диалогического сосуществования представителям разных народов, но и опасность неприятия, отторжения, а зачастую и реальных экстремистских действий со стороны националистических, религиозных, этнических и иных организаций и структур, которые выступают как источник угроз национальной безопасности. В качестве таковых они выделены в Концепции национальной безопасности Российской Федерации. Такая ситуация становится реальностью в связи с осложнением политико-экономической ситуации как на глобальном (международном), так и на национальном уровне.

Сегодняшние события показывают, что глобализация оказывается благоприятной в основном для высокоразвитых стран, для многих же индустриальных и развивающихся стран она становится катастрофичной, что подтверждают события в Сирии, Ливане, Египте, Иране, Ираке, Афганистане. Сегодня становится очевидным, что глобализация несет человечеству не столько блага, сколько ряд новых угроз — информационные войны, распространение оружия массового поражения, террористические атаки, в том числе в области кибернетики и биологии, в сфере высоких технологий. Как указывается в Концепции национальной безопасности Российской Федерации, это создает благоприятную почву для обострения «мировой демографической ситуации и проблем окружающей природной среды», для возрастания «угроз, связанных с неконтролируемой и незаконной миграцией, наркоторговлей и торговлей людьми, другими формами транснациональной организованной преступности», для «националистических настроений, ксенофобии, сепаратизма, экстремизма, в том числе под лозунгами религиозного радикализма».

Именно эта составляющая, связанная с международным терроризмом, стала новой чертой глобализа-

¹ Христианство может покинуть Европу // Метро. 2017. 7 апр. С. 6.

ции, а сами проявления экстремизма выступают сегодня как одна из глобальных проблем. Если посмотреть статистику крупнейших терактов, произошедших в 2016–2017 годах, она потрясает: серия террористических акций в марте 2016 года в Бельгии — в международном аэропорту Брюсселя и метро (более 10 погибших); серия взрывов в Кабуле в апреле 2016 года (более 64 погибших); теракты в иракском городе Самава в мае 2016 года (жертвы теракта — 38 человек), Багдаде (94 погибших) и Стамбуле (11 погибших). Дамаск, Стамбул (июнь 2016 г.), Багдад (июль 2016 г.) — 292 человека стали жертвами терактов. Июль 2016 года, Франция — гибель 84 человек; декабрь 2016 года — убийство в Стамбуле посла России в Турции Андрея Карлова; 2017 год — серия терактов в Багдаде, 110 погибших; Стамбул — 39 погибших, Лагос — 15 погибших, Лондон — более 10 погибших. 3 апреля — взрыв бомбы в метро Санкт-Петербурга, 14 погибших¹.

Эта статистика тоже связана с глобализацией. Терроризм стал международным явлением, а сами теракты — ужасной составляющей жизни не только воору-

ющих по преимуществу ближневосточных государств, но и Америки, Европы, России.

Конечно, глобализацию как процесс интеграции, обусловленный в основном объективными причинами, невозможно игнорировать — распространение глобализационных тенденций происходит автоматически вслед за распространением американской валюты, ставшей после Второй мировой войны основой всей системы международных займов и взаиморасчетов, развития транснациональных экономических структур, распространения сетевых способов коммуникации.

Однако, несмотря на объективный характер глобализационных тенденций, нужно ли стремиться стать членом «евроатлантического дома», где нас в качестве равных партнеров никто не ждет? Существует ли мировая цивилизация и является ли она идеалом, что преподносится общественному мнению идеологами леволиберальных экономических реформ как данность? Это вопросы отнюдь не теоретические, от ответа на них в значительной степени зависит будущее России и всего мира.

**А. И. Котов²,
В. Ф. Богачев³**

СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

Сложившаяся в последние годы тенденция последовательного снижения ВВП заставила руководство страны и специалистов признать очевидный факт наступления стагнационных процессов в национальной экономике. Такое состояние экономики было рассмотрено на прошедшем в январе 2016 года Гайдаровском форуме, где глава Сбербанка Г. Греф неожиданно заявил о том, что Россия стала страной «дауншифтер», проигравшей в глобальной конкуренции и смилившейся с ролью региональной державы. По его словам, технологический разрыв между ведущими экономиками и отстающими странами (к которым, к сожалению, от-

носится и Россия) сегодня представляется критическим⁴.

Становится очевидным, что руководство России не планирует проведения реформ, что ее политическая система все больше приобретает черты авторитарной, а экономика остается исключительно сырьевой. Последние годы российская власть приспособилась к существованию в условиях перманентного кризиса и стагнации экономики, игнорируя наличие серьезных внутренних проблем, связанных с отсутствием реформ, диверсификацией экономики, разделением бизнеса и власти.

Сложившаяся экономическая ситуация обусловлена в первую очередь отсутствием у государства внятной стратегии управления, когда вместо системного подхода к оценке последствий принимаемых решений главенствующим является принцип запоздалой реакции на внешние и внутренние вызовы. Это и резкое падение цен на нефть, и введенные мировыми державами санкции, и ответные российские контрсанкции, и низкая эффективность системы государственного управления. При этом решения принимаются правительством в «ручном режиме», исходя из конкретных обстоятельств, каждый раз по-новому отражающих проблему и заставляющих руководство страны изменять сценарий поведения. Здесь можно говорить о стандартной запоздалой реакции властей на ухудшение экономических условий и создании рутинного алгоритма принятия антикризисных планов в зависимости от изменения цен на нефть.

¹ <http://izvestia.ru/news/675916>

² Специальный представитель губернатора Санкт-Петербурга по вопросам экономического развития, кандидат экономических наук. Автор 36 научных публикаций, в т. ч. статей: «Управление инновационным развитием региона: системный подход» (в соавт.), «Стратегия развития инновационного предпринимательства в регионе», «Система управления трудовыми ресурсами Санкт-Петербурга», «Формирование и развитие региональной инновационной политики», «Основные направления развития малого предпринимательства в Санкт-Петербурге» и др. Член Экономического совета при губернаторе Санкт-Петербурга. Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, благодарностями и грамотами губернатора Санкт-Петербурга, Президента РФ.

³ Профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук, генеральный директор Межрегионального маркетингового центра. Автор 222 научных публикаций, в т. ч.: «Кластерный подход к формированию системы управления инновационным предпринимательством», «Инновационное развитие как фактор экономического роста», «Научные основы формирования инновационной региональной системы», «Стратегия комплексного развития мегаполиса на основе менеджмента качества», «Управление инновационным развитием региона: системный подход» (в соавт.) и др.

⁴ <http://www.fontanka.ru/2017/02/14/128/>

В конце 2015 года правительство объявило о достижении дна кризиса и приняло антикризисную программу стоимостью 750 млрд рублей. Когда выяснили, что дна еще не достигли, правительство разработало еще один план стоимостью уже более 800 млрд рублей; через две недели эта сумма была увеличена на 20 %. Правительственные вариации на тему антикризисного планирования свидетельствуют об отсутствии у него стратегического видения перспектив экономической политики в условиях жесточайшего кризиса.

В этих условиях при наличии многочисленных рисков, неясных или противоречивых целей управления экономическими процессами появляется потребность в сценарном подходе к решению кризисных задач. Построение сценария — по сути, механизм выработки новых целей в условиях радикального выбора, при необходимости внесения базовых изменений в перспективные и текущие планы. Разработка сценария представляет собой процесс формулирования новых целей в условиях, когда объект управления стоит перед необходимостью принятия принципиально новых решений, когда оценивается эффективность предпринятых действий. После признания варианта предпочтительным и реализуемым все усилия субъекта управления должны быть направлены исключительно на него, он становится единственной целью. Именно поэтому сценарный метод является средством не столько достижения цели, сколько ее поиска¹.

В период 2008–2013 годов экономисты осознали, что сырьевой сектор фактически утратил способность быть единственным фактором поддержания темпов роста. Сложилась ситуация, когда мировая экономика уже не в состоянии позволить стране зарабатывать исключительно на сырье. Да и сами сырьевые компании сегодня понимают, что в условиях сравнительно низких текущих цен на нефть и угрозы появления на рынке сланцевого газа или больших объемов иракской нефти Россия в ближайшей перспективе может столкнуться со снижением своего экспорта из-за недостаточных инвестиций в новые месторождения.

Следует отметить, что за годы кризиса исчезла еще одна иллюзия, связанная с надеждой на инновационные факторы, ассоциировавшиеся с ИТ-технологиями и рядом инноваций. Сегодня об инновациях как основе экономического подъема почти не говорят. Между тем научно-техническая деятельность становится обычной составляющей экономики крупных и средних компаний. Российская экономика, будучи рыночной по определению, постоянно находится в поиске структурных преобразований, которые позволили бы диверсифицировать ее. К началу 2017 года в результате поисков в ней сформировались по крайней мере три сектора роста, которые по масштабу деятельности могут превзойти сырьевые компании. Рост инвестиций в эти сектора можно рассматривать как реальный сценарий развития экономики региона. В сфере их влияния — спрос и хорошая доходность, что позволит этим секторам оказать положительное влияние на всю экономику. Данные сектора включают военно-промышленный комплекс,

транспортную инфраструктуру и жилищно-коммунальное хозяйство.

Санкт-Петербург, являясь одним из крупнейших научно-технических и образовательных регионов России, активно развивает три указанных сектора, в связи с чем представляет интерес перспектива развития его экономического потенциала.

Сегодня очевидно, что экономика Санкт-Петербурга начинает приобретать черты экономики знаний, о чем свидетельствует тот факт, что в валовом региональном продукте (ВРП) растет доля непродовольственного сектора, в том числе образования и здравоохранения. Следует подчеркнуть, что речь идет о снижении не объема промышленности, а ее доли в ВРП. При этом в ближайшей перспективе промышленность сохранит свою роль в качестве одного из базовых секторов экономики Санкт-Петербурга. В целом экономический тренд имеет положительную направленность вследствие ряда особенностей городской экономики: хорошая кредитная история, высокие кредитные рейтинги. Список стран, с которыми город имеет торговые отношения, за последние годы стал на несколько десятков больше. Однако главным фактором роста экономики является ее диверсификация. У Санкт-Петербурга нет какого-либо одного сектора, который определяет развитие остальных сфер, доминирует над ними. Самое главное — в городе не снизились темпы ввода жилья, которые составили 100,3 %.

Что касается уменьшения общего объема строительных работ, то эта тенденция сопровождается повышением их качества. Во-первых, прекратилась практика организации строительства без проектно-сметной документации, что раньше встречалось достаточно часто. Во-вторых, город перестал принимать в эксплуатацию неготовые дома. В-третьих, в предыдущие годы, когда строилось много жилья, Санкт-Петербург испытывал серьезное отставание в плане инженерной и социальной инфраструктуры. Это, в свою очередь, вызывало непонимание и недовольство населения. В настоящее время найден компромисс: достигнуты договоренности, что ряд объектов инфраструктуры будет возводиться за счет застройщиков.

Следует также обратить внимание на другой показатель — общий оборот организаций Санкт-Петербурга, который за прошлый год составил 104,1 %. Кстати, по сравнению с октябрём 2015 года, число убыточных организаций снизилось — тогда их было около 20 %. То есть идет естественный процесс — так и должно происходить в условиях реструктуризации промышленности, развития предприятий с более высокой добавленной стоимостью, наукоемким производством. Сегодня результаты этой деятельности постепенно начинают сказываться. Старые предприятия закрываются, появляются новые (фармацевтика, автомобилестроение, электроника, связь). Причем новые отрасли промышленности, с новым оборудованием, новыми технологиями и новыми специалистами, доля которых пока не очень велика, развивались в прошлом году хорошими темпами.

Поэтому прогноз развития экономики города в целом оптимистичный. Должен появиться эффект от ин-

¹ Пригожин А. И. Управленческие идеи. М., 2015.

вестиций в реальный сектор экономики, которые реализовывались в предыдущие годы. Начнут работать новые современные производства, созданные в особых экономических зонах. Поэтому в целом промышленное производство должно вырасти примерно на 2 %. Показатели строительной отрасли составят чуть меньше 100 % от уровня 2015 года.

Комитетом по экономической политике Правительства Санкт-Петербурга разработан базовый сценарий развития экономики города, в котором к 2035 году ВРП вырастет на 3 %, инвестиции — с 18 до 20 %. Население города за предстоящие два десятилетия увеличится до 5,8 млн человек, при этом зарплаты будут расти на 5 % в год. В условиях выполнения данных показателей реальным становится сценарий развития под кодовым названием «базовый плюс». Согласно ему рост ВРП прогнозируется на уровне не менее 3 % в год с увеличением до 4,6 % к 2035 году; инвестиции при этом вырастут до 22 % через 18 лет.

Наконец, разработан целевой сценарий, в соответствии с которым предусмотрен рост ВРП до 5 % к 2035 году. Основной прирост ВРП обеспечат фармацевтика, информатика, туризм, оптовая торговля нефтепродуктами и розничная торговля — за счет увеличения потребительского спроса. При этом, согласно прогнозу, должна снизиться доля обрабатывающей промышленности и строительства и увеличиться «экономики знаний», а доля высокотехнологичных и наукоемких отраслей к 2035 году вырастет на 45 %. Зара-

ботная плата увеличится в среднем до 133 тыс. рублей по сравнению с нынешними 44 тыс. рублей. По оценке Комитета по экономической политике, в прогнозный период ожидается снижение индекса потребительских цен со 117,4 до 103,8 % в год.

По прогнозу Комитета по экономической политике, изменится финансирование жизненно важных сфер города. Например, расходы по объектам образования в структуре адресно-инвестиционной программы существенно увеличатся — с 7 (2018–2019 гг.) до 39 % (2020–2025 гг.) с последующим снижением до 15 % по базовому сценарию и до 29 % по целевому к 2035 году. Расходы на транспортную инфраструктуру сначала снизятся с 48 до 30 % (к 2025 г.), а затем вновь будут увеличены до 44 % (к 2035 г.)¹.

В заключение можно отметить, что эффект от финансовых вложений в развитие ВПК, транспортную инфраструктуру и ЖКХ придаст положительный импульс промышленности, строительству, отраслям производства новых материалов и энергосберегающим технологиям. Результаты такой реструктуризации наверняка превзойдут эффекты, достигнутые при эксплуатации сырьевой модели экономики. По существу, развитые западные экономики были построены благодаря аналогичным проектам (разветвленная транспортная сеть, жилье для всех). Наше очевидное преимущество состоит в том, что наступает момент, когда можно использовать лучшие передовые технологии, обладающие необходимым потенциалом на международных рынках.

**С. В. Кузнецов²,
Н. М. Межевич³**

ГЛОБАЛЬНАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ В ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ КАК СРЕДНЕСРОЧНАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Возможности прежней модели мирового экономического развития исчерпаны. Позитивные экономические перспективы будут характерны лишь для стран, выстраивающих альтернативные модели глобального сотрудничества, причем не для стран-одиночек (какими бы крупными игроками они ни были), а выступающих совместно с другими государствами-партнерами в роли «точек сборки» общих масштабных проектов. Мирные финансовые институты, находящиеся под амери-

¹ <http://www.fontanka.ru/2017/02/14/128/>

² Директор Института проблем региональной экономики РАН (Санкт-Петербург), руководитель научной лаборатории комплексного исследования пространственного развития регионов ИПРЭ РАН, доктор экономических наук, профессор. Автор более 260 научных публикаций, в т. ч.: «Экономическое пространство. Теория и практика» (в соавт.), «Формирование инвестиционной политики в социальной сфере региона» (в соавт.), «Управление социальными процессами развития региональной экономики» (в соавт.) и др. Заместитель главного редактора журнала «Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития». Член Экономического совета при губернаторе Санкт-Петербурга, эксперт Комитета по социальной политике Совета Федерации РФ. Академик Европейской академии естественных наук. Награжден медалью «В память 300-летия Санкт-Петербурга», орденами и медалями Российской академии естественных наук и Европейской академии естественных наук.

канским контролем, не смогли адекватно отреагировать на происходящие в последние годы события, что подтвердило недостаточное соответствие их деятельности потребностям современного многополярного мира. Так, при наметившейся тенденции к увеличению доли развивающихся стран в Международном валютном фонде

³ Профессор кафедры европейских исследований Санкт-Петербургского государственного университета, директор Центра трансграничных исследований факультета международных отношений СПбГУ, ведущий научный сотрудник Института проблем региональной экономики РАН, доктор экономических наук. Автор более 140 научных и учебно-методических публикаций, в т. ч.: «Внешнеэкономические аспекты российской промышленной модернизации», «К вопросу о ключевых историко-географических характеристиках Ленинградской области», «Идентичность и границы: актуальные вопросы теории и реальности восточной части Балтийского региона», «Новые императивы развития российской экономики в условиях взаимных торговых и финансовых ограничений» (в соавт.), «Некоторые аспекты эволюции пространственного устройства Российского государства» (в соавт.), «Международный контекст российской политики хозяйственного освоения Арктики» (в соавт.) и др. Член редакционного совета журналов «Управленческое консультирование», «Балтийский курс», «Балтийский регион», «Восточная Европа: перспективы». Член Русского географического общества, Российской ассоциации исследователей международных отношений, Российской ассоциации политической науки.

доминирующие позиции и право вето по-прежнему сохраняют только развитые страны. Из-за отсутствия инструментов по предотвращению и минимизации последствий кризисных явлений и рычагов влияния на стратегии участников рынка мир столкнулся с серьезными экономическими потрясениями и — как результат — с ростом глобальной экономической и социальной нестабильности. «Безумный, вышедший из-под всякого контроля рост американских производных ценных бумаг, задача заведомо безвозвратных кредитов и многоуровневая “перепаковка рисков” стали непосредственными причинами глобального финансового кризиса в 2008 году. При этом условия, которые тогда породили мировой катаклизм, не устранены до сих пор».

Семь лет назад министр иностранных дел России С. В. Лавров, подводя итоги кризисного 2009 года, сделал, тем не менее, достаточно оптимистическое заявление: «В целом международные события прошлого года в своей совокупности — будь то экономика, финансы, проблематика изменения климата и многое другое — способствовали формированию объединительной повестки дня для всего мирового сообщества»¹.

Обратим внимание на два момента. Во-первых, повестка дня неэкономического министерства приобретает все более экономический и глобальный характер. Во-вторых, объединительная повестка дня могла быть сформирована, если бы экономика определяла ее содержание. Однако ситуацию в мире определяет политика. В результате новой формой проявления мирового кризиса стал политический кризис, разрушающий привычную форму организации мировой экономики.

С одной стороны, у «атлантического проекта» сегодня отсутствует позитивная программа, хотя и имеются масштабные ресурсы. Подтвердилась гипотеза Роберта Кагана: «Станет ли мир, в котором Россия, Китай и Индия будут иметь большее право голоса, лучше, станут ли его больше любить либералы? Искренне в этом сомневаюсь»². С другой стороны, альтернативная повестка для глобальной экономики, так или иначе связанная с экономической интеграцией, находится в процессе разработки³.

Однако независимо от этого уровень макроэкономической неопределенности в 2016 году существенно вырос. Мировые и европейские риски значимы для России. Тем не менее влияние перечисленных внешних шоков смягчено определенной изолированностью российской экономики от мировых рынков капитала, взаимными санкционными режимами⁴. Различные инструменты «наказания» России, конечно, могут ухуд-

шить эффективное развитие нашей страны. Однако при этом следует помнить предупреждение, сделанное двумя высокопоставленными экспертами, в недавнем прошлом сотрудниками Госдепартамента США: «До сих пор Запад больше был нацелен на наказание России и ее лидеров... чем на решение проблем в отношениях, которые завели стороны в тупик»⁵.

В настоящее время в Российской Федерации придается особое значение тенденциям мирового развития, которые позволяют использовать реальные или воображаемые преимущества нашей страны⁶. В этом контексте Европа не может не привлекать нашего внимания. Однако первые осложнения возникли до кризиса 2008–2009 годов, и первопричины нынешнего «аварийного» состояния ЕС следует искать внутри него самого. Экономика объединенной Европы развивается существенно медленнее, чем мировая экономика. В ближайшие годы экономика европейского макрорегиона будет развиваться в весьма непростой ситуации. Европа не может быстро реагировать на происходящие перемены. Несмотря на разнообразие структур европейских экономик, промышленный сектор Европы в целом стагнирует, поэтому возможности для возвращения к устойчивому росту ограничены.

Как десять лет назад отметил российский министр иностранных дел, «в действиях Евросоюза с недавних пор стала появляться коллективная односторонность, когда любой член может потребовать солидарности по любой собственной проблеме. Как результат — блоковая позиция, негативно сказывающаяся на наших отношениях с ЕС. Индивидуальные интересы членов ЕС нам известны; со многими из них двусторонние отношения не отягощены искусственными барьерами и развиваются куда более продуктивно, чем с брюссельскими структурами»⁷. Однако после 2014 года ситуация начала меняться. Первый звонок — кризис в экономике Греции. «Парадоксально, но чем более спокойным будет выход Греции из еврозоны, тем хуже это отразится на остальной еврозоне. Если Gxexit окажется безболезненным, уже к концу года мы увидим в странах периферии рост активности политических партий, призывающих к выходу из еврозоны»⁸. Именно так и произошло.

В дальнейшем появились основания говорить о том, что «ключевыми проблемами... выступают нарастающие диспропорции в самой европейской банковской системе и дисбаланс в финансовых механизмах ЕС и США, усиливающиеся вследствие решения большинства участников референдума в Великобритании 23 июня в пользу выхода страны из Евросоюза»⁹.

⁵ Чапан С., Шаниро Д. Как избежать новой холодной войны // Россия в глобальной политике. 2014. 14 окт. URL: www.global-affairs.ru/ukraine_crysis/Kak-izbezhat-novoi-kholodnoi-voiny-17041

⁶ Международные отношения: рациональный мировой порядок? : рабочая тетрадь. 2016. № 34 / А. В. Кортунов [и др.] ; гл. ред. И. С. Иванов. М. : НИ РСМД, 2016. С. 4.

⁷ Лавров С. В. Внешняя политика России: новый этап // Эксперт. 2007. 17 дек. С. 76.

⁸ Внешние шоки 2015 года: неприятно, но без катастрофы // Сбербанк : бюллетень. 2015. 20 июля. С. 5.

⁹ Искендеров П. Банковский кризис в Европе в контексте геополитики. URL: https://interaffairs.ru/news/show/15831/?utm_source=email&utm_medium=email&utm_campaign=31.08.2016_all 22.08.2016

¹ Стенограмма выступления и ответов министра иностранных дел России С. В. Лаврова на вопросы СМИ на пресс-конференции, посвященной внешнеполитическим итогам 2009 года. Москва, 22 января 2010 года. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/0B514CB49F82A439C32576B40053C70E

² Rosja i Chiny zagrażają światu. 19.01.2008. URL: <http://wiadomosci.dziennik.pl/wydarzenia/artykuly/68573,rosja-i-chiny-zagrazaja-swiatu.html>

³ Кузнецов С. В., Межевич Н. М. Европейская и постсоветская экономическая интеграция: тенденции развития к 2013 году // Управленческое консультирование. 2013. № 5 (53).

⁴ Кузнецов С. В., Межевич Н. М. Новые императивы развития российской экономики в условиях взаимных торговых и финансовых ограничений // Проблемы теории и практики управления. 2014. № 11.

Что же произошло? «Единая валюта должна была стать вершиной европейского строительства, но в действительности оказалась причиной его упадка»¹. Кризисные явления в Европейском Союзе накапливались давно. Если взять такой показатель, как ВВП на одного жителя (наилучший показатель реального богатства населения), то мы увидим, что с 1999 года он ощутимо вырос лишь в одной стране — Германии. Это логично, так как в основе евро лежат западногерманская марка, ее политический и экономический авторитет и возможность.

Ключевой проблемный момент в отношениях США и Европы — взаимный пересмотр трансатлантических отношений как в экономике, так и в политике. В современной Европе никто не возражает против американской военно-политической опеки, однако к тотальному контролю никто, кроме Польши и Прибалтики, не готов. При этом для США ключевая задача — поддержание сильного доллара. В этом контексте американцам не интересна Европа как конкурент в глобальных финансах. Тем более что ключевой союзник — Великобритания — дистанцируется от европейской зоны нестабильности.

Сегодня «Еврозона работает подобно системе жесткого паритета, уподобляясь в этом золотому стандарту начала 1930-х годов. Причем возможным девальвировать этот паритет у нее нет. Экономистам прекрасно известны все отрицательные стороны подобной системы. Она препятствует естественной коррекции, которая необходима, потому что экономики обладают разными траекториями прироста произво-

дительности и инфляции»². Осознание этого обстоятельства произошло после 7 марта 2017 года. Лидеры Франции, Германии, Италии и Испании официально высказались за развитие «Европы разных скоростей». Это неизбежно отодвинет Прибалтику, Польшу, Венгрию, балканские страны к категории «второй Европы» и приведет к свертыванию финансового измерения евроинтеграции³.

Для понимания текущей ситуации важна информация о панамских офшорах 2016 года. Эта информация подтверждает то, как мировая финансовая элита живет в глобальном финансовом мире, отказываясь платить налоги даже в бюджет собственной страны. Десуверенизация элиты — способ ее самозащиты. При этом очевидно, что, если правящие элиты по-прежнему не смогут предложить убедительного решения экономических проблем, они будут реформированы. В британской, американской политических моделях кризис начался с экономики. Рост благосостояния примиряет людей с экономической и социальной нестабильностью. Его отсутствие в сочетании с нестабильностью дестабилизирует как национальные режимы, так и мировую экономику⁴.

Подведем итоги. Текущий кризис носит системный экономико-политический характер и не может быть преодолен атлантическим миром целиком. Произойдет отбрасывание слабого звена — Европы, которая в свою очередь сбросит с Брюсселя избыточные обязательства перед Польшей, Прибалтикой и т. д. Для национальной экономики это означает масштабные вызовы внешних рисков.

А. В. Кузьмин⁵

ФОРМ-ФАКТОРЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА КАК ОСНОВАНИЕ СЛЕДОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫМ ИНТЕРЕСАМ

В современной правовой системе юридически значимым ориентиром для оценки качества национального права выступают международно-правовые стандарты. Они формируются путем юридической формализации единой (общей либо множественной) воли участников межгосударственных отношений посредством заключения международных договоров или путем издания актов межгосударственных организаций.

Формируя национальное право, законодатель ориентируется на нормы международного права — как

универсальные, так и отраслевые и региональные. Зачастую необходимость следования требованиям международного права (международно-правовым стандартам) выступает одним из инструментов коррекции национального законодательства.

Например, п. 4 ст. XVI Марракешского соглашения о создании Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 года устанавливает требования к государствам — участникам ВТО по вопросу приведения в соответствие этому Соглашению национального законодательства: «Каждый член обеспечивает соответствие

¹ Сатир Ж. Евро против Европы : доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». М., 2017. С. 3.

² Там же. С. 12.

³ Кузнецов С. В., Межевич Н. М. Императив экономической интеграции России и Европы в условиях глобализации и системного кризиса мировой экономики // Экономика качества. 2014. № 4.

⁴ Межевич Н. М. Европа от Лиссабона до Владивостока: общие и частные интеграционные вызовы // Проблемы и перспективы взаимодействия между Европейским Союзом, Украиной и Россией в новых условиях : материалы сб. науч. тр. ассоциации «Центр исследований экономического и социокультурного развития стран СНГ, Центральной и Восточной Европы» / под ред. С. Г. Арбузова, Р. С. Гринберга. М., 2015.

⁵ Заведующий кафедрой гражданского права и процесса Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, кандидат юридических наук, доцент. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Теоретико-правовые и отраслевые основы механизма правосознания», «Юридическая деятельность: проблемы единства позитивистского и естественно-правового начал», «Формирование права: нематериальные факторы»; статей: «Национальное право и суверенитет как сфера глобализационных рисков», «Государства de facto: внутреннее законодательство о международном праве и внешних сношениях», «Правовой обычай: практика российских судов общей юрисдикции» и др. Главный редактор журнала «Theory and Practice of the restoration of rights».

своих законов, иных нормативных актов и административных процедур своим обязательствам, вытекающим из прилагаемых Соглашений».

Вместе с тем глобализационные, регионалистские или иные двух- или многосторонние процессы далеко не всегда предполагают формирование международно-правового стандарта, который в силу факта своего существования призван служить национальным законодателям в качестве ориентира. Это возможно и вследствие необязательности для государства нормы международного права в силу содержания международного договора, и вследствие установления государством приоритета национального законодательства над международным.

Таким образом, снижается значимость международно-правовых стандартов в качестве общеобязательных для национального законодателя правил. Следовательно, в этих условиях необходимо использовать иную категорию, содержание которой, с одной стороны, выводит категорию «международно-правовые стандарты» за рамки возможного игнорирования национальным законодательством, с другой — позволяет исследовать с политико-правовой точки зрения процесс выбора экономически и политически целесообразного варианта участия в межгосударственных отношениях.

Для этого представляется возможным экстраполировать на сферу международного права техническую категорию «форм-фактор». В технической сфере под форм-фактором принято понимать определенный «стандарт, задающий габаритные размеры технического изделия, а также описывающий дополнительные совокупности его технических параметров, например форму, типы дополнительных элементов, размещаемых в/на устройстве, их положение и ориентацию».

Введение данной категории в международное право позволит разграничить легализационные и легитимационные аспекты международно-правовой стандартизации. Так, международно-правовые стандарты суть требования легализации правила, то есть приведения нормы национального права в соответствие с нормами права международного. А форм-факторы международного права суть ориентиры для приведения норм национального права в соответствие с международным, но исключительно в формате факультативного следования национальным интересам.

Так, 15 сентября 2016 года Совет Европейского Союза принял решение 2016/1671¹ о продлении ограничительных мер против России. Верховный представитель ЕС по вопросам внешней политики и безопасности Ф. Могерини особо подчеркнула: «Страны-кандидаты Черногория и Албания, а также страны Европейской ассоциации свободной торговли Лихтенштейн и Норвегия, входящие в Европейское экономическое пространство, а также Украина присоединяются к настоящему решению Совета. Они будут обеспечивать, чтобы их национальная политика соответствовала этому решению Совета. Европейский Союз принимает к сведению это обязательство и при-

ветствует ему»². Факт присоединения к решению международной организации государства, которое не является ее членом, как раз и позволяет рассматривать упомянутое решение ЕС в качестве форм-фактора. А указанные государства, осуществляя свою экономическую и политическую деятельность с учетом национальных интересов, выбрали вариант присоединения именно к этому решению.

Именно форм-факторы международного права позволяют участникам международных отношений принимать решения в политико-экономической, социально-культурной и других сферах в контексте собственных национальных интересов. Не секрет, что формирование многополярного мира в настоящее время встречает весьма устойчивое противодействие со стороны глобальных межгосударственных объединений. Имея возможность принимать решения в собственных интересах (политических и экономических — главным образом, в ментальном и культурном — в меньшей степени), государства не только и не столько выражают свою мировоззренческую позицию, сколько признают единство интересов с государствами — центрами силы. Наглядным примером выступает известная Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/68/262 о территориальной целостности Украины, которая фактически трендировала политические приоритеты государств — участников ООН, разделив их на три лагеря. При этом: а) сторонников указанной резолюции абсолютно не интересовало ни мнение жителей Крыма, ни то, какие действия украинских экстремистских политиков привели к самой возможности подобного решения; б) присоединение к той или иной позиции при голосовании ставилось в зависимость прежде всего от позиции государства — центра силы (в данном случае США или России). Представив, что представитель США высказался бы за присоединение к позиции России, можно с уверенностью предположить кардинальное изменение итогов голосования по данному вопросу.

В связи с этим достаточно актуальным форм-фактором международного права для государств бывшего СССР выглядит функционирование нового интеграционного объединения на пространстве Евразии — Евразийского экономического союза (ЕАЭС): «Евразийская идея предполагает объединение ряда стран бывшего СССР с целью совместного экономического подъема до уровня, приемлемого для дальнейшей интеграции с ЕС на условиях равноправия»³.

Таким образом, исходя из изложенного, представляется возможным сделать следующие выводы.

1. Разграничение международно-правовых стандартов как общих универсальных легализованных норм и международно-правовых форм-факторов и следование генеральной политической или экономической линии государств — центров силы позво-

² Declaration by the High Representative on behalf of the EU on the alignment of certain countries concerning restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine. URL: http://www.consilium.europa.eu/press-releases-pdf/2016/10/47244649428_en.pdf (дата обращения: 10.01.2017).

³ *Запесоцкий А. С.* Борьба США за контроль над Евросоюзом // Современные глобальные вызовы и национальные интересы : XVI Междунар. Лихачевские науч. чтения, 19–21 мая 2016 г. СПб. : СПбГУП, 2016. С. 101.

¹ Published on 16.09.2016 in the Official Journal of the European Union (№ L 249. P. 39).

ляют понять пределы легитимности и легальности в международно-правовой системе и прогнозировать политико-экономическую и юридическую картину международных отношений как на глобальном, так и на региональном уровне.

2. Форм-фактор международного права — это установленные в нормах национального права, распростра-

няющихся на сферу межгосударственных отношений, или в нормах международного права положения, действующие в юрисдикциях акторов таких норм и задающие параметры присоединения других субъектов международного права к их (акторов) юрисдикции в отношении соответствующего правила в соответствии с национальными интересами.

Е. А. Куклина¹

К ПРОБЛЕМЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В УСЛОВИЯХ СИСТЕМНЫХ СДВИГОВ И ВЫЗОВОВ

Устойчивое развитие является одной из ключевых задач России, от успешного решения которой зависит достижение ее стратегической цели — повышение качества жизни не только настоящего, но и будущих поколений. Сложность решения данной задачи обусловлена необходимостью предотвращения и минимизации последствий различного рода угроз, негативно воздействующих на экономические системы.

В настоящее время термин «устойчивое развитие» получил широкое распространение. Одними из основных признаков устойчивого развития являются три взаимосвязанные составляющие: экономическая, социальная и экологическая. Необходимо отметить, что существенную роль в экономическом развитии играет качество общественных институтов, поскольку его конкурентность и устойчивость определяются институциональными факторами².

Д. Медоуз считает, что устойчивое общество будет характеризоваться не физическим ростом, а качественным развитием³. Такой же точки зрения придерживается Э. фон Вайцзеккер⁴.

Понятия «рост» и «развитие» определяются при этом следующим образом: расти означает увеличиваться в размерах вследствие поглощения или прироста ма-

териальных ресурсов; развиваться — значит расширять или реализовывать потенциальные возможности, становиться полнее, интенсивнее или улучшать свое состояние. Когда что-либо растет, оно становится больше количественно; когда что-либо развивается, оно становится лучше качественно или по меньшей мере другим.

Количественный рост и качественное улучшение подчиняются различным законам. Наша планета развивается во времени, не увеличиваясь в размерах. Наша экономика, как подсистема конечной и нерастущей Земли, должна адаптироваться к этой модели развития, основанной на понятии «устойчивость».

Критерии устойчивого развития, основанные на триединстве целей: экономический критерий — повышение эффективности функционирования экономической системы; социальный — улучшение качества жизни населения; экологический — обеспечение экологического равновесия.

В соответствии с новой редакцией Стратегии национальной безопасности Российской Федерации⁵ укрепление социальной стабильности, повышение качества жизни, укрепление здоровья населения, повышение конкурентоспособности национальной экономики являются национальными интересами на долгосрочную перспективу. Их обеспечение осуществляется посредством реализации таких стратегических национальных приоритетов, как экономический рост, повышение качества жизни российских граждан, экология живых систем и рациональное природопользование. Очевидно, что указанные стратегические национальные приоритеты соотносимы с целями устойчивого развития.

В контексте реализации экономической цели устойчивого развития с позиций повышения эффективности общественного производства несомненный интерес представляют рекомендации Э. фон Вайцзеккера, Э. Ловинса и Л. Ловинса⁶ о том, как организовать рынки и перестроить налоговую систему таким образом, чтобы благосостояние людей могло расти, а потребление ресурсов не увеличивалось. В связи с этим необходимо отметить, что, по утверждению доктора Э. Ловинса,

¹ Руководитель образовательного направления «Экономическая безопасность», профессор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор экономических наук. Автор 212 научных и учебных публикаций, в т. ч. монографий: «Инвестиционная стратегия развития Северо-Востока России в условиях рыночной экономики», «Формирование экономического механизма устойчивого развития горнопромышленных комплексов», «Теория и методология устойчивого развития региона на основе управления промышленными комплексами», «Современные проблемы управления социально-экономическими системами и процессами», «Устойчивое развитие России в контексте ноосферной парадигмы развития» (в соавт.), «Управление социально-экономическим развитием и туристско-рекреационной деятельностью на федеральном, региональном и местном уровнях: типологический подход» (в соавт.), «Моделирование процессов формирования доходной части бюджета на региональном уровне» (в соавт.) и др.

² Shirley M. M. Institutions and Development // Handbook of New Institutional Economics. Springer : Netherlands, 2005. P. 611–638.

³ Meadows D., Meadows D., Randers J. The limits to growth: the 20-year update. Chelsea Green Pub., 2004; Meadows D., Meadows D., Randers J., Behrens III W. The limits to growth. A report for club of Rome's project on the predicament of mankind. N. Y. : Universe Books, 1972.

⁴ Deutschland: Argumente gegen die ökologisches Phantasie-lösigkeit / hrsg. Ernst Ulrich von Weizsäcker. Berlin ; Basel ; Boston : Birkhäuser, 1994.

⁵ Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. 4 янв. № 1 (ч. II). Ст. 212.

⁶ Вайцзеккер Э., Ловинс Э., Ловинс Л. Фактор четыре. Затрат — половина, отдача — двойная : новый докл. Римскому клубу / пер. А. П. Заварницына, В. Д. Новикова ; под ред. Г. А. Месяца. М. : Academia, 2000.

«...у России есть бесценное богатство — это ее люди, с их стойкостью и находчивостью, внутренней силой и одаренностью, талантом и духовной глубиной», которые могут претворить в жизнь принципы устойчивого развития.

Конкурентоспособность страны определяется производительностью труда. Параметр производительности труда уже включает стоимость продукции страны на рынке и эффективность ее производства¹. Поэтому показатель производительности труда является одним из важнейших и свидетельствует об эффективности общественного производства.

Достижение высокого уровня конкурентоспособности и эффективности экономики России непосредственно зависит от обоснованного выбора национальной специализации и путей включения в международные воспроизводственные центры.

В контексте реализации цели устойчивого развития с позиций социальной справедливости в логике центральной парадигмы новой теории систем, именуемой «система и окружающий мир», необходимо, как нам представляется, обратиться к исследованию немецкого социолога Н. Лумана².

В соответствии с социальной концепцией общества Никласа Лумана, в современном социальном и гуманитарном знании присутствует заметный прагматический мотив, «...современное общество рассматривает опасность со стороны риска и воспринимает их всерьез только как риски...»³. Это обстоятельство обуславливает необходимость достижения социальной цели устойчивого развития в ее экономическом аспекте, с обеспечением экономической безопасности.

В целях визуализации устойчивое развитие, переход к которому является стратегической целью России, можно представить в виде равностороннего треугольника, вершинами которого являются соответствующие цели устойчивого развития (экономическая, социальная и экологическая), а площадь треугольника можно определить как пространство устойчивого развития.

Возможно ли обеспечение устойчивого развития сейчас, в условиях «новой нормальности» — новой реальности?⁴

Особенности нашего времени — возникновение системных сдвигов и формирование новых вызовов, возникающих перед Россией и другими странами, когда геополитика является результатом действия более общих и фундаментальных причин — глубокой трансформации системы миропорядка, приводящей к глобальным тектоническим изменениям как политического ландшафта, так и глобальной архитектуры мира. Новой реальностью стали серьезные геополитические

и геоэкономические сдвиги, формирование новых балансов сил в мировой политике. И если раньше с высокой степенью вероятности можно было предположить, что в мире будет сформирована двухполярная модель, основанная на противостоянии двух великих держав современности — США и КНР, которых иногда обозначают как G2 («Большая двойка»)⁵, а Н. Фергюсон назвал «Кимерикой» (Chimerica = China + America)⁶, то сейчас ситуация меняется.

Постепенно все отчетливее проступают контуры многополярного мира, который, хотя и не отрицает существования двух-трех ключевых экономических центров, на практике означает возврат к модели, хорошо известной в XIX веке, — так называемой модели «концерта стран», уравнивающих интересы друг друга. С поправкой на нынешние реалии речь может идти скорее о балансе интересов ключевых региональных группировок⁷.

В этих условиях «новой реальности» следует дополнить треугольник устойчивого развития осью, которая проходит внутри и является своеобразным «ребром жесткости». Эта ось идентифицируется с экономической безопасностью, то есть четвертой (современной) целью устойчивого развития⁸.

Таким образом, треугольник устойчивого развития в условиях системных сдвигов и вызовов преобразуется в пирамиду (тетраэдр) устойчивого развития. А что происходит с устойчивостью экономических систем?

В исследованиях последних десятилетий центральное место занимает не устойчивость сама по себе или неустойчивость, а вопрос о соотношении этих категорий, который эволюционно трансформировался в проблему взаимосвязи стабильности и нестабильности, определенности и неопределенности.

Адекватным отображением новой реальности является методология сложности, сторонники которой исходят из принципиальной неоднородности, неравномерности и поливариантности развития, предлагая для более полного понимания векторов изменений в сложных системах рассматривать их в динамике, взаимодействии с хаосом и порядком.

В данном контексте достаточно перспективной для целей анализа и прогнозирования будущего является модель развития сложных систем Э. Морена⁹, в которой с позиций общей теории систем и современной теории самоорганизации излагаются оригинальные идеи о процессах жизни и познания, развития человечества.

⁵ Brzezinski Z. The Group of Two that Could Change the World // The Financial Times. 2009. Jan. 14. P. 9.

⁶ Ferguson N. The Ascent of Money: A Financial History The Ascent of Money: A Financial History of the World. N. Y. : Penguin Press, 2008.

⁷ Май В. А., Улюкаев А. В. Глобальный кризис и вызовы экономической политики современной России. М. : Издат. дом «Дело» РАНХиГС, 2015. (Научные доклады: экономика).

⁸ Куклина Е. А. Региональная безопасность в условиях современных инновационных вызовов и угроз // Стратегическое управление в сфере национальной безопасности России: безопасность регионов России : материалы II Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 23 мая 2014 г. / под ред. С. В. Смутьского, А. В. Шевченко. М. : Проспект, 2014. С. 77–83.

⁹ Морен Э. Метод. Природа Природы / пер. и вступ. ст. Е. Н. Князевой. 2-е изд., доп. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013.

¹ Портер М., Такеути Х., Сакакибара М. Японская экономическая модель: может ли Япония конкурировать? М. : Альпина Паблишер, 2005.

² Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / пер. с нем. И. Д. Газиева ; под ред. Н. А. Головина. СПб. : Наука, 2007.

³ Луман Н. Понятие риска // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1994. Вып. 5. С. 135–160.

⁴ Куклина Е. А., Старикова О. В. Устойчивое развитие регионов России и региональная безопасность в контексте new normal // Вестник УрФУ. Сер. «Экономика и управление». 2016. Т. 15, № 3. С. 401–419.

Исследуя беспорядочные движения и случайные взаимодействия в сложных системах, Э. Морен выявил цикл взаимного сопроизводства, ставшего основой концептуальной модели тетраэдра, вершинами которого являются такие категории, как «порядок», «беспорядок», «организация», «содействие» и «столкновение». Предложенная конструкция тетраэдра акцентирует устойчивую логическую взаимосвязь этих категорий.

Так, порядок и организация в логике методологии сложности не могут существовать без взаимодействий и столкновений. Модель тетраэдра Морена означает, что чем больше развиваются порядок и организация, тем более устойчивыми они становятся по отношению

к беспорядку, больше его используют и даже нуждаются в нем.

Определенным аналогом тетраэдра Морена является пирамида устойчивого развития, вершинами которой служат цели устойчивого развития (экономическая, социальная и экологическая), а также принципиальное условие их достижения — обеспечение экономической безопасности. Обе модели имеют триадическую структуру и основаны на триадическом принципе, в соответствии с которым любая триадическая структура функционирует следующим образом: каждая пара элементов находится в отношениях дополнительности, а третий элемент задает меру совместимости и определяет направление к целостности.

В. В. Лапаева¹

ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И СИСТЕМНЫЕ СДВИГИ В СОЦИОНОРМАТИВНОЙ РЕГУЛЯЦИИ

Важной особенностью современного этапа цивилизационного развития является нарастание антропогенных глобальных рисков, представляющих угрозу выживанию всего человечества. Одним из наиболее значимых итогов глобализации стал тот факт, что в наши дни уже никакие государства, социальные группы и даже отдельные люди не имеют той привилегии на безопасность, которой раньше обладали сильные мира сего. Однако в этой равной уязвимости сильных и слабых перед лицом глобальных угроз заключается и надежда на справедливое, то есть правовое, решение общих для человечества проблем. Ведь если глобальные проблемы (от экологического кризиса до терроризма как наиболее яркого проявления кризиса духовного) в принципе решаемы, то они могут быть решены лишь совместными усилиями всего человечества на основе общих принципов и подходов, о которых надо договориться. А для этого нужен правовой договор, представляющий собой соглашение между равными и независимыми друг от друга субъектами. Подобный правовой (не только по форме, но и по сути) договор — редкое явление в международных отношениях, где под видом правового договора между равными зачастую осуществляется сговор между сильными в логике *Realpolitik*.

Очевидно, что нынешнее равенство всех перед лицом общей опасности является неплохой основой для

честного договора. Однако помимо этого необходимы еще как минимум два момента:

— согласие всех субъектов глобального взаимодействия на признание права главным средством общепланетарной соционормативной регуляции;

— консенсус в понимании того, что есть право в современном мире.

1. Глобализация обнажила тот факт, что признанный в евроатлантическом пространстве приоритетный характер права в системе соционормативной регуляции за рамками этого пространства далеко не очевиден. Чтобы понять суть проблемы, необходимо обратиться к истокам современной соционормативной системы, и прежде всего к такому переломному этапу в развитии человечества, как осевое время, когда в самых разных частях планеты люди «странным образом почти одновременно и, по-видимому, независимо друг от друга пришли к универсальным по своей направленности поискам в области религии и философии, к общим ответам и решениям»². В итоге сформировалось единое гуманистическое ядро соционормативной системы, включающей нормы религии, личной и общественной морали (нравственности) и права, которое обеспечило духовное единство человечества перед лицом новых вызовов и угроз, порожденных переходом от бронзового века к железному.

Однако в последующий период расцвета империй и формирования мировых религий в различных регионах мира (в силу комплекса географических и социокультурных факторов) сложилось разное соотношение основных составляющих этого соционормативного ядра. В тех культурах, где самосознание человека ограничивалось преимущественно рамками сообщества, основанного на религиозном, мировоззренческом, национально-этническом и другом единстве, наибольшее развитие получили партикулярные нормы религии

¹ Советник Конституционного Суда РФ, главный научный сотрудник сектора теории права и государства Института государства и права РАН, доктор юридических наук. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч. книг: «Типы правовопонимания: правовая теория и практика», «Право и политика: научные очерки», «Право и многопартийность в современной России», «Конкретно-социологические исследования в праве», «Законодатель и общество», «Вопросы права в “Капитале” К. Маркса»; учебников: «Социология права» и «Российская социология права». Ответственный редактор и соавтор «Комментария к Федеральному закону “О политических партиях”», сборника «Законодательство о науке: современное состояние и перспективы развития». Член редколлегии журнала «Социологические исследования», Научно-методического совета при Центральной избирательной комиссии РФ. Награждена Почетной грамотой Государственной Думы РФ.

² *Veber A. Kulturgeschichte als Kulturosoziologie. Leiden, 1955. S. 7. (Цит. по: Яценко К. Истоки истории и ее цель. М., 1978. С. 201.)*

озного и нравственного порядка¹. А право как особое социальное явление, отличное и от нравственно-религиозных норм, и от властного произвола в форме закона, имело своим духовным истоком греко-римскую традицию юснатурализма, в рамках которой естественное право увязывается с природой человека как разумного существа, обладающего свободной волей. Именно эта связь права с разумной природой человека как абстрактного лица (то есть человека как такового независимо от его национальной или религиозной принадлежности) и придает правовым нормам тот потенциал всеобщности, который выводит право на первый план в системе соционормативной регуляции глобальных отношений.

В настоящее время, судя по всему, человечество вновь подходит к критически важному рубежу, когда для преодоления стоящих перед ним антропогенных вызовов и угроз, чреватых катастрофами глобального масштаба, требуется новый духовный прорыв, способный привести к формированию единой общепланетарной нормативной регуляции и преодолеть таким образом нарастающий хаос в системе глобальных отношений. Такое единство может быть обеспечено лишь за счет доминирования права в глобальной соционормативной системе, поскольку право и только право способно быть общезначимым социальным регулятором.

2. Легитимация права как главного средства решения общепланетарных проблем и разрешения конфликтов, возникающих в глобальном пространстве, во многом будет зависеть от того, удастся ли представителям разных культур и цивилизаций договориться об общих принципах взаимопонимания. Проблема заключается не только в том, что есть целые регионы мира, где право занимает весьма скромную нишу в системе соционормативной регуляции. Не менее важно и то, что понятие права, которое коллективный Запад сейчас настойчиво предлагает остальному миру в качестве универсального регулятора, вряд ли получит всеобщее признание.

Дело в том, что доктрина естественного права, на которой базируется формирующийся сейчас корпус наднационального права (а наибольшее развитие эти процессы получили в пространстве Европейского Союза и Совета Европы), традиционно исходит из отождествления права и морали. Эта традиция юснатурализма, имеющая глубокие исторические корни, выросла из синтеза античной философии (с ее рационалистической трактовкой права как формы упорядочения отношений между людьми на началах справедливости, определяемой через равенство) и христианского мировоззрения (с его нравственно-религиозным пониманием справедливости как любви, милосердия, всепрощения и т. п.)². Присутствие в понятии естественного права партикулярного нравственного начала означа-

ет, что наднациональное (а в перспективе глобальное) право, выстроенное на базе этой правовой доктрины, неизбежно будет ориентировано на нравственные ценности отдельных, наиболее развитых в правовом или сильных в экономическом отношении государств. А это всегда чревато практикой двойных стандартов. Поэтому на глобальном уровне право способно стать общезначимым регулятором только тогда, когда оно вернется к истокам античной рациональности, то есть очистится от вековых нравственно-религиозных наслений, присущих правовым системам отдельных государств и несущих на себе основной груз этнонациональной специфики той или иной внутригосударственной соционормативной системы.

Почему же Запад с его приверженностью рационализму явно не стремится отказываться от архаичной доктрины юснатурализма?

Для ответа на этот вопрос необходимо иметь в виду, что в представлениях о нравственном приоритете естественного права над искусственным (позитивным) правом обнаруживает себя страх перед той позитивистски ориентированной рациональностью, которая имеет антигуманистическую направленность и обладает, как показывает исторический опыт, мощным разрушительным потенциалом. Однако разум, являющийся квинтэссенцией человеческого начала как единства рационального и эмоционального, способен преодолеть антигуманные издержки рациональности. Поэтому вектор правового развития должен быть направлен не «назад к природе» (не назад — к естественному праву), а вперед — к освоению гуманистического потенциала того разумного начала, которое и делает человека человеком. Именно такая перспектива правового развития обозначена в либертарной теории права³, где идея права рационализирована и доведена до формально-логического завершения, в результате чего *принцип формального равенства в свободе*, трактуемый как сущностный признак права, по сути, предстает как *принцип разумности*. При этом в рамках формального правового равенства сохраняются гуманистические начала разума, наполняющие правовые формы адекватным социальным содержанием.

То обстоятельство, что Запад явно не расположен к признанию такого подхода к взаимопониманию, основанного на принципе формального равенства, обусловлено не только потребностями современного человека в обеспечении «объективно необходимой формы защиты (своеобразных “сдержек и противовесов” природы против культуры) “естественного” (вне человека и в нем самом) от опасностей и угроз “искусственного”»⁴. Помимо этой глубинной причины, порождающей стремление выстраивать планетарный правопорядок на основе доктрины юснатурализма, есть и «субъективные» факторы, среди которых можно выделить: 1) непроясненность некоторых ключевых моментов либертарного взаимопонимания и 2) наличие у Запада собственного интереса в юснатуралистской трактовке глобального права.

¹ Как подчеркивает В. Д. Зорькин, «на базе партикулярных по своей природе религиозных и нравственных ценностей невозможно выстроить всеобщую солидарность». См.: Зорькин В. Д. Цивилизация права и развитие России. М., 2015. С. 216.

² См.: Лапаева В. В. Типы взаимопонимания: правовая теория и практика. М., 2012. С. 85–94. URL: igpran.ru...articles/Lapaeva.Monografiya2012.pdf

³ См.: Нерсесянц В. С. Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 3–15.

⁴ Нерсесянц В. С. Философия права: учебник для вузов. М., 2006. С. 795.

Основной вопрос, который на данный момент остается открытым в либертарной теории права, — это вопрос о том, *кого следует рассматривать в качестве равных субъектов в пространстве правового взаимодействия*. Суть разногласий демонстрирует дискуссия между Ю. Хабермасом и Д. Ролзом о том, какими качествами должно обладать государство, чтобы быть субъектом международно-правовых отношений, а не объектом международно-правового воздействия¹. Предложенная Ролзом классификация человечества на «хорошо организованные либеральные общества», «хорошо организованные нелиберальные общества» и «тиранические и диктаторские режимы», находящиеся в доправовом, естественном состоянии, и поэтому остальные вправе объявлять им войну², по сути, представляет собой классификацию народов по степени их разумности. Хабермас же выступает против подобного «полуравнодушного» структурирования человечества, полагая, что «защита целостности жизненных форм... организованной в государство общности, если дело не идет о геноциде и преступлениях против человечности, имеет преимущество перед осуществлением абстрактных принципов»³.

Эта дискуссия показывает и главную причину заинтересованности Запада в юснатуралистской трактовке наднационального права. Ведь подход к решению общепланетарных проблем на началах принципа формального равенства предполагает, что все субъекты глобального взаимодействия должны быть равноправными партнерами договора. Однако Западу удобнее опираться на освященный веками авторитет доктрины юснатурализма, адаптируя ее к современным реалиям по своему усмотрению. Россия же как субъект глобальных отношений крайне заинтересована в правовом варианте их развития. Но нельзя иметь две разные политико-правовые доктрины — одну для внутреннего, а другую для внешнего пользования. Нужна единая, непротиворечивая в своей философско-правовой основе доктрина политико-правового развития, ориентированная на движение к правовой свободе человека как внутри страны, так и в системе глобальных отношений. Поэтому возможность взаимного доверия между Западом и Россией в вопросах глобального взаимопонимания зависит сейчас в том числе и от того, в какой мере будет реализован на практике закрепленный в Конституции РФ человекоцентристский принцип построения российской правовой системы.

Л. Ф. Лебедева⁴

США И НОВЫЕ КОНТУРЫ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Современные международные отношения характеризуются фундаментальными изменениями на всех уровнях и по всем направлениям взаимодействия — военно-политическим, социально-культурным, информационным, финансовым, торгово-экономическим. Трансформации подверглись сложившиеся к началу текущего столетия основы и принципы мироустройства, переставшие отвечать новым вызовам. «Еще недавно воспринимавшаяся как неизбежность вестернизация почти повсеместно сменяется подъемом регионализма и традиционализма. При этом влияние незапад-

ных стран неуклонно возрастает»⁵. Да и сам Запад уже не столь един в понимании приоритетов, ценностей, вопросов безопасности и становится более полицентричным.

Масштабы и характер происходящих перемен размывают контуры глобальной экономики. Формирование новых центров и новых факторов экономического роста сопровождается перераспределением позиций национальных экономик; активизацией как интеграционных, так и дезинтеграционных процессов; изменениями в политических установках; пересмотром задач и инструментов их достижения в странах мира, в том числе в ведущих мировых державах.

Перелом в подходах к решению глобальных вопросов, выстраиванию отношений с другими странами, выбору формата международных соглашений произошел и в США. Знаменательно, что критика характера и последствий глобализации, заявления о приоритете национальных интересов прозвучали непосредственно из Соединенных Штатов — генератора либеральной модели глобализации. Дональд Трамп одержал победу на президентских выборах, пообещав «вернуть Америке величие», провозгласив курс на возвращение рабочих мест, защиту внутреннего рынка, репатриацию капитала в США, модернизацию торговых отношений, развитие инфраструктуры, регулирование вопро-

¹ См.: Лапаева В. В. Государственный суверенитет как философско-правовая проблема // Тр. Ин-та государства и права РАН. 2016. № 2. С. 70–72.

² Ролз Д. Право народов // Вопросы философии. 2006. № 9. URL: vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view...

³ Хабермас Ю. Расколотый Запад. М., 2013. С. 95.

⁴ Руководитель Центра социально-экономических исследований и проектов Института США и Канады РАН, профессор Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва), доктор экономических наук. Автор более 270 научных публикаций, в т. ч.: «Иностранный капитал в экономике США», «Государство и бизнес: стратегия взаимодействия в экономике XXI века», «США: государство и социальная политика», «Бюджетные приоритеты США», «США: государство–человек–экономика: региональное измерение», «США: государство и социальное обеспечение», «Приоритеты научно-технологической политики США», «Государство и развитие человеческого потенциала в конце XX — начале XXI в.», «Позиции США в международной торговле на новом этапе глобальной конкуренции», «Федеральный бюджет в период президентства Барака Обамы» (отв. ред.) и др. Член редакционных советов журналов «Международная торговля и торговая политика»; «США–Канада: экономика, политика, культура», «Россия и Америка в XXI веке».

⁵ Запесоцкий А. С. Борьба США за контроль над Евросоюзом // Современные глобальные вызовы и национальные интересы: XVI Междунар. Лихачевские науч. чтения, 19–21 мая 2016 г. СПб.: СПбГУП, 2016. С. 100.

сов, связанных с иммиграцией. С приходом к власти он не стал медлить с реализацией своей программы.

Ревизия Трампом наследия его предшественника затронула как внутреннюю, так и внешнюю составляющие политики. Результаты таких перемен могут превзойти и ожидания, и представления о возможных рисках. Указ о выходе США из Транстихоокеанского партнерства (ТТП) новый хозяин Белого дома подписал сразу после инаугурации, перечеркнув тем самым одно из наиболее значимых, с точки зрения Барака Обамы, достижений за два срока его президентства. Все усилия по формированию мегаблоков — Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП), переговоры по которому зашли в тупик, и подписанию Соглашения о Транстихоокеанском партнерстве, принятые предыдущей администрацией, оказались не соответствующими «стратегическим торгово-экономическим интересам США».

Администрация Обамы активно продвигала ТТП как «всеобъемлющее и соответствующее высоким стандартам» соглашение, призванное укрепить позиции США в регионе. Спустя 8 лет после начала переговорного процесса, в феврале 2016 года, представители 12 стран¹ подписали Соглашение о ТТП, но его еще предстояло ратифицировать. Предполагалось, что создание ТТП со странами, на которые приходится около 45 % американского товарного экспорта и 37 % импорта, расширит зону установления американских стандартов, и не только в вопросах торговли. Не стоит забывать и о том, что Соглашение о ТТП должно было стать одним из инструментов «сдерживания» Китая. С отказом США от участия в ТТП и переходом к другому формату взаимоотношений в регионе ожидается корректировка политики на уровне стран и их объединений. Это в полной мере относится и к проекту (с Китаем в роли ключевого игрока) «Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство» (*Regional Comprehensive Economic Partnership*)², для которого открылись новые перспективы.

Что же касается двусторонних торговых отношений между США и Китаем, то в предвыборной программе республиканцев четко отражена обеспокоенность масштабами китайского импорта; тем, что Китай проводит «политику валютного манипулирования, не допускает американские товары в систему государственных закупок продукции и продолжает субсидировать китайские компании»³. Действительно, ежегодный объем китайского импорта достиг около 0,5 трлн долларов (499,2 млрд долл. в 2015 г.), а торговый дефицит с Китаем — 334 млрд долларов, или 2/3 общего торгового дефицита США.

Дефицит торгового баланса — явление для США не новое. Американская внешняя торговля десятилетиями (с начала 1970-х гг.) характеризуется превыше-

нием импорта над экспортом. Сегодня от проводимой США политики и состояния американского рынка, поглощающего импортируемые товары и услуги в объеме 2,76 трлн долларов (2015), зависит немало других национальных экономик. Соединенные Штаты, поддерживающие внешнеторговые отношения более чем с 230 странами и территориями мира, с внешнеторговым оборотом, превышающим 5 трлн долларов, и до президентства Трампа использовали широкий арсенал средств ограничения импорта и экспорта, исходя из национальных интересов. Но крутой поворот в подходах к смене формата соглашений, к выбору инструментов защиты внутреннего рынка усиливает и без того высокую неопределенность в международных экономических отношениях.

Диапазон расхождений в интерпретации масштабных инициатив Трампа очень широк и внутри Соединенных Штатов, и за их пределами. Многие эксперты вспомнили даже период политики жесткого протекционизма, когда в рамках принятого в США в 1930 году Закона Смута–Хоули о тарифах (*The Smoot–Hawley Tariff Act*) были резко увеличены тарифные ставки на импортируемую продукцию, что вызвало ответные меры торговых партнеров с соответствующими последствиями для состояния мировой торговли и экономического развития.

Однако более вероятным сценарием представляется расширение производственной деятельности иностранных компаний в Соединенных Штатах, как это произошло в ответ на протекционистские меры США в середине 1970-х годов. Именно такая реакция последовала со стороны Японии как на правительственном уровне, так и на уровне ведущих компаний, после отказа США от участия в ТТП, заявлений Трампа о необходимости защиты американского рынка, с одной стороны, и об упрощении процесса ведения дел для тех, кто будет заниматься производством на американской территории, — с другой. Уже в начале февраля 2017 года премьер-министр Японии Синдзо Абэ подтвердил важность экономических аспектов двусторонних отношений между Японией и США и готовность реализовать совместные инфраструктурные проекты на территории США, которые могут обеспечить создание там около 700 тыс. новых рабочих мест.

О дальнейшем наращивании производства автомобилей на американском рынке тогда же заявил и президент крупнейшей японской автомобилестроительной компании Акио Тойода. На десяти заводах компании «Тойота мотор» производится свыше половины ее продукции, реализуемой на американском рынке, и эту долю предстоит увеличить. Всего на предприятиях японских компаний в США, многие из которых основали производство на территории Соединенных Штатов еще в прошлом веке, занято 840 тыс. человек — в 2,5 раза больше, чем на предприятиях американских компаний в Японии⁴.

Защита американских производителей по методу Дональда Трампа, безусловно, может способствовать поддержке отраслей промышленности, доля которых

¹ Австралии, Брунея, Вьетнама, Канады, Малайзии, Мексики, Новой Зеландии, Перу, Сингапура, США, Чили, Японии.

² Среди участников Регионального всеобъемлющего экономического партнерства страны — члены АСЕАН (Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины) и 6 государств, с которыми у АСЕАН уже подписаны соглашения о свободной торговле (Австралия, Индия, Китай, Новая Зеландия, Республика Корея и Япония).

³ Republican Platform 2016. RNC. Cleveland ; Ohio, 2016.

⁴ U. S. International Trade in Goods and Services. Japan. Bureau of Economic Analysis. URL: <https://www.bea.gov/international/factsheet/factsheet.cfm?Area=000> (accessed: 04.02.2017)

в ВВП устойчиво снижается, и соответственно увеличению числа рабочих мест. Но в долгосрочном плане дело не только и даже не столько в продукции иностранных конкурентов на американском рынке, «отнимающих рабочие места», а в реалиях постиндустриального мира, новых технологий, изменивших потребности экономики в рабочей силе, отраслевую структуру, формы и характер занятости. Эти изменения носят длительный системный характер с далеко идущими последствиями на национальном и международном уровнях. Не стоит забывать и о том, что в ответ на ограничение доступа импорта на американский рынок могут быть приняты меры, которые затронут экспортное производство США, обеспечивающее 11,5 млн рабочих мест¹.

При рассмотрении возможностей и рисков осуществления предвыборных обещаний президента Трампа для США и глобальной экономики нельзя не учитывать состояние государственных финансов и экономическую ситуацию в Соединенных Штатах. Несмотря на то что с 2010 года в США наблюдался экономический подъем, среднегодовой темп роста американской экономики в годы президентства Обамы составил всего 1,5 % — один из самых низких в истории в расчете на президентские периоды. Ключевые количественные показатели в последние годы демонстрировали положительную динамику, но *темпы* экономического роста остаются неустойчивым (1,6 % в 2016 г.), а динамика многих других индикаторов, принципиально важных для оценки социально-экономической ситуации, демонстрирует широкий спектр накопленных проблем. Это снижение экономической активности населения, увеличение масштабов задолженности по студенческим займам; крайне медленное спустя девять лет после начала кризиса уменьшение доли населения с доходом ниже черты бедности. Уровень безработицы, составивший в декабре 2016 года в среднем по стране 4,7 %, по отдельным группам населения достигает: среди латиноамериканской молодежи 16–19 лет — 18,3 %; среди афроамериканцев того же возраста — 25,7 % (декабрь 2016 г.)².

В отличие от предыдущих посткризисных периодов, когда вслед за восстановлением экономического роста в США наблюдалось улучшение социальных показателей, в первой половине текущего десятилетия их возврат к докризисным значениям существенно отставал от оживления в экономике. Произошло ослабление влияния фактора экономического роста на социальное благополучие. В 2015 году доля американцев с доходом ниже черты бедности (13,5 %) была все еще выше, чем в докризисном 2007-м (12,5 %); а число американцев, получающих продовольственные талоны, за период с 2009 по 2016 год даже возросло — с 33,5 млн человек до 45,4 млн.

Ценой отмеченных итогов президентства Обамы стало беспрецедентное увеличение государственного долга США, достигшего на 1 февраля 2017 года 19,9 трлн долларов, или 62 тыс. долларов в среднем на каждого американца, включая младенцев. Если при

передаче полномочий Дж. Бушем-младшим, который был президентом США в 2001–2008 годах, государственный долг относительно ВВП составлял 70 %, то при передаче полномочий президентом Б. Обамой — 106 %.

В текущем столетии политика Соединенных Штатов осуществлялась в условиях бюджетного дефицита с 2002 финансового года. Однако если в докризисный период ежегодные размеры дефицита были в диапазоне 150–450 млрд долларов, то в 2009 финансовом году дефицит федерального бюджета возрос до 1,4 трлн долларов.

В последующие годы дефицит федерального бюджета уменьшился, став хроническим, но продолжал оставаться на рекордно высоком уровне (587 млрд долл. на 2016 ф. г.), вызывая дальнейший рост государственного долга и выплачиваемых по нему процентов. При этом около трети его объема приходится на иностранных держателей, среди которых лидировали, с портфелями свыше 1 трлн долларов, по данным на ноябрь 2016 года, Япония (1,11 трлн) и Китай (1,05 трлн)³. К тому же задолженность перед Федеральным фондом пенсионного страхования (2,8 трлн долл.) существенно превышает объемы американских казначейских облигаций у Японии и Китая, вместе взятых.

Таким образом, 14 % общего объема государственного долга (19,9 трлн долл.) де-факто финансируется будущими пенсионерами. Пенсионные средства остаются одним из ключевых и наиболее надежных источников обеспечения государственного долга и в перспективе. Даже по наименее благоприятному прогнозу резервы Федерального фонда пенсионного страхования составят в 2021 году 2,5 трлн долларов, а по наиболее благоприятному — 3,1 трлн долларов. Все эти накопления, согласно Закону о социальном обеспечении 1935 года, могут быть инвестированы только в государственные ценные бумаги. Судя по прогнозам динамики государственного долга, эти средства будут исключительно востребованными. По оценкам Бюджетного управления Конгресса, произведенным еще до избрания Дональда Трампа президентом, в 2021 году государственный долг составит 23,2 трлн долларов, но в 2017 году эти прогнозы пересматриваются в сторону повышения.

От такого (*долгового*) наследства нельзя отказаться президентским указом. Но каким образом будет реализовано требование «наложить жесткие ограничения на дальнейший рост государственного долга и ускорить погашение триллионов долларов долговых обязательств с тем, чтобы вновь подтвердить свои принципы ответственного государства», в программе республиканцев не уточняется⁴. При любом сценарии состояния государственных финансов обещает быть серьезным препятствием на пути реализации республиканской программы, предполагающей, в частности, «снятие ограничений на рост военных расходов» при одновременном снижении налогов.

¹ Employment and trade. URL: <http://www.trade.gov/mas/ian/employment/> (accessed: 20. 01.2017).

² The Employment Situation // US BLS. 2017. Febr. 3.

³ Major Foreign Holders of Treasury Securities. US Treasury. Washington, 2017. Jan. 18.

⁴ Republican Platform 2016. RNC. Cleveland ; Ohio, 2016

Новая политика Вашингтона с весьма неоднозначными, в том числе и для самих США, последствиями, дает мощный импульс для «перезагрузки» мирохозяйственных связей, переосмысления глобализационных процессов.

«Какой может быть правовая, политическая, экономическая основа нового миропорядка, которая обеспечила бы стабильность и безопасность, при этом поощряла бы здоровую конкуренцию, не допускала формирование новых монополий, блокирующих раз-

витие? Вряд ли кто-то может дать сейчас абсолютно исчерпывающие, готовые рецепты. Здесь потребуется длительная работа при участии широкого круга государств, мирового бизнеса, гражданского общества...»¹. Трансформации, происходящие на национальном, региональном, глобальном уровнях, меняют представления о центрах силы, ориентирах развития и наряду с сопутствующими рисками открывают новые возможности для корректировки правил взаимодействия и согласования позиций.

А. А. Ливеровский²

ДЕФОРМАЦИЯ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ ВЫЗОВ В НОВЫХ ДЕМОКРАТИЯХ

Эффективная реализация демократических ценностей и принципов стала общепризнанной целью развития цивилизации. В соответствии с современными теоретическими воззрениями данная цель может быть достигнута путем последовательной конституционализации³ общественных правоотношений. По мнению большинства правоведов, только так можно достигнуть устойчивого развития общественной жизни, гарантировать доминирование верховенства права, не формального, а реального воздействия конституции.

Профессор Г. Г. Арутюнян⁴ сделал вывод о том, что стабильное развитие государства связано с уровнем конституционной культуры общества, проживающего на территории государства. В основе конституционной культуры, которую ученый определяет как «исторически сложившуюся, стабильную, обогащенную опытом поколений и всего человечества определенную ценностную систему убеждений, представлений, правосознания», лежат обычаи, традиции и религиозные законы, исполнявшиеся и сохранявшиеся как обязательные условия поведения для представителей определенной социальной общности. Данная методология определяет процесс развития конституционализма, возникающий как реализация в правовых принципах «естественных» ценностей (прежде всего «жизнь человека») и при определенном уровне конституционной культуры при-

водящий к реализации таких высших ценностей, как достоинство человека, его права и свободы. Общество по мере своего исторического развития и территориальных особенностей выдвигает устойчивую систему правовых принципов — *объективных* регуляторов общественных отношений, в какой-то мере противостоящих законам, *субъективно* произведенным органами государственной власти. На высоком уровне развития конституционной культуры конституционализм приобретает системообразующий характер и становится исходным началом правотворческой и правоприменительной деятельности и основополагающей характеристикой социокультурного развития общества⁵.

Тем не менее новое тысячелетие принесло грозные социальные деформации: социальную поляризацию людей, сращивание экономического и политического потенциала во власти, имитационную реализацию демократических институтов. В так называемых странах новой демократии (государствах Центральной и Восточной Европы) достигает опасных масштабов коррупция. Эти страны вместе с Россией в конце XX века пережили конституционную революцию — изменение фундаментальных конституционных принципов. Несмотря на это, перечисленные кризисные явления не характеризуются «планетарностью», но их европейское «звучание» весьма впечатляет. И еще: в Послании Президента Российской Федерации Федеральному собранию (2016) указывается, что коррупция остается серьезным препятствием для развития России.

Конституционная реформа 1993 года изменила коммунистическую систему ценностей, формально заменив их на содержательно иные: свобода частного предпринимательства, равноправие всех видов собственности. По справедливому утверждению Н. В. Витрука⁶, социальные ценности конкретного общества социаль-

¹ Путин В. В. Мировой порядок: новые правила или игра без правил? : выступ. на заседании Междунар. дискус. клуба «Валдай», 24 октября 2014 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/46860>

² Заведующий кафедрой конституционного права Санкт-Петербургского государственного экономического университета, профессор кафедры отраслей права СПбГУП, доктор юридических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч.: «Юриспруденция и математика (общность познавательных структур)» (в соавт.), «Уточнение смысловых представлений о конституционном нормоконтроле», «Рациональная методология конституционного правопонимания», «Объективность решений органов нормоконтроля», «Объективность правоприменительных действий судьи органа конституционной юстиции», «О правопонимании в конституционной юстиции» и др. Награжден медалью «В память 300-летия Санкт-Петербурга», грамотой губернатора Санкт-Петербурга и др.

³ Крусс В. И. Конституционализация права: основы теории. М. : Норма : ИНФРА-М, 2016.

⁴ Harutunian G. G. Constitutional culture: The lessons of history and the challenges of time. Yerevan, 2009.

⁵ Арутюнян Г. Г. Конституция и конституционализм в контексте конституционной культуры нового тысячелетия // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11 : Право. 2014. № 1. С. 22–34 ; Harutunian G. G. New millenium constitutionalism: paradigms of reality and challenges. Yerevan : NJHAR, 2013. P. 64.

⁶ Витрук Н. В. Конституция Российской Федерации как ценность и конституционные ценности: вопросы теории и практики // Конституционные ценности: содержание и проблемы реализации : материалы Междунар. науч.-теор. конф. 4–6 декабря 2008 г. : в 2 т. М., 2009. Т. 1. С. 12.

но детерминированы и очень устойчивы в общественном сознании, поскольку связаны с реальной действительностью, с потребностями и интересами участников общественных отношений. Поэтому кардинальное изменение системы ценностей трудно воспринимается обществом — правосознание как граждан, так и представителей власти во многом осталось советским. В соответствии с политическими установками того времени всеобъемлющую государственную собственность было решено приватизировать, то есть перевести в частное владение. Цель, по европейским стандартам, вполне конституционная, но процедура оказалась российской. В отсутствие адекватного новым конституционным условиям законодательства решались приватизационные задачи усмотрением исполнительных органов, единственной ветви власти, сохранившей в то время системный порядок. В результате государственное имущество за бесценок ушло к предпринимателям, близким к власти¹.

Кроме того, новая власть, наследуя представление советско-партийной бюрократии о властной вседозволенности при условии безусловного конформизма к начальству, восприняла возможность личного обогащения как естественную для номенклатуры привилегию. В дальнейшем возникла необходимость привлечения огромных материальных затрат как для вхождения во власть (финансирование выборов! — *А. Л.*), так и для ее дальнейшего осуществления и сохранения. Был использован рыночный механизм: власть «кредитуется» для проведения выборной кампании, а потом расплачивается с «кредиторами», используя заведомо деформированные с точки зрения нарушения конституционных принципов механизмы власти². *Причастные* к власти предприниматели обогащались в основном в личном или семейном плане, но отдельные средства аккумулировались в этой узкой социальной группе, пользующейся доверием власти, и могли быть востребованы властью. Так возникало «сращение»³ государственных органов и должностных лиц *всех* ветвей власти с приближенными к ней определенными политическими и экономическими силами. Представ-

ляется, что выявленный процесс обогащения высших государственных чинов и предпринимателей, *причастных* к власти, получающих от нее коррупционные преференции, — олигархизация власти — опаснейший вид коррупции, приводящий к разрушению механизмов, обеспечивающих функционирование властных институтов, которые должны действовать исключительно в публичных интересах, а не для самосохранения власти. Г. Г. Арутюнян указывает, что не только России, но и почти всем новым демократиям — странам, недавно прошедшим конституционную реформу в условиях слабой дееспособности государственных демократических структур и деформированности самих политических институтов, свойственно описанное выше явление корпоративной демократии. Подобная деформация конституционализма — мутация конституционных ценностей и принципов — приводит к тотальной криминализации всей социальной системы, а это уже вызов сложившемуся конституционному развитию⁴.

Конституционный Суд Российской Федерации обладает исключительным полномочием корректировать законодательные акты, толкуя совокупность фундаментальных конституционных принципов. Поэтому данный орган конституционного контроля имеет возможность противодействовать деформации конституционного развития. Говоря об огромной и эффективной работе Суда по конституционализации общественных правоотношений, следует отметить некую сдержанность в создании правовых позиций, разрешающих вышеуказанные дефекты конституционного развития. Можно предположить, что в основе данного конформизма лежит правосознание некоторых судей, исповедующих опять же советское представление о единстве государственной власти, препятствующее созданию независимых от властной корпорации правовых позиций. Заглядывая в конституционное будущее, следует предложить процедуру всенародного избрания судьей органа конституционного нормоконтроля, что позволило бы оторвать этот институт от власти и приблизить его к гражданскому обществу.

¹ Экономисты и политологи до сих пор с горечью вспоминают так называемые залоговые аукционы 1995 года — яркий пример «распила» государственного имущества.

² Нарушались конституционные принципы, а не законы, которые принимаются властью и позволяют ей использовать дискреционные полномочия чиновника, пробельность законодательства и судебское усмотрение.

³ Термин «сращение» применительно к структурам власти обычно используется политологами для понимания коррупции как социального явления, затрагивающего глубинные моменты коррупционных проявлений.

⁴ Арутюнян Г. Г. Указ. соч. С. 67.

А. И. Лученок¹

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ОСНОВЕ СОГЛАСОВАНИЯ ИНТЕРЕСОВ СОЦИАЛЬНЫХ МАКРОГРУПП

Процессы международной кооперации определяются сложной системой экономических, политических и социокультурных отношений, что накладывает специфику на законодательство, касающееся деятельности интеграционных структур вообще и региональных объединений в частности.

Трудности правового регулирования деятельности региональных союзов обуславливаются прежде всего частой разнонаправленностью интересов стран-участниц таких союзов. Поэтому создаваемые интеграционные правовые нормы должны обеспечить согласование этих интересов. Но при этом возникает вопрос: о каких интересах следует вести речь — государственных или национальных? Ведь международные правовые акты подписываются от имени представителей государства. Но проблема в том, что в международных отношениях интересы государства выражает правящая элита страны, которую привели к власти определенные группы влияния. При смене власти политика государства по интеграционным вопросам может серьезно меняться. Поэтому отождествление национальных интересов с государственными не всегда оправдано. В основе внешнеэкономической интеграционной политики должны лежать национальные интересы, которые совпадают с государственными в том случае, если выражают интересы основных социальных групп, существующих в обществе.

Эти интересы целесообразно координировать на макроэкономическом уровне. В связи с этим в научный оборот целесообразно ввести термин «социальные макрогруппы» (СМГ), которые трактуются как объединения людей со специфической ролью в экономической деятельности, ориентированные на реализацию групповых и личных интересов членов группы с использованием законодательных и неформальных норм (институтов). Они, во-первых, агрегируют интересы членов СМГ с установлением иерархии интересов по степени приоритетности и выработкой на этой основе общегрупповых целей; во-вторых, выдвигают своих представителей в государственные структуры для реализации групповых интересов; в-третьих, используют средства массовой информации для пропаганды своих целей как в прямой, так и в завуали-

рованной форме. При этом выделяются следующие основные социальные макрогруппы, которые могут существенно влиять на интеграционные процессы: «Индустриально-промышленный комплекс», «Аграрно-продовольственный комплекс», «Банковско-финансовая система», «Домашние хозяйства» и др. Особняком стоит социальная макрогруппа «Государственная власть», которая объективно также имеет свои интересы, заключающиеся прежде всего в сохранении своих властных полномочий.

Интеграционные процессы будут успешно продолжаться до тех пор, пока объединенные общими интересами социальные макрогруппы, выигрывающие от интеграции, будут более влиятельны по сравнению с СМГ, не заинтересованными в углублении международной кооперации. Но практическая реализация интеграционных соглашений может прерваться в том случае, если они начнут серьезно противоречить интересам других влиятельных макрогрупп. Например, развитие торговых отношений с Россией является белорусским национальным интересом, поскольку устраивает практически все СМГ. В то же время попытки подписать соглашение о замене национальной белорусской валюты российским рублем оказались безрезультативными, поскольку это противоречило интересам государственной власти и национальной банковско-финансовой системы в сохранении суверенитета в денежно-кредитной и валютной сфере.

Таким образом, при подготовке правовых актов, регулирующих интеграционные процессы, целесообразно определить, кого на самом деле представляют подписанты соглашений: согласованную позицию основных социальных макрогрупп страны или отдельную СМГ, конфликтующую с другими влиятельными лоббистами? Во втором случае нужны дополнительные переговоры для учета мнения оппонентов — лишь в этом случае подписанные соглашения создадут надежную правовую базу для долговременного существования интеграционного объединения.

Следует также учитывать, что эффективность применения интеграционных правовых норм зависит не только от официально подписанных соглашений, но и от неформальных институтов, имеющих историческую и социокультурную специфику и в значительной степени определяющих характер институциональной матрицы — исторически сложившейся системы базовых институтов, регулирующих взаимосвязанное функционирование основных общественных подсистем — экономики, права, политики и идеологии. Институциональная матрица страны, в которой веками населением руководили абсолютные монархи, будет существенно отличаться от институциональной матрицы страны, граждане которой привыкли рассматривать государство как инструмент гарантирования их политических и экономических свобод. Мы согласны с подходом С. Г. Кирдиной, выделившей два вида институ-

¹ Заведующий отделом макроэкономической и финансовой политики Института экономики Национальной академии наук Беларуси (Минск), доктор экономических наук, профессор. Автор 175 научных публикаций, в т. ч.: «Макроэкономические аспекты обеспечения сбалансированности национальной экономики» (в соавт.), «Макроэкономическое регулирование в условиях Единого экономического пространства» (в соавт.), «Институциональная и макроэкономическая политика», «Институциональные инструменты реформирования экономики», «Проблемы совершенствования белорусской институциональной системы», «Совершенствование институциональной матрицы белорусской экономической модели», «Влияние сокращения внутреннего спроса на развитие белорусской экономики» и др. Член Экспертного совета Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь. Награжден почетными грамотами Министерства экономики, Высшей аттестационной комиссии, Президиума Национальной академии наук Беларуси и др.

циональных матриц¹. В одних странах (базирующихся на так называемой институциональной X-матрице) государство играет ведущую роль в регулировании экономических процессов, а в социокультурной сфере преобладает приоритет интересов государства над интересами отдельных личностей. Наиболее ярко такой подход выражен в Китае, Сингапуре и ряде других азиатских и латиноамериканских стран, а также в России, Казахстане и Беларуси. В других странах сформировались так называемые «контрактные» отношения между государством и обществом на основе институциональной Y-матрицы, при которых считается, что граждане страны заключили с государством договор на обслуживание их потребностей. К таким странам относятся США, члены ЕС, Канада, Австралия и др. В них преобладают отношения индивидуализма, а специфику системы государственного регулирования определяет приоритет рыночных отношений.

Соответственно нужно строить и правовую базу интеграционных процессов. Если в ЕС на интеграционную политику существенно влияет мнение широких слоев населения, которые, как в Великобритании, могут проголосовать за Brexit и власти им подчинятся,

то на пространстве ЕАЭС привычка исполнять решение властей делает такие инициативы маловероятными. В то же время значительная централизация властных функций в странах — участницах ЕАЭС и слабое влияние на власть СМГ «Домашние хозяйства» делают практически бесполезной интеграционную агитацию среди широких слоев населения.

Это означает, что импорт в Евразийский экономический союз правовых норм, действующих в Европейском Союзе и регулирующих участие населения в интеграционных процессах, необязательно будет эффективным из-за различий в менталитете. Поэтому законодательство ЕС для условий ЕАЭС должно быть существенно скорректировано с учетом большей централизации власти.

Таким образом, формирование правовых основ интеграционных процессов в ЕАЭС должно представлять собой не импорт западноевропейского законодательства, а создание оригинальной нормативно-правовой базы, учитывающей социокультурные особенности постсоветского менталитета и необходимость согласования национальных интересов на уровне социальных макрогрупп.

Т. Б. Малинина²

КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ (Информационный подход)

Мир стоит на пороге глобальных изменений, требующих глубокого осознания происходящих социально-экономических процессов. Формируется новый взгляд на мировые процессы, человека, место человека в мире. Любые изменения, происходящие в обществе, должны иметь человеческое измерение. Стратегии развития должны опираться на новейшие технологии, информатизацию и социально ориентированную экономику, где развитие человека, его благополучие, качество жизни становятся целью. Социальное обустройство в нашей стране пока не нашло человеческого измерения. Во всем мире идет процесс адаптации к новым политическим, экономическим, информационным, экологическим реалиям. Составной частью этого общемирового процесса стала и переоценка культурных ценностей в России. При этом российская переоценка, в отличие

от западноевропейской, носит весьма драматичный характер, связанный с обесцениванием культурной традиции, дискредитацией идеологических устоев российского общества, изменением устоявшегося в течение десятилетий образа жизни.

Активное проникновение американских и западноевропейских ценностей, элементов западной культуры и образцов поведения вызывает негативную реакцию в обществе. В российском обществе нарастают настроения тревоги и неуверенности с ностальгическими чувствами и социальной конфронтацией. Возникает проблема выбора нового пути развития, нового образа жизни, а в ситуации выбора как для отдельной личности, так и для общества, страны в целом весьма значительную роль играет система ценностей. В ней выражается смысловая направленность человеческой деятельности, а наличие единой системы базовых ценностей — условие стабильности и единства общества. П. Сорокин, определяя культуру, выделял *представления, ценности, нормы, их взаимодействие и взаимоотношения*. Поэтому важно исследовать процессы, происходящие в ценностном сознании общества, так как именно в нем отражается состояние общества, которое складывается из достигнутого уровня знаний, степени практического освоения природной и общественной стихии, сложившихся способов социального регулирования, господствующего типа мировоззрения.

Наличие определенных факторов либо способствует сохранению ценностной системы, либо требует ее пересмотра. Современное российское общество как раз

¹ Курдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию. 3-е изд., перераб., расшир. и ил. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. С. 66–78.

² Доцент кафедры социального анализа и математических методов в социологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор социологических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 140 научных публикаций, в т. ч.: «Мера труда и мера потребления», «Сбалансированность и пропорциональность производства и потребления в хозяйстве региона», «К вопросу о сбалансированном взаимодействии производства и потребления в социально-экономическом развитии (потребительско-стоимостной подход)», «Соотношение производства и потребления: диалектика значения для социологии», «Время как социальное измерение», «Социальные аспекты экологической безопасности» и др. Награждена медалью «100 лет профсоюзам России», медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, грамотой Ассоциации профсоюзных организаций высших учебных заведений Санкт-Петербурга.

вступило в стадию такого пересмотра, так как испытывает глубокий духовно-нравственный кризис. Нам необходимо восстановить в сознании общества (а может быть, создать заново) нравственные нормы и духовные ценности, а также традиции, которые сопровождаются согласованностью общих целей и интересов, направленных на единство нашего государства. В связи с этим актуальным становится стремление сохранить систему национальных ценностей, нравственно-этических норм, национального сознания и поведения. Анализируя сегодня процессы глобализации, можно констатировать факт распространения экономического, культурного и политического влияния США всевозможными средствами навязывания своей воли другим странам. Процесс глобализации привел к интеграции человечества в единое пространство, которое отрицает развитие человека как личности, унифицируя его потребности и способности, культуру и ценности, усугубляя социальное неравенство.

Заметим, что переоценка ценностей не является единичным случаем. Это только элемент циклического развития культуры в истории человечества. Однако любая переоценка ценностей, и современная российская в том числе, имеет свои отличительные особенности, тем более в информационную эпоху. Формирование ценностей происходит в процессе информационных взаимодействий, которые являются важнейшей составляющей культуры общества. Эти взаимодействия могут быть разных видов, однако наибольшее значение в процессе формирования ценностей принадлежит средствам массовой информации. СМИ, и в том числе Интернет, рассчитаны на массовое потребление, и в этом случае их можно рассматривать как особую социально-информационную систему, которая выполняет функцию ориентации. Благодаря этой среде создаются общее информационное поле и культурное пространство разных стран, особый аудиовидеомир, который не только воздействует на каждого из нас независимо от нашей воли, но и несет угрозу безопасности человеку и обществу. Примером тому является информационная война, развязанная западными СМИ против нашей страны.

В последнее время развитые страны быстро движутся к информационному обществу, в котором качество жизни, а также перспективы социальных изменений и социально-экономического развития все больше зависят от информации и ее использования. Россию нельзя отнести к развитым странам, однако проблема информационного общества стоит и перед нами. В этих условиях необходимо задуматься над тем, какие же ценности несут эти потоки информации, приобретающие все большую власть в мире и представляющие угрозу безопасности индивиду и обществу. Согласно официальным данным статистики, российская аудитория Интернета превышает 80 млн пользователей, из них 18 млн — школьники.

Формирование ценностей происходит в процессе информационных взаимодействий. При целенаправленном субъектном процессе формирования ценностей происходит активное воздействие ценностей субъекта на ценностную систему индивида, группы или соци-

альной общности. Конечной целью субъекта является воспроизводство у объекта собственной системы ценностей. Технологический механизм решения этой задачи — система целенаправленных воздействий, включая СМИ и Интернет. Очевидно, что информационные взаимодействия не заданы произвольно, они формируются в ходе деятельности. Поскольку деятельность людей проходит в культурной среде, последняя влияет на информационные взаимодействия. Поэтому можно говорить об информационной системе культуры.

Информационная система культуры — это совокупность информации, распространяющейся в социуме, и образцов культурной деятельности, которые в информационном взаимодействии образуют единство, воздействуя на сферу социума, тем самым осуществляется информационно-коммуникативный процесс (передача, восприятие, осмысление, усвоение информации)¹.

Культура как информационная система является механизмом не только передачи ценностных установок, морали, нравственности, образцов поведения, но и общения, объединения людей на базе передаваемой информации. Оптимальным информационным взаимодействием в культуре может считаться такое, где объект не только воспринимает максимум передаваемой информации, но и испытывает потребность в получении информации именно от этого субъекта. Информационные взаимодействия могут быть вертикальными: от поколения к поколению, что является основой формирования этнической культуры; и горизонтальными, обеспечивающими передачу информации в пространстве от одной территории к другой.

Определяя отношения информационной системы культуры с окружающей средой и другими системами, необходимо сказать, что данная система является открытой и сложной, что предопределяет ее основные черты. Будучи открытой системой, биосфера (живая материя), развиваясь, выстраивает опосредованно, через человеческий интеллект, систему совершенно нового качества — систему культуры, которая как подсистема биосферы строится на основе трех компонентов: вещества, энергии и информации. Система культуры материальна, поскольку включает материального носителя — человека и созданную им техносферу. Как материальная система, культура должна обладать энергией, что же касается третьего компонента — информации, то он приобретает совершенно новую роль, становясь определяющим. Увеличение избыточности информации способствует формированию самостоятельной духовной сферы. Поскольку информационная система культуры тесно взаимодействует с окружающей средой и системами материального мира, активно реагируя на вмешательства с их стороны изменениями, следовательно, описываемая система открытая. Сложность данной системы определяется сложностью ее структуры, которая, в свою очередь, определяет поведение системы и законы строения ее объектов.

Информационная система культуры включает следующие структуры, которые можно разделить по функциональному признаку: 1) базовые информационные

¹ Зыкова И. В. Культура как информационная система. Духовное, ментальное, материально-знаковое. М. : Либроком, 2011.

структуры (определяют взаимодействие между компонентами культуры, прежде всего подсистемами); 2) ориентационные информационные структуры (определяют отношения между культурой и индивидуумом). Определяющим субстратом системы является информация, а характерная черта исследуемой системы — ее адаптивный характер. Культура имеет высший уровень саморегуляции: она способна оперировать информацией, не только функционирующей в системе в данный момент, но и накопленной предыдущими поколениями. Ценностные системы формируются и трансформируются в историческом развитии общества. Существует несколько взглядов на социокультурное развитие с точки зрения ценностного подхода: во-первых, развитие общества как реализация «вечных» ценностей; во-вторых, развитие общества как последовательная смена одного типа ценностей другим (например, трансцендентно-ориентированных — светскими, безусловных — условными и т. д.); в-третьих, марксистская теория подчеркивает поступательный характер и историческую преемственность в развитии ценностных систем. В процессе этого развития складывается система общечеловеческих ценностей, которая становится приоритетной в данную эпоху.

Наиболее верным представляется циклический подход к культуре и функционированию ценностей в информационной системе культуры. Духовная эволюция общества складывается из отдельных эпох, каждая из которых состоит из возникновения, расцвета и угасания общественных ценностных систем. Как уже говорилось выше, эпохи отличаются друг от друга не столько набором ценностей, их составом, сколько

их трактовкой, наполнением их конкретно-историческим содержанием, характером связей между ними, их местом в ценностных системах. Наряду с этим каждое общество, культура формируют свои специфические ценности. Поэтому можно говорить и о динамике ценностей. Таким образом, ценностные системы в культуре развиваются циклически, но каждый новый виток круга происходит на новом, более высоком уровне развития, новом витке спирали. В связи с непрерывным совершенствованием информационных технологий информационная система культуры также развивается циклически.

Таким образом, информационный анализ процессов развития культуры позволяет по-новому взглянуть на различные состояния (стадии) развития культуры (стационарное состояние, стагнация, кризис, распад, восстановление) и выявить важные изменения информационных характеристик: количества и качества информации, времени и скорости циркулирования ее в системе, целей и средств производства информации. Информационная система культуры выполняет ключевую функцию в формировании самосознания личности на основе национальных традиций и общечеловеческих ценностей. Ценностные системы общества не только являются отражением, результатом экономических, политических, научно-технических и прочих изменений. В то же время они являются и фактором формирования нового в политике, экономике и прочих сферах человеческой жизнедеятельности. От того, какие ценностные системы будут сформированы в ситуации переоценки ценностей, зависит будущее развитие российского общества.

В. А. Малиновский¹

ОБЩЕСТВЕННАЯ СОЛИДАРНОСТЬ И МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ СОГЛАСИЕ — ОСНОВА КОНТУРА БУДУЩЕГО: ОПЫТ КАЗАХСТАНА

I

За годы независимости в Казахстане выработан собственный подход к решению одной из злободневнейших проблем современного мира. Найден, установ-

¹ Член Конституционного совета Республики Казахстан (Астана), доктор юридических наук, профессор. Судья Конституционного Суда Республики Казахстан (1992–1995). Автор ряда научных публикаций, в т. ч. монографий: «Лидер: президентская власть в Казахстане на рубеже эпох», «Президент Республики Казахстан и Парламент Республики Казахстан: взаимоотношения, система сдержек и противовесов», «Президент Республики Казахстан: инструменты власти и обеспечения деятельности», «Глава государства суверенного Казахстана», «Внеочередные выборы Президента Республики Казахстан: вопросы и ответы» (в соавт.), «Проблемы согласованного функционирования органов государственной власти Республики Казахстан и системы сдержек и противовесов» (в соавт.), «Казахстан: 10 лет независимости» (в соавт.) и др. Член редсовета журналов: казахстанских «Право и государство» и «Правовая реформа»; российских «Проблемы права» и «Российское право». Член Научно-экспертного совета Ассамблеи народа Казахстана. Член Союза юристов Казахстана. Награжден орденами «Курмет», «Парасат», юбилейными медалями в ознаменование 10-летия Конституции, 10-летия Парламента Республики Казахстан, 20-летия государственной независимости Республики Казахстан, 10-летия Астаны. Отмечен благодарностями Президента Республики Казахстан.

лен и максимально соблюдается оптимальный баланс народного, государственного и национального суверенитетов. Успешно сочетаются и реализуются интересы казахов — государственного цивилизационного стержня полиэтничного народа Казахстана — с интересами всех других, живущих с ними бок о бок на протяжении столетий этносов.

В глобальном мире Республика Казахстан является единственным признанным мировым сообществом государственным олицетворением казахского народа. В силу этого Казахстан выполняет специфическую миссию политико-территориального центра по консолидации казахов, углубленному всеобъемлющему изучению их истории и особого духа чело- веколюбия (в тяжкую годину здесь приютили и спасли от смерти тысячи представителей других этносов); по сохранению и развитию государственного казахского языка, быта и традиций, яркого культурного наследия; по формированию и проведению политики содействия возвращению казахов на их историческую родину; по оказанию необходимой под-

держки казахским диаспорам в зарубежных странах и др.

Республика Казахстан, ставшая результатом государственного самоопределения граждан, представляющих более 100 этносов, обеспечивает их равноправие и удовлетворение особых интересов всех этнических групп, не допуская дискриминации по национальному или религиозному признаку.

Постоянная, объемная, многовекторная деятельность, имеющая мощные политико-идеологическую, конституционно-правовую, материальную и институциональную составляющие, сложилась в одну из основных функций молодого государства. Она получила название «казахстанская модель общественного согласия и единства» и заслуженно носит имя Н. А. Назарбаева.

II

В принятой на референдуме 30 августа 1995 года действующей Конституции страны воплощено фундаментальное консолидирующее начало. Закреплены положения о народе Казахстана, объединенном общей исторической судьбой, созидающем государственность на исконной казахской земле (преамбула Конституции); о Республике Казахстан, утверждающей себя как демократическое, светское, правовое и социальное государство, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы (п. 1 ст. 1); об основополагающих принципах деятельности Республики: общественном согласии и политической стабильности, экономическом развитии на благо всего народа, казахстанском патриотизме и др. (п. 2 ст. 1).

Практически все положения и нормы первого и второго разделов Конституции гарантируют свободу личности и солидарность в обществе, исключая дискриминацию. В п. 2 ст. 39 включен жесткий императив: «Признаются неконституционными любые действия, способные нарушить межнациональное согласие».

Буквально вслед за принятием Конституции, 23 мая 1996 года, Президентом РК была утверждена «Концепция формирования государственной идентичности Республики Казахстан». В ней конкретизированы и разъяснены конституционные ценностные параметры будущего Республики Казахстан в качестве суверенного государства. Таким образом, в уже далеких 1995–1996 годах был сделан окончательный выбор в главном — в том, над чем в иных государствах продолжают споры, разобщающие нации.

Объединяющие начала заложены в имеющие методологический характер документы системы государственного планирования: Стратегию «Казахстан–2030» (1997) и Стратегию «Казахстан–2050» (2012).

Принципиальным шагом в дальнейшем развитии казахстанской идентичности стала одобренная главой государства в апреле 2010 года Доктрина национального единства Казахстана, определившая основные цели дальнейшей консолидации общества и достижения новой степени интеграции — национального единства.

Указом Президента РК от 28 декабря 2015 года утверждена «Концепция укрепления и развития казах-

станской идентичности и единства» (взамен исполненной Концепции от 23 мая 1996 г.).

Новая Концепция основана на следующих принципах:

1) базовый вектор — выдвинутая президентом страны Н. А. Назарбаевым общенациональная патриотическая идея «Мәңгілік Ел» («Вечная страна». — В. М.);

2) консолидирующие ценности общенациональной Патриотической идеи «Мәңгілік Ел» — гражданское равенство, трудолюбие, честность, культ учености и образования, светская страна;

3) фундамент казахстанской идентичности и единства — общенациональные ценности, основанные на культурном, этническом, языковом и религиозном многообразии;

4) казахстанская идентичность и единство — это непрерывный поколенческий процесс. Каждый гражданин, независимо от этнического происхождения, связывает свою судьбу и будущее с Казахстаном. Осознанность этого выбора — главное объединяющее начало.

Как видим, на нынешнем этапе государственная политика от «формирования государственной идентичности Республики Казахстан» (1996) направлена на «укрепление и развитие казахстанской идентичности и единства» (2015).

Политико-правовая основа включает более чем 60 основополагающих международных правовых документов в сфере прав человека, к которым присоединилась Республика Казахстан. Причем Казахстаном не просто переписаны их положения и восприняты идеи зарубежной практики, а творчески переработаны и заложены в собственную прогрессивную модель межнационального согласия. Эта модель предусматривает гармоничное равноправное сосуществование всех этносов без применения к каким-либо из них словосочетания «национальное меньшинство».

Положения Конституции развиты в законодательных и иных актах о языках, культуре, религиозной деятельности и религиозных объединениях, общественных объединениях, государственной службе и др.

III

Функция Республики Казахстан по обеспечению общественного согласия и общенационального единства имеет мощную институциональную составляющую.

Действенным каналом выявления насущных потребностей и трансформации воли всех этносов в государственную политику, профилактики либо устранения возникающих противоречий выступает Ассамблея народа Казахстана (далее — Ассамблея или АНК). Обладая сегодня конституционным статусом и возглавляемая лично президентом Республики — лидером нации¹, уникальная по своим социально-правовой природе и государственно-общественным характери-

¹ Ассамблея связана как с Президентом РК институционально, так и с Н. А. Назарбаевым персонально. Конституционным законом РК от 20 июля 2000 года «О первом Президенте Республики Казахстан — лидере нации» установлено, что Н. А. Назарбаеву в силу его исторической миссии пожизненно принадлежит право возглавлять Ассамблею народа Казахстана.

стикам, она отличается уровнем и масштабностью работы. Созданная главой государства по инициативе всех казахстанских этносов, она выступает центром разработки и реализации государственной этнополитики, законодательных и иных актов. Весьма показателен факт: именно на XXIV сессии Ассамблеи 24 апреля 2016 года был принят общенациональный патриотический акт «Мәңгілік Ел».

Накопив с 1995 года полезный опыт, АНК ныне стала важнейшим *общегражданским, надполитическим общенародным институтом, особой площадкой выявления, обсуждения и решения проблем в сфере межэтнических отношений, в значительной степени освобождающей эту сложную проблематику от ее политизации.*

В 2007 году АНК была поднята на конституционный уровень, а 20 октября 2008 года парламентом был принят Закон «Об Ассамблее народа Казахстана». В нем впервые закреплена целостная конструкция АНК — государственно-общественного института, одновременно интегрированного в систему государственной власти и в гражданское общество. Указом Президента РК от 7 сентября 2011 года утверждено действующее в настоящее время Положение об АНК.

Принадлежность Ассамблеи к *государственной власти* определяется непосредственной взаимосвязью с Президентом Республики, акимами в регионах, а также входением в ассамблею депутатов, представителей отраслевых исполнительных органов. Тем не менее ассамблеи не являются государственными органами. Да и чисто бюрократический компонент большей частью носит обеспечительный характер. *Общественное начало* широко представлено в АНК и региональных ассамблеях этнообъединениями, СМИ, театрами и иными учреждениями.

Не будет преувеличением утверждение, что в установленных Законом основных задачах АНК (ст. 4), принципах (ст. 5) и основных направлениях деятельности (ст. 6) нашли закрепление методологические основы и предметные составляющие функции государства в сфере межэтнических отношений, обеспечения межнационального мира и согласия.

Одной из значимых особенностей Ассамблеи является *прямое представительство интересов этнических групп 9 депутатами в Мажилисе парламента.* Выдвижение кандидатов в депутаты проводится Советом Ассамблеи, а избрание — исключительно сессией Ассамблеи. Представительство АНК в нижней палате оформлено в виде депутатской группы «Ассамблея народа Казахстана». В ее составе 31 депутат. Кроме депутатов от Ассамблеи, в ней работают представители всех трех парламентских фракций политических партий и Гражданского альянса. При назначении 15 депутатов сената парламента, олицетворяющих национально-культурные и иные значимые интересы общества, глава государства советуется с АНК. Действующие и экс-парламентарии входят в Коллегию депутатского корпуса АНК.

Прочными мостами между государством и гражданским обществом выступают *ассамблеи области (города республиканского значения, столицы).* Они фор-

мируются из посланцев этнокультурных объединений, депутатов маслихатов, видных деятелей творческой интеллигенции, религиозных конфессий, руководителей молодежных организаций. Председателями ассамблей регионов по должности являются акимы областей (города республиканского значения, столицы). Руководствуясь общими ценностями и целями, решая общие задачи, ассамблеи регионов интегрированы в единую систему АНК.

Ассамблея консолидирует 1338 этнокультурных объединений¹ и 192 этнокультурные организации, руководители которых входят в ее состав, а также в состав региональных ассамблей. В числе активистов 5 млн 336 тыс. 308 казахстанцев. Именно в этом русле происходит *постепенный процесс интеграции национально-культурных сообществ — весомых субъектов государственно-правовых отношений, носителей определенных особых групповых интересов — в общественную жизнь республики. Одновременно предупреждается фактор сепаратизма — замкнутость этносов в своих национальных «квартирах».*

Для АНК создана *мощная система организационного обеспечения*, крупная реформа которой проведена в 2014 году. Указом Президента РК от 17 июня 2014 года было создано республиканское государственное учреждение «Қоғамдық келісім» («Общественное согласие») — государственное учреждение при главе государства. Уставом определены 18 видов деятельности РГУ, и их перечень оставлен открытым.

В комплекс обеспечения также входят институты при Ассамблее и меры сопровождения: финансового (общественный «Фонд АНК», Ассоциация предпринимателей АНК, президентские гранты руководителям этнокультурных объединений, бюджетное финансирование национальных театров, издание учебников с преподаванием на национальных языках и пр.), медийно-информационного (официальный сайт <http://www.assembly.kz>, журнал «Достық — Дружба», Издательский дом этнической литературы, Клуб журналистов по вопросам межэтнических отношений при АНК) и обучающего (Академия мира и дружбы, Методический центр инновационных технологий обучения языкам «Тілдарын»).

В составе АНК действуют также советы общественного согласия (2207), советы матерей (2141), дома дружбы (33), этнические СМИ (36), Совет медиации (12) и кабинеты медиации (17). Ни одна из этих структур не является «бумажной» — все они работают активно и содержательно.

Научную составляющую с 2009 года реализует Научно-экспертный совет. Основной потенциал НЭС сегодня составляют Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Академия госуправления и Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК. В вузах страны было создано 25 кафедр (центров) АНК, что в целом позволяет аккумулировать и эффективно использовать аналитический и информационный потенциал для развития фундаментальных, прикладных и прогнозных исследований.

¹ Здесь и далее приводятся количественные показатели на январь 2017 года.

Курс на укрепление миссии Ассамблеи получил дальнейшее развитие в новейших поправках к Закону об АНК от 27 октября 2015 года. Указом Президента РК от 28 декабря 2015 года утверждена Концепция развития АНК (до 2025 г.).

Ассамблея народа Казахстана, региональные ассамблеи и этнокультурные объединения выступают формами реализации народного и одновременно национального суверенитетов. Все этнические группы Казахстана избрали своей стратегией интеграцию в единый конституционный гражданский социум — народ

Казахстана, объединенный общей исторической судьбой, единством ценностей, целей и задач.

В XXI веке акцент перемещается с социально-го противостояния на солидарность. Выбор между социальной солидарностью и индивидуализмом заменяется поиском модели их разумного сочетания. Основанная на консолидирующих ценностях устойчивая внутренняя целостность каждой нации есть первейшее средство против внутренних и внешних вызовов и угроз. Здесь опыт Казахстана более чем полезен.

О. В. Мартышин¹

КОНСЕРВАТИЗМ КАК СИСТЕМНЫЙ СДВИГ И ВЫЗОВ (О некоторых эксцессах современного отечественного консерватизма в сфере юриспруденции)

Второе десятилетие XXI века ознаменовалось усилением консервативных тенденций в мире. Это явление логично рассматривать как несколько запоздавший отклик на распад «мировой системы социализма».

Национальные интересы сбросили надстройку из двух лагерей. Вслед за социалистическим лагерем распался СССР. Запад, вышедший победителем из борьбы двух систем, еще сохраняет единство, скрепленное НАТО и Европейским Союзом, но и там активизируются центробежные силы, которые раньше сдерживались остротой внешней угрозы, и вновь претендуют на роль главной движущей силы как в международных отношениях, так и во внутренней политике. В этом смысле новые веяния в Российской Федерации находятся в русле одной из глобальных тенденций.

Национализм и консерватизм, как правило, идут рука об руку, ведь главное содержание консерватизма состоит в защите национальных устоев.

Консерватизм представляет собой явление широкого диапазона. Главным свойством консерватизма, характерным для всех его направлений, является защита исторически сложившихся ценностей и институтов — религии, государства, семьи, частной собственности.

Консерваторы бескомпромиссно отрицают насильственное ниспровержение существующих структур, революции, разрушение устоев общества — все это, по их мнению, лишь ухудшает положение и никогда не приводит к осуществлению провозглашаемых благородных целей. Консерватизм утверждает справедливость и вечный характер общественного неравенства.

К. Н. Леонтьев, один из самых знаменитых и наиболее последовательных и откровенных идеологов русского консерватизма XIX века, писал: «Истинное христианство... признает одно только равенство — равенство всех перед судом Божиим, нужен для России

особый высший класс людей, нужны привилегии, необходимы и особые права на власть»².

Отличительная черта традиционного консерватизма — отрицание свободы личности — также нашла яркое воплощение у Леонтьева: «Чтобы русскому народу действительно пребыть надолго тем народом-“богоносцем”, от которого ждал так много наш пламенный народолюбец Достоевский, он должен быть ограничен, привинчен, отечески и совестливо стеснен. Не надо лишать его тех внешних ограничений и уз, которые так долго утверждали и воспитывали в нем смирение и покорность... Он должен быть удержан свыше на скольком пути эгалитарного своеволия»³.

Неприятие свободы и равенства ведет к отрицанию демократии. Вождь английских консерваторов Б. Дизраэли утверждал, что демократия привела к олигархии, к ужасам капитализма свободной конкуренции, к расколу общества на богатых и бедных. Избавить от олигархии может не эгалитаристская демократия, а союз короны, аристократии и народа. Генри Мэн доказывал, что демократия сводится к правлению партий, контролируемых их лидерами, и всегда вырождается в диктатуру⁴.

Характерная особенность консерватизма — тесная связь с религией, причем не в форме личной веры или духовных поисков, а в виде четко организованной иерархической системы государственной церкви. Леонтьев подчеркивал, что истинное христианство — «не выдуманное, а церковное»⁵. Он защищал «несколько суровое, но всем доступное и известное “филаретовское” православие, а не хомяковское»⁶.

Леонтьев удачно обобщил платформу консерватизма XIX века, призывая понять «научную необходимость новых оттенков теократии, сословности, монархизма, аристократии и порабощения»⁷.

¹ Профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч.: «Политические взгляды М. К. Ганди», «Социализм и национализм в Африке», «Политические взгляды Дж. Неру», «Вольный Новгород» и др. Член редколлегии журнала «Государство и право».

² Леонтьев К. Избранное. М., 1993. С. 264, 305.

³ Там же. С. 290, 291.

⁴ Brinton C. English political thought in the nineteenth century. L., 1933. P. 277–279.

⁵ Леонтьев К. Указ. соч. С. 264.

⁶ Там же. С. 378.

⁷ Там же. С. 250.

Но у этой платформы наряду с названными универсальными принципами любого консерватизма от древности до наших дней были и особенности, порожденные эпохой свободной конкуренции. Консерваторы XIX века осуждали капиталистическую олигархию и новые формы социальной несправедливости, возникшие в результате промышленного переворота. Они отвергли систему экономического либерализма, отделившую собственность от обязанностей и породившую дикие формы эксплуатации человека человеком. Консерватизм, сформировавшийся в Европе как реакция на Французскую революцию, носил антикапиталистический характер.

С конца XIX века начался процесс обновления консерватизма в соответствии с изменившейся социально-политической ситуацией. Убедившись, что битва с буржуазией за власть проиграна бесповоротно, а на политической арене появилась новая грозная сила в лице рабочего и социалистического движения, консервативная аристократия пересмотрела свое отношение к экономическому либерализму. Этому способствовали и перемены в политике либералов. С конца XIX века они постепенно отходили от принципов *laissez faire*. Вмешательство государства в социально-экономическую жизнь усиливалось. Возникло течение неолиберализма, допускающее государственное регулирование, некоторые либералы сближались с социалистическим движением. В этих условиях консерваторы выступали защитниками частной собственности во всех ее формах (земельной, банковской, индустриальной) от социализма, принцип экономического либерализма стал их знаменем. Одновременно смягчалась и критика демократии. С конца XIX века происходит сближение консерваторов с той частью либералов, которая сохранила нетерпимость к государственному регулированию. Новый консерватизм стал последовательно буржуазным и антисоциалистическим. Его классическими образцами служат наследие Ф. Хайека и либертариизм (либертарианство) в подлинном смысле слова, в отличие от так называемой «либертарно-юридической теории права».

При существенных различиях традиционный и новый консерватизм сближает определенное единство установок и роль в политической жизни. Консерваторы всегда выражали и выражают интересы привилегированных слоев или правых сил. Влево от них располагаются либералы, а крайне правый фланг занимают реакционеры. Границы между ними подвижны.

При советской власти консерватизм в рассмотренном выше смысле был невозможен. Распад советской системы привел к возрождению и параллельному развитию консерватизма двух типов: традиционного, антибуржуазного, и нового, антисоциалистического. Их соотношение и влияние постоянно изменяются.

В первое постсоветское десятилетие казалось, что в идеологическом плане в стране безраздельно господствует либерализм. Возрожденный капитализм в условиях идеологического и в известной мере политического плюрализма не мог не привести к появлению современного «антисоциалистического» консерватизма, то есть либертариизма. Он представлен правыми партиями и движениями. В теории права этот вид консер-

ватизма находит выражение в таких тезисах, как «минимальное государство», сугубо формальный характер свободы, равенства и справедливости как признак права и правового государства, в утверждениях, что социальные функции государства ограничивают свободу личности, создают привилегии, что тем самым социальное государство вступает в противоречие с правовым государством, и т. п.

Параллельно с формированием либерализма, неотъемлемой чертой которого является безусловная защита институтов политической демократии (своего рода западничество), возрождался и традиционный русский феодально-монархический консерватизм. Одним из его воплощений стала так называемая «православная теория прав» (так называемая, потому что она не соответствует официальным документам РПЦ). По словам пропагандиста «православной теории» А. А. Васильева, «идеалы правовой республиканской государственности, свободы личности, превалирование права как социального регулятора являются духовно воплощенными, в цивилизационном плане разрушительными и подходящими под духовные и культурные ценности исключительно Европы»¹.

Вместо западных ценностей предлагается «духовный синтез права, правды (традиционной нравственности русского народа) и православия (традиционной религии русского народа)»². Право провозглашается божественным, вечным и неизменным. Православная монархия рассматривается как лучшая и единственно возможная в России форма правления. Предлагается придать православию статус господствующей религии, сократить законодательное регулирование, создав тем самым условия для соблюдения обычаев православного народа. Отметим, что «православная теория» всецело сконцентрирована на критике политической и правовой системы. Социально-экономических проблем она не касается. Антикапитализм в ней практически не представлен.

В первое постсоветское десятилетие традиционный консерватизм казался периферийным явлением. Поворот в идеологии правящей партии от либеральных ценностей к консервативным, случившийся во втором десятилетии, изменил ситуацию. Конечно, «православная теория права» все еще воспринимается в отечественной юриспруденции как эксцесс и экзотика. Но если она находит приверженцев среди дипломированных юристов, если ученые советы солидных учреждений присваивают авторам этих теорий докторские степени, то можно представить, какой отклик находят подобные идеи среди многочисленной консервативно (если не реакционно) настроенной части православного клира и прихожан.

В идеологии правящей в России партии сегодня сочетаются оба вида консерватизма (и модернистский, антисоциалистический, и традиционный, из которого исчезли антикапиталистические элементы). О модернистском аспекте свидетельствует курс на развитие капитализма, защиту частной собственности. При этом

¹ Васильев А. А. История российской консервативной политической мысли. Барнаул, 2011. С. 252.

² Сорокин В. В. Понятие и сущность права в духовной культуре России. М., 2007. С. 22.

от упомянутых выше эксцессов либертаризма правящая партия отказывается. Ей явно не чужд государственный патернализм. Если в экономике на пропагандистском уровне доминирует модернизм, то в политической жизни преобладают тенденции старого консерватизма, ориентирующегося на традиционные национальные ценности. Это сочетание кажется парадоксальным и действительно является таковым. Но оно не ново. Дореволюционная Россия знала подобное соотношение модернизма и традиций.

Западничество ассоциируется в нашем сознании с либерализмом или революционностью. Н. Н. Алексеев ввел понятие «реакционного западничества», характерного для правящей верхушки царской России. Имелось в виду образ жизни, привычки, связи, интересы,

авторитарные методы управления с использованием технических и технологических достижений западной цивилизации. «Реакционное западничество было у нас не теорией, а государственной практикой», — писал Алексеев и добавлял: «чтобы иметь идеологию, Российская империя принуждена была довольно искусственно покрыть себя лозунгами в общем чуждого ей славянофильства»¹. В конечном счете искусственное соединение противоречивых начал оказалось губительным для самодержавия.

Не рискуют ли современные сторонники традиционного консерватизма в России, ищущие идеалы в прошлом и отвергающие демократические принципы как чуждое и враждебное влияние Запада, повторить ошибки и судьбу самодержавия?

А. С. Мищенко²

ПРИНЦИПЫ РАЗВИТИЯ ЭДУКАЦИОННЫХ ИНСТИТУТОВ КАК ОСНОВА ИНТЕГРАЦИИ ЭКОНОМИКИ СТРАН, ВХОДЯЩИХ В ЕВРАЗИЙСКИЙ ТАМОЖЕННЫЙ СОЮЗ

Интеграция национальных экономик стран, входящих в Таможенный союз (прежде всего мы имеем в виду Россию, Белоруссию и Казахстан), сопряжена с культурными и эдукационными сдвигами в их жизнедеятельности. Они фундируют развитие общего образования, определяют трансграничные формы сотрудничества в научной и информационной политике, выступают в качестве условий для профессионального и культурного взаимодействия между народами, для формирования их современного человеческого капитала³.

В предлагаемых тезисах доклада мы остановимся на принципах развития эдукационных институтов стран, входящих в Таможенный союз. Эти принципы выступают в качестве особого результата — основы произошедших и происходящих сдвигов в их хозяйственных и экономических системах. Это следующие постулаты: принцип интеграции национальных систем общего и профессионального образования как предпосылка и результат достижения странами Таможенного союза единства в экономическом и хозяйственном устройстве; принцип трансверсализации содержания

образования молодежи и взрослых; наконец, принципы, связанные с достижением системой образования в рамках Таможенного союза определенной зрелости.

Опираясь на перечисленные позиции, мы можем создать предпосылки для институционального совершенствования образования в качестве фактора, обуславливающего системные сдвиги в развитии общества, воспроизводстве и обновлении его человеческого капитала, социальной и экономической политике государства на принципах культуросоциальности и человекоцентричности, включая постдипломную подготовку зрелых специалистов наднационального менеджмента и управления образованием на территории всего Таможенного сообщества.

Единство как принцип развития образования в странах, входящих в Таможенный союз. Заявляя данный принцип, мы исходим из того, что он расширяет наши возможности в области уяснения объективной диалектики и логики межгосударственной политики в сфере образования. Он может выступать в качестве фактора системных сдвигов в развитии материальной и нематериальной сферы общества. Для этого в нем должны быть синтезированы представления о целостной организации и самодвижении общественных институтов; об их возникновении, функционировании и развитии; об особых управляющих механизмах, через которые структура целого воздействует на его отдельные относительно независимые части и определяют их целостно организованное самодвижение.

В ближайшей исторической перспективе система образования, свойственная странам Таможенного союза, должна обрести новое единое содержание и форму. Пока это еще возможно благодаря тому, что в прежние годы на территории Российской империи, Советского Союза и нынешних государств Таможенного союза существовали и продолжают существовать общие

¹ Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М., 1998. С. 127.

² Старший научный сотрудник Научно-исследовательского института социально-экономических и педагогических проблем непрерывного образования при Ленинградском государственном университете им. А. С. Пушкина, кандидат экономических наук. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч.: «Методолого-теоретические основания развития общей и профессиональной культуры педагога в условиях изменяющегося социума», «Инновационный потенциал специалиста», «Профессионально-трудовая деятельность рабочих: системные аспекты ее социологического анализа» (в соавт.), «Развитие профессиональной культуры педагога: основания и принципы исследования», «Единое образовательное пространство как одно из условий преодоления социально-культурного неравенства постсоветских территорий» и др.

³ Ежегодный доклад интеграционного клуба при председателе Совета Федерации за 2013 год. М.: Изд-во Совета Федерации РФ, 2014. С. 9.

культурно-исторические и социально-экономические компоненты общественного жизнеустройства наших народов.

Принцип трансверсализации развития систем образования в странах, входящих в Таможенный союз. Данный постулат органично вытекает из принципа единства. В нем отражаются социокультурные и экономические сдвиги, глубинно детерминирующие собой межгосударственную политику по развитию образования граждан наших стран. Они имплицитно зависят как от внешних, так и от внутренних социокультурных факторов, а также имеют гуманитарно и профессионально направленный характер. Как подчеркивает А. С. Колесников, культурное и социально-экономическое заимствование является нормой практически для всех народов и стран. Немногие страны смогли остаться с этой точки зрения *герметично запечатанными*. Наоборот, история многих стран и народов показывает, что между человеческими общностями идет непрерывный живой обмен социальными и экономическими, профессиональными и образовательными идеями и методами¹.

Принцип трансверсализации эдукационной практики заставляет страны Таможенного союза сопрягать ее с культурными и экономическими сдвигами в жизни своих народов. Экономическим основанием для реализации данного принципа выступает постепенно возникающая хозяйственная близость уникальных евразийских обществ. Опора на принцип трансверсализации позволяет сконцентрироваться на выстраивании политики с учетом не только экономических законов развития рынков труда и капитала внутри отдельных стран, но и разнообразных мировых тенденций, оказывающих существенное воздействие на культурные, социальные и эдукационные системы евразийского пространства. Это проявляется в структуре, уровнях, содержании и стандартах образования молодежи и взрослых. Эти тенденции все чаще приобретают не только национальный, но и ярко выраженный международный, интернациональный характер, поскольку системные сдвиги в культуре, производстве и социальных процессах предъявляют иные, чаще всего повышенные наднациональные требования к организации труда и профессиональной компетентности специалистов.

Как следствие, принцип трансверсализации образования нацеливает их акторов на развитие не только национальных, но и интернациональных — наднациональных — компонентов. Принцип трансверсализации развития образования позволяет использовать на межгосударственном уровне инструментарий целенаправленно программируемых и сознательно направляемых системных сдвигов в профессиональной подготовке молодых и взрослых граждан. Это существенным образом изменяет их политико-гражданские и поведенческие приоритеты, поступки и идеалы, воздействует на формирование их обновленного человеческого капитала.

¹ Колесников А. С. Компаративная педагогика и культура : науч. докл. // Кросс-культурный подход в науке и образовании : материалы ежегод. междунар. семинара / сост. О. А. Михалина. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2012. Вып. 7. С. 4.

Принцип системности — это базовый познавательный постулат многих современных исследовательских и практических парадигм действия. Он составляет важный компонент развития и образования в странах, входящих в Таможенный союз. Данный принцип позволяет, опираясь на вышеперечисленные постулаты, раскрыть и научно обосновать развитие содержания образования в наших странах, начиная с абстрактных положений и завершая конкретными многосторонними категориальными утверждениями. Для этого системное познание и системно организованная практика должны быть нацелены на разрешение реальных противоречий образовательной политики стран Таможенного союза. В этом случае имеющиеся противоречия превратятся в особый мотор, во внутренний импульс развития образования молодых и взрослых граждан наших стран, включая материальное производство общества (при этом противоречия должны быть разрешены). Такой подход дает возможность: выработать многостороннее понимание сущности развития современного образования в постсоветских государствах в качестве предмета познания и управления; использовать для этого аналитику прикладных исследований и управленческого научного анализа; основывать свои реальные действия в области создания единой системы образования на результатах — категориях — их методолого-теоретического синтеза. Иначе говоря, понимание реальной сущности развития образования в странах Таможенного союза в качестве неисчерпаемого противоречия делает его многосторонним и на этой основе научно управляемым. Тем самым мы получаем возможность сознательно формировать позитивно направленные социокультурные и экономические сдвиги в жизни наших народов.

Научный принцип меры. По нашему мнению, данный постулат необходимо рассматривать в качестве особой вершины системного познания развития любого общественного института и явления, включая образование стран Таможенного союза. С точки зрения данного принципа цели и приоритеты развития образования в наших странах должны быть тесно сопряжены с действительным совершенствованием социокультурной и экономической жизни общества: ее технического и технологического обеспечения (субстанциальный уровень); организационных и функциональных отношений различных групп населения, вовлеченных в общественное производство (структурный и морфологический уровень); социальных и профессиональных компонентов, определяющих современный этос и габитус деятельности акторов в рамках гражданского общества (их общественный и социокультурный уровень).

В парадигмально-практическом аспекте данный постулат дает возможность опереться на синергию количества и качества, интеграцию и связанность внешних и внутренних, ценностных и смысловых компонентов образования в качестве основы социокультурных и экономических сдвигов в жизни конкретного общества. В научном принципе меры должна реализоваться диалектика процесса познания и практики развития в странах Таможенного союза системы образования как особого общественного института. А именно,

если синтез — это конкретизация научного анализа, а системность — конкретизация научного синтеза, то мера — это категориально зафиксированная динамично изменяющаяся степень конкретизации нашего понимания сущности развития системы образования в странах Таможенного союза, взятая в единстве внешней и внутренней ее детерминации. Результат познания меры такого развития — это всегда системность наших знаний о нем, возведенная в особую, максимально возможную степень его многостороннего понимания. Это системность, так сказать, высшего порядка, поскольку она подразумевает не только категориально выраженное содержание (наше знание и понимание) полной истины развития системы образования в странах Таможенного союза, но и многостороннюю истинную практику общества, основанную на эффективных механизмах ее развития и результативном программировании их системных сдвигов.

Принцип гуманитарной направленности развития образования в странах, входящих в Таможенный союз. Опираясь в своей практике на данный постулат, сублимирующий в себе все вышеназванные принципы, можно обеспечить системный сдвиг в развитии образования молодежи и взрослых: идти от технократических к гуманитарным ориентирам; формировать специалиста как разносторонне и динамично развивающуюся личность и т. д. Эти позиции предполагают, что развитие образования в странах Таможенного союза должно

опираться на формирование у граждан вполне определенных смыслов и ценностных отношений в экономической, социальной и политической областях их жизнедеятельности. Привлечение в систему образования гуманитарных компонентов заставляет выстраивать обучение по принципу диалога, усиливать его воспитывающий эффект за счет взаимного стимулирования духовного мира субъектов — акторов не только учебного, но и более разнообразного жизненного процесса. Это позволяет уменьшить перекосы в соотношении прагматического и ценностного аспектов образования и профессиональной подготовки различных групп специалистов.

Другими словами, опираясь на принцип гуманитарного развития образования, можно целенаправленно и активно выстраивать его на основе диалога его акторов; усиливать его эдукационный и со-бытийный эффект за счет преобразования социокультурных и ценностных оснований учебной и профессиональной подготовки молодежи и взрослых. Это позволяет существенным образом изменить их гражданские и социальные, профессиональные и поведенческие приоритеты, повлиять на поступки и идеалы людей, результативно воздействовать на рост их человеческого капитала и т. д. Тем самым непрерывно создавать самые прочные, укорененные непосредственно в человеке основы экономической интеграции стран Евразийского таможенного союза.

М. С. Мотышина¹

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ: КОНТУРЫ БУДУЩЕГО

В современном мире все социально-экономические процессы протекают при посредничестве тех или иных организаций. Человечество создало *организационную цивилизацию*, которая, с одной стороны, упрощает жизнь человека, а с другой — несет ему определенные угрозы и риски. Прогресс общества произошел благодаря совместной деятельности людей, организационным формам сотрудничества. Вместе с тем существует оборотная сторона этого прогресса. Организации ответственны за истощение природных ресурсов, разрушение экосистем, изменение климата, а также за эксплуатацию людей — их создателей. Люди все больше ощущают «диктат» организаций. Опросы показывают незаинтересованность сотрудников в деятельности организаций, неудовлетворенность и разочарование. Традиционные организационные формы во многом исчерпали себя, из локомотива прогресса превратились в его тормоз. Некоторые исследователи отмечают «конец со-

временного менеджмента»². Это касается самых различных организаций — коммерческих и некоммерческих, государственных и частных, производственных и сервисных. Даже школы и медицинские учреждения зачастую превращаются в бездушные бюрократические механизмы, где сотрудники лишены возможности реализации своего творческого потенциала, где ценностью становится выполнение формальных регламентов, а не искренняя забота об учениках и пациентах.

В процессе эволюции человеческая цивилизация создавала определенные организационные модели, в основе которых лежал уровень мировоззрения и сознания людей. Может ли человечество подняться на более высокую форму сознания и создать организационные формы, способствующие совершенствованию окружающего мира и самого человека?

Этим вопросом задаются многие исследователи, которые изучают организационные системы. Одним из них является Ф. Лалу, который долгие годы работал консультантом в компании McKinsey. В своей работе «Открывая организации будущего»³ он представил периодизацию организационных форм, основанную

¹ Профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук. Автор более 200 научных и научно-методических работ, в т. ч.: «Системное исследование организации», «Исследование систем управления», «Методы и модели маркетинговых исследований», «Менеджмент в сфере услуг. Теория и практика», «Особенности рисков инновационной деятельности вузов» (в соавт.), «Социально-экономические организации. Концепции, особенности, механизмы развития», «Исследование систем управления: учеб. пособие» (в соавт.) и др.

² См., например: Клок К., Голдсмит Дж. Конец менеджмента и становление организационной демократии. СПб.: Питер, 2004.

³ Лалу Ф. Открывая организации будущего. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016.

на эволюции управленческого мировоззрения, сформулировал их особенности. Но самое главное — на основе собранного эмпирического материала он выявил новые прогрессивные организационные формы, которые назвал «бирюзовыми» организациями, и систематизировал их отличительные черты. Рассмотрим, в чем их принципиальное отличие от традиционных форм.

Прежде всего стратегическая направленность «бирюзовых» организаций обусловлена ценностными ориентациями руководства и сотрудников, при этом ценности носят гуманистический, а не коммерческий характер. Ясно выраженные ценности отражены в виде понятных для всех сотрудников основополагающих принципов (не)приемлемого поведения, создающих безопасную среду общения. Поощряется практика регулярного обсуждения ценностей и принципов. Стратегический курс не разрабатывается высшим руководством, а формируется внутри компании и меняется по мере изменения условий деятельности. Соответственно радикально упрощаются или вовсе отсутствуют бюджеты и планы. Основой существования являются самоуправление, целостность и эволюционная цель. Миссия из некоторого декларируемого утверждения, как это имеет место во многих традиционных компаниях, превращается в смысл существования организации.

Важнейшими механизмами самоорганизации становятся доверие, ответственность и мотивация. Иерархическая пирамида в таких компаниях практически отсутствует. Принятие решений осуществляется на уровне самоорганизующихся команд, которым в случае необходимости помогает коуч, как правило, один на несколько команд, не имеющий финансовых и административных полномочий. Таким образом, это полностью децентрализованный процесс, основанный на консультировании. Даже прием на работу новых сотрудников является компетенцией равноправных членов команды.

Повышенный по службе не существует, поскольку нет карьерной лестницы как таковой, есть перераспределение ролей и обязанностей на основе соглашений между коллегами. Каждый обязан высказываться о вопросах, лежащих за пределами его полномочий. В компаниях значительное внимание уделяется обучению сотрудников навыкам межличностного общения и культуре компании. Имеет место высокая степень гибкости рабочего графика при условии, что взятые на себя обязательства соблюдаются. Регулярно отводится время на выявление и исследование конфликтов. Любая информация доступна каждому в реальном времени, включая финансы и сведения о зарплатах. Приветствуется полная открытость предложениям, помогающим достичь цели деятельности и существования организации. Инициатива может исходить из любого источника организации и поддерживаться всеми коллегами. Конкуренция значения не имеет, конкуренты легко могут стать партнерами.

Автор рассмотрел кейсы 12 подобных компаний. Они относятся к разным отраслям, к коммерческому и некоммерческому секторам. Но независимо от отраслевых и институциональных особенностей харак-

теризуются общими принципами, рассмотренными выше. На самом деле компаний, которые реализуют, пусть не полностью, но хотя бы элементы подобных «бирюзовых» организаций, в мире достаточно. Например, «Старбакс» не просто продает кофе, а служит площадкой для общения между людьми. Важнейшим условием создания «бирюзовых» организаций является заинтересованность владельца компании и его мировоззрение. Тот, кто ищет сиюминутную выгоду, никогда не дойдет до этой стадии организационного развития.

Для России тема «бирюзовых» организаций также весьма актуальна. Она вызвала самый живой отклик в сфере предпринимательства и менеджмента, хотя примеров подобных отечественных организаций крайне мало. В частности, Г. Греф отмечает, что несколько отделений «Сбербанка» в Балашихе уже работают по такой модели¹. В этих отделениях «Сбербанк» старается задействовать потенциал каждого сотрудника: там нет руководителей филиалов как таковых. Руководитель филиала называется коучем, но все решается совместно. Во главе стоят не показатели прибыли, отменяются все KPI, показатели финансовой эффективности. На первом месте — удовлетворенность клиентов. Это дает очень интересные результаты по вовлеченности, участию людей. Меняется мышление сотрудников: они начинают больше думать не о планах, которых теперь нет, а о том, чего хочет клиент.

По аналогичным принципам строится работа различных сетей «ВкусВилл» и «Избенка». За семь лет А. Кривенко была создана сеть, которая в прошлом году принесла 5,6 млрд рублей выручки². Среди основных принципов на своем официальном сайте компания «ВкусВилл» указывает такие, как совместное обсуждение и решение проблем, постоянное саморазвитие и первостепенность духовных ценностей, открытость диалогу и чуждость эгоизму. На основе «бирюзовой» концепции строится работа проекта Б. Дьякова «Точка» — банка для предпринимателей, в котором работает более 600 человек. Гораздо больше примеров применения в российских компаниях отдельных «бирюзовых» принципов, особенно в отношении работы с персоналом. Например, практику подбора персонала, когда выбор нового сотрудника производит коллектив, команда, куда ему предстоит влиться, претворяют в жизнь во многих компаниях. Точно так же все большую роль многие компании отводят процессу адаптации нового сотрудника. В настоящее время многие организации переосмыслили взгляд на персонал, переходя от использования его как ресурса к принятию его как актива³.

Таким образом, в социально-экономических системах формируется и активно внедряется новая прогрессивная организационная модель, которая может изменить характер их экономического поведения.

¹ «Сбербанк» начал эксперимент по работе отделений без начальников и KPI // Информационное агентство RNS. 2016. 6 июля.

² Житкова В. Бизнес «бирюзового» управления // Газета. 2016. № 183. 4 окт.

³ Устинова Е. Парадоксы бирюзовых организаций // Информационный портал HR-tv.ru. 2016. 29 авг.

Т. П. Николаева¹

НИЗКАЯ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ ИННОВАЦИЙ КАК ФАКТОР, ЗАКРЕПЛЯЮЩИЙ ИМПОРТОЗАВИСИМОСТЬ

Ухудшение геополитической обстановки, усиливающееся экономическое давление западных государств на Россию, другие политико-экономические и технологические факторы актуализируют вопросы, связанные с обеспечением должного уровня технико-технологической, промышленной безопасности нашей страны. Важнейшим аспектом последней является уровень самообеспеченности национальной экономики современными видами оборудования, техники, промышленными технологиями. Способность самостоятельно производить необходимые средства производственной безопасности страны не только в настоящее время в сложившихся, сравнительно стабильных условиях, но и в условиях чрезвычайных ситуаций, которые могут продолжаться месяцы и годы.

Необходимо привлечь внимание специалистов к усиливающемуся разрыву между масштабами инновационной деятельности и ее конечной результативностью, выражающейся в степени обеспеченности российских предприятий отечественной техникой и технологиями. Сопоставление официальных статистических данных, касающихся масштабов инновационной деятельности, с одной стороны, и структуры внешней торговли России — с другой, а также расчет удельных показателей инновационной деятельности дают удручающую картину ее реальной эффективности.

Цель работы заключается в оценке степени влияния инновационной деятельности организаций на конечные результаты функционирования национальной экономики в России. Оставив за скобками промежуточные этапы анализа, покажем количественное соотношение между растущими объемами инновационной деятельности и ухудшением структуры внешней торговли России.

Очевидно, что интенсивная инновационная деятельность российских предприятий и соответствующая государственная политика в этой области должны позитивно сказываться на объемах и структуре внешней торговли страны, причем как в торговле товарами, так и технологиями. Однако впечатляющие цифры, касающиеся динамики затрат и объемов инновационной деятельности в нашей стране, совершенно теряются и даже диссонируют с данными официальной статистики, характеризующими товарную структуру

экспорта и импорта Российской Федерации, а также внешнюю торговлю технологиями. В условиях глобализации инновационная составляющая национальной экономики обеспечивает конкурентоспособность страны, служит гарантом ее суверенитета и независимости. Между тем даже сравнительно поверхностный анализ официальных статистических данных показывает, что растущие стоимостные показатели, характеризующие инновационные процессы в России, не только не улучшают самообеспеченность страны промышленными товарами, высокотехнологичной продукцией, но даже усиливают технико-технологическую, промышленную и в целом экономическую зависимость страны от импортных товаров, услуг, технологий.

Коротко остановимся на ключевых макроэкономических данных. Суммарные затраты федерального бюджета на фундаментальные и прикладные исследования, а также собственные затраты предприятий на технологические инновации за период с 2000 по 2014 год возросли практически в 25 раз: с 17,4 млрд до 437,3 млрд рублей — бюджетные, и с 49,4 млрд до 1211,9 млрд рублей — частные. Рост затрат положительно сказался на объемах производства: в 23 раза увеличился объем отгруженных инновационных товаров, а их доля в общем объеме произведенной промышленной продукции поднялась за рассматриваемый период с 4,4 до 8,7 %². Заметим, что обрабатывающая промышленность показала лучшую по сравнению с добывающим сектором динамику: по затратам на технологические инновации — в 4,6 раза больше, а по объему отгруженных инновационных товаров — в 3,6.

Однако на фоне более чем 10-кратного увеличения объема ВВП за 2000–2014 годы, роста объема отгруженных товаров в 9,5 раза и 23-кратного роста выпуска инновационной продукции несколько нелогично выглядят цифры, характеризующие внешнюю торговлю товарами и технологиями.

Так, если экспорт товаров за период с 2000 по 2015 год возрос в 3,3 раза, то импорт увеличился в 5,4 раза. При этом импорт машин, оборудования и транспортных средств возрос в 7,7 раза. Заметим, что доля машин и оборудования составила в 2015 году почти 45 % всего объема товарного импорта, в то время как в 2000 году она была 31,4 %³. Заметим также, что внешняя торговля России товарами в целом и торговля машинами — качественно разнонаправленные процессы: на протяжении многих лет у нас наблюдается положительное торговое сальдо в целом, но отрицательное — по инвестиционным товарам, то есть по машинам и оборудованию. Причем четко прослеживается тенденция увеличения разрыва между экспортом и импортом машин в «пользу» последнего. А именно: если в 2000 году импорт машин превышал их экспорт на 1,5 млрд долларов США, то в 2015-м — на 56,5 млрд. Иными слова-

¹ Заведующая кафедрой менеджмента и экономики Санкт-Петербургского государственного института культуры, доктор экономических наук, профессор. Автор 106 научных публикаций, в т. ч.: «Малые инновационные предприятия при вузах и конкурентоспособность российской экономики» (в соавт.), «Венчурное финансирование малого инновационного предпринимательства в России» (в соавт.), «Компетентностный подход в образовании и системные изменения в российской экономике», «Инновационные процессы на постсоветском пространстве в условиях глобализации» (в соавт.), «Управление социокультурной деятельностью: традиции и новации» (в соавт.), «О макроэкономической результативности инновационной деятельности в России» (в соавт.) и др. Эксперт журнала «Инновации». Награждена грамотой Министерства образования и науки РФ.

² Российский статистический ежегодник. М., 2015. С. 563–565.

³ Российский статистический ежегодник. М., 2016. С. 630–631.

ми, на каждый доллар, полученный от экспорта машин в 2015 году, приходилось 37,6 доллара, выплаченных иностранным производителям.

Отрицательное торговое сальдо по машинам «логично» дополняется отрицательным сальдо в торговле технологиями, которое также имеет тенденцию к увеличению. Так, в 2000 году импорт технологий превышал их экспорт на 76 единиц по показателю «число соглашений» и на 798 млн долларов по показателю «поступление средств за вычетом выплат за год». При этом на долю обрабатывающих производств (то есть главным образом промышленное производство) приходилось лишь 13,5 % числа экспортных соглашений и 22,3 % годовой выручки от продажи, но более половины всех импортных соглашений, а точнее — 57,5 %, и 68 % от всех выплат. В 2015 году отрицательное сальдо составило 750 единиц по числу соглашений в целом, но 1440 единиц — в сфере «обрабатывающие производства». А по показателю «поступление средств за вычетом выплат за год» сальдо в торговле технологиями в 2015 году было 550 млн долларов в целом и 1068 млн долларов в сфере «обрабатывающие производства»¹.

Эти цифры свидетельствуют не только об увеличении технико-технологической зависимости российской экономики от иностранных поставщиков инвестиционных товаров и технологий, особенно в сфере обрабатывающих производств, но и о низкой продуктивности инновационной деятельности отечественных предприятий.

В заключение отметим, что разрозненные исследования и разработки, локальные инновации и денежные расходы на них, не «доведенные» до массового производства, не могут быть эффективными в принципе, так как реальную и заметную отдачу дает — прежде всего и главным образом — обрабатывающая промышленность. Рост стоимостных макроэкономических показателей, снижение инфляции, сравнительно небольшой уровень государственного долга пока никак не способствуют улучшению структуры производства и повышению уровня обеспеченности страны отечественными товарами. Высокую, а в ряде секторов и сфер деятельности — чрезмерную зависимость российской экономики от импортных инвестиционных товаров можно преодолеть лишь путем неуклонного наращивания объемов производства высокотехнологичных товаров, а для этого нужно добиваться роста эффективности затрат на инновационную деятельность и повышения ее отдачи.

Повышение макроэкономической результативности затрат на инновационную деятельность возможно при соблюдении двух взаимосвязанных условий. Первое — это материализация инновационных разработок в достаточно больших физических объемах промышленной продукции. Второе условие заключается в том, чтобы обеспечить прямую и устойчивую связь между инновационной и производственной деятельностью организаций в тех сферах и сегментах, которые затрагивают как минимум стратегические национальные интересы.

Н. Н. Никулин²

УРОВЕНЬ НАКОПЛЕНИЯ КАПИТАЛА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Экономическая глобализация оказывает значительное влияние на воспроизводственные процессы в рамках национальных экономик.

Открытость мировой экономики привела к тому, что исчезло разделение на внутреннюю и внешнюю конкуренцию, но понятие национально-государственных экономических интересов сохраняется и в этих условиях.

¹ Рассчитано по: Российский статистический ежегодник. М., 2011. С. 560, 561; Российский статистический ежегодник. М., 2016. С. 521.

² Профессор кафедры экономики Института экономики и управления промышленными предприятиями Национального исследовательского технологического университета «МИСиС», доктор экономических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор ряда научных и учебных публикаций, в т. ч.: «Циклы и кризисы в странах общего рынка», «Экономика России и стран СНГ в условиях глобализации мирового хозяйства», «Противоречивость влияния иностранных инвестиций на развитие национальной экономики и экономического роста», «Экономическая теория в условиях глобализации», «ВТО как организационная структура процесса экономической глобализации», «Россия в глобальной экономике: вызовы и перспективы», «Роль иностранного капитала в развитии высокотехнологичных отраслей промышленности России», «Мировоззренческие основания процесса экономической глобализации» и др.

Противоречие, которое может быть определено как основное экономическое противоречие эпохи глобализации мировой экономики, — это противоречие между потребностью в едином мировом экономическом пространстве, обусловленной глобализацией, и существованием национально-государственных форм хозяйствования, в рамках которых функционируют национальные воспроизводственные комплексы.

Эффективная национальная хозяйственная модель в современных условиях — это такая институционально-организационная структура экономики, которая позволяет стране включиться в транснациональные воспроизводственные циклы глобальной экономики и получать при этом большую долю мирового дохода. Это предполагает производство и реализацию товаров с высокой долей добавленной стоимости, что возможно только в условиях глубокой модернизации экономики России.

В 2009 году президент России Д. А. Медведев, говоря о путях развития экономики страны, сформулировал вопрос: «Должны ли мы и дальше тащить в наше

будущее примитивную сырьевую экономику?»¹. Прошло семь лет, а экономика остается «примитивной». Почему? Говорят о неэффективности институциональной системы, о коррупции и пр. В последнее время можно услышать много рассуждений о модернизации экономики, переходе к инновационному развитию промышленности, о проведении политики импортозамещения и обеспечении экономической безопасности страны. Однако, на наш взгляд, более важные факторы слабого инновационного процесса — низкий уровень капиталовооруженности в обрабатывающих отраслях промышленности и отсутствие прорывных технологических разработок. Причем эти факторы в значительной степени взаимосвязаны.

Технологическая модернизация в настоящее время — это обязательно конкурентный вызов мировым производителям той или иной продукции. По-другому в условиях глобальной экономики быть не может, иначе остается только протекционизм и потребление продукции исключительно собственного производства. В связи с этим можно отметить парадоксы российской экономической политики: с одной стороны, вступление в ВТО, с другой — стремление к сохранению, например, собственного производства легковых автомобилей, гражданских самолетов, электроники и т. д. Но отставание российских производителей в этих областях осталось таким же (если не стало больше), как и во времена СССР. Однако именно технологическое отставание СССР до сих пор является одним из основных аргументов при обосновании неэффективности советской экономики в целом. Возникают резонные вопросы: надо ли преодолевать подобное отставание и что можно сделать, чтобы его преодолеть?

Конкурентоспособность производства в современных условиях предполагает наличие не только ноу-хау, но и технологий, оборудования и определенного объема инвестиций. Модернизация экономики России требует качественно иного уровня капиталовооруженности производства. Без определенного «стартового» уровня инвестиций нельзя наладить выпуск конкурентоспособной на мировом рынке продукции. Во многих высокотехнологичных отраслях промышленности требуется критическая масса инвестиций для организации современного по мировым меркам процесса производства. В условиях глобализации и открытости экономики это становится аксиомой.

Сопоставляя уровни развития экономики разных стран, необходимо представить данные в определенной единой валюте — в долларах США. При этом, на наш взгляд, сопоставление реальных уровней развития экономик возможно только на основе рыночного валютного курса, а не паритета покупательной способности.

Анализируя развитие экономики страны, можно отметить прямую взаимосвязь динамики капиталовооруженности труда и величины добавленной стоимости. При этом, сопоставляя уровень капиталовооруженности, например, в обрабатывающей промышленности США и РФ за период 2004–2015 годов, приходим к выводу, что возможности для развития высокотех-

нологичных отраслей промышленности в РФ ограничены. Так, средний уровень капиталовооруженности труда в обрабатывающей промышленности в 2004–2015 годах в США был выше, чем в России, в 10,7 раза (246,8 тыс. долл. против 23,2), величина добавленной стоимости на одного занятого — в 7,9 раза (148,0 тыс. долл. против 18,7), объем инвестиций — в 8,2 раза (31,4 тыс. долл. против 3,9). Дело в том, что современные высокотехнологичные производства весьма капиталоемки. Затраты на создание новых технологий и инновационных продуктов очень высоки. Рынок в данной сфере экономики является олигополистическим, так что проникновение туда новых фирм весьма затруднительно.

О возможности повышения уровня капиталовооруженности свидетельствует показатель доли накопления основного капитала в ВВП. К сожалению, у России этот показатель значительно ниже, чем у таких государств, как Китай и Индия, где благодаря высокой капиталовооруженности возможно развитие высокотехнологичных отраслей промышленности. Показатели же РФ соответствуют уровню стран, которые уже осуществили модернизацию своей экономики, а не стремятся к ее проведению. Так, доля накопления основного капитала в РФ за 2004–2015 годы в 2,1 раза ниже, чем в Китае, и соответствует уровню экономических развитых Германии и США.

При этом увеличить долю накопления основного капитала России весьма проблематично, поскольку в ВВП очень низка доля сбережений. В Китае и Индии доля сбережений в ВВП значительно выше, что является одним из источников ускоренного накопления основного капитала. Также источником более быстрого роста капиталовооруженности в стране могут стать прямые иностранные инвестиции. Однако в России они также значительно меньше, чем в других странах с развивающейся экономикой. Так, например, в Бразилии значительный чистый приток прямых иностранных инвестиций позволил в определенной мере компенсировать более низкий уровень сбережений в ВВП. Большое значение имеет также фактор направленности инвестиционного процесса. Несмотря на многочисленные заявления о необходимости поддержки высокотехнологичного сектора экономики, реальные инвестиции в России в значительной степени направляются в добывающие отрасли промышленности. Основные фонды в целом за 2004–2015 годы выросли в 4,5 раза, в обрабатывающей отрасли — в 4,8 раза, в добывающей — в 6,7 раза. Если в 2004 году величина основных фондов в обрабатывающей отрасли была выше, чем в добывающей (соответственно 3 трлн 196 млрд и 2 трлн 618 млрд руб.), то в 2015 году она была более чем на 2 трлн рублей меньше (15 трлн 352 млрд и 17 трлн 588 млрд руб. соответственно).

При этом объем инвестиций в добывающую отрасль за данный период был почти на 600 млрд рублей больше, чем в обрабатывающую (16 трлн 349,8 млрд и 15 трлн 871,2 млрд руб.). Объем введенных мощностей за 2004–2015 годы в добывающей отрасли был почти на 1,2 трлн рублей больше, чем в обрабатывающей (соответственно 12 трлн 845,4 млрд и 11 трлн 661,6 млрд

¹ Медведев Д. Россия, вперед! URL: http://www.gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml

руб.). В результате в 2015 году величина основных фондов в добывающей промышленности стала выше, чем в обрабатывающей, хотя в 2004 году наблюдалась противоположная картина.

Таким образом, решение проблемы накопления капитала для современной модернизации российской экономики, по нашему мнению, возможно либо на базе значительного повышения доли сбережений в ВВП, либо за счет привлечения значительных прямых иностранных инвестиций. Объединение же этих

факторов позволило бы гораздо быстрее решить данную проблему. Но для этого требуется значительное изменение экономической политики. Использование первого фактора сталкивает экономические интересы разных поколений российского общества, поэтому здесь необходимо достичь определенного консенсуса. Приток инвестиций из-за рубежа наталкивается на санкции со стороны основных возможных государств-доноров и требует значительных изменений в государственной политике в целом.

Е. А. Петрова¹

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ПРАВА НАЦИИ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Современные глобализационные процессы, происходящее во всех сферах общественной жизни, требуют особого внимания к проблеме правового закрепления и защиты прав человека и прав нации, которые выйдут за рамки отдельного государства и становятся «заботой» всего мирового сообщества. При этом права отдельного человека и права нации в целом не должны рассматриваться как нечто изолированное и тем более противостоящее друг другу, в связи с чем реализация одной группы прав не должна приводить к ограничению или нарушению другой.

Права человека

Права человека традиционно выступали объектом регулирования национального права, и лишь необходимость сообща решать глобальные проблемы человечества привела к тому, что с середины XX века, в первую очередь благодаря усилиям ООН, началось признание принципа современного международного права — принципа уважения прав и свобод человека — в качестве базового. Принятая в 1948 году Всеобщая декларация прав человека впервые дала, пусть и в рекомендательной форме, универсальный перечень прав человека, к обеспечению которых должны стремиться «все народы и государства». В дальнейшем этот перечень был конкретизирован и приобрел обязательный характер в международных пактах о правах человека 1966 года, а также в целом ряде региональных международных документов (например, в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.) и специализированных международных актах, посвященных отдельным категориям прав (например, в Конвенции о правах ребенка 1989 г.).

Очевидно, что подобное признание прав человека на международном уровне выступает важной гарантией их реализации и защиты в условиях формирования глобального правового пространства. Оно обеспечивает некий минимальный стандарт, который применим к любому человеку независимо от того, гражданство какого государства он имеет и в какой стране постоянно или временно проживает, что особенно актуально в условиях возрастающей мобильности современных людей.

Однако при этом важно понимать, что международное право формулирует права человека в самой общей форме, конкретизация же их осуществляется в национальном праве с учетом специфики правовой системы, обусловленной историческим развитием конкретного государства, характером общественно-политического и экономического строя, общей политической и правовой культурой населения. Так, закрепляя право на брак (ст. 16 Всеобщей декларации прав человека, ст. 23 Международного пакта о гражданских и политических правах), международные нормы не указывают формы брака, что приводит к возможности легализации однополых браков, многоженства и т. д. Устанавливая право каждого на «достаточный жизненный уровень для него и его семьи, включающий достаточное питание, одежду и жилище, и на непрерывное улучшение условий жизни» (ст. 25 Всеобщей декларации прав человека, ст. 11 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах), международные акты не дают ему стоимостную и качественную оценку. Здесь мы сталкиваемся с главной проблемой в реализации международных гарантий прав человека.

Дело в том, что, согласно нормам международного права, государства обязаны обеспечить реализацию международно признанных прав человека лишь *в пределах имеющихся у них ресурсов* (ст. 2 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах), а значит, априори эти права не могут быть равными в разных странах. Более того, государства всегда могут «оправдать» непредоставление или предоставление не в полном объеме тех или иных прав отсутствием необходимых ресурсов. Поэтому у индивида должна быть возможность обратиться с жалобой на нарушения

¹ Доцент кафедры теории и истории государства и права Ивановского государственного университета, кандидат юридических наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Статуты и прецеденты в системе источников американского права», «Роль международного права в защите прав и свобод личности», «Влияние института судебного конституционного контроля на основные источники права США», «Международные договоры и национальные законы: проблемы соотношения и взаимодействия», «Национальный правовой порядок и международное право в условиях глобализации», «Национальная культура как детерминанта правового развития государства в России и США: сравнительный аспект», «Doctrinal Foundations of Judicial Lawmaking in the USA» и др.

своих прав со стороны государства в международные правозащитные органы — и международное право ее предоставляет. Так, нарушения государствами-участниками положений Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод могут быть рассмотрены Европейским судом по правам человека. Однако эффективность данного правозащитного механизма снижается из-за того, что у государств имеется возможность, опираясь на свой суверенитет, в некоторых случаях найти легальные основания для неисполнения решений международных судебных органов.

Таким образом, в глобальном мире закрепление прав человека на уровне международного права и создание международных правозащитных институтов выступает важной гарантией их обеспечения и охраны, но степень действенности этой гарантии напрямую зависит от того, насколько государство следует признанным им принципам и нормам международного права.

Права нации

Среди прав нации в настоящее время, когда идут постоянные интеграционные и миграционные процессы, особое значение приобретает право на самоопределение. Данное право закрепляется в первых статьях обоих международных пактов 1966 года и трактуется ими как право народов свободно устанавливать свой политический статус и свободно обеспечивать свое экономическое, социальное и культурное развитие. Право на самоопределение, «предназначенное» в первую очередь для колониальных народов, за которыми на международном уровне тем самым закрепилось право на создание суверенного государства, в настоящее время приобретает новое содержание, так как реализуется народами, уже проживающими в суверенных государствах. Именно в рамках государств нации должны иметь нормативно закрепленную возможность самоопределяться. Так, например, субъекты федерации, образованные по национальному критерию, могут иметь свой национальный государственный язык, свое гражданство и т. д. Однако на современной международной арене нередки случаи, когда право на самоопределение используется для оправдания сепаратистских движений, ведущих к расчленению единых государств. Между тем в Декларации

о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1970 году, прямо указывается, что ничто в содержании принципа равноправия и самоопределения народов «не должно истолковываться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, соблюдающих в своих действиях принцип равноправия и самоопределения народов и вследствие этого имеющих правительство, представляющие без различия расы, вероисповедания или цвета кожи весь народ, проживающий на данной территории. Каждое государство должно воздерживаться от любых действий, направленных на частичное или полное нарушение национального единства и территориальной целостности любого другого государства»¹. Из этих положений можно сделать вывод, что международное право в настоящее время признает лишь одно правомерное основание для народа выйти из состава государства и создать свое собственное государство или присоединиться к другому. Это ситуация, когда государство нарушает принцип самоопределения народов. Во всех других случаях реализация права на самоопределение не может идти вразрез с другим базовым принципом международного права — принципом территориальной целостности государств, соблюдение которого особенно важно при глобализационных процессах.

Поэтому, на наш взгляд, право наций на самоопределение в современных условиях должно использоваться не для оправдания возможных сепаратизмов, а для сохранения национальной идентичности с опорой в первую очередь на собственную культуру (политическую, экономическую, правовую, нравственную и т. д.). Глобальный мир не должен привести к созданию глобальной нации, поэтому в ответ на глобализацию в мире усиливаются регионалистские тенденции. В связи с этим мы считаем, что девиз Европейского Союза — «единые в многообразии» (“United in diversity”) — следует взять за базовый принцип формирования мирового правопорядка.

¹ Тексты международных актов взяты с официального сайта ООН (www.un.org).

Н. Н. Покровская¹**РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭНЕРГЕТИКИ И ЭКОЛОГИЗАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА, ПЕРЕДАЧИ И ПОТРЕБЛЕНИЯ ЗНАНИЙ**

Экономика знаний, или экономика, основанная на знаниях и инновациях (knowledge-driven², innovation-driven economy³), отражает смену парадигмы от ориентации на ресурсы (resource-based⁴, factor-driven⁵) и методы повышения производительности и эффективности управления (efficiency-driven growth⁶) к стратегии развития «голубой океан»⁷, созданию новых рынков и временного внеконкурентного лидерства.

Постсовременное общество и постиндустриальная⁸ экономика связаны в социетальную систему, ключевую роль в которой играет знание как: а) более адекватное отражение реальности в представлениях (классическое определение знания в аристотелевской традиции); б) компетентность, то есть способность извлекать пользу из знания; в) креативность, готовность постоянно создавать новое и предпринимательские навыки по внедрению новых технологий и моделей.

Выделяют ряд основных подходов к интерпретации экономики знаний как научной дисциплины или группы концепций и как стратегии развития бизнеса. Начиная с работ по модернизации как

преодолению модерна⁹ (рационального, линейного, дифференцированного сознания¹⁰) и анализу нового общества¹¹, экономика знаний отражала способность человечества и конкретного общества сформировать систему хозяйствования, ключевую роль в которой играют наукоемкие технологии и отраслевые сектора, в частности сервис¹², информационно-телекоммуникационный сектор¹³.

Концептуальные подходы к осмыслению экономики знаний включают определение фундаментальных свойств наукоемких (knowledge-intensive) отраслей, анализ их роли в обеспечении экономического роста, производительности и эффективности¹⁴, специфики их функционирования. Социологический анализ влияния оцифровки на экономические поведенческие модели¹⁵, включая организацию труда¹⁶ (распределенная работа, фриланс и частичная занятость, виртуальные предприятия, совещания и согласования посредством видеосвязи и социальных сетей и т. п.), сформировал экономико-социологические интерпретации постмодерна как информационного общества, в котором коммуникация осуществляется мгновенно и стоит предельно дешево. Точнее, вычислительные мощности могут приводить к прямому созданию денежной стоимости через, например, «добычу» (mining) биткоинов путем выполнения расчетов в системе блокчейн (blockchain). Учитывая влияние роботизации на вытеснение человеческого труда в сферу творчества¹⁷, экономика знаний формирует новые регуляторы поведенческого выбора.

Управленческая наука в большей мере сосредоточена на механизмах и методах менеджмента знаний как инструментального набора обеспечения эффективности¹⁸ организаций¹⁹. Здесь рассматривают-

¹ Заместитель директора по научной работе Международного института экономики и политики Санкт-Петербургского государственного экономического университета, профессор кафедры международного бизнеса, доктор социологических наук. Автор более 320 научных публикаций, в т. ч.: "Global and Local Regulating Approach for Sustainable Development", "Innovative infrastructure in China: institutional development and research Clusters' regulation" (в соавт.), «Динамика критериальных моделей и ценностно-смысловых шкал в регулятивных механизмах инновационного роста экономики», «Коммуникационные нейротехнологии и социологический анализ виртуальной идентичности», «Некоторые подходы к оценке эффективности налогового стимулирования НИОКР», «Международные программы высшего образования: генезис и перспективы развития» (в соавт.) и др. Член редакционного совета журналов «Социология и право», «Личность и культура». Член Санкт-Петербургского союза ученых, член-корреспондент Международной академии наук высшей школы, действительный член Академии проблем гуманизма (Ереван). Награждена медалью в честь 30-летия Федерации космонавтики РФ за большой вклад в пропаганду достижений отечественной космонавтики.

² *Machlup F.* The Production and Distribution of Knowledge in the United States. Princeton : Princeton Univ. Press, 1962.

³ *Koh W. T. H.* Towards Innovation-driven Economic Growth: R&D Capabilities and Entrepreneurship in Singapore // The Economic Prospects of Singapore / eds. W. T. H. Koh, R. S. Mariano. Singapore : Pearson-Addison Wesley, 2005. P. 153–202.

⁴ *Solow R. M.* Resources and economic growth // The American Economist, Omicron Delta Epsilon. 1978. Oct. Vol. 22 (2). P. 5–11.

⁵ *Abramovitz M., David P. A.* Technological change and the rise of intangible investments. The U. S. economy's growth-path in the twentieth century // Employment and Growth in the Knowledge-Based Economy. P. : OECD, 1996. P. 35–60.

⁶ *Tan K. S.* From Efficiency-Driven to Innovation-Driven Growth: Perspectives from Singapore. World Bank Workshop on Creative Industries in East Asia. Research Collection School of Economics, 2004. URL: http://ink.library.smu.edu.sg/soe_research/809 (дата обращения: 20.02.2017).

⁷ *Kim W. C., Mauborgne R.* Blue Ocean Strategy // Harvard Business Review. 2004. Oct. P. 76–85.

⁸ *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society: A venture of social forecasting. N. Y. : Basic Books, 1973.

⁹ *Galbraith J. K.* The New Industrial State. Boston : Houghton Mifflin Co., 1967.

¹⁰ *Валлерстайн И.* Модернизация: мир праху ее // Социология: теория, методы, маркетинг. 2008. № 2. С. 21–25.

¹¹ *Beck U., Giddens A., Lash S.* Reflexive Modernization. Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order. Cambridge : Polity Press, 1994.

¹² *Stanback T. M.* Understanding the Service Economy: Employment, Productivity, Location. Baltimore : Johns Hopkins Univ. Press, 1979.

¹³ *Porat M. U.* The Information Economy. Definition and Measurement. Washington : Dep. Commer., Off. Telecommun., 1977.

¹⁴ *Brynjolfsson E., Hitt L. M.* Beyond computation: information technology, organizational transformation and business performance // The Journal of Economic Perspectives. 2000. Vol. 14. P. 23–48.

¹⁵ *Florida R. L.* The Great Reset: How the Post-Crash Economy Will Change the Way We Live and Work. N. Y. : Harper Collins, 2010.

¹⁶ *Kenney M., Florida R.* Beyond Mass Production: The Japanese System and Its Transfer to the U. S. N. Y. : Basic Books, 1993.

¹⁷ *Florida R. L.* The Rise of The Creative Class: And How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life. N. Y. : Basic Books, 2002.

¹⁸ *Nonaka I., Takeuchi H.* The Knowledge Creating Company. N. Y. : Oxford Univ. Press, 1995.

¹⁹ *Prusak L.* Knowledge in Organizations. Boston : Butterworth-Heinemann, 1997.

ся прежде всего вопросы производства теоретического знания, его коммерциализации и внедрения¹ в ходе инновационного процесса, построения эффективной организационной и территориальной (например, кластера) структуры. Выявление лучших практик в области организации бизнеса учитывает необходимость нового подхода к регулированию процесса креативного создания и передачи явного и неявного (*tacit*) знания².

Рассматривая эволюцию экономики знаний с макроэкономических и регулятивных позиций, следует выделить два разнонаправленных подхода к формированию и поддержке развития наукоемких отраслей и секторов, обеспечивающих эффективное развитие человеческого капитала.

С этой точки зрения следует выделить два важнейших направления: изучение территориальных инновационных систем (инфраструктурные проекты местных и центральных властей и т. п.) и анализ регулятивных механизмов. Если в области анализа создания и развития инновационных кластеров, формирования и дифференциации инновационных систем, расширения государственно-частного партнерства для обеспечения развития инноваций существует достаточно много работ, в том числе на русском языке, то в области регулятивных механизмов стимулирования креативной и предпринимательской деятельности сегодня можно привести лишь сложившиеся психологические исследования и значительное число статей, содержащих анализ отдельных примеров успеха корпоративных и территориальных моделей (*case-studies*) и результаты

точечных исследований³ регулирования НИОКР (R&D).

Использование знаний, способность расширенного внедрения открытий и изобретений, новых представлений и мировоззрений редко служит предметом управленческого анализа. Напротив, на уровне государственного регулирования и социетальной эволюции необходимо рассматривать целостное развитие экономики знаний, включая угрозы, опасности и возможности («умная среда», «Интернет вещей» и т. п.).

Прогнозы Римского клуба, концепция устойчивого развития ООН и другие документы демонстрируют значимость вопросов политики регулирования энергетического сектора. Включение экологических вопросов в проблематику экономического роста и развития бизнеса происходит путем как ограничений, так и субсидирования и налоговых льгот для расширения использования энергии из возобновляемых источников. Указанные регулятивные меры позволили уже к 2016 году добиться того, что около 87 % используемых источников генерации энергии в Германии составляют возобновляемые источники. Планируется, что большая часть генерации в мире с использованием возобновляемой энергии будет проходить без субсидий⁴. Массированное вливание ресурсов в научные исследования технологий получения энергии из возобновляемых источников и энергосбережения позволит сделать эти технологии более прибыльными даже вне субсидий или систем налоговых льгот.

Р. А. Ромашов⁵

ОТ «ГОСУДАРСТВЕННОГО ХОЗЯЙСТВА» К «ПРАВОВОЙ ЭКОНОМИКЕ»: ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО МИРОВОГО КОММУНИКАЦИОННОГО ПРОЦЕССА

1. Понятие современного мира и мирового коммуникационного процесса

Понимание мира в русской лингвистической традиции происходит в трех основных контекстах:

- мир как антипод войны (мирное время);
- мир как среда обитания (человеческий мир);
- мир как общество (с миру по нитке — голому рубаха).

¹ Romer P. M. Endogenous technological change // Journal of Polit. Economy. 1990. Vol. 98. P. 71–102.

² Powell W. W., Snellman K. The Knowledge Economy // Annual Review of Sociology. 2004. Vol. 30. P. 199–220.

³ Ornston D. When the High Road Becomes the Low Road: The Limits of High-Technology Competition in Finland // Review of Policy Research. 2014. Sept. Vol. 31, Issue 5. P. 454–477.

⁴ World Energy Outlook 2016. P. : the International Energy Agency, 2016.

⁵ Профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч.: «Теория государства и права. Краткий курс» (2-е изд.), «Национальная правовая культура России: традиции, ценности, техника», «Конституционно-правовые отношения: субъект-объектные состояния и межсубъектные взаимодействия», «Понимание права в России и на Западе: интеграция или конфронтация», «Юридическая герменевтика в XXI веке» (монография, в соавт.) и др. Член редколлегии журнала «История государства и права».

Современный мир — динамическая характеристика сложившегося в настоящее время состояния человеческого сообщества. В качестве социально-культурного явления современный мир сложился в результате двух глобальных трансформаций, произошедших во второй половине XX века: разрушения мировой империалистической системы и распада мировой социалистической системы. Следствием названных трансформаций стало формирование новых переходных миров — «постколониального» и «постсоциалистического», находящихся в неустойчивом, перманентно меняющемся состоянии и обуславливающих неопределенность мирового коммуникационного процесса.

Мировой коммуникационный процесс — субстанция общественных отношений, складывающихся в рамках

современного мира. Переход от полярной модели мирового устройства, основанной на противопоставлении представителей различных социальных культур (религиозных, национальных, политических, идеологических и т. п.) и делении человеческого сообщества на «правильное/прогрессивное» и «неправильное/регрессивное», к поликультурной (цивилизационной, толерантной) парадигме обозначил явное расхождение между теоретическими постулатами и фактическими результатами их внедрения в социально-политическую и экономическую практику.

Тезис о глобализации как средстве, обеспечивающем диалог культур и партнерство цивилизаций, в последнее время все более вытесняется заявлениями о противоборстве локальных национальных культур и экономик, конкурирующих и конфликтующих друг с другом.

Формирование на уровне индивидуального и коллективного правосознания образа России в качестве государства актуализирует ряд проблем, связанных с ассоциативным рядом «государство–мир».

В качестве «проблемного поля», определяющего масштабы предмета дальнейшего рассмотрения, следует выделить:

- восприятие России в качестве целостного мира и определение места в этом мире человека/гражданина, его прав и свобод;
- определение места России в современном мире в плане статуса центральной (мировой) либо периферийной (региональной) державы;
- конструирование моделей внутрисоциального и международного статуса Российского государства как социально-политической организации и механизма публичной политической власти.

2. Россия: центр мира или региональная держава

Россия, представляя собой сегмент цивилизационного мирового пространства, на разных этапах своей истории по-разному позиционирует себя по отношению как к миру в целом, так и к его представителям.

Можно выделить две сменяющие друг друга модели мировосприятия:

- Россия — центр мира;
- Россия — часть мира.

Восприятие России в качестве центра мира (вселенной) первоначально обусловлено концепцией «Москва — третий Рим» (XVI в.): «Два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не бысти». В основе концепции достаточно стандартная и не единожды используемая различными идеологиями мысль о национальной исключительности «народа-богоносца».

Самопровозглашение в XVIII веке Российской империи имело своей основной целью самоидентификацию Российского государства как *одного из* европейских государств, развивающегося по европейским стандартам и в соответствии с европейскими ценностями.

Россия, являясь империей, никогда не была империалистическим государством. «Окраинные территории», включенные в состав Российского государства в период XVI–XIX веков, не рассматривались в каче-

стве «придатков» европейской России, а являлись полноправными административно-территориальными образованиями.

Советский Союз, по сути, возродил характерную для Московского царства идею государственной исключительности, придав ей не религиозный, а идеологический характер. Причем носителем коммунистической идеи предстояло стать не какой-то отдельной избранной нации, а наиболее прогрессивному интернациональному классу — мировому пролетариату.

Кризис коммунистической идеологии, распад СССР и крах мировой социалистической системы обусловили появление новой ойкумены — постсоветского пространства. Причем эта пространственная сфера распространяется как на представителей бывшего социалистического мира, так и на наших идеологических противников, для которых разрушение противостоящей системы означало появление проблемы организации дальнейшего мироустройства и выбора путей и средств поддержания и защиты мирового правопорядка.

Говоря о месте России в постсоветском мире, прежде всего следует признать, что Российская Федерация как одна из 15 бывших союзных республик, несмотря на заявленное правопреемство СССР, безусловно, не стала тем центром мировой силы, которым в рамках мировой социалистической системы являлся Советский Союз. В настоящий момент Россия, бесспорно, представляет собой сильное государство с самостоятельной внутренней и международной политикой. Однако это всего лишь *одно из* сильных государств, имеющих в своем активе ядерное оружие и космические программы. Россия не воспринимается в качестве «мирового центра» ни собственным народом, ни международным сообществом. Вместе с тем на уровне высшей государственной власти сохраняются имперские амбиции, связанные с попытками доказать человечеству особое место России в мировой истории и в современном мироустройстве.

3. Возможные перспективы: от государственного хозяйства к правовой экономике

Представляя собой систему «сквозной иерархии», основанную на «вертикали власти», Россия на всех этапах своей истории развивалась под воздействием двух взаимообусловленных и вместе с тем взаимоисключающих тенденций: центростремительной и центробежной. Под влиянием этих тенденций, с одной стороны, государственная бюрократия всегда стремилась к абсолютизации властных полномочий, а с другой — многочисленные политические катаклизмы, выражающиеся в государственных переворотах, приводили к постоянной смене политического курса и «обрушению» государственной системы.

Экономико-правовая система России рассматривалась «власть имущими» в качестве «хозяйства», всецело зависящего от воли лиц, которые на данном историческом этапе выступают в качестве «владельцев земли и народа русского». При таком подходе экономические закономерности рассматривались как вторичные по от-

ношению к политической, а точнее к олигархической целесообразности.

Современный переходный период, переживаемый экономико-правовой системой России, имеет два перспективных направления:

— формирование правового государства и правовой экономики, в основу которых положены объективные факторы цивилизационного развития, заключающиеся в общечеловеческих правовых ценностях и экономических принципах;

— усиление бюрократического волюнтаризма бюрократической олигархии, неподотчетной и неподконтрольной в своих решениях и поступках внешним экономико-правовым институтам.

В том случае, если возобладает второе направление, то целостность России и сохранение экономико-правовой традиционности и стабильности окажутся под серьезной угрозой. То, какой из путей выберет Россия, полагаю, станет понятно уже в течение грядущего десятилетия.

Е. С. Садовая¹

СИСТЕМНЫЕ СДВИГИ В СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ: ГОТОВЫ ЛИ МЫ ВОСПРИНЯТЬ НОВУЮ СОЦИАЛЬНУЮ РЕАЛЬНОСТЬ

Период, переживаемый сегодня человечеством, несомненно, сложный, но одновременно чрезвычайно интересный, прежде всего с точки зрения исследователей. Даже для непосвященных наблюдателей очевидно, что на наших глазах заканчивается целая эпоха. Перестают действовать сложившиеся правила в политике и международных отношениях. Более того, все хуже работают и экономические механизмы, и институты, обеспечивающие реализацию социальной политики. Появляются новые институты и субъекты, претендующие на формирование иных принципов взаимодействия с окружающим миром, при этом старые, проверенные временем институты стремительно теряют свою эффективность. Процесс трансформации охватывает все сферы общественной жизни и приобретает все более неуправляемый характер. Именно поэтому о современном состоянии общества, на наш взгляд, правомерно говорить как о системном кризисе, ведущем к трансформации мироустройства.

«Мироустройство» в данном контексте — понятие отнюдь не тождественное понятию «миропорядок» в веберовской трактовке, которое имеет в большей степени политико-правовое содержание, отражает особенности политико-правовой надстройки системы и в этом смысле воспринимается как более «явное», легче поддающееся рационализации и анализу. Наша трактовка мироустройства ближе к пониманию социального пространства П. Бурдьё и рассматривает его (мироустройство) как некий организм, сложную систему, включающую институты, субъекты и общественные связи между ними, живущую и постоянно развивающуюся по собственным законам.

Интуитивное понимание того факта, что сложившаяся система мироустройства исчерпала ресурс своего развития, не облегчает проведения строгого научного анализа происходящих процессов. Когда «неполадки» охватывают все условно выделяемые при научном анализе сферы общественных отношений — политику, экономику, социальную и социально-трудовую сферы, ведут к одновременному и взаимообусловленному их изменению, рождается новое качество общественной ткани, трудно поддающейся «разделению» на составляющие. Это серьезно осложняет исследование, но не уменьшает желание понять внутренние механизмы происходящих трансформаций, оценить связанные с ними риски и заглянуть в будущее, явно уже не столь далекое, но вызывающее опасение своей непредсказуемостью.

Представляется чрезвычайно актуальной попытка вычленения социальной составляющей внутри трансформационных процессов сложившегося мироустройства в условиях, когда угроза социальному благополучию, завоеванному с таким трудом предыдущими поколениями и казавшемуся незбылемым поколениям сегодняшним, становится все более реальной даже в самых благополучных странах мира.

В период экономической и политической турбулентности вопросы занятости, социальной политики, социального обеспечения и — шире — социальной справедливости оказываются в центре внимания и политиков, и экспертного сообщества, и «простых» граждан. И чем глубже социально-экономический кризис, чем значительнее ухудшение социального самочувствия широких масс населения, тем острее эти вопросы ставятся и тем более радикальные рецепты предлагаются для его преодоления. Это неоднократно подтверждалось на протяжении всей истории человечества. Достаточно вспомнить развитие ситуации в Европе и России на рубеже XIX–XX веков, когда социальные потрясения привели к значительным изменениям политических и социальных основ общества.

В интервью, данном в рамках ежегодного экономического форума в Давосе в январе 2017 года, говоря о тотальном кризисе политики, А. Б. Чубайс выразил,

¹ Заведующая отделом комплексных социально-экономических исследований Института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, кандидат экономических наук, доцент. Автор более 120 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Трансформация принципов современного мироустройства: социальный аспект» (в соавт.), «Международные стандарты в сфере труда: институты и механизмы реализации (опыт развитых стран и России)», «Качество жизни населения мира: тенденции, измерение, институты» (в соавт.), «Инновационная экономика: занятость, трудовая мотивация, эффективность труда» (кол. авт.), «Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант» (кол. авт.) и др.

как представляется, не только свое личное мнение, но и мнение значительной части мировой элиты. И дело не в том, что внезапно резко упало «качество» политиков, которые вдруг стали принимать неверные решения. И не в том, что народ в разных странах решил для разнообразия сделать ставку на антисистемных политиков. Проблема гораздо глубже.

Сложившаяся в предыдущие десятилетия политическая система развитых стран, которая к концу XX века стала новым (и единственным) «убедительным, прогрессивным нарративом» для человечества (Ф. Фукуяма), известным как «социальное государство», подразумевала сильную социальную политику в качестве основного механизма легитимации власти. Сегодня постепенно исчезают экономические ресурсы этой политики. Механизм экономического роста и обеспечения социального благополучия, основанный на обществе потребления, все менее эффективен.

Дело в том, что постоянный экономический рост, достигавшийся за счет расширения массового потребления, то есть роста потребительского спроса, в условиях индустриальной экономики был напрямую связан с увеличением занятости (таковы особенности индустриального производства). Практически полная занятость обеспечивала населению широкий доступ к социальной политике через системы страхования социальных рисков, но именно в этой сфере зародились те негативные тенденции, которые несут в себе угрозу социальному прогрессу. Они обусловлены стабильным сокращением спроса на труд, выражающемся в снижении доли труда в национальном доходе, росте вынужденной незанятости населения и показателей безработицы и ведущем в конечном счете к сокращению потребительского спроса и замедлению экономического роста.

В последние годы экспертами отмечается такой тревожный факт, как отсутствие связи между возобновившейся после кризиса 2008 года инвестиционной активностью и ситуацией в сфере занятости, которая продолжала ухудшаться. Это нашло отражение как в росте незанятости, так и в структурных проблемах на глобальном и национальных рынках труда. Оказалось, что в складывающейся постиндустриальной, высокотехнологичной экономике каждый следующий процент экономического роста достигается все меньшим приростом занятости, а затем и при ее снижении.

Новые технологии не просто изменили характер труда и повысили его эффективность, но стали успешно конкурировать с человеком, вытесняя его из экономики и делая ее все более безлюдной. Все меньшее число работающих может полностью удовлетворить платежеспособный спрос населения планеты. Однако при быстром сокращении числа качественных рабочих мест платежеспособный спрос постепенно снижается, вызывая к жизни уже очевидно опасные финансовые инструменты его стимулирования, еще больше усугубляющие ситуацию. Характерно, что экономический кризис лишь ускорил процесс замещения живого труда в экономике как в развитых странах, так и в странах с формирующимися рынками. Неслучайно политики сегодня все больше озабочены проблемой сохра-

нения рабочих мест. Многие исследователи сходятся во мнении, что Дональд Трамп был избран президентом США именно жителями городов «ржавого пояса» Америки, пострадавшими от передислокации их рабочих мест в страны с формирующимися рынками, прежде всего в Мексику и Китай. То, что Трамп настроен в этом отношении решительно, подтверждают его первые президентские указы, встречи с представителями бизнеса, воинственная риторика в адрес Китая, угрозы начать с последним торговые войны — в сущности, войны за рабочие места, которые позволят государству обеспечить социальное благополучие граждан в прежних объемах.

Может ли увенчаться успехом провозглашенная политика? Вряд ли. Переведенные в другие страны десятки тысяч индустриальных рабочих мест (в той же автомобильной промышленности) даже при условии полного успеха всех планов Трампа сегодня станут в лучшем случае тысячами. Технологии за последние годы значительно продвинулись вперед. Под угрозой оказываются миллионы рабочих мест уже не только в промышленности, на транспорте и в торговле, но и в сфере услуг, интеллектуальной деятельности.

Люди вытесняются из сферы труда, а у государства находится все меньше денег, чтобы с помощью социальной политики нивелировать социально-экономические риски, с которыми сталкивается современное общество. Эти проблемы актуальны для всех без исключения стран, по-разному выходящих из ситуации. В развитых странах происходит наращивание долгов — государственных, корпоративных, долгов домохозяйств; в развивающихся — прямое сокращение средств, выделяемых на социальные расходы. И те и другие вынуждены реализовывать непопулярные структурные реформы социальной сферы, проводить приватизацию здравоохранения, образования, социального обеспечения. В конечном счете это лишь усугубляет ситуацию, поскольку приход в эти отрасли бизнес-структур ведет к удорожанию для населения «услуг» отраслей социальной сферы.

В условиях, когда сфера труда стремительно сокращается, встает вопрос о необходимости кардинального реформирования всей социальной политики, сложившейся в рамках индустриальной эпохи и тесно связанной с трудовой деятельностью человека, сделавшей социально-трудовую сферу тем фокусом, в котором сходились интересы экономического роста, социальной стабильности и благополучия. Политики заговорили о необходимости обеспечения средствами существования граждан в условиях тотального дефицита рабочих мест.

Так, в современном политическом пространстве появилось и стремительно завоевало его понятие «безусловного базового дохода» (ББД), выплачиваемого гражданам независимо от их социального статуса без каких-либо дополнительных условий. Именно как элемент практической политики, а не теоретическая конструкция предложение одобрить введение в стране безусловного базового дохода было выдвинуто на референдуме в Швейцарии в 2016 году. Несмотря на высокий уровень ББД, предлагавшийся на-

селению (2500 швейцарских франков), 76 % швейцарцев высказались «против». Введение его с 2017 года в Голландии и Финляндии обошлось уже без всенародного волеизъявления. Эксперименты по его внедрению реализуются в самых разных странах мира — от Германии и США до Индии и Намибии. Во Франции претендент на пост президента страны от социалистической партии обещает в случае победы на выборах реализовать эту идею. Звучат такие предложения и в России. При этом большинство социологических опросов в разных странах фиксируют в целом отрицательное отношение населения к предлагаемой социальной новации.

Это не случайные показатели. Слишком много серьезных вопросов, остающихся пока без ответа, возникает при тщательном анализе проблемы. Прежде всего два главных. Во-первых, как будет изменяться размер безусловного базового дохода в будущем? Даже в богатой Швейцарии оказалось, что правительству пришлось бы найти где-то дополнительно около 25 млрд

франков для реализации этой идеи, а по мере ухудшения экономического положения ситуация будет осложняться. Во-вторых, не окажется ли безусловный базовый доход «заменителем» всех остальных социальных расходов государства? И гражданин, получивший на руки свой «безусловный базовый доход», вынужден будет затем выбирать, на что его потратить: на еду, лекарства или образование детей. Намеки на такой поворот в развитии ситуации уже звучат из уст политиков и экспертов.

Но есть и более глубокие, в сущности экзистенциальные вопросы — где, если не в сфере труда, будет происходить процесс социализации молодежи, каков будет механизм определения лояльности гражданина обществу, как будет устроена политическая система в обществе иждивенцев, кто будет определять необходимый человеку «прожиточный минимум»? Это лишь некоторые из вопросов, для решения которых пока нет теоретической базы, но решать которые нам придется уже в ближайшее время.

Э. А. Садыкова¹

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Реалии глобальной ситуации требуют концептуального поворота к совершенствованию правовых механизмов, направленных на использование этнокультурных основ общества для преодоления кризисных явлений в государствах. За более чем двухсотлетний имперский период развития российской государственности накопился бесценный позитивный опыт сосуществования народов, различавшихся национальными культурами, духовно-нравственными и религиозными традициями.

В. В. Путин в статье «Россия: национальный вопрос» указывает на великую миссию русских: объединять, скреплять цивилизацию. «Языком, культурой, “всемирной отзывчивостью”, по определению Федора Достоевского, скреплять русских армян, русских азербайджанцев, русских немцев, русских татар... Скреплять в такой тип государства-цивилизации, где нет “нацменов”, а принцип распознавания “свой-чужой” определяется общей культурой и общими ценностями»².

¹ Профессор кафедры международных отношений, мировой политики и зарубежного регионоведения Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального государственного университета, доктор политических наук, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Республики Татарстан. Автор более 30 научных публикаций, в т. ч. 5 монографий: «Право и политика государств в современном мире», «Проблемы обеспечения национальной безопасности в сфере международных и внешнеэкономических связей регионов России», «Перспективы России в партнерстве цивилизаций», «Устойчивое развитие глобального мира. Цивилизационное измерение», «Концептуальные вопросы модели межцивилизационного диалога в современных международных отношениях». Постоянный член Международного совета музеев (ИКОМ) ЮНЕСКО.

² Путин В. В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 янв. С. 1. URL: www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html

В новых реалиях глобального развития важнейшей функцией многонационального государства является сохранение культурно-цивилизационного многообразия. На рубеже тысячелетий активизировалась деятельность различных радикальных организаций, распространяющих националистическую и религиозно-экстремистскую идеологию и направленных на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, подрыв традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Для укрепления национальной безопасности большое значение имеют правовые механизмы, создающие основы для консолидации усилий федеральных и региональных органов власти, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества по созданию благоприятных условий укрепления межнационального и межконфессионального согласия и развития национальных культур.

В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» указано: «Россия преодолела последствия системного политического и социально-экономического кризиса конца XX века — остановила падение уровня и качества жизни российских граждан, устояла под напором национализма, сепаратизма и международного терроризма, предотвратила дискредитацию конституционного строя, сохранила суверенитет и территориальную целостность, восстановила возможности по наращиванию своей конкурентоспособности и отстаиванию национальных интересов в качестве ключевого субъекта формирующихся многополярных международных отношений»³.

³ Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 года : утв. Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537. URL: <http://www.kremlin.ru/text/docs/2009/05/216229.shtml>

Исследователи отмечают, что «элементы межкультурной конкуренции внутри государств требуют адекватной оценки ее влияния на выработку превентивных механизмов предупреждения проявления ксенофобии, межэтнической нетерпимости, религиозного экстремизма и усиления акцентов на выполнении «культурно-просветительской функции» государства»¹. Российский федерализм является одним из политических инструментов ее реформирования и осуществления преобразований в экономической, социальной, государственно-политической сферах жизни российского общества. Принятие Конституции Российской Федерации в 1993 году, подписание Федеративного договора создали правовые основы для укрепления внутригосударственной стабильности и преодоления проблем, возникших в первые годы становления государства.

Субъекты Российской Федерации образованы как по национальному, так и по административно-территориальным признакам. На территории страны, по данным Всероссийской переписи населения 2010 года, проживают представители 193 народов, обладающих различными особенностями материальной и духовной культуры².

Несмотря на поликультурность территориального пространства Российского государства, условный характер межкультурных границ очевиден. По этническому составу среди 85 субъектов Федерации есть монокультурные, поликультурные, а также этнически контрастные регионы. Кроме того, в геополитическом отношении специфические особенности позиции России обусловлены тем, что она связана с разными культурно-историческими макрорегионами. Указанные особенности обуславливают необходимость целенаправленной и последовательной государственной политики, предусматривающей формирование гражданского толерантного сознания, сочетание общероссийских и этнических компонентов, создание политических, экономических, социальных и национально-языковых условий для внутригосударственных интеграционных процессов в целях реализации задач, определяемых национальными приоритетами.

Для координации деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов и органов местного самоуправления в сфере государственной национальной политики Российской Федерации, обеспечения их взаимодействия с институтами гражданского общества была принята «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Этот стратегический программный документ определил правовые основы государственной национальной политики с учетом целого ряда документов государственного стратегического планирования в сферах обеспечения государственной (националь-

ной) безопасности, долгосрочного социально-экономического развития, региональной, внешней, миграционной и молодежной политики, образования и культуры.

В рамках мер по реализации государственной национальной политики Правительством Российской Федерации принята Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 гг.)», основной целью которой является укрепление единства многонационального народа Российской Федерации³. В содержании документа выделен целый ряд негативных факторов, связанных с этнокультурными проблемами, оказывающих влияние на развитие межнациональных (межэтнических) отношений, в том числе: размывание традиционных нравственных ценностей народов России; попытки политизации этнического и религиозного факторов, недостаточность мер по формированию российской гражданской идентичности и гражданского единства, воспитанию культуры межнационального общения, изучению истории и традиций российских народов; распространенность негативных стереотипов в отношении других народов; недостаточность реализуемых мер по обеспечению эффективной социальной и культурной интеграции и адаптации мигрантов; недостаточный уровень межведомственной и межуровневой координации в сфере реализации государственной национальной политики, включая профилактику экстремизма и раннее предупреждение межнациональных конфликтов в субъектах Российской Федерации и др.⁴

Программный документ содержит комплекс мер по преодолению негативных тенденций в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений. В рамках Программы предусмотрена «координация государственной национальной политики, выработка региональных стратегий этнокультурного развития, поддержка диалога между органами государственной власти и общественными национальными и религиозными объединениями»⁵.

Социально-экономический эффект от реализации Программы выражается: в укреплении единства российской нации и развитии единого этнокультурного пространства России как важного фактора устойчивого развития страны и ее территориальной целостности; в прогнозировании межнациональных и межрелигиозных конфликтов, конфликтных ситуаций; в снижении прямого и косвенного экономического ущерба от межнациональной и межконфессиональной напряженности и конфликтов; в улучшении инвестиционной привлекательности регионов, в том числе Северного Кавказа; в росте эффективности использования этнокультурного потенциала страны; в улучшении этнокультурного и социального самочувствия коренных народов России¹.

Принятие Программы и ее последующая реализация позволят вывести государственную националь-

¹ Керимов А. Д. Современное государство: вопросы теории. М.: Норма, 2008. С. 122.

² См.: Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года : утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&link_id=0&nd=102161949

³ Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 гг.)» : утв. Постановлением Правительства РФ от 20 августа 2013 г. № 718. URL: <http://government.ru/docs/4022>

⁴ Там же.

⁵ Там же.

ную политику на качественно новый уровень, соответствующий современным социально-политическим реалиям.

В соответствии с положениями Программы в субъектах Российской Федерации были разработаны и приняты соответствующие программные документы, в частности: Государственная программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов в Республике Башкортостан»; Государственная программа «Реализация государственной национальной политики в Республике Татарстан на 2014–2020 годы». На софинансирование региональных программ по укреплению гражданского единства и гармонизации межнациональных отношений, содействию этнокультурному многообразию народов России выделяются субсидии из федерального бюджета.

Программно-целевое планирование в сфере государственной национальной политики основано на комплексном подходе к решению задач и включает комплекс мероприятий, направленных на решение си-

стемных проблем в области этнокультурного развития России; формирование единого этнокультурного пространства; противодействие этнополитическому и религиозно-политическому экстремизму. Сближение интересов населяющих страну народов, налаживание их всестороннего сотрудничества, проведение ответственной и взвешенной государственной национальной и региональной политики позволят обеспечить в России внутривнутриполитическую стабильность, противостоять влиянию таких факторов, имеющих глобальный и трансграничный характер, как проблемы беженцев и незаконной миграции, экспансия международного терроризма, межрелигиозные конфликты и др.

Совершенствование правовых механизмов регулирования межнациональных отношений в России на основе традиционных форм духовности и национальной культуры как основания общероссийской идентичности неразрывно связано с укреплением внешнеполитических позиций государства в формирующемся новом мировом порядке.

К. Е. Сигалов²

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ КАК ИНТЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ

Экономическое сознание непосредственно связано с сознанием правовым и более всего в нем нуждается прежде всего тогда, когда люди желают обрести определенные способы и принципы регуляции производства и хозяйственной деятельности. «Экономическое сознание — это сознание хозяйствующего субъекта, достигшее определенного уровня своей развитости и активности, обретшее свою относительную самостоятельность и особую практическую значимость, а не просто имеющее сознание организатора и производителя продукции»³.

Любое сознание — правовое, политическое, даже религиозное и философское — является отражением экономических отношений в обществе. Экономические же отношения складываются объективно, они обусловлены господствующей цивилизационной производственной технологией и выражаются в тех формах собственности, которые преобладают в данной

цивилизации. Именно характер собственности определяет содержание права и характер власти. Чем более развиты отношения собственности (в самом широком смысле — не только собственность вещей, но полноценное обладание возможностью заниматься своими делами, получать образование, распоряжаться временем и т. д.), тем более пронизана правом вся ткань социальной жизни. Как ни странно, право не особенно преуспело в определении того, что есть собственность. Т. Бетелл отмечает: «Юристам до сих пор не удалось дать краткое определение собственности, что на этот раз им не в упрек. При детальном рассмотрении собственность вмещает бесконечное множество оттенков, компромиссов и сложностей. Любое простое определение тут же обрастает множеством исключений и уточнений. Исторически, однако, считалось, что собственность описывает закрепленное законом или обычаем отношение между личностью и вещью»⁴. Собственность являет собой форму притязания на обладание материальными предметами или духовными явлениями, а также отношениями, которые возникают в процессе освоения ими этих феноменов.

Начиная с древности отношения, складывающиеся вокруг и относительно собственности, составляли существо права. Это азбучная истина, но единого подхода к этому никогда не было. Во-первых, потому что формы собственности всегда различались. Во-вторых, весьма вариативны были способы ее защиты. В-третьих, всегда имелось множество мнений относительно существа тех явлений, которые обозначены в первых двух пунктах.

¹ Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 гг.)».

² Заместитель директора Института проблем эффективного государства и гражданского общества Финансового университета при Правительстве РФ, доктор юридических наук, доцент. Автор более 120 научных публикаций, в т. ч.: «Легитимация как идейное объяснение власти», «Алгоритм правовых противоречий государства, гражданского общества и личности в кризисных ситуациях», «Идейно-ценностные условия формирования западно-европейского права», «Частноправовые и публично-правовые основания эффективности государства», «Возможности правовой антиципации на примере исламского финансового права» (в соавт.), «Детектив как отражение специфики национальной правовой культуры», «Гражданское общество» (в соавт.) и др. Почетный сотрудник Министерства внутренних дел РФ.

³ Малахов В. П. Право в контексте общественного сознания. Принцип взаимопонимания. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. С. 21.

⁴ Бетелл Т. Собственность и процветание. М.: Ирисэн, 2008. С. 33.

Именно наличие собственности, ее принадлежности, а также возможности всесторонне распоряжаться ею вызвало необходимость в новом инструменте регулирования, заменившем прежние, устаревшие. Собственность всегда была не только важнейшей сферой ответственности права, но и «отправной точкой» правового механизма. Именно она определяла «конфигурацию» самого права и государственной власти, а также способы и приемы, с помощью которых право старалось регулировать социальные отношения, а власть управляла собственностью и обеспечивала порядок в обществе.

Экономическое бытие и право в определенный исторический период (в каждое конкретное время) и в определенной цивилизации (в каждом конкретном пространстве) имеют свою специфику и свое проявление. В дальнейшем «лучшие образцы» признаются и воспринимаются мировым сообществом.

В. Зомбарт справедливо полагает, что именно нормы иудейского права, которые издавна способствовали феномену более широкого экономического оборота, в дальнейшем были имплементированы всем европейским правом в целом¹. Затем «римляне выработали и применяли принцип определенности закона, который можно описать так: закон не может быть изменен внезапно или непредсказуемым образом... Такое представление о законе было ключевым с точки зрения свободы, которой римские граждане обычно обладали в экономической деятельности и вообще в частной жизни. В связи с этим очень важно отметить, что процесс создания закона, который использовали римские юристы, привел к тому, что юридические взаимоотношения граждан очень напоминали экономические отношения на свободном рынке»².

И. Бентам считал, что «собственность и право рождаются и должны умирать вместе. До появления законов не было никакой собственности: уберите законы — исчезнет всякая собственность»³. Обладающий собственностью, то есть имуществом, на которое он имеет исключительное право, желает, чтобы не только его собственная физическая сила или обычай охраняли таковое. Западная парадигма с определенного времени предусматривала нечто иное, что могло бы защитить собственность в тех случаях, когда обычай уже не в состоянии охранять собственность, а физической силы недостаточно. Поэтому главное достижение римского частного права — это система отношений, касающихся пользы отдельных лиц, защиты частной собственности. И хотя в римском праве частная собственность еще не была отделена от владения, да и само представление о собственности не было совершенным⁴, все же западноевропейское право было выстроено на римской установке, предусматривающей невозможность покушаться на частную собственность. Но западноевропей-

ское право пошло значительно дальше, чему способствовали развитие городского права и ожесточенная борьба «третьего сословия» за свои права и свободы, закрепление за частными лицами земли, жилищ, товаров и других произведенных и приобретенных предметов. Покушение на собственность подданных стоило некоторым монархам не только трона, но и головы. Английскому королю Карлу I было инкриминировано то, что он произвольно и бессистемно собирал налоги, ограничивая, таким образом, право подданных распоряжаться своей собственностью. Обладание собственностью стало основанием гражданства: полноценными гражданами считались те, кто владел землей, недвижимостью или еще каким-либо имуществом. Буржуазное право собственности — порождение западноевропейских национальных правовых систем, отрицание феодального правового партикуляризма.

Феномен «сделки» в современном русском языке отягощен коммунистическим наследием, придающим ему некий порочный и ущербный характер. Но сделка — это хозяйственное воплощение договора. Равновесная и равноправная сделка честнее любых отношений, навязанных внешними обстоятельствами, кто бы за этими обстоятельствами ни стоял — государство, крупная корпорация или просто тот, кто сильнее. Эта сторона вообще плохо освещена в российском праве, а представление о договоре остается исключительно нормативистским: ни в одном из учебных курсов по теории права не сформулированы унифицированные определения понятия и признаков договора, в лучшем случае приводятся шаблонные определения частного (или гражданско-правового) договора.

Экономические отношения создают реальное видение действительности. «Коммерсант порой яснее видит действие Всевышнего, нежели человек, занимающийся Торой», писал в начале XIX века второй любавический ребе Дов Бер. Более того, именно экономические отношения создают наиболее действенный стимул для развития права. Классическое свидетельство этого — второе рождение римского права в эпоху Ренессанса. Торговые и финансовые отношения заставляли юристов совершенствовать законодательство, а властей предрешающих принимать новые законы⁵.

Позитивная ответственность — важнейший элемент экономического мироощущения. Вопрос только в том, как оно воспринимается сторонами правоотношений. Часто суть его бывает извращена изначально, причем всеми сторонами: не только предприниматели, но и рядовые граждане в своих экономических отношениях стараются всячески обмануть государство (хотя на самом деле жертвой становится общество и другие граждане). Государство, в свою очередь, занимает торгашескую позицию по отношению к гражданам, по сути обирая тех, кто не в состоянии противостоять государственному произволу, и недодавая тем, кто реально нуждается в государственной поддержке. Как и всегда, бал правят те, кто сумел присоседиться к распределению благ (только сегодня это происхо-

¹ См.: Зомбарт В. Буржуа. Евреи и хозяйственная жизнь. М.: Айрис-пресс, 2004. С. 517–518.

² Леони Б. Свобода и закон. М.: ИРИСЭН, 2008. С. 236–237.

³ См.: Правовая мысль: антол. / авт.-сост. В. П. Малахов. М.: Академ. проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. С. 293.

⁴ См.: Покровский И. А. История римского права. Минск: Харвест, 2002. С. 34–41, 297–303; Савельев В. А. Право собственности в римской классической юриспруденции // Советское государство и право. 1987. № 12. С. 21.

⁵ Даже папы римские еще в Средние века были вынуждены принимать специальные энциклики, касающиеся, например, ссудного процента, а современные папы постоянно высказываются по экономическим, финансовым и налоговым вопросам.

дит в более изощренной, утонченной и квазирыночной форме, чем было при социализме). Позитивная ответственность из ответственности вменяемого и ответственного налогоплательщика, коммерсанта, обывателя, понимающего реальное положение дел и не пытающегося избежать разделения этой ответственности с государством, обществом, другими членами общества, превращается в идеологически навязываемую ответственность в виде уступок государственной машине, «презумпцию вхождения в положение», когда гражданин обязан, а государство и общество не в состоянии.

Контроль и за предпринимательством и рядовыми гражданами необходим, ибо его отсутствие может привести к анархии и разбалансированию всей системы социальных и экономических отношений, но в зрелом обществе и действительно социальном государстве он предусматривает презумпцию взаимной добросовестности и компетентности государства и граждан.

Частный интерес — это проявление индивидуальности, характерное для определенного типа общественно-производственной технологии, когда деятельность отдельной личности имеет значение и небезразлична для всего общества. Наличие частного интереса, сферы отношений, когда человек вынужден сам обеспечивать свое материальное существование, позиционировать свои отношения с другими индивидами, обществом в целом, государством и его институтами, заставляет всех участников устанавливать границы этих отношений, их статус, права, обязанности и от-

ветственность участников по отношению друг к другу. Это не исключает наличие коллективного, общественного и государственного интересов, столь же характерных для личности, но производных от частного интереса. Именно частный интерес в различных сферах общественной жизни заставляет людей выстраивать отношения, регулируемые правом¹. Частный интерес, фиксируя специфику общественно-производственной технологии, особенности общественных отношений и менталитет личности и общества, сообщает конкретному праву неповторимые черты, особый характер и всю архитектуру правовой культуры. Тем не менее, какими бы свободными ни были экономические отношения, они всегда должны регулироваться правом — именно таким образом они и становятся свободными. Как только право «пускает из виду» какую-либо сферу экономической жизни, туда немедленно врываются «право сильного», произвол, насилие и прочие проявления «неправ»².

Частный интерес как основа и движущая сила экономической жизни формирует отношения, складывающиеся между людьми, устанавливает степень самостоятельности и независимости каждого из членов общества. Эта самостоятельность и независимость может быть защищена не только и не сколько государственной властью и административным ресурсом, сколько правом, ибо самостоятельному и независимому человеку комфортно и удобно именно таким образом регулировать свои отношения с другими людьми, обществом и государством.

М. Г. Смирнова³

МЕХАНИЗМ ВЫЯВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРИТЯЗАНИЙ: НАЦИОНАЛЬНЫЙ И УНИВЕРСАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

1. Социально-экономические притязания — это требования, возникающие в обществе, отражающие интересы, существующие в социальной и экономической сферах, на которые правовая система должна реагировать признанием, ограничением, примирением и защитой. Роль права и заключается в том, чтобы примирять конфликты и поддерживать порядок в обществе, одновременно создавая возможности для его

развития и изменения. Разумное сочетание стабильности и изменчивости в правовом порядке обеспечивается правом через осуществление функции социальной инженерии.

Право появляется и существует там и тогда, где и когда человек ощущает себя способным реально претендовать на что-то, требовать чего-то. Социальные притязания — это основа права, которая затем облекается законом в ту или иную форму.

2. В любом последующем поколении каждый человек должен обретать новые права, выдвигая и отстаивая свои социально-экономические притязания, затрачивая на это какой-то объем эмоционально-волевой, интеллектуальной, физической энергии («ногами выходящая» свои права). Если кто-то этого не делает, то обрекает себя на прозябание в собственном правовом развитии, перечеркивает всякую перспективу для себя как правовой личности. Проблема социально-экономических притязаний в их правовом опосредовании является в настоящее время в контексте глобального мира актуальной и практически значимой. Она затрагивает такие жизненно важные вопросы, как удовлет-

¹ В данном контексте автор абстрагируется от концепций происхождения права по тому или иному основанию, фиксируя внимание исключительно на самом факте «рождения» права.

² Об этом свидетельствует и вся экономическая история разных стран со времен Античности до современности; всем памятна «свободная экономика» начала 1990-х годов в России.

³ Профессор кафедры правоведения Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор юридических наук. Адвокат Санкт-Петербургской городской коллегии адвокатов. Автор более 50 научных публикаций, в т. ч.: «Социальные притязания и субъективное право: Проблемы теории и социологии права», «Институционализация социальных притязаний в праве», «Судебное правотворчество как вид государственной деятельности: современное состояние», «Социальные притязания в сфере правосудия в правовом государстве», «Культурная обусловленность социальных притязаний» и др.

ворение возникающих потребностей и запросов людей, повышение их общественной и правовой активности, создание соответствующих позитивных стимулов поведения, трудовой и экономической деятельности.

3. Учет психологических моментов, заинтересованности людей в своих делах и стремлениях, изучение движущих мотивов их поведения, в том числе в сфере правового регулирования экономики, анализ сложного взаимодействия этих факторов составляют одни из важных задач современной юридической науки.

4. Необходимость в разработке проблем социально-экономических притязаний обусловлена смещением исследовательского внимания к природе права как специфическому социальному явлению, к изучению объективных процессов правообразования и поиску тех социальных интересов и потребностей, которые должны лежать в основе правовых и экономических решений. Практика показала, что главными факторами неэффективности принимаемого законодательства являются отсутствие механизмов его реализации, а также дефекты социального содержания законов, их неспособность быть инструментом согласования различных социальных и экономических интересов, притязаний.

5. Одна из задач правовой науки заключается в юридическом обосновании, правильном законодательном закреплении социально-экономических притязаний — как в самих правовых нормах, так и в субъективных правах. Благодаря фиксации в позитивном праве у любого участника отношений появляется уверенность: притязание будет постоянно поддерживаться юрисдикцией государства, все иные субъекты обязаны с этим считаться.

6. Выявление социально-экономических притязаний, психологических моментов, заинтересованности людей в своих делах и стремлениях, изучение движущих мотивов их поведения, в том числе в сфере правового регулирования, анализ сложного взаимодействия этих факторов составляют одну из важных задач современной правовой науки, социологии и экономики, поскольку являются показателем демократичности правотворческой деятельности.

7. К таким новационным способам, образующим механизм выявления социальных притязаний, можно отнести правовой мониторинг. Профессор Ю. А. Тихомиров характеризует правовой мониторинг как динамичный организационный и правовой институт информационно-оценочного характера, движущийся по всем стадиям функционирования, управления, хозяйствования, проявляющийся на всех этапах возникновения и действия права¹.

8. Правовой мониторинг выступает эффективным средством выявления социальных притязаний, устранения пробелов и коллизий в российском законодательстве, способствует решению проблем прогнозирования и доработки недостатков и дефектов правоприменения. В современной юридической науке правовой мониторинг сводится в основном к мониторингу в правотворчестве и правоприменительной практике.

¹ См.: Правовой мониторинг : науч.-практ. пособие / под ред. Ю. А. Тихомирова, Д. Б. Горохова. М., 2009. С. 19.

9. К основным способам выявления социально-экономических притязаний относится мониторинг в правотворчестве. Его конечной целью является создание эффективного механизма правотворчества, в результате чего принимаются нормативные правовые акты, отражающие общественные потребности и закрепляющие назревшие социальные притязания субъектов, в том числе и в экономической сфере. Основой информационной базы этого вида мониторинга являются данные социологических исследований: анкетирование граждан, специалистов-практиков и опросы общественного мнения.

10. К способам выявления социально-экономических притязаний относятся метод экспертных оценок и прогнозирование. Одним из эффективных способов выявления социально-экономических притязаний на стадии проработки проекта нормативного правового акта является его общественное обсуждение. Если социальные притязания не получили своего отражения в проекте нормативного правового акта или получили отражение, но искаженно, — на этот случай существует механизм правовой экспертизы, который может устранить данные несоответствия. Одним из видов такой экспертизы является антикоррупционная экспертиза.

11. Другим способом выявления социально-экономических притязаний является мониторинг правоприменения. В целях обеспечения эффективного законотворчества необходимы особым образом организованная деятельность специальных органов по выявлению социально-экономических притязаний, а также возможных вариантов развития общественных отношений, законодательства, определение оптимальных средств и методов правового регулирования тех или иных сфер социальных отношений, особенно в экономике.

12. Хотелось бы уделить особое внимание такому способу выявления социально-экономических притязаний, как оценка регулирующего воздействия нормативных правовых актов. Данный способ является чрезмерно важным, поскольку от него напрямую зависит формирование эффективной правовой и экономической стратегии любого развитого государства.

Под оценкой регулирующего воздействия (ОРВ) следует понимать совокупность методов и способов, использующих научные знания и специальные познавательные техники, при помощи которых анализируются эффективность и необходимость существующих программ и векторов развития, в том числе права и экономики. ОРВ используется при анализе проектов нормативно-правовых актов, а также актов, вносящих изменения в действующие законы с целью выявления издержек и выбора верных альтернатив: для оптимизации национальной законодательной базы.

Несмотря на наличие законодательной базы, в современной России отсутствуют единые методики и процедуры проведения ОРВ, которые признавались бы всеми участниками данного процесса. Поэтому целесообразно обратиться к зарубежному опыту.

13. Использование ОРВ в национальной правовой системе европейских государств служит одним

из оснований для вступления кандидата в Европейский Союз (ЕС). Оценка планируемого и действующего законодательства в таком случае осуществляется, как правило, с целью улучшения бизнес-среды. Несколько стран-претенденток из Центральной и Восточной Европы использовали ОРВ для облегчения процесса согласования между законами ЕС и их соответствующих национальных законодательств. Целью ОРВ является снижение расходов на правовую гармонизацию законодательства для правительства, предприятий, граждан, а также содействие переговорному процессу с ЕС об условиях членства. В некоторых странах (например, в Литве и Польше) после вступления в ЕС такие программы с течением времени были закреплены законодательно с целью более эффективного государственного регулирования. Эти практики были приняты в странах Западных Балкан (например, в Хорватии и в меньшей степени в Боснии и Герцеговине)¹.

14. Оценка регулирующего воздействия (Regulatory Impact Assessment, RIA), или анализ регулирующего воздействия (Regulatory Impact Analysis), представляет собой процесс систематического выявления и оценки ожидаемых последствий путем последовательного аналитического метода (например, анализа выгод и издержек) возможных эффектов, наступающих в результате введения тех или иных регулятивных мер. В некоторых странах данный институт применяется систематически, в то время как в других он все еще находится на экспериментальной стадии. Одними из первых среди европейских стран стали применять ОРВ Великобритания, Дания, Нидерланды, которые можно рассматривать как эталонные, где эта практика разработана

наиболее полно и может служить ориентиром для других стран.

15. В России ОРВ нормативных правовых актов получила свое развитие лишь в рамках экономической составляющей. Необходима разработка предложений с учетом зарубежного опыта, позволяющих максимально использовать институт ОРВ, затрагивая все сферы политической, юридической и общественно-социальной жизни, а не только хозяйственной. Необходимо сформировать единую методику ОРВ нормативных правовых актов, а также методические рекомендации, позволяющие избежать ряда проблем, в том числе и противоречий актов.

16. Создание эффективного механизма выявления социально-экономических притязаний является одной из важных перспектив экономического и правового развития России в глобальном мире. Б. А. Кистяковский подчеркивал, что процесс правотворчества совершается не только в законодательных учреждениях, где право лишь формулируется, но и в недрах общества, где оно зарождается и созревает². Возникает необходимость в новых эффективных способах выявления социально-экономических притязаний, в том числе в оценке адекватности всей правовой системы развивающимся общественным потребностям.

17. Создание комплексного механизма выявления социально-экономических притязаний в современной мировой системе позволит сохранить существующий социально-экономический и социально-правовой порядок, а также будет способствовать созданию новой справедливой международной политико-экономической системы, способной предвидеть и предупреждать современные глобальные вызовы и угрозы.

А. В. Стремоухов³

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА КАК ЯВЛЕНИЕ ПРАВОВОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Последние десятилетия мировое сообщество характеризует наступлением глобализации, в том числе глобализации правовой, явления весьма сложного

¹ *Петренко А. В.* Оценка регулирующего воздействия нормативных правовых актов как средство эффективной правовой политики России // Черные дыры в российском законодательстве. 2014. № 3. С. 36.

² *Кистяковский Б. А.* Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916. С. 5–15.

³ Профессор кафедры отраслей права СПбГУП, доктор юридических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор 280 научных и учебно-методических публикаций, в т. ч.: «Право социального обеспечения», «Трудовое право», «Правовая защита человека», «Гражданско-правовые договоры по передаче имущества», «Права человека», «Система прав человека», «Конституционно-правовые основы парламентской деятельности депутата Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации» и др. Член-корреспондент Международной академии акмеологических наук. Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, медалями «За безупречную службу» III, II, I степени, «Ветеран Вооруженных Сил СССР» и др.

и противоречивого⁴. Глобализация в сфере прав человека выражается через международно-правовой институт — международные стандарты прав человека. Генезис этого института включает четыре этапа: возникновение, становление, развитие и совершенствование.

Возникновение стандартов прав человека в современном понимании явилось ответом на потребности социально-экономического прогресса. Они возникли в качестве социального, а затем и юридического института лишь на рубеже эпох в результате борьбы между феодализмом и капитализмом.

Становление международных стандартов прав происходило в современную эпоху. Ко времени окончания Второй мировой войны международно-правовой практике уже были известны договоры и конвенции, содержащие положения о борьбе с рабством и работоргов-

⁴ См.: *Бернацкий Г. Г.* Интернационализация права — вызов национальной безопасности? // Современные глобальные вызовы и национальные интересы : XVI Междунар. Лихачевские науч. чтения, 19–21 мая 2016 г. СПб. : СПбГУП, 2016. С. 569.

лей, о защите прав военнопленных, религиозных и национальных меньшинств¹.

Этап бурного развития международных стандартов прав начался после Второй мировой войны и был связан с принятием таких глобальных международных документов, как Устав ООН (1945), Всеобщая декларация прав человека (1948), Женевские конвенции о защите жертв войны (1949) и др.

В 1966 году, когда были приняты выдающиеся глобальные правовые акты — Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах и Международный пакт о гражданских и политических правах с двумя факультативными протоколами к нему, наступил этап совершенствования международных стандартов. Указанные пакты дали толчок принятию крупных глобальных специальных актов, которые расширили банк стандартов прав человека.

Нормы глобальных и региональных международных правовых актов о правах человека со временем стали учитываться государствами в национальном праве. Такого рода нормы стали рассматриваться как общепризнанные стандарты в области прав человека. Поскольку юридические, социальные, экономические и географические условия стран различны, не все стандарты можно применять повсеместно и одновременно. Однако они отражают те минимальные условия, которые ООН считает приемлемыми². На основе таких подходов в науке сложилась точка зрения, что международные стандарты прав человека — это нормы современного международного права, предусматривающие такие общедемократические требования и обязанности государств по признанию, соблюдению и защите прав человека, которые они должны с учетом особенностей своего общественного строя, национального развития и тому подобного воплотить и конкретизировать в своих системах.

Международные правовые акты содержат две группы стандартов в области прав человека: 1) стандарты прав и свобод человека и 2) стандарты ограничения прав³. В последние годы в рамках ООН предпринимаются попытки установить критерии, которыми необходимо руководствоваться в процессе нормотворчества при установлении стандартов в области прав человека. Примером тому служит резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Установление международных стандартов в области прав человека» № 41/120 от 4 декабря 1986 года⁴.

Права человека первого и второго поколений составляют самую большую часть стандартов в сфере прав человека⁵. Автор настоящего доклада клас-

сифицирует их по шести группам⁶: 1) прирожденные (естественные) права; 2) гражданские; 3) политические; 4) экономические; 5) социальные; 6) культурные. Эти группы стандартов прав человека провозглашены и закреплены в трех важнейших международных актах: Всеобщей декларации прав человека и двух Пактах о правах 1966 года. Рассмотрим названные группы стандартов применительно к Всеобщей декларации прав человека.

К первой группе — прирожденные права и свободы человека — Всеобщая декларация относит: права на жизнь, свободу и личную неприкосновенность (ст. 3, 9); право на свободу от пыток (ст. 5); право на защиту от вмешательства в личную жизнь человека и от посягательств на неприкосновенность его жилища, тайну корреспонденции или на честь и репутацию (ст. 12); право на свободу передвижения и выбора места жительства (ст. 13); право покидать любую страну, включая собственную, и возвращаться в свою страну (ст. 13).

Ко второй группе относятся гражданские права: право личности на признание ее правосубъектности (ст. 6); равенство перед законом (ст. 7); право на эффективное восстановление в правах (ст. 8); право в случае предъявления человеку уголовного обвинения на то, чтобы его дело было рассмотрено гласно независимым судом (ст. 10); право считаться невиновным до тех пор, пока виновность человека не будет установлена законным порядком (ст. 11); право на гражданство (ст. 15); право вступать в брак и создавать семью (ст. 16).

Третью группу международных стандартов составляют политические права и свободы. В качестве таковых Декларация устанавливает: право на убежище (ст. 14); право на свободу мысли, совести, религии (ст. 18); право на свободу убеждений и выражения их (ст. 19); право на свободу мирных собраний и ассоциаций (ст. 20); право принимать участие в управлении страной (ст. 21); право создавать профессиональные союзы (п. 4 ст. 23); право на социальный и международный порядок (ст. 28).

Экономические права — четвертая группа. Во Всеобщей декларации эта группа представлена, собственно, только одним правом — правом человека владеть имуществом как единолично, так и совместно с другими (ст. 17).

В качестве пятой группы прав человека в Декларацию включены социальные права. Среди них: право на социальное обеспечение (ст. 22); право на труд, свободный выбор работы, справедливые и благоприятные условия труда и защиту от безработицы (п. 1 ст. 23); право на равную оплату за равный труд (п. 2 ст. 23); право на справедливое и удовлетворительное вознаграждение за труд, обеспечивающее достойное человека и его семьи существование (п. 3 ст. 23); право на отдых и досуг (ст. 24); право на такой жизненный уровень, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния человека и его семьи (п. 1 ст. 25); право на обеспечение на случай безработицы,

¹ См.: Кошелев Е. В. Международно-правовые стандарты защиты прав человека Российской Федерации // Международные стандарты прав человека : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / Омская юрид. акад. Омск, 2015. С. 59–69.

² См.: Международные нормы и стандарты в области прав человека (Учебный курс ООН) // Советский журнал международного права. 1991. № 2. С. 28–67.

³ См.: Стрелюхов А. В. Правовая защита человека. СПб. : СПбГУП, 2007. С. 256–271.

⁴ Генеральная Ассамблея. Офф. отчеты. Сорок первая сессия. Нью-Йорк, 1986. Доп. № 53. Ст. 221.

⁵ См.: Бахин С. В. О классификации прав человека, провозглашенных в международных соглашениях // Правоведение. 1991. № 2. С. 43–48.

⁶ См.: Стрелюхов А. В. Права человека : учебник. СПб. : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2009. С. 201–213.

болезни, инвалидности и старости (п. 1 ст. 25); право матери и младенца на особое попечение и помощь (п. 2 ст. 25).

Культурные права, перечисленные в ст. 26 и 27 Всеобщей декларации, составляют шестую группу. Среди них: право на образование (п. 1 ст. 26); право приоритета родителей в выборе образования своих детей (п. 2 ст. 26); право свободно участвовать в культурной жизни общества, участвовать в научном прогрессе и поль-

зоваться его благами (п. 1 ст. 27); право на защиту моральных и материальных интересов, являющихся результатом интеллектуальных трудов, автором которых является человек (п. 2 ст. 27).

Конституция РФ — первый в отечественной практике документ, воплотивший широкий перечень прав человека, который сформировался под воздействием правовой глобализации и международных стандартов в сфере прав и свобод.

В. А. Токарев¹

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРАВА: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Экономический анализ правовых норм и институтов, как одно из наиболее активно развивающихся направлений современной юридической науки, предполагает эффективное использование учеными инструментария микроэкономической теории. Основоположниками данного направления научных исследований являются Рональд Коуз и Гвидо Калабреззи, хотя интерес к изучению права с позиций экономики возникает в зарубежной юридической науке на заре XIX века. Одним из пионеров экономического анализа права считается Дж. Бентам, который систематически исследовал влияние юридических стимулов на поведение экономических акторов и оценивал результаты этого влияния с точки зрения общественного благоденствия (теория утилитаризма). В письмах Бентама содержится глубокий анализ положений уголовного и процессуального права, а также права собственности с точки зрения актуальных проблем экономики. Но его идеи оставались невостребованными вплоть до 1960-х — начала 1970-х годов, когда зарубежные юристы обратились к экономическому анализу права.

В этот период на смену индустриальному обществу приходит новое, постиндустриальное, которое оказывается в центре внимания правоведов и экономистов. Одна за другой появляются интересные статьи Р. Коуза о юридической ответственности и статья Г. Калабреззи, посвященная исследованию законодательства о несчастных случаях. Последней по времени и наиболее значимой из обсуждаемых сегодня юристами и экономистами концепций экономическо-

го анализа права стала концепция выпускника Гарвардской школы права Ричарда Познера, автора таких фундаментальных работ, как «Экономический анализ права», «Экономика правосудия», «Закон, прагматизм и демократия». Впрочем, вплоть до настоящего времени экономический анализ права представлял собой сложное, многогранное явление, которое интегрировало различные интеллектуальные традиции в юриспруденции и экономике. При этом ни одна из ведущих концепций экономического анализа права не была принята научным сообществом и практикующими юристами безоговорочно.

Как правило, дискуссии разворачиваются по поводу теоретических оснований и целей экономического анализа права. По утверждениям его приверженцев, они стремятся ответить на два основных вопроса о правовых нормах: 1) каковы последствия влияния правовых норм на поведение участников экономических отношений; 2) являются ли такие последствия желательными для общества? Отвечая на эти вопросы в своих работах, юристы обычно придерживаются подхода, характерного для экономического анализа: поведение людей и фирм предполагается прогнозируемым и рациональным, а структура экономики благополучной — позволяющей оценить социальную желательность результатов влияния правовых стимулов на участников экономических отношений.

Экономический анализ права условно можно разделить на два вида: позитивный и нормативный. Цель позитивного экономического анализа права — предсказание последствий влияния различных правовых норм на поведение экономических акторов. При этом он ограничивается исследованием правовых стимулов, поскольку его сторонники полагают, что эффективные правовые нормы возникают и развиваются естественным путем. Нормативная школа экономического анализа права, напротив, рассматривает закон как инструмент для исправления «неудач», с которыми сталкивается рынок. Если позитивный экономический анализ положений деликтного права позволяет предсказать последствия выбора между строгой и мягкой формой ответственности, то нормативный экономический анализ этих же правовых положений нацелен на выработку рекомендаций, которые основываются на учете экономических последствий такого выбора.

¹ Начальник научно-исследовательского сектора, заведующий кафедрой истории государства и права Самарской государственной областной академии (Наяновой), кандидат юридических наук, доцент. Автор более 50 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Идея законодателя во французском Просвещении: философские основания учредительной власти», «Три концепции субъекта права» (в соавт.); статей: «Ситуация формирования субъекта права», «Современная модель правосудия: преодоление насилия над субъектом права», «Современные французские юристы о конституционной ответственности», «Критика понятия “обладатель суверенитета” в современной английской и французской юридической литературе» и др. Ассоциированный исследователь Высшей школы правосудия (Париж), член Французского центра сравнительного правоведения, докторант Университета Париж X — Нантер, приглашенный профессор Университета Экс-Марсель (Франция). Ассоциированный исследователь национальной лаборатории «Демократия» (Льеж, Бельгия) и национальной лаборатории «Языки и право» (Монреаль, Канада).

По мере развития концепций экономического анализа права они становятся все более влиятельными. Сегодня суды, преподаватели права и даже адвокаты часто применяют экономические принципы к исследованию и прогнозированию результатов правоприменительной деятельности, чтобы достичь в правовом споре наиболее объективного результата, в том числе экономически выгодного для общества, целесообразного, и лучше понять социально-экономические издержки конкретных юридических решений. Тем не менее некоторые концепции экономического анализа права имеют очевидные негативные стороны.

Например, в конце 1970-х годов Р. Познер начал утверждать, что закон не должен защищать права человека и гражданина (как полагают либералы) или делать людей счастливыми (как полагают прагматики). Вместо этого законодатель должен максимизировать богатство общества. Однако идея «максимизации общественного богатства» приводит ее автора к спорному утверждению, что не занятых в производстве следует рассматривать как нравственно неполноценных, а средства, израсходованные на помощь бедным, — как потраченные впустую. При-

мечательно, что Р. Познер сформулировал основные положения теории максимизации богатства в тот период, когда сторонники рыночной экономики усилили свои позиции в органах государственной власти и начали проводить политику, направленную на усугубление социально-экономического неравенства в обществе.

Принимая во внимание негативные стороны экономического анализа права, отметим, что его грамотное и ответственное применение позволяет решать такие важные теоретические и практические проблемы, как:

— природа, основания и меры юридической ответственности, в том числе за вред, причиненный в результате несчастного случая;

— социальное назначение собственности в постиндустриальном обществе;

— достоинства и недостатки состязательного судебного процесса.

В конечном счете правовец выходит за рамки традиционного предмета своего исследования — позитивного права — и пытается ответить на вопросы о целесообразности, эффективности и полезности для общества принимаемых им решений.

В. В. Трофимов¹

НАДНАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО СОТРУДНИЧЕСТВА КАК ОТРАЖЕНИЕ ПОЗИТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: К ТЕОРИИ ВОПРОСА²

В основе национального и наднационального права лежат различные факторы объективного и субъективного порядка. Их воздействием обуславливается характер и содержание формируемого и осуществляемого в жизни общества права. Характер и набор правовых факторов в разные периоды времени меняются по мере изменения исторических условий развития мировой общественной системы: на смену действующим приходят другие, которые вытесняют доминировавшие ранее, этот процесс непрерывен и диалектичен. Одними из таких значимых факторов на современном этапе развития человеческой цивилизации являются противоречивые глобализационные процессы, происходящие на разных уровнях мировой системы и сопровождающиеся различными смежными встречными

и параллельными процессами (например, регионализация, антиглобализация и др.)³.

Глобализацию в общем плане можно охарактеризовать как составную часть процесса интернационализации, отличающегося экономической, политической и социокультурной интеграцией в общемировом масштабе. Следует, правда, заметить, что политическое влияние на определенном этапе начинало доминировать (навязывая общие для государств сценарии сближения), нередко опережая естественные социальные (экономические, культурные и пр.) интеграционные процессы. Но уже на современном этапе развития мирового сообщества наблюдается кризис подобной модели глобализации, которую диктовали страны Запада (во многом под руководством США) и связанные с ними транснациональные корпорации, пытавшиеся определить удобные для этой части мирового сообщества правила взаимодействия (с креном в сторону монологической формы) как в области политики, так и в экономической сфере⁴.

Сегодня вполне очевидным становится возникновение новых центров политических сил и экономических ресурсов (Китай, Индия, Россия), что, возможно, переведет процессы интеграции в русло более орга-

¹ Профессор кафедры гражданского права Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, доктор юридических наук. Автор более 280 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Взаимодействие индивидов как правообразовательный процесс: общетеоретический аспект», «Правообразование в современном обществе: теоретико-методологический аспект», «Правообразование и правообразующие факторы в праве» (в соавт.) и др.; соавтор ряда коллективных монографий, учебников и учебных пособий; автор научных статей, обзоров и рецензий в ведущих российских научных журналах («Государство и право», «Известия высших учебных заведений. Правоведение», «Журнал российского права», «Российская юстиция» и др.). Член Ассоциации юристов России.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. «Социально-интерактивные закономерности права: проблемы методологии и теории», проект № 15-03-00238.

³ См.: Правовая система России в условиях глобализации и региональной интеграции: теория и практика / под ред. С. В. Полениной, Е. В. Скурко. М., 2006.

⁴ Малков С. Ю. Кризис глобализации и Россия // История и современность. 2016. № 1 (23). С. 109–132.

нического (естественного) конвергентного процесса и найдет отражение в форме общепланетарного сотрудничества между странами как равными партнерами, проявляемого прежде всего в экономической сфере и отражающего интенсификацию межгосударственных экономических связей¹. В свою очередь, осуществляемый по данной линии процесс глобализации в области экономики будет иметь продолжение в иных сферах жизни: политической, социокультурной и, безусловно, правовой, поскольку право выступает необходимым средством формализации (легитимации) и обеспечения интеграционных процессов в общемировом масштабе. Право как регулирующий инструмент и способ взаимодействия социальных субъектов одним из первых реагирует на эти процессы, меняя свое содержание, адаптируя его к новым условиям и предлагая соответствующие новым реалиям нормативные стандарты взаимоотношений в национальном и транснациональном аспектах. Глобализация — один из ключевых актуальных факторов правового развития мирового сообщества в целом и национальных правовых систем по отдельности и соответственно действенный фактор формирования и реализации национального и наднационального права.

С точки зрения качества воздействия глобализации как преобразующего фактора на направленность и содержание современного процесса развития национального и наднационального права в его рамках можно выделить *позитивные* и *негативные* аспекты. В первом случае этот процесс оказывает благоприятное влияние, в целом способствует прогрессивной динамике системы актуального права и законодательства. Во втором он препятствует поступательному развитию права (демонстрируя двойные стандарты, эксплуатируя неправовые санкции и пр.), что само по себе закономерно и не противоречит сути развития как такового. «Действие разнообразных факторов в качестве регуляторов с различными позитивными и негативными эффектами составляет суть саморегулирования общественных процессов и структур»².

Одним из позитивных следствий процессов глобализации является то, что на этой основе объективно открывается возможность для разработки и принятия правовых решений в русле сотрудничества и согласования позиций. Взаимное сотрудничество государств — это объективная реальность современного мира. Сотрудничество государств по правовым вопросам способствует обеспечению защиты прав физических и юридических лиц, находящихся за пределами собственной страны. В этом заинтересованы все стороны — участники международного общения. Россия, заметим, вполне адекватно отзывается на призыв современности о поддержании взаимного сотрудничества в правовой плоскости. В частности, в российское законодательство включена ст. 1189 Гражданского кодекса РФ, регламентирующая действие взаимности в качестве общего начала в вопросах применения иностранного законодательства. Это важно, поскольку «отказ

от принципа взаимности в частных отношениях ведет к нарушению прав и интересов частных лиц и в конечном итоге к нарушению общих принципов современного международно-правового сотрудничества»³.

Главными задачами современного международного сообщества являются установление и обеспечение условий для мирного и устойчивого развития различных народов, стран, континентов, создание предпосылок для интенсификации отношений дружбы и сотрудничества между людьми, населяющими различные территории и представляющими различные социальные общности в области мирового пространства. Право выступает в качестве основного инструмента решения данной магистральной задачи.

Правовая регламентация отношений в сфере интернационального сотрудничества (на уровне наднациональных структур — ООН, ЮНЕСКО, ЕС, ЕврАзЭС и др.) является одной из наиболее важных предпосылок для сохранения и развития добрососедских и взаимовыгодных отношений между странами и регионами в рамках международного пространства. Правовая политика на этом уровне должна выстраиваться государствами в духе взаимопонимания и учета интересов каждого участника данного правового диалога. Такая политика в международном пространстве — это правовой путь к построению комфортной среды обитания для людей, населяющих различные регионы мира. Избегание конфликтов, разногласий и тем более войн — основная задача современной международно-правовой политики. Определяя перед собой в виде цели создание правовых условий для международной интеграции, международно-правовая политика должна в первую очередь ориентироваться в направлении развития правовых форм сотрудничества, солидарности и кооперации между гражданами разных государств, социальными организациями и самими государствами. Система правовых средств, обеспечивающих подобное сотрудничество, имеет определяемые предметом правового регулирования характерные особенности (социальные закономерности формирования и действия).

Сами по себе ситуации социального взаимодействия, выражаемые в терминах «согласие», «сотрудничество», «кооперация», «солидарность», являются сторонней, противоположной конфликту. Характер данных ситуаций обусловлен целым рядом общих объективных причин, связанных прежде всего со стремлением людей жить нормально, без вражды, существовать друг с другом на мирных взаимовыгодных началах. Эмиль Дюркгейм писал: «Если мы и любим войну, то мы любим также и радости мира, а последние ценятся тем больше, чем более люди социализированы, то есть (поскольку оба слова равнозначны) цивилизованны»⁴.

Процесс солидаризации осуществляется автоматически, благодаря только тому, что каждый участник преследует собственные интересы. Поскольку он самопроизволен, то нет необходимости ни в каком принуди-

¹ Князев Ю. Экономическая глобализация и глобализирующаяся экономика // Общество и экономика. 2008. № 1. С. 134–139.

² Мальцев Г. В. Социальные основания права. М., 2007. С. 18.

³ Нештаева Т. Н. Уроки судебной практики о правах человека: европейский и российский опыт. М., 2007. С. 25.

⁴ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 19.

тельном аппарате ни для создания, ни для сохранения динамики данного типа. Надгосударственным международным организациям не нужно вмешиваться, чтобы принуждать к сотрудничеству, которое устанавливается само собой, но в то же время это не исключает необходимости способствовать сотрудничеству, обеспечивать для него благоприятные условия, прежде всего при посредстве права. Ю. И. Гревцов справедливо замечает, что «согласие, солидарность членов общества относительно соблюдения, следования закону есть *conditio sine qua non* правового развития. Отсутствие последнего перечеркивает всякую перспективу такого развития»¹.

Мирные отношения в социальном (а также международном) пространстве порождают свои правовые формы, юридические конструкции, правовые средства, адекватные этим отношениям правовые институты, правовые комплексы, элементы которых могут концентрироваться в соответствующих правовых источниках (например, в международных конвенциях, соглашениях, общих санкционированных документах и пр.). Все эти элементы (правовые формы) составляют то право, которое условно может быть названо **наднациональным правом сотрудничества** (или солидарным правом), — это право, которое обеспечивает взаимно согласующиеся интересы участников международного правового обмена и приобретает свои основные свойства и качества, исходя из этой социальной (интернациональной) солидарности².

Солидарность (сотрудничество) между субъектами права обуславливает упорядочение, оформление проприональных солидарным взаимосвязям правил юридического характера. Большая часть этих правил направлена на предоставление возможностей действовать свободно, без принуждения, строить свое поведение на началах доброй совести (*bonae fidei*), в том числе ожидая в ответ на свои действия встречного предоставления (блага, преимущества) со стороны партнера (контрагента по ситуации положительного взаимодействия). Поэтому процесс солидарности (сотрудничества) имеет результатом нормы рекомендательного, управомочивающего характера и регулируется позитивными юридическими средствами (дозволениями, льготами, поощрениями, правовыми стимулами), образующими *право сотрудничества* или *солидарное право* (наднационального уровня). Именно такие правовые нормы и средства составляют (и должны составлять) главную часть системы правового регулирования в сфере социального международного пространства. Это будет главным показателем (индикатором) надежности и цивилизованности международных отношений. Данные правовые технологии более активно должны использоваться в международной правовой политике. Видимое присутствие в рамках права международного пространства стимулирующего (позитивного) элемента — залог его интеграции и устойчивого социально-экономического и правового развития.

¹ Гревцов Ю. И. Социология права. СПб., 2001. С. 194.

² Внедряемый в научный оборот термин «право сотрудничества» (что, по нашему мнению, предполагает в том числе и наднациональный контекст) использовал в рамках своей концепции социального права французский правовед Г. Д. Гурвич, который определял социальное право как «право объективной интеграции в “мы”, в имманентное целое. Это право помогает его субъектам участвовать в целом, которое со своей стороны также активно участвует в юридических отношениях. Социальное право основано на доверии, в то время как индивидуальное право, идет ли речь об отношениях между группами или межличностных отношениях, основано на недоверии. Первое — это право мира, взаимопомощи, общих задач, второе — право войны, конфликтов, разобщенности. Поскольку социальное право основано на доверии, оно не может быть установлено извне. Оно может оказывать свое регулятивное действие как бы изнутри данной среды, имманентным путем. Поэтому оно всегда автономно...» (цит. по: Туманов В. А. Буржуазная правовая идеология. К критике учений о праве // Туманов В. А. Избранное. М., 2010. С. 225). Это то право, по мысли Г. Д. Гурвича, «где преобладает всеединство, сотрудничество и кооперация». Ученый именует его также интегративным правом сотрудничества (Гурвич Г. Д. Идея социального права // Гурвич Г. Д. Философия и социология права : избр. соч. / пер. М. В. Антонова, Л. В. Ворониной. СПб., 2004. С. 52).

С. Ф. Ударцев¹

ЗОНА ПРИМЕНЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО ПРАВА И СУДА В КАЗАХСТАНЕ (Вариант ответа на вызовы глобальной экономики)

В условиях глобализации происходит многоплановый эволюционный процесс взаимопроникновения и определенного сближения основных правовых семей планеты, в частности англосаксонского и континентального права. Повышение роли суда в правотворчестве, в защите прав и свобод физических и юридических лиц, проникновение элементов судебного прецедента в континентальное право и наоборот, повышение роли законов в англосаксонской системе — все это свидетельствует об определенном сближении этих на первый взгляд несовместимых правовых систем.

В то же время правовые семьи сохраняют свою автономию и нередко выступают как альтернативные варианты достаточно эффективного параллельного правового регулирования. Этим объясняется и то, что полного их слияния может не произойти даже через столетия существования в рамках одного государства. Об этом свидетельствует, например, преимущественное действие до сих пор институтов и особенностей континентального права на территории штатов, составлявших бывшую французскую колонию Луизиану, купленную США еще у правительства Наполеона Бонапарта.

Одним из новых примеров практики взаимодействия семей права является процесс создания Международного финансового центра «Астана» с зоной английского права в столице Казахстана. Остановимся на особенностях действующего права, судебной системы и компетенции органов Центра.

Организация Центра

Политическое решение о создании Центра на базе городка всемирной выставки ЭКСПО–2017 после ее проведения принято для содействия экономическому развитию как один из элементов системы мер по реализации стратегии «Казахстан–2050», согласно которой страна должна войти в 30 наиболее развитых стран мира².

¹ Директор Научно-исследовательского института правовой политики и конституционного законодательства Казахского гуманитарно-юридического университета (Астана), доктор юридических наук, профессор, почетный юрист Казахстана, почетный работник высшей школы Республики Казахстан. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч.: «Рукопись М. А. Бакунина “Гамлет”», «Кропоткин», «Политическая и правовая теория анархизма в России: история и современность», «О некоторых тенденциях глобальной эволюции государства и права», «История политических и правовых учений. Древний Восток: академический курс», «Конституция и эволюция общества (вопросы теории и философии права)», «Конституционные нормы и регулирование экономических отношений в развивающемся обществе» и др. Академик Академии социальных наук и Академии юридических наук Республики Казахстан. Член экспертных советов при Ассамблее народа Казахстана, при Верховном Суде Республики Казахстан, при Комиссии по правам человека при Президенте Республики Казахстан.

² Стратегия «Казахстан–2050»: новый политический курс состоявшегося государства. Послание Президента Республики Казахстан — лидера нации Н. А. Назарбаева народу Казахстана, г. Астана, 14 декабря 2012 г. // Информационно-правовая система

Выступая на XVII съезде партии «Нұр Отан» в январе 2016 года, Президент РК поставил цель: «достичь международного странового рейтинга Казахстана “AAA”, означающего, что любые финансовые обязательства государства будут выполнены в любых финансовых и экономических обстоятельствах»³.

На территории Центра будут действовать суд, состоящий преимущественно из международных судей, международный арбитраж и применяться английское право для регулирования основных групп отношений. Планируется сочетание институтов и норм английского права, нормативных актов органов Центра, действующих на его территории, и отчасти национального права. Предполагается, что это повысит доверие инвесторов, будет содействовать привлечению инвестиций.

Действующее право Центра

7 декабря 2015 года был принят Конституционный закон РК № 438-V ЗРК⁴, отдельные положения которого введены в действие с 1 января 2017 года.

Установлено, что в пределах Астаны с границами, определяемыми Президентом РК, действует «особый правовой режим» (пп. 1 ст. 1), а регулирование Центра осуществляется в соответствии с принципом независимости Центра и его участников (п. 4 ст. 2). Фиксируется значительная автономия действующего права Центра, его связь с ядром правовой системы Великобритании — правом Англии и Уэльса. Высший орган Центра — Совет по управлению Центром — и некоторые другие органы Центра вправе создавать право Центра.

В ст. 4 Конституционного закона закреплено, что действующее в Центре право основано на Конституции РК и включает:

- данный Конституционный закон;
- не противоречащие ему акты Центра, которые могут быть основаны на принципах, нормах и прецедентах права Англии и Уэльса и (или) стандартах ведущих мировых финансовых центров, принимаемые органами Центра в пределах их полномочий;
- действующее право РК, применяемое в части, не урегулированной Конституционным законом и актами Центра.

Воспроизводится конституционная норма о приоритете ратифицированных международных договоров

нормативных правовых актов РК «Әділет». URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1200002050> (дата обращения: 02.02.2017).

³ Из выступления Президента Казахстана Н. А. Назарбаева на XVII съезде партии «Нұр Отан», 30 января 2016 г. // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: http://www.akorda.kz/ru/speeches/internal_political_affairs/in_speeches_and_addresses/vystuplenie-prezidenta-kazahstana-nazarbaeva-na-xvii-sezde-partii-nur-otan (дата обращения: 26.09.2016).

⁴ О Международном финансовом центре «Астана» см.: Конституционный закон Республики Казахстан от 7 декабря 2015 г. № 438-V ЗРК // Информационно-правовая система нормативных правовых актов РК «Әділет». URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000438> (дата обращения: 23.01.2017).

в отношении норм данного Конституционного закона при коллизии их норм.

Не вполне ясно пока, как может быть проверена конституционность актов органов Центра, поскольку без внесения корректировок в Конституцию и ряд конституционных законов возникает вопрос о субъектах обращения в Конституционный совет по такой проверке, тем более что Суд Центра имеет исключительную компетенцию и по толкованию актов Центра.

В Конституционном законе установлены исключения для территории Центра в отношении норм Закона РК «О валютном регулировании и валютном контроле» и Кодекса РК «О налогах и других обязательных платежах в бюджет» (Налоговый кодекс). Так, условия и порядок проведения валютных операций, связанных с оказанием финансовых и профессиональных услуг в Центре, определяются актами Совета по управлению Центром (п. 3 и 4 ст. 5). В ст. 6 вводится освобождение на 50 лет органов Центра, его участников (юридических и физических лиц) от ряда налогов (корпоративного, на имущество, на землю, подоходного по всем основным видам деятельности в Центре). При этом в целях обеспечения национальных интересов Казахстана и исключения условий для возникновения угроз национальной безопасности актами Центра могут вводиться отдельные ограничения для участников Центра.

Органы управления Центра

Это прежде всего *Совет по управлению Центром* как высший, постоянный коллегиальный орган, возглавляемый президентом Казахстана. Президентом РК утверждается Положение о Совете и его состав. Совет вправе определять стратегию Центра, утверждать годовой отчет о его деятельности, создавать иные органы Центра, определять их форму, компетенции и функции, издавать акты в виде постановлений, регулирующих отношения между участниками Центра, его органами и их работниками: гражданско-правовые, гражданско-процессуальные, финансовые отношения, а также административные процедуры.

Своего рода исполнительными органами Центра являются: орган общей компетенции — *Администрация Центра* и специальной компетенции — *Комитет по регулированию финансовых услуг*. Они имеют собственный бюджет, формируемый из средств Национального банка РК, сборов и платежей, вносимых участниками Центра, вправе разрабатывать проекты решений Совета и принимать акты в пределах их компетенции.

Суд и арбитраж Центра

Особый интерес представляет ст. 13 Конституционного закона «Суд Центра». Суд Центра создается для защиты прав, свобод, законных интересов сторон и исполнения действующего права Центра. Суд Центра независим, не входит в судебную систему РК. Он состоит из двух инстанций: суд первой инстанции и апелляционный суд. Решения апелляционного суда Центра окончательные, не подлежат обжалованию, обязательны для всех физических и юридических лиц.

Этот суд не рассматривает уголовные дела, но имеет свою исключительную юрисдикцию по рассмотрению и разрешению споров: возникающих между участниками Центра, его органами и (или) их иностранными работниками; касающихся любой операции, осуществленной в Центре и подчиненной праву Центра; переданных суду Центра по соглашению сторон.

Правовой основой деятельности суда Центра признается постановление Совета «О суде Международного финансового центра “Астана”», основанное на процессуальных принципах и нормах Англии и Уэльса, а также учитывающее стандарты ведущих мировых финансовых центров. Этим же постановлением Совета будет определяться состав суда, порядок назначения и освобождения судей и других должностных лиц суда от должности, квалификационные требования к судьям и должностным лицам суда.

Допускается фактически применение судебного прецедента. В п. 6 ст. 16 записано: «Суд Центра при разрешении споров руководствуется действующим правом Центра, а также может учитывать вступившие в законную силу решения суда Центра по конкретным спорам и вступившие в силу решения судов других юрисдикций общего права». Исполнение решений суда Центра осуществляется в общем порядке. При этом должен быть обеспечен перевод решений суда Центра на казахский или русский язык. Исполнение решений судов РК на территории Центра предполагается в соответствии с законодательством Казахстана.

Предусмотрено и создание *Международного арбитражного центра* для рассмотрения споров при наличии между сторонами арбитражного соглашения. Он будет формироваться и действовать в соответствии с постановлением Совета «О Международном арбитражном центре». Признание и исполнение решений Международного арбитражного центра в Казахстане осуществляются в общем порядке, при этом его решения переводятся на казахский или русский язык.

Язык делопроизводства институтов Центра

В законе много внимания уделено языку делопроизводства институтов Центра (ст. 15–20). Языком Центра и его актов признается английский. Учетно-статистическая, финансовая, техническая и иная документация на территории Центра будет вестись на английском языке. Ответы органов Центра на обращения физических и юридических лиц и прилагаемые к ним документы будут излагаться на английском языке или языке обращения, если язык обращения казахский или русский. «Допускается перевод актов Центра на казахский или русский язык. Официальный перевод таких актов осуществляет Центр» (ст. 16).

Язык судопроизводства в Центре — английский, но по заявлению сторон осуществляется перевод на казахский или русский язык. Сделки участников Центра оформляются на английском языке, если они не договорились об ином. Если одной из сторон сделки будет участник Центра, они будут совершаться в письменной форме на английском либо на казахском или русском языках.

Возможности и пределы имплементации элементов английского права

Включение английского права в действующее право Центра актуализировало в юридической науке обсуждение вопроса о возможности и пределах имплементации элементов английского права в Казахстане, система права которого относится к континентальной правовой семье. По этим вопросам был проведен круглый стол в Институте законодательства Минюста РК. Издан специальный номер ведущего научного юридического журнала Казахстана «Право и государство» (2016. № 3), посвященный английскому праву¹. Исследователи полагают, что отдельные институты английского гражданского права могут быть использованы в континентальной системе права.

В целом право Международного финансового центра «Астана», который активизируется после заверше-

ния ЭКСПО–2017, деятельность его суда и арбитража, органов управления, практика правоприменения заслуживают внимания исследователей. При успешной реализации экономического и правового эксперимента взаимодействие новых институтов и их права с государственными органами и действующим правом Казахстана поможет найти новые, полезные для стран ЕАЭС формы согласования и параллельного локального действия в одном государстве права разных мировых правовых семей. Видимо, для достижения экономических и политических целей государства и общества в условиях формирования новой, более сложной глобальной экономической и правовой системы может быть приемлемо (а порой и необходимо) сочетание универсального и национального права, а также права, основанного на разных исторических традициях и правовой культуре.

Г. Ф. Фейгин²

МИРОВОЕ ХОЗЯЙСТВО НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ТЕНДЕНЦИИ, ПРОТИВОРЕЧИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИИ

На современном этапе мировое хозяйство переживает сложную и противоречивую стадию в своем развитии. Глобализация как мегатренд, характеризовавший динамику мировой экономики начиная с 1970-х годов, в настоящее время проявляется не столь отчетливо. Объемы мирового экспорта, возраставшие существенными темпами на протяжении 1970–2000-х, в 2011–2015 годах оставались примерно на одном уровне (колебались в пределах 23,6–21,3 трлн долл.), так что их рост практически прекратился. Что касается прямых иностранных инвестиций (ПИИ), то их динамика по своей природе волнообразна, так как инвесторы при принятии решений о крупных вложениях средств за рубежом довольно чувствительны к колебаниям мировой экономической конъюнктуры. Поэтому изменения объемов ПИИ характеризуются чередованием периодов роста и относительного спада. Тем не менее примечателен тот факт, что с 2011 года объемы мировых ПИИ колеблются в пределах 1560–2200 млрд долл., что значительно ниже пикового 2007 года. Аналогичные тенденции наблюдаются и на международных финансовых рынках, когда речь идет об объемах международных кредитов, торговли ценными бумагами, валютных операций, и здесь уровень докризисного 2007 года до сих пор не достигнут.

¹ См. на сайте журнала: <http://km.kazguu.kz/> (дата обращения: 24.01.2017).

² Профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Национальные экономики в эпоху глобализации», «Механизмы управления организациями социально-культурной сферы в трансформируемой экономике России» (в соавт.), «Стратегический менеджмент в условиях глобализации», «Теория и практика приватизации в объединенной Германии», «Закономерности глобализации и развитие национальных экономик», «Прямые иностранные инвестиции: значение для развития экономики России», «Менеджмент в условиях глобализации» и др.

Некоторое замедление прогресса в глобализации хозяйственных связей проявляется не только в значении количественных показателей. Не менее важными представляются и институциональные факторы. В 2016 году в истории Евросоюза произошел беспрецедентный случай: в Великобритании был проведен референдум, результаты которого свидетельствуют о желании жителей страны выйти из состава ЕС. Значимость этого события заключается в том, что вопрос о выходе страны из ЕС был поставлен на общенародное голосование практически впервые. На протяжении ряда десятилетий европейское сообщество принимало все новых членов (его состав расширился от 6 первых членов Европейского экономического сообщества в 1957 году до 28 членов ЕС в 2013-м), притом что ни одна страна до сих пор не выходила из ЕС. Создание прецедента выхода одной страны из ЕС несколько подрывает устойчивость этого наиболее крупного и продвинутого интеграционного образования. Следует отметить, что и другие крупнейшие региональные интеграционные проекты в последние годы не показывают существенного прогресса. В рамках таких блоков, как Северо-Американская зона свободной торговли (НАФТА), Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Общий рынок стран Южной Америки (МЕРКОСУР), несмотря на амбициозные интеграционные цели, процессы создания экономических союзов (а в ряде случаев и таможенных) нельзя признать завершенными.

С существенными проблемами столкнулся процесс реализации межрегиональных интеграционных проектов. Идея создания Транстихоокеанского торгового партнерства не станет реальностью в ближайшее время, так как США в январе 2017 года вышли из соответствующего Соглашения. Другой аналогичный про-

ект, связанный с созданием Трансатлантической зоны свободной торговли и инвестиционного партнерства (единый рынок США–ЕС), также не завершен. Политики (в частности, недавно избранный президент США Дональд Трамп) периодически высказывают идеи о необходимости некоторого усиления протекционизма и по крайней мере частичного возвращения обрабатывающих производств на территорию индустриальных стран (Трамп считает необходимым возвращение бренда «сделано в США»).

Обозначенные процессы свидетельствуют о том, что процесс глобализации, достигнув значительно прогресса, подошел к определенному барьеру, преодоление которого представляется непростой задачей. На это может уйти достаточно много времени. По нашему мнению, этот барьер обусловлен сочетанием экономических и культурных факторов. Экономическая составляющая связана прежде всего с сохранением существенных различий в уровне развития отдельных стран. В современной экономической науке популярен термин «догоняющее развитие», то есть сокращение дистанции между индустриальными и развивающимися странами. Приблизительно с 1995 года темпы экономического роста стран с низким и средним уровнем дохода начали существенно превышать аналогичный показатель для стран с высоким уровнем дохода. В 2000–2004 годах среднегодовые темпы роста в странах с низким и средним уровнями дохода были равны 5,34 %, в то время как в странах с высоким уровнем дохода — только 2,5 %. В 2005–2009 годах аналогичные показатели составляли 6,28 % против 1,08 %, а в 2010–2015 годах — 5,1 % и 1,9 % соответственно. Это в какой-то мере подтверждает гипотезу о «догоняющем развитии». Однако в 2015 году ВВП на душу населения в текущих ценах в США превосходил аналогичный показатель: для Аргентины — в 4,2 раза, Анголы — 13,7, Непала — 75,5. По паритету покупательной способности (ППС) на душу населения разрывы несколько меньше: 2,75 раза — для Аргентины, 7,6 — для Анголы, 22,8 раза — для Непала. Эти данные свидетельствуют о том, что, даже несмотря на относительно высокие темпы роста, подавляющее большинство развивающихся стран не имеет шансов в ближайшие десятилетия приблизиться по показателю ВВП на душу населения к уровню развитых стран. Подобная ситуация порождает недовольство в контексте оценок эффективности глобализационной модели: реальность показывает, что сохраняется существенная дифференциация доходов и во многих регионах фактическая бедность затрагивает широкие слои населения. Неслучайно в современных исследованиях феномена глобализации зачастую встречаются такие понятия, как «глобальная нестабильность», «глобальные дисбалансы», «глобальные диспропорции».

Заслуживает внимания и еще одна проблема. Большие различия в уровне жизни между развитыми и развивающимися странами приводят к распространению миграции (в различных формах, в том числе и нелегальной). Жители развивающихся стран стремятся переселиться в развитые страны в поисках лучшей доли. Они предполагают, что, оказавшись в любой из разви-

тых стран, независимо от своего социального статуса и выполняемой работы, смогут обеспечить себе и своей семье лучшее положение, нежели на родине. Концепция мультикультурализма, лежащая в основе европейской интеграции, органически сочетает два аспекта.

Первый аспект основан на стремлении объединить в рамках ЕС страны и народы с разной исторической судьбой и разными культурами. При наличии существенных успехов в этом процессе возникли определенные проблемы. Долговой кризис 2011 года свидетельствует о том, что в странах ЕС наблюдалась явная несогласованность в бюджетной политике. Отсутствие должного уровня «бережливости» в расходовании средств государственного бюджета, финансирование социальных программ в объемах, существенно превышающих бюджетные доходы, привели к непомерному возрастанию государственного долга в некоторых странах ЕС (прежде всего в Греции, Португалии, Испании и Италии). В связи с тем что эти страны входят в зону евро, позиции данной валюты на мировом валютном рынке несколько пошатнулись и был поставлен вопрос о возможном выходе Греции из зоны евро.

Процесс выхода Великобритании из ЕС, вероятно, также имеет культурно-исторические причины. На протяжении длительного периода пребывания в ЕС Великобритания проводила относительно самостоятельную политику, так что во многих исследованиях зачастую противопоставлялись «островная» и «континентальная» части Европы. На современном этапе Великобритания стремится найти новые конфигурации в своем международном сотрудничестве. Приоритетным направлением является британское Содружество, куда входят бывшие британские колонии, связанные с современной Великобританией некоторой культурной общностью.

Второй аспект связан с проводимой на протяжении ряда десятилетий политикой толерантности по отношению к выходцам из других стран, населяющих Европу. Некоторые страны ЕС (Германия, Франция) приняли большое количество мигрантов. В последние 2–3 года возрос поток беженцев, в значительной мере обусловленный военными действиями в Сирии. Прием беженцев направлен на оказание им помощи и является неотъемлемой частью политики мультикультурализма. Тем самым страны ЕС демонстрируют готовность интегрировать выходцев из других стран в европейскую культурную общность. Они выражают надежду, что со временем прибывшие в Европу беженцы смогут занять достойное место в новом для них обществе. На практике ситуация выглядит довольно противоречиво. Пребывающие в Европу беженцы имеют большие проблемы в процессе интеграции в новую социально-культурную среду, что в целом несколько обостряет социальную обстановку в Европе.

На современном этапе глобализации вопрос о поиске своего места в системе мирохозяйственных связей остро стоит и перед Россией. Процессы, происходящие в России на протяжении последних 25 лет, имеют большое глобальное значение. В начале 1990-х годов именно российские рыночные реформы положили конец периоду раскола мира на две разные

экономические системы и дали определенный импульс для распространения глобальных ценностей. При этом нельзя не признать, что идеологические ориентиры (в том числе и в хозяйственной деятельности), популярные в индустриальных странах Запада, далеко не в полной мере воспринимаются российским обществом. Опыт России показывает, что невозможно просто скопировать институциональную систему, которая обеспечивала бы эффективное функционирование рыночных механизмов в условиях глобальной конкуренции. Подобная институциональная система должна формироваться и развиваться внутри национальной экономики и органически сочетаться с ментальными особенностями населения. Не следует забывать и об актуальных проблемах экономики России в глобализирующемся мире. Доля российской экономики в мировом ВВП составляет из года в год не более 2 %, а в мировом экспорте — не более 3 %. Структура российской внешней торговли традиционно носит односторонний характер: регулярно экспортируются прежде всего сырьевые товары, в то время как ввозятся преимущественно конечные продукты. Такое положение дел обуславливает высокую степень зависимости российской экономики от динамики мировых цен на нефть, которая по своей природе крайне волатильна. События последних трех лет полностью подтверждают данное положение, о чем свидетельствует развитие кризисных тенденций после падения

цен на нефть начиная с 2014 года. В российской экономике до сих пор не созданы механизмы, которые бы обеспечивали заинтересованность отечественных и иностранных инвесторов в реализации крупных проектов, связанных с модернизацией производственных мощностей.

Наряду с этими традиционными для России проблемами возникает необходимость некоего переосмысления национальной идеи и поиска новых направлений международного сотрудничества. Некоторое обострение отношений со странами Запада, сопровождающееся введением санкций и контрсанкций, не только стимулирует поиск новых резервов для внутреннего развития (идея импортозамещения и направленные на ее реализацию программы), но и побуждает активнее искать новых партнеров. В данном аспекте следует выделить утверждение позиций Китая как главного экономического партнера России, а также определенный прогресс, связанный с интеграционными процессами в рамках евразийского пространства. В целом можно предположить, что современный этап глобализации связан с усилением тенденций регионализации и формированием новых региональных конфигураций в глобальном сотрудничестве. В этих условиях для России крайне важно сочетать развитие внутренних экономических реформ с определением наиболее эффективных региональных направлений во внешнеэкономической деятельности.

М. М. Хайкин¹

СЕРВИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД

С середины 1980-х годов экономика СССР, а с 1991 года — России характеризуется все большей открытостью. Это следствие как общих закономерностей развития современного общества в условиях глобализации и интеграции экономического пространства, так и конкретной политики, которую проводит Россия, — политики устойчивого включения в мирохозяйственные связи².

На фоне очевидных преимуществ ликвидации «железного занавеса» и, как следствие, формирования единого экономического пространства трансформируются не только экономические отношения, но и неформальные институты: жизненные ценности, мораль и нрав-

ственность, отношение к государственной власти, национальным традициям, отечественной истории.

Открытость национальной экономики, как показывает опыт трех последних десятилетий, способствует не только социально-экономическому росту страны, но и наступлению различного рода «импортируемых» ценностей на фоне игнорирования обществом проблем, связанных с формированием общей национальной идеи. В этих условиях многие зарубежные «рецепты» оздоровления и развития социально-экономической системы России накладывают определенный отпечаток на национальное самосознание, создают благоприятную почву для игнорирования в нашей стране самобытности хозяйственной жизни, ее принципиальных отличий, в том числе и от экономики развитых стран³.

Однако гордость за свою страну, народ, любовь к Отчизне не могут возникнуть на пустом месте. И здесь на первый план выдвигаются объективные

¹ Заведующий кафедрой экономической теории Санкт-Петербургского горного университета, доктор экономических наук, профессор. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Экономика домохозяйства», «Управление сферой услуг в развитии человеческого капитала», «Сервисный капитал информационно-сетевой экономики: вопросы теории, методологии, практики», «Государство и бизнес в развитии экономической системы России» (в соавт.), «Введение в микроэкономику» (в соавт.) и др. Член-корреспондент Академии гуманитарных наук, член Российской политэкономической ассоциации.

² Хайкин М. М., Крутик А. Б. Государство и бизнес в развитии экономической системы России. СПб. : Астерион, 2014. 220 с.

³ Хайкин М. М. Социально-экономические вызовы современного Российского общества и проблемы экономического образования // Развитие современной России: проблемы воспроизводства и социализации : сб. науч. тр. / под ред. Р. М. Нуреева, М. Л. Альпидовской. М. : Финансовый ун-т, 2015. С. 330–339.

и субъективные факторы, влияющие на состояние национального самосознания в обществе во всех формах его проявления.

Известно, что только три страны в мире — Россия, Канада и США — не имеют проблем, связанных с дефицитом природных ресурсов. В то же время, по данным официальной статистики, по показателям качества жизни Россия существенно отстает от нескольких десятков стран мира.

Российское общество находится в глубоком кризисе, который носит системный характер и охватывает не только экономику, но и политику, формальные и неформальные институты, деятельность многих организаций и учреждений социальной сферы.

Конструктивные решения в области социально-экономического развития страны и регионов связаны с институциональной средой современного общества. Они формируются и реализуются посредством целенаправленного управления социально-экономическими факторами, объективными и субъективными.

Объективные факторы связаны с реалиями хозяйственной жизни, содержанием проводимой экономической политики на всех уровнях управления: федеральном, региональном, местном.

В соответствии с современными взглядами на место и роль институтов в обществе они выполняют важные экономические функции, действие которых влияет на глубинные процессы, протекающие в социально-экономических системах разных уровней. Выполняемые институтами функции воздействуют посредством производства и потребления тех или иных услуг: государственных и муниципальных, правовых и административных, экспертных и непрофессиональных, коллективных и индивидуальных, формальных и неформальных, эксклюзивных и массовых, локальных и комплексных и т. д.

Взаимодействуя с внешним окружением, у человека формируются собственные представления об этических нормах, которые он должен учитывать при принятии собственных решений. Этические нормы формируются у человека под влиянием его взаимодействия с внешней средой. Процесс взаимодействия индивида с внешним окружением в разные периоды его жизненного цикла опосредован в форме услуг.

Адекватная оценка обществом существующего положения дел в формальных институтах невозможна без высокой образованности населения. Под образованностью мы понимаем не только хорошее образование, полученное в учебных заведениях, но и образовательный уровень личности, позволяющий мыслить, анализировать, формулировать умозаключения, заниматься самообразованием. Это необходимо для широкого развития культуры личности — его образования, здоровья, культуры производства, культуры быта.

Трудовая миграция населения, ввоз и вывоз капитала, экспорт и импорт товаров, «утечка мозгов», использование английского языка в качестве доминирующего — далеко не полный список явлений современного российского общества, которые оказывают различное влияние на состояние общества и его социально-экономическую жизнь.

Только высокое самосознание, сосуществование национального и интернационального в конечном итоге помогут определить вектор развития страны. Он, в свою очередь, — результат развития всех государственных и социальных институтов, которые выполняют многоцелевую функцию развития личности — его образования, воспитания, самоактуализации. В частности, решающую роль в этих процессах играет государственная социально-экономическая политика на всех уровнях управления, институт семьи, социальная ответственность предпринимательского сектора, социальная сфера экономики.

Положительные тенденции в области социально-экономического развития страны и регионов всегда оказывают позитивное влияние не только на показатели качества жизни, но и на неформальные институты экономического пространства, социальные отношения, социальный и человеческий капитал.

В то же время состояние социального капитала влияет на экономический рост. Современная экономическая наука доказывает, что формирование особых неформальных институтов — нового типа культуры, основанного на особой культуре социальной общности, солидаризма, — способствует прогрессивному развитию социального капитала, что, в свою очередь, положительно влияет на расширенное воспроизводство совокупного человеческого капитала, экономический рост, повышение качества жизни в обществе. Однако стоит заметить, что возможна и противоположная ситуация: в домохозяйствах западного типа цивилизации формальные ресурсы, правила и процедуры более значимы и могут преобладать в социальных взаимодействиях.

В странах и регионах с высоким социальным капиталом меньше острых нерешенных социально-экономических проблем, более стабильная макросреда, они прогрессивно развиваются, ярко выражен патриотизм народа.

Процессы производства и потребления социального капитала осуществляются только в сфере социальных взаимодействий субъектов. Эти взаимодействия всегда представлены в виде услуг и функционируют в сфере услуг.

Государству принадлежит важнейшая роль в накоплении человеческого капитала общества, росте его самосознания. Содержание социальных отношений во многом зависит от эффективности проводимой государственной социальной политики в области образования, здравоохранения, культуры, физической культуры и других отраслях социальной сферы.

Одно из приоритетных направлений государственной социальной политики для стабилизации и роста численности населения в стране и регионах, увеличения продолжительности жизни, повышения качества здоровья населения — формирование системы, обеспечивающей доступность медицинской помощи, эффективность медицинских услуг, объем, виды и качество которых будут соответствовать уровню заболеваемости и потребностям населения, передовым достижениям медицинской науки.

В области развития физической культуры населения необходимо создание условий, благоприятных для массовой ориентации граждан на здоровый образ жизни, включая и занятия физической культурой и спортом, развитие спортивной инфраструктуры.

В области образования, по мнению ведущих российских экспертов, государственная социально-экономическая политика должна быть направлена на повышение доступности качественного (для современного этапа развития общества) образования, удовлетворяющего потребности каждого человека.

В рамках культуры приоритетными направлениями государственной политики должны стать развитие и реализация культурного и духовного потенциала отдельной личности и общества в целом, а для этого необходимы обеспечение максимальной доступности и качества соответствующих социокультурных услуг, сохранение и популяризация куль-

турного наследия всех народов России, максимально полное использование культурного потенциала. В целях совершенствования организационно-экономических механизмов, направленных на развитие сферы культуры, нужны совместные усилия на всех уровнях власти.

Подводя итог, следует отметить, что новая экономика, новая социальная доктрина России, кризис рыночного фундаментализма способствуют созданию принципиально новой институциональной среды для национального самосознания. В этих условиях экономической науке, хозяйственной практике, государству, обществу следует переосмыслить общепризнанные и распространенные подходы к содержанию процессов и механизмов регулирования «человеческого фактора» в социально-экономическом развитии страны и регионов, состоянию общественно-политической надстройки общества.

И. Г. Хангельдиева¹

СИСТЕМНЫЕ СДВИГИ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ И СОВРЕМЕННЫЙ КИТАЙСКИЙ АРТ-РЫНОК

Современные глобализационные трансформации закономерно приводят к системным сдвигам в экономиках различных стран и регионов, затрагивая структуры их внутренней организации. В результате изменяются их традиционные контуры, устанавливаются новые приоритеты, которые требуют подчас кардинального пересмотра правового обеспечения возникающих перемен.

Ярким примером в этом отношении является экономика современного Китая, которую принято трактовать как неординарное, прорывное явление, неотъемлемой и инновационной частью которого стал арт-рынок. Закономерно возникает вопрос, почему страна, которая никогда не занимала высоких позиций в области оборота предметов изобразительного искусства, сегодня стала мировым лидером? Причин, как водится, несколько, но глобализация — первоочередная. Она настолько мощная, что подчас приводит к ментальным изменениям, которые носят двойной характер: ментальные

особенности этноса либо частично перелицовываются на новый лад, либо в некоторой степени меняются под воздействием западных культур.

Известно, что с практикой начертания и считывания иероглифики связаны оба полушария мозга. Древняя иероглифика и каллиграфия изначально стимулировали развитие образно-ассоциативных форм мышления у представителей китайского этноса², а сложные навыки письма и чтения сближают любого китайца с графиками и живописцами. Сегодня усиление значимости визуальной доминанты в китайской ментальности детерминирована не только историческими причинами, но и современными обстоятельствами. С развитием информационно-коммуникационных технологий эти особенности получили новый стимул, так как современный человек стал заложником разных новомодных гаджетов и любой текст, ограниченный рамкой экрана, воспринимается им как картинка.

Еще одной причиной бурного развития китайского арт-рынка стала особая склонность китайцев к копированию, которая также связана с научением каллиграфическому письму. Это письмо требовало особого усердия и прилежания через подражание образцам. Умение китайцев ловко работать с образцами позволяет им и сегодня точно воспроизводить копии с оригиналов независимо от области их актуализации.

Подражание образцам, которое было свойственно локально китайской культуре, теперь имеет еще и внешний вектор. Влияние извне проникает в образ жизни, модели поведения и меняет некоторые традиционные элементы подчас кардинально. Возможно,

¹ Профессор кафедры истории и философии образования МГУ им. М. В. Ломоносова, научный руководитель факультета предпринимательства в культуре Международного университета в Москве, доктор философских наук. Автор более 200 научных работ, учебников и учебных пособий, в т. ч.: «Бренд 2В. Бренд 2С» (в соавт.), «Культура и рынок: современные тенденции» (в соавт.), «Прикладная культурология: калейдоскоп идей» (в соавт.), «Креативные технологии в образовании, или Как стать креатором. Опыт переосмысления», «Арт 2В & В2 Арт, или О том, что такое арт-рынок и как он работает» (в соавт.) и др.; статей: «Предпринимательство в культуре: российская версия», «Международное партнерство в исполнительских искусствах», «Аренда и лизинг в сфере культуры и искусства», «Бренд вуза как качественный маркер и стратегический нематериальный ресурс», «Креативные технологии в образовании: генезис и современное состояние», «Теория культуры» и «Теория искусства» (в соавт.) и др. Главный редактор ежегодника «Прикладная культурология. Предпринимательство в культуре», член редколлегии журналов «Тетради Международного университета в Москве», «Медиамузыка», «Ученый совет», «Наследие веков». Награждена медалью «В память 850-летия Москвы».

² Как считают исследователи, «древняя китайская культура иероглифических изображений обретает вторую молодость» (см.: Кобзев А. И. Глобальная культурная альтернатива: Китай — Запад // Философские науки. 2015. № 1. С. 36–57).

в силу указанных причин в КНР достаточно быстро была скопирована западная инфраструктура арт-рынка. Общеизвестно, что для западного арт-рынка существует устоявшаяся инфраструктура, представляющая собой систему его основных субъектов и институциональных форм.

Таковыми субъектами арт-рынка признаны:

- художник;
- публика;
- коллекционеры (индивидуальные, корпоративные, хедж-фонды);
- институциональные организации (музеи, галереи, выставки, ярмарки, аукционы, артотеки, арт-резиденции и др.);
- посредники (дилеры, экспертное сообщество: критики, искусствоведы, музейные работники, кураторы, юристы, страховщики и т. д.);
- СМИ и т. д.

Инфраструктура арт-рынка имеет открытый характер, что способствует появлению в ней новых элементов. На начальном этапе структура китайского арт-рынка была предельно редуцирована. Исторически современный китайский арт-рынок за короткий срок прошел внушительный путь, начав свое становление в 1990-е годы. На старте для этого рынка был характерен ряд особенностей:

- зачаточная неразвитость и, как следствие, низкий профессиональный уровень, самодеятельность;
- региональный, внутринациональный, локальный характер;
- несформированность собственных площадок продаж;
- отсутствие института коллекционеров, экспертного сообщества, профильных СМИ;
- полуправильный характер частных галерей;
- ограничение деятельности государственных музеев и галерей;
- отсутствие профессионального посреднического звена и т. д.

Развитию китайского арт-рынка содействовали западные профессионалы. Известные кураторы, эксперты, торговые площадки внесли существенную лепту в его становление. Однако он не стартовал бы так бурно, если бы не было внутренней заинтересованности. К 1990-м годам в Китае сформировалась новая генерация национальных художников, которые исповедовали не только внутринациональные художественные ценности, но и западные, шире — космополитические. Именно они стремились к активному сотрудничеству с известными представителями западного арт-пространства. Как утверждают аналитики, либерализация политической и экономической жизни в стране сделала возможным появление совместных (с долей государства), а позже и частных выставочных центров, галерей для проведения выставок и репрезентации художественных произведений новых китайских художников.

В 1990-е годы самые именитые представители западных дилеров и арт-площадок не проявляли повышенного интереса к арт-процессам в КНР. Первая частная галерея — “Red Gate Gallery” — появилась в Пекине в 1991 году благодаря инициативе австра-

лийца Брайана Волэса, обучавшегося искусству в Китае. Спустя пять лет, в 1996 году, похожий путь прошел швейцарец Лоренц Хелблинг, открывая галерею “ShanghART”. Лидерство иностранцев в данной области объяснимо, так как у представителей КНР не было соответствующего опыта.

Знаковым для китайского арт-искусства стал 1993 год: именно в это время начинается вхождение молодых китайских художников в мировой художественный контекст. Они впервые были представлены на Венецианской биеннале. Только через 10 лет, начиная с 2003 года, правительство КНР официально стало поддерживать участие в подобных выставках не только частных художников, но и государственные художественные галереи. Примерно в это же время в крупных городах Китая было создано около десятка профильных периодических изданий, которые серьезно финансировались. Их цель состояла в просветительской деятельности, анализе проблем мирового и китайского искусства, а также художественного рынка¹. На протяжении более 10 лет в стране совершенствовались законодательные нормы, регистрировались аукционные компании, проводились торги, но арт-рынок все еще находился на стадии формирования. Началом полноценного функционирования художественного рынка в Китае многие аналитики называют именно 2003 год. С этого времени можно говорить о том, что особенностью функционирования китайского арт-рынка стала его последовательная поддержка государством.

Известно, что одним из важных элементов арт-рынка являются художественные аукционы. Заметим, что до 2004 года местное законодательство запрещало организацию аукционов *иностранными компаниями*. «Первой ласточкой» стал аукционный дом, организованный в 2005 году Christie’s совместно с китайской компанией. Однако после первого аукциона их сотрудничество было признано незаконным.

Патронирование арт-рынка государством осуществлялось по-разному: государство либо непосредственно через различные механизмы регламентировало деятельность арт-рынка, либо предельно строго контролировало его деятельность, либо подсказывало вектор движения его ключевым субъектам. Авторитетный аналитический портал Artprice² отмечает:

¹ Неглинская М. А. Об актуальных тенденциях современного китайского искусства и перспективах его изучения. URL: <http://www.synologia.ru>

² Artprice — консалтинговая компания, специализирующаяся на предоставлении аналитических услуг в области арт-рынка, сохраняет лидерство в секторе информационных услуг. Несмотря на то что оператор условно классифицируется как информационно-брокерский, но, в отличие от других, специализируется именно на информационно-аналитических услугах и только во вторую очередь на посредничестве при продажах, обладает самой обширной справочной базой данных по арт-рынку в мире (аукционные торги, справочники, библиографии и др.). Публикует каталоги 4,5 тыс. аукционных домов. Ежегодно издает обзоры арт-рынка. Лидирующую позицию на рынке занял благодаря агрессивной политике выкупа издательских фондов в Европе и США: Enrique Mayer Guide 1962–1987, Dictionary of Art Sales: 1700–1900, Sound View Press, Franck Van Wilder, Bayer 1700–1913, Caplan’s Monographs & Signature, L’Argus du Livre de Collection et des Manuscrits и др. Кроме того, планомерно пополняет базу данных из исторических источников, что позволяет отслеживать произведения искусства на протяжении нескольких веков. Сейчас активно расширяет базу данных по китайским произведениям искусства.

«Искусство в Китае пользуется поддержкой правительства и китайских коллекционеров, которые готовы быть патриотами и вкладывать деньги туда, куда им подскажут»¹.

В первое десятилетие XXI века процесс появления коммерческих галерей активизировался. Они возникли во всех крупных городах Китая, причем около 15 % из них, наиболее крупных и влиятельных, принадлежат иностранцам и сегодня. Однако галереи на современном арт-рынке Китая играют второстепенное значение по сравнению с Западом. Основные продажи произведений искусства осуществляются с помощью аукционных домов.

Аукционные дома сыграли важную роль в продвижении современного китайского искусства, привели к значительному росту спроса на произведения

китайских художников в Европе и США. Ответом на массовый спрос китайского искусства в мире стало появление огромного количества аукционных домов на материковой части Китая и в Гонконге (к 2007 г. их было более тысячи)². Крупнейшие из них — старейшие аукционные дома Китая Poly International³ и China Guardian — расположены в Пекине. Они специализируются исключительно на продаже произведений искусства азиатских художников. Важно отметить, что основной объем покупок на арт-рынке КНР совершается китайцами, у этого рынка сегодня незападное лицо. Можно с уверенностью сказать, что нам предстоит стать свидетелями не одного сюрприза, который преподнесет эта новоявленная площадка мирового арт-рынка. Имеет смысл сделать его предметом более пристальных исследований.

Е. Г. Хольнова⁴

СИСТЕМНЫЕ БАНКОВСКИЕ КРИЗИСЫ КАК НЕИЗБЕЖНОЕ СЛЕДСТВИЕ КРИЗИСА ГЛОБАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Все экономические отношения и финансовые потоки страны аккумулируются и функционируют в рамках национальной банковской системы, поэтому банковская система, с одной стороны, является наиболее гибким и мощным инструментом мобилизации капитала, с другой — она наиболее чувствительна к любым изменениям как национального, так и мирового финансового рынка. В условиях глобализации в результате международного взаимодействия финансовых потоков банковский сектор выступает тем звеном мировой финансовой системы, которое одним из первых испытывает на себе влияние глобализации, поэтому банковская глобализация представляет собой отдельное направление глобализации экономики.

В последние несколько лет рост нестабильности в развитии мировой экономики позволил ученым активно обсуждать проблему возможного кризиса гло-

бализации экономики, особенно ярко проявляющегося в ее финансовом секторе, а именно в банковской системе, наиболее чувствительной к внешним факторам. Как показывает мировая практика, финансовая глобализация оказывает негативное влияние на банковский сектор национальной экономики в первую очередь в странах с развивающейся экономикой из-за углубления и изменения характера системных банковских кризисов, которые в последнее время неразрывно связаны с глобализацией.

Кризис, охватывающий весь банковский сектор экономики, является системным банковским кризисом. Причины его возникновения — интегрированное взаимодействие внешних (включая международные) и внутренних факторов политического, экономического и социального характера, к которым можно отнести финансовую глобализацию, кредитную рестрикцию, банковскую панику, кризис госдолга, инфляционные процессы и снижение реальных доходов населения, резкое возрастание всех банковских рисков, потерю банками ликвидности и снижение к ним доверия клиентов и инвесторов и т. д.

Системные банковские кризисы в последние годы стали обычным явлением как в странах с переходной экономикой, так и в индустриально развитых государствах. По данным Международного валютного фонда, с 1970 года по настоящее время в мире произошло 128 системных банковских кризисов более чем в 70 странах, включая развитые, причем в отдельных государствах — неоднократно. Разрушительные банковские кризисы имели место в большинстве стран Латинской Америки (Аргентине, Коста-Рике, Мексике, Бразилии, Венесуэле, Чили), в странах Юго-Восточной Азии, в ряде африканских государств. В России с момента становления банковской системы рыночного типа произошли четыре ярко выраженных и офи-

¹ Арт-рынок — рекорды Китая на аукционах антиквариата. URL: <http://www.antik-invest.ru/blog/?p=4840>

² Онучина М. Мировой аукционный рынок искусства. Итоги 2013 года. URL: http://artinvestment.ru/invest/rating/20140314_artprice.html

³ Аукционный дом создан в 2005 году как одно из направлений деятельности China Poly Group Corporation (совместное предприятие Народно-освободительной армии Китая и государственной Международной китайской торговой инвестиционной компании).

⁴ Заведующая кафедрой экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук, профессор. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Концепция финансовой устойчивости коммерческого банка как методологическая основа эффективного функционирования банковского финансового менеджмента», «Теория и методология формирования и развития ответственного финансового менеджмента банка», «Роль банковского менеджмента в современных условиях развития экономики России», «Стратегический и финансовый менеджмент системы оказания образовательных услуг в высокотехнологичных корпорациях» и др. Награждена Почетной грамотой Министерства образования и науки РФ за многолетний и плодотворный труд, Почетной грамотой Федерации независимых профсоюзов России за многолетнюю активную деятельность, памятным медалью «100 лет профсоюзам России», «В память 300-летия Санкт-Петербурга».

циально признанных банковских кризиса: в 1995-м, 1998-м, 2004-м, 2008-м годах. Последний, начавшийся в 2015 году, продолжается по настоящее время.

Глава Сбербанка Герман Греф 17 ноября 2015 года заявил, что в России разворачивается «масштабнейший банковский кризис» за последние 20 лет. Через год он подтвердил свой тезис, что банковская система переживает сильнейший кризис, основным признаком которого является процесс «очистки» банковского сектора, который продлится еще несколько лет. По его прогнозу, к 2017 году лицензии могут потерять около 10 % банков. Действительно, за прошедшие два года банковская система «похудела» более чем вдвое — с 1226 до 556 банков.

Специалисты Международного валютного фонда и Международного банка расчетов утверждают, что системный банковский кризис наступает, если выполняется хотя бы одно из следующих условий:

— соотношение безнадежных к возврату активов к общим активам банковского сектора превышает 10 % (в России этот показатель на 01.01.2017 составляет 9,3 %);

— доля проблемных активов банков составляет более 2 % ВВП (в России — 0,8 %);

— проводится национализация проблемных банков (в России фактически средствами федерального бюджета был реанимирован Внешэкономбанк);

— государство берет на себя обязательства по гарантированному возврату депозитов (эту функцию в РФ с 2004 г. выполняет Агентство по страхованию вкладов, и в 2016 г. оно выплатило вкладчикам банков-банкротов 1 трлн руб., что составляет 1,3 % ВВП);

— государственные расходы на оказание финансовой поддержки проблемным банкам превышают 2 % ВВП (по данным Минфина, в 2016 г. таким банкам через Сбербанк и ВТБ была оказана финансовая помощь в размере около 0,5 % от ВВП);

— некоторые банки используют чрезвычайные меры, такие как замораживание и приостановка выдачи вкладов, остановка работы (по данным ЦБ РФ, около 10 % российских банков в 2015–2016 гг. задерживали выплаты вкладов и приостанавливали кредитные и валютно-обменные операции).

Как видно, в основу оценки вероятности системного банковского кризиса заложены макроэкономические показатели страны, которые напрямую или косвенно зависят от внешней экономической среды, то есть мировой экономики. Возникает вопрос: являются ли системные банковские кризисы неизбежным следствием глобализации экономики или глобализация выступает просто как катализатор объективных исторических экономических процессов?

В большинстве научных работ по вопросам глобализации проводится мысль, что глобализация — объективный процесс. Но тогда и связанные с ней финансовые кризисы вплоть до мирового уровня и, следовательно, системные банковские кризисы, сопровождающие любые финансовые кризисы, объективны и неизбежны. Другая, меньшая часть авторов, рассматривает глобализацию как результат действия определенных социально-экономических структур или поли-

тических сил на мировой арене, что задает и принципиально иную трактовку причин банковских кризисов, которая особенно болезненна и важна для национальных экономик развивающихся государств.

Ретроспективный анализ моделей прогнозирования и системных банковских кризисов в период глобализации экономики позволил выявить следующие исторические этапы их формирования и особенности.

Появление *финансово-банковских кризисов первого поколения*, затрагивавших только одну страну, было связано в основном с недостаточной развитостью информационных и финансовых потоков в 1970–1980-е годы в мире (первый период глобализации). Модели финансово-банковских кризисов первого поколения включают кризисы платежного баланса страны, связанные с экспансионистской политикой, несовместимой с фиксированным валютным курсом и фискальным дефицитом. Однако эти драйверы фактически отсутствовали перед мексиканским (1994) и азиатским (1997–1998) кризисами, что указывало на несостоятельность моделей первого поколения.

Кризисы второго поколения, характерные для начала 1990-х годов, охватывали страны, входящие, как правило, в один регион, например Европейскую валютную систему (второй период глобализации). Модели второго поколения были разработаны после кризиса европейского валютного механизма в 1992–1993 годах и включали девальвацию национальной валюты как процесс множественного равновесия. Причиной кризисов выступала непредсказуемая экономическая политика государства, приводившая к нелинейному поведению участников финансового рынка и возникновению на нем валютных атак. Кризис европейского валютного механизма доказал, что таких фундаментальных показателей, как золотовалютные резервы Центрального банка и адекватная экономическая политика государства, недостаточно для защиты национальной экономики и ее банковского сектора от спекулятивных атак.

К концу 1990-х, когда основные макроэкономические показатели государств были в целом стабильны, но вспышки кризисов банковского сектора продолжались, появились *модели банковских кризисов третьего поколения*, соответствующие третьему периоду глобализации. Они отличались быстрым перетеканием финансовых кризисов из одного региона в другой по разным каналам заражения и включали в анализ основные индикаторы финансового сектора. Модели третьего поколения исследовали механизмы распространения кризисов, выделяя основную их проблему как эффект цепной реакции. Их в целом можно подразделить на две большие группы: анализирующие кризисы ликвидности и анализирующие кризисы несостоятельности. Причем оба эти типа кризисов могут перетекать друг в друга. Общей идеей этих моделей стало то, что финансово-банковский кризис в развивающейся экономике может возникнуть, если национальные банки оказываются неликвидными на международном финансовом рынке, а в условиях глобализации это присуще многим странам с неустойчивой экономикой.

Для четвертого периода глобализации, начавшегося в XXI веке, будет характерна *модель системного банковского кризиса четвертого поколения*, которая может возникнуть в условиях полностью открытых экономик с высокоразвитыми финансовыми, торговыми и информационными системами, и масштабы кризиса в этом случае будут еще больше. Ярким примером этого наступившего периода служит мировой финансовый кризис 2008 года, который подкосил почти все европейские банковские системы и затронул Россию.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать следующий вывод. Реализуемая с начала 1990-х годов доктрина финансовой глобализации декларировала равные права доступа национальных экономик к международным финансово-кредитным институтам и рынку капитала, регуляторами которых представлялись МВФ и ВТО. Казалось, что за более чем четверть века финансовая глобализация если и не разрушила, то фундаментально размывала национальные экономические границы, лишив всякого смысла попытку замкнуть основные цепочки производства на территории отдельных стран и их союзов. Последствия мирового финансового кризиса 2008 года и продолжающаяся череда банковских кризисов показали: не разрушила и не размывала.

Видимое единство мировой экономики сложилось лишь в некоторых нишах финансовых операций, через которые была предпринята попытка создать общий глобальный режим управления бизнесом, связанный с движением капитала. Попытка оказалась неудачной, так как институты глобального инвестиционно-финансового механизма в принципе сформировались, но равные права доступа к финансовым, в первую очередь кредитным, ресурсам и технологиям дальше декларации не пошли. При этом базовые активы мировой экономики (технологии и сырье) остались в национальных юрисдикциях и сохранили политический режим регулирования.

Боле того, события последних лет показали, что якобы общий инвестиционный механизм также имеет ярко выраженный национальный характер и полити-

чески мотивирован. Такие глобальные институты, как МВФ и Всемирный банк, на деле оказались институтами геополитики.

Анализ функционирования национальных банковских систем в глобализирующейся экономике позволяет говорить о том, что ее последствия в банковском секторе не являются однозначными. Есть, несомненно, положительное воздействие: усиление конкуренции в банковском бизнесе; стимулирование инвестиций и инноваций; рост банковских альянсов, позволяющий наращивать капиталы банков; возрастание рыночной стоимости банка и капитализации банковской отрасли и т. д.

В то же время, несмотря на большое количество положительных черт, негативное воздействие глобализации на банковский сектор экономики гораздо значительнее. Оно заключается в том, что глобализация может угрожать самостоятельности экономик отдельных стран; происходит отток капитала за границу и дестабилизация национальных финансовых рынков; образуется чрезмерный дефицит платежного баланса по текущим операциям; увеличивается внешний долг; снижается курс национальной валюты и т. д.

Еще в 1933 году Джон Мейнард Кейнс предупреждал: если вы живете в одной стране, а ваши активы находятся в другой, то это неизбежно приведет к «напряженности и враждебности», которые обнулят любые выгоды. Можно бесконечно спорить о влиянии глобализации на возникновение системных банковских кризисов, но высказывание классика экономики и приведенные выше примеры полностью подтверждают прямую зависимость между ними. Глобализация экономики серьезно влияет на функционирование банковского сектора национальной экономики, не только способствуя его развитию, но и вызывая массу глобальных проблем, которые, в свою очередь, порождают системные банковские кризисы. Таким образом, после мирового финансового кризиса частично наметился обратный процесс финансовой глобализации, вследствие которого в нынешних условиях мировой банковской бизнес ожидает деглобализация.

И. А. Честнов¹

КУЛЬТУРАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ КАК ОТВЕТ НА ГЛОБАЛЬНЫЙ КРИЗИС ПРАВА

Изменения, происходящие на наших глазах в глобальной мировой системе, квалифицируются подавля-

¹ Профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ, доктор юридических наук, старший советник юстиции, заслуженный юрист РФ. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч.: «Дискурс-анализ как постклассическая парадигма интерпретации права», «Постклассическая диалогическая онтология права», «Правоприменение с позиций социокультурной антропологии права», «Аккультурация конституционного права как механизм его интернационализации», «Онтологическое измерение постклассической герменевтики права как интерпретации воспроизводства правовой реальности» и др.

ющим большинством экспертов как кризисные. На мой взгляд, наиболее существенными являются не кризисные тенденции в экономике, политике, других сферах жизни общества (включая юридическую), а трансформации в ментальной области — в господствующих представлениях об устройстве мира и месте человека в нем. Социальная реальность (включающая политический, экономический, правовой и иные аспекты социальности) многопланова, полимодальна. Ее образуют практики людей (как поведенческие, так и ментальные, психические), которые обусловлены социальными представлениями.

Социальность — это в первую очередь не люди, их действия, предметы и результаты действий, а значения и смыслы, которыми опосредованы (мотивированы) действия людей, предметы и результаты. Воспроизводство же значений и смыслов и есть содержание культуры. Наиболее важные события последнего времени, именуемые глобальным кризисом, происходят именно в этой сфере — знаково-символической или культуральной, и связаны они с трансформацией классической картины мира в постклассическую (или постнеклассическую, по терминологии В. С. Степина).

Постклассическая методологическая парадигма формирует значительно отличающуюся от классической теорию познания и онтологию социального мира. Зависимость реальности от мышления и одновременно от типа и содержательных характеристик культуры — ее важнейшая особенность.

Постклассическая юридическая теория как методология — это критика классической юриспруденции с точки зрения постклассической философии права. Постклассика признает потенциальную неисчерпаемость, отсутствие единого референта у любого сложного социального явления или процесса, в том числе и права. Каковы же основные характеристики постклассической методологии исследования права?

Постклассическая методология права задает новое представление о праве, значительно отличающееся от «классического». Наивный объективизм, реифицирующий правовое бытие, заменяется *интерсубъективизмом*; бессубъектность юридического нормативизма трансформируется в *человекоцентризм*; *контекстуализм*, *историческая и социокультурная обусловленность права или релятивизм* приходят на смену универсализму; *конструируемость правовой реальности как механизм ее воспроизводства, задающий практическое измерение, включающее процессуальность*, заменяют статичность права; *все эти модусы бытия права имеют внутреннюю основу — правовую коммуникацию, содержанием которой, с моей точки зрения, выступает культуральная диалогичность*. Все это — более адекватная картина правовой реальности.

Такая парадигма порождает серьезные проблемы в квалификации социальных явлений как правовых. Отказ от содержательного универсализма не дает надежных оснований для «единственно верной» правовой политики — юридической оценки тех социальных явлений, которые «объективно» нуждаются в юридическом опосредовании. Так, например, отсутствуют объективные основания для уголовно-правовых запретов в силу того, что все они суть социальные конструкции (хотя «произвол» их конструирования всегда ограничен «сопротивлением структуры»). Нет «безвредных» социальных явлений и процессов, так же как нет и безусловно «положительных».

Искать такие «объективные» основания — дело бесперспективное. Гораздо важнее выявить, кто, как и почему производит номинацию, классификацию, категоризацию, квалификацию социального мира. Наделение юридическим значением некоторых из них — результат аскрипции или вменения (по терминологии Г. Харта и Г. Кельзена), производимого властью. Как

именно происходит такое юридическое означение — предмет культуральных исследований права, развивающих идеи Бирмингемского центра современных культурных исследований, габитуса и поля П. Бурдье, структуриации Э. Гидденса, эссекской школы постструктурализма и критического дискурс-анализа.

Культуральная парадигма права акцентирует внимание на внутренней, психической составляющей правовой реальности. Именно ментальные процессы, составляющие содержание культуры, которая, в свою очередь, их обуславливает, выступают одновременно и содержанием правовой реальности.

Культуральная методология права включает диалог действия и структуры. Акцент на практиках конкретного человека — носителя статуса права — необходимо соотносить с господствующими ментальными представлениями, задающими образцы поведения. Такого рода социальные или коллективные верования как неподвергаемые сомнению габитусы в сфере права и есть правовые структуры. Но они существуют только через действия и сознания отдельных взятых людей. Их фиксация в знаковой форме предполагает «прочтение» и интерпретацию индивидами, а затем и использование в повседневных практиках.

Что такое право? Ответить на этот вопрос можно только приблизительно. Это связано с тем, что право (как и власть, народ, государство или экономика) не имеет одного-единственного референта. Множественность (потенциально неисчерпаемая) модусов бытия права и ограниченность человеческого знания не дают возможности одной, единственно верной точки зрения на сложный социальный феномен — право.

Право с культуральной точки зрения — не вещь или некая природная (реифицированная) объективная данность, а практики людей. Фиксация права в знаковой форме («действие» культуры) дает возможность придать единичному статус всеобщего. Но одновременно такое означивание неизбежно натурализует, реифицирует и отчуждает правовую практику. Такое «опредмечивание», однако, затем проходит стадию «распредмечивания» (как сказали бы марксисты) и возвращает праву его практико-человекоразмерность.

Как действует право? Как мыслят юристы и чем руководствуются люди в юридически значимых ситуациях? Кто и как конструирует нормы права и как они воспроизводятся в практиках людей? Дать адекватный ответ на эти вопросы можно только на основе культуральной методологии — на основе анализа того, как культура воспроизводит правовую реальность.

Воспроизводство правовой реальности представляет собой механизм правового регулирования, включающий три стадии. Первая стадия — правообразование или формирование правовой инновации; вторая — институционализация правовой инновации; третья — реализация права. Анализ этих стадий как раз и призван эксплицировать механизм функционирования правовой культуры. Формирование юридически значимого образца поведения, его объективация и воспроизведение в практиках, образующих правовую реальность, выступающий целью «юридического социального контроля», осуществляются с помощью означивания

(и смыслообразования) социальных явлений и процессов как правовых.

Предлагаемый подход разграничивает этапы формирования нормы права и ее фиксации, объективации и институционализации. При этом граница между обозначенными стадиями условна, так как об институционализации нормы права, как и о ее существовании — социальной действительности, — можно говорить только тогда, когда она воспроизводится практиками людей. Но это уже стадия реализации нормы права.

Похожая мысль содержится в теории социального конструктивизма, с точки зрения которой стадиями формирования и воспроизводства социального института являются экстернализация (внешняя активность человека), объективация этой активности в соответствующей форме, селекция (выбор одной из нескольких альтернатив), седиментация и хабиутализация того, что отобрано на предыдущем этапе, институционализация как воспроизводимость первичной инновации; все они сопровождаются интернализацией — дополнением внешних аспектов деятельности человека металлической, психической стороной.

Рассмотрим подробнее первую стадию этого механизма. Формирование норм (институтов) права представляет собой процесс выработки правовой инновации, разрабатываемой и вносимой в правовую систему данного социума, тот «первичный произвол», который, по мнению П. Бурдьё, ссылающегося на авторитет Б. Паскаля, лежит в основе всякого закона. Почему «произвол»? Потому что новая норма права — это всегда «девиация» относительно существующего правового порядка. Возникает вопрос: как это происходит? Являются ли разработка и внесение правовой инновации актом креации, «естественным ходом вещей» или рационально планируемой деятельностью?

Любое социальное явление, включая, конечно, и право, создается и воспроизводится конкретными людьми: отрицать это означает антропоморфизировать (приписывать человеческие качества «надчеловеческим» явлениям, существующим как социальные представления), реифицировать и даже фетишизировать социальные институты. В то же время «естественность» социальных явлений и процессов не объясняет механизма их формирования, функционирования и изменения. Более того, если полагать социальные институты результатом «естественного хода вещей» (безличностных по природе), то невозможно объяснить их историческую изменчивость, притом что очевидно: любой социальный институт никогда не остается неизменным

на протяжении некоторого промежутка времени, даже если сохраняется его изначальное название. Ко всему прочему, как справедливо полагают сторонники постструктурализма, тот, кто настаивает на «естественности», а значит, «вечности» социальных институтов, тем самым пытается скрыть свои гегемонистские устремления и стратегии.

Так, Э. Лаклау утверждает, что в основе любого социального института лежит учреждающий его акт власти, который в условиях фундаментальной неразрешимости социального состоит в предпочтении одного правила организации практик всем существующим альтернативам («первичный произвол» — по отношению к действующей нормативной системе) и который с помощью механизма «забывания происхождения» (у П. Бурдьё — «амнезия происхождения») седиментируется, то есть превращается в социальный институт, якобы сложившийся сам собой.

Таким образом, социальные институты конструируются действиями конкретных людей, но отнюдь не по их произвольному усмотрению. В этом проявляется диалог действия (индивида) и структуры. Постструктуралисты справедливо утверждают подчиненность индивида, субъекта действия структуре. Это проявляется как в имманентности власти социальным отношениям, так и в хабиутальной природе подавляющего большинства человеческих действий.

Власть, по мнению М. Фуко, растворена в социуме. При этом постструктуралистами власть трактуется предельно широко: речь идет прежде всего о символической власти, о которой много писал П. Бурдьё, о власти номинации и означивания. Именно этот аспект власти навязывает человеку господствующие значения, определяющие содержание общественных отношений. Более того, именно власть с помощью механизма интерпелляции превращает человека в субъекта, в том числе субъекта права.

Однако, несмотря на обусловленность субъекта структурой, он все же сохраняет относительную автономность, выражающуюся в свободе воли. Таким образом, в субъекте социального действия (и субъекте права в том числе) сохраняется «человеческая персональность», связанная с индивидуальным восприятием мира, мотивами, установками и другими психическими особенностями. Поэтому дискурс — это открытая, «плавающая» структура, модифицирующаяся «артикуляционными практиками». Именно эта неустранимая «субъективность» обеспечивает новизну в процессе разработки и внесения правовой инновации в рамках правообразования.

В. А. Энтин¹**ДЕЛОВАЯ РЕПУТАЦИЯ ГОСУДАРСТВ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО:
НОВЫЙ ИНФОРМАЦИОННЫЙ БЕСПОРЯДОК И КОНТУРЫ БУДУЩЕГО**

Экономический анализ правовых норм и институтов, как одно из наиболее активно развивающихся направлений современной юридической науки, предполагает эффективное использование учеными инструментария микроэкономической теории. С точки зрения защиты деловой репутации государства оказываются в худшем положении, чем физические и юридические лица, находящиеся под защитой национального права. Распространение порочащих сведений об участнике гражданского оборота со стороны физических или юридических лиц дает пострадавшим возможность обратиться за судебной защитой своего доброго имени и деловой репутации. Причем действует презумпция, согласно которой доброе имя подлежит охране во всех случаях, кроме тех, когда доказано, что распространенные сведения соответствуют действительности. В отношении государств никакие презумпции не действуют, а правдивость и фактическая обоснованность не являются оправданием.

Международное право де-факто ранжирует государства по самым разным критериям (демократические, правовые, свободные, рыночные и т. д.), но не предоставляет правовых средств защиты их доброго имени и деловой репутации. Более того, принцип формального равенства государств, подлежащий применению в организациях системы ООН, здесь не работает.

Многочисленные механизмы разрешения споров между государствами не приспособлены для рассмотрения межгосударственных информационных споров. Кроме того, условие согласия заинтересованных государств на рассмотрение спора компетентным международным судом здесь не действует. Что касается деятельности многочисленных международных трибуналов *ad hoc*, где рассматриваются международные преступления, совершенные тем или иным государством или на его территории, то их учредители исходят из презумпции, что сам факт создания такого трибунала свидетельствует об отсутствии соответствующей правосубъектности у государств, чья деятельность стала предметом расследования.

Характерно, что США и ряд других стран, включая Россию, отказались от участия в Международном уголовном суде в том числе и потому, что расследование преступлений военнослужащих и гражданских лиц го-

сударства, совершаемых в рамках специализированной международной организации, бросает тень и умаляет деловую репутацию государства, а не лица, совершившего наказуемое деяние. Тем самым в международном праве фактически действует сохранившийся с колониальных времен режим капитуляций, когда оценка деяний агентов метрополии была выведена из юрисдикции судов, правомочных рассматривать споры с участием туземцев.

Считается, что государства или объединения государств могут защитить себя сами. В эпоху Интернета и современных коммуникационных технологий основным приемом такой защиты является расширение национальной юрисдикции на информацию о диффамации, распространенную за пределами национальной территории, которая может быть доступна с национальной территории. Деловая репутация является защищенной в случае признания ее наличия у государства. Китаю на протяжении длительного времени отказывали и продолжают отказывать в признании статуса государства с рыночной экономикой, что влечет за собой серьезные потери экономического характера. Отсутствие международного признания деловой репутации государства в полном объеме и ее существование лишь в усеченном виде мешает как самому государству, так и его хозяйствующим субъектам.

В качестве информации, распространение которой официально атрибутируется государству, юридически признаются сведения, исходящие лишь от ограниченного числа высших должностных лиц. Но с точки зрения журналистов, зрителей и читателей СМИ, таковой считается информация, исходящая от любых официальных лиц либо экспертов и журналистов, считающихся выразителями мнения политической элиты данного государства.

В эпоху Интернета и глобальной информационной зависимости деловая репутация государств обладает повышенной волатильностью. Примером может служить высказывание Дональда Трампа, на которое 16 января 2017 года сослалась газета «Файнэншл Таймс». Он назвал Европейский Союз инструментом германского влияния в Европе (*German vehicle*), которое стало несовместимым с пребыванием Великобритании в ЕС и привело к брекситу. Данное высказывание, направленное на подрыв лидерства Германии в Европе, может иметь далекоидущие последствия для евро, опирающегося на экономическую мощь и репутацию Германии.

Никакого международно-правового механизма, призванного смягчить или компенсировать ущерб от информационных войн, не существует. Создание различных инструментов, призванных «разоблачать» ложные новости или препятствовать их распространению, лишь подогревает интерес к иной точке зрения, находящейся вне информационного мейнстрима.

¹ Директор Центра правовой защиты интеллектуальной собственности, доцент кафедры адвокатуры МГИМО (Университет) МИД России, кандидат юридических наук. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч.: «Авторское право в виртуальной реальности (новые возможности и вызовы цифровой эпохи)», «Роль адвоката в охране объектов интеллектуальной собственности: международно-правовой аспект», «Авторское право и смежные права в европейском праве», «Институт государства и права РАН» (в соавт.), «Закон о СМИ: на перекрестке веков» (в соавт.), «The Evolution of Media Landscape in Russia and CIS Countries: Legal and Regulatory Framework», «Средства массовой информации в политической системе современного капитализма» и др. Соавтор закона РФ «О средствах массовой информации». Эксперт ЮНЕСКО по законодательству о СМИ и авторскому праву. Член-корреспондент Международной академии сравнительного права (Гаага).

В подобных условиях в законодательство, касающееся деятельности средств массовой информации и приравненных к ним инструментов распространения информационных материалов, активно внедряются нормы об ответственности за экстремизм, разжигание розни, содержание которых отличается правовой неопределенностью, делающей возможным принятие ограничительных мер и судебное преследование в зависимости от политической конъюнктуры.

Статья 4 Закона РФ «О средствах массовой информации» в действующей редакции «О недопустимости злоупотребления свободой массовой информации» содержит большое количество норм, каждая из которых в отдельности является оправданной, а в совокупности вызывает ощущение правовой неопределенности в отношении действий, которые могут повлечь вынесение органом, регистрирующим СМИ, предупреждения о нарушении требований данной статьи. В силу ст. 16 данного Закона наличие более чем одного предупреждения о нарушении, действующего в течение 12 месяцев, может служить основанием для прекращения деятельности средства массовой информации в судебном порядке. Таким образом, предупреждение не является безобидным замечанием, а служит своеобразной «черной меткой», которая вручается средству массовой информации. Кроме того, деятельность СМИ может быть также прекращена в порядке и по основаниям, преду-

смотренным Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности».

Если учесть, что в силу статьи 16.1 в качестве обеспечительной меры деятельность средства массовой информации может быть приостановлена в случае нарушения ограничений на участие иностранного государства, международной организации, а также находящихся под их контролем физических и юридических лиц во владении или управлении средством массовой информации либо привлечения органа СМИ к административной ответственности за нарушение законодательства о выборах и референдумах, то складывается впечатление, что деятельность средств массовой информации зависит от терпения контролирующих инстанций в каждом конкретном случае и степени солидарности журналистского сообщества.

Наличие репрессивного законодательства, которое может быть задействовано применительно к СМИ и которое существует практически во всех странах с той лишь разницей, что оно используется с разной степенью интенсивности, показывает, что государства склонны компенсировать уязвимость своей деловой репутации с помощью внутренних законодательных и административных мер, отказываясь от каких-либо внятных международных договоренностей об объективности и отказе от политики двойных стандартов при осуждении вопросов внутренней и внешней политики.

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

- Е. Е. АМПЛЕЕВА заведующая кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ, кандидат юридических наук, доцент
- О. В. ВЕРБОВАЯ профессор кафедры юриспруденции Алматинского филиала СПбГУП, доктор юридических наук
- Ф. Б. ВЛАСОВ профессор кафедры теоретической экономики и управления персоналом Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева, доктор экономических наук
- В. Г. ГРАФСКИЙ главный научный сотрудник, заведующий сектором истории государства, права и политических учений Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор
- В. В. ЗЯБРИКОВ доцент кафедры экономики предприятия и предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат экономических наук
- С. Н. КАСАТКИН профессор кафедры теории и истории государства и права Самарского юридического института, кандидат юридических наук
- Г. Б. КЛЕЙНЕР заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН, заведующий кафедрой системного анализа в экономике Финансового университета при Правительстве РФ, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор
- В. А. КОВАЛЕВ доцент кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат исторических наук
- Г. В. КОЛОДКО вице-премьер, министр финансов Польши (1994–1997, 2002–2003), директор Исследовательского института Университета Леона Козьминского (Варшава), иностранный член РАН, доктор экономических наук, профессор
- А. В. КУЗЬМИН заведующий кафедрой гражданского права и процесса Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, кандидат юридических наук, доцент
- В. В. ЛАПАЕВА советник Конституционного Суда РФ, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук
- А. А. ЛИВЕРОВСКИЙ заведующий кафедрой конституционного права Санкт-Петербургского государственного экономического университета, профессор СПбГУП, доктор юридических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ
- А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ главный научный сотрудник Института государства и права РАН, академик РАН, доктор юридических наук, профессор
- В. А. МАЛИНОВСКИЙ член Конституционного совета Республики Казахстан (Астана), доктор юридических наук, профессор
- О. В. МАРТЫШИН профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук
- А. Д. НЕКИПЕЛОВ директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, доктор экономических наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
- Н. Н. НИКУЛИН профессор Института экономики и управления промышленными предприятиями Национального исследовательского технологического университета «МИСИС», доктор экономических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ
- Л. А. ПАСЕШНИКОВА первый проректор СПбГУП, куратор юридического факультета, профессор кафедры отраслей права, кандидат юридических наук
- Е. А. ПЕТРОВА доцент кафедры теории и истории государства и права Ивановского государственного университета, кандидат юридических наук
- Р. А. РОМАШОВ профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РФ
- Е. С. САДОВАЯ заведующая отделом Института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, кандидат экономических наук, доцент

Э. Л. САДЫКОВА	профессор кафедры международных отношений, мировой политики и зарубежного регионоведения Казанского федерального государственного университета, доктор политических наук, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Республики Татарстан
К. Е. СИГАЛОВ	заместитель директора Института проблем эффективного государства и гражданского общества Финансового университета при Правительстве РФ, доктор юридических наук, доцент
М. Г. СМИРНОВА	профессор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор юридических наук
В. А. ТОКАРЕВ	заведующий кафедрой истории государства и права Самарской государственной областной академии (Наяновой), кандидат юридических наук, доцент
С. Ф. УДАРЦЕВ	директор НИИ правовой политики и конституционного законодательства Казахского гуманитарно-юридического университета (Астана), доктор юридических наук, профессор, почетный юрист Казахстана
Г. Ф. ФЕЙГИН	профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук
М. М. ХАЙКИН	заведующий кафедрой экономической теории Санкт-Петербургского горного университета, доктор экономических наук, профессор
И. Г. ХАНГЕЛЬДИЕВА	профессор кафедры истории и философии образования МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук
И. Л. ЧЕСТНОВ	профессор кафедры теории и истории государства и права Академии Генеральной прокуратуры РФ, доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ
В. Л. ЭНТИН	директор Центра правовой защиты интеллектуальной собственности, доцент МГИМО (Университет) МИД России, кандидат юридических наук

Л. А. ПАСЕШНИКОВА¹: — Уважаемые участники XVII Международных Лихачевских научных чтений! Заседание секции «Экономика и право: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего» объявляю открытым. Рада приветствовать всех участников Чтений и благодарю всех гостей, приехавших к нам из разных городов нашей страны и зарубежья. Здесь собрались как постоянные участники Лихачевских чтений, так и новые. Также я приветствую педагогов, профессуру Санкт-Петербурга, преподавателей и студентов нашего Университета. Слово предоставляется руководителям секции.

А. Г. ЛИЦИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Предстоит напряженная дискуссия, потому что желающих выступить много. Хочу обратить внимание на следующий момент: дискуссия представляет интерес тогда, когда обращена не только вовне, но и адресована конкретному человеку. В частности, проблемы, связанные

с развитием экономики, затрагивают жизнь каждого человека на всех уровнях. В праве иная ситуация: речь идет о необходимости модернизации внутреннего или международного правопорядка и механизмов их применения. Изменения во внутреннем праве — процесс, который протекает по определенным правилам, обусловленным государственным устройством и требует времени. Изменение права на международном уровне предполагает согласование воли государств. В России в Законодательном собрании большинство принадлежит правящей партии и законы принимаются быстро. А в других странах, если существует определенный баланс между политическими партиями, достичь соглашения внутри законодательного органа достаточно сложно.

Когда мы рассуждаем об экономике и праве, нужно иметь в виду, что эти две сферы человеческой деятельности, процессы в которых должны протекать совместно, имеют разные темпы развития и формы взаимодействия. Поэтому необходимо проанализировать, как скоро посредством законодательного процесса или международно-правового регулирования может быть реализована идея, носящая оперативный характер. Прошу участников в ходе выступлений учитывать, что мы обращаемся не только к аудитории, присутствующей здесь, но и вовне.

Г. В. КОЛОДКО: — Наша секция посвящена в первую очередь будущему экономики. Экономическое бу-

¹ Первый проректор СПбГУП, куратор юридического факультета, профессор кафедры отраслей права, кандидат юридических наук. Автор более 30 научных публикаций: «Понимание “свободы образования” в контексте национальной правовой культуры современной России», «К вопросу о месте института академической свободы в национальной и международной системе прав человека и гражданина», «Социальное партнерство как предпосылка и условие формирования академической свободы», «Академическая свобода в системе конституционных прав и свобод личности» и др. Награждена медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, медалями «За трудовое отличие», «К 300-летию Санкт-Петербурга».

дущее может иметь два сценария развития: то, что обязательно произойдет (не важно, нравится нам это или нет), и то, что может произойти. Последнее зависит от наших научных знаний и воображения, и как раз к сфере возможного относится наиболее интересная часть рассуждений.

В настоящее время возможен коллапс евро, но мы не знаем, произойдет он или нет. Если это случится, то мы ничего не сможем сделать, но должны продумать, как избежать негативных последствий и модифицировать то, что неизбежно. Если говорить о коллапсе доллара, то это невозможно. Поэтому следует говорить о вызовах и противоречиях, которые возникают в экономике в связи с курсом валют, например в экономике США.

В своей книге «Куда идет мир. Политическая экономика будущего» я пишу о том, какие изменения в будущем могут произойти в экономике, как их можно предотвратить и что можно изучать в природе будущего. Мне нравится рассуждать о том, каким может быть будущее и что нужно сделать для того, чтобы оно было лучше. В подобном анализе важен междисциплинарный подход — изучение будущего с точки зрения не только экономики, но и социологии, антропологии. Научный и междисциплинарный подходы дадут возможность противостоять вызовам, которые возможны в будущем, и исследовать любые вопросы, связанные с ним. Преодоление вызовов — основное в нашей научной работе, посвященной изучению экономики будущего.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Профессора А. Г. Лисицын-Светланов и Г. Колодко предварили нашу дискуссию содержательным введением. Действительно, предстоит интересная дискуссия, что естественно для Лихачевских чтений, которые носят междисциплинарный характер. Ввиду того что доклады были опубликованы на сайте и все желающие могли с ними ознакомиться заранее, просьба сконцентрироваться на основных выводах и положениях правового и экономического характера.

Слово предоставляется профессору Владимиру Георгиевичу Графскому.

В. Г. ГРАФСКИЙ: — Основной вывод, сделанный на пленарном заседании, заключается в том, что и в науке, и в жизни возникает много сложных феноменов, которые нужно учитывать.

Тема «Экономика и право», которая была предложена к обсуждению, пока недостаточно разработана. Высказывается предложение о необходимости развития экономического права. Был выдвинут тезис о параллельном исследовании в сферах юридической экономики и экономического права. Но пока все это на декларативном уровне.

На пленарном заседании был сделан вывод, что экономика — это не только производительность труда, объем выпущенной продукции, но и личностные и групповые усилия, позволяющие обеспечить нормальное функционирование хозяйственной системы. Поэтому если считать, что право — это закон, защи-

щающий интересы, то интересы хозяйственного обществения — серьезное дело.

В своем докладе я употребляю выражение «право на достойного человека существование» — это одно из многих прав человека, гражданина, личности. (Я выступаю за то, чтобы включить в категорию прав гражданина и человека права личности на достойное существование.) В принципе человек обладает равными правами на достойное существование. В конце XIX века этой темой — правом на достойное человека существование — заинтересовались Еллинек в Германии и Владимир Соловьев в России. Их трактовки данного понятия несколько различаются. После обсуждения в российском научном обиходе ни та, ни другая конструкция не прижилась. Поэтому одна из ближайших задач — исследовать данное понятие. На пленарном заседании была обозначена проблема, что человек не должен дегуманизироваться и среда его обитания тоже не должна быть безнадежной.

Сложности существовали всегда, но сейчас они возникают даже в научном общении. При поступлении в вуз я считал, что знаю все. На I курсе — что я чего-то не знаю. Но когда заканчивал вуз, у меня сложилось впечатление, что я ничего не знаю. В ходе сегодняшнего обсуждения необходимо помнить о том, что хорошо было сделано 100–200 лет назад.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — К микрофону приглашается советник Конституционного Суда РФ Валентина Викторовна Лапаева.

В. В. ЛАПАЕВА: — На Лихачевских чтениях много говорилось о том, что развитие финансово-экономической глобализации вышло из-под контроля не только национальных государств, но и международных политико-правовых институтов. Это опасный процесс, чреватый эскалацией социальной несправедливости и усилением кризисного характера мировой экономики. Также предлагалось направить эту стихию в правовые рамки.

В настоящее время обсуждаются две модели глобального правового развития и формирования глобального права. Первая — сетевая модель, которая сейчас формируется стихийно. Она основана на свободе договора, саморегулировании, отсутствии внутренней иерархии. Такая модель не предполагает политико-правовых демократических институтов, поскольку акцент делается на саморегулировании рынка. Вторая модель предполагает создание институтов глобальной демократии, которые способны обеспечить права человека и вообще защиту слабой стороны путем взаимосоглашанного договора на равных основаниях, то есть путем создания институциональной формы свободы. Чтобы понять механизмы действия этих моделей, нужно вспомнить о логике правового развития. В данном случае уместно вспомнить метафору Бенджамина Франклина: «Демократия — это договор о правилах между хорошо вооруженными джентльменами».

По мере развития демократии в первоначальный договор сильных, то есть в право сильных, включаются новые социальные группы. Это происходит из-за

того, что функцию вооруженных джентльменов берут на себя политические партии, которые заинтересованы в увеличении числа своих сторонников. Конкуренция политических сил решает две важные задачи: с социальной точки зрения она расширяет пространство защищаемых социальных интересов, способствуя таким образом большей социальной справедливости, а с точки зрения экономики ротация партий власти обеспечивает своевременную смену социально-экономической стратегии. Борются главным образом две стратегии — развитие и ограничение конкуренции (которое приводит к монополизации). Таким образом, за счет политической демократии решаются две важные задачи. И если глобальный рынок будет развиваться без инстинкта политической демократии, то в дальнейшем сохранится ситуация, когда богатые богатеют, а бедные беднеют.

Сторонники либерализма без демократии утверждают, что глобальная демократия — утопия, которая не может быть реализована. В свое время кантовский проект вечного мира и союза народов в рамках всемирной федерации казался утопией, но после двух мировых войн человечество идет по этому пути, и другого варианта не существует.

В настоящее время в рамках региональных объединений разрабатываются и апробируются на практике разные модели мировой демократии. Наиболее интересен в этом плане опыт Совета Европы, поскольку он объединяет государства с разной культурной идентичностью. На закончившемся недавно юридическом форуме много говорилось о трудностях, с которыми сталкивается взаимодействие в рамках Совета Европы, и о том, что необходимо наладить двухсторонний процесс движения навстречу друг к другу.

В заключение несколько слов о сути двусторонности. С одной стороны, ядро Совета Европы — Запад — вправе ожидать, что остальные государства будут подтягивать свое правовое регулирование до уровня минимальных стандартов прав человека. С другой стороны, государства вправе ждать, что Запад не будет навязывать в качестве прав человека свои морально-нравственные ценности, потому что моральные ценности, которые сейчас предлагает Запад, — отнюдь не ценности протестантской этики и потребительской аскезы, которыми они когда-то были. Это ценности потребительского общества. На Лихачевских чтениях говорилось о том, что, по сути, это языческие, постхристианские ценности, которые уже не могут претендовать на глобальный уровень. Задача состоит в том, чтобы применительно к каждому из прав человека вычленивать, что является правовым, а не морально-нравственным, то есть что можно характеризовать как ценности, основанные на праве как свободе. Эта задача стоит сегодня перед теорией права и философией права.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Слово представляется профессору Федору Борисовичу Власову.

Ф. Б. ВЛАСОВ: — Меня больше, чем закономерности развития мировой экономики, интересует эконо-

мика России. По моему мнению, серьезным вызовом, стоящим сегодня перед Россией, является чрезмерное социально-экономическое неравенство в сочетании с технологической отсталостью и низкими темпами экономического роста, а также недостаточная диверсификация экономики. Эти проблемы взаимосвязаны. Основной причиной существующего положения является незаинтересованность наиболее богатых и влиятельных слоев общества в изменении существующего положения, поскольку свои состояния они сколотили в основном на экспорте сырья. Поэтому они не хотят изменений в проводимой социально-экономической политике, а ее целесообразность обосновывается с помощью упрощенных экономико-математических моделей с так называемым репрезентативным экономическим агентом. В этих моделях проблема неравенства обходится, а заодно теряются связанные с ним факторы, препятствующие экономическому росту.

Вообще опора на модели с репрезентативным агентом ведет к тому, что в экономической политике игнорируются многие важные связи и отношения, присутствующие в экономике как целостному организму. Здесь фактически имеет место недостаточная сбалансированность индивидуального и общественного интересов. В частности, существует оптимальный уровень неравенства, при котором экономика функционирует наиболее эффективно. В России, к сожалению, этот оптимальный уровень значительно превышен.

Несколько слов об образе будущего. Социально-экономическая модель будущего прежде всего должна решить проблему неравенства. Совсем избежать неравенства невозможно, но это и не нужно, речь идет о преодолении чрезмерного социально-экономического неравенства. Обычно, когда говорят о преодолении неравенства, имеют в виду распределительные отношения. Но на самом деле здесь возможно двойное решение. Прежде всего необходима широкая диверсификация экономики на основе передовых технологий. Диверсификация такого рода должна дополняться активизацией перераспределительных процессов.

Я не являюсь сторонником тотального огосударствления экономики, но решение задачи по преодолению неравенства возможно только на основе более активного участия государства в регулировании экономики. В частности, чтобы активизировать экономический рост, добиться технического обновления, технологической модернизации, нужны ресурсы.

Многие ждут, когда в Россию хлынут инвестиции из-за рубежа, а между тем в нашей стране имеются огромные ресурсы. О масштабе утечки капитала из России свидетельствуют следующие цифры. До кризиса 2008 года академик Богомолов в одной из своих книг привел данные Ассоциации российских банков, которые согласуются с данными Базельского комитета по банковскому надзору: из России было выведено более 1 трлн долларов, то есть имел место чистый отток капитала (эти ресурсы обеспечили бы перестройку российской экономики). На мой взгляд, если капитал «утекает» из страны, наверное, нужно ввести определенные ограничения на вывоз капитала гражданами России. Это непростая, но вполне решаемая задача.

При этом ограничения должны сочетаться с поощрением прямых зарубежных инвестиций. Открытость страны внешней среде не может ставиться под сомнение в современном мире.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — К микрофону приглашается Елена Сергеевна Садовая.

Е. С. САДОВАЯ: — Выступать на Лихачевских чтениях — для меня большая честь и интеллектуальный вызов. В своем выступлении я хотела бы обратиться прежде всего к молодой аудитории, тем более что разговор идет о будущем. Не хотелось бы, чтобы моя речь воспринималась как алармистский сценарий, все-таки наша задача — говорить о проблемах и вызовах.

Мы переживаем процесс трансформации — осознание этого факта уже стало конвенциональным. Трансформация — перманентный процесс, но сейчас она существенно ускорилась. Возникает ощущение, что точка бифуркации уже очень близка и после ее достижения мир перейдет в новое качество. Встает вопрос о том, что представляет собой новая система мироустройства.

В данном случае можно опираться на идеи Фернана Броделя о «длинном XVI веке» или тезисы академика В. С. Степина, высказанные им на этих Чтениях. С экономической точки зрения эта система базируется на отмене библейского запрета на ссудный процент, что позволило монетизировать время и положило начало научно-техническому прогрессу. Результатом стало углубление разделения труда и рост его производительности, а оборотной стороной — перепроизводство товаров и людей (появилось понятие «лишние люди»).

Капитализм сформировался как открытая система, которая периодически должна была выносить кризисы вовне. Отсюда — процесс модернизации традиционных обществ, во время которого ядро капиталистической системы разрешало противоречия. В настоящее время весь мир охвачен рынком, поэтому «сбрасывать» кризис стало некуда, внешней среды не существует. Сегодня в экономике мы наблюдаем такие процессы, как тотальное снижение эффективности капитала, появление терминов «финансы», «капитализм», разрастание финансового сектора до невероятных размеров и отсутствие капитала в производственной сфере. Но проблема не в том, что финансисты не хотят вкладывать средства в производство, а в том, что сейчас нет отраслей, где формируется потребительский спрос, который мог бы дать толчок развитию экономики.

Еще одна проблема заключается в том (и это хорошо видно по докладам выступающих), что научный язык, который сформировался в эпоху модерна и предлагает рассматривать наше бытие как отдельные сферы: экономику, политику, социальную сферу, уже не актуален. Сейчас, в период трансформации, средств научного языка недостаточно, чтобы описать все происходящее, потому что в социальной реальности, которая нас окружает, не существует отдельной экономики и отдельной политики, а все тесным образом взаимосвязано. Изменения затрагивают все сферы нашей жизни.

Углубление разделения труда ведет к тотальному распространению безлюдных технологий. Последние, в свою очередь, уменьшают спрос на труд, который сокращает потребительский спрос, что ведет к сокращению экономики. Поэтому нет средств на реализацию социальной политики, которая могла бы стать механизмом легитимации власти при таком мироустройстве, которое сегодня завершается. Отсюда — сокращение спроса на демократические институты политической организации общества, к которым мы привыкли. Это объективный процесс, поэтому просто что-то «подремонтировать» не получится.

Важное последствие трансформаций, касающееся социальной сферы, — сокращение средств на социальную политику. В то же время уровень разделения труда, достигнутый обществом, не позволяет человеку существовать иначе, как встроившись в общественное производство. Большое количество людей оказалось за рамками занятости. Возникло понятие безусловного базового дохода, о чем, в частности, говорил М. В. Шмаков. На самом деле это не новое понятие, подобные идеи высказывались в работах членов Римского клуба и сейчас транслируются институтами ООН. Одновременно в разных концах мира — от Африки, Азии до Европы — проводятся эксперименты по внедрению безусловного базового дохода. Люди выступают категорически против этого, например в Швейцарии на референдуме 77 % жителей высказались против его введения.

Обозначу проблемы, которые возникают в связи с внедрением безусловного базового дохода. Прежде всего конец существования эгалитарного общества (узкой прослойки тех, кто владеет технологиями). Изменяются механизмы легитимации власти, наблюдается тотальная подконтрольность человека элитам. Возникает вопрос: кто будет определять размер безусловного базового дохода и сможет гарантировать, что он не исчезнет со временем? На Лихачевских чтениях говорилось о том, что нас в будущем ожидает социалистическое общество — распределительная система, но с жестким тотальным контролем, то есть общество, которое вряд ли нас устроит. Призываю молодежь подумать над тем, в каком обществе она хотела бы жить.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Слово предоставляется члену-корреспонденту РАН Георгию Борисовичу Клейнеру.

Г. Б. КЛЕЙНЕР: — Лихачевские чтения являются уникальной площадкой в российской науке, на которой можно поговорить о многом с высоты обобщающих позиций, сочетая юридическую, политическую, экономическую и социологическую компоненты.

Мое выступление касается цикличности, смены господствующих подсистем в мировом обществе. Эпоха стабильности, когда главенствуют организационные (средовые) системы, сменяется институциональной эпохой, когда господствует процесс, потом возникает проектная система, обуславливающая неожиданные явления на разных уровнях мировой системы (вплоть до военных конфликтов, революций и т. д.), а затем мы вновь возвращаемся к эпохе странового домостро-

ительства. Эта избушка имеет четыре стороны, поворачивающиеся к нам своими гранями, — это и есть то пространство, в котором мы живем.

Попробую пролить свет на экономическую теорию. Существует не так много вариантов экономической парадигмы: неоклассическая мейнстримовская теория, в которой господствуют экономические объекты, агенты, взаимодействующие между собой; институциональная теория, в которой приоритет отдается институтам, заполняющим пространство между агентами; эволюционная теория, которая обращает внимание на эволюцию и революцию и связь между ними.

Неоклассическая теория утрачивает свое влияние. Наступает время новой теории, которая должна соединить эти три компонента, стать системой, описывающей мир с его переходами от дома к окрестности, проектам, событиям. Вызов, который стоит перед нами, касается нового взгляда на социально-экономическую структуру мира и ее динамику. Он требует изменения не только экономической теории, но и юридической науки в отражении новой реальности.

Рассмотрим понятие организационно-правовой формы (мы имеем в виду собственность предприятия, формы его управления и т. д.). Форма предприятия является лишь одним из возможных вариантов. Должны быть еще и организационно-правовые формы проекта (который имеет конечный срок существования), процесса (который также имеет конечный срок существования и охватывает неограниченное пространство) и остальных экономических явлений. К сожалению, сейчас юридически оформлена только одна из них — организационно-правовая форма организации. Организация рассчитана на неограниченный срок, никто не знает, когда она перестанет существовать. Новый взгляд требует соответствующих системных сдвигов и в юридической плоскости.

Здесь А. С. Запесоцкий поднял вопрос об экономических измерениях. Они также должны подвергнуться пересмотру. Современные экономические измерения основаны на неоклассической теории, которая уступает место новым экономическим воззрениям. Приведу пример. Мы по традиции считаем, что основным результатом деятельности предприятия, по которому его следует оценивать, является прибыль — разница между тем, что предприятие получает в виде доходов, и его затратами. При надлежащем системном взгляде ценность предприятия состоит не в разнице между ними, а в их сумме. Сумма этих показателей определяет, насколько предприятие вписано в общество (это нужно поставщикам, потребителям, тем, кто работает на данном предприятии).

Таким образом, перед нами стоят три вызова: вызов экономических измерений, экономической теории и социально-экономического взгляда на мир.

Г. В. КОЛОДКО: — Скоро в Гамбурге состоится саммит G20. Нужно посмотреть, какие решения относительно юридических рамок будут приняты по его итогам. Слово предоставляется профессору Илье Львовичу Честнову.

И. Л. ЧЕСТНОВ: — Несколько слов о вызовах, которые преследуют социальную науку в целом и юриспруденцию в частности. Я согласен с предыдущими ораторами, что мир и социальная реальность меняются. В связи с этим возникает вопрос: адекватно ли социальная наука описывает социальную реальность? Традиционный подход предполагает отношение субъекта и объекта (декартовская парадигма), когда ученый описывает то, что наблюдает, составляет это описание с объективными законами и пытается тем самым объяснить происходящее в мире. Такая парадигма существует до сих пор, и я считаю, что не надо от нее отказываться. Но тем не менее в социальном мире, на мой взгляд, не существует причинности в прямом смысле слова и закона в том смысле, в каком он интерпретировался классической наукой.

Дело в том, что социальные явления имманентно мотивированы сознанием и поведением человека. Поэтому внешняя позиция метанаблюдателя, ученого, который описывает, допустим, правовые явления, законодательство, пытаюсь подводить их под общие законы, сохраняет свою значимость и сегодня. Тем не менее, руководствуясь принципом дополнительности, должен быть выработан внутренний подход, который, например, разрабатывает антропология права. Не все согласны с тем, что этот подход имеет право на существование. Однако я считаю, что это новое направление более адекватно описывает реальность с позиции не внешнего наблюдателя, а действующего актора, субъекта, причем субъектом правоотношения всегда является человек, независимо от того, представляет он коллективный субъект или себя лично, то есть физическое лицо.

В связи с этим высказываются возражения по поводу антропологии права и упреки в том, что, например, правообразование выводится из индивидуального правосознания. Так считал в свое время Л. И. Петражицкий, хотя, как показывают исследования этого выдающегося ученого, он в большей степени писал о социологии, чем о психологии. Внешние факторы, которым якобы не уделяется внимания в работах представителей антропологии права, играют существенную роль. Но сами по себе они не могут выступать причинами в силу избирательного, селективного отношения человека к ним.

Например, происходят изменения в политике — эта причина порождает необходимость изменения конституционного законодательства. Мой учитель, профессор Спиридонов называл это селективной функцией правовой культуры. Внешние факторы селекционируются, отбираются не индивидуальным сознанием, а групповым, сознанием правящей элиты, референтной группы. Кроме того, к этому процессу подключаются народные массы, которые либо легитимируют, либо не легитимируют то, что выбирает элита.

Один и тот же внешний фактор, например изменения в политике и экономике, может по-разному трансформироваться при внесении изменений в законодательство. Переход от тоталитарного режима к демократическому предполагает смену формы правления. Однако при этом возможны как минимум четыре варианта формы правления: три республиканские и конституци-

онная монархия. Необходимо выбрать один из них — так проявляется селективная функция правовой культуры. Поэтому внешние факторы интериоризируются в правосознании, затем преломляются в правовой культуре населения (этот важный момент мало исследован в современной науке) и только тогда становятся правом, реальным правом.

Г. В. КОЛОДКО: — К микрофону приглашается профессор Эльмира Леонардовна Садыкова.

Э. Л. САДЫКОВА: — На нынешних Лихачевских чтениях обсуждается важный вопрос о системных сдвигах, вызовах и контурах будущего мира. С этой проблемой непосредственно связана тема моего доклада «Правовые основы этнокультурного развития российского общества».

Сегодня для общественной системы важно, в какой среде она развивается. Это касается и самой социальной системы в целом, и политической, основным звеном которой выступает государство, и правовой системы в частности. В настоящее время, когда среда меняется, ее важной составляющей является этнокультурное, или культурно-цивилизационное, многообразие. Проблемы, связанные с этнокультурным развитием общества, — ключевые для многих государств. Для России, которая имеет уникальный опыт развития государственности в поликультурном, многоконфессиональном обществе, актуальны проблемы национальной безопасности, территориальной целостности и суверенитета.

Я, как юрист и политолог, считаю, что такой важный вопрос, как этнокультурные процессы, должен регулироваться законами. Я выделила несколько нормативных актов, прежде всего ст. 19 Конституции РФ, Федеральный закон «О национально-культурной автономии», принятый в 1996 году (в свое время он сыграл очень важную роль), и закон «О гарантиях прав коренных *малочисленных народов* РФ». За последние несколько лет были приняты законы «О стратегии национальной безопасности РФ», Концепция государственной миграционной политики РФ и федеральная целевая программа «Укрепление *единства* российской нации и *этнокультурное* развитие народов *России*».

В настоящее время, к сожалению, мы не можем использовать европейский опыт, потому что проблема этнокультурного развития, этноса в европейском обществе решается на основе общепризнанных принципов прав человека (индивидуализм, индивидуальный подход). Важно определить понятие «этнос» и его правовое положение исходя из российской правовой культуры.

Мы живем в неоднородном обществе, миграционные процессы достигли таких размеров, что можно говорить о великом переселении народов. Поэтому сегодня нужно обратить особое внимание на правовое регулирование миграционной политики и проблему нелегальной миграции.

Я постоянно провожу эмпирические исследования в процессе социальной коммуникации. Например, во время поездки в такси я спросила у таксиста (таджи-

ка или узбека), почему в Москве в основном представители этих наций работают таксистами. Он ответил, что русский мужик любит выпить, но не любит работать. Этот человек уже 15 лет живет и работает в Москве. Но представители этих национальностей, проживая и работая в российских городах, продолжают существовать группой, кланом, сохраняя свой образ жизни, они не ассимилируются. Поэтому проблема миграции сегодня должна быть урегулирована на высшем уровне. И здесь одни институты гражданского общества не помогут.

Кроме того, необходимо обратить внимание на судебную систему, потому что возникает много проблем, связанных с коррупцией, ростом этнической преступности среди мигрантов, нелегальной миграцией. На мой взгляд, проблема этнокультурного развития включает экономику, социальную, культурную и религиозную составляющие. Считаю, что сегодня проблема этнокультурного многообразия затрагивает существенную часть той среды, в которой развивается правовая система и наше государство.

Г. В. КОЛОДКО: — Приглашаю к микрофону профессора Ирину Георгиевну Хангельдиеву.

И. Г. ХАНГЕЛЬДИЕВА: — Хочу поблагодарить организаторов за сохранение памяти об академике Д. С. Лихачеве.

Тема моего доклада несколько выпадает из общего русла, но она не менее важна, потому что раскрывает связь общечеловеческих ценностей с ментальностью.

Сегодня чрезвычайно важен антропогенный фактор. Экономика, политика, технологии очень быстро меняются, а культура — стабильное начало, то, что обеспечивает устойчивость общества. Но иногда она может тормозить развитие.

Китай, где взаимодействуют культура и экономика, в данной ситуации выступает альтернативой. Там доминируют экономические факторы, обеспечивающие мощное развитие. В Китае проживает 1 млрд 385 тыс. человек. Если эти люди куда-то что-либо вкладывают и чем-то интересуются, то, естественно, динамика будет больше, чем в Европе или другом регионе.

В Китае сформировался класс богатых людей, которые тратят много средств на искусство, но не как коллекционеры, а как инвесторы, думающие о том, что они в конечном счете получат. Количество миллиардеров в Китае значительно превышает количество богатых людей в США. Средний класс в этой стране с 2000 по 2012 год вырос на 64 %. Бурное развитие арт-рынка Китая связано прежде всего с экономическими и ментальными причинами.

Г. В. КОЛОДКО: — Когда мы говорим о будущем, невозможно обойти вниманием Китай. Слово представляется профессору Виктору Александровичу Малиновскому.

В. А. МАЛИНОВСКИЙ: — Я человек новый на Лихачевских чтениях. И прежде всего хочу поблагодарить Оргкомитет за огромную работу, которую он

проделал. Спасибо уважаемой коллеге из Татарстана, которая выступала до меня и актуализировала проблематику, связанную с межэтническими, межконфессиональными отношениями. Конечно же, и системный подход, и современное состояние, и вызовы, и угрозы, и контуры будущего общества исключительно важны. Неоднократно в разных выступлениях подчеркивалась такая идея, что очень важно слушать и слышать друг друга и из того, о чем говорилось, выносить больше полезного для себя. В процессе диалога нам исключительно важно в этой аудитории делиться практическим опытом — опытом России, Польши, Италии, Казахстана и других государств — и стараться перенимать что-то полезное. И чтобы не получалось так, что миром правят «Восьмерки», «Двадцатки» и иные эксклюзивные клубы, а все остальные как бы за бортом, и их не слышно и не видно.

Я думаю, что в современных тенденциях развития общества как раз важен опыт и наработки многих стран, в том числе и Казахстана. Глубоко убежден, что в настоящее время одной из функций государства является функция консолидации общества, обеспечения нормальной жизнедеятельности как государства в целом, так и каждого индивида в отдельности. И в этом отношении у Казахстана накоплен достаточно серьезный опыт. Мы, юристы, прекрасно знаем о том, что функция — это основное направление деятельности государства, обусловленное разными целями и задачами. Каждая функция имеет правовую, организационную, финансовую, материальную, институциональную и другие составляющие. В течение двух дней Чтений говорилось о ценностях. И я еще раз переосмыслил п. 2 ст. 1 Конституции Казахстана, в котором четко закреплено, что основными принципами деятельности республики являются общественное согласие, политическая стабильность, экономическое развитие на благо каждого, казахстанский патриотизм, решение важнейших вопросов демократическими методами. Что еще нужно? Нужно материально-финансовое обеспечение этой важнейшей деятельности страны в полиэтничном, многоконфессиональном обществе. Финансирование идет через различные каналы, в том числе и за счет бюджета, но это, полагаю, существует в каждом государстве, по крайней мере во многих странах.

Далее, исключительно важно сочетание конституционно-правовой политики и политики в целом. В 1996 году у нас была утверждена Концепция формирования государственной идентичности Республики Казахстан. В настоящее время, в 2015 году, была разработана новая концепция единения казахстанского народа. Кроме этого, действует мощнейшая институциональная составляющая в лице Ассамблеи народа Казахстана. Опять же много говорилось о том, как должно меняться государство, какие у него функции, структуры, как оно должно быть связано с обществом. Ассамблея народа Казахстана как раз и представляет собой уникальный институт, в котором политологи в первую очередь выделяют то, что он: а) возглавляется президентом, главой государства, гарантом прав и свобод человека и гражданина; б) имеет конституционный статус; в) действует на основании закона.

Этот институт позволяет объединить этнокультурные организации, представляющие более 100 этносов Казахстана, уважаемых религиозных деятелей, специалистов, представителей различных государственных органов, руководителей. Обеспечение деятельности Ассамблеи осуществляется секретариатом, который входит в состав администрации президента, соответствующее руководство есть и у региональной ассамблеи — со стороны представителей президента и акиматов. То есть сочетание общественного и государственного начал позволяет установить четкую коммуникационную линию между каждым этносом, каждой религией и вынести на уровень республики их консолидированное мнение. Недавно состоялась 25-я сессия Ассамблеи народа Казахстана, которая собрала более 400 представителей со всех регионов. Это совершенно иной дух, иное состояние по сравнению с чисто государственными органами. Этой практике уделяется большое внимание.

В прошлом году в Тюмени состоялась конференция, посвященная проблематике межэтнического взаимодействия. После моего выступления областное руководство запросило материалы, я отправил все, что касается Ассамблеи, в Тюменскую область. Не так давно приезжали представители во главе с руководителем Федерального агентства по делам национальностей России и с большим вниманием отнеслись к нашему опыту.

Еще раз большое спасибо за прием. Про Алматинский филиал Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов с уверенностью можно сказать, что яблоко от яблони недалеко падает. Сегодня я убедился, что высокие стандарты головного вуза директор филиала Татьяна Леонидовна Баталова полностью реализовывает в Алматы.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Слово предоставляется профессору Сергею Федоровичу Ударцеву.

С. Ф. УДАРЦЕВ: — Уважаемые коллеги, мне хотелось бы поблагодарить организаторов за столь полезную дискуссионную площадку, как Лихачевские чтения. Тезисы, которые я представил в этом году, касаются зоны преимущественно английского права, которое создается с особым правовым режимом в столице Казахстана на территории Международного финансового центра «Астана». В тезисах характеризуется сегодняшнее видение этого правового режима, который вступит в силу осенью, но фактически уже начал реализовываться. Данная тема затрагивает проблемы правового регулирования в условиях глобализации, когда происходят объективно сложные, разнонаправленные процессы взаимодействия, взаимовлияния и в определенной мере конвергенция правовых систем, в частности англо-американской и континентальной. Именно на этом вопросе мне хотелось бы коротко остановиться с учетом той дискуссии, которая состоялась на пленарном заседании.

Глобализация — это объективный процесс, который происходит и будет происходить, несмотря ни на что. Взаимодействие правовых семей — слож-

ный, неравномерный и противоречивый процесс, решающий немало проблем экономического развития, но в то же время увеличивающий трудности правового развития, поскольку требуется снятие самых разных противоречий, нестыковок. А таких расхождений существует множество как в технических стандартах, правовых обычаях, структуре и формах нормативно-правовых актов, так и в содержании юридических понятий, терминов правовой культуры. Однако, повторяю, глобализация как процесс сближения правовых систем является объективным процессом.

Можно выделить, в частности, следующие формы мирного, добровольного сближения англо-американской и континентальной правовых семей в условиях развивающейся глобализации. Это унификация отдельных правовых принципов, институтов и норм относительно согласования терминов и понятий разных систем, происходящая под влиянием опыта отдельных стран-лидеров и общих ценностей; своего рода правовая прививка национальной правовой системы, элементов права наиболее успешных стран. Это тенденция частичного или полного отказа от некоторых институтов, например смертной казни, во многих странах из разных правовых семей. Это унификация определенных правовых институтов и норм разных систем под влиянием международного права, особенно наиболее авторитетных международных правовых актов, приобретающих, несмотря на трудности глобализации, все более императивный характер. Разумеется, такая унификация осуществляется не одновременно и с определенными поправками, примером может послужить включение в национальные правовые системы Всеобщей декларации прав человека.

Еще одной формой мирного сближения является формирование смешанной национальной системы права под влиянием исторических особенностей развития страны и геополитического влияния соседних стран, что прослеживается, например, на американском континенте, где эти системы довольно активно взаимодействуют. Добровольное восприятие норм и институтов одной системы другой также происходит посредством широкого распространения международных арбитражных судов с правом согласованного договорного выбора сторонами права любой страны, любой правовой семьи, которое может быть юридическим основанием для рассмотрения дела. Это деятельность международных судов, которые наряду с нормами международного права учитывают и имеющиеся отношения к рассматриваемому делу национального права разных стран, принадлежащих к разным семьям. Принятие страной одной семьи автономного режима правовой системы и опыта страны другой правовой семьи, если она становится частью новой правовой системы конкретной страны при добровольном присоединении или продаже определенной территории, как это было, например, с Луизианой в Соединенных Штатах Америки.

Ну и наконец то, что наблюдается сейчас в Казахстане, — это формирование внутри отдельных стран зон действия права преимущественно одной правовой системы для функционирования международных финансовых институтов, судов, привлечения инвесторов,

развития международного сотрудничества. Это как раз и создается на базе городка международной выставки «ЭКСПО-2017», которая проходит в июне-сентябре 2017 года в Астане. Хотелось бы надеяться, что эксперимент, который Казахстан проводит по созданию зоны английского права с элементами казахстанского, будет успешен, а его опыт будет полезен для других стран, в том числе для стран Евразийского экономического союза.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Это действительно очень интересный опыт, который сейчас формируется в связи с созданием финансового центра в Казахстане. Дальше выступит профессор Николай Николаевич Никулин.

Н. Н. НИКУЛИН: — Мне бы хотелось остановиться на положении, которое было высказано госпожой Е. С. Садовой в обращении к студентам: думайте о том обществе, в котором вы будете жить. Также я хочу обратиться к положению, которое высказал господин Колодко: то, что должно произойти, произойдет независимо от того, хотим мы этого или нет. Когда В. В. Путин победил на выборах, он продекларировал такие строчки Есенина: «Если крикнет рать святая: “Кинь ты Русь, живи в раю”. / Я скажу: “Не надо рая, дайте родину мою!”». Так вот, какую экономику мы хотим построить? Я выступаю на многих конференциях, и нигде не слышал, что мы хотим быть такими же, как Германия, Соединенные Штаты Америки или Китай. Это очень важный момент. Но я хочу остановиться на некоторых факторах, которые определяют: то, что мы имеем сейчас, в значительной степени и будет дальше. Экономика в современных условиях может быть только рыночной, капиталистической. Также на данном этапе она может быть только глобальной, мировой. В хозяйствах, которые не включены в мирохозяйственные экономические отношения, действуют не экономические законы, а в значительной степени субъективный фактор.

Прежде чем говорить о капиталистической экономике, надо определить, что такое капитал. Более взрослые люди знают, что, например, Маркс определял капитал как систему экономических отношений. Капитал бывает производительный, денежный, человеческий. Если какая-то часть институциональной среды отсутствует, то капитала нет. Есть что-то другое, например фонды, но не капитал. То есть, если мы не участвуем в международном разделении труда, не производим товар, то у нас не экономика, а хозяйство. На прошлом заседании я говорил о том, что у нас капиталовооруженность труда в 10 раз ниже, чем в Соединенных Штатах Америки. Много говорилось о Китае, о том, что он сделал рывок. А за счет чего? Сравним долю накопления основного капитала в России и Китае — 20 и 40 % соответственно, это несопоставимые цифры. Что такое накопление капитала? Это означает, что мы вкладываем в завтра, в какой-то степени уменьшая потребление сегодня. Этот момент очень важен. Так что на современном этапе своего развития Россия встала на путь обеспечения хотя бы того уровня потребления, который имеет.

Мы в значительной степени не задумывались о будущем, поэтому то, что мы сегодня имеем, будет и завтра, как бы мы ни желали чего-то другого. Ни на одной конференции, повторяю, не сформулировали, какая будет завтра экономика. Да, сейчас господа Кудрин и Глазьев спорят, куда перенаправлять капиталы, увеличивать денежную массу или нет, но в значительной степени все предопределено. Говорят о том, что надо развивать высокие технологии. А основная доля капиталовложений у нас куда идет? В добывающие отрасли. Поэтому, если мы провозглашаем, что надо развивать высокотехнологичные отрасли, а большая доля капитала и основные фонды более быстрыми темпами растут именно в добывающих отраслях, то ничего другого не будет, будет то, что есть сейчас. Так вот, мне кажется, молодое поколение, к которому здесь обращалась госпожа Садовая, будет строить новую экономическую систему по-другому, более грамотно. После перестройки в 1990-е годы мы решили реализовать идею «все и сразу», не заботясь о накоплении. А вот молодым придется выбирать: вкладывать ли в будущее, жить ли сегодняшним днем, оставляя экономику Российской Федерации в нынешнем состоянии — тогда ее назовут «сидящей на нефтяной игле» или примитивной, как отметил Д. А. Медведев. То есть если мы не изменим соотношение между накоплением и потреблением, ничего в нашей экономике не изменится.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Я хотел бы дать слово профессору Оресту Владимировичу Мартышину.

О. В. МАРТЫШИН: — Уважаемые участники, мне хотелось бы коснуться одного бесспорного системного сдвига последних лет и в то же время, как мне кажется, очень серьезного вызова, может быть, даже угрозы. Речь идет об активизации консервативных течений. Сейчас во всем мире говорят о создании своего рода консервативного интернационала. Эти тенденции активно развиваются и в России. И главным представителем этого явления сейчас, как мне кажется, является наша правящая партия, которая избрала в качестве своей идеи и основы консерватизм. Единороссы подробно не объясняют, что они имеют в виду под консерватизмом, не пытаются продемонстрировать его привлекательные стороны, а выдвигают лозунг о защите традиционных ценностей. Жить под девизом «сохраним и приумножим» — замечательно. Но для того чтобы получить критерий для оценки этого выбора, было бы не вредно, по-моему, немного порассуждать о том, что такое консерватизм, исторический и современный, и каковы его родовые свойства. Современный консерватизм возник в конце XIX века как реакция на Великую французскую революцию.

Я позволю себе выделить пять классических принципов консерватизма. Первый принцип: осуждение идеалов свободы, равенства и демократии. Неравенство естественно для человечества. Человечество всегда с охотой подчиняется лучшему, идет за своими вождями, и отсюда, в государственно-правовом плане, симпатии к монархии, авторитаризму, тоталитаризму,

то есть к любым формам личной власти. Второй принцип: вместе с перечисленными выше идеалами отбрасывается идеал социальной справедливости. По мнению Хайека, одного из столпов консерватизма XX века, это бессмысленная категория, это или неразумное, или шарлатанство. Хайек подводит психологическую подоплеку под свою критику идеи социальной справедливости, утверждает, что она возбуждает чувство зависти, самую низменную из человеческих страстей. Итак, консерватизм считает нереальным осуществление принципов справедливости. Мир земной, тварный создан так, что нужно мириться с тем, что пока он существует, будет существовать и несправедливость. Справедливость возможна только в мире ином.

Третий принцип: национализм. Могу сказать, что национализм и консерватизм, пользуясь словами Маяковского, это близнецы-братья, как Ленин и партия. Национализм не следует путать с защитой национальных интересов, патриотизмом, чувством национальной гордости. Национализм начинается тогда, когда нация возводится в фетишизированный объект лояльности, социальный конфликт в рамках нации отрицается и гражданам внушается мысль, что они принадлежат к избранному народу, что создает основу для пренебрежения интересами других народов. Четвертый принцип консерватизма — клерикализм, или, точнее было бы сказать, политическая эксплуатация религиозных чувств, идей, движений и организаций. И наконец, последний, пятый, принцип — нетерпимое отношение к революции как к сугубо отрицательному явлению. В российской традиции последних лет, к примеру в наследии Солженицына, что такое революция? Это выпадение из мировой истории, провал. Именно эта позиция и была провозглашена на научной конференции, посвященной юбилею революции в нашей стране, причем, что характерно, эта конференция проходила не в Академии наук, не в университете, а в Зале собраний храма Христа Спасителя в Москве. Главных ораторов было два: один от церкви — митрополит Иларион и второй от государства — министр культуры Мединский. Что сказал Иларион? Что Россия тысячелетиями развивалась на основе христианских ценностей и могла бы и впредь успешно развиваться эволюционным путем, если бы революционная оппозиция не раскачивала лодку. Вот вам консервативный подход к революции, то есть полное отрицание закономерности революции как одной из форм исторического развития наряду с эволюцией, как явления неизбежного.

Между прочим, не нужно быть сторонником революции для того, чтобы признавать ее закономерность. Здесь можно привести в пример Николая Александровича Бердяева, который, безусловно, не был сторонником революции и вроде бы в какой-то мере выступал защитником того пути, по которому пошла Россия. Он выдвинул три аргумента: во-первых, революция — явление провиденциальное, не заговор, не оппозиция, раскачивающая лодку, а нечто от нас независимое; во-вторых, коммунизм был судьбой России; в-третьих, всякая революция терпит поражение относительно осуществимости тех целей, которые провозглашает.

Вот своеобразная защита революции. Все эти свойства позволяют характеризовать консерватизм как платформу правых сил, привилегированного меньшинства.

В заключение приведу синтез идеологии платформы консерватизма, сделанный не мною, а одним из самых знаменитых русских консерваторов XIX века Константином Леонтьевым. Он утверждал, что консерватизм призывает нас понять научную необходимость новых форм неравенства монархизма, теократии, аристократизма и порабощения. И в связи с этим закончу свое выступление высказыванием еще одного выдающегося человека. Николай Васильевич Лесков как-то заметил, что наш консерватизм сплошь и рядом оборачивается полной косностью. И все это дает основание усомниться в выборе идеологической платформы, который сделала правящая партия. Не следовало бы в богатейшем наследии русской общественной мысли искать только традиционные ценности.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Слово предоставляется профессору Роману Анатольевичу Ромашову.

Р. А. РОМАШОВ: — Уважаемые коллеги, лейтмотивом нынешних Чтений стала идея о будущем. Причем, если раньше мы обсуждали, какое будущее ожидает цивилизацию и Россию, то сейчас прозвучала альтернатива: есть ли будущее вообще, и если есть, то какое? Причем, когда говорили о будущем, то рассматривали вопросы: есть ли будущее у человеческой цивилизации и есть ли будущее у Российской Федерации как единого государства, нации народов? Если мы говорим о будущем Российской Федерации, то следует учитывать два момента, которые привели к крушению Советского Союза и сохранились в настоящее время; они делают в достаточной степени проблематичными наши прогнозы об общем будущем. Первый — это национальный принцип образования субъектов Федерации, который предполагает возникновение тенденции к национальному сепаратизму и к тому самому пресловутому праву наций на самоопределение, вплоть до выхода из состава государства. Второй — это сведение функциональной модели государства к бюрократической элите, замкнутой на фигуре лидера нации, воспринимаемой в качестве безальтернативного центра публичной власти. Когда мы говорим о безальтернативности власти президента, то, собственно, подразумеваем, что история заканчивается на президенте, как раньше она заканчивалась на генеральном секретаре, императоре и т. д.

Хотелось бы отметить еще один момент, о котором здесь уже говорилось: если мы говорим о будущем, то что является движущей силой истории? Профессор Дуткевич обозначил в качестве новой, или приоритетной, силы страх. Страх обусловлен внутренней разобщенностью государства, недоверием в сфере международного общения. Если мы говорим об отношениях России и Запада, то в настоящий момент действительно существует страх, причем обоюдный, он становится лейтмотивом развития. При этом если мы говорим об этапах формирования этого страха, то следует от-

метить, что предметный страх, который обуславливал противоречия между Российской империей и Западом, был основан на религиозном противопоставлении православия и католицизма. Затем он переходит в не менее предметный страх идеологического характера, когда коммунистическая система боится капиталистической, а в большей степени капитализм боится наступления социализма.

Если же мы говорим о современности, то страх становится беспредметным, постсоветская Россия вобрала в себя западные ценности, приоритеты как в области идеологии и политики права, так и в области экономики. Но, как говорила коллега, например, Китай копирует чужие ценности, воспринимая их в качестве своих. Россия же копирует ценности Запада, но вместе с тем не воспринимает их в качестве своих, продолжая рассматривать Запад как враждебный объект. В данном случае следует отметить, что Россия никогда не станет западным государством, и Запад никогда не будет воспринимать Россию в качестве элемента западной правовой культуры. Если мы рассматриваем будущее истории в качестве некоей обозримой перспективы, то следует отметить, что далеко не всякие несопоставимые культуры являются враждебными. В том случае, если мы к этому простому выводу не придем, то Часы Судного дня в Чикагском университете, о которых образно говорил академик Гусейнов, пробьют полночь, а до нее осталось, согласно мнению экспертов, две с половиной минуты. К сожалению, такая вероятность будущего без будущего в сегодняшнем настоящем становится все более реальной.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — На правах ведущего я хотел бы сказать несколько слов. Прежде всего хотелось бы отметить оптимизм выступающих относительно будущего, я имею в виду и вопросы, связанные с глобализацией, и вопросы, связанные с наступающей социально-экономической эрой. На пленарном заседании пессимизма было значительно больше.

Вместе с тем я хотел бы обратить внимание на два момента, которые, может быть, покажутся провокационными, но, думаю, будут полезны для нашей дискуссии. Первое: пока в выступлениях мы не услышали рецептов по преодолению объективных проблем, связанных с кризисом глобализации, о которых мы говорили в первый день Чтений. И второе: когда мы говорим о социальных вопросах, социальной справедливости, социальном будущем, то чаще обращаемся, естественно, к нашему, российскому опыту. Но дело в том, что XX век был веком революции не только в России. Я хотел бы напомнить, что в результате революции распалась Австро-Венгерская империя, и в настоящее время герб Австрии — это орел, который держит в лапах серп, молот и разорванные цепи. Я хотел бы напомнить также, что вскоре после нашей революции произошла революция в Германии, когда были провозглашены демократические ценности, в частности социальное равенство, и т. д. А что произошло в Европе спустя лет этак 15, мы тоже знаем. Поэтому вопросы, связанные с тем, что делать, какой опыт перенять, на каких ошибках учиться, тоже нужно иметь в виду. Может быть, мы

обсудим этот аспект, учитывая события XX века, которые произошли, никуда не делись, они имеют свои аналогии и в наши дни.

А теперь я хотел бы предоставить слово кандидату юридических наук Василию Алексеевичу Токареву.

В. А. ТОКАРЕВ: — Уважаемые коллеги, хотелось бы поговорить с вами одновременно и о пессимизме, прозвучавшем на пленарном заседании, и об оптимизме, но это чуть позже. Я хотел бы вернуться к пленарному заседанию и выделить три, на мой взгляд, ключевых слова, которые лично мне запомнились, — это Маркс, фейк и страх.

Сначала о Марксе. Действительно, Маркса нам здесь не хватало и не хватает. Но если обратиться к марксизму, то в работах Маркса есть одно очень точное и, на мой взгляд, до сих пор не проанализированное в должной мере слово «отчуждение». В современных университетах за рубежом Маркса изучают не только экономисты, но и юристы. И в одной из своих ранних работ по еврейскому вопросу он как раз и поднял проблему отчуждения. Экономисты знают, о чем идет речь, — отчуждение от результатов своего труда. А что такое отчуждение у юристов? По Марксу, оно должно пониматься как отчуждение человека от прав, в том числе и от экономических. Существуют декларации, конвенции, конституции, где определены права и свободы. Но мои ли это права и свободы? Ощущаю ли я их своими? И Маркс приводит пример: право частной собственности. «Чье это право? — спрашивает Маркс. — У кого оно — у обладателя частной собственности или у самой частной собственности, которая поработила своего обладателя?» Я подчинен этой собственности; у меня есть машина, и я ее обслуживаю; я каждый день думаю, как мне сделать лучше для моей машины. Кто же в итоге собственник, у кого право — у машины или у автовладельца? Так что термин «отчуждение» общий и для экономистов, и для юристов, и он может стать предметом для наших совместных дискуссий.

Второй термин — фейк. Действительно, мы стали свидетелями победы на двух выборах — американских и французских — неожиданных кандидатов. Но так ли они были неожиданны на самом деле? Когда в 1960-х годах американские юристы обратились к экономическому анализу права и предложили критерий для этого анализа, они поставили два основных вопроса: как правовые стимулы влияют на поведение экономических акторов и каковы последствия этого влияния? Соответственно в школах экономического анализа права возникли два направления: первое изучает влияние правовых стимулов как таковых на поведение людей, а второе — последствия этого влияния. Но тогда возникает следующий вопрос: как нам оценить последствия, и вообще поддаются ли они оценке? Здесь был введен критерий — социальная желательность, насколько социально желательны последствия влияния правовых стимулов на экономику. И еще один вопрос, вытекающий отсюда: а поддается ли вообще экономическая структура постиндустриального общества оценке с точки зрения социальной желательности?

Буквально несколько недель назад я был во Франции, где проходили выборы, и общался с французскими коллегами. Я задал вопрос: «Почему вы против Макрона?», они ответили: «Он либерал». «Замечательно. А какая-то рациональная причина есть?» — «Да, он собирается изменить социальное законодательство. Сейчас во Франции на пенсию выходят одни в одно время, другие — в другое, например железнодорожники раньше, потому что у них более тяжелые условия труда. Макрон хочет, чтобы все уходило на пенсию в одно время, считает, что не надо давать привилегий и делать исключения в законодательстве по соображениям. Это несправедливо, поэтому мы не будем за него голосовать». Где критерий социальной желательности реформ, которые проводятся через право в экономической и социально-экономической сферах общественной жизни? И насколько мы можем прогнозировать эти реформы? Основоположники экономической теории, экономического анализа права были уверены, что поведение экономических акторов, то есть участников экономических отношений, рационально и всегда прогнозируемо, как и поведение других акторов в других сферах. Но это оказалось не так. В частности, они действуют нерационально и непредсказуемо.

И, наконец, страх. Его мы часто воспринимаем как боязнь каких-то внешних влияний, факторов. Но возможны страхи перед внутренними изменениями. И юристы, и экономисты, которые сидят в этом зале, должны понимать, что преодоление страха — это преодоление боязни не только перед внешними факторами, например терроризмом, но и внутри своей системы. Если вы хотите что-то изменить — надо действовать.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Я предоставляю слово кандидату юридических наук Владимиру Львовичу Энтину.

В. Л. ЭНТИН: — Уважаемые коллеги, здесь прозвучало много всего интересного. Сначала хотелось бы отреагировать на последнее выступление. Был использован термин «отчуждение». Отчуждение в юридическом смысле, в смысле науки гражданского права означает переход права владения или права собственности от одного субъекта к другому. В ч. 4 Гражданского кодекса РФ этому термину было придано специфическое значение: речь идет об отчуждении исключительного права на использование объектов интеллектуальной собственности, то есть результатов интеллектуальной деятельности, в полном объеме. Это сугубо российское явление и представление об отчуждении. Ни в одной другой юрисдикции мира такого понимания в этот термин не вкладывается. Но когда говорят о глобализации, об определенном доминировании финансовых соображений над всеми прочими, отрыве финансовых институтов от материальных объектов, следует иметь в виду, что на самом деле речь идет об увеличении оборота главным образом прав требования. А если мы говорим о правах требования, структурированных совершенно по-разному, то за ними должна стоять определенная сила, обеспечивая их инфорсмент или принудительное обеспечение. В этом случае мы уже будем гово-

речь о том, что за ними должна стоять сила либо государства, либо объединения государств.

И здесь, думаю, будет уместно сказать несколько слов по поводу репутации государств в международном праве. Казалось бы, вещь достаточно абстрактная и оторванная от юридической проблематики. Мы сейчас находимся в состоянии информационного шума, где все информационные потоки максимально институализированы, отсюда попытка поиска неформальных инструментов общения в обход государств и правительств. В свое время большевики пытались таким образом общаться с пролетариями всех стран. Но я хотел бы обратить внимание на совершенно другой аспект. Через репутацию государств как бы передается авторитет тем или иным правам и требованиям. Мы всегда полагаем, что под репутацией понимается нечто, понятное нам. Мы мыслим в терминах нашей Конституции, к примеру, в ст. 23 сказано, что честь, достоинство и деловая репутация присущи каждому человеку, в отношении юридических лиц речь может идти только о деловой репутации, а в отношении государств нет понимания равенства, тут неравенство государств заложено в самой структуре международных отношений, как и такое понятие, как отрицательное понимание государств. Ведь применение термина международного общения "failed state", или «несостоявшееся государство», или «государство, которое не в состоянии обеспечить суверенитет на своей территории», приводит к тому, что рейтинг этого государства на международной арене падает.

И еще одно. Все говорили о том, что есть несколько валют, обеспечивающих функционирование глобализации, системы. Но даже эти валюты находятся в состоянии постоянной волатильности, поэтому здесь не хватает одной только репутации государств, за ней следуют репутации интеграционных объединений, международного сообщества, то есть поддержания в определенных рамках тенденций к энтропии.

И последнее соображение — по поводу бюрократии. Бюрократия не сдает своих позиций из-за все возрастающей неэффективности и увеличивающегося количества регламентов и различного рода норм, заполнения всякого рода бланков отчетности. Мы постоянно сталкиваемся с результатами этого творчества. Но если переходить на другой уровень, то уровень международного общения, развитости международного права обеспечивает саму возможность глобализации и поддержание ее существования в приемлемых рамках, удерживающих ее от энтропии.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Дальше выступит профессор Марк Михайлович Хайкин.

М. М. ХАЙКИН: — Прежде всего хочу поблагодарить за возможность уже не первый раз принимать участие в Лихачевских чтениях, для меня это большая честь. Свое выступление я хотел бы условно разделить на две части: первая часть — мировая экономика, национальная экономика, проблемы состояния, возможные перспективы; вторая часть — проблема развития человека. Что касается оценки состояния экономики,

то очень много об этом говорили и сегодня, и на прошлых Чтениях. Экономику — и российскую, и мировую — можно оценивать по-разному, она очень многоаспектна и многоцветна, если можно так сказать. С одной стороны, в результате глобальных процессов развития мирового хозяйства наша экономика, безусловно, включает в себе черты постиндустриальной экономики — это и информационная экономика, и экономика знаний, и сервисная экономика. С другой стороны, и сегодня об этом уже говорили, нашу экономику очень часто называют сырьевой, даже экспортно-сырьевой, в противоположность инновационной и тому подобным. Приведу пример. Как сотрудник Горного университета, с полной уверенностью могу сказать, что и в сырьевом секторе существуют весьма высокотехнологичные проекты. Например, наш партнер, известная во всем мире Научно-производственная корпорация «МеханорбТехника», сейчас работает над проектами «Интеллектуальная скважина» и «Интеллектуальная шахта». Директор корпорации поделился с нами очень оптимистичной идеей, что хватит шахтерам работать под землей, им надо уже, находясь на земле, смотреть, как идет работа внизу.

Я должен сказать, что, к сожалению, на сегодняшний день, и это уже из области, скорее, пессимизма, чем оптимизма, происходит разрушение отраслевой экономики. Сегодня очень много говорили об экономике вообще, о межотраслевых и межпредметных связях, но особенно хорошо это чувствуют работники отраслевых вузов, отраслевых исследовательских структур и т. д. Действительно, сейчас сервисная экономика вследствие общих закономерностей развития постиндустриального общества начинает явно доминировать в процентном соотношении над сферой материального производства. Более того, сфера услуг начинает растворяться в реальном секторе экономики. Я привел пример, когда инженерно-технические работники, служащие, интеллектуальная элита все больше занимаются не реальными активами, а интеллектуальными проектами, работой с информацией, цифровыми технологиями и т. д.

Теперь о концепции развития человека. Сегодня прозвучала прописная истина, что новое — это хорошо забытое старое. Кто является центральной фигурой в любом обществе во все времена? Человек. Иногда приходится слышать или читать высказывания о том, что повышается роль человеческого фактора. У меня сразу возникает вопрос: разве бывали такие времена, 100 или 1000 лет назад, когда роль человека, личности была второстепенной? Нет, человек всегда на первом плане. Другое дело, что концептуально меняются содержание труда, качественные характеристики человеческого капитала, по крайней мере требования к ним. Концепция человеческого капитала была разработана еще Гэри Беккером, а сформулирована Теодором Шульцем в начале 1960-х годов.

Существует много теорий человеческого капитала, но я попробую проиллюстрировать и как-то осовременить на примере одну из них. Например, есть такая структура человеческого капитала, как капитал здоровья, капитал образования и капитал культуры. Обращаю

ваше внимание — капитал культуры как экономическая категория. Здесь можно долго говорить о том, что сейчас происходит в сфере образования, эта тема особенно болезненна для педагогов и тех, кто связан с образованием. Что касается здравоохранения, то, проанализировав качественные характеристики здоровья населения за последние 15 лет, приходится констатировать, что они ухудшились примерно на 15 %. Но при этом статистика естественного движения населения улучшается, потому что современные достижения в здравоохранении позволяют высокоэффективно лечить и поддерживать ухудшающееся состояние здоровья человека. Это вопрос очень системный, надо разбирать причины и проблемы. Завершить хотелось бы тезисом, с которого я начал: «Все во имя человека, все для блага человека». Это известный коммунистический лозунг, и мы должны об этом помнить и очень трепетно относиться к человеку как к основной производительной силе и главному потребителю в нашем обществе.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Я приглашаю к микрофону профессора Ольгу Викторовну Вербовую.

О. В. ВЕРБОВАЯ: — Уважаемые участники конференции, мы уже третий день рассматриваем актуальнейшие вопросы современности. На панельных дискуссиях мы говорили о существующих вызовах и угрозах, конечно, намечали контуры будущего и ставили перед собой вопросы, что нам нужно сделать, чтобы предотвратить и минимизировать последствия этих вызовов и угроз. Однако на этих слушаниях мы не услышали прямую постановку вопроса о защите прав человека, хотя в контексте выступлений это звучало. На что я хочу здесь обратить внимание? В условиях, когда государствам приходится решать сложнейшие задачи и противодействовать серьезнейшим угрозам — возьмем только одну из них, такую как терроризм, и все его проявления на сегодняшний день, — они вынуждены принимать меры, которые в определенной степени затрагивают права и свободы человека и гражданина, могут ограничивать их на законодательном уровне. И тут, я думаю, очень важным является та грань, за которую государство все-таки не должно выходить именно в аспекте защиты прав человека.

В качестве примера приведу следующее. На сегодняшний день в Казахстане на законодательном уровне решается вопрос об изменении регламента соответствующих сотовых операторов. Речь идет о том, что сотовые операторы будут предоставлять все данные о переписке, телефонных переговорах и тому подобном в рамках, которые на сегодняшний день регламентированы. Так, у простого гражданина невольно возникает вопрос: насколько это затронет его права и интересы? Мы понимаем, что это неизбежно, поскольку государство вынуждено законодательно ограничивать наши права и свободы, иначе оно не сможет справиться с обрушившимися на него бедами. Но, на мой взгляд, даже при сложившихся обстоятельствах ни в коем случае нельзя снижать планку защиты прав и свобод человека и гражданина. Наоборот, мы должны в большей

степени обращать внимание на эти аспекты. Ни одно государство, в котором нарушаются права и свободы человека, не способно долго существовать. Мы видим это на примере стран Ближнего Востока. Это всегда будет вызывать протест со стороны граждан.

Что хотелось бы в этом плане отметить? Что нам нужно делать и как двигаться дальше? На сегодняшний день и в Казахстане, и в России один из основных способов защиты прав и свобод — через суд. Мне кажется, и это сегодня действительно имеет место в обоих наших государствах, что нужно развивать досудебные и внесудебные способы защиты прав и свобод человека и гражданина. В этом плане многое делается, но, тем не менее, проблем меньше не становится. Приведу пример. У граждан есть сомнения и определенное недоверие к институтам внесудебной защиты прав и свобод. Нам нужно повышать уровень доверия, развивать эти институты, и, на мой взгляд, они сегодня уже начали достаточно эффективно функционировать. Это институт медиации и другие институты, которые представляют собой альтернативный способ защиты прав и свобод, а именно внесудебный. И, к сожалению, один из проблемных вопросов, которые здесь возникают, и мы с этим на практике столкнулись, — это вопрос материальный. Допустим, чтобы обратиться в суд, необходимо заплатить определенную пошлину, и чтобы обратиться, допустим, к медиатору, тоже нужно оплатить его услуги. Так что на сегодня финансовый фактор является одним из препятствий, не позволяющих нашим гражданам массово прибегать к альтернативным способам. Я думаю, развитие и пропаганда альтернативных способов защиты прав и свобод человека и гражданина должна быть на сегодняшний день в приоритете в наших государствах.

Я бы хотела обратить внимание еще на один момент. Здесь присутствуют экономисты. Так вот, с позиции экономики сегодня, когда у нас бизнес находится в непростой ситуации, в условиях экономических санкций, конечно, государство делает все для того, чтобы дать предпринимателям свободу действий. В Казахстане снова вводится мораторий на различные проверки бизнеса, также органы прокуратуры теперь не имеют права планировать эти проверки, а могут осуществлять их только по инициативе обратившихся лиц. Но тем не менее это лишь одна сторона — государственная поддержка бизнеса. А я хотела бы поднять вопрос о социальной ответственности бизнеса. Об этом, кстати, говорил и президент Российской Федерации, то есть тема социального предпринимательства, социальной ответственности бизнеса тоже должна на сегодняшний день стать актуальной. Но это не означает, что бизнесу необходимо получать деньги и вкладывать их в какие-то социальные институты. Самое главное, на этом фоне нужно обратить внимание бизнеса, что соблюдать права человека, не допускать нарушения трудовых, социальных прав человека и гражданина, права в экологической сфере гораздо выгоднее, чем их нарушать.

В настоящее время в Казахстане функционирует контактный центр в сфере предпринимательства, куда могут обратиться все желающие за защитой сво-

их прав. Там проводят исследования и пытаются доказать представителям бизнес-сообщества, что соблюдение прав человека гораздо выгоднее, чем нарушение, потому что в последующем наложенные на бизнес штрафы сведут на нет полученную кратковременную выгоду.

Вторым направлением в части защиты прав и свобод граждан, я считаю, должно быть развитие профилактической, предупредительной деятельности, чтобы права человека соблюдались нашими предпринимателями. Эти два направления, думаю, позволят нам не опускаться ниже допустимого уровня поддержки самого человека и гражданина.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Слово берет профессор Сергей Николаевич Касаткин.

С. Н. КАСАТКИН: — Хотел бы выразить благодарность организаторам этого крупнейшего форума. Благодаря их усилиям здесь стала возможна концентрация разноплановых ученых, которым есть что сказать друг другу и которых полезно и интересно послушать. Приятно, что есть объединение, с одной стороны, экспертов, преподавателей, ученых, с другой — студентов. Скрытая полемика, содержащаяся в прозвучавших докладах, касалась того, за кем будущее, кто будет определять вектор дальнейшего развития. Думаю, что наши совместные усилия станут вкладом в это будущее.

Я, как и многие, ожидал, что участники Чтений расскажут о том, какие действия необходимы, чтобы решить возникшие проблемы — глобальные, региональные и т. д. Боюсь, что у меня в этом плане преобладает пессимизм: полагаю, вряд ли кто-то сможет предложить готовые рецепты. Но мы можем способствовать тому, чтобы решения все же выработывались. Чтобы преодолевать проблемы, необходимо прежде всего их идентифицировать и обсуждать различные мнения.

Мои тезисы касаются глобализации, точнее, тех возможностей, которые она порождает для государства и права, и тем вариациям, которые вытекают из глобализационных процессов, для понимания теории государства и права. И я вынужден констатировать, что обсуждаемые здесь интересные и разноплановые вопросы, имеющие большое юридическое, теоретико-философское, правовое значение, практически не рассматриваются на уровне современной российской теории государства и права. В общем, глобализационные следствия для государства, права и правовых институтов требуют их осмысления со стороны теории государства и права. А это предполагает переосмысление целого ряда ключевых понятий и категорий — государства, права и т. д.

Мы должны различать глобализацию как факт, как теорию и как идеологию. Фактология глобализации и ее объяснения, которые уже даны, безусловно, имеют значение для отечественной теории государства и права. Что же касается идеологии глобализации, то здесь многое зависит от того, из каких ценностных и методологических ориентиров должна исходить теория государства и права. Это самостоятельная проблема, но опять-таки я не думаю, что теория государства

и права не может без нее обойтись, что мы непременно должны основываться на некой ценностно-глобальной точке зрения, либеральной или неолиберальной позиции при рассуждении о праве государства и о мире в целом.

Необходимо переосмыслить целый ряд категорий, связанных с государством, обозначить территорию, которая на протяжении веков признавалась в качестве неотъемлемой, а также по-новому взглянуть на категории гражданства и суверенитета. Правда, сегодня статус территории государства сильно изменился. Те границы, которые разделяли государства, сегодня больше не действуют. Происходящее в отдаленном уголке планеты может иметь значение для всего остального мира, локальный и глобальный уровни тесно связаны, поэтому территория теряет прежнее значение. Появляются новые правовые пространства (например, киберпространство), которые не просто требуют регулирования, но меняют саму возможность юридического регулирования, само проявление статуса субъектов ответственности и т. д. Яркий пример — проблемы Интернета, особенно так называемые кибератаки.

Когда мы говорим о категории суверенитета, то надо помнить, что сегодня, в условиях прозрачности мира, смысл этого понятия изменился. Должны ли мы вообще отказаться от суверенитета? Следует ли рассматривать суверенитет не как нормативную позицию, а как некую фактологию? Думаю, что идея упадка суверенитета все же преувеличена, скорее новая система создает альтернативные критерии дифференциации государств. Какие-то государства имеют «мусорный» рейтинг, другие, наоборот, усиливают свое господство. Технологии создают новые механизмы контроля — внутреннего и внешнего.

И последнее. Здесь говорилось о том, что у России есть миссия — спасение человека. Отлично, замечательная миссия. Только непонятно, какие у современной России есть возможности для того, чтобы ее выполнить. Может, надо начать с себя и беспокоиться хотя бы о сохранении своего населения? Но это предполагает не идеологические теории, а конкретные меры, работающие институты защиты прав человека и просто элементарного уровня жизни. Какие наработки мы имеем для того, чтобы это стало реальностью? А когда мы говорим, что необходим диалог цивилизаций, это часто мыслится как альтернатива западным ценностям. Но существует ли какая-то культурная модель, которую Россия может предложить миру? Да, мы можем усмотреть враждебную позицию Запада в отношении России и ряда других стран. Означает ли это, что мы должны отказаться от тех ценностей, на которых стоит Запад? И что мы можем предложить в качестве альтернативы? На мой взгляд, это очень важный вопрос.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Сейчас перед нами выступит профессор Григорий Феликсович Фейгин.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Я хотел бы, как экономист, порассуждать о том, что означает системный кризис, в который, вероятно, погрузилось современное миро-

вое хозяйство. Причем рассмотреть этот вопрос с позиции фундаментальных теоретических аспектов, а также обратиться к статистике. Если мы говорим о том, что имеет место системный кризис, надо прежде всего определить, о какой системе идет речь. Мне ближе всего позиция, что этой системой является глобальный капитализм. Во многих выступлениях, в частности у Владимира Львовича Квинта, прозвучало, что экономическая глобализация, по сути, означает глобальные рынки, включающие как рынки развитых стран, так и формирующиеся. В качестве небольшого эмпирического подтверждения хочу обратить внимание на два общепризнанных ключевых показателя глобализации. Это динамика мирового экспорта и динамика мировых объемов прямых иностранных инвестиций. Что здесь интересно? То, что очень долгое время здесь прослеживалась позитивная динамика, но в последние 5–6 лет наблюдается замедление. Показатели остаются на высоком уровне, но расти перестали. Это касается как прямых иностранных инвестиций, так и мировой торговли. Очевидно, что в основе этого лежит капиталистический характер глобализационных мотивов. Ведь для чего нужен экспорт? Чтобы увеличивать доход. Почему осуществляют прямые иностранные инвестиции? Ищут более выгодный способ производства. Но эти процессы наталкиваются на определенные ограничения. Во-первых, это ограничение по спросу, во-вторых, видимо, современная экономика уже не обладает таким инвестиционным потенциалом, который позволял бы существенно наращивать объемы.

Сегодня в большинстве стран не фиксируется экономический спад, а, напротив, отмечается хотя и небольшой, но все же рост. Поэтому замедление роста показателей экспорта и прямых иностранных инвестиций вызывает тревогу. Складывается ощущение, что глобальный капиталистический порядок в каком-то смысле исчерпал ресурсы, подошел к некоей черте. На чем это основывается? Во-первых, мне кажется, что здесь есть культурно-психологический аспект. Когда возникает новое явление, как, например, глобализация в последние десятилетия, человечество надеется, что оно будет панацеей от всех болезней и откроет двери ко всеобщему процветанию. Но когда выясняется, что это не так, наступает разочарование. На самом деле многие проблемы — конъюнктурные колебания, нестабильность, социальное расслоение — вовсе не изобретение глобализации, они были и раньше, и вообще имманентны капиталистическому порядку. Просто была иллюзия, особенно в 1980–1990-е годы, что все это осталось в прошлом и мир вступил в фазу бескризисного развития. Но система по-прежнему по своей сути капиталистическая, и определения «постиндустриальная», «информационная», применяемые к экономике, хотя и справедливы, но капиталистической сущности не меняют. Поэтому остаются многие проблемы, свойственные капитализму, даже если он достиг более высокой стадии развития.

Но почему речь идет о кризисе? Дело в том, что на первый план вышла проблема социального расслоения. В современной экономической литературе есть понятия поляризации и догоняющего развития. По-

ляризация означает усиление дифференциации, а догоняющее развитие, наоборот, — ослабление. Вообще это сложный вопрос, требующий специальных исследований. По статистике, страны с низким уровнем дохода в принципе растут быстрее, чем страны с высоким уровнем дохода. Вроде бы догоняющее развитие, бедных должно становиться меньше. Но так ли это? Я вспоминаю дискуссию прошлого года. Когда-то Китай в сотни раз отставал от развитых стран по ВВП на душу населения, сейчас этот разрыв сократился до 10–15 раз. Да, он развивается быстро, но еще далек от того, чтобы догнать богатые страны, средний ВВП на душу населения остается низким и все еще миллионы китайцев живут в бедности. Что тогда говорить о других странах, растущих не так стремительно? Оказалось, что глобализация — вовсе не панацея и всеобщего процветания достигнуть не помогает. Отсюда новый всплеск протекционизма, усиление тенденции к локализации.

Рецептом решения современных проблем, думаю, должно стать институциональное взаимодействие. Важно, чтобы институты сотрудничали на всех уровнях — глобальном, региональном, национальном. Надо стараться достичь институциональной гармонии. Это длительный процесс, но он в состоянии стать тем самым ключом к преодолению кризиса.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Слово имеет профессор Алексей Алексеевич Ливеровский.

А. А. ЛИВЕРОВСКИЙ: — Небольшая ремарка: теоретические исследования нужны не для того, чтобы найти какие-то рецепты, определить новые процедуры или предложить изменения в законодательстве, а в основном для выявления смысла. Обращу ваше внимание на два момента, которые в ходе пленарного заседания были указаны как новые идеи. Об одном феномене уже говорилось — это страх. Правда, его интерпретировали как фактор межгосударственных отношений, а я хотел бы сказать вслед за профессором Ромашовым о внутригосударственном понятии страха как источника политики. Власти пугают народ, в то же время испытывая свой страх — угрозу потери власти. Потому что свойство власти, как это ни обидно, — приумножиться и продолжиться. Именно для того, чтобы этого не произошло, существуют демократические процедуры, принцип сменяемости и т. д.

По поводу рецептов. Знаете, почему не любят юристов? Потому, что к ним, как и к врачам, обращаются, когда беда уже произошла. Но это не единственная причина. Юристов не любят еще и потому, что «юридическое мышление» соответствует принципам законности. Вообще закон — плохой регулятор общественных отношений. Но есть ли другие? Да, есть, и они давно известны. На них не обращают внимания, потому что власть принимает законы, в том числе и в интересах самосохранения. А другой регулятор общественных отношений — это принцип. Самый простой пример. Возьмем норму, скажем, уголовного кодекса. Это жесткая модель. Если человек совершил убийство, к нему применяют высшую меру наказания. В то же

время мы знаем, что одна из библейских заповедей (которую можно считать принципом) — «не убий». Чем же принципы отличаются от законов? Они лучше описывают те многогранные ситуации, которые возникают в обществе. Закон прямолинеен, в то время как любой принцип следует рассматривать в совокупности с другими, которые, например, составляют 10 заповедей.

Но существует некая модель, которая исходит из естественного права как совокупности принципов. Это то, что сейчас называется конституционной культурой. Конституционная культура возникла очень давно, возможно, раньше, чем государственные объединения. Она подразумевает, что некоторые сообщества живут согласно принципам, например этнорелигиозным.

Я долго работал в Республике Дагестан и видел принятый там уклад. Население, по сути, живет в этнорелигиозных сообществах. Это режимы, которые регулируются принципами, и они имеют этнорелигиозное содержание. Когда я обсуждал этот вопрос с юристами из кавказских республик, они говорили, что там живут не по шариату, а в основном по адату, или так называемому народному исламу. И в заключение напомню о новом явлении, которое академик Степин назвал политическим исламом. Это не тот ислам, который всегда присутствовал в Российской империи. Политический ислам используется властью для того, чтобы решать свои властные вопросы.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Слово предоставляется Елене Евгеньевне Амплеевой.

Е. Е. АМПЛЕЕВА: — Моя специализация — международное право. В этом словосочетании есть один аспект, который используется или критикуется в зависимости от того, являемся ли мы оптимистами или скептиками в том, что касается современной глобальной системы. Современное человечество шагнуло далеко вперед благодаря опыту решения практически любых проблем современности, тем не менее XXI век ознаменовался всеохватной и комплексной трансформацией глобальной обстановки, когда одновременно идут процессы глобализации и фрагментации, интеграции и дезинтеграции. Это хорошо видно на примере ООН. С одной стороны (вчера это прозвучало на одной из панельных дискуссий), ООН одновременно является прорывом человечества, но с другой — безусловным провалом, так как не способна адекватно ответить на вызовы современности. С учетом этих реалий международное право, хотя и признается как свидетельство и продукт общепланетарного согласия, все больше становится правом Запада, развитие которого, как и в прежние времена, идет по двум основным направлениям — атлантическому, или европейскому, и азиатско-тихоокеанскому. Современный мир, переживший периоды деколонизации, холодной войны, перестройки, перезагрузки международных отношений, по-прежнему ощущает влияние цивилизационных факторов давнего противостояния. В связи с этим интересно, что, например, термин «цивилизация», ко-

торый стал привычным в политологии, является новым в международных отношениях и международном праве, поскольку, если мы будем употреблять в непосредственном, текстуальном смысле, то сразу перенесемся в середину XIX века, когда появилась формулировка «международное право цивилизованных народов». Существовали разные стандарты и критерии цивилизованности, и Россия входила в число цивилизованных, колониальных держав. В то же время деление государств на западные и восточные — это лишь общий контур, в рамках которого выделяется несколько десятков цивилизационных пространств.

Современная международная система состоит из множества подсистем, в каждой из которых глобализация происходит с разной скоростью. Региональная экономическая интеграция — одно из проявлений глобализационных процессов, поскольку в рамках интеграционных образований государства-участники ускоренно и скоординированно создают правовые режимы для обеспечения своих интересов. За последние десятилетия усилиями западных стран и все той же ООН были разработаны и внедрены в международную практику сотни новых норм и принципов — больше, чем за всю предшествующую историю человечества. Неизмеримо медленнее совершенствуются механизмы реализации международно-правовых норм, поскольку эта деятельность осуществляется за счет государства, экономически и технологически зависимых от более развитых. В результате общемировые правовые ценности (среди которых наиболее важные — мир и безопасность) фактически уходят на второй план, а принцип социальной справедливости становится предметом дипломатического торга. Именно поэтому международное право в современных условиях избирательно, неэффективно и используется политиками, когда им это выгодно, либо игнорируется, если вступает в противоречие с их интересами. Таким образом, сегодня международное право как система правовых норм является отражением политической международной системы, находящейся в глубоком кризисе. В этих условиях международное право пытается (пока безуспешно) согласовать интересы субъектов, прежде всего государств-лидеров, а также иных акторов тех или иных цивилизационных пространств, которые обладают соответствующим механизмом реализации права, но внешняя политика которых иногда игнорирует общепринятые нормы и принципы международного права.

Коллеги хорошо сформулировали, что международное право — это прежде всего согласование воли. Если есть стремление, доверие и понимание, то в условиях общей катастрофы человечество объединяется и механизмы международного права начинают действовать эффективно. И напротив, в условиях разобщения, санкций международно-правовые нормы остаются в тени и, если можно так выразиться, ждут своего часа.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Приглашаю к микрофону Владимира Васильевича Зябрикова.

В. В. ЗЯБРИКОВ: — Уважаемые коллеги, я сделаю небольшие обобщения на тему глобальных факторов

устойчивого развития фирмы. Я считаю, что незаслуженно забытым оказывается западный опыт, в частности профессора Рэймонда Мередита Белбина, специалиста в области психологии, который изучает модели менеджмента и роли участников команд в бизнесе.

Если на макроэкономическом уровне рыночная экономика в России построена, то на уровне предприятий пока нет, во многом по причине непонимания ключевых закономерностей. Каких именно?

Существует восемь ролей бизнесменов, которые могут быть четко систематизированы по принципам PEST-анализа. Применяв такой анализ, мы получаем четкую систему, показывающую, какие роли можно реализовать в любой современной фирме.

В стадии «детства» ключевые роли играют «исследователь ресурсов», по сути маркетолог, и «душа команды». Эти две роли могут быть совмещены в одной персоне, и когда фирма начинает свою деятельность, возможен один лидер, который сплачивает коллектив, ищет контракты, реализует все необходимые функции, которые нужны на фирме на этом этапе.

Далее, в стадии «юности», прежние две роли остаются, но акцент делается на другой паре ролей: «председатель» и «организатор». Эти две роли сегодня доминируют в российской экономике, где большинство предприятий находятся в стадии роста, несмотря на внешние трудности.

Четыре указанные роли составляют ядро на российских предприятиях. Мы пока не перешли к инновационной экономике и, вероятно, не перейдем до тех пор, пока «генератор идей», как говорится, находится в загоне, а в продвинутой команде он составляет ядро. «Генератор идей» должен быть дополнен «аналитиком-стратегом». Таких специалистов мы старательно готовим в своем университете, но они далеко не всегда находят место приложения своих сил и умений.

Производственная составляющая в России развита очень слабо, и этой проблемой необходимо заниматься. Если мы хотим перейти в стадию «зрелости», то надо возвращать «генераторов идей», снабжать их «партнерами для бесед», «аналитиками» и «стратегами», и только после этого подбирать председателя. То есть начинать надо с генератора идей, как говорят англичане. Мы же начинаем с председателя, он берет на работу какого-нибудь родственника — «генератора идей», который пишет программы, но этими программами пользоваться невозможно.

В этой модели много интересного, есть масса идей относительно того, кто кого должен дополнять. «Организатор» дополняет «председателя», «генератор идей» образует устойчивую пару с «аналитиком-стратегом», «педант — контролер качества» — с «реализатором». Есть даже варианты совмещения функций в одной персоне. Две роли я уже назвал, еще пара совместимых ролей — «аналитик-стратег» и «педант». Если из восьми ролей, а они составляют устойчивый континуум, две пары совместимы, то оптимальный состав команды — шесть человек. Принцип наибольшего культурного разнообразия предполагает, что все шесть персон реализуют восемь ролей.

Схема, в общем, несложная, и, думаю, она найдет применение, что может уменьшить негативный на-

строй молодежи в виде комплекса неудачника. Я считаю, что рост экономики начнется с подъема российских фирм, а для этого всего лишь надо начать думать, заниматься делом и прилагать все усилия для достижения успеха.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Прекрасный призыв. А сейчас слово имеет профессор Марина Геннадьевна Смирнова.

М. Г. СМИРНОВА: — Моя тема — механизмы выявления социально-экономических притязаний, и вот в каком контексте я хочу ее рассмотреть. Полагаю, что право прежде всего является регулятором общественных отношений, в том числе экономических. Для того чтобы нормально работала экономика и функционировали общественные отношения, чтобы право должным образом выполняло роль регулятора, оно должно быть социально обусловлено. Социальная обусловленность права обеспечивается, с моей точки зрения, теми процедурами, которые законодатель должен ввести, прежде всего на федеральном уровне. Сегодня существуют подзаконные нормативные акты, которые регламентируют данные процессы. Например, такая процедура, как мониторинг правоприменения, введена подзаконным нормативным правовым актом, разработанным Положением проведения мониторинга. Ежегодно исследуются различные сферы правоприменения, даются рекомендации для устранения тех или иных коллизий или пробелов в целях улучшения качества законов.

Что касается экономической сферы, то здесь существует такая процедура, как оценка регулирующего воздействия, введенная в 2012 году. Каждый субъект Российской Федерации должен разработать свой нормативно-правовой акт и проводить оценку регулирующего воздействия проектов нормативно-правовых актов, которые касаются экономической сферы. С моей точки зрения, это очень нужная процедура, она заимствована из опыта развитых стран — Нидерландов, Дании, Великобритании, где оценка регулирующего воздействия действует уже много лет. Но на федеральном уровне отсутствует акт, который бы более детально регламентировал такую оценку и обеспечивал бы влияние оценки на принятый нормативно-правовой акт. Далее оценка регулирующего воздействия должна учитываться в судах, когда они рассматривают вопрос оспаривания нормативно-правовых актов. То есть в настоящее время, с моей точки зрения, надо систематизировать процессы в законотворческой сфере, чтобы повысить социальную обусловленность законов и принять единый правовой акт, который бы регламентировал мониторинг правоприменения, анкетирование, методы прогнозирования и оценки регулирующего воздействия, а также оценки фактического воздействия, которая на сегодняшний день существует только в области экономическо-правовой сферы.

Полагаю, что оценка регулирующего воздействия требуется не только в области экономики, но и во всех других. Необходим диалог так называемого правотворческого органа и населения для того, чтобы обеспечить желательность принимаемых нормативно-правовых

актов. И законы, которые будут приниматься, должны быть ожидаемы.

Конечно, у нас существует масса других процедур. Например, федеральные конституционные законы проходят через процедуру общественного обсуждения, как, например, закон о полиции, закон об образовании и др. Результаты общественного обсуждения были учтены при принятии данных законов. Повторяю, хорошо бы сделать выводы и сформулировать предложения по результатам конференции. Я полагаю, что на федеральном уровне необходимо принять нормативно-правовой акт, который систематизировал бы такую процедуру, как мониторинг правоприменения, и оценку регулирующего воздействия, чтобы они регламентировались не подзаконными нормативно-правовыми актами, а были систематизированы и обязательны для творческой деятельности. Это будет способствовать улучшению качества правового регулирования, в том числе и в экономической сфере. Необходим диалог, чтобы законы не принимались без отрыва от фактических общественных отношений. И, конечно, при этом надо заимствовать передовой опыт тех стран, где эти процедуры развиты в наибольшей степени.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Приглашаю к микрофону Екатерину Алексеевну Петрову.

Е. А. ПЕТРОВА: — Мы уже не первый год на этой площадке обсуждаем проблемы глобализации. Мир меняется сейчас настолько стремительно, что мы не успеваем делать теоретические разработки и давать научное обоснование возникающих проблем. Один из рецептов был предложен коллегой из Польши, который говорил о развитии междисциплинарных исследований. Действительно, в настоящее время междисциплинарные исследования приобретают особую актуальность.

Второй момент, который также упоминался сегодня. Глобализационные процессы можно разделить на два вида: объективные, которые не зависят от нас и происходят, несмотря ни на какие препятствия, и объективно-субъективные, на которые мы хоть немного можем повлиять. Первые очевидны, сама глобализация — это объективный процесс, который мы не можем остановить, так же как информатизацию и развитие телекоммуникационных технологий. Также объективно и очевидно то, что в связи с этим происходят существенные изменения в экономике и праве. Но в наших силах выявить те рамки, которые ограничивают эти трансформации.

Что касается правовых рамок, то я бы обратила внимание на такие из них, как общепризнанные принципы международного права. Здесь уже не раз упоминали международное право, и на пленарном заседании говорили о значении некоторых принципов, которые требуют теоретического обоснования. В частности, К. И. Косачев обратил внимание на две пары принципов, которые, как он подчеркнул, требуют теоретической разработки. Это соотношение принципа самоопределения народов и территориальной целостности, с одной стороны, и соотношение принципа уважения

государственного суверенитета и невмешательство во внутренние дела государства — с другой. Я согласна с самарским коллегой в том, что содержание суверенитета требует определенного изменения, поэтому остановлюсь на первой паре — принципе самоопределения народов и его реализации в рамках территориальной целостности. Действительно, мы можем принять эти принципы, но должны понимать, что содержание их меняется. Если говорить о принципе самоопределения народа, то он изначально касался в первую очередь колониальных народов, за которыми и признавалось право на создание самостоятельного государства. Сегодня же, когда большая часть народов имеют суверенные государства, очевидно, что содержание этого принципа меняется. Народы не лишены права на самоопределение, но они должны самоопределяться в рамках существующего государства. К сожалению, мы видим примеры, как принцип самоопределения нередко используется для обоснования сепаратизма. Поэтому в качестве вывода я хотела бы подчеркнуть, что данный принцип в условиях глобализации должен использоваться не для поддержания и развития сепаратистских движений, а для сохранения национальной идентичности с опорой на собственную культуру, в том числе политическую, экономическую, правовую. В то же время глобализация не должна привести нас к формированию глобальной нации, и этим можно объяснить усиление регионалистских тенденций, которые мы в настоящее время наблюдаем. И в заключение хочу сказать, что мы можем давать рецепты, но было бы хорошо, если бы те субъекты, кому мы их даем, следовали им, а не занимались самолечением.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Слово предоставляется Константину Елизаровичу Сигалову.

К. Е. СИГАЛОВ: — То, что в этот раз юристы и экономисты объединены в рамках одной секции, — интересно и правильно, потому что именно экономические отношения формируют реальное понимание действительности и создают наиболее действенный стимул развития права. Классическое свидетельство тому — второе рождение римского права в эпоху Ренессанса, когда торговые и финансовые отношения заставляли юристов совершенствовать законодательство, а власти предрешающие — соблюдать законы.

Напомню, что еще в Средние века католическая церковь была вынуждена регулировать величину ссудного процента. Я тоже хотел бы остановиться на этом вопросе, тем более что на эту же тему интересно высказался Александр Сергеевич Запесоцкий. Мне приходилось иногда быть свидетелем диалогов Антона Силуанова и Сергея Глазьева, и на одной из последних дискуссий у меня создалось впечатление, что они вот-вот подерутся. Аудитория тоже разделилась полярно. Если бы драка состоялась, я бы в ней участвовал на стороне Глазьева, потому что считаю, что ссудный процент у нас сильно завышен и учетная ставка не соответствует ни реальности, ни мировым тенденциям. В свое время Данте поместил ростовщиков в седьмой круг вместе с сексуальными извращенцами. Когда я го-

ворю банкирам, что они в рай не попадут, а они не верят, то я отсылаю их к классике. Финансовая элита сейчас мнит себя уже даже не олигархами, а аристократами. Уже всем хочется быть банкирами, что проявляется в формах общественного сознания при восприятии действительности.

Но обратимся к тезису Петра Дуткевича, который говорил о том, что именно эти элиты сейчас душат развитие, потому что думают только о своих интересах, а гуманитарная составляющая, забота о людях, остается за пределами их восприятия. Однако именно низкий процент составляет основу роста экономики. Нам говорят, что для экономики выгодно иметь слабый рубль и высокую процентную ставку, но это противоречит здравому смыслу. В тех странах, где низкая ставка рефинансирования, экономика благополучно развивается. В некоторых случаях она вообще отрицательная.

Сейчас я выскажу мысль, которая покажется вам парадоксальной. Все убеждают молодежь, что ваша главная цель — учиться. Но это неправильно. Обучение — не цель, а средство. Главная цель — быть счастливыми, любить, создавать семьи, растить детей. Но для того, чтобы вы могли это делать, надо в первую очередь иметь жилье, которое должно быть доступно за счет ипотеки. Соответственно ипотечные кредиты необходимо выдавать под небольшие проценты. Именно этим должно заниматься государство: создавать такое право, чтобы оно было гуманным и работало на людей.

Мы все время говорим о будущем — о завтрашнем дне России и мира, но каждого из вас волнует собственное будущее. А жизнь и самореализация любого человека во многом зависят от того, насколько гуманно право в стране. Что тут можно сказать? Прежде всего согласиться с тезисом Эвандро Агацци: следует обращаться к тем ценностям, которые созданы в других правовых культурах. Например, в исламских банках ссудный процент запрещен. Вместо этого там создается некая трастовая система, обеспечивается отслеживание того, как расходуются выданные средства, чтобы они не вылетали в трубу. Таким образом и предприятия сохраняют стабильность, и частные лица вынуждены рачительно относиться к деньгам.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Сейчас перед нами выступит Андрей Владимирович Кузьмин.

А. В. КУЗЬМИН: — Кратко выскажусь по некоторым пунктам темы нашей секции.

Сдвиги, о которых мы говорим, на самом деле скорее представляют собой возвращение в первоначальное состояние, когда попытка права определять экономические отношения оказалась не вполне удачной. В итоге пришлось вернуться к тому, что в диалоге права и экономики ведущую роль играет государство, которое определяет и право, и экономику. Экономические отношения регулируются до такой степени, до какой государство считает нужным. Оно же участвует в формировании вызовов, которые прежде всего связаны с возможностью государства участвовать в формиро-

вании мирового правопорядка (это свойство любого государства).

С другой стороны, государство использует определенные средства для того, чтобы выполнять свои функции с минимальными затратами — финансовыми, интеллектуальными, кадровыми и т. д. Что касается участия во внешней политике, то здесь действуют форум-факторы международного права. Речь идет о том, что мы привыкли к стандартам международного права, но стандарты предполагают одностороннее формирование, направленное со стороны государства. Мы считаем, что если есть стандарты, то надо им следовать. На самом деле, если в данном случае употребить технический термин «форум-факторы», то видно, что есть некоторая алгоритмизация общественной жизни, допускающая определенную вариативность. Это как с электронной техникой: есть разные типы компьютеров, разные платы, но какой бы компьютер мы ни взяли, в материнскую плату обязательно вставим видеокарту и процессор, а для сборки возможны варианты. Примерно таким же образом происходит регулирование общественных отношений в праве.

Коллеги привели хороший пример: противоречие принципа самоопределения наций и принципа территориальной целостности. Кто-то использует в качестве форум-фактора один принцип, кто-то другой. В похожих ситуациях можно оперировать разными форум-факторами: в случае с Косово — одним, с Крымом — другим. Проблема здесь не столько в международном праве, сколько в государстве. Международного права, на мой взгляд, не существует, потому что нет основополагающей жесткой силы, которая обеспечивала бы регулирование общественных отношений с помощью принудительных мер.

Что касается внутренних возможностей государства, в том числе диверсификации бюджетных средств для реализации права, то это не что иное, как возможность государства отдавать свои функции и полномочия тем или иным негосударственным структурам. Мы обсуждали этот вопрос с Романом Анатольевичем и пришли к выводу, что это, по сути, приватизация права и правоприменения. Отсутствует ответ на главный вопрос: кому это выгодно и почему саморегулирование, например, и третейское судопроизводство — это хорошо, а все остальное плохо. Государство в данном случае выступает аффилированным субъектом — помощником тех структур, которые осуществляют функции государства и реализуют системный сдвиг от имени гражданского общества. При этом нам кажется, что с гражданским обществом все хорошо. На самом деле государство манипулирует и внешней политикой, и общественными процессами, и полномочиями, которыми оно располагает внутри страны.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Виктор Александрович Ковалев, Вам слово.

В. А. КОВАЛЕВ: — Здесь уже прозвучало много выступлений, поэтому я попытаюсь выступить в роли «сумматора».

Тема нашей секции предполагает определение контуров будущего, но, поскольку я историк, мой профиль скорее прошлое.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — А в прошлом нельзя найти подходящие рецепты?

В. А. КОВАЛЕВ: — Попробую. Коллеги уже цитировали Эвандро Агацци, который считает, что необходимо заимствовать лучшие решения из разных правовых культур. В то же время я, следуя Гилберту Райлу, Сьюзен Лангер и Эрнсту Кассиреру, понимаю культуру как паутину смыслов, в которой находится человек. Этот символ наполняется конкретикой в процессе сочетания двух потоков: с одной стороны, ощущений, с другой — тех смыслов, которые привиты нам культурой. Неоднократно прозвучал тезис о страхе как факторе политики. Может быть, в какой-то степени это задало направление нашим выступлениям. Каждый боится чего-то своего, но людям свойственны и одинаковые страхи, в том числе страх другого, того, чему мы не можем найти соответствие в рамках нашей смысловой культурной символической системы.

Сегодня страх другого постоянно используется политиками в целях манипуляции. Яркими примерами факторов современной политики являются также страх терроризма, страх миграции и др. Однако вот некоторые цифры. Вероятность погибнуть в своей ванной в 250 раз выше, чем стать жертвой террористов. В странах Евросоюза в ходе исследования был, в частности, задан вопрос: «Сколько, по-вашему, мусульман в вашей стране?». И потом ответы сравнивались с реальными данными. В некоторых случаях количество мусульман в представлении людей превышало действительное в тысячи раз. В Польше всего 300 мусульман, то есть примерно 0,01 %, а людям кажется, что их 10 % населения. Во Франции представляется, что 30 %, хотя на самом деле менее 10 %. И так далее. Статистика никого не убеждает, потому что людьми руководит иррациональный страх, непонимание другого.

Еще один тезис. Роман Анатольевич сказал, что несравнимость культур не является препятствием для их мирного сосуществования, если выражаться в советском стиле. Мне же более удачным представляется термин «несоизмеримость». Он используется в теории познания и был введен Томасом Куном применительно к научным теориям. Полагаю, что несоизмеримы могут быть не только теории, но и культуры, в том числе правовые.

В чем смысл несоизмеримости? В том, что одни и те же термины наполняются разным смыслом, то есть инсталлируются на разную паутину смыслов и приобретают разные оттенки. Повторяю, формально термины одни и те же. В связи с этим интересно обратиться к взаимодействию как в целом культуры западного мира, к которому я в каком-то смысле отношу и нашу, к культуре принципиально несоизмеримой, допустим, исламской. И показать, что схожие термины, такие как «государство», «право», «власть»,

приобретают совершенно разное смысловое наполнение. Во многом по этой причине так трудно наладить диалог. Мы часто сталкиваемся с этим, тем более что исламский мир в целях самосохранения выбрал принцип эссенциализма, то есть обращение к своей сущностной культуре. Это тот самый принцип, о котором писал известный американский антрополог Клиффорд Гирц. И это еще более усиливает несоизмеримость.

Однако мы знаем много исторических примеров, когда несоизмеримые культуры успешно делились смыслами, обогащали друг друга. Например, известен интернационал бронзового века, когда культуры обменивались терминами, словами, образами, даже богами. Можно вспомнить Крестовые походы — казалось бы, яркий пример противостояния, но во время них происходил культурный обмен — от социальных институтов, таких как духовно-рыцарские ордена, до бытовых вещей, например использования вилки в качестве столового прибора.

Возможно ли в наши дни заимствование смыслов с приданием им звучания, согласованного со смысловой частью? Например, принципа нелокальности права, который присутствует в исламе? У мусульман шариат начинает действовать там, где есть умма, то есть хотя бы два правоверных. Да, в исламском праве можно найти рецепты для современной ситуации, с учетом разрушения понятия границы в западном праве.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Уважаемые коллеги, наша дискуссия близится к завершению. И на пленарном заседании, и здесь, на секции, мы получили подтверждение, что мир вступил в особую стадию, поэтому выбор темы нашей секции был, на мой взгляд, вполне оправдан. Изменения, которые уже очевидны или еще только намечающиеся, касаются самых разных областей, поэтому междисциплинарный подход совершенно уместен.

Многие говорят о том, что не видно света в конце туннеля, что мир охвачен пессимизмом и страхом, и т. д. Но обычно так и бывает, когда происходит что-то новое, не вполне определенное и не осмысленное до конца. Приведу пример из области финансов. На финансовых рынках есть широко используемый показатель — бета-коэффициент, который характеризует динамику доходности актива по сравнению с динамикой рынка в целом. Этот коэффициент очень важен для финансовых инвесторов и формирования портфеля ценных бумаг. Для того чтобы снизить уровень риска при том же уровне доходности, особо перспективными являются активы, стоимость которых меняется в направлении, противоположном динамике рынка. Они позволяют диверсифицировать риски. Какие виды экономической деятельности обладают таким коэффициентом? Немногие. Один из них — консалтинг, потому что когда дела идут хорошо, никто не желает консультироваться. Спрос на консультационные услуги резко возрастает в условиях кризиса.

Аналогия заключается в том, что для нас, ученых, в отличие от простых людей, ситуация, когда множатся проблемы и растет неопределенность, — мощный

интеллектуальный вызов и огромное поле для работы. Думаю, что весь ход нынешних Лихачевских чтений это подтверждает.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Уважаемые коллеги, мне приятно отметить, что мы выслушали очень интересные суждения, аудитория была очень внимательна, и вопросы, которые здесь затрагивались, представляются важными и актуальными. Проблемы побуждают нас активизировать работу, связанную с поиском практических решений, ответов на возникающие вызовы. Тем не менее хотелось бы обратить внимание вот на что. Когда мы говорим об экономике, бизнесе, стране, то часто используем местоимение «мы». Но какой смысл в него вкладывается, кто эти «мы»?

Речь идет о функции государства в экономике, а для нашей страны — это очень важный вопрос. Россия уходила от государственной экономики, не определив четко, какие функции должно выполнять государство именно как государство и когда оно может выступать как хозяйствующий субъект, и мы до сих пор не понимаем, насколько государство — это мы. Ответ на этот вопрос частично содержится в нормативной базе, которая уже существует и будет продолжать развиваться. По-моему, над этой сферой необходимо размышлять и искать практические ре-

шения, когда мы пытаемся определить контуры будущего.

Другая задача может показаться несколько фантастической, но над ней тоже необходимо думать. В 1970-х годах никто и подумать не мог, что Китай будет развиваться такими темпами. Китайская экономика выходит в мировые лидеры, а кто-то считает, что уже вышла. А теперь задачка. Если смотреть с позиции сегодняшнего дня, то почти невероятен быстрый подъем Индии. Однако давайте представим себе, что эта страна повторит или частично повторит «китайский прорыв» в экономике. Индия производит и покупает на внешних рынках очень много оружия. Что будет, если страна, где почти такая же численность населения, как в Китае, сделает резкий рывок? У нее будет экономическая мощь, огромный военный потенциал и соответственно способность отстаивать свои интересы. Как в таком случае дальше будет развиваться глобализация? Если же взять Индию и Китай, то в сумме это три миллиарда человек — фактически полмира. Так что давайте подумаем о перспективах с учетом этих обстоятельств.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Уважаемые коллеги, от имени Оргкомитета благодарю всех участников и выражаю уверенность, что в следующий раз наша работа будет проходить с еще большим подъемом и выйдет на еще более высокий уровень.

Секция 4

ИДЕИ ДМИТРИЯ ЛИХАЧЕВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

(Международный форум старшеклассников России)

20 мая 2017 г. Лекционный зал № 4 СПбГУП

Руководитель секции

Н. В. БУРОВ

директор Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор», профессор СПбГУП, доктор бизнес-администрирования, народный артист России

Участники:

И. БЕЛЬСКИЙ, С. БРЕДИХИНА, К. ЗАХАРОВА, А. ИВАНОВА, П. КУДРЯШЕВА, О. ПЕТРОВ, Д. САЙГУШИНСКАЯ, О. СТАРОДУМОВ, П. ТАРКОВСКИЙ, А. ТЫЩЕНКО, С. ХАЛИКОВА — старшеклассники — победители конкурса школьных сочинений

Н. В. БУРОВ: — Дорогие друзья! Рад приветствовать вас на Лихачевском форуме старшеклассников России, который ежегодно проходит в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов в рамках Международных Лихачевских научных чтений. В этом году на рассмотрение жюри была представлена 261 работа из 46 регионов России, а также из Беларуси, Казахстана и Таджикистана.

Искренне поздравляю всех — и петербуржцев, и старшеклассников, приехавших из других городов, — с началом работы нашего форума. Кто-то из вас, возможно, поступит в этот замечательный Университет. СПбГУП обладает всеми качествами университета, включая кампус. Но Университет — это прежде всего люди, которые проявляют в этом пространстве свои лучшие качества.

В Петербурге есть несколько мест, связанных с именем Д. С. Лихачева, где весной особенно хорошо. Прежде всего это СПбГУП, где уже 25-й раз проводятся Лихачевские чтения, что говорит о том, что Лихачев всегда современен.

Другое замечательное место, расположенное недалеко от стрелки Васильевского острова, — Пушкинский Дом (Институт русской литературы РАН). Там из своего кабинета Дмитрий Сергеевич каждое утро мог видеть место, которое сейчас названо его именем, — площадь Академика Лихачева.

Особое место — Комаровский некрополь, расположенный в пригороде Петербурга, где похоронены представители большой семьи Лихачевых. Кроме того, там похоронена Анна Андреевна Ахматова и много других известных людей. Это удивительное место. Несмотря на то что кладбище — мертвая институция, Комаровский некрополь не вызывает этого ощущения, потому что там хочется читать, вспоминать и, как ни странно, мечтать о будущем.

Я поздравляю присутствующих здесь школьников с тем, что вы вышли в финал. Сейчас вам предстоит защищать честь своих школ. Советую всем придерживаться регламента, потому что умная мысль — это мысль, изложенная кратко и ясно. Я призываю вас размышлять, творить и мечтать, осваивая наследие Д. С. Лихачева.

Полина Кудряшева,

учащаяся 11-го класса школы № 90 г. Ярославля, победительница конкурса

ЦЕННОСТИ КУЛЬТУРЫ НЕ СТАРЕЮТ

Я родилась и живу на Волге, в русском городе Ярославле с тысячелетней историей, который очень люблю. Посещая город на берегах Невы, каждый раз восхищаюсь историей и величием этого города с высокой европейской культурой.

Петровская столица — не только храмы, дворцы, музеи, площади, проспекты, вписанные в берега рек и гранит каналов, но и люди, которые сегодня с гордостью несут имя «петербуржцы», и те, кто был неотъемлемой частью истории Северной Пальмиры, свиде-

телями ее державности, несгибаемой стойкости, культурного и научного потенциала.

В культурной столице чтут первого в Новейшей истории Почетного гражданина Санкт-Петербурга Дмитрия Сергеевича Лихачева; понимают, ценят и берегут его наследие. И он, верный сын своего города, тоже относился к нему с любовью и пониманием.

Д. С. Лихачев настойчиво повторял: «Народ России спасут культура и искусство!» На мой взгляд, за свою плодотворную жизнь академик Лихачев про-

делал титаническую научно-исследовательскую работу, соизмеримую по масштабам с трудами великих просветителей прошлого. Он оставил нам свои научные работы, бесценный личный опыт, наставления. Проверенное временем его отношение к быту, культуре, светскому искусству никогда не входило в противоречие с духовно-нравственными аспектами жизни русского человека. Дмитрий Сергеевич писал: «Человек — часть общества и часть его истории. Не сохраняя в себе самом память прошлого, он губит часть своей личности».

Говорят, что все гениальное просто. Даже о сложных вещах Лихачев умел рассказать корректно, самобытно, доступным литературным языком. Не в его принципах было вуалировать или превращать ска-

занное и написанное в тайну за семью печатями. Нам очень не хватает Д. С. Лихачева, его спокойного голоса, улыбки. Но с нами осталось все его «богатство», то, чем владел Дмитрий Сергеевич! Стоит только захотеть, и перед нами откроется удивительный лихачевский мир, простой по форме и правильный по содержанию; полный научных открытий, исторической правды, литературных откровений, мудрых советов и интеллигентной грусти об утраченном. Его мысли об устройстве культурно-нравственного пространства по-прежнему актуальны и иногда находят отклик в сердцах соотечественников. Но, к сожалению, часто они остаются незамеченными и по-прежнему «стучатся» в закрытые двери, стараясь быть полезными людям в новом тысячелетии.

София Халикова,

*учащаяся 11-го класса Международной гимназии «Ольгино» СПбГУП,
призер конкурса (2-е место)*

«БЫТЬ ДОБРЫМ ОДНОМУ ЧЕЛОВЕКУ НИЧЕГО НЕ СТОИТ, НО СТАТЬ ДОБРЫМ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ НЕВЕРОЯТНО ТРУДНО»

Проблема добра и зла — древнейшая философская проблема, о ней говорили и будут говорить всегда. Противостояние добра и зла относится к вечным вопросам, над решением которых не раз задумывались писатели, поэты, гуманисты всех времен и народов.

Сложно не заметить, что современный мир остается холодным и жестоким. Часто СМИ сообщают о трагических событиях, причиной которых стал именно человек. Холодным и жестоким мир сделали люди, забывшие о том, что такое сострадание, человеколюбие, дружба и любовь... Равнодушие и черствость — вот качества, уничтожающие человека изнутри, ведущие к его духовному обнищанию. Такая деградация может привести людей к опустошенному обществу, где слова «сострадание», «взаимопомощь» ничего не будут значить. Равнодушие как бездействие и безразличие к миру можно считать главным человеческим пороком. Если перефразировать слова Эйнштейна: «Тьма есть отсутствие света», можно сказать: зло есть отсутствие добра.

Д. С. Лихачев утверждал: «Быть добрым одному человеку ничего не стоит, но стать добрым человечеству невероятно трудно. Исправить человечество нельзя, исправить себя просто». Эти слова показали мне очень важными и актуальными в решении этой проблемы, потому что они указывают путь: «Начни с себя». Начать с самого малого, но именно это требует огромной работы над собой.

Важно вовремя встретить на своем жизненном пути человека, который подскажет верное направление или укажет на ошибки, также невероятная удача — найти книгу, которая станет ориентиром. Такой книгой для меня стали «Письма о добром и прекрасном» Д. С. Лихачева. В этих 47 письмах заключены маленькие уроки добра. Тема каждого письма соответствует его названию и повествует о важности добра в современном мире, а также о главных человеческих качествах.

В книге даны небольшие советы, способные, по мнению Лихачева, помочь достичь человеку своей цели: понять себя и окружающий мир. В одном из писем академик Лихачев призывает людей делать добро, не задумываясь, не размышляя долго: «Стремитесь ходить путями добра так же просто и безотчетно, как вы ходите вообще».

Д. С. Лихачев призывал нас следовать путем добра, так как это единственный верный способ жить в гармонии с миром и самим собой.

Изучая биографии писателей и их творчество, я пришла к выводу, что религия является еще одной стезей, ведущей человека к добру. А христианские заповеди — основа духовно-нравственного воспитания, незыблемые правила человечности и морали.

Еще один путь к добру — сохранение в человеке детской искренности и чистоты. Человек по природе своей добр. И лучше всего это проявляется на маленьких детях. Им не знакомы понятия зла, высокомерия, черствости и равнодушия, для них норма относиться к миру по-доброму и искренне. Мои мысли можно подтвердить романами двух замечательных американских писателей Джона Бойна и Дэниеля Киза. «Мальчик в полосатой пижаме» и «Цветы для Элджернона» — произведения, известные во всем мире, они заставляют задуматься о необходимости сохранения искренности и доброты в нас самих. Герои этих книг не способны на зло и жестокость, в мире они видят только лучшее. Это, по-моему, еще один путь к добру.

Человек не всегда самостоятельно способен найти свой путь к добру, и тогда на помощь приходят проводники. Это могут быть люди, фильмы, книги и события. Возможно, есть еще пути, которые мне пока не известны, но впереди у меня целая жизнь, на протяжении которой я найду новые ответы на вопрос: «Как человеку найти путь к добру?».

Софья Бредихина,

*учащаяся 11-го класса школы № 695 Санкт-Петербурга,
призер конкурса (2-е место)*

ФЕНОМЕН ЦАРСКОГО СЕЛА КАК КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ

На определенном этапе своей научной карьеры Дмитрий Сергеевич Лихачев, филолог, специалист по древнерусской литературе, обратился к вопросам культуры, ее значения и сохранения. Он внес значительный вклад в развитие культурологии, создал собственную культурологическую концепцию. Важное место в ней занимает понятие культурной среды. Культурная среда, по Лихачеву, состоит не только из архитектурных и исторических памятников, документальных свидетельств, но и неразрывно связана с духовной памятью и зрительным и эмоциональным восприятием. В своей работе «Образ города» академик приводит слова основоположника российского краеведения Ивана Михайловича Гревса: «Города — это и лаборатории, и хранители, преемники культуры, и высшие показатели цивилизованности. В них происходит сгущение культурных процессов, насыщение их результатов... Город — центр... культурного притяжения и лучеиспускания, самое яркое и наглядное мерило уровня культуры». Д. С. Лихачев подчеркивал нравственное воздействие культурной среды на человека. Люди не могут оставаться людьми без укорененности в культурной среде, истории. Эта среда необходима человеку для духовной жизни и «нравственной оседлости». Ее образовательное и воспитательное значение для развития личности огромно.

Мне показалось интересным рассмотреть вопрос о влиянии культурной среды на формирование человека на примере города Пушкина, бывшего Царского Села. Тем более что Дмитрий Сергеевич Лихачев посвятил немало своих научных работ этому городу и его памятникам.

Самым ярким и показательным примером влияния царскосельской среды на взрослеющую личность является лицейский период жизни Александра Сергеевича Пушкина. Академик Лихачев коснулся этой темы в исследовании «Поэзия садов».

В Царскосельском лицее Пушкин провел шесть лет. Здесь он учился, «в этих садах зацвел его дивный талант». Д. С. Лихачев употребляет выражение «сады Лицея» в двойном значении: это непосредственно сады и парки, окружавшие Лицей, и это сам Лицей как учебное заведение. В обоих смыслах «сады Лицея» стали той культурной средой, которая вырастила поэта.

Лицей ставил целью дать прекрасное образование лучшим отпрыскам дворянских семей и подготовить небольшое количество юношей для последующей гражданской службы, воспитать будущих реформаторов. Главной в лицейском существовании была уникальная воспитательная система. Лицей жил особой жизнью, будучи маленьким «садом свободы» в крепостной России. В учреждении удалось создать атмосферу гуманности, либеральности, взаимоуважения между преподавателями и учениками. В правилах внутреннего распорядка утверждалось полное равен-

ство воспитанников. Там не применяли телесных наказаний. Человек вне зависимости от возраста и социального положения имел право на уважение своего личного достоинства. Наставник и ученик свободно общались на равных, составляли одну семью.

Важнейшая черта лицейской жизни — увлечение литературой. Ни в каком другом учебном заведении молодые люди не выпускали такого количества рукописных литературных журналов: «Царскосельская газета», «Неопытное перо», «Для удовольствия и пользы», «Сверчок», «Царскосельского Лицея вестник», «Лицейский мудрец».

С годами Пушкин станет вспоминать и относиться к Лицею как к родному дому, к лицеистам — как к братьям, а к учителям — как к старшим товарищам.

Второй важный фактор воздействия культурной среды — влияние на личность юного Пушкина непосредственно «лицейских садов». При этом Д. С. Лихачев в своем очерке «Сады Лицея» не ограничивает это понятие одним местом, а имеет в виду все парки Царского Села, находившиеся поблизости: Старый (Голландский) сад Екатерининского парка, пейзажные части Екатерининского и Александровского дворцовых парков, Лицейский садик и пр.

Прогулки и игры с товарищами открыли юному поэту мир природы как мир беззаботности и дружбы. Простые, меланхолические виды пейзажной части Екатерининского и Александровского парков создают иллюзию полной независимости и естественности. По мнению Лихачева, под влиянием английских либеральных идей они воспринимались Пушкиным как воплощение идеала свободы, волюности.

Вместе с тем царскосельский парк рассматривался Пушкиным и его товарищами как некая «учебная комната», большая открытая книга. Важнейшие черты этого парка — мемориальность и информационная насыщенность. Фонтан «Молочница» напоминает о баснях Лафонтена. В Камероновой галерее бюсты философов и знаменитых мужей Античности служили иллюстрацией к урокам истории и словесности, примером для подражания. В парке установлены монументы, посвященные победам наших солдат в русско-турецких войнах XVIII века: Чесменская и Морейская колонны, Кагульский обелиск, монументальная Башня-руина. Особенно близка и дорога была поэту Морейская колонна, на пьедестале которой закреплена бронзовая доска с памятной надписью о героическом сражении. На этой доске среди прочих героев упоминается прадед Пушкина — Абрам Ганнибал, его заслуги перед Родиной.

Пушкин живо откликается на исторические события минувшей эпохи. Вспомним его знаменитое стихотворение «Воспоминания о Царском Селе», представленное на переходном лицейском экзамене Державину. К тому же «Пушкин должен был тем живее чувство-

вать славу и обаяние недавних подвигов русского оружия, что его первые царскосельские годы совпали с событиями Отечественной войны».

Тишина и мемории прошлого будили воспоминания. С лицейской поры тема воспоминаний становится одной из главных в поэзии Пушкина. И отзвук Екатерининской эпохи еще не раз проявится в его произведениях. Вспомним сцены из «Капитанской дочки», когда именно в Царское Село приезжает Маша Миронова с прошением к императрице. Возможно, именно здесь зародился интерес Пушкина к истории, столь важный для его литературной деятельности. Сады Лицея нашли свое отражение как в юношеском творчестве, так и в более поздней лирике поэта.

В начале XIX века в Царском Селе сложилась необычайная атмосфера: это был город, растущий на глазах, в котором опробовалось большинство новаторских градостроительных идей, город свободолюбивый, о чем говорит даже тот факт, что границы его очерчивались бульварами, а не привычными для того века полицейскими шлагбаумами. Но понятие «культурная среда» складывается не только из архитектурной, исторической, ландшафтной составляющих, но и из человеческой атмосферы города. Местное царскосельское общество начала XIX века, царскосельские знакомые и друзья также оказали немалое влияние на юного поэта. На старших курсах воспитанники посещали дома лицейских педагогов (Энгельгардта, Теппера) и царскосельские салоны, заводили знакомых среди офицеров лейб-гусарского полка. Пушкин познакомился с уже зрелыми и состоявшимися литераторами: историком и писателем Н. М. Карам-

зиным, поэтами В. А. Жуковским, П. А. Вяземским, К. Н. Батюшковым, А. И. Тургеневым. Особое влияние на Пушкина оказал корнет и философ П. Я. Чаадаев. В кругу царскосельских знакомцев и товарищей велись жаркие споры о философии, истории, поэзии, читались новые сочинения (в том числе собственные). В этом кругу по достоинству оценили яркий талант молодого Пушкина.

Дважды культурная среда нашего города оказала на своих юных жителей воздействие необыкновенной силы и интенсивности. Сначала — на юного Пушкина и первое поколение лицеистов. Потом — на рубеже XIX–XX веков.

Мой город меняется на глазах. Слова Д. С. Лихачева оказались, к сожалению, во многом пророческими: «Происходит известная нивелировка города под стандарты центра мирового туризма. Уникальность “нашего Питера” так или иначе будет приноситься в жертву туристской концепции». Мне кажется, что знаменитый ученый помог бы восстановить разрушающийся дом Алексея Николаевича Толстого, мог бы выступить против изменения доступности наших парков и превращения архитектурных памятников в кафе, против неуместной застройки исторического центра. Сейчас в нашей жизни так не хватает его негромкого, но весомого, уважаемого и властью, и обществом голоса.

Несколько десятилетий назад академик Лихачев ввел актуальнейший термин «экология культуры», он считал, что «сохранение культурной среды — задача не менее существенная, чем сохранение окружающей природы». За выполнение этой задачи ответственны и нынешние, и будущие поколения.

Олег Стародумов,

учащийся 11-го класса гимназии № 86 г. Уфы, призер конкурса (3-е место)

«ИЗДАВНА РУССКАЯ КУЛЬТУРА СЧИТАЛА ВОЛЮ И ПРОСТОР ВЕЛИЧАЙШИМ ЭСТЕТИЧЕСКИМ И ЭТИЧЕСКИМ БЛАГОМ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА»

Изучение языка невозможно без понимания особенностей культуры и истории народа, говорящего на нем. Как его носителям, так и иностранцам при освоении лексики необходимо иметь представление о культуре, в рамках которой эта лексика появилась. К примеру, и русским школьникам, и иностранцам, изучающим русский язык, сложно понять лексическое значение слов «нарком» или «концлагерь», не зная реалий советской действительности и истории России того периода. Переводчики часто сталкиваются с еще одной проблемой. Как перевести то или иное слово на другой язык, если в культуре страны, где на нем говорят, вообще нет аналогичной реалии? Как перевести слово на иностранный язык, если в языковой картине мира его носителей с этим явлением связаны совсем другие ассоциации? А понимание значения фразеологизмов, пословиц и поговорок просто невозможно без знания культурного контекста! Поэтому в совре-

менной отечественной лингвистике последних десятилетий наблюдают «все более отчетливо выраженную тенденцию к интенсивному формированию нового направления — культурологической лингвистики (лингвокультурологии)»¹. В рамках лингвокультурологии изучаются не просто понятия, а концепты.

Концепт представляет собой понятие, мотивированное коллективным сознанием носителей определенной языковой картины мира и обладающее при этом этнокультурной спецификой.

Рассмотрим концепт слова «воля» в языковой картине мира носителей русского языка. Константин Дмитриевич Бальмонт, один из наиболее известных поэтов Серебряного века русской литературы, посвятил концепту «воля» целую статью под названием

¹ См.: Ангелова М. М. «Концепт» в современной лингвокультурологии // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики : сб. науч. тр. М., 2004. Вып. 3. С. 3.

«Русский язык. Воля как основа творчества». В этой работе очень много интересных мыслей, рассуждений о том, что такое воля, как она важна человеку творческому и творящему. Поэт признается, что из всех слов прекрасного русского языка больше всего он любит слово «воля» — оно самое дорогое и всеобъемлющее. Смысл слова «воля» Бальмонт представляет в виде красивой аллегии: старинного ларца с сокровищами, в котором два дна. В этом двудонном ларце спрятаны две драгоценности — аллегии значений слова «воля»: «воля-хотение» и «воля-свобода». Бальмонт отмечает интересную закономерность: преграда двойного дна в таком ларце легко преодолевается, и сокровища озаряют одно и другое значения оттенками сияния, то есть Бальмонт указывает на то, что разные значения слова «воля» имеют много общего.

Рассмотрим значения слова «воля», обусловленные историческим контекстом, в котором развивался русский язык и употреблялась его лексика. Например, знаменитый словарь В. И. Даля указывает на такое значение слова «воля» — свобода от рабства, крепостного состояния. Чтобы понять этот смысл, важно помнить историю страны и, в частности, такую реалию, как крепостное право. В Средние века на Руси возникло явление, в чем-то схожее с вассальной зависимостью в феодальной Европе, но более суровое. Крепостное право заключалось в исторически сложившемся полном бесправии крестьян, принадлежности их барину и прикреплении (так называемой «крепости») крестьян к земле. Крепостное право просуществовало на Руси несколько столетий: с 1497 года, когда было введено официальное запрещение перехода крестьян от одного помещика к другому, до 1861-го.

У А. С. Пушкина есть стихотворение «Узник», в котором идет речь о несчастной доле вскормленного в неволе молодого орла. Образ орла выступает как аллегория воли. Аналогичный образ мы встретим у Пушки-

на в «Капитанской дочке». Там Пугачев рассказывает притчу об орле, живущем тридцать лет и питающемся свежим мясом, и вороне, который живет триста лет, но ест падаль. Понятно, что любящий волю Пугачев ассоциирует себя с орлом. Все мы в детстве читали русские былины. Первые ассоциации, которые возникают в памяти, — это богатыри, борющиеся с нечистой силой, разбойники, чистое поле... Чистое поле порождает новый круг ассоциаций: воля, раздолье, простор. Сразу же вспоминается картина Васнецова «Три богатыря», на которой изображены богатыри, олицетворяющие русский дух, мощь и силу. Таким образом, воля — это еще и особое ощущение свободы, возможности разгуляться. А значит, еще одна характеристика воли — стихийность. Самые яркие образы героев, ассоциирующиеся с волей в русской литературе, — это Пугачев и Тарас Бульба.

Отдельно хочется сказать о реализации концепта «воля» в русской живописи. Вспомним картины Саврасова «Зимний пейзаж» и «Рассвет в степи». От этих полотен веет умиротворением, спокойствием, теплом и особой русской душевностью. По-своему понимает волю Айвазовский, представитель романтического направления в живописи. Воля для него — это воспетая еще Пушкиным «свободная стихия» моря (кстати, у Айвазовского есть картина «Пушкин на берегу моря»). На картине «Девятый вал» изображена огромная волна. А на картинах «Закат на море» и «Утро на море» море умиротворяет своим покоем и величием. Таково море у Айвазовского. То оно бескрайне и спокойно, словно это голубая широкая степь, то взбудоражено штормом.

Воля и простор — очень значимые концепты в языковой картине мира русских людей, потому что в основе их лежит ассоциация с одной из важнейших духовных ценностей в сознании русского человека — свободой.

Дарья Сайгушинская,

*учащаяся 11-го класса гимназии № 6 г. Хабаровска,
призер конкурса (3-е место)*

ИСКУССТВО НЕ ЗНАЕТ СТАРЕНИЯ

В современном мире, в век новых технологий и информационных войн, важно отдавать дань духовной составляющей жизни общества: именно она способствует пониманию глобальных проблем. Это касается и внешней политической ситуации, и внутреннего развития страны, и воспитания нового поколения. Дмитрий Сергеевич Лихачев, выдающийся российский филолог, искусствовед, писал: «Культура — это огромное целостное явление, которое делает людей, населяющих определенное пространство, из просто населения — народом». Взглядам Дмитрия Сергеевича на вопросы культуры и искусства я и посвятила свою работу.

В истории есть многократные упоминания о том, как в самые трудные дни люди искали утешения в искус-

стве: они могли прочитать книгу и насытиться знаниями, посмотреть на картину и забыть о проблемах, погрузиться в музыку и перестать слышать гнетущие звуки окружающего мира. Такой период был и у Дмитрия Сергеевича. Несмотря на голод и холод во время Второй мировой войны, пережив пять лет концлагерей, по вечерам он с семьей читал книги. Произведения искусства помогали ему отвлечься от воспоминаний об этом периоде своей жизни. Значит, искусство — это то, что благотворно влияет на других людей. Некоторые произведения искусства, пережившие столетия, до сих пор привлекают своей актуальностью, а некоторые — загадочностью.

Именно культурная память является инструментом формирования целостного миропонимания индивида.

В раннем возрасте произведения искусства играют ведущую роль в жизни человека: социализация, развитие творческого потенциала, образование, а также развитие души. Так, например, школьная программа по литературе, составленная из бессмертных произведений писателей и поэтов, позволяет школьникам самим анализировать жизненные ситуации, поступки, говорить о чести и любви. Русская классическая литература поднимает важные темы, учит думать, воспринимать одни и те же вещи с разных сторон. Дмитрий Сергеевич Лихачев писал: «Русская классическая литература — это наша надежда, неисчерпаемый источник нравственных сил наших народов. Пока русская классическая литература доступна, пока она печатается, библиотеки работают и для всех раскрыты, в русском народе будут всегда силы для нравственного самоочищения».

Отзывчивость по отношению к произведениям искусства является одним из важнейших критериев формирования личности еще в юности. Эти идеи заложены в трудах Дмитрия Сергеевича и считаются педагогически значимыми. Г. З. Праздникова, кандидат педагоги-

ческих наук, в своей диссертации отмечает, что «Уроки нравственности» среди учеников средней школы по книге «Письма о добром и прекрасном» позволили подросткам переосмыслить свой потенциал доброты, а через интериоризацию данной ценностной ориентации создать свои нормативные позиции.

В современном обществе созданная Лихачевым «Декларация прав культуры» имеет особую ценность. Дмитрий Сергеевич заметил, что на современном этапе развития цивилизации появилась необходимость принятия правительствами государств ряда принципов и положений, обеспечивающих дальнейшее сохранение и развитие культуры как достояния человечества. Основная идея «Декларации» заключается в том, что оберегать нужно не только отдельные произведения искусства, а всю культурную сферу, свободу доступа к ней. Культуру надо защищать от людей, от времени, которое на все действует разрушительно. Искусство бесценно. Порой двухсот страниц хорошей книги достаточно, чтобы изменить мир человека, его взгляды на жизнь.

Анастасия Иванова,

учащаяся 11-го класса лицея № 62 г. Уфы, призер конкурса (3-е место)

«ВОСПИТАНИЕ — ЭТО В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ ПРИВИВКА НРАВСТВЕННОСТИ»

В разное время у разных народов воспитание было и остается основой общества. Именно благодаря воспитанию дети и подростки становятся частью социума, а став взрослыми, поддерживают традиции, передают новым поколениям нравственные принципы, которые получили в своей семье, у своего народа. Однако в наш век передовых технологий, когда родители все чаще передают воспитательные функции современным гаджетам и Интернету, ему уделяется гораздо меньше внимания. В результате у детей и подростков искажаются или полностью отсутствуют представления о доброте, милосердии, великодушии и патриотизме.

Д. С. Лихачев рассматривал процесс воспитания и образования как приобщение человека к культурным ценностям и культуре родного народа. Каждый человек воспитывается на протяжении всей жизни и, таким образом, является объектом и субъектом воспитания, несмотря на возраст, статус и положение в обществе. Безусловно, основные задачи воспитания возлагаются на семью, однако значительную часть социальных навыков мы получаем во время обучения в школе, ведь это длительный и важный этап жизни. Следовательно, помимо серьезной работы со стороны семьи, стоит обратить внимание на нравственное воспитание в рамках школьного образования.

На сегодняшний день в современном обществе сложилась следующая ситуация: семья, школа, государство выражают серьезную озабоченность проблемой утраты духовных ценностей, но никто не готов взять на себя ответственность за воспитание молодого

поколения, привитие ему «навыков жизни в нравственной атмосфере». Школа считает, что проблемы нравственного воспитания призваны решать родители, родители полностью доверяют (часто даже поручают) задачу воспитания своего ребенка школе и другим учебным заведениям. А ведь от этого зависят дальнейшая судьба человека, его отношение к семье и окружающему миру.

Вонятие «воспитание» присутствует в жизни каждого человека. Общество, семья, образование, друзья — все это влияет на нас особым образом, способствует нашему изменению. Д. С. Лихачев не представлял образование без воспитания: «Главная цель средней школы — воспитание. Образование должно быть подчинено воспитанию». Безусловно, многие важные для понимания мысли ученик может получить из непосредственного общения с учителем. Однако сейчас, когда основной целью образования является максимально удобное, быстрое прохождение школьной программы для подготовки к тому или иному экзамену, времени на такое общение, к сожалению, остается все меньше.

Следующая составляющая воспитания — общество. Общество, которое подросток сознательно выбирает, создает вокруг себя, является для него значимой частью мира.

Нравственность — это понимание жизни, оценивание поступков, выбор по совести, который мы совершаем, как правило, осознанно. В работах Д. С. Лихачева понятие «нравственность» включает много составляющих, каждая из которых является важной. Первая

составляющая — память: «Память — основа совести и нравственности, память — основа культуры». Вторая — сострадание: «Нравственность в высокой степени свойственно чувство сострадания. В сострадании есть сознание своего единства с человечеством и миром (не только с людьми, народами, но и с животными, растениями, природой и т. д.). В сострадании есть сознание своего единства с другими людьми, нацией, народом, страной, Вселенной».

Сострадание и сопереживание мы испытываем по отношению к окружающим людям, животным, рас-

тениям. Без них нравственность не может существовать, ведь их отсутствие означает грубость и жестокость. «Честь, порядочность, совесть — эти понятия неразрывно связаны друг с другом и являются важными для правильного духовного воспитания».

Важность и актуальность идей Д. С. Лихачева о воспитании в наши дни очевидна, ведь его работы напоминают о такой ценной составляющей этого процесса, как нравственность. В воспитании принимают участие семья и школа, друзья и социальные сети — все, что подросток видит вокруг себя.

Илья Бельский,

*учащийся 11-го класса школы № 535 Санкт-Петербурга,
призер конкурса (3-е место)*

НАЦИОНАЛИЗМ ПО ЛИХАЧЕВУ

Понятие национализм содержит очень широкий смысл — начиная с его трактовки как синонима патриотизма до версии Дмитрия Сергеевича Лихачева, что национализм прямо противоположен патриотизму.

Так как интеллигентных, образованных людей волнует проблема о «самом тяжелом из несчастий человеческого рода» и современное развитие общества показывает, что идея Лихачева о пагубности национализма актуальна как никогда, я решил проанализировать понятие «национализм». Цель работы — показать, какую миссию выполнял Дмитрий Сергеевич Лихачев в борьбе с национализмом.

Из большого количества трактовок наиболее приемлемым вариантом определения оказалось следующее: «Национализм — идеология и направление политики, основополагающим принципом которого является тезис о ценности нации как высшей формы общественного единства и ее первичности в государствообразующем процессе». То есть акцент сделан на отношениях нации и государства.

Дмитрий Сергеевич был свидетелем исторических потрясений, поэтому болезненно воспринимал все, что касалось нашей Родины и народа. Он разоблачил миф о том, что наиболее страшные репрессии пришлось на 1936–1938 годы, рассказав о страшных гонениях на служителей церкви начиная с 1918 года. «Наша любовь к Родине меньше всего походила на гордость Родиной, ее победами и завоеваниями. Сейчас это многим трудно понять. Мы не пели патриотических песен — мы плакали и молились», — писал он о тех временах. Поэтому выбор Лихачевым своей будущей профессии был неслучаен. Человек, сквозь сердце пропустивший великую и страшную эпоху, историю и ее катаклизмы, очень эмоционально реагировал на несправедливость. Отсюда и критическая оценка идеологии национализма.

Став ученым, Лихачев взялся за «оружие» (а оружие филолога — его слово). Дмитрий Сергеевич призывал всех быть патриотами своей страны и на корню уничтожать национализм. «Я против любого национа-

лизма, я за патриотизм каждого народа», — писал он в своей статье «Воспитать в себе гражданина» (из сборника «Я вспоминаю»). Д. С. Лихачев предлагал создать «Историю человеческой совести», подчеркивая, что писать ее должны только совестливые люди, и представлял ее не узконаучным, а популярным трудом.

Дмитрий Сергеевич высказывал опасение, что большие народы могут поглотить малые, «а ведь у малых народов бесценная история и культура, которая может исчезнуть совсем». По мнению Дмитрия Сергеевича, история совести должна создаваться под знаком борьбы с национализмом — «страшной опасностью наших дней».

Он призывал воспитывать в себе человека мира и доказывал на примере семьи, что это не отражается на патриотизме.

Национализм во всех его проявлениях Дмитрий Сергеевич считал психологическим (и даже психиатрическим) отклонением. Его причину он видел в чувстве собственной неполноценности. «Если народ действительно уважает себя, он застрахован от комплекса неполноценности и никогда не потеряется, не растворится среди других. Такова абсолютная истина».

Академик Лихачев недоумевал, как после трагического опыта фашизма и нацизма стал возможен национализм. Более того, ошибки совершают те, кто в прошлом сам пострадал от действий националистов. «Это противоречит рассудку!» — восклицал академик Лихачев и сетовал, что вряд ли дождется изменения в мышлении и понимания всеми глобальных задач выживания. Выход из сложившейся ситуации он видел в поисках гармонии с природой, потому что верил в ее высший разум: «Я в это верю, потому что верую в разум и совесть человека».

В статье «Патриотизм против национализма» Дмитрий Сергеевич отвечает своим оппонентам: «...подчеркивая национальные особенности, пытаюсь определить национальный характер, мы способствуем разьединению народов, потакаем шовинистическим

инстинктам». В качестве примера он приводит цитату из книги С. М. Соловьева «История России с древнейших времен»: «Неприятное восхваление своей национальности... не может увлечь русских» и статьи «Два лагеря теоретиков» Ф. М. Достоевского: «...узкая национальность не в духе русском». Дмитрий Сергеевич считает, что самовосхваление не характерно для русских, скорее, наоборот, им присуще самоуничижение. Он приводит примеры, свидетельствующие об открытости и отсутствии спеси: отношения русских с половцами, найденные рядом финская и русская берестяные

Целью данной работы является стремление убедить человека в том, что настало время, когда слова великого русского ученого и мыслителя Дмитрия Сергеевича Лихачева о том, что «народ спасет культуру», являются не просто констатацией факта, а носят призывный характер.

Только сейчас мы понимаем, насколько дальновидны были идеи академика Лихачева и верна его убежденность в своей правоте. В современном обществе проблема культурного образования носит чрезвычайно злободневный характер, и не потому, что люди мало читают или ходят в музеи. Это проблема гораздо более широкого масштаба: человек перестает видеть прекрасное вокруг себя. Причины этому можно искать в сложности быта, устройстве общества, политических вопросах, но, на наш взгляд, корень зла кроется в самом человеке, в его нежелании выглянуть из «застенок» своего мирка, в котором он тщится найти смысл своего существования. Нельзя навязать человеку способность видеть красоту, он должен ощутить ее самостоятельно, прийти к ее осознанию через тернии труда — и интеллектуального, и душевного.

На наш взгляд, культура — это совокупность всего, что создала человеческая мысль. Культура способна взрастить в человеке духовное начало, потому что, творя, создавая что-либо ценное, человек облагораживается, окружает себя тонкой, невидимой, но очень плотной тканью доброго начала.

Культура — вот основа основ всех истинных ценностей в человеке, благодаря которым он и выживет. Мы убеждены, что духовные ценности заложены в человеке, их только необходимо развивать. В этом и состоит задача человека и человечества в целом.

Дмитрий Сергеевич Лихачев цель культуры видит в облагораживании человеческой души, обогащении ее красотой окружающего мира. Ведь ни одну экономическую или политическую задачу мы не решим, пока сами не укрепимся нравственно. Важно сохранить свою нравственную суть. И только настоящая культура способна сохранить и пробудить в человеке чувства долга, ответственности, совесть и любовь к людям.

грамоты, Чудин двор в Киеве (чудь — эстонцы), и подчеркивает, что войны носили не национальный, а феодальный характер.

Начиная с 1966 года 21 марта отмечается Международный день борьбы за ликвидацию расовой дискриминации, к которой сегодня все чаще относят и этническую дискриминацию, о чем писал и академик Лихачев. Он делился с нами своими знаниями, переживаниями, что происходит вырождение личности, интеллигенции, и не уставал повторять, что мир принадлежит всем и его нужно беречь.

Ксения Захарова,

*учащаяся 11-го класса школы № 619 Санкт-Петербурга,
призер конкурса (3-е место)*

НАРОД СПАСЕТ КУЛЬТУРА

О важности деятельности академика Лихачева говорил Владимир Владимирович Путин на Первом форуме творческой и научной интеллигенции: «Идеи этого величайшего мыслителя и гуманиста сейчас как никогда актуальны. Сегодня, когда миру реально угрожает идеология экстремизма и террора, ценности гуманизма остаются одним из принципиальных средств противодействия этому злу».

По мнению Дмитрия Сергеевича Лихачева, в понятие культуры должны и всегда входили религия, наука, образование, нравственные и моральные нормы поведения людей. Так, развиваясь и созидая, человек создает вокруг себя мир, который, всякий раз совершенствуясь под воздействием человеческих умений и стараний, способствует эмоциональному развитию не только его, но и общества в целом. На наш взгляд, в этом и заключается назначение культуры.

Именно об этом в работе «Письма о добром и прекрасном» говорит Д. С. Лихачев: «Отношение к прошлому может быть двух родов: как к некоторому зрелищу, театру, представлению, декорации и как к документу... Это второе отношение требует большей интеллектуальной дисциплины, больших знаний».

Академик Лихачев в свое время ввел понятие «экология культуры». Настало время воспользоваться его открытием и озаботиться сохранением культурной среды. Ведь «нарушение природной среды, бывает, еще можно остановить, разрушение памятников культуры невосполнимо», — считает Даниил Гранин.

Вглядимся в будущее. Что ждет нас за горизонтом? Какие ценности мы привнесем в грядущее? Давайте начнем бороться с невежеством и бездуховностью, а «лучшая форма борьбы с агрессивностью бездуховности — спокойно противопоставить ей духовность», как справедливо утверждал академик Лихачев.

Хотелось бы верить, что мы — современное поколение — сможем достойно передать эстафету потомкам, оправдывая предназначение России как страны с великим будущим.

Из вышесказанного можно сделать важный вывод: все мы, живущие в России, являемся обладателями огромного наследия, которое по праву принадлежит всем

без исключения народам и народностям нашей страны. Это наследие — русская культура — является нашим пропуском в будущее, и приумножать мы его должны совместно, как делали это наши великие предки.

Миг одной человеческой жизни не заметен в канве исторического хода времени, но если эта жизнь будет озарена светом, несущим доброе начало, то, значит, человек пришел в этот мир не напрасно. Оставить

след в жизни возможно, если «прожить жизнь с достоинством... так, чтобы природа, работавшая над нашим созданием, не была обижена», — говорил академик Д. С. Лихачев. Слова великого ученого и мыслителя призывают нас посмотреть на основную функцию человека, которая определена им как «созидательная деятельность». Человек должен творить, потому что «жизнь — это творчество».

Павел Тарковский,

*учащийся 11-го класса школы № 1 пос. Вырица Ленинградской обл.
(исследовательская работа)*

ЛИТЕРАТУРА — НРАВСТВЕННЫЙ КОМПАС РУССКОЙ НАЦИИ

Меня всегда поражало умение Д. С. Лихачева говорить легко и просто о сложном и не всегда выразимом. О значении русской литературы написано и сказано очень много, но только ему, как мне кажется, удалось в двух словах, просто и понятно сформулировать, в чем же заключается это значение. Нравственный щит — такова миссия нашей литературы.

Если, перефразировав одного из первых летописцев «Повести временных лет», задать вопрос «Откуда есть пошла русская литература?», то Д. С. Лихачев дает однозначный ответ: корни «могучего дерева» русской литературы — в семи веках (X–XVII вв.) древнерусской литературы. Именно древнерусская литература задала «вектор национального развития». В связи с этим изучение древнерусской литературы, постижение ее идеалов и эстетики — не просто научное занятие, а жизненная необходимость, ведь это расшифровка нашего нравственного и культурного кода. Поэтому вначале действительно было Слово, а в контексте жизни и научного наследия Д. С. Лихачева Слово это было о полку Игореве.

В «Слове» — символе, знамени древнерусской литературы — заложены нравственные ориентиры нашей нации, эти ориентиры сохранила вся последующая литература. Куда же указывают стрелки этого «нравственного компаса»? Родина... Вот ключевое слово. Вот какое слово было вначале. «Слово о полку Игореве» проникнуто истинным патриотизмом, искренней любовью к своему Отечеству. Любовь к Родине испытывал автор «Слова», она же определяла глубокую народность, «русскость» и патриотизм данного произведения: «Прысну море полунощи; идут сморци мъглами. Игореву князю бог путь кажет из земли Половецкой на землю Рускую, к отню злату столу. Погасоша вече-

ру зари. Игорь спит, Игорь бдит, Игорь мыслию поля мерит от великаго Дону до малаго Донца».

«Слово» завораживает своей магической силой воздействия на читателя, как всякое произведение, написанное настоящим мастером, вдохновленным высокой идеей патриотизма.

Ментальная связь с литературой помогала в трудные для Отечества времена, когда перед лицом грозного врага на передний край обороны выходила литература. В начале было Слово! Слово, опаленное войной и согретое «скрытой теплотой патриотизма»! Так было в седые времена богатырей, про которых русский народ сложил былины. Так было перед битвами на Чудском озере и Куликовом поле. Так было и в двух войнах XX века — Первой и Второй мировых. И полузабытая нами Первая, и навеки запомнившаяся Вторая начинались с песни, со стихов, со Слова.

Литература учит жить и тем самым защищает нас, спасает, объединяет. У этого «нравственного компаса» вечные ориентиры: добро, любовь к Родине, способность пожертвовать всем во имя благого дела, семейные ценности, красота и истина, духовность. Как писал Д. С. Лихачев: «Русская классическая литература — это наша надежда, неисчерпаемый источник нравственных сил наших народов. Пока русская классическая литература доступна, пока она печатается, библиотеки работают и для всех открыты, в русском народе будут всегда силы для нравственного самоочищения»¹. А потому русская литература всегда актуальна: возрождение духовности, единения, «скрытой теплоты патриотизма» и воспитание этими чувствами, жизненно необходимые нам во все времена, хранит наша литература, ставшая для нас «громадным защитным куполом».

¹ Лихачев Д. С. Раздумья о России. СПб. : Logos, 2001.

Олег Петров,*учащийся 11-го класса школы № 1 г. Приозерска Ленинградской обл.
(исследовательская работа)***СОВЕРШЕНСТВОВАТЬ СВОЙ ЯЗЫК — ОГРОМНОЕ УДОВОЛЬСТВИЕ**

Дмитрий Сергеевич Лихачев призывал всех быть филологами, не специалистами в гуманитарной науке филологии, а «любителями слова, ибо слово стоит в начале культуры и завершает ее, выражает ее»¹.

В современной жизни, где количество информации увеличивается с каждым днем и главной целью становится ее передача, а не форма выражения, все чаще используются сокращения и мало внимания уделяется самому слову, его красоте. Человек XXI века переводит свое общение с людьми из реального пространства в виртуальное, где доминирует общение в формате переписки. Казалось бы, наоборот, это должно положительно повлиять на письменную речь человека. Но, к сожалению, происходит обратное. Все чаще в переписке молодежи можно встретить «рив» вместо «привет» или «здравствуй» (что куда более наполнено смыслом), «спс» вместо «спасибо», а отсутствие точки в конце предложения уже стало нормой. Такое небрежное отношение к языку свидетельствует о падении уровня культуры языка. Ни о какой любви к слову в этом случае речь не идет.

Правильный и грамотный разговор — сегодня большая редкость. Все чаще и без того скупая устная речь использует убогие словесные обороты из Интернета, насыщается жаргонизмами, понятными только пользователям социальных сетей. Богатейший русский язык нередко проявляется в примитивных и скромных возможностях. Поэтому именно сейчас необходимо обратиться к трудам академика Д. С. Лихачева, занимавшегося изучением культурного наследия российской литературы, настоящего интеллигента, тонко чувствовавшего родной язык.

Академик Лихачев говорил: «Неряшливость в одежде — это прежде всего неуважение к окружающим вас людям. Язык в еще большей мере, чем одежда, свидетельствует о вкусе человека, о его отношении к окружающему миру, самому себе»². И сегодня его слова звучат актуально.

Работы Д. С. Лихачева помогают осознать ценность языка и культуры речи. В «Письмах о добром и прекрасном» он обращает внимание на то, что речь и язык — показатель того, насколько человек интеллигентен, психологически уравновешен или закомплексован: «Наша речь — важнейшая часть не только нашего поведения, но и нашей личности, нашей души, ума, нашей способности не поддаваться влияниям среды»³.

Дмитрий Сергеевич часто рассуждал об интеллигенции как истинно русском феномене. Он определял этот слой общества как интеллектуально независимую его часть, основной чертой которой является грамотная и культурная речь: «Вернейший способ узнать человека — его умственное развитие, его моральный облик, его характер — это прислушаться к тому, что он говорит»⁴.

Большие надежды в связи с образованностью и культурным уровнем человека Дмитрий Сергеевич возлагал на студенчество. Именно молодежи Д. С. Лихачев доверяет миссию продолжения и в какой-то мере возрождения традиций русской интеллигенции. «Хорошее образование — это необходимый спутник интеллигенции», — писал Д. С. Лихачев. Он считал, что в Петербурге для этого созданы все условия — своеобразная студенческая среда и крепкие университетские традиции.

Для нас, представителей молодого поколения, готовящегося вступить в университетскую среду, важно соответствовать требованиям Д. С. Лихачева, поднимать свой уровень культуры, чтобы стать по-настоящему интеллигентными людьми.

Для каждого человека должно быть удовольствием совершенствование своей речи и осознание великой цели, ради которой он это делает. Совершенствуя язык, мы формируем потребность анализировать речь интеллигентных людей и читать произведения писателей, перенимая все «богатство», которое они нам оставили. Тем самым мы сохраняем русскую культуру. Разве это не удовольствие?

¹ Лихачев Д. С. Письма о добром. СПб., 2006.

² Там же.

³ Лихачев Д. С. Указ. соч.

⁴ Судьба российской интеллигенции: материалы науч. дис. / сост. и отв. ред. В. Е. Триодин. СПб.: СПбГУП, 1996.

Александр Тышенко,

*учащийся 11-го класса школы № 20 г. Самары
(исследовательская работа)*

«СИЛОВЫЕ МЕТОДЫ ВОЗНИКАЮТ ИЗ НЕКОМПЕТЕНТНОСТИ»

Судьба Д. С. Лихачева переплетена с трагической историей нашей Родины. Тяжелые испытания, выпавшие на его долю, позволили ему понять глубокий смысл происходящих в стране событий и отношений между людьми. На мой взгляд, идеи Д. С. Лихачева актуальны и в наши дни.

В современном мире, когда снижается общий уровень воспитания и образования, происходит подмена базовых ценностей (чести, достоинства, чувства долга), искажаются представления о культуре, семье, родине. Вызванная крахом системы воспитания и образования некомпетентность способствует разрушению семьи, карьеры, социального статуса.

Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой определяет понятие «компетентный» как «знающий, осведомленный, авторитетный в какой-нибудь области». Соответственно некомпетентность можно охарактеризовать как невежественность, малограмотность, полное или частичное несоответствие выбранной сфере деятельности. К некомпетентности относят и отсутствие требуемого опыта, осведомленности.

Д. С. Лихачев неоднократно подчеркивал, что каждый человек должен занимать в обществе место согласно его образованию, способностям, умениям, при этом необходимо всю жизнь совершенствоваться, работать над собой, что сегодня делают единицы.

Каждый человек имеет свою точку зрения на происходящие события, зависящую от многих факторов (пол, возраст, место рождения и проживания, воспитание, образование, интеллектуальный уровень развития, наследственность, религиозная принадлежность и т. д.). Зачастую несовпадение мнений порождает споры, которые перерастают в конфликты, причем как конструктивные, так и деструктивные. Крайнее проявление деструктивного конфликта — применение физической силы.

Попробуем разобраться в ситуациях, при разрешении которых участники все чаще прибегают к силовым методам, и причинах, обуславливающих такое поведение.

На мой взгляд, в качестве причин использования силовых методов при решении конфликтов можно назвать «внутренний предел» личности, когда исчерпаны внутренние ресурсы ведения конструктивной дискуссии. Причины, побуждающие человека разрешить спор с помощью силы: истощение ресурса воспитания и образования; нехватка знаний в конкретной области; психическая и эмоциональная неустойчивость; личная неприязнь к оппоненту; желание решить спор в свою пользу в кратчайшие сроки с минимальными усилиями; потребность в психологическом доминировании и др.

В большинстве случаев одновременно присутствует несколько причин, например вспыльчивость и эмо-

циональная неуравновешенность с дефицитом образования или недостатком знаний. Человек уравновешенный, флегматичный, воспитанный и деликатный практически избегает открытого противостояния и явной агрессии. Уровень воспитания и социальный статус, религия, культурный багаж, жизненные ценности и традиции — все это влияет на манеру поведения и проявление эмоций.

В повседневной жизни переход от диалога к силовому воздействию можно наблюдать ежедневно. Как правило, применением кулаков и подручных средств заканчиваются перепалки в общественном транспорте; отстаивание своего мнения политиками и должностными лицами; выяснение отношений между автомобилистами; ссоры в магазинах, государственных и коммерческих организациях; бытовые конфликты; противостояние представителей различных религий и конфессий и пр.

Во всех указанных случаях участник конфликта хочет получить желаемый результат, невзирая на аргументы и интересы другой стороны. Ситуация внезапно получает нелогичное, несправедливое и неадекватное исходным предпосылкам разрешение — по принципу «Кто сильнее, тот и прав». Если такой сценарий разрешения конфликта будет принят обществом, то несправедливое решение получит закрепление на практике. По этому сценарию будут развиваться аналогичные ситуации, вследствие чего начнет нарастать напряженность.

Можно полагать, что в обществе, где доминируют силовые методы решения конфликтов, замедляются темпы развития. Примеры из истории XX века — от правления Пол Пота в Камбодже до «красного террора» в СССР. Основные причины применения силовых методов в 1930–1950-х годах Д. С. Лихачев связывал с некомпетентностью людей, стоящих у власти, которые не знали, как управлять государством, и видели только один выход — применение насилия.

Итак, такие факторы современной жизни, как отсутствие желания достигнуть конструктивного решения в сложной ситуации, недостаточный уровень воспитания, образования, эмоциональная неустойчивость, резкая эскалация конфликта, могут привести к силовому решению конфликта. Отсутствие достаточного уровня образования, воспитания, опыта и знаний в определенной области существенно увеличивает вероятность деструктивного решения.

Рассматривая некомпетентность как катализатор в применении силового воздействия (будь то принуждение, авторитарный стиль управления, прямая психологическая агрессия или физическое насилие), можно согласиться со словами Д. С. Лихачева: «Силовые методы возникают из некомпетентности».

Н. В. БУРОВ: — Уважаемые дипломанты и преподаватели, молодежный форум Лихачевских чтений 2017 года подошел к концу.

Д. С. Лихачев сегодня (уверен, что и завтра, и послезавтра) предельно актуален, потому что, к сожалению, большинство его идей так и не воплотилось в жизнь. Темы, которые сегодня были затронуты в выступлениях дипломантов, очень интересны и перекликались с темами прошлых лет, например, вопрос о феномене русского языка нуждается в серьезном исследовании. Вирус, который проник в виртуальный мир, через язык может уничтожить сначала культуру нации, а потом и человека. Человек вне культуры не может существовать, даже туземец на необитаемом острове — человек своей культуры, шире — нескольких культур, идеально — мировой культуры.

Отрадно, что, кроме записанных мыслей Дмитрия Сергеевича Лихачева, мы имеем возможность видеть его удивительно красивое лицо на разных картинах и фотографиях, чаще всего он изображен уже в преклонном возрасте. Мы не можем представить себе, как выглядели бы 70-летний Пушкин, Лермонтов. Но знаем, каким красивым старцем был Л. Н. Толстой, или Д. С. Лихачев, или К. С. Станиславский. Станиславский и Лихачев похожи аскетичной чистотой лица и глубоким многозначительным взглядом.

Константин Сергеевич, создавая одну из систем мировой культуры, которая считается одним из главных достижений русского театра — систему Станиславского, советовал актерам (а я бы посоветовал всем, кто хочет посвятить свою жизнь гуманитарным размышлениям) опираться на три основы — ум, волю и чувства. Причем имеется в виду воля не в той трактовке, которую дал В. И. Даль (она у него несколько политизирована, очевидно, сказывается близость времени отмены крепостного права), а в более глубокой — это серьезное испытание, даже наказание, потому что воля начинается, когда утром звенит будильник, и заканчивается, когда надо заставить себя лечь спать, хотя хочется сделать еще так много. Я искренне желаю вам найти свои точки опоры в жизни. Пусть это будут ум, воля и чувства.

Говоря о красоте русского языка, мы имеем в виду умение выразить свою мысль, слово так, чтобы оно было красиво не только по сути, но и по форме. Советую вам не просто читать книги про себя, а пять минут в день посвящать чтению вслух. «В начале было Слово», слово живет с нами до самого конца, до последнего «прости».

Желаю вам всего доброго и чтить память о Лихачеве всю жизнь!

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Агацци Э. 24, 222, 257, 258, 263, 266
Агеев А. И. 26, 280
Агошков А. В. 294, 435
Акаев А. А. 30, 239, 243, 246, 252
Амплеева Е. Е. 458, 570
Андреев А. Л. 297
Антипин С. А. 460
Багис Э. 220, 241, 245, 246
Бадмаев В. Н. 299
Байзаков С. Б. 461
Баталова Т. Л. 463
Бейлер А. 35, 272
Бельский И. 582
Бердникова Э. Н. 301
Бирженюк Г. М. 302
Богачев В. Ф. 490
Борозна М. Г. 304
Бредихина С. 578
Брессер-Перейра Л. К. 41, 229, 253, 274
Бузовский И. И. 276, 307
Буров Н. В. 309, 576, 587
Варга Ч. 47, 236, 289
Васецкий А. А. 465
Вербова О. В. 466, 567
Ветчинова М. Н. 312, 450
Власов Ф. Б. 468, 557
Волков Ю. К. 315, 435
Вятр Е. 51, 224, 277
Гаджиев Г. А. 53, 217
Гадио Ш. Т. 270, 279
Гатилов Г. М. 54
Глаголев В. С. 316, 436
Горшкова В. В. 319
Гранин Ю. Д. 320
Графский В. Г. 253, 470, 556
Громыко Ал. А. 59
Гульязева Г. С. 472
Гуревич П. С. 323
Гусейнов А. А. 63, 220, 256, 257, 260, 265, 266, 435, 452, 453
Гусман М. С. 67
Данилов А. Н. 68
Дегарден Б. 71, 240, 243, 246, 271, 274, 283
Джагарян А. А. 473
Дорская А. А. 476
Дунаев В. Ю. 326
Дуткевич П. 79, 218, 248, 255, 269, 280, 292
Ермолович Г. П. 478
Ерохина Т. И. 329, 447
Запесоцкий А. С. 83, 212, 225, 226, 228, 237, 238, 239, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 259, 263, 265, 267
Захарова К. 583
Зинченко Ю. П. 87
Зубец О. П. 331
Зябриков В. В. 480, 570
Иванова А. 581
Иванова С. Ю. 333
Ингимундарсон В. 89, 272
Казаринова Д. Б. 79
Кайсаров Е. А. 336
Каландаришвили З. Н. 482
Касаткин С. Н. 484, 568
Квинт В. Л. 92, 223, 290
Кёхлер Г. 98, 221, 285
Киричек П. Н. 338
Клейнер Г. Б. 102, 235, 252, 558
Ковалев В. А. 486, 573, 574
Козьякова М. И. 340, 449
Колодко Г. В. 106, 249, 250, 253, 275, 555
Коломиец Г. Г. 342, 444
Комиссаренко С. С. 345
Косачев К. И. 215
Костина А. В. 488
Котов А. И. 490
Кудряшева П. 576
Кузнецов С. В. 492
Кузнецова Т. Д. 297, 346, 445
Кузьмин А. В. 494, 573
Куклина Е. А. 496
Кульков Е. А. 348
Курганская В. Д. 350
Курманова М. С. 353
Кутырев В. А. 355
Лапаева В. В. 498, 556
Лебедева Л. Ф. 500
Лекторский В. А. 110, 228, 257, 260, 264, 454, 457
Лепский В. Е. 357, 440, 441
Ливеровский А. А. 503, 569
Лисицын-Светланов А. Г. 115, 232, 555, 564, 575
Литтлджон Г. 117, 273, 291
Лурье С. В. 361, 450
Лученок А. И. 505
Магдеев С. И. 363
Макаров В. Л. 121, 221
Макаров Е. И. 123
Максимов А. С. 215
Малинина Т. Б. 506
Малиновский В. А. 508, 560
Мальгина И. В. 365, 438
Мамонтов В. К. 127, 237
Манапова В. Э. 367, 439
Мануильский М. А. 370, 446
Марзалюк И. А. 373
Марк Х. А. 131, 225, 239, 240, 243, 244, 246, 247
Марков А. П. 134, 257, 261, 266, 451, 453
Мартышин О. В. 511, 563
Матвеева Л. В. 376, 448
Межевич Н. М. 492
Мелихов А. М. 138
Мельникова А. А. 319
Меттан Ги 140, 231, 258, 264, 265
Миронов В. В. 143
Мищенко А. С. 513
Монтес М. Ф. 146, 234, 276, 291
Моратинос Куйяубе М. А. 150, 217, 242, 246, 247, 270
Мосейко А. Н. 378, 446
Мосяков Д. В. 156
Мотышина М. С. 515
Мусяенко С. Г. 381
Мэтьюс Р. 158, 287
Некипелов А. Д. 163, 230, 249, 245, 253, 254, 556, 574
Нигматулин Р. И. 167
Николаева Т. П. 517
Никонова С. Б. 384
Никулин Н. Н. 518, 562
Оганов А. А. 386
Панкин А. А. 213, 233, 241, 245, 246, 269, 271, 273, 277, 281, 289, 292
Пасешникова Л. А. 555, 575
Петров О. 585
Петрова Е. А. 520, 572
Пигров К. С. 388
Плигин В. Н. 249, 251, 254
Покровская Н. Н. 522
Полетаев Э. Э. 390
Попов В. В. 169
Попов М. Е. 393
Праздников Г. А. 395
Проданов В. 173, 290
Путькина Л. В. 397
Расторгуев В. Н. 202
Резник Г. М. 176, 234, 278
Ромашов Р. А. 523, 564
Росман В. И. 179, 286, 287
Сабилов В. Ш. 398
Садовая Е. С. 525, 558
Садькова Э. Л. 527, 560
Сайгушинская Д. 580
Сараф М. Я. 252, 400, 444
Севриков В. А. 213
Сигалов К. Е. 529, 572
Сиднева Т. Б. 402, 451
Силантьева М. В. 405, 441
Силвер Б. Дж. 182, 230, 269, 280
Смирнова М. Г. 531, 571
Соина О. С. 407
Сокольская Л. В. 409, 453
Ставцева О. И. 411
Стародумов О. 579
Степин В. С. 185, 216, 258, 261, 266, 450, 455
Стремоухов А. В. 533
Тарковский П. 584
Титов Б. А. 412
Токарев В. А. 535, 565
Толочко П. П. 189, 222, 283
Томалинцев В. Н. 416
Тощенко Ж. Т. 192, 236, 237, 273
Третьяков В. Т. 196, 226, 288, 289
Триодин В. Е. 198, 440
Трофимов В. В. 536
Тыщенко А. 586
Тюркер Т. 199, 233, 251, 252, 254
Ударцев С. Ф. 539, 561
Успенская А. В. 418
Фатенков А. Н. 420, 443
Фейгин Г. Ф. 541, 568
Филиппов Г. Г. 422
Хайкин М. М. 543, 566
Халикова С. 577
Хангельдиева И. Г. 545, 560
Харитоновна Е. В. 424, 446
Хольнова Е. Г. 547
Хренов Н. А. 427, 442
Чеберко Е. Ф. 83
Черешнев В. А. 202, 213, 284
Честнов И. Л. 549, 559
Чумаков А. Н. 429, 437
Шемакин Я. Г. 282, 432
Шмаков М. В. 219, 240, 244, 246, 253
Шолте Ян А. 204, 224, 250, 252, 254, 279
Энтин В. Л. 552, 565
Яковенко А. В. 210

Научное издание

**ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР:
СИСТЕМНЫЕ СДВИГИ, ВЫЗОВЫ И КОНТУРЫ БУДУЩЕГО**

XVII МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЛИХАЧЕВСКИЕ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ

18–20 мая 2017 года

Ответственный редактор *И. В. Петрова*

Художественное оформление *А. М. Бриль*

Редакторы: *Я. Ф. Афанасьева, В. Г. Даниленко, Т. В. Никифорова*

Технический редактор *Л. В. Климкович*

Корректоры: *Т. А. Кошелева, И. Н. Чугунова*

Подписано в печать с оригинала-макета 14.07.17. Формат 60x90/8
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 74,0. Тираж 500 экз. Заказ № 17470

Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов
192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15

Отпечатано в ООО «Типография «НП-Принт»
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., д. 15

ISBN 978-5-7621-0925-3

**ЛЕКЦИИ И ДОКЛАДЫ ЧЛЕНОВ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК В СПБГУП
(1993–2013): в 3 т.**

Трехтомник с лекциями и докладами членов Российской академии наук в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов представляет собой уникальное издание. На протяжении двух десятков лет Российскую академию наук и СПБГУП связывает плодотворное научно-педагогическое сотрудничество. Выдающиеся отечественные ученые — члены академии выступают в студенческих аудиториях Университета, на различных научных и общественных форумах, проводимых в СПБГУП. Это убедительный пример эффективного взаимодействия академической и вузовской науки, продуктивного участия научной элиты страны в университетском учебном процессе, в становлении молодых российских интеллектуалов.

В трехтомник вошли 367 текстов 104 членов Российской академии наук (55 академиков, 45 членов-корреспондентов, 4 иностранных членов РАН). В первом и втором томах опубликованы 77 лекций членов РАН, прочитанные студентам СПБГУП, в третьем томе представлены доклады и выступления ученых на конференциях и различных мероприятиях, состоявшихся в Университете.

Среди авторов-академиков — президент Российской академии наук Ю. С. Осипов, вице-президенты РАН Ж. И. Алферов, Е. П. Велихов, А. Д. Непелов, Н. А. Платэ, выдающиеся ученые Л. И. Абалкин, А. Г. Аганбегян, Н. П. Бехтерева, О. Т. Богомолов, С. Ю. Глазьев, М. К. Горшков, А. А. Гусейнов, В. И. Жуков, М. П. Кирпичников, А. А. Кокошин, В. А. Лекторский, Д. С. Лихачев, Д. С. Львов, В. Л. Макаров, Ю. В. Наточин, Г. В. Осипов, А. М. Панченко, Е. М. Примаков, Б. В. Раушенбах, Н. А. Симония, В. С. Степин, М. Л. Титаренко, В. А. Тишков, Е. П. Чельшев, В. А. Черешнев, А. О. Чубарьян, Н. П. Шмелев, В. Л. Янин и др.

Представленные тексты посвящены новейшим исследованиям и тенденциям в философии, экономике, юриспруденции, социологии, психологии, истории, политологии, культурологии, археологии, филологии и других науках.

В выступлениях членов академии рассматриваются актуальные проблемы современности: диалог культур в эпоху глобализации, гуманитарные аспекты современной цивилизации, перспективы развития российской экономики, укрепление духовно-нравственных основ общества, сохранение культурного наследия, пути реформирования отечественного образования, роль культурного и материального факторов в развитии социума и др.

Издание представляет ярчайший срез достижений академической научной мысли за последние 20 лет.

Адресовано ученым, преподавателям, студентам высших учебных заведений, а также широкому кругу читателей.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЛИХАЧЕВСКИЕ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР.

ИЗБРАННЫЕ ДОКЛАДЫ (1995–2015)

Публикуются избранные доклады участников Международных Лихачевских научных чтений, с 1993 года ежегодно организуемых в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов. С 2001 года Чтения проводятся в соответствии с Указом Президента РФ В. В. Путина «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева». Среди соучредителей данного научного форума — Российская академия наук, Министерство иностранных дел России, Конгресс петербургской интеллигенции.

Чтения посвящены актуальным проблемам мирового развития. С одной стороны, это процессы глобализации и расширения взаимодействия культур, народов, государств, с другой — новое осмысление национальных интересов государствами и обществами, поиск ими своего места в глобализирующемся мире и ответов на вызовы и угрозы, которые несет в себе мировая трансформация. Доклады участников посвящены различным аспектам становления глобальной культуры, тенденциям развития мировой экономики и права, глобализации образования и трудовых отношений, современным средствам массовой информации. Особое внимание уделено исследованию роли и места России в современном мире.

Авторы сборника — выдающиеся отечественные и зарубежные ученые, руководители академических институтов и научно-исследовательских центров, известные государственные и общественные деятели, дипломаты, журналисты, представители творческой интеллигенции.

Эти и другие издания можно заказать в издательстве
Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов:

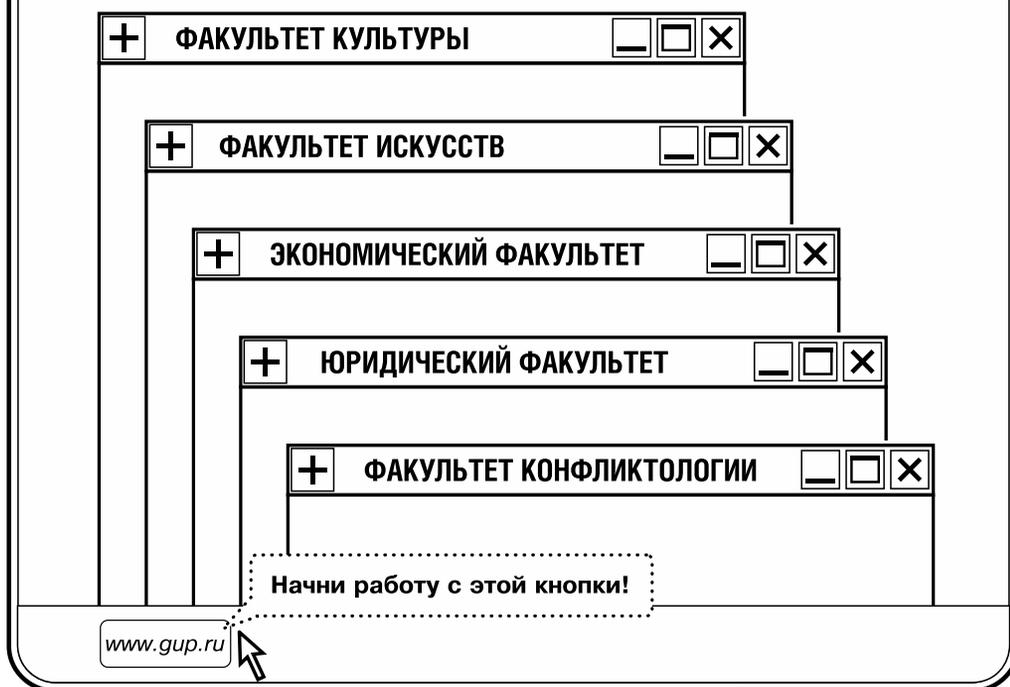
- по адресу: 192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15;
- по телефону: (812) 740-38-87;
- по e-mail: publish@gup.ru;
- на сайте: www.gup.ru

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

www.gup.ru

ОФИЦИАЛЬНЫЙ САЙТ СПБГУП

Предлагаем также посетить сайт «Площадь Лихачева»

www.lihachev.ru

основные рубрики сайта:

Научное наследие
Д. С. Лихачева

Библиография
Лихачева

Международные
Лихачевские чтения

Декларация прав
культуры

и другие материалы